

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

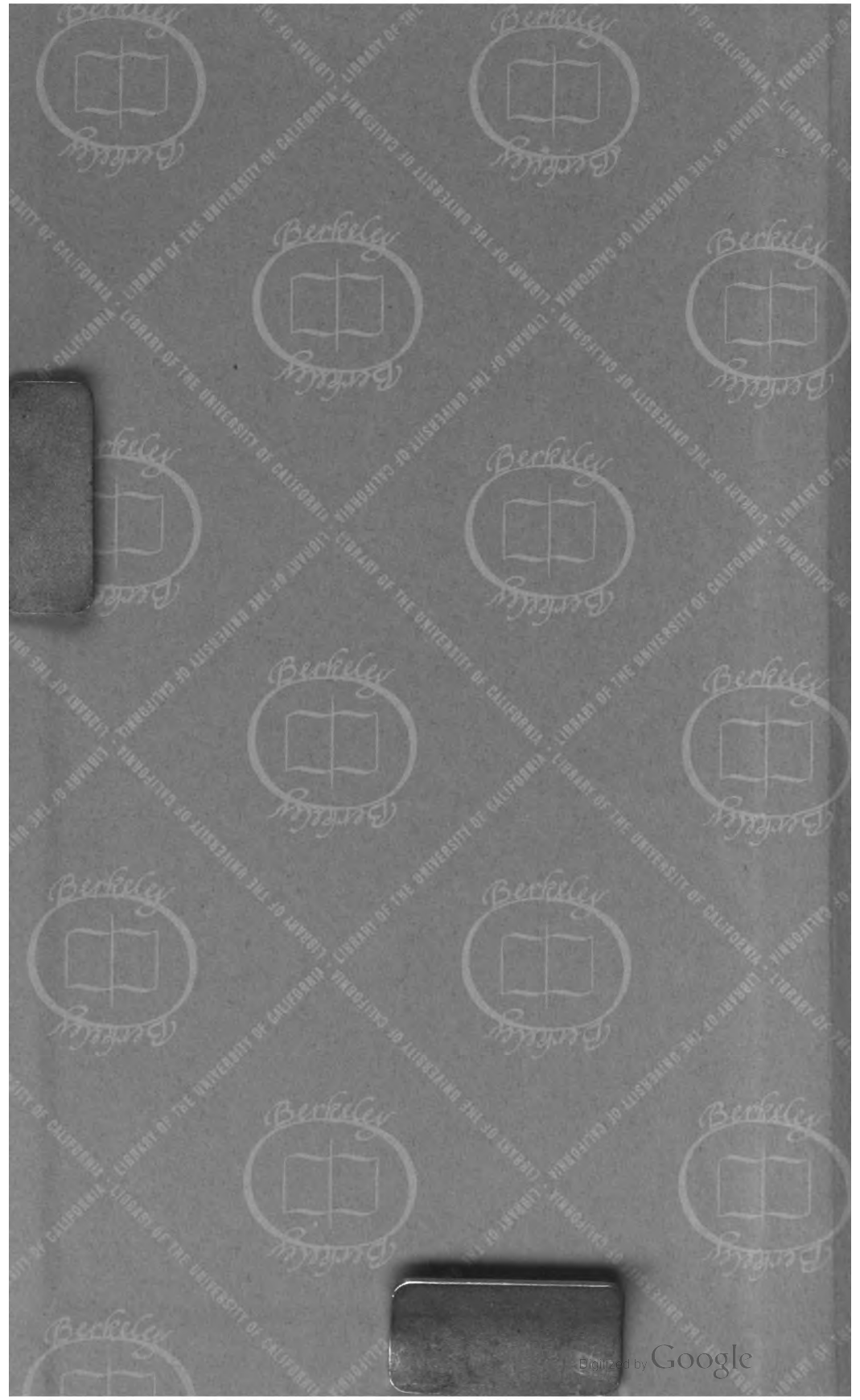
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

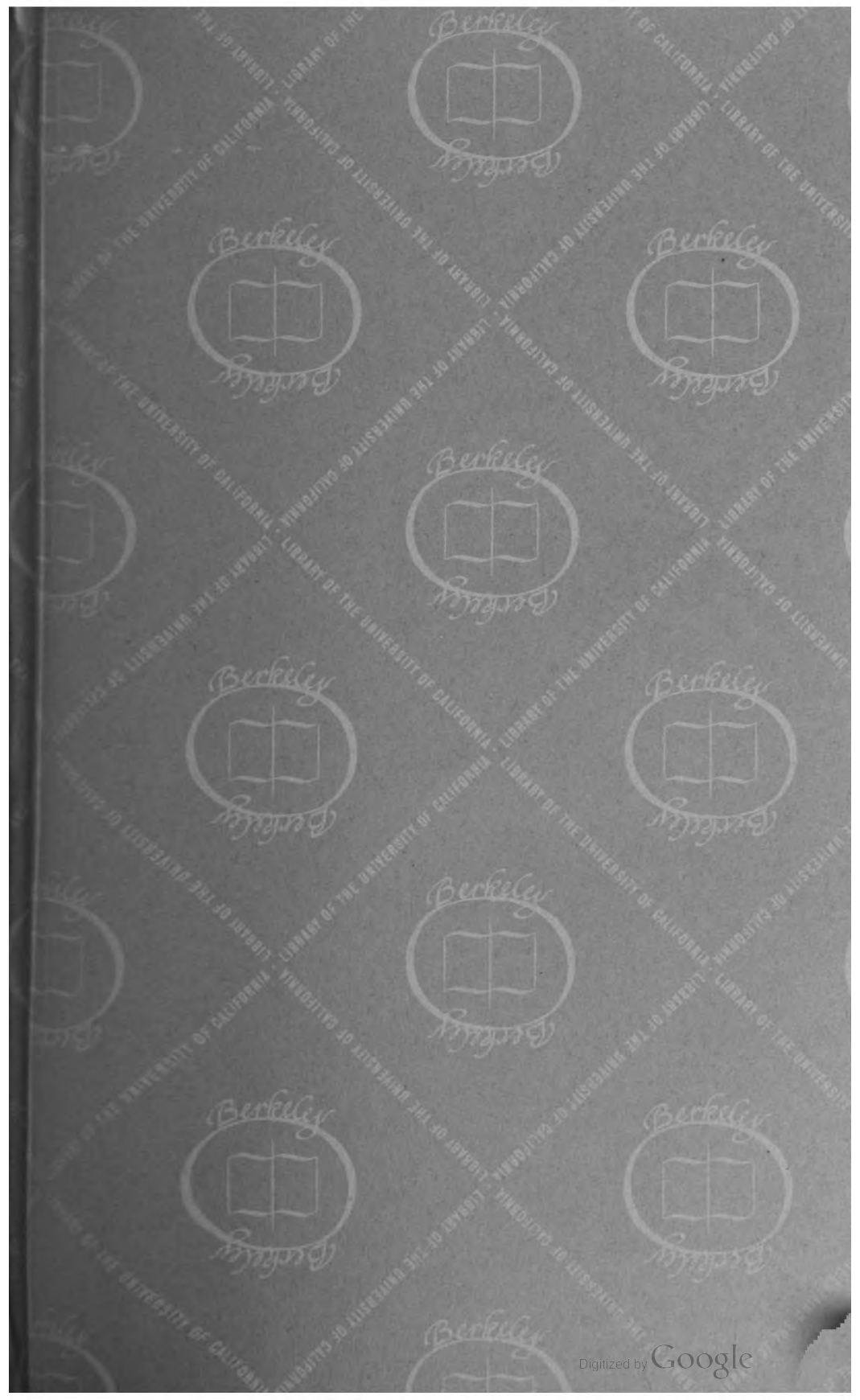
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

$$\text{C}^{\text{No.}} \times \frac{55}{368 \ 6}$$

154

«Moskvitjanin»

1854

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1854.

ТОМЪ V.

(no 17-20) X/1

39

*Библиотека
1854: 17-20*

*AP
50
1165
(Библиотека)*

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИЯХЪ: В. ГОТЪЕ И СТЕПАНОВОЙ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Сентября 1 дня, 1854 года.

Цензоръ Д. Ржевскій.

AP50
M65
1854:17-20

НАЪЗДНИКЪ.

КОМЕДІЯ

ВЪ 3 ДѢЙСТВІАХЪ,

СОЧИНЕНІЕ

Михаила Стасовича.

Д Ъ Й С Т В У Ю Щ І Е:

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ КОРИНЪ.

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ СТОВРОВЪ.

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПАЛЬНОВЪ.

ИВАНЪ РОМАНОВИЧЪ БОГАЧЕВСКІЙ, молодой

человѣкъ и богатый помѣщикъ.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧЪ ШЕЛОХВОСТОВЪ, ярмарочный афферистъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ, барышникъ.

АВДЪЙ СЕРГЬЕВЪ СЪВЪДУГА, вольнонаемный наѣздникъ у Богачевского.

ИГОРЪ, слуга Богачевского.

ВАСИЛІЙ ВЪДОКЪ, наѣздникъ и торговецъ самъ по себѣ.

ФЕДУЛЪ ПЕТРОВЪ, цыганъ, староста въ хорѣ.

СЕМЕНЪ КАРПОВЪ, дворникъ на постояломъ дворѣ.

МАША, его племянница, невѣста Вѣдокова.

} Помѣщики и кон-
нозаводчики въ од-
номъ уѣздѣ.

Ребята и конюха Богачевского. Купцы, фабричные, мужики и проч.
зрители на бѣгу. Цыгане и цыганки, городскія и подгороднія дѣвушки.

ДѢЙСТВІЕ I.

Востаній дворъ недалеко отъ города. Просторная изба съ перегородкою, надъ перегородкою полата. Поздно за полночь, въ избѣ темно, только на столѣ салыш съѣчка. Семень Карповъ спитъ за перегородкою, Маша дремлетъ, сидя на лавѣ, на полатахъ ребята и конюха Богачевского. Съдуга и Вертлюговъ сидятъ за столомъ,—у нихъ попойка.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЪДУГА (*пьянъ уже*).

Ну, такъ вотъ видишь ты.... самимъ этимъ манеромъ я все это дѣло и обдѣлаю.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

И молодецъ за то.

СЪДУГА.

Да! вотъ видишь ты! такъ это и есть.... хозяинъ, а хозяинъ! нельзя ли еще за косушечкой послать?

СЕМЕНЪ КАРПОВЪ (*сонный выходитъ изъ-за перегородки*).

Да что родимой, ужъ небось кабаки заперты.

СЪДУГА.

Это плохо дѣло! (*Маша*) Какъ бы это красавица? Сбѣгай-ка!

М А Ш А.

Что не сбѣгать; да вѣдь цѣловальникъ, небось, безъ гривенника не отопретъ.

СЪЗДУГА.

Что намъ значитъ гривенникъ! Ухъ, молодецъ-дѣвка, Иванъ Панкратычъ!

М А Ш А.

Ладно, ладно, ужь оставайся, гдѣ сидѣлъ-то, а то еще упадешь.

СЪЗДУГА (*выбирая изъ мѣшечка деньги*).

Ну.... вотъ тебѣ пятиалтынной!... на вотъ тебѣ и гривенникъ.... ахъ!... дѣвушка!...

М А Ш А (*взявъ деньги*).

Полно тебѣ дурить-то, а то и за виномъ не пойду. Вѣдь ужь скоро кочетѣ закричатъ; полунощники, право!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ МАШИ.

СЪЗДУГА.

Я тебѣ говорю, Иванъ Панкратычъ! любезная дѣвушка!...

ВЕРТЛЕУГОВЪ.

Что и говорить.... ну, какъ же того, дѣло-то? онъ и въ самомъ дѣлѣ кушгъ?

СЪЗДУГА.

Видишь руку?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ну, вижу.

СЪДУГА.

Хозяинъ! а хозяинъ!

СЕМЕНЪ КАРНОВЪ (*изъ-за перегородки*).

Ась?

СЪДУГА.

Топоръ есть у тебя?

СЕМЕНЪ КАРНОВЪ.

Какъ не быть топора.

СЪДУГА.

Дай ему топоръ!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

На что?

СЪДУГА.

Отруби мою руку по локоть, коли не купить.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ну что тамъ пустое-то!

СЪДУГА.

Нѣтъ, нѣтъ, возьми отруби! отруби и приставь.... приставь и отруби послѣ!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Да ты ужь захмѣльѣь добрѣ.

СЪДУГА.

Не захмѣльѣь, а вотъ то что; оттого, что я въ своемъ дѣлѣ, какъ есть.... и оттого, что все это знаю; онъ у насъ хозяинъ то есть, дур-ракъ!! вотъ что!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Шш.... тише, на полатяхъ ваши ребята лежатъ—перескажутъ....

СЪЗДУГА.

А что мнѣ ребята? Я какъ есть въ своемъ дѣлѣ.... я ему очки вставлю, оттого что онъ дурракъ!!.... А съ тебя пятьдесятъ рублей серебромъ, да три пары чаю, вотъ и все!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Что ты? съ ума сошелъ! я тебѣ говорю: ребята на полатяхъ.

СЪЗДУГА.

А я тебѣ говорю: что мнѣ ребята? Они храпятъ давно; ихъ теперь хоть всѣхъ вмѣстѣ сшей, да вывори—не услышать. Меня, братъ, тверёзаго не бойся, бойся пьянаго: пьяной-то я и не проврусь!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ну такъ какъ же намъ дѣло сдѣлать?

СЪЗДУГА.

Постой.... вѣдь я пьянъ? ну хорошо! видишь ты, дворникъ храпитъ..., это ладно. А ты думаешь, дѣвка въ кабакъ пошла? (*свищетъ*) дудки! она братъ за дверью стоитъ, слушаетъ, погоди.... (*шатаясь подходитъ къ двери, открываетъ ее и осматриваетъ стѣни*), постой.... нѣтъ никого! Ну-ка подь окномъ? нѣту. (*возвращается*) Ну, слушай теперь: точно ли это тотъ жеребенокъ отъ Усана и Икуны Шипкинскаго завода? Говори правду.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Да онъ-то, онъ. Вѣдь ты видѣлъ аттестатъ?

СЪЗДУГА.

Ты не звони! я тебя насквозь вижу. Я тебѣ писалъ: приведи ты намъ лошадь кривую отъ Усана и Икуны, купи за Воронежемъ у Шахова на степи. Она на кругу ходитъ, крупу рушаетъ; лошадь разбитая, запаленная, кривая, такъ или нѣтъ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Такъ; ты видишь, и аттестать данъ отъ Шахова: сѣрый жеребецъ отъ Усана и Икуньи.

СЪЗДУГА.

Я, братъ, и безъ тебя грамотъ знаю! А ты смотри: и той-то лошади всей—грошъ цѣна! А нашему-то, дураку-то, борода нужна: видѣлъ онъ по сосѣдству у генерала въ заводѣ лошадь, отъ Усана и Усадницы, и понравилась, вотъ и спить и видить: дай ему заводчика отъ Усана; я говорю: не горюйте, будетъ-моль у насъ лошадь, есть-моль у меня на примѣть человѣчекъ.... Это ты, то есть, человѣчекъ-то; я и тебѣ, видишь ты, добра пожелалъ, а ты-то я вижу — подлецъ! Ужь по рожѣ вижу, что ты не криваго досталъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

А гдѣ жъ мнѣ его было достать, коли онъ у Шахова еще прошлаго года околѣлъ?

СЪЗДУГА.

А! то-то; ты думаешь, я не догадался? Я, братъ, письмо еще въ Покровскую получилъ, что лошадь эта издохла, а твою душу аредскую только испытать хотѣлъ, и выходишь ты—пѣсь!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Что-жь ты, ругаться что ли меня зазвалъ къ себѣ? Я и безъ тебя проживу; фигура какая, въ самомъ дѣлѣ.

СЪЗДУГА.

А ты не могъ меня надувать, еще мелко плаваешь. Такъ бы и говорилъ, что не та лошадь.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Потретъ ея! копія! Я тебѣ говорю; съ мѣста мнѣ не сойти! однова дыхнуть! Самъ не узнаешь! Ноги косматые, грива и

хвостъ въ завиткахъ; былъ сѣрый, теперь бѣлый сталъ, серебряный; спина съ переслежинкой.... все какъ есть: не разведешь!

СЪЗДУГА.

А какаго завода?

ВЕРТЯЮГОВЪ.

Не плохаго заводу.... у мужика была кобылка Шишкинская; онъ отъ этой матки. А отецъ былъ битючкой, такъ какъ-разъ подходящее дѣло и вышло. Я тебѣ говорю: не разведешь!

СЪЗДУГА.

А глаза-то!

ВЕРТЯЮГОВЪ.

Глаза хорошіе тоже... Копыто едакое полное, лапистое, обувистое... лошадь не пашистая, а бернистая, братецъ ты мой... шейка упала маленько.... ну такъ что-жь? лошади не четыре года, а скоро шесть.... и аттестату тоже пять лѣтъ съ половиною, оно и тутъ подъ рѣму подошло!

СЪЗДУГА.

Глаза хорошіе! дуракъ ты! вѣдь та-то лошадь кривая была.

ВЕРТЯЮГОВЪ.

Ну, да это....

СЪЗДУГА.

Это! привель, дуракъ, по аттестату кривую лошадь, а эта съ глазами; то-то глупо-то!

ВЕРТЯЮГОВЪ.

Я, Сергѣй Авдѣичъ, признаться.... ужъ изъ предосторожности.... и етому жеребцу.... одинъ глазъ выкололъ.

СЪЗДУГА (пораженный).

Что-о ???!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Выкололъ, ей-ей; думаю,—по душѣ тебѣ сказать, на теби собственно повадѣлся,—или деньги пропадутъ.... или ужъ двойную цѣну возьмемъ....

СЪЗДУГА.

Ой-ли?! ай да молодецъ! вотъ ужъ можно чести приписать! Дай-ко, мой другъ, я тебя за это въ мордочку поцалую.... и ничего? сошло съ рукъ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Кововаль мастеръ попался: такъ чисто выковырялъ и заживилъ, словно онъ безъ глазу и родился!

СЪЗДУГА.

А теперь? ничего? ни воспаления эдакъ....

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ни-ни! ни слезы не течеть, ни изъ ноздрей не сорить. Завтра самъ увидишь.

СЪЗДУГА.

Ну, теперь это дѣло въ шляпѣ, я вижу съ тобой можно дѣло имѣть. Давай-ка сюда аттестатъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ (*недовѣрчиво*).

На вотъ.... а на что онъ тебѣ.

СЪЗДУГА.

На что? не со щами хлебать! На, тышь его коли боишься, продавай самъ лошадь (*бросаетъ аттестатъ*).

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Съ тобой пьянымъ не сладись, я такъ сказалъ, а онъ опять ругаться.... Возьми коли надо.

СЪЗДУГА.

То-то возьми; еще сумленіе имѣеть! я тебѣ говорю: ты всегда меня слушай. Ты много ли даль за лошадь?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Извѣстно: деньги даль, хорошія деньги.

СЪЗДУГА.

Видно цѣлковыхъ десять даль?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Нѣтъ, видно цѣлковый!! Полно языкомъ-то мотать! Ты на лошадь сперва взгляни, а потомъ и говори; мнѣ одинъ аттестать-то....

СЪЗДУГА.

Аттестать-то ты тридцать серебромъ даль, мнѣ Шаховъ писалъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Видишь ты: аттестать тридцать, а лошадь десять; ты, я вижу, малой обдѣльчатой!

СЪЗДУГА.

Ну, сто цѣлковыхъ даль.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Можеть быть и всѣхъ полтораستا.

СЪЗДУГА.

Врешь! не даль полтораستا.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Что мнѣ врать? если бы я сказалъ: двѣсти или триста, тогда бы я совралъ, а то я говорю полтораستا.

СЪЗДУГА.

Анъ сто двадцать даль.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ты все свое! а тебѣ на что?

СЪЗДУГА.

А вотъ на что: много ли хочешь взять?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Да надо съ аттестатомъ-то триста взять.

СЪЗДУГА.

Проси тысячу, слышишь? что ротъ-то разинулъ? Въ мою голову проси! говорятъ тебѣ: тысячу серебромъ проси!

Я В Л Е Н І Е Ш.

Тъ же и Маша (*приноситъ вино*).

СЪЗДУГА.

А! вотъ и Маша вино принесла, выпьемъ, да и спать пойдёмъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ (*ему на ухо*).

Да ты какъ сказалъ.... мнѣ что-то послышалось тысячу, пошутить ты, или взаправду?

СЪЗДУГА (*такъ-же*).

Тсс.... съ ума сошелъ! при Машкѣ-то!.... (*громко*) выпьемъ, Иванъ Панкратычъ! вотъ мнѣ стаканчикъ, вотъ тебѣ, а вотъ и Машинкѣ стаканчикъ.... Маша, выпьемъ....

М А Ш А.

Еще не училась пить—Богъ миловалъ.

СЪЗДУГА.

Эхъ, шутница дѣвушка.... ай еще стаканчикъ, Иванъ Панкратычъ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ну-ну, пойдѣмъ, Сергѣй Авдѣичъ, полно ужь, будетъ; пойдѣмъ въ повозку спать; *(на ухо)* ты тамъ мнѣ скажи взаправду это, или въ шутку?...

СЪДУГА.

Тс.... молчи! послѣ. *(Громко)* Эхъ! давай, выпьемъ еще.

ВЕРТЛЮГОВЪ? *(уводя его).*

Да пойдѣмъ!...

М А Ш А.

Ну что-жь? пить, такъ пейте, да ступайте въ свое мѣсто. Ужь заря занялась, скоро избу топить. Тебя видно добромъ не выживешь; вотъ, какъ возьму кочергу, и погоню васъ обоихъ.

СЪДУГА.

Маша меня выгонять хочетъ! хорошо же!... Хозяинъ, эй! давай счетъ.... Сей-часъ съѣду со двора долой.... Ребята! запрягай!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Да полно, пойдѣмъ, спать пора. И завтра сочтешься.

СЪДУГА.

Машенька, умница моя!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Пойдѣмъ....

СЪДУГА.

Ну, хорошо: пойдѣмъ, дай косушку-то съ собой захватить. Прощай, дѣвушка замысловатая, прощай....

М А Ш А.

Проваливай — знай.

(Съдуга и Вертлюговъ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

М А Ш А (одна).

Охъ, Господи, надоѣла мнѣ эта жизнь на постояломъ дворѣ; ни дня-то, ни ночи нѣтъ покою; за всякимъ убери, за всѣмъ присмотри, и за тѣмъ сбѣгай, и то принеси.... день дѣвской-то маешься, маешься, нынче и ночь всю не спала, а ужъ теперь и печку топить пора: когда отдыхать-то? Ужъ дни бы я къ такой нуждѣ привыкла, а то вѣдь я съ измѣльства все за людьми жила, батюшка покойникъ мени жалъ, ничего я надъ собою не видала—росла; батраки у насъ всегда бывали, нашъ всегда дворъ богатый былъ.... батюшка хорошо жилъ. — А теперь-то что? вотъ дядюшка мои деньги хотѣлъ пристроить, да и пристроилъ: самъ теперь скучаетъ, а я за все отвѣчай; сама хозяйка, а хуже работницы, — а деньги-то мои! (вздыхаетъ) охъ, скучно, ей Богу скучно! Дай, хоть поплачу со скуки, пока еще нѣтъ никого въ избѣ: а то и плакать некогда, день-денской-то маешься, маешься (плачетъ). Что это мой Васюшка не ѣдетъ? живъ ли нѣтъ ли, али обѣднялъ? Богъ бы съ нимъ что обѣднялъ! Ужъ Богъ съ ними и съ деньгами; съ дядюшки не возьму, и съ него не возьму; что-жь, онъ бѣдный, и я буду бѣдная. Кабы онъ на мнѣ женился теперь, да дворъ бы этотъ проклятенной сдали; хотъ въ однодворцы бы записались, хотъ бы десятину одну, какую нибудь, свою купили, хотъ бы огородъ сняли.... только бы отъ этой отъ каторги избавиться!... Видно забылъ онъ меня.... (продолжаетъ плакать).

ЯВЛЕНІЕ V.

МАША И СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ (вслушиваясь, выходитъ изъ-за перегородки).

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Марья! а Марья! ты что расплакалась?

(Маша молчитъ).

Что плачешь-то, говорятъ тебѣ? а? или на дядю плачешь-ся? злодѣй тебѣ дядя, что ли? Обобралъ сироту! такъ, или нѣтъ? Ему на старости лѣтъ, видно, душа не надобна? А? Что жь молчишь-то? Ты меня, смотри, не очень въ сердце приводитъ, слышь ты? Ты вѣдь меня знаешь. Твой дядя стало быть дуракъ? Такъ, или нѣтъ? дуракъ?

М А Ш А.

Да дядюшка, да что ты? Чего присталъ? Я ничего.

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

То-то ничего; ты у меня будешь знать, какъ на дядю жалиться! нешто я воръ какой, или замотыга? Анъ выходить, я дуракъ на старости лѣтъ, что твоего замотыгу послушалъ, вотъ что! на кривой кобылѣ объѣхали; все Васюшка твой, потихонюшка! Обманщикъ едакой.

М А Ш А.

Анъ, вотъ ужь нѣтъ; Вася обманщикомъ никогда не бывалъ.

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

Не обманщикъ онъ? а кто его сироту призрѣлъ? Кто его вмѣсто сына вскормилъ? Вѣдь батюшка твой, дай Богъ ему царство небесное! братъ покойникъ: такъ или нѣтъ? А что онъ ему умпрая приказывалъ: «Ты, молъ, Василій, за мою хлѣбъ-соль дочь мою, да брата-старика призри. Войдетъ Маша въ года законные — женись, да добро ея береги, будь дому хозяинъ.... Да лошадиную-то эту охоту брось, не поведетъ она къ добру». А что-жь онъ, это слово исполнилъ?

М А Ш А.

Дядюшка! да вѣдь онъ думалъ какъ лучше.

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

Оно и вышло лучше! Чѣмъ же онъ и меня-то поддѣлъ?

«У меня» вишь ты «какая дескать лошадь, мой жеребенокъ! Дай выростеть, деньги лопатами загребать будемъ! Кто меня уговорилъ подь Лебедаыню дворъ снять? все онъ. Здѣсь, ви-дишь ты, и господа и барышники проѣзжають, тутъ у насъ свой заводецъ будетъ, мои лошади на прыскахъ будутъ бѣгать; что ни ярманка, тутъ у насъ и продажа.... а я, старой дуракъ, и послушалъ. Что жъ вышло? Вотъ ужъ скоро годъ объ немъ ни слуху ни духу нѣтъ. Повелъ лошадь въ Тамбовъ, въ Козловъ, въ Воронежъ, въ Орель, зачѣмъ? на свидѣтельство водилъ. Дорога-то чего стоитъ?—цѣлковыхъ сто проѣздилъ, назадъ привелъ, опять повелъ—на прыски вишь пускать! Шлетъ письмо за письмомъ: все деньги высылай! Высылали. А теперъ ни лошади, ни его, ни денегъ нѣтъ. Загулялъ, всѣ деньги пропилъ, вотъ и все тутъ.

М А Ш А.

Анъ ужъ вотъ нѣтъ, не загуляетъ.

СИМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Да; известное дѣло. Было тутъ мѣсто у Богачевского — не захотѣлъ; не хороши все люди. Не хороши! видно мы съ нимъ не хороши! такъ-то. Живутъ же у Богачевского люди, хоть бы Сергѣй Авдѣевъ на примѣръ. Да еще жалованье какое получаетъ.

М А Ш А.

Такъ ты нашего Василья съ Сергѣй Авдѣевымъ смѣнилъ?

СИМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

И то смѣнилъ: да онъ хуже его втрое.

М А Ш А.

Дядюшка, гдѣ жъ у тебя глаза, гдѣ у тебя умъ-то?

СИМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Гдѣ у меня глаза, гдѣ у меня умъ-то былъ, какъ я Ваську твоего послушалъ, ты такъ-то скажи. А ты теперъ на меня плачешься.

М А Ш А.

Не брани Василья—не буду плакаться.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

А! то-то; Ваську не ругай, а меня ругать можно? А кто домъ разоряетъ? Я или онъ? Молчи жь ты мнѣ, вотъ послѣ арманки дворъ продамъ, а тебя за сосѣдова сына, за Архипку, замужъ отдамъ, вотъ и вся недолга.

М А Ш А.

Какъ же! я и пошла сей-часъ.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Что-о? А кто у тебя послѣ отца остался? спрашиваться что ли я тебя сталъ? Твои попреки вотъ мнѣ гдѣ сидятъ.

М А Ш А.

Я молчать стану.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Да ты не помолчи только, поплачься—попробуй еще, какъ разъ обкручу за Архипку. Говоришь: хоть бы десятину одну, да свою, хоть бы избу, да свою, будетъ изба, будетъ и десятина. А то лошадей на прыски пускать! Эти наѣзники, извѣстно: только по трахтирамъ да по кабакамъ.... (*махнувъ рукою*). А... ну что и толковать.... Убирай-ка со стола, топни печь-то. Ну-ну! зарюмила опять — у меня знаешь! Ребята, вставайте! пора; убирайтесь — день на дворъ.

(Нѣсколько сонныхъ головъ показывается съ полатей за перегородкою).

ОДИНЪ МАЛОЙ (*мычъ*).

Гмм? еще рано!

2-й (*съ просонковъ*).

Охъ!! Господи помилуй! аль вставать?

Ра-ано.

3-й (вляло).

Аль и то рано.

2-й (скрывается).

Сергѣй Авдѣичъ спить.

1-й.

М А Ш А (скоро).

Спить, спить, только сей-часъ ушелъ.

1-й.

Ну, и мы ребята еще соснемъ.

(Всѣ скрываются).

СИМЕНЪ КАРШЫЧЪ:

Ты это што ихъ баюкаешь-то ?

М А Ш А.

А вотъ что баюкаю: какіе у нихъ порядки? Развѣ такъ было у Богачевского, когда Вася былъ навздникомъ ?

СИМЕНЪ КАРШЫЧЪ:

Разносилась съ своимъ Васькой; только и слова что Васька. Ты у меня смотри, поднимай ребятъ да избу топи, а я пойду лошадамъ корму дамъ. Стой! кто это подъѣхалъ? еще видно барышники.

М А Ш А (глядя въ окно).

Видно барышники.

СИМЕНЪ КАРШЫЧЪ:

А много ?

М А Ш А.

Двѣ подводы: повозка, да телѣга....

СИМЕНЪ КАРШЫЧЪ:

А много лошадей ?

М А Ш А.

Одна лошадь привязана сзади.

СИМЕНЪ КАРЫЧЪ.

Видно барская, заводская....

М А Ш А.

Лошадь знатная... Дядюшка! Батюшки!!

СИМЕНЪ КАРЫЧЪ.

Что тамъ ?

М А Ш А.

Нашъ жеребенокъ ! сѣрый! нашъ ! это Испугъ.

СИМЕНЪ КАРЫЧЪ.

Вотъ породить!

М А Ш А.

Испугъ! право Испугъ! слышешь ржать, это его гомось, нашъ дворъ узналъ.... и наши лошади ржутъ.

СИМЕНЪ КАРЫЧЪ.

Полно молоть-то!

М А Ш А.

Дядюшка! это Вася!

(Бьются къ дверямъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тъ же и Василий Ъздокъ.

М А Ш А *(бросается ему на шею).*

Дорогой ты мой! голубчикъ! на поминъ лежокъ!

В А С Я (кланяясь иконамъ).

Господи благослови! Дай Богъ часъ добрый! Здравствуй, Маша! Машенька моя!

(Крпико ее цълуетъ).

Здравствуйте, Семенъ Карповичъ, передъ Богомъ и передъ вами виновать, что не писалъ долго, простите великодушно. А не хотите простить, хоть поучите родительски, накажите...

М А Ш А (тихо ему).

Вася, дядюшка сердить, уйди....

В А С Я.

Молчи, Маша — теперь не твое дѣло. Я не уйду; скажите слово Семенъ Карповичъ, я вамъ не супротивникъ какой (подходить къ нему кланяясь).

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ (аростно).

И не подходи ко мнѣ, слышь ты—а то битъ будешь! Ты не супротивникъ? замотыга! деньги даромъ тратить? такъ-то у васъ?

В А С Я (кланяясь въ ноги).

Дядюшка, помилуй! батюшка, касатикъ-родимой, прикажи слово молвить....

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ (схвативъ его за лацканы чуйки).

Такъ-то у васъ! такъ-то!

М А Ш А (плача).

Дядюшка, прости, батюшка! я голосить стану!

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Ст.... ты, нишкни, ребяты что-ли будить хочешь, карауль кричать?

М А Ш А (кланяясь въ ноги).

Наказывай же насъ обоихъ.

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

Деньги мои гдѣ? разбойникъ!

В А С Я.

Дядюшка, я деньги привезъ! вдвое, втрое, привезъ; вотъ здѣсь твои деньги, а вотъ еще 200 пѣлковыхъ: я призъ выигралъ.

М А Ш А (*радостно*).

Ой ли, Васенька?

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

Вреть, вреть, мошенникъ! отдай мои деньги.

В А С Я (*торопливо выкладываетъ изъ бумажника пукъ асигнацій на столъ*).

Вотъ вамъ всѣ тутъ-съ, Семенъ Карнычъ, а обижать грѣхъ понапрасну.

М А Ш А.

Дядюшка, что я говорила? не таковъ Васенька, чтобы деньги прогулять: вотъ твои деньги.

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ (*смутившись, но по прежнему сердитымъ голосомъ*).

Вижу, вижу.... что вы за одно.... меня обманывать.... Тьфу! не надо мнѣ вашихъ денегъ! Нѣ-его, возьми! висни ему на шею-то! Сама же его сей-часъ ругала, сама же мнѣ имъ день и ночь попрекаетъ, что я ее разорилъ.... Смотри вамъ въ зубы-то! (*уходитъ съ сердцемъ, хлопнувъ дверью и бранится въ спящихъ*).

Я В Л Е Н І Е VII.

Маша и Вася.

В А С Я.

И ты, Маша, стало-быть противъ меня....

М А Ш А (со слезами ласкаясь къ нему).

Вася, голубчикъ, это я тебя подь брань привела.... виновата.... сгустнулось безъ тебя, я заплакала, стала горевать, а дядя услыхалъ.... я думала, ты ужь меня бросилъ.... виновата, ты сорви свое сердце на мнѣ.... хоть прирей меня.

В А С Я.

Полно, Машенька, развѣ я какой варварь, или грубиянъ какой? И вина это вся моя: я вамъ съ полъ-года и вѣсточки никакой не прислалъ. Я день и ночь объ тебѣ думалъ.... да писать-то руки не поднимались.... хлопотно было, трудно.... дѣла такія, дѣла вышли, Машенька.

М А Ш А (ласкаясь).

Да Васенька, да прости же.

В А С Я.

Ты меня Маша прости, да не горюй. Что дядя пошунялъ-то? это съ меня какъ съ гуся вода. Дяди не бойся: онъ добрый; я его знаю, это онъ для близиру.... а теперь ушелъ, ему самому стыдно. А что онъ меня потолкалъ-то и не больно, право не больно, до сватьбы заживетъ, а? Машенька? заживетъ что ли?

М А Ш А (потупя глаза).

А то чтожь не заживетъ-то....

В А С Я.

Ну такъ и горевать нечего! Маша моя все таже, и лошадки наши тѣ же. Полно тосковать, поцѣлуемся еще-еще, вотъ такъ-то-вотъ! и все зажило. Эхъ, дядя! чуйку измалъ, волоса дорогой скомкались.... Маша! дай гребешечка расчесать.... да, Машенька.... того.... какъ бы это? дайка водочки съ дорожки.

М А Ш А.

А ты ужь водку сталъ пить, Вася?

В А С Я.

Сталь, Маша, да ты не бойся, нашему брату нельзя иной разъ не выпить; за то я тебѣ 200 пѣлковыхъ въ домъ привезъ.

М А Ш А.

Вотъ тебѣ пирожокъ — закуси, вотъ и винца осталось со стаканчикъ.

В А С Я (*выпилъ и закусилъ*).

Спасибо, дитятко, а деньги-то, Маша, приberi со стола, а то не хорошо, у васъ тутъ я вижу народъ ночуетъ. Кто это у васъ стоитъ?

М А Ш А.

Да это Богачевского лошади стоятъ. Что я тебѣ расскажу-то: Сергѣй Авдѣевъ Съдуга-то вчера напился съ вечеру, да въ будку спать пошелъ.

В А С Я. (*съ безпокойствомъ*).

Кто-о?

М А Ш А.

Да Сергѣй Авдѣевъ, тотъ что тебя у Богачевского смѣнилъ....

В А С Я.

Матушка, Маша! бѣда моя!

М А Ш А.

Что ты?

В А С Я.

Что его робята спать?

М А Ш А.

Съ вечера гуляли, теперъ и не добудишься, чай.

В А С Я.

Вѣрно ты знаешь, что меня никто не видалъ?

М А Ш А.

Гдѣ жь имъ видѣть!

В А С Я.

И не слышали?

М А Ш А.

Да нѣтъ же. Да скажи, что такое, чего ты испугался? на тебѣ вѣдь лица нѣтъ.

В А С Я.

Голубушка Маша! тутъ дѣло большое; ты знаешь, онъ меня совсѣмъ хотѣлъ затереть, передъ Богачевскимъ обнесъ меня, мѣста лишилъ, лошадь мою совсѣмъ было испортилъ. Ты вѣдь знаешь, я Испугову мать слишкомъ двадцати лѣтъ на свои послѣдніе деньги жеребою на акціонъ купилъ, онъ было и матку и жеребенка уморилъ.... а теперь.... охъ, Маша! посмотри, спятъ ли ребята-то?

М А Ш А.

Говори небось, никто не проснулся, ну что же....

В А С Я.

Я знаю, Машенька, что онъ кривую лошадь сюда привелъ продать Богачевскому за рысака, а лошадь-то мужицкая! мнѣ бы Ивана Романовича извѣстить слѣдовало, да нельзя: меня погубятъ. Завтра призъ, и этотъ призъ мой! на призъ пяти-лѣтнихъ жеребцовъ противъ моего Испуга лошади нѣтъ, и сюда никто больше не приводилъ. А они думаютъ—меня не будетъ здѣсь, такъ они своего криваго хотятъ записать, чтобъ ему одному вхатъ. Если узнаютъ, что я Испуга привелъ, съдятъ они меня и лошадь погубятъ; а я призъ возьму на-вѣрное, и тогда за лошадь дастъ мнѣ деньги Богачевскій, хорошія деньги, я это знаю. Да только, Маша, голубушка, надобно, чтобы они ни меня, ни Испуга моего не видали. Позови дядю сюда да поскорѣ....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТЪ ЖЕ И СЕМЕНЪ КАРПОВИЧЪ.

СЕМЕНЪ КАРПОВИЧЪ.

Ну что жь? гдѣ лошадей поставить? тутъ у насъ мѣста нѣтъ.

В А С Я.

Дядюшка, голубчикъ! некогда намъ теперь съ тобой считаться: Богъ съ тобой, хоть ты и пощунялъ меня.... гдѣ Испугъ?

СЕМЕНЪ КАРПОВИЧЪ.

Я еще его на дворъ не ставилъ.

В А С Я.

И не ставь, дядюшка, не надо, чтобъ Сергѣй Авдѣевъ зналъ, что я здѣсь. Я завтра на призъ ѣду, а они тоже лошадь на призъ привели, узнаютъ, что Испугъ здѣсь и не запишутъ, а мнѣ надо, чтобъ они записали, тутъ я имъ какъ свѣгъ на голову.

СЕМЕНЪ КАРПОВИЧЪ.

Ой ли малой? Какъ же быть-то?

В А С Я.

Отведи скорѣе Испуга къ сосѣду Панфилу, да накажи строго ребятамъ своимъ, чтобы не сказывали, что я здѣсь. Я уйду, а ты выпроваживай Богачевского лошадей поскорѣе. Теперь некогда, завтра все расскажу.

СЕМЕНЪ КАРПОВИЧЪ (заминаясь).

Ладно.... да... давай же, поздороваемся.... вѣдь мы еще не видались....

В А С Я (*торопливо*)

Ну здравствуй, здравствуй, дядюшка (*цѣлуются*), лошадей-то, лошадь отсюда уведи скорѣе.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

То-то; ты на меня, голубчикъ, не сердись; дѣло домашнее; вобрались и помирились.... а деньги, того.... 200 цѣлковыхъ что ли....

В А С Я.

Вся тутъ у Маши.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Ну ладно.... такъ я лошадку приберу... (*идеть*) а ты на меня не сердись.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ СЕМЕНА КАРПОВИЧА.

В А С Я.

Прощай же, Маша.

М А Ш А.

И ты бѣжать?

В А С Я.

Одно слово: надобно, надобно; теиерь хлопотъ будетъ много. Молись Богу, Маша, завтра или буду я панъ....

М А Ш А.

Охъ, Вася, ты что-то страшно говоришь — или панъ или пропалъ?

В А С Я.

Нѣтъ еще не пропадь, куда тебѣ! а вотъ что: или мы съ тобой такъ останемся, какъ теперь есть, или ты у меня, Маша, купчихою будешь, вотъ что! молись Богу—знай, не робѣй!

(Уходитъ).

Я В Л Е Н И Е X.

М А Ш А *(одна).*

Чудно чтой-то Вася говорить, дай-то ему Господи! ой идетъ кто-то.... не увидали-бъ его.... *(машетъ ему изъ окна)* побѣжалъ.... вонъ за уголь зашелъ... ну теперь слава Богу.

Я В Л Е Н И Е XI.

Тѣ же СЪЗДУГА и ВЕРТЛЮГОВЪ.

СЪЗДУГА *(протрезвился).*

Эхъ соснулъ маленько! а ужъ солнце высоко. Вы, лежни! что разхрапѣлись? нѣтъ того чтобъ за лошадыми посмотрѣть, что носомъ уткнешь лѣнивца, то и есть. Вотъ Матюшка, собака эдакая, у барина доврѣемъ пользуется, а что дѣлаетъ? Спать да встѣ. *(кричитъ обратясь къ полатамъ)* Какъ я тебя bestiю да въ рыло.... вставай!

(Одна голова высовывается съ полатей).

I МАЛОЙ.

Гмм?

СЪЗДУГА.

Вставай, говорятъ тебѣ!

МАЛОЙ.

Охъ! Сергій Авдѣичъ.... Сей-часъ (*проворно скакиваетъ съ полатей*). Что прикажете?

СЪВДУГА.

Умываться! (*Садится важно на лавку*) Полотенцо подай мокрое утереться.

МАЛОЙ.

Сию минуту-съ.

СЪВДУГА (*отдуваясь*).

Уфъ! пошалилъ маленько, (*къ Машѣ*) Миленькая! тамъ должно быть вчерашнее вино еще осталось, дай-ка намъ опохмѣлиться, а? Иванъ Панкратѣичъ.

ВЕРТЛЕУГОВЪ.

Не что, можно.

М А Ш А (*приноситъ вино*).

Купайте на здоровье.

СЪВДУГА.

Я вчера былъ того, маленько.... можетъ въ ефтомъ видѣ что и совралъ—извините.

М А Ш А.

Ужъ что съ тебя взять-то:

СЪВДУГА.

Я вамъ платочекъ съ ярмарки привезу.

М А Ш А.

И свои деньги есть, сама куплю-захочу.

СЪВДУГА.

Я знаю, что у васъ деньги есть, а это былъ бы отъ меня презентъ!

(*Малой приноситъ полотенце, онъ утирается, отдуваясь*).

Уфъ! охъ, Господи помилуй! а что лошадямъ корму вчера давали?

МАЛОЖЪ.

Давали-съ.

СЪВДУГА.

А не рано наполнил?

МАЛОЖЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

СЪВДУГА.

То-то, смотри; баринъ на тебя надвѣтся.... а я немного гульнулъ вчера.... ты-того смотри, не болтай; а то у меня полетишь, знаешь куда?

МАЛОЖЪ.

Помилуйте! мы свое дѣло знаемъ-съ.

СЪВДУГА.

Ну, буди же ребятъ.

МАЛОЖЪ (*къ полатамъ*).

Ребята, ступай къ лошадямъ.

(*Ребята слѣзаютъ съ полатей и уходятъ*).

СЪВДУГА (*имъ вслѣдъ громко*).

Будеть готово—инѣ сказать.

МАЛОЖЪ.

Доложимъ-съ (*уходитъ*).

ВЕРТЛЯГОВЪ.

Видишь, какимъ ты бариномъ съ ними обходишься.

СЪВДУГА.

Нельзя братъ съ этимъ народомъ — порядку не будетъ безъ строгости.

ВЕРТЛЯГОВЪ.

Такъ—ты, Сергѣй Авдѣичъ, помнишь, что мы вчера говорили?

СЪДУГА.

Ужь я, братъ, какъ сказалъ, отъ своего слова не отступаюсь. Я не люблю двадцать разъ говорить; что у меня сказано, то свято. Красавица, принеси пожалуста рюмочку другую для пріятеля. (*Маша идетъ за перегородку*).

СЪДУГА (*тихо*).

Ты долженъ понимать, что я буду говорить: дѣвка не глупа, она это все дядѣ перескажетъ, а тотъ всѣмъ барышнякамъ, какіе будутъ проѣзжать, расскажетъ, и всѣ будутъ думать, что твоя лошадь необыкновенная.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Смѣкаемъ.

(*Маша возвращается съ рюмкою*).

СЪДУГА (*громко*).

Такъ я тебѣ потому и говорю; твоя лошадь всегда этихъ денегъ стоятъ! ты приводишь, имѣешь аттестатъ, записываешь на призъ, ѣдешь—и, теперь напримѣръ, нѣтъ никого тебѣ соперника, ты берешь призъ, и больше ничего! тогда всякому лестно, понимаешь—ты, у тебя ее купить; и вдвое и втрое дадутъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ну, мнѣ что тамъ съ призомъ....

СЪДУГА.

Я самъ братъ на ней поѣду, лошадь твоя кровная, должна бѣжать.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Да вы ужь купите, да и поѣзжайте сами.

СЪДУГА.

И то пожалуй, и то—(*Маша*), а что милая? вашъ заводчикъ Василій своего-то, хваленаго-то Испуга приведетъ что-ли на призъ? не получали извѣстія? Семенъ Карпычъ вчера мнѣ говорилъ, что нѣтъ.

М А Ш А.

Мы и нынче ничего про Василья не слышали.

СЪЗДУГА.

Ну жаль, что его не будетъ! мы бы, Иванъ Панкратъичъ, ность бы ему утерли съ Испугомъ-то! Малой доброй, да молодь—не знаетъ настоящей пружины-то, чего въ лошади искать. Попалась лошадка, и думаетъ нѣ-поди! Тебѣ братъ, Панкратъичъ, Богъ на шапку послалъ, счастливъ! и не робѣй, не робѣй, я говорю.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢЖЕ И СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ну, гдѣ намъ!

СЪЗДУГА.

Ну, мнѣ продай, баринъ ни слова не скажетъ деньги отдасть.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Такъ я ужъ съ вашими лошадьми и свою привяжу, и поведемъ вмѣстѣ къ барыну вашему.

СЪЗДУГА.

Поведемъ. А я за тысячу цѣлковыхъ ручаюсь.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ (*тихо Машѣ*).

Марья? что это они? Какую лошадь за тысячу цѣлковыхъ продать хотятъ?

СЪЗДУГА.

А! это ты Семенъ Карпычъ! а вотъ, братъ, у насъ лошадка есть не мудрая, да еще кривая, а мы съ Иваномъ Панкратъичемъ ее на призь ведемъ. Отъ своего молодца писемъ не получали?

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

Ровно какъ въ воду упалъ—нѣтъ ничего.

СЪДУГА.

Говорять, онъ въ Козловъ хотѣлъ бѣжать.

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

И ничего таки не знаю.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и малой.

М А Л О Й.

Лошади готовы.

СЪДУГА.

Ну, благодаримъ за-хлѣбъ, за соль. А по счету много-ли?

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

И! что тамъ родимой! Назадъ поѣдешь, тогда и распло-
тисься. (*Въ сторону*). Скорѣе бы его спровадить.

СЪДУГА.

И то ладно. Счастливо оставаться. Ёдемъ, Иванъ Пан-
кратычъ, (*тихо*) пустили пыли въ глаза!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Мастеръ ты, Авдѣичъ.

СЪДУГА.

Прощай, Карпычъ.

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

Прощайте.

(*Уходятъ Съдуга, Вертлюговъ и малой*).

ЯВЛЕНИЕ XIV.**МАША И СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.****СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.**

Машутка, да какую-жь это они лошадь хотятъ на прыскъ пустить, да за тысячу цѣлковыхъ продать?

М А Ш А.

Я не знаю, видно, барышникову.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Барышникову? ужь не ту-ли, что подь сараемъ стояла, кривая, сѣрая?

М А Ш А.

Да та-то.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Ахъ, они жиды окаянные! да гдѣ жь ей бѣжать? Она всѣ копыта гонить. И разбитая и опоённая... гдѣ жь ей съ Испугомъ бѣжать? Вася-то ажь-но и правду говорилъ.

М А Ш А.

То-то, а ты его побить хотѣлъ.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ (*махнувъ рукою*).

Ну! не всякое лыко въ строку.... сама меня нынче выбранила. Покажи-ка поди деньги-то, дай перечту; такъ ли? всѣ ли тутъ?

*(уходятъ).***КОНЕЦЪ 1-ГО ДѢЙСТВІЯ.**

ДѢЙСТВІЕ II.

Въ уѣздномъ городѣ, квартира Богачевского, большая комната въ гостинницѣ на скоро убранная, въ родѣ пріемной, коврами и мягкой мебелью, у задней стѣны лѣстница на антре-соль, надъ лѣстницею полукруглое окно. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Шелохвостовъ и създуга.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Да помилуй, что жъ ты надѣлалъ? Тебѣ сказано именно ту лошадь достать.

СЪЗДУГА.

А вамъ не все-ли равно? Аттестатъ вотъ—онъ на ту лошадь, а эта, которую мы привели съ аттестатомъ двѣ капли воды.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Да вѣдь все это надо подбирать, да сходство приискивать, присочинять....

СЪЗДУГА.

А вы-то на что же нужны, когда не на это дѣло? Мы и безъ васъ бы обошлись, да время-то нынче пришло не то: теперь вамъ эти дѣла обдѣлывать, а не намъ. Прежде бывало этихъ аттестатовъ не знали, а такъ бывало, съ поводка продать—и правое дѣло. И породъ не спрашивали, тамъ

этихъ Любезныхъ, да Барсовъ, да Добрыхъ и не знавали; графская лошадь, да и баста! Тамъ разбирай, какъ хочешь! А выстрижешь бывало ушки, щеточки, изъ-подъ шейки для заръзу, да примешь передъ выводкой-то въ конюшнѣ въ кнутья! такъ она оттуда, сердечная, вылетитъ-то! Уфъ! (*Свищетъ по барышничью*) Фу-ты змѣя какал!! звѣрь!! откуда оскаль возьмется: вотъ какъ зубами-то! ѣсть тебя, бывало! Да на длинномъ-то поводу размахается, хвостъ-то султаномъ, глаза-то вотъ (*Приставляетъ къ своему глазу кулакъ*) по кулаку! Известно: пибирь-то не свой братъ! И бери что хочешь: за рубль сто! За то, бывало, и выводчики бывывали! по пятнадцати цѣлковыхъ на мѣсяцъ плачивали за выводку одну, ей-ей не лгу. А нынче-то что! какая нынче охота? Все эти аттестаты, да породы... все пустое дѣло!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ну нѣтъ, братъ, ты не говори, что это пустое дѣло. Теперь надо имѣть большое остроуміе, и съ тонкостью дѣлать, чтобы лошадь подъ аттестатъ подошла. Прежде это было легко; невѣжество, братецъ, по конно-заводству было страшное! Нуженъ былъ гравированный листъ, да печать—и довольно; это значило лошадь съ аттестатомъ! и бери въ три-дорога. А нынче? поди-ка, издаваемы книги коннозаводскія, вотъ это-то насъ и подѣло! Теперь всякой молокососъ купить: *Подробныя свѣдѣнія заводскую книгу бѣжавшихъ и выигрывавшихъ...* да вотъ еще говорятъ новѣйшую книгу скоро издадутъ... что тутъ сдѣлаешь? всякой купить, да читаетъ, соображаетъ, изучаетъ... Прежде бывало только смѣлье отъ Сметанки выводилъ, а нынче? мало того—породу отца еще спрашиваютъ и matka отъ кого? Кто бабка, кто прабабка. Да если бъ я языковъ не зналъ... Я вѣдь и полатынъ немного знаю, я въ пансіонѣ еще до 812 учился... Такъ я тебѣ скажу: и я бы не извернулся, а то все еще и образованность помогаетъ.

СЪЗДАТА.

Ну, известно, вы люди ученые.

ШЕЛОКВОСТОВЪ.

Да краснорѣчіе, вотъ это еще одно спасеніе. Ты знаешь, я этотъ предметъ двадцать лѣтъ изучалъ—въ головѣ система есть.

СЪЗДАТА.

Что съ ?

ШЕЛОКВОСТОВЪ.

Ну, ты этаго не поймешь, по-русски сказать это вотъ что: я всѣ породы могу тасовать, какъ игроки карты и перевернуть, когда нужно.... Вотъ я тебѣ сейчасъ докажу: ты знаешь ли породу этой лошади, другой-то, которая должна подъ аттестатъ подходить ?

СЪЗДАТА.

Я-то не знаю, она мужицкая лошадь, но говорятъ отъ Шишкинской матки. А вотъ письмо есть отъ ея хозяина къ нашему барышнику, я его нарочно взялъ для соображенія вамъ.

ШЕЛОКВОСТОВЪ.

Это хорошо: давай-ка сюда всѣ документы.

(Читаетъ).

«Сердешнай мой другъ
Акиѳій Назарычъ.

«Ты спрашивашь».... вотъ и видно что мужикъ писалъ: какое правописаніе ! вотъ такія письма для курьезу сохранять надо; ну да это ничего: было бы дѣло. «Объ этой лошадки што купленно скажу тебе оная тебе известная отъ шишкинской матки, эта върна, самъ видѣлъ, и аттестатъ отъ Питерса.... мать Усадница.... систра радная Старины добрая matka и эта лошадь вся въ нее» bravo ! bravo ! лучше требовать нельзя ! ну что-то дальше; «прошу тебе

милай друхъ сожительницы твоей Иривъ Власьевной скажи отъ меня почтенія и низкой поклонъ братцу твоему Гурію Фаисовичу мое нижайшія почтенія и поклонъ тетушки....» ну ужъ это значить, всѣ остальные три страницы поклоновъ, такъ и есть—какая досада! хоть одно бы еще свѣдѣніе объ бабкѣ или прабабкѣ!

СЪДУГА.

Да вѣдь онъ пишетъ объ тетушкѣ, читайте дальше, можетъ быть и объ бабушкѣ есть.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Не то братецъ! чортъ ли мнѣ въ его бабушкѣ! Мнѣ лошадиную-то бабку надо. Матка чудесная, я вижу, покамѣстъ и этого довольно. А отецъ кто?

СЪДУГА.

Отецъ-то битючкой!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Да. Гм! Жаль, что не покровнѣ.... ну, да ничего: *густота!* такъ вѣдь?

СЪДУГА.

Ну ужъ на что гуще!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Это во вкусъ Богачевского. Дай-ка теперь настоящій аттестатъ просмотрѣть для соображенія (*читаетъ*) «сырый же-ребець, грива на лѣво, на одинъ глазъ кривъ» и эта кривая?

СЪДУГА.

Кривая. Нарочно глазъ выкололи.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

А! это хорошо. И залечили?

СЪДУГА.

Совершенно.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Гм! прекрасно (читаетъ дальше) «росту $3\frac{1}{2}$ вершка» и въ этой $3\frac{1}{2}$?

СЪДУГА.

Ровнехенько.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

«Родился въ 1849-мъ году» стало 5-ть лѣтъ, и той пять лѣтъ?

СЪДУГА.

Вѣрныхъ пять годовъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Гм. «Отъ Усана, сына Безымянки, внука стараго Атласнаго, правнука Мужика, пр. пр. Любезнаго 1-го» ну тамъ Барсъ родоначальникъ, Полканъ 1-й и Сметанка само-собою разумется, теперь порода матки: «мать Икунья отъ Рыжаго Добраго» ого! «бабка Икунья отъ сѣраго Кролика, прабабка Икунья отъ вор. Любезнаго 1-го» (*къ соображенію Любезной два раза, это въ пользу густоты!*) пр. пр. бабка Противная отъ Барса 1-го» (*и это хорошо два раза Барсъ*) пр. пр. пр. бабка галанская выписная. Чудесно еще галанская кровь—густота. Рышено! (*въ восторгъ*) вотъ видишь: этими двумя Любезными и двумя Барсами да еще голандской прапра-прабабкой я ему такой эликсиръ сварю, что онъ какъ Меинстофель говоритъ Фаусту:

Mit diesem Elixir im Reibe
Sieht Felenen in jedem Weibe!

СЪДУГА.

Да-съ! это должно быть на нѣмецкомъ языкѣ. Самой лучшей конскій лечебникъ Эвеста, тоже съ нѣмецкаго переводъ, тамъ и мази, и элексиры всѣ есть.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ну, ты этого не поймешь.... покажи-ка теперь лошадь.

СЪЗДУГА (показывая въ окно).

Вонъ ее подъ попоною водятъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Это блмой-то ?

СЪЗДУГА.

Онъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ (глядя въ окно).

Живеть. Грива.... завьсъ.... ноги косматая.... у ! и злоба какал, это за огонь поидеть.... спина съдловата.... ничего, это кстати—въ породу. Э ! да онъ, братъ, кажется, разбитъ, ногами тычетъ.... и поджаръ что-то !

СЪЗДУГА.

Ну, да ужь какой есть: еще и копыта гонить.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Такъ копыта-то ему ваксой хорошенько притереть, хорошенько ! Да на выводкъ знаешь.... потише вести, да поблагороднѣе.... Ужь ты знаешь какъ....

СЪЗДУГА.

Это ужь наше дѣло, вы ему породу-то въ голову вбейте, чтобъ у него въ глазахъ-то туману побольше было.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ну, а это наше дѣло.... однако мы съ тобой смѣло разговариваемъ ; Богачевской спитъ на антре-соляхъ, проснется, можетъ услыхать.

СЪЗДУГА.

Не безпокойтесь: камердинеръ подкупленъ, (подходя къ льстницѣ); эй, Егоръ, Егоръ Иванычъ !

(Егоръ, отворяя окно изъ льстницы).

Чего изволите ? Здравствуйте, Сергѣй Авдѣичъ.

СЪЗДУГА.

Барынь не просыпался ?

ВГОРЪ.

Не безпокойтесь, я все слышу, когда проснетя, я изъ окна вамъ мигну.

(Затворлетъ окно).

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ну, теперь давай объ главномъ дѣлѣ толковать: много-ли денегъ барышнику?

СЪДУГА.

Да надо цѣлковыхъ 500.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Что ты? а мнѣ-то!

СЪДУГА.

И вамъ сто цѣлковыхъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Что?

СЪДУГА.

А то мало развѣ? Онъ старался, ѣздилъ—я привелъ...

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

И тебѣ стало быть тоже сто?

СЪДУГА.

Тамъ какъ придется.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ну нѣтъ, братъ, на-же тебѣ аттестать, дѣлайте, сами какъ знаете.

СЪДУГА.

Ну возьмите 120-ть, довольно будетъ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

И толковать нечего: я по крайней мѣрѣ на 500 цѣлковыхъ рассчитывалъ. Прошу покорно—тотъ ѣздилъ, тотъ во-

диль, а я? два мѣсяца у васъ въ деревнѣ жилъ безъ дѣла, около Богачевского ухаживаль, забиваль ему голову, подготавлиаль.... это ничего? а? и мнѣ сто рублей? а?

СЪЕДУГА.

Дорогъ ты, баринъ! я тебѣ скажу по совѣсти—мы хотимъ всего за нее взять 1000 руб. серебромъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Прекрасно! Барышнику 500 мнѣ 120, а тебѣ много-ли?

СЪЕДУГА.

Баринъ! Я вѣдь черезъ это можетъ быть мѣста лишаться....

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

А я-то? развѣ послѣ этого можно мнѣ быть знакомымъ съ Богачевскимъ? Какъ ты будешь считаться, такъ и я.

СЪЕДУГА.

Извѣстно, за подлеца сочтуть.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ну, ну! со мной прошу не фамильярничать—ты забываешься!

СЪЕДУГА.

Ну, возьми полтора ста!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Меньше трехъ-сотъ ни копѣйки!

СЪЕДУГА.

Куда это! какъ можно!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Какъ знаешь.

СЪЕДУГА.

Ну, послушай—вѣдь ты меня пожалѣй! ты только язы-

комъ болтать умѣешь. А я вѣдь разчетъ держу: знаешь нынче пяти-лѣтній призъ не разыгранъ останется, ни одного пятилѣтка не приведено....

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

А Васкинъ Испугъ?

СЪЗДУГА.

Не привелъ, вотъ видишь ты! Нормы не положено, я этаго же жеребца запишу, аттестатъ есть, онъ пятилѣтокъ, пройду шагомъ, возьму призъ и безъ тебя продадимъ тогда съ призу-то!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ну гдѣ жъ тебѣ на этой ступѣ на призъ вхатъ, кому ты рассказываешь, а если и шагомъ пройдешь и призъ возьмешь—все безъ меня не продашь?

СЪЗДУГА.

Ну, возьми полтораста, не мѣшай только! довольно благородно!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Давайте 300, и по рукамъ; тогда и безъ призу купить Богачевской! вѣдь еще призъ-то братъ, Богъ вѣсть! ты запишешь одинъ, а тамъ тебѣ вѣдугъ на шею другая лошадь.

СЪЗДУГА.

Что тамъ изъ пустяковъ перебиваться—вотъ тебѣ 200.

(Бьетъ по рукамъ).

ШЕЛОХВОСТОВЪ *(такъ же).*

Триста!

СЪЗДУГА *(такъ же).*

Ну, слушай последнее слово: и послѣ этого ты и ни слова.... прямо говори: да! а послѣ этого слова.... вотъ побожился! ни копѣйки не прибавлю *(бьетъ по рукамъ)*. Двести пятьдесятъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Триста.

СЪЕДУГА.

И не говори ни слова, двѣсти пятьдесятъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Да прибавь еще 25 цѣлковыхъ.

СЪЕДУГА.

Ни копѣйки, говорю я тебѣ! и бери аттестатъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Вѣдь когда бы ты мою нужду зналъ!

СЪЕДУГА.

Денегъ много двѣсти пятьдесятъ цѣлковыхъ, ну? такъ,
такъ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*беретъ аттестатъ*).

Мошенникъ ты, подлець! можжишь изъ дряни этакой!

СЪЕДУГА.

Эхъ, батюшка! нельзя: жена, дѣти! Ну, да дѣло сдѣлано,
будетъ толковать. Теперь аттестатъ у васъ, я уйду. Вы
дѣлайте свое дѣло, я послѣ явлюсь, будто ни васъ, ни
барышника не видалъ. А вы за барышникомъ будто отъ себя
пошлите. Вертлюговъ, помните—его звать Акинѣй Назаровъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

А ты барышника вратъ получше поучи.

СЪЕДУГА.

Этого не учить-стать: этотъ тебѣ такимъ химикомъ при-
кинется, какъ лучше требовать нельзя.

(*Егоръ, отворяя быстро окно надъ лѣстницей*).

Баринъ проснулся! (*исчезаетъ*).

СЪЕДУГА.

О? Ну, прощайте, прощайте (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ШЕЛОХВОСТОВЪ (одинъ).

Безъ денегъ быть, просто скверная исторія! Нельзя никакъ себя поддержать. Я говорю всегда, что около богачей безъ дѣла жить нѣтъ ничего хуже въ свѣтѣ, нѣтъ никакой выгоды. Пьютъ, кормятъ, гуляютъ вмѣстѣ съ тобой, — а денегъ не даютъ! Ихъ или обыграть на вѣрное, или падутъ надо, а добромъ никогда не получишь, т. е. не унижая своего достоинства. Не кланяться же мнѣ, не унижаться же! Чортъ знаетъ что такое! въ карманѣ остался одинъ гривенникъ.... Изъ платья—эта одна визитка, если это дѣло съ лошадыю не удастся, не знаю, что мнѣ и дѣлать; еще никогда не бывалъ я въ такихъ скверныхъ обстоятельствахъ. Разчитывалъ на 500, получаю всего 250. Впрочемъ и то хорошо въ теперешнемъ положеніи. Съ Богачевского еще сорву 50.... ну, триста; есть изъ чего хлопотать! Ахъ, прежній-то вѣкъ! наше-то время! Теперь всѣ аферы, всѣ спекуляціи, такъ дурно пошли, что просто не для чего пускаться въ обороты. Образованность, изобрѣтательность ни къ чему просто не служатъ. Грубый какой-нибудь обманъ! вотъ какъ у Гоголя прекрасно это въ игрокахъ выведено: переодѣванье тамъ.... одинъ роль отца играетъ—другой приказнаго.... или вотъ какъ тутъ, глазъ жеребцу выкололи! вотъ что теперь! то же самое что и въ искусствѣ; все мужики да купцы на сценѣ.... «наще-ста вамъ» вотъ вѣкъ какой! Утопченности-то этой, легкости нѣтъ, чтобы человѣка иллюзіей пріятной окружить, пріятнымъ туманомъ чувствъ.... чтобы въ удовольствіи былъ вкусъ, выборъ; чтобы человѣку самому было пріятно, что его обманываютъ... въ этомъ то и цѣль всякаго искусства! этого-то и нѣтъ нынче.

ЯВЛЕНІЕ III.

ШЕЛОХВОСТОВЪ И БОГАЧЕВСКІЙ (*въ халатъ звая, медленно сходитъ съ лѣстницы, ведущей на антре-соль, у него въ рукахъ книга и чашка чаю*).

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*разсыпаясь въ поклонахъ*).

Ah! mon cher et adorable M^r Богачевскій! вотъ и me voici pour vous présenter mes respects.

БОГАЧЕВСКІЙ.

А здравствуйте, Андрей Андрейчъ. Садитесь.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

«Comment vous-va? Comment avez vous passé la nuit?»

БОГАЧЕВСКІЙ.

Не очень-то. Это шампанское, знаете, какъ-то въ головѣ... Я не привыкъ вовсе къ вину.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Да вы у насъ просто—дѣвушка, красная дѣвушка! *Vig juvenis, immaculatus!*

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ну, этого я не понимаю. Отъ латыни пожалуста избавьте.... Давайте лучше про лошадей говорить.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ah! avec le plus grand plaisir.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Здѣсь въ провинціи такая скука, тоска! Я, думалъ ярмарка порядочная что ли... все вздоръ! Говорять весело съ цыганами. Я вчера цыганскій хоръ весь пригласилъ, пѣлой

вечеръ пѣли, а я ничего не нашелъ особеннаго.... Если бы у меня не родилась эта страсть къ лошадямъ, я не знаю.... просто я бы умеръ съ тоски въ деревнѣ. Эй, Егоръ, принеси книги, тамъ еще два тома лежатъ на столѣ. Не хотите сигарку ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Avec le plus grand plaisir.

БОГАЧЕВСКІЙ (въ сторону).

Пресмишной этотъ Андрей Андреичъ. (ему) Ну-съ, вы! господинъ профессоръ. *Логіи* что ли? Какой это *логіи*? Френологія или психологія.... Какъ ее? Лошадиная-то *логія*?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Гиппологія-съ! отъ Греческаго слова: *иппосъ* — лошадь и *логосъ* — слово.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ну—да, гиппологъ вы! проэкзаменируйте-ка меня, я, батюшка, большіе успѣхи сдѣлалъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Съ вашей-то головой, съ вашими способностями. Да вѣтъ.... *Sans badiner*, я полагаю, вы сдѣлаете переворотъ въ искусствѣ.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ну, то-то; возьмите книгу.... слѣдите: я буду говорить вамъ породу Усана. Первой, разумѣется, Сметанка.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Comme de raison!

БОГАЧЕВСКІЙ.

Тамъ Полканъ, Барсъ родоначальникъ, тамъ Любезной 1-й, замѣтьте!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Чудо, чудо! вотъ, это—«замѣтьте!» такъ умѣстно! Если бы вы знали, какъ тонко, какъ талантливо это —«замѣтьте!»

БОГАЧЕВСКІЙ.

А! видите; ну, слушайте: Любезной и Мужикъ, а знаете ли кто мать Мужика?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Мать Мужика.... мать.... ну—Баба!

БОГАЧЕВСКІЙ.

А? Какова гениальная мысль назвать—Бабой! имянно Баба! дочь.... чья?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

А—гм! Баба, Баба.... ну то же Мужикова дочь! Баба—мужикъ. Мужикъ—Баба!

БОГАЧЕВСКІЙ.

Нѣтъ-съ! Бухарскаго иноходца! да съ! и вы этаго, батюшка, до сихъ поръ не знали?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Послушайте.... да вы меня фраппируете! *Savez-vous*.... это-это на цѣлую новую теорію наводить.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Нашель, батюшка! нашель! вчера до двухъ часовъ сидѣлъ! Вотъ отъ чего бѣгутъ Шишкинскія лошади; иноходецъ бухарской! этотъ развалъ-то, скорость-то эта откуда?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Кончено! Я теперь совершенно уничтоженъ! Передъ вами.... Нѣтъ! нѣтъ! довольно. Я съ ума сойду! Я двадцать лѣтъ занимаюсь этимъ, а тутъ въ два мѣсяца!

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ну слушайте дамыше.

ЩЕЛОЖВОСТОВЪ (*горячо*).

И слушать нечего! это меня волнуетъ, жель волнуетъ. Что наши труды, занятія?... Явится гениальная голова... Нѣтъ, нѣтъ, я уйду!

БОГАЧЕВСКІЙ (*хохочетъ*).

Постойте, постойте... qu'il est drôle! Не отчаявайтесь. Положимъ его мысль гениальная, но въ подробностяхъ я еще сбиваюсь.... Скажите мнѣ: какое было бы по вашему, высшее сочетаніе породъ Шишкинскихъ лошадей?

ЩЕЛОЖВОСТОВЪ (*въ сторону*).

Вотъ это прекрасно: самъ ко мнѣ въ руки идетъ. (*ему*) Не знаю, какъ по вашему, но если взять въ расчетъ главныхъ бѣгуновъ....

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ну, тогда....

ЩЕЛОЖВОСТОВЪ.

Порода Усана, разумеется.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Это конечно, объ этомъ и спорить нечего: я объ этомъ статью пишу.

ЩЕЛОЖВОСТОВЪ.

А тамъ—порода Кролика: отъ него Соболь, отъ него знаменитый Кроликъ, быстрѣйшій рысакъ....

БОГАЧЕВСКІЙ.

Такъ, такъ....

ЩЕЛОЖВОСТОВЪ.

Pardon! Теперь позвольте же мнѣ окончательно отъэкзаменовать васъ: порода Кролика, по маткѣ какая порода?

БОГАЧЕВСКІЙ.

Икунья. Вы думаете я этаго не знаю!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

И вы до этого сами дошли?

БОГАЧЕВСКИЙ.

Еще бы!

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*съ гордостью вынимая аттестатъ*).

Я могу же теперь достойно хвалиться своимъ ученикомъ: вы не только теоретикъ, но и практикъ. Читайте сами блистательное подтвержденіе вашей мысли; вотъ лошадь отъ Усана и Икуньи, которую привели сюда сегодня, и записываютъ на пятилѣтній призъ.

БОГАЧЕВСКИЙ (*разсматривая аттестатъ*).

Что это? Усанъ, Икунья, рыжій Доброй, Противная, отъ Барса.... такой высокой породы лошадь приведена сюда?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Да!

БОГАЧЕВСКИЙ.

И я этого до сихъ поръ не зналъ? Не грѣхъ это вамъ, Андрей Андренчъ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Сегодня въ ночь только приведена.

БОГАЧЕВСКИЙ.

И вы цѣлое утро со мною говорите, и не могли сказать этого?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Я хотѣлъ путемъ теоріи довести васъ до яснаго взгляда на практику! Ah, mon grand écolier d'hypnologie! Извините мнѣ это выраженіе: écolier. Смотрите на мою добросовѣстность: я васъ веду путемъ своеобразнаго мышленія: вы не должны: jurare in verba magistri!

БОГАЧЕВСКИЙ.

Ахъ, полно вамъ съ вашею латынью и съ иппологій!... я просто не знаю, что со мною дѣлается: такая лошадь! такой породы! Егоръ! Егоръ!

ЕГОРЪ (*входитъ*).

Чего изволите?

БОГАЧЕВСКИЙ.

Одѣваться, скорѣе.

ЕГОРЪ.

Сей часъ-съ (*уходитъ*).

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ne vous горяче—раз.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Какъ—не vous горяче раз! Хорошо вамъ говорить.... да это выше породюю, нежели заводскій моего сосѣда!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Еще бы!

БОГАЧЕВСКИЙ.

Ну то-то, еще бы! право, батюшка, вы странный человекъ! читаете мнѣ лекціи гиппологін, а здѣсь, теперь, въ одномъ съ нами городѣ, такая лошадь.... чтожь одѣваться, Егоръ!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Вотъ кровь-то молодая! Вѣдь геній—а молодой человекъ. Ну, можно ли вамъ самимъ идти, сей часъ бѣжать къ купцу; вѣдь съ васъ за лошадь три тысячи серебромъ запрасятъ.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Какъ? продается!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Чего купецъ не продаетъ? Да смотрите на это дѣло гладнокровнѣе—пошлите за хозяиномъ лошади. Мнѣ вѣдь вашихъ денегъ жаль, а впрочемъ какъ хотите....

БОГАЧЕВСКИЙ.

Да, это правда! да какъ-бы это поскорѣ.... Егоръ,
Егоръ.

(Егоръ входитъ).

Сейчасъ бѣги къ тому.... кто это купецъ? или барышникъ?
да посылайте-же отъ Усана и Икунья!!

(Развертываетъ конно-заводскую книгу).

ШЕЛОХВОСТОВЪ *(Егору).*

Ты, братецъ, ступай вонъ на этотъ уголъ: тамъ стоитъ
барышникъ съ одною лошадыю, Акинфъ Назаровъ.

Е Г О Р Ъ.

Слышу: Назаровъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Позови его отъ моего имени сюда, и чтобы онъ сей-часъ
Раската сюда привель, слышишь!

Е Г О Р Ъ.

Наката?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Фу-ты! лошадь свою, чтобы скорѣ привель, да скорѣ....
(ему на ухо) скажи наѣзднику.... десять цѣмковыхъ на водку!

Е Г О Р Ъ.

Бѣгу-съ.

БОГАЧЕВСКИЙ *(перелистываетъ книгу).*

Такъ, такъ! на 366 страницъ вотъ она: Икунья! вотъ
жеребка 1849 года. Да, сѣрый жеребчикъ отъ Усана! это
онъ, онъ!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ну, послушайте, ужъ экзаменовать, такъ экзаменовать.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Да что тутъ экзаменовать!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Нѣтъ, позвольте, позвольте же старому опытному глазу....
 Experientia!... позвольте-же и съ геніяльностью помѣряться.
 Система, это — топ и cheval de bataille!

БОГАЧЕВСКІЙ (*горячась*).

Ну-съ.... посмотримъ-те, кто кого? извольте.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Какія по вашему стати?

БОГАЧЕВСКІЙ (*запальчиво*).

Ну-съ! какія стати.... позвольте: Икунья, Соболь.... чистая
 лошадь?!... нѣтъ? Нѣтъ мнѣ самому не хочется чистой лошади
 нѣтъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Vous me faites peur: чистая лошадь!

БОГАЧЕВСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! голова чистая?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Pessime! О наука, о система! Да послушайте.... вы мнѣ
 открыли Америку; вы—Колумбъ! я васъ беру за руку, и ввожу
 въ открытую вами Америку; Бухарской иноходець дѣдъ
 Мужика, да?

БОГАЧЕВСКІЙ.

Безъ сомнѣнія.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Смотрите въ аттестатъ: Барсъ 2 раза, Любезной 2 раза,
 Мужикъ — «замѣтьте!» употреблю ваше выраженіе, еще пра-
 пра-прабабушка Голандская выписная!

БОГАЧЕВСКІЙ.

А!!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Поняли?

БОГАЧЕВСКИЙ (*самоуверенно*)

Стало-фризоватая, широкая, костистая, густая?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Наконецъ-то !

БОГАЧЕВСКИЙ.

Стойте! у генерала моего сосѣда жеребецъ густой, спина...

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Съ наклоностью къ упругости по середкѣ т. е. не *порочная*, а *породная* сѣдлина! Помните мое мнѣніе объ *порѣдныхъ* сѣдлинахъ, что толпа необразованная называетъ недостаткомъ?

БОГАЧЕВСКИЙ.

Такъ, такъ. Ноги косматыя ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Вотъ это я называю: ясновидѣніе! именно косматыя.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Хвостъ серебряный ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Магнетизёръ! магнетизёръ !

БОГАЧЕВСКИЙ.

Ага ! видите.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Съ вами спорить нельзя, мнѣ даже страшно, сколько въ васъ электричества и животнаго магнетизма. Именно *животнаго*, оттого вы такъ и угадываете, — *животное*, т. е. лошадь въдѣ тоже животное !

БОГАЧЕВСКИЙ.

Да, Андрей Андреичъ! на эту идею вы должны обратить вниманіе въ изслѣдованіяхъ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Что говорить—новая мысль! вамъ и книги въ руки. Вотъ и барышнякъ нашъ идетъ.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ахъ, послушайте, я не могу скрыть своего волненія...

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Это, батюшка, лошадиная лихорадка! я совѣтоваль бы медикамъ обратить на нее вниманіе: кто ее не испыталъ, тотъ еще не охотникъ!

БОГАЧЕВСКІЙ.

Такъ пожалуста, вы меня останавливайте.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Такъ слушайтеъ меня: садитесь и будьте хладнокровнѣе.
Laissez moi faire!

ЯВЛЕНІЕ V.

Т ѣ ж е и В е р т л ю г о в ѣ .

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

А! здорово, Назаровъ!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Прислать изволили...

БОГАЧЕВСКІЙ.

Да, любезный, это я посыламъ... Ты лошадь привелъ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*тихо ему*).

Laissez moi faire!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Привелъ лошадку-съ; что Богъ дастъ: хотимъ на призы пускать поучиться. А вы тоже заводецъ имъете?

БОГАЧЕВСКІЙ.

Я, братъ, страстный охотникъ !

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Такъ-съ: и лошадокъ имъете рысистыхъ ?

БОГАЧЕВСКІЙ.

Еще не совсѣмъ; а хочу чисто рысистый заводъ завести.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Такъ-съ, это дѣло хорошее-съ: нынче рысистая лошадь повсюду идетъ-съ.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ну такъ эта лошадка у тебя одна только или ты заводъ имъешь ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Чего изволите-съ ?

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ты заводъ имъешь, что-ли ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Гдѣ намъ заводъ-съ! наше дѣло торговое. Знаньеце есть-съ: осмотрѣли лошадку — хороша показалась.... тамъ что Богъ дастъ, барышъ-ли, убытокъ-ли, а охота въ барышахъ.... потому что я вѣдь къ этому дѣлу страсть имъю.

БОГАЧЕВСКІЙ.

А ты, братъ, водки не хочешь-ли? Ты водку пьешь ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Сроду никогда и во рту не было; признаться, и не знаю что въ ней за скусъ такой.

БОГАЧЕВСКИЙ.

А чай пьешь?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Признаться сказать, сей-часъ въ трактиръ пріятель угостилъ. Благодаримъ покорно.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Ничего, у меня выпьешь. Егоръ! чаю ему. Садись, братецъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Хе! ничего сударь, постоимъ. Благодаримъ покорно.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Садись, садись, и рассказывай... такъ ты большой охотникъ?

ВЕРТЛЮГОВЪ (сидясь).

Да-съ, признаться, съ измальства можно даже сказать къ этому имѣемъ страсть. Мнѣ кажется: ни пить, ни вѣтъ не давай, да на лошадку дай хорошую посмотреть... по охотѣ моей.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Гдѣ же ты эту лошаду досталъ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Да я-съ, потому что охота моя къ этому большая, такъ и досталъ. Выходить: я степь снялъ подъ Воронежемъ, по близости къ заводамъ, собственно по страсти моей. (Ему подають чай въ прикуску, онъ пьетъ и продолжаетъ). Ну-съ, вотъ это хорошо; снялъ я эту степь, и видите, съ тою, т. е. цѣлно, чтобы къ заводамъ хорошимъ по близости быть.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Да. Ну?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ну, вотъ такимъ, сударь, манеромъ, всякія я эдакія средства изыскивалъ, лошадку пріобрѣсти. Да дѣло это все, вы-

ходить, для меня неподходящее было, по той самой причине, что цѣны высоки; изволите знать, не по нашему т. е. достатку... чтожь тутъ скрывать? извѣстное дѣло — нашъ мѣщанской капиталъ, да-съ.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Да, да.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Да-съ. Ну, вотъ это и хорошо. Я этимъ манеромъ, по охотѣ своей, ни мало, ни много, сударь, десять лѣтъ тамъ просто, можно сказать мужицкую должность исправлялъ. Ей-Богу!

БОГАЧЕВСКІЙ.

Скажи пожалуйста!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Это я вамъ истину говорю! то есть, безо всякаго авантажу, только что, какъ-бы это вамъ сказать — одна охота, утѣха, то-есть, что подлѣ хорошихъ лошадей живу, потому, что я къ эфтому дѣлу съ измальства страсть имѣю.

БОГАЧЕВСКІЙ.

А! что значить страсть-то, призваніе-то, Андрей Андреичъ!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ну-съ! вотъ это хорошо. Только, между прочимъ, я узнаю этакъ кругомъ, по околodку, какая лошадь у кого, отъ какой лошади, какая порода....

БОГАЧЕВСКІЙ.

А! Ты и породы изучаешь?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Извѣстно-съ: какая порода у кого—а ужь какой же высшей породы супротивъ Усава? Ну-съ вотъ видите....

БОГАЧЕВСКІЙ.

Совершенно такъ! я съ тобою вполне согласенъ.

ВЕРТЛЯГОВЪ.

Да-съ. Ну, я себѣ и думаю, какъ бы это мнѣ, сударь, лошадку отъ Усана достать? Вѣрите ли! Даже пищи и даже сна лишился — такая оказія! Истинно вамъ говорю, ей-ей не лгу. Ну-съ какъ же съ этимъ быть? Былъ тутъ у меня знакомецъ... то есть выходить, какъ бы у васъ напрімѣръ, управляющій, а мы съ нимъ пріятели были. Чтожь дѣлать? я вамъ буду по истинной правдѣ рассказывать. Вѣдь передъ вами я утанть могу, а передъ Всевышнимъ Создателемъ не утаю. Ну, вотъ изволите видѣть....

БОГАЧЕВСКІЙ.

Это очень интересно — продолжай — продолжай! а еще чаю не хочешь ли?

ВЕРТЛЯГОВЪ.

Довольно-съ.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Нѣтъ, пей, пей — Егоръ, еще чаю (*въ продолженіи сцены еще приносятъ чай*).

ВЕРТЛЯГОВЪ.

Ну-съ, пожалуйста, я объ чемъ тутъ бишь сказалъ....

БОГАЧЕВСКІЙ.

Объ прикащикъ.

ВЕРТЛЯГОВЪ.

Да-съ, точно такъ-съ. Я его и прошу: Сергій Моквичъ, я говорю, явите Божескую милость! если, я говорю, лядащій жеребенченко будетъ отъ Усана, нельзя ли его соблагово- лить мнѣ....

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ты это управляющаго просишь?

ВЕРТЛЯГОВЪ.

Точно такъ, сударь. Ну-съ вотъ это и хорошо. Только онъ говоритъ: никакъ, говоритъ, нельзя, Акинфъ Назаровичъ,

потому, что строгой запретъ сдѣланъ: отъ Усана ни единой лошади прежде совершеннаго возраста не продавать.» Что, думаю дѣлать? Ажь-но меня это такъ озадачило, что я въ ума-помѣшательство впалъ.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Неужто?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Истинно это вамъ говорю, не солгу. Родственники даже отчаялись. Ну-съ, вотъ это хорошо. Я въ эфтомъ затмѣніи нахожусь, только самой баринъ - то, заводчикъ - отъ и пріѣзжаетъ на ту пору въ свою то есть вотчину; ему и докладываютъ, что вотъ такъ и такъ-моль: есть тутъ охотникъ, то есть смертный, который даже въ ума-помѣшательство впалъ желамши лошадь у себя имѣть отъ Усана. Это барину-то и показалось, — самъ охотникъ смертный: Я говорить, не хочу души его губить занапрасно.... а нѣтъ-ли моль у насъ лядящаго жеребенка отъ Усана? А Сергій Мокѣичъ эфототъ управляющій: «есть моль у насъ, сударь, жеребенокъ — его мыть всего изъѣмъ и глазъ вонъ выѣмъ....

БОГАЧЕВСКІЙ.

Оттого-то Раскатъ кривъ....

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Точно такъ сударь; ну-съ, баринъ-то и говорить: отдать ему эфтова жеребенка.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Какъ благородно!

ШЕЛОЖВОСТОВЪ (*въ сторону*).

Какъ вретъ, такъ это ужасъ!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Истинно, такъ сударь, дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать. Только говорить, на этакаго лядящаго стыдно мнѣ самому аттестатъ писать, такъ-ты говорить, Шаховъ....

БОГАЧЕВСКИЙ.

А это Сергій Мокъевъ, этотъ Шаховъ управляющій, который аттестатъ подписалъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Тотъ-то, тотъ-то самый, онъ сударь. Ты говорить выдай отъ себя....

ШЕЛОЖВостовъ (въ сторону).

Эка врать, врать-то какъ !

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Такъ чтожь, сударь! вѣдь вы не повѣрите; привели ко мнѣ этова жеребенка.... что же со мною сдѣлалось ?!...

БОГАЧЕВСКИЙ.

Что же такое ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ударило меня, сударь, объ земь; и сталъ я голосами разными кричать, какъ баба ! Истинно вамъ говорю, не солгу ! Кричалъ, кричалъ.... и заснулъ. И что же, сударь ты мой ! вѣдь вы этому не повѣрите: семь сутокъ, сударь, спалъ и проснулся, какъ ни въ чемъ не бывало ! И здоровъ, и все какъ есть попрежнему ! только, сударь, потъ меня сильно прошибъ, сверхъ всякой возможности. Я думаю отъ этого самаго я и облегченіе получилъ.

ШЕЛОЖВостовъ (Богачевскому).

А что я вамъ говорилъ — про магнетизмъ въ отношеніи къ охотъ ?

БОГАЧЕВСКИЙ.

Ну что жъ ? этотъ подарокъ тебѣ въ прокъ пошолъ ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Позвольте, это еще не всё — я вамъ ужъ все по порядку доложу. Просыпаюсь я отъ этого ума-помышательства и думаю я себѣ: еслибъ мнѣ кто деньги, или вещь какую по-

дарилъ, я бы взялъ; а такъ какъ я къ этому большую страсть имѣю, еще съ измальства можно сказать, помните, я вамъ говорилъ, такъ не хочу, говорю, сей часъ запрягаю тельжку, ѣду къ этому помѣщику, кланяюсь въ ноги и говорю: вы меня къ жизни воротили! отъ смерти спасли!

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*въ сторону*).

Экая bestiя! какую легенду сочинилъ, а? даже завидно слушать!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Да-съ отъ смерти истинно онъ меня спасъ! такъ я не хочу, я говорю, подлецомъ быть. Вотъ вамъ, сударь, чѣмъ могу, и кладу ему 700 руб. сереб.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

И онъ взялъ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Не хотѣлъ брать; я на столъ оставилъ и уѣхалъ. Это я вамъ истинно говорю, потому что я къ этому дѣлу страсть имѣю, и не 700 руб. мнѣ эта лошадь стоитъ: пять лѣтъ кормилъ, по нашему купеческому расчету 100 цѣлковыхъ въ годъ. Теперь отъ несчастья своего теряю: пожаръ былъ, домъ у меня сгорѣлъ.... Капиталу отошло много.... Сынъ былъ молодецъ отмѣнной, умеръ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*въ сторону*).

И никакого сына не было.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ну-съ; тамъ земли снялъ—градомъ хлѣбъ выбило. На одномъ человѣкѣ были мои деньжонки—пропали; такъ—ужь несчастье мое пошло. А за всѣмъ этимъ я лошадку пуще ока зеницы берегъ, потому что я къ этому дѣлу страсть имѣю.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Такъ ты и продаешь ее теперь?

ЩЕЛОХВОСТОВЪ.

Il fait des contes, et vous allez trop vite ! Laissez moi faire. Вотъ видишь: намъ съ тобой лукавить нечего: я барину этому аттестатъ показывалъ, намъ лошадь заводская нужна;— если годится, купимъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Да какъ же-съ? я ужь записалъ ее на сегодняшній день брать.

ЩЕЛОХВОСТОВЪ.

Ты призъ и возьми, вѣдь мы за призомъ не погонимся, такъ ли, Иванъ Романовичъ ?

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Мнѣ, братъ, еще интереснѣе будетъ купить призовую лошадь.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Такъ ужь тогда бы и изволили купить лошадку, когда призъ возьметъ.

ЩЕЛОХВОСТОВЪ.

Нѣтъ, это дѣло твое: твоей лошади отъ призу не убудетъ и не прибудетъ. А ты хочешь продать, или нѣтъ ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Отчего не продать, коли свою цѣну дадутъ, мнѣ лошадь 700 цѣлковыхъ стоитъ, да 5-ть лѣтъ кормилъ всякой годъ по 100 р. серебромъ, да вотъ проводка.

ЩЕЛОХВОСТОВЪ.

Ну, это твоя расчеты, а ты прямо скажи, что хочешь взять ?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тъ же и Сьѣдуга.

СЬѢДУГА.

Здраствуйте, сударь, Иванъ Романовичъ, честь имѣю доложить: все при заводѣ благополучно. Лошадокъ привелъ въ исправности, продажи еще никакой нѣтъ.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Хорошо. А я здѣсь, Сергѣй, хочу лошадь купить.

СЬѢДУГА.

Купить-съ? А! пріятель! ужъ ты проныриль Ну, жалко; а то бы я тебя къ барину не допустилъ. Ты прямо ходить умѣешь; а нашего брата нѣтъ того, чтобы чайкомъ угостить.

БОГАЧЕВСКІЙ.

А ты развѣ знаешь его лошадь?

СЬѢДУГА.

Помилуйте, какъ же мнѣ его лошадей не знать: онъ извѣстной мытарь.

БОГАЧЕВСКІЙ (*Сьѣдугѣ*).

Что-жь? или не хороша?

СЬѢДУГА (*въ полголоса Богачевскому*).

Лошадь, сударь, одно слово: лошадь! только не горячитесь, дешево отдасть.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Гм!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Да что ты, Сергѣй Авдѣичъ, языкомъ-то мотаешь, мнѣ хвалить, а барину коришь. На чай, въ самомъ дѣлѣ, что ли хочешь?

СЪЕДУГА.

Еслибъ я, братецъ, на чай хотѣлъ съ тебя взять, я бы при баринѣ не говорилъ. Лошадь хороша твоя; какая цѣна только будетъ.

БОГАЧЕВСКІЙ.

А что цѣна?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Нѣтъ, вы не такъ.... Сперва надо лошадь осмотрѣть.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Смотрите, сколько хотите — у насъ товаръ на лицо. Встѣ по бѣгу водятъ ее, глядите. (Подойдя ко окну) Эй, малой! дай лошадь сюда.

(Всп у окна.)

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Eh bien! qu'en dites vous?

БОГАЧЕВСКІЙ.

C'est tout ce que je veux; merci!

СЪЕДУГА.

Благородство въ лошади — нѣчего — и говорить!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Вспомните мое слово: «кровная лошадь вся облита идеальнымъ блескомъ!» а? видите вы это? видите?

БОГАЧЕВСКІЙ.

C'est le mot, mon cher, c'est le mot! Какъ же цѣна?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Нѣтъ! опять не то: надо ее въ бѣдѣ видѣть.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Андрей Андренчъ, je perd patience !

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ... вы меня извините! Я вамъ лошадь реко-
мендую, и безъ пробы не допущу ее купить.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Ну, вы пробуйте, какъ хотите, а я лошадь все таки куплю.
Дай аттестать, любезной.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Извольте-съ.

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*ему въ полголоса*).

Ахъ право!... какъ вы молоды... талантъ есть, а молоды !

БОГАЧЕВСКИЙ (*такъ же*).

Я лучше васъ знаю, пожалуста не учите.

СЪЗДУГА.

Да на счетъ провздки, Андрей Андренчъ, что толковать: мы
вѣдь ее нынче провзжали, а вотъ цѣна....

БОГАЧЕВСКИЙ.

Какъ провзжали ?

СЪЗДУГА (*показывая на Вертлюгова*).

Да дрожекъ-то бѣговыхъ у него, сироты Казанской, нѣтъ:
онъ наши дрожки для провздки выпросилъ у меня, и на
нихъ же на призъ ѣдетъ. Просилъ меня промять лошадку,
я бхаль.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Ну, каково ?

СЪЗДУГА.

Да вотъ , спросите Андрея Андреевича ; онъ и кунды
повѣрялъ.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Тая какъ же вы, Андрей Андреичъ ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*запальчиво*).

Я дѣлаю для васъ, и въ своихъ поступкахъ ни кому отчету не даю.... я повѣрялъ — извольте и вы повѣрить !

БОГАЧЕВСКИЙ.

Mais finissez donc cette comédie! Вы повѣрили ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ну, повѣрялъ. Что же вамъ ?

БОГАЧЕВСКИЙ.

Какъ она пришла? Мнѣ вѣдь все равно — я покупаю лошадей.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ахъ, молодые люди! ну послѣ этого я ни слова не скажу.

СЪВДУГА.

Андрей Андреичъ, какъ вы этого не понимаете: страсть, охота! это оттого, что баринъ настоящій охотникъ.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Такъ, Сергѣй, такъ! (*Вертлюгову*), Говори, любезной, что цѣна.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Да что цѣна-сь....

СЪВДУГА *подходя къ ушу Богачевского въ полголоса и доверчиво.*

Бѣжала сударь три версты безъ 10-ти секундъ 6-ть минутъ....

ШЕЛОХВОСТОВЪ *въ то же время быстро подходитъ на ухо Вертлюгову.*

Проси полторы тысячи.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Полно-те, что вы ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*также*).

Проси, фалалей там !

(*Она уходитъ скоро*).

5*

ВЕРТЛЮГОВЪ (*кашлянулъ*).

Полторы тысячи серебромъ своя цѣна, того съ содержаниемъ стоять; а что сверху сами пожалуете для барыша, я ужь для перваго знакомства стоять не буду.

ВОГАЧЕВСКІЙ (*въ раздумь*).

Безъ десяти секундъ шесть минутъ... полторы тысячи....

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*ему*).

Ne donnez-pas plus que huit cent.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Что вы это? (*Вертлюгову*) Нѣтъ: послушай, любезной, это дорого.

СЪЕДУТА (*Вертлюгову*).

Живеть, братъ, пословица: запросъ въ карманъ не лѣзеть, а я говорю: и посулъ чести не обижаетъ, взялъ бы 700 серебромъ да и веди на дворъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Э, нѣтъ, братъ!

СЪЕДУТА.

Что тамъ нѣтъ; тутъ деньги даютъ, и деньги на столъ сей-часъ.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Нѣтъ, я тебѣ 800 дамъ, пожалуй.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Quest ce que vous faites, qu'est ce que vous faites!

СЪЕДУТА.

Скоренько, сударь, набавили.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, сударь, что толковать. Я вѣдь не изъ такихъ людей; вижу, что вы баринъ душевной и къ эфтому дѣлу

то же страсть имвете. Извольте, чтобы Назарова и впередъ знали: 1,300 р. серебромъ, и молитесь Богу.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ну, хочешь 900 ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*въ ужасъ*).

Mais finissez donc, je m'en vais !

(*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тъ же безъ ШЕЛОХВОСТОВА.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Постойте, стойте! онъ меня просто бьситъ.

СЪВДУГА (*ему*).

Не спѣшите, сударь.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ну, хочешь 900 ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Нѣтъ, сударь, какъ можно! ужъ на этотъ счетъ извините... я думалъ, вы заправду покупаете; а это.... нѣтъ-съ, просимъ прощенья. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БОГАЧЕВСКІЙ и СЪВДУГА.

БОГАЧЕВСКІЙ (*чуть не плача*).

Чтожь это, Сергѣй! что это со мною Шелохвостовъ дѣлаетъ ?

СЪВДУГА (*таймстоенно*).

Тутъ, сударь, штуки должны быть.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Именно штуки, я думаю..., а ты что думаешь?

СЪВДУГА.

Да васъ-то онъ подзадорилъ, а кому-нибудь-другому лошадку-то собить.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Такъ, такъ! вороти же барыниина. 1300 рублей пустая цѣна за эту лошадь.

СЪВДУГА.

Цѣна не велика.... а вы посеудите-ка ему 950 рублей теперь.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Да вороти же его поскорѣ....

СЪВДУГА (*глядя въ окно*).

А вотъ и Андрей Андреичъ бѣжить назадъ. Видите: у Пальцова былъ.... да видно дѣло не выгорѣло.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тъ же и Шелохвостовъ.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Я на васъ, сударь, зомъ! сердить!

ЩЕДОХВОСТОВЪ.

Взбѣшонъ, разъяренъ.... да послушайте: какъ это у васъ хладнокровія нѣтъ! Я вѣдь что хотѣлъ сдѣлать — узнать

настоящую цѣну. Лошадь дешева, говорить нечего, да за чѣмъ же деньги даромъ выдать? Годятся.

СЪЗДУГА.

Я сей часъ барину то же самое докладываю.

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Дайте ему 950, попробуйте.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Да, попробуйте! Вотъ по вашей милости онъ ушелъ—а лошадь сей часъ перекупать.

СЪЗДУГА.

Вотъ онъ идетъ назадъ.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Неужли?!...

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Будьте скромнѣе, не горячитесь.

ДѢЙСТВІЕ X.

Тѣ же и Вертлюговъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Что, баринъ, я было ушелъ,.... да вотъ Андрей Андренчъ усовѣстилъ,—говорить «такъ и такъ». «Лошадь, говорить, барину нравится»; ну чтожь, потышить надо, потому что я вижу, что вы охотникъ—а я къ этому дѣлу еще съ измальства страсть имѣю, какъ я вамъ и прежде докладывалъ. Дай Богъ вамъ съ моей легкой руки и впередъ охотиться; давайте ужъ какъ нибудь сходиться.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Ну, я не въ тебя—скупъ торговаться—вотъ тебѣ 950.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Маленько, сударь, изволите жаловать, извольте грѣхъ по
поламъ—1,200 рублей.

ЩЕЛОКВОСТОВЪ.

Ни-ни-ни-ни! послѣ этого слова и толковать не смѣй....
изъ повода въ поводъ !

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Мнѣ надоѣла эта комедія? 1000 руб. серебромъ, — хочешь ?

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Право—сударь....

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Ну, ужъ больше этого не дамъ, честное слово !

СЪЕДУГА (Вертлюгову).

Да полно тебѣ.

ВОГАЧЕВСКІЙ (сердито).

Нѣтъ, нѣтъ! если не отдаетъ —вонъ его сей часъ! Пошомъ
вонъ! Пошомъ !

ВЕРТЛЮГОВЪ (смѣясь)

Видишь, сердитой какой! Ну, что съ тобой дѣлать, ваша
лошадка! Ей Богу, по одной охотѣ продаю.

ЩЕЛОКВОСТОВЪ.

Ah ! voyez-vous comment il faut faire l'affaire.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Эй, Егоръ! Шампанскаго !

СЪЕДУГА.

Съ покупкою-съ !

(Шампанское подносятъ Богачевскому и Вертлюгову).

ВОГАЧЕВСКІЙ (достаетъ бумажникъ).

Вотъ тебѣ деньги.

ШЕЛОХВОСТОВЪ (*перехватывая деньги*).

Позвольте.... вѣтъ. Еще лошади вѣтъ здѣсь; позвольте ужъ мнѣ распорядиться.... вѣдь деньги его, а лошадь ваша.... (*тихо*). Et vous me devez un petit merci.... vous payez 500 roubles de moins....

БОГАЧЕВСКІЙ.

Хорошо, хорошо.... а какъ же съ деньгами?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Вотъ, позвольте, вотъ ему 500. На! довольно вѣдь въ зада-токъ? а эти 500 я беру и отдаю ему на его дворъ; беру лошадь и сей часъ привожу къ вамъ за своею ответственностью.—А то вѣдь случаи бываютъ разные; вотъ мы теперь здѣсь разговариваемъ — а лошадь тамъ вдругъ взяла да пала! Я ужъ опытный человекъ; во всемъ нужна акуратность.

СЪВЪДУГА (*ловко беретъ у него деньги*).

Авѣ не такъ, Андрей Андренчъ! позвольте же и мнѣ за барина заступиться. Наше дѣло барышническое—я эту всю поведенцію знаю, а въ чужой дворъ съ своимъ обычаемъ не ходять. Извольте, вотъ вамъ 250 р., вы ихъ ему и отдайте, привявши лошадь. А это-вотъ, я при баринѣ скажу, за его бариновымъ страхомъ у меня остается. Это порядокъ, сударь, у насъ такой, по охотѣ. Это еще остается у насъ, и позвольте мнѣ поручителемъ быть. Вѣдь на этой лошади я нынче поѣду на призъ;—я берусь съ тѣмъ, что призъ.... если ка-кого несчастья не будетъ.... будетъ нашъ! выиграемъ призъ, тогда съ триумфомъ ему остальные 250-тъ—а съ него на чай 50 руб. серебромъ, и больше ничего!

ВЕРТАЮГОВЪ.

Ну, много будетъ.

СЪВЪДУГА (*шутя*).

Да ужъ такъ, братъ, такъ!

БОГАЧЕВСКИЙ (СМЪЯСЬ).

Какой огонь у нихъ, какое движеніе! Я люблю этотъ задоръ охоты! Ну, дѣлайте, какъ знаете, а лошадь моя, я деньги отдаю! Эй, Егоръ, одѣвайтесь, я сей часъ ѣду на бѣгъ. Ты, Сергѣй, запрягай моего Раската. Дѣло кончено! Нынче же я напишу статью объ его породѣ... это сочетаніе, эта комбинація рѣшила всѣ мои вчерашнія сомнѣнія. Ты, братъ, еще не знаешь, что ты пропалъ... Андрей Андреевичъ! Вы увидите, какія новыя, небывалыя идеи будутъ въ моей диссертациі.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ ВЪЗЪ БОГАЧЕВСКАГО.

СЪЗДУГА.

Что? пять сотъ рублей? хотѣлъ одинъ взять? на-ка вотъ! Вотъ что возьми! вотъ они двѣсти-то пятьдесятъ рублей!

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Ну, вѣшь ихъ — какая невидаль!

ВЕРТЮЖОВЪ.

А мнѣ чтожъ за труды, всего 500 рублей?

СЪЗДУГА.

Дуракъ! вѣдь ты 300 серебромъ хотѣлъ просить. Еще недоволенъ.

ВЕРТЮЖОВЪ.

Да! а рассказъ-то одинъ чего стоитъ?

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Что твой рассказъ? не гладко, не складно, просто — Бова Королевичъ.

ВЕРТАЮГОВЪ.

Да, а вотъ ты и ученый, а такого Бовы Королевича не сочинишь!

СЪЗДУГА.

Правда, правда, Назаровъ! Я стою съ Егоромъ Иванычемъ въ антресоляхъ у окна, такъ и помираю со смѣху: откуда у него и Сергѣй Мокъевъ, и пожаръ, и ума помѣшательство и смѣхъ явился!

ЕГОРЪ (подходитъ).

Съ продажею поздравляю, господа!

СЪЗДУГА.

Господа! малой-то помогаль намъ, чтожь, надо и ему что нибудь.

ВЕРТАЮГОВЪ.

Мнѣ нечего давать; вы и такъ меня обдули, шалыганы!
(Уходитъ).

СЪЗДУГА.

Ну, братъ, мы съ тобой нынче въ трактиръ чайку напьемся.
(Уходитъ).

ШЕЛОХВОСТОВЪ.

Вотъ она грубость! Вотъ вандализмъ-то! Вотъ противъ чего я всегда ораторствую! Вотъ они каковы! Я, мой другъ не таковъ: вотъ тебѣ своихъ пять цѣлковыхъ, а еще пять я тебѣ помогу когда нибудь изъ барскаго кармана достать.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.**ЕГОРЪ (одинъ).**

Да! ораторствуй: даль нять, а обьщался десять цѣлковыхъ дать.

(Уходитъ).

Конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Постоямый дворъ въ городѣ. Чистая быелая горница со столомъ и стульями, по стѣнамъ лавки, въ углу поставецъ и пр.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАША И ВАСЯ.

М А Ш А (у окна).

Чтой-то мнѣ, Васюшка... ни то я давно въ городѣ не бывала, ни-то, что вотъ мы въ городѣ дворъ сняли, ни-то что нынче-то нашъ стговоръ.... чтой-то добре мнѣ весело? Ужь и дѣвки смѣются: ты молю, Маша, чтожь не плачешь? Вѣдь ты невѣста. А я: ужь будеть-молю, безъ Васютки и такъ наплакалась. (*Вася сидитъ облокотясь на столъ и молчитъ*).

М А Ш А.

Вотъ какъ къ стѣнѣ горохъ! сидитъ весь день какъ въ воду опущеной; просто — горе мое съ нимъ! Ужь эти лошади! сокрушать они его совсѣмъ. Дай, хоть въ гармонию поиграю, повеселю его.... (*начинаетъ играть*).

ЯВЛЕНИЕ П.

ТѢ ЖЕ И СЕМЕНЬ КАРПОВИЧЪ.

СЕМЕНЬ КАРПЫЧЪ.

Эхъ, знатно, дѣвка! Вотъ такъ знатно! Ай да невеста ты моя! А я весь дворъ кругомъ обошелъ, все оглядѣлъ, все въ порядокъ привелъ. А тутъ съ легкой руки и постояльцы; смотрю: три повозки на дворъ ѣдутъ.... Еще кто? Цыгане московскіе! какъ увидятъ меня! — ба, ба, ба! «Да это ты Семень Карповъ?» Я. «Да это ты ужъ въ городѣ дворъ вынче держишь?» Въ городѣ держу. «Такъ и мы къ тебѣ!» право слово! «А Васька гдѣ?» И опъ молю тутъ. Сей-часъ сюда хотѣлъ Федулъ Петровицъ придти. Ну, братъ, женишокъ, чтожъ ты такой скучной? а?

В А С Я.

Отъ, Семень Карпычъ, просто не знаю что такое! скука!

СЕМЕНЬ КАРПЫЧЪ.

Что-ты, что-ты! Богъ съ тобой! Когдажъ ты у меня такой робкой былъ? или.... Маша! ужъ это не со вчерашняго ли? что я его маленько того.... огорчилъ? а? батюшка, Вася! сердечной мой! да хочешь? я на колъночки стану—будь повеселе! вынче у насъ день веселый! Ты насъ теперь вотъ какъ превозвелъ—и теперь въ городѣ дворникъ—а Маша дворничка.... а самъ скучаешь! хочешь повинюсь?

В А С Я (*удерживая его*)

Что ты, родимой мой! Ты меня когда и какъ хочешь поучи, а пзъ твоей власти не выду, ты намъ замѣсто отца. А мнѣ такъ, самъ не знаю, что такое, какъ-то не весело!

М А Ш А.

Да нѣшто, дядюшка, не видишь? Все это Испугъ его сокрушаетъ: боится не выиграть.

СЕМЕНЪ КАРИШЧЪ.

И! дитятко! да ну—съ нимъ, съ прысками: не все равно?

М А Ш А.

А я-то что говорю, дядюшка! Что намъ! Слава Богу! Есть чѣмъ прожить. Еще сколько онъ намъ денегъ привезъ, мы теперь и такъ проживемъ.

В А С Я.

Маша! Дядюшка! да полно вамъ, не мучьте меня! голубушка моя Маша! невеста моя хорошая. Виповатъ я, что для нынѣшняго дня такой: ужъ вечеромъ веселье буду.

М А Ш А.

Будешь ты веселье, какъ же! знаю я тебя! Не дай Богъ проиграешь—небось и сговору не будетъ. *(плачетъ)*.

В А С Я.

Вотъ я тебя и въ слезы привелъ! эхъ ма! Нравъ этотъ у меня охотницкой! Да небось, Маша! возьму — не возьму призу, а все нынче дѣвишникъ будетъ.

М А Ш А.

Да; ужъ хорошъ ты будешь на дѣвишникъ-то, когда проиграешь.

В А С Я.

Ну ужъ, а-ахъ!!... Тамъ какъ Богъ дастъ.

М А Ш А.

Видно ты меня меньше любишь, чѣмъ лошадь-то свою.

В А С Я.

Маша, грѣхъ тебѣ такія рѣчи говорить.

М А Ш А.

Да ты, Вася, будь повеселѣе, я и попрекать не стану.

В А С Я.

Дай время, ужь дай дѣлу кончиться, а то сердце у нашего брата до тѣхъ поръ завсегда не на мѣсть.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

И я Вася съ Машей вмѣстѣ скажу, ну—выигралъ, проигралъ, не все ли тебѣ тоже? Заводчики что ли мы какіе? Какіе наши достатки? И ничего не стыдно, право!

В А С Я (горячо).

Все тоже, дядя? Эхъ не былъ же ты никогда охотникъ! не былъ ты наѣздникъ! не знаешь ты какъ все-тоже! Вѣрите ли вы? Легче мнѣ, кажется, горячку, или не дай Богъ какую болѣзнь перенести, нежели нынче на своей лошади проиграть—вотъ что!

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Полно, Вася: не къ часу скажешь тяжелое слово—не хорошо!

В А С Я.

Что тамъ не хорошо, дядя! Кабы ты зналъ, что у меня тутъ-то.... (показывая на грудь). Знаетъ грудь да подоплека! (съ сердцемъ) этакая шваль! ступа! дура-лошадь этотъ Раскатъ.... да смѣетъ еще соваться, еще съ кѣмъ? съ моимъ Испугомъ! ну! и это легко можно переносить? Можно?

М А Ш А.

Та лошадь хуже твоей; стало тебѣ бояться нечего, ты выиграешь.

В А С Я.

Маша, другъ ты мой, впередъ знать ничего нельзя; а ежели нѣтъ? тутъ-то какъ? что я значу, мелкая сошка? у меня вотъ что одно есть—руки. А у нихъ деньги, люди.... мало чего

не бывает? лошадь кругомъ обойдутъ, испортятъ, развѣ нѣту злыхъ людей? А еще какъ испугаютъ? лошадь моя варкая, какъ порохъ! полыхнетъ и — поминай какъ звали. Меня-то, положимъ, хоть и не убьютъ, а проиграю! Просто я тебѣ скажу.... Маша, дядюшка! Нечто мнѣ лошади не жаль? Я вѣдь ее и выростилъ, и выходилъ; я ее на ѣзду поставилъ, я въ ней ѣзду добился.... да не одна лошадь! Мастерства-то моего сколько въ ней пошло? Сколько крови моей пока она въ дѣло пошла. А тутъ? Приведутъ облома, одра, изъ возу мужицкаго, изъ сохи выпрягутъ.... и смѣютъ сронять съ кѣмъ же? Вѣдь, дядя! вѣдь рысакъ — охота русская; такъ развѣ можно русской охотою помыкать какъ дрянью какой? это изсмѣшка, злая издѣвка.... родные мои. Вотъ что больно-то! Маша!! Кажись, я съ роду не плакивалъ, а съ этой досады! съ этой обиды!... (*Садится къ столу и закрываетъ лице объими руками*).

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Вотъ это дѣло: невѣста не плачетъ, а женихъ разхныкался.

М А Л О Й.

Дядюшка! Да и у меня-то глядя на него сердце надорвалося (*плачетъ*).

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Ну, вотъ! вотъ.... что же изъ этого будетъ? я вѣдь глядя на васъ — и у самого слеза.... ыхъ! какъ возьму я васъ обоихъ! ей-Богу.... вотъ оно, говорилъ я: пропадай она, эта лошадиная охота....

Я В Л Е Н І Е Ш.

Тѣ же и Оеdulъ Петровъ.

ОЕДУЛЬ.

Эй! Васька! Вася, здорово! что ты какъ осовѣлой сидишь? что? Али пріятеля не узналъ? Кума-то не узналъ?

В А С Я (*невесело*).

А! Оедуль Петровичъ, здорово! Здравствуй, кумъ. Кума здорова-ли?

ОЕДУЛЬ.

Все слава Богу! Всъ тутъ, пріѣхали—ей Богу, братецъ, на ярмарку пріѣхали, правое слово! Да у тебя нынче веселье? а? Я самъ васъ повеселю: ей-же-ей-ей! А гдѣжь невѣста? Маша, здорово!

М А Ш А.

Здравствуйте.

ОЕДУЛЬ.

Да что это, Васька? Да ты плакалъ? а? эхъ ты баба эдакая, ей Богу!

В А С Я.

Ну, кумъ, не ругайся, полно.

СИМЕНЪ КАРШЫЧЪ.

Да вотъ, Оедуль Петровичъ, хоть бы ты его пристыдилъ: какъ баба реветъ. Видишь ему нынче на призъ надо вѣхать, а ему досадно, что съ нимъ тутъ одну лошадь лядашую записали. Бойтся не выиграеть.

ОЕДУЛЬ.

Я ужь, братъ, про это слышалъ, ей-же-ей! Да.... Васька! Ты-то чего боишься? Аль бѣлены объѣлся?

В А С Я.

Эхъ, да ты все такъ-то: чужую бѣду руками разведу.

ОЕДУЛЬ.

Ахъ-ты! а ты вотъ что: Господа охотники тутъ именитые, хорошіе господа, всѣхъ знаю! Тово.... ты малой, хошь, къ нимъ пойдемъ? ей-ей! Вотъ такъ, и такъ-вотъ: «Я опасатюсь, такъ защитите!» ей Богу.

В А С Я.

Да это-то, кумь, положимъ я сдѣлаю, а какъ махать, да пугать начнуть съ барьеру-то? Вѣдь бѣга, братъ, всякіе бываютъ, бываютъ бѣга и съ собачками. Изъ-подъ полы на поворотъ собачку швырнуть подъ ноги. Лошадь-то у меня варкая, какъ порохъ! полыхнетъ.... а тамъ направилъ поди: пять, десять надолбовъ проскочить и съ кругу сведуть, и по закону сведуть. А какъ ихъ знать? Можно ли холодно-кровно все усмотрѣть? Тутъ одна минута.

ФЕДУЛЬ.

А я-то? а чавалы-то наши начто? ей Богу! вот!

В А С Я.

Такъ пожалуста съ ребятами-то поближе къ барьеру становись.

М А Ш А.

Пожалуста, Федуль Петровичъ.

СЕМЕНЬ КАРТЫЧЪ (кланяясь).

Сдѣлай такое одолженіе, Федуль Петровичъ!

ФЕДУЛЬ.

Эхъ вы!... да и ты-то, Васька? Ухъ Васька? Экая ты братъ баба, ей Богу право!

В А С Я (серьозно).

Полно, кумь, ты знаешь: я этого не люблю.

ФЕДУЛЬ.

А то нѣтъ? а помнишь, бывало въ Лебедяни: косякъ пригонять. Кому неuka объѣзжать? которая отъ рукъ отбилась лошадь, ту и даютъ Васькѣ. Арканъ накинешь, ноги свяжешь, да и сѣлъ на неё: «развязывай ноги!» Ей Богу право! Развяжутъ. Ухъ!! и потуда видѣли! и улетѣлъ, правое слово! А тамъ, глядишь, и ѣдешь шагомъ, и лошадь готова хоть на ниточкѣ поѣзжай на ней, правое-слово!

В А С Я.

Эхъ, братъ, все то бывало!

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

Да ужъ онъ ли не малый былъ.

ӨЕДУЛЬ.

Ну, тогда ты и былъ молодецъ, ей Богу! А нынче что? прежде, бывало, въ таборъ кто одинъ меня переплясывалъ? Ей-ей, все одинъ Васька! А помнишь, бывало, на Москвѣ-торькѣ, какъ мы въ Москвѣ живали? Какъ стѣна на стѣну? Кто всю стѣну гонить? а? *(подходитъ къ нему на кулачки)*.

В А С Я.

Ну!! небось не помню? *(обходитъ его по кулачному)*.

ӨЕДУЛЬ.

Ну-ка, ну! *(шутя расхаживаются и борются какъ на кулачкахъ)*; ахъ вотъ какъ!

В А С Я.

Ахъ вотъ какъ!

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ *(смѣется)*.

Вотъ такъ-то бы давно! ай-да, Өекуль Петровичъ!

В А С Я *(со смѣхомъ кидается ему на шею)*.

Кушь!! Братъ!! спасибо! развеселилъ! Теперь ни кого не боюсь! ахъ, ужъ половина шестаго, а въ шесть часовъ бѣгъ. Прощайте! нѣтъ, не ходите пожалуста за мною, у насъ такая примѣта наѣздничья; лошадь одному запрягать, чтобы людей никого не было *(идеть)*.

ӨЕДУЛЬ.

Стой, стой! дай я тебя на счастье провожу по-нашему! по старому! Гей! *(кричитъ за дверью въ стѣнахъ)*.

Я В Л Е Н И Е IV.

(*Въ стѣнахъ слышны голоса*) Старая цыганка: «Чово-тамъ? Куда? что такое?»

БЕДУЛЬ.

Сюда, говорить! Эй жена, къ куму! сюда!! ыхъ! я же васъ!—не слушаться? Ну!! гитары сюда! весь таборъ вали! Ну! ей-ей! кума на призъ провожать. Эй! «Кабы чарочку горьлки.» (*Входитъ съ гитарой, съ нимъ весь таборъ*).

Х О Р Ъ.

Кабы чарочку горьлки,
Я бы пьяна напилася:
Я бъ по улицѣ прошлася
Чобъ, чобъ, чобъ—чоботочки!
Здраствуйте, милые дружочки!
У насъ въ домъ нездорово:
Свекоръ съ печки свалился—
За корыто завалился.

БЕДУЛЬ.

Ну, кумъ, ну, кумъ, веселье! ходи! по найшему! (*онъ и Вася пляшутъ и всѣ уходятъ съ пляскою*).

С Ц Е Н А II.

Выгонъ передъ бѣгомъ, съ одной стороны виднѣть балконъ выдвѣвшейся судейской бесѣдки и одинъ бокъ барьера около заворотонъ, съ другой—улица подгородней слободы, маленькія бѣленькія хатки.

Я В Л Е Н И Е I.

Иванъ Ивановичъ Коринъ (*входитъ съ одной стороны*).

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Вотъ, будто сговаривались мы съ вами: вы съ одной стороны, а я съ другой.

МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОЛЬНОВЪ.
(съ другой стороны).

А который часъ ?

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Еще полчаса до бѣгу.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

А видѣли Испуга на проездкѣ ?

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Видѣлъ, батюшка, видѣлъ. Безъ 15-ти три круга.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Хорошо для пятилѣтка.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Да особенно, у кого же ? Мъщанинъ, и это единственная у него лошадь. Это много для него.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Слышали вы новость: Раската-то Богачевскому вѣдь всучили?

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Что вы ?

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Право. Яковъ Григор. былъ ужъ у него: кушилъ, батюшка.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Не говорилъ я вамъ ? и все это вѣрно Шелохвостовъ.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Онъ, онъ.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

И наездникъ Богачевского—тоже мошенникъ.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Жаль молодого человѣка ! а знаете, что вся эта исторія для

меня сомнительна: откуда у этого барышничешки лошадь кровная? И по зубамъ, оно воля ваша! хоть и пять лѣтъ, да стати-то, какъ-то не то! А кривой точно.... Аттестать есть и года, пельзя ничего сдѣлать.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Да! А Василій ъздокъ будто этого и ждалъ: какъ записаль Вертлюговъ, онъ тутъ и явился.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Тутъ что nibудь да кроется!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тъ же и Яковъ Григорьевичъ Стовровъ.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

А, здравствуйте, господа! объ чемъ толкъ?

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Да объ нынѣшнемъ бѣгѣ.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Что, господа, надо въ оба смотрѣть: этотъ Раскатъ лошадь не Шишкинская.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Сію минуту мы объ этомъ говорили.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Мнѣ цыганъ Федуль говорилъ; а вы знаете, онъ хоть и цыганъ, а парень дѣльной, дѣльной.... Онъ говорилъ, вѣдь чудеса! этой лошади нарочно глазъ выкололи!

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Что вы??

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

И очень вѣроятно по его рассказамъ, онъ ту лошадь знаетъ — это не та лошадь.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Каковы батюшка, Иванъ Ивановичъ, дѣла-то! ха, ха, ха!

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Да, каковы дѣла? Это Англичанину впору только.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

У насъ, батюшка, къ несчастью, еще почище Англичанъ найдутся.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ну, послушайте, господа! пожалуста аккуратнѣе смотреть! Вы знаете, когда на такія штуки идутъ, тутъ будетъ все: и проскачки, и пуганья, и все, все.... Сдѣлайте милость этого Шелохвостова подальше! А молодаго челоуька, Богачевского вразумить надо, чтобъ онъ не горячился; и главное—чтобъ чужихъ распорядителей не было. Я распорядитель, и за часами смотрю, у звонка; вы Яковъ Григор. за Испугомъ смотрите, а вы Михайла Алекс. за Раскатомъ. И чтобъ тутъ въ бесѣдку судейскую никого не пускать, никого!

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Такъ, такъ; надо аккуратно вести дѣло.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

То-то пожалуста, господа! А вотъ и хозяинъ Испуга. Что-жь, гдѣ лошадка?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тъ же и Вася.

В А С Я.

Здѣсь, Иванъ Ивановичъ, проваживають. Поразогрѣлъ немножко передъ бѣгомъ.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ну что? Какъ надѣнешься?

В А С Я.

Какъ Богъ дастъ-сь, впередъ ничего знать нельзя. А я, васъ хотѣлъ, ваше благородіе, просить: сдѣлайте милость по Божьему-сь, супротивники наши люди сильные.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Объ этомъ, братъ, тебѣ и говорить стыдно; ты знаешь, что здѣсь общество охотниковъ.

В А С Я.

Я это очень хорошо знаю, ваше благородіе, а потому прибгаю къ вамъ униженно: не оставьте, Бога ради! заставьте за себя вѣчно Бога молить! (*кланяется въ ноги*) Для того что ему бѣжать со мною невозможно.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ну, а руку на-сердце! скажешь?

В А С Я.

Что прикажете, какъ отцу родному!

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Лошадь не та?

В А С Я.

Не та-сь, покарай меня Богъ, если лгу!

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

А что кривая?

В А С Я.

Глазъ выкололи-сь, ей-ей! я это знаю—хоть сей-часъ съ мѣста не сойти.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

А чья же лошадь?

В А С Я.

Съ Битюга мужицкая-сь; матка ея точно заводская была, а она до трехъ лѣтъ въ боронѣ ходила.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

А? Каковы, Иванъ Ивановичъ, штуки?

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Только руки врозь, да и все тутъ!

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

А бѣжить эдакъ? есть досужець?

В А С Я.

Помилуйте, есть у меня двѣсти цѣлковыхъ всего капиталу, извольте взять за руки; если въ 7 минутъ придетъ, 7-мь минутъ, а не то что въ 6-ть съ половиною.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

А твоя-то бѣжить?

В А С Я.

Вотъ-сь Михайло Алекс. и Яков. Гр. видѣли сами.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Безъ 15-ти секундъ 6-ть минутъ.

В А С Я.

То есть пять минутъ сорокъ пять секундъ три версты, это вѣрно-сь; и я всегда по здѣшнему бѣгу приду въ это время-сь.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Все правда, что сказалъ?

В А С Я.

Если не правда, не прикажите мнѣ, сударь, къ вамъ на глаза являться. Скажите, сударь, что Василій ѣздокъ подлець, вотъ и все тутъ.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ну, ты слушай: это все мы прежде знали. А ты поѣзжай только своей ѣздой, ни на кого не смотри, не гляди: какъ звонокъ ударить, ступай—и все тутъ. Понимаешь? Не конфузьяся и не опасайся.

В А С Я.

Слушаю-съ.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ну, ступай теперь въ свое мѣсто, и молись Богу.

В А С Я.

Дай вамъ, Господи, много лѣтъ здравствовать—утѣшили бѣдняка (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ ВАСИ.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Посмотрите: у малого-то даже слезы на глазахъ.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Но послушайте, господа! это просто невыносимо!

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Тише, тише, не горячитесь! случаевъ много, все можетъ быть: вдругъ его лошадь захромаетъ.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Это пустяки.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, правила прежде всего! Все сдѣлаемъ, что должно.

МЖ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Тише, господа, вотъ народъ подходитъ, вотъ и Богачевскій.

ЯК. ГРИГОРЬВИЧЪ.

А! молодой охотникъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тъ же и народъ, Богачевскій, Създуга, Вертлюговъ и проч.
Иванъ Ив., Михайло Алекс. и Як. Григ. (*отходятъ въ сторону къ бесѣдкѣ, говоря съ Богачевскимъ*).

ИДУТЪ ДВА МУЖИКА.

1.

Туть-то что-ли это бѣгъ?

2.

Да вотъ, гдѣ загорожено. Аль ты не бываль?

1.

Отродясь въ первой.

2.

Ой-ли? вотъ ступай у веревки стань.

ДВА КУЩА.

1.

Лошадки-то, говорятъ, не мудрыя.

2.

Не такъ-то; однакоже на проѣздкѣ Ъздокъ безъ 15-ти пришелъ.

1.

Это еще изрядно. (*проходятъ къ барьеру, около барьера толпа*).

ВЪГУТЪ РЕВѢТА.

1.

Вонъ, вонъ, лошадей ведутъ! подь попонами-то.

2.

У! малой, попона-то какая.

3. (растягивая).

Красная!!

ДВѢ ДѢВУШКИ ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

1.

Смотри-ка, Дунька, попона-то красная!

2.

То-то дѣвка, понева-то бы была изъ попоны—гожая! (*всѣ проходятъ къ барьеру*).

БОГАЧЕВСКІЙ.

Что дѣлать, Иванъ Ивановичъ, самъ знаю, дорогонько, да охота, что дѣлать? Порода—великое дѣло!

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Такъ, такъ, отъ Усана и Икуньи что ли?

БОГАЧЕВСКІЙ.

Сами судите: братъ Горюна, братъ Настоящаго, по матери братъ Кролика, и дядя Соболя и известнаго Кролика, дядя Первенцу, братъ Грозъ Кривой, и кажется, по породѣ дядя Кривому Догоняю!....

ЯК. ГРЕГОРЬЕВИЧЪ.

Оно и прекрасно, въ племя пошло: сестра кривая, племянникъ кривой... и онъ будетъ дѣдъ и прадѣдъ цѣлаго криваго поколѣнія кривыхъ внучекъ и правнучекъ, вашикъ будущихъ рысаковъ!

БОГАЧЕВСКІЙ.

Смѣйтесь, смѣйтесь, господа, а вы его на проѣздкѣ видали?

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Нѣтъ, не видали.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Андрей Андреичъ Шелохвостовъ самъ слѣдилъ, меньше шести минутъ.

ШЕЛОЖВОСТОВЪ.

Да! да! это поразительно, господа! лошадь заводская, не взведенная! Чтоже изъ нея будетъ, если поѣздить!

създуга (имъ вслѣдъ громко).

Я осмѣлюсь доложить: еслибы это не такое обстоятельство, чтобы сей часъ пускать, потому что уже лошадь до покупки нашей была записана, то я бы этой лошадки.... извините! я при своемъ доверителѣ, при помѣщикѣ, прямо въ глаза скажу: этой лошадки я бы не показалъ на бѣгахъ прежде какъ черезъ годъ, и то въ Москвѣ, на 6-лѣтній призъ, въ тысячу рублей серебромъ!

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ну, а ты любезной, прежде чѣмъ въ Москвѣ, вотъ здѣсь у насъ возьми 100 сегодня.

създуга.

Я вамъ осмѣлюсь доложить: что впередъ ничего знать нельзя, для того, что я могу проиграть. Лошадь еще ѣзды не знаетъ, но должна выиграть.... при томъ для насъ нисколько не обидно: мы не какъ другіе какіе, изъ-за угла не выглядываемъ, кто подпишется—и чтобы накрыть и озадачить. . . . мы приходимъ добрымъ манеромъ.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Признаться, Иванъ Ивановичъ, мнѣ бы хотѣлось взять призокъ! нельзя ли какъ нибудь Ъздоку сказать, чтобы онъ Испуга не пускалъ? Какъ нибудь внушить ему, я ему дамъ на водку, ну, хоть сто цѣлковыхъ.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ (серьезно).

Послушайте, здѣсь не ста цѣлковыми пахнетъ. Вы человекъ молодой, позвольте мнѣ вамъ серьезный советъ дать, а вмѣстѣ и попросить васъ кой о чемъ.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Сдѣлайте милость.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Постарайтесь быть нынѣшній разъ совершенно безпристрастны и хладнокровны, для чести вашей и всего общества,

и для пользы вашей собственно: чѣмъ больше вы нынче проиграете, тѣмъ больше выиграете въ опытности. Дайте мнѣ честное слово, не горячиться; и положитесь на мою совесть. Видите, я съ вами какъ съ сыномъ говорю.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

О! я очень вѣрю вамъ, и охотно даю слово. Знаете, мнѣ даже сомнительно теперь....

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Подождете, все время покажетъ. Ну, однако народу довольно (показывая за сцену). Посмотрите, въ бесѣдкѣ ужь собралось много, и дамы есть. А народу-то народу—Господа, кто у флага стоять? всего десять минутъ до бѣгу.

(Идутъ къ сторонѣ, гдѣ флагъ, и распоряжаются).

(Народъ у барьера).

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Эта сѣрая-то чья?

ДРУГОЙ.

Бздокова.

ТРЕТІЙ.

Нѣтъ, Бздокова-то вороная.

ДРУГОЙ.

Да вѣдь объ лошади сѣрая.

ТРЕТІЙ.

Сѣрая? какъ же одна кажется какъ вороная?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Это еще не выпвѣла, а видишь, хвостъ-то блясой.

ТРЕТІЙ.

Такъ, братецъ ты мой! вотъ что!...

ИНВАЛИДНЫЙ СОЛДАТЪ СТОРОЖЪ.

Посторонись, посторонись, зачѣмъ на перилы садишься?

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Да, да, братцы! на перила не садиться, не садиться! ты, служба, смотри за этимъ.

СТОРОЖЪ.

Слушаю. ваше благородіе, слушаю! Не ходи къ периламъ, не ходи! Осади назадъ, посторонись, посторонись подальше.

ЯК. ГРИГОРЪВИЧЪ.

Къ периламъ пусти, служба, можно! а на перила садиться нельзя.

СТОРОЖЪ.

Ну, ступай, ступай къ периламъ! можно! отчего къ периламъ не подойти? Стой себѣ, только на нихъ садиться нельзя; ну, ступай, ступай къ периламъ.... Ты, мальчишка, зачѣмъ лѣзешь подъ веревку.... тебѣ говорятъ, мальчишка.

1. МАСТЕРОВОЙ ВЪ ХЛАДЪ.

Тутъ, братецъ ты мой, потѣха—какъ я въ Рязани видѣлъ, опосля бѣгу да мальчишекъ господа бѣжать пустили—тутъ смѣшно!

2-й

Что-ты?

1-й

Сквозь землю провалиться!

2-й

Ну! Вишь ты какъ любопытно! Кабы я, братецъ, тамъ былъ, я бы всѣхъ объжалъ.

СТОРОЖЪ.

Ну, ступай, ступай, баба! къ периламъ можно. На перила нельзя садится, а къ периламъ можно.

СЪДУГА И ВЕРТЛЮГОВЪ (*отдѣляясь отъ толпы къ сторонѣ*).

СЪДУГА.

Что, братъ! дѣло плохо!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

О?

СЪДУГА.

И во флагъ не ввалюсь. Тебѣ ничего, а я мѣста лишаюсь.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Лишаешься! а 250 цѣлковыхъ въ карманъ положилъ.

СЪВДУГА.

Чудакъ ты! тутъ бы намъ часто съ тобой отъ Богачевского такія сотенки перепадали, еслибъ только этотъ призишко взять.... а вотъ-что....

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Развѣ того.... пугнуть? да видишь, на перилы не пускають, я было взгромоздился.

СЪВДУГА.

Ты теперь и не лѣзь, а къ 3-му концу, къ повороту.... какъ народъ зазѣвается, ты вскочи, да ухни! и руки врозь: такъ-то: *(показываетъ)*.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Чтобы понесла?

СЪВДУГА.

Ну да, тс. . . . баринъ идетъ.

БОГАЧЕВСКІЙ *(подходя)*

Сергѣй, что? робѣешь?

СЪВДУГА.

Намъ это ничего, сударь, потому что это ничего не доказываетъ, это такое дѣло-съ—счастье!

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Г. Богачевскій, пожалуйста со мною въ членскую бесѣдку (*Съвдугъ*). Ну, братъ, ступай къ столбу, сей часъ звонокъ ударить.

СЪВДУГА.

Иду-съ *(уходитъ)*.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Господа судьи, пожалуйста въ бесѣдку, я иду къ звонку. *(уходитъ съ Богачевскимъ)*.

Михайло Алекс. Яковъ Григ. *(идутъ къ бесѣдкѣ)*.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Мы готовы: служивой, посторонни народъ отъ бесѣдки.

СТОРОЖЪ.

Пошолъ, пошолъ! что къ бесѣдкѣ-то сталъ? нельзя у бесѣдки стоять! посторонись, посторонись!

(Судьи садятся въ бесѣдку).

СТОРОЖЪ.

Подальше стань! подальше!

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Ну, теперъ не трогай ихъ, намъ только пройти надо было. Не отговняй, а то хуже послѣ тѣснить будутъ.

СТОРОЖЪ.

Ну, ступай къ бесѣдкѣ, ступай! это господамъ пройти надо было, а то можно у бесѣдки стоять.... только на перила не садись, а то отчего и возлѣ перилъ не стоять? Можно.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Вотъ и лошадей подводятъ.... вы за кѣмъ следите, Михаилъ Александровичъ?

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Я за Раскатомъ.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Я за Испугомъ, давайте же часы разомъ пустимте.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Интересно знать, какъ Испугъ прійдетъ.

(Народъ гурьбою у барьера).

ВЕРТЛЮГОВЪ *(охлаживая около толпы ударилъ по плечу сановитаго купца).*

А что, господинъ купецъ! за кого держишь?

КУПЕЦЪ.

За пажу держусь, любезный, ты по плечу-то меня не больно бей.

(Народъ смѣется).

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Видно братъ денегъ много, скупъ, шуткой отдѣлался. А ты, малой, за кого?

М А Л О Й.

Да я бы за темненькаго-то три пары чаю подержалъ.

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ну, нѣтъ, братъ, я за свѣтлинъкаго и цѣлковой подержу.

(Человѣкъ въ весьма поношенной чуйкѣ и плохомъ картузѣ, борода бритая, выходитъ изъ толпы съ жестами).

Да я не только цѣлковой, а кажется, что имѣю, все достояніе свое готовъ заложить за Бздокову лошадь, потому что это какъ есть въ формѣ лошадь, а не слонъ!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

А чѣмъ же по твоему другая-то лошадь слонъ?

Ч У Й К А *(не слушал его продолжает громко и горячо).*

А не слонъ! не то, что изъ разныхъ овраговъ воронья кости постаскали: спина, братецъ ты мой, люлька! Ноги, сударь ты мой, лучкомъ!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ты-то самъ хорошъ, на себя бы поглядѣлъ.

Ч У Й К А *(не слушая его по прежнему).*

Ну, ноги—лучкомъ, шея какъ у свиньи ветчинная, вонъ куда смотреть: высоко ли падать? соломки подстели! Да еще полусвѣтной *(зажмуривая одинъ глазъ)*: т. е. наше вамъ почтеніе, другимъ глазкомъ взглянуть не смѣемъ! не взыщите!

(Народъ смѣется).

Ч У Й К А.

Ну!... Всѣ достоинства для негодности своей имѣеть!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Тутъ братъ не по виду судяты, а по ѣздѣ: съ лица не воду пить.

Ч У Й К А *(не слушая).*

Именно для негодности своей всѣ достоинства имѣеть; а

на счетъ ѣзды—его дурака три раза покормить надо, пока ѣздокъ одинъ кругъ сдѣлаешь. И на ножки-то лошадка пропывалась! А воздыханьице имѣеть горестное, истинно жалости достойна! и башмачки-то поизносились у сердечной: ваксой-то чистять, чистять, а какъ подошвы худы, и ваксой ничего не сдѣлаешь? такъ что ли? Да еще вѣдь она и музыканьша кажется? и реветъ, и хрипитъ? а?

(Вертлюговъ прячется въ толпѣ).

Ч У Й К А.

Ага! ушелъ. Видно знаетъ кошка, чье мясо съѣла! Я бы еще не такъ его отдѣлалъ протобестію.

ВЪ ТОЛПѢ ГОЛОСА.

Звонять! звонять!

(Раздается звонокъ).

К У П Е Ц Ъ.

Однако ты его, Иванычъ, отбрилъ!

Ч У Й К А.

Еще не такъ бы отбрилъ.

ВЪ ТОЛПѢ.

Поѣхали! поѣхали!

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ *(въ бесѣдкѣ).*

Смотрите же, Яковъ Григорьевичъ.

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Слѣжу.

ВЪ НАРОДѢ ГОЛОСА.

— Кто впереди?

— Темной впереди, ѣздокъ.

— Скачеть! скачеть!

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ *(въ бесѣдкѣ).*

Что, видите?

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Вижу, у Раската проскачка пять, шесть, восемь надолбовъ.

ВЪ НАРОДЪ ГОЛОСА.

- Кто впереди ?
- Бѣлой, бѣлой впереди !
- Опять скачетъ.

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*въ бесѣдкѣ*).

У Испуга одинъ сбой.

ВЪ НАРОДЪ ГОЛОСЪ.

Это что же ? свѣтлой скачетъ опять !

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Видите, Яковъ Григорьичъ, Раскатъ весь заворотъ скакаль.

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Помните—проскачка.

ВЪ НАРОДЪ ГОЛОСА:

- Кто впереди ?
- Все Ъздокъ ! Идетъ-то какъ !

ВЕРТЛЮГОВЪ.

(*Шныря сзади толпы*).

Эхъ ! не возьметъ Сергѣй призу !... гдѣ бы тутъ ? Кажется есть мѣсто пустое у барьера около бесѣдки ? теперь всѣ заняты.

ВЕНДУЛЪ (*сзади его сторожу*).

А ты, служба, смотри за нимъ ; правое слово должно быть карманникъ—ей-же-ей !

СТОРОЖЪ.

А, братику, и мины кажется.... тово.... не карманникъ ли?...

ВЪ НАРОДЪ ГОЛОСА:

- Вотъ другой заѣздъ поѣхали.
- Эва ! гдѣ бѣлой-то отсталя !
- Скачетъ !

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ (*въ бесѣдкѣ*).

Семь, восемь.... десять.... двѣнадцать.... Кончено ! Богачевскій проигралъ, больше 10-ти надолбовъ проскачка.

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Разъ, два, второй сбой Испуга.

ВЪ НАРОДЪ.

Ровно идутъ !

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Вотъ теперь минута !

КУПЕЦЪ (около барьера).

Видишь, какъ разстиается Ђздокова лошадь ! Любо гля-
дѣть, какъ идетъ....

ВЕРТЛЮГОВЪ (вскочивъ на барьеръ).

Ухъ!!

СТОРОЖЪ (бѣжитъ за нимъ).

Эй, эй, молодець, на перима нельзя ! нельзя !

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ухъ !!

ВЪ НАРОДЪ ГОЛОСА:

— Батюшки ! повесла лошадь !

— Бьеть !

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (въ бѣсѣдкѣ).

Что это ? лошадь испугана ! Сторожъ, солдатъ !

СТОРОЖЪ.

Я ! ваше благородіе ! Здѣсь, ваше благородіе.

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Кто испугаль ?

СТОРОЖЪ.

Держу, ваше благородіе ! пойдемъ, любезной, пойдемъ !
(*хватаетъ Вертлюгова*).

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Ты что ? чего тебѣ ? Я только посмотрѣть хотѣлъ.

СТОРОЖЪ.

Вотъ пойдемъ, пойдемъ (*изъ окружаетъ группа цыганъ
и народа*).

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ (въ бесѣдкѣ).

Считаете вы этотъ сбой Испуга ?

ЯКОВЪ ГРИГОРЬВИЧЪ.

Всего три надолби, молодцомъ ставить на рысь ! это третій сбой, что это ?...

ВЪ НАРОДЪ ГОЛОСА:

- Ай, ай, лошадь въ заворотъ упрямится !
 - Это оттого, что испугали подлещы !
 - Съ дрожекъ упаль !
 - Нѣтъ справился !
 - Батюшки ! поперегъ оглобли тесина !
 - Бальерь сломаль !
 - Тяжъ лопнулъ !
- А молодець Ъздокъ, и безъ тяжа ѣдетъ !

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ (въ бесѣдкѣ).

Яковъ Григорьичъ, слѣдите же !

ЯКОВЪ ГРИГОРЬВИЧЪ.

Молчите, батюшка ! У меня вся кровь кипить ! молодець, Ъздокъ ! всего три сбоя—его призъ !

ВЪ НАРОДЪ ГОЛОСА:

- Впереди ! впереди !
- Ъздокъ впереди !
- А тотъ-то ! эо подлещъ ! гдѣ остался, а еще скачетъ.
- У столба ! у столба !

(Бьетъ звонокъ).

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ (въ бесѣдкѣ).

Раскаты за флагомъ !

ЯКОВЪ ГРИГОРЬВИЧЪ.

Испугъ безъ 14-ти секундъ, сударь ! за всеми подлещами безъ 14-ти.... это лихо !

Народъ бьетъ въ ладоши; голоса:

- Молодецъ, Ёздокъ! молодець, да и малой-то лихой!
- Ужь малой-то какой: рубаха!
- Дай Богъ, дай Богъ ему!

МИХ. АЛЕК. И ЯКОВ. ГР. (*выходятъ изъ бесѣдки*).

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*запальчиво*).

Гдѣ этотъ мошенникъ, что лошадь испугалъ? Дайте мнѣ его сюда!

СТОРОЖЪ.

Здѣсь, ваше благородіе! Я, ваше благородіе, какъ вы приказывали, говорилъ: ко́ло бальеру можно, ко́ло бесѣдки можно, а на перилы не можно, ваше благородіе! а винъ вскочивъ на бальеръ, ваше благородіе! отъ я и диржу его, ваше благородіе!

(*Толпа народу около сторожа, Вертлюгова и судей*).

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Ваше благородіе! Ваше сіятельство! кто выигралъ?

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Ёздокъ выигралъ, ребята! Ёздокъ!

2-й.

Ёздокъ выигралъ! слышите, Ёздокъ! ой — да господа-боляре!

ВЕРТЛЮГОВЪ.

Помилуйте, ваше сіятельство, я ничѣмъ не причина.

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*горливо*).

Молчать! бездѣльникъ!

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Полноте, не горячитесь, Яковъ Григорьичъ.

(*Входятъ Иванъ Ивановичъ и Вася, у него въ рукахъ призовой серебряной кубокъ*).

В А С Я.

Братцы! голубчики! господа отстояли меня грѣшнаго! Дай Богъ имъ здоровья! Батюшка, Иванъ Ивановичъ! это.

по вашей милости и по вашей, Яковъ Григорьевичъ, и по вашей, Михайла Алексеевичъ, вѣкъ вашихъ милостей не забуду!

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Это, братъ, не насъ, а себя благодари, ты первой прѣхалъ, и всего три сбой было, призъ и по праву, и по правиламъ твоей.

ВЪ НАРОДЪ ГОЛОСА:

— Молодецъ Ъздокъ!

— И господамъ спасибо: разсудили!

В Е Д У Л Ъ.

А что кумъ—я тебѣ говорилъ: правое слово! господа хорошіе! сй-ей. Ужъ я нынче господъ повеселю, пѣсни будемъ пѣть на радости.

(Купцы и барышники собираются около Васи, поздравляютъ его, кубокъ переходитъ изъ рукъ въ руки, его отдаютъ малому — вдали ведутъ лошадь подъ попоною, впереди малой несетъ кубокъ).

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Иванъ Ивановичъ! Развѣ вы не видали: лошадь испугали... и за всѣмъ тѣмъ у него только три сбой; а тамъ четыре проскачки, четыре! и каждая по десяти сажень! Что же это?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Что вы горячитесь? Вы видите призъ Ъздоку отданъ.

ВОГАЧЕВСКІЙ (входл).

Вася! Вася! гдѣ ты? поздравляю! и я тебя поздравляю! я все видѣлъ, и благодарю тебя, ты мнѣ глаза открылъ, дай обнять себя, забудемъ прежнюю ссору: ты лихой ъздокъ, ты настоящій охотникъ!

В А С Я.

Ваше благородіе! Я вамъ всею душою готовъ служить, вы баринъ душевенной!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Ай да баринь! молодець!

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Да что же, Иванъ Ивановичъ, что же намъ съ этимъ мошенникомъ дѣлать (*показывая на Вертлюгова, котораго держитъ сторожь*); сей часъ его въ полицію.

БОГАЧЕВСКІЙ.

А гдѣ другой мошенникъ, мой наѣздики?

МАЛОЖЪ БОГАЧЕВСКАГО.

Наѣздики, сударь, нѣтъ-съ: онъ слнялъ.

БОГАЧЕВСКІЙ.

А Шелохвостовъ гдѣ?

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

И Шелохвостовъ твой, братъ, видно тоже слнялъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Послушайте: чѣмъ больше разбирать, тѣмъ больше будетъ пустяковъ.

В А С Я (*подходя*).

И совершенно, сударь, справедливо разсуждать изволите; эти пустяковыя дѣла бросить слѣдуетъ, а не разбирать. Я больше однимъ доволенъ, что самъ помѣщикъ, то есть, Иванъ Романовичъ, можетъ теперь отличить, какой кто изъ насъ человекъ. Мнѣ же на такихъ людей даже обижаться низко.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Прекрасно, Бздокъ, прекрасно, (*Вертлюгову*) ты! поди сюда! Если ты, бестія, да сюда еще разъ на бѣга яви на ярмарку явишься, такъ слушай, отсюда вотъ: (*показываетъ на шею*) и вотъ до сюда (*показываетъ на плечки*) такую швабскую мушку приставятъ, что шесть недель ни лечь, ни състь нельзя будетъ, понялъ ты? Вотъ проси у него прощенья.

В А С Я.

Ваше благородіе, Иванъ Ивановичъ! сдѣлайте милость: Богъ съ нимъ, пусть его идетъ въ свое мѣсто.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, довольно, господа? Довольно, ребята? Пусти его, солдать. Чтобъ въ три часа тебя не было здѣсь на ярмаркѣ, понялъ?

ВЕРТЛЮГОВЪ (*убѣгаетъ*).

Изъ народа голоса ему вслѣдъ:

- Улю-лю! стычныя ребра!
- Усь-усь, Алексѣй Алексѣичъ!
- Вилки въ затылкѣ!
- Тарелки въ бокахъ!
- Усь-усь! севрюжій хвостъ въ карманъ.

(Хохотъ).

(Человѣкъ въ поношенной чуйкѣ и такомъ же картузѣ, борода бритая, входитъ съ жестами).

А я, ваше благородіе! Мусью франсе между прочимъ! извольте спросить: отъ своихъ словъ не отрекусь, я еще прежде говорилъ, вотъ при свидѣтеляхъ: «что я не токмо цѣлковой, а кажется, что имѣю все достояніе свое готовъ заложить за Ъздокову лошадь, потому что это какъ есть въ формѣ лошадь, а не слонъ, не то что изъ разныхъ овраговъ вороня кости постаскали: спина, братаецъ ты мой, люлька! ноги, сударь-ты мой, лучкомъ, шея какъ у свиньи ветчинная, вотъ куда смотреть: высоко ли падать? Соломки подстели! Да еще полусвѣтной (*зажмуривая одинъ глазъ*): другимъ глазкомъ взглянуть не смѣемъ, не взыщите! Вся достоинства для негодности своей имѣеть! А на счетъ ѣзды его дурака три раза покормить надо, пока Ъздокъ одинъ кругъ сдѣлаеть. И на ножки-то лошадка прогнѣвалась, и воздыханьеде имѣеть горестное, истинно жалости достойна! и башмачки поизносила, какъ ваксой ни чисти, а подошвы худы, товаръ плохъ поставленъ! да еще и музыканьша: на фаготъ играетъ!»

Это все я еще давеча говорилъ и честь имѣемъ поздравить «героя» т. е. (*обращаясь къ Васѣ*).

Возрадуйся герой, насчетъ своей победы,
Объ этомъ возвестятъ и правнуки и дѣды!
(*хохотъ*).

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ай, да Крыловъ, ай, да Иванъ Иванъ Ивановичъ; это, господа нашъ Елецкой актеръ и баснописецъ. Талантъ! Однако, господа, дѣло кончилось, я думаю пора по домамъ. Что, ребята хорошо было?

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ.

- Знатно было!
- Штука знатная.
- Главное: по Божью, справедливо! вотъ что люблю!
- И не жалко, что посмотреть ходили.

(*Народъ расходится*).

Я В Л Е Н И Е VI.

Иванъ Ивановичъ, Михаилъ Александровичъ, Яковъ Григорьевичъ, Богачевскій и Вася.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ужъ семь часовъ, господа, и чай пить пора.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Такъ милости прошу ко мнѣ. Ты, побѣдитель, заходи, потолкуемъ.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Позвольте на одну минуточку, Иванъ Ивановичъ, я при васъ объяснюсь съ Васильемъ. Ты видишь, Василій, хоть ты у меня нынче выигралъ, но я висколько не сержусь, напротивъ я благодаренъ даже тебѣ, что ты мнѣ глаза открылъ. Я теперь даже сомнѣваюсь, Шишкинская ли эта лошадь?

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Ну, объ этомъ его спрашиваете!

В А С Я.

Помплуйте, Яковъ Григорьевичъ, мнѣ объ этихъ дѣлахъ говорить не приходится: вы изволите знать—наше дѣло торговое....

БОГАЧЕВСКІЙ.

Хорошо, я понимаю однако, господа, вы мой заводъ знаете, вы знаете, что мнѣ заводчикъ нуженъ, что вы скажите объ его Испугъ?

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Лошадь хорошая.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Годится онъ мнѣ?

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Да я думаю онъ всякому годится.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Такъ продай мнѣ его, Василій, я покупаю. Нѣтъ! руку на сердце, ты должно быть сердншься на меня, потому что я тебя смѣнилъ, а въ наѣздники взялъ Сергья Авдѣева. Ты тогда еще мнѣ продавалъ Испуга за 1000 рублей серебромъ, меня сбили, теперь я за это заплатился. Теперь проси хоть вдвое. Хочешь? Я покупаю съ тѣмъ, чтобъ ты самъ на немъ на всѣ призы ѣздилъ.

МЕХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Ну чтожь, Василій, это дѣло.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Вотъ люблю молодого охотника! вотъ люблю! Средства есть, ну. . . шился-прокрылся, концы видны! Перенесеть, карманъ-то жиренъ, жиренъ! а это охота!

В А С Я.

Господа, извините моему глупому слову! Это дѣло такъ скоро не дѣлается. Повѣрьте это я не съ намѣреніемъ какинъ,

а по истинѣ говорю.... Между прочимъ осмѣлюсь ли просить
осчастливить меня?

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ну, что такое?

В А С Я.

Сегодня у меня такая радость. Богъ мнѣ счастье послалъ,
такъ я за обязанность считаю отблагодарить чѣмъ могу. . . .
тутъ моя квартира по близности, такъ удостойте на чашечку
чайку.... по одной! и больше просить не буду, по крайней
мѣрѣ хотъ своимъ посѣщеніемъ осчастливьте!

БОГАЧЕВСКІЙ.

Какъ вы, господа?

ММК. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Я не знаю, какъ вы?

В А С Я.

Потому еще болѣе, доложу вамъ: это квартира моей не-
вѣсты.... нынче у насъ сговоръ.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Какъ? сговоръ!

В А С Я.

Такъ, сударь. Я своей невѣстѣ слово далъ, если Богъ дастъ
я призь выиграю, то завтра наша сватьба.... а ужъ вы не
лишите своимъ посѣщеніемъ.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ну ужъ, господа, отъ этого отказаться нельзя, это штука:
и призь взялъ, и женился! это хорошо!

В А С Я.

Просимъ покорно, пожалуйста-сь.

*(идуть въ блѣнную горницу на правой рукѣ
сцены въ слободѣ).*

СЦЕНА III.

КОМНАТА I-Й СЦЕНЫ.

По срединѣ столъ накрытъ бѣлою скатертью, на столѣ хлѣбъ-соль. Около стола стулья. Въ одномъ углу комнаты столъ съ самоваромъ, кругомъ его цыгане и цыганки пьютъ чай. Въ другомъ углу такъ же накрытъ столъ. Въ боковой стѣнѣ, отворенная дверь и около нея гурьбою городскія и подгородныя двушки.

В А С Я. (*входитъ поспѣшно*).

Дядюшка! гости идутъ!

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

Ну, Ѳедулъ Петровичъ, величайте.

(*беретъ со стола хлѣбъ-соль*).

Входятъ Иванъ Ивановичъ, Михаилъ Александровичъ,
Яковъ Григорьевичъ, Иванъ Романовичъ.

ХОРЪ ЦЫГАНЪ:

(*цыганская величальная пѣсня*).

Ужъ нѣтъ у насъ такого молодца,
Какъ Иванъ да Романовичъ, и проч.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Браво! браво! да это просто пиръ на весь мѣръ!

БОГАЧЕВСКІЙ.

Благодарю, благодарю, ребята.

(*даетъ деньги цыганамъ*).

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ (*съ хлѣбомъ-солью*).

Здраствуйте, батюшка Иванъ Романовичъ! вотъ примите нашу хлѣбъ-соль. Вы меня, сударь, узнаете-ли? Я вѣдь батюшки

вашего былъ человекъ; Дай-Богъ ему царство небесное. Вы наши благодѣтели, помѣщики.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Это ты, Семень? Нашъ старый кучеръ? здравствуй, поцѣлуемся, стало-быть я и невѣсту знаю.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Это Маша, сударь, ваша молочная сестра.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

А! я очень радъ. Василій, поздравляю! Это просто домашній праздникъ. Но мнѣ, право, досадно: это бы у меня въ деревнѣ надо сыграть свадьбу.

В А С Я.

Все Богъ устроить, сударь, не извольте беспокоиться.... а я вашею милостью доволенъ.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Гдѣ же невѣста?

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Вотъ, сударь, прошу покорно садиться (*гости садятся у накрытаго стола на лѣво*). Вы насъ извините, ужь у насъ такой обычай: сей часъ невѣсту будутъ выкупать.

ВОГАЧЕВСКІЙ.

Ахъ, я очень радъ посмотреть на русскій стговоръ, я уже давно не бывалъ на такомъ праздникѣ.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Прекрасно, господа! Это просто превеселый случай. А ты что тутъ дѣлаешь, Федулъ? старый знакомой?

ФЕДУЛЬ.

Я сударь, дружокъ. Мы съ Васильемъ кумовья.

ОДНА ДѢВУШКА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Невѣста одѣта, все готово.

ФЕДУЛЬ.

Ну, женихъ, иди сюда.

КОРЬ ДѢВУШЕКЪ :

Косатой мой сѣлезень, сѣлезень,
 Бываль-ли ты на моръ, на моръ?
 Видалъ-ли ты утушекъ, утушекъ?
 Ужь какъ же мнѣ не бывать, не бывать,
 Какъ утушекъ не видать, не видать,
 Всѣ утушки въ камышахъ, въ камышахъ,
 Всѣ сврыя въ тростникахъ, въ тростникахъ.
 Удаленькой молодець, молодець,
 Бываль-ли ты въ теремъ, въ теремъ?
 Видалъ-ли ты дѣвушекъ, дѣвушекъ?
 Ужь какъ же мнѣ не бывать, не бывать,
 Какъ дѣвушекъ не видать, не видать?
 Всѣ дѣвушки хороши, хороши,
 Сударушки пригожи, пригожи,
 Свѣтъ — Марьюшка лучше всѣхъ, лучше всѣхъ,
 Руса коса длиньше всѣхъ, длиньше всѣхъ.

(Толпа дѣвушекъ медленно подвигается съ пѣснью до авансцены, невѣста среди ихъ — ея невидать).

ОБДУЛЬ *(подходя къ дѣвушкамъ, держитъ полотенцо за одинъ конецъ, Василий за другой).*

ОБДУЛЬ.

А дѣвушки, красныя? откуда Богъ несетъ? и куда?

ОДНА ИЗЪ ДѢВУШЕКЪ ПОСТАРШЕ.

Извѣстно куда: вѣдь нынче ярманка; вы на ярманку и мы на ярманку.

ОБДУЛЬ.

Да мы на ярманку за покупкой ѣдимъ.

ДѢВУШКА.

А мы за продажею прѣхали.

ОБДУЛЬ.

Стало у васъ и товаръ есть?

ЕВДУЛЪ.

Ужь у насъ-то товару не быть! такой товаръ, какого еще и не бывало.

ЕВДУЛЪ.

Ужь будто и не бывало?

Ужь будто на ярманкѣ товару мало?

ДѢВУШКА.

Да такого-то нѣтъ. У васъ-то купецъ каковъ, покажите сперва.

ЕВДУЛЪ.

Да вотъ нашъ купецъ,

Каковъ молодець!

Нельзя погрѣбовать,

А лучше нельзя требовать.

Красавчикъ, нечего сказать!

Только въ окошечко продать.

ДѢВУШКА.

Ну, купецъ ничего; а товаръ лучше.

ЕВДУЛЪ.

Тѣтъ лучше покажи, чѣмъ хвалиться,

Будетъ намъ съ той браниться!

ДѢВУШКА.

А что за показъ дадите?

ЕВДУЛЪ.

Скупа ты торговка,

Плутовка!

Золотая твоя головка—

Придумала ловко!

И за показъ

Денежки просишь съ насъ (*даетъ ей денегъ*).

ДѢВУШКА.

Мало.

ЕВДУЛЪ (*даетъ ей еще*).

Ну, мы не скупые, не въ васъ.

ДѢВУШКА.

Вотъ нашъ товаръ каковъ, смотрите любуйтесь.

(Толпа раздвигается и показываетъ невѣсту).

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

Свѣтъ Марьюшка созвала дѣвусекъ,
Сама садилася выше всѣхъ,
Клонила головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ.

(Толпа опять смыкается).

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ай, да дружно, да ты, видно, по свадьбамъ часто дружкой бывалъ?

ФЕДУЛЬ.

Случалось, сударь.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Ну, братъ, Василій, поздравляю!

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Красавица невѣста-то.

(Федуль съ женихомъ подходятъ опять къ дѣвушкамъ).

ФЕДУЛЬ.

Ну, нашему купцу товаръ нравится, а цѣна какая будетъ?

ДѢВУШКА.

Тысячу рублевъ—меньше не отдадимъ!

ФЕДУЛЬ.

Ты, торговка, ситцевое платьѣ носишь,
А съ меня на парчевое пресишь....

ДѢВУШКА.

О, скупой ты купецъ какой, за такой товаръ.....

СЕДУЛЬ.

Да за этотъ товаръ,
Заварю тебѣ самоваръ,
Поднесу тебѣ чайку,
Да на тарелочку медку.

ДѢВУШКА.

Полно, полно медомъ-то ублажать. Денегъ дай.

СЕДУЛЬ.

Ну, вотъ тебѣ, вотъ,
Возьми пять сотъ!

ДѢВУШКА.

Штъ! нѣтъ! тысячу.

СЕДУЛЬ.

Ну, вотъ тебѣ: разъ!
Два! получай денежки съ насъ!
Вотъ тебѣ деньги,
Годятся на коты, да кенги!

*(Невѣсту выводятъ и выдаютъ жениху, дружко
связываетъ руки у нихъ ручникомъ).*

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ:

Не разливайся, мой тихой Дунай,
Не пускай ручьи въ зеленые луга;
Во зеленыхъ лугахъ все ковыль трава,
Въ этой ковылушкѣ бѣлой олень,
Бѣлой олень, золотые рога;
Бѣхаль повхаль Василий-сударь,
Ударилъ оленя онъ плеточкою.
Не бей меня, Василий-сударь!
Нѣ-въ-кое время гоюсь я тебѣ:
Будешь жеваться, на свадьбу приду,
На дворъ взойду, весь дворъ освѣчу,
Въ терѣмъ взойду — всѣхъ гостей развеселю!

А пуще всѣхъ невѣсту твою,
Невѣсту твою, Марью-свѣтъ,
Марью свѣтъ да Григорьевну

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Теперь, батюшка, Иванъ Романовичъ, вы нашъ старый помѣщикъ, позвольте васъ просить, хлѣбомъ-солью благословить.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Очень радъ (береть хлѣбъ-соль, невѣста и женихъ кланяются въ ноги, онъ передаетъ Семену Карпову, передъ Семеномъ Карповымъ невѣста и женихъ повторяютъ тоже и цѣлуютъ его. Хлѣбъ этотъ ставятъ на столъ и сажаютъ за столъ жениха съ невѣстой, подлѣ невѣсты Семенъ Карповъ, подлѣ жениха Богачевскій, далѣе Феодулъ и посаженная мать).

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ:

Стояли кони, убранные,
Подъ шатрами подлѣ коврами,
Никто-то коней не любить,
Любила коней Марья-свѣтъ,
Любила коней Григорьевна:
Сыпала сахару вмѣсто овса,
Поила медомъ вмѣсто воды!
«Пейте вы кони, да кушайте,
Завтра по утру везите меня,
Дальше, подальше отъ батюшки,
Дальше, подальше отъ матушки,
Ближе, поближе къ милому дружку,
Къ милому дружку, Василью-свѣтъ,
Къ милому дружку Ивановичу.

(Почетнымъ гостямъ подносятъ шампанское).

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Горько.

(Невѣста съ женихомъ целуются по три раза).

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Ужь и мнѣ подсластить надо.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

И мнѣ тоже (исполняется).

(Всѣ встаютъ изъ-за стола, старшал двушка подноситъ невѣстѣ тарелку съ вышитыми полотенцами. Маша подходитъ къ Богачевскому съ тарелкою и полотенцами).

БОГАЧЕВСКІЙ.

Это что же, Маша?

М А Ш А.

Пожалуйте.... полотенчко.... вельзя же—это такъ водится.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Такъ и мнѣ тебя отдарить надо.

(Вынимаетъ бумажникъ).

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Эхъ, братъ, не умѣешь ты счастьемъ пользоваться. Позволь-ка мнѣ. Я лучше его, матушка, знаю обычай; подойди-ка сюда, красавица! вѣдь и для меня есть ручничокъ.

СЕМЕНЪ КАРПЫЧЪ.

Извѣстно, сударь, и для васъ и для всѣхъ почетныхъ гостей.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Ну, такъ вотъ какъ слѣдуетъ *(цѣлуетъ невѣсту, утирается ручникомъ, беретъ его, и кладетъ на тарелку золотой, тоже и Михайл. Алек. и Яковъ Григ.)*.

БОГАЧЕВСКІЙ.

Вотъ какой обычай, это прекрасно!

(Цѣлуетъ невѣсту и кладетъ 100 р. сер.)

В А С Я.

Иванъ Романовичъ! Что же это, сударь, мнѣ совѣстно.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Василий, это ужь мое дѣло, это я невесту дарю.

СЕДУЛЪ.

Ну! теперь наше дѣло! дѣвушки свое пропѣли теперь, вы! (цыганамъ) Сюда! строй гитары! Позвольте повеселить?

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Иванъ Романовичъ! Какъ вы? Я думаю имъ теперь надо просторъ дать? Не восвоися ли намъ? прощайте, добрые люди.

СЕМЕНЪ КАРНЫЧЪ.

А я-то какъ доволенъ вашею милостью, батюшка! Господь создалъ мнѣ такую радость, и еще такіе гости были именитые.

В А С Я.

Извините, господа, моему слову: я васъ на чашечку чайку просилъ, такъ удостойте...

БОГАЧЕВСКИЙ.

Мы, братъ, даже и по бокалу шампанскаго выпили—и довольно. Я думаю, вамъ веселѣе будетъ однимъ, тѣмъ болѣе что мы объ Испугѣ съ тобой завтра переговоримъ, я отъ своего слова не откажусь...

В А С Я.

Помилуйте, сударь, отъ чего же не теперь? Я вами такъ обязанъ, такъ обласканъ.... Истинно день нынче въ моей жизни самой счастливый день.... чѣмъ возблагодарить васъ? Я у васъ почти выросъ въ домъ, вамъ всѣмъ обязанъ.... Не отъ васъ терпѣлъ я, а отъ людей.... меня передъ вами оболгали. Теперь вы изволили меня почестъ и оправдать меня, чѣмъ же мнѣ заплатить? Батюшка, Иванъ Романовичъ, два года тому назадъ отдавалъ я вамъ Испуга за тысячу серебра.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Ну, теперь онъ много больше стоитъ.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Я ему давалъ двѣ тысячи и не отказываюсь.

В А С Я.

А я, сударь, прошу васъ, извольте его взять за тысячу.

ЯК. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Вотъ это благородно!

БОГАЧЕВСКИЙ.

Послушай, ты за кого же меня принимаешь, я тебѣ даю двѣ тысячи.

В А С Я.

А я, сударь, былъ бы безчестный человекъ, еслибъ воспользоваться этимъ захотѣлъ.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Но мнѣ на это согласиться нельзя: мнѣ стыдно будетъ у тебя выторговать.

В А С Я.

Не это стыдно, а стыдно вамъ отъ меня послуги не принять, и меня отказомъ обидѣть. Я вамъ съ тѣмъ продаю, что эта лошадь на моихъ рукахъ останется, а я у васъ при ней буду наездникъ и въ вашей вотчинѣ буду жить, я и жена и съ дялюшкой. Маша, дялюшка, просите же!

БОГАЧЕВСКИЙ.

Полно-те, полно-те, друзья мои! вы меня до слезъ тронули.

ЯВ. ИВАНОВИЧЪ.

Иванъ Романовичъ, не упрямитесь: это вамъ вѣрные слуги, я вижу. Не обижайте ихъ, возьмите лошадь — и толковать нечего.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Но, господа... при васъ при всѣхъ и при свидѣтеляхъ... ты не хочешь, Василий, взять своей цѣны, я у тебя въ дому,

но я вознагражу тебя за это, мой другъ... и тысячу рублей серебромъ, сверхъ цѣны еще, кладу въ ломбардъ на имя твоей невѣсты.

В А С Я.

Увольте, сударь, и отъ этого.

БОГАЧЕВСКИЙ.

Нѣтъ, безъ этого я не хочу.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

И не говори, Василий! Кончено! дѣло сдѣлано: мы свидѣтели.

СЕМЕНЪ КАРЫЧЪ и МАША (кланяются).

Батюшка, вы нашъ благодѣтель!

ЦЫГАНЕ.

Ай, да баринъ, доброй баринъ!

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Вотъ какой вечеръ, задался веселый, и я скажу....

БОГАЧЕВСКИЙ.

Да, Иванъ Ивановичъ, я такого прекраснаго дня и не помню. Ну... Василий, говори смѣлей, не бойся — я вижу, что Раскатъ дрянная лошадь, и не можетъ быть кровная: отчего она подъ аттестатъ подошла, отчего кривая? а? говори пожалуйста, я не буду сердиться, видишь какъ я весель.

В А С Я.

Ну что, сударь, эти пустяки поднимать, для этакаго веселья.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Да вотъ спросите Оедула, онъ вамъ лучше всѣхъ расскажетъ.

ОЕДУЛЬ.

Баринъ! сердиться не станешь!

БОГАЧЕВСКИЙ.

Честное слово—нѣтъ! напротивъ я посмѣяться хочу.

ФЕДУЛЬ.

Ну такъ Вертлюговъ-то ей-же-ей... нашему цыгану косо-рылому Вохрому коновалу пять рублей заплатилъ.... за то что онъ ей глазъ выкололъ и заживилъ.... правое слово! при-мнѣ и лечилъ.

(Обицѣй хохотъ).

БОГАЧЕВСКІЙ *(помирая со смѣху).*

Охъ! батюшки! хоть я своими деньгами поплагился, но за эту штуку и за рассказъ прощаю Вертлюгову! охъ! *(хохо-четъ)*. Ну, Федуль, такъ какъ ты видѣлъ его операцию, и тебѣ дарю и лошадь. Возьми ты этого Раската и разжи-вайся.

ЦЫГАНЕ.

Ай, да баринъ тороватый!

ФЕДУЛЬ.

Покорно благодарю, сударь, мнѣ годится.... ну! вы! чавалы! *(сверкая глазами)* Господа веселятся! ну ей Богу! для счастливаго дня, господа, поднимите таборъ, прикажите!

БОГАЧЕВСКІЙ.

Пойте, пойте! въ такую веселую минуту, я вижу нужны цы-ганскія пѣсни.

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Что жъ? Сложитесь, господа, на таборъ по двадцати пяти цѣлковыхъ *(даетъ деньги)*.

ЯК. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

И я.

МИХ. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Идетъ! идетъ!

БОГАЧЕВСКІЙ.

Вотъ и мон.

(Даютъ деньги).

ФЕДУЛЬ.

Покорно благодарю, господа! благодарю покорно! чавалы! сюда! Ну, кумъ, и ты иди сюда къ намъ! Жена! пляши съ Васильемъ и я съ вами.

(Низгрывал).

Бассанá, бассана, басаната ты моя,
Самъ цыганъ цыганята, цыганята жиденята!

ИВ. ИВАНОВИЧЪ.

Постой, постой! Нѣтъ прежде пусть Таня намъ протяжную пѣсенку споетъ, а потомъ начинайте и плясовую.

БОГАЧЕВСКІЙ (*съ бокаломъ на авансценѣ*).

Позвольте, господа! Прежде всего два тоста: первый—за русскія Общества коннозаводства, и за ихъ достойныхъ членовъ, которые намъ молодымъ охотникамъ даютъ настоящій взглядъ на дѣло, а русское мастерство и русскую охоту награждаютъ по достоинству.

В С Я.

Ура!

БОГАЧЕВСКІЙ.

А второй—за здоровье жениха и невесты!

В С Я.

Браво! браво!

БОГАЧЕВСКІЙ.

И на мой счетъ дюжина шампанскаго! Начинайте!

(Окончаніе его рѣчи быстро и fortissimo подхватывается хоръ цыганъ).

Хожу-ль я по улицъ,

Solo

Глажу я на милою.

ПОТОМЪ ХОРЪ И ALLEGRO.

Эй вы, гусары.

(За тѣмъ другія цыганскія пѣсни и пляска).

К О Н Е Ц Ъ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1854.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ.

Кн. 2.

ЗАПИСКИ СТУДЕНТА. *

(Продолженіе).

10 марта, суббота. Посль клубнаго обѣда князю Багратиону и послъ частныхъ угошеній, которыми Москва чествовала дорогаго гостя и другихъ петербургскихъ пріѣзжихъ, — она отдыхаетъ. Пора! надобно же веселой старушкѣ, Москвѣ, переварить всѣ съѣденныя ею стерляди и выпитое шампанское. Теперь настоящій постъ: тихо и смирно, ни обѣдовъ, ни новостей.

Говорять, что обязанности скучны; но я начинаю находить, что скучно и безъ обязанностей; рѣшился опять таскаться по лекціи, что очень утѣшаетъ моего Петра Ивановича; а между тѣмъ продолжается переписка насчетъ моего опредѣленія въ службу. Не знаю, какъ благодарить моихъ добрыхъ покровителей за всѣ хлопоты, которыя они на себя по сему случаю принимаютъ.

У князя Ивана Сергѣевича Гагарина встрѣтилъ я знаменитаго живописца Тончи. Онъ женатъ на старшей дочери

(*) Смотри N 1 этого года.

князя. Съдь какъ лунь. Судя по виду, ему должно быть лѣтъ около шестидесяти, но по живости разговора нельзя дать ему и сорока. Онъ занималъ всю бесѣду. Удивительный человекъ: кажется живописецъ, а стѣить любаго профессора — все знаетъ, все видѣлъ, всему учился. Толковалъ о политикѣ, наукахъ, современныхъ открытіяхъ, рассказывалъ разные анекдоты, одинъ другаго занимательнѣе; я слушалъ, разиня ротъ, и не видалъ какъ пролетѣло время. Между прочимъ сказывалъ, что когда въ Луккѣ захотѣли образовать муниципалитетъ, то одинъ острякъ изъ слова *Municipalita* сдѣлалъ прекрасную анаграмму, которая можетъ идти за эпиграму: *Capit malinini*; разсуждая о сходствѣ латинскаго и итальянскаго языковъ, онъ разсказалъ слѣдующій анекдотъ: нѣкоторые богатые жители въ Веронѣ, построивъ часовню Богоматери, захотѣли украсить ее приличною надписью; но вышло затрудненіе: одна половина строителей желала, чтобы надпись сдѣлана была на латинскомъ языкѣ, а другая настаивала, чтобы она была на итальянскомъ; долго продолжался споръ, покаместъ одинъ находчивый академикъ не помирилъ обѣ стороны, сдѣлавъ слѣдующую надпись:

In mare, in terra, in subita procella,
Invoco te Maria, benigna stella.

Всѣ были удовлетворены: для однихъ надпись была латинская, для другихъ итальянская. — Въ примѣръ необыкновенной гибкости латинскаго языка, Тончи написалъ одну фразу, которую читай какъ хочешь, съ начала или съ конца, буква въ букву, и она сохраняетъ свой смыслъ:

In girum imus noctu ut consumimur igni.

Что за любезный человекъ, и съ какимъ многосложнымъ образованіемъ этотъ Тончи! Послѣ всего, что я слышалъ объ немъ и отъ него, не удивляюсь, что русская княжна вышла за итальянскаго живописца. Онъ страстно любитъ литературу и самъ пишетъ стихи. Микель-Анжело и Сальваторъ-Роза были также поэты; въ альбомѣ одной изъ его сволченицъ я читалъ написанные имъ стихи; не ручаюсь, чтобы они были его сочиненія, но во всякомъ случаѣ выборъ дѣлаетъ честь его вкусу.

Il passato non è, ma se lo finge
 La vana rimembranza.
 Il futuro non è, ma se lo pinge
 L'indomita speranza.
 Il presente sol è, ma in un baleno,
 Passa del nulla in seno.
 Dunque, la vita è appunto
 Una memoria, una speranza, un punto.

Тончи теперь мало занимается живописью и пишетъ иногда только портреты съ родныхъ жены своей; портретъ, написанный имъ съ стараго князя, есть произведеніе образцовое: кромь необычайнаго сходства, какая работа и какой колоритъ! Точно живой, такъ и выходитъ изъ полотна; но говорятъ, что этотъ портретъ, какъ онъ ни превосходенъ, ничто въ сравненіи съ портретомъ Державина, писаннымъ въ Петербургъ: Тончи ни за что не хотѣлъ представить его въ парикъ, а Державинъ не соглашался писать себя пльшивымъ, и потому художникъ придумалъ надѣть на него русскую соболью шапку. Сказываютъ, что это верхъ совершенства.

14 марта, среда. Здѣшній губернскій предводитель, князь Дашковъ, сынъ знаменитой княгини Екатерины Романовны, получилъ Александровскую ленту. По сему случаю князь, не смотря на великій постъ, хотѣлъ дать огромный балъ и пировать на славу, но главнокомандующій отсовѣтывалъ; говоритъ: «не прилично, лучше дай обѣдъ, или подожди до Пасхи». Князь согласился съ радостію, а между тѣмъ беретъ четырехъ сиротъ изъ бѣдныхъ дворянъ на свое воспитаніе. Добрякъ!

А. С. Черепановъ рассказывалъ, что сосѣди его, здѣшніе откупщики, по простонародному: компанейщики, перессорились между собою изъ пустяковъ. Пріѣхавши вечеромъ съ какого-то обѣда, на засѣданіе въ контору, одинъ изъ трехъ присутствующихъ разхвастался предъ товарищами объ услугахъ его общему дѣлу, утверждая, что если бъ не онъ, то не миновать бы убытковъ, и вся бы компанія къ чорту. Это задѣло за живое П. М. С., который не безъ основанія полагалъ себя посмышленнѣе, и вотъ онъ пріосамившись

отвѣчалъ: «можетъ-быть и такъ П. Т.; конечно, ты мудренъ, очень мудренъ, а все-таки загадки моей не разгадаешь. — Ну-ка, попробуй загадать, такъ увидишь, что разгадаю. — Нѣтъ, не разгадаешь. — Да ужь разгадаю живо, отвѣчалъ Б. — Ну слушай П. Т., да слушай обьими: эйнъ, цвей, дрей— что это такое! — Б. призадумался, понасупислся и вспыхнулъ: — Ну, слушай же ты меня, Прощка? этой загадки, конечно, я не разгадаю, да ужь и обиды такой тебѣ не спущу; откупь лопни хоть сейчасъ, — а я тебѣ не дольщикъ! — Съ этими словами вскочилъ съ кресель, и былъ таковъ. — На другой только день хромоѣ С. успѣлъ помирить товарницей.

24 марта, Азарева суббота. Гулянье на славу. Погода прекрасная. Небольшой морозъ осушилъ площадь. Щегольскихъ экипажей множество. Были кавалькады, въ которыхъ отличался князь К. . . . и З. . . ; первый на какомъ-то арабскомъ или турецкомъ жеребцѣ, который все время прыгалъ подъ своимъ всадникомъ Сядло и сбруя турецкія, облитыя золотомъ и украшенныя драгоценными каменьями; очень картинно, но было бы еще картиннѣе, если бы всадникъ самъ былъ въ турецкомъ костюмѣ; а то убранство лошади не согласовалось съ синимъ фракомъ и чернымъ спенсеромъ: точно какъ будто и сядло и мундштукъ взяты были напрокатъ у Лухманова. — Другой выѣхалъ настоящимъ англійскимъ джентельменомъ: на рыжемъ жеребцѣ съ проточиною во весь лобъ; сбруя новенькая, только что изъ мастерской, легонькій мундштукъ съ серебряными удилами. Самъ всадникъ въ черномъ фракѣ и сапогахъ съ отворотами; просто, красиво и нарядно. К. Ш. изъ новой зеленой кареты своей глазъ съ него не спускали, — да видишь, не то время.

Обѣдалъ у Катерины Александровны, и къ великому моему удовольствію, встрѣтилъ наконецъ почтеннаго Якова Ивановича Булгакова, котораго такъ давно мнѣ хотѣлось увидѣть поближе. Онъ живетъ не подалеку отъ К. А., и называетъ ее милой сосѣдушкой. Я И. находился въ дружескихъ связяхъ съ покойнымъ ея мужемъ, и оба были близки къ князю Потемкину. Булгаковъ имѣетъ замѣчатель-

ную наружность: лице умное и серьёзное, однако же не безъ пріятности; довольно тученъ, но въ движеніяхъ свободенъ и ловокъ; говорить какъ книга. Гдѣ онъ не былъ, чего не ведалъ и чего не испыталъ въ своей жизни! Трудолюбіе есть отличительное его качество: говорятъ, что онъ не можетъ ни минуты оставаться празднымъ: не пишетъ, такъ читаетъ; П: И Страховъ сказывалъ, что онъ подарилъ ему свой переводъ первой части Анахарсиса, и склонилъ его переводить послѣдніе. Непостижимо, какъ этотъ человекъ, при дѣятельности ума своего, живетъ безъ службы; очень любитъ Москву. Онъ утверждаетъ, что для людей, окончившихъ по чему бы то ни было служебное поприще, нѣтъ лучшаго пріюта въ мірѣ, какъ Москва. При этихъ словахъ мнѣ пришли на память прекрасные стихи Карамзина:

*Кто въ мірѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Томъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ,*

а Булгаковъ, кажется, находилъ это счастье повсюду, даже и въ Семи-башенномъ замкѣ, куда онъ заточенъ былъ турецкимъ правительствомъ: оставаясь тамъ въ заключеніи болѣе двухъ лѣтъ, онъ умѣлъ не соскучиться и перевелъ Всемирнаго путешественника, первую книгу гражданской печати, которую я читалъ въ моемъ дѣтствѣ. Я думаю отъ того-то я съ такимъ любопытствомъ смотрѣлъ на Булгакова и слушалъ его съ такою жадностію.

4 апрѣля, среда Святой Недѣли.

Христосъ воскресъ!

Праздничные визиты мои кончены: я обрыскалъ весь городъ. Мнѣ показалось, что нѣкоторые изъ самыхъ близкихъ моихъ знакомыхъ какъ будто на меня дуются. Не знаю причины. Что я имъ сдѣлалъ? Не за то ли, что рѣдко у нихъ бываю? — да что имъ во мнѣ? Чувствую, что съ каждымъ днемъ я становлюсь ничтожнѣе и скучнѣе. Они называютъ меня какъ будто въ шутку Нѣмцемъ, но это не шутка, а намекъ, который я понимаю, хотя и безотчетно. Чтобы отмстить имъ, я и въ самомъ дѣлѣ отправился къ Нѣмцамъ на *Чортову мельницу*. Милая малютка Шредеръ въ первый разъ играла послѣ тяжкой своей болѣзни. Мать была такъ рада

ея выздоровленію, что все представленіе проплакала отъ удовольствія. Эта чувствительность меня тронула; да и со времени пропѣтой ею мнѣ русской пѣсни, почти у самаго смертнаго одра бѣднаго Штейнсберга, я какъ-то очень полюбилъ эту хорошенькую женщину, не смотря на то, что она актриса, которыхъ я не великій поклонникъ. — Въ управленіи нѣмецкаго театра замѣтна большая переменна: по всему видно, что Штейнсберга нѣтъ, умнаго добраго Штейнсберга, котораго обыкновенная поговорка была:

Ein jeder lerne seine Lektion

So wird es wohl im Hause flohn.

Теперь всякій дѣлаетъ, что хочетъ. Не худо бы М. . . заняться попристальнѣе своимъ дѣломъ — иначе оно идти не можетъ, и ему предстоитъ худой конецъ: закрытіе театра, чего очень опасаются актеры. Куда имъ дѣваться? Не всѣ имѣютъ талантъ мамзель Штейнъ, вышедшей за-мужъ за Гебгарда, и тотчасъ же определенной на театръ петербургскій. — Впрочемъ, для меня теперь все равно: я и самъ скоро уѣду, но жаль старыхъ знакомцевъ: разбрѣдутся Богъ вѣсть куда. Сказывали, что *Аррестъ* ухалъ въ Вѣну, и что роль маркиза Позы, въ *Донъ Карлосъ*, играть теперь *Кудичъ*, который его не стѣитъ.

7 апрѣля, суббота. Пишутъ изъ Петербурга, что непременно скоро опредѣленъ буду. Дай Богъ! столько молодыхъ людей, не старѣе меня лѣтами, давнымъ давно, не только опредѣлены, но по какому-то слѣпому счастью, имѣютъ уже и чины: кто переводчикъ, кто коллежскій ассесоръ, а есть нѣкто, который еще въ пансіонѣ у Ронка былъ надворнымъ совѣтникомъ. Не знаю какъ это дѣлается, только, признаюсь, хотѣлось бы того же и мнѣ; да видно не всякому на роду написано быть тѣмъ, чѣмъ кто хочетъ, — а только тѣмъ, чѣмъ Богъ велитъ. Такъ будь же Его святая воля! Д. Е. приписываетъ:

Weine nicht, es ist vergebens,
 Jede Freude dieses Lebens
 Ist ein Traum der Phantasie.
 Mühe dich es zu vergessen,
 Das du einst ein Glück besessen,
 Denke, du besast es nie.

Это легко сказать, но трудно выполнить.

Года два тому назадъ, генераль Чесменскій завелъ прекрасную фабрику разныхъ машинъ и орудій земледѣльческихъ. Теперь вошло въ моду ѣздить на обзорнiе этой фабрики, и если бы дорога была лучше, то вся Москва поскакала бы любоваться заведенiемъ. Устройство на англiйскiй манеръ и много рабочиxъ людей изъ Англичанъ. Скептикъ Демидовъ утверждаетъ, что Москвичи ѣздятъ не фабрику смотреть и не учиться, а сытно пообѣдать и попить хорошаго вина. Это легко можетъ быть, да за чѣмъ же придумывать все въ худую сторону?

Соученикъ мой П. Ф. Г. . . . получившiй золотую медаль, и остающiйся еще въ пансионѣ для полученiя степени кандидата, задумалъ состязаться съ профессоромъ своимъ И. А. Геймомъ въ изданiи французско-русскаго лексикона. Цѣль сомнѣнiя, что Г. . . . знаетъ по-русски лучше Гейма, но за то чрезвычайно смѣшонъ съ своими логическими выводами. Напр. слово *accoucheur*, онъ переводитъ словомъ *повивальный дѣдъ*. Да почему же *accoucheur* повивальный дѣдъ? спрашивалъ его Проташинскiй? А потому, что если есть повивальная бабка, такъ почему же не быть и повивальному дѣду? вѣдь ремесло одно и то же. — Ну какъ не вспомнить Эмиша:

Коль есть въ планетахъ раки,
Такъ почему жь не быть тамъ и моей собакѣ?

11 апрѣля, среда. Съ нынѣшняго дня русскiй театръ поступилъ въ казенное вѣдомство, и въ первый разъ актеры играли подъ названiемъ актеровъ Императорскихъ. Давали драму: *Блѣдность и благородство души*, и комедiю: *Слуга двухъ господъ*. Каждый изъ дѣйствующихъ лицъ выросъ на поларшина, кромѣ Плавильщикова и Садуновыхъ, которые нѣкогда уже были придворными актерами. Впрочемъ, какъ эти господа ни скрываютъ свое удовольствiе, а оно написано на лицѣ ихъ. Бездѣлица! имъ зачитаютъ все время бытности ихъ при частномъ театрѣ для полученiя пенсiоновъ; но для нѣкоторыхъ другихъ это событiе еще важнѣе: они приобрѣтаютъ желанную букву Г. къ своимъ фамилiямъ, и

сколько я замѣтитъ могъ, Кураевъ, Волковъ, Лисицыны, и tutti quanti съ театровъ Столыпина и К. Волконскаго ходятъ уже съ *возвышенными главами*, а нѣкоторые, даже и съ отяжелѣвшими. Лисицынъ, на радости, безпрестанно пѣлъ изъ какой-то оперы, въ которой онъ играетъ роль слуги-дурака:

У насъ деревня близъ Китая,
Гдѣ очень, очень много чая!

«Слава Богу, что нѣтъ рому, сказалъ ему Зловъ, а то бы ты съ чаемъ-то разомъ его выпилъ». Нашъ Петръ Васильевичъ очень смѣшонъ: за словомъ въ карманъ не ползетъ. Гр. Растопчинъ очень любитъ Злова и приглашаетъ его иногда къ себѣ.

15 апрѣля, воскресенье. Обѣдалъ у Антонскаго съ Страховымъ, протоіереемъ Малиновскимъ, Мерзляковымъ, Буле, Двигубскимъ, Буринскимъ и Петромъ Ивановичемъ, которому онъ поручилъ непременно привезти меня: «Своего-та привезите, — сказалъ онъ П. И., — мы съ нимъ жили-та не въ большомъ ладу, надобно помириться-та.» Сверхъ чаянія моего, обѣдъ былъ очень веселый и очень сытный. Говорили, болшею частію, о новыхъ университетахъ Харьковскомъ и Казанскомъ, открытыхъ въ прошедшемъ году; хвалили очень выборъ кураторовъ: графа Потоцкаго и Румовскаго; Страховъ утверждалъ, что они отлично знаютъ свое дѣло. Превозносили Государя, который такъ печется о распространеніи просвѣщенія, и удивлялись, какъ въ такое безпокойное военное время, онъ успѣваетъ всѣмъ заниматься. — Страховъ спрашивалъ Буле и Двигубскаго, готовятъ ли они что-нибудь къ торжественному акту? Буле отвѣчалъ: что онъ намѣренъ написать диссертацию *о лучшемъ способѣ сочинить исторію народовъ, населявшихъ Россію прежде IX вѣка*; а Двигубскій объявилъ, что будетъ говорить о *нынѣшнемъ состояніи земной поверхности*. — Слава Богу! это ужъ не прежнія сухія ружсужденія, никого не интересующія; слѣдовательно, на актъ будутъ говорить и слушать дѣльное. — Отецъ Федоръ сказывалъ, что и онъ на старости лѣтъ хочетъ произнести, можетъ быть въ послѣдній разъ, написанное уже имъ слово

о томъ, что милость есть главная обязанность, достойная человека и въмсть собственное его благополучіе. — Пили за здоровье Государя, министра просвѣщенія, куратора и Страхова, какъ ректора университета; а при концѣ объѣда хозяинъ предложилъ выпить и заупокойную чашу въ воспоминаніе почтеннаго Харитона Андреевича, скончавшагося въ началѣ прошлаго года. — Между прочимъ Страховъ объявилъ, что мы наконецъ будемъ имѣть краткую исторію университета, которою занимается Павелъ Аѳанасьевичъ Сахацкій, по давнему желанію куратора М. Н. Муравьева.

18-го апрѣля, среда. Наши опять будутъ жить лѣтомъ въ Липецкѣ, и поручили мнѣ закупить запасъ вина. Я очень радъ этой комиссіи, потому что вино вздорожало, и я боюсь сдѣлать имъ пренепріятный сюрпризъ: они не ожидаютъ такихъ цѣнъ. Говорятъ, что еще будетъ дороже съ возвышеніемъ курса на серебро и золото, — серебряный рубль ходитъ уже 1 руб. 31 к., имперіаль 13 р. 30 к. и червонецъ 3 р. 98 к. — Цѣна вину лучшихъ сортовъ слѣдующая: шампанское 3 р. 50 бут., венгерское 3 р., рейнвейнъ 2 р. 50, малага 1 р. 25, мадера 1 р. 50, медокъ ведро 9 р. Францвейнъ 8 р., водка бордоская 3 р. 50. штофъ. — Но пусть уже это вина французскія, и возвышеніе на нихъ цѣны можетъ имѣть причину въ возвышеніи курса на золото и серебро; да за что же вина и водки русскія также въ цѣнахъ возвышаются? напр. бутылка горскаго стоитъ 1 р. 50, пимлянскаго 1 р., и кизлярской водки штофъ 2 руб.? Очень непріятно, а между тѣмъ дѣлать нечего, и купить надобно.

Если опредѣленіе мое въ службу замедлится, то я и самъ уѣду въ Липецкѣ, и тогда снабди меня однимъ изъ дураковъ моихъ. Впрочемъ, все должно рѣшиться недѣли черезъ двѣ. Въ первыхъ числахъ мая Альбинн будутъ проѣздомъ въ Москвѣ, и я достоверно узнаю, чего мнѣ ожидать должно.

23-го апрѣля, воскресенье. Сегодня на нѣмецкомъ театрѣ *Das neue Sonntagskind*, а на русскомъ *Крестьянинъ мар-*

кизъ, или колбасники. *Паззіелло*. Меня подмывало и туда и сюда, но я рѣшился измѣнить Нѣмцамъ для Сандуновой и Волкова, и раскаялся; въ нѣмецкомъ театрѣ проболталъ бы по крайней мѣрѣ за кулисами съ нѣмецкими чечотками и похоталъ надъ уморительнымъ Коропомъ, въ роли нашего брата недоученаго студента:

Ich frag's obsequialiter
 Das heisst: ergebnier-maassen,
 Ob sis heut nocturnaliter
 Geschlafen wie ein Katz?
 Und ob sie mich totaliter,
 Das heisst: abscheulich hassen?
 Dies zu erfragen wünsch ich sehr
 Von ihren Rosen-Mund.

А то просидѣлъ три часа на партерной лавкѣ съ какимъ-то купцомъ, который не давалъ мнѣ слушать музыки своими вопросами, примѣчаніями и замѣчаніями. Выдетъ ли на сцену Сандунова? вопросъ: вѣдь это, батюшка, Сандуниха? — Да-съ. — Вишь какая здоровенькая. — Да-съ. — Появится ли Волковъ? — Вѣдь это, батюшка, тотъ, что Тарабара-то представляеть? — Да-съ. — Вишь какой красноносой; а за чѣмъ же, батюшка, онъ въ парнкъ? — Такъ надо-съ, — А отъ чего же, батюшка, онъ какъ будто по собачьи лааетъ? — Такъ надобно-съ. — Эдакой Маркобрунь! А позвольте спросить, мой отецъ, вѣдь это комедія что ли? — Нѣтъ-съ, опера, — Такъ-съ. — Словомъ душу вытянулъ, злодѣй, надо-съ до смерти.

Сказывали, что цѣны на ложи и кресла будутъ прибавлены, но партеръ останется въ прежней цѣнѣ.

При выходѣ изъ театра встрѣтилъ Генерала Петра Семеновича Муравьева, пріѣхавшаго изъ деревни нарочно для скачекъ, которыя начнутся съ 6-го мая. Онъ привелъ трехъ скакуновъ для состязанія съ лошадьми Графа Орлова, и говоритъ, что надѣется обскакать ихъ; не мудрено: въ прошломъ году выигралъ жеребецъ его *Травлеръ*; правда, что онъ былъ выписной, а лошади Графа Орлова и другихъ охотниковъ доморощенные. П. С. общался свозить меня на Донское поле, посмотреть на приготовленіе лошадей его къ скачкѣ.

Не знаю сдержитъ ли слово, но, признаюсь, побхаль бы съ нимъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Онъ далъ мнѣ печатное объявленіе объ этихъ скачкахъ, съ котораго посылаю списокъ.

Назначаются на Донскомъ полѣ скачки по 500 руб. каждая, съ подпискою за каждую лошадь по 100 рублей. Каждая скачка съ перескачкою.

		Для лошадей		дистанція:		въсь:	
6-го мая.		5	лѣтъ.	6	версть.	3	п. 15 ф.
14	— — — —	4	— — — —	4	— —	3	— 6 —
21	— — — —	5	— — — —	6	— —	3	— 15 —
27	— — — —	5	— — — —	2	— —	3	— 6 —
3 июня.	— — — —	3	— — — —	2	— —	3	— 6 —
10	— — — —	5	— — — —	6	— —	3	— 15 —
17	— — — —	4	— — — —	4	— —	3	— 6 —
25	— — — —	5	— — — —	6	— —	3	— 15 —
		6	— — — —			3	— 19 —
		7	— — — —			3	— 23 —

Если трехлѣтки поскачутъ съ старшими лошадьми, то имъ имѣть 2. п. 20 ф.

27 апрѣля, пятница. По случаю помолвки Луизы Э... съ маіоромъ Б..., пасторъ Гейдеке послалъ ей черный вуаль при прекрасныхъ стихахъ; перевожу ихъ буквально прозою: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Къ грѣшницѣ.

«Какъ бываетъ сладостно сердцу, когда случается встрѣтить такое доброе и милое существо, какъ ты, Луиза, хотя досель и была ты опутана страстями. Но если Богъ милосердствуетъ къ бѣднымъ грѣшникамъ, если прощаетъ Богъ,— то какъ смѣетъ не простить человекъ?»

«Не отчаявайся, ты слабая дѣва! въ искренности покаянія твоего заключается твое искупленіе. Тому, кто прибѣгаетъ къ раскаянію, Всемогущій внезапно ниспосылаетъ лучшій изъ даровъ своихъ: святую многожеланную надежду.»

«А я, твой вѣрный, почти отжившій уже другъ, посылаю тебѣ печальное покрывало покаянія. Прикрой имъ все твое прошедшее, всѣ бѣдственныя случайности твоей жизни.

«О какъ досель ужасенъ былъ жребій твой, Луиза, ты бѣдная жертва неистовыхъ сластолюбцевъ! Тебя, прекрасное дитя природы, и въ цвѣтъ лѣтъ твоихъ, они едва не обратили въ гнусное чудовище.

«Но какъ ни былъ ужасенъ твой жребій, — онъ можетъ быть еще ужаснѣе, если ты когда-нибудь преградишь путь совѣтамъ любви и дружбы къ твоему сердцу. Прочь буйство страсти! наступило время повиновенія долгу, и я слышу: звучить уже часъ примиренія твоего съ Богомъ и съ собою.

Разумѣется, что это слабая копія съ прекраснаго оригинала. Гейдеке изъ всякаго случая всегда выведетъ поэтическое и вмѣстѣ христіанское заключеніе.

Былъ у Всеволожскихъ. Сказывали, что будто бы въ Москву назначается другой губернаторъ и что самъ Александръ Андреевичъ просится въ отставку; не думаютъ однако же, чтобы его отпустили, а развѣ дадутъ другое назначеніе.

Оберъ-прокуроръ Боборыкинъ рассказывалъ, что онъ опредѣлилъ къ себѣ въ канцелярію одного пріѣзжаго изъ Орла бѣднаго гимназиста, вотъ по какому случаю. Этотъ гимназистъ, Корнильевъ, сынъ какого-то орловскаго канцеляриста, по пріѣздѣ остановился у извѣстнаго стряпчаго Григорьева, великаго поклонника Бахусу, который началъ его образованіе тѣмъ, что повелъ въ Кремль взглянуть на Ивана Великаго, царь-пушку и большой колоколъ. Проходя по Тверской мимо трактира мадамъ Шню, Григорьевъ приказалъ Корнильеву подождать его на улицѣ, а самъ забѣжалъ въ трактиръ выпить рюмку водки. По возвращеніи Григорьева, юноша спросилъ его, что это за домъ, куда заходилъ онъ? — Домъ сумасшедшихъ, отвѣчалъ Григорьевъ. — Домъ сумасшедшихъ, возразилъ безъ запинки Корнильевъ, — да какъ же васъ оттуда выпустили? — Боборыкинъ узналъ объ остроумъ отвѣтъ

мальчика и взялъ его на свое попеченіе. Бѣднякъ удачнымъ словомъ проложилъ себѣ дорогу, — а то, можетъ быть, и долго прошатался бы безъ опредѣленія въ службу.

2 мая, среда. Вчера прошатался цѣлый день на гуляньѣ въ Сокольникахъ и видѣлъ почти всѣхъ знакомыхъ. Что-то многіе опять начинаютъ толковать о войнѣ, а нѣкоторые и нетерпѣливо ее желаютъ. Въ палаткѣ главнокомандующаго было пропасть гостей, но самъ онъ не былъ по случаю нездоровья. Поездъ графа Орлова также былъ наряденъ какъ и въ прошломъ году, но въ нынѣшній разъ онъ не сдѣлалъ на меня такого уже впечатлѣнія: люди одни и тѣже, одинъ и тотъ же порядокъ и тоже убранство; самыя лошади тѣже, впрочемъ ко всему присмотрѣться можно, даже со временемъ и къ жизни. *Nil admirari* Это можетъ быть и очень покойно, но чтобы весело было, — не думаю.

Въ палаткѣ Е. Е. Ренкевича дымъ коромысломъ: весь городъ начиная отъ губернатора и оберъ-полиціеистра до Вральмана Б. . . Кушаютъ мороженое, пьютъ шампанское и закусываютъ бисквитами. Не токмо всякому приходящему, но и мимондущему предлагается чашка чаю, рюмка вина или какое-нибудь лакомство. Палатка Ренкевича точно приемная трапеза какого-нибудь древняго боярина: милости просимъ всякаго безъ разбора.

Ренкевичъ сказывалъ, что тесть его Пашковъ, великій охотникъ до разныхъ рѣдкихъ птицъ, получилъ недавно изъ Англіи пару черныхъ лебедей, которые въ самой Англіи считаются еще рѣдкостью; они привезены чуть ли не изъ Австраліи, а теперь плаваютъ по садовому пруду, прогиву дома Пашкова на Моховой, гдѣ всякій день можно ихъ видѣть. Завтра непременно взгляну на нихъ.

Мамзель Соломони старшая, которая такъ хорошо играетъ на скрипкѣ, выходитъ за-мужъ за известнаго каретника купца Петрова, который получилъ недавно золотую медаль на голубой лентѣ, мимо всѣхъ медалей низшаго класса. Что сдѣлалъ этотъ Петровъ и какія оказалъ услуги, это для меня покрыто мракомъ неизвѣстности, но знаю только, что онъ будетъ имѣть хорошенькую, умную и талантливую жену, и

что я буду пировать у него на свадьбѣ, потому что всѣ Соломони меня приглашали. Младшей я не советывалъ бы выходить за-мужъ, чтобы не потерять прекрасный рѣдкій талантъ, который требуетъ еще развитія; а оно едва ли возможно при домашнихъ хлопотахъ и заботахъ супружеской жизни. Я увѣренъ, что старшую сестрицу черезъ годъ мы не узнаемъ: забудетъ скрипку и фортепiano, обопьется чаю, растолѣетъ, облыбится, и мамзель Соломони поминай какъ звали! Итальянская сальфида превратится въ жирную купчиху.

6 мая, воскресенье. Сейчас со скачки. Сказали восемь лошадей: выигралъ рыжій жеребецъ *Витязь*, принадлежащій Мосоловымъ и собственнаго ихъ завода. Славная лошадь, отъ *Юби*. По окончаніи перваго гита, когда стали взвѣшивать ѣздока и обтирать лошадь, графъ Орловъ сходилъ съ эстрады и долго любовался побѣдителемъ. Послѣ перескачки, которую *Витязь* опять выигралъ легко, графъ Орловъ подозвалъ къ себѣ Мосоловыхъ и поздравлялъ ихъ. Сказывали, что онъ только съ ними держитъ заклады на деньги, съ другими же охотниками бьется на одни калачи. Братья Мосоловы очень умные люди, знающіе охотники и ведутъ дѣла свои аккуратно. — И въ этотъ разъ цыгане также пѣли и плясали, а напоследокъ былъ и кулачный бой; побѣдителемъ явился курятникъ изъ Охотнаго Ряда, Сычовъ, съ трехъ ударовъ уничтожившій своего противника. Ему накидали денегъ чуть не полную шляпу, и поили виномъ; но и побѣжденный не былъ забытъ: достались и ему пригорши двѣ серебряныхъ рублей. Князь Хилковъ, секретарь скачекъ, сказывалъ, что цыгане записаны были прежде крѣпостными крестьянами графа Орлова, и единственно его попеченію обязаны были тѣмъ, чѣмъ теперь сдѣлались; а до того времени были какъ и всѣ кочующіе цыгане — просто гадки. Графъ, по возвращеніи уже изъ чужихъ краевъ, даровалъ имъ свободу и записалъ въ мѣщане.

8 мая, вторникъ. Нынѣшнею ночью былъ такой морозъ, что хоть бы въ октябрь; думаю, что пострадаютъ всѣ фруктовыя деревья, и Москва останется безъ яблокъ, грушъ и вишенъ.

Вчера ѣздилъ въ русскій театръ, давали Наталью боярскую дочь Глинки. Я скучалъ и зѣвалъ. Никакъ не могу привыкнуть къ этимъ драмамъ, взятымъ изъ повѣстей Карамзина. Эти повѣсти сами по себѣ восхитительны, а на сценѣ до крайности утомительны и скучны. Отъ чего же — право не понимаю. Кромѣ неискusstва передѣльвателей должна быть и еще какая-нибудь другая причина. И Лиза Ѳедорова скучна, а Наталья, по моему, еще скучнѣе. Персонажи все на ходуляхъ, несутъ такую пошлость, что мочи нѣтъ. Какой-то острословъ поподчивалъ автора эпиграммою, которую повторяютъ все, хотя она вовсе не задорна:

Наталью видѣлъ ли? — изрядна новинка.

Фарфоръ или фаянсъ? — О нѣтъ, простая глина.

Я небольшой охотникъ до эпиграммъ, но не люблю и вичего неестественнаго и напыщеннаго, не люблю этихъ сценическихъ проповѣдей, которыя, никого не трогаютъ и не исправляютъ. Вотъ напримѣръ какъ драма: Отецъ семейства, въ которой такъ превосходенъ Померанцевъ! Нравоученіе пронестекаетъ изъ дѣйствія и потому трогаетъ и врѣзывается въ душу; морализировать на сценѣ бесполезно, не будешь моралюстомъ лучше Соломона и Сираха; кто захочетъ учиться, тотъ будетъ читать ихъ, и нашимъ драматургамъ и во снѣ не мечталось такого знанія сердца человеческого

14 мая, понедѣльничекъ. Сегодня опять скачка; какъ ни хочется видѣть ее, но я не поѣду. Петербургскіе гости мои прибыли, и завтра отправляются въ Липецкъ; а сегодня поведу ихъ въ нѣмецкій театръ, на которомъ даютъ маленькую оперу *der Schatzgräber*. Послѣ спектакля иллюминація въ саду, вокаль и балъ.

Иванъ Николаевичъ проѣхалъ на дняхъ, а длинный Иванъ Кузьмичъ давно уже распоряжается на водахъ. Я выѣду дней черезъ десять въ деревню, а оттуда виѣсть съ своими въ Липецкъ. Альбинъ сказывалъ, что опредѣленіе мое послѣдуетъ непремѣнно черезъ мѣсяцъ, а много недѣль черезъ шесть. Эйбродтъ хлопочетъ и тестъ его, почтенный Гасконецъ Лабать не даетъ ему покою. Добрые люди! Къ 10 будущаго мѣсяца пришли мнѣ въ Липецкъ одного дурака, какого хо-

чепь, для меня все равно. а за это вотъ тебѣ вчерашній анекдотъ.

А. . . . , поссорившись за картами съ Я. . . . , вызвалъ его на дуэль.—А на чемъ ты хочешь драться? спросилъ сей послѣдній.—Разумѣется на сабляхъ, отвѣчала А. . . . Не могу.—Почему же не можешь?—Я обиженъ и имѣю право назначать оружіе.—Воля твоя, не могу.—Ну такъ на шпагахъ.—О, ни за что не могу! Я наследовалъ отъ короля Іакова 1-го, отъ имени котораго фамилія моя происходитъ, врожденную антипатію къ обнаженному оружію, и не могу смотреть на него. Всѣ засмѣялись, А. . . . также, и шампанское примирило противниковъ.

18 мая, пятница. Вотъ послѣднее мое донесеніе и послѣднія сплетни изъ Москвы; не хотѣлось и пера брать въ руки. а пришло время ложиться спать, такъ и потянуло къ конторкѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ. Альбины сказывали, что въ Петербургѣ только и разговоровъ, что объ войнѣ, и думаютъ, что фельдмаршалъ графъ Каменскій будетъ начальствовать войсками; въ петербургскомъ обществѣ господствуетъ самый воинственный духъ и явное нерасположеніе къ Французамъ. Это замѣтно кажется еще болѣе здѣсь. Тѣ охотники до новостей, которые не развѣхались еще по деревнямъ, бѣгають, рыщутъ и толкуютъ о какомъ-то проектѣ для составленія многочисленной арміи. Я слышалъ, что всѣ отставные генералы и офицеры, бывшіе нѣкогда въ походахъ и сраженіяхъ, будутъ приглашены вступить опять въ службу. И. И. Дмитріевъ утверждаетъ, что Государь не допуститъ Россію до униженія, и во что бы то ни стало, начнетъ новую борьбу съ Наполеономъ; но впрочемъ, говоритъ, заботиться не о чемъ: нужна только довѣренность къ правительству. Онъ совѣтовалъ мнѣ заняться въ деревнѣ чѣмъ-нибудь серьезнымъ. Я самъ давно объ этомъ думалъ и рѣшился приступить къ сочиненію трагедій; сюжетъ у меня есть изъ исторіи древнихъ Персовъ. Имя героя громкое, *Артабанъ*. Иной насмѣшникъ превратитъ его въ *барабанъ*, но къ этому готовится должно и насмѣшекъ не избѣжишь. Впрочемъ, надобно точно

написать что-нибудь пугное, чтобы было съ чѣмъ прѣхать въ Петербургъ: рекомендательныхъ писемъ у меня будетъ не много, и тѣ, которые на нихъ вызывались прежде, вѣроятно откажутся, когда придется приняться за перо. Но пусть будетъ, что будетъ: во всякомъ случаѣ лучше надѣяться на себя. Петръ Ивановичъ радуется моей рѣшимости и уверяетъ, что трагедія выдетъ *превосходная*. *Добрая душа!* онъ не можетъ привыкнуть къ мысли, что мы скоро разстанемся, и въ случаѣ, если бы я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ одинъ, то непременно хотеть проводить меня и пожить со мною хотя недѣльку въ новомъ городѣ.

Былъ въ Иславскомъ у И. П. Архарова; веселый пріютъ! Что за добрыйшее семейство! радушно, пріветливо ласково, а о гостепримствѣ нечего и толковать. Кокошникъ снаряжаетъ у нихъ домашній спектакль: драму «*Пенависть къ людямъ и раскаяніе*» и самъ играть будетъ *Мейнау*. Предлагали мнѣ роль простяка Пегруши, да мнѣ не до того: рѣчь идетъ о подмосткахъ другаго рода. Славное подмосковное Иславское: во первыхъ на рѣкѣ, садъ боярскій, амен съ трехъ концовъ, оранжереи и пропасть разныхъ затѣй. И. П. обѣщали мнѣ дать нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нѣкоторымъ Петербургскимъ своимъ знакомымъ; надѣюсь, что они не будутъ заключать въ себѣ такой же рекомендаціи, какую снабдилъ одинъ покровитель своего сосѣда; вотъ она:

Любезный другъ, Пётръ Степановичъ.

«Добраго сосѣда моего И. А. А. сынъ Николай отправляется для опредѣленія въ шватскую службу. Онъ большой простофиля и худо учился, а потому и нужно ему покровительство. Удиви милость свою, любезный другъ, на моемъ дурацкѣ, зачисли его въ свою канцелярію и при случаѣ не оставь наградить чинкомъ, или двумя, если захочешь: мы за это не разсердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому что онъ его не стоитъ, да и отецъ его богатъ, а будетъ и еще богаче, потому что живетъ свиньей.»

Въ слѣдствіе этой рекомендаціи юноша былъ опредѣленъ, и въ теченіе трехъ лѣтъ получилъ три чина.

23 мая, среда. О высылкѣ дурака я къ тебѣ писалъ, но совсѣмъ забылъ упомянуть объ ружьѣ: снабди меня своимъ широкодульнымъ старбусомъ.

Вотъ стихи къ портрету А., которые ты имѣть хотѣлъ.

• Когда смотрю на образъ твой прекрасный
Мнѣ кажется, смотрю я въ небеса:
Такъ все въ его чертахъ спокойно и согласно,
Такъ на челѣ его свѣтло и ясно,
И такъ въ очахъ его краса.

*

Не прелести земной твой ликъ изображенье,
Онъ не волнуетъ чувствъ и сердца не томить;
Нѣтъ, онъ невольное внушаетъ умиленье,
Молитву тайную, колыбельное склоненье,
И мысли смертнаго къ безсмертію стремить.

«Въ продолженіе шести недѣль мы видѣлись съ Д. Е. ежедневно, — говорилъ Граве; — вмѣстѣ играли, рѣзвились, шутили, болтали всякій вздоръ, а я ни разу не замѣтилъ, чтобы она когда-нибудь покраснѣла» — «И не мудрено, — отвѣчалъ старикъ Рѣдькинъ, она до сихъ подъ едва ли знаетъ, когда ей краснѣть должно.»

Сказано умно и справедливо: для невинной души все невинно.

Завтра выезжаю и къ сожалѣнію одинъ. Прошлогодніе товарищи мои сбились съ толку: Литхенсъ публиковалъ свой отъѣздъ въ чужіе края, да я увѣренъ, что не побѣдетъ,

*Потому что очарованъ
И къ ногамъ ея прикованъ!*

а на Федора Павловича нашла страсть заниматься въ своей экспедиціи. *Mais de quoi s'occupe t'on chez vous?* — спросилъ его Затрапезный. — *Mais on ne fait rien, ou on fait des riens,* отвѣчалъ Граве, и это кажется сушая правда; спасибо, что не умничаютъ подобно другимъ, которые переписавъ какую-нибудь бумагу, думаютъ, что они уже предѣловые люди, на которыхъ должно быть обращено вниманіе цѣлой Россіи.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ЗАПИСОВЪ ПОЧТМЕЙСТЕРА.

РАЗСКАЗЪ.

1.

Начну съ того, — прошло тому ровно четыре года и четыре мѣсяца, — это было въ 1849 году, — какъ въ одинъ скверный июльскій вечеръ я ѣхалъ, или правильнѣй сказать, меня везли по дѣламъ службы. — Видитель — я былъ въ то блаженное время почтовый чиновникъ, которому поручили осматривать станціи, давать наставленія ямщикамъ, толковать съ ямскими старостами и смотрителями, осматривать форменность повозокъ, хомутовъ, лошадей и упряжи, вообще заниматься дѣлами совершенно не литературными, развѣ только въ томъ смыслѣ, что нужно было вести журналъ, котораго никто не сталъ-бы читать, кромѣ моего снисходительно-благосклоннаго начальства. — По этой причинѣ, я и посвятилъ ему часы моего чиновническаго досуга.

Бѣдный трудъ мой, я думаю, теперь лежитъ себѣ смиренхонько на полкѣ архива губернской почтовой конторы; покрытый мракомъ неизвѣстности, (фраза мною заимствован-

ная), и толстым слоем чернойшей архивной пыли, осужденный на съедение мышамъ и бумажной моли. — При такой обидной для авторства идее, я утешаюсь только тѣмъ, что эти истребители равнымъ образомъ могутъ уничтожить, труды великаго генія какъ и бѣднаго почтоваго чиновника.

Вхалъ я очень медленно, вопреки правиламъ о почтовой ѣздѣ, какъ будто на дѣль хотѣлъ поверить русскую пословицу: «Тише ѣдешь — дальше будешь».

Громъ гремѣлъ, дождь лилъ какъ изъ ведра, колеса моего тарантаса вязли въ благодатномъ черноземѣ, и совершенно замедляли ѣзду. Форменныя лошади, какъ ни выгибали параболически свои хребты, но подвигались чрезвычайно медленно.

Мнѣ начинало это надоѣдать; поднявши зонтикъ у тарантаса, я къ ужасу увидѣлъ на кожаномъ фартукѣ лужу воды, величиною съ Меридово озеро.

Кругомъ нѣтъ Божьяго свѣта! Что жъ это будетъ, пришло мнѣ въ голову? Ужели готовится другой всемирный потопъ, и мой рыдванъ поплыветъ какъ лодка?

— Пошелъ скорѣй! проворчалъ я глухо ямщику.

— Никакимъ средствомъ нельзя вамъ высокоблагородіе, отвѣчалъ мой возница: чего добраго, куда-нибудь торчмя головой повалишь. ншъ ты время-то какое, — ни зги не видно, прости Господи!

Я понялъ глубокій смыслъ отвѣта, но повелительно прибавилъ:

— Смотри же братецъ, помни кого везешь, осторожнѣй.

Сдѣлавъ это назидательное замѣчаніе и опустивъ зонтикъ, я забился въ уголокъ тарантаса, укутываясь теплѣе шинелью. подумалъ: какъ я прекрасно народирую Юлія-Цезаря, которому когда-то пришлось сказать, въ такую же бурную погоду кормчему:

«Помни, что ты везешь Цезаря и судьбы его».

Послѣ такого гордаго сравненія, я совершенно успокоился, то-есть уснулъ крѣпчайшимъ сномъ, и не помню,

что было въ остальное время моего путешествія, сколько разъ мнѣ пришлось толкаться головой и носомъ въ уголь тарангаса, производя этимъ себѣ знаки дорожныхъ впечатлѣній, сколько разъ слѣзаль ямщикъ съ козелъ для поправки сбруи — ничего не помню! — Я спалъ сномъ праведника. — Не знаю чрезъ сколько времени умильный голосъ ямщика вывелъ меня изъ усыпленія.

— Станція, ваше высокоблагородіе, извольте выльзать!

Слава Богу! наконецъ прѣехали!

Тусклый свѣтъ фонаря, съ которымъ меня встрѣтили, непріятно кололъ мои заспанные глаза. — Я зажмурился и, входя на крыльцо, чуть не наткнулся на верстовой столбъ; далѣе станціонный смотритель съ подобающею честью проводилъ меня въ комнату для прѣзжающихъ.

II.

Станція помѣщалась въ нарочно построенномъ для того флигелѣ, и владельцемъ села, по спекулятивнымъ расчетамъ, отдавалась за дельги почтъ-содержателю. Внутреннее ея помѣщеніе состояло изъ двухъ просторныхъ комнатъ для прѣзжающихъ, остальная же половина вмѣщала въ себѣ семейство смотрителя и жильє ямщиковъ.

Вожатый мой свелъ меня въ первую комнату, освѣщенную уже салнымъ огаркомъ, и, застегиваясь на верхнюю пуговицу, вкрадчиво завелъ разговоръ:

— Что это за погода-то, ваше высокоблагородіе: зги Божьей не видать! — Онъ снялъ пальцемъ со свѣчки. — Дождь такъ и льетъ, какъ изъ ведра; не прикажетели самоварчикъ? — Вашъ человекъ промокъ до нитки, уже жена догадалась понть его часъ. — Признаться сказать, мы сами только что отпили.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты правъ — теперь хорошо напиться, потрудись сказать моему человѣку, чтобы онъ распорядился этимъ, отвѣчалъ я на вступительный его монологъ.

Смотритель вышелъ довольный.

Я, отъ нечего дѣлать, принялся осматривать комнату, въ полномъ смыслѣ этого слова; но осмагривать совершенно было нечего, — новаго ничего нѣтъ. — Станціонные дома походятъ всѣ одинъ на другой, столы, покрыты клеенкой, диваны и стулья обиты зеленымъ сафьяномъ

Отъ нечего дѣлать, я продолжалъ мой экскурсіи.

Осмотрѣлъ столъ съ припечатанной шнуrowой книгой, спрятанной отъ глазъ недовольнаго посѣтителя, гдѣ онъ, разстроенный дорогою и неимѣнемъ на станціи лошадей, тоже отъ нечего дѣлать, изливаетъ свою желчь въ жалобъ мѣстному начальству.

Осмотрѣлъ циркулярныя предписанія, повѣшенныя на стѣнѣ, въ красныхъ за стекломъ рамочкахъ, безъ симметрическаго порядка, между которыми красовались герои двѣнадцатаго года: Кутузовъ и храбрый генераль-маіоръ Кульневъ, безпощадно давившіе конемъ своимъ русское побѣдоносное воинство, при дымѣ пушекъ. — Впрочемъ, произведенія эти извѣстны всѣмъ и каждому.

На другой стѣнѣ, оклеенной старыми московскими и губернскими вѣдомостями, прилѣплены были сургучемъ картины другаго содержанія: — Страшный Судъ и нѣсколько олицетворенныхъ притчей изъ премудрости Сираха, и тутъ же рядомъ картинка домашняго издѣлія, — труды будущаго юнаго генія, какъ видно, по недостатку мѣста на крышкѣ сундука дражайшей его родительницы, родитель рѣшился помѣстить ихъ на стѣнѣ, на удивленіе пробѣзжихъ и на судъ потомства.

Чтобы вы имѣли хоть малѣйшее понятіе о этой живописи, я сейчасъ вамъ объясню. — Видитель, на поллистѣ бумаги было изображено что-то въ родѣ человѣка, повидимому генерала; внизу надпись одинакаго съ рисункомъ достоинства, гласила такъ: набольшой — енераль, пол-

ковой камандеръ». — На другой четвертушкѣ, отдѣленной отъ генерала чернильною чертою, представлена была женщина, въ костюмѣ восьмисотыхъ годовъ, иллюминированная, какъ и генераль, всеми цвѣтами радуги, — съ подписью: «Дама-Александра».

Засмотрѣвшись на произведенія искусства и мудренныя надписи, я не замѣтилъ какъ подали самоваръ и какъ сзади меня помѣстился родитель творца этихъ картинъ, весь облитый потомъ отъ чрезмѣрнаго употребленія чаю и съ улыбающею физиономією.

— Самоваръ готовъ, сказалъ онъ мнѣ. Что это вы, ваше высокоблагородіе, изволите смотреть? — Это, такъ-съ, парнишка мой написалъ, такой пострѣленокъ способный, вѣдь никогда не учился, такъ отъ себя.

При этомъ онъ сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы отгоняя мухъ, но собственно хотѣлъ тѣмъ выразить что-то необъяснимое.

— Да, да! удивительно хорошо, какія дивныя способности, и никогда не учился!...

— Никогда, ей Богу никогда, самъ собою; такъ себя, просто возьметъ карандашъ или перо, да и напишетъ, а уже послѣ покраситъ красочками.

Сѣвши за чайный столъ, я постарался прервать бесѣду о удивительныхъ способностяхъ его сына, приказавъ принести книги и документы, находящіеся при станціи.

Когда все было исполнено, я, какъ дѣльный чиновникъ, думающій прежде всего о своихъ обязанностяхъ, занялся просмотромъ книгъ.

— Нужно всегда выставлять время въ графѣ, когда кто увѣжаетъ, чтобы можно было видѣть, когда лошади должны воротиться назадъ, началъ я начальническимъ тономъ, намекая тѣмъ, что меня трудно провести, и показывая на статью, гдѣ прописано было: «По казенной надобности отъ С.-Петербурга до губернскаго города Т... и обратно, коллежскому ассесору Тарханову съ будущимъ», и прочее....

Вотъ, думаю, озадачилъ!... ни чуть не бывало, смотритель прехладнокровно отвѣчалъ:

— Они прѣхали только вмѣстѣ съ вами, и думаютъ почевать, ваше высокблагородіе.

— Гдѣ же онъ?

— Около своего экипажа; хлопчуть поставить въ сарай.

— Возьми книги, и ступай съ Богомъ.

Смотритель вышелъ.

Посмотримъ, что за петербургскій чиновникъ и къ какому классу принадлежитъ.

III.

Сколько исписано листовъ бумаги, сколько составлено повѣстей и разсказовъ на тему: Чиновникъ;—съ какою подробностью разобраны ихъ генерація, чувства, мысли и дѣянія! Право не найдешь, что и сказать новаго; начавши же говорить, надо сказать что-нибудь. — Попробуемъ сдѣлать классификацію — не будетъ ли хоть это новость.

По моему скромному сужденію, можно, кромѣ главнаго раздѣла на чиновниковъ провинціальныхъ и губернскихъ, и столичныхъ департаментскихъ, составить еще слѣдующіе раздѣлы:

Чиновники съ протекціею, чиновники просто счастливые, и чиновники безъ протекціи и счастья.

Первыиъ все улыбается, начиная съ жизни и директора департамента, до столоначальниковъ включительно: они подерживаются могущественною силою — протекціею. — Это люди, иногда хорошо воспитанные, принадлежащіе къ лучшему обществу; сослуживцы ихъ имъ не завидуютъ — они глубоко понимаютъ разницу, ихъ раздѣляющую. — Это сливки чиновническаго міра, бюрократическая аристократія, — не помню назвалъ ихъ кто-то такъ. Вторые — такъ-себѣ, по пословицѣ «не родись хорошъ и умень, а счастливъ». — Начальники обходятся съ ними привѣтливо и ласково, называя ихъ примѣрными чиновниками; начальники отдѣленія треплютъ по плечу, или милостиво держатъ за пуговицу форменнаго фрака, давая идею, какъ написать отношеніе по какому-нибудь

шекотливому предмету, молягаясь вполнѣ на ихъ способность по этому важному дѣлу. — Даже физически они разнятся отъ своихъ собратьевъ. — Если вы увидите въ департаментѣ чиновника съ цвѣтущею физиогноміею, какъ оазисъ въ степяхъ пустынной Африки. если вы проситель и ваше тревожное чувство успокоивается на лицѣ, полномъ здоровья и силы, и вы, оглушенные канцелярскою дѣятельностію, съ какимъ-то отраднымъ чувствомъ подойдете къ этому лицу — знайте, это чиновникъ втораго раздѣла.

Что же сказать про третій раздѣлъ? — Грустно, тысячу разъ грустно! Это, какъ бы вамъ сказать, моллюски, вѣчно прикованные къ своему столу, это паріи чиновническаго міра, вѣчно-голодные труженики, отвергнутые міромъ, жителямъ Песковъ, Колтовской и разныхъ захолустьевъ, закованные въ форменный фракъ, какъ улитка въ раковину. Вы ихъ увидите зимой, въ пальто сомнительной теплоты, съ поднятымъ воротникомъ, засунутыми въ карманъ руками, инстинктивно слышащихъ къ мѣсту своего служенія. Это вѣчные кописты и журналисты до сѣдыхъ волосъ, которымъ чинъ ассессора представляется въ отдаленіи.

Не прошло пяти минутъ, какъ мое встревоженное любопытство было удовлетворено: въ комнату вошелъ мужчина довольно молодой, въ дорожномъ пальто неукоризненно петербургскаго покроя, стройно сложенный и красивый собою. Онъ, молча, поклонился; на лицѣ его отражалось какое-то дорожное неудовольствіе. Бѣглымъ взглядомъ окинуль онъ комнату, взглянулъ разсыянно въ окно, и, помѣщаясь на другой диванъ, какъ бы про себя произнесъ:

Фи! — что это за скверная погода!

— Ваша правда, отвѣчалъ я на его вслухъ произнесенную мысль; что дѣлать въ такую погоду и на станціи? Нельзя ничего выдумать лучше, какъ выпить чаю.

— Вы правы.

— По этому, смѣю надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи раздѣлить его со мною; самоваръ сейчасъ только поданъ.

— Крайне обяжете; въ замѣнъ позвольте предложить вамъ хорошую сигару — это тоже не послѣднее наслажденіе въ дорогѣ.

Онъ вынулъ изъ боковаго кармана дорожную англійскую сигарочницу, наполненную превосходными сигарами.

Мы принялись пить чай и курить. Наша мирная бесѣда за тоскливымъ пискомъ самовара шла довольно весело: расскажем не было конца про театр, итальянскую оперу, про жизнь Петербурга, про политическія новости и прочее. Надо сознаться, что мой собесѣдникъ владѣлъ прекрасно языкомъ; конечно, не все то было справедливо, что онъ мнѣ рассказывалъ, да не всякое же лыко въ строку, почему же не украсить рассказъ, для занимательности, разными прибавленіями и фигурами; на то, вѣдь, существуетъ риторика Кашанскаго, на то и преподають ее въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ это время раздался звонъ колокольчика, все ближе и ближе подвигался къ станціи, наконецъ остановился у воротъ.

— Еще дорожные, сказалъ мой собесѣдникъ.

— Да... и вѣрно алчущіе чаю, отвѣчалъ я.

Мы оба подошли къ окну. На дворъ было такъ темно, что разглядѣть было невозможно, пока ямщики не принесли фонарь и не освѣтили какую-то огромную колымагу, запряженную четверкою почтовыхъ лошадей и запакованную со всѣхъ сторонъ отъ дождя, какъ посылка.

Пока лакей, въ измоченной шинели, хлопоталъ раскупорить этотъ ковчегъ, чтобы выпустить на свѣтъ Божій его обитателей, мы съ удвоеннымъ любопытствомъ принялись глядѣть.

— Должно быть, кто-нибудь съ семействомъ, началъ мой товарищъ.

— Ваша правда, это нашъ степной экипажъ, вѣрно какой-нибудь помѣщикъ спѣшитъ въ Т... на ярмарку.

— Посмотрите, посмотрите, продолжалъ онъ, когда же кончится это вылезаніе? Кажется, тарантасъ хочетъ разрѣшиться отъ своего бремени цѣлою дюжиною.

И точно, хоть не дюжина, но стоило дюжины. Прежде всѣхъ показался тучный баринъ; за нимъ, въ такихъ же размѣрахъ, барыня, за ней толстѣйшая горничная. Эти субъекты сильно подтверждали мысль о питательности степнаго хлѣба.

Наконецъ, въ заключеніе спектакля, какъ будто для контраста, выскочила легкая, какъ Сильфида, барышня.

Ну, слава Богу, все благополучно кончилось.

Мы отошли отъ окна; ихъ провели въ смежную съ нами комнату.

Черезъ минуту послышались полновѣсные шаги монументальнаго помѣщика, отъ которыхъ дрожала полъ, и густые его вздохи, производившіе колебаніе въ стеклахъ.

Помѣщица раздвѣалась, и звенѣла какъ колокольчикъ, съ малыми паузами.

— Батюшки, ради Бога, скорѣй самоваръ!... Соничка, ты, мой другъ, чай прозябла?... Господи! это просто свѣта преставленіе; а мосты-то мосты!... Господи! какія ужаси!... и исправникъ лежитъ себѣ на боку, ничего не дѣлаетъ, и проѣзжіе сломай себѣ хоть голову — нуждушки нѣтъ. Какъ прѣйду, непременно, при первомъ удобномъ случаѣ, скажу губернатору. — Ваше, молъ, превосходительство, какіе чудные мосты у васъ по уздамъ, что я не знаю, какимъ чудомъ мы не сломили себѣ шеи... Палашка, а Палашка!... Что жъ ты, матушка, раскисла что ли?... принеси поскорѣй погребецъ.... Нѣтъ, Илья Васильевичъ, продолжала говорливая барыня, непременно скажу, таки скажу!... На что это похоже?... пускай губернаторъ ихъ пораспечетъ....

— И... полно матушка! что это тебѣ въ голову пришло; мосты какъ вездѣ; гдѣ же ты видѣла, мы ѣхали закрытые кругомъ!...

— Какъ гдѣ, Илья Васильевичъ? вы вѣрно спали, какъ Дормидошка поддерживалъ тарантасъ, а то мы бы полетѣли въ оврагъ... спросите Соничку!

— Все не спалъ, матушка!... Что же тутъ важнаго, что Дормидошка поддерживалъ тарантасъ? вѣдь ему же,

дураку, не сидеть витюгнемъ на козлахъ, когда дорога скверна отъ дожда и на дворъ хоть глазъ выколи... а мосты себѣ, какъ вездѣ мосты — никакихъ ужастей нѣтъ!...

Пока шла домашняя полемика, мы съ удвоеннымъ вниманіемъ напрягали слухъ, чтобы не проронить ни одного слова.

Товарищъ мой первый прервалъ молчаніе.

— Чуть ли это не мои знакомые, Ильинскіе, сказали онъ шопотомъ; это очень бы не дурно и кстати, присовокупилъ онъ, мигнувъ мнѣ глазомъ.

Я ничего не понялъ изъ этого миганія.

— Дормидонка! трубку, снова раздался густой басъ помѣщика, да продуй, болванъ, хорошенько.

Послышалось сильнѣе отъ продуванія чубука, потомъ неуклюжая походка и вслѣдъ за ней хриплый голосъ.

— Илья Васильчъ! Сашка-съ Александра Петровича здѣсь въ кухнѣ, — съ баринномъ ѣдутъ въ Т.

— Какой Сашка?

— Сашка-съ Александра Петровича Тарханова.

— Что ты брешешь!

— Никакъ нѣтъ-съ, онъ въ кухнѣ.

— Ну, позови его сюда.

Опять застучали неуклюжіе сапоги.

— Настасья Ивановна, слышишь что Дормидонка говоритъ — Александръ Петровичъ тутъ.

— Александръ Петровичъ Тархановъ? Ахъ! батюшки, пошли же поскорѣе просить его къ намъ. Слышишь, Соничка, Александръ Петровичъ здѣсь.

— Матан, пошлите же просить его, раздавался серебряный голосокъ дочки... Ахъ, Боже мой, да какъ же я такъ!...

— Ничего, душечка; что же тутъ? По дорожному.

Собесѣдникъ мой всталъ, пожалъ мнѣ руку.

— Извините меня, сказали онъ, что я васъ оставляю: это мои коротко знакомые, и вышелъ.

Черезъ минуту мои сосѣди взволновались. Аханьямъ не было конца и цѣлованію ручекъ.

— Вотъ что значить лезла жениховъ, подумалъ я, поневолю скажете:

«Что за коммиссія, Создатель!

«Быть варосдой дочери отдемъ!»

IV.

Лобопытство пренискусительная вещь. Богъ знаетъ за что люди причисляютъ это свойство какъ будто бы къ шореку. Я вовсе не вижу здѣсь ничего предосудительнаго, — напротивъ, это свойство совершенно сродно челоуьку: онъ получилъ его отъ матери, а мать преемственно получила отъ праиматери Евы; по этому мужчины въ гордости своей причисываютъ его преимущественно женщинамъ, а выходятъ наповѣрку, что мужчины сами часто хромаютъ на эту ногу. — Признаться, я самъ первый, — впрочемъ, покойный Гоголь давно замѣтилъ это свойство въ почтовыхъ чиновникахъ, и сообщилъ объ этомъ всему читающему мѣру, — стало быть, тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, если я невольно увлекся страстно по-смотреть въ замочную скважинку, что дѣлается въ другой комнатѣ.

Прежде всего представилась моему взору масса сѣраго цвѣта, за которою, какъ за китайскою стѣною, ничего небыло видно!... Я поворачивалъ глаза направо и налево, но предѣловъ ея, не могъ найдти. Что бы это было такое? ломалъ я себѣ голову; наконецъ-то догадался; это была одна изъ частей тѣла, принадлежащихъ помѣщику, и такъ неудобно помѣщенная, что, надо сознаться, наказала меня за лобопытство, потому что кромѣ этой массы я ничего не могъ видѣть. Отойдя, недовольный, прочь, и помѣстясь опять на диванъ, я сталъ прислушиваться. Разговоръ что-то пріутихъ и шелъ въ полголоса. Внутреннее чувство стало докладывать мнѣ, что дѣло шло о моей персональной особѣ — и не ошиблось.

— Ахъ, Боже мой, громко сказала помѣщица, да я его знаю. и сколько разъ видѣла у К... Да мы сосѣди по рязанскому имѣнью.

— Вот тебѣ и незнакомые знакомцы! Ильинскіе, Ильинскіе, повторялъ я себѣ. — Да, въ самомъ дѣлѣ, фамилія что-то знакома; преудивительная вещь! Мнѣ нынче вышело задачливый день: то сводишь знакомство съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ въ жизни, и какъ будто знакомъ цѣлый вѣкъ; то встрѣчаешь знакомыхъ, которыхъ видишь какъ будто въ первый разъ.

Разсужденія мои были прерваны приходомъ незнакомаго знакомаго.

Вообразите себѣ фигуру толщины поразительной, точно *Adansonia Boabab*; мнѣ даже странно показалось, какимъ образомъ могла она пройти въ дверь.

Фигура эта была одѣта въ сѣренькій архалукъ, застегнутый на серебряныя пуговочки черкесской работы; черные съ просѣдою бакенбарды и волосы украшали верхнюю его конечность, нижняя же была облечена въ плисовые сапоги.

— Позвольте, батюшка, возобновить знакомство, чай позабыли. Т... кой помѣщикъ, Илья Васильевичъ Ильинскій? Я имѣлъ честь, кажется, васъ видѣть у его превосходительства Карла Ѳедоровича К.... прошлаго или запрошлаго года. — Вѣдь вы, кажется, ему родственникъ? прибавилъ онъ, садясь на диванъ.

— Точно-такъ.

— Ну, вотъ, батюшка, неужели вы не помните? — моя фигура, кажется, замѣтна!

— Тутъ раздался гомерическій хохоть, отъ котораго затрясся столъ и диванъ.

— Какъ же, помилуйте, я очень хорошо помню, вы тогда, кажется, были вмѣстѣ съ вашею супругой. (Чисто лгалъ, я совершенно ничего не помнилъ, и говорилъ по соображенію).

— Да... да... ну вотъ видите ль, еще разъ намъ пришлось свидѣться, да еще гдѣ? — на станціи. Хохоть повторился... Да что намъ калякать-то здѣсь по пустому, продолжалъ Илья Васильевичъ, я думаю, вамъ здѣсь однимъ-то скучно. Просто, батюшка, по деревенски, безъ церемоніи, поидемте къ намъ въ комнату, хлебнемъ чайку вмѣстѣ. Жену-

то вы тоже знаете, а дочь я буду имѣть честь вамъ представить — вотъ и все наше семейство. Просто-за-просто, батюшка, безъ церемоніи, безъ всякихъ этакихъ экивоковъ и придворныхъ штукъ.

Я не успѣлъ еще рта разинуть, какъ уже онъ совершенно завладѣлъ моею особой и влекъ меня съ собою.

— Съ большимъ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ, твердилъ я, и самъ подумалъ: посмотримъ вблизи на эту дородную чету, какъ видно преуспѣвающую въ счастливомъ супружествѣ, посмотримъ и на дочку.

Мы вошли.

Супруга его, Настасья Ивановна, покоила свое тѣло на диванѣ; она была въ блузѣ. Другой костюмъ, какъ видно, тѣснилъ ее; лице у ней было кругло какъ рѣпа, но не смотря на жировыя добавленія, можно было замѣтить, что она когда-то была очень недурна.

Я поклонился.

— Вотъ вамъ еще знакомый, присовокупилъ Илья Васильевичъ.

— Очень рада, милости просимъ, нѣжнымъ голосомъ приветствовала меня Настасья Ивановна, сдѣлавъ при этомъ прищуренные глазки, которые, видно, удавались въ лѣта ея молодости, — прошу покорно — напьетесь вмѣстѣ чаю.

— Извините меня, я уже пилъ.

— Что же за бѣда? чай никогда не вреденъ, хотя говорить доктора, что онъ будто бы сушить грудь и тѣло, но это совершенные пустяки, а я, признаться сказать, большая охотница до хорошаго чаю.

— Это правда.

Доктора точно вралі; стоило только взглянуть на Настасью Ивановну, чтобы убѣдиться въ томъ.

— А вотъ, прибавила она, рекомендую вамъ мою дочь.

Софья Ильинишна въ это время вынимала изъ погребца для меня чистый стаканъ.

Я долженъ былъ еще разъ поклониться. На мой поклонъ отвѣчали мнѣ чѣмъ-то въ родѣ книксена.

Слава Богу, мое официальное представление кончилось, и я могъ уже спокойно сидѣть на стулѣ.

Подали самоваръ — пошли разговоры про имѣние, хлѣбъ, губернскія новости; однимъ словомъ, время летѣло быстро, нора было дать всѣмъ покой, и мы разошлись по своимъ комнатамъ. Постели были готовы. Александръ Петровичъ порядочно уже зѣвалъ, а потому, пожелавъ другъ другу покойной ночи, мы легли.

Товарищъ мой скоро уснулъ, но мнѣ что-то не спалось, въ головѣ бродили разные мысли, наконецъ остановились на семействѣ Ильинскихъ.

Скоро стали надоедать мнѣ эти тучныя образы дражайшихъ родителей, которые родились на свѣтъ и живутъ для того только, чтобы пить и ѣсть; это было живое опроверженіе на кнѣзю Гюфланда о продолженіи человѣческой жизни: не смотря на жизнь діаметрально-противоположную идеямъ великаго медика-философа, — они были что называется здоровѣй здороваго.

Передо мною рисовался другой образъ, — образъ Софьи Ильиницны; это было одно лицо въ семействѣ, на которомъ взоръ вашъ какъ-то отрадно останавливался.

Во-первыхъ, она была очень хороша собой; большіе черныя глаза ея въ разговорѣ воодушевлялись какимъ-то огнемъ, рѣчь была остра и насмѣшлива. нѣкоторыя сужденія вѣрны. причѣмъ она держала себя чрезвычайно мило. Въ ней не было этихъ ужимокъ, которыми такъ отличаются провинціальныя барышни — словомъ, она мнѣ очень понравилась.

Дай Богъ, думалъ я, чтобы скорѣе составила себѣ хорошую партію, а то жизнь ея загрязнетъ въ тучной жизни родителей. Въ провинціяхъ эти метаморфозы совершаются скоро, а то, пожалуй, будетъ такъ же, какъ и ея шатап, напрягать весь свой умъ на соленье огурцовъ, маринованіе малинокъ, и какой бы кусочекъ повкуснѣе съѣсть.

Но вотъ что я скажу вамъ, что мнѣ показалось между Тархановымъ и ею есть что-то такое; мнѣ кажется, они влюблены другъ въ друга.

На другой день чай пили уже вмѣстѣ по семейному, какъ старыя знакомые.

Лошади имъ и Тарханову были готовы и стояли у крыльца, люди укладывали вещи.

— Вы, батюшка, будете на ярмаркѣ въ Т....? спросилъ меня Илья Васильевичъ.

— Буду.

— Не забывайте насъ, прибавила Настасья Ивановна, мы полюбили васъ какъ роднаго, наша квартира на Дворянской улицѣ, — не забудьте же.... до свиданья.

Я поклонился.

Софья Ильинишна протянула мнѣ руку.

Au plaisir, monsieur — конечно увидимся?

— Безъ всякаго сомнѣнiя.

Я поцѣловалъ ее ручку.

Они стали усаживаться.

— Какъ вы думаете скоро быть въ Т..... и не могу ли я быть чѣмъ-нибудь вамъ полезенъ? въ свою очередь прибавилъ Тархановъ.

— Я думаю быть послѣ завтра.

— Гдѣ же вы останавливаетесь?

— На большой площади, въ гостинницѣ Чернышева.

— Прекрасно; я возьму для васъ номеръ рядомъ съ своимъ.

— Крайне обяжете.

Мы разцѣловались какъ истинные друзья. Экипажи тронулись, я еще разъ поклонился, и возвратился въ комнату.

V.

Т....ъ на картѣ генеральной
Простымъ означенъ онъ кружкомъ,
Онъ прежде городъ былъ опальный.

.....

Вотъ что сказалъ про него покойный Лермонтовъ, я прибавлю, какъ географія Заблоцкаго «городъ нарочито-име-

нитый преимущественно грязью, и сверкъ всѣкъ учебныхъ и богоугодныхъ заведеній, фабрикъ и заводовъ, имѣеть двѣ порядочныя ярмарки, на которыя съѣзжаются помѣщики запастись провизіею и платьями, но преимущественно съ разряженными дочками, для того, какъ говорится, чтобъ выгоднѣй продать лицомъ товаръ.

О! ярмарка преполезная вещь; въ этомъ, я полагаю, никто не станетъ спорить. Но если кому угодно, то пусть потрудится взглянуть на большія дороги, куда ползуть эти экипажи въ родѣ исполинскихъ жуковъ, и спросить, къ какому предѣлу они стремятся.

— На ярмарку, вамъ отвѣтять.

— Зачѣмъ?

— Какъ, зачѣмъ? — Что вы, батюшка, въ умѣ ли? Какъ, зачѣмъ? вѣдь вы видите, что всѣ ѣдутъ, стало быть есть зачѣмъ.

Что жъ вы послѣ этого аргумента скажете? не убѣдитесь — кажется доказано логически, а съ общественнымъ мнѣніемъ спорить нельзя!

Вечерью, когда я подъѣхалъ къ шлагбауму. Въ будкѣ никого не было, ярмарка всѣхъ поглотила, даже будочника, — проѣздъ свободный. Сначала везли меня какими-то грязными переулками, наконецъ-то добрались до мощеныхъ улицъ, бока мои тутъ только узнали всю прелесть губернской мостовой. Я сгоралъ жаждою поскорѣ пристать къ тихому пристанищу, то-есть къ гостинницѣ Чернышева. Наконецъ предѣлъ желанный былъ въ виду. — Восклицаю вмѣстѣ съ однимъ изъ знаменитыхъ писателей: Берегъ, берегъ, друзья мои! или

Конченъ, конченъ дальній путь,
Вижу край родимый,
Сладко будетъ отдохнуть

.

Здѣсь слѣдуетъ стихъ «мнѣ съ подругой милой» но этого мнѣ не предстало, а потому я долженъ былъ его выпустить, и просто сказать; отъ дороги. Конечно, это не риѐма, за то совершенная правда!

На дворъ и подъ сараями стояло пропасть экипажей разныхъ видовъ и конструкцій: это свидѣтельствовало, что съездъ порядочный, и ярмарка будетъ хороша.

Меня встрѣтилъ на крыльцѣ человекъ Александра Петровича, извѣстивъ напередъ, что барина нѣтъ дома, а комната мнѣ приготовлена.

Последнее обстоятельство для меня было важнѣе: съ умиленіемъ душевнымъ я заочно принесъ новому знакомцу мою искреннюю благодарность.

Удовлетворивъ просьбу ящика монетою на водку, извините обмолвился, на чай, это не все равно, хотя въ дѣйствительности справедливо первое, но.... о прогрессъ!... на водку просить только ящички таиваіз генге. Я отправился съ моимъ вожатымъ къ поднебесью, на второй этажъ, и къ крайнему моему благополучію имѣлъ комнату довольно чистую и порядочно мебелированную; здѣсь, разваливъ на мягкомъ диванѣ, я въ восторгъ сказалъ: да здравствуетъ дорожное знакомство!... Тѣмъ это было болѣе справедливо, какъ послѣ я узналъ, что Александръ Петровичъ, не сыскавъ лишняго для меня номера, уступилъ изъ занимаемыхъ имъ двухъ номеровъ для меня одинъ. — Что жъ вы послѣ этого не скажете: да здравствуетъ дорожное знакомство!

—

VI.

Утро было прекрасное; солнышко весело заглядывало въ мое окошко, которое я забылъ затворить на ночь; теплый вѣтерокъ вѣялъ на меня. Когда я открылъ глаза, съездъ мой давно уже поднялся и поджидалъ, съ чаемъ, моего пробужденія.

— Ого! какъ поздно — первый часъ, сказалъ я, потягиваясь.

— Да мнѣ жалко было васъ будить, — вы такъ сладко спали; я хотѣлъ взять гитару, прибавилъ Александръ Петровичъ, смѣясь, чтобъ вамъ пропѣть:

*

Ты спишь, — я гитарой
Тебя разбужу....

— Съ вашей стороны это было бы прекрасно и обязательно, отвѣчалъ я ему.

— Но къ несчастію, я не могъ достать нигдѣ гитары, на которой, признаться сказать, не игралъ отъ роду, да и голосомъ меня не наградила Богъ; думаю, навѣрно вы не будете взыскательны!

— Нужды нѣтъ, все бы сошло благополучно: Т.... кажется, не Севиля, а я не прекрасная донна. — Что жъ тутъ за церемонія?

— Будемъ пить чай, продолжалъ онъ.

— Будемъ.

— Вы съ чѣмъ его пьете?

— Со всѣмъ, съ чѣмъ вамъ угодно.

— Прекрасно, я вамъ сообщу новость.

— Какую?

— Мы нынче объдаемъ вмѣстѣ у Ильинскихъ.

— Не знаю.

— Какъ не знаете! вотъ вамъ записка; когда вы спали, я получилъ.

Онъ подалъ мнѣ розовую записочку, исписанную чрезвычайно мелко и отъ которой ужасно пахло патчули.

Въ ней заключалось слѣдующее:

«Матап меня просила, Александръ Петровичъ, написать къ вамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласить сегодня къ намъ объдать; если нашъ дорожный знакомый пріѣхалъ, то и его; сообщите ему, что я, съ своей стороны, чрезвычайно желала бы его видѣть, и твердо увѣрена, что желаніе мое будетъ исполнено. Sophie».

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, складывая и отдавая обратно записку. Въ которомъ часу они объдаютъ?

— Въ четыре.

— Тѣмъ лучше.

— Такъ мы ѣдемъ?

— Безъ сомнѣнія, только нужно нѣсколько привести въ порядокъ свою физиономію.

— Вамъ не нужно хлопотать много: цирюльникъ здѣсь у меня въ другой комнатѣ.

Я былъ этимъ очень доволенъ. Я условился напередъ съ бородобрѣемъ, чтобы онъ отнюдь не осмѣливался держать меня за носъ, когда будетъ производить свою операцію. Странная вещь! — но между тѣмъ знаю пропасть людей, которые, какъ и я, терпѣть не могутъ, чтобы кто-нибудь держалъ ихъ за носъ, не исключая жены?...

VII.

Вотъ еще вопросъ? — Сколько я шатался по благословенному нашему отечеству, сколько знаю губернскихъ городовъ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ обойтись безъ Дворянской улицы — Это такъ же для нихъ необходимо, какъ присутственныя мѣста и почтовые конторы, какъ губернаторъ, прокуроръ и городская сваха, въ чинѣ титулярной совѣтницы. — Еще безъ губернатора можно обойтись, — его замѣнить вице-губернаторъ, прокурора — стряпчій, но безъ Дворянской улицы и городской свахи, совершенно нельзя, — онъ ни чѣмъ не замѣнимы, да и въ воображеніи какъ-то трудно представить, такъ велика сила привычки.

— Пошелъ на Дворянскую улицу, въ домъ купца Перхалова! закричалъ Александръ Петровичъ, когда мы усьлись въ щегольскую пролетку на лежачихъ рессорахъ.

Какъ это? Дворянская улица, а дома есть купеческіе! По здравому смыслу, она должна быть наполнена губернскойю аристократіею и домами помѣщиковъ, словомъ, составлять въ родѣ Сен-Жерменскаго предместья. — Ничуть не бывало, улица — такъ себѣ, дома сѣренькіе съ старыми крышами, принадлежащими болѣею частію обывателямъ, какъ ихъ тамъ называютъ, то-есть мѣщанамъ и купцамъ; правда, есть дома два-три помѣщичьихъ, но это не могло дать поводъ назы-

вать ее такъ: стало быть, не по шерсти ключка. Отчего же она Дворянская? хоть убей — не знаю. Не знаете-ли вы, мой читатель?

Ломая себѣ такимъ образомъ голову, я не замѣтилъ, какъ мы подъѣхали къ дому купца Перхалова.

Александръ Петровичъ дернулъ за ручку сонетки.

На звонъ колокольчика выбѣжалъ мальчикъ, одѣтый казачкомъ.

— Дома господа?

— Дома-съ.

— Кто нибудь у васъ есть?

— То-есть гостей? никого нѣтъ-съ, одна только Пѣтушиха, Палагея Фарафоновна; — да та, вѣдь, навсегда шатается, прибавилъ онъ съ гримасою.

— Кто это Пѣтушиха, о которой такъ немилостиво отзывается мальчикъ? спросилъ я у Александра Петровича по-французски.

— Такъ, дрянъ, какая-то титулярная совѣтница; она бываетъ у всѣхъ.

— А.... понимаю, то-есть:

Шьеть, моеть, вѣсти переносить,
Изношенныхъ капотовъ просить.

— Да, въ родѣ проживалки-вдовы. Бѣдитъ изъ дому въ домъ, сплетничаетъ, сватаетъ и прочее....

— Такъ, такъ; стало-быть она по чину занимаетъ мѣсто, а не то, что въ должности. Будемъ имѣть счастье лично познакомиться съ однимъ изъ дѣйствительныхъ членовъ города.

Изъ залы неслись звуки фортепiano — разыгрывались вариации Бейера, на мотивъ одной изъ русскихъ пѣсенъ. Когда мы входили, Софья Ильинишна преприлежно трудилась разбираемъ нотъ, и не замѣтила насъ.

Александръ Петровичъ тихо подошелъ къ стулу. Какъ вы прекрасно играете, Софья Ильинишна. Голосъ его былъ поднять октавой выше и въ какомъ-то минорномъ тонѣ.

— Ахъ! Боже мой, вздрогнувъ отвѣчала она, какъ вы хорошо пугаете. А, monsieur N.... какъ я вамъ рада, сказала

она мнѣ, протянувъ свою хорошенькую ручку. Когда вы при-
ехали?

— Вчера.

— Утромъ?

— Нѣтъ, вечеромъ, и видите, не успѣлъ порядкомъ отдох-
нуть, какъ явился по вашему желанію.

— *C'est très-aimable à vous m-r...* вы меня очень обязали;
впрочемъ, прибавила она, какъ бы сознавая свою силу и лу-
каво взглянувъ на меня: для женщинъ всегда исполняютъ
маленькія ихъ желанія.

— Но прибавьте къ тому, только для хорошенькихъ!

— Ахъ! какой вы... право... я этого прежде и не замѣ-
тила, возразила мнѣ Софья Ильинишна съ порядочной дозой
кокетства. впрочемъ, не вырывая свою ручку, которую я
все еще держалъ въ своихъ рукахъ, намѣреваясь поцѣловать.

— Да, это совершенная правда, продолжалъ я, — исполнить
желаніе хорошенькой женщины — препріятная вещь, когда въ
награду за труды дадутъ поцѣловать такую прекрасную
ручку, какъ ваша.

Причемъ я впился въ руку какъ пѣвка; моему при-
мѣру последовалъ Тархановъ.

Софья Ильинишна хохотала отъ души, и повела насъ
въ гостиную; тутъ мнѣ показалось, будто она ножала руку
моему товарищу. — Какой скверный у меня характеръ, ска-
жете вы, моя прекраснѣйшая читательница, что я вѣчно
поддѣчаю то, чего мнѣ не слѣдуетъ замѣчать, а тѣмъ болѣе
догадываться. Ну къ какой это стати? — Вижу, что дѣ-
лать, такая ужъ натура.

Сознаніе, говорятъ, прощаетъ половину вины, а я сми-
ренно сознаюсь, видите ли, на какомъ я широкомъ пути къ
исправленію.

— Гдѣ маленька, Пелагея Феропонтовна, сказала Софья
Ильинишна, вводя насъ обоихъ въ гостиную.

Рѣчь ея относилась къ женщинѣ лѣтъ сорока-пяти, довольно
тощей, съ лицомъ плутовскимъ, съ маленькими кошачьими
глазами, которые какъ-то суетились въ своихъ орбитахъ.

— Онъ, матушка-барышня, изволятъ быть у себя въ комнату, пригнувъ голову къ шеѣ и какъ-то нараспѣвъ проищала та.

— Потрудитесь сказать ей, что Александръ Петровичъ и N. N., — тутъ она произнесла мое имя, — прѣехали.

— Сейчасъ, матушка, сейчасъ, красавица ты моя, сейчасъ родная.

При каждомъ словѣ титулярная совѣтница двигалась, и если бы дверь была на разстояніи девяти шаговъ, то мы бы слышали ровно девятию девять прилагательныхъ въ родѣ сказанныхъ выше, точь въ точь сколько въ Коранѣ именъ Аллаха; но къ несчастію, развернуться было не гдѣ, — всего было только три шага.

— Какой прекрасный языкъ у этой старушки! это свидѣтельствуетъ равномѣрно о прекрасномъ ея сердцѣ. Не правда ли, Софья Ильинишна?

— Правда только то, что вы злой насмѣшникъ.

— Такого досужества за мною не водится.

— Водится или не водится, но я вамъ скажу вотъ что: она всѣми любима и у всѣхъ бываетъ. Правда, дарятъ ее очень много, да и сама имѣетъ порядочный капиталъ, могла бы жить безъ подарковъ, — но есть много другихъ, которые безъ нея не могутъ жить, вотъ, на примѣръ, генеральша Полозова: подите, сидите съ глухою старухой, гадайте ей на картахъ день и ночь — много ли ей остается жить на свѣтъ. — За этотъ трудъ можно брать деньги! Я ее и не виню, но замѣчу только то, что она прекрасно умѣетъ соединять существительное съ прилагательнымъ.

Разговоръ былъ прерванъ, — въ дверяхъ показалась Настасья Ивановна, въ сопровожденіи вдовствующей чиновницы, выступавшей робко, какимъ-то подобострастнымъ шагомъ.

Отъ проникательныхъ глазокъ Софьи Ильинишны не укрылось, что я замѣтилъ походку чиновницы. Ей стало смѣшно, она принялась кусать свои губки.

Настасья Ивановна была чрезвычайно говорлива, занимала насъ часа полтора безъ умолку. Изъ ея повѣствованія мы узнали, что ярмарка очень хороша, что она истратила много

денегъ, что Становская закупила чуть ли не цѣлый магазинъ, заложивъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ последнее имѣніе, что губернаторша купила себѣ превосходный муаръ васильковаго цвѣта, наконецъ, что Ильи Васильевича нѣтъ дома, потому что она послала его на ярмарку взять остальной кусокъ той матеріи, которой купила Соничкѣ на платье.... и много, много говорила она, все въ этомъ же родѣ; припомнить нѣтъ силъ.

Прежде я слушалъ со вниманіемъ, потомъ слушалъ изъ приличія, наконецъ пересталъ совершенно слушать и сосредоточилъ свое вниманіе на Пелагеѣ Ферапонтовнѣ, которая прилежно вязала какіи-то мудренныя кружева, устремилъ умилно глаза на Настасью Ивановну и шевеля безпрестанно губами; это мнѣ было тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что почтенная м-ше Ильинская не умолкала ни на минуту, и, какъ видно, очень любила, чтобы никто не прерывалъ потокъ ея краснорѣчія.

Глядя на титулярную совѣтницу, какъ-то невольно приходять дурныя мысли: задаешь себѣ вопросъ, для чего нужны человѣческому роду такіе паразиты? для чего живутъ они и прививаются къ семейнымъ людямъ? Неужели только для того, чтобы переносить всѣ семейныя дразги изъ дому въ домъ, льстить въ глаза, а за глаза рассказывать всѣ недостатки своихъ благодѣтелей и даже съ прибавленіемъ, тѣ недостатки, которые семья тщательно старается скрыть отъ глазъ цѣлаго общества. Жанъ-Поль сказалъ: «Не тяжелы лишенія и не горекъ черствый хлѣбъ, когда люди не видятъ этого!» А положительное занятіе подобнаго рода людей, какъ почтенная Пелагея Ферапонтовна, и есть разоблаченіе семейныхъ тайнъ.

Разбирая въ умъ такимъ образомъ, я незамѣтно переходилъ изъ чувства въ чувство. Сначала мнѣ было непріятно, потомъ разбирала злость, наконецъ стало смѣшно.

Пока я дѣлалъ наблюденія, чиновница оставалась неизмѣнно въ одномъ положеніи; видно, чѣмъ скучнѣй становилось ей, тѣмъ болѣе она вперяла тусклые глаза свои на расквѣщцу и сильнѣе шевелила спицами; лице принимало

типъ безсмыслия, въ самомъ дѣлѣ фигура была довольно смѣшная.

Софья Ильинишна взглянула на нее и на меня. Сдержанный смѣхъ заразителемъ — ей стало смѣшно, но она нерешомила себя и подошла къ ней

— Что это вы, Пелагея Феранонтовна, вяжете такъ прилежно?

— Такъ, матушка, кружевца.

— Позвольте посмотреть; какія миленькія!

— И, что тутъ хорошаго! — простенькія.

— Нѣтъ, право, очень миленькія, я такихъ не умѣю.

— Ахъ! красавица моя, и не умѣеть ишь она; ужь твоимъ ли золотымъ ручкамъ не умѣть? чай такія мудренныя премудренныя вяжешь, что мнѣ въ жизнь не связать.

— Право, не знаю... расскажите какъ?

— Просто, матушка, просто: съ начала двѣ петли простыхъ, потомъ такъ, тамъ еще шесть накинуть, а тамъ чрезъ одну — вотъ и все. Это меня выучила, дай Богъ здоровья, Федосья Дмитріевна — наша протопопша.

Софья Ильинишна очень внимательно разсматривала и хвалила работу. Понимала ли она изъ мудренаго объясненія Пелагеи Феранонтовны что-нибудь, — покрыто мракомъ неизвѣстности. Я могу только, съ своей стороны, сказать, что какъ ни старался выикнуть въ таинственный смыслъ словъ, но они остались для меня непонятны, какъ элевзинскія таинства.

Чтобы выдти самому и вывестъ Софью Ильинишну изъ смѣшнаго положенія, я попросилъ ее сыграть что-нибудь на фортепіано, на что она сейчасъ же согласилась.

Мы пошли въ залъ.

— Вы меня чуть не подвели подъ бѣду: еще немного, я бы расхохоталась, сказала мнѣ Софья Ильинишна, а тамага этого терпѣть не можетъ, и мнѣ бы досталось.

— Чѣмъ же я-то виноватъ?

— Какъ чѣмъ? — вы смѣялись и удерживали себя, я же не могу видѣть этого, чтобы самой не расхохотаться. Когда

я была еще въ институтѣ, сколько разъ мнѣ доставалось за это. Бывало, Сашенька Киреева, моя пріятельница, въ нѣмецкомъ классѣ сдѣлаетъ какую-нибудь гримасу, я и расхожусь, а учитель былъ такой противный, всѣ дѣвочки его не любили, и притомъ, представьте себѣ, ябедникъ. Когда кончится классъ, онъ пожалуется классной дамѣ, а если случится папан, наша начальница, то и папан скажетъ. Послѣ за него меня покажутъ безъ фартука. Такой противный; и теперь не могу вспомнить; а вотъ какой былъ душка учитель рисованія, ну, просто душка, такой жантильный, признаюсь я его обожала, м-г Равачи. Вообразите себѣ, настоящій Итальянецъ, бронець, и имя такое прекрасное, просто прелесть, Анжело, но въ институтѣ его звали всѣ и я — Михаилъ Карловичъ...

Я уже былъ на дорогѣ къ тайнствамъ института, Софья Ильинишна уже начала посвященіе, а это, — надо замѣтить, не бездѣлица когда двушка раскрываетъ свои институтскія тайны, — какъ тройка лошадей, въ прекрасной ямской сбруѣ съ бляхами, запряженная въ долгиши, подкатила къ крыльцу, и Илья Васильевичъ, обремененный тучностию своего тѣла и покупками, ввалился въ залу, чѣмъ прекратилъ нашу бесѣду. — Ему очень было тяжело, потъ лился проливнымъ дождемъ съ его почтеннаго чела, доблестная грудь колебалась...

— А... а! дорогой мой гость, сказалъ онъ мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ напечатлѣлъ на губахъ моихъ довольно полное и жирный поцѣлуй. Это еще ничего, но поцѣлуй былъ сопровожденъ съ объятіемъ, отъ котораго, признаюсь, грудь моя какъ-то сильно стѣснилась, и если бы эту минуту дружескихъ тисковъ продолжить подольше, то, конечно, мой читатель, вы не знали бы этой повѣсти, я не могъ бы сказать ее вамъ и не пользовался бы благосклоннымъ вашимъ вниманіемъ, по самой простой причинѣ — я бы умеръ. — Можетъ быть, для васъ это было бы лучше, но согласитесь, для меня во всякомъ случаѣ хуже, даже, пожалуй, обмывшись струями Леты я и Харону позабылъ бы пересказать.

Софья Ильинишна подошла меня выручать.

Я глядѣлъ на нее, какъ на спасительницу жизни.

— Ахъ, папочка, какъ вы утомились, проговорила она, утирая платкомъ своимъ катящуюся съ чела его струю пѣта, чтобы поцѣловать.

Престранныя биваютъ у меня иногда желанія, такъ и въ эту минуту, думаю, что бы перемѣниться намъ мѣстами, если отъ поцѣлуя Ильи Васильевича жизнь моя находилась въ опасности, то поцѣлуй съ другой стороны, конечно, въ силахъ дать другую жизнь; а какъ хорошо пожить двойною жизнью, признаюсь, я этого не пробовалъ.

— Что это вы, папочка, такъ долго запропастились? продолжала Софья Ильинична.

— Да, матушка, съ вашими тряпками не скоро управишься. Ты бы вотъ что, душа моя, велѣла мнѣ подать стаканчикъ квасу съ ледкомъ — это было бы хорошо.

— Милости просимъ въ гостиную, присовокупилъ мнѣ Илья Васильевичъ, прошу покорно безъ церемоніи. Я батюшка, военный человекъ, безъ экивоковъ, кого полюблю — душою люблю; а вы для меня какъ будто родной, вѣрьте Богу!

Онъ повлекъ меня въ гостиную, гдѣ Настасья Ивановна досказывала Александру Петровичу какія-то происшествія, а тотъ съ похвальнымъ вниманіемъ ее выслушивалъ. Когда мы вошли, исторія была досказана.

— Гдѣ это ты былъ такъ долго, душенька? спросила его дражайшая половина.

— Какъ гдѣ? все тамъ же, гдѣ люди, — на ярмаркѣ, но на перепутьѣ встрѣтились знакомые, тары-бары, сладкіе разговоры, вотъ время-то и протекло. — Да просилъ кой-кого на вечерокъ нынче въ картишки поиграть. — Николая Поневскаго встрѣтилъ, прикатилъ изъ Пензы на ярмарку, — потолстълъ. — Эге, голубчикъ, говорю ему, знать нашъ степной хлѣбъ-то охулку на себя не кладетъ: ишь какой сталъ, словно огурчикъ.... Сметется; онъ хотѣлъ непременно быть у насъ вечеромъ.

— Вы, батюшка, знакомы съ Николаемъ Федоровичемъ Ижевскимъ? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ я.

— Это, отецъ мой, что называется кражъ, пензенскій помѣщикъ, состоянія душъ пятьсотъ незаложенныхъ, отличный конный заводъ, и паренъ-то, рубаха, славный, лѣтъ тридцати, холостякъ. Познакомьтесь съ нимъ, право славный малый!

Убѣдясь такими сильными доводами, я въ душѣ моей рѣшился познакомиться съ господиномъ Ижевскимъ.

Насталъ часъ обеда. Мы пообедали прекрасно. Наконецъ наступилъ вечеръ, и я, къ удовольствію Ильи Васильевича, имѣлъ честь познакомиться съ Ижевскимъ.

Онъ былъ, дѣйствительно, добрый малый, съ румянцемъ во всю щеку, довольно толстенькій, довольно простенькій, именно рубаха.

Къ вечеру собралось нѣсколько дѣвушекъ, пріятельницъ Софьи Ильинишны. Александръ Петровичъ пристроился въ ихъ кругъ, шутилъ, смѣялся, затѣвалъ игры. Надо отдать ему справедливость, мастеръ своего дѣла: всѣ были воодушевлены, слѣда не было этой утомительной скуки; веселились до упаду, даже новый знакомый мой, Николай Ѳедоровичъ, увлекся невинными играми, хохоталъ, какъ-то по степному, чрезвычайно громко, прыгалъ козелкомъ, и вообще былъ какъ-то мѣшковатъ. Но когда играли въ веревочку, онъ былъ «незаплатимо милъ», какъ выразилась объ немъ одна изъ барышень.

День, проведенный въ семействѣ Ильинскаго, мнѣ многое пояснилъ. Я очень ясно видѣлъ, что Софья Ильинишна, влюблена въ моего товарища, какъ кошка въ мясо, и между ними идетъ дѣло должнымъ порядкомъ; впрочемъ, можетъ быть, и не я одинъ могъ это замѣтить, — спросить только Пелагею Феррапонтовну, вѣрно она одного со мною мнѣнія. Да всѣ, кто только одаренъ былъ хоть маленькою наблюдательностію, конечно, исключая дражайшихъ родителей, которые убѣдились, можетъ быть, словами дочери, что она не имѣетъ надобности торопиться оставить родительскій кровъ. Удивляться тутъ не чему, — это совершенно въ порядкѣ вещей. — Родители и мужья всегда узнаютъ послѣдніе, что слы-

дуютъ имъ знать первымъ. — Какъ это дѣлается, Богъ вѣсть. Илья Васильевичъ и Настасья Ивановна видѣли только то, что на лицѣ находились два выгодныхъ жениха, и, можетъ быть и три, конечно исключая меня: я былъ уже давно подъ ферулой Гименей. Въ домашній бюджетъ жениховъ, былъ включенъ одинъ вдовствующій чиновникъ съ Анной на шеѣ, игравшій все время, какъ слѣдуетъ солидному человѣку, съ дамами въ преферансъ, по маленькой.

Было очень поздно, когда мы воротились домой.

VIII.

Время шло обычной чередой. Такихъ дней, которыхъ образчикъ я разсказалъ вамъ, было много. Судьба меня задержала въ Т... слишкомъ два мѣсяца. Конечно, для вѣчности это ничего — капля въ морѣ, но два мѣсяца въ жизни человѣка составляютъ что-либо, а любовь въ это время можетъ дойти до зенита, или опуститься до надира. Для Софьи Ильинишны, конечно, ова была уже въ зенитѣ; не могу опредѣлительно сказать на какой точкѣ остановилась у Александра Петровича! — Поведеніе его для меня было загадкой; не смотря на то, что мы жили вмѣстѣ, я не зналъ ровно ничего. — Когда же заходилъ разговоръ о любви, о прелестяхъ брачной жизни, и прочемъ, вообще о вещахъ чрезвычайно соблазнительныхъ для влюбленныхъ, онъ всегда отдѣлывался общими мѣстами, или былъ нѣмъ, какъ рыба.

Вмѣстѣ же съ Софьею Ильинишной былъ очень нѣженъ и внимателенъ, какъ къ невѣстѣ. Этому, конечно, никто не препятствовалъ; родители ея, какъ видно, положили это дѣло рѣшеннымъ, а стоустая молва губернскихъ кумушекъ давно уже облетѣла весь городъ, вездѣ толковали о близкой свадьбѣ. Бывало, только куда покажешь носъ, сейчасъ закидаютъ вопросами: скажите, пожалуйста, скоро ли будетъ свадьба вашего товарища? или, мы слышали, что у Ильинскихъ съ Тархановымъ дѣло кончено; говорятъ, на той недѣлѣ свадьба, правда ли это?... А эта недѣля подходила и уходила, и много

прошло такихъ недѣль, а свадьбы все не было. — Иногда просили меня не скрывать, что тутъ тайны никакой нѣтъ, что это дѣло всѣмъ извѣстно, и всѣ говорятъ. Другіе, болѣе форменные люди, дознавались присланы ли ему отъ начальства бумаги для вступленія въ супружество, и прочее... Конечно, такіе слухи доходили до него, и повидимому, его разстроивали. И точно, въ эти слѣдующіе два мѣсяца съ нимъ произошли важныя перемены: куда дѣвался его веселый, разговорчивый характеръ, онъ замѣтно похудѣлъ, и чаще сталъ задумываться.

Съ Софьей Ильинишной велъ онъ себя не всегда ровно. Я очень часто замѣчалъ на прекрасныхъ ея глазкахъ слезы только-что вытертыхъ слезъ, и признаюсь, мнѣ самому дѣлалось какъ-то больно, а почему? — самъ не знаю. Влюбленъ я въ нее не былъ, да и вѣрить въ любовь — давно пересталъ, заплативъ ей порядочную дань. — Но съ Софьею Ильинишной мнѣ было дѣйствительно какъ-то отрадно. Можетъ быть, это отъ того, что она обращалась со мною по-дружески и очень отличалась отъ толпы прочихъ поклонниковъ; въ самомъ же дѣлѣ, — ларчикъ открывался просто, она смотрѣла на меня, какъ на друга предмета ея нежной страсти, вотъ и все. — Безъ Софьи Ильинишны сердце мое билось совершенно ровно, и прихотливая мечта не создавала въ сновидѣніяхъ ея образа. Я даже замѣтно пополнѣлъ, а говорить съ влюбленными такого казуса не бываетъ.

Такъ ли, или не такъ, однимъ словомъ, я сочувствовалъ ей, и положеніе ея становилось, какъ мнѣ казалось, день отъ дня хуже. — Что было тому причиной, что заставляло Александра Петровича тянуть это дѣло и откладывать въ долгій ящикъ, было для меня и для всѣхъ тайной.

Пелагея Ферапонтовна не могла не принимать участія въ этомъ дѣлѣ, да и могло ли быть иначе: она губернская жрица алтаря Гименей, безъ ея мособилъ не обходится и не обходилась ни одна свадьба. Въ описываемую нами минуту, могла ли она быть хладнокровной зрительницей; по ея мнѣнію, ей уже давно было пора выдвинуться на сцену. Но человеку свойственно ошибаться; какъ хорошо ни знала свое

дѣло почтеннѣйшая губернская сваха, но все ошиблась, — случилось это вотъ какъ.

Въ одинъ прекрасный день, а можетъ быть вовсе не прекрасный, право не помню, ну пусть будетъ прекрасный, Пелагея Ферапонтовна рѣшила у себя внутри, что нужно объясниться съ Ильею Васильевичемъ и Настасьею Ивановной, дать имъ благой советъ и сказать имъ, что она изъ любви и преданности къ нимъ и Софьѣ Ильинишнѣ, похлопочетъ устроить это дѣло. — Рѣшивши въ умъ такимъ образомъ, она возымѣла желаніе поскорѣе осуществить свою идею.

Илья Васильевичъ и Настасья Ивановна, истинные супруги, какъ Филимонъ и Бавкида, сидѣли себѣ на мягкихъ креслахъ въ спальнѣ. Кругомъ, на столѣ, были разставлены блюда и чашки, наполненныя ягодами, малиной, крыжовникомъ, который Настасья Ивановна собственноручно выбирала для варенья, ягоду къ ягоdkѣ. Этотъ процессъ она не могла ни кому поручить, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, варенье изъ крыжовника любилъ до чрезвычайности Илья Васильевичъ, и обыкновенно съѣдалъ по полубанкѣ, во-вторыхъ, въ приготовленіи варенья заключалась важная тайна. Никто въ цѣлой губерніи не могъ такъ сварить: — вообразите, ни одна ягодка не лопнетъ и зелена какъ сейчасъ съ куста! Ужь у насъ ли въ провинціяхъ не хозяйки? — Въ этомъ дѣлѣ другія барыни утрутъ носъ всѣмъ корифеямъ кондитерской промышленности: Люке, Трамбле, Фойе съ компаніею, — просто, что называется, собаку съѣли — анъ нѣтъ, что ни дѣлали: варомъ обливали, въ спиртъ мочили, и разные, тому подобныя химическіе процессы дѣлали, выходило хорошо, очень хорошо, но все не такъ. Послѣ всѣхъ попытокъ, слава въ вареніи крыжовника во всѣмъ блескѣ осталась за Настасьею Ивановной. Правда, неблагонамѣренныя люди изподтишка говорили о ядовитыхъ будто-бы подмѣсахъ, купоросъ и сѣрной кислотѣ, но это была чистѣйшая ложь; живое опроверженіе былъ самъ Илья Васильевичъ, страстный охотникъ до этого варенья, и, какъ я сказалъ, съѣдавшій всякій разъ по полубанкѣ. — Стоило взглянуть на эту персону, чтобы не повѣрить. Надо сознаться, что желудокъ у Ильи Василье-

веча, какъ сказалъ мнѣ его докторъ, былъ очень крѣпокъ, но все же не луженькй! Пелагея Ферапонтовна явилась къ нимъ въ домашній гинекей, и присѣвъ къ столу, стала помогать въ выборъ ягодъ. — Лице почтенной свахи приняло выраженіе какого-то добродушія.

— Охъ! матушка вы моя, сокровище мое, и все это вы сами одѣе трудитесь! Такою вступительною рѣчью и цѣлуя толстое плечо Настасьи Ивановны, начала вдовствующая титулярная совѣтница. — Что бы вамъ, матушка, приказать, и я бы помогла, да и Софья Ильинишна, вѣдь ей ужь надо заниматься хозяйствомъ, не вѣкъ будетъ жить за вами, какъ у Христа за пазушкой: она у насъ красавица, невѣста. Богъ знаетъ, куда судьба приведетъ, хорошо какъ близко, то все вы не оставите совѣтомъ, да и поможете, а какъ въ чужудальнюю сторону, тогда трудненько ей будетъ. А при такой матери и хозяйкѣ, какъ вы, признаться сказать, много можно выучиться; это, нечего сказать, вы, родная моя, истинная и примѣрная мать и хозяйка. Супротивъ васъ въ цѣлой губерніи нѣтъ, вѣрьте Богу, не солгу, я вѣдь всѣхъ знаю, — нѣтъ, такъ нѣтъ, право слово, нѣтъ.

— Соничкѣ придетъ пора, сама всему выучится, отвѣчала Настасья Ивановна: тутъ наука не мудреная, посмотрѣла да сдѣлала, вотъ и все тутъ. Людямъ молодымъ скучно заниматься этимъ, а намъ, старикамъ, доставляетъ развлеченіе.

— Все это правда, матушка, но не попереча вашему слову, скажу, какой мужъ будетъ? другой скажетъ: что же ты, матушка, жила у своихъ родителей, и въ хозяйство ничего не знаешь, трѣмъ свиньямъ корму замѣсить не умѣешь, простите за слово. Хорошо, какъ попадется человекъ благовоспитанный, съ образованіемъ, вотъ, напримѣръ, Александръ Петровичъ....

— При этомъ словѣ глаза Ильи Васильевича какъ-то землостиво взглянули на рассказицу.

— А признаться сказать, какъ взглянешь глазкомъ, продолжала Пелагея Ферапонтовна, на душѣ пріятно, именно золотая парочка!

Илья Васильевич нахмурилъ брови.

— Конечно, Настасья Ивановна, голубушка вы моя, вы знаете, какъ я васъ люблю, истинно какъ родную, все на свѣтъ готова сдѣлать за ваше неоставленіе. Чтѣ дѣлать? наше вдовье дѣло, безъ добрыхъ людей не можемъ жить; васъ Господь Богъ не оставитъ за вашу добродѣтель съ Ильею Васильевичемъ; да и сама я, грѣшная, сколько позволятъ мои силы, готова стараться въ этомъ дѣлѣ. Вамъ, знаете ли, какъ родителямъ — неловко, а мы съ просту дѣльце-то съумѣемъ обработать.

— Спасибо, Пелагея Ферапонтовна, за доброе слово, сказалъ Илья Васильевичъ, но къ намъ въ такихъ саняхъ не ѣзди на дворъ, это, братъ, дудки! то-есть просто скажемъ вашей милости: я, матушка, мою дочь никому не навязываю, и сватовства ненавижу. Богъ дастъ часть—безъ вашей бранни управимся, а не будетъ часу — Его святая воля! вотъ тебѣ и вся не долга.

Надо сознаться, Илья Васильевичъ хотя говорилъ лаконически, но не такъ нѣжно объяснялся. Онъ былъ добрый и простой человекъ. — что на умѣ, то и на языкѣ, просто, какъ онъ самъ говорилъ, безъ экивоковъ. На этомъ основаніи съ него взятки были гладки, и Пелагея Ферапонтовна, что называется, грибъ съла. Затая внутри злобу, она вышла.

— Какъ тебѣ не стыдно, другъ мой, такъ говорить: она хлопочеть для нашей пользы, а ты ее же бранишь, начала Настасья Ивановна, когда та вышла.

— Полно, матушка, вздоръ молоть, знаемъ мы ихъ вдоль и поперекъ: ей сказать, все тоже, что на базарѣ. Нѣтъ, братъ, около насъ не поживишься! Ишь ты съ какими экивоками подѣхала, Лазаря поетъ. Нѣтъ, тетка-лебедка, не хочешь ли вотъ чего!

При этомъ Илья Васильевичъ ударилъ рукою по столу, сложивъ какъ-то хитро пальцы, что я не въ состояніи описать.

Пелагея Ферапонтовна тоже не оставалась въ накладѣ, она прохаживалась по гостиной и изливала свою желчь четырьмя стѣнамъ.

— «Ахъ! ты буйволъ, прости Господи, вишь въ такихъ саняхъ къ намъ не ѣзди, обойдемся безъ вашей братьи. Что же я развѣ хуже что ль тебя? такая же дворянка какъ и ты, да и мужъ-то мой покойный, дай Богъ ему царство небесное, былъ чиномъ-то постарше тебя.

Этотъ панегирикъ продолжался бы Богъ знаетъ сколько времени, если бы человекъ не позвалъ ее кушать.

Вечеромъ этого дня я какъ-то завернулъ къ Ильѣ Васильевнѣ. Его не было дома, Настасьѣ Ивановнѣ что-то нездоровилось. Я было, хотѣлъ уже ѣхать, какъ горничная Софья Ильинишна сказала мнѣ, что барышня проситъ меня, чтобы я не уѣзжалъ, она скоро выйдетъ изъ своей комнаты, и что она соскучилась, не видѣвши меня такъ долго, хотя послѣднее мое посѣщеніе было не далѣе трехъ дней назадъ.

Пока Софья Ильинишна не выходила, я долженъ былъ вести разговоръ съ Пелагеею Ферапонтовной; говоря о многихъ нашихъ знакомыхъ, наконецъ она спросила:

— Смыю утрудить васъ, батюшка, вопросомъ, вы еще въ Питеръ познакомились съ Александромъ Петровичемъ?

— Нѣтъ, я его знаю только нѣсколько мѣсяцевъ: мы познакомились, ѣхавши сюда на ярмарку.

— Такъ-съ! какой прекрасный человекъ, истинно рѣдкостный. Сколько вотъ я вижу молодыхъ людей, но далеко имъ до него. Что жъ онъ, батюшка, состояніе хорошее что ль имѣеть? прибавила она,

— Право не знаю, полагаю — нѣтъ.

— Вотъ и видно, что благоразумный человекъ, не суется въ воду, не спросяся броду. Я вамъ, отецъ мой, скажу откровенно, — при этомъ она заговорила шопотомъ и осмотрѣлась кругомъ, — ужъ какъ имъ хочется, тутъ она показала глазами на дверь, дочку-то пристроить за него. — Ни слова не говоря, отсохни языкъ мой, Софья Ильинишна ангелъ доброты и собой пригожал, про это что говоритъ напрасно. Но въдъ съ лица-то не воду пить: женишься, красота-то приглядится, а тутъ пойдутъ ребятишки, того надо, другаго, а какъ достатокъ-то плохъ, вотъ и горе. Что они ни рассказывай себѣ, что у нихъ за дочерью золотыя горы, мы, батюшка, знаемъ

*

всѣ достатки, шила въ мѣшки не утаишь, имѣньишко-то заложено, перезаложено, да частныхъ долговъ не счастье, а на тряпкахъ-то, да парлю-франсе — не далеко уѣдешь.

Слава Богу, приходъ Софьи Ильинишны прервалъ эту непріятную для меня бесѣду; я сейчасъ догадался, что городская сваха чѣмъ-нибудь озлоблена.

Вечеръ пролетѣлъ незамѣтно; m-elle Ильинская была восхитительно мила. Прощаясь со мной, она просила меня передать поклонъ Александру Петровичу.

Возвратившись домой, я засталъ его за письменнымъ столомъ. Чтوبъ не мѣшать ему заниматься, я легъ спать и скоро уснулъ.

IX.

Проснувшись на другой день очень рано, я былъ удивленъ. Александръ Петровичъ сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ, и какъ видно, не спалъ и не раздѣвался цѣлую ночь. Около ногъ его, на полу, валялся пепель листа почтовой бумаги; другой листъ лежалъ на столѣ, и какъ видно, былъ измоченъ слезами. Все показывало, что ночь, проведенная имъ, была не изъ сладкихъ ночей.

Онъ спалъ, прислонясь на спинку кресель. Блѣдное отъ природы лице его, было подернуто еще какою-то болезненно-матовою блѣдностію; прекрасные глаза рѣзко окружены были чертою; отъ усиленныхъ слезъ, грудь дышала неровно.

— Бѣдный молодой человекъ, твердилъ я, отходя отъ него, отправляясь въ свою комнату: что за причина твоихъ страданій?

Грусть и смѣхъ одинакимъ образомъ заразительны; взглянувъ на Александра Петровича, у меня самого стало тяжело на сердцѣ. Я не зналъ причины его горя, и мнѣ было немного досадно на него, зачѣмъ онъ такъ упорно таятся, Раздѣленное горе, какъ говорятъ, половина горл; раздѣленная радость — двойная радость.

Можетъ быть, я могъ бы быть ему чѣмъ-нибудь полезенъ. Съ другой стороны и то справедливо, какое я имѣю право на его откровенность, и, можетъ быть, ровно ничего не въ состояніи для него сдѣлать.

Увидимъ! дождемся его пробужденія, и вмѣстѣ съ этимъ словомъ я самъ задремалъ. Когда я проснулся, Александръ Петровичъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ. На мой вопросъ: какъ имъ проведена ночь, онъ крепко пожалъ мнѣ руку, и на лицѣ его показалось что-то въ родѣ улыбки; именно не улыбка, но какое-то судорожное движеніе мускуловъ.

— Я вовсе не спать, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, у меня было пропастъ дѣла. Вотъ что я вамъ скажу, мой добрый другъ: мы нынче съ вами разстанемся.

Я былъ озадаченъ, ничего не понималъ.

— Какъ разстанемся? скажите мнѣ яснѣе?

— Очень просто: я получилъ изъ Петербурга бумагу, чтобы немедленно явился къ мѣсту служенія. Хотите попопытствовать.

Онъ подалъ конвертъ.

Въ бумагѣ было сказано: что, по полученіи сего конверта, онъ долженъ сдать неконченныя дѣла свои какому-нибудь благонадежному чиновнику, и немедленно явиться къ мѣсту служенія, а по минованіи въ немъ надобности, отпра- виться обратно для окончанія порученныхъ ему дѣлъ.

Такъ вотъ причина! вотъ что его огорчаетъ! ему просто не хочется выѣзжать, пришло мнѣ въ голову.

— Что жь, отвѣчалъ я ему, отдавая обратно конвертъ: я полагаю, эта разлука будетъ не надолго, много мѣсяца на полтора.

— Я скажу вамъ еще короче: я могу просто остаться и не ѣхать. Но я долженъ бѣжать отъ этихъ мѣстъ, я не могу здѣсь оставаться.

Онъ схватилъ руками голову, но вдругъ опомнился.

— Вы, по дружбѣ ко мнѣ, не откажетесь исполнить мое шпросьбу, продолжалъ онъ, взявши меня за руку. Она очень коротка: я нынѣшній день не могу быть нигдѣ и ни

куда не поѣду прощаться, конечно, исключая Ильинскихъ. А тамъ, ради Бога, торопите меня и не засиживайтесь сами; я боюсь, что у меня не хватитъ силъ... послѣ, послѣ, когда меня не будетъ.... (голосъ его дрожалъ) я вполне полагаюсь на васъ, вы съумете это сдѣлать, и никто другой кроме васъ не въ состояннн. Скажите ей, она вамъ повѣритъ, что я скоро прѣйду, что мнѣ необходимо ѣхать. Можетъ быть, дѣйствительно я скоро вернусь.... Чтобы она не грустила, дасть Богъ, дѣло скоро окончится.... ну, все вы сами можете придумать. — Боже мой! какъ бѣжитъ время! Поторопитесь одѣваться, мы сейчасъ къ нимъ ѣдемъ, а я скажу челоуьку, чтобы онъ привелъ почтовыхъ лошадей.

Повѣся голову, пошелъ я отъ него одѣваться, и чрезъ пять минутъ былъ готовъ. Онъ выпилъ стаканъ воды, и мы отправились.

Въ домъ Ильи Васильевича, въ дверяхъ, насъ встрѣтила Софья Ильинишна; взглянувъ въ лице Александру Петровичу, она вдругъ перемѣнилась и поблѣднѣла какъ полотно.

— Ради Бога! скажите мнѣ, что съ вами, произнесла она дрожащимъ голосомъ, — вы такъ блѣдны. Въ глазахъ у ней блистали слезы.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ онъ скрѣпя сердце и крѣпко цѣлуя ея руку. Что я блѣденъ, это отъ очень простой причины, я не спалъ цѣлую ночь, работалъ: вчера я получилъ сюрпризъ — мнѣ должно на мѣсяць отлучиться изъ Т... и нынче ѣду.

Софья Ильинишна стояла молча, она не вѣрила ушамъ своимъ; глаза ея, полные слезъ, какъ будто просили пощады.... Долго и пристально смотрѣла она ему въ лице, какъ будто желая прочесть, что дѣлается у него внутри.

— Полю, Александръ!... не шути такъ жестоко, сказала она умоляющимъ голосомъ, совершенно позабывъ, что здѣсь находится постороннее лице.

Александръ Петровичъ дрожалъ; ясно было, что онъ собираетъ всѣ силы души на борьбу съ собою.

Я видѣлъ, что дѣло плохо! что нужно мнѣ вмѣшаться въ это.

Я взялъ ее за руку и сказалъ: — полноте, Софья Ильинишна, какъ вамъ не стыдно, что за важность? Александръ Петровичъ ѣдетъ на мѣсяцъ, можетъ быть и меньше: развѣ это случилось въ первый разъ? Онъ должностной человекъ, обязанъ исполнять предписанія начальства, и чтобы васъ увѣрить, что онъ ѣдетъ на время, прочтите, вотъ бумага.

Она сквозь слезы прочла предписаніе и немного успокоилась; откомандировки были очень частыя, и она это знала.

— Вы видите, что ему не хочется ѣхать! вы должны ободрить его, сказалъ я шопотомъ. Онъ совершенный сталъ ребенокъ; отъѣзжая на три недѣли, плачетъ напролетъ цѣлыя ночи. Что же будетъ, когда увидитъ ваши слезы? онъ не поѣдетъ и получитъ за это непріятности. Будьте молодцомъ, соберите силы, и, глядя на васъ, ему будетъ стыдно, что онъ упалъ такъ духомъ.

Софья Ильинишна жадно слушала слова мои; они, видимо, ее ободрили.

Конечно, я лгалъ, но въ это время ложь была спасеньемъ.

Отнимите у человека надежду, и онъ впадетъ въ отчаяніе; одно только время излечиваетъ недуги души. Плохо тотъ знаетъ человеческое сердце, кто думаетъ излечивать въ такихъ случаяхъ горькими истинами.

Въ продолженіе нашего разговора, Александръ Петровичъ оправился. Софья Ильинишна подошла къ нему, обняла и поцѣловала.

— Пріѣзжай скорѣй, и пиши, ради Бога, она шептала ему.

Я прервалъ разговоръ, напомнивъ имъ, что сейчасъ выйдетъ Настасья Ивановна, или Илья Васильевичъ, и точно не успѣлъ я это сказать, какъ въ другихъ дверяхъ гостиной показалась фигура Настасьи Ивановны.

Софья Ильинишна пошла чрезъ корридоръ. Мы вошли въ гостиную.

— Я пріѣхалъ проститься съ вами, началъ Александръ Петровичъ, цѣлуя ее руку, можетъ быть, мѣсяць другой не увидимся.

— Куда же вы ѣдете?

— Въ Петербургъ.

— Скоро?

— Нынче послѣ обѣда; я уже велѣлъ привести лошадей.

Пришелъ Илья Васильевичъ; тотъ тоже узналъ эту новость.

— Однако васъ, батюшка, частенько туряютъ, сказалъ онъ трепля его по плечу: оно для молодаго человека ничего, даже въ иномъ случаѣ полезно. — Да вы что-то съ лица не больно здоровы?

— Я не спалъ болѣе трехъ ночей, спѣшилъ окончить дѣло, и изнурился чрезвычайно.

Никто не подозрѣвалъ изъ нихъ, что эта откомандировка разлучитъ ихъ, можетъ быть, навсегда. Торопились по раньше отобѣдать. За обѣдомъ, какъ водится, пили на прощанье шампанское, при желаніи скорого возвращенія.

Я началъ торопиться, пора было кончить это тяжелое положеніе.

Софья Ильинична не выходила къ столу, она велѣла сказать, что ей что-то нездоровится, и просила, чтобы я и Александръ Петровичъ зашли къ ней навѣстить и проститься.

Я не въ состояніи описать эти раздирающія душу сцены прощанія. — Умъ ея былъ убѣжденъ въ скоромъ его возвращеніи, а сердце предчувствовало, если не вѣчную, то чрезвычайно долгую разлуку. Упавъ къ нему на шею, она рыдала, заклинала именемъ Бога не обманывать ее. Александръ Петровичъ упалъ духомъ, видимо терялъ силы, и я долженъ былъ силою ихъ раздѣлить, потому что убѣжденія и страхъ оставались недействительны. Онъ, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ изъ ея комнаты, схвативъ меня за руку такъ крѣпко, что я чуть не вскрикнулъ отъ боли. Сбѣжавши внизъ, я не могъ понять, откуда у него достало силъ довольно хладнокровно проститься съ стариками Ильинскими. Мы съѣли въ пролетку.

— Пошелъ скорѣй! закричалъ я извошнику.

Пролетка понеслась. На улицѣ я замѣтилъ, что окно въ мезонинѣ было открыто; это была комната Софьи Ильинишны. Она стояла у окна, закрывъ платкомъ глаза, другая рука послала намъ напутственное благословеніе.

Мы пріѣхали. Съ большимъ трудомъ я могъ ввести моего товарища на лестницу. Войдя въ комнату, онъ упалъ на диванъ и зарыдалъ. Я оставилъ его въ покоѣ, думая: слезы облегчатъ грудь, и ему станетъ легче.

Все это время меня не оставляла мысль: что за причина могущая разлучить такія два любящія сердца? Спросить его, было неумѣстно, да и онъ отвѣчать не въ состояніи.

Наконецъ онъ очнулся, и попросилъ меня принести ему стаканъ воды.

Я подаль.

— Сядьте около меня, добрый другъ мой, началъ онъ взявши меня за руку.

Я сѣлъ. — Онъ положилъ голову на мое плечо, и долго перебиралъ пальцы моей руки. Мнѣ было чувствительно какъ онъ вздрагивалъ, что показывало раздраженіе нервъ.

— А счастье было такъ возможно, такъ близко, тихо онъ началъ.

Голосъ его былъ совершенно слабъ.

— Чего же отчаяваться вамъ, Александръ Петровичъ: мало ли бываетъ на свѣтѣ препятствій, ихъ можно устранить.

— Вы полагаете? можно устранить: развѣ есть возможность устранить?—О! полжизни отдалъ бы за эту возможность.... Нѣтъ! этого нельзя; пустая надежда — глупость. Правда, смерть можетъ дать возможность.... Знаете-ли!... знаете-ли!... продолжалъ онъ, подымаясь съ мѣста.... я.... я несчастливъ.... я женатъ!...

Этимъ простымъ словомъ я былъ оглушенъ точно громовымъ ударомъ.

Тутъ только я понялъ загадку, катарую постоянно такъ силъся разгадать.

Умъ челоѣка бываетъ настроенъ иногда довольно странно, ищетъ причины довольно отдаленной, даже почти невозможной, чтобы объяснить поразившій его случай, между тѣмъ, какъ настоящая причина такъ проста и находится подъ носомъ.

Спустя два часа послѣ того, лихая почтовая тройка вывезла Александра Петровича за Московскую заставу.

Этотъ день весь былъ полонъ душевныхъ тревогъ. Я чрезвычайно утомился. Кругомъ меня была какая-то пустота, чего-то не доставало, какъ всегда чувствуется послѣ проводовъ. Въ комнатѣ Александра Петровича царствовала безпорядокъ, стояла пустая кровать, кой-гдѣ валялись куски газетной бумаги, оболочки съ папирсъ. — Скучно! — Я рѣшился перейти въ нее и жить, пока дѣла задержатъ меня въ Т.... Было три часа ночи, я все еще не раздѣвался, ходилъ изъ угла въ уголъ, наконецъ рѣшился лечь на новомъ мѣстѣ. Сонъ, какъ насмѣхъ, бѣжалъ глазъ монхъ. — Предосадное состояніе: хотѣлъ читать — читать не могъ, совершенно не зналъ чѣмъ бы заняться; принялся перекапывать бумажки, валявшіяся на полу и въ столѣ. — Ничего интереснаго, старья Московскія Вѣдомости. На одномъ клочкѣ была напечатана статья о бракосочетаніи герцога Монпансье. Я попробовалъ собрать пепель сожженного почтоваго листа, думая, что это будетъ поинтереснѣй, но прочесть было невозможно. — По всей вѣроятности, это было письмо его къ Софьѣ Ильинишнѣ, о чемъ можно было догадываться по уцѣлѣвшимъ некоторымъ словамъ. Въ столѣ попался мнѣ свертокъ газетъ, между которыми, къ моему удивленію, находился бархатный портфель, туго набитый.

Боже мой! не забылъ ли онъ деньги, подумалъ я; въ этомъ положеніи чего не забудешь, — придется ему воротиться съ первой станціи. Съ этой мыслию я открылъ портфель; въ немъ не было ничего кромѣ писемъ. — Первое письмо, лежавшее сверху, было отъ жены. Она писала ему пропастъ упрековъ, называла его вѣтреникомъ, мотомъ и прочими неприятными нѣжностями. Проживъ съ Александромъ Петровичемъ почти три мѣсяца, я тѣни не могъ замѣтить припи-

сываемыхъ ему качествъ благовѣрною супругою. Остальныя письма, хотя были безъ подписи, или съ одной буквой S, не трудно было отгадать, отъ кого они писаны. Прочитавши ихъ всѣ, я могъ видѣть всю душу этой превосходной дѣвушки. Мнѣ вдвое стало жаль ихъ обоихъ, я припомнилъ послѣднія слова его: а счастье было такъ близко, такъ возможно! Дѣйствительно я скажу, что съ этой чудной дѣвушкой было возможно счастье, которое въ Божіемъ мѣрѣ такъ рѣдко достается на долю человека. Жаль, что я по некоторымъ причинамъ не могу эти письма представить для подтвержденія моихъ словъ; да проститъ меня въ томъ мой благосклонный читатель, они могли бы много прибавить занимательности моему разсказу; что дѣлать — долженъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

Окончивши чтеніе, я сейчасъ сталъ обдумывать, что мнѣ съ ними дѣлать. Возвратить Софью Ильинишну — было невозможно въ настоящую минуту, даже крайне нелѣпо; отправить по принадлежности, при настоящемъ положеніи моего пріятеля, послѣ твердой его рѣшимости, мнѣ тоже какъ-то казалось неловко; мнѣ думалось, что это, можетъ быть, растравитъ его раны. Завернувъ ихъ въ бумагу, я заперъ въ свою шкапулку. Послѣ этого происшествія мнѣ пришлось недѣли полторы прожить въ Т... Конечно я бывалъ у Ильинскихъ очень часто. Сначала Софью Ильинишну я видѣлъ всякій разъ; она въ это короткое время перемѣнилась ужасно, чрезвычайно похудѣла. Всякій разъ встрѣчала она меня по прежнему въ залѣ, протягивая свою исхудалую ручку. — Мнѣ пріятно было, что я могъ доставить своею болтовней, хотя минутный покой ея сердцу; наконецъ она заболѣла очень серьезно, я ее болѣе не могъ уже видѣть, и уѣхалъ не простившись.

Прошелъ годъ, и такимъ же образомъ и другіе. Я не видалъ даже какъ они канули въ вѣчность. Въ это время я уже успѣлъ запасть своимъ собственнымъ горемъ, стало быть, чужія несчастія для меня не такъ стали впечатлительны, какъ въ былое время. Объ Ильинскихъ ничего я не зналъ.

Не помню, кто-то сказывалъ мнѣ, что они уѣхали въ пензенскую деревню: вотъ все, что я объ нихъ слышалъ. — Про Александра Петровича болѣе имѣю свѣдѣній. Живя въ Москвѣ, очень часто имѣешь случай встрѣтить жителей Петербурга, и одинъ изъ этихъ случаевъ далъ мнѣ возможность познакомиться съ сослуживцемъ Александра Петровича. Онъ-то мнѣ пояснилъ многое изъ жизни его; отъ него я узналъ, что Тархановъ двадцати лѣтъ женился на вдовѣ, купчихѣ, которая имѣла полмилліона состоянія и ровно десятью годами была его старше; что она имѣла пріятность мучить его весь свой вѣкъ скупостію и ревностію, и наконецъ отправилась къ своимъ предкамъ, оставивъ его полнымъ наследникомъ своего имѣнія. Послѣ этого несчастія онъ ѣздилъ за границу, и прочее. Вообще сослуживецъ его отзывался объ немъ съ превосходной стороны.

Х.

Прошло ровно четыре года и четыре мѣсяца послѣ сказаннаго мною происшествія, стало быть, времени много прошло, благосклонный читатель.

Чего не забудешь въ такой промежутокъ, и самая постоянная любовь нѣсколько притупится на этой пробѣ. — Все это, по общему закону природы, случилось и со мною.

Тихо и мирно полезивалъ я себѣ на диванъ въ своей квартирѣ, покуривалъ папироску, дѣлалъ кейфъ, а на російскій языкъ перевести — просто мною обуяла лѣнь.

Въ июль мѣсяцъ, въ Москвѣ, что еще прикажете дѣлать? всѣ давнымъ-давно живутъ на дачахъ, въ блококаменной же кромѣ пыли, швеекъ и Опекунскаго Совѣта, который грозился продать съ аукціона мое имѣніе, еслибъ я не внесъ денегъ, ничего нѣтъ волнующаго, развѣ уже это приписать къ сильнымъ ощущеніямъ, до которыхъ я страстный охотникъ.

Видите ли, я лежалъ; кругомъ меня жужжали мухи, съ нахальствомъ, свойственнымъ только мухамъ и комарамъ, и вовсе

безъ всякаго должнаго почтенія къ моеѣ особѣ, дѣлали мнѣ разныя безпокойства. Терпѣть не могу этихъ насѣкомыхъ; я считаю ихъ наравнѣ съ дураками, то-есть предметами ни на что не нужными и нестерпимыми.

Не знаю долго ли продолжалось бы это созерцательное состояніе, еслибъ знакомый мой, страстный любитель Тверскаго бульвара, Александровскаго сада и прочихъ пріятныхъ мѣстъ, не вывелъ меня изъ этого положенія.

— Пойдемте гулять въ Александровскій садъ, сказалъ онъ мнѣ — полноте лежать!

— Право не хочется, что тамъ хорошаго?

— Нынче играетъ тамъ музыка, и, вѣрно, будетъ пропасть хорошенькихъ!

Надо замѣтить, что для моего знакомаго Александровскій садъ былъ чѣмъ-то въ родѣ очарованнаго лѣса въ поэмѣ Тасса: прекрасныя феи всегда его увлекали.

— Такъ и быть, пойдемте.

Мы отправились. Только-что успѣли вступить въ предѣлы земли для него обѣтованной, какъ какая-то прекрасная небесно-голубая шляпка увлекла его за собою, и онъ пропалъ безъ вѣсти!

Не поддаваясь никакимъ искушеніямъ, я смиренхонько сѣлъ на лавочку. Мимо меня проходили пары, мелькали шляпы и шляпки, хорошенькія личики и рожи; я прислушивался къ остротамъ бульварныхъ франтовъ, къ умничанью студентовъ — мнѣ было нескучно.

Долго я сидѣлъ и слушалъ, наконецъ и мое любопытство было заинтересовано. Мимо меня прошла одна пара, должно быть, счастливый супругъ съ супругою; сзади, по провинціальному обыкновенію, лакей въ неопредѣленнаго цвѣта ливреѣ.

Супругъ былъ довольно полный мужчина, видно не изнурявшій себя дѣятельностію, какъ прилично богатому помещику, лѣтъ тридцати пяти; спутница его была брюнетка, съ прекрасною талією и превосходными глазами.

Я, грѣшный человѣкъ, люблю черные глаза; они дѣйствуютъ на меня магически; я готовъ, какъ говорится, бѣжать за ними на край вселенной, или въ Камчатку, куда, надо замѣтить, кромѣ послѣдняго обстоятельства, я ни за что добровольно не поѣду.

Оба лица показались мнѣ чрезвычайно знакомы, но гдѣ ихъ видѣлъ — не помню. Вы уже знаете, какъ я любопытенъ; стало быть, увлеченный привычною страстію, я сталъ за ними фланировать, выжидая удобнаго случая спросить ихъ человѣка.

Случай сейчасъ же представился, — его оттолкнула отъ господъ какаля-то бойкаля тройка съ коренникомъ въ шляпѣ и пристяжными въ шляпкахъ.

— Послушай, любезный, скажи мнѣ, пожалуйста, какъ фамилія твоихъ господъ?

— Ижевскіе-съ.

— Твоего барина зовуть Николаемъ Федоровичемъ?

— Точно такъ-съ.

— А барыню?

— Софья Ильинишна.

Я опрометью бросился къ нимъ.

— Позвольте припомнить старое знакомство, сказалъ я, подходя къ нимъ; конечно, четыре года меня много измѣнили, но не помѣшали мнѣ узнать васъ.

Софья Ильинишна, какъ я замѣтилъ, чрезвычайно обрадовалась, Николай Федоровичъ тоже, прибавивъ при этомъ пословицу: что гора съ горой не сойдется, а человѣкъ съ человекомъ встрѣтится.

— Скажите мнѣ, какой благодатный вѣтеръ навѣялъ васъ въ нашу блококаменную, Софья Ильинишна? продолжалъ я.

— Мы ѣдемъ съ мужемъ въ Петербургъ, а вы какимъ путемъ?

— Очень простымъ, я здѣшній постоянный житель.

Долго мы гуляли, болтали, припоминали нашихъ общихъ знакомыхъ. Было довольно сыро; мы разстались. Софья Ильинишна пригласила меня назавтра къ себѣ, сказавъ:

— Завтрашній день мы пробудемъ еще въ Москвѣ, — я увѣрена, что мы проведемъ его вмѣстѣ, по прежнему, безъ церемоній. Вы знаете, какъ я вамъ рада, присовокупила она, пожимая мою руку; мы остановились въ гостинницѣ Парижъ, номеръ двѣнадцатый.

Простившись съ ними, я возвратился домой чрезвычайно довольный. Всю ночь мнѣ спились — Софья Ильинична, Николай Федоровичъ, прыгающій чрезъ веревочку, и Александръ Петровичъ. Проснувшись въ десять часовъ, я точно какъ юноша, спышавшій на первое любовное свиданіе, торопился одѣваться, и чаю не могъ путемъ напитокъ, досталъ изъ шка-тулки заветные листочки, которые были погребены въ ней отъ всѣхъ любопытныхъ глазъ, сунулъ въ карманъ и отправился къ Охотному ряду, въ известную гостинницу Парижъ.

Меня ждали къ чаю.

Проведенный мною день, былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ дней въ моей жизни. Чего мы не переговорили съ Софьею Ильиничной: я узналъ отъ нея, что почтенной Настасьи Ивановны нѣтъ уже въ живыхъ, Илья Васильевичъ хозяйничаетъ въ деревнѣ, Пелагея Ферапонтовна по прежнему сватаетъ и даетъ въ ростъ деньги за жидовскіе проценты. Я съ своей стороны рассказалъ, что зналъ, про Александра Петровича, и очень ясно видѣлъ, что прежняя ея страсть не истребилась.

До нея дошли слухи, что онъ былъ женатъ; но что онъ уже овдовѣлъ, того она не знала.

— Я любила этого человѣка, говорила она, какъ никого въ мірѣ, можетъ быть, не буду любить. Горько мнѣ было перенести эту утрату, и никогда я не вышла бы за-мужъ, если бы покойная маменька, на смертномъ одрѣ, не просила меня объ этомъ. — Я повиновалась.... Николай Федоровичъ прекрасный человѣкъ, любить меня до безумія, прибавила она. Мнѣ очень горько, что я не могу отвѣчать тою же платою на его любовь, стараюсь переломить себя, но какъ-то плохо слухается меня мое бѣдное сердце.

— Позвольте мнѣ вручить вамъ вещь, нѣкогда вамъ принадлежавшую, сказалъ я, вынимая изъ кармана завернутый пакетъ съ письмами. Какъ честный человекъ, я берегъ ихъ и никто кромѣ меня ихъ никогда не видалъ. Очень благодаренъ случаю, который далъ мнѣ возможность возвратить ихъ въ прежнія руки. Причемъ я рассказалъ какъ они мнѣ достались.

Софья Ильинишна сейчасъ узнала свою руку.

— Вы благородный человекъ! Я не ошиблась, что такъ всегда объ васъ думала, и это подтвердилъ теперешній вашъ поступокъ.... Благодарю васъ, добрый другъ мой, прибавила она, цѣлуя меня въ лобъ....

Мы разстались.

На другой день я проводилъ ихъ до станціи желѣзной дороги, при желаніи всѣхъ благъ.

Они уѣхали.

Ну, слава Богу, насилу-то конецъ, скажете вы, мой читатель или читательница; чего еще больше? кажется, все?...

Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ, почему это вы такъ думаете? я и самъ путемъ не знаю, конецъ ли это!... Если ваше благосклонное вниманіе продолжится, я скажу, что это только предисловіе гораздо интереснѣйшей повѣсти.

Москва. 1854 Июля 18.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1854.

№ 19.

ОКТАБРЬ.

Кн. 1.

ЗАПОВКИ СТУДЕНТА.

(Окончаніе).

29 мая, вторникъ. Тула. Тула городокъ, Москвы уголокъ. Это такъ же справедливо, какъ справедливы болѣею частью и всѣ народныя замѣчанія и поговорки. Тула точно можетъ назваться Замоскворѣчьемъ по своимъ каменнымъ зданіямъ, красивымъ улицамъ, по движенію на нихъ народа, по своей торговлѣ и промышленности; одинъ оружейный заводъ стѣитъ инаго города. Я ходилъ взглянуть на этотъ заводъ; начальникъ его генералъ Чичеринъ, ласковый и привѣтливый, далъ мнѣ въ проводники заводскаго пристава, Капитона Карловича Шульцена, который все показалъ мнѣ въ подробности и обстоятельно, старался меня вразумить въ заводское производство. На заводѣ встрѣтилъ и директора П. Г. Цвиленева. Онъ между прочимъ сказывалъ, что мастеровые, работающіе на этомъ заводѣ, составляютъ какую-то особенную касту, такъ что всякаго изъ нихъ всегда отличить можно отъ другихъ мастеровыхъ по ухваткамъ, походкѣ и по образу изъясненія. Цвиленевъ утверждалъ, что тульскіе

оружейники отличаются неимоверною бойкостью въ поведеніи и смѣлостью въ своемъ дѣлѣ; необыкновенно понятливы и переимчивы: имъ стоить одинъ разъ только взглянуть на какую бы то ни было вещь, чтобы ее сдѣлать; но за то съ ними надобно уметь ладить и держать ухо востро: иначе тотчасъ сядутъ тебѣ на голову. — Конечно, присовокупилъ Цвиленевъ, они не дошли еще до степени плутовства Вошанскихъ ямщиковъ, однако же есть изъ нихъ такіе, которые, какъ говорится, въ одно ухо влѣзутъ, а въ другое вылѣзутъ, такъ что и не услышишь, — такъ по этому не даромъ одинъ проѣзжій, выведенный видно изъ терпѣнія медлительною починкою своего экипажа и вынужденною за нее огромною платою, написалъ къ нимъ на стѣнѣ *общественнаго трактира*, гдѣ я останавливался, слѣдующіе стихи:

О вы мастеровые Туль,
 Вы настоящія акулы:
 Мнѣ съ вами времени и денегамъ лишь изъять,
 Вся молодцы вы на посулы
 А только смотрите въ карманъ.

В. Б — з.

Желалъ бы я знать кто этотъ В. Б—ъ, и подозреваю близкаго сосѣда.

Нѣкоторые купцы, давно знакомые съ нашимъ домомъ, приглашали меня къ себѣ, и между прочимъ знаменитый некогда торговецъ лошадьми и поставщикъ ихъ ко Двору, старикъ Гаврила Рожковъ, котораго я посѣтилъ съ удовольствіемъ, пилъ у него чай и пуншевалъ съ нимъ; въ благодарность за *компанію*, какъ онъ выразился, и въ воспоминаніе моего дѣтства, подарилъ онъ мнѣ прекрасную старинную голландскую картину, изображающую конный заводъ, и поставилъ старшаго сына Ивана *тряхнуть старшой*, то-есть, спѣть нѣсколько русскихъ пѣсень. Этотъ сынъ его Иванъ, проживавшій прежде по торговлѣ своей въ С.-Петербургѣ, былъ славенъ въ свое время прекраснымъ голосомъ. Онъ до такой степени былъ мастеръ пѣть рускія пѣсни, что вошелъ въ пословицу: «поетъ какъ Рожковъ» говорили про пѣвца,

котораго похвалить хотѣли. По этому случаю многія знатныя особы приглашали его на афинскіе вечера; онъ бывалъ еженедѣльно у кн. Безбородки, или у пріятельницы его, которая послѣ вышла за-мужъ за статскаго совѣтника Н. Но даръ пьсенъ былъ только второстепеннымъ качествомъ Рожкова, а главнымъ были необыкновенныя удалство и смѣлость, которыя доставили ему покровительство тогдашнихъ знаменитыхъ гулякъ графа В. А. З... и Л. Д. И...; они держали за него извѣстный огромный закладъ, въ тысячу рублей, состоявшій въ томъ, что Рожковъ, верхомъ на сибирскомъ своемъ иноходцѣ взѣдетъ въ четвертый этажъ одного дома въ Мъщанской, къ славной въ то время прелестницѣ Танюшѣ, — и Рожковъ не только взѣхалъ къ ней, но выпивши залпомъ бутылку шампанскаго, не слезая съ лошади, тою же лѣстницею съѣхалъ обратно на улицу. Тысяча выигранныхъ рублей были наградою Рожкова. — Бѣдный Иванъ Гавриловичъ не можетъ забыть этого подвига, и не смотря на свои 45 лѣтъ и почти лысую голову, съ такимъ энтузіазмомъ описываетъ прелести гостепріимной Аспазіи, что невольно возбуждаетъ въ васъ любопытство. «Дѣвица рослая, — говоритъ онъ, — дородная, бѣлая, румяная, что называется, кровь съ молокомъ; глаза на выкатъ, такъ тебя съестъ и хотятъ; а волосы, волосы чуть не до самыхъ пятъ. Когда я взѣхалъ къ ней въ *фатеру*, окружили меня гости, особъ до десяти будетъ, да и кричатъ, браво Рожковъ! шампанскаго! — и вотъ ливрейный лакей подаетъ мнѣ на поднось налитую рюмку; но барышня сама схватила эту рюмку и выпила, не поморщась, примолвивъ: это за твое здоровье, а тебѣ подадутъ цѣлую бутылку».

Здѣшній губернаторъ Н. П. Ивановъ человекъ преобладающій, и его очень любятъ; а прокуроръ В... П... Г... человекъ чрезвычайно свѣтскій и большой острякъ. У него жена красавица, очень образована и, кажется, большая кокетка. Генералъ Ч... признанный ея ччисбей. Мнѣ случилось обѣдать съ ними у губернскаго предводителя князя Петра Сергѣевича Вадбольскаго, тестя А. М. М... содержателя нынѣшней нѣмецкой въ Москвѣ

*

труппы. Предобрый и прекрасный человекъ, очень сожалѣть, что зять его взялся не за свое дѣло.

4 июня, понедельникъ. С. Ивановское. Сяжу себя на балконъ да почитываю разсужденіе Шлецера: о *причинахъ безпрерывно возрастающей въ Россіи дороговизны на произведенія сельскаго хозяйства и о средствахъ къ ограниченію возвышенія на нихъ цѣнности*. Вотъ, думаю, если бы я прочиталъ это разсужденіе до покупки своихъ винныхъ запасовъ, то не спрашивалъ бы, отъ чего русское вино возвысилось въ цѣнѣ наравнѣ съ французскимъ. Причины, изложенныя профессоромъ, по моему основательны, но справедливы ли предлагаемые способы къ отвращенію возвышенія цѣнъ на наши продукты,—этого рѣшить не умѣю. Я слышалъ, что министръ коммерціи, графъ Румянцевъ, не того мнѣнія, чтобы изыскивать средства къ уменьшенію цѣнности на произведенія сельскаго хозяйства, а напротивъ радуется, если цѣны на нихъ возвышаются, потому что тогда, — говоритъ онъ, — оплачивается трудъ сельскаго хозяина, помѣщика или крестьянина, все равно, а сверхъ того возвышается и цѣна на земли. П. С. Молчановъ отзывался о графѣ Румянцовѣ, какъ о необыкновенно умномъ и просвѣщенномъ человекѣ и, сверхъ того, настоящимъ патриотъ.

У насъ дымъ коромыслою отъ сборовъ въ Липецкѣ. Одинъ обозъ отправили, другой отправляется завтра, а сами выѣдемъ 8 или 9 числа. Если бы не совѣстно было оставить домашнихъ, я бы полетѣлъ сейчасъ.

Есть у насъ сосѣдка П. П. В., мать моего соученика, который отличался въ пансіонѣ талантомъ рисованія. Она изъ крѣпостныхъ дѣвокъ, но такая хозяйка, какихъ не скоро встрѣтить можно. Доходы получаетъ огромныя, а между тѣмъ крестьяне въ наилучшемъ положеніи, и сама живетъ барынею, не скряжничая. Я удивился, когда взглянулъ на ея хозяйство: рогатаго скота много и весь претучный, мелкаго также пропасть; при мнѣ загоняли птицу: вереницѣ гусей нѣтъ конца, утокъ стада, а индѣекъ и куръ право столько же, сколько на гумнѣ воробьевъ. Есть у ней про добраго гостя и бу-

тылка хорошаго вина, и московское пиво, и домашнее шампанское изъ смородины. Словомъ все есть въ лучшемъ видѣ, а едва ли она знаетъ грамоту. Мнѣ приходитъ иногда въ голову: на что же эта грамота?

14 июня, четвергъ. Липецкъ. Какъ ни хотѣлось мнѣ скорѣе быть въ Липецкъ, но я въѣхалъ въ него съ какимъ-то стѣсненіемъ сердца. Мы остановились по прежнему въ домѣ Вишневыхъ, и я по прежнему занялъ ту же прошлогоднюю свою камору, только на этотъ разъ одинъ и не такъ уже радощень:

Нѣтъ ни Литхенса, ни Граве,
Да и самъ я весь не свой:
Все мечтается о славѣ,
Путь къ безсмертью предо мною;
Голова моя въ туманѣ:
Мысль одна, объ Артабанѣ.

Кромѣ шутокъ, я желалъ бы написать что-нибудь путное, но едва ли удастся, потому что предвижу развлеченія непрерывныя. Впрочемъ увидимъ, трудъ не пойдетъ на ладъ, такъ мы его и бросимъ.

Ежедневное наше общество составляютъ И. Н. Новосильцевъ съ неотлучнымъ своимъ Иваномъ Кузьмичемъ, который также комплиментируетъ по прошлогоднему; Ф. Ф. Кернъ, одинъ изъ героевъ прагскаго штурма; прекрасный человекъ, умный оригиналъ, съ сократовской фізіономіей, М. К. Рѣдкинъ, Ив. Егор. Штейнъ, И. П. Лодыгинъ и Альбини. Домашніе мои утромъ ѣздятъ къ водамъ, но я не ѣзжу; за то вечеромъ являюсь всегда въ галлерею на отдыхъ отъ борьбы съ персидскимъ моимъ построломъ и болтовню съ милыми знакомками.

20 июня, среда. Мы только что возвратились съ Штейномъ съ охоты. Трое сутокъ прорыскали въ полѣ версты за 20-ть отъ Липецка, за крупною полевою дичью: стрепетами, драхвами, дикими гусями и журавлями. Брали съ собою большихъ ястребовъ, которые чрезвычайно насъ тѣшили. Привезли всякой птицы чуть не цѣлый возъ. Словомъ, веселились на пропалую.

А между тѣмъ и Артабанъ мой помаленьку подвигается впередъ. Остовъ готовъ, надобно облекать его въ тѣло и кожу. И съ этимъ надѣюсь сладить, но буду ли уметь вдохнуть въ него душу? это дѣло другое.

Пріѣхавшій губернаторъ Д. Р. Кошелевъ получилъ извѣстія изъ Петербурга, что тамъ все продолжаютъ толковать о войнѣ и что приготовленія къ ней дѣлаются въ огромныхъ размѣрахъ; ему даютъ чувствовать, чтобы онъ былъ дѣятельнѣе, и на всякій случай предупредить помещиковъ своей губерніи, отъ которыхъ, вѣроятно, потребуются по важности случая многія жертвованія. Все это не новость, потому что и въ Москвѣ только о томъ и толку, и все желаютъ войны; но жаль одного, что Москва, кажется, лишится добраго своего начальника, который рѣшительно проситъ увольненія; если это случится, то послѣдуютъ и другія перемѣны во властяхъ, которыя для ней чувствительны быть могутъ.

25 іюня, понедѣльникъ. Губернатору данъ былъ въ галлерей великолѣпный обѣдъ по подпискѣ. Общій угодникъ Поіори распоряжался мастерски и ни въ чемъ не было недостатка. Мы заплатили по 5 рублей съ персоны и проводили почетнаго гостя съ честью: онъ поѣхалъ въ Лебедянскій уѣздъ осматривать деревню, которую купить намѣренъ, селцо Кузьминку, принадлежащее Петру Петровичу Бибикову; оно будетъ продано съ аукціона за долги. Имѣніе устроено и отличное во всѣхъ отношеніяхъ. Я бывалъ въ Кузьминкѣ еще въ дѣтствѣ, и помню прекрасное ея мѣстоположеніе и барскій домъ.

Жду не дождусь своего опредѣленія въ службу. Альбини утверждаетъ, что непременно все скоро сдѣлается и чтобы я не тревожился; но зная, что *man versucht in der Welt so manches und es gelingt einem nicht*, не могу не тревожиться. Хорошо, что есть еще добрые люди, которые некутся обо мнѣ какъ родные, и почитаю великимъ счастьемъ, что ѣду въ Петербургъ не одинъ, а съ Альбини, и что есть уже у меня тамъ знакомое семейство старика Лобата; а то, пожалуй, пришлюсь бы сказать вмѣстѣ съ Бородулинымъ:

Пріѣхалъ въ городъ новыи,
 Ну точно лѣсъ сосновый!
 И запахъ непріятный;
 Какой народъ невнятный!

Я встрѣтилъ старика Созонова, который коротко былъ знакомъ съ преосвященнымъ Тихономъ Задонскимъ. Онъ много рассказывалъ о подвигахъ Святителя, о его трудахъ, смиреніи, кротости и милосердіи, и между прочимъ рассказывалъ слѣдующій анекдотъ, доказывающій его христіанскую вѣротерпимость. Узнавъ, что одинъ старый лѣкарь Кохъ, служившій во флотѣ, и назначенный уѣзднымъ лѣкаремъ въ Острогожскъ, проѣзжая къ мѣсту своего назначенія чрезъ Задонскъ, отчаянно занемогъ и въ предсмертной тоскѣ желалъ исповѣдаться и причаститься Святыхъ Тайнъ по нашему обряду, за немѣнимъ лютеранскаго пастора, но что ни одинъ священникъ не рѣшился напутствовать умирающаго иновѣрца, Преосвященный Тихонъ, взявъ запасные дары, немедленно отправился пѣшкомъ къ больному, и по молитвѣ, самъ исповѣдалъ и причастилъ страдальца, который въ ту же минуту почувствовалъ облегченіе, а потомъ и совершенно выздоровѣлъ. Въ признательность за свое изцѣленіе онъ крестился по обряду нашей церкви, а предъ крещеніемъ наречень, по желанію, Тихономъ. Созоновъ говорилъ, что преосвященный былъ простосердеченъ какъ дитя, и что онъ не допускалъ мысли, чтобы кто-нибудь могъ обмануть его или солгать передъ нимъ. Живя въ Задонскѣ на покоѣ, онъ не имѣлъ никакихъ доходовъ и былъ бѣденъ, однако же никто изъ нищей просищей братіи не отходилъ отъ него, не получивъ чего-нибудь: если не имѣлъ денегъ, то давалъ просвиру, ломоть хлѣба, лоскутъ холстины или сукна; а однажды, зимою, отдалъ одному юродивому свое полукафтанье, чтобы сколько-нибудь согрѣть бѣдняка. Преосвященный Симонъ Рязанскій былъ другомъ Тихона, и не рѣдко снабжалъ его многими вещами для раздачи бѣднымъ. *Таковъ подобаше намъ Архіерей!*

30 июня, суббота. Вотъ примѣръ дружбы въ прежнее время. Въ 1771 году двадцати-трехлѣтній маіоръ, красавецъ А.

женился по любви и противу воли родителей своих на дочери небогатаго помѣщика Ч. Молодые супруги жили счастливо цѣлый годъ, то-есть до тѣхъ поръ покамѣсть было тѣмъ жить, — но небольшія средства ихъ скоро истощились. Наступило время жестокой нужды, тяжкихъ заботъ, и лишений всякаго рода, а между тѣмъ Богъ даровалъ имъ дочь, и недостатокъ въ потребностяхъ жизни сталъ еще ощутительнѣе. Горе овладѣло юною честою, а отъ сильнаго горя до тяжкой болѣзни—одинъ шагъ. Молодая женщина занемогла; мужъ не зналъ что дѣлать; писалъ къ отцу и къ матери, умолялъ ихъ о пособіи, но письма оставались безъ отвѣта. Къ кому прибѣгнуть и на что рѣшиться въ такой крайности? Вступить опять въ службу, не было случая, да и могъ ли служить онъ, вовсе не зная службы? чины получалъ онъ, живучи дома: будучи еще въ пелемкахъ записанъ сержантомъ гвардіи въ Преображенскій полкъ; лѣтъ черезъ 18-ть произведенъ въ прапорщики и тотчасъ выпущенъ въ армію капитаномъ, а черезъ годъ уволенъ отъ службы съ чиномъ секундъ-маіора. Дѣлать онъ ничего не умѣлъ, а женитьба противу воли родителей лишила его уваженія и всякаго довѣрія въ цѣлой губерніи. Словомъ, положеніе А. было безвыходное и ужасное.

Но вотъ бывшій школьный его товарищъ и другъ Н., служившій въ Петербургѣ въ генераль-прокурорской канцеляріи и очень любимый начальствомъ за свою грамотность, расторопность по службѣ и незазорное поведеніе, узнавъ о бѣдственномъ состояніи А., выпросилъ себѣ кратковременный отпускъ и отправился въ Тамбовскую губернію навѣстить своего друга. Онъ нашелъ его въ отчаяніи, а жену изнемогающую отъ изнурительной болѣзни. — «Милые друзья мои, сказалъ онъ имъ, не время разсуждать намъ о причинахъ бѣдственнаго вашего положенія, прошедшее невозвратимо; но вспомните, что отчаяніе смертный грѣхъ и что у Бога милости много! Вотъ нѣсколько сотенъ рублей, скопленныхъ мною на дѣятельной службѣ. Ты, Петръ, начни съ того, чтобы поскорѣе добыть все нужное для больной жены твоей и бѣдной малютки. Эти хлопоты тебя разсѣять; а вы,

сударыня, вмѣсто того, чтобы день и ночь крушиться и плакать, займитесь хотя черезъ силу, маленькимъ хозяйствомъ *нашимъ*: устройте такъ, чтобы мы во свое время пили чай, обѣдали и ужинали, а тамъ недѣльки черезъ двѣ, когда Богъ порадуетъ меня вашимъ спокойствіемъ, и предложу вамъ средство избавиться навсегда отъ зависимости нуждъ и всѣхъ скорбей, которыя неразлучны съ ними. И такъ за дѣло: что было, то прошло; что будетъ увидимъ!

Сказано, сдѣлано. На деньги, данныя Н-вымъ, мужъ исправилъ всѣ домашнія потребности, а жена слегка озаботилась хозяйствомъ. Прошло нѣсколько дней, и надежда оживила увядшія лица молодой четы: она стала спокойнѣе: время проходило въ дружескихъ бесѣдахъ; когда изсякли разговоры о прошедшемъ, стали толковать о будущемъ и дѣлали разныя предположенія: мужъ хотѣлъ идти въ управители къ какому-нибудь богатому помѣщику другой губерніи, не имѣя ни малѣйшаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ; жена его совѣтовала лучше искать какой-нибудь губернской должности. Н-въ молчалъ и давалъ волю ихъ предположеніямъ, а между тѣмъ тайно написалъ письмо къ родителямъ А., въ которомъ изложилъ все бѣдственное положеніе ихъ сына, заключилъ тѣмъ, что хотя между родителями и дѣтьми можетъ быть судьбою одинъ только Богъ, но что онъ, руководимый чело-вѣколюбіемъ, принялъ на себя обязанность ходатайствовать передъ ними за провинившагося сына; что всякому гнѣву есть предѣлъ и что въ этомъ отношеніи не худо вспомнить выраженіе священнаго писанія, которымъ обѣщается *судъ безъ милости не сотворшему милости!* Въ ожиданіи же отвѣта на свое письмо, онъ продолжалъ жить съ друзьями своими по прежнему, и скоро имѣлъ несказанное удовольствіе замѣчать иногда улыбку на лицахъ молодыхъ страдальцевъ и рѣшительное, хотя и постепенное возвращеніе здоровья молодой женщины.

Наконецъ, ожидаемый отвѣтъ полученъ: старики А. рѣшительно объявили, что они не хотятъ слышать объ ослушномъ сынѣ и что онъ можетъ почитать себя счастливымъ,

если дотолѣ они не предали его проклятію за неблагодарность и ослушаніе. Такая жестокость очень огорчила Н., но онъ скрылъ это огорченіе отъ друзей своихъ и на другой же день за чаемъ объявилъ имъ, что онъ составилъ планъ будущей ихъ жизни; что они должны ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ, гдѣ онъ найдетъ имъ занятіе; и хотя для маіорскаго чина не легко найти соответственную должность, но что онъ надѣется чрезъ своихъ покровителей уладить все къ лучшему, а до тѣхъ поръ они будутъ жить съ нимъ вмѣстѣ. — Ахнули бѣдные супруги отъ такого рѣшенія ихъ друга; ѣхать въ Петербургъ! но какъ, съ чѣмъ и за чѣмъ?— Это не ваше дѣло, мои милые, возразилъ Н., тотъ, кто внушилъ мнѣ мысль пріѣхать сюда къ вамъ, внушитъ мнѣ и средства устроить васъ: въ Петербургъ или въ Америкъ, все равно; только я твердо вѣрю, что добрыя намѣренія не остаются безъ исполненія; будьте покойны и сѣрайтесь въ дорогу.

Сборы были непродолжительны: старый чемоданъ съ платьемъ, небольшой ларецъ съ бѣльемъ, и узелъ съ дорожными припасами составляли весь скарбъ семейства эмигрантовъ. Они отправились въ простой ямской повозкѣ: мать, съ дочерью на рукахъ, сидѣли внутри, а молодые люди расположились по облучкамъ. Такъ ѣхали они всю дорогу до Петербурга, въ который прибыли послѣ пятидневнаго путешествія.

Первымъ дѣломъ Н. по возвращеніи въ Петербургъ было явиться къ своему начальнику и откровенно объяснить ему несчастное положеніе своего друга. — А что же онъ думаетъ дѣлать? спросилъ его начальникъ. — Искать какой-нибудь должности, отвѣчалъ Н. — Должности? но человѣка въ его чинѣ, который нигдѣ не служилъ, куда опредѣлить можно? Н-въ молчалъ. — Если бы онъ по крайней мѣрѣ былъ маломальски расторопенъ, то, конечно, нашлась бы ему должность, но сколько я изъ словъ твоихъ понять могъ, онъ едва ли на что другое способенъ, какъ только обниматься съ женою, и потому я едва ли буду умѣть придумать куда и какъ прі-

ютить его. — Н. молчалъ. — Развѣ въ директоры экономіи, если онъ человекъ честный? Н. все молчалъ. — А ручаешься ли ты за его честность? — О, что касается до честности, подхватилъ Н., то я за него ручаюсь какъ самъ за себя. — Ну, хорошо, ступай съ Богомъ и прикажи своему пріятелю читать всѣ узаконенія и постановленія, касающіяся до директора экономіи. Послѣ увидимъ.

Словомъ А. вскорѣ былъ опредѣленъ въ должность директора экономіи, которую при содѣйствіи Н-ва исправлялъ 7 лѣтъ въ Тамбовской губерніи къ полному удовольствію начальства. Успѣхи его по службѣ обратили къ нему сердца престарѣлыхъ его родителей, которые не только простили его, но и отдали ему все принадлежащее имъ имѣніе. Онъ вышелъ въ отставку, а чтобы не сидѣть поджавши руки, вошелъ въ откупа, разбогатѣлъ, нажилъ въ короткое время огромное состояніе, изъ котораго половину отдалъ своему другу, который, служа вѣрой и правдой, съ безкорыстіемъ примѣрнымъ, достигъ до званія сенатора, но въ заботахъ о чужихъ дѣлахъ, забылъ собственныя свои и ровно имѣлъ столько, чтобы не умереть съ голоду. Вотъ копія съ дарственной записи, подаренная мнѣ старикомъ М. К. Рѣдькинымъ, который коротко зналъ обоихъ друзей и рассказалъ мнѣ ихъ исторію.

4 июля, среда. Петръ Ивановичъ порадовалъ меня письмомъ въ два листа. Уведомляеть, что публичное торжество въ университетѣ было самое блистательное и что всѣ диссертациі и рѣчи необыкновенно любопытны: обѣщается доставить мнѣ ихъ тотчасъ по напечатаніи и чрезвычайно хвалить слово Малиновскаго, которымъ торжество было открыто. Страховъ остается ректоромъ и на слѣдующій годъ. Слава Богу! Послѣ Харитона Андреевича назначеніе всякаго другаго ректоромъ было бы чувствительно для всего университета, для студентовъ и профессоровъ. Между прочимъ мой П. И. ни съ того ни съ другаго вдругъ вздумалъ безъ меня ѣздить въ театръ, и 22 іюня былъ въ Русалкѣ, которую играла *Насова*. Пишетъ, что ея фізіономія ему очень при-

глянулась, и что, смотря на нее, онъ вспоминалъ обо мнѣ. Вотъ онъ каковъ, нашъ цѣломудренный Юсифъ! Пишу къ нему, что напрасно онъ лучше не съѣздилъ въ мое воспоминаніе въ нѣмецкій театръ; пошелъ бы за кулисы и поболталъ съ мадамъ Шредеръ или съ Кафкою: тогда бы на опытѣ увидѣли стоицизмъ его.

9 іюля, понедѣльникъ. Вотъ прекрасные стихи, присланные изъ Петербурга молодымъ Елизеномъ къ сестрѣ: онъ пишетъ, что актеръ Кудичъ говорилъ ихъ на сценѣ и произвелъ восторгъ неописанный.

*Für seinen König muss das Volk sich opfern,
Das ist das Schicksal und Gesetz der Welt;
Nicht'swürdig ist die Nation, die nicht
Ihr alles freudig setzt an ihre Ehre!*

Этотъ восторгъ доказываетъ общее желаніе борьбы съ западнымъ исполиномъ. А вотъ игра въ вопросы и ответы, которая въ нѣкоторыхъ петербургскихъ обществахъ входитъ въ моду. Она производится такимъ образомъ, что одна половина участвующихъ въ ней лицъ пишетъ на лоскуткахъ бумаги вопросы, а другая отвѣты, по произволу. Эти вопросы и отвѣты скатываются и кладутся каждый въ особый ящикъ, корзинку, хоть пожалуй въ стаканъ, все равно. За тѣмъ всѣ поочередно вынимаютъ прежде вопросъ, а послѣ отвѣтъ и читаютъ ихъ вслухъ. Нынче обыкновенно назначаютъ большею частію вопросы и отвѣты политическіе. Елизенъ пишетъ, что на вечеринкѣ у придворнаго доктора Торсберга играли въ эту игру и нѣкоторые отвѣты изумительно согласовались съ нынѣшними обстоятельствами: онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, которые я перевелъ для своихъ:

1.

Вопросъ: Кто будетъ побѣдителемъ въ предстоящей войнѣ?

Отвѣтъ: Тотъ, кто добръе.

2.

Вопр. Кто будетъ союзникомъ нашего Гоеударя?

Отв. Мужество и терпѣніе.

3.

Вопр. Много ли намъ нужно войскъ для победы?

Отв. Россія.

4.

Вопр. Можемъ ли мы твердо надѣяться на своихъ сосѣдсѣй?

Отв. Наша сила въ Богъ.

А знаешь ли что сдѣлалъ твой или вѣрнѣе, нашъ Дуракъ? Вчера, видно отъ скуки, ушелъ одинъ къ озеру и увидѣвъ посерединѣ стадо утокъ, отправился за ними вплавь. Лодыгинскіе люди замѣтивъ, что фаворитъ ихъ поплылъ (Дуракъ общій фаворитъ въ Липецкѣ) одинъ, вышли на берегъ ожидать результата этой продѣлки. Что жъ? Дуракъ, распугавъ старыхъ утокъ, которыя съ крикомъ улетѣли, давай гоняться за молодыми позднышами и передувивъ ихъ нѣсколько штукъ, благополучно возвратился на берегъ съ одною парой въ зубахъ, которую и принесъ домой, торжественно провожаемый и превозносимый людьми Лодыгина. Что-то дѣлаетъ у тебя его братецъ?

13 іюля. пятница. Кажется Буало сказалъ, что писать стихи должно въ городѣ, а не въ деревнѣ, и я начинаю чувствовать справедливость словъ угрюмаго сатирика. Два дѣйствія *Артабана* почти готовы, а прочитать ихъ некому и не съ кѣмъ размѣняться мыслями. Я попробовалъ было прочитать ихъ старшей сестрѣ, да не въ попадъ: «Охота тебѣ, братецъ, душиться въ твоей каморѣ и заниматься пу-стяками, когда на дворѣ такая прекрасная погода, лучше бы побѣхалъ прокатиться съ Дарьей Егоровной верхомъ; а вотъ и Михайло Константиновичъ говорить: надъ чѣмъ это вашъ философъ коптитъ такъ пристально? этакъ онъ и съ ума сплтитъ». — Одолила голубушка; а чуть ли она не права: въ лучшее время года сидѣть въ заперти и низать рѣзны, можетъ быть для того только, чтобы послѣ служить посмѣшищемъ людямъ. Прекрасная будущность! Впрочемъ, безъ билета въ маскарадъ не пускаютъ, а мой Артабанъ долженъ мнѣ служить билетомъ для входа въ маскарадъ свѣта; послѣ, пожалуй, его хоть въ печку: туда и дорога.

Сказывали, что сюда прибудетъ на дняхъ труппа актеровъ, принадлежащихъ Лебедянскому помѣщику Танъеву. Если это именно та, которую я видѣлъ нѣкогда въ моемъ дѣтствѣ на Лебедянской ярмаркѣ, то сердечно радъ буду взглянуть на нее и сравнить тогдашнія мои ощущенія съ нынѣшними. Эта труппа давала тогда въ Лебедянь оперу *Добрые солдаты* и я до сихъ поръ не могу забыть музыки одного хора:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно,
Наши зажегъ ты сердца,
Видимъ въ тебѣ мы отца.

Стишки какъ будто нашего издѣлія:

Les beaux esprits se rencontrent.

Пишутъ изъ Москвы, что московскій французскій театръ, съ будущаго ноября причисленъ будетъ, такъ же какъ и русскій, къ дирекціи театральныхъ зрѣлищъ: актеры получаютъ названіе Императорскихъ и труппа будетъ пополнена; нѣкоторые сюжеты уже пріѣхали и между прочимъ какой-то monsieur Lanneau, который имѣетъ репутацію хорошаго актера; но мнѣ кажется, что не въ актерахъ дѣло, а въ актрисахъ. До сихъ поръ на московской французской сценѣ мы видѣли только преужасныя женскія хари, съ которыми никакая пѣса не могла имѣть настоящаго успѣха. Дарованіе дарованіемъ, но въ женщинѣ красота, или, по крайней мѣрѣ пріятная фізіогномія не последнее дѣло на сценѣ. Какая можетъ быть иллюзія, когда вдругъ какую-нибудь Агнесу играетъ сорокалѣтнее и красноносое пугало? — Ужъ конечно лучше видѣть бездарную, но хорошенькую мадамъ Кремонъ и слушать какъ пропищитъ она: *Lorsque dans une tour obscure*, или: *Jeunes filles qu'on marie*, и проч. чѣмъ видѣть и слышать беззубую старуху, *madame Lavandaise* въ роли кокетки Селимены, или рыжую *m-me Duparai* въ роли Нанины. Кстати о безобразіи женщинъ: разъ какъ-то въ театрѣ молодой Тютчевъ сдѣлалъ очень смѣшное замѣчаніе; онъ увѣрялъ, что изъ пожилыхъ женщинъ всѣхъ націй ста-

рья французенки самыя безобразныя; возьмите, говорилъ онъ, нашу русскую старуху, Нѣмку, Англичанку, Голландку, Итальянку, всѣ болѣе или менѣе имѣютъ видъ не отвратительный; старыя же Французенки напротивъ: всякая похожа на бабу-ягу, разумѣется есть исключенія, но онъ рѣдки. — Поди ты съ нимъ!

17 июля, вторникъ. Вчера у отца протопопа пилъ я чай съ однимъ старикомъ купцемъ С., который былъ прежде крестьяниномъ Нарышкина, но внесъ за себя пять т. рублей, получилъ увольненіе отъ помѣщика, записался въ купцы и теперь торгуетъ лѣсами, скотомъ и саломъ на полмилліона. Это человекъ очень здравомыслящій, но чрезвычайно оригинальный въ своихъ объясненіяхъ: какъ бы предметъ разговора ни былъ серьезень, онъ не можетъ удержаться, чтобы не пересыпать его разными прибаутками на виршахъ своего издѣлія. Разсуждая о торговлѣ, онъ утверждалъ, что для русскаго малограмотнаго человека внутренняя торговля и особенно сельскими хозяйственными произведеніями есть самая благонадежная: «если отъ ней — говоритъ онъ, — не будешь милліонщикомъ въ одинъ годъ, то не будешь тотчасъ и банкротомъ, то-есть плутомъ; торговать же съ Нѣмцами у порта все равно, что ловить за хвостъ чорта; Нѣмцы торговлю свою ведутъ по газетамъ, да по примѣтамъ, а намъ нѣтъ прибывли въ этомъ. — Я спросилъ его не помѣшаетъ ли война нашей торговлѣ и не ожидаетъ ли онъ себя убытковъ? — Ничего, батюшка, отвѣчалъ онъ: что война, что миръ, а купцу все пиръ. Вотъ изволишь видѣть, сударикъ ты мой, убытки-то нашему брату не отъ войны, а отъ того, что иные или не по силѣ забираются, или не по карману проживаются; на войну только ссылаются; а на повѣрку выходитъ, что если купецъ не глупецъ, такъ не пусть и ларецъ». — Очень также забавны выходки его противу Наполеона, доказывающія какая глубокая ненависть поселилась къ нему во всѣхъ классахъ нашего народа. «На Москвѣ, — говоритъ онъ, — народъ больно ершиться сталъ: купцы въ городѣ калякаютъ, что мы де лавки побросаемъ и всѣ поголовно

пойдемъ, а ужь этого врага прищипимъ чорту на рога». — Не складно, да ладно.

Отецъ-протопопъ сказывалъ, что онъ священствуетъ около 40 лѣтъ и въ продолженіе долгаго своего священства замѣтилъ, что во время военное бываетъ раждающихся болѣе, чѣмъ въ мирное; и сверхъ того менѣе больныхъ и умирающихъ. «Это говорю я вамъ не облыжно, прибавилъ онъ, и намеренъ въ провѣздъ свой въ Москву останавливавшійся у меня помѣщикъ изъ Конь-Колодезя, Г. И. Синявинъ, сказывалъ, что и онъ сдѣлалъ такое же замѣчаніе. Отъ чего это происходитъ, Господь одинъ въдаетъ, только событіе не подвержено сомнѣнію.» — Вотъ заглава для физиологовъ, если только эти люди чувствуютъ себя способными разрѣшать тайны Провидѣнія. Но едва ли?

22 июля, воскресенье. Почтенный старикъ И. А. Алферьевъ разсказывалъ, что извѣстный по преданію, такъ называемый *Ев... клубъ*, никогда въ Москвѣ не существовалъ, но между тѣмъ онъ признавался, что если не было никакого подобнаго тайнаго общества, то въ молодыхъ зажиточныхъ людяхъ, жившихъ въ Москвѣ въ совершенной праздности, было какое-то стремленіе къ разврату всякаго рода, и что онъ самъ вовлеченъ былъ этимъ потокомъ въ непростительныя шалости. «Какъ Богъ вынесъ изъ этой бездны, въ которую мы погружались, — говорилъ старикъ, — я до сихъ поръ постигнуть не могу. Кто повѣритъ теперь, любезный, чтобы молодой человекъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно, или вовсе не принимаемъ въ обществѣ своихъ товарищей, и долженъ былъ ограничиться знакомствомъ съ одними пожилыми людьми; да и тѣ иногда, прости имъ Господи, бывало суются туда же! Кто не развратенъ былъ на дѣлѣ, — хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ; а всему виною были праздность и французскіе учителя. Да и какъ было

не быть праздным? Молодой человекъ, записанный въ пеленкахъ въ службу, въ двадцать лѣтъ имѣлъ уже чинъ маіора и даже иногда бригадира, выходилъ въ отставку, имѣлъ достаточные доходы, жилъ бариномъ привольно и заниматься, благодаря воспитанію, ни чѣмъ не умѣлъ. Такъ по неволѣ приходила въ голову какая-нибудь блажь».

И. А. рассказывалъ также много кой чего о иллюминатахъ-алхимикахъ, которыхъ секта была дѣйствительно вредна, потому, что состояла изъ явныхъ обманщиковъ; эти плуты подъ предлогомъ обогащенія другихъ, наживались сами, разоряя въ конецъ своихъ адептовъ. Иллюминаты-алхимики употребляли многія неспозволительныя способности для достиженія своихъ цѣлей: они прибѣгали къ разнымъ одуряющимъ куреніямъ и напиткамъ и заклинаніямъ духовъ для того, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на слабоуміе върившихся ихъ руководству; но что всего хуже и опаснѣе было, они умѣли привлекать къ себѣ молодыхъ людей обольщеніемъ разврата, а стариковъ возбужденіемъ страстей и средствами къ тайному ихъ удовлетворенію; для этихъ людей ничего не было невозможнаго, потому что не было ничего священнаго, и они не гнушались никакими средствами, какъ бы они преступны ни были, чтобы исполнить свои преднамѣренія. Главою этихъ гнусныхъ и къ счастью, немногочисленныхъ въ Москвѣ людей, былъ французъ *Перренъ*, мужчина лѣтъ сорока, видный собою, ловкій, вкрадчивый, мастеръ говорить и выдававшій себя какимъ-то байродомъ, великодушнымъ, щедрымъ, сострадательнымъ и готовымъ на всякое доброе дѣло; по это былъ лицемеръ перваго разряда, развратившій не одно доброе семейство и погубившій многихъ молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій. Я былъ съ нимъ знакомъ. Этотъ молодецъ квартировалъ на Мясницкой въ домъ Лсвашова, но только для виду; а настоящее его логовище было за Москвою рѣкою въ Кожевникахъ, въ домъ Мартынова, или Мартьянова, куда собирались къ нему адепты обоюго пола. Однако же Перренъ не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ могъ

продолжать свои операціи, и благодаря ревнивому характеру одного богатаго мужа, слѣдившаго за своею женою, — мошенничества его были наконецъ открыты: лицеѣра избличили, уличили и спровадили за границу со всеми его соумышленниками и помощниками: *Мезеромъ, Курбе, Гофманомъ, мадамъ Пике* и *мамзель Шеватд*. Странное дѣло: нашлись люди, которые объ этихъ подлецахъ сожалѣли и даже хлопотали, чтобы оставить ихъ въ Москвѣ.

Но это сказаніе слишкомъ пространно и я сообщу его когда-нибудь послѣ, потому что теперь зоветь меня къ себѣ Артабанъ. Свой своему по неволѣ другъ.

26 июля, четвергъ. Пресмышное произшествіе: Ф. Г. В.—му собака откусила носъ! Это приключеніе, составляетъ теперь предметъ разговоровъ цѣлаго Липецка и всѣхъ его окрестностей.

Ф. Г. В. московскій баринъ, добрый, прекрасный, гостепріимный старикъ, — имѣетъ страсть: щупать все, что ни увидитъ, и что ни попадется ему подъ руку; идетъ ли по улицѣ мимо какого-нибудь новаго дома онъ ощупаетъ всѣ его углы и стѣны; войдетъ ли въ домъ, ощупаетъ всѣ мебели; увидитъ люстру, или на окнахъ гардины, — подставитъ стулъ и ползаетъ щупать гардины и люстру. Но съ этой страстью щупать вещи неодушевленные, онъ соединяетъ другую въ отношеніи къ людямъ и животнымъ: онъ ихъ щупаетъ и цѣлуетъ. Мушны и пожилыя дамы не сердятся на него за эту привычку, но дѣвицы бѣгаютъ его какъ чумы. Чуть только зазывается какая-нибудь барышня, Ф. Г. тутъ какъ тутъ: обхватитъ пальцами шейку и тотчасъ чмокъ въ затылокъ или въ плечо. Что же касается до кошекъ и собакъ, то сколько бы ихъ ему ни встрѣтилось, онъ перещупаетъ и персцалуетъ всѣхъ, отъ первой до послѣдней. Не проходитъ дня, чтобы жена его, старуха свѣтская и умная, не напоминала ему о неприличіи такихъ поступковъ, и чтобы дочери его, дѣвицы чрезвычайно образованныя, не упрашивали его быть осторожнѣе и не заставлятъ ихъ краснѣть за

него. Ни тутъ-то было: онъ еще не успѣють кончить нравоученія, а Ф. Г. смотри и спроказить что нибудь.

Третьяго дня въ Галлерей собралось пропасть постьпителей; Ф. Г. по обыкновенію расхаживаль и щупаль все, что ни попало; ощупавъ галлерейскую мебель, забрался въ буфетъ и ощупаль всю посуду; вышелъ въ садъ, ощупаль всѣ деревья и всѣ камешки, и кирпичи приготовленные для садовыхъ дорожекъ; перещупаль и перецьловаль всѣхъ лошадей, привезшихъ матеріалы для нѣкоторыхъ построекъ, — словомъ онъ былъ въ необыкновенномъ припадкѣ щупанья; наконецъ попалась ему мордашка И. А. Лихонина прекрасивая, но и презлая собаченка, купленная имъ съ медвѣжьей трапи и очень привязанная къ своему хозяину. Ну какъ же Ф. Г. обойтись безъ того, чтобы не пощупать и не поцьловать такое сокровище? Вотъ онъ и началъ ухаживать за нею! «Моська, моська, сюда, сюда! — Мордашка ни съ мѣста; но Ф. Г. не плохъ; набралъ въ буфетъ бисквитовъ и давай приманивать мордашку бисквитами; бросилъ ей одинъ, — съѣла; бросилъ другой, — проглотила; третьимъ приманилъ къ себѣ и далъ ей съѣсть его изъ рукъ. Вотъ, кажется, и познакомились. Ф. Г. погладилъ мордашку, — терпиль; за такое снисхожденіе еще бисквить, онъ взялъ ее на руки и сълъ съ нею на стулъ; мордашка расположилась на колыняхъ и опять получила бисквить. Дѣло идетъ со всѣмъ на ладъ, остается только пощупать шейку да поцьловать въ мордочку и подвигъ конченъ. Ф. Г. обхватилъ шею и уже нагнулся, чтобы поцьловать мордашку, но послѣдняя операція не удалась: неблагодарная вдругъ всюю пастью впиалась ему въ носъ и какъ пивка повисла на немъ. Кровь брызнула фонтаномъ. Ф. Г. заревѣлъ блугой и всѣ бывшіе въ галлерей бросились на помощь къ пациенту; Лихонинъ схватилъ графинъ воды и ну отливать свою мордашку, словомъ шумъ и гамъ, кончившіеся тѣмъ, что бѣднаго щупателя или щупальщика, ни живаго ни мертваго посадили въ карету съ итерзаннымъ носомъ, и отправили домой въ сопровожденіи встревоженнаго его семейства. Удивительный оригиналь! Меньшая В. утверж-

★

даетъ, что это происшествіе нисколько не отучить ея папильку отъ несчастной сграсти къ щупанью и поцѣлюямъ; прекрасная перспектива!

30 іюля, понедельникъ. Вотъ продолженіе исторіи о *Перренъ*: не подумай, чтобы это былъ вымысль; нѣтъ, это настоящее событіе, о которомъ по свидѣтельству многихъ, не мало говорено было въ свое время. Я только сократилъ и выпустилъ нѣкоторыя грязныя подробности расказа А. . . . иначе пришлось бы исписать цѣлую дестъ бумаги.

Нѣкто Г. . . . очень богатый человекъ, будучи бездѣтнымъ вдовцемъ, немолодыхъ лѣтъ, скучалъ своимъ одиночествомъ. Въ карты играть онъ не любилъ, псовымъ охотникомъ не былъ, въ винъ не находилъ никакого вкуса, а умственныя занятія были не по его способностямъ, следовательно онъ естественно долженъ былъ умирать со скуки. Въ тогдашнее время публичныхъ развлеченій было немного: представленія на театрѣ были рѣдки, маскарады еще рѣже, да и новый содержатель театральной труппы Н. С. Титовъ (1776) не умѣлъ еще приманить публику въ Головинскій театръ свой, состоящій на концѣ города: не всякому охота была тащиться такую даль и по такимъ сквернымъ дорогамъ, какія въ то время существовали, чтобы позвать на плохихъ актеровъ.

И такъ Г. . . . скучалъ. *Перренъ* узналъ, что такой то богатый баринъ сильно скучаетъ, и на этомъ основаніи тотчасъ же задумалъ построить зданіе своего благосостоянія.

Въ этомъ намѣреніи, онъ черезъ пріятеля своего, молодого князя, знакомится съ Г. . . . и при первомъ свиданіи очаровываетъ его своею любезностью, рассказываетъ ему свои путешествія, смѣшитъ разными анекдотами и заставляетъ его удивляться такимъ событіямъ и принимать участіе въ такихъ приключеніяхъ, въ которыхъ не было ни на волосъ истины.

Послѣ двухъ или трехъ посещеній проворный Французъ сдѣлался почти необходимымъ Г... послѣдній прежде скучалъ, а теперь въ двое сталъ скучать безъ *Перреня*. Однимъ словомъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, *Перренъ* совершенно овладѣлъ Г... но за то Г... пересталъ скучать, и по совету своего друга, рѣшился вступить въ супружество.

Но на комъ жениться Г?... пожилой невѣсты онъ взять за себя не захочетъ, а молодая не будетъ любить его. Мусье *Перренъ* какъ помочь горю?

Мусье Г... вы должны жениться на дѣвучкѣ молодой, прекрасной собою, образованной, и главное на сиротѣ, чтобы не навязывать родныхъ жены вашей себѣ на шею. Такая дѣвучка есть: вы ее нѣсколько разъ видѣли и говорили съ нею у мадамъ *Пике*, когда мы съ вами вмѣстѣ пили у ней чай. Скажу болѣе, по ея вопросамъ и распросамъ объ васъ, я замѣтилъ, что вы ей приглянулись, и какъ я послѣ слышалъ отъ мадамъ *Пике*, она точно къ вамъ не равнодушна. Чего же лучше? отъ васъ зависитъ быть счастливымъ.

Г... развѣсилъ уши. Дѣвучка была точно хороша собою, и хотя была иностранка, но могла объясняться нѣсколько по руски; а иностранное произношеніе придавало разговору ея особенную пріятность.

Но она не нашего вѣроисповѣданія, замѣтилъ Г....

Она такъ расположена къ вамъ, что завтра же, если захотите, приметъ вашу религію, отвѣчалъ *Перренъ*.

Г... задумался: мусье *Перренъ*, я ревнивъ. Будучи еще молодымъ человекомъ, я ревновалъ жену мою ко всемъ знакомымъ; но женившись теперь, я могу сдѣлаться Туркомъ! Мусье *Перренъ*, я чувствую, что буду любить жену свою потому, что она мила; а любовь безъ ревности не существуетъ.

И хорошо съѣлаете, мусье Г... любите жену вашу и ревнуйте ее сколько хотите. Это придастъ разнообразіе вашей жизни, и вы не впадете въ апатію; ревность молодитъ челоуѣка.

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора Г... поѣхалъ предложить свою руку мамзель Рабо, 19-ти лѣтней сиротѣ, урожденкѣ марсельской и крестницѣ мадамъ Пике. (Разумѣется эта рука съ 40 т. руб. годового дохода была принята съ однимъ только условіемъ, чтобы обращеніе въ православную вѣру мамзель Рабо оставалось для всѣхъ тайною, а вѣнчаніе происходило въ какой-нибудь деревенской церкви, въ которой, кромѣ священника и церковнослужителей, другихъ присутствующихъ при бракѣ никого не было. Причиною такого требованія была необыкновенная стыдливость невьсты, которая прежде не могла безъ ужаса и отвращенія помыслить о бракѣ, и если теперь побѣдила этотъ ужасъ и отвращеніе, то единственно по какому то невольному влеченію сердца. Къ этому требованію прибавлена была еще просьба; оставить у ней въ услуженіи ея горничную мамзель Шеватѣ, къ которой она такъ привыкла, что не могла равнодушно подумать о разлукѣ съ нею.

Г... согласился на всѣ условія, а чтобы еще болѣе угодить своей невьстѣ, принялъ къ себѣ въ должность дворецкаго, Француза Курбе, рекомендованнаго ему Перреномъ. По крайней мѣрѣ, думалъ онъ, въ первое время нашего супружества, жена моя будетъ имѣть челоуѣка, съ которымъ объясниться можетъ.

Бракъ состоялся: мамзель Рабо обращена въ Марью Петровну Г... она была весела, довольна, счастлива; обнимала и цѣловала безпрестанно своего мужа, не сходила у него съ колѣнъ; трепала его по щечкамъ, называла его самыми нѣжными именами: mon tout, mon choux, mon bijoux, mon ame, mon ange, и проч. и проч. Словомъ, забыла о своей застѣнчивости; мужъ былъ въ восторгѣ, но этотъ восторгъ продолжался недолго; на четвертый же день брака

онъ сдѣлался въ свою очередь застычивъ, задумчивъ, молчаливъ, и даже равнодушенъ къ ласкамъ жены своей. Мусье *Перренъ* и мадамъ *Пике* посѣщали молодыхъ почти ежедневно, но Г. . . . принималъ ихъ не съ такимъ уже удовольствіемъ какъ прежде, и видимо избѣгалъ какого-то съ ними объясненія, хотя оно казалось и готово было сорваться у него съ языка.

Тѣмъ временемъ многочисленные знакомые Г. . . . узнавъ о неожиданномъ его бракѣ, безпрестанно пріѣзжали къ нему, но подъ предлогомъ болѣзни мадамъ Г. . . ., они не были принимаемы, другіе принимаемы на короткое время и не очень охотно; такъ, что любопытство москвичей видѣть молодую и узнать о подробностяхъ брака не могло быть вполне удовлетворено. Изъ этого разумется, произошли толки, изъ толковъ развились предположенія и заключенія, а изъ этихъ послѣднихъ, какъ водится, родились сплетни, — которыя чуть, чуть не остановились на томъ, что Г. . . . женился непременно на уродѣ и стыдится показать его своимъ знакомымъ; но *Перренъ*, опровергалъ эти слухи: поми-луйте, говорилъ онъ, кто могъ принудить Г. . . . жениться на безобразной женщинѣ? Напротивъ: это ангелъ красоты и нѣжности. А какъ умна, какъ образована, какъ привлекательна и какъ любитъ своего мужа! Къ несчастію этотъ мужъ слишкомъ ревнивъ, слишкомъ самолюбивъ и себялюбивъ, и хочетъ наслаждаться своимъ счастіемъ въ тишинѣ уединенія одинъ, и даже меня, своего друга, допускаетъ къ себѣ рѣдко, и то на минуту, какъ будто бы я въ состояніи былъ похитить его сокровище! — Вотъ Москва и загудѣла: Г. . . . ревнивецъ, Г. . . . тиранъ: онъ держитъ въ заперти красавицу жену, на которой женился по взаимной любви, что это настоящее истязаніе [для молодой женщины, и что Г. . . . надобно принудить жить открытнѣе или отдать въ опеку.

А между тѣмъ пока Москва гудѣла, на сердцѣ Г. . . . лежала глубокая тайна: страшное подозрѣніе закралось въ его душу и не давало ему покоя ни днемъ ни ночью; онъ

безпрестанно вертѣлъ въ рукахъ записку, которую нашелъ въ комнатѣ жены своей, и какъ ни плохо разумѣлъ французскій языкъ, но столько понять могъ, что въ этой запискѣ заключались какія-то наставленія и разные способы....

Сейчасъ принесли съ почты пакетъ изъ Петербурга: добрый старикъ Лабать премилымъ письмомъ, въ которомъ столько же нѣжностей сколько и граматическихъ ошибокъ, извѣщаетъ, что 14 числа сего мѣсяца я опредѣленъ въ Коллегію и приглашаетъ пріѣхать скорѣе въ Петербургъ. Домашніе мои въ восторгъ, но есть и недомашніе, которые сверхъ чаянія моего столько же радуются. И такъ студенчество мое, благодаря Бога, кончилось. Завтра у насъ большой обѣдъ для всего Липецка; скоро, можетъ быть, отправить меня въ Москву, откуда, по прежнему, писать буду и доскажу окончаніе Перреновыхъ плутней.

Умнаго дурака отправятъ въ твое Никольское сохранно.
Прости.

Я Ш А.

НОВѢСТЬ.

(Посвящается Софѣ Александровнѣ Пановой).

ГЛАВА I.

Представьте себѣ господскую усадьбу въ живописномъ пустынномъ мѣстѣ, въ верстѣ отъ красиваго и веселаго села.

Большой деревянный домъ, самой затѣливой архитектуры, съ башенками и террасами, гордо стоитъ на крутой, зеленой возвышенности и смотрится, какъ бы любуясь собою, въ широкій, чистый каналъ, прорытый у самой подошвы горы и соединяющій два небольшихъ пруда, наполненныхъ всевозможною рыбою. За каналомъ необозримый поемный лугъ, пересѣкаемый во многихъ мѣстахъ извиистой, синей, быстрой рѣчкой, съ ея плесами и заливами.

Вдали, налѣво, большая красивая мукомольная мельница съ своими разнovidными плотинами и тоскливо-шумящими вершниками, которыхъ однообразный гулъ, при тихой погодѣ, слышится съ террасы дома.

Позади этого ландшафта, амфитеатромъ стелется въковой боръ, словно безконечныя ширмы, отдѣляющія эту роскошную пустыню отъ всего живущаго.

Другая сторона описываемаго дома обращена къ широкому двору, разбитому на цвѣтники, между которыми, какъ бы выбѣжавъ изъ боковой березовой рощи, извивается широкая дорога, усыпанная краснымъ пескомъ, и примыкающая къ щегольскому подъѣзду, на гранитъ котораго не вид-

нбется ни единаго слбда; крыльца для прислуги устроены по сторонамъ дома, и закрыты кустарниками, которые продолжаясь аллеями, къ кухнямъ и другимъ службамъ, совершенно закрываютъ самую ббготно и суету прислуги, — такъ что съ перваго взгляда этотъ огромный домъ кажется необитаемымъ. По лбвую сторону его, вплоть отъ этихъ аллей, начинается березовая роща, раскидывающаяся на нбсколько верстъ и перербзанная красивыми лужайками, на которыхъ видбются гдб кюскъ, гдб грунтовой сарай, гдб роскошная палатка. На полугорб баня со всеми причудами; въ виду отъ ней, на рбкъ, прекрасная купальня. На противоположной сторонб, вновь обсаженной деревьями и кустами, безпрестанно попадаютъ на глаза, то прюють для отдохновеня, то разнообразныя качели, то кегли, то огромныя клеткки съ цблыми семьями птицъ; наконецъ безчисленныя гряды всевозможныхъ ягодъ; далбе оранжереи, теплицы, ананасницы, куртины яблонь, вишенъ, сливъ, — однимъ словомъ, едва-ли не все, чего только можетъ пожелать самый прихотливый вкусъ и самый причудливый глазъ.... Прибавьте къ этому постоянно прекрасную юньскую погоду, и признайтесь, что вамъ хотблось бы побывать въ этомъ тихомъ уголкб, который можно было назвать чуть-чуть не земнымъ раемъ. Двб женщины, брнетка и блондинка, обб молодыя, обб хорошенькя, обб просто и мило одбтыя, стоятъ на плотикб, брошенномъ на каналъ противъ дома; онб сбросили свои большя соломенныя шляпки, и рбзвый, шаловливый вбтерокъ играетъ черными и свблорусыми ихъ кудрями, не зная, которымъ отдать преимущество; у каждой по удочкб въ рукб, и двб пары глазъ, черныхъ и голубыхъ, неподвижно устремлены на поплавки, которые, какъ бы дорожа такимъ вниманемъ, остаются также совершенно неподвижны.

— Нбтъ, никакого тербвня не достанетъ.... надобю! сказала брнетка, и бросила на плотикъ свою удочку, образовавшую около лбниваго поплавка кружокъ заструившейся воды.

— Береть! беретъ! закричала блондинка, и съ размаха вытащила на плотикъ.... клокъ тины.

Объ засмѣялись, и не сговариваясь, взяли въ руки свои шляпки и начали взбираться по зеленой возвышенности къ дому.

Солнце уже заходило за синій боръ, и дивно прекрасно разнообразило отбрасываемыя имъ тѣни на свѣтло-зеленую траву пограничнаго съ нимъ луга. Птички, мошки, кузнечики, все ужъ было на ночлегахъ своихъ, только неутомонные комары, попискивая, конвоировали нашихъ двухъ рыболовокъ, пробирающихся между цвѣтовъ, которые, обрадовавшись вечерней прохлада, распахнули еще шире свои пестрыя одежды, наполнили воздухъ благоуханіемъ и приподнявъ освѣженныя головки, казалось, говорили: «да полюбуйтесь же нами, вѣдь *завтра* не существуетъ для насъ». — Но даже и не взглянули на нихъ молодыя женщины.

— Ну вотъ, и еще прошелъ день, начала брюнетка, ѣли, гуляли, чаю напьемся, поужинаемъ, и спать. Завтра опять та же исторія!... Надо согласиться, что мы очень весело проводимъ нашу молодость!

— Да, нечего сказать! преглубоко вздохнувъ, отвѣчала блондинка: — наша жизнь съ тобой проходить, не оставляя ни малѣйшаго слѣда. Я ужъ перестала и замѣчать: живу ли я.... Спроси меня.... я даже не знаю, какой день сегодня,... да и зачѣмъ знать? Никакой день, и никакое число не приносятъ намъ никакой перемѣны.

— Я увѣрена, что во всемъ мірѣ не найдется еще двухъ женщинъ, которыя бы такъ скучали, какъ мы съ тобой, — сказала брюнетка.

— Безъ сомнѣнія такъ; но тебѣ, Ольга, не слѣдовало бы такъ ужасно скучать: у тебя мужъ, котораго ты, кажется, любишь....

— Ты не ошибаешься, Катя, очень люблю его, — отвѣчала Ольга; но ты вѣдь знаешь, что я почти совсѣмъ его не вижу, и знаешь нашу всеневную исторію. Утромъ, я еще сплю, когда онъ хлопочетъ по хозяйству до самаго обѣда, за которымъ не скажетъ двухъ словъ; потомъ тотчасъ идетъ отдыхать; тамъ до поздней ночи на охотѣ; воз-

вратится, — толкуетъ цѣлый часъ съ своимъ егеремъ объ удалствѣ собакъ, или занимательныхъ хитростяхъ какого-нибудь вальдшнепа или зайца. Вслѣдъ за тѣмъ является толпа сельскихъ начальниковъ, которые приносятъ съ собою пропасть грязи и какой-то нестерпимый запахъ, и съ которыми онъ не наговорится; за ужиномъ опять то же молчаніе.... Чтожь это за жизнь? Тебѣ, Катя, осталось по крайней мѣрѣ утѣшеніе помечтать.... тебѣ остается надежда, что попадется мужъ не хозяинъ и не охотникъ; а моя участь ужъ разгадана, и потому несравненно хуже твоей.

Глубочайшій вздохъ заключилъ эту тираду, и объ женщины, молча, вошли, черезъ террасу, въ ту комнату, гдѣ обыкновенно проводили онъ вечера.

Каждая съѣла на край длиннаго штофнаго дивана, и, прижавшись къ уголку его, подгорюнилась, какъ водится при раздумьи.

Лѣтомъ сумерки быстро сменяются свершенной ночью; и скоро луна во всей красотѣ своей начала заглядывать, сперва въ окно, а потомъ и прямо на диванъ, гдѣ сидѣли тоскующія подруги. Она сверкала серебрянымъ лучемъ своимъ, то по черной, то по бѣлокурой головкѣ, какъ бы желая привлечь къ себѣ ихъ вниманіе и разсѣять ихъ тоску.... Но увы! безъ всякаго успѣха. Напротивъ, бѣленькіе платочки то той, то другой красавицы совершили нѣсколько путешествій отъ кармановъ къ глазкамъ. А сколько другихъ на ихъ мѣстѣ почли бы себя счастливейшими въ мірѣ, еслибъ только возможно было опредѣлить, въ чемъ состоитъ *счастіе*, но каждый понимаетъ его по своему — это дѣло ужъ давно рѣшенное....

Но возвратимся къ нашимъ скучающимъ дамамъ. Вошелъ слуга съ зажженной карселевскою лампою — и серебряные лучи мѣсяца стыдливо убѣжали отъ женскихъ головокъ, которыя ласкали они съ такимъ участіемъ.

Рельефно выдались вдругъ всѣ украшенія богатой комнаты, въ которой такъ тосковали эти двѣ молодыя женщины, вовсе не думая о томъ, что онѣ находятся въ храмъ роскоши,

прихотей и художествъ, и что сама природа способствуетъ къ украшенію этого жилища.

Можно было подумать, что въ широкую дверь и два такихъ же окошка, обращенныя на террасу, вмѣсто стеколъ вставлены превосходные ландшафты, — такъ дивно-прекрасенъ былъ видъ изъ нихъ на зеленую даль съ извилистой рѣкой, въ которой, къ довершенію очарованія, отражался въ эту минуту полный и ясный дискъ луны. Комната была очень большая и квадратная. Стѣна, противоположная окнамъ, соединялась тремя арками съ цвѣточной галлерей, которая служила столовою, и освѣщалась обыкновенно лампою съ матовымъ шаромъ, привѣшенною къ потолку, которая была какъ бы pendant небесной лампы, и также, въ свою очередь, эффектно отбрасывала свѣтъ свой на боковыя стѣны малахитоваго цвѣта. Этотъ цвѣтъ стѣнъ выдавалъ съ особенной отчетливостью масляныя картины въ богатыхъ рамахъ, извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ, такъ же какъ и искусно сдѣланныя кронштейны, на которыхъ помѣщались мраморныя бюсты и статуи, все русской школы.

Мебель, съ перваго взгляда, простой, но изящнѣйшей отдѣлки, обитая зеленой шелковой матеріей, граціозно и разнообразно составляла нѣсколько пріемовъ около этихъ двухъ драгоценныхъ стѣнъ, отдѣленныхъ, гдѣ пѣанномъ Эрарда, гдѣ арфою, гдѣ геридономъ, нагруженнымъ журналами и кипсеками, — и наконецъ двумя чудесными рабочими столиками, подъ которыми коверъ, составляющій чистое подобіе травы, готовъ принять, приласкать, успокоить утомленныя крошечныя ножки этихъ двухъ женщинъ, равнодушныхъ и невнимательныхъ ко всему ихъ окружающему.

Какъ бы, казалось, скучать тамъ, гдѣ чего хочешь — того просишь?...

Но что дѣлать?... Эти двѣ бѣдныя женщины скучали страшно!... Ужь видно, такова женская натура. Какъ заберутъ себя въ голову, что онѣ несчастны, что ихъ удѣлъ: тоска и слезы, — тогда приведите ихъ куда хотите онѣ найдутъ, что вездѣ скучно. Но не должно относить такое расположеніе духа чисто

къ упрямству, определяемому словами: *стриженный и бритый*. ... Нѣтъ, онѣ дѣйствительно страдаютъ безотрадно отъ избытка воображенія; онѣ одарены способностію составлять себѣ свой міръ, внѣ котораго ничто уже имъ не нравится, — и увы!... много приходится иногда имъ перечувствовать и переплакать, а не рѣдко и испортить цѣлую жизнь добраго, но положительнаго человѣка, прежде чѣмъ попадутъ онѣ въ колею той настоящей жизни, которая не какъ водопадъ шумитъ и брызжетъ во всѣ стороны, а какъ свѣтлый, скромный ручеекъ, мирно себѣ пробѣгаетъ по зеленой равнинѣ, перепрыгивая иногда черезъ камышекъ, но не возмущаясь нисколько этою неизбѣжною препноюю.

Но я болтаю, а мои молодыя женщины молчатъ и скучаютъ....

Когда слуга поставилъ лампу на столъ у большаго дивана, на которомъ онѣ сидѣли, онѣ другъ къ другу повернули свои личики, и алыя губки ихъ произнесли вмѣстѣ:

— Что жъ мы будемъ дѣлать до ужина ... и опять сомкнулись губки, и опять облокотились о диванъ ручки, подерживая унылыя головки...

— Придумала!... сказала наконецъ Катерина Ивановна, блондинка, -- славно придумала.... только не знаю, понравится ли тебѣ, Ольга?

— Какіе-нибудь пустяки, отвѣчала Ольга Петровна, или разыграть что-нибудь въ четыре руки, или пропѣть дуэтъ изъ Нормы.... все это ужъ такъ мнѣ надоѣло, что я рѣшительно не буду и подходить къ фортепіано.

— О, ты за сто верстѣ отъ моей идеи: придуманное мною гораздо новѣе... и можетъ занять насъ надолго....

— Такъ скажи жъ скорѣе, Катя?

— Составимъ домашній спектакль.

— Спектакль! Мы?... ха, ха, ха! Да для кого же?... Для мужиковъ и бабъ?... Вотъ счастливая мысль?... Ты сошла съ ума, бѣдная Катя; о Боже мой, умираю отъ смѣху!...

Катя надула губки.... и замолчала.

— Вотъ ты и осердилась, продолжала Ольга Петровна... а какъ же не смѣшно, *ma chère!*... Ужь кромѣ того, что играть не для кого, кому жь играть, когда насъ только двое съ тобой... А!... прекрасно, — теперь я поняла... ты вѣрно имѣешь въ виду допотопную пѣсню *Угаръ* и *Марфа*, которую я видѣла сегодня въ рукахъ твоей горничной?... всего два лица... Мы ее съ тобою вытвердимъ наизусть для торжественныхъ случаевъ, какъ-то: именинъ мужа, напихъ съ тобой, чтобы хоть эти дни отличались отъ другихъ не одними круглыми пирогами... Это по крайней мѣрѣ сдѣлаетъ эпоху въ домъ... Ты надѣваешь на себя фартукъ... я, *les inexpressibles* моего мужа... ха, ха, ха, и пошла писать... Право, Катя, эта мысль пребогатая... и надо сейчасъ же начать приводить ее въ исполненіе.

— Ты имѣешь даръ обращать все въ насмѣшку!... отвѣчала Катерина Ивановна: ты не дала мнѣ даже договорить... и если тебѣ охота дурачиться, такъ дурачься одна...

— Съ тобой нельзя и пошутить, ты вѣчно осердишься.

— Да какъ же не досадно? ломаешь себѣ голову, чтобы не умереть со скуки, а ты только хохочешь.

— Стало-быть, ты ужь достигла своей цѣли, когда развеселила меня?

— Ты вѣчно думаешь только о себѣ одной... Ты порядочная эгоистка, Ольга; я, признаюсь тебѣ, этого долго не понимала.

— Точно такъ же, какъ я не понимала, что ты до такой степени капризна.

— Право!... такъ поздравляю васъ съ этимъ открытіемъ: это по крайней мѣрѣ для васъ что-нибудь новое.

— Вы ошибаетесь — это для меня давно не новость...

— Точно такъ же, какъ для меня вашъ эгоизмъ!

Объ надулись, замолчали и приняли прежнюю позицію по угламъ дивана, истерически зѣвая, и ни которая не рѣшалась заговорить первая....

Въроятно просидѣли бы они такъ до самаго ужина, еслибъ не положили тому конецъ супругъ Ольги Петровны,

Александръ Ивановичъ, явившійся къ нимъ противъ своего обыкновенія не въ урочный часъ, и, что всего удивительнѣе, не одинъ, а съ какимъ-то незнакомымъ молодымъ человекомъ, котораго нѣсколькими словами представилъ женѣ и сестрѣ, какъ сосѣда, и затѣмъ поспѣшилъ къ своимъ обычнымъ вечернимъ занятіямъ.

Молодыя женщины переглянулись, и наскоро украсивъ свои нахмуренныя личики неподобными улыбками, приветствовали этого посланника судьбы. — Но увы! всѣ старанія ихъ втравить его въ разговоръ остались безуспѣшны.

Помѣстясь на самомъ краю богатаго кресла, разложивъ руки по колѣнамъ, опутивъ глаза въ землю, молодой человекъ при каждомъ ихъ вопросѣ приподнимался съ мѣста; краснѣя до ушей, говорилъ лаконическое *да-съ* или *нѣтъ-съ*, и опять принималъ ту же позу.

Теряя надежду оживить эту статую, дамы въ ожиданіи чая, предложили ему рассмотреть кипсеки и альбомы, а сами занялись разсматриваніемъ его фizioноміи, которая съ честію могла бы выдержать наблюденіе множества женскихъ глазъ, даже не отуманенныхъ скукою.

Именно заманчива была наружность этого молодого посетителя—одна изъ тѣхъ наружностей, которая не ослѣпляетъ глаза, но овладѣваетъ ими, какъ скоро они случайно остановились на ней.

Средняго роста, худощавый и стройный какъ Черкесъ, смуглый и матово-блѣдный какъ андалузская красавица, и при голубыхъ глазахъ, съ необыкновенно-длинными черными рѣсницами, азіатскія черты лица, но съ выраженіемъ кротости и какъ бы прежде-временной болѣзни душевной.... однимъ словомъ, что-то такое симпатичное, что и не отъ скуки можно было засмотрѣться на него тѣмъ, которыхъ прямое и признанное ими назначеніе есть: примирять съ жизнью несчастныхъ.

Волосы юноши, блестящіе и цвѣта воронова крыла, были подстрижены очень плотно, и это было поводомъ къ заключенію, что еслибъ прическа его была поизящнѣе, то его можно бы назвать красавцемъ.

Наконецъ дошло дѣло и до туалета; сдѣлано открытіе, что онъ долженъ быть бѣднякъ, судя по чистому, но не тонкому воротничку, выглядывавшему изъ-за чернаго шелкового галстука, наконецъ по простому, темному нанковому спортуку и прочимъ дешевымъ принадлежностямъ.

Можетъ быть, еслибъ эти двѣ женщины не скучали, такого открытія было бы достаточно, чтобы почестъ его за лишнюю и даже неприличную мебель въ ихъ гостиной, но отъ скуки, они нашли все это особенно интереснымъ, и когда онъ, выпивъ чашку чаю, и опрокинувъ опорожненную на блюдечко, всталъ съ мѣста и началъ раскланываться, онъ въ одинъ голосъ пригласили его навѣщать ихъ по сосѣдству почаще, и почти страдали за него, когда онъ, прежде чѣмъ дошелъ до двери, нѣсколько разъ цѣплялся за различную мебель, находящуюся на пути его.... Онъ видѣли сквозь арки какъ въ цветочной галлерей онъ остановился, чтобы перевести духъ, прижалъ руку къ сердцу, окинулъ глазами всю эту роскошь, и, какъ бы ослѣпленный ею, закрылъ ихъ рукою, и потомъ проворно вышелъ.

— Вотъ и зритель для нашего спектакля, начала Ольга Петровна, возвращаясь къ своей фантазіи!... по спектаклю и зритель!... И откуда братъ твой вырылъ такого чудака, Катя? — онъ двухъ словъ не умѣетъ сказать?

— А жаль! отвѣчала Катерина Ивановна: очень собой не дурень... и прѣстранно: лице преговорящее.

— Знаешь что, Катя? — Займись-ка ты имъ отъ нечего дѣлать!... это даже будетъ доброе дѣло. Ты его немножко пообразуешь, а съ такой наружностью онъ можетъ далеко пойдти... у него должны быть чувства! замѣтила ты, какъ вдругъ оживилось его лице, когда онъ разсматривалъ портретъ Ninon de Lenclos? это доказываетъ, что въ немъ есть вкусъ къ изящному....

— О, безъ сомнѣнія... но, впрочемъ, какое жъ можно сдѣлать заключеніе о мальчикѣ, который молчитъ, краснѣетъ, садится на край стула и цѣпляется за все....

— Твоя правда... пресмѣшной и прескучный!

— Именно прескучный... и ты напрасно, Ольга, пригласила его опять.

— Мне кажется, ты прежде меня его пригласила, возразила Ольга Петровна.

— Съ чего ты это взяла?... я и не думала!

— Ну, *ma chère*.... я, кажется, не глуха и не слѣпа, и все слышала и видѣла.

— Кушать подано, пришелъ доложить слуга, и наши спорщицы перешли въ столовую, куда въ противоположную дверь входилъ въ ту же минуту и хозяинъ дома, всегда аккуратный, но терпѣливый и безмолвный при такихъ важныхъ случаяхъ.

Такъ и поджигало молодыхъ женщинъ разспросить о незнакомомъ посѣтителѣ, котораго даже и имени они не разслыхали; но не малаго труда стоило имъ заставить Александра Ивановича промолвиться, что онъ зналъ въ дѣтствѣ своего отца, честнаго бѣдняка-сосѣда, который давно умеръ, и только.... За тѣмъ распрощались и разошлись по своимъ комнатамъ.

ГЛАВА II.

Обыкновеніе моихъ дамъ было просыпаться очень поздно, проводить утро безотчетно, такъ ни въ чемъ, каждая у себя, и сходиться не прежде обѣденнаго часа. Имъ опротивѣло и рукодѣлье, и музыка, и прогулки. Въ библіотеку онѣ совсѣмъ и не заглядывали; — журналы лежали неразрѣзанные, даже модныя картинки только на нѣсколько секундъ переходили изъ рукъ въ руки... но безъ увлеченія, безъ малѣйшаго замѣчанія о бантикахъ и фестончикахъ. Въ сердца этихъ двухъ женщинъ закралось чувство въ родѣ злобы на виновника ихъ заточенія, Александра Ивановича, и онѣ, не сговариваясь, дѣйствовали за одно, чтобы на каждомъ шагу доказывать ему, что ихъ ни на что не нужны вся роскошь и всѣ затѣи, имъ придуманныя для развлеченія и комфорта ихъ, и что онѣ умираютъ со скуки. Но Александръ Ива-

новичъ какъ будто и не замѣчалъ того, и нисколько не измѣнялъ ни обращенія своего съ ними, ни собственныхъ своихъ занятій, ни постоянного намѣренія своего жить всегда въ деревнѣ,—и вся женская дипломатія ихъ пропадала даромъ.

На утро, послѣ описаннаго нами вечера, Катерина Ивановна проснулась двумя часами ранѣе обыкновеннаго, спросила бѣлую кисейную блузу, голубой широкій поясъ, накинула на бѣлокурую свою головку кружевную косыночку, взяла въ руки зонтикъ, книгу, и сказала удивленной своей горничной, что у ней всю ночь страшно болѣла голова, и что она хочетъ походить до жару. Проходя мимо цвѣтниковъ, она нарвала букетъ бѣлыхъ розъ, и пошла себѣ въ березовую рощу....

Утро было такъ хорошо, прохладно, прозрачно, ароматно, что, казалось, не надышешься такимъ упоительнымъ воздухомъ; невольно отдыхало сердце, возвышались мысли, умолкали страсти, при воззрѣннн на торжественную красоту природы, на всѣ эти сокровища, которыми дано равно наслаждаться даромъ и богатому и бѣдному міра сего. Невозможно, чтобы человекъ здоровый тѣломъ и разумкомъ не почувствовалъ въ такія минуты и святости своего назначенія на землѣ, и неизреченной любви къ Божественному Благодѣтелю своему, и наконецъ не понялъ всей ничтожности свѣтскихъ наслажденій и мишурной свѣтской роскоши въ сравненнн съ этимъ великолѣпнмъ.

Катерина Ивановна тотчасъ ощутила вліяніе гармонической красоты природы и впервые почувствовала, что ей какъ будто понравилось что-то и въ деревнѣ, и какъ бы захотѣлось быть чѣмъ-нибудь въ прекрасномъ мірѣ Божіемъ, поучаствовать въ великомъ дѣлѣ всеобъемлющаго милосердія Его; и еслибъ въ эту минуту повстрѣчался ей несчастный, она сорвала бы дорогія свои кольца, отдала бы свои серьги, отдала бы все, что могла, и пожалѣла бы только о томъ, что на этотъ разъ не имѣетъ столько, чтобы вполне осчастливить, обновить жизнь бѣдняка-страдальца.

До этого утра, никогда еще ничего подобнаго не чувствовалось ей. Не имѣя сама нимальннпаго понятія о бѣдности,

★

она никогда и не думала о бѣдныхъ; они казались ей чѣмъ-то въ родѣ перехода отъ чловѣка къ животному.... и глаза ея невольно отвращались отъ этихъ антипатичныхъ ей созданій въ ту минуту, когда она подавала имъ какое-нибудь ничтожное пособіе.... а тутъ вдругъ ей понялось, что и безобразный пищій въ лохмотьяхъ точно такъ же, какъ и она, есть чадо Божіе, которому дано наравнѣ съ нею наслаждаться безчисленными его дарами. Забывая настоящую цѣль своей ранней прогулки, она бессознательно направила свой путь къ селу, съ неяснымъ, но сильнымъ желаніемъ найти случай удовлетворить этому новому богатому чувству, котораго даже и опредѣлить она не умѣла.

Уже подходила она къ опушкѣ березовой рощи, которая только небольшимъ яровымъ полемъ отдѣлялась отъ посѣлка, какъ между кустовъ мелькнуло что-то бѣлое — и она очутилась лицомъ къ лицу съ Ольгою Петровной. Подруга ея была тоже въ бѣлой блузѣ, только, вмѣсто голубаго, въ розовомъ поясѣ, и у корсажа вмѣсто бѣлыхъ розъ съ алыми.

Объ покраснѣли до ушей и потомъ захохотали, не находясь вдругъ что и сказать другъ другу.

— Ну, Катина, начала Ольга Петровна, видно намъ, душа моя, нечего съ тобою дѣлать, когда мы пускаемся на такія проказы?

— Я не понимаю, что ты этимъ хочешь сказать, ма chère.... Я вышла прогуляться, шла на село.... Я очень часто гуляю рано утромъ, отвѣчала Катерина Ивановна, еще не совсѣмъ оправившись отъ своего смущенія.

— И всегда гуляешь такая нарядная, смѣясь возразила Ольга Петровна.... Полно, Катя, къ чему намъ притворяться; ты точно такъ же какъ и я, всегда спишь до десяти часовъ, а сегодня вскопчила точно съ тою же цѣлю какъ и я.

— Ты говоришь загадками, которыхъ отгадывать я не берусь.

— Фи! какъ ты скрытна, Катина! Я вотъ просто признаюсь тебѣ, что велѣла себя разбудить и нарядилась въ

ожиданіи встрѣтитъ вчерашняго нашего гостя, потому что узнала отъ мужа, что онъ по утрамъ снимаетъ виды съ нашей усадьбы; но, къ сожалѣнію, обманулась, и кромѣ вотъ этого ничего не нашла, и Ольга Петровна показала ей карандашъ до половины изрѣзанный.

— А такъ какъ мнѣ не отъ кого было узнавать, что онъ здѣсь по утрамъ рисуетъ, отвѣчала не безъ досады Катерина Ивановна, то это само по себѣ доказываетъ, что я пришла сюда безъ всякихъ замысловъ.

— Ну, положимъ что и такъ, сказала Ольга Петровна, но все намъ не худо сдѣлать уговоръ между собою.

— Уговоръ?... въ чемъ же это?

— Да въ томъ, чтобъ не мѣшать другъ другу.

— Но въ чемъ же мы можемъ помѣшать другъ другу?... Я опять тебя не понимаю.

— Ахъ, Катя, какъ ты скучна съ своимъ притворствомъ!... Отчего не признаться, что мы обѣ отъ скуки придумали вскружить голову этому полуживому юношѣ? и это очень простиительно, потому что кромѣ четвероногихъ и пернатыхъ, не видимъ мы ничего живаго.

— Но мнѣ кажется, что тотъ, на котораго ты мѣтишь свои стрѣлы, иронически отвѣчала Катерина Ивановна, если и не похожъ на птицу или животное, то все не болѣе какъ бездушное растеніе, которымъ иск.почтительно заниматься значило бы только увеличить свою скуку.

— Тѣмъ лучше для меня, что ты такъ думаешь, моя милая, отвѣчала тѣмъ же тономъ Ольга Петровна; я одна завла- дѣю имъ, только смотри, Катюша, чуръ не подпускать мнѣ булавочекъ.

— О, не безпокойся! да и мнѣ кажется, что если кто-нибудь здѣсь колетъ, такъ ужъ конечно не я.

— А мнѣ, напротивъ, кажется, что всегда одна ты... и признаюсь, мнѣ это такъ надоѣло, что я скоро не буду говорить ни съ кѣмъ, кромѣ своего попугая.

— И хорошо сдѣлаешь, потому что вы другъ друга прекрасно понимаете.

— Это ужъ похоже на дерзости! вспыхнувъ сказала Ольга Петровна... А какъ я не вижу необходимости ихъ выслушивать, такъ прощайте...

И повернувшись къ ней спиною, она скорыми шагами пошла домой.

— Несносная дѣвушка! докончила она мысленно; хотъ бы скорый нашелся ей какой-нибудь мужъ, и избавилъ меня отъ нея.

— Вздорная женщина!.. почти громко проговорила вслѣдъ ей Катерина Ивановна; — хотъ бы Богъ далъ ей какого-нибудь ребенка, чтобъ она меньше имѣла времени надоѣдать мнѣ.

Эти небольшія сцены достаточно знакомятъ читателя съ свойствами этихъ двухъ особъ.

Воспитанныя внѣ семейнаго круга, онѣ смотрѣли на домашній бытъ не какъ на жизнь, а какъ на заточеніе. Во все время своего воспитанія, онѣ мечтали единственно о минутѣ окончанія его, какъ о блаженнѣйшемъ мгновеніи, которое должно какъ бы волшебствомъ вдругъ перенести ихъ въ вихрь свѣта, не иначе представляющагося очень молодымъ дѣвцамъ, какъ непрерывною цѣпью баловъ, или, лучше сказать, однимъ безконечнымъ, очаровательнымъ вальсомъ, въ которомъ кружатся онѣ, опираясь объ руку красавца съ черными усами и въ мундирѣ. И этотъ красавецъ, разумѣется, обожающій ихъ, будетъ радъ завальсироваться хотъ до смерти, лишь бы ручка ея не покидала его руки. Потомъ супружество представлялось имъ только продолженіемъ того же очарованія вальса, и глаза ихъ открывались на положительную жизнь, точно такъ, какъ смотрится на другой день послѣ блестящаго бала на опустѣлую, запыленную, унылую залу, гдѣ еще валяются мѣстами цвѣтки, облетѣвшіе съ пышныхъ букетовъ, конфетныя бумажки, брошенныя прекрасными ручками. Но ни въ цвѣтахъ аромата, ни въ бумажкахъ конфетъ — ужъ не найдете вы!.. И этотъ взглядъ на бальную залу при неподдѣльномъ дневномъ свѣтѣ оставить въ васъ на цѣлый день тяжелое впечатлѣніе... и не-

счастлива та женщина, которой вся жизнь похожа на балетную залу, то полную обаятельного очарования, то разоблаченную и наводящую тоску. А это случается часто.

Ольга Петровна и Катерина Ивановна были однихъ лѣтъ, обѣ сироты, обѣ богаты и воспитаны вмѣстѣ въ одномъ изъ лучшихъ столичныхъ пенсіоновъ. Тамъ сдѣлались онѣ пріятельницами задушевными, то-есть, за одно любили или ненавидѣли своихъ учителей и надзирательницъ, за одно выучивали или нѣтъ свои уроки, иногда даже принимали другъ за друга какую-нибудь вину, — словомъ: шли одною колеєю, и въ рекреационные часы мечтали вмѣстѣ о вышесказанномъ вальсѣ. Особенный же интересъ набрасывали на ихъ дружбу и бесѣды — частыя посѣщенія брата Катерины Ивановны, Александра Ивановича Бѣльскаго, красиваго молодаго чело-вѣка, только что кончившаго курсъ, но уже успѣвшаго от-ростить себѣ красивые черные усики. Навѣщая сестру, всегда неразлучную съ подругою души, Александръ Ивановичъ, разумеется, занимался еще болѣе подругой, чѣмъ сестрой, и по этому случаю утравивалъ пропорцію конфектъ, необходи-мыхъ при подобныхъ посѣщеніяхъ. Онъ узналъ, между про-чимъ, что эта подруга богата, сирота, и выйдетъ изъ пансіона въ одно время съ его сестрой... Подождать этого же-ланнаго времени, предложилъ ей руку на вальсѣ жизни — и вотъ они теперь ужъ шесть лѣтъ вальсируютъ неразлучный вальсѣ супружества. Пятый годъ доживаютъ безвыѣздно въ деревнѣ, потому что партнеръ Ольги Петровны былъ воспи-танъ основательно, и притомъ былъ не безъ эгоизма (этого необходимаго прилагательнаго мужской натуры). Идя по ма-тематическому факультету и привыкнувъ дѣлать все по вы-численію и масштабу, онъ вскорѣ послѣ свадьбы своей, остав-шись какъ-то вечеромъ одинъ въ кабинетѣ, снова принялся за вычисления, и смекнулъ, по *теоріи вѣроятностей*, что если они будутъ продолжать такую жизнь, какую вели уже полтора года въ Петербургѣ, то черезъ полдюжины подоб-ныхъ полутора годовъ, ему неминуемо придется продать по крайней мѣрѣ половину женнинаго имѣнія, (свое считалъ онъ неприкосновеннымъ, по множеству священныхъ воспоминаній).

Ну... а вѣдь онъ не за тѣмъ женился, чтобъ ему быть небогатымъ?... Къ тому же онъ такъ любитъ деревню — онъ взросъ въ ней до четырнадцати-лѣтняго возраста. Ему такъ памятно приволье того края! Онъ чувствуетъ въ себѣ столько способности къ хозяйству. Онъ страстно любитъ охоту, лошадей, доходы.... Чего жъ тутъ думать?... Скорѣй, скорѣй въ деревню, навсегда, покуда еще есть къ чему приложить руки!

Вздумано и сдѣлано.

Ни слезныя просьбы жены, ни отчаяніе сестры не колебали ни на одну минуту этого неоспоримо-благоразумнаго намѣренія. Александръ Ивановичъ получилъ отставку, отправилъ немедленно въ одну изъ низовыхъ губерній, гдѣ находилось собственное его имѣніе, огромные транспорты экипажей, мебели, картинъ, книгъ, бронзы, мраморовъ, однимъ словомъ всего, чѣмъ такъ замысловато убираются жилища богачей. Вслѣдъ за тѣмъ перевезъ онъ туда и отчаянныхъ подругъ своихъ, а самъ занялся перестройкою дома и обстановкою его всеми украшениями, которыя мы въ немъ видали.

Когда все было готово, онъ опять, обратясь къ теоріи вѣроятностей, заключилъ, что жена и сестра его, имѣя все, что могло сдѣлать жизнь спокойною и пріятною, не вправѣ жаловаться ни на что. Водворивъ ихъ въ этотъ эдемъ, онъ предался совершенно своимъ агрономическимъ и егерскимъ вкусамъ, не разстроиваясь ни мало всегда унылыми личиками своихъ собесѣдницъ, съ которыми, впрочемъ, бесѣдовалъ очень рѣдко.

Только одинъ разъ назвалъ онъ ихъ грусть *пустыишиими бреднями*, не стоящими вниманія; и съ тѣхъ поръ не обращалъ на нихъ никакого вниманія, отнимая и послѣднее утѣшеніе у бѣдныхъ женщинъ: помучить его своими капризами. Вотъ и составили онъ себѣ въ родѣ системы: не пользоваться ничѣмъ изъ всего прекраснаго, ихъ окружавшаго, чтобы хоть этимъ уязвить самолюбіе того, который воображалъ, что сдѣлалъ для нихъ очень много.... Но и это не удавалось....

Ему было все равно, онъ свое сдѣлалъ, остальное въ ихъ волю.

Мудрено ли послѣ этого, что женская натура обрадовалась возможности заинтересовать собою кого-нибудь, поиграть хоть чимъ-нибудь сердцемъ? впрочемъ, все это не иначе, какъ въ видѣ самаго невиннаго развлеченія. Ольга Петровна еще долубливала своего мужа, по крайней мѣрѣ такъ думалось ей.

Ну, а Катерина Ивановна, разумеется, мѣтила на богатаго или знатнаго жениха; стало быть, попавшійся имъ полудикій мальчикъ былъ для нихъ нѣчто въ родѣ волана или мячика, который онъ могли перебрасывать другъ къ другу, и за который однакожь, какъ невинныя дѣти, готовы были поспориться.

Но оставимъ ихъ на время, и займемся юношей, который, не думая не гадаля, обратилъ на себя вниманіе двухъ прекрасныхъ женщинъ.

Имя его не романтическое, его зовутъ: *Яшею*. Онъ былъ сынъ дворянина, который, нѣкогда, служа на Кавказѣ, женился тамъ на бѣдной красавицѣ-Грузинкѣ, и былъ за то родителями своими лишентъ участія въ наслѣдствѣ; послѣ чего, купивъ почти въ долгъ нѣсколько десятинъ земли съ развалившеюся усадьбою, поселился тутъ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ, работая неусыпно, и забытый всѣмъ родствомъ своимъ.... Не выдержало здоровье непривычныхъ трудовъ и недостатковъ, — и онъ оставилъ своего Яшу, когда тому не было еще и десяти лѣтъ, завѣщая его матери употребить всѣ силы, чтобы доставить сыну какое-нибудь образованіе, которое, по слабому сложенію ребенка, едва успѣлъ онъ начать самъ.

Несчастная мать не нашла другаго средства, какъ помѣстить его въ уѣздное училище, отдавъ подъ надзоръ одного почтеннаго священника, дружески съ ними знакомаго, а сама возвратилась въ хуторокъ свой, управлять хозяйствомъ, которое заключалось въ одной семьѣ людей, десятинъ пятнадцати земли удобной и неудобной, небольшомъ огородѣ,

гумнѣ безъ риги, крошечномъ фруктовомъ садикѣ, да старомъ домишкѣ, раздѣленномъ на двѣ половины холодными сѣнями: въ одной были двѣ чистыя комнатки, въ которыхъ они жили самѣ, въ другой крошечная свѣтелка, да перегороженная людская изба, служившая общемою кухнею,

Когда бѣдная вдова отвезла своего маленькаго сына въ ученѣе и возвратилась домой одна, ей показался невыносимымъ видъ двухъ опустѣлыхъ комнатъ, гдѣ, хоть бѣдно, но не безрадостно прошла ея молодость съ добрымъ, попечительнымъ мужемъ и общимъ ихъ любимцемъ, малюткою Яшено. Она въ послѣдній разъ вошла въ эти комнаты, наплакалась въ нихъ до сыта, потомъ отыскала въ письменномъ столѣикѣ покойнаго своего мужа обломокъ сургуча, гербовую печать его; и не рѣшаясь ни одной вещи переставить съ мѣста на другое, запечатала дверь, сказавъ себѣ: что войдетъ туда или рука объ руку съ сыномъ, или никогда — обрекая себя жить въ саженной свѣтелкѣ рядомъ съ людскою избою, чтобы лишения своими собрать хоть что-нибудь для любимица души своей, упрекая, можетъ быть, себя въ томъ, что для нея, именно для нея, отецъ ея Яши до конца жизни трудился и терпѣлъ нужду. Принялась трудиться и она.

Въ лѣтнюю пору, такъ справедливо называемую страдою въ К... губерніи, она, отпустивъ на жнитво семью своихъ подданныхъ, сама приготавливала имъ пищу и относила ее на мѣсто работъ; одна возилась съ ихъ ребятишками, потомъ убиралась со всемъ домашнимъ обиходомъ, задавая даже кормъ птицамъ и скотинѣ. Въ зимніе вечера она наравнѣ съ двумя своими крестьянками прядла и ткала, чтобы пристойно одѣть своего Яшу, чтобы на вырученныя за холстъ деньги потѣшить, полакомить его чѣмъ-нибудь о праздникахъ.... Такъ провела она нѣсколько лѣтъ, не вспомнивъ ни разу, что осталась еще почти молодою вдовою. Ей казалось, что прошли десятки годовъ съ тѣхъ поръ, какъ проводила она мужа въ могилу, а сына на чужую сторону. Она считала себя не иначе, какъ старухою, забывая, есть ли въ свѣтъ другія мѣста, кромѣ уезднаго города, гдѣ былъ ея Яша, да хутора, который долженъ вскормить его.... Не отлу-

чалась она никогда, никуда, кроме храма Божія, да два раза въ годъ, посмотрѣть на сына, — и то пышкомъ, не смотря на то, что разстояніе было не малое.

Яша росъ рѣзвымъ, но добрымъ и даровитымъ мальчикомъ. Товарищи любили его за готовность дѣлиться съ ними последнимъ пряникомъ, наставники — за его способности и скорое сознаніе въ шалостяхъ. За одно только безпрестанно доставалось ему, и никакія наказанія не исправляли его въ этомъ случаѣ: гдѣ бы ни попался ему на глаза лоскутъ бѣлой бумаги, тотчасъ являлись на немъ фантастическія животныя, деревья, дома, люди, намалеванные уголькомъ, которымъ всегда испачканы были немилосердо тетради и платья Яши. Пойманный на мѣсть преступленія, онъ просилъ прощенія, плакалъ, искренно общался впередъ не дѣлать того; выдерживалъ обѣтъ свой нѣсколько дней, но потомъ опять принимался за тоже, хотя бы пришлось оставаться безъ обѣда, или даже принять побой.

Вотъ ужъ нарисованъ у него и видъ собора, и домъ городничаго съ рѣзнымъ навѣсомъ надъ параднымъ крыльцомъ, и животрепещущій мостъ на небольшой рвчкѣ, отдѣляющей городъ отъ слободы. Срисовалъ онъ на память и свой хуторокъ, и деревянную церковь того кладбища, гдѣ погребенъ былъ отецъ его, и могилу отца, подъ простымъ деревяннымъ крестомъ, подлѣ котораго стоятъ двѣ фигуры: одна побольше, а другая крошечная, и всѣ эти лоскутки почти всегда грубые и засаленные берегъ онъ какъ сокровище, спшивалъ ихъ вмѣстѣ, носилъ за пазухой, а на ночь пряталъ подъ подушку; — и тогда только выдали его выходящимъ изъ себя, и готовымъ вцѣпиться въ волоса товарищу-шалуну, когда тотъ, подцѣпивъ его драгоценность, закидывалъ ее куда-нибудь съ насмѣшкою...

Врожденный талантъ рано или поздно возьметъ свое; онъ пробьется и сквозь нищенскіе лохмотья, и сквозь кору невѣжества, потому что искра Божія не можетъ пропасть, не оставивъ слѣда своего на землѣ. Но сколько горечи приходится иногда испить этому избраннику небесъ, покуда поймутъ люди, что онъ выходитъ изъ ряда людей обыкновен-

ныхъ, что его нельзя мѣрять на общій аршинъ, что многое можно извинить ему потому, что онъ чувствуетъ, понимаетъ, видитъ вещи не сквозь уменьшительное стекло, а чистымъ, яснымъ окомъ чловѣка, неприкосновеннаго мелочамъ свѣта, и не пожертвуетъ своими убѣждениями для угожденія другимъ.

Наконецъ настало время окончанія курса наукъ для Яши; ему минуло уже шестнадцать лѣтъ; экзамены по всемъ предметамъ выдержаны превосходно; утѣшенная имъ мать, съ помощію добрыхъ людей, опредѣлила его копѣистомъ въ уѣздный судъ, на первыхъ порахъ на весьма небольшое жалованье, и рѣшилась сама переселиться въ городъ, чтобы сбереечь сына отъ шалостей, такъ свойственныхъ въ этомъ возрастѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ доставить ему возможность пить, ѣсть и жить не въ чужь.

Наняли двѣ небольшихъ чистыхъ комнаты, обзавелись необходимымъ, и Яша, возвращаясь отъ должности, всегда находилъ и вкусный обѣдъ, и тепло убранный уголокъ свой, и не рѣдко какое-нибудь лакомство, — все заботою матери, которой одной на все доставало.... Чтобы предоста-вить ему все это, ей приходилось много ночей проводить за работою, которую по счастью умѣла она добывать и въ этомъ неподномъ городишкѣ.

Яша понималъ всю великость материнскаго самоотвер-женія, и не зная другихъ привязанностей, кромѣ любви сы-новней, да малеванія, онъ съ своей стороны употребилъ все старанія къ облегченію ихъ положенія. Находясь у должности все утро, на вечеръ онъ бралъ на домъ переписывать бумаги, за самую ничтожную плату, которую всегда съ восхищеніемъ приносилъ матери, упрасывая ее употребить эти деньги соб-ственно для себя, и также много ночей проводилъ онъ въ трудъ, изрѣдка позволяя себѣ, ужъ не углемъ, а каранда-дашемъ набросать на бумагу какой-нибудь ландшафтъ или группу, оставшуюся въ его памяти; да и то мать, найдя что-нибудь подобное на его столикѣ, всегда говорила: «Яшенька! бумажка-то была хорошенькая, пригодилась бы написать о праздникѣ стишки отцу протопопу. — И Яша всегда обѣщалъ что не будетъ больше портить бумаги.

Еще три года протекли въ этой мирной, но безцвѣтной жизни для бѣднаго Яши. Начальники были довольны имъ, и онъ получилъ первый чинъ.

Тутъ-то надо было видѣть восторгъ матери, достигшей своей цѣли, и, какъ говорится, выведшей сына своего въ люди. Теперь ужь могла она надѣяться, что черезъ годъ, много черезъ два, Яша ей получитъ мѣстечко повиднѣе, повыгоднѣе, и тогда пойдетъ за него съ порядочнымъ достаткомъ невѣста, и возвратятся они все вмѣстѣ на хуторъ, куда постоянно стремились ея желанія. Ей хотѣлось устроить сына опять тамъ же, чтобы лечь въ одной могилѣ съ тѣмъ, котораго не забывало ся сердце.

Но не все, и даже очень немногія желанія наши сбываются.

Всѣдневный путь Яши отъ квартиры къ уѣздному суду лежалъ черезъ соборную площадь. Разъ увидѣлъ онъ въ необыкновенную пору соборъ отпертымъ; любопытство заставило его заглянуть туда, и онъ увидѣлъ на подмосткахъ живописца, поновляющаго иконы. Когда Яша вспомнилъ, что ему пора на службу, и отправился въ свой уѣздный судъ, онъ не нашелъ тамъ никого, и сторожъ сказалъ ему, что ужь болѣе часа, какъ все чиновники разошлись.

Совѣстно стало Яшѣ, но какъ такая оплошность случилась съ нимъ въ первый разъ, онъ справедливо могъ надѣяться, что ему простятъ ее.

На слѣдующее утро онъ вышелъ изъ дому часомъ ранѣе, чтобъ успѣть зайти въ соборъ и во-время поспѣть къ своему мѣсту. На этотъ разъ онъ нашелъ живописца передъ мольбертомъ, списывающаго копію съ мѣстной иконы Преображенія Господни греческаго письма. Художникъ этотъ, хоть и не былъ знаменитостью, но понималъ и любилъ свое дѣло, и тронулся очевидной любовью къ этому искусству молодого приказнаго. Разспросивъ о его положеніи въ свѣтъ, онъ предложилъ дать ему нѣсколько уроковъ, и тутъ же началъ объяснять ему первоначальныя правила живописи.... Яша опять опоздалъ къ своей должности.

На третій день случилось опять то же, и наконецъ онъ совсѣмъ пересталъ являться къ ней, и почти совсѣмъ забылъ свою обязанность.

Разъ, возвратившись домой съ удачно оконченной головкою Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, онъ нашелъ свою добрую мать въ страхъ и прегорькихъ слезахъ, и узналъ отъ нея, что ему прислано увольненіе отъ службы.

Бѣдная женщина, плача и рыдая, обвиняла недоброжелателей и завистниковъ, угрожая имъ судомъ Божиимъ за обиду сиротъ.

Но Яша объяснилъ ей, что никакой несправедливости въ этомъ не было. Онъ признался въ своемъ поведеніи въ продолженіе почти цѣлаго мѣсяца, и, со слезами прося у ней прощенія, указавъ на скорбящій ликъ Спасителя, открывая при томъ всю неодолимую свою склонность къ живописи и обнадеживая еѣ, что этимъ путемъ онъ еще скорѣе успѣетъ обезпечить ихъ положеніе. Хорошая мать его, привыкшая не высоко мудрствовать и всѣ надежды свои возлагать на Бога, хотя въ душѣ своей и непобѣдимо предпочитала службу живописи, но простивъ безъ упрековъ сына, и сказавъ: «пусть будетъ, что Господу угодно!» безъ ропота покорилась судьбѣ.

Съ того дня началась какъ бы новая жизнь для Яши. Продавъ, съ согласія матери, только что одинъ разъ обновленный мундиръ свой, на вырученныя деньги онъ купилъ у живописца-учителя красокъ, кистей, палитру; самъ соорудилъ себѣ мольбертъ, выпросилъ у матери холста, выучился грунтовать, и скоро ихъ комната превратилась въ мастерскую художника.

Старушка, сидя съ чулкомъ въ рукахъ подлѣ сына, съ умиленіемъ слѣдила глазами за его кистию, уже смѣло и правильно разгуливающею по широкому полотну.

— Яшенька, говорила она ему иногда, указывая на какой-нибудь эскизъ: ты бы тутъ прибавилъ красной красочки; будетъ повиднѣе, скорѣе купить кто-нибудь. Но покупщики не являлись, и когда небольшой запасъ мате-

ріаловъ истощился, мать, замѣтивъ грусть сына, продала сперва старомодный самогъ свой, потомъ вѣнчальное платье, потомъ послѣднія двѣ серебряныя ложки — все въ надеждѣ, что у Яши будетъ заказная работа или явятся покупщики..., Но никто не являлся, — и наконецъ всѣ средства ихъ истощились.

ГЛАВА III.

Увлекаясь какъ поэтъ, Яша, не смотря на всю любовь свою къ матери, не замѣчалъ ея скорби, не замѣчалъ вседневно-новыхъ недостатковъ въ ихъ домашнемъ быту, и былъ счастливъ, какъ никогда. Увѣряясь съ каждымъ днемъ въ своихъ успѣхахъ, онъ вовсе не заботился о томъ, что никто не оцѣняетъ и даже не видитъ его произведеній. Онъ самъ видѣлъ то Божественное выраженіе любви, страданья и покорности, которое приняло подъ его кистию Святое лицо Пречистой Дѣвы у подножія креста; онъ самъ, ничтожный червь земной, чувствовалъ столько любви и благодарности при воззрѣніи на Божественнаго Страдальца, что дыханіе спиралось въ груди его, слезы силились пробить себѣ путь, кисть выпадала изъ его рукъ, колѣна подгибались, и онъ рыдалъ.... но онъ былъ счастливъ, онъ благословлялъ судьбу свою.

Въ такія минуты добрая мать его, забывавъ свое горе, сгнѣшила утѣшить его словами: «Не грусти, не плачь, Яшенька, Богъ пошлетъ намъ покупщика. Но утѣшая такъ сына, и не жалуясь ни на что, она не вынесла грозящей нищеты и занемогла тяжело.

Тутъ только очнулся бѣдный Яша, и обрывая съ себя все, доставлялъ больной своей матери пособіе и все нужное въ ея болѣзни. Одинъ при ней и день и ночь, онъ не раздѣвался нѣсколько сутокъ, и забросивъ свои кисти и палитру, далъ въ душѣ себѣ обѣтъ, что какъ скоро мать его оправится, онъ пойдетъ съ повинною къ своему прежнему начальнику, и будетъ умолять принять его снова на службу. Это намѣреніе, сообщенное имъ матери, лучше всѣхъ лекарствъ

подѣйствовало на нее, и она видимо начала оправляться; но для исполненія этого благаго намѣренія приходилось ей сдѣлать еще жертву, для нея самую тягостную, а именно: поискать занять денегъ. чего она какъ огня боялась. Но Яша, во время ея болѣзни распродавъ съ себя все, не могъ-же явиться къ бывшему начальнику своему въ единственно-оставшемся у него затрапезномъ халатѣ. Она рѣшилась и на этотъ тяжкій подвигъ. Но у кого просить.... Они не имѣли ни съ кѣмъ знакомства. Правда, видѣлась она часто въ церкви съ женою градскаго головы, и та нѣсколько разъ зазывала ее къ себѣ; но мать Яши разсудила, что самой идти въ гости, такъ надо и къ себѣ позвать, а достатки ихъ того не дозволяли. Въ уѣздныхъ городкахъ визиты безъ угощенія не обходятся, не то скажутъ гостямъ не радъ, и потому она уклонилась отъ всякихъ знакомствъ.

«Съ какими же глазами теперь-то пойду я къ ней? думала она; — какъ начну!... что скажу?... пожалуй, или не поверять такой крайности, или подумаютъ, что сынъ мотаетъ?... А онъ, сердечный, день и ночь умиралъ на работѣ. Что жъ дѣлать, когда Богъ не далъ счастья? И вотъ таки одумался, мой голубчикъ, и опять идетъ на службу.... Нѣтъ пойдти, пойдти, нечего дѣлать!»

И старушка, обвязавъ голову послѣднимъ чернымъ шелковымъ платочкомъ, надѣвъ воскресное ситцевое платье и уцѣлѣвшую кашемировую темно-пеструю шаль, и опираясь на палочку, еще блѣдная и страшно худая, побрела на площадь, гдѣ находился каменный домъ городского главы, богача.

Не очень-то нарядна иду я на первый разъ, думала она про себя, подходя къ калиткѣ вѣчно-запертыхъ воротъ купеческаго дома. А еще дворянкою слыву! Ну, да богатъ Богъ милостиво! — и дрожащею рукою отворила она дверь въ переднюю, гдѣ была встрѣчена самою хозяйкою дома, перебранивавшеюся въ эту минуту съ своею засаленною кухаркою.

— Ахъ! нечаянная гостья! вскричала толстая купчиха, принимая въ свои мягкія объятія слабую старушку, и налагая полновѣсные поцѣлуи на обѣ ея щеки. Не даромъ же

нынѣ все утро сорока щекотала! На силу-то вздумали навѣстить насъ, матушка Дарья Егорьевна! добро пожаловать, милости просимъ въ гостиную.... Петровна, духомъ самоваръ, да закусочку поставь.

— Не безпокойтесь, матушка Ульяна Сидоровна, отвѣчала старушка: я, гостя не нарядная, да и признаться, за дѣльцомъ пришла къ вамъ, моя почтенная, съ кровною просьбою.

— Покорно просимъ въ гостиную, продолжала привѣтливая хозяйка, церемонно пропуская впередъ свою гостью. Просимъ милости садиться, сюда на канапей... Такъ-какое же дѣльцо у васъ, моя сударыня? спросила она, когда онѣ усѣлись рядомъ на диванѣ.

Дарья Егоровна, собравшись съ духомъ, объяснила ей свою нужду, и съ замираніемъ сердца ожидала отвѣта.

— Такъ-съ, начала помолчавъ немного Ульяна Сидоровна, и въ раздумьи потирая двумя пальцами оконечности своего рта, такъ-съ... Такъ вамъ нужно бы деньжонокъ признать, моя сударыня!...

— Такъ точно, матушка, крайне нужно рублей съ пятьдесятъ. Окажите Божескую милость. Всего мѣсяца на два, Ульяна Сидоровна, вотъ къ десятой пятницѣ велю скотинки продать на ярмаркѣ, все возвращу, съ великою благодарностію, моя почтенная.

— Признаться-съ, мы денегъ у себя не имѣемъ, отвѣчала Ульяна Сидоровна; все у мужьевъ-съ, окромъ того, что для домашняго расхода по малости получаемъ-съ, все у нихъ въ оборотахъ-съ, такъ вы, матушка, дождитесь Илью Терентьича, сами извольте попросить. Онъ къ обѣду вернется.

Дѣлать было нечего, пришлось дожидаться Ильи Терентьича, — и трудно было бѣдной старушкѣ поддерживать рѣчь съ богатою купчихою о городскихъ сплетняхъ, о нарядахъ городничихи и прочихъ властей. По счастью, словоохотливая хозяйка, увлекаясь удовольствіемъ — рассказывать, скоро избавила ее отъ труда участвовать въ разговорѣ.

Наконецъ послышались тяжелые шаги въ передней комнатѣ; вслѣдъ за тѣмъ грубый и сильный голосъ потре-

бывалъ водки, и ввалился въ гостиную массивный Голова Илья Терентьевичъ въ сопровожденіи молодого дѣтины, своего единственнаго сына.

— Батюшка Илья Терентьевичъ, начала мать Япи, вставая съ мѣста и низко кланяясь Головъ, уже усѣвшемуся въ кресла: я къ вамъ съ крайнею просьбою, отецъ родной, сотворите великую милость, заставьте за себя вѣкъ Бога молить.

— Что жъ вамъ такое требуется, матушка? спросилъ Голова, проглотивъ рюмку водки и закусывая балыкомъ.

— Да вотъ, батюшка, сына нужно акошпировать; прошу у васъ слезно пятьдесятъ рублей въ займы, отдамъ, мой отецъ, честно, — все отдамъ до копѣйки. Помогите, батюшка Илья Терентьевичъ.

Илья Терентьевичъ почесалъ сперва въ головѣ, потомъ погладилъ бороду; замѣтно было, что положеніе бѣдной вдовы его трогало; съ минуту помолчавъ, выпилъ онъ другую рюмку водки, закусилъ вторично балыкомъ, и послѣ этаго спокойно отвѣчалъ:

Не прогнѣвайтесь, матушка, въ займы денегъ не дамъ никому.

Пошатнуло бѣдную вдову, и не въ силахъ болѣе вымолвить ни слова, она, поклонившись низко, пошла къ двери.

— Куда жъ вы, матушка? сказалъ купецъ, откушайте нашего хлѣба соли. Мы всегда ради добрымъ людямъ.

— Не могу, батюшка, едва внятно отвѣчала Дарья Егоровна; черезъ силу до васъ добрела; — только со смертнаго одра Богъ поднялъ; не чаю, какъ и домой дойдти. Простите батюшка.

— Семенушка! велитка заложить себѣ телѣжку, да свези ко двору Дарью Егорьевну, сказала жена Головы своему сыну. — А вы присядьте-ка покамѣсть, матушка, духомъ заложуть; и подлинно на васъ лица нѣтъ, моя родная.

Большая присѣла у самой двери, и ужъ не въ состояніи была произнести ни одного слова, до тѣхъ поръ, пока хозяйскій сынокъ пришелъ сказать, что телѣжка готова. Раз-

цѣловавшись съ хозяевами, приговаривающими: — впередъ милости просимъ.... а мы ваши гости!—она, пошатываясь, съела, съ помощію Семена Ильича въ тельжку; онъ вскочилъ на козлы и живо довезъ ее домой. Тамъ, высаживая ее изъ тельжки, молодой человекъ положилъ ей что-то въ руку, сказавъ: «Тяженькъ не сказывайте», и вскочивъ проворно на козлы, пустилъ лошадь во всю рысь.

Дарья Егорьевна нашла своего Яшу, стоящаго скрестя на груди руки въ грустномъ раздумьи передъ недокончанной картиной.... Другія же, уже снятыя съ рамъ, лежали свернутыми въ трубки.... Онъ укладывался какъ бы въ тяжкій для него путь и прощался съ драгоценнѣйшими друзьями своими.... Сердце матери поняло грусть его, она не окликала его и незамѣчаемая имъ, дошла до своей постели и прилегла.... Тутъ только вспомнились ей слова сына Головы, и она развернула бумажку, которую вложилъ онъ въ ея руку: то была сторублевая ассигнація.

Первая минута была радостна, слезы умиленія и благодарности заструились по страдальческому лицу ея, и она поднималась уже съ постели, чтобъ обрадовать своего Яшу, но вдругъ напало на нее раздумье: вправъ ли былъ молодой человекъ располагать такою суммою, безъ вѣдома отца! Вѣроятно нѣтъ, когда онъ проситъ скрыть этотъ поступокъ.... И не смотря на бѣдственное свое положеніе, она рѣшилась возвратитъ эти деньги. Разказавъ Яшѣ въ чемъ дѣло, она приказала ему немедленно отправляться въ домъ Головы, вызвать сына его, Семена Ильича, и отдать ему его деньги такъ, чтобы никто не видалъ.

—Поблаговари его усердно, Яшенька, сказала она; скажи, что по молодости его лѣтъ, не могу, безъ согласія его родителей, принять отъ него такую милость.... Но Господь наградитъ его за его добрую душу.... Оправься маленько, Яшенька, и иди съ Богомъ.

Яша пошелъ, и скоро возвратился съ Семномъ, который никакъ не хотѣлъ взять назадъ своихъ денегъ.

— Вы-съ меня обижаете, говоритъ молодой купчикъ со

*

слезами на глазахъ. Деньги-съ мои собственныя, не тятенькины-съ.... мнѣ ихъ подарилъ мой крестный батюшка, дѣдушка-съ, маменькинъ тятенька.... Я сберегалъ ихъ, чтобъ написать образъ моего ангела-съ.... да это еще время терпѣть, крестный на каждыя именины мнѣ дарить по столько же, а вамъ нужда-съ, возьмите-съ.

Старушка повалилась ему въ ноги, Яша со слезами кинулся ему на шею, обѣщая въ скоромъ времени написать ему образъ его ангела, — и оживленный мыслью, что имѣеть предлогъ заняться снова своею любимую работою, началъ показывать молодому благодѣтелю своему свои произведенія. Тотъ восхищался, Яша блаженствовалъ, и молодые люди разстались пріятелями, давъ слово другъ другу видѣться часто.

На той же недѣль одѣвшись прилично, Яша отправился съ повинною головою къ своему прежнему начальнику; но тотъ не принялъ его на глаза и выслалъ сказать ему на отръезъ, что не можетъ имѣть беспорядочныхъ чиновниковъ, что справлялся объ немъ и знаетъ, что онъ не что иное, какъ тунеядецъ, только пачкается цѣлые дни съ красками, а дѣломъ не занимается, и потому не только не приметъ его къ должности, но и рекомендовать никому не будетъ.

Яша былъ уже на столько опытенъ, чтобы знать, что въ уѣздномъ городкѣ мнѣніе одного тотчасъ дѣлается общимъ приговоромъ, и что всякая надежда опредѣлиться тутъ исчезла для него. Повѣсивъ голову, возвратился онъ къ бѣдной своей матери, и оба цѣлый день проплакали, не видя исхода изъ своего затруднительнаго положенія.

— Перестаньте плакать, маменька, сказалъ наконецъ Яша, цѣлуя въ голову мать свою: мнѣ пришла добрая мысль.... Вы много разъ мнѣ рассказывали, какъ хорошо вамъ было жить съ покойнымъ батюшкой на хуторѣ. — Поѣдьте туда, маменька, какъ скоро напишу я образъ для Семена Ильича.

— Да что жъ ты тамъ будешь дѣлать, Яшенька? спро-

сила его мать, которой лицо вдруг покрылось легкою краскою.

— Да то же, что дѣлать мой отецъ, маменька, буду пахать, косить, дичь стрѣлять да продавать, проживемъ какъ-нибудь!.. По праздникамъ буду образа писать, можетъ на ярмаркѣ начать раскупать. Право, маменька, поѣдьте туда.

— Охъ, Яшенька!.. отвѣчала только мать, и крѣпко задумалась. Ей слишкомъ по сердцу было такое предложеніе, и она боялась увлечься имъ въ ущербъ выгодъ своего сына. Она начала обсуживать дѣло, и упорствовала въ томъ, что ему надо искать службы, а не губить своей молодой жизни въ глуши на безлюдь. Она представила ему всю скуку, всѣ недостатки, ожидавшіе его въ этомъ бѣдномъ уголкѣ, ей одной драгоценномъ по воспоминаніямъ.

Но Яша такъ съумѣлъ представить ей все съ хорошей стороны, что побѣдилъ ея сомнѣнія, и она въ тотъ же часъ осушивъ свои слезы, въ тихомолку начала приготовляться къ давно желанному путешествію, торопя сына скорѣй приняться за обѣщанную работу для ихъ молодаго друга Семена Ильича.

Въ три недѣли работа Яши была кончена, но ему было жалъ разстаться съ ней, и онъ устанавливаетъ ее различнымъ образомъ, толкуетъ матери достоинства и недостатки своего произведенія, и добрая мать съ терпѣніемъ выслушиваетъ непонятныя ей замѣчанія, и говоритъ ему:

— Не знаю, Яшенька, чего тутъ ты говоришь нѣтъ!.. но мнѣ такъ прекрасно написалъ ты Св. Отца Семіона Столпника и родительницу его Марѳу, еслибъ около главы и сіянія не было, и тогда всякій, что взглянулъ бы, сказалъ, что они святы передъ Господомъ.

И эти простыя замѣчанія радовали молодаго живописца, и поцѣловавъ мать, съ другой точки зрѣнія показывалъ онъ ей свою работу.

Наконецъ, не видя этому конца, старушка тихонько напомнила ему, что пора бы имъ вовсе уложиться, да уснуть бы съ вечера нанять лошадку съ повозочкой.

— У меня давнымъ давно ужь все на-готовѣ, Яшенька, примолвила она.

Но Яша все-таки дотянулъ до сумерекъ, и только тогда, со вздохомъ и любовію посмотрѣвъ еще на свою работу, понесъ ее доброму Семену. Обрадованный молодой человѣкъ заставилъ Яшу принять на память ящикъ красокъ, для него имъ выписанный изъ Москвы. Осчастливленный Яша далъ слово прислать ему видъ своего хутора, а можетъ быть и портретъ свой и матери своей въ память добра, имъ сдѣланнаго... И молодые люди, братски обнимаясь, посулили другъ другу вѣчную дружбу, въ какія бѣ обстоятельства ни поставила ихъ судьба.

ГЛАВА IV.

Въ прекрасный іюньскій вечеръ, свѣтлый и прозрачный, не задолго до сумерекъ, остановилась небольшая рогожная повозочка парю, передъ полуразвалившимся крыльцемъ низенькаго домика, крытаго соломою.

Изъ повозки выпрыгнулъ молодой человѣкъ, и приподнявъ на руки худенькую старушку съ узелкомъ въ рукѣ, поставилъ ее на крыльцо.

Старушка дрожала всѣмъ тѣломъ и молчала. Молодой человѣкъ, поддерживая ее, смотрѣлъ съ любопытствомъ во всѣ стороны и также молчалъ.

Ящикъ доставалъ изъ повозки подушки, небольшой сундучекъ, другія мелочи, и укладывалъ все это на крыльцо, и потомъ, снявъ шляпу, почесываясь и оглядываясь спросилъ: куда ему пристать съ лошадьми.

— Знать здѣсь никто не живетъ, сказалъ онъ: вишь и дверь за печатью.... а не то какъ бы, хоть собакъ не залаять, когда подѣхали къ крыльцу. Но какъ бы въ отвѣтъ ему вдали послышался лай собаки, и вслѣдъ за тѣмъ, черезъ плетень, съ правой стороны переѣхалась сперва одна дѣтская кудрявая головка, потомъ тотчасъ и другая такая же точно, и два тоненькихъ голоса спросили вмѣстѣ:

— Кого надо?... откелева?

— Пошлите, умницы, кого постарше себя... Господа вишь ждутъ.

Послышалось изъ-за забора восклицаніе третьяго голоса, головки исчезли, и черезъ минуту показалась изъ плетневой калитки старуха съ двумя дѣвочками лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, въ однихъ бѣлыхъ рубашкахъ, съ распушенными свѣтлыми кудрями; обѣ онѣ были почти одного роста, обѣ прехорошенькія, и вся эта группа повалилась въ ноги, безмолвно плачущей Дарьи Егоровны, опирающейся на руку Яши, котораго, какъ художникъ, уже заглядѣлся на прекрасныя головки двухъ дѣвочекъ.

— Насилу-то Богъ принесъ тебя, наша сударыня, говорила старуха: ужъ не чаяла я дожидаться тебя, наша матушка, плоха становлюсь... На кого бѣ ихъ покинуть спротивокъ моихъ, всѣхъ прихоронила, матушка Дарья Егоровна... Изволишь ли узнать своихъ крестницъ, вишь какъ выросли; просите ручку у барыни, дурочки...

— Больно ты постарѣла, родимая!... А энто кто съ тобой?... спросила старуха, прикладывая руку зонтикомъ надъ глазами своими.

— Сынокъ мой, Абрамовна, Яшенька, обнимая ихъ поочередно, отвѣчала Дарья Егоровна.

— Вося!... вскрикнула старуха, кидаясь цѣловать Яшу; кормилецъ ты нашъ, истовый тятенька, не узнала я бѣлю тебя...

Дѣвочки также одна за другою прыгнули на шею Яши обвивая ее рученками и цѣлуя его по примѣру бабушки.

Большая косматая собака, помахивая хвостомъ, слизывала пыль съ сапогъ его и потомъ оказывала ту же услугу босымъ ножкамъ двухъ дѣвочекъ.

— Отопри намъ, Абрамовна, господскіе покои, сказала Дарья Егоровна.

— Да ключъ-то у тебя, сударыня, отвѣчала старуха... глядь и печать твоя цѣлехонька; какъ своего глаза берсгли.

И старуха съ помощію внучекъ своихъ начала открывать ставни давно безмолвнаго жилища.

— И въ самомъ дѣлѣ ключь-то у меня!.. все перезабыла; сказала Дарья Егоровна, медленно доставая изъ дорожнаго мѣшка своего большой ключь на ремешкѣ, и нерышительно подавая его Яшѣ, какъ бы боясь собственныхъ чувствъ своихъ. Десять лѣтъ не переступала она священнаго для нея порога! и схвативъ за руку сына, она, вѣрная обѣту своему, вступила съ нимъ въ этотъ пріютъ своихъ воспоминаній.

Любопытствующія дѣвочки не думали отстать отъ нихъ, и пригодились, чтобы принесть ковшъ свѣжей воды задохнувшейся отъ слезъ своей барынь.

Яша нашель родительское жилище точь въ точь такимъ, какъ сохранялось оно въ его памяти. Глаза его съ благоговѣніемъ остановились на старомъ кожаномъ креслѣ у окошка, на которомъ всегда отдыхалъ труженникъ отецъ его, и въ это время подзывая къ себѣ маленькаго сына своего, училъ его читать или самъ прочитывалъ ему что-нибудь изъ краткой священной исторіи. И эта книга еще съ замѣтками лежитъ тутъ на окнѣ. Вотъ черешневый чубукъ его съ большою пенковою трубкою, которыми онъ дорожилъ какъ единственнымъ уцѣлѣвшимъ подаркомъ прогнѣваннаго имъ родителя, и курилъ изъ этой драгоценности только по большимъ праздникамъ. Этотъ чубукъ въ чахлѣ стоитъ прислоненный въ уголокъ окна его рукою; еще цѣль до половины табакъ въ трубкѣ, на окнѣ видныются еще слѣды пепла; вотъ уцѣлѣла еще та самая полусгорѣвшая бумажка, которою въ послѣдній разъ раскуривалъ ему Яша трубку. Все цѣло!... а онъ, существо мыслящее и любящее, прежде этихъ неодушевленныхъ вещей превратился въ пыль и прахъ.

Яша обѣими руками закрылъ лицо и долго молчалъ.

Но когда мать, желая вывести его изъ задумчивости, подзвала его къ себѣ, указывая на висѣвшіе по стѣнѣ портреты дѣда и бабки Яши, онъ подошелъ къ нимъ съ лицомъ спокойнымъ и яснымъ. Споръ земли съ небомъ уже разрѣшился для него: онъ мысленными очами видѣлъ отца своего, успоконившаго ее отъ всѣхъ трудовъ земныхъ. Яша, лю-

буясь мастерскою кистью дѣдовскихъ портретовъ въ старинныхъ прическахъ, и находя въ нихъ много общаго съ живопамятнымъ ему лицомъ отца, общалъ матери написать для нея портретъ незабвеннаго для нихъ общаго ихъ друга, и уже располагалъ какъ удобнѣе устроить ему свою мастерскую.

Онъ забылъ, бѣдный, что ему предстояли не прихотливыя изящныя занятія, а простые тягостныя труды земледѣльца, о которыхъ до сихъ поръ не имѣлъ онъ никакого понятія.

Не входя еще ни въ какія подробности по хозяйству, и поужинавъ на скорую руку, чѣмъ Богъ послалъ, добрая мать Яши, съ помощію двухъ дѣвочекъ, смѣтливыхъ и проворныхъ, оправила за перегородкою чистую, мягкую постель своему Яшенькѣ, размѣстила всѣ его скромныя пожитки, и водворяя его на отцовскомъ пепелищѣ, благословила образомъ, объявляя ему, что онъ одинъ хозяинъ этихъ двухъ комнатъ; а ей, старухѣ, и спокойнѣе, и сподручнѣе будетъ въ своей свѣтелкѣ, куда она тотъ-часъ-же и удалилась, сопровождаемая своею юною прислугою.

Яша, оставшись одинъ, не думалъ ложиться спать, хотя было уже довольно поздно. Онъ не слыхалъ усталости и чувствовалъ какую-то досель ему невѣдомую-безотчетную радость. Ему казалось, что онъ вдругъ сдѣлался богачемъ. Эта чистота, этотъ просторъ, эта оживляющая мысль, что все видимое имъ его собственность, что всѣмъ этимъ можетъ онъ располагать по своему произволу, какъ-то возвысили его въ собственномъ мнѣніи: онъ вдругъ почувствовалъ себя уже не ребенкомъ, но человѣкомъ въ силахъ быть надежною опорю дряхлеющей своей матери, покровителемъ и защитникомъ этихъ трехъ слабыхъ существъ, надъ которыми Провидѣніе назначило ему быть господиномъ, — и множество плановъ и предпріятій зародилось въ головѣ его. Заходило молодое воображеніе, запросила молодая душа дѣятельности обширной и полезной....

Не сомкнувъ глазъ во всю ночь, Яша не чувствовалъ ни малѣйшаго утомленія; смуглое лицо его было свѣжо, глаза сверкали огнемъ, природная золотистая блѣдность его въ это утро особенно напоминала собою цвѣтъ бѣлой розы, только что распутившейся подъ яркимъ лучемъ юньскаго солнца.

Онъ былъ истинно-прекрасенъ въ это утро!... И мудрено ль? — въ первый разъ въ жизни чувствовалъ онъ себя вполне счастливымъ, и при томъ ему было только двадцать лѣтъ.

Едва взошло солнце, какъ онъ, по памяти пробираясь къ сельскому кладбищу, встрѣтился съ своею матерью, уже возвращающеюся оттуда... И ей также не спалось послѣ столькихъ тревоженій и отъ радости, что она наконецъ въ своемъ дорогомъ хуторѣ. Она какъ будто десятью годами помолодѣла, и разцѣловавъ въ обѣ щетки своего ненагляднаго сына, бодро возвратилась опять съ нимъ къ могилѣ его отца, заросшей густою, высокою травою, изъ которой едва виднѣлся покачнувшійся на бокъ деревянный крестъ, выкрашенный сѣрою краскою и столько разъ изображенный въ памятныхъ рисункахъ Яши. Грустно посмотрѣвъ на такое неустройство надъ послѣднимъ приютомъ праха, имъ драгоценнаго, Яша обѣщала матери, что скоро это мѣсто приметъ совершенно другой видъ, и что они часто будутъ приходить туда вмѣстѣ отдыхать послѣ дневныхъ заботъ и трудовъ, и какъ бы отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ тому, который столько лѣтъ трудился для ихъ блага.

На возвратномъ пути, Дарья Егоровна сообщила сыну свое удовольствіе, что нашла ихъ хозяйство несравненно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ ожидала, потому что умная старуха Абрамовна передъ самымъ ихъ пріѣздомъ на хуторъ очень выгодно отдала внаймы ихъ землю на нѣсколько лѣтъ, и получила впередъ за весь года деньги, оставя, сверхъ того, за ними садъ съ огородомъ и молодой осинникъ для дровъ; что скотины всякой и птицы у нихъ довольно; что все въ порядкѣ, и копѣйка есть про чернѣй день.

— Слава Тебѣ, Господи! говорила крестьянъ съ умилениемъ добрая мать: — теперь тебѣ, Яшенька, не нужно бу-

дѣть долго еще заниматься полевыми работами; ты не привыченъ къ нимъ, голубчикъ мой, и много мучила меня, грѣшницу, мысль, что ты не вынесешь такого труда, отъ котораго и отецъ-то твой преждевременно пошелъ въ землю!... А вотъ милосердый Господь и избавляетъ тебя отъ этого.... Итъ, во вѣкъ не буду впередъ унывать, и тебѣ не вѣло, сынокъ... Богъ сиротъ не покидаетъ...

Такъ разговаривая, незамѣтно дошли они до дому, гдѣ заботою домоводки Абрамовны, подъ развѣсистую липою въ ихъ садикъ, на накрытомъ чистою скатертью столѣ, ожидалъ ихъ самоваръ, крынка свѣжаго молока и славныя ватрушки. Весело и аппетитно принялись за этотъ простой завтракъ счастливые въ эту минуту владѣльцы бѣднаго хутора, а двѣ красивыя дѣвочки, одѣтыя, для пріѣзда господъ, въ синіе опрятныя сарафаны, вертѣлись около стола, и какъ двѣ чистыя ручныя голубки поклевывали безъ церемоніи остатки съ тарелокъ господъ своихъ.

— Которая изъ васъ старшая? спросилъ ихъ Яша, любясь ихъ ловкими движеніями и оживленными лицами.

— Мы обѣ старшія, отвѣчали онѣ въ одинъ голосъ.

— Какъ обѣ старшія?!

— Онѣ двойнишки, сказала Дарья Егоровна: родились черезъ недѣлю послѣ смерти отца, и остались круглыми сиротами на другой день своего рожденія. Старуха Абрамовна воспитала ихъ на козьемъ молокѣ; видно, съ того-то онѣ такія и проворныя у меня, прибавила она шутливо.

— Бѣдненькія, сказалъ Яша, смотря на нихъ съ участіемъ; какъ зовутъ васъ?

— Дуняшами, отвѣчали обѣ.

— Какъ! обѣихъ однимъ именемъ?

— Да, баринъ, мы на Евдокію родились.

— Такъ какъ же различаетъ васъ бабушка Абрамовна, когда зоветъ которую-нибудь изъ васъ?

— Никакъ, — мы бѣжимъ вмѣстѣ.

— Всегда вмѣстѣ?

— Всегда, баринъ; намъ другъ безъ дружки тошно, и спимъ обнявшись.

— Вотъ какая благодать въ нашемъ бѣдномъ уголкѣ, маменька, сказала Яша. — Эти дѣвочки похожи на неразлучную парочку голубковъ. Позвольте мнѣ учить ихъ грамотѣ; мнѣ кажется, онѣ должны быть понятливы.

— Эхъ, Яшенька, отвѣчала мать (можетъ быть, и не безъ отвлеченной мысли); къ чему имъ грамота, мой другъ? имъ надо учиться прясть, ткать, да початочки мотать.

— Мы это все ужъ умѣемъ, сударыня, отвѣчали дѣвочки.

— Ну, такъ учитесь жать, сѣно грести, капустку сажать.

— И то умѣемъ, барыня... Взглянь, какъ у насъ въ огородѣ все на порядкѣ; сами управляемся; бабкѣ ужъ не въ мочь... только вспахать, да грядки подвѣлать нанимали, а то все мы двѣ и полемъ и поливаемъ... Прикажи, сударыня, сынку своему насъ грамотѣ поучить. — И объ дѣвочки повалились въ ноги своей госпожѣ.

— Ну, хорошо, хорошо, сказала добрая Дарья Егоровна, цѣлуя ихъ въ голову, — встаньте; по субботамъ послѣ обѣда будете учиться; такъ ли Яша, довольно съ нихъ?

— Покуда будетъ довольно, маменька, а осенью можно и почаще.

— Ну, тамъ увидимъ осенью, сказала старушка. Убирайте-ка, Дуняши, со стола, да подметите тутъ хорошенько, чтобъ корокъ нигдѣ не валялось; курятамъ искрошите; а потомъ и ведите меня въ огородъ посмотреть на ваши порядки.

Яша взявъ бумаги и карандашъ, и сказавъ матери, что сытъ на цѣлый день, и обѣдать не будетъ, ушелъ бродить. Слѣдствіемъ этой прогулки было то, что онъ, какъ мы видѣли, попалъ въ домъ къ богатымъ сосѣдямъ своимъ Бельскимъ; а какъ попалъ, — сейчасъ узнаемъ это изъ его дневника.

Надобно сказать, что Яша, прѣхавъ на родину, вознамерился записывать каждый вечеръ свои впечатлѣнія, и на-

чадо было слѣдующее... просимъ только читателя извинить Яшу, что онъ сохранилъ привычку писать немножко высокопарно.

ГЛАВА V.

Дневникъ Яши.

14 июня. 1-й вечеръ на хуторъ.

«Поклоняюсь тебѣ, земля, меня вскормившая! Поклоняюсь вамъ, безмолвные свидѣтели земнаго бытія моего почтеннаго родителя и моего безпечнаго дѣтства; свидѣтели всендневныхъ заботъ о насъ добройшей моей матери, — молю васъ, о дорогія сердцу воспоминанія, не изглаживайтесь изъ юношеской памяти моей, и примѣромъ отца моего, прошедшаго въ полезныхъ трудахъ земное свое странствованіе, и меня къ трудамъ полезнымъ поощряйте, чтобы могъ я быть опорой и радостью моей матери-благодѣтельницѣ, чтобы дано мнѣ было покоить ея старость, какъ она покоила мое дѣтство и охраняла неопытную юность мою.

О, какъ хорошо на родинѣ!... Какъ привольно душѣ подъ родною кровлею!... кажется, и дышется легче, и видится яснѣе?

О, какое блаженство имѣть свой уголокъ!

Тебѣ, Отецъ вселенной, посвящаю эту первую истинную радость моего сердца.

15-го июня.

Какія совершились здѣсь перемѣны во время десятилѣтняго моего отсутствія. Какъ бы волшебнымъ жезломъ вызванъ изъ земли въ сосѣдствѣ нашемъ необыкновенной красоты и затѣйливости замокъ, отъ котораго сегодня утромъ, долго не могъ я отвести очарованныхъ глазъ моихъ. — Не вѣдалъ я до сего времени, чтобы дѣйствительно гдѣ-нибудь находились, въ нашъ вѣкъ, столь отличныя построенія, и думалъ, что въ романахъ описываются подобные замки или по увлеченію воображенія или по преданіямъ глубокой старины, и вотъ въ трехъ верстахъ, не болѣе, отъ моей убогой

хижины, я нахожу Армидины сады и жилище? Непременно завтра же съ зарею опять отправлюсь туда, пощю удобнѣйшей точки, съ которой снятъ видъ съ этой волшебной усадьбы, и пошлю его моему доброму другу Семену.... Огъ придетъ въ изумленіе.... О, еслибъ сбылась наша съ нимъ мечта: жить вмѣстѣ и умереть вмѣстѣ.

16-го іюня.

Какъ обогащается происшествіями жизнь моя, досель столь простая и однообразная.

Какія встрѣчи и знакомства ожидали меня тамъ, гдѣ я думалъ найти одно безмолвіе и пустыню.

Это первое мое столкновеніе съ людьми столь различными отъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ я зналъ до нихъ, заслуживаетъ цѣлаго листа въ моемъ дневникѣ, хотя и безъ того останется оно навсегда въ моей памяти.

Начну съ того, что, проснувшись съ зарею и забравъ все нужное для рисованья, я холодкомъ еще добрался до усадьбы господина Бѣльскаго, не встрѣтивъ ни одной души. Тамъ, по просьбамъ, сдѣланнымъ чрезъ всю березовую рощу, я пробрался на ту поляну, съ которой открываются виды во всѣ стороны. Широкій пенъ, еще вчера подмѣченный мною, и оставленный тутъ какъ бы нарочно для меня, очень удобно послужилъ мнѣ вмѣсто столика, когда я сталъ подлѣ него на колѣни. Уже отмѣтилъ я перспективу, набросалъ главные очерки, какъ вдругъ сзади кто-то прикоснулся къ плечу моему, и заставилъ меня провести неправильную линію. Раздосадованный и даже нѣсколько испуганный, оглянулся я: передо мною стоялъ человекъ высокій, стройный, котораго по одеждѣ его недоумывалъ я къ какому сословію людей причислить?... Платье его было ново, и сукна тончайшаго, но столь коротко, что заставляло думать, что оно было сшито не по немъ; къ тому же цвѣтъ былъ до того зелено-свѣтлый, что все это походило на фантастическій святочный костюмъ; только ружье въ рукѣ, да лягавая собака около ногъ его заставили меня думать, что вижу егеря.

— Извините, если я помѣшалъ вамъ, сказалъ онъ мнѣ

весьма ласково; но меня чрезвычайно удивило, что здѣсь, гдѣ я привыкъ не встрѣчать никогда никого, вдругъ нахожу артиста.... если не ошибаюсь?... вотъ почему и рѣшился я удовлетворить мое любопытство и просить васъ сказать мнѣ, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?... а я здѣшній помѣщикъ Бѣльскій. Этотъ домъ мой.

Такое объясненіе крайне смутило меня. По незнанію свѣтскихъ приличій, мнѣ представилось, что, можетъ быть, весьма непристойно снимать видъ съ чужаго владѣнія, не испросивъ согласія самого хозяина. Мнѣ показалось, что я какъ тать поймавъ на мѣстѣ преступленія, и совершенно не помню, что такое я отвѣчалъ ему. У меня вдругъ вся кровь бросилась въ голову и въ ушахъ зазвенѣло, какъ бубенчики у почтовой тройки.

Однакожь ласковый видъ помѣщика ободрилъ меня; особливо когда онъ съ пріятливою улыбкою попросилъ меня продолжать мое занятіе.

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ онъ, что моя пустыня начинаетъ привлекать путешествующихъ артистовъ. Вы, вѣроятно, цѣлый день проводите въ занятіяхъ; а вечеръ, конечно, свободны, и я прошу васъ къ себѣ познакомиться съ женою и сестрою моею, и откушать съ нами чай.... Вы не откажете мнѣ въ этомъ удовольствіи?... Такъ надѣюсь.... До свиданія, прибавилъ онъ, откланиваясь и сжимая мою руку.... Мы васъ будемъ ждать... до свиданія.... И кликнувъ свою собаку какимъ-то премудреннымъ названіемъ, скрылся проворно съ глазъ моихъ.

Долго не могъ я придти въ себя, а первую мыслію моею было скорѣе обратиться на свой хуторъ, чтобъ посоветываться съ матушкою: не будетъ ли грубостію съ моей стороны, если я не явлюсь по приглашенію помѣщика?... а идти къ нему очень не хотѣлось, и въ слѣдствіе этого недоумѣнія я возвратился домой къ обѣду, не сдѣлавъ еще почти ничего для моего добраго Семена.

Матушка очень обрадовалась моему разсказу и настоятельно требовала, чтобъ я шелъ къ богатому нашему сосѣду, рассказывая мнѣ при томъ, что покойный отецъ мой

поставлять дичь отцу этого господина. Она надѣялась, что и мнѣ будетъ прибыльно такое знакомство. Не знаю почему, это обстоятельство окончательно смутило меня.... Неужели жь я устыдился бѣдности моего отца?

Такая мысль отняла у меня весь аппетитъ. За обѣдомъ, и только уже подъ конецъ его, лепетанье будущихъ ученицъ моихъ, съ такою любовію и радостію намъ прислуживающихъ, разсѣяло нѣсколько мое неловкое расположеніе духа. Я переодѣлся въ воскресное мое платье, взялъ съ собой начатый рисунокъ, надѣясь до вечера его покончить, и возвратился опять къ своему посту: широкому пню. Но когда съ успѣхомъ пришла къ концу моя работа, и солнце начало заходить за синій боръ, нашло на меня опять раздумье, и я, подобравъ всѣ свои принадлежности, скорыми шагами пробирался домой черезъ березовую рощу, какъ вдругъ встрѣчаюсь опять съ тѣмъ же самымъ господиномъ.

— А! вы дезертируете, сказалъ онъ мнѣ смѣясь, и оставивъ меня за руку: — нѣтъ, такъ не дѣлаютъ? Вы дали мнѣ слово познакомиться съ моимъ семействомъ; идемте вмѣстѣ.... Я цѣлый день провелъ на охотѣ, только теперь возвращаюсь домой, и очень радъ спутнику.

Дѣлать было нечего. Покуда шли мы, онъ разспросилъ меня: по собственному ли я желанію, или по чьему-нибудь порученію снимаю виды въ его усадьбѣ. Вообще я замѣчалъ, что ему это было пріятно, и что онъ считалъ меня настоящимъ художникомъ.

Я постарался объяснить ему, какъ могъ, кто я, и какое мое положеніе въ свѣтѣ. Онъ сказалъ мнѣ на это, что нѣсколько помнитъ отца моего, похвалилъ меня за мою благородную страсть къ живописи, и однакожь со всѣмъ тѣмъ я замѣтилъ, что онъ вдругъ сталъ холоднѣе со мною, и въ продолженіе остальнаго нашего пути разговаривалъ только съ своею собакою.

Я понялъ, что онъ недоволенъ зачѣмъ познакомился съ такимъ незначительнымъ лицомъ, какъ я?... но бѣжать мнѣ было поздно, мы были уже только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ яркоосвѣщеннаго его дома.

Опять зашумело у меня въ головѣ, забилося страшно сердце... И какъ вошелъ я туда? какъ очутился въ великолѣпной его залѣ, въ сообществѣ двухъ дамъ? и что говорили онѣ, что отвѣчать я?... рѣшительно не помню. Знаю только, что меня обдало ароматомъ, ослѣпило светомъ, блескомъ золота, цвѣтовъ, какого-то волшебства; что вскорѣ, которая-то изъ двухъ дамъ развернула передо мной раззолоченную книжку съ женскими портретами, — и я нашелъ бы истинное удовольствіе въ разсматриваніи ихъ, еслибъ не смущало меня присутствіе этихъ двухъ дамъ, которыя указывали мнѣ на нѣкоторыхъ изображенныхъ тутъ красавицъ, почти совершенно обнаженныхъ.

Въ слѣдствіе этой странности, мнѣ даже пришла такая дикая мысль, что самому себѣ стыдно въ ней признаться.

Мнѣ довелось какъ-то прочитать путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи. Въ глазахъ моихъ была вся роскошь аѳинская, и мнѣ вдругъ представилось, что эти особы были нѣчто въ родѣ Аспазіи или Фрины, и я не смѣлъ взглянуть на нихъ, смутно боясь, чтобы очарованіе глазъ не коснулось и разсудка. Каждую минуту готовъ я былъ вскочить съ мѣста и бѣжать вонъ, и очнулся только при звукѣ мужскаго голоса, произнесшаго громко подлѣ меня: *прикажете чаю?* Я оглянулся и увидѣлъ слугу съ блестящимъ подносомъ въ рукахъ, и одѣтаго такъ, какъ въ нашемъ городкѣ одѣваются только женихи подѣ вѣнецъ; онъ даже былъ въ бѣлыхъ перчаткахъ. Тутъ представилось мнѣ, какъ смѣшонъ и неприличенъ долженъ былъ казаться имъ мой сѣрый нанковій сюртучекъ, которымъ я еще недавно такъ любовался. Эта мысль довершила мое смятеніе, и съ трудомъ выпивъ чашку чаю, я не могъ долѣе оставаться тамъ.

Помню, что меня удерживали, приглашали придти опять, приходите чаще, даже сказали: непременно, непременно приходите.

Я спотыкался, цѣплялся, насилу попалъ въ дверь, и думаю, что надолго оставилъ имъ смѣшное воспоминаніе.

Ужъ только подходя къ хутору, освѣжилась моя голова, когда выбѣжали мнѣ навстрѣчу наши веселыя дѣвочки, и

каждая, схвативъ меня за руку, упрекала, что я долго загулялся, что онѣ соскучились по мнѣ, что давно ожидаютъ меня набранная ими крупная земляника.

Милыя, невинныя, добрыя творенія! именно съ вами лучше мнѣ, вы ужь любите меня, какъ брата; а тамъ, вѣрно, только смѣются надо мной?...

И вообще я вынесъ какую-то грусть изъ этого великолѣпнаго дома. Мнѣ неловко что-то; точно стало тѣсно и въ головѣ и въ душѣ моей.

Справедливы всѣ наши русскія пословицы, и вотъ эта очень будетъ мнѣ кстати:

Знай сверчокъ свой шестокъ.

«Никогда не пойду туда...»

Но молодой человѣкъ не принималъ въ расчетъ женскаго самолюбія и настойчивости.

Прошло нѣсколько недѣль, въ продолженіе которыхъ Яша, вопреки доводамъ своей матери, твердый въ принятомъ намѣреніи, избѣгалъ всѣхъ возможностей столкнуться съ богатыми своими сосѣдями.

Утро проходило у него или съ кистью въ рукѣ въ его комнату, преобразованной въ настоящую мастерскую живописца, или съ книгою въ оснковой рошѣ, плотно окружавшей со всѣхъ сторонъ ихъ хуторъ. А для вечернихъ своихъ прогулокъ избралъ онъ совершенно противоположный путь отъ богатой усадьбы, который пролегалъ прямо къ синему, въковому бору, и нравилась ему эта сторона невозмутимой тишиной своей. Тамъ льготно было ему предаваться своимъ наблюденіямъ свѣта, тѣней и далей, и эти открытія казались ему истинными сокровищами, которыя на слѣдующее же утро оставались не въ одной уже его памяти.

И тиха, мирна, и даже полна была жизнь его.

Возвращеніе его домой, послѣ нѣсколькихъ часовъ отлучки, было всегда радостію для его домашнихъ.

Заботливая мать ожидала его за ужиномъ или за самоваромъ съ какими-нибудь вновь вымышленными сухариками и кренделями; рѣзвья дѣвочки, свободныя въ эти часы отъ

дневныхъ работъ, выбѣгали къ нему навстрѣчу съ ягодами, васильками, и всегда съ вытверженными уроками, упрашивая его прослушать ихъ передъ ужиномъ и задать новое на завтра.

Удивляли Яшу и радовали способности этихъ двухъ дѣтей пустыни, и онъ съ каждымъ днемъ находилъ все больше и больше удовольствія заниматься съ ними, тѣмъ болѣе, что никто не замѣчалъ, чтобы это отвлекало ихъ отъ домашнихъ обязанностей, а ужъ онъ души не слыхали въ своемъ баринѣ-наставникѣ.

Однимъ словомъ, все шло какъ лучше не надо, и къ довершенію пріятныхъ надеждъ Яши, онъ получилъ длинное письмо отъ своего друга, Семена, въ которомъ, сѣтуя на разлуку ихъ, онъ обещалъ употребить все старанія, чтобы на слѣдующій годъ провести лѣто у нихъ на хуторѣ.

«У меня никогда не было брата, писалъ онъ Яшѣ, но «узнавъ тебя, я ознакомился съ чувствомъ братской любви, и не видать тебя долго, мнѣ мучительно. Отецъ мой суровъ, но «добръ и любитъ меня, и я увѣренъ, что будущую весну «онъ отпуститъ меня къ вамъ...»

— О! тогда, я не знаю, кто бъ могъ быть счастливецъ меня, сказалъ Яша, прочитавъ матери своей письмо Семена, и радостно отозвались эти слова въ сердцѣ доброй матери. Сынъ ея доволенъ своимъ положеніемъ, чего жъ ей больше? и она начала забывать свое полугоре, что Яшенька ея не на службѣ.

Разъ Яша возвратился домой съ чудеснымъ букетомъ цвѣтовъ, который поднялъ по дорогѣ къ бору; въ другой разъ съ женскою перчаткой также извлеченной имъ изъ пыли. Это заставило его подумать, что избранное имъ мѣсто прогулки иногда посѣщается жительницами волшебнаго замка, и онъ началъ выходить со двора позднѣе и отыскивать мѣста еще уединеннѣе, что совершенно уже ознакомило его съ окрестностями того края, уразнообразило его прогулки и обогатило портфель его, назначенный въ подарокъ Семену, когда тотъ пріѣдетъ на хуторѣ.

Однажды, еще поздне обыкновеннаго, возвращаясь домой, и какъ всегда, встрѣченный своими словоохотливыми ученицами, онъ на этотъ разъ не вдругъ понялъ ихъ лепетанье. Дѣло шло ужъ не объ выученныхъ урокахъ, но онъ наперерывъ разсказывали ему о двухъ барыняхъ-красавицахъ, ласковыхъ, нарядныхъ, которыя подарили имъ ленты, платочки шелковые съ себя, велѣли къ себѣ приходиться, посулили конфетовъ и цвѣтовъ....

Мать свою нашель онъ также въ восхищеніи и удивленіи отъ пріятности богатыхъ своихъ сосѣдокъ, вздумавшихъ навѣстить ее, бѣдную вдову, подъ соломенную крышею.

— И меня зазываютъ къ себѣ, Яшенька, говорила она съ видомъ невиннаго тщеславія; а тебѣ ужъ чрезвычайно пѣнаютъ, что не хочешь совсѣмъ ихъ знать! Мнѣ-то ужъ куда, старухѣ, а тебѣ, душа моя, удивляюсь, что ты отъ нихъ словно прячешься, — это ангелы Божіи. Знакомство съ такими добрыми и знатными господами дѣло не малое, мой другъ Яша. Я обѣщала имъ, что завтра же пришло тебя.

— Эхъ, маменька, напрасно, отвѣчала Яша, въ первый разъ въ своей жизни недовольный матерью, и весь остатокъ вечера былъ самъ не свой.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

МОСКВИТЯНИНЪ.

1854.

№ 20.

ОКТАБРЬ.

Кн. 2.

СТАРЫЙ ДРУГЪ ЛУЧШЕ НОВЫХЪ ДВУХЪ.

ПОВѢСТЬ.

Посвящается Н. Д. П—ву.

ГЛАВА I.

— Ну, мы теперь одни, говори, что у тебя тамъ за тайна?

— Я влюбленъ....

— Это для меня не новость, мой милый; только остается узнать въ который разъ, и въ кого?

— Ты не отгадываешь въ кого?

— Почти отгадываю; то-есть навѣрное въ танцовщицу или актрису, какъ съ нѣкотораго времени вошло въ моду у вашей братьи новичковъ.

— Худо-же ты меня знаешь, Алеша, если думаешь, что я могу влюбиться въ такую женщину.... Я не такъ рожденъ и не такъ воспитанъ, мой милый!

— Не горячись, Володя, и не говори, пожалуйста, пошлостей. Ты рожденъ какъ всь, и воспитанъ какъ многіе. А что касается до закулисныхъ героинь, то хотя я и самъ до нихъ не охотникъ, однакожь не произнесу такого рѣшительнаго приговора на все это сословіе вообще. Въ рѣдкой женцінѣ,

повѣрь мнѣ, не найдется отголоска для того, кто истинно ее полюбитъ. А дѣло въ томъ, что ихъ не любятъ, а только волочатся за ними. Но скорѣй къ развязкѣ твоего романа. Смотри, ужь за полночь, и мнѣ смертельно хочется спать: ну живо, называй свою милую или жестокою... да и убирайся домой.

Такъ разговаривали двое молодыхъ людей; одинъ въ халатъ, лежа на диванъ, другой расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, въ дорожномъ платьѣ и въ замѣтномъ волненіи. Это происходило въ холостой квартирѣ отставнаго гусарскаго ротмистра Алексѣя Петровича Раздумина, а собесѣдникъ его, былъ его родственникъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ-трехъ не болѣе, маменькинъ сыночекъ, Владиміръ Ивановичъ Леонидовъ. Раздуминъ любилъ его особенно, и какъ человѣкъ уже болѣе пожившій, старался совѣтами своими возвращать на прямой путь жизни, съ котораго то и дѣло сбивался его воспитанникъ. Тотъ, какъ видно наскучивъ частыми предостереженіями своего Ментора, началъ съ нѣкоторыхъ поръ рѣже ему показываться и скрывать многое изъ своихъ походовъ.

— Или ужь отложи до завтра свой рассказъ, прибавилъ Алексѣй Петровичъ, не дождавшись отвѣта отъ взволнованнаго молодаго человѣка.

— До завтра! повторилъ тотъ съ горькою усмѣшкой, остановясь противъ своего хозяина и скрестивъ руки на груди: — да развѣ я вынесу еще эту муку до завтра?... Да и я сказалъ тебѣ, Alexis, что нынче въ ночь, таки прямо отъ тебя, я ѣду на всю зиму въ деревню къ матери; она непременно этого хочетъ. Я и почтовыми лошадямъ велѣлъ пріѣхать сюда; стало-быть некогда откладывать, и ты волей или неволей, а долженъ меня выслушать.

— И исторія будетъ продолжительна?

— Да, порядочно.

— Ну такъ позволь мнѣ прежде распорядиться.

Алексѣй Петровичъ позвонилъ, спросилъ стаканъ лафиту, сигаръ, велѣлъ поправить лампу, велѣлъ людямъ прилечь, и поймавъ на ходу за руку взволнованнаго молодаго человѣка,

усадилъ его подлѣ себя на диванъ, сказавъ ему полу серьёзно, полу шутя:

— Сейчасъ говори, или убирайся вонъ.

— Я влюбленъ, — началъ опять Леонидовъ.

— Да я ужь это слышалъ! почти съ досадою сказалъ Раздуминъ; — договаривай въ кого, если это входитъ въ составъ твоей исторiи.

— Въ Кривскую, Вѣру Егоровну, робко отвѣчалъ молодой человекъ.

— Какъ! въ вѣчно молодую вдову? Ну, поздравляю, братъ, убилъ бобра!... не даромъ же ты пропадалъ у меня съ глазъ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Это правда, что ей двадцать девятый годъ, отвѣчалъ, нахмурясь, Леонидовъ; но если она лучше всѣхъ восемнадцатилѣтнихъ, такъ что жь до этого?

— Да, ей былъ двадцать девятый годъ лѣтъ десять тому назадъ.... Но это бы все не бѣда, и я готовъ согласиться съ тобою, что если женщина хороша, умна и любезна, то очень можетъ нравиться и въ этомъ возрастѣ; но дѣло вотъ въ чемъ, что твоя Вѣра Егоровна, какъ слышу отъ всѣхъ, никогда не была хороша, больше хитра чѣмъ умна, и престрашная кокетка. Ты не сердись, Володя, я привыкъ тебѣ правду говорить. Мнѣ жаль тебя, право жаль.... если ты попадешься въ сѣти.... Я много слышалъ про ея продѣлки.... Берегись, Володя.

— Какъ видно, ты совершенно ее не знаешь, и только увлекаешься разсказами тѣхъ, которые мстятъ ей клеветою за ея холодность къ нимъ. Я думалъ найти тебя справедливецъ и сограждательнѣе къ беззащитной женщинѣ.

— Ну, конечно! ты ужь и заговорилъ ея языкомъ!... То-то, думаю: гдѣ пропадаетъ мой Владимiръ? а онъ, бѣдный, въ силки запутался!... Ахъ, Володя, Володя, надуешь она тебя!

— Я женюсь на ней, — съ достоинствомъ и нѣсколько сухо отвѣчалъ молодой человекъ; — и вотъ тебѣ доказательство. Онъ показалъ на груди своей миниатюрный портретъ на волосаномъ шнуркѣ.

— Вижу, вижу, и очень вѣрно, что портретъ ея, — очень

★

равнодушно отвѣчалъ Раздуминъ, — только отъ женщины такого рода это ровно ничего не доказываетъ.

— Послушай, Раздуминъ, вспыхнувъ и взглянувъ на него грозно сказалъ Леонидовъ, — еще одно колкое слово — и я забуду и родство и дружбу нашу.

— Полно врать-то, Володя! преспокойно отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ; — слишкомъ смѣшны между нами такія рыцарскія выходки: ты очень знаешь, что изъ одной забавы я не сталъ бы тебѣ говорить непріятное, и надѣюсь, ты понимаешь также, что твои угрозы ни въ какомъ случаѣ не заставятъ замолчать меня, особенно когда я думаю, что слова мои могутъ принести тебѣ пользу.... Но не желая разстроивать тебя на дорогу, тѣмъ болѣе, что на время ты будешь въ безопасности, я только спрошу тебя: когда жъ назначена у васъ свадьба?

— Тогда, когда она совершенно увѣрится въ постоянствѣ чувствъ моихъ, нѣсколько смѣшавшись сказалъ молодой человѣкъ.

— А на какой срокъ это испытаніе?

— Ну, можетъ, полгода.... годъ....

— То-то ужъ не безсрочное ли, Володя, потому что женщины такого рода, какъ....

— О! ты опять за свое! — перебилъ его Леонидовъ, — и не даешь мнѣ высказать тебѣ мою просьбу; а мнѣ право пора.... слышишь, вотъ и почтовые лошади пріѣхали. Онъ подошелъ къ окну и отворилъ форточку; — въ самомъ дѣлѣ лошадиный топотъ и говоръ ямщика съ его слугою послышались на дворѣ.

— Что, скоро что ль поѣдете? спрашивалъ ямщикъ.

— А тебѣ что? отвѣчалъ слуга: — какъ сядемъ, такъ и поѣдемъ.

— Больше часа не слѣдъ намъ дожидаться, продолжалъ ямщикъ.

— Вотъ-те на! что выдумалъ! и два подождешь.

— Нѣтъ, не станемъ ждать, воля ваша, сударь.

— А нагайка-то на что? сказалъ, храбрясь, слуга.

— Нѣтъ, баринъ, нынче ямщиковъ-то бить не приказыва-

ваютъ, отвѣчалъ ямщикъ очень равнодушно; а развѣ вотъ рюмочку поднесете.

— А мнѣ изъ-за чего? — развѣ я по своей воли ѣду что ли? Еще тебѣ скорѣе слѣдъ поднести мнѣ.

— Вося!... А за какую повинность подносить-то мнѣ вамъ?

— А за то, чтобъ я тебя не погонялъ, да на водку даль бы побольше.

— А развѣ вы деньгами-то распоряжаетесь?...

— А кто жь?... Неужто самъ баринъ?...

— Такъ-съ.... такъ пойдете, сказалъ ямщикъ, почесывая затылокъ: — распивная недалеко, можно пивца выпить, только къ лошадамъ кого приставьте....

— Мошеникъ Аюонька!... сказалъ Леонидовъ, готовый бѣжать, чтобъ остановить своего камердинера.

— Оставь ихъ, Владиміръ, сказалъ Раздуминъ: — неужели для тебя новость маленькія шалости нашей прислуги? только намотай себѣ это на усь, да впередъ не позволяй обижать попустому ямщиковъ. Да и вообще возьми себѣ на замѣчаніе замашки твоего Аюоньки: это замѣчаніе тебѣ и въ хозяйственномъ быту не будетъ лишнее.... Но я жду: о чемъ же ты хотѣть просить меня?... Да чтожь, мой милый, прибавилъ онъ, не дождавшись ничего, — самъ торопишься и мамлишь.

— Да я боюсь, рѣшился наконецъ сказать Леонидовъ, чтобъ ты не получишь обо мнѣ невыгоднаго мнѣнія....

— Объ этомъ слѣдовало подумать прежде.... ну, говори же, Володя, право, истомилъ совсѣмъ.

— Я прежде любилъ другую, — началъ Владиміръ, запинаясь.

— И разлюбилъ, докончилъ Алексѣй Петровичъ, — ну чтожь, дѣло очень обыкновенное. Что же далье?...

— Но она.... она все еще любитъ меня....

— Но ктожь эта, она?

— Ахъ, мой другъ, молодая, благородная дѣвушка, прекрасная, милая, добрая и — очень бѣдная.

— Хороша, добра, любитъ и бѣдна, — и ты могъ разлю-

бить ее, Леонидовъ!.. Но объясни мнѣ причину твоего разрыва съ нею?

— Разрыва у насъ не было...

— Такъ какъ-же это?

— Я пересталъ бывать у ней.

— Чтожь она?

— Давно не знаю о ней ничего; но думаю, что навѣрное въ отчаяніи, и терзаюсь страшно.

— Терзаешься?... для чего жь не навѣстишь ее?

— Не могу, — я даль клятву не видать ее больше.

— Кому клятву? твоей вдовѣ? Ну, братъ, я смѣло беру на себя разрѣшить тебя отъ этой клятвы.

— Но она поклялась, что тогда не захочетъ меня видѣть....

— О, тѣмъ лучше для тебя!

— Но я не могу жить безъ нее, — я умру непременно!...

— По мнѣ, ужь лучше умереть, чѣмъ быть такимъ флюгеромъ какъ ты!.. Извини меня, мой милый.... твой поступокъ.... прескверный...

— Я и не оправдываю себя.... но я думалъ найти утѣшеніе у тебя, а ты меня вовсе не любишь, Алексѣй. И молодой человекъ опять заходилъ по комнатамъ неровными шагами и даже отеръ нѣсколько слезъ.

— Никакъ рюмишь? — по-дѣломъ, братъ, по-дѣломъ, очень серьезно сказалъ Алексѣй Петровичъ. — Но я все еще не слышу чего ты хочешь отъ меня? прибавилъ онъ довольно холодно.

— Я хочу просить тебя, чтобъ ты, по моемъ отъѣздѣ, навѣстишь ее.

— О, нѣтъ, избавь меня, сдѣлай милость.

— И ты рѣшительно мнѣ отказываешь? блѣднѣя спросилъ Леонидовъ.

— Я не терплю кокетокъ.

— Но эта не кокетка, — сорвалось съ языка молодого человека.

Раздумивъ улынулся такому невольному сознанию.

— А! ты говоришь о бѣдной дѣвушкѣ? сказалъ онъ; —

пожалуй, къ этой я готовъ идти, только по какому поводу, — лобопытно узнать?

— Какъ родственникъ, какъ другъ мой, ты скажешь ей, что непредвидѣнные обстоятельства разрушаютъ наши надежды; что я принужденъ оставить Петербургъ.... Скажи что хочешь; только не говори настоящей причины: это ее убьетъ непременно.

— Ты такъ увѣренъ, что твоя измѣна должна ее убить, и все-таки рѣшаешься ее покинуть?... Ну, признаюсь, я думаю о тебѣ иначе!

— По развѣ можно владѣть своимъ сердцемъ? съ какимъ-то воплемъ возразилъ Леонидовъ.

— И можно, да и должно, — отвѣчалъ почти сурово Раздуминъ. — И непонятно мнѣ, продолжалъ онъ, какъ достаетъ глазъ для другихъ женщинъ у того, кто, полюбя, имѣлъ счастье быть также любимымъ.... Какъ не понять, что искренняя привязанность есть сокровище неоцѣненное, и къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдкое; и вмѣсто *спасибо* за то что любилъ тебя, — разбить сердце бѣдной женщины?... и все это для минутной прихоги какой-нибудь кокетки! Право это страшное дѣло.... Вѣдь ты говоришь, что любилъ эту добрую дѣвушку: расколуй, какъ же ты могъ полюбить вдругъ другую?

— Да, я любилъ ее долго, но то было чувство спокойное, болѣе дружеское, а эту я любилъ безумно, страстно!

— Необъяснимо сердце человеческое! вздохнувъ сказалъ Алексѣй Петровичъ, и вслѣдъ за тѣмъ, затаившись сигаркой и прилебнувъ лафитомъ, молчалъ нѣсколько минутъ.

— Ну хорошо, сказалъ онъ потомъ, я навѣщу ее; дай адресъ.

Леонидовъ написалъ его карандашомъ на вырванномъ листкѣ пергамента изъ записной книжки; потомъ, вынувъ изъ бумажника нѣсколько двадцати пяти рублевыхъ билетовъ, подалъ все это Алексѣю Петровичу.

— Отдай ей эти деньги, мой милый Алексѣй, сказалъ онъ съ какою-то неумѣстною торжественностью; это покуда все, чѣмъ могу располагать; она, вѣрно, нуждается въ день-

гахъ... она нѣсколько горда, можетъ, будетъ отказываться, — уприси ее принять этотъ подарокъ отъ друга.

Владимиръ такъ растрогался своимъ собственнымъ великодушiемъ, что готовъ былъ зарыдать, и кинулся обвинять своего родственника.

— Отъ друга?... протяжно повторилъ Алексѣй Петровичъ, освобождаясь изъ его объятiй.

— Теперь прощай, мой милый, добрый Алексѣй, говорилъ Леонидовъ, обнимая его еще крѣпче.

— Пѣть, не прощай еще, — отвѣчалъ Раздуминъ: — ты долженъ прежде рассказать мнѣ все подробности твоихъ отношенiй къ Кривской, и именно, какимъ образомъ ты попался въ ея тенѣты. Присядь-ка и начинай.

Леонидовъ съль, видимо неохотно.

— Она нѣсколько не думала ловить меня, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторой досадой: — это все сдѣлалось независимо отъ насъ обоихъ. Я встрѣчалъ ее у моей матери въ то самое время, когда она никакъ не соглашалась позволить мнѣ жениться. Я былъ всегда грустенъ. Вѣра Егоровна! это замѣтила, приняла во мнѣ участiе, и по этому поводу я началъ бывать у ней, — и кончилось тѣмъ, что теперь не могу жить безъ нея. Но еслибъ ты зналъ, что это за женщина? съ какимъ терпѣнiемъ, съ какимъ участiемъ она выслушивала безконечные рассказы мои, какъ утѣшала меня!... какъ увѣщевала не играть сердцемъ бѣдной дѣвушки; прекратить съ нею свиданiя, покориться матери, которая, не смотря на все ея убѣжденiя, упорствовала въ своемъ отказѣ. — Что жъ оставалось мнѣ дѣлать: Вѣра Егоровна плакала вмѣстѣ со мною, утѣшала, ласкала меня — какъ сына, какъ друга.... и я очнулся! я понималъ наконецъ, что я страдаю не отъ разрушенiя первой, фантастической моей любви, а отъ настоящей, неборимой страсти къ ней, къ моей Вѣрѣ, хранительницѣ моей.

— И во всемъ этомъ она умѣла увѣрить тебя, бѣдный юноша! — грустно смотря на него и покачивая головою, сказала Раздуминъ. — Нечего сказать, ловкая барыня!... только я все-таки не понимаю, съ какою цѣлью она такъ маневрировала? прибавилъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой.

— Что ты этимъ хочешь сказать? оскорбясь спросилъ Леонидовъ. — Цѣль у насъ съ нею одна: любовь и бракъ....

— Отложенный на неопредѣленное время! договорилъ Раздуминъ. — Нѣтъ, братъ, дудки!... не пойдетъ она за небогатаго, будь въ томъ благонадеженъ.

— Господи, Боже мой! вскочивъ, съ досадою, съ своего мѣста, вскричалъ Леонидовъ: — да чѣмъ же мнѣ тебя увѣрить, что ты безсовѣстно клеветашь на сердце этой превосходной женщины?

— Не бери этого и труда, мой милый!.. а я все-таки посоветовалъ бы тебѣ остаться до завтра, и самому навѣстить свою *первую, настоящую любовь*.

— Нѣтъ это ужъ дѣло рѣшенное, — отрывисто возразилъ Леонидовъ; — я полагаюсь на твое обѣщаніе.... я слишкомъ новатай передъ нею, и у меня не хватаетъ духу видѣть ее... Прощай, мой милый Алексѣй! не поминай меня лихомъ.

— Владиміръ! слезы несчастной дѣвушки падутъ на твою совѣсть!... закричалъ вслѣдъ ему Алексѣй Петровичъ. Возвратись, Володя! одумайся!... мнѣ жаль тебя.

— Прощай!.. будь здоровъ, послышалось изъ лакейской, — и тотчасъ зазвенѣли бубенчики почтовой тройки, отъѣзжающей во всю рысь отъ крыльца квартиры Раздумина.

— И я любилъ этого бездушнаго! проговорилъ отставной ротмистръ, бросая на полъ недокуренную сигарку; потомъ выпилъ для оттяжки непріятныхъ впечатлѣній стаканъ лафиту, легъ въ постель, — и окончательными мыслями его было: что молодой родственникъ его, Владиміръ Леонидовъ, еще болѣе жалокъ чѣмъ бездушенъ, и еще болѣе глупъ, чѣмъ жалокъ.

ГЛАВА II.

По парадной лѣстницѣ одного изъ самыхъ высокихъ домовъ въ Петербургъ взбираются медленно двѣ женщины; одна изъ нихъ очень молоденькая и миловидная, хотя нѣсколько блѣдная и худощавая; другая, преклонныхъ уже лѣтъ, и повидимому больная, если судить по тощей, согбенной ея

фигуръ и большому зеленому зонтику надъ ея глазами, скрывавшему совершенно лицо ея.

Зимняя одежда этихъ двухъ женщинъ не совсѣмъ бѣдна, но и не щеголеватая, молодой особенно: ей какъ будто должно быть холодно въ ея черномъ суконномъ бурнусѣ и розовой атласной шляпкѣ, нѣсколько уже полинялой; на старушкѣ очень порядочный лисій салопъ и черный шелковый капоръ.

Онѣ останавливаются на каждой площадкѣ. Старушка, трудно переводя духъ, опирается тогда всѣмъ тѣломъ о молодую свою спутницу, которая, обнявъ и прижимая ее къ себѣ одною рукою, — другой или третью ей виски, или подноситъ къ носу ея сткляночку со спиртомъ, и потомъ онѣ опять продолжаютъ свое трудное шествіе. На лицѣ молодой видно столько душевнаго страданія, что даже *равнодушіе къ ближнимъ*, которымъ такъ хвалятся закоснѣлые эгоисты, при взглядѣ на нее уступало мѣсто состраданію, или хотя простому любопытству. По крайней мѣрѣ, одна свѣтская, одѣтая по послѣдней модѣ, дама, вышедшая изъ богатой квартиры въ бель-этажъ, въ самую ту минуту, когда онѣ остановились на площадкѣ лѣстницы, — пріостановилась и спросила съ видомъ сожалѣнія: Верно нездорова?... Отвѣта она не дослушала, и начала спускаться по ступенямъ, поддерживаемая ливрейнымъ лакеемъ.

Наконецъ въ добрыхъ четверть часа дошли наши путницы до четвертаго этажа. По счастью, небольшая квартира ихъ была ближайшею къ лѣстницѣ, а то бѣдная больная не въ состояніи уже была сдѣлать ни шагу болѣе, и почти бездыханная повалилась на свою кровать, какъ была, во всей своей зимней одеждѣ.

Вся квартира заключалась въ одной большой, перегородженной комнатѣ, да смежной съ нею кухни, изъ которой прямо былъ выходъ на черную лѣстницу, какъ водится, темную и очень неопрятную. За нишею, двѣ кровати рядомъ; между ними умывальный столикъ, въ сторонѣ комодъ съ бѣльемъ; въ углу кивотъ съ образами, а въ такъ называемой гостиной, то-есть за перегородкою, клеенчатый диванъ, передъ нимъ овальный столъ подъ красное дерево; полдюжины

плетеныхъ соломенныхъ стульевъ, да еще рукодѣльный столикъ съ принадлежностями для шитья, — вотъ и вся обстановка гостиной. Стѣны, оклеенныя довольно еще свѣжими голубыми обоями, не слишкомъ истертый крашеный полъ, два окошка довольно свѣтлыя, безъ драпировокъ, но съ зелеными сторами, — вотъ все прїятности этого жилища. — Въ кухнѣ, какъ водится, чистая кадочка съ водою, покрытая деревяннымъ кружкомъ; на полкахъ нѣсколько мѣдной и каменной посуды, только самой необходимой; нѣсколько вязанокъ дровъ; въ одномъ уголкѣ небольшой, простой шкафъ для платья; въ другомъ залавокъ и бѣлый деревянный столъ, — вотъ все имущество жилища. Вездѣ чисто, прибрано, но не видно слѣдовъ какой-нибудь прислуги.

Уложивъ старушку, молодая подруга ея, дѣвушка лѣтъ семнадцати, проворно сбросила съ себя шляпку и бурнусъ, и кинулась въ кухню, изъ которой тотчасъ же возвратилась съ бутылкою и рюмкою, спѣша дать выпить немного вина ослабѣвшей своей спутницѣ.

— Спасибо, моя добрая Соня, сказала та, возвращая ей опорожненную рюмку:— признаюсь, съ удовольствіемъ выпила; но откуда жъ ты достала вина? вѣдь я намеренн послѣднюю рюмку допила. Ужъ ты не продала ли чего съ себя, мой другъ?

— И нѣтъ, тетенька, но я было забыла тогда, что у насъ оставалась еще непочатая бутылка, которую давно принесъ для васъ...

— Владиміръ Ивановичъ, договорила больная.

— Да, отвѣчала очень тихо Соня, и убравъ къ мѣсту разбросанные бурнусъ и шляпку, съѣла, подгорюнясь, у рукодѣльнаго своего столика подъ окошкомъ. Объ долго молчали, какъ бы общая тяготящая на нихъ мысль мѣшала имъ разговаривать.

Тетка, постоянно страдавшая глазами, почти уже слѣпал, давно не видала хорошо лица своей племянницы, а то содрогнулась бы она: какъ измѣнилась въ какіе-нибудь два мѣсяца ея добрая Софья! Прежде круглое, пухленькое, розовое ея личико, приняло теперь почти овальную форму, и лиліи на немъ раздружились съ розами. Потускли отъ слезъ тем-

ные блестящие глаза ея; завяли губы; черные волосы какъ будто потеряли блескъ свой, и какъ-то небрежно собраны были подъ гребенку; темное шерстяное платье уже не обрисовывается, какъ прежде, красиваго ея стана: оно стало широко ей, только черный коленкорový фаргучекъ, стянутый около талии, нѣсколько скрываетъ этотъ недостатокъ. Впрочемъ, Софья едва ли и замѣчаетъ его; едва ли замѣтила она, что ея руки, такъ недавно прекрасныя и бѣлыя какъ алебастръ, теперь красны, грубы. Но еслибъ даже и сказали ей, что она подурнѣла, едва ли огорчилась бы тѣмъ Софья, — ей не до того: ей некогда о себѣ думать. Она въ безпрестанной заботѣ о своей больной теткѣ, она бодро и живо дѣйствуетъ. Отчего жъ на молодомъ лицѣ ея не видно уже жизни? Неужели жизнь ужъ успѣла обмануть ее?

— Сонечка! сказала черезъ нѣсколько времени больная: — раздѣнь меня, мой другъ, я совсѣмъ лягу въ постель, и кажется на весь день. Нѣтъ, ужъ силъ моихъ не достаетъ ходить къ нашему доктору; и у него-то, на бѣду мою, лѣстница не многимъ чѣмъ покороче нашей, да и что пользы-то? Лучше оставить все на волю Божию. Ослѣпну совсѣмъ: такъ тому и бытъ. Все равно, я и теперь ужъ ни себѣ, ни людямъ ни на что не гожусь. Только тебя, мое сокровище, обременяю собою, а умереть все не хочется. Сграшно!.. на кого тебя оставишь? А ужъ сама вижу, что тяжело тебѣ со мною.

— Полноте такъ говорить, мой другъ тетенька, глотая слезы и ухаживая около нея возразила дѣвушка: — и какъ вы можете думать, что обременяете меня собою? Развѣ вы, когда были здоровы, не дѣлали все на свѣтъ для меня? Вѣдь я досталась вамъ малюткою; вы выросли, учили меня, заботились обо мнѣ. Могу ли я теперь считать за тягость ухаживать за вами, когда вы нездоровы!

— Да развѣ это одно, мой другъ?.. Вѣдь я вижу, какъ ты всѣ ночи просиживаешь за работой. Вѣдь я понимаю, что еслибъ ты не распродала всего съ себя, то я не могла бы имѣть ни этого покою, ни все то, что по болѣзни моей мнѣ предписано. Богъ благословитъ тебя, Соня! И больная, сложивъ руки, мысленно молилась.

— Который теперь часъ, Сонечка? спросила она потомъ.

Дѣвушка проворно вскочила на окошко, высунула голову въ открытую форточку, посмотрѣла на часы у колокольни Николы Морскаго, и отвѣчала: половина второго, тетенька.

— Подай-ка мнѣ часы сюда, дружокъ, сказала тетка:—хоть плохо вижу, а все какъ будто веселѣе посматривать на нихъ.

Дѣвушка замялась. — Я отдала ихъ повѣрить, тетенька, отвѣчала она нерѣшительно.

— Ахъ Соня, Соня! сказала жалобно больная: — ты видно и ихъ продала, мой другъ? послѣдняя вещь, которая оставалась у тебя послѣ матери! Ахъ, Сонечка, и все это для меня!

Софья старалась успокоить свою тетку, увѣряя, что часы не пропадутъ, что со временемъ ихъ можно выкупить.

— Не прочесть ли вамъ что-нибудь, тетенька? спросила она, желая развлечь ее отъ непріятнаго впечатлѣнія; — я попрошу книжку у хозяйки.

— Пожалуй, душенька, я рада послушать.

Дѣвушка принесла книгу и начала читать слѣдующее:

«Моя память теперь ничто иное, какъ могила давно минувшаго счастья, и хоть и лучше было бы для меня умереть, чѣмъ влачить жизнь безцвѣтную, но душа моя не отворачивается отъ предстоящаго мнѣ безконечнаго горя: она съ любовію пріемлетъ крестъ, ей назначенный Премудрымъ Промысломъ, и въ самомъ несчастіи обрѣтаетъ предвкушеніе блаженства неизглаголаннаго.»

Послышались чьи-то шаги на лѣстницѣ. Эго не могло показаться страннымъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ говорится, люди словно основу спуютъ, но Софья почему-то вдругъ притихла, начала прислушиваться, и вдругъ вспыхнула и вскочила съ своего мѣста.

— Что жъ, продолжай, другъ мой: мнѣ понравилось, сказала тетка.

Въ эту минуту постучались тихонько въ ихъ дверь, у которой не было звонка. Ноги подкашивались у бѣдной дѣвушки, когда она подходила, чтобъ отпереть, дыханье занялось; она повернула ключъ и оперлась рукой о притолку.

Вошелъ какой-то незнакомецъ.

— Здѣсь ли квартируетъ Г-жа Зальсская?... почти робко спросилъ онъ.

— Здѣсь, отвѣчали ему два дрожащихъ голоса вмѣстѣ.

— Вы, сударыня, ея племянница? всматриваясь съ участіемъ въ молодую дѣвушку, спросилъ незнакомецъ.

— Да... вымолвила она, и закрывъ обѣими руками лицо, громко зарыдала.

— Соня, Соня! что съ тобой? послышался изъ-за перегородки голосъ встревоженной больной: — Соня, поди ко мнѣ.

Но бѣдное дитя, упавъ на стулъ, оплакивала обманутую свою надежду.... Она думала увидѣть знакомое ей лицо.

— Успокойтесь, ради Бога, говорилъ ей незнакомецъ, готовый, казалось, самъ заплакать съ нею. Мнѣ поручилъ навѣстить васъ родственникъ мой, Леонидовъ.

При этомъ имени дѣвушка всгрѣпенулась.

— Онъ живъ! вскричала она, всплеснувъ руками:— благодарю Тебя Господи!... Здоровъ ли онъ? что съ нимъ? гдѣ онъ? когда будетъ къ намъ? спрашивала она, уже забывая горе.

— Какъ она его любитъ! всѣ мысли только о немъ, сказала неволью незнакомецъ.

— О! о себѣ я давно забыла думать, отвѣчала на это Софья. Скажите, продолжала она, не скрывайте отъ меня ничего, я все вынесу: онъ боленъ?... нѣтъ.... такъ что же.... неужели онъ?... Она не договорила самаго для нея страшнаго вопроса и съ невыразимою тоскою смотрѣла на незнакомца.

— Онъ здоровъ, — поспѣшилъ сказать Раздуминъ, котораго, конечно, узналъ уже читатель.

— Такъ какое жъ горе принесли вы мнѣ? спросила дѣвушка, не спуская глазъ съ него. Я вижу, вы не рѣшаетесь сказать мнѣ.

— Соня!... сказала слабымъ голосомъ тетка: — попроси ихъ войти ко мнѣ.

Алексѣй Петровичъ поспѣшилъ исполнить желаніе больной. Софья пошла за нимъ.

— Я прошу васъ передать мнѣ порученіе господина Леонидова, сказала ему старушка.

— Онъ увѣхалъ... началъ было Раздуминъ.

— И не простился даже со мной!.. докончила дѣвушка съ какой-то истерической усмѣшкою.

— Оставь меня говорить, Сонюшка, — нѣсколько строго сказала больная. Не дѣлайте о насъ невыгодныхъ заключеній, продолжала она, обращаясь къ Раздумину, — мы какъ роднаго любили вашего родственника Владиміра Ивановича, и вѣрили его честному слову.

— Вамъ нѣтъ надобности оправдывать въ глазахъ моихъ вашего участія къ нему, — сказалъ Алексѣй Петровичъ, съ уваженіемъ цѣлуя руку старушки, — я знаю всѣ ваши отношенія и желалъ бы принести вамъ вѣсть болѣе утѣшительную.

— Тетенька, сказала настоятельно молодая дѣвушка, — позвольте мнѣ говорить: мнѣ надо узнать все; мнѣ будетъ легче тогда.... не то я могу задохнуться отъ тоски.... Если онъ сказалъ вамъ все, продолжала она, обращаясь къ Раздумиву.... то вы знаете и то, какъ я любила его. Вы можете понять какъ измучилась душа моя этой страшной несправедливостью, и если въ васъ есть жалость, вы должны сказать мнѣ всю правду: онъ разлюбилъ меня?... О! скажите мнѣ: или нѣтъ, или да?....

— Обстоятельства заставили его поспѣшить отъѣздомъ... началъ, запинаясь, Раздуминъ, у котораго слезы такъ и навертывались на глаза.

— И не оставили ему ни одной свободной минуты, чтобъ сказать мнѣ последнее прости! прервала рѣчь его Софья. Довольно! я поняла, — все между нами кончено.

Говоря это она была страшно блѣдна, но казалась спокойною.

— Онъ поручилъ мнѣ заботиться о вашемъ спокойствіи во время его отсутствія.... и я прошу позволенія, — сказалъ Раздуминъ.

— Я не требую ничего попеченія, — возразила оскорб-

ленная дѣвушка. Богъ мнѣ свидѣтель, что не приму ничего: тотъ, кого я любила, кому вѣрила, — тотъ забылъ, покинулъ меня; теперь одинъ покровитель мнѣ Богъ,—и она хотѣла уйти. Тетка молча плакала.

— Не убивайте себя такъ,— сказалъ Алексѣй Петровичъ, останавливая ее за руку. Вы все видите хуже, чѣмъ оно есть. Еще все можетъ поправиться; Леонидовъ отлучился по дѣламъ; онъ опять къ вамъ возвратится, онъ поручилъ мнѣ васъ успокоить.

— Вы изъ состраданія говорите не правду, сказала Софья, смотря прямо ему въ глаза. Благодарю васъ и за это. И она пожала ему руку. — Но скажите сами, какія дѣла могутъ помѣшать, два мѣсяца не взглянуть на то, что дорого сердцу.

Раздуминъ не находилъ отвѣта.

— Онъ хорошо зналъ всю безпредѣльность моей привязанности къ нему, продолжала Софья. Онъ зналъ, что для его спокойствія я безропотно вынесла бы и вѣчную съ нимъ разлуку; но по крайней мѣрѣ приготовить меня къ этому слѣдовало ему самому. Я бы благословила его на путь жизни, и спокойно отдалась бы въ волю Бога! а теперь!... теперь мнѣ ужасно!... Я не могу даже сохранить къ нему уваженія. И дѣвушка снова залилась слезами.

— Ради Бога, прошу васъ, считайте меня за роднаго, сказалъ наконецъ Раздуминъ, обращаясь къ теткѣ. Располагайте мною.... Скажите чѣмъ могу служить вамъ?... Вы здѣсь на чужой сторонѣ.... Леонидовъ, продолжалъ онъ нерѣшительно, — поручилъ мнѣ доставить вамъ деньги, которыя осгавался вамъ долженъ....

— Онъ намъ не долженъ ничего, отвѣчала старушка, а еще въ денежномъ отношеніи мы въ долгу у него; мы, считая его уже за семьянина, были не вправѣ отвергать его помощь, — но что я могла принять отъ жениха моей племянницы, того не приму отъ чужаго.

— Вотъ возвратите ему и это, сказала дѣвушка, снимая обручальное кольцо съ руки и подавая его Раздумину;—

и отдавая ему, скажите, что я буду просить Бога, чтобы Онъ не наказывалъ его за меня. Буду просить, чтобы онъ былъ счастливъ и здѣсь... и тамъ! — Прощайте, подавая ему руку, прибавила она: — вы добры... я васъ благодарю за участіе ко мнѣ; но моя душа ужь не ждетъ утѣшенія отъ людей. Мнѣ нужна молитва... а молитва не требуетъ свидѣтелей.

— Общайтесь, что вы позволите мнѣ иногда васъ видѣть, — сказалъ Раздуминъ, и мнѣ будетъ не такъ грустно разстаться съ вами.

— Вы мало найдете удовольствія у насъ, отвѣчала больная, видимо глубоко оскорбленная.

— Тетенька, возразила добрая дѣвушка: — ему не легко было принести намъ такія вѣсти. Вы огорчаете его такимъ отказомъ... Я буду рада васъ видѣть иногда... и тетенька также, я увѣрена... со временемъ, прибавила она.

Алексѣй Петровичъ крѣпко поцѣловалъ ея руку. Больная протянула ему свою дрожащую руку, и они разстались какъ давнишніе друзья.

— Негодный мальчишка! ворчалъ про себя Раздуминъ, спускаясь медленно съ безконечной лѣстницы: — сколько горя надѣлалъ онъ этой прекрасной дѣвухкѣ!... Онъ не сказалъ мнѣ, что былъ уже помолвленъ съ ней... Безсовѣстный!... Какъ мила, какъ благородна эта бѣдная Софья!... Стоилъ ли онъ ея, негодяй!

ГЛАВА III.

Но пора ознакомить читателя съ положеніемъ въ свѣтъ бѣдной Сони и ея тетушки. Начнемъ съ старшей.

Клавдія Петровна Зальсская была старая дѣвица, но не изъ числа тѣхъ неугомонныхъ дѣвъ, которыя до нельзя поджидаютъ жениховъ; нѣтъ, она съ ранней поры пристрастилась къ наукамъ, музыкѣ, птичкамъ, собачкамъ, цвѣтамъ и даже насѣкомымъ, — но свыше всего любила меньшую сестру свою, мать Соню, и пошла, можно сказать, за ней въ приданое,

когда та вышла за-мужъ за одного маіора, квартировавшаго въ ихъ уездъ.—Небогатые помѣщики, родители ихъ, были довольны случаемъ спустить съ рукъ вдругъ двухъ взрослыхъ дочерей, имѣя еще сына, на котораго обращено было все ихъ попеченіе; но вскорѣ, лишившись его, не долго пережили свое горе,—и Клавдія Петровна съ сестрою остались неразлучными.

Отецъ Сони, маіоръ Эланинъ, былъ человекъ отлично добрый, славный служивый, хорошій товарищъ; даже излишне-хорошій, потому что, не смотря на ежегодное приращеніе своего семейства, онъ никакъ не имѣлъ духу перемѣнить свой образъ жизни, и попрежнему съ утра до вечера, за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ толпилась въ его квартиру вся полковая молодежь. Когда онъ умеръ, жена его осталась съ поддюжиною малолѣтнихъ дѣтей и почти столькими же рублями въ карманъ. Правда, офицеры того полка схоронили его на свой счетъ со всеми почестями, но положеніе несчастной вдовы тѣмъ не улучшилось; впрочемъ, она томилась имъ не долго. Съ небольшимъ въ два года крупъ и скарлатинъ уложили въ могилы пятерыхъ дѣтей ея, а вслѣдъ за ними пошла и она на покой вѣчный. Отъ всей семьи уцѣлѣла одна трехлѣтняя Соня, да безутышная тетка ея Клавдія Петровна, которая, обративъ въ деньги незначительное имущество малолѣтней сироты, благоразумно распорядилась ими, купивъ въ томъ же уездномъ городкѣ, гдѣ жили и умерли родители Сони, небольшой домикъ, половину котораго заняли они сами, а въ другую пускали жильцовъ. Этотъ скудный доходъ съ маленькимъ уцѣлѣвшимъ капиталомъ старой дѣвушки, было все, чѣмъ они должны были существовать.

Заклучившись въ совершенное уединеніе, Клавдія Петровна сосредоточила всѣ свои многообразныя привязанности на осиротѣвшей малоткѣ, племянницѣ и свято исполнила эту обязанность. Соня росла и развивалась въ глазахъ ея, какъ драгоценный цвѣтокъ, уцѣлѣвшій послѣ сокрушительной бури, который охраняла она и отъ зноя, и отъ непогоды. Она передала ей съ успѣхомъ всѣ благопріобрѣтенныя свои познанія, приучила ее къ руководѣлю, къ хозяй-

ству, и что всего важнѣе — развила въ ней чувство ко всему доброму, особенно же внушила ей безусловную покорность волю Божіей, — не ознакомила она ее только съ *невѣрностію земныхъ привязанностей*. Но и не могла этого сдѣлать: привязанности ея не измѣнили ей, и потому она вполне сохранила безпечную доверчивость юности.

Единственнымъ и всеневнымъ почитателемъ, совѣтчикомъ, другомъ Клавдіи Петровны былъ нѣкто Иванъ Николаевичъ Напольный, отставной раненый воинъ двѣнадцатаго года, и потомъ служащій въ томъ городѣ по дворянскимъ выборамъ. Этотъ человекъ могъ во всѣхъ отношеніяхъ быть *pendent* доброй старой дѣвицы нашей. Тѣ же понятія о жизни и людяхъ, тѣ же невинные вкусы, та же прямога и честность въ каждой мысли, въ каждомъ поступкѣ, и наконецъ одинаковая безграничная любовь къ молодой сиротѣ Софьѣ, которая, въ свою очередь, не знала другихъ привязанностей кромѣ той, которую чувствовала къ двумъ старымъ друзьямъ своимъ. Она никогда не знала скуки съ ними; напротивъ первую радостью для нея было слушать по цѣлымъ часамъ рассказы о старинѣ, о доблестяхъ и славѣ Русскихъ въ отечественную войну, въ которой принималъ дѣятельное участіе почтенный другъ и баловникъ ея Напольный; онъ рассказывалъ съ такимъ увлеченіемъ о великихъ событіяхъ того времени и благородныхъ подвигахъ соотчичей своихъ, что лицо молодой дѣвушки разгоралось, сердце ускоренно билось, и она съ блестящими и влажными глазами восклицала: О, какъ я рада, что я Русская! какъ счастливы тѣ, которые могутъ принести собою пользу отечеству, и какъ я люблю васъ за то, что вы были на войнѣ, что вы ранены!.. и Иванъ Николаевичъ съ восторгомъ цѣловалъ ручки милой дѣвушки, призывая на юную ея голову всевозможныя блага. Въ другое время смѣшилъ онъ ее до слезъ, вмѣшивая въ разговоры свои исковерканныя французскія фразы, затверженныя имъ еще съ 1814 года, во время пребыванія его въ Парижѣ; но онъ для своей неважной Сонечки готовъ былъ не только представить изъ себя забавника, но хоть въ огонь, хоть въ воду

идти, только бы весело глядѣли на него ея глазки-жгучки, какъ выражался нашъ почтенный воинъ.

Напольному было уже за шестьдесятъ, и не смотря на свое нѣжно-почтительное расположеніе къ прекрасному полу, онъ никогда не былъ женатъ; — но увы! не по собственному отклоненію отъ брачныхъ узъ: его теплая душа жаждала семейнаго счастья, но природа создала его некрасивымъ, фортуна обидѣла богатствомъ, а нравилось ему только истинно прекрасное и благородное, — и онъ, безъ преувеличенія, получилъ тринадцать отказовъ на свой вѣкъ. Другаго ожесточила бы такая неудача, но онъ только поплакивалъ тогда, (такъ рассказывалъ онъ самъ друзьямъ своимъ), и по любви къ справедливости сознавался, что маленькій его ростъ, расплюснутое лицо, большой ротъ и крошечные глаза — не могутъ нравиться женщинамъ, особливо при пусгомъ карманѣ, и продолжалъ себя любить всеми хорошенькими, давно любя исключительно только одну Соню, да чай, который веселая дѣвочка иногда называла своимъ соперникомъ. И подлинно, за этимъ великимъ дѣломъ Иванъ Николаевичъ, казалось, забывалъ всю вселенную. Нездоровъ ли, печаленъ ли онъ былъ когда, озабоченъ ли чѣмъ, но съ появленіемъ на столѣ самовара лицо его непременно принимало видъ умиленія, и число выпиваемыхъ имъ стакановъ чаю, было истинно баснословное; за то это была единственная роскошь, которую онъ позволялъ себѣ, и одно дѣло, въ которомъ онъ оказывался иногда не деликатнымъ, потому что не только отказаться отъ предложенія угостить его чаемъ не во-время, но даже не рѣдко и напроситься на это угощеніе, онъ нисколько не совѣстился. Еще водился за нимъ почти въ той же степени комической грѣшокъ: онъ *терпѣть не могъ всѣхъ очень молодыхъ людей вообще*, особенно тѣхъ, которые не были заняты службою; — не то, чтобы онъ когда-нибудь отказался дать имъ истинно добрый совѣтъ, помочь въ нуждѣ или даже выручить изъ какой-нибудь бѣды, — нѣтъ, напротивъ, они всѣ такъ и льнули къ нему, но онъ ихъ страшно ревновалъ ко всѣмъ хорошенькимъ дѣвушкамъ, а ужъ къ любимой имъ — и Боже упаси! — Въ гнѣвъ своемъ онъ не иначе называлъ ихъ какъ

ребятишками съ чертовскими фантазіями, и даже иногда позволялъ себѣ клеветать на нихъ, разумется, самымъ безвреднымъ образомъ, и только передъ тою, въ которой предполагалъ онъ предпочтеніе къ сопернику. Всѣ знали эту слабость почтеннаго Напольнаго, и вдоволь потѣшались надъ нимъ, что обыкновенно выносилъ онъ очень снисходительно. Но попробовали бы при немъ задѣть настоящимъ образомъ честь хорошаго человѣка, хога бь даже и изъ числа гонимыхъ имъ, ради ревности, или бы замѣтилъ онъ намѣреніе обидѣть беззащитнаго, — о тогда онъ превращался въ рыцаря и оратора и не запинался рѣзать правду въ глаза. И много, много въ свою жизнь удалось ему сдѣлать незабвенно-добраго; и потому, не смотря на всѣ шутки, которыхъ онъ и въ глаза и за глаза былъ постояннымъ предметомъ, уваженіе сердечное было къ нему общее, и слово Ивана Николаевича Напольнаго не разъ водворяло миръ между враждующими, и доставляло удовлетвореніе обиженнымъ. О, еслибъ побольше было на свѣтъ Ивановъ Николаевичей — было бы и веселье жить и легче умирать.

Когда Софья Эланиной минуло семнадцать лѣтъ, добрая тетка ея Клавдія Петровна, вопреки всѣмъ старымъ дѣвицамъ, которыя обыкновенно питаютъ ненависть къ супружескому состоянію, можетъ быть единственно для поддержки мнѣнія, что отказались отъ него добровольно, подумавъ справедливо, что воспитанница ея, по качествамъ души своей, можетъ составить счастье хорошаго человѣка, почла за грѣхъ отклонять ее отъ этого прямаго назначенія женщины, и потому, посоветовавшись съ Иваномъ Николаевичемъ, рѣшилась возобновить прежнія свои знакомства, какъ въ томъ городѣ, гдѣ жили онъ, такъ и съ окольными сосѣдями.

Скрѣпя сердце, одобрилъ намѣреніе Клавдіи Петровны ревнивый Напольный. Что дѣлать? онъ былъ слишкомъ справедливъ, чтобъ не сознаться, что прошла пора одному ему любоваться такой пригожей дѣвушкой; но онъ внутренно далъ себѣ слово не пропускать ни одной вечеринки, на которую будетъ приглашена Софья, и оберегать ее по возможности отъ людей съ чертовскими фантазіями.

Общимъ совѣтомъ положено было начать визиты о Святкахъ, и добрый старикъ, не внимая никакимъ убѣжденіямъ и отговоркамъ Клавдіи Петровны, употребилъ половину своего годоваго оклада на экипировку своей ненаглядной Сони. Только на ту бѣду, передъ самымъ праздникомъ, ему неожиданно пришлось, по какому-то порученію по службѣ, отправиться въ самый отдаленный край того уѣзда, и къ довершенію горя—довольно надолго,—и увы! прекрасная Софья явилась въ свѣтъ не подъ его эгидою!

Къ увеличенію опасности, въ самое это время появился въ ихъ городѣ забвжій изъ Петербурга, очень молодой человекъ, а именно: Владиміръ Ивановичъ Леонидовъ, присланный своею матерью для осмотра давно покинутаго ихъ имѣнія въ томъ уѣздѣ; и какъ мать его была въ молодости пріятельницею съ Клавдіей Петровной, то и явился онъ къ ней съ рекомендательнымъ письмомъ. Онъ объявилъ, что имѣетъ намѣреніе провести Святки въ ихъ городкѣ, соскучившись страшно непривычнымъ ему уединеніемъ.

Не приласкать забвжяго на чужую сторону человека, да еще сына своей старинной пріятельницы, было бы противъ чувствъ доброй Клавдіи Петровны, и она, по первому движенію сердца, просила Леонидова навѣщать ихъ какъ можно чаще. Молодой человекъ, смотря на племянницу, отвѣчалъ теткѣ, *что радъ быть у нихъ хоть всякій день, если позволятъ*,—и началъ дѣйствительно являться къ нимъ каждый день.

Заговорили, какъ водится, въ уѣздномъ городѣ, объ этихъ частыхъ посѣщеніяхъ, начались разные намѣки уѣздныхъ маменекъ, насмѣшки дочекъ насчетъ Леонидова и Сони, поздравленія заранѣе, и прочія обыкновенныя продѣлки въ подобныхъ случаяхъ. Спихватилась Клавдія Петровна, что не слѣдовало бы ей въ отсутствіе стараго друга своего Наполеона возобновлять знакомства въ городѣ, и тѣмъ менѣе еще принимать ежедневно молодаго человека, но ужъ было поздно! Онъ, такъ сказать, укоренился въ ихъ домѣ, проводилъ съ ними всѣ вечера, читалъ имъ вслухъ, когда она и племянница

занимались рукодѣльемъ, разговаривалъ съ Соней, когда она отлучалась по хозяйству — и Соня была весела и довольна, и отказывалась отъ приглашеній на танцы и катанья. Клавдія Петровна нетерпѣливо ждала Ивана Николаевича; но когда онъ возвратился, — его прелесть-дѣва полюбила уже другаго... Можетъ быть, и не больше, чѣмъ любила его, только какъ-то совершенно въ другомъ родѣ.

Горько былъ пораженъ бѣдный старикъ, когда, не давъ даже себѣ времени напиться чаю съ дороги, спѣшилъ онъ утѣшить тоскующее свое сердце взглядомъ на свою ненаглядную, — и вѣшелъ подлѣ нея незнакомаго ему молодого злодѣя, къ кототому безпрестанно обращались ея чарующіе глазки.

Радостное восклицаніе милой дѣвушки при появленіи своего ментора и друга на одно мгновеніе только уняло злобѣщее его предчувствіе. Въ первый разъ въ жизни сдѣлался онъ угрюмъ, и Леонидовъ, предупрежденный Софьею насчетъ его доброты и веселости, шепотомъ спрашивалъ ее по-французски: *тотъ-ли это Напольный, о которомъ она ему такъ много говорила хорошаго?*

Этотъ говоръ вполголоса не ускользнулъ отъ ревниваго наблюденія влюбленнаго старика, разстроилъ его окончательно и показался ему верхомъ неприличія.

— Откуда этотъ *la petite fou*? спросилъ онъ почти вслухъ Клавдію Петровну, отозвавъ ее подлѣ какимъ-то предлогомъ въ сторону. Изъ комнаты ее вызвать не рѣшился-бы онъ ни за что на свѣтъ, чтобъ не оставить наединѣ молодыхъ людей.

— Это Леонидовъ, отвѣчала она оторопѣвъ и очень тихо, изъ Петербурга, сынъ моей пріятельницы... очень добрый... преумный...

— Вовсе не умный, и несетъ околесную, — тѣмъ же тономъ продолжалъ Иванъ Николаевичъ.

— И, что вы, полноте, мой другъ, спѣшила отвѣчать Клавдія Петровна, и возвратилась на свой диванъ.

Весь тотъ вечеръ бѣдный старикъ былъ просто золъ; онъ не только безтолку оспоривалъ на каждомъ словѣ молодого че-

ловѣка, но даже придирался къ нему, такъ что Софья, никогда еще не выдавшая его въ такомъ непріятномъ расположеніи духа, попробовала нѣсколько разъ ласково заговаривать съ нимъ, но не видя успѣха своимъ попыткамъ развеселить его, сперва огорчилась, потомъ раздосадовала на него, также въ первый разъ въ своей жизни, — и рѣшилась защищать Леонидова отъ его несправедливыхъ нападковъ.

Это довершило моральное убійство ея несчастнаго обожателя: онъ замолкъ, погрузился въ глубокую думу, не видалъ и не слыхалъ ужъ болѣе ничего, но все-таки досидѣлъ до той минуты, когда Леонидовъ распрощался; и тогда, разкланявшись безъ взгляда и привѣта съ опечаленными хозяйками, онъ вышелъ вслѣдъ за нимъ.... и побрелъ, повѣся голову, на свою крошечную квартиру.

ГЛАВА IV.

На слѣдующее утро, Соня, противъ своего обыкновенія, проснулась часомъ позднѣе. Съ вечера долго не спалось ей. Очевидная досада ея стараго друга, Наполеона, на молодого ихъ гостя Леонидова, произвела на нее довольно непріятное впечатлѣніе и вызвала провѣрить собственное свое сердце; оказалось въ немъ какое-то новое, безотчетное чувство: то радостное, какъ первый лучъ солнца послѣ нѣсколькихъ однообразно сумрачныхъ дней, то тревожное какъ бы ожиданіе грозы изъ начинавшихъ появляться на горизонтѣ облачковъ, то унылое, какъ бываетъ въ послѣдніе ясные дни поздней осени, — и въ каждой изъ этихъ декораций все молодой гость тутъ какъ тутъ. Наконецъ дѣвушка стало даже досадно на него. — Что это онъ не отстаетъ отъ меня? думала она, потирая рукой голову, чтобы выжить оттуда неотвязнаго, а другой рукой придерживая сердце, чтобы оно не рвалось къ нему. — И какое мнѣ дѣло до Леонидова? Здѣсь ли онъ, уѣдегъ-ли, — не все-ли мнѣ равно!... Конечно, мнѣ съ нимъ веселѣе, онъ очень любезенъ, уменъ, хорошъ собой... и ей

показалось, что зардѣвшіяся ея щеки освѣтили ночной мракъ, ея окружавшій, и она спрятала лицо въ подушку, — но это не помѣшало ей продолжать свою думу. — Мнѣ будетъ скучно безъ него, говорила она себѣ, — очень скучно!.. но что жъ такое? вѣдь я прожила же безъ него семнадцать лѣтъ, и никогда не скучала.. Отчего жъ теперь, безъ замиранія сердца не могу представить себѣ, что еще нѣсколько дней — и опустѣетъ его мѣсто въ нашей маленькой гостиной?... Да это все оттого, что я очень люблю, чтобъ мнѣ читали, покуда я за рукодѣльемъ. — Вотъ теперь возвратился Иванъ Николаевичъ, будетъ кому читать.... да, да, это все равно, — и дѣвушка перевернула свою подушку, которая была влажна отъ слезъ, и уснулось бѣдненькой ужъ только передъ разсвѣтомъ.

Нѣсколько утомленная, проснулась на утро Соня, потягиваясь и протирая свои глазки, которые, видно, и во снѣ заплакали, потому что были довольно красны и тяжелы. Взглянувъ на маленькіе часы свои, она испугалась, увидя, что только четверть часа остается до того времени, какъ тетка ея, окончивъ свою утреннюю молитву, обыкновенно выходитъ въ гостиную пить чай, всегда заранѣе ей приготовленный заботливой племянницей; и хотя Соня совершенно была увѣрена въ снисходительности кроткой Клавдія Петровны, но тѣмъ не менѣе всегда старалась исполнять и малѣйшую ея прихоть, сильно понимая свѣтлой душою своей, какъ дорого, какъ отродно, хотъ чѣмъ-нибудь доказать свою благодарность тѣмъ, кому обязанъ такъ много.

Озабоченная дѣвушка поспѣшила умыться, подобрать какъ-нибудь свои густые, длинные волосы, накинуть на себя свою бѣлую канифасную блузу, и вышла въ гостиную, гдѣ уже на столѣ ожидалъ ея чайный приборъ, и паръ отъ большаго самовара разливалъ пріятную теплоту въ комнату. Едва успѣла Соня распорядиться чайными приготовленіями, какъ дверь изъ залы въ гостиную начала понемногу растворяться — и наконецъ показала въ ней калмыковатая фізіономія Наполеяго.

— Ахъ какъ я рада, что вы пришли, душка моя, Иванъ Николаичъ! вскричала обрадованная дѣвушка, вскочивъ съ

своего мѣста и подбѣгая къ нему, чтобъ подать ему руку; — какъ рада!... ужь какимъ же я васъ славнымъ чаемъ напою. Съ чѣмъ хотите?

— Я ужь напился, уныло отвѣчалъ старикъ, нерышительно выступая изъ-за двери.

— Такъ что жь что напились? въ другой разъ можно: вы же всегда хвалите мой чай; садитесь, не упрямитесь. И она хотѣла взять его за руку. Въ другомъ расположеніи духа, почтенный вегеранъ поцѣловалъ бы ея ручку; но на этотъ разъ онъ сдѣлалъ въ родѣ прыжка назадъ, и только отвѣчалъ:

— Нѣтъ, право не могу-съ.

— Такъ вы, вѣрно, нездоровы, мой другъ? сказала дѣвушка почти испуганная такимъ неслыханнымъ отказомъ. Что съ вами? скажите мнѣ. И она, подойдя къ нему очень близко, съ участіемъ смотрѣла ему въ глаза.

— Разтаяло сердце стараго инвалида, и заложивъ руки за спину, онъ вытянулъ шею, чтобы достать губами ручку дѣвушки.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, моя безподобная, отвѣчалъ онъ ей со слезами умиленія, я животное, нестоющее вашего вниманія. Я все еще немного сердить, только не на васъ, моя безподобная, — сохрани Господи, а на вчерашняго вашего петербургскаго гостя.

— Ахъ да!... я хотѣла васъ спросить, сказала дѣвушка, слегка зарумянясь и усаживая старичка за чайный столъ, — за что это вы, мой другъ, вчера такъ нападали на него? а?

— По предчувствію, сударыня, которое сбилось вчера же вечеромъ.

— Ростолкуйте мнѣ, я не понимаю.

— А то, что онъ вчера вечеромъ чуть не сжегъ вашъ домъ.

— Онъ? ахъ Боже мой! да какъ же это?

— Да такъ, здорово живешь.... ужь такія фантазіи у этихъ петербургскихъ франтовъ. Мало того, что при бесѣдѣ

съ барышнями не выпускалъ весь вечеръ изо рта сигарки, а еще какъ вышелъ на крыльце, такъ недокуренную и бросилъ, совсмъ съ огнемъ у самаго подъезда... а вътеръ былъ страшный.

— И загорѣлось?... договорила въ испугъ дѣвушка.

— Могло загорѣться, еслибъ тутъ не было густой травы, да я не бросился бы затоптать ее, — покраснѣвъ нѣсколько отвѣчалъ Напольный. — Такъ изволите ли видѣть, моя сударыня, продолжалъ онъ, не смотря на нее, какъ опасно имѣть знакомство съ такими *la petite cochons*.

Соня едва сдерживала смѣхъ свой, и поняла, что ей пришлось извѣдать надъ собою признаки ревности почтеннаго Ивана Николаевича, о которыхъ до сихъ поръ она знала по однимъ только рассказамъ.

Появленіе въ гостиную Клавдіи Петровны положило конецъ этому комически-злоумышленному разговору. Старушка вышла въ зеленомъ зонтикѣ надъ глазами, жалуясь на усилившуюся боль въ глазахъ, которая, съ нѣкотораго времени, часто и сильно ее беспокоила и очень пугала, тѣмъ болѣе, что мать ея была слѣпа подъ конецъ своей жизни.

Достаточно было для добраго Напольнаго одного взгляда на страждущее человечество, чтобы тотчасъ заставить его забыть всѣ собственные интересы, и онъ исключительно занялся нездоровьемъ Клавдіи Петровны, стараясь припомнить разныя домашнія средства и врачеванія отъ ея недуга.

Но какія средства ни испытывала Клавдія Петровна, всѣ онѣ худо помогали ей. Болѣзнь ея все усиливалась, и наконецъ слѣдствіемъ ея было то, что она съ племянницей переселилась изъ маленькаго уѣзднаго городка въ Петербургъ. А какъ именно это сдѣлалось, узнаемъ изъ слѣдующихъ событій.

Время шло къ веснѣ, дороги начинали шибко портиться, а Леонидовъ, собираясь безпрестанно въ Петербургъ, день за день откладывалъ отъѣздъ свой.

Иванъ Николаевичъ, которому также слѣдовало по одному дѣлу давно бы быть внѣ города, мучаясь страшно этою, можетъ быть первою въ своей жизни, неисправно-

стию по службѣ, не менѣе того всѣми неправдами оттягивалъ время и своего отъѣзда, въ надеждѣ при себѣ спустить опаснаго соперника. Онъ зналъ, что Софья не для него разцвѣла, и по разсудку и совѣсти желалъ даже, чтобъ бѣдная сирота была, какъ говорится: *пристроена*, но не молокососу же уступить еѣ? Пѣтъ, ни за что на свѣтъ! Она должна выдти за-мужъ за полковаго командира, или ужь по крайней мѣрѣ за баталіоннаго, а оберъ-офицерскіе чины еще не заслужили его Сонечки; но къ спокойствію Ивана Николаевича, всѣ штабъ-офицеры, квартирующаго въ ихъ уѣздѣ полка, были, какъ нарочно, люди женатые, а Сонечка его еще почти дитя — всего восемнадцатый годокъ, — пусть себѣ поцвѣтетъ въ жизни дѣвичьей, привольной, беззаботной; а къ настоящему ея возрасту явится непременно женихъ, стоящій его Софьи; а покуда онъ, старикъ, Напольный, налюбуется ею, — а тамъ, какъ выдасть-то онъ ее... тамъ — пожалуй, хотъ бы и закрыть ему старику глаза свои навѣки.

Такъ въ частую разсуждая, бодрствовалъ ревнивый обожатель Софьи, на стражѣ своего сокровища, но какъ не лавировалъ онъ своимъ отъѣздомъ изъ города, а все-таки пришлось ему уѣхать изъ него прежде Леонидова. Когда получилъ онъ настоятельное предписаніе: *отправиться безъ отлагательства къ мѣсту дѣло-производства*, бѣдный какъ смерть, и дрожа какъ въ лихорадкѣ, прибѣжалъ онъ проститься съ своими задушевными друзьями. Было рано, часъ седьмой утра не больше. Клавдія Петровна только что проснулась, Софья спала еще крѣпкимъ сномъ.

Неотступно просилъ Иванъ Николаевичъ позволить ему хотъ однимъ глазкомъ взглянуть на безцѣнное дитя, сокровище его.

Тронутая его краснорѣчивымъ горемъ, Клавдія Петровна рѣшилась въ первый разъ въ жизни преступить правило строгаго приличія, и предшествуя ему на цѣпочкахъ, ввела его въ спальню спящей дѣвушки. Софья, укрытая до самой шеи бѣлымъ покрываломъ, и закинувъ на голову обѣ руки, также скрытая подъ тонкой, бѣлой тканью ея широкаго

ночного платья, спала непробудно съ дѣтскимъ спокойствіемъ на чель и безпечною улыбкою на полураскрытыхъ, устахъ; она казалась въ этомъ видѣ младенцемъ, уснувшимъ безпечно въ снѣговомъ сугробѣ. Былыя стѣны комнаты и вся мебель въ ней подъ бѣлыми чахлами, довершали иллюзію. Напольный прослезился, благоговѣнно осѣнилъ ее до трехъ разъ крестнымъ знаменіемъ, потомъ закрылъ обѣими руками лицо и съ живостью юноши — и безъ оглядки выбѣжалъ изъ дому.

Какое-то особенно грустное впечатлѣніе оставило надолго это прощанье Напольнаго въ нѣжной и нѣсколько романтической душѣ старой дѣвицы, Клавдіи Петровны. Софья также прогрустила весь тотъ день, что не простилась съ своимъ старымъ другомъ, и обрадовалась еще больше обыкновеннаго, когда явился къ вечеру Леонидовъ, и началось обычное чтеніе за рукодѣльнымъ столикомъ. Но не продлилось ея удовольствіе въ этотъ вечеръ: Клавдія Петровна почувствовала нестерпимую боль въ глазахъ и принуждена была лечь въ постель. Софья горько плакала, смотря на ея страданія, а Леонидовъ кинулся за полковымъ докторомъ и тотчасъ привезъ его къ больной.

Лекарь предписалъ нѣкоторыя пальятивныя средства и добросовѣстно объявилъ молодымъ людямъ, упрашивающимъ его навѣщать всякій день больную, что онъ не можетъ такъ успешно пользоваться глазную хроническую болѣзнь, какъ бы могъ специалистъ этого дѣла, и потому совѣтуетъ, не теряя времени, обратиться къ опытному окулисту и ѣхать для этого въ Москву или Петербургъ. Онъ прибавилъ, что глаза больной очень въ дурномъ положеніи, и безъ поддержки ихъ, она вдругъ можетъ потерять зрѣніе.

Съ этой минуты Софья начала неотступно упрашивать свою тетку ѣхать лечиться въ Петербургъ, скрывая однакожь отъ нее всю опасность ея положенія. Клавдія Петровна колебалась, ссылаясь на ограниченныя свои средства, на дальность пути, наконецъ обѣщала подумать, но ни на что не рѣшалась, — видимо по случаю отсутствія Напольнаго. Вся

эти обстоятельства еще больше сближали наших молодых людей. Леонидовъ сталъ совѣтникомъ, другомъ, братомъ Софьи: съ нимъ только и находила она отраду, и они были почти неразлучны, но такое сближеніе начинало нѣсколько тревожить Клавдію Петровну; и разъ, оставшись какъ-то наединѣ съ Леонидовымъ, она со всевозможною деликатностью рѣшилась высказать ему свое мнѣніе и просила его прекратить свои частыя посѣщенія до ея выздоровленія. Молодой человекъ испугался грозящей ему разлуки съ Софьей и отвѣчалъ предложеніемъ руки своей ея племянницѣ. Спросили Софью, и та со всею простотою юнаго, чистаго сердца тотчасъ призналась, что давно полюбила Владиміра Ивановича, и ужъ нѣсколько разъ плакала, думая о предстоящей разлукѣ съ нимъ. Клавдія Петровна не сочла себя вправѣ препятствовать взаимной ихъ склонности и только просила дать ей срокъ посоветоваться съ вѣрнымъ другомъ своимъ Иваномъ Николаевичемъ, но Леонидовъ настоятельно требовалъ глубокой тайны до свиданія своего съ матерью. Софья увѣрала тетку, что старшій другъ ихъ будетъ одного мнѣнія съ ними, и кончилось тѣмъ, что добрая, но слабая Клавдія Петровна, вынувъ изъ кіота свой образъ, благословила имъ молодую чету, и они помѣнялись при ней кольцами. Съ этого дня Леонидовъ, считая себя уже семьяниномъ, неотступно, за одно съ своею невѣстою убѣждалъ Клавдію Петровну переселиться навсегда въ Петербургъ, какъ насчетъ здоровья ея, такъ и за тѣмъ, чтобы и послѣ сватъбы племянницы не разлучаться съ нею никогда. Эта убѣдительная причина подѣйствовала всего сильнѣе на любящее сердце второй матери бѣдной сироты, и сколько позволяли ей ея физическія силы, она начала приготовляться къ этому переселенію. Домъ удалось ей скоро и довольно выгодно продать, и этими деньгами она надѣялась обзавестись въ Петербургъ всѣмъ необходимымъ, да еще приготовить хоть какое-нибудь приданое племянницѣ, хотя женихъ ея, по обыкновенію всѣхъ жениховъ, и увѣрлялъ, что ничего не надо, и что у невѣсты его явится все, какъ скоро онъ объяснится съ матерью, въ согласіи которой онъ не сомнѣвался.

Все это очень радовало неопытную въ дѣлахъ жизни старую дѣвицу, только смущало ее сильно отсутствіе друга Напольнаго, и эта тайна, которую она должна была хранить отъ него. Но Софья съ эгоизмомъ первой молодости и первой любви увѣряла свою тетку, что ихъ добрый Иванъ Николаевичъ будетъ въ восхищеніи отъ ея сватъбы, что она сама напишетъ ему обо всемъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, пришлетъ ему свой дагерротипный портретъ, подушку своей работы, и милосердно торопила Клавдію Петровну приготовленіями къ отъѣзду, тѣмъ болѣе, что женихъ ея отправился впередъ съ тѣмъ, чтобы приготовить имъ квартиру и объясниться съ матерью.

Наконецъ все было приведено къ концу, и онъ отправился въ началѣ іюня. Софья съ восторгомъ, Клавдія Петровна съ грустью.

Первые два мѣсяца' пребыванія Софьи въ Петербургъ были для нея истинно днями очарованія. Онъ пріѣхали прямо на дачу, близъ Лѣснаго института. Теткѣ ея становилось видимо лучше: Леонидовъ навѣщалъ ихъ почти каждый день, они вмѣстѣ гуляли, слушали музыку, увѣряли другъ друга въ вѣчной любви, и воспоминаніе этихъ сладостныхъ часовъ было для любящей дѣвушки достаточнымъ запасомъ отъ скуки на тѣ дни, въ которые женихъ ея не могъ быть съ нею. Но Клавдія Петровна начинала сильно задумываться: Леонидовъ не получилъ еще согласія своей матери на этотъ бракъ по той причинѣ, что по возвращеніи его въ Петербургъ онъ нашелъ мать больною, и доктора совѣтовали удалять отъ нея всякое душевное волненіе, покуда не укрѣпятся ея нервы, послѣ курса ваннъ въ Гапсаль, гдѣ она въ настоящее время и находилась.

Но вотъ подошелъ и сентябрь, мрачный, дождливый. Дачи пустѣли съ каждымъ днемъ. Холодно и скучно становилось нашимъ переселенцамъ, тѣмъ болѣе, что Леонидовъ, озабоченный приготовленіемъ для нихъ квартиры въ городѣ, бывалъ у нихъ рѣже и оставался не надолго.

Наконецъ все было готово, и онъ перевезъ ихъ въ Петербургъ на ту самую квартиру, въ которой мы познакоми-

лись съ ними; только тогда она была много лучше и избилнѣе обмѣблирована, и были еще тогда у нихъ и горничная, и кухарка.

Клавдіѣ Петровнѣ очень не понравилось это помѣщеніе подѣ небесами; но Сонѣ все нравилось, только бы ея Владиміръ былъ почаще съ нею, — на этомъ условіи она, пожалуй, готова была и не выходить совсѣмъ изъ дому. Но и эта радость ускользала отъ нее: въ Петербургѣ она видѣла жениха своего гораздо рѣже, чѣмъ на дачѣ. Свѣтскія обязанности, родство, наконецъ возвращеніе съ водѣ его матери, все еще нездоровой, поглощали у него время. Очень изрѣдка приходилось бѣдной невѣстѣ пройтись съ нимъ по набережной ближайшаго къ нимъ канала, и то такъ, на нѣсколько минутъ. Западала грусть въ молодую грудь дѣвушки; но доврчивая какъ всякая молодая душа, она забыла эту грусть при первомъ словѣ ея Владиміра!

— Милый Владиміръ, сказала она ему разѣ, прогуливаясь съ нимъ подѣ руку вдоль по Фонтанкѣ: — меня съ нѣкотораго времени часто мучаетъ мысль, что если твоя татапа не согласится на нашу свадьбу, — моя тетенька не захочетъ, чтобъ ты бывалъ у насъ, и я пропаду со скуки. Вѣдь я очень люблю тебя, Владиміръ.

— А я разѣ не люблю тебя, Соня? И зачѣмъ такія мысли! Быть не можетъ, чтобъ мать моя не согласилась на мое счастье. Не захочетъ же она моей смерти: я одинъ у нее. Да и возможно ли не захотѣть имѣть дочерью такое милое существо, какъ ты, моя Sophie?

— Однакожь Woldemar, шутливо отвѣчала дѣвушка, — не смотря на всѣ похвалы, которыя я отъ тебя слышу, ты не очень спѣшишь познакомить меня съ своей татапа. Согласись, что ты предвидишь отказъ?... Что, правда вѣдь? Да отвѣчай же, Владиміръ! ты не лги мнѣ, а то, право, разлюблю; ты видишь я говорю тебѣ все на свѣтъ.

Леонидовъ еще крѣпче прижалъ къ себѣ руку дѣвушки и молчалъ.

— Вотъ какъ ты не откровененъ со мною, продолжала она, глубоко вздохнувъ. Это значитъ, что я вдвое больше

люблю тебя! Мнѣ не спится и не встаетъ покуда не выскажу тебѣ все, что на душѣ; а тебѣ тяжело отвѣчать мнѣ и тогда, какъ я прошу тебя о томъ.

— Я ужь говорилъ съ матерью, — сказалъ съ смущеніемъ Леонидовъ и опять замолчалъ.

— И она не соглашается! докончила медленно Софья, поблѣднѣвъ и опустивъ голову на грудь.

— Да. Но не огорчайся, Соня, я знаю мать мою, она не устоитъ противъ моего горя, надо только время на это.

— О! я рада ждать сколько хочешь, только бы видѣть тебя иногда. Но какъ же намъ быть съ тетенькой? Она ужь нѣсколько разъ проговаривала, что еслибъ было съ чѣмъ, она возвратилась бы въ нашъ городъ, и эта мысль меня съ ума сводить.

— Да зачѣмъ же ей говорить объ этомъ, Соня; совершенно не нужно.

— Мнѣ грустно ее обманывать, *cher ange*, вѣдь она мнѣ та же мать.

— Ну такъ скажи: безъ сомнѣнія, она запретитъ намъ видѣться? а еще говоришь, что любишь меня...

— Ну, ну не сердись, изволь, буду мучаться и молчать.

— Зачѣмъ же мучаться. Это все доказываетъ твое недо- вѣріе ко мнѣ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! вскричала дѣвушка, забывая, что они на улицѣ, и прижимаясь головою къ плечу молодаго человека: буду молчать, и буду весела попрежнему!

И дѣйствительно, все оставалось попрежнему еще нѣсколько мѣсяцевъ сряду, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, не предупредивъ, не простившись, Леонидовъ пропалъ.

Что перестрадала въ это время Соня, знаетъ одинъ Богъ, единственный свидѣтель ея горькихъ слезъ и бессонныхъ ночей. Денежныя средства ихъ истощались. Клавдія Петровна вынуждена была отказать доктору, который помогалъ ей, не имѣя чѣмъ платить ему за визиты. Это обстоятельство, при- правленное еще горькими упреками, которые не переставала

она себя дѣлать, окончательно разстроили ея здоровье. Недостатокъ во многихъ всѣдневныхъ потребностяхъ становился день ото дня ощутительнѣе. Сначала распродали, какъ водится въ половину цѣнности, заготовленное приданое для Софьи, тамъ изъ мебели кое-что, наконецъ почти все. Отпустили сперва горничную, скоро принуждены были отпустить и кухарку. Соня взялась за иглу, сама бѣгала на рынокъ, сама варила супъ, ухаживала за хворой и убитой горемъ своей теткой, и все еще доставало ей времени скучать по женихъ своемъ и все поджидать его.

И вотъ въ этомъ-то положеніи нашель ее Алексѣй Петровичъ Раздуминъ.

ГЛАВА V.

Теперь я попрошу читателя перенестись воображеніемъ верстъ за двиста отъ Петербурга, въ деревню среди болотъ и лѣсовъ, да еще въ зимнюю пору. Тамъ происходитъ небывалое происшествіе, выведшее мирныхъ поселянъ этого уголка изъ ихъ апатическаго полуусыпленія. Въ этомъ краю, отдаленномъ даже и отъ уѣзднаго города, далеко въ сторону отъ большой дороги, только съ весны начинала проявляться дѣятельность, а зимою жители этой деревушки очень походили на сосѣдей своихъ медвѣдей, забившихся въ берлоги. — Въ эту минуту они (не медвѣди, а поселяне) цѣлыми семьями выползали изъ домовъ своихъ; мальчишки ведутъ дѣдушекъ, маленькія дѣвочки бабушекъ, немилосердо таща ихъ за собою отъ нетерпѣнія дойти скорѣй къ цѣли. Молодой народъ давно ужъ тамъ около двухъ-этажной большой избы ихъ старосты. Тамъ происходитъ слѣдующее:

Человѣкъ, одѣтый какъ баринъ, обиваетъ коврами стѣны и полы. Дѣвушка, также въ родъ госпожи, оправляетъ за перегородкою мягкую постель, постилаетъ на нее бѣлье, что твой снѣгъ, и тоньше вѣнчалнаго полотенца старостиной дочки; сверхъ всего этого загляднѣвъ, кладетъ еще пушистое, шелковое алое покрывало. Потомъ чего, чего не устанавливаетъ

она на столикъ, передъ зеркаломъ въ серебряной оправѣ: какихъ тугъ нѣтъ корбочекъ, щечочекъ, стекляночекъ!

Не вельно никому входить въ избу, и къ дверямъ въ свни ввернули крючекъ; за то унизано народомъ все крыльцо вплоть до воротъ, а къ окошкамъ карабкаются поочередно молодые парни и дѣвки, передавая прочимъ ими видимое, и восклицанія: ой-ли?... взавправду?... врешь?... хвастаешь?... хоть бы однимъ глазкомъ увидать! безпрестанно раздаются въ толпѣ.

— Ну, теперъ, кажется, все на мѣсть, хоть сейчасъ прѣзжай, — сказала высокая чопорная горничная, Анфиса Герасимовна, положивъ на мягкій коверъ у постели пунцовыя бархатныя туфельки на лебяжемъ пуху. — А вы скоро уберетесь, Спиридонъ Елисеичъ? спросила она, выходя изъ-за перегородки въ большую избу къ товарищу своихъ хлопотъ.

— Нѣтъ еще не такъ-то, Анфиса Герасимовна; нужно карсельную лампу достать изъ ящика да заправить. Сами знаете, барыня безъ ней быть не можетъ никогда. Ухъ!... уморился совсѣмъ.... И стодитъ ли на какую-нибудь недѣлю тащить съ собою почитай весь домъ?...

— Ужъ не говорите, Спиридонъ Елисеичъ; мука!... хоть бы ужъ жалованья-го намъ съ вами прибавили за всѣ наши хлопоты да безпокойства.

— И я то жъ думаю, Анфиса Герасимовна; и мое разсужденіе вотъ какое: не знаю какъ вы скажете, а мнѣ кажется, что ваша барыня такъ ни то ни се, такъ вотъ только потыпается себѣ то надъ однимъ, то надъ другимъ; а то какъ бы намъ не быть какой прибыли, кабы она взавправду кого полюбила.

— Конечно, конечно, отвѣчала горничная, раскачивая головою, что и говорить; да что жъ ты съ ней будешь дѣлать, коли у ней ужъ нравъ такой.... Что грѣха таить, Спиридонъ Елисеичъ, иногда сидишь, сидишь себѣ одна въ дѣвичьей, дѣвчонка Стешка завалится спать, одурь возьметъ. — и прокрадешься, бывало, къ двери хоть послушать: такъ ужъ такія-то медовыя рѣчи она наговоритъ тому, который сидитъ съ ней на ту пору, да такъ разжалобится, что того и ждешь. что

*★

сама въ три ручья расплается, — ань глядишь, все выдетъ навздорѣтъ; вчастую не она, а гость-то чуть не плачетъ, иль скажетъ что эдакъ рѣзко, да схватитъ шляпу иль фуражку, да и бѣжать безъ оглядки вонъ изъ дому, — такъ какіе намъ тутъ барышни? А она, придегъ ложиться спать, да съ полчаса хохочетъ себѣ... эдакая удивительная!

— А какъ на вашу разсудительность, — спросилъ Спиридонъ, заготавливая лампу: мы для чего это зимой-то сюда забрались, гдѣ отродясь и баринъ-то покойный не бывалъ?

— Ну, не знаю, голубчикъ Спиридонъ Елисеичъ, хвастать нечего, не знаю!... Всю ночь вчера продумала, не знаю, какъ не знаю.

— А вотъ-съ обозначится, какъ сама прѣдетъ то. Вы ужъ тогда не премените доказать и мнѣ, Анфиса Герасимовна; что жъ мы будемъ за услуга, коли начнемъ скрываться другъ передъ дружкой про господскія дѣла.

— Да ужъ скажемъ, Спиридонъ Елисеичъ, будьте въ такой увѣренности, только бѣ самой дознаться, тотчасъ узнаете. Придете чтоль теперь чаю напитокъ? я въ той избѣ приготовлю самоварчикъ.

— Съ своимъ чаемъ прикажете приходить? спросилъ почтительно Спиридонъ.

— И кстати ли, у насъ найдется про васъ чай, отвѣчала горничная съ кокегливыми ужимками.

— Чувствительно благодаримъ-съ, Анфиса Герасимовна, постараемся быть безпрембно.

— Такъ будемъ ждать-съ, милости просимъ. И она вышла изъ избы.

— Эй вы, сиволапки! сказала она, расталкивая локтями собравшихся на крыльцѣ крестьянокъ, — прочь съ дороги, лапотницы, неотесанныя, а которая изъ васъ поумнѣй бѣги живо за ключевой водой мнѣ для чаю. Чать ни которая и самовара-то наставить не умѣетъ? дурье эдакое необразованное!

— Когда не умѣемъ! не велика мудрость! Давя смотрѣла, акъ ты раскуривала самоваръ, — отвѣчала одна молодая

дѣвка, видно посмѣлѣе прочихъ, отхлынувшихъ густою толпою отъ этой знатной особы.

— Ну такъ ты и бѣги за водой, да смотри, духомъ у меня.

Дѣвушка схватила въ сѣняхъ ведро и пустилась съ нимъ бѣгомъ за околицу. Прочія въ почтительномъ разстояніи слѣдовали за Анфисой Герасимовной, которая величественно переходила улицу къ противостоящей избѣ, также очищенной по случаю прѣзда госпожи.

— Вы куда? крикнула она неистово, оглянувшись на народъ и пріостановясь немножко. Чтò вамъ надо? — чего еще не видали?... Убирайтесь!... вотъ я васъ, неучи эдакіе.

Многія кинулись бѣжать назадъ, другія воротились опять и шли издали.

Анфиса Герасимовна, взойдя на крыльцо, захлопнула за собою дверь. Но только что принялась она дѣлать нужныя приготовления къ чаю и доставать свою дорожную провизію, какъ послышался колокольчикъ, и возокъ въ шесть лошадей промчался мимо окна, въ которое она выглянула.

— Ну! кагитъ! вскрикнула раздасадованная горничная. Нелегкая принесла! и чаю-то не дала напиться.... И накинувъ на себя салопъ, пустилась однакожь во всю прыть къ избѣ, приготовленной для госпожи ея.

Спиридонъ стоялъ уже у растворенныхъ настежь воротъ.

Ребятишки сбѣгались со всѣхъ сторонъ съ крикомъ: барыня! барыня ѣдетъ!

Вѣра Егоровна, та самая, о которой была рѣчь въ началѣ этой повѣсти, хотя и вся закутанная въ горностаевоу и въ лисьемъ мѣху, очень легко однакожь выпрыгнула изъ возка, и также живо вбѣжала въ импровизированный свой будуаръ, которымъ осталась очень довольна.

— Анфиса! сказала она своей горничной, когда Спиридонъ зажегъ лампу и вышелъ: — подай чернильницу и все, что нужно для письма.

Написавъ нѣсколько строчекъ и запечатавъ аplatкою,

она приказала Анфису отправить это немедленно въ село З...ское съ мужикомъ посмышленѣе, приказавъ ему отдать не иначе, какъ лично *Владимиру Ивановичу Леонидову*.

— Отвѣта прикажете дожидаться? спросила горничная.

— Нѣтъ не нужно, только чтобъ ѣхалъ скорѣй, покуда мѣсяць свѣтитъ: дорога проселочная и будетъ слишкомъ тридцать верстъ. Ну, иди же распорядись, и приходи раздѣть меня. Я, напившись чаю, тотчасъ лягу спать. Вели Спиридону подавать чай.

— Слушаю-съ.

— Спиридонъ Елисеичъ! Спиридонъ Елисеичъ! звала его Анфиса. — Подите ко мнѣ, сюда за ворота. — Знаемъ за чѣмъ барыня прѣѣхала въ деревню, прошептала она ему надъ самымъ ухомъ: — вотъ письмо плетъ сосѣду, Леонидову, знать сговорились впередъ. Идите скорѣй чай подавать барынь.

— Чувствительно благодаримъ, отвѣчала Спиридонъ, чмокнувъ ее въ щеку. Пожалуйста завтра на чашку кофе, Анфиса Герасимовна.

— Не премину, отвѣчала она очень мило, и побѣжала исполнить порученіе своей барыни.

Съ недѣлю спустя послѣ водворенія Вѣры Егоровны въ деревнѣ, мы находимъ ее въ той же преобразованной въ будуаръ избѣ, полулежащую на широкой дубовой лавкѣ, укрытой мягкими подушками и обложенной по стѣнѣ бархатными подушками, къ которымъ очень граціозно склоняется, какъ бы чѣмъ-то очень озабоченная, голова интересной вдовы. Вѣра Егоровна въ простомъ утреннемъ широкомъ платьѣ; на плечахъ ея накинута пунцовая бархатная мантилья на лебяжьемъ пуху; такія же туфельки виднѣются иногда на ея стройныхъ ножкахъ, волосы просто подобраны подъ бѣлую кружевную косыночку; все небрежно, просто, но какъ-то кстати на ней. Она не молода и не стара, не брѣнетка и не блондинка, не хороша и не дурна. Встрѣтившись съ нею въ спектакль, на гуляньи, вы ее и не замѣтите. Но попробуйте поговорить съ ней, проведите съ ней часъ-другой глазъ на глазъ: о! послѣ этого вы

тотчасъ отыщете ее между сотнями женщинъ, которыя гораздо красивѣе ее, потому что каждое слово ея запало вамъ въ сердце, каждый взглядъ ея заглянулъ вамъ въ душу. И что за доброта, что за наивность въ сужденіяхъ! Какая живость и простота въ каждомъ движеніи. Впрочемъ, судя по сюжету, мѣнялись и маневры ея; иногда приходилось ей превращаться въ женщину восторженную, живущую не въ вещественномъ мѣрѣ, но въ мѣрѣ созданномъ ея воображеніемъ и ей самой незамѣтно спустившуюся на землю, куда сманила ее неодолимая симпатія. Въ другое время она являлась поборницей правды, рѣзко высказывая невольные порывы возвышенныхъ чувствъ своихъ, иногда даже порывы досады, ревности, однимъ словомъ, смотря по свойству своего паціента, — но всегда ловко, всегда кстати, и рѣдкій изъ тѣхъ, на кого она обращала свои чары, ускользалъ отъ нихъ. — Но не будемъ относить подобныя увлеченія къ слабости мужской природы, а скорѣй отнесемъ это къ доблестямъ ихъ сердца. Когда они до безумія увлекаются такими женщинами, вѣдь они любятъ въ нихъ типъ женской добродѣтели, — не ихъ вина, что имъ не дано понимать: комедія это или истина? Впрочемъ, развѣ даръ и видимаго подражанія не имѣетъ также высокой цѣны? Развѣ не восхищались до упоенія Рашелью, изучившей по лазаретамъ муку предсмертнаго страданія, и съ такою изумительно вѣрностію передающей эту страшную картину разрушенія природы въ роли *Adrienne Lecouvreur*. Не отъ того ли, можетъ быть, такъ выигрываетъ подражаніе, что у большинства людей болѣе развито воображеніе, нежели душа, и ускользаетъ отъ нихъ многое истинно-прекрасное, отъ того только, что оно плавно, стройно, тихо, какъ все въ самой природѣ. А подражаніе тѣмъ же самымъ качествамъ, въ проявленіяхъ своихъ необходимо усиленное, какъ во всякомъ сценическомъ представленіи, почти всегда дѣйствуетъ неотразимо. Но и въ этой погрѣшности разума человѣческаго началомъ все-таки — его влеченіе къ добру. Заставьте замѣтить понять *прекрасное*, въ какомъ бы то родѣ ни было, и оно непременно полюбится человѣку.

И такъ въ настоящую минуту Вѣра Егоровна Кривская

граціозно опиралась о бархатныя подушки, а Владиміръ Ивановичъ Леонидовъ, опять взволнованный, какъ и въ началѣ нашего знакомства съ нимъ, точно также разхаживалъ взадъ и впередъ по довольно обширной избѣ ради его превращенной въ будуаръ свѣтской женщины.

Вошелъ Спиридонъ съ докладомъ, что сани его заложены.

— Уже?... проговорила едва внятно Вѣра Егоровна, и звукъ короткаго восклицанія какъ-то мастерски слился съ глубокимъ вздохомъ.

— Сейчас, сейчасъ, отвѣчалъ Леонидовъ: — скажи пожалуйста кучеру, чтобъ выѣхалъ за ворота, я сейчасъ выйду. Однакожь онъ не собирался и продолжалъ разхаживать.

— Владиміръ! сказала уныло-гармоническимъ голосомъ Вѣра Егоровна, протягивая головку къ окну, — сани ужь за воротами. Прощайте.

— Вы такъ и гоните меня, — съ упрекомъ отвѣчалъ Леонидовъ.

— Чтожь вы хотите, чтобъ ваша мать прислала васъ отыскивать у меня? Это не великодушно, Владиміръ! довольно ужь и безъ того я надѣлала неосторожностей, примчавшись сюда зимою, какъ полоумная, и позволивъ вамъ почти недѣлю оставаться здѣсь. Вы думаете, не заговорять объ этомъ?

— Ну, ѣду, ѣду, прощайте Вѣра! сказалъ молодой человекъ, безсчетно разъ цѣлуя ея руки.

— Прощайте, мой добрый, милый Леонидовъ, будьте здоровы, будьте веселы. — слышите ли, я хочу, чтобъ вы были веселы.

— Вы и на прощанье не хотите сказать мнѣ дружескаго ты.

— Ну, будь здоровъ, будь веселъ, мой Владиміръ.

— Будь веселъ!... какъ это легко сказать!... ты можешь быть весела безъ меня, Вѣра, потому что. . .

— Потому, вѣроятно, перебила его Кривская, что я въ твоемъ понятіи страшная вѣтреница. Съ глазъ долой — и вонъ изъ сердца: то ли ты хотѣлъ сказать, Владиміръ?

— Да немудрено; если встрѣтится достойнѣе меня, то...

— А вы воображаете, что я до сихъ поръ не встрѣчала ничего достойнѣе васъ? какая примѣрная скромность?

— Вѣра!... опять на вы!

— Это въ наказаніе за ваше недоверіе ко мнѣ.... Сердце женщины, Владиміръ, къ сожалѣнію не слушается разсудка. Впрочемъ, это разсужденіе тутъ неумѣстно. Ты знаешь, что я не прошу восторженной любви, хочу одной дружбы твоей, погому, что сама не могу уже любить иначе какъ дружески.

— И это послѣднее твое слово, Вѣра?

— Да, отвѣчала она тихо, нерышительно и взглянувъ на него невыразимо нѣжно, потомъ облокотилась объ столъ съ видомъ мрачной задумчивости.

— Хорошо: я буду доволенъ и одною твоею дружбою, отвѣчала, помолчавъ нѣсколько, Леонидовъ;—но если я когда-нибудь увижу, что ты и другому будешь оказывать такое-же дружество, то будь увѣрена, что этотъ другой дорого мнѣ поплатится! Честью клянусь, что дорого! и къ несчастью предвижу, что это неизбежно.

— Вы можете сію минуту ѣхать, и никогда болѣе ко мнѣ не возвращаться, сказала съ достоинствомъ госпожа Кривская. — Чтожь вы медлите?... Прощайте, я сказала вамъ: уѣзжайте.

— Вѣра! Вѣра! прости меня, прости! вскричалъ Леонидовъ, бросаясь къ ногамъ ея. Я дуракъ, я сумасшедшій, но еслибъ ты знала какъ ужасна мнѣ мысль: лишиться любви твоей!... мнѣ страшно, что ты безъ меня будешь въ Петербургъ, тебя окружаютъ тамъ твои поклонники, и ты меня забудешь. Прошу, умоляю тебя, останься здѣсь, покуда я могу возвратиться туда! Вѣра, сжалься! Вѣдь никто тебя не будетъ такъ любить какъ я!

— О, да какой-же ты эгоистъ Владиміръ, смягченнымъ голосомъ и положивъ руку на плечо ему, сказала Вѣра Егоровна. — И тебѣ не жаль, что я буду умирать съ тоски въ этихъ снѣгахъ; вѣдь ты не можешь быть безпрестанно со

мною?... Тебѣ бы только самому быть спокойну. И какъ-же послѣ этого ты хочешь, чтобъ я не откладывала нашей свадьбы: да ты измучаешь меня своими подозрѣніями, будешь запираеть меня!... Нѣтъ, мой другъ, прежде исправься, брось свои драматическія выходы, которыя мнѣ очень не нравятся, и помни то, что я предпочитаю одно ласковое слово самому краснорѣчивому наставленію.

— Я люблю тебя больше, чѣмъ самого себя, говорю тебѣ это. Чегожь тебѣ еще? Право, это несносно! О, не сердись на меня, пожалуй лучше; я мученикъ.... но я исправлюсь, ты увидишь.... Повзжай, повзжай въ Петербургъ, если хочешь, я буду покоенъ.

— Благодарю за позволеніе, отвѣчала она, засмѣявшись.... только я ужь отдумала туда ѣхать. Не воображайте однакожь, чтобъ это было изъ желанія вамъ угодить? О, нисколько, поверьте! Сама такъ хочу: мнѣ здѣсь нравится, и вотъ вамъ мое послѣднее слово. Если вы можете меня любить со всеми тѣми недостатками, которые видите во мнѣ, и которые я скрывать не умю, то можете опять сюда прѣхать.... Ну, а если вы вообразите, что я для васъ переменю свой образъ мыслей, то очень ошибаетесь, — и хорошо сдѣлаете, если теперь-же проститесь со мною навсегда.

— О, оставайся тѣмъ-же, чѣмъ ты была, Вѣра! отвѣчалъ Леонидовъ, осыпая поцѣлуями ея руки; — будь чѣмъ хочешь, дѣлай что хочешь, только люби, люби меня всегда! Прощай, я возвращусь къ тебѣ черезъ три дня, и ты увидишь, что будешь мною довольна.

Онъ выбѣжалъ, бросился въ сани; кучеръ ударилъ по лошадамъ, и слѣдъ его простылъ.

— Уфъ! сказала Вѣра Егоровна, вставая съ своего мѣста, — насилу-то отправился!... Что за несносный характеръ! Признаюсь, вся эта комедія начинаетъ мнѣ очень надоѣдать, но какъ быть? При моемъ разстроенномъ состояніи, мнѣ нельзя отталкивать богатаго жениха: ему должно еще достаться большее наследство послѣ дяди.... Мнѣ надоѣло ужь безпрес-

танно нуждаться въ деньгахъ... и если въ продолженіе этого года не представится мнѣ что-нибудь повыгоднѣе этого мальчика, дѣлать нечего, придется съ нимъ обвѣнчаться.

Она вздохнула, походила по комнатамъ въ раздумьѣ, потомъ нѣсколько минутъ смотрѣлась въ зеркало, потомъ позвала свою горничную.

— Послушай, Анфиса, — сказала она ей, — намъ придется пробить здѣсь еще съ недѣлю; можетъ быть, и Леонидовъ опять прїѣдетъ на дняхъ, такъ ты теперь-же распорядись, чтобъ изба, которую онъ занималъ, оставалась въ томъ-же порядкѣ; чгобъ ее всякій день протапливали; поди, заставь при себѣ убраться, вымести, запри ее и держи ключъ у себя.

Анфиса отправилась и возвратилась очень скоро съ большимъ портфелемъ, который былъ набитъ бумагами, и забытъ Леонидовымъ; она спросила, не прикажетъ-ли барыня послать за нимъ въ догону. Но барыня разсудила оставить портфель до его возвращенія, и внутренно обрадовалась неожиданному занятію: пересмотрѣть на досугъ бумаги, вѣроятно интересныя, когда онъ ихъ возить съ собою.

Отославъ горничную, она заложила дверь на крючекъ и принялась за это невинное развлеченіе; куча писемъ всѣхъ форматовъ посыпалась на столъ; первое, попавшееся ей на глаза, было такого содержанія:

«Мнѣ, конечно, очень грустно, что третій день не вижу тебя, мой добрый Владиміръ, но куда твоя татапа нездорова, ты не долженъ оставлять ее. Исполнивъ долгъ свой, тебѣ пріятнѣе будетъ увидѣть твою Софью.»

— А! это отъ той дѣвочки, которой мѣсто въ его сердцѣ заступила я... А вотъ это должно быть отъ его матери: въ сторону, навѣрное скучно... а! мое имя тутъ: посмотримъ, что такое?

«Я надѣюсь, другъ мой Володя, (писала мать Леонидову) «что благоразумные совѣты почтенной Вѣры Егоровны...»

— Почтенной! повторила она съ досадой, — ужъ она не считаетъ-ли меня своей ровестницей?... Я поступила только въ институтъ, когда она была ужъ на выпускѣ! это большая

разница... Впрочемъ, она всегда была изъ глупыхъ; (продолжая читать) «подѣйствовали на тебя сильнѣе моихъ убѣжденій, и ты «не думаешь больше о женитьбѣ на этой бѣдной дѣвушкѣ. «Кромѣ того, что ты слишкомъ еще молодъ, ты не забудь «что наше состояніе только числомъ душъ значительно, а до- «ходы очень плохіе». Вотъ еще какой пріятный сюрпризъ сказала Кривская, и лицо ее вытянулось отъ неудовольствія, «Кромѣ того (продолжала она читать) я на дняхъ узнала «очень для насъ непріятную вещь: твой дядя сдѣлалъ духов- «ное завѣщаніе въ пользу Алексѣя Раздумина, а тебѣ назна- «чилъ только очень незначительную сумму, — такъ видишь ли, «мой другъ...

— Прочъ это несносное письмо!... нѣтъ ли чего поинте- реснѣе?... Это чья славная рука? мужская должно быть? и опять таки мое имя? что это значитъ? подпись: А Раздуминъ, число недавнее.... что жъ онъ можетъ писать обо мнѣ? я его совсѣмъ не знаю; посмотримъ, это очень любопытно.

«Ну, Леонидовъ, у тебя нѣтъ ни разсудка, ни «вкуса, ни сердца, когда ты могъ предпочесть прекрас- «ной, милой, благородной, скромной Софьѣ, увядшую и пус- «тѣйшую кокетку Кривскую. Еслибъ Софья была изъ числа «тѣхъ женщинъ, которыя любятъ и направо и налѣво, какъ «твоя Вѣра Егоровна, когорую по счастью знаю только по «слуху, то, конечно, она нашла бы себѣ побольше вздыхате- «лей, чѣмъ многія другія. Не отказался бы и я стать въ ряды «ея пльнниковъ, но при одномъ взглядѣ на этотъ типъ не- «порочности разлетаются всѣ подобныя мысли. Она не при- «няла твоихъ денегъ, и я тебѣ возвращаю ихъ; желалъ бы «возвратить тебѣ и прежнюю мою дружбу, но она остыла «отъ слезъ Софьи! — Ты знаешь меня: я не умѣю скрывать «моихъ чувствъ. Впрочемъ, не перестаю желать тебѣ счастья, «въ которомъ, къ искреннему моему сожалѣнію, очень сомнѣ- «ваюсь; ты попалъ въ дурныя руки».

А. Раздуминъ.

— Негодный мальчишка! сказала Вѣра Егоровна, краснѣя отъ негодованія и укладывая это письмо въ свой руководный ларчикъ. Онъ смѣетъ мною хвастаться! всѣмъ обо мнѣ рассказывать! хорошо жь!

Въ эту минуту ингересная вдова никому не показалась бы интересною, до того внутреннею досадою исказились черты лица ея.

— Да и вы, премудрый г. Раздуминъ, продолжала она, задыхаясь отъ гнѣва, и вы перевѣдаетесь еще со мною!... узнаете меня лично, поближе, и тогда посмотримъ на чьей улицѣ будетъ праздникъ?

Судорожно собравъ разбросанныя письма и сложивъ ихъ обратно въ портфель, она позвонила.

— Я передумала, сказала она вошедшей Анфисѣ, съ совершенно уже спокойнымъ видомъ: — мы нынче же въ ночь отправимся въ Петербургъ. Что здѣсь, тоска! неправда ли, Анфиса, съ ума сойдешь?

— Что и говорить, сударыня! вовсе глушь, индо жутко. Что жь, прикажете отослать Владиміру Ивановичу его портфель?

— Да, да, надо отослать; спасибо, что напомнила. Впрочемъ, нѣтъ, не нужно, отдамъ сама при свиданіи. Онъ вѣрно скоро будетъ въ Петербургъ.

— Есть, сударыня, вѣрная примѣта, сказала Анфиса двусмысленно ухмыляясь: — что кто забудетъ гдѣ, тотъ туда скоро и вернется.

— Тѣмъ лучше, подумала Вѣра Егоровна, пусть прокатится тридцать верстъ къ моему старостѣ. Однакожъ она не высказала этого великодушнаго желанія своей горничной. — Ты теперъ поѣдешь вмѣстѣ со мной, Анфиса, сказала она ей очень ласково. Тотчасъ по возвращеніи нашемъ въ Петербургъ я тебѣ дамъ одно порученіе; дорогою я тебѣ скажу въ чемъ дѣло..., Надѣюсь, что я могу на тебя положиться, ты не продашь меня, — а?

— Ахъ помилуйте, матушка Вѣра Егоровна, какъ можно съ

извольте быть покойны. Да я отцу родному не дамъ слова объ васъ сказать: всякому глаза выцарапаю. У меня только и словъ, что барыня моя ангелъ! Это всъ знаютъ; у кого угодно извольте спросить.

— Да, я увѣрена, что ты меня любишь, да и грѣшно бы тебѣ было не любить меня, Анфиса. И съ тобою обращаюсь не такъ, какъ съ горничной, а почти какъ съ подругою; кажется, это можно поцѣнить? и скажи чего у тебя нѣтъ?

И все есть, подумала про себя горничная, да что въ томъ, когда и ѣшь, и спи, и гляди, и говори все на твой ладъ.

— Да я никогда безъ слезъ даже и вспомнить не могу вашихъ милостей, сударыня, — отвѣчала она, выжимая слезы и закрывая глаза угломъ своего шелкового фартука. — Какъ есть вы мнѣ мать родная; то и говорю всякому: не госпожа, молъ, а мать.

— Вотъ возьми это себѣ на новое платье, сказала барыня, задобривая ее полумимеріаломъ. Да ужь и принимайся, Анфисушка, укладываться; бери только съ собою, что нужно для дороги, а это все послѣ насъ уберетъ и привезетъ съ собою Спиридонъ.

Горничная, умиленно разцѣловавъ ручки своей барыни, пошла приводить въ исполненіе ея приказанія, и за множествомъ суетъ успѣла только сказать Спиридону и прочимъ тутъ находившимся людямъ:

— Ну, честная компанія, поздравляю васъ съ седьмою пятницею на недѣль: вѣдь вѣльно укладываться; ѣдемъ въ Петербургъ нынче же. Такой капризъ нашель.

— Вотъ-те и здравствуй! отвѣчали ей; — идемте, братцы, все опять ворошить, прибавилъ Спиридонъ Елисеичъ. Эхъ ма, нигдѣ ей не сидитсл!

Въ ту же ночь при сребристомъ освѣщеніи полной луны, Вѣра Егоровна, сидя рядомъ съ своею Анфисою, катилась по петербургской дорожкѣ, и неумолкаемо проговорили онѣ до бѣлой зари.

Можегъ быть дойдетъ какъ-нибудь и до насъ отдаленное эхо этого ночнаго разговора.

ГЛАВА VI.

Софья, послѣ посѣщенія Раздумина, потерявъ окончательно всю надежду на возвращеніе Владиміра, и даже не желая ужь того, почувствовала такую нестерпимую пустоту въ душѣ, что ей казалось, что она отжила, и только призракъ ея еще бродитъ по холодной землѣ; но понимая, что если она вдастся въ бесплодную тоску,—ея несчастной, больной теткѣ придется или умереть съ голоду, или жить подаяніемъ, что всегда обимъ имъ казалось хуже самой смерти, бѣдная дѣвушка находила новыя силы бороться съ своей тоской. Высокая мысль, что она, слабое дитя, должна быть единственною опорой той, которая заступила ей мѣсто матери, заставляла ее думать, что не вправъ она предаваться своему горю, безотвязно твердившему ей: *скорѣй! скорѣй-бы заснуть навѣки!*

— Господи! думала бѣдная дѣвушка въ борьбѣ съ этимъ страшнымъ искушеніемъ: — отними у меня память, отними чувства, пусть превращусь я въ движущагося истукана, только дай силу и возможность исполнить до конца мой святой долгъ благодарности! И съ дивнымъ мужествомъ, какого нельзя-бы предполагать въ такомъ нѣжномъ созданіи, она гнала отъ себя, какъ ядовитую змѣю, всякое воспоминаніе о прошедшемъ, и просила тетку не произносить никогда при ней имени бывшаго жениха ея, не позволяя, впрочемъ, себѣ даже мысленнаго ему упрека. Изъ всѣхъ бездѣлокъ, подаренныхъ ей Владиміромъ, она нѣкоторыя продала по необходимости, другія запрятала съ глазъ долой. Цѣлый день на ногахъ, около больной своей, или по хозяйству, — вечеромъ она читала ей вслухъ духовныя книги, которыми богата была Клавдія Петровна. Когда же тетка засыпала, она принималась за иголку, и наконецъ, утомленная до изнеможенія, бросалась на постель и засыпала передъ зарею, чтобъ на завтра, съ первымъ лучемъ утренняго солнца, опять также механически начать и кончить день. Однимъ словомъ это одинокое дитя дѣйствовало съ самоотверженіемъ чисто христіанскимъ. Но чего жъ не вынесетъ и до какихъ совершенствъ не достигнетъ душа съ упованіемъ на Бога?

Трудно человѣку самому собою покориться мысли, что всѣмъ весело, всѣмъ привольно на землѣ, а ему все только горе, да горе; но если хоть разъ не одними устами, а всѣмъ сердцемъ скажетъ онъ: *Да будетъ воля Твоя!* онъ ужъ навсегда спасенъ отъ отчаянія, потому что святое слово это уже принесло съ собою отраду въ его скорби.

Раздуминъ навѣщаль ихъ довольно часто, сторожа, такъ сказать, удобный случай оказать имъ услугу. Его принимали съ любовью, съ благодарностью, но отвергли все предложенія денежнаго пособія. Софья согласилась только поручить ему доставлять ей заказы шить бѣлье, и, разумеется, работа не оскудѣвала: онъ считалъ за радость, хоть этимъ невиннымъ обманомъ, облегчить сколько-нибудь положеніе этихъ двухъ страдалицъ.

Каждый разъ все болѣе и болѣе удивлялся онъ терпѣнію и дѣятельности этой прекрасной дѣвушки, и полюбилъ бы ее до безумія, еслибъ не прочитывалъ на лицѣ ея постояннаго и совершеннаго равнодушія ко всему. Она цѣнила его участіе, много разъ благодарила его въ самыхъ нежныхъ, душевныхъ выраженіяхъ, но ему какъ-то чувствовалось, что это участіе цѣнится ею не для себя, а только для тетки, и что ей — какъ будто отжило. — Никогда ни скорби особенной, ни думы, ни улыбки не показывалось на ея исхудавшемъ, но все еще миломъ лицѣ. Казалось, вся жизнь ея сосредоточилась въ одно вниманіе къ своей больной, которая, видимо ослабѣвая, почти постоянно лежала въ постели за своего нищю, тѣмъ болѣе, что свѣтъ тяжелъ былъ для больныхъ ея глазъ, и — какъ обыкновенно бываетъ съ одержимыми хроническими недугами — Клавдія Петровна нѣкогда дѣятельная, заботливая, съ живымъ участіемъ къ каждому, не говоря уже о ея племянницѣ, теперь ни о чемъ болѣе не говорила, какъ о ходѣ своей болѣзни. Съ ангельскимъ терпѣніемъ выслушивала все эти повторенія бѣдная Соня, стараясь подавать ей надежды, которыхъ сама не имѣла. Раздуминъ бывалъ не рѣдко свидѣтелемъ этихъ сценъ, и не постигалъ возможности такого самоотверженія въ такой молодой дѣвушкѣ, истинно

страдалъ за нее. Онъ сравнивалъ ее, въ воображеніи своемъ, съ рѣдкимъ, прекраснымъ цвѣткомъ, распустившимся только съ утра и уже къ полдню опустившимъ головку, отъ того, что злой червь подточилъ его съ корня. Какое наслажденіе нашель бы онъ для своего добраго сердца, еслибъ позволено было ему окружить ее всеми удобствами жизни, доставить ей всѣ развлеченія, свойственныя ея возрасту. Но душа ея была чужда всему, что не относилось къ спокойствію ея благодѣтельница, томящейся на одрѣ-болѣзни. — Прежде страстная къ чтенію, Софья отказывалась даже отъ книгъ, предлагаемыхъ ей Раздумнымъ, боясь отклоненія отъ занятій болѣе нужныхъ, и считая это какъ бы роскошью, ей уже теперь недозволенной, — словомъ она точно наложила на себя наказаніе. Но за что же? Какой упрекъ можетъ таиться на совѣсти невинной дѣвушки, которая любила, вѣрила — и была обманута? Софья упрекала себя часто, жестоко, — и не безъ основанія: она упрекала себя въ неблагодарности къ старому другу своему Напольному.

Владиміръ не любилъ Напольнаго, и не хотѣлъ, чтобъ невеста его къ нему писала. И Софья послушалась своего Владиміра и пожертвовала ему младенческимъ спокойствіемъ своей совѣсти, потому что кромѣ нанесеннаго огорченія пестуну ея дѣтства, ей приходилось лгать своей теткѣ, которая постоянно крушилась о томъ, что забыта вѣрнымъ другомъ своимъ, — а тотъ не зналъ даже и адреса ихъ въ Петербургѣ.

Покуда въ душѣ дѣвушки жила любовь и жило счастье, она, (что грѣха таить!) не слишкомъ часто вспоминала объ отсутствующемъ другѣ; но когда постигла ее скорбь безотрадная, то готова-бы была она уйти пышкомъ къ нему: ей думалось, что при немъ возвратилась бы къ ней и ребяческая ея безопасность прежнихъ дней; но она не считала уже себя достойною его участія, и ей почти столько же было тяжело вспоминать и говорить о немъ, какъ и о Леонидовѣ, котораго, въ простотѣ души своей, она считала не болѣе виноватымъ противъ себя, чѣмъ она была сама виновата противъ Напольнаго. И все горькое, случившееся съ нею, принимала она за возмездіе, ея заслу-

женное. Такъ безцвѣтно тянулись дни невозвратимой молодости для бѣдной нашей Сони, и уже прошелъ не одинъ мѣсяць со дня перваго, роковаго для нея свиданія съ Раздумнымъ; во все это время ни жизнь, ни чувства ея нисколько не измѣнились.

Вотъ и весна, свѣтлая, теплая, давно уже веселить, вѣчно чѣмъ-то озабоченныхъ, петербургскихъ жителей, только въ эту пору года, какъ будто возвращающихся на мгновеніе къ простымъ сельскимъ удовольствіямъ, къ которымъ манитъ насъ природа. И старѣй и молодой спѣшать надѣваться благотворнымъ воздухомъ, въ запасъ ожидающей ихъ лѣтней пыли и потомъ безконечной зимы. Всѣмъ хочется полюбоваться пробужденіемъ красавицы Невы, осужденной спать болѣе половины своего вѣка, и всегда съ такою стремительностью разрывающей свое бѣлоснѣжное покрывало. Съ набережной всѣ спѣшать на вѣчно шумный Невскій Проспектъ и разсыпаются по магазинамъ, заказывая лѣтніе костюмы для дачъ, закупаая книги, въ которыя заглянуть не достанетъ времени. Сколько плановъ, сколько радостныхъ надеждъ воскресло подъ вліяніемъ отрадной весны! лишь для Сони одной не рѣдветъ мрачный туманъ, тяготяющій надъ ея молодой головою. Вотъ, поздно вечеромъ, сидитъ она съ неразлучнымъ своимъ нитѣмъ за догорающимъ сальнымъ огаркомъ, котораго свѣтъ неприятно сливается съ полусвѣтомъ майской ночи; дѣвушка по временамъ, оставляя свою работу, прокрадывается, едва касаясь пола, къ самой ниши и прислушивается къ дыханію спящей тетки, которая весь тотъ день особенно часто жаловалась на головную боль и неловкость во всемъ тѣлѣ, долго не могла успокоиться съ вечера, часто просила пить, и нѣсколько разъ принималась плакать. На всѣ убѣжденія Софьи: *поберечь свои глаза*, она отвѣчала съ усиленными слезами: *Ахъ, Сонюшка! горько быть забытой тѣмъ человѣкомъ, котораго считала вѣрнымъ другомъ себя.* — Эти слова какъ тупымъ пожемъ ударили въ сердце дѣвушки: они высказывали и ея собственное зарытое въ душѣ горе, они задѣвали и совесть ея. Ей страшно хотѣлось признаться Клавдіи Петровнѣ въ своемъ проступкѣ противъ нее, противъ общаго ихъ друга

Нанюльнана, но видя ее уже и безъ того взволнованную, она побоялась еще больше разтревожить ее, и отложила свое признаніе до минуты болѣе спокойной. Наконецъ умаялась и уснула больная, но сонъ ея былъ тревоженъ; она проносила невнятные слова, металась на постель, сбрасывала съ себя покрывало, Софья бросила работу и съѣла у ея изголовья; вараугъ Клавдія Петровна вскочила и съѣла въ постель, и протяживая руки съ радостнымъ выраженіемъ, проговорила: Мой другъ! мой сердечный другъ! ты вспомнилъ наконецъ меня! Вотъ тебѣ, моя Соня, — возьми, береги ее. — Дѣвушка въ испугъ притаила дыханіе; она очень понимала, что тетка ея въ бреду, но ей какъ будто не хотѣлось раскликать ее.... Пусть хоть во снѣ, хоть въ горячкѣ утѣшится душа ея!... И не все ли равно человеку, дѣйствительностью или мечтой счастливъ онъ?

Вараугъ Клавдія Петровна сорвала повязку съ больныкъ своихъ глазъ, отбросила ее въ сторону, и, потирая рукою лобъ, слабымъ голосомъ звала Софью.

— Я здѣсь, тетенька, здѣсь, мой другъ, повторяла дѣвушка, замѣтивъ, что Клавдія Петровна какъ-то дико озиралась.

— Нельзя ли огня вздуть? сказала робко старушка, дрожа всѣмъ тѣломъ: я что-то озябла, мой другъ.

Соня, съ страшнымъ замираніемъ сердца, взяла свѣчку изъ-за ниши и поставила ее на столикъ подлѣ самой ея кровати.

— Соня! я просила огня, — повторила жалобно больная. Дѣвушка не могла уже больше владѣть собою: опустила голову на подушки больной и громко зарыдала. — Она поняла, что несчастная ея тетка совсѣмъ ослѣпла.

— Что съ тобою, мой другъ? спросила Клавдія Петровна, обшаривая, — и рука ея коснулась зажженной свѣчки.

Поняла, бѣдная, что закатился для нее свѣтъ Божій до радостнаго разсвѣта.

Нѣсколько минутъ глубокая тишина этого жилища скорби прерывалась только рыданіями дѣвушки.

Клавдія Петровна, сложивъ руки на груди, молчала.

*

Покорившись въ безмолвной молитвѣ безотрадной своей будущности, она оцпущью наложила свою руку на голову плачущей дѣвушки.

— Перестань плакать, дитя мое! сказала она такъ твердо, какъ ужь давно не говаривала; — я пнимаю тебя: ты оплакиваешь мое несчастье, мою неизлечимую теперь слѣпоту.... но посмотри на меня — я спокойна. Ты вспомни то, мой другъ, что все къ лучшему, что ни дѣлаетъ Господь!... Я сейчасъ докажу тебѣ, что теперь мое положеніе не хуже, а лучше будетъ. Да не плачь же, Сонюшка! сядь подлѣ меня, на постель.... вотъ такъ, дай мнѣ свою руку, прижмись ко мнѣ... ну, вотъ такъ хорошо, поговоримъ теперь. Ты слушай меня со вниманіемъ и не сомнѣвайся въ томъ, что я буду говорить тебѣ истинно, какъ чувствую. Пойми сперва вотъ что, душа моя: покуда оставалась мнѣ надежда сохранить зрѣніе, мысли мои безпрестанно вертѣлись около одного и того же предмета: сама чувствую, что не могла ни о чемъ больше говорить, и страшно мучилась въ душѣ моей, что лишена средствъ лечиться постоянно; а такая непокорность своему положенію — тяжкій грѣхъ, Сонюшка! — Теперь эта забота прочь. Совершилась воля Божія! Благодарю Его, моего Создателя! Теперь я спокойна духомъ, и ты увидишь какъ возобновятся мои силы; еще и бродить начну по-прежнему; вѣдь ты мнѣ надежный костыль, моя Соня. Но еще не въ томъ главное утѣшеніе мнѣ, что бродить могу, а въ томъ, другъ мой, что мысль-то моя теперь свободнѣе паритъ къ милосердому Отцу Небесному. Вѣришь ли ты, что я во всю жизнь мою такъ отрадно не молилась, какъ въ ту минуту, когда увѣрилась, что совершенно ослѣпла. Теперь мнѣ какъ-то оцщутельнѣе, чѣмъ когда-нибудь, ежеминутный покровъ Божій надъ несчастнымъ человѣкомъ. Онъ сотворилъ, Онъ и не оставитъ!... Да и самыя-то наказанія Господь посылаетъ милостиво. Представь, какой я пріятный сонъ видѣла сейчасъ: вѣдь повидалась съ нашимъ другомъ Иваномъ Николаевичемъ, наговорила съ нимъ, и тебя ему сдала съ рукъ на руки, и какъ будто что отлегло у меня отъ сердца. Такъ и сдается, что такой сонъ не даромъ. — А ты никакъ ужь очень давно не писала къ нему, Сонюшка?... Утѣшь меня, на-

пиши ему,—все напиши! Нужды нѣтъ, что онъ сердить на насъ, но я той вѣры, что сердце сердцу вѣсть подаетъ, и онъ непременно откликнется намъ, если только живъ, мой голубчикъ, — примолвила она съ глубокимъ вздохомъ.

Соня, обнимая тетку, цѣлуя ея руки, обѣщала немедленно исполнять ея желаніе; и когда больная уснула, она, чувствуя себя слишкомъ взволнованной, чтобы надѣяться также уснуть, рѣшилась лучше не ложиться. Ужь разсвѣтало, но еще ни души не было на улицахъ, даже дворники не выползали изъ своихъ каморокъ. Софья простояла нѣсколько времени у открытаго окна; свѣжій утренній воздухъ благотворно подѣйствовалъ на нее. Но смотря на великолѣпное зрѣлище пробуждающейся природы, на это солнце, котораго ужъ никогда не увидить ея вторая мать, бѣдная дѣвушка горько заплакала. Потомъ, размысливъ о давно небываломъ спокойствіи и умиленіи, съ какими приняла этотъ новый ударъ ея добрая тетка, она, благоговѣнно и крѣпко сложивъ руки, отъ сердца сказала: Вѣрую, Господи, что все посланное Тобою, всегда на пользу намъ; да будетъ воля Твоя! И подъ вліяніемъ этого святаго чувства она съела писать къ Наполеому.

« Я не смѣю назвать васъ какъ бывало: *другомъ моимъ*,
« уважаемый Иванъ Николаевичъ, покуда не услышу отъ васъ
« себѣ прощенія. Вотъ вамъ сердечная исповѣдь моя, и въ нѣ-
« сколькихъ словахъ вся исторія моей жизни. — Я полюбила
« Леонидова, и это чувство затмило мой разсудокъ, испортило
« сердце, убило совѣсть во мнѣ. Замѣчая, что Леонидовъ вамъ
« не нравится, и боясь вліянія вашего, я убѣдила тетеньку
« поспѣшить нашимъ отъездомъ изъ В... до вашего туда
« возвращенія, и удержала то письмо, которымъ она извѣщала
« васъ о своемъ намѣреніи. Изъ Петербурга я не написала
« вамъ ни разу, не смотря на приказаніе тетеньки, потому что
« Владиміръ не хотѣлъ этого. Добрая тетенька моя огорчалась,
« не получая отъ васъ отвѣта, приписывая это досадѣ вашей
« на нее. И я не вывела ее изъ заблужденія, потому что
« Владиміръ требовалъ отъ меня того, — а Владиміръ.... поки-
« нулъ, забылъ меня!...

« Скажите, незабвенный другъ моего дѣтства, не есть ли
« то перстъ Божій?

« Съ тѣхъ поръ, какъ стала одинока душа моя, не про-
« ходило дня, чтобъ я васъ нѣсколько разъ не вспомнила. Ки-
« нить во мнѣ желаніе написать вамъ, признаться во всемъ,
« просить прощенія вашего, — но и теперь не посмѣла бы
« я на то рѣшиться, еслибъ не приказала мнѣ тетенька. Увы!
« добрый другъ, вы бы теперь ее не узнали: болѣзнь со-
« вершенно ее изнурила; она давно уже не встаетъ съ постели
« и, къ довершенію моего горя, нынѣшнюю ночь она совсѣмъ
« лишилась зрѣнія. Но еслибъ вы видѣли съ какою дивною
« твердостью приняла она это новое испытаніе, и какъ въ эту
« тяжкую минуту ея, любящая васъ, душа еще болѣе чѣмъ
« когда-нибудь, стремилась къ вамъ. О! для чего вы такъ да-
« леко отъ насъ? Если послѣ моего признанія вы еще можете
« вѣрить мнѣ, то повѣрьте, что я все попрежнему люблю,
« уважаю васъ, и что прощеніе ваше будетъ мнѣ великимъ
« утѣшеніемъ.

« Прилагаю нашъ адресъ, и умоляю васъ, не для меня, —
« я этого не стою, — а для больной моей, вашего вѣрнаго друга,
« напишите намъ скорѣе».

Окончивъ это письмо, Софья удивилась сама какъ спо-
койно было на душѣ у нея. Въ бесѣдѣ съ другомъ счастливаго
своего дѣтства ожили въ ней воспоминанія того времени,
когда не знала она еще сокрушительнаго слова: *любовь*, —
и въ первый разъ послѣ разрыва своего съ Леонидовымъ она
не гнала прочь думъ своихъ.

Высоко взошло солнце, а Соня, склонясь на жесткій
клеенчатый диванъ, еще спала такъ, какъ спится только
дѣтямъ да счастливымъ.

ГЛАВА VII.

Не поскучайте, читатель, если я возвращусь теперь за годъ назадъ и напомию вамъ стараго поручика Напольнаго, который, если припомните время переселенія Клавдіи Петровны съ племянницею изъ уѣзднаго городка въ Петербургъ, быть тогда на слѣдствіи въ какомъ-то большомъ экономическомъ селеніи. Это было въ началѣ іюня.

Доходили до него неоднократно слухи о намѣреніи друзей его оставить навсегда ту сторону, но какъ они не извѣщали его о томъ, онъ принималъ эти рассказы не иначе какъ за шутку, за охоту позабавиться надъ нимъ, старикомъ,—потому что всѣ въ томъ краю знали его платоническую любовь къ прекрасной Софьѣ Эланиной, и безпрестанно поджигали его комическую ревность къ молодому Леонидову.

Однакожь онъ написалъ Клавдіѣ Петровнѣ о доходящихъ до него слухахъ, спрашивая ее: на сколько заслуживаютъ они вѣры; и спокойно ожидалъ ея отвѣта, въ несомнѣнной увѣренности, что она никогда и не подумаетъ даже отклонить его отъ участія въ такомъ важномъ событіи въ ея жизни.

Въ разлукъ съ милыми, единственнымъ развлеченіемъ и наслажденіемъ для добраго старика было, послѣ нѣсколькихъ часовъ занятія за письменнымъ столомъ, въ волостномъ приказѣ, отобѣдать, отдохнуть часокъ-другой, и потомъ сѣсть на завалинку, отведенной ему для квартированія избушки, и распивать тутъ чаекъ часа два-три сряду, подчивая старуху, хозяйку свою, и одѣвая крошечными кусочками сахару окружающихъ его ребятишекъ. Надо прибавить, что почтенный Напольный, воспитанный въ бѣдности, соблюдалъ во всемъ строгую экономію; особливо сахаръ считалъ онъ за что-то очень драгоцѣнное.

Въ этотъ роковой для него вечеръ, посланный въ городъ за бумагами разсылъный, долженъ былъ непременно возвратиться. Ожиданіе съ нимъ вѣсточки отъ друзей своихъ особенно хорошо настроило духъ Ивана Николаевича. Онъ былъ

очень говорливъ, и щедрѣе обыкновеннаго подчиваль старуху и лакомилъ ребятишекъ, самъ безпрестанно посматривая на дорогу, которая, извиваясь по гладкой покатоности къ селу между озимями, издалека виднѣлась съ того мѣста, гдѣ занимался чайнымъ дѣломъ нашъ почтенный ветеранъ. Густое облако пыли, только что показавшееся изъ-за лѣса, заставило его немедленно прекратить свое наслажденіе. Онъ проворно заперъ дорожный погребчикъ свой, какъ водится, обтянутый тюленьей шкуркой; велѣлъ старушкѣ снести его въ избу и поставить въ головахъ его койки; наказаль ей убрать потомъ къ мѣсту самоваръ и чашки; крикнулъ на ребятишекъ, чтобъ не смѣли касаться до этихъ сокровищъ, и не захвативъ даже своей милой военной фуражки (онъ отставленъ былъ съ мундиромъ и постоянно носилъ эту форму), — проворно, какъ двадцатилѣтній юноша, пустился навстрѣчу пыльному столбу.

Это оказался поѣздъ мѣстнаго исправника, добраго весельчака, съ которымъ Напольный былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, не смотря на то, что тотъ не пропускалъ никогда случая позабавиться надъ ревнивою страстью Ивана Николаевича къ Софѣ, и не иначе называль его какъ Отелло.

— Изъ какихъ странъ, дружище? закричалъ ему Напольный.

— Да прямо изъ нашей Венеціи, отвѣчалъ исправникъ, перевѣсиваясь всѣмъ тучнымъ тѣломъ своимъ изъ дощатой тельги. Что, братъ! прогулялъ свою Дездемону, вѣдь въ Питеръ укатила.

Лихая тройка умчала веселаго исправника.

— Все одна пѣсня, сказалъ Иванъ Николаевичъ, махнувъ вслѣдъ ему рукою, — такъ вотъ я и повѣрилъ тебѣ! Нѣтъ, братъ, дудки; молодъ еще меня надувать! Напольный пожилъ таки въ свое на бѣломъ свѣтѣ; много кой-чего видѣлъ, много и глупостей надѣлалъ, а въ друзьяхъ еще, слава Богу, не ошибался.... И что имъ за радость нести околесную?... Ну, люблю Соничку больше души своей.... а имъ какое дѣло?

И пошелъ себѣ Иванъ Николаевичъ далѣе, все поглядывая вдоль дороги.

— Да чтой-то нашъ разсылный запропастился сегодня, — думалъ онъ, все продолжая свой путь; давно бы пора пріѣхать?... Хлебнулъ-чай на дорогѣ, закалякался гдѣ у кабака, да и скажетъ, что подводы не скоро добился... Ужь народецъ! А и то сказать, нельзя-жъ иногда ихъ брату не выпить, — въ трудахъ, въ разъѣздахъ, не доспать въ частую! Мы такъ вотъ пьемъ ни съ того, ни съ сего, а имъ и Богъ простить; умато бы только не пропивали.

Такъ разсуждая, зашелъ онъ порядочно далеко отъ села.

Наконецъ опять запылдось вдаль. Напольный пріостановился.

— Ну, ужь это онъ! вотъ здѣсь сказалю, — проговорилъ старый воинъ, ударивъ себя тихонько кулакомъ въ грудь; — ужь самый вѣрный докладчикъ у меня сердце: закатилось — и жди вѣстей!... Стой!... закричалъ онъ безошибочно; — есть что ль письмо ко мнѣ?... Давай сюда, слѣзь.

— Есть, ваше благородіе, отвѣчалъ солдатъ, спрыгнувъ съ двухъ-колесной тележки, (называемой одромъ), и доставая изъ-за пазухи письмо.

Рука Напольнаго дрожала, когда онъ принялъ его.

— Это не отъ Клавдіи Петровны, не ея рука, — сказалъ онъ съ какой-то робостью. — Еще нѣтъ ли мнѣ письма?

— Никакъ-нѣтъ-съ.

— Ну, ступай.

Солдатъ вскочилъ на одеръ и отправился въ село. Напольный медленно побрелъ туда-же; письмо онъ несъ въ рукахъ распечатанное.

— Ахъ я полоумный! вдругъ щелкнувъ себя ладонью въ лобъ, сказалъ, развеселясь, Иванъ Николаевичъ, — да въ пакетъ то никакъ два письма, вотъ слышна печать. То-то думаю: какъ имъ не отвѣчать мнѣ?... Этого никогда не бывало?... И пакетъ тотчасъ былъ распечатанъ. Дѣйствительно, въ немъ было еще другое письмо запечатанное, но Напольный съ одного

взгляда узналъ въ немъ свое собственное, адресованное Клавдіи Петровнѣ, — и оно выпало изъ рукъ его на песчаную дорогу и оставалось тутъ. Другое было отъ почтмейстера слѣдующаго содержанія:

«По случаю не найденія въ городѣ лица, къ которому адресовано было письмо ваше, почтеннѣйшій, посылаю вамъ оное обратно. Клавдія Петровна Залѣсская, съ своею племянницею, ужь съ недѣлю какъ присылали за почтовыми лошадами, съ подорожною, взятою до Санктъ-Петербурга».

Подкосились ноги храбраго воина, и онъ съль на край пыльной дороги. Его душило точно такъ же, какъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда послѣ славной битвы подъ Бородинымъ нашель онъ въ числѣ убитыхъ своего товарища и друга. И тогда точно также ни одна слеза не пришла на помощь ему:

Въ сосѣдней рощѣ соловей заливался трелями, какъ бы слава вечернюю прохладу послѣ знойнаго іюнскаго дня. Луна выглянула изъ-за села, полная и ясная, какъ лицо сельской красавицы; вотъ переплыла ужь она и по поднебесью, и повстрѣчавшись съ выходящею изъ-за горы денницею, точно устыдилась простой красоты своей и спряталась за густую березовую рощу. Вотъ зашевелились и зачиликали цѣлыми семьями птички, защелкали въ травѣ кузнечики; рѣзвые бабочки пустились въ погоню другъ за дружкой; — послышался и давно замолокъ уже рожокъ пастуха... и наконецъ жаркій лучъ полуденнаго солнца ударилъ прямо въ непокрытую голову еще сидящаго все на томъ же мѣстѣ Напольнаго.

Онъ вскочилъ, какъ бы очнувшись отъ угара; понялъ, что онъ просидѣлъ неподвижно, не сомкнувъ глазъ болѣе полусутокъ; устыдился своего малодушія, и съ сердечнымъ возношеніемъ воздѣлъ руки свои къ Тому, Кто заповѣдалъ призывать себя въ день скорби, вмѣняя ее въ заслугу человеку.

Старушка-хозяйка Напольнаго встрѣтила его за воротами, забоясь, можетъ быть, столько-же о немъ, сколько и о чаѣ, къ которому онъ ее пріучилъ въ эти нѣсколько недѣль квартированія своего въ ея избушкѣ.

— Чтой-то ты, родимый, гдѣ ноченьку-то изночевалъ? — спросила она его нѣсколько строгимъ тономъ. — Мы всей семьей надумались о тебѣ, глазоньки-проглядѣли! Слышь и въ приказѣ не дождались тебя. Ой! ой! родимый, родимый! — продолжала старуха, раскачивая головою и слѣдуя за нимъ шагъ за шагомъ въ избу, — диви молодые, а ужъ намъ старикамъ какія гулянки. Поставить чтоль самоварчикъ-отъ? А?

— Пожалуй поставь, бабушка, напьемся.

— Аль не обѣдать-ли собратъ? Ужъ народъ-пообѣдалъ и на полотья ушли.

— Пожалуй хотъ обѣдать, бабушка, какъ сама знаешь.

— То-то, ворчала про себя старуха, принявъ заслонку отъ печи и доставая изъ нея ухватомъ горшокъ со щами, — то и есть, что все то хорошо къ порѣ да ко времечку; а то куда ужъ спустя лѣто да въ лѣсъ по малину?... И рѣчей нѣтъ, и чай-отъ ужъ не взмиллся! Охъ ма!... Не даромъ, видно, слыветъ пословица: съдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро... прости Господи!... — Откушай щецъ, сударикъ, продолжала она, ставя на столъ деревянную чашку: — славныя такія, упрѣли добръ; да такъ сальцемъ и подернулись; убоинка нынѣ удалась, корма были слава Богу... кушай на здоровье; а я докамѣсть самоварчикъ раскурю; давно водицей налила, — свѣжей принесла, и угольковъ наложила, за-разъ вздую. А опосля и всхрпни маленько; глядь: на тебѣ и лица-то нѣтъ, словно съ похмѣлья, не во гнѣвъ тебѣ сказать.

Напольный былъ владельцемъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ земли, душъ восьми крестьянъ, да старой хижинны съ другими жильными строеніями, называемыми господскою усадьбою. Это небогатое прѣмѣстье находилось среди однодворческаго селенія, верстахъ въ семидесяти отъ извѣстнаго намъ уѣзднаго города, и совершенно въ какомъ-то захолустѣ. Въ десять лѣтъ одинъ разъ бывалъ тамъ Иванъ Николаевичъ и то на самое короткое время, и всегда говаривалъ, что не хочется ему доживать до дряхлой старости; потому что придется тогда оставить службу и жить въ этой глуши, а онъ безъ бесѣды пріятельской съ ума сойдетъ со скуки. И дѣйствительно не могло быть чело-

вѣка общительнѣе его. Поиграть ли въ карточки, повеселить-ли барышень, попѣть-ли, потанцовать-ли даже, — безъ него и пирь не въ пирь, и веселье не въ веселье, не смотря на его за-шестьдесятъ лѣтъ. Стало-быть всѣ, да, кажется, и онъ самъ былъ увѣренъ, что умретъ на службѣ.

Вдругъ ни съ того, ни съ сего подалъ онъ въ отставку. Всѣ знакомые и даже сослуживцы его закричали въ одинъ голосъ: Не пускать его, не пускать! — Но ни какія убѣжденія не поколебали этого намѣренія; онъ отзывался разстройствомъ здоровья, желаніемъ отдохнуть нѣкоторое время, позаняться хозяйствомъ, — и получивъ отставку, ни съ кѣмъ даже не простившись уѣхалъ въ свое захолустье.

Разумѣется, сперва въ городѣ поохали, почти всѣ пого-ревали искренно, а тамъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, и позабыли о немъ, какъ забывается людьми все на свѣтѣ.

Въ помѣстьѣ своемъ онъ повелъ странную жизнь. Призвавъ свою стряпуху, онъ приказалъ ей разъ навсегда, готовить для него всякій день два блюда, какія захочетъ, только бы не спрашивала она его никогда ни о чемъ. Въ томъ же родѣ было отдано приказаніе отставному унтеръ-офицеру сослуживцу его Потапычу, котораго давнымъ давно пріютилъ онъ у себя, и который вообще завѣдывалъ хозяйствомъ; впрочемъ, ему только одному и оставлено было право входить въ единственную комнату Ивана Николаевича, но не иначе, какъ по призыву его. Послѣ этихъ распоряженій онъ заперся, снялъ съ себя свою *амлушику*, (такъ называлъ онъ свой неизмѣнный военный сюртукъ съ краснымъ воротникомъ), самъ вычистилъ все и подвѣсилъ вѣствѣ съ мундиромъ, на которомъ красовался въ петлицѣ Георгіевскій крестъ, въ шкапъ со стеклянными дверцами, напротивъ своей кровати; облекся въ старую военную шинель, отпустилъ бороду и не выходилъ никуда. Только по воскреснымъ днямъ, и то въ лѣтнее время, видали его иногда сидящаго подгорюнясь подъ окошкомъ и распѣвающаго заунывно:

Цвѣли, цвѣли цвѣтики, да поблекли!

Любилъ, любилъ милый другъ, да покинулъ!

Сперва, какъ вездѣ водится, люди его потолковали, подивились такому диковинному образу жизни своего господина; заключили, что баринъ ихъ или не въ своемъ умѣ или, можетъ статься, и запиваетъ; допрашивали поочередно старика Потапыча; не дознались отъ него ничего; наконецъ всѣ привыкли, позабыли думать о томъ, и дѣло шло тѣмъ же порядкомъ ужь слишкомъ годъ.

Разъ какъ-то къ концу лѣта, ѣздившій зачѣмъ-то въ городъ однодворецъ того села привезъ оттуда письмо на имя Ивана Николаевича, и сообщивъ о такомъ событіи всѣмъ ему попадавшимся, вручилъ наконецъ это посланіе по принадлежности, чрезъ его вѣрнаго сослуживца Потапыча. Это было эпохою въ дворнѣ, и всѣ отъ мала до велика провожали до господскаго крыльца стараго унтеръ-офицера, когда онъ понесъ письмо къ барину. Но каково жь было общее удивленіе, когда спустя часъ послѣ этого событія, самъ баринъ вышелъ на крыльцо, обритый и одѣтый въ свою военную форму, и съ бравымъ и веселымъ видомъ приказывалъ: выдвинуть изъ сараю старую свою одноколку, осмотрѣть въ порядкѣ ли она, выколотить пыль изъ подушки, и задать двойную порцію овса заслуженному его коню, Кавбу, а потомъ подковать его на всѣ четыре ноги.

На слѣдующее утро, распроставшись съ своими домашними, которыхъ одарилъ до послѣдняго ребенка, сопровождаемый ихъ благословеніями, онъ сѣлъ въ свою одноколку, взялъ возжи изъ рукъ Потапыча, перекрестился и уѣхалъ одинъ.

Куда? зачѣмъ? не зналъ никто въ домѣ, развѣ кромѣ стараго солдата, но отъ него развѣ узнаешь что-нибудь.

Игрившіе на выгонъ ребятишки рассказывали потомъ, что Иванъ Николаевичъ, выѣхавъ за околицу, остановилъ лошадь, выѣзъ изъ одноколки, поклонился на всѣ четыре стороны, и потомъ досталъ изъ кармана платокъ и закрылъ имъ глаза; а тамъ сѣлъ опять и прѣтко погналъ своего коня.

— Знать, опять на службу собрался, голубчикъ нашъ, заключили изъ того его домочадцы. Когда-то Богъ велитъ опять дождаться!

ГЛАВА VIII.

Читатель! если вы удостоиваете сколько-нибудь вашимъ вниманіемъ не мудрые, но, право, задушевные мои рассказы, вы, можетъ быть, могли замѣтить, что я сколько возможно избегаю вышательства не чисто русскихъ выраженій, но что дѣлать, если никакъ не подберу на нашемъ богатомъ, звучномъ языкѣ, слова объясняющаго то, что вообще понимается нами подъ названіемъ *граціозности*. А мнѣ приходится поговорить о ней по поводу того, что въ одно прекрасное утро, которое добрый Алексѣй Петровичъ Раздуминъ провелъ у постели слѣпой Клавдіи Петровны, онъ вышелъ отъ нея не въ нормальномъ расположеніи духа, а именно: его не то, чтобы взволновала, а какъ-то особенно пріятно впечатлѣла необыкновенная граціозность ея племянницы, Софьи.

— Вѣдь родятся же такія чудныя созданія! разсуждалъ онъ самъ съ собою, спускаясь медленно съ безконечной ихъ лѣстницы. Худа, блѣдна, почти въ рубища, почти безсловесна, и совсѣмъ тѣмъ пріятно быть съ ней, пріятно слѣдить за каждымъ ея движеніемъ. Кажется, ужъ менѣе заниматься собою какъ она невозможно! Но встанетъ, сядетъ, подасъ стаканъ воды больной, все хотъ рисуй. Чтожь это за особенный даръ въ ней, какого не встрѣчалъ я никогда ни въ одной красавицѣ? А кажется довольно видалъ ихъ на своемъ вѣку. Засмотришься, бывало, глазъ отвесть не захочется — ушла и забылъ о ней, а на эту все какъ будто еще смотришь и тогда, какъ ужъ не видишь ее, и мучаетъ тебя неодолимое желаніе ей понравиться, быть чѣмъ-нибудь для нее, — тогда какъ очень понимаешь, что совершенно недоступно это желаніе.—Ея молодое сердце слишкомъ было поражено предательствомъ этого Леонидова, и, кажется, полюбить въ другой разъ она ужъ не можетъ? По крайней мѣрѣ я такъ думаю. Я прочитываю на лицѣ ея отвращеніе и ужасъ, когда въ разговоръ моемъ съ ея теткою уммышленно коснусь любви, брака, вѣрности. О! тогда страшно, но все-таки заманчиво смотрѣть на нее. Это дитя природы не умѣетъ смаскировать своихъ чувствъ:

она содрогается всемъ тѣломъ, губы ея блѣднѣютъ и дрожать, глаза высказываютъ негодование.... Одна минута, кажется, — и она лишится разсудка... какова жь должна быть любовь въ этой пылкой, простой душѣ?... и предпочесть ей дюжинную кокетку! Въдь такія натуры какъ Софья, рождаются, можетъ быть, въками. И вотъ во милости избалованнаго, дряннаго повѣсы она пропала для счастья порядочнаго челоуька. Положимъ, пройдетъ это впечатлѣніе, она пойдетъ за-мужъ, — но что же ожидать ея мужа? Или она замучаетъ его недоуьрчивостью, или будетъ вымѣщать на немъ невозвратную утрату перваго чувства своего и сдѣлается бездушною кокеткою. Нѣтъ лучше бы ужь умереть моею бѣдною Сонь.

— Позвольте васъ спросить, не въ здѣшнемъ ли домѣ живетъ г-жа Зальсская съ своею племянницею?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ Раздумину въ ту минуту, когда онъ заносилъ уже ногу на тротуаръ, довольно молодою женщиною очень примично одѣтою, но не съ отличными манерами. Эти вещи понимаются какъ-то съ перваго взгляда, въ интонаціи голоса, въ выборѣ выраженій, въ походкѣ, во взглядѣ,—однимъ словомъ во всемъ существѣ женщины хорошаго тона и подражаніе этимъ манерамъ всегда карикатурно, и резко бросается въ глаза.

— Здѣсь, отвѣчалъ Раздуминъ, озадаченный этою странностью, потому что напервое зналъ, что никогда, никто не бываетъ у его затворницъ. — Вы знакомы съ ними? прибавилъ онъ, приостановясь и вглядываясь въ вопросительницу.

— Никакъ нѣтъ-съ. Меня послала барыня къ нимъ съ письмомъ-съ.—Она показала замечательный пакетъ, адресованный на имя Софьи Эданиной?

— Кто жь барыня ваша?

— Не приказали сказывать, отвѣчала съ ужимками молодая женщина.

Почти подозрительнымъ показалось это посольство есторушному повѣстителю Софьи; — и онъ рѣшился дознаться настоящаго.

— Да какая жь тутъ можетъ быть тайна? Отъ женщины къ женщинѣ письмо, дѣло очень обыкновенное,—продолжалъ онъ, не спуская съ нее глазъ.

— Да какъ вамъ сказать-сь, отвѣчала она, опустивъ глаза съ кокетливою скромностью,— вотъ изволите видѣть, моя барыня не любитъ-сь, чтобъ знали, что онъ посылаетъ денегъ бѣднымъ.

— Да какъ же ваша барыня узнала объ нихъ?

— Не могу знать-сь, — видно слышали отъ кого-нибудь. Онъ всегда какъ услышать гдѣ о бѣдныхъ, тотчасъ ужъ и шлютъ меня.

— Ваша барыня видно очень добрая? да и вамъ также дѣлаютъ честь такія порученія; только на этотъ разъ вы напрасно трудились: я знаю тѣхъ къ кому вы посланы, и долженъ васъ предупредить, что г-жа Зальская и ея племянница ни отъ кого не принимаютъ подаваній.

— Такъ-какъ же мнѣ быть, сударь, съ этимъ письмомъ? Барыня подумаютъ, что я не сумѣла этого сдѣлать, разгнѣваются на меня, огорчатся, а онъ и такъ совсѣмъ нездоровъ, ужъ который день... Нѣтъ, во чтобъ ни стало, надо отдать имъ. Сдѣлайте ваше одолженіе, укажите, куда къ нимъ пройти? И она начинала уже взбираться на лѣстницу.

— Я ужъ сказалъ вамъ, что онъ не примутъ; — останавливая ее довольно нецеремонно за платье, сказалъ Раздуминъ. Вы только огорчите, оскорбите ихъ, и я... я васъ не пущу туда.

— Да какъ же мнѣ быть съ барыней своей?... повертываясь съ разными грасами, говорила посланница.

— Скажите какъ было дѣло, и все тутъ.

— Помилуйте, какъ можно-сь! они мнѣ не повѣрятъ.... воля ваша, я пойду.

— А я васъ не пущу,—настоятельно повторилъ Раздуминъ, не выпуская ее изъ рукъ.—И можно ли, чтобъ госпожа ваша, которая довѣряетъ вамъ добрыя дѣла свои, не повѣрила, когда вы скажете ей всю правду.

— Оно конечно-съ, да все неравно будетъ сомлеваться. Да и вотъ что-съ позвольте вамъ доложить: барыня изволили приказывать: помни, молъ, что мнѣ и день не въ день, въ который не удастся сдѣлать добраго дѣла. Что жь, сударь, вѣдь онѣ останутся на весь день какъ не свои, и кушать пожалуй не стануть, протоскують, — а онѣ и такъ нездоровы.

— И давно она нездорова?

— Да ужь таки давненько. Все жалуются на головку, а мнѣ, такъ сказать, думается, что онѣ очень тоскують, и плакать часто изволятъ, отъ того и хворь вся, да какъ еще черезъ меня огорчаться.... Нѣтъ, сохрани Господи, сами изволите видѣть, что нельзя проминовать, чтобъ мнѣ нейти туда.

— Еслибъ я не боялся обезпокоить вашей барыни, я бы самъ пошелъ къ ней съ вами, и объяснилъ бы ей въ чемъ дѣло.

— Ахъ, сударь, какъ бы это было прекрасно, — отвѣчала горничная, и глаза у ней запрыгали отъ радости. — Пойдемте... только, — примолвила она какъ бы спохватясь, — мнѣ неизвѣстно, примутъ ли онѣ васъ: который день никого не принимаютъ.

— Стало быть она серьезно больна? можетъ быть, въ постель? въ такомъ случаѣ, дѣлать нечего: идите, милая, однѣ къ ней.

— Нѣтъ-съ онѣ не лежать, сударь, — спѣшила сказать горничная: — онѣ сидятъ въ своемъ кабинетѣ съ книгою, а какъ заглянешь въ щелку на нихъ, не читаютъ, а все плачутъ. Оно бы лучше, кабы вы пожаловали къ нимъ.... онѣ ничего-съ.

— Но, можетъ быть, она такъ огорчена, что не желаетъ никого видѣть?

— Извѣстно, что огорчена, сударь; нельзя безъ того, дѣло ея вдовье, одинокое, всякій норовитъ пересудить, да обидѣть; утѣшить лишь некому. Сердце надорвалось, глядя на нея. А ужь доброта-то какая!

— Вы, кажется, очень любите свою госпожу?

— Какъ не любить, сударь: при нихъ съ малолѣтства; кромѣ милости ничего не видала. Онъ чудо какъ добродѣтельны. Что жь, сударь, изволите вы идти со мной?

Раздуминъ былъ въ душѣ филантропъ, и эти рассказы объ огорченной, одинокой женщинѣ, посвятившей жизнь свою подвигамъ челоѵколюбія, заинтересовали его на столько же, какъ и желаніе узнать: почему положеніе Софьи могло быть ей извѣстно? Онъ даже предвидѣлъ въ этомъ знакомствѣ отдаленную пользу для бѣдной дѣвушки, а въ такихъ случаяхъ онъ никогда не смотрѣлъ на свѣтскія приличія, — и призадумавшись на минуту, рѣшился идти съ словоохотливою горничною, которая, безпрестанно повертываясь на ходу всѣмъ корпусомъ, довольно скоро привела его къ подъѣзду большаго и красиваго дома. Тутъ она просила его обождать немного, общая много принести ему отвѣтъ, и пустилась бѣгомъ, черезъ дворъ, на заднее крыльцо.

Но этотъ мигъ показался Раздумину такъ продолжителенъ, что онъ, сказавъ: *надула видно*, сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ по троттуару въ обратный путь.

— Вернитесь! пожалуйте-сь! приказали васъ просить, вслѣдъ ему пропищалъ знакомый голосъ: — онъ точно лежали-сь, встали для васъ, дожидаются.

Раздуминъ, правду сказать, чувствовалъ какую-то неловкость, и едва ли не былъ бы радъ ускользнуть отъ этого посѣщенія, задуманнаго имъ въ первомъ порывѣ своего филантропическаго любопытства, но дѣлать было нечего: для него встали, одѣлись! Онъ пошелъ за горничною по широкой паркетной лѣстницѣ. Слуга во французскомъ сѣромъ кафтанѣ и въ шиблетахъ, дожидаясь его у растворенной двери, направо, въ бѣль-этажъ.

— Здѣсь; пожалуйте! — сказалъ онъ, и безмолвно предшествова нѣсколько сконфуженному Раздумину, довелъ его, чрезъ длинный рядъ комнатъ, къ затворенной двери, и опять сказавъ: *здѣсь*, удалился, едва касаясь пола, не хуже любой танцовщицы.

Раздумиѣ подѣ впечатлѣніемъ неловкости своего поступка съ женщиною по видимому высшаго круга, почти робко растворилъ дверь, и очутился въ такомъ мракѣ, что не вдругъ могъ различить окружавшіе его предметы, и стоялъ неподвижно.

Стѣны комнаты были темно-малиноваго цвѣта; того же цвѣта штофныя драпри у оконъ, и самыя окна, занавѣшены малиновыми шторами, сверхъ которыхъ еще были спущены бѣлыя, богато-узорчатыя, легкія занавѣски, допускающія только самый слабый свѣтъ въ эту комнату, — но свѣтъ розовый, теплый, чарующій.

Въ бархатномъ мягкомъ креслѣ, огромномъ и съ пре-высокою спинкою, тонула въ цѣломъ облакѣ кисеи и багиста женская фигура, которая при такой обстановкѣ казалась драгоценнымъ мраморнымъ изваяніемъ, скрытымъ въ роскошную и таинственную эту комнату отъ глазъ простаго любопытства, и только цѣнителямъ истинно-прекраснаго доступную.

Эта женщина протянула къ вошедшему стройную, бѣлую свою руку, до локтя скрытую широкимъ кружевнымъ рукавомъ, художественными складками спускавшимся съ этой алебастровой руки на темный бархатъ кресла. Слабый, но гармоническій голосъ просилъ извиненія въ этомъ пріемѣ домашнему, и приглашалъ посѣтителя занять мѣсто подлѣ нее, на такомъ же бархатномъ креслѣ, только меньшаго размѣра.

Раздумиѣ подошелъ неловко, съелъ неловко, началъ извиняться, — но рѣчь какъ-то не клеилась у него, однимъ словомъ, гусарскій ротмистръ совсѣмъ растерялся и занесъ нескладницу; по счастью скоро спохватился онъ и счелъ за лучшее замолчать, покуда соберется съ мыслями; но, вѣроятно, ему удалось высказать что-нибудь удобопонятное въ извиненіе своего страннаго посѣщенія, потому что хозяйка премилымъ голосомъ отвѣчала ему:

— Напротивъ, вы сдѣлали доброе дѣло. Вы вывели меня изъ самаго мучительнаго состоянія; мнѣ начинало казаться, что люди страшно холодны, и мнѣ самой стало хо-

лодно на свѣтъ, такъ холодно, что не захотѣлось жить, не только видѣть людей! И вдругъ мнѣ говорятъ объ васъ, и я рѣшаюсь васъ принять. О, поверьте, встрѣча наша не случайность. Я принимаю это за покровительствующую мнѣ судьбу. Я ожила, видите, я могу говорить съ вами, я почти ужь не страдаю. Пусть смѣются надо мной, но я вѣрю, хочу вѣрить сочувствію душъ, и принимаю васъ, какъ роднаго мнѣ, котораго жду давно, и зову къ себѣ всеми силами души моей.

Проговоривъ это, она остановила на немъ свои большіе, свѣтлые глаза, съ выраженіемъ такого довѣрія, такой доброты, такой простодушной ласки, что Раздуминъ готовъ былъ братски заключить ее въ своихъ объятіяхъ, — однакожь не исполнилъ этого, и все-таки не находилъ что отвѣчать на всю эту поэзію. Она сама поспѣшила вывести его изъ затрудненія.

— Я попала на свой конекъ, сказала она съ милою улыбкою, — и отвлекла васъ отъ цѣли вашего посѣщенія. Скажите, неужели я ничего, совсѣмъ ничего не могу сдѣлать для нашихъ несчастныхъ? Это мнѣ очень больно: моя горничная увѣряетъ, что совершенно невозможно и что вы хотѣли объяснить мнѣ почему.

Эти вопросы развязали наконецъ языкъ Раздумина, и сколько казалось ему возможнымъ, онъ ознакомилъ ее съ положеніемъ и свойствами Софьи и ея тетки.

Въ продолженіе его разсказа она казалась чрезвычайно растроганною, и потомъ неотступно просила его придумать, изобрѣсть для нее возможность — быть полезной этой милой, интересной двушкѣ.

— Вы не знаете, говорила она, какую великую услугу вы мнѣ окажете этимъ!... Я готова бы вамъ больше сказать, но мы слишкомъ еще недавно знакомы съ вами, чтобы я могла надѣяться, что вамъ сколько-нибудь интересно узнать мои чувства, мое положеніе въ свѣтъ, и тѣ невольныя ошибки въ моей жизни, которыя заставляютъ, можетъ быть, многихъ

судить обо мнѣ хуже, чѣмъ я есть. Обманутая много разъ въ довѣрїи моемъ къ людямъ, я, такъ сказать, возстала на нихъ, и не только не ищу оправдываться, но нахожу какое-то дикое удовольствіе быть понимаемой ими превратно. Вы первый, который вселяете во мнѣ желаніе быть узнанной. Я надѣюсь, мы будемъ видѣться? Неправда ли, будемъ?— повторила она, протянувъ ему руку.—И когда настанетъ минута взаимнаго довѣрїя, можетъ быть, и вы покаетесь мнѣ въ чѣмъ-нибудь, —прибавила она, лукаво улыбувшись. Скажите, когда мы увидимся опять?

Раздуминъ слишкомъ зналъ свѣтское обращеніе, чтобы не понять, что подобный вопросъ означаетъ учтивый отпускъ, и всталъ съ своего мѣста. Но его еще удержали на пѣскольکو минутъ, въ которыя взяли съ него слово навѣстить очень скоро свою новую знакомую, и тогда вмѣстѣ придумать: какъ и чѣмъ помочь той, которая была виновницею ихъ встрѣчи.—Я до тѣхъ поръ не успокоюсь,—сказала на прощанье прекрасная хозяйка.

— Ожидалъ ли я,—думалъ про себя Раздуминъ, возвращаясь тою же анфиладою комнатъ,—ожидалъ ли я найдти такое простодушное, милое созданіе въ свѣтской женщинѣ? Какъ странно въ самомъ дѣлѣ свела насъ судьба!... О я буду у нее! и если она при полномъ свѣтѣ такъ-же хороша, какъ показала мнѣ въ этой темнотѣ, то развѣ одна Софья можетъ назваться лучше ее. Но кто она? Кажется, я довольно верчусь въ свѣтѣ, но не помню, чтобы встрѣчалъ ее когда-нибудь. Правда, я не могъ хорошо всмотрѣться въ ея лицо: и темно, и не ловко было; замѣтилъ только ея глаза, какъ бы двѣ отрадныя звездочки, вдругъ блеснувшія мнѣ сквозь сумракъ осенней ночи въ скучной и безлюдной пустынѣ, называемой большимъ свѣтомъ.—О, да, я у ней буду! и очень скоро.—Это рѣшительное намѣреніе было принято имъ уже за дверьми, выходящими на парадную лѣстницу. Тутъ Алексѣй Петровичъ опять вспомнилъ, что уходитъ, не зная даже имени той, которая возбудила въ немъ такое участіе къ себѣ; онъ остановился, чтобы взглянуть на необходимую бронзовую

дощечку у входа каждой порядочной квартиры въ Петербургъ, и прочель:

В. Е. Кривская.

Его обдало холодомъ.

Какъ! та самая, которая завладѣла Леонидовымъ! О! теперѣ мнѣ понятно, почему она знаетъ Софью.

Почти сбѣжалъ съ лѣстницы Алексѣй Петровичъ и безъ оглядки поспѣшилъ домой; тамъ, облачась въ халатъ и закуривъ сигарку, погрузился онъ въ крѣпкую думу. Вся предубѣжденія его противъ этой женщины возстали съ новою силою, потомъ незаметно перешли они въ самое отчетливое припоминаніе его свиданія съ нею, и наконецъ мысль его остановилась на ея желаніи: *быть узнанной имъ однимъ*. Самолюбіе шепнуло ему, *что это желаніе искренно...* и остатокъ дня онъ провелъ дома одинъ, безъ занятія, — и не скучалъ.

— Анфиса! Анфиса! звала Вѣра Егоровна, когда по соображенію ея Раздумину слѣдовало уже быть внѣ ея дома.

Анфиса мигомъ предстала съ торжествующимъ лицомъ.

— Подними шторы, сказала ей барыня. — Скажи, чтобъ заложили карету и приди одѣть меня; подай лиловое баржевое платье, кружевной платокъ и бѣлую шляпку съ марабу; мнѣ пора на дачу къ кузинѣ.

Горничная подняла шторы, и сложивъ руки, остановилась противъ своей барыни, смотря на нее вопросительно.

— Что жъ ты стонишь?... А! понимаю. И Вѣра Егоровна вынула изъ ушей своихъ золотыя сережки.

— Возьми это себѣ, сказала она; ты молодецъ, Анфиса; а я, признаюсь, ужъ начинала думать, что ты оплошала.

— Я вѣдь вамъ докладывала, сударыня: дайте срокъ—все уладимъ. Волъ и поставили на своемъ, отвѣчала Анфиса, цѣлуя руку своей барыни. — А ужъ сказать, что не мало приняла я всячины съ этимъ дѣломъ, Вѣра Егоровна. Съ мѣсяцъ не могла добиться, гдѣ живетъ г-нъ Раздуминъ, вы же своимъ людямъ доврять не приказывали. Насиу-то Богъ послалъ

человѣка, узнала, какъ узнала. Нутка кланяться ихнему лавочнику, да просить его, чтобъ прислалъ за мной, когда камардинъ г-на Раздумина придетъ за чѣмъ въ ихъ лавочку. Вотъ я вамъ и докладывала, что познакомилась съ нимъ, да не съ разу-же обо всемъ разговориться; все надо было по политикѣ. А ужъ что насмѣшекъ-то я приняла отъ всѣхъ нашихъ людей, какъ началъ ходить ко мнѣ этотъ камардинъ! проходу мнѣ не даютъ и до сихъ поръ. Пу да пожалуй смѣйтесь, говорю, — я знаю за чѣмъ ходить. (Тутъ Анфиса нѣсколько сконфузилась). — Какъ разузнала я все, какъ слыдуегъ, ту жъ пору вамъ и доложила, сударыня, а какъ вы пожаловали мнѣ письмо, да какъ узнала я сегодня отъ камардина, что ихъ баринъ пошелъ къ этимъ бѣднымъ барынямъ, я, схвативши письмо да и шастъ со двора, куда указали, — и дождалась ихъ, какъ вышли оттуда. Думала только *заинтерисую* на первыхъ порахъ, какъ вы изволили наказывать мнѣ, — анъ вышло, что они сами напросились къ вамъ. Знать ужъ такая судьба.

— Да, все куда хорошо. Только смотри, Анфиса, не проговорись кому-нибудь о томъ, что я тебя поручила! Боже тебя сохрани! Не только обещаннаго не получишь, но я отправлю тебя навѣкъ въ деревню: живи себѣ тамъ съ медвѣдями.

— Сохрани Господи, сударыня! да помилуйте, развѣ я о двухъ головахъ что-ли! — Да языкъ мой пусть отсохнетъ, Вѣра Егоровна...

— То-то-же, Анфиса, берегись! Я вотъ тебя предупреждаю, что тебя ожидаетъ тогда.. Вы не можете понимать, для чего намъ иногда бываетъ нужно дѣйствовать стороною, черезъ васъ. — Почему ты знаешь, — можетъ быть отъ знакомства моего съ Раздуминнымъ зависитъ все счастье той бѣдной дѣвушки, къ которой я тебя посылалъ; я хочу устроить ея судьбу, и для того-то мнѣ и нужно, чтобъ обо мнѣ какъ можно съ лучшей стороны говорили Раздумину, чтобъ онъ имѣлъ ко мнѣ полное довѣріе, вотъ и все тутъ... А разболтаешь, все

дѣло испортишь; и кромѣ ужь моего гнѣва, на душѣ твоей останется страшный грѣхъ. Понимаешь-ли ты это?

— Какъ не понимать, сударыня, ужь я не малолѣтка какая-нибудь ... Всю вашу добродѣтель понимаю, Вѣра Егоровна! И ужь сколько разъ, хотъ спросить извольте, грѣшила, божилась ихъ челоувѣку, что добрый-моль моей госпожи на-свѣтъ не сыскать,—такъ-моль и говорите своему барину, а онъ ...

— Ну, ты разговоришься, и конца нѣтъ, а мнѣ пора ѣхать. Вотъ тебѣ денегъ на угощенье твоего знакомаго, и иди же, вели закладывать, и подавай одѣваться.

— Бѣги, Стеша,—сказала Анфиса, вышедши въ дѣвичью, скажи Гаврилѣ кучеру, чтобы закладывалъ карету; да сбѣгай въ трактиръ за Спиридономъ Елисеичемъ, Надъвай-те, моль, ливрею, скажи; барыня на дачу ѣдетъ. Гостя, моль, проводили, и хворь прошла.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ХРИСТІАНЕ ВЪ МЕСОПОТАМІИ И СИРІИ.

(Окончаніе).

Россія имѣтъ въ Алеппѣ консульскаго агента Р. Пичіотто, преимущественно для богомольцевъ, проходящихъ черезъ этотъ край въ Іерусалимъ или Мекку, а собственно русскихъ подданныхъ здѣсь не находится. Иногда, впрочемъ, приходится встрѣчать ихъ совершенно неожиданно: такъ, во время владычества Мегемета-Али въ Сиріи, прибѣжалъ къ нашему консулу грузинскій невольникъ, съ просьбою о защитѣ и освобожденіи. Купецъ, которому принадлежалъ невольникъ, обратился съ жалобою къ Алеппскому губернатору, Исмаиль-Бейю, и дѣло представлено было на разсмотрѣніе въ Александрію, откуда послѣдовало предписаніе: исполнить требованіе Русскаго консула.—Въ другой разъ подобное же событіе имѣло иной исходъ: консулу дали знать изъ-подъ руки, что на базаръ продается русская Грузинка. Онъ тотчасъ же послалъ своего повѣреннаго привести ее, подъ тѣмъ предлогомъ, будто имѣтъ намѣреніе купить; дорогій Грузинъ, служитель, объяснилъ невольницѣ настоящую причину востребованія ея, и невольница подвила страшный крикъ, отказываясь идти далѣе. Не смотря на это, она была приведена въ консулатъ, гдѣ г-нъ Пичіотто долго убѣждалъ ее возвратиться на родину, но она рѣшительно отказалась, въ надеждѣ попасть въ гаремъ какого-нибудь вельможи османскаго, и по этому консулъ, опасаясь повторенія несчастнаго событія съ Грибовдовымъ, долженъ былъ отпустить невольницу, какъ мусульманку, опять на базаръ.

Между другими европейскими представителями стоит упомянуть объ австрійскомъ генеральномъ консулѣ: Австрія, держава очень католическая, въ избѣжаніе лишнихъ расходовъ, консуломъ имѣеть въ Алеппъ туземнаго израильянина, которому подчинены младшіе агенты изъ христіанъ. Впрочемъ, въ этой слабости можно упрекнуть и не одну Австрію.

Утверждаютъ, что главная мечеть въ Алеппъ была прежде христіанскою церковью; кромѣ того показываютъ еще за городомъ монастырь, также обращенный въ мечеть.

Страна къ З. отъ Алеппа полна римскихъ развалинъ, встрѣчающихся почти на каждомъ шагѣ, но христіанство, увы!—уже бѣжало отсюда, да и вообще на дорогѣ попадаютъ лишь покинутыя селенія. Славная своимъ патриаршимъ престоломъ, Антиохія нынѣ имѣеть только около 250 домовъ православныхъ Грековъ и 5—6 домовъ грегорианскихъ Армянъ: католическіе проповѣдники, явившіеся сюда, не имѣли никакого успѣха, и по этому покинули Антиохію. Греки имѣють здѣсь небольшую церковь, совершенно похожую на домъ, въ которой богослуженіе совершается на арабскомъ языкѣ, потому что между Греками здѣшними преобладаетъ арабскій языкъ; при церкви состоятъ четыре священника.—Изъ остатковъ византійскаго христіанства въ Антиохіи показываютъ разрушенную мечеть Хабиби-Неджаръ, прежде бывшую церковь Св. Апостоловъ Петра и Павла. Между прочимъ, въ Антиохіи живетъ одинъ русскій подданный Эдибъ.

Симъ заканчиваю я обзоръ христіанскаго народонаселенія отъ крайнихъ восточныхъ предѣловъ Месопотаміи до Средиземнаго моря, не касаясь сирійскаго побережья, Ливана и Палестины, которые представляютъ отчасти иные условія. Остается сказать нѣсколько общихъ словъ о положеніи христіанъ въ пройденномъ мною краю.

Нѣкогда христіанство было господствующей религіей въ Месопотаміи и Сиріи, но, со времени появленія мусульманства, религія Христова, гонимая и униженная въ странѣ отъ устьевъ Эфрата до береговъ Средиземнаго моря, теряла все

болѣе и болѣе своихъ поклонниковъ и скрылась наконецъ въ горахъ, что, однако, не спасло ее отъ новыхъ преслѣдованій всененавидящаго Ислама (35). Въ настоящее время, не смотря на всѣ угнетенія и страданія христіанъ, число ихъ, въ обозрѣнной мною полосѣ, составляетъ около 200,000 душъ, т. е. десятую часть всего народонаселенія; въ этомъ количествѣ, главное мѣсто занимаютъ самостоятельныя секты, давно отпавшія отъ восточной Церкви, а именно Несторіане (100,000) и якобиты (66,000); потомъ слѣдуютъ Халдеикатолики и Армяне-католики (по 6,000 чел.), православные Греки и наконецъ Марониты (по 2,000 чел.). Эти числа не должно принимать совершенно точными, но приблизительно-вѣрными, потому что, если въ образованныхъ государствахъ статистика не всегда можетъ отвѣчать на всѣ вопросы о народонаселеніи, то какая возможность представляется узнать число жителей въ мусульманскихъ государствахъ? Здѣсь постоянно существуютъ двѣ цифры для христіанскаго народонаселенія: одна, чрезвычайно уменьшенная, когда приходится платить подать поголовную «хараджъ», а другая—преувеличенная, когда удовлетворяютъ невинное любопытство европейскаго путешественника, преувеличенная съ цѣлю выситъ важность своей секты. Есть и еще нѣсколько способовъ узнавать народонаселеніе на Востоку, но всѣ они не довольно благонадежны; на примѣръ, духовенство должно бы знать число всѣхъ своихъ прихожанъ, но эти росписи ограничиваются числомъ домовъ, и притомъ все это дѣлается на словахъ, иногда просто наобумъ, а по этому числа опять и невѣрны и неточны: случается, что въ одномъ домѣ живутъ два семейства, и притомъ число душъ въ семействахъ неравно.

Взглянувъ на взаимное численное отношеніе христіанъ въ разсматриваемомъ краю, нельзя не убѣдиться, что, не взирая на всѣ усилія Римской церкви и на разныя съ ея сто-

(35) Еще во время халифата цѣлая область Санджаръ, гдѣ нынѣ нѣтъ почти ни одного христіанина, обитася была большею частию христіанами.

роны уступки отъ коренныхъ своихъ догматовъ, не взирая на давность и ревность проповѣди католическихъ монаховъ въ этомъ краю, католицизмъ сдѣлалъ сравнительно небольшіе успѣхи: такъ изъ 200,000 душъ не болѣе 40,000 (24) пристали къ западной церкви, хотя постоянное покровительство Франціи, по временамъ довольно сильное, и денежныя вспоможенія всего католическаго міра, увлекательно дѣйствуютъ на бѣдныхъ христіанъ—не-католиковъ, предоставленныхъ собственнымъ своимъ средствамъ и полному распоряженію турецкаго фанатизма. Извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія основано особенное общество въ Лионѣ для проповѣданія католическаго обряда, подъ названіемъ l'Association de la propagation de la foi, сборы котораго въ мое время (въ 1844 г.) достигли 3,540,903 франковъ, при чемъ Франція доставила болѣе половины (1,933,800 франковъ). Такой слабый результатъ — только $\frac{1}{3}$ часть уніатовъ изъ всего народонасенія, всегда болышею частію готовыхъ отпасть отъ западной церкви, существенныхъ догматовъ которой уніаты или не знаютъ, или не признаютъ, должно приписать съ одной стороны желанію челоуѣка сохранять религію предковъ, съ другой соблазнительному поведенію самихъ католиковъ. Но будемъ говорить сначала о положеніи христіанъ въ Турціи вообще, и потомъ обратимся къ принявшимъ римскій обрядъ.

Исламъ раздѣляетъ весь земной шаръ на двѣ половины: «дар-уль-Исламъ область правовѣрія, и «дар-уль-Харбъ» область войны; первую составляютъ мусульмане, вторую — не-мусульмане. Только исповѣдующій Исламъ признается челоуѣкомъ, гражданиномъ съ правами: не-мусульманячь не имѣетъ никакихъ правъ и можетъ, лишь въ силу обсто-

(24) Въ послѣдней, видѣнной мною брошюрѣ о Турціи (L'Empire Turc, par de Bessé, 1854, стр. 92) показано въ Турціи католиковъ 940,000 чел., а именно: Латинцевъ 680,000, Грековъ 25,000, Армянъ 75,000, Сиріянъ и Халдеевъ 20,000, Маронитовъ 140,000 (въ Азіатской Турціи всего католиковъ 280,000), но эти числа не вѣрны.

ательствъ, быть помилованъ (получить *аманъ*), и въ такомъ случаѣ обязуется платить «джезіэ» поголовный выкупъ ⁽²⁵⁾. Для истиннаго мусульманскаго государства, въ международныхъ отношеніяхъ съ не-мусульманами, существуетъ постоянно только одно положеніе «джихадъ» священная война, утвержденіе Ислама ⁽²⁶⁾.

Въ мусульманскомъ государствѣ обитатели раздѣляются, слѣдуя духовному уставу, на три класса:

а) Мусульмане.

б) Не-мусульмане, живущіе въ мусульманской странѣ, «райя».

в) Не-мусульмане, оставленные въ покоренной странѣ, и повинующіеся собственному главѣ, котораго назначаетъ мусульманскій государь.

Презрѣніе свое къ не-мусульманамъ Исламъ, не дающій имъ никакихъ правъ, выразилъ въ самомъ названіи «райя», (собственно «ре-аія»), котораго единственное число (въ арабскомъ языкѣ) означаетъ «стадо овецъ, которое пастухъ пасетъ, стрижетъ и доитъ для своего содержанія». Райя не составляетъ члена общества: онъ только нѣчто полезное для мусульманина въ Турціи. Онъ не можетъ служить ни въ какой службѣ ⁽²⁷⁾, кромѣ частной, и еще для него открыты мѣста банкировъ и переводчиковъ; онъ можетъ заниматься земледѣліемъ, только въ видѣ фермера, промыслами ⁽²⁸⁾ и торговлею, но вездѣ, гдѣ бы то ни было, мусульманинъ имѣетъ предъ райей шагъ впереди. Ни домъ райя, ни одежда его не должны имѣть претензіи на тѣ яркія краски, которыми расписываетъ себя мусульманинъ, такъ что райя во всемъ и вездѣ не только долженъ быть отличенъ, но и уни-

(25) «Демъ-уль-кафиринъ ля істекавему илия биль-эманъ», — кровь невѣрнаго не имѣетъ никакого значенія безъ амана.

(26) Поражайте ихъ (не-мусульманъ) до того, пока не будетъ нечестія, говорить Алкоранъ.

(27) Имѣть должность, что называется «уллае».

(28) И то не всѣми.

жесть ; онъ не можетъ носить оружія, ѣздить верхомъ : въ мусульманской бесѣдѣ онъ не можетъ ни сѣсть, ни принять участія, безъ особеннаго дозволенія ⁽²⁹⁾, и притомъ ласка всегда покупается дорого. Богослуженіе свое райя долженъ отправлять не публично ; въ судъ онъ не составляетъ свидѣтеля, развѣ дѣло производится только между райями же ; всякій мусульманинъ можетъ входить въ домъ райя безвозбранно ; однимъ словомъ, ни собственность христіанина, ни честь женскаго пола, ни даже самая жизнь не защищены закономъ, который не заботится о существованіи райя, а имѣетъ въ виду лишь права и отношенія мусульманъ ⁽³⁰⁾.

Къ этимъ недостаткамъ закона и освященнымъ давностію времени обычаямъ, присоединяется почти повсемѣстная ненависть и несправедливость мусульманъ къ христіанамъ: нѣкоторое довольство, не говоря богатство, христіанина уже возбуждаетъ зависть въ мусульманинѣ, и достаточно ничтожнаго повода, а иногда и безъ всякой причины, чтобы христіанинъ лишился плодовъ многолѣтняго труда и бережливости. Турецкія власти всегда рады такому поводу, и христіанину остается выкупать свою безопасность тяжелыми подарками. Особенно, въ этомъ отношеніи, достойны сожалѣнія поселяне, которые въ Турціи не имѣютъ возможности улучшить свое положеніе, потому что достояніе ихъ все на лицо и все подлежитъ произволу Турка ; купечество и промышленники еще успѣваютъ какъ-нибудь ускользнуть отъ корыстолюбія правителей, но ни въ какомъ случаѣ и нигдѣ въ Турціи капиталистъ-христіанинъ не можетъ спать спокойно, потому что богатые, если не подали лично никакой причины къ неудовольствію противъ себя, отвѣчаютъ заурядъ за своихъ бѣдныхъ собратій. Конечно, не всегда и

(29) Мусульманинъ не можетъ водить дружбы «у-элае» съ райя.

(30) Вотъ мѣста въ Алкоранѣ объ отношеніяхъ мусульманъ къ немусульманамъ: глав. II, стихъ 99, 103, 114; III, 27, 114; IV, 47, 54, 115, 116, 137, 138, 143; V, 56, 62, 63, 83, 84, 85; IX, 8, 9, 10, 23, 28; LVIII, 15, 22; LX, 1, 2, 3, 4, 13.

не всѣ турецкія власти поступаютъ произвольно съ христіанами, но можно сказать утвердительно, и никто въ этомъ не усумнится, даже западные нынѣшніе защитники Турціи, что всякій Турокъ, въ слѣдствіе всѣхъ дѣйствующихъ на него причинъ, питаетъ постоянное нерасположеніе къ немусульманину, а при такомъ закоренѣломъ пристрастіи развѣ можетъ существовать какая-нибудь правильность въ отношеніяхъ мусульманна съ райей? Понадобились ли правительству деньги: общее мнѣніе указываетъ прежде всего на райя; случилось ли въ области какое несчастіе—разумѣется, въ этомъ виноваты христіане; вступаетъ ли Турція съ кѣмъ въ войну—опять виноваты христіане. И нѣтъ конца мусульманскимъ придиркамъ къ угнетенному христіанскому народонаселенію! Повторю при этомъ опять, что нѣтъ правила безъ исключенія: но въ долгихъ странствованіяхъ моихъ по Турціи мнѣ почти не случалось слышать ни отъ одного христіанина похвалы какому-нибудь турецкому правителю. Предположите даже, что это основано на взаимномъ нерасположеніи христіанъ и мусульманъ, но и тогда корень зла, со всѣми его отпрысками, кроется не въ угнетенныхъ, а въ угнетателяхъ.

Особенно Турки и турецкое правительство жестоки къ райямъ въ дѣлахъ религіи: христіанинъ никогда не долженъ позволить себѣ, подѣ страхомъ смерти, сказать что-нибудь невыгодное объ Исламѣ, между тѣмъ какъ Турокъ можетъ издѣваться сколько душъ угодно надѣ вѣрованіемъ христіанина; мусульманинъ можетъ, какъ ему вздумается, обращать христіанина въ Исламъ. Не говоря уже о томъ, что мусульмане не рѣдко отнимаютъ у христіанъ малолѣтнихъ дѣтей и дочерей, и, безъ всякаго суда и слѣдствія, дѣлаютъ ихъ мусульманами, сколько представляется господствующему Турку случаевъ угрозами, лишеніями, конфискаціями, страхомъ незаслуженнаго наказанія, и другими подобными мѣрами совращать христіанина съ истиннаго пути, и общее мнѣніе лишь возводитъ на пьедесталъ святости такого Турка! Тамъ, гдѣ нельзя употребить угрозы, или она не дѣйствительна,

прибѣгаютъ къ хитрости. Если же уловленный въ сѣти христіанинъ, которому готовы простить всякое преступленіе, даже нѣсколько преступленій, лишь бы онъ принялъ Исламъ, одумавшись отважится отказаться отъ вынужденнаго обращенія, то его ожидаетъ вѣрная и жестокая казнь: «мень беделе динеху, фактулоху»,—кто перемѣнилъ вѣру, убивайте его, говоритъ Исламъ. Хотя послѣ мучительной казни Армянина Овакима, Порта и дала позволеніе христіанамъ, послѣ принятія Ислама, возвращаться на лоно прародительской церкви, но увы! гдѣ же было исполненіе этого фирмана на дѣлѣ, и гдѣ же былъ примѣръ просвѣтленія заблудшаго христіанина?... Разумѣется, и не будетъ его, пока существуетъ Турція.

Величайшія затрудненія представляются въ Турціи при сооруженіи или поправкѣ христіанскаго храма: на малѣйшую передѣлку или исправленіе нужно получить не менѣе, какъ Султанскій фирманъ изъ Константинополя. Собственно Исламъ и не допускаетъ постройки новыхъ церквей, или возобновенія старыхъ въ мусульманскомъ государствѣ⁽³¹⁾: однако, съ помощію дорогихъ окуповъ и вліянія христіанскихъ державъ Европы, въ Турціи какъ-нибудь поддерживаются зданія церквей, но уже никакого велелѣпія въ нихъ не позволяется, страха ради мусульманскаго. Если стѣна церкви угрожаетъ неминуемымъ паденіемъ и опасностію сосѣднему зданію, если нужно въ кровлѣ вставить хоть одинъ камень, если нужно заложить окно, на все это необходимъ отдѣльный фирманъ, для полученія котораго требуется составить прошеніе, и потомъ, за всякую отмѣтку согласія или исполненія на этомъ прошеніи, въ многочисленныхъ канцеляріяхъ и диванахъ, черезъ которые должна пройти бумага, взимается большой «ришветъ» взятка, такъ что полученіе султанскаго фирмана стоитъ дороже, нежели постройка самаго

(31) Существуютъ два преданія, приписываемыя Мухаммеду: «не постройте церкви въ странѣ мусульманской и не поправляйте тѣхъ, которыя приходятъ въ разрушеніе», и «вѣтъ церкви въ Исламѣ».

зданія. Съ полученіемъ фирмана дѣло не оканчивается: нужно еще дать ришветы всѣмъ мѣстнымъ властямъ, даже сосѣдямъ мусульманамъ; и потомъ уже приступить къ поправкѣ; по окончаніи работъ новые ришветы, особенно значительные тѣмъ, которые будутъ свидѣтельствовать зданіе, потому что въ каждомъ фирманѣ позволяется возстановить или исправить церковь точь въ точь, какъ она была прежде, ни на одинъ атомъ разницы, а при такомъ опредѣленіи какъ легко турецкому чиновнику придаться и разрушить не только поправку, но и самый храмъ! Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ должно присоединить еще многочисленныя препятствія и подыски христианъ другой секты, старающихся изъ всѣхъ силъ остановить постройку или поправку храма ненавистныхъ имъ собратій.

Если такимъ притѣсненіямъ подвергаются церкви христіанскихъ райевъ въ Турціи, то не менѣе переносятъ и богослуженіе и духовныя христіанскіе, потому что мусульманинъ, да и самое правительство турецкое, умышленно стараются оскорблять и унижать христіанина въ томъ, что для него всего священнѣе. Я уже сказалъ, что христіане въ Турціи не имѣютъ позволенія отправлять богослуженіе свое публично: самыя празднества и церковныя процессіи совершаются христіанами спѣшно и какъ бы втайнѣ тамъ, гдѣ живутъ мусульмане. Такъ, христіанскіе священники должны закрывать крестъ покровомъ во время церковныхъ процессій, не выносить ликовъ святыхъ; христіанскія церкви не имѣютъ колоколовъ, исключая нѣкоторыхъ горныхъ монастырей, гдѣ притомъ употребляются малые колокола; ненавистный мусульманину крестъ, ненавистный до того, что онъ, по какому бы важному дѣлу ни спѣшилъ, увидя на пути случайно сложившіеся крестомъ прутья, раскидаетъ ихъ, не долженъ показываться ни на одной церкви, а церковь никакъ не должна быть лучше самой послѣдней мечети. Даже обрядъ погребенія усопшаго собрата христіане должны совершать безъ пѣнія, и по этому, опасаясь оскорбленій, христіане хоронятъ своихъ покойниковъ по большей части ночью.

Равнымъ образомъ и духовенство христіанское вкушаетъ изъ той горькой чаши, которую принимаетъ паства отъ турецкихъ властей: чтобы сохраниться или получить утверждение въ своемъ духовномъ чинѣ, Епископы, и вообще духовенство, постоянно должны платить поборы турецкимъ правителямъ. Напрасно европейскіе путешественники говорятъ о какомъ-то уваженіи Турокъ къ католическому духовенству⁽³²⁾: я самъ, къ несчастію, не разъ былъ свидѣтелемъ того унижительнаго обращенія, которое постоянно позволяютъ себѣ турецкіе начальники съ христіанскими духовными, даже европейскими, а тѣмъ болѣе это относится къ духовенству райя; для Турка «папась» или «кешишъ» составляетъ предметъ особеннаго презрѣнія и отвращенія⁽³³⁾.

(32) Revue de l'Orient, VIII, 319.

(33) Для примѣра тѣхъ ограниченій, которымъ подвергается христіанинъ въ мусульманской державѣ, я приведу договоръ, которымъ обязывались христіане въ покоренныхъ областяхъ, во время арабскаго Халифата:

«Когда вы шли противу насъ, мы просили у васъ «амаяна» помилованія для насъ, нашихъ семействъ, нашего достоянія и для всѣхъ нашихъ собратій; мы обязались не строить отнынѣ, въ нашихъ городахъ и ихъ окрестностяхъ, ни монастырей, ни церквей, ни дома патриаршаго, ни эрмитажа; мы не будемъ попрамать тѣ изъ этихъ зданій, которыя разрушатся, а равно и тѣ, которыя находятся въ мусульманскихъ кварталахъ. Мы не возбранимъ входа въ наши церкви мусульманамъ ни днемъ, ни ночью; мы расширимъ двери ихъ, чтобы облегчить доступъ приходящимъ и путешественникамъ; мы примемъ у себя каждаго мусульманскаго путника, и будемъ угощать его въ теченіи трехъ дней; мы не дадимъ убѣжища чужеземнымъ шпионамъ ни въ церквахъ нашихъ, ни въ домахъ, и не скроемъ отъ мусульманъ ничего, что бы могло повредить имъ; мы не будемъ объяснять Алкураанъ нашимъ дѣтямъ; мы не станемъ проповѣдывать своего закона и не будемъ обращать къ нему никого; равно мы не будемъ препятствовать никому изъ нашихъ принять Исламъ, если такова его воля.

Мы будемъ обходиться съ мусульманами почтительно и съ уваженіемъ, и встанемъ съ своего сѣдалища, когда они вздумаютъ свѣтъ.

Мы не станемъ уподобляться имъ въ чемъ бы то ни было изъ одежды, какъ то: въ колпакъ, чамъ и обуви, а равно и въ раздѣленіи или уборѣ волосъ.

Мы не будемъ употреблять ихъ выраженій въ языкъ, и мы не примемъ ихъ прозваній.

И такое-то бѣдственное существованіе христіаннѣ райи въ Турціи еще долженъ окупать поголовною данью «джезіэ», которая у Турковъ называется «хараджъ» или «харадж-ур-руусъ» поголовный сборъ: только этою платою райя получаетъ аманъ. Алкуранъ повелѣваетъ (Гл. IX, стих. 29): «(Воюйте) и съ книжниками (имѣющими книги закона духовнаго), не исповѣдующими истинной религіи, до тѣхъ поръ, пока они, униженные, собственными руками внесутъ джезіэ». Въ послѣднее время мусульмане, а за ними и нѣкоторые западные писатели стали приписывать хараджу значеніе «рекрутскаго выкупа»: такого смысла хараджъ никогда не имѣлъ; всегда въ мусульманскомъ законѣ онъ означалъ выкупъ за право уклониться отъ принятія Ислама и сохра-

Мы не станемъ употреблять съдѣлъ для нашей тѣды; не будемъ носить сабли; мы не будемъ выдѣлывать оружія и не станемъ носить его; мы не будемъ вырывать наши печати арабскими буквами; мы не будемъ прозывать вапиковъ съ броженіемъ.

Мы станемъ брить переднюю часть головы; мы сохранимъ старыи свой покрой въ одеждѣ; мы будемъ носить кожаные поясы; мы не будемъ показывать ни крестовъ нашихъ, ни книгъ нашихъ ни въ одной изъ улицъ, посѣщаемыхъ мусульманами, а равно и на базарахъ ихъ.

Въ вапихъ церквахъ мы будемъ звонить очень тихо и перестанемъ кричать, при появленіи мусульманина; мы не будемъ пѣть при несеніи покойниковъ. Мы не станемъ показывать нашихъ вай и вапихъ образовъ; мы не будемъ ходить со свѣчами по улицамъ; мы не станемъ хоронить нашихъ покойниковъ въ соудствѣ мусульманъ.

Мы не будемъ брать въ невольники тѣхъ, кто достался на долю мусульманамъ, и будемъ избѣгать вида изъ вапихъ жилищъ въ дома мусульманскіе.

Мы не будемъ сообщать свѣдѣній врагамъ правоверныхъ; мы не станемъ бить мусульманъ, не будемъ говорить имъ браннаго и не возьмемъ никого изъ нихъ въ служители.

Мы не будемъ сообщать ничего изъ нашего ученія мусульманамъ; мы не станемъ выражаться непочтительно ни объ одномъ изъ пророковъ (да будетъ имъ миръ!); мы не будемъ показывать вина; мы не будемъ бракосочетаться съ женщинами, съ которыми родство не допускаетъ соединенія, и мы оставимъ мусульманъ обитать между нами.

Все же почти буквально исполняется и нынѣ въ Турціи: христіаннѣ не долженъ смѣть сказать мусульманину: «селямъ алейкумъ» миръ вамъ, а если и скажетъ, то не получитъ въ отвѣтъ ничего, кромѣ ругательства.

нить свою жизнь. Не далее, какъ въ одномъ изъ номеровъ нынѣшняго года *L'indépendance Belge*, какой-то османскій Бей, проживающій въ Брюссель, горячо защищалъ уставы своей имперіи, и между прочимъ утверждалъ, что удаленіе райя отъ военной службы, посредствомъ поголовнаго окупа (хараджа), для райя очень выгодно. «Какъ будто рекрутство или вербовка лучше хараджа, который есть не что иное, какъ окупъ за право не ставить солдата!» восклицаетъ насмѣшливо мистическій Бей. Оставляя въ сторонѣ неправильное опредѣленіе хараджа, чего стыдно не знать мусульманину, замѣтимъ только, что брюссельскій Бей, считая не безчестнымъ уклоняться поголовно отъ военнаго служенія отечеству, забываетъ оборотную сторону медали: по его выводамъ, выходитъ, что Турки пренесчастные люди, потому что несутъ военную службу.

Джезіэ, наложенный Халифомъ Омаромъ на не-мусульманъ, состоялъ въ сорока осьми дирхемахъ для богатыхъ, двадцати-четырехъ для средняго класса, и двѣнадцати для бѣдныхъ. Въ Турціи, до Султана-Махмута II, существовали слѣдующія правила для взиманія хараджа:

Все народонаселеніе райя раздѣлялось на три класса:

а) Поденщики или работники, свискивающіе себѣ пропитаніе только въ потѣ лица, называемые «фукараи-мѣ'темелэ» бѣдняки на жалованьи:

б) Люди средняго состоянія, называемые «мютевасити-уль халетъ» (среднее состояніе).

с) Зажиточные «эсхаб-и-маль», которые пользуются ежегоднымъ доходомъ не менѣе 88 піастровъ, 13 паръ, 1 аспры.

Сообразно этому дѣленію и хараджъ состоялъ въ трехъ отдѣлахъ:

а) «Эдна» самый нисшій, одинъ цехинъ (2 піастра 80 паръ), для бѣдныхъ.

б) «Эвсатъ» средній, два цехина ($5\frac{1}{2}$ піастровъ), для средняго класса.

с) «А'аля» самый высшій, четыре цехина (11 піастровъ), для зажиточныхъ.

Райи платять хараджъ только по достиженіи взрослыхъ лѣтъ. Такъ какъ Турки не имѣютъ метрическихъ книгъ, гдѣ бы записывалось время рожденія каждаго, а метрику христіанскихъ они не признаютъ, то сборщики хараджа, въ опредѣленіи взрослости, употребляютъ слѣдующій способъ, впервые будто бы показанный однимъ греческимъ священникомъ, который доказывалъ визирю несовершеннолѣтіе одного изъ своихъ учениковъ, несправедливо обложеннаго хараджемъ: мѣряютъ шнуркомъ окружность шеи мальчика, складываютъ этотъ шнурокъ вдвое, даютъ концы въ зубы мальчику и стараются провести его голову въ окружность шнурка; если голова проходитъ свободно, то значить райя совершеннолѣтенъ и долженъ платить хараджъ.

Нищіе и монахи, живущіе подаяніемъ, избавляются отъ хараджа.

Такъ какъ турецкая монета подвергалась непрерывной порчѣ, отчего происходило значительное повышение цехиновъ, то, въ 1803 году, послѣдовало султанское повелѣніе о платежѣ хараджа отнынѣ не цехинами, а піастрами, и окупъ назначенъ былъ такой: для нисшихъ 3 піастра, для среднихъ 6 піастровъ и для высшихъ 12 піастровъ, т. е. первый классъ былъ увеличенъ 10 парами, второй 20, а третій 40.

Изъ этого неравенства хараджа происходитъ то, что и миллионеръ платять незначительную подать, но это, разумѣется, только на бумагѣ, потому что на дѣлѣ турецкія власти всегда находили способъ облегчить карманъ капиталиста-райи. Кромѣ того «колджи», сборщики хараджа, позволяютъ себѣ разныя притѣсненія, въ особенности въ опредѣленіи степени благосостоянія райя, на что особенныхъ и точныхъ правилъ не имѣется: такъ колджи подкарауливаетъ райю въ день его праздника, когда тотъ надѣваетъ лучшее платье, и, опираясь на этотъ ничтожный признакъ, происходящій лишь отъ пустаго франтовства, заставляетъ его взять билетъ на высшій отдѣлъ хараджа, т. е. вмѣсто эднэ—эвсагъ, а вмѣсто послѣдняго—а'ала, при чемъ идетъ въ счетъ старый

билетъ. Для такихъ-то случаевъ райя долженъ всегда имѣть при себѣ билетъ въ уплатъ хараджа за прошлый годъ и полную сумму для уплаты за нынѣшній, а иначе онъ подвергается аресту. Если колджи находятъ райю безъ билета, то заставляютъ его взять самый высшій отдѣлъ хараджа.

Въ случаѣ, если райя, по несостоятельности, или по чему-нибудь иному, не въ состояннн дать окупа, его берутъ подъ стражу на первую гауптвахту, за что онъ долженъ заплатить 12 паръ. Отсюда за конвоемъ отсылаютъ его къ «хараджи-баши», главѣ окупщиковъ, за что онъ долженъ заплатить полтора піастра: такимъ образомъ, ни одинъ шагъ не обходится райѣ даромъ.

Въ провинціяхъ еще болѣе злоупотребленій и произволу при сборѣ хараджа. «Дефтердаръ» вѣдатель финансовыхъ реэстрогъ имперіи, посылаетъ въ провинцію «богчу» связку билетовъ хараджевыхъ, и получаетъ отъ сборщиковъ деньги за число розданныхъ билетовъ; но какъ они розданы и сколько за нихъ взято лишняго, до этого дефтердару нѣтъ дѣла, а развѣ въ Турціи райя можетъ найти гдѣ-нибудь защиту отъ произвола, не только чиновника, но и всякаго мусульманина?...

Кромѣ того обитатели Перы, Галаты и вообще всего европейско-босфорскаго побережья изъ райевъ, обязаны были платить дополнительныхъ 8 паръ съ головы безъ всякаго различія: этотъ поборъ назывался «испенчѣ» и назначался воеводѣ или начальнику Галатской полиціи, на содержаніе мечети султана Ахмеда I-го.

Въ 1834 году послѣдовалъ указъ султана Махмута объ измѣненнн таксы и способа взиманія хараджа; по этому указу назначается такой порядокъ:

Отнынѣ связка хараджевыхъ билетовъ, посланная изъ Константинополя въ провинцію или въ округъ, будетъ помещена въ мѣстномъ диванѣ или въ частномъ отдѣленнн, избранномъ, съ общаго согласія, внутри города и въ мусульманскомъ кварталѣ. Мѣстныя власти, какъ то: судья, муте-

селскимъ (городской и уездный начальникъ) и воевода (полицейскій начальникъ), или назначенные отъ каждаго изъ нихъ доверенные комиссары, вмѣстѣ съ главными лицами изъ райевъ, каковы священники и старшины общинъ, составляютъ комиссію, которой особенно принадлежитъ взиманіе хараджа. Все члены этой комиссіи будутъ сходиться въ присутствіе однаго, или нѣсколько разъ въ недѣлю, пока не будетъ собранъ весь хараджъ. Райи будутъ сюда призываемы отдѣленіями.

Раздача билетовъ харажевыхъ имѣетъ производиться по послѣдней ревизіи; тамъ же, гдѣ эта ревизія еще не была, будутъ раздавать по прежнимъ спискамъ и сообразно дѣйствительному состоянію каждаго, засвидѣтельствованному старшинами общины, къ которой онъ принадлежитъ. Раздача должна производиться въ присутствіи всехъ членовъ комиссіи, поголовно и лично, а равно и плата должна производиться такимъ же образомъ, такъ что безъ содѣйствія главныхъ лицъ изъ райевъ не можетъ быть выданъ никому харажевый билетъ, ни взята въ уплату какая-нибудь сумма.

Дабы никакая незаконность не могла быть допущена во взиманіи, къ каждому билету должны быть приложены печати судьи, мѣстнаго начальника, и подпись одного изъ главныхъ райевъ.

Въ случаѣ же, если мѣстныя власти, члены комиссіи, изъявятъ сомнѣніе въ точности объявленій главныхъ райевъ, относительно числа, положенія и состоянія принадлежащихъ къ завѣдываемой общинѣ райевъ, не имѣя доказательствъ въ неврѣности показаній, и воспользуются этимъ предлогомъ для притѣсненія райевъ, какъ дѣлали прежніе собиратели подати, и для истребованія отъ нихъ какой-нибудь суммы сверхъ опредѣленной, и если это будетъ доведено до свѣдѣнія правительства жалобою, за подписомъ митрополита и главныхъ райевъ:

Съ другой стороны, такъ, какъ сборщики хараджа уже не должны будутъ объѣзжать города и деревни, если слу-

чится, что главные райи скроютъ число живущихъ райевъ, или будутъ потакать обману райи, который, отлучась на время раздачи хараджевыхъ билетовъ, возвратится на мѣсто жительства уже по закрытіи комиссіи; или еще покажутъ состояніе райи ниже дѣйствительнаго, съ цѣлію избавить его, нисшею платою, отъ той, которую онъ можетъ вносить по своему состоянію; и если, объ этихъ дѣлахъ, будетъ представлено начальству донесеніе судьбою и мѣстными властями:

Въ обоихъ случаяхъ будетъ назначено, по распоряженію правительства, строгое слѣдствіе о донесенныхъ ему событіяхъ, и окажущіся по слѣдствію виновными почесутъ, смотри по важности преступления, заслуженное наказаніе.

Для взиманія хараджа въ областяхъ имперіи, соединили два санджака, или, смотря по мѣстному пространству, три, пять или десять уѣздовъ, и это соединеніе составляло одинъ округъ; въ каждомъ округѣ одинъ комиссаръ занимался взиманіемъ подати. Но, по причинѣ большихъ разстояній, онъ не могъ лично распоряжаться всѣми операціями на мѣстахъ, и по этому отдавалъ на откупъ собраніе подати въ разныхъ подраздѣленіяхъ окупнаго округа. Отъ этого происходилъ большею частію притѣсненія, на которыя райи жаловались. Нынѣ, когда, съ помощію ревизій, народонаселеніе большей части областей извѣстно и внесено въ списки, и хараджъ каждаго санджака и уѣзда, въ которыхъ ревизія уже была произведена, будетъ взимать мѣстный, назначенный для сего комиссіей, сборщикъ, издержки канцеляріи и другія, требовавшіяся доннынъ сборщикамъ, не будутъ уже имѣть мѣста на будущее время. Небольшіе расходы, соединенные со взиманіемъ, будутъ включены въ самую подать: они будутъ браться изъ казны хараджа, для уплаты кому слѣдуетъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ взиманіе, вмѣсто отдачи на откупъ, производилось прямо отъ правительства и на счетъ его, вышеизложенныя опредѣленія равномерно возымбютъ дѣйствіе.

Въ области же, гдѣ ревизія еще не была произведена, было бы затруднительно посылать изъ Константинополя ха-

раджевые билеты отдѣльно для каждаго уѣзда; ибо правительству не достаточно извѣстно потребное для каждаго изъ нихъ число. Посему одна общая связка хараджевыхъ билетовъ будетъ отправлена въ провинцію, сообразно прежнему исчисленію, но раздача ихъ будетъ произведена по уѣздамъ, и мѣстныя власти, въ соединеніи съ главными райями, обязаны составить точный списокъ числа платящихъ подать райевъ въ каждой мѣстности. Этотъ списокъ будетъ представленъ въ Константинополь и послужитъ указателемъ на слѣдующій годъ.

Если, послѣ представленія этихъ списковъ въ Константинополь и раздачи по уѣздамъ хараджевыхъ билетовъ, отправленныхъ изъ столицы, мѣстныя власти возвратятъ правительству извѣстное число этихъ билетовъ, на томъ основаніи, что райи перешли въ другіе уѣзды или померли, то эти перемѣны должны быть засвидѣтельствованы несомнѣннымъ образомъ; при недостаткѣ же этого, представленныя перемѣны не будутъ приняты во вниманіе правительствомъ; и если бы обнаружилось, что онѣ составлены ложно, то чиновники, покусившіеся на интересы казны, будутъ примѣрно наказаны.

Всѣ райи, обитающіе въ столицѣ, внесены въ списки; всѣ ихъ кварталы имѣютъ собственныхъ надзирателей. Отнынѣ райи, собираемые черезъ посредство патріархій, будутъ отводимы, надзирателями каждаго квартала, въ канцелярію главнаго сборщика хараджа (хараджи-баши), который будетъ выдавать имъ билеты за каждый годъ. Такъ какъ для опредѣленія различія между райями постоянно живущими, и приходящими изъ другимъ мѣсть, или пользующимися иностраннымъ покровительствомъ, потребуется извѣстное число чиновниковъ, занятыхъ этимъ дѣломъ, то для такой службы будутъ назначены къ главному сборщику приходскіе священники и довѣренныя патріархіи. Этимъ способомъ раздача хараджевыхъ билетовъ будетъ производиться правильно, безъ учрежденія сборщиковъ подати.

Узаконенная величина хараджа для райевъ первого разряда опредѣляется въ 48 драхмъ чистаго серебра, для второго разряда 24 драхмы и для третьяго 12 драхмъ. По особенной милости султана, эта подать, въ ходячей монетъ равняющаяся 72, 36 и 24 піастрамъ, назначена, съ 1 Мухаррема 1250 года (съ іюня 1834 года по Р. Х.), въ 60 піастровъ для первого класса, въ 30 для второго и въ 15 для третьяго (32).

Не смотря на такое, по видимому, облегчительное распоряженіе, участь христіанъ въ Турціи, относительно поголовнаго откупа, осталась почти безъ переменъ: прежнія злоупотребленія явились подъ новыми формами, никакихъ комиссій изъ райевъ не существуетъ, и христіанское духовенство не смѣетъ жаловаться, потому что всякая жалоба, по прежнему, ведетъ за собой новое угнетеніе и поборъ. Надобно еще замѣтить, что, не смотря на уменьшеніе и эмиграцію христіанскаго народонаселенія, не смотря на объѣднѣніе нѣкоторыхъ райевъ, количество хараджа остается прежнее, потому что за умершихъ, выселившихся и бѣдныхъ платятъ богатые.

Царствующій нынѣ султанъ Абдуль-Меджидъ, при самомъ вступленіи своемъ на престоль, обнаружилъ желаніе продолжать реформу Турціи, начатую его родителемъ; съ этою цѣлю онъ издалъ знаменитый Гюль-Ханейскій указъ (3 ноября 1839 года), произведшій въ Европѣ такое сильное впечатлѣніе, но только въ Европѣ, потому что въ самой Турціи Гюль-Ханейскій «хатт-и-шерифъ» остался почти безъ дѣйствія и безъ послѣдствій, по крайней мѣрѣ для христіанъ. Вотъ вторая половина этого указа въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ мною съ турецкаго подлинника (33):

(32) Цѣнность турецкаго піастра, съ порчею монеты, падала постепенно и много; въ настоящее время піастръ заключаетъ 40 паръ (дешежекъ).

(33) Въ первой половинѣ идетъ исчисленіе причинъ, побудившихъ правительство къ новымъ постановленіямъ.

« По сему впредь процессы обвиненныхъ будутъ разсматриваться тщательнымъ образомъ публично, по требованію священныхъ законовъ, и до произнесенія приговора, не будетъ позволено, въ отношеніи никого, ни тайно, ни явно, дѣйствій, клонящихся къ гибели или отравленію его.

Не случится ни съ чьей стороны самовластнаго покушенія на честь и доброе имя другаго.

Каждый человекъ будетъ обладать и распоряжаться, съ полною свободою, имуществомъ и собственностью своею, и ни съ какой стороны вмѣшательства не будетъ.

Въ случаѣ же, примѣрно, вины или преступленія кого-нибудь, наследники его, какъ скоро эти наследники не будутъ причастны его винѣ и преступленію, не будутъ лишены, конфискованіемъ, правъ наследства.

Такъ какъ подданные высокаго государства нашего, мусульмане и другія націи, составляютъ безъ исключенія предметъ сихъ царскихъ нашихъ милостей, то совершенная безопасность дарована съ нашей царской стороны, обитателямъ всякихъ богохранимыхъ областей нашихъ, по священному уставу, относительно жизни, чести, добраго имени и имущества.

Относительно другихъ предметовъ, такъ какъ ихъ оказалось необходимымъ установить по согласію мнѣній, члены собранія юридическихъ рѣшеній, которыхъ число имѣетъ быть умножено до мѣры необходимости, министры и сановники нашего высокаго государства, въ нѣкоторые имѣющіе назначиться дни, будутъ собираться тамъ (въ совѣтъ юстиціи), и будутъ свободно говорить, не удерживаясь ни отъ одного изъ своихъ разсужденій и замѣчаній, и важныя постановленія, относящіяся до безопасности жизни, имущества и платежа налога съ одной стороны будутъ обще утверждены ими, а объ отдѣлѣ организациіи войскъ будетъ обще говорено въ совѣтѣ, засядающемъ во дворцѣ сераскира.

Какъ скоро будетъ постановленъ какой-нибудь законъ, пусть онъ доложится нашей августѣйшей особѣ, для утверж-

денія и приложенія на верху нашей августѣйшей тугры, дабы онъ имѣлъ дѣйствительную силу до тѣхъ поръ, пока угодно Всевышнему Богу.

Такъ какъ эти священныя постановленія учреждены единственно для оживленія вѣры, правительства, государства и нации, то, съ нашей августѣйшей стороны, будетъ сдѣлано обязательство и договоръ ничего не дѣлать противнаго тому.

И въ покоѣ возвышенной мантии (Мухаммеда), въ присутствіи всѣхъ улемовъ и министровъ, будетъ нами произнесена клятва Богомъ, а также отъ улемовъ и министровъ будетъ потребована присяга.

Сообразно сему, будетъ составленъ сводъ уголовныхъ законовъ, преимущественно съ цѣлю исполненія, не взирая ни на степень, ни на отношенія, ни на расположеніе, наказаній, соотвѣствующихъ дознанному преступленію дѣлающихъ противное священнымъ постановленіямъ, пусть то будутъ улемы, визири, и вообще кто бы то ни былъ.

Жалованье всѣмъ чиновникамъ въ настоящее время производится въ достаточномъ количествѣ; но если, можетъ быть, есть еще не состоящіе такими (не получающіе достаточнаго жалованья), то и они будутъ приведены въ порядокъ, послѣ чего будетъ обращено вниманіе на утвержденіе, строгимъ закономъ, совершеннаго уничтоженія на будущее время гнуснаго обычая ришветовъ (взятокъ), составляющаго главную причину поврежденія государства и отвергаемаго закономъ.»

Вотъ уже скоро исполнится пятнадцать лѣтъ со времени изданія этого указа, но ни одна изъ предложенныхъ въ немъ реформъ не приведена въ дѣйствіе. Если уже такой важный актъ оказался не дѣйствительнымъ, то какого исполненія можно ожидать отъ другихъ фирмановъ Султана?...

Христіане въ Месопотаміи и Сиріи живутъ въ городахъ и деревняхъ, отдѣльными поселеніями и вмѣстѣ съ мусульманами. Въ дѣлахъ духовныхъ и свѣтскихъ они управляются своимъ духовенствомъ, исключая дѣлъ съ мусульманами и

мусульманскими государственными учреждениями, когда расправа производится по турецкимъ законамъ. Патріархи составляютъ для христіанъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ правителей, за исключеніемъ Халдеевъ, которыхъ патріархъ не признаетъ турецкимъ правительствомъ, и находится въ распоряженіи у пашей. Патріархи назначаются турецкимъ правительствомъ; вѣдѣніе же христіанъ предоставлено имъ указомъ султана Махмута II; впрочемъ, Несторіанскій патріархъ, а равно и паства его, до нашествія Курдовъ, весьма мало признавали авторитетъ султана. — Въ дѣлахъ извѣстной важности патріархи, или сами, или черезъ своихъ довѣренныхъ, обращаются къ Портѣ черезъ «Ремсѣ-Эфенди», министра иностранныхъ дѣлъ, къ департаменту котораго относятся дѣла райевъ.

Въ городахъ христіане занимаются торговлею и нѣкоторыми ремеслами, а въ деревняхъ земледѣліемъ, садоводствомъ, разведеніемъ хлопчатой бумаги, выдѣлкою домашнихъ матерій и вина, а также всюду мелкою промышленностію. Между торгующими есть зажиточные люди, но здѣшняя зажиточность совсѣмъ не то, что у насъ: здѣсь 100,000 руб. асс. составляютъ первостатейный капиталъ. Это очень естественное послѣдствіе лѣности мусульманина, жадности и несправедливости правительства и отсутствія всякой безопасности, гдѣ бы то ни было. Христіане Месопотаміи и Сиріи, разумѣя упомянутыя выше мѣстности, не счастливыѣ остальныхъ своихъ собратій и подвергаются всѣмъ притѣсненіямъ, которыя законъ позволяетъ и даже не позволяетъ мусульманину; нѣкоторое отличіе, за исключеніемъ Алеппа, состоитъ въ томъ, что въ этихъ отдаленныхъ предѣлахъ покровительство и внимательство европейскихъ агентовъ мало имѣетъ вѣса, но съ другой стороны, разнородное мусульманское народонаселеніе не пропитано здѣсь такимъ дружнымъ фанатизмомъ, какой дышетъ въ воздухѣ царградскомъ. Конечно, ходъ дѣлъ болѣе всего зависитъ отъ пашей, полномочныхъ откупщиковъ своихъ эялетовъ: въ мое время, за исключеніемъ фанатика Бедыръ-

Хана и отчасти мосульскаго Мухамедъ-пашы, мѣстныя турецкія власти были довольно сносны для христіанскаго народонаселенія. Конечно, общій духъ мусульманскаго деспотизма не оставялъ выказываться при удобныхъ случаяхъ: приведу нѣсколько примѣровъ.

Къ Мосульскому пашѣ потребованъ былъ, по какому-то дѣлу, христіанинъ-купецъ. Съ трепещущимъ сердцемъ отправился райя къ своему властителю, надѣвъ платье получше, чтобъ не оскорблять приличія. «Пейзевенкъ!» сказалъ паша, «тебѣ бы ходить въ лохмотьяхъ, а ты какъ наряжаешься!»

Одному христіанину былъ адресованъ товаръ изъ Персін: «катырджи»—возчики сдали его въ таможиѣ кому-то, кто ихъ расчиталъ, и, получивъ новый грузъ, отправились обратно. Христіанинъ, напрасно ждалъ товара, который, надобно замѣтить, пришелъ какъ-то раньше срока, и потому былъ пропущенъ христіаниномъ, который постоянно навѣдывался въ таможиѣ, и постоянно получалъ отказъ. Наконецъ онъ узналъ истину, но къ чему послужило ему это открытіе? Жаловаться на таможию.... Но это значитъ потерять всѣ послѣдующіе товары.

Обыкновенно всякую нечистоту изъ своего дома мусульманинъ кидаетъ къ христіанскому дому, если есть такой по сосѣдству. Въ Мардинѣ одинъ христіанинъ осмѣлился отбросить эту нечистоту обратно: мусульманинъ избилъ его до полусмерти и потомъ еще пошелъ жаловаться къ мутеселиму, который велѣлъ посадить христіанина въ тюрьму за оскорбленіе мусульманскаго закона, и, разумѣется, освобожденіе стоило христіанину дорого.

При въѣздѣ моемъ въ Діарбекиръ, за мной вѣхалъ христіанинъ изъ деревни, везшій виноградъ на продажу въ городъ: стража турецкая у воротъ накинулась на мужика, и прежде, чѣмъ я успѣлъ заступиться за него, болѣе половины винограда было уже расхвачано. Спрашивается: откуда поселнину добывать копейку для вноса хараджа?

И дѣйствительно, деревенское христіанское народонаселеніе по преимуществу отличается бѣдностію: земля отлично пло-

дородна и много ея, охота работать есть, но мусульманская алчность и самоуправство подавляютъ всякій трудъ и всякую охоту имѣть избытокъ. Особенно подвергаются опустошеніямъ придорожныя деревни отъ проходящихъ турецкихъ войскъ; въ Месопотаміи же довольно албанскихъ кавалеристовъ, самыхъ свирѣпыхъ и жадныхъ солдатъ.

Кромъ турецкихъ властей, христіанскія селенія въ Месопотаміи и Сиріи подвергаются опустошеніямъ отъ Курдовъ и степныхъ Арабовъ: это представляетъ еще одно изъ отличій разсматриваемой полосы.

Изъ христіанъ этого края, Армяне, по обыкновенію, составляютъ по преимуществу торговое племя; вообще же здѣшніе христіане знаменуются своею пассивностью, за исключеніемъ несторіянъ, которые, благодаря своимъ горамъ, слыли храбрымъ племенемъ, что они и доказали отпоромъ Курдамъ. Христіане здѣшніе необразованы, поселяне болѣе чѣмъ горожане: между послѣдними грамотные встрѣчаются едва-ли на половину, а между сельскими жителями грамотный составляетъ исключеніе. Необразованность христіанъ происходитъ отъ недостатка школъ, а недостатокъ школъ усложняется неимѣніемъ денежныхъ средствъ; да впрочемъ, здѣшніе христіане и не чувствуютъ потребности въ грамотѣ, тѣмъ болѣе, что, кромъ роднаго языка, они должны еще учиться, ради житейскихъ выгодъ, грамотъ арабской и турецкой. Въ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ училищъ, а обучаютъ грамотъ священники желающихъ; свѣтскихъ школъ не имѣется, а училища при церквахъ указаны мною въ своихъ мѣстахъ. При томъ-же и турецкія власти косо смотрятъ на заведеніе училищъ: для невѣждъ это составляетъ предметъ особенныхъ опасеній.

Благосостояніемъ и нѣкоторымъ образованіемъ отличаются алеппскіе христіане, какъ потому, что торговля сношенія и присутствіе многихъ Европейцевъ придаютъ имъ безопасности, такъ и потому, что здѣсь христіанъ довольно, живутъ они отдѣльно отъ мусульманъ, и вообще жители Алеппо отлича-

ются изящностью обращенія. Впріемъ и эта изящность имѣетъ свои дикіе порывы: послѣ меня столько было гоненій и кровавыхъ сценъ съ христіанами въ Алеппъ, Мардинъ и Мосуль!...

Спрашивается: отчего же христіане не оставляютъ Турціи и не выселяются въ другую христіанскую же землю? Во-первыхъ, это сдѣлать не легко, по причинѣ все-таки нѣкотораго надзора за ними со стороны турецкихъ властей, а если бы и удалось это сдѣлать, то ярость Турокъ обрушится на родственниковъ бѣжавшаго. Во-вторыхъ, привычка челоѣвка къ мѣсту своего рожденія всегда и вездѣ, не смотря ни на какія преслѣдованія, сильна. Въ-третьихъ, насущное содержаніе здѣсь для христіанина все же обходится безъ особенныхъ трудовъ (разумѣется, работы на мусульманъ въ сторону), а въ другой странѣ, при необразованности своей, много-ли зарабатываетъ здѣшній христіанинъ? Въ-четвертыхъ, мусульмане распространяютъ о другихъ земляхъ такіе страшные и нелѣпые слухи, которымъ, въ слѣпотѣ фанатической, вѣрятъ сами отъ души, что не видавшіе ничего, далѣе Месопотаміи и Сиріи, христіане думаютъ не очень выгодно о существованіи въ иныхъ странахъ. Въ-пятыхъ, кому же изъ этихъ христіанъ, при ихъ необразованности, придетъ въ голову мысль о переселеніи? Здѣшніе христіане такъ привыкли къ мусульманскому игу, что они ждутъ прихода русскихъ въ эти края—общее мнѣніе въ мосульской области—чтобъ освободиться отъ тиранніи мусульманъ, но сами не прибѣгнутъ ни къ одному изъ средствъ для достиженія хоть нѣкоторой самостоятельности.

Духовенство христіанское, какъ я уже имѣлъ нѣсколько разъ случай замѣтить, не обладаетъ ни достаточными познаніями въ религіи христіанской, ни даже достаточнымъ пониманіемъ догматовъ ея. Причина здѣсь та же самая—недостатокъ училищъ и наставниковъ. Духовные вообще мало отличаются въ образѣ жизни отъ мірянъ: точно также вы видите кешиша всегда съ длиннымъ чубукомъ и пускающаго клу-

бами табачный дымъ, сидя поджавъ ноги; точно также не откажется кешишъ отъ лишней рюмки вина на мірскомъ празднествѣ: все отличіе состоитъ развѣ въ томъ, что священники живутъ получше мірянъ. Подобно многимъ другимъ мѣстамъ, духовенство мало любимо своею паствою, но уваженіемъ пользуется большая часть духовныхъ. Не смотря на малочисленность стрегомой паствы, высшія духовныя лица носятъ важныя титулы патріарховъ, митрополитовъ и епископовъ: это — остатки еще византійскихъ учреждений; кромѣ того духовенство почти вездѣ преувеличиваетъ древность своихъ храмовъ.

Кромѣ угнетеній отъ турецкихъ властей, христиане въ Месопотаміи и Сиріи, какъ и повсюду въ Турціи, раздраемы междоусобицами сектъ: въ этихъ мѣстахъ преимущественно существуетъ раздоръ между католиками и не-католиками, потому что, за исключеніемъ католиковъ, остальные обряды уживаются другъ съ другомъ довольно мирно, хотя и уклоняются взаимно отъ вступленія въ браки. Не смѣю никого обвинять въ этомъ раздорѣ, но, кажется, духомъ нетерпимости и даже невѣроятной злобы отличаются преимущественно католическіе христиане: одна Французская путешественница (Adèle Honmaire de Hell) приводитъ, безъ особеннаго прискорбія, чувства одной армянской дамы (!) въ Константинополь, которая «пытаетъ менѣ отвращенія къ мусульманамъ, нежели къ своимъ собакамъ-раскольникамъ.» (*) Это мнѣніе не одной Армянки, но почти общее между католическими христианами; съ своей стороны и христиане другихъ обрядовъ не любятъ католиковъ, и такимъ образомъ фанатизмъ, постоянно воспламеняемый враждующими духовными, уничтожаетъ на Востокѣ главный и основный догматъ христианства — любовь къ ближнему. Обѣ стороны приписываютъ другъ другу неслыханныя злодѣянія, представляютъ въ искаженномъ видѣ ученіе своихъ противниковъ, чернятъ духовенство всевозможными

(*) *Revue de l'Orient*, VII, 131.

пороками, и, разумеется, первый шаг принадлежит во всемъ этому католикамъ, которые, кромѣ того имѣютъ многочисленныхъ защитниковъ въ европейскихъ журналахъ. Впрочемъ, въ утѣшеніе истинныхъ христіанъ, я могу сказать, что съ одной стороны, въ описываемыхъ мною мѣстахъ, духъ нетерпимости между христіанами не такъ силенъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, а съ другой, европейскіе защитники католицизма, какъ ни стараются опорочить другіе обряды, не находятъ почти ничего сказать противу нихъ фактическаго, а ограничиваются пустыми разглагольствованіями.—Прямимъ слѣдствіемъ религіозныхъ раздоровъ есть ослабленіе христіанъ и презрѣніе къ нимъ мусульманъ; это ослѣпленіе ненависти доходитъ иногда до крайнихъ предѣловъ, такъ что христіане добровольно унижаютъ себя передъ турецкими властями, лишь бы нанести ударъ противникамъ; я привелъ выше случай о приглашеніи Халдеями турецкихъ войскъ на стоянку въ христіанскій монастырь, при чемъ, разумеется, мусульмане позволяли себѣ разныя безчинства, и еще я засталъ многія произведенныя ими въ зданіи поврежденія.

Учрежденіе школъ и распространеніе образованности, о чемъ такъ заботится католическое духовенство, было бы неоспоримымъ благодѣяніемъ для восточныхъ христіанъ, если бы это обученіе производилось основательно, а не поверхностно, если бы однимъ изъ первыхъ началъ ученія не было внушеніе ненависти ко всемъ христіанамъ не-католическаго обряда, если бы степень ученія сообразовалась съ потребностями учащагося, и если бы, наконецъ, при вводимомъ полупросвѣщеніи, не возникало, вмѣстѣ съ смягченіемъ нравовъ, и растленіе ихъ. Всѣ эти упреки можно приложить съ большею строгостию къ константинопольскимъ католикамъ, нежели къ месопотамскимъ и сирійскимъ, но о первыхъ мы будемъ говорить когда-нибудь въ другой разъ.

Къ истинному прискорбію всего христіанскаго міра, въ распряхъ и взаимной враждѣ восточныхъ христіанъ принимаютъ дѣятельное участіе европейскіе агенты дипломатическіе,

и даже просто Европейцы: въ силу окружающаго вліянія, почти каждый Европейецъ, пріѣхавшій на Востокъ, становится одержимъ духомъ ветераниности и прозелитизма. Говорю это отчасти и по собственному опыту, въ чемъ и раскаиваюсь. Больше всего вмѣшивается въ отношенія христіанъ Франція, самовольно приписавшая на себя право распоряжаться дѣлами всѣхъ христіанъ въ Турціи, всѣхъ, потому что, покровительствуя католикамъ, она въ то же время преслѣдуетъ христіанъ другихъ исповѣданій. Въ описываемомъ мною краю, во время моего прѣзда, турецкія власти были довольно глупы къ притязаніямъ французскихъ агентовъ, а послѣ моего отъѣзда даже былъ уничтоженъ доминиканскій монастырь въ Мосулѣ и монахи понесли довольно оскорбленій: эти печальныя событія были вызваны самими католиками.

Англія ограничиваетъ свою роль повсемѣстнымъ противудѣйствіемъ Франціи и католицизму; агенты ея проникнуты равнодушіемъ къ дѣламъ христіанъ вообще, но никогда не упустятъ случая нанести какой-нибудь вредъ католикамъ. Миссіонерская ревность Англіи проявилась только въ Мосулѣ, и при томъ не за долго до моего прѣзда. При постоянной противоположности видовъ и интересовъ Англіи и Франціи, ничего не значитъ воззваніе министерствъ англійскаго и французскаго объ обоюдномъ содѣйствіи всѣмъ дипломатическимъ агентамъ обѣихъ державъ въ настоящее время: наружная дружба будетъ оказываться, а тайное противодѣйствіе будетъ продолжаться по прежнему, или, короче сказать, дѣла христіанскія въ Месопотаміи и Сиріи останутся въ старомъ видѣ.

Американскіе миссіонеры исполняютъ свое дѣло отъ чистаго сердца, но значеніе ихъ не велико.

Россія, сохраняя свято договоры, постоянно уклонялась отъ вмѣшательства въ дѣла неправославныхъ христіанъ въ Месопотаміи и Сиріи, какъ я имѣлъ случай показать нѣсколько разъ въ теченіи этой статьи. Не смотря на общее почти желаніе здѣшнихъ христіанъ, и при томъ самое пылкое, отдаться подъ покровительство Россіи, наше правительство не

учреждаетъ даже и дипломатическихъ агентствъ тамъ, гдѣ число и нужды православнаго народонаселенія того не требуютъ. Послѣ этого ясно, какъ несправедливы возгласы тѣхъ, которые приписываютъ русскому правительству честолюбивые виды на господство надъ всеми христіанами. Англійскій миссіонеръ въ Мосуль, Баджеръ, противникъ католицизма, постоянно приходилъ въ страшное негодованіе отъ того, что Россія, пользуясь такимъ теплымъ сочувствіемъ месопотамскихъ и сирійскихъ христіанъ, не принимаетъ наступательнаго участія въ ихъ дѣлахъ, которое имѣло бы неотразимое вліяніе и превосходство предъ всеми другими.

И ВЕРЕЖИНЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНАХЪ.

(Продолженіе).

XXXIII.

Торговая дѣятельность Балтійскихъ Славянъ. Торговля Вагровъ и Бодричей.

Мы обозрѣли одну сторону тѣхъ отношеній, въ которыя судьба поставила Балтійскихъ Славянъ. Естественныя условія положенія и характера вели ихъ къ нескончаемой враждѣ и борьбѣ съ сосѣдними народами; возбужденная въ нихъ до высшей степени удаля вызвала отважныя ихъ переселенія на дальній западъ. Но тѣ же самыя обстоятельства, которыя были причиною враждебныхъ столкновеній Балтійскихъ Славянъ съ Германскими племенами, искони также заставляли ихъ входить съ своими сосѣдями въ мирныя связи путемъ торговли. Народъ приморскій, сдѣлавшійся мореходнымъ по нуждѣ и охотѣ, соприкасавшійся такъ близко и сообщавшійся такъ легко съ другими народами, Балтійскіе Славяне не могли не полюбить торговой жизни. Дѣйствительно, мы знаемъ, что еще за-долго до Р. Х., Венеты на Балтійскомъ по-морѣ вели торговлю янтареми. На время, можетъ быть, Поморская торговля пострадала отъ Нѣмецкихъ дружинъ, которыя, навѣрно, предпочитали войну и добычу мирной и трудовой дѣятельности. Но съ независимостію, торговля возникла вновь у Балтійскихъ Славянъ и вскорѣ достигла такого развитія, что удивляла современниковъ своею обширностію.

Географическій видъ югозападнаго, Славянскаго берега Балтій-

скаго моря, указываетъ на четыре мѣста самыя выгодныя для торговли: у крайняго на югозападѣ изгиба, въ землѣ Вагровъ; у нынѣшняго Висмарскаго залива, въ землѣ Бодричей; у обширнаго лимана, гдѣ сходятся три устья Одры съ устьемъ Пѣны, въ землѣ Поморянъ; и у впаденія Вислы въ море, на границѣ Поморянъ и Прусовъ. Въ этихъ-то мѣстахъ и сосредоточилась торговля Балтійскихъ Славянъ, и основались лучшіе ихъ города. Только Ваграмъ, непрестанно тѣснимымъ сосѣдними народами, некогда было торговать, развѣ, можетъ быть, во времена самой отдаленной древности. Однако и при всѣхъ невыгодахъ пограничнаго положенія, древній городъ ихъ Старыгардъ былъ весьма значителенъ; гавань его находилась въ сообщеніи съ Гамбургомъ и съ Вольномъ, главнымъ торговымъ городомъ Приодерскимъ (193). Но въ XII в., когда Вагры совершенно изнемогли, когда ихъ страна перешла въ руки Нѣмцевъ и кончилась вѣковая въ ней война, мѣстные выгоды взяли свое, и новый Вагрскій городъ Любица (Lübeck), лежавшій нѣсколько южнѣе покинутаго Старограда, слишкомъ близкаго къ Даніи, сдѣлался однимъ изъ знатнѣйшихъ торговыхъ мѣстъ Германіи.

Въ началѣ IX в., а вѣроятно и гораздо прежде, у Висмарскаго залива процвѣтала торговля въ Рарогѣ (194), главнымъ городѣ Бодричей, которые сами назывались Рарогами. Она имѣла въ это время такое значеніе, что пошлины, которыя взимались съ купцовъ, торговавшихъ въ Рарогѣ, были однимъ изъ важныхъ доходовъ Датскихъ королей (195). Однако уже въ IX в. война коснулась Рарога и пресѣкла его дѣятельность. Разрушенный Датчанами, онъ опять отстроился, но никогда уже не получалъ прежняго торговаго значенія. Даже Славянское имя его вскорѣ исчезло, по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ болѣе не встрѣчается, и замѣнилось Нѣмецкимъ названіемъ *Микилинбурга* (т. е. Большой городъ). Хотя нѣтъ на то прямыхъ свидѣтельствъ, но можно, ка-

(193) Ad. II, 19.

(194) У Датчанъ назывался онъ *Revic*: Einh. annal. a. 808, Pertz I, 195.

(195) Einh. I с.

жется, принять за вѣрное, что Рарогъ и Микилинбургъ одинъ и тотъ же городъ: ибо 1) и тотъ и другой именуется главнымъ городомъ Бодричей; 2) Бодричи носятъ прозвище Рароговъ въ то самое время, когда лѣтописцы называютъ главный городъ ихъ Микилинбургомъ ⁽¹⁹⁶⁾: по этому, если мы предположимъ, что Микилинбургъ имѣлъ свое Славянское названіе (а это, кажется, несомнѣнно), то едвали найдемъ другое, какъ *Рарогъ*, которое именно совпадало бы съ общимъ названіемъ Бодрицкаго народа; по крайней мѣрѣ въ современныхъ свидѣтельствахъ нѣтъ рѣшительно слѣда другаго Славянскаго имени для Микилинбурга. Какъ бы то ни было, впрочемъ, торговое значеніе разрушеннаго Рарога не воскресло въ обновленномъ Микилинбургѣ: война не позволяла. Но опять и здѣсь, когда Бодричи были истреблены и земля ихъ обращена въ Нѣмецкое поселеніе, вмѣстѣ съ миромъ снова водворилась торговля. Однако и Микилинбургъ, который какъ многіе города того времени, лежалъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ морскаго берега, чтобы безопасность отъ разбойничьихъ кораблей соединялась съ выгодой приморской пристани, былъ покинутъ, подобно Старому-граду, и сталъ деревушкою, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, въ новомъ городѣ, по-Славянски Весмірѣ ⁽¹⁹⁷⁾, по-Нѣмецки Висмарѣ, закипѣла торговая жизнь.

XXXIV.

Торговля Поморянъ. Городъ Волинъ или Юлинъ.

Только вдали отъ поприща войны съ Нѣмцами и Датчанами процвѣла Славянская торговля на Балтійскомъ поморьѣ послѣ IX в. Она сосредоточилась близъ устьевъ Одры и тутъ до-

(196) Ad. II, 18. Obodriti, qui nunc altero nomine Reregi vocantur, et civitas eorum Magnopolis (Magnopolis, Megalopolis, любимый переводъ Нѣмецкаго Mikilinburg, по средневьковой модѣ).

(197) Cod. Pomer. (Codex Pomeraniæ diplomaticus, herausgegeben von Haszelbach, Kosegarten und Medem) N 32 (около 1194 г.): in portu qui Wissemer dicitur.

стигла высшаго своего развитія. Здѣсь было нѣсколько торговых городовъ Славянскихъ : Щетинъ, при раздѣленіи Одры на рукава, прочіе всѣ по правому рукаву ея, такъ наз. *Dievelow* : на южномъ краѣ острова Волина — Волинъ ; насупротивъ этого острова на материкѣ, Кѣмень и Клодно.

Въ самое блистательное время Поморья , когда ничто еще не тревожило тамъ Славянскаго народа , главнѣйшимъ изъ этихъ городовъ былъ *Волинъ* (у Нѣмцевъ *Воллинъ* или *Юлинъ*, у Датчанъ *Юмне*, — вѣроятно, — искаженіе вмѣсто *Юлне* у Исландцевъ также *Юмъ*, вмѣсто *Юмъ*).

« У впаденія Одры въ море, говоритъ въ XI в. Адамъ Бременскій (198), находится великолѣпный городъ Юлинъ (по другимъ спискамъ, Юмне), знаменитая пристань , гдѣ съѣзжаются окрестные народы, варвары (т. е. Славянскіе и другіе язычники) и Греки (т. е. Православные, Русскіе) (199). О величій этого города, про который ходятъ чрезвычайные и дивные рассказы, надобно сообщить нѣсколько извѣстій, заслуживающихъ вниманія. Юлинъ самый большой изъ всѣхъ городовъ Европы (200); въ немъ обитаютъ Славяне вмѣстѣ съ другими народами, Греками и варварами. Даже и Саксы, пріѣзжающіе туда, получаютъ равныя права съ тамошними жителями, лишь бы, во время своего пребыванія въ Юлинъ, не исповѣдывали явно Христіанства. Весь народъ тамъ еще преданъ заблужденію языческихъ обрядовъ , но впрочемъ, относительно правовъ и гостепріимства, не найти людей честнѣе и добродушнѣе. Въ этомъ городѣ, богатомъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, есть все, чего ни спросишь дорогаго и рѣдкаго.... Изъ него кратковременнымъ плаваніемъ (на гребномъ суднѣ : *brevis remigio*) сообщаются съ одной стороны съ Дыминомъ, (теперь *Demmin*), городомъ лежащимъ не далеко отъ устья рѣки Пѣны, гдѣ живутъ и Руяне; съ другой, съ областью

(198) II, 19.

(199) Сравни ниже : *Chivz* (т. е. *Kiev*)... *clarissimum decus Graeciae. ibid.*

(200) Подъ именемъ Европы средне-вѣковые писатели времени Адама Бременскаго и предшествующихъ столтій разумѣли по преимуществу языческую часть этой страны сѣвѣ, въ противоположность Римской ; см. *Giesebrecht, Wendische Geschichten*, I, 28, выноска 3.

Семландію, принадлежащую Прусамъ. Разстояніе такое, что отъ Гамбурга или отъ рѣки Эльбы на седьмой день достигнешь до Юмне, путешествуя сухимъ путемъ; чтобы вѣхать моремъ, надобно сѣсть въ корабль въ Шлезвигъ или Альдинбургъ (Старомъ-градъ Вагровъ), и также можно прибыть въ Юмне. Изъ Юмне же пу- тлявшись на парусахъ, на четырнадцатый день ⁽³⁰¹⁾ выйдешь на берегъ въ Острогардъ, въ Русской землѣ ⁽³⁰²⁾, гдѣ столица Кіевъ, соперница Константинопольскаго скипетра, краса и слава Гре- ции.» ⁽³⁰³⁾.—Послѣднія слова показываютъ, что Адамъ Бременскій имѣлъ особенно въ виду связь Руси съ Греціею (и дѣйстви- тельно, для западнаго человѣка того времени Христіанская земля внѣ Римскаго единства была явленіемъ удивительнымъ), и Греки, которые, по его словамъ, торговали въ Волинѣ, были, очевидно, просто Православные, т. е. Русскіе.—Все извѣстіе Адама о Во- линѣ чрезвычайно важно. Вотъ какое развитіе имѣла торговая дѣятельность на Славянскомъ поморьѣ и какъ обширенъ былъ кругъ ея сообщеній. Невозможно, чтобы такой городъ и такая дѣятельность возникли въ короткое время. Волинъ сталъ процвѣ- тать, безъ сомнѣнія, гораздо прежде XI столѣтія, къ которому относится свидѣтельство Адама Бременскаго, — можетъ быть, съ той поры, какъ удары Нѣмцевъ и Датчанъ обрушились на западные города Славянскаго поморья и убили ихъ торговлю. Какъ ярко выставляется также въ словахъ лѣтописца характеръ Волинской торговли и Волинскаго народа! Естественно купцамъ богатаго- торговою города составить касту и добиваться монополіи: вспо- мнимъ Финикію и Карѣнгенъ, Венецію и города Ганзейскіе. Но

(301) Въ другомъ спискѣ, на 43-й: переписчикъ измѣнилъ XIII въ XLIII.

(302) Острогардъ есть древнее Скандинавское названіе Руси.

(303) Въмѣсто *Jumne*, Датской формы, которую Адамъ Бременскій употреб- ляеть одинаково съ Нѣмецко-Латинскою *Julinum*, въ нѣкоторыхъ спискахъ его лѣтописи начертано *Vinne*, *Uinne*; изъ этой формы сдѣлали потомъ имя *Vinneta*, которое уже Гельмольдъ, выписывая изъ Адама свидѣтельство объ Юливѣ, ставитъ вмѣсто *Jumne*, *Julinum* (Chron. I, 2. 15.). Объ этой Вин- ветѣ, которая есть не что иное, какъ искаженіе Датскаго наименованія города Волинъ, позднѣйшіе писатели выдумали разныя чудовищныя сказки, распростра- няя по своему единственное достовѣрное свидѣтельство Адама Бременскаго и прибавляя каждый разъ къ прежнимъ новые вымыслы.

нѣтъ: Славянская общительность одолѣла торговую жадность, и не только Волянскіе Славяне не стремились къ монополіи, но даже всякому прїѣзжему давали (употребимъ выраженіе, которое для нихъ самихъ было бы, вѣрно, непонятно) полныя права гражданства: запрещеніе Саксамъ въ Волянѣ исповѣдывать явно Христіанскую вѣру, очевидно, было постановлено, уже когда они насильно налагали свое исповѣданіе на Балтійскихъ Славянъ и тѣмъ сдѣлали его для нихъ ненавистнымъ. Но слова Адама именно показываютъ, что для этихъ Саксовъ, при всей ихъ враждѣ къ Славянамъ, не было въ Волянѣ другаго ограниченія, что прочимъ народамъ позволялось тамъ свободно исполнять обряды своей вѣры, и что даже Христіанство, какъ его исповѣдывали народы Православные, могло оглашать азычскій Волянъ своею кроткою молитвою.

XXXV.

Торговля Щетина и прочихъ городовъ Поморскихъ.

Противъ Вольна на материкѣ лежалъ, на берегу Одры, большой и старинный городъ *Щетинъ* (Stettin) ⁽²⁰⁴⁾. Онъ также процвѣталъ торговлею и, безспорно, наводился въ постоянномъ сообщеніи съ Волянномъ. Но, по видимому, Щетинъ имѣлъ другое значеніе, нежели Волянъ. Волянъ былъ чисто торговый городъ, а Щетинъ имѣлъ также значеніе племенное и государственное. Щетинъ былъ старшій городъ на Поморьѣ, мать и глава всѣхъ городовъ Поморскихъ ⁽²⁰⁵⁾. Ему отдавали почетъ и тѣ города, которые могли бы съ нимъ соперничать торговлею и могуществомъ. Даже Волянцы говорили, что у нихъ старинный законъ предковъ ничего не постановлялъ важнаго безъ совѣта и

(204) Что этотъ городъ назывался по-Славянски *Щетинъ*, а не *Щитно*, (какъ думаютъ некоторые Польскіе писатели, смѣшивая его съ *Щитменскою* областью (Scitene) на Поморьѣ, областью, котораѣ къ нему вовсе не принадлежала), на это указываетъ имя, придаваемое ему Исландскими сагами, *Borsta-borg*: ясно, что въ основаніи лежалъ корень *щеть*, *щеть-ка*, *щеть-ина*.

(205) *Self. 92 antiquissimam et nobilissimam in terra Pomeranorum matremque civitatum.*—Sax. 866.

согласія Щетиццевъ : « Щетинцы глава всего Поморскаго народа, многочисленнѣе и сильнѣе прочихъ городовъ ; Волянъ всегда будетъ слѣдовать ихъ примѣру и рѣшенію. » (206). Новая черта общительности Славянскаго быта. — Въ началѣ XII в. Щетинъ получалъ перевѣсъ даже въ торговомъ отношеніи , послѣ нападенія Датчанъ на Волянъ около 1115 года. Онъ находился въ постоянныхъ и правильныхъ сношеніяхъ съ Ранами (207). Ежегодно шло за море великое множество Щетиццевъ (208), и можно было въ Щетинѣ найти много такихъ бывалыхъ людей, которые, по выраженію Нѣмецкаго писателя, знали въ точности положеніе, всѣ мѣстности и нравы всякаго народа (209). Самый городъ былъ тогда больше Воляна (210), онъ казался современникамъ отличнѣмъ (211) и огромнѣмъ, заключалъ въ своей окружности 3 холма, и около 1120 года имѣлъ, по исчисленію, 900 отцевъ семейства ; женщины , дѣти , челядь и люди безхозяйственные не считались (212). Но и Волянъ въ то время, хотя былъ ужъ не то, что дѣтъ за 50, оставался однако большимъ и сильнымъ городомъ , велъ обширную торговлю и высылалъ за море не мѣнѣе купцовъ, нежели Щетинъ (213). Воляны все еще крѣпко стояли за свою независимость и казались Нѣмцамъ народомъ упорнымъ и неукротимымъ (214). Выгодное положеніе Воляна его отчасти поддерживало : Одрою онъ легко сообщался съ материкомъ, а съ другой стороны властвовалъ надъ островами, которые прикрываютъ устье этой рѣки, и которые, какъ видно изъ старинныхъ сказаній, имѣли въ то время сравнительно съ твердою землею Поморскою, большее значеніе, нежели теперь. Потому-то, когда дѣло шло объ избраніи средоточія для епархіи

(206) S. Cruc. II, 7. Ebbo 54.

(207) Sefr. 178.

(208) Sefr. 117.

(209) Sefr. 179. gnari locorum, provinciarum et morum cujusque gentis.

(210) Ebbo 64.

(211) Ebbo 51.

(212) Sefr. 109.

(213) Sefr. 117.

(214) Sefr. 87.

на Поморьѣ, князь и знатные люди страны назначили епископскому престолу быть въ Волинѣ (215).

Кромѣ Волина и Щетина, было около устья Одры еще много другихъ торговыхъ городовъ, болѣе или менѣе значительныхъ. На рѣкѣ Пѣнѣ находился Дыминъ, важный и какъ пограничная крѣпость Поморская и какъ складочное мѣсто въ торговлѣ съ Германіею. Изъ Германіи товары везлись сухимъ путемъ до Дымина, гдѣ нагружались на суда и сплавлялись по Пѣнѣ до крѣпости Узноима (теперь Usedom), до Волина, Щетина и т. д. Также вдоль по берегу Пѣны отъ Дымина до ея устья шла провзжая дорога (216). Впрочемъ неизвѣстно, велась ли Дыминцами также самостоятельная торговля.

На восточной сторонѣ треугольника, образуемаго устьемъ Одры, было два торговыхъ города: Камень и Клодно (217). Камень (теперь *Samlin*) лежалъ у самой Дивеновы, не далеко отъ ея устья: то былъ городъ весьма значительный уже въ началѣ XII вѣка, а въ концѣ этого столѣтія онъ сдѣлался наслѣдникомъ Волинской торговли и сталъ первымъ городомъ Поморья. Положеніе Клодна (218) (Русская форма была бы *Колодно*) въ точности неизвѣстно: но изъ повѣствованій о путешествіи Оттона Бамбергскаго по Поморью видно, что городъ этотъ находился въ близкомъ разстояніи отъ Волина и Камена, на востокъ, по дорогѣ къ Колобрегу: «Клодно очень большой

(215) Sefr. 114: quia civitas hæc in mediterraneo sita est Pomeraniæ civitate Julinenses fortes et duræ cervicis sunt.

(216) Sefr. 121. 123.

(217) Sefr. 80. Cod. Pomer. N 18.

(218) Такова, кажется, настоящая, самая вѣрная Славянскимъ звукамъ, форма имени этого города, происходящая очевидно отъ слова *клада*, *колода* (Польск. *клода*). Житіе Оттона, известное подъ названіемъ *Aponymus Sanguisarius* сохранило намъ ее (*Cloden* II, 19.). Бартольдъ (*Geschichte von Rügen und Pommern*, II, 60) приводитъ еще изъ Каназія чтеніе *Clonoda* (вмѣсто *Clodona*). Готическое начертаніе буквъ *Cl* легко могло быть принято за *D*, и образовалось чтеніе *Dodona*, *Dodina*: первое привлекло средне-вѣковыхъ монаховъ своимъ классическимъ звукомъ и сдѣлалось господствующимъ почти во всѣхъ спискахъ Оттоновыхъ Житій.

городъ, говорятъ эти повѣствованія, и лежитъ въ глубинѣ лѣса (219); ежегодно отправляется оттуда въ чужія страны множество народа для торговли (220). За рѣкою же, которая течетъ мимо Клодна (вѣроятно *Rega*), Оттонъ нашелъ безлюдную окрестность обширнаго города, недавно разрушеннаго и выжженнаго Поляками. » (221).

XXXVI.

Остальныя торговыя мѣста на Славянскомъ поморьѣ: Рана, Колобрегъ, Гданскъ.

Такова была торговля на Поморьѣ, что на этомъ маленькомъ пространствѣ земли около устья Одры могло существовать четыре большихъ торговыхъ средоточія (даже пять или шесть если считать Дыминъ и тотъ древній городъ въ сосѣдствѣ Клодна, который уже въ XII в. лежалъ въ развалинахъ). Здѣсь былъ центръ Славянской торговли; но она основалась и въ другихъ мѣстахъ. Островъ Рана, не смотря на недостатокъ удобныхъ пристаней и на воинственность жителей, велъ также значительную торговлю. О постоянныхъ сношеніяхъ Ранъ съ Шетиномъ (222) было уже упомянуто. По словамъ Саксона Грамматика (223), многіе изъ Ранъ ѣздили на чужую сторону по разнымъ торговымъ дѣламъ, а у главнаго, священнаго ихъ города, Арконы, въ особенномъ, кажется, торговомъ предмѣствѣ (224), жило много иностранныхъ

(219) S. Cruc. II, 19. (220) Sefr. 117.

(221) Sefr. 115.

(222) Sefr. 178.

(223) 827.

(224) Въ самой Арконѣ, крѣпости, построенной на высокой скалѣ и въ которой не было зданій, кромѣ храма, очевидно, не могло быть настоящей торговли; но подлѣ Арконской скалы, въ 1100 шагахъ отъ оконечности юго-восточнаго вала, въ лощинѣ, гдѣ теперь лежитъ деревня *Витте*, *Witte* (Славянское имя вѣроятно, было *Вита*: отсюда, кажется, и весь сѣверный полуостровъ Рюгена, на которомъ находилась Аркона, назывался въ древности Витовымъ (*Withova* теперь *Wittow*); въ этой лощинѣ, говорю, представлялся всѣ удобства для торговаго селенія, необходимаго при такомъ важномъ религіозномъ и политическомъ средоточіи, какъ Аркона, куда стекался народъ со всего Славянскаго поморья. Исландская Книгавига-сага (120) говоритъ, что Датскій король Вальдемаръ I, однажды, высадивши войско на Ранъ, дошелъ до Вика (теперь

купцовъ. Ране, впрочемъ, не были къ нимъ такъ благосклонны, какъ Волинцы. Рассказываютъ, что когда имъ пришлось отречься отъ язычества и нужно было вытащить изъ капища уважаемый идолъ Святовита и разбить его, то они, не вполне еще разувѣрившись въ его силѣ и боясь его гнѣва, сами не покусились на это дѣло, а заставили подвергнуться мщенію Святовитову рабовъ и иностранныхъ торговцевъ, проживавшихъ въ Арконѣ ⁽²²⁵⁾. Но монополии не искали и Ране. Около ихъ острова въ Ноябрь мѣсяцѣ, когда подымались сильныя вѣтры, производилась обильная ловля сельдей, и они позволяли всякому прїѣзжать и ловить эту рыбу, источникъ столькаго богатства: и дѣйствительно, ежегодно она привлекала множество промышленниковъ, Нѣмцевъ и др. ⁽²²⁶⁾.

При торговой дѣятельности, было какъ у Рань, такъ и у Поморцевъ весьма много кораблей ⁽²²⁷⁾; кораблямъ своимъ Балтійскіе Славяне умѣли придавать большіе для того времени размѣры. Балтійскіе Славяне прежде Датчанъ выучились строить военныя суда, поднимавшія лошадей. О Ранскомъ флотѣ, перевезшемъ конницу, упоминается уже въ 1112 г. ⁽²²⁸⁾; а только въ 1136 г. Датчане въ первый разъ попытались придать своимъ судамъ нужный для этого объемъ: они поставили тогда на каждый корабль по четыре лошади ⁽²²⁹⁾.

Wieck, на западной сторонѣ Витова: названіе, кажется Германское) и отсюда опустошилъ землю до торговаго селенія (til torgspeirra): не было ли сіе послѣднее именно торговая слобода близъ Арконы? См. Fabric. (Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen, von Fabricius) I, 79.

(225) Sax. 838. *exteris quæstum in urbe petentibus.*

(226) Helm. II, 12. *multum ibi hales capitur et patet mercatoribus. liber accessus.*

(227) Helm. I, 36. Sax. 739. О Поморскихъ корабляхъ безпрестанно упоминается въ Житіяхъ Оттона. Ср. также Sax. 865. 974 и въ др. мѣстахъ.

(228) Helm. I, 36. Ср. также Sax. 705.

(229) Sax. 661. Изъ этого видно, что тогдашніе военныя корабли соответствовали по величинѣ нынѣшнимъ баркамъ: но за то число ихъ было очень велико. Первый Датскій флотъ, везшій кавалерію, снаряженный королемъ Эрикомъ III, состоялъ изъ 1100 судовъ. Можно по этому судить и о многочисленности кораблей у Рань и Поморцевъ, ибо ихъ флоты не уступали морскимъ силамъ Датчанъ, а часто превосходили ихъ.

На востокъ отъ Одерскаго лимана былъ также богатый торговлею городъ, *Колобрегъ* (теперь *Colberg*), одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Поморскихъ ⁽²³⁰⁾, лежавшій близъ устья Персанты, но, по старинному обычаю, въ небольшомъ разстоянii отъ моря. Онъ процвѣталъ особенно своими соловарнями, которыя уже славились въ Германii, когда земля Поморская была тамъ почти совершенно неизвѣстна ⁽²³¹⁾. Кромѣ солянаго промысла Колобрегъ обогащался также сплавомъ лѣса по Персантѣ ⁽²³²⁾ и обширною морскою торговлею. Случалось, въ удобное для плаванiя время года, что большая часть Колобрежцевъ находилась въ отлучкѣ въ разныхъ земляхъ и островахъ Балтiйскихъ, такъ что остававшiеся дома не рѣшались въ эту пору постановлять ни какихъ нововведенiй ⁽²³³⁾.

Дальше на востокъ отъ Колобрега не было уже ни той дѣятельности, ни того благосостоянiя. Съ X вѣка Поляки безпрестанно опустошали и завоевывали эту часть Поморья. Что тамъ было прежде, объ этомъ нѣтъ ни какихъ извѣстiй. — Однако на устьѣ Вислы возникъ городъ *Гданскъ* (*Danzig*), упоминаемый уже въ X столѣтii: въ XII в. говорится о кораблехъ платившихъ въ Гданскѣ извѣстную пошлину ⁽²³⁴⁾; но нельзя сказать, шли ли они изъ Польши и здѣсь только останавливались, или занимались въ Гданскѣ постоянною торговлею.

XXXVII.

Направленiе торговли Балтiйскихъ Славянъ. Сношенiя съ сѣверными и восточными народами Прибалтiйскими.

О направленii торговли Славянскаго Поморья мы знаемъ мало. — По древнѣйшимъ свидѣтельствамъ извѣстно о значительныхъ сношенiяхъ со Швецiею. Въ VI в. Юрнандъ рассказываетъ, что драгоцѣнные черные мѣха, которые онъ называетъ *pelles saphi-*

(230) Mart. Gall. (*Chronicæ Polonorum*, у Пертца т. XI) II, 28.

(231) Thietm. (*Thietmari Chronicon*, у Пертца, т. V.) IV, 28. VII, 52: *salsa Cholbergensis ecclesia*. Титмаръ жилъ въ началѣ XI вѣка.

(232) Dreger, *Codex diplomaticus*. N 3 и др.

(233) Sefr. 116.

(234) Cod. Pomer. N 17, 1148 года.

gipse (вѣроятно, *соболы*), вывозились отъ Шведовъ, и проходя черезъ руки многихъ народовъ, наконецъ доставлялись въ Италию⁽²³⁵⁾. Безъ сомнѣнія, однимъ изъ участвующихъ въ этой торговлѣ народовъ были Балтійскіе Славяне. Уже въ IX в. славилась въ Швеціи, и процвѣтала еще въ XI в., большая гавань Бирка⁽²³⁶⁾, не далеко отъ Упсалы, куда привѣзжали корабли всѣхъ Балтійскихъ народовъ: Датскіе, Норвежскіе, Прусскіе и вѣроятно также Русскіе, и корабли Балтійскихъ Славянъ, о которыхъ именно упоминаетъ Адамъ Бременскій.

На торговлю Балтійскихъ Славянъ съ Русью намекаетъ приведенное уже повѣствованіе этого же лѣтописца о томъ, что изъ Волины было 14 дней пути къ Русскому берегу и что въ Волинѣ жили привѣзжіе люди Греческіе, т. е. Православные. Другихъ свидѣтельствъ нѣтъ.—Были тоже, на-вѣрное, сношенія съ собѣдными Прусами. Уже въ IX в. Прусы имѣли значительную авань, *Трусю* (близъ озера *Drausen*, гдѣ теперь *Elbing*), куда ѣздили корабли даже изъ Норвегіи⁽²³⁷⁾, и не можетъ быть, чтобы Славяне, которыхъ отдѣляло отъ Прусовъ лишь низовое теченіе Вислы, ея не посѣщали.

XXXVIII.

Сношенія съ западными странами, Данією, Германією и проч.

Извѣстнѣе для насъ сношенія Балтійскихъ Славянъ съ западными землями, Датскою и Германскою. Въ торговлѣ съ Данією главнымъ посредникомъ былъ городъ *Шлезвигъ* (иначе *Гедеби*), упоминаемый уже въ IX в. и находившійся, кажется, въ сношеніяхъ съ Рарогомъ⁽²³⁸⁾. Послѣ разрушенія Рарога, Шлезвигъ все оставался важнѣйшимъ средогочіемъ въ сношеніяхъ Даніи съ Балтійскими Славянами, а также и съ другими Прибалтійскими

(235) Journ. с. 3.

(236) Ad. II, 62.

(237) Periplus Otturi et Wulstani. ap. Langbeck, II, 115.

(238) Ecinh. a 808, Pertz I, 195.

землями, Швеціею, Пруссіею, Русью⁽²³⁹⁾. Вообще города Датскіе, а въ особенности Ютландскіе, должны были участвовать въ торговлѣ Славянъ, какъ посредники съ западными странами. Насупротивъ Шлезвига, на берегу Нѣмецкаго моря, лежала большая гавань *Рипа* ⁽²⁴⁰⁾ (теперь *Рибе*): какъ въ Шлезвигѣ съѣзжались корабли изъ Балтійскихъ странъ, такъ Рипа была сборнымъ мѣстомъ для кораблей западныхъ народовъ, Саксовъ, Фризовъ и Англичанъ. Нѣтъ сомнѣній, что при обширной торговлѣ своей и склонности ѣздить за море, Балтійскіе Славяне пользовались этимъ удобнымъ путемъ черезъ Шлезвигъ и Рипу для сношеній съ западными краями Европы.

Въ торговлѣ съ Германіею товары отчасти шли черезъ Гамбургъ на Шлезвигъ и оттуда моремъ къ Славянамъ, но большею частію сношенія производились сухимъ путемъ, въ пограничныхъ мѣстахъ. Въ концѣ VIII вѣка она была уже довольно значительна, такъ что Карлъ Великій счелъ за нужное подчинить ее особеннымъ узаконеніямъ. — Онъ старался, вѣроятно изъ политическихъ цѣлей, ее ограничить, запретилъ Нѣмецкимъ купцамъ ѣздить въ Славянскую землю и на значилъ только три пограничныхъ города, куда могли приходять Славянскіе купцы для сдѣлокъ съ Нѣмцами. По видимому торговля съ Германіею велась преимущественно у Полабцевъ и вообще у Бодричей, такъ что изъ трехъ городовъ, избранныхъ Карломъ для сношеній Нѣмцевъ съ Балтійскими Славянами, два лежали на границѣ этихъ племенъ, въ весьма близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, именно—*Бардевикъ* и *Шезель* (у нынѣшняго Люнебурга). Третій былъ *Магдебургъ*, гораздо южнѣе, противъ земли Стодорянъ⁽²⁴¹⁾. Изъ этихъ городовъ Бардевикъ и Магдебургъ оставались во все послѣдующее время важными торговыми мѣстами; запрещеніе ѣздить къ Славянамъ пало само собою, и Магдебургскіе купцы, въ особенности, получили съ 975

(239) Ad. IV, 1. Изъ этой гавани, говоритъ онъ, высылаются корабли въ Славянію (землю Балтійскихъ Славянъ), Швецію, Семландію, даже въ Грецію.

(240) Ad. IV, 1.

(241) Karoli M. Capitular a. 805, Pertz II, 133.

г. большія преимущества и льготы. — Въ землѣ Вагровъ былъ постоянный пограничный торгъ въ городѣ Плуиъ (Plön): каждое Воскресенье сходились здѣсь для торговыхъ сдѣлокъ Славяне и сосѣди ихъ, Залабскіе Саксы. Объ этомъ говоритъ писатель XII вѣка⁽²⁴²⁾: неизвестно, велась ли въ Плуиъ такая торговля и въ древнѣйшее время.

Кромѣ того въ Галль (нын. Halle) на р. Саль (по-Слав. Солявъ) сосредоточилась большая торговля. Есть извѣстія, что въ XII в. тамъ бывала ежегодно ярмарка, которую посѣщали купцы Поморскіе и на которую привозились всякіе товары, а въ особенности ткани, главный предметъ Германскаго сбыта⁽²⁴³⁾. Изъ Галль ѣхали на судахъ по Солявъ и по Лабъ мимо Магдебурга до устья Гаволы, потомъ нѣсколько верстъ вверхъ по Гаволѣ до Гавельберга; здѣсь товары выгружались и везлись вьюками черезъ землю Стодорянъ, Морачанъ и Лютичей до Дымина, пограничной крѣпости Поморской. Въ Диминѣ они нагружались снова и сплавлялись по рѣкѣ Пѣнѣ и взморью до Волина, Щетина и т. д.⁽²⁴⁴⁾.

XXXIX.

Торговля съ Польшею и Востокомъ.

Сношенія Балтійскихъ Славянъ съ Польшею были самыя незначительныя, особенно съ западною или Великою Польшею. Мы сказали, что эта страна не имѣла ни какихъ сообщеній съ Стодорянами и Лютичами: изъ городовъ Великопольскихъ Гнѣзна и Познани были дороги только на Приодерскіе города въ Силезіи, принадлежавшіе Польшѣ, какъ-то: Кросно, Глоговъ и др., и оттуда въ землю Лужичанъ и Лабскихъ Сербовъ⁽²⁴⁵⁾, а на

(242) Helm. I, 94.

(243) Sefr. 121. 187. 188.

(244) Sefr. 121.

(245) Это видно изъ древней Польской Исторіи, въ особенности изъ походов Болеслава Храбраго противъ Пѣлицевъ.

сѣверъ отъ этихъ дорогъ, между Польшею и Стодоряніею, тянулась страна глухая и непроходимая ⁽²⁴⁶⁾. Мы знаемъ также, что не было сообщенія между Великою Польшею и прилежащею къ ней западную частью Поморья и что ихъ раздѣлялъ еще въ XII вѣкѣ дремучій лѣсъ ⁽²⁴⁷⁾. Восточныя сообщенія Польши съ Поморьемъ были легче, и между Накломъ на Нотеца, пограничною Польскою крѣпостью, и Бѣлградомъ на Персантѣ, срединнымъ городомъ Поморскимъ, не встрѣчалось, кажется, большихъ естественныхъ преградъ ⁽²⁴⁸⁾, а по Вислѣ удобно ходили изъ Польши въ Поморье всякія суда. Но при всемъ томъ, между Польшею и Поморьемъ не было торговли сколько нибудь замѣчательной. Древнѣйшій Польскій лѣтописецъ (Мартинъ Галль) въ самомъ началѣ своей Исторіи говоритъ, что «Польша стоитъ внѣ торговыхъ путей и развѣ только посѣщается проѣздомъ тѣми немногими купцами, которые отправляются въ Русь» ⁽²⁴⁹⁾.

Изъ этихъ словъ можно заключить съ нѣкоторою вѣроятностію, что между торговцами, посѣщавшими Русскую землю, бывали и Балтійскіе Славяне. Дѣйствительно, они издревле сообщались даже съ Азіатскими народами и, значить, также съ Русью. Обѣ ихъ торговли съ отдаленнымъ востокомъ свидѣлствуютъ монеты Арабскихъ Халифовъ, Омйадовъ и Аббасидовъ, въ большомъ количествѣ находимыя на Балтійскомъ поморьѣ. Онѣ преимущественно относятся къ VIII и IX ст., и прекращаются въ XI-мъ: послѣдняя изъ Восточныхъ монетъ, доселѣ тамъ отысканная, принадлежитъ къ 1012 г. ⁽²⁵⁰⁾. Видно, что борьба съ Нѣмцами, которая все усиливалась, а можетъ быть и упадокъ Арабскаго Халифата въ это время, прекратили эти отдаленныя сношенія.

(246) Thietm. VI, 16.

(247) Ebbo 45, 47. Sefr. 57. 58.

(248) Mart. Gall. II, 39. 47. III, 1.

(249) Protém: Sed quia regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transeuntibus in Rusiam pro mercimonio paucis nota....

(250) См. Giesebrecht, Wénd. Geschichten, I, 23.

XL.

Послѣдствіе борьбы и торговыхъ связей Балтійскихъ Славянъ съ соседними народами: вліяніе чужихъ стихій.

Такимъ образомъ у Балтійскихъ Славянъ существовала издревле обширная торговая дѣятельность, достигая, гдѣ благоприятствовали обстоятельства, необыкновенныхъ по времени размѣровъ и служа основаніемъ и жизненнымъ средствомъ для многихъ цвѣтущихъ годовъ. Она, конечно, была плодомъ той склонности къ торговому промыслу и къ странствованіямъ, которая, кажется, врождена Славянскому племени, а также особенной предприимчивости и отваги лежавшей, — мы знаемъ отчего, — въ характерѣ Балтійскихъ Славянъ; и всѣ эти побужденія соединились здѣсь, какъ мы видѣли, съ необыкновенными выгодами мѣстности. Здѣсь Славяне имѣли прекрасный морской берегъ, богатый хорошими пристанями, много дѣятельныхъ народовъ ихъ окружало, были всѣ удобства къ сообщеніямъ и къ размѣву товаровъ: понятно, что они могли полюбить торговую жизнь и предпочесть ее всякому другому промыслу.

Извѣстно намъ, какъ тѣ же самыя условія мѣстности и тѣ же обстоятельства породили безконечную борьбу Балтійскихъ Славянъ съ ихъ сосѣдями, Нѣмцами и Скандинавами. Такая была ихъ судьба, чтобы они вѣчно и всѣми путями, миромъ и войною, сталкивались съ чужими народами, подвергались чужимъ вліяніямъ. Первымъ событіемъ ихъ исторіи было покореніе Германскими дружинами, и когда они въ послѣдствіи освободились, то все-таки Германское вліяніе не прекращалось. Мы знаемъ о смѣшеніи Балтійскихъ Славянъ съ остатками этихъ дружинъ, которыя такъ долго владѣли Поморьемъ (вспомнимъ, что говоритъ Юрнандъ про Видиваріевъ); мы видѣли глубокое дѣйствіе борьбы съ Нѣмцами и Датчанами на нравы и характеръ Балтійскихъ Славянъ. А съ другой стороны, могли ли быть менѣе значительны для нихъ послѣдствія непрерывныхъ и столь обширныхъ сношеній съ окрестными народами чрезъ торговлю и мореходство, когда Славянскіе города на Балтійскомъ Поморьѣ только и существовали этою торговлею и мореходствомъ, когда многіе, а

не рѣдко даже почти всѣ жители оныхъ большую часть года проводили за моремъ, въ чужихъ земляхъ, и когда въ первомъ между этими городами, въ Волинѣ, всякіе иностранцы жили на равнѣ съ туземцами? Не мудрено при такихъ условіяхъ, что чужія вліанія, а въ особенности Германское, привились искони ко всему существу Балтійскихъ Славянъ, что оно было поражено ими до глубины. Въ гражданскомъ устройствѣ этого народа совершенно преобразовались коренныя Славянскія стихіи: уже съ древнѣйшаго времени выработался и вполне опредѣлился у него быть полу-Славянскій, полу-чужой, тотъ неестественный быть, который, своими противорѣчіями, и помѣшала историческому развитію Балтійскихъ Славянъ, и такъ много способствовалъ ихъ паденію.

XLII.

Древній семейный бытъ Германцевъ и Славянъ и его противоположныя начала.

Исторія еще застаётъ и Германцевъ и Славянъ въ семейномъ бытѣ, безъ народнаго единства и государственной власти, въ одной лишь родовой связи, и тогда уже какое было между ними глубокое различіе въ началахъ! Славянская семья жила особо, каждая на своемъ мѣстѣ⁽²⁵¹⁾, разрастаясь въ деревню⁽²⁵²⁾, и владѣла собща землею, которая ей принадлежала⁽²⁵³⁾. Когда

(251) П. С. Р. Лѣтоп. I, 4. Полянѣмъ же живущемъ особѣ и володьющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живиху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владьюще каждо родомъ своимъ. Быша три братья.... сѣдѣше Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щкъ сѣдѣше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щковница, а Хоринъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хореница....

(252) Это видно изъ того, что почти всѣ названія Чешскихъ, Балтійскихъ и др. Славянскихъ деревень суть *отчественныя* (patronymica) и образованы окончаніемъ *ици, ичи* и т. д. отъ имени какого-нибудь челоуѣка. (См. Palacky, Geschichte von Böhmen, I, 169.

(253) П. С. Р. Лѣт. I, 4. «володьюще роды своими.... владьюще каждо родомъ своимъ...» (Доказано, что здѣсь *родами, родомъ* употреблено въ

умиралъ отецъ, то дѣти также сообща владѣли его имуществомъ (254), или дѣлились поровну (255). Для общаго дѣла соби-ралась сходка; всѣ въ ней участвовали на равныхъ правахъ и постановляли рѣшеніе единогласіемъ (256). Потомъ необходимость защиты отъ враговъ или другая какая нибудь причина заставляла народъ искать себѣ нѣкотораго единства и средоточія, и подчиняться власти князя; князь могъ окружить себя боярами (кметами), людьми опытными, которые были ему совѣтниками и исполнителями его воли, и дружиною (гридами или лехами), которая всюду его сопровождала, какъ военная сила: но самый народъ не измѣнялъ своего устройства, оставался по прежнему при общей сходкѣ и общемъ владѣніи землею, и только когда область князя становилась обширною и нельзя было собираться на сходку всему народу, то посылался къ князю на сеймъ выборный (владыка) (257). Аристократіи у Славянъ не было.

Въ древнихъ Германцахъ, какъ ихъ описываетъ Тацитъ, видно много сходнаго съ этимъ Славянскимъ бытомъ, по той причинѣ, что и они жили тогда семьями, чуждые государственнаго строя (258); но въ своихъ основаніяхъ семейный бытъ Германскій былъ всебѣмъ не тотъ, что Славянскій. Славянская деревня, разрастаясь большею частію изъ одной семьи, стояла вмѣстѣ (259); Германскія

смыслъ по родамъ, каждымъ родомъ особо, и что самое слово *родъ* соответствуетъ низшему понятію *семьи*: 3 брата могли составить три рода, какъ видно изъ вышеприведеннаго мѣста Нестора, прим. 250.

(254) Любушнѣ Судъ, ст. 3: I umre li glava čeledina, — děti vse tu zbožiem v jedno vládu.

(255) Ibid. 69. Po zákonu věkožizných bogón—budeta im (т. е. наследствомъ, дѣдинамъ) v jedno vlásti—či se rozdělita rovnú měřú?

(256) Procop, de B. Gotth. III, 14. Σκληροὶ καὶ ἄνται οὐκ ἄρχονται πρὸς ἀνδρὸς ἑνὸς, ἀλλ' ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ πικροῦ βιοτεύουσι, καὶ διὰ τοῦτο ἀπὸ τοῦ τῶν πραγμάτων δὲ τὰ τε εὐμόρα καὶ τὰ δύσκολα ἐς κοινὸν ἄγεται.

(257) См. Любушнѣ Судъ.

(258) Tac. Germ 7. non casus nec fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates. — Caes. de B. G. VI, 22. Magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierint, quantum, et quo loco visum est, agri attribuunt. См. выводу 43.

(259) Это такое коренное свойство Славянскаго быта, что конечно суще-

избы строились въ разбросъ, далеко другъ отъ друга⁽²⁶⁰⁾. Славянинъ пахалъ землю самъ, а женѣ препоручалъ домашнія работы⁽²⁶¹⁾; Германецъ презиралъ хлѣбопашество, любилъ лишь войну и охоту, а не то лежалъ въ бездѣйствіи дома, предоставляя земледѣліе женщинамъ и челяди⁽²⁶²⁾. У Славянъ земля принадлежала общинѣ и наслѣдство отца было общее дѣтямъ, и это устройство осталось до позднѣйшихъ временъ; у Германцевъ оно первоначально существовало также, но со временемъ отменилось: при Цезарѣ, у Свевовъ землю владѣли общины, и при Тацитѣ она еще не вполне была въ личномъ владѣніи⁽²⁶³⁾, а въ слѣдующее за тѣмъ время крѣпко установилась личная поземельная собственность⁽²⁶⁴⁾; при Тацитѣ отцу наслѣдовали всѣ дѣти⁽²⁶⁵⁾,

ствоvalo искони: мѣсто Прокопія (de V. G. III, 14), на которомъ обыкновенно основываютъ сужденіе, будто древніе Славяне селились въ разбросанныхъ избахъ, я понимаю иначе, согласно съ точнымъ смысломъ его словъ: *οικοῖσι δὲ ἐν κλιβραῖς οἰκτραῖς διασκηνημένοι πολλῶ μὲν ἂν ἄλλῃων, ἀμείβοτες δὲ ὡς τὰ κολλὰ τῶν τῆς ἐνοικίσεως ἔχαστος χοῖρον*: «они (Славяне) живутъ въ жалкихъ избахъ, раскиданные (т. е. Славяне, а не отдаленныя избы) далеко другъ отъ друга, мѣняя часто мѣсто своего жительства.» Прокопій описываетъ Славянъ, занимавшихъ огромныя пространства на сѣверъ отъ Дуная, гдѣ они безпрестанно подвергались нападеніямъ хищническихъ народовъ: понятно, что они не заботились о тщательномъ устройствѣ своихъ жилищъ, легко переходили съ мѣста на мѣсто (вспомнимъ извѣстіе Гельмольда о Ваграхъ, см. выше XVIII), и представляли, въ своихъ безконечныхъ равнинахъ, рѣдкія, далеко другъ отъ друга отстоящія, поселенія, и вотъ именно, что говорить Прокопій; но чтобы въ каждой деревнѣ у нихъ избы стояли врозь, какъ напр. у Финновъ, этого мы не видимъ въ словахъ его и никакъ не можемъ допустить; напротивъ, причастіе *διασκηνημένοι*, буквально: *расположенные шатрами*, доказываетъ, что Прокопій, рисуя Славянскій бытъ, имѣлъ передъ собою образъ военного стана, который передвигается, но именно всегда держится вмѣстѣ.

(260) Tac. Germ. 16. Colunt discreti ac diversi... Vicos locant, non in nostrum morem connexis et cohaerentibus aedificiis; suam quisque domum spatia circumdat....

(261) См. Любушинъ Судъ, 2. Mužie paží, ženy rudy strojá.

(262) Tac. Germ. 15. (263) Ibid. 28.

(264) Извѣстно, какое огромное значеніе поземельная собственность получила въ средніе вѣка сколько въ чисто Германскихъ земляхъ, столько и въ тѣхъ, которыя покорены были Германцами, и какъ самая личность челоуѣка пришла въ зависимость отъ его поземельной собственности.

(265) Tac. Germ. 20.

4°

а потомъ мало по малу сталъ возникать маіорать, т. е. недѣлимость имѣнія, переходящаго къ старшему сыну, и сдѣлался закономъ у Германскихъ племенъ. Въ общественныхъ дѣлахъ Славяне довольствовались сходкою, на которой всѣ имѣли равный голосъ; Германцы предоставляли сходкѣ только важнѣйшія дѣла, и кромѣ ея имѣли еще другую власть, выборныхъ князей, которые рѣшали дѣла второстепенныя, были судьями и даже на сходкѣ имѣли особенное значеніе: дѣло предлагалось сходкѣ не иначе, какъ по обсужденіи князьями, и одинъ изъ нихъ (или король) долженъ былъ докладывать о немъ народу⁽²⁶⁶⁾. Кромѣ сходки и князей была у Германцевъ (впрочемъ, по видимому, не у всѣхъ племенъ), еще третья власть, король⁽²⁶⁷⁾, но онъ, кажется, имѣлъ первоначально, въ собственныхъ Германскихъ земляхъ, самое ограниченное значеніе, и былъ не болѣе какъ глава существовавшаго у Германцевъ искони сословія знатныхъ людей⁽²⁶⁸⁾. Славянинъ не признавалъ различія знатныхъ и незнатныхъ родовъ и даже, уводя плѣннаго въ рабство, по истеченіи извѣстнаго времени не только предоставлялъ ему свободу, но открывалъ ему доступъ въ свою общину безъ всякаго униженія или ограниченія въ правахъ⁽²⁶⁹⁾; Германецъ искони отдавалъ у себя почетъ и преимущество нѣкоторымъ знатнымъ родамъ⁽²⁷⁰⁾, чтилъ ихъ нерѣдко какъ потомковъ божества⁽²⁷¹⁾, только изъ ихъ среды избиралъ королей, и часто даже при выборѣ князя или военачальника останавливался на юношѣ, представителѣ знатнаго рода: а преклоняясь передъ знатностью рода, онъ, съ другой стороны, никогда не ставилъ наравнѣ съ свободнымъ человѣкомъ раба, отпущеннаго на волю, и ни за что не принималъ его въ свою общину⁽²⁷²⁾. Такимъ образомъ аристократическая стихія коре-

(266) Тамъ же, 20.

(267) Тамъ же 11. 12.

(268) Тамъ же, 7.

(269) Тамъ же: Reges ex nobilitate etc.

(270) Mauric. Strategicum, XI, 5.

(271) Tac. Germ. 7. 11. 13.

(272) Амалинги и Балгвинги у Готовъ, и множество другихъ родовъ, какъ у собственныхъ Германцевъ, такъ и у Скандинавовъ.

нилась искони въ духѣ Германцевъ и еще въ первоначальномъ семейномъ бытѣ образовала у нихъ опредѣленную власть (273). Но за то у Славянъ, которые на ступени простаго семейнаго быта, не имѣли другой власти кромѣ общины (274), легко и добровольно устанавливалась власть, когда наступала потребность въ большемъ единствѣ: у каждаго изъ мелкихъ поколѣній, на которыя въ старину дѣлилось все Славянское племя, являлся князь сначала еще съ малымъ и неопредѣленнымъ значеніемъ, а за тѣмъ какое нибудь изъ этихъ поколѣній избирало такого князя, который владѣлъ бы какъ государь, какъ верховный глава и судія, и разрозненные Славяне соединялись въ народъ и возникало государство. Между тѣмъ надъ Германцами тяготѣла ихъ старая аристократическая власть, и неодолимо противилась единству: оно могло у нихъ образоваться только на чужой, покоренной землѣ, среди дружины, а на коренной Германской почвѣ устанавливалось не иначе, какъ насиліемъ и завоеваніемъ. И такъ общинный бытъ Славянской былъ доступенъ единству государственной власти, а Германскій, аристократическій—ей противенъ.

ХІІ.

Бытъ Балтійскихъ Славянъ. Ихъ племенные князья. Древнѣйшій бытъ Велетовъ (Лютичей).

Эти противоположныя начала, Германскія и Славянскія, смѣшались въ бытъ Балтійскихъ Славянъ. Въ основаніи его лежала Славянская община; но къ ней въ сильной степени привились Германскія вліянія. Эти ли вліянія, или что нибудь другое задержало у нихъ естественный ходъ Славянской жизни, но вышедши еще въ доисторическое время за предѣлы первоначальнаго семейнаго быта (ихъ положеніе среди враждебныхъ народовъ и непрестанныя заботы о защитѣ служатъ тому полнымъ объясненіемъ), они до позднѣйшихъ временъ чуждались настоящаго един-

(273) Tac. Germ. 25. Libertini non multum supra servos sunt; raro aliquod momentum in domo, nunquam in civitate.

(274) См. Тамъ же, 7. 11. 12.

ства народнаго и государственнаго, пребывая въ какомъ-то посредствующемъ, шаткомъ и неопредѣленномъ, состояніи, чрезъ которое прочіе Славяне только прошли, и которое можно назвать *племеннымъ бытомъ*. Каждое племя имѣло свою власть, своего князя, но, мелкое и завистливое, не признавало себя членомъ единого народа (развѣ предъ непріателемъ, въ случаѣ крайней опасности), а напротивъ враждовало и дралось съ соседнимъ племенемъ. Власть князя была непрочно, слаба, и возникла, можно сказать, сама собою, безъ особеннаго гласнаго признанія или переворота въ старинномъ бытѣ. Княземъ становился, сколько видно, кто нибудь посильнѣе, поумнѣе и побогаче, кому удавалось приобрести чѣмъ-либо въ народѣ особенное уваженіе и вліяніе; и по естественному, врожденному Славянамъ чувству, вовсе не аристократическому, но чисто семейному, примѣры котораго постоянно у нихъ являются, это уваженіе и вліяніе переходило, опять-таки само собою, безъ гласнаго утвержденія, отъ отца къ дѣтямъ: Славянинъ говоритъ себѣ, кому быть ближе по достоинствамъ къ отцу, какъ не дѣтямъ? и готовъ перенести на дѣтей общественное значеніе отца; а между дѣтьми онъ часто также, по тому же естественному чувству, предпочтетъ старшаго прочимъ братьямъ, ни мало не признавая однакоже, какъ Германецъ, въ знатности крови или въ первородствѣ существенной стихіи человѣческаго общества. — Весьма выразительно изображено появленіе князей у древнихъ Славянъ въ разсказѣ перваго Чешскаго лѣтописца, почерпнутомъ, очевидно, изъ народнаго преданія: «Мало-по-малу усиливалось въ народѣ зло,—говоритъ Косма Пражскій, описавъ водвореніе Чеховъ въ Богеміи:—всякъ долженъ былъ терпѣть отъ другихъ обиды все хуже и хуже, и не было судьи, ни князя, къ кому бы обращаться съ жалобами; потомъ, *безъ чьего-либо требованія или распорѣженія, по собственному произволу* (sine exactore, sine sigillo, spontanea voluntate) стали стекаться къ тому, кто въ своемъ племени (можно перевести также: въ своей общинѣ) или родѣ (in sua tribu vel generatione) считался лучшимъ нравственными свойствами и почетнѣйшимъ по богатству, и при немъ, однако же безъ уцѣрба своей свободѣ, разбирали спорныя дѣла и нанесенныя

другъ другу обиды. Между ними (т. е. Чехами) былъ нѣкій мужъ, Крокъ, по имени котораго и названъ, какъ извѣстно, городъ (castrum, т. е. укрѣпленіе), теперь заросшій лѣсомъ, въ Стибенскомъ округѣ (Краковъ близъ Раковицъ въ Чехіи); былъ онъ мужъ между своими современниками совершеннѣйшій, мудрый въ сужденіи тяжебъ, и къ нему, точно пчелы къ улью, собирался народъ для суда, какъ отъ племенъ (или общинъ) въ его собственной родинѣ, такъ и изо всей страны (tan de progris tribubus, quam ex totius provinciae plebibus). Онъ оставилъ по себѣ трехъ дочерей, одаренныхъ мудростью... (275). И къ этимъ дочерямъ, далѣе разсказывается Космою, перешло значеніе отца.—Какъ мы видимъ, Пражскій лѣтописецъ ясно сознавалъ это незамѣтное почти и негласное образованіе княжеской власти у мелкихъ племенъ Чешскихъ, и два главные источника ея, мудрость и богатство; замѣчательно и то, что самого Крスカ, сдѣлавшагося какъ бы общимъ главою Чеховъ, онъ еще княземъ не называетъ; титулъ княжескій выступаетъ лишь при дочеряхъ его: старшую, Каси, Косма именуеть госпожею Чеховъ (domina), меньшая, знаменитая Любуша, является княжною, правительницею своего народа, и у лѣтописца, и въ народной пѣсни, и она уже передаетъ княженіе своему супругу.— Иногда, кажется, образованію княжеской власти способствовало построеніе города, т. е. огороженнаго, укрѣпленнаго мѣста, какиятъ нибудь богатымъ, предприимчивымъ челоуѣкомъ: понятно, какое значеніе во всей окрестности «городъ» могъ придать своему владѣльцу; Косма Пражскій, мы могли замѣтить, связываетъ съ Крогомъ древній «городъ» (castrum) Краковъ; Несторъ говорить именно, что когда Поляне жили еще особо, родами, Кій съ братьями построили у нихъ городъ, и родъ ихъ сталъ княжить. Также и древніе князья Польскіе, предшественники Пястовъ, содвинены въ преданіи съ именемъ города; первыя же слова лѣтописца Мартина Галла, кажется, выражаютъ это: «былъ въ городъ Гнѣзнь князь именемъ Попель» (276).

(275) Маурис. XI, 5. Τὰ ἔθνη τῶν Σκλάβων καὶ Αντῶν... ἐλεύθερα (εἰσι), μηδάρως δουλοῦσθαι ἢ ἀρχεῖσθαι περὶθόμενα... Ἄνιρχα καὶ μισάλληλα ὄντα οὐδὲ τάξιν γυνοῦσιν. — Ргс. I. с. (276) Mart. Gall. I, 1.

Между тѣмъ какъ настоящіе, призваніе народомъ, государи, которымъ подчинялись племена Славянскія, уже сознавши свое народное единство, — каковы были Рюрикъ у Русв, Семовитъ сынъ Пястовъ у Поляковъ, Самъ и Премысль у Чеховъ, новою своею властію быстро создавали государства, эти старинные князья, которыхъ было безчисленное множество (277), никакъ не могли сдѣлаться основателями прочнаго государственнаго строя; если и бывали попытки, то все неудачныя: оттого, очевидно, что они именно представляли и сосредоточивали въ себѣ племенную особность, которая противилась государственному единству и которую единство это должно было уничтожить.

Такіе-то были князья у Славянъ Балтійскихъ. —

Когда Велеты (иначе Лютичи) выступаютъ на поприще исторической дѣятельности, мы встрѣчаемъ у нихъ множество князей и знатныхъ людей (primores), независимыхъ и изъ разныхъ родовъ. Трудно только рѣшить, были ли то предводители отдѣльных племенъ, на которыя Велеты дѣйствительно дѣлились, или владѣтели тѣхъ многочисленныхъ городовъ (т. е. укрѣпленій), которыми Славянское поморье было усѣяно. Во всякомъ случаѣ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ съ княжескимъ саномъ связывалось и владѣніе городомъ, а также какая-то дружина (278).

Все это не представляетъ еще въ Велетахъ ничего неизобразнаго съ старымъ племеннымъ бытомъ Славянскимъ; только существованіе знати (primores) подлѣ князей что-то ему не свойственно. Но за тѣмъ являются въ разказахъ лѣтописцевъ извѣстія, которыя прямо обличаютъ вліяніе Германскихъ началъ. Между князьями и знатными людьми у Велетовъ, по словамъ Эйнгарда,

(277) Mauric. I. c. πολλὰν δὲ ὄντων ἄρχων καὶ δουρφόρων χόντων πρὸς ἀλλήλους.

(278) Einh. a. 789, Pertz I, 75. Cum primum civitatem Drgawiti ventum est, — nam is ceteris Wiltzorū regulis et nobilitate generis et auctoritate seu ecclētiis longe prominebat, — extemplo cum omnibus suis ad regem (Карлу В.) de civitate processit... fidem... promisit, Quem ceteri Sclavorum timores ac reguli omnes secuti, se regis ditioni subdiderunt.

одинъ былъ главный по *знатности рода* и старости ⁽²⁷⁹⁾; онъ былъ князь надъ князьями Велетовъ ⁽²⁸⁰⁾; когда онъ преклонился передъ властію Карла Великаго, то всѣ прочіе князья ему послѣдовали, и Франки признали его правителемъ всей страны Велетской ⁽²⁸¹⁾. Это ужь очень похоже на быть Германскій: одинъ старшій князь изъ *знатнѣйшаго рода*, подъ нимъ много мелкихъ князей и знатныхъ людей, въ зависимости, но не въ подданствѣ.

Лѣтъ 30 спустя послѣ похода Карла Великаго на Велетовъ, разсказывается слѣдующее происшествіе, которое бросаетъ свѣтъ на другую сторону ихъ быта. У Велетовъ (по видимому, только у западной ихъ части) княжилъ Любый съ братьями: страна была между ними раздѣлена, но будучи старшимъ, Любый имѣлъ верховную власть. Онъ погибъ, и осталось отъ него два сына, Милогость и Цѣлодрагъ. Народъ поставилъ княземъ Милогостя, потому что онъ былъ старшій братъ, но потомъ, найдя его недостойнымъ, свергнувъ, и вручилъ власть второму сыну ⁽²⁸²⁾. Мы видимъ здѣсь съ одной стороны господство общины и дѣленіе княжеской власти между Любымъ и братьями, съ другой — предпочтеніе старшаго брата младшему, предпочтеніе естественное и свойственное, какъ было замѣчено, Славянскому быту, но изъ котораго у Балтійскихъ Славянъ, подъ влияніемъ аристократическихъ стихій, легко образовалось потомъ начало маіората.

XLIII.

Древнѣйшій бытъ Бодричей и Стодорянъ.

Такимъ образомъ у Велетовъ въ древнѣйшее историческое время община властвуетъ и ставитъ князей, князья многочисленны и мелки, но видимому владѣють городами (т. е. укрѣпленіями), естъ знать,

(279) Тамъ же.

(280) Ann. Laureshamenses, a. 789, у Пертца I, 34. et venerunt reges terræ illius cum rege eorum Tragwito.

(281) Ann. Nazar. a. 789, у Пертца, I, 44.

(282) Einh. a. 823, P. I, 210.

или по крайней мѣрѣ знатные роды, братья дѣлятся областями, но признается старшинство, а иногда даже наслѣдство переходитъ въ цѣлости къ старшему брату. Устройство это было общее всѣмъ Балтійскимъ Славянамъ при ихъ появленіи въ исторіи. У Поморянъ оно сохранилось до позднѣйшихъ временъ съ большою опредѣлительностію, какъ будетъ вскорѣ подробно показано. У Бодричей и Стодорянъ мы его въ началѣ также находимъ. Подобно Велетамъ, Бодричи имѣли нѣсколькихъ князей⁽²⁸³⁾; одинъ изъ нихъ былъ главный⁽²⁸⁴⁾, но когда думалъ объ единовластіи, то встрѣчалъ неодолимое препятствіе въ другихъ князьяхъ и въ народѣ⁽²⁸⁵⁾. Между княземъ и народомъ стояла знать, о которой лѣтописцы говорятъ еще яснѣе, чѣмъ о той, которая была у Велетовъ: часто упоминаютъ они о *знатныхъ людяхъ* Бодрицкихъ⁽²⁸⁶⁾. Особенно важно слѣдующее извѣстіе⁽²⁸⁷⁾: къ Императору Людовику Благочестивому пришли нѣкоторые знатные Бодричи (по другому списку, *князья, principes*), и стали взводить разныя вины на своего князя Чедрага, отецъ котораго постоянно служилъ Карлу Великому и который самъ былъ сдѣланъ княземъ черезъ Франкское вліяніе; Людовикъ вытребовалъ его къ своему двору, и удержавъ у себя, отправилъ пословъ къ Бодричамъ узнать, хочетъ ли у нихъ народъ, чтобы Чедрагъ продолжалъ княжить; послы, воротясь, доложили, что мнѣнія Бодрицкаго народа на этотъ счетъ различны, но что *всѣ лучшіе и знатнѣйшіе* люди единодушно желаютъ Чедрага, и Чедрагъ былъ утвержденъ въ княженіи. Значитъ, также у Бодричей княжеская власть зависѣла отъ общины (иначе къ чему бы служило посольство Людовиково?), но была и знать, единодушная въ своихъ мнѣніяхъ, въ противоположность остальному народу, и благопріятная князю, котораго поставили Нѣмцы.

Наконецъ, при всей недостаточности свѣдѣній объ ихъ бытѣ, мы знаемъ, что и у Стодорянъ власть была раздроблена между

(283) Einh. a. 804. 808, P. I, 191. 195.

(284) Einh. a. 804, l. c., a. 809, P. I, 196.—(285) Einh. a. 808, l. c.

(286) Einh. a. 823. 826, P. I, 210, 211. 214. — (287) Einh. a. 826, P. I, 214.

многими князьями (въ 939 г. было ихъ тридцать, по словамъ лѣтописца) ⁽²⁸⁸⁾, и что княженіе было наследственное, но зависло отъ народнаго согласія. Случилось такъ, что эти 30 князей были всѣ вмѣстѣ вѣроломно избиты, и остался одинъ Бранденбургскій князь, который однако властвовалъ только потому, что законный наследникъ, его дядя, находился въ плѣну у Нѣмцевъ: когда тотъ воротился, то былъ тотчасъ признанъ народомъ за князя, а племянникъ отставленъ ⁽²⁸⁹⁾.

XLIV.

Поздѣвѣвшій бытъ Велетовъ (Лютичей).

По всему видно, что у разныхъ вѣтвей Балтійскихъ Славянъ былъ въ началѣ племенной бытъ болѣе или менѣе одинаковый. Но потомъ, отъ того ли, что смѣшеніе стихій Славянской и Германской произошло не въ равной мѣрѣ и породило несходныя отношенія, или по инымъ причинамъ, развилась между Велетами (Лютичами) и Бодричами самая полная и рѣзкая противоположность, которая и совпадала, замѣчательнымъ образомъ, съ ихъ исконною, непримиримою враждою, извѣстною западнымъ народамъ еще при Карлѣ Великомъ ⁽²⁹⁰⁾.

Княжеская власть у Лютичей была, какъ мы видѣли, самая дробная и слабая. Со временемъ она исчезла совершенно; когда именно и какимъ образомъ, неизвѣстно. Въ X в. у нихъ уже не было князей, и властвовала одна община, какъ въ старомъ семейномъ бытѣ Славянскомъ: всѣмъ распорядилась сходка, и не было другой общественной власти, кромѣ единогласнаго рѣшенія сходки. Никогда ни у одного Славянскаго племени, сходка и законъ единогласія не имѣли такого значенія, и никогда, можетъ быть, во всей исторіи, начало семейнаго быта не было съ такою

(288) Widuk. II, 20. — (289) Тамъ же, II, 21.

(290) Einh. Vita Karoli M. 12, P. II, 449. Ср. его же Ann. a. 789, P. I, 175.

исключительностию приложено къ общественному устройству. Единогласіе, которое требовалось на Славянской сходкѣ для рѣшенія, очевидно происходило изъ быта семейнаго, будучи основано на любви, началѣ семейнаго союза: ибо оно предполагало, что всѣ собравшіеся на сходку любить другъ друга и любить истину, что истина, будучи всегда одна, какъ только появится, найдетъ согласное признаніе, и что ни въ комъ не будетъ ни страсти, ни ненависти, могущихъ возбудить противорѣчіе. Взглядъ на человеческое общество простодушный и высокій, но какая возможность принимать его въ обширномъ кругѣ народа, вышедшаго за предѣлы семейнаго быта и подверженнаго безчисленнымъ страстямъ самолюбія и корысти? А между тѣмъ у Лютичей до позднѣйшихъ временъ все общественное устройство сосредоточивалось въ сходкѣ, и одно только единогласіе собравшагося народа рѣшало и постановляло во всякомъ дѣлѣ: но за то какія злоупотребленія, какія несообразности, чтобы восполнить начало добродушія и любви, котораго не стало, какъ скоро исчезла первобытная простота!

Вотъ какими словами описывается въ началѣ XI в. это гражданское устройство Лютичей:

«У всѣхъ тѣхъ (Славянскихъ племень), говоритъ Титмаръ, которые обыкновенно называются Лютичами, нѣтъ никакого особеннаго властителя. Общимъ совѣтомъ разсуждая на сходкѣ о своихъ нуждахъ, они рѣшаютъ дѣла единогласіемъ. Если же кто изъ нихъ на сходкѣ противорѣчитъ рѣшенію, то бываетъ бить батожемъ (*fustibus*), а если и въ послѣдствіи (*forinsecus*) станетъ явно противиться, то либо отъ поджоговъ и безпрестаннаго разграбленія лишится всего своего имущества, либо долженъ будетъ предъ народомъ заплатить опредѣленное количество денегъ, сообразно своему значенію (или состоянію: *pro qualitate suae*). Сами будучи вѣроломны и измѣнчивы, отъ другихъ они требуютъ постоянства и большой вѣрности.... Къ нарушенію мира ихъ склонить легко даже и деньгами (291).»

(291) Thietm. VI, 18.

Такова была буйная и нестройная община Лютицкая въ началѣ XI вѣка и еще прежде, и такова она осталась до самаго уничтоженія этого народа, до исхода XII вѣка. Она управляла у Лютичей даже военными предпріятіями. Съ отсутствіемъ князя не могло быть у нихъ и дружины, т. е. людей, посвящавшихъ себя совершенно войнѣ, и все ихъ войско было не что иное, какъ народъ, вооружившійся на время: какъ въ продолженіе мира, такъ на войнѣ, народъ Лютицкій рѣшалъ всѣ дѣла на общей сходкѣ (292). Замѣчательно, что во множествѣ историческихъ извѣстій, даже довольно подробныхъ, начиная съ XI в., ни разу не приводится имя предводителя или военнаго начальника у Лютичей, словомъ сказать, не упоминается съ этого времени ни о какой у нихъ личности, тогда какъ средне-вѣковыя лѣтописи повторяютъ безпрестанно: «толпа вооруженныхъ Лютичей бросилась на такой-то городъ;» «Лютичи пошли туда-то войною;» «Лютичи сдѣлали то-то», и т. п.: какъ будто у Лютичей въ самомъ дѣлѣ и на войнѣ не было другой власти, кромѣ общины.

XLV.

Общій сеймъ Лютичей.

Титмарово описаніе Лютицкой общины относится, очевидно, къ сходкамъ отдѣльныхъ племенъ Лютицкихъ, которыя, дѣйстви-тельно, по своей дробности, могли собираться и рѣшать дѣла всѣмъ народомъ. Когда и гдѣ собирались эти мелкія сходки, объ этомъ не сохранилось никакого свѣдѣнія; но по извѣстіямъ о другихъ Балтійскихъ Славянахъ, можно заключить, что онѣ происходили въ положенные торговые дни и на мѣстахъ, назначенныхъ для рынка, подъ открытымъ небомъ. Кромѣ того однако было у Лютичей, безъ сомнѣнія, особенное собраніе, на которомъ обсуждались дѣла всего Лютицкаго союза; ибо, какъ уже было сказано, четыре мелкихъ племени, Кичане, Черезпѣяне,

(292) Thietm. VII, 44. IV, 9.

Доленчане и Ратары составляли союзъ Лютичей или Велетовъ; а въ послѣдствіи къ нему примкнули и другія вѣтви, Украиня на сѣверозападѣ, Стороряне на юговостокѣ. Для всего этого народа общая сходка была уже невозможна, и образовался сеймъ, состоявшій, вѣроятно, изъ выборныхъ или *владыкъ*, какъ ихъ называли древніе Чехи. Онъ собирался въ городѣ Радигощъ, общей святыней Лютицкой, и, безъ сомнѣнія, поставленъ былъ подъ покровительство божества, которому поклонялось здѣсь все Славянское Поморье. Когда нужно было о какомъ-нибудь общественномъ дѣлѣ доложить Лютицкому народу, то шли въ Радигощъ, созывали сеймъ, и сеймъ выслушивалъ и рѣшалъ (293).

Свое общинное устройство Лютичи старались распространять и на своихъ сосѣдей Славянъ. У Бодричей и Вагровъ они помогали той сторонѣ, которая противилась княжеской власти и которая, по выраженію лѣтописца, «съ извѣстнымъ своимъ вѣроломствомъ добивалась свободы по Лютицкому обычаю» (294). Сторорянъ имъ дѣйствительно и удалось привлечь къ себѣ: въ концѣ X в. они помогли имъ освободить Сгорѣлецъ (Бранденбургъ) и свою землю отъ Нѣмецкой власти, и съ тѣхъ поръ Стороряне уже не имѣли, какъ прежде, князей, управлялись общинною и совершенно слились съ Лютичами.

XLVI.

Искаженный характеръ общиннаго правленія у Лютичей и причины его господства.

Что могло быть въ Лютицкомъ общинномъ правленіи источникомъ его невѣроятнаго упорства, его удивительной власти надъ

(293) Helm. I, 16. (Mistiwoi).... transivit in civitatem Rethre (т.-е. Радигощъ см. § LXXVII) que est in terra Lutitiorum, convocatisque omnibus Slavis, qui ad orientem habitant, intimavit eis illatam sibi contumeliam..... At illi, merito hæc, inquit, pateris Iura ergo nobis, quod deseras eos (Saxones), et stabimus tecum. Iuravitque eis.

(294) Thietm. VIII, 4. cultus idolorum erigitur et mens populi istius qui Abotriti et Wari vocantur,.... ad hæc induratur. Libertatem sibi more Luticie nota fraude vendicabant.

народомъ? Какъ могло оно, при всемъ своемъ губительномъ дѣйствіи, при страшныхъ кровопролитіяхъ, которыя оно такъ часто порождало, при разъединеніи, чрезъ которое предавало народъ Славянскій въ руки завоевателей, удержаться у Лютичей цѣлымъ столѣтіемъ, и укорениться такъ сильно, что это племя погибло, а съ своимъ правленіемъ не разсталось?

Хотя и основанная на древнихъ Славянскихъ началахъ, Лютицкая община не была однако чистымъ и безпримѣснымъ ихъ порожденіемъ: мы знаемъ, что она произошла не прямо изъ того быта, въ которомъ всѣ Славяне жили въ доисторическую эпоху, а напротивъ, образовалась только въ позднѣйшее время, замѣнивъ собою власть старыхъ племенныхъ князей. Власть эта, посредствующая ступень между простымъ господствомъ общины и государствомъ, въ правильномъ развитіи, — и такъ было въ другихъ Славянскихъ земляхъ, — уступала мѣсто болѣе обширной и сознательной власти государей, представителей народнаго единства; а вмѣсто того Лютичи возвратились отъ нея опять къ простой общинѣ. Явно, что въ образованіи общиннаго правленія Лютичей было что-то неестественное: оно имѣло въ полномъ смыслѣ характеръ *противодѣйствія* прежнему порядку вещей и явилось несомнѣнно въ слѣдствіе какого-то глубокаго преобразованія, которымъ, если не вдругъ, то мало-по-малу, уничтожена была власть княжеская и возвышено другое начало, и начало это, видно, было крѣпкое, что оно столько времени властвовало надъ Лютицкимъ народомъ, и упорное до неподвижности, что оно протвѣялось у него всякому развитію, всякому нововведенію.

Какое же было это начало, подъ вліяніемъ котораго совершился такой переходъ въ Лютицкомъ бытѣ и кому этотъ переходъ принесъ пользу? Современные писатели не говорятъ о томъ ни слова, но дѣло объяснится намъ, если мы перенесемъ мыслью во времена гораздо позднѣйшія, къ народу, имѣвшему съ Лютичами ближайшее родство. И въ Польшѣ властвовала въ послѣдніе вѣка ея существованія, также упорно и кроваво, община съ своимъ Славянскимъ единогласіемъ, съ своимъ знаменитымъ *liberum veto*. Начала ея были также древнія Славянскія; но по своему смыслу община тамъ оказывалась учре-

жденіемъ чисто аристократическимъ, орудіемъ своекорыстной шляхты, которая изъ-за того, чтобы властвовать, а не повиноваться правильной власти, погубила государство великое и славное. Такъ и у Лютичей, нѣтъ сомнѣнія, что исключительное господство общины было дѣломъ знати, уничтожившей прежнихъ князей изъ опасенія единовластія и боявшейся всего, что угрожало ея значенію. Въ одномъ замѣчательномъ событіи это выказывается весьма ясно. Было уже говорено о враждѣ Балтійскихъ Славянъ къ Нѣмцамъ; вражда эта въ Лютичахъ какъ бы воплотилась и достигла невѣроятнаго озлобленія⁽²⁹⁵⁾; но однажды Лютичи ее отложили и стали ревностно помогать Нѣмецкой политикѣ и Нѣмецкимъ войскамъ, именно, когда начало приближаться къ нимъ владычество Польскихъ князей. — Разумѣется, Лютичамъ единственное спасеніе отъ Германіи было соединиться съ Поляками въ одно государство; но для того нужно было отказаться отъ племенной особности и всякихъ личныхъ интересовъ, съ нею связанныхъ, и разсчитавъ все это, Лютичи заблагоразсудили помогать Нѣмцамъ противъ Польскаго князя Болеслава. Но тутъ случились разныя знаменія, которыя, по языческимъ суевѣріямъ, пророчили бѣду; многіе стали говорить, что не слѣдуетъ служить Нѣмцу, и Лютичи собрались было совсѣмъ отказаться отъ союза, но «потомъ на общей сходкѣ были, такъ выражается лѣтописецъ, уговорены *первенствующими между ними людьми* не отставать отъ Нѣмцевъ»⁽²⁹⁶⁾: явно вліяніе знати, которая именно противилась Польскому князю, потому что отъ него могла прійти къ Лютичамъ государственная власть и единство, и которая изъ страха и зависти готова была предать свой народъ врагамъ.

Случается часто, что какое нибудь учрежденіе, подвергаясь чужимъ вліяніямъ, до того измѣняется въ своемъ существѣ и

(295) Thietm. IV, 9.

(296) Thietm. VII, 44. Liutici..... cum juxta civitatem Milda m..... transire vo.uisent, deam..... perdidere. Tam malo omine residui domum venientes, a servicio Cesaris malorum instinctu se abalienare nituntur, sed habito post communi suimet placito, a prioribus suis convertuntur.

лскажается, что получаетъ смыслъ, совершенно противоположный первоначальному. Такова стала община въ племени Ляшскомъ: у Поляковъ на ихъ сеймахъ, у Лютичей на ихъ сходкахъ. Ненавидя Нѣмцевъ, они отъ Нѣмцевъ перенали и внесли въ Славянскую общину сущность ихъ быта, аристократію: и аристократія, которая на Германской почвѣ породила много величія и добра, пересаженная на Славянскую, повлекла за собою застою и паденіе.

XLVII.

Поздвѣйшій бытъ Бодричей.

Итакъ у Лютичей князья исчезли и правила община, а въ ней властвовала знать. Напротивъ, у Бодричей съ теченіемъ времени исчезла община и правленіе сосредоточилось въ рукахъ князей, но при князьяхъ этихъ опять-таки господствовала аристократія.

Мы расскажем въ послѣдствіи, какъ Бодричи въ VIII в. уже завели дружбу съ Нѣмцами и какъ они постоянно вращались въ кругу Нѣмецкой политики. Князья ихъ еще при Карлѣ Великомъ стали опираться на Германію для усиленія своей власти, и такой образъ дѣйствія, къ которому, кажется, вело отчасти и соперничество съ Лютичами, заклятыми врагами Нѣмцевъ, продолжался до конечной гибели Бодрицкаго племени. Подъ вліяніемъ этимъ, безъ сомнѣнія, и вывелся обычай созывать народъ для общественныхъ дѣлъ; по крайней мѣрѣ, съ 828 года, когда Императоръ Людовикъ спрашивалъ у Бодричей, кого они хотятъ княземъ, ни разу уже не является у нихъ община, (а надобно сказать, что о Бодричахъ въ лѣтописяхъ извѣстія самыя многочисленныя и подробныя). За то государь получилъ у нихъ гораздо большее значеніе, чѣмъ въ другихъ краяхъ Славянскаго Поморья, и хотя народъ называлъ его просто *княземъ*, что значило только «господинъ»⁽²⁹⁷⁾, однако власть этого князя сравни-

(297) Anonymi hist. S. Canuti, у Лангебека, IV, 241. Nec Sclavi me regem appellunt, sed usuali vocabulo Chnesæ, id est dominum seu herum, vocant.

валась Нѣмцами съ властію королевскою (298). Ему кланялись въ ноги (299); у него была дружина (300), которая служила ему лично: такъ разсказывается (около 1010 г.), что князь Бодрицкій Местивой, чтобы заслужить руку одной знатной Нѣмки, съ 1000 вооруженными всадниками отправился въ Италію на помощь Германскому Императору (301). Но принимая за образецъ Нѣмецкія учрежденія и опираясь на покровительство Германіи, Бодрицкіе князья никогда не могли достигнуть полной государственной власти, которой, впрочемъ, и въ самой Германіи тогда не было. Съ уничтоженіемъ общины и усиленіемъ дружиннаго начала, Нѣмецкое вліяніе соединяло непремѣнно развитіе аристократіи: ибо аристократія была въ то время въ Германіи сильнѣе самихъ королей и Императоровъ. У Бодричей также были свои знатные рода, которые даже у Нѣмцевъ признавались благородными, при всемъ презрѣніи Нѣмцевъ къ Славянамъ: «Саксы называютъ Славянъ собаками,» сказано у Гельмольда (302); но вотъ что мы читаемъ въ Титмаровой лѣтописи: «въ 954 г. назначенъ архіепископомъ Магдебургскимъ Вильгельмъ, рожденный *хотя* отъ плѣнницы и Славянки, но благородной, и короля Оттона» (303).

Знать Бодрицкая окружала князя и сопутствовала ему, когда онъ ѣздилъ на свиданіе съ епископомъ для обсужденія общественныхъ дѣлъ (304). При подобномъ свиданіи однажды было совершенно преобразовано все устройство церковныхъ сборовъ у Бодричей: взносъ податей духовенству былъ отмѣненъ, а вмѣсто того князь далъ епископу въ каждомъ округѣ земли Бодрицкой деревни съ обширными помѣстьями, предоставивъ ему и выборъ ихъ (305). Въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ передача Нѣмецкому духовенству множества деревень Бодрицкихъ, не видно никакого участія общины; но нѣтъ сомнѣнія, что князь постановилъ эту передачу съ непремѣннаго совѣта и согласія знатныхъ людей, о которыхъ именно говорится, что они тогда сопровождали его на совѣщаніе съ епископомъ.

(298) Helm. I, 36.—(299) Тамъ же, I, 38,—(300) Тамъ же, I, 19. 25. 26.

(301) Тамъ же, I, 16.

(302) Тамъ же.—(303) Thietm. II, 22.

(304) Helm. I, 14.—(305) Тамъ же.

Знать эта, разумеется, была по своему существу враждебна государственной власти. Всякая попытка основать у Бодричей крѣпкое государственное единство кончалась неудачей, и хотя лѣтописцы не означаютъ тому причины, но причина была очевидно таже, что вездѣ на Славянскомъ Поморьѣ: упорство народа, котораго чужія начала сдѣлали неспособнымъ къ внутреннему развитію, и вліяніе знати, которая поддерживала это упорство для своей выгоды. Явился однажды у Бодричей человекъ съ великимъ умомъ, съ крѣпкою волею, съ глубокимъ пониманіемъ Христіанства и своего народа, да съ твердымъ рѣшеніемъ создать государство самостоятельное и сильное, и онъ его создалъ. Но приверженцы старины сговорились, убили Годескалка Прибыславича, и, убивъ его, взбунтовали народъ; княземъ не былъ поставленъ законный наслѣдникъ, и не было также сдѣлано выбора общимъ совѣтомъ, а заговорщики просто провозгласили тотчасъ же княземъ иностранца, который имъ полюбился (Ранина Крука) ⁽³⁰⁶⁾ и народъ его призналъ безпрекословно. По этому видно, въ какой мѣрѣ развились у Бодричей, подъ непрерывнымъ, въковымъ вліяніемъ Германской жизни, стихіи враждебныя государственному единству и строю, и до какой степени въ нихъ изгладилась память о древней Славянской общинѣ.

XLVIII.

Быть Поморянь (въ началѣ XII вѣка). Княжеская власть.

Такимъ образомъ древній племенной бытъ Балтійскихъ Славянъ, гдѣ князь былъ только главою отдѣльнаго племени, а не властелиномъ цѣльнаго народа и государства, гдѣ община рѣшала дѣла на сходкѣ, и гдѣ между княземъ и общиною стояла знать, — этотъ племенной бытъ у передовыхъ вѣтвей Славянскихъ съ теченіемъ времени раздвоился и испыталъ глубокое измѣненіе: у Лютичей княжеская власть исчезла, а у Бодричей заглушено было начало общинное; Лютичами правила община, Бодричами князь,

(306) Helm. I, 25 ii qui (Godescalcum)... interfecerant, concitaverunt tumultum in populo.... Statimque conspirata manu statuerunt Cruconem in principatum.

а знать удержалась и при общинѣ, и при князьяхъ. Старинный же бытъ во всей цѣлости, съ его коренными Славянскими стихіями и Германскимъ наплывомъ, вполнѣ развился и опредѣлился только вдали отъ тревоги и насилія пограничныхъ странъ, на Поморьѣ и на островѣ Ранѣ. Ране, которыхъ историческія событія связывали съ Лютичами, въ отношеніи къ быту являли совершенное сходство съ Поморянами.

Земля Поморская была относительно весьма обширна, простираясь на востокъ до Вислы, на западъ за Одру, на югъ до Нотечи. Она одна почти равнялась всѣмъ остальнымъ областямъ Балтійскихъ Славянъ, вмѣстѣ взятымъ. Было гдѣ образоваться государству довольно значительному, а между тѣмъ государства не образовалось; дѣленія на мелкія вѣтви, какъ у другихъ Славянъ, не было также, напротивъ, все Поморье составляло одно цѣлое и признавало одного князя; но князь этотъ не былъ государь, а тотъ бессильный племенной глава, какого мы находимъ у всѣхъ Славянъ до начала государственной жизни, какой былъ въ старину и у Лютичей и у Бодричей, и у всѣхъ другихъ Славянъ. И здѣсь-то, на Поморьѣ, при большей опредѣленности отношеній и большею обиліемъ историческихъ извѣстій, значеніе его выдается вполнѣ. Поморскій князь, можно сказать, не правилъ своимъ народомъ и не имѣлъ подданныхъ; онъ просто княжилъ, т. е. признавался общимъ главою Поморянъ, и имѣлъ свою дружану, какъ могъ ее имѣть всякій знатный Поморянинъ, если позволяли средства ⁽³⁰⁷⁾. У князя былъ, кажется, свой городъ (т. е. крѣпость), Бѣлградъ на Персантѣ ⁽³⁰⁸⁾, и можетъ быть также, свои помѣстья ⁽³⁰⁹⁾; прочіе же города и укрѣпленія и округи ихъ управлялись отъ него совершенно независимо: не только во внутренній распорядокъ, даже въ самыя важныя, общія дѣла онъ не вмѣшивался. Города сами вели войну и сносились съ чужими странами. Когда нападалъ непріятель, то не князь распоряжался защитой, а каждый городъ, каждое укрѣпленіе заботилось о себѣ ⁽³¹⁰⁾; но

(307) Sefr. 84.—(308) Mart. Gall. II, 22. ad urbem *regiam*.... Albam nomine.—(309) Sefr. 83.

(310) См. Sax. (lib. XIV. XV) и Mart. Gall. въ повѣствованіи о войнахъ Поморянъ съ Датчанами и Поляками.

особенно замѣчательны въ началѣ XII в. отношенія главнаго города Поморскаго, Щетина, къ князю Вратиславу, который, однако, какъ человекъ, вовсе не былъ слабъ, ни бездѣйственъ: городъ и князь находились въ совершенномъ разладѣ; и лѣтописецъ говорить, что это такъ было издавна ⁽³¹¹⁾, а между тѣмъ все обходилось тихо и мирно, и мы не видимъ никакого насильственнаго поступка ни съ той, ни съ другой стороны. Съ Польскимъ государемъ Щетинцы свосились и переписывались мимо Вратислава, который при всемъ томъ жилъ въ постоянной дружбѣ съ Польшею. Князя Польскаго они боялись, а своего собственнаго ни мало: при появленіи Христіанской проповѣди они вдругъ рѣшились креститься, приваивъ въ расчетъ единственно угрозы и требованія Болеслава Польскаго, а на долговременное настояніе и на личный примѣръ князя земли своей не обращали никакого вниманія ⁽³¹²⁾. Потомъ Щетинъ и другіе города Поморскіе поссорились съ Польшею, и Польскій князь даже грозилъ имъ войною, оставаясь все-таки въ хорошихъ отношеніяхъ съ Вратиславомъ ⁽³¹³⁾. Такова была независимость Поморскихъ городовъ отъ княжеской власти. А между тѣмъ эта власть признавалась, и никто ея не оспаривалъ. Высшимъ знакомъ ея былъ дворъ княжій, находившійся въ каждомъ городѣ по всей странѣ. На этомъ дворѣ стоялъ домъ для князя и разныя строенія, такъ что съ княземъ могла помѣститься и дружина, которая всюду его сопровождала. Дворъ княжій былъ мѣстомъ священнымъ; кто на него ступилъ, становился неприкосновеннымъ; какое бы ни совершилъ онъ преступленіе, пока онъ тамъ былъ, не смѣли его тронуть безъ предварительнаго соизволенія князя. Законъ этотъ существовалъ изстари ⁽³¹⁴⁾. Такимъ образомъ власть князя, хотя безсильная, была вездѣ освящена древнимъ закономъ и, безъ сомнѣнія, поставлена была подъ покровительство божества. Въ Щетинѣ княжій дворъ стоялъ на холмѣ бога Триглава ⁽³¹⁵⁾.

Притомъ все Поморье платило князю подать. Каждая деревня

(311) Ebbo 101. discordia inter (Stetinenſes) et ducem inveterata.

(312) Sefr. 94.—(313) Sefr. 145.

(314) S. Cruc. II, 5. Sefr. 87. 90. Ebbo 93.—(315) Ebbo 93.

вносила ему известную плату за землю; кроме того взималась подать съ рынковъ и корчемъ и съ соловарень, бралась пошлина съ провозимыхъ товаровъ и народъ былъ обязанъ къ некоторымъ общественнымъ работамъ, коими распоряжался князь, напр. къ строенію укрѣпленій, проложенію дорогъ, и т. п. Наконецъ, въ распоряженіи князя находились пустопорожнія земли⁽³¹⁶⁾. Доходы свои князь получалъ, безъ сомнѣнія, на общественныя издержки, на дружину, на содержаніе системы укрѣпленій для защиты страны и т. д.; но понятіе государства такъ мало сознавалось Поморянами, что легко стало князю, въ послѣдующее за введеніемъ Христіанства время, когда разрушились всѣ старыя Славянскія учрежденія, распоряжаться и доходами, и самими деревнями, которыя ихъ платили, какъ личною собственностію, и даже отчуждать ихъ. Этотъ глубокій переворотъ въ общественномъ устройствѣ Поморья будетъ обстоятельно описанъ въ свое время, и тогда же будутъ разсмотрѣны подати и пошлины Поморскія. Здѣсь же достаточно привести отрывокъ изъ одной грамоты 1159 г.⁽³¹⁷⁾, гдѣ исчисляются доходы, назначенные монастырю въ Гробнѣ; этотъ отрывокъ дастъ некоторое понятіе о томъ, какого рода доходы были у князя Поморскаго: ибо доходы Гробненскаго монастыря были княжескіе, отчужденные въ слѣдствіе упомянутаго обстоятельства. «Имѣнія, которыя господинъ Ратиборъ (князь Поморскій) съ благочестивою супругою своею Прибыслагоу дали церкви Св. Маріи и Св. Годегарда въ Гробнѣ... суть слѣдующія: Въ области Ванцлавской самая деревня Гробно съ принадлежностями и корчмою, и въ серединѣ той области рынокъ и корчма; также сборъ съ судовъ, которыя проходятъ у крѣпости Узноима. Въ области Щитненской двѣ деревни, Роховицы и Корино и третья часть деревни Славоборицы, и въ этой же области рынокъ и корчма. У крѣпости Щетина на Одрѣ одна деревня Челехова, и при крѣпости Выдуховѣ, лежащей на Одрѣ же, третья часть сбора со всѣхъ судовъ, тутъ проходящихъ, и рыбная ловля въ рѣкѣ Текменицѣ и половина ловли въ потокѣ

(316) Подробное изслѣдованіе объ этихъ отношеніяхъ будетъ предложено въ послѣдствіи. — (317) Cod. Romer. № 24, стр. 55.

Крѣпеницѣ, что принадлежитъ къ деревнѣ Дамбъягорѣ. Въ области Сливинской, которая принадлежитъ къ крѣпости Кáмену, одна деревня у моря Пустихова. Въ Колобрегѣ сборъ соли съ (соловаренныхъ) сковородъ за Воскресные дни и у означенной крѣпости (Колобрега) корчма, а также въ Колобрежской области двѣ деревни, Поблоте и Свелюбе, и сборъ на мосту, а именно съ каждой телѣги, переѣзжающей чрезъ оный, два гроша Польской монеты и одинъ хлѣбъ, и съ каждаго человѣка, варящаго тамъ соль и переходящаго черезъ тотъ мостъ, грошь ⁽³¹⁸⁾, и у того моста корчма, а равно такой же сборъ на другомъ мосту на р. Радовѣ и половина пошлины съ дерева, сплавляемаго по р. Персантѣ. Также въ крѣпости Бѣлградѣ одна корчма и третій грошь сбора съ телѣгъ, тамъ проезжающихъ.»

Стало быть, въ общемъ выводѣ, Поморскій князь не имѣлъ значенія и власти настоящаго государя, онъ не управлялъ страню и богатыми городами Поморскими; но онъ почитался священнымъ главою всего Поморскаго племени и распоряжался общественными доходами довольно значительными. При отсутствіи у Поморянъ, какъ у всѣхъ Балтійскихъ Славянъ, внутренняго сознанія народнаго единства, лицо князя составляло для нихъ вышнюю связь: въ каждомъ своемъ городѣ Поморянинъ видѣлъ священный дворъ, принадлежавшій одному человѣку, и въ наружномъ образѣ являлось ему единство его земли.

XLIX.

Княжеская власть у Ранъ.

Отъ Поморянъ и другихъ соплеменниковъ своихъ Ране отличались преобладаніемъ религіозной стихіи во всемъ общественномъ строѣ: всѣ ихъ учрежденія основывались на поклоненіи божествамъ и вся мысль, вся воля народа была въ рукахъ жреца. Самый князь Ранскій получалъ религіозное значеніе и, осѣненный покровительствомъ боговъ, возвысился надъ всѣми прочими князьями Балтійскими. Онъ, можетъ быть, даже и не назывался княземъ, а по-

(318) denarius cromatorum: точнаго значенія этого выраженія не умѣемъ объяснить.

силъ высшій титулъ. «Ране одни между Славянами имѣютъ царя», говоритъ лѣтописецъ Гельмольдъ, и нѣсколько разъ ⁽³¹⁹⁾ обращаетъ на это вниманіе своихъ читателей. Мы переводимъ Латинское слово *rex* словомъ *царь*, потому что настоящій титулъ Ранскаго властителя неизвѣстенъ, а названіе *король* соединено съ представленіемъ о государяхъ западныхъ, Германо-Романскихъ, которое вовсе не сообразно съ характеромъ Ранскаго быта. Однако же тотъ самый лѣтописецъ безирестанно упоминаетъ о князьяхъ у Балтійскихъ Славянъ и часто даже величаетъ могущественныхъ Бодричкихъ князей тѣмъ же титуломъ *rex*. Стало быть, говоря, что у Ранъ однихъ между Балтійскими Славянами есть царь (*rex*), онъ очевидно имѣлъ въ виду какое-то особенное значеніе ихъ государя. И дѣйствительно, какъ Ранскій Святовитъ почитался по всему Славянскому поморью главнымъ божествомъ, Ранскій храмъ въ Арконѣ—первымъ храмомъ и сами Ране—старшимъ племенемъ, такъ и царь ихъ пользовался у Балтійскихъ Славянъ особеннымъ уваженіемъ. Вотъ любопытное свидѣтельство Саксона Грамматика ⁽³²⁰⁾: При нападеніи Датскаго войска, которому помогли Ране, на Поморскую область Острожну (*Wusterhusen*), «двое Славянъ бросились въ лодку и искали спасенія отъ непріятеля; за ними пустился въ погоню Яроміръ государь (Саксонъ въ этомъ мѣстѣ называетъ его княземъ) Ранскій и пронзилъ одного изъ нихъ копьемъ; другой обернулся и хотѣлъ отомстить за товарища; но увидавъ, что подымаетъ руку на Ранскаго царя, благоговѣнно отбросилъ копьѣ въ сторону и палъ ницъ. Столь велико, прибавляетъ Саксонъ, уваженіе этого народа къ людямъ, облеченнымъ высокимъ саномъ.»

Такого необычайнаго уваженія Балтійскіе Славяне вообще не имѣли и къ своимъ собственнымъ князьямъ, не говоря уже о чужихъ и враждебныхъ имъ. Очевидно, по этому, что именно Ранскій князь, о которомъ и разсказывается это происшествіе, возбуждалъ въ Славянскомъ народѣ такое благоговѣніе, — благоговѣніе религіозное и потому независимое отъ всякихъ временныхъ отношеній, отъ политическаго разрыва и войны.

(319) I, 2. 35. II. 12. — (320) Sax. 937.

Но религиозному уваженію не соответствовала вещественная власть. Царь Ранскій находился въ томъ же положеніи, въ какомъ и князь Поморскій, можетъ быть въ еще менѣе выгодномъ. Съ одной стороны онъ вполне зависѣлъ отъ жреца, который объявлялъ волю боговъ: царь былъ только исполнителемъ этой воли ⁽³²¹⁾, и даже на войнѣ велъ войско, куда жрецъ, погадавъ, приказывалъ ⁽³²²⁾. Самыя важныя политическія сношенія возлагались даже прямо на жреца, а не на царя ⁽³²³⁾. А съ другой стороны власть царя была, точно также какъ на Поморьѣ, ограничена общиною: войну и миръ, союзъ и разрывъ рѣшала община ⁽³²⁴⁾, и царь лишь исполнялъ приговоръ ея.

Л.

Словіе знатныхъ людей на Поморьѣ и на о. Ранѣ.

Община обсуждала и рѣшала общественныя дѣла на Поморьѣ и Ранѣ, но не такъ просто, какъ бывало въ древнѣйшее время у всѣхъ Славянъ и въ послѣдствіи еще у Лютичей, не на одной только безразличной сходкѣ народа. У Славянъ Поморскихъ и Ранскихъ народъ рѣзко дѣлился на два сословія, на знать и на простыхъ людей. Аристократическая стихія, которая, мы видѣли, вкралась издавна въ бытъ Балтійскихъ Славянъ и не перевелась даже у буйныхъ Лютичей, а у Бодричей упорствовала противъ самыхъ сильныхъ князей, — здѣсь достигла полного опредѣленія. Всѣ современныя свидѣтельства историческихъ сказаній и грамотъ ярко обозначаютъ раздвоеніе народа на Поморьѣ и Ранѣ: «знатные люди и народъ Ранскій» ⁽³²⁵⁾, «знать Ранская» ⁽³²⁶⁾, «всѣ первенствующіе въ Ранской знати» ⁽³²⁷⁾, «знать и народъ Щетинскій» ⁽³²⁸⁾, «знать и народъ Волинскій» ⁽³²⁹⁾, «знать и народъ въ Пырицѣ (Поморскомъ укрѣпленіи)» ⁽³³⁰⁾, такія выраженія встрѣчаются въ нихъ безпрестанно.

(321) Helm. II, 12.—(322) Тамъ же, I, 36.—(323) См. тамъ же, I, 37.

(324) Sax. 796.

(325) Cod. Pomer. N 27.—(326) Helm. II, 13.—(327) Sax. 839.

(328) Sefr. 102.—(329) Sefr. 92.—(330) Sefr. 63.

Знатность рода чрезвычайно уважалась на Поморьѣ и Ранѣ⁽³³¹⁾, и вліяніе знатныхъ людей было совершенно независимо отъ всякихъ отношеній, къ князю ли, или къ народу. Знать была тамъ сословіе самостоятельное, а не служебное, аристократія, а не дружина. Князь не имѣлъ надъ нею прямой власти, не только въ городахъ, но даже въ укрѣпленіяхъ, которыя гораздо болѣе отъ него зависѣли⁽³³²⁾. Князь не могъ приказывать знатнымъ людямъ страны своей, а посылалъ имъ лишь предложенія съ поклономъ отъ своего имени⁽³³³⁾, и тѣ, обсудивъ княжеское слово, принимали оное, или отвергали⁽³³⁴⁾. Оттого-то строго отличается въ современныхъ памятникахъ самостоятельное сословіе знатныхъ людей (*barones, primates, principes, nobiles*) отъ тѣхъ лицъ (также принадлежавшихъ къ знатнымъ родамъ), которыя поступали къ князю на службу и получали отъ него начальство надъ укрѣпленіемъ и округомъ, къ укрѣпленію приписаннымъ, или надъ частью войска (первыхъ называли *жупанами*, по-Латыни — *castellani, praefecti*, послѣднихъ — *capitanei*)⁽³³⁵⁾: они становились, разумѣется, слугами княжескими и исполняли княжескія повелѣнія.

Во всякой крѣпости, во всякомъ торговомъ городѣ Поморскомъ были люди, принадлежавшіе къ знатному сословію. Ихъ кажется было весьма много: такъ въ одной грамотѣ 1175 г. исчисляются свидѣтелями: «Держко, Будовой, Ярогнѣвъ, Мункъ, Бодецъ, Радославъ, Споль и прочіе знатные люди крѣпости Дымина»⁽³³⁶⁾. На одномъ островѣ Ранѣ, по грамотамъ, писаннымъ до 1260 г., можно опредѣлить около 37 знатныхъ родовъ⁽³³⁷⁾: такъ какъ число дошедшихъ до насъ древнихъ Ранскихъ грамотъ не велико, то, конечно, это число гораздо меньше истиннаго.

Какъ въ Германіи, такъ и на Поморьѣ и Ранѣ были между знатью нѣкоторыя первенствующія лица: такими является, въ

(331) См. Sax. 774. Ebo 51.

(332) См. Sefr. 63.—(333) Sefr. 61.... salutatis majoribus (castrі Pirissæ) nomine ducis.—(334) Sefr. 63.—(335) Объ этихъ служивыхъ людяхъ Поморскихъ будетъ говорено подробно въ другомъ мѣстѣ.

(336) Cod. Romer. N 41.—(337) Это исчисленіе сдѣлалъ Фабриціусъ (*Urkunden* и пр. II, 99).

концѣ XI в., Мажко на Ранѣ⁽³³⁸⁾, въ началѣ XII-го Домославъ и Вичакъ (или Вирчакъ) въ Щетинѣ⁽³³⁹⁾, Недамиръ въ Волинѣ⁽³⁴⁰⁾, Мовславъ въ Гостковѣ⁽³⁴¹⁾ и др. Значеніе они имѣли великое: иностранцы иногда называютъ ихъ князьями этихъ городовъ и говорятъ о каждомъ изъ нихъ, что онъ первенствовалъ между своими согражданами знатностью рода, богатствомъ, всеобщимъ уваженіемъ и т. п.⁽³⁴²⁾; но о какой либо особенной власти, порученной отъ князя или отъ народа, нигдѣ не сказано ни слова: то были, надобно повторить, люди имѣвшіе вѣсь сами по себѣ, по своей знатности, а отнюдь не по службѣ.

Родовыя отношенія Поморской и Равской знати были не со-всѣмъ Славянскія, а скорѣе Германскія. Знатный родъ имѣлъ своего главу и представителя, точно такъ, какъ въ Германіи: часто огромное число родичей, разумѣется уже и въ дальнихъ степеняхъ родства, признавали общаго главу. Вотъ какими словами древній свидѣтель описываетъ положеніе такого Поморянина, главы знатнаго рода. «Нѣкто Домославъ, первенствовавшій между жителями Щетина качествами тѣла и души и множествомъ богатства, а равно знатностью рода, пользовался отъ всѣхъ такою честью и такимъ уваженіемъ, что и самъ князь Поморскій Вратиславъ безъ его совѣта и согласія ничего не дѣлалъ, и отъ его слова зависѣли какъ общественныя, такъ и частныя дѣла. Ибо Щетинъ, сей отличный городъ, который, заключая въ своей окружности три холма, первенствуетъ между всеми городами Поморья, былъ наполненъ его родственниками, рабами и друзьями. А также въ другихъ окрестныхъ странахъ было у него такое множество родни, что не легко бы стало кому либо ему противиться... Онъ рѣшился принять Христіанскую вѣру, и тотчасъ весь его домъ съ челядью (*omnis familia ejus*) радостно оросили купелью возрожденія, а именно душъ слишкомъ пятьсотъ. Равно же и ближніе его и друзья, побужденные его примѣромъ, приняли вѣру Христову»⁽³⁴³⁾.

(338) Sax. 774.—(339) Ebbo 51. 92. Sefr. 156.

(340) Ebbo 50.—(341) Sefr. 139.

(342) Sax. 774. Ebbo 51. Sefr. 139.—(343) Ebbo 51.

Такой человекъ, какъ Домославъ, могущественный глава огромнаго рода, былъ бы совершенно у мѣста въ средневѣковой Германіи или въ другой аристократической землѣ; быть чисто Славянскій не допускалъ ничего подобнаго. Видно, аристократическое начало, внесенное у Поморянъ въ Славянскій бытъ, выказывалось тотчасъ же и внутри самихъ знатныхъ родовъ, и совершенно естественно: ибо это начало, основанное на предпочтеніи одного рода другому, логическимъ ходомъ вело и къ предпочтенію, въ родѣ, одного члена другимъ, по старшинству. Множество примѣровъ такого предпочтенія представляютъ старыя Поморскія грамоты; часто читаемъ мы въ нихъ подобнаго рода слова: «свидѣтели.... Гостиславъ жупанъ (castellanus) Узвоимскій, Держко жупанъ Дыминскій и Будовой *родственникъ его*»⁽³⁴⁴⁾; «свидѣтель: Мирोगрабъ и *братья его* Моникъ и Котимиръ»⁽³⁴⁵⁾; «свидѣтель: господинъ Гремиславъ Гвзота и Мартинъ *братъ его*»⁽³⁴⁶⁾; «свидѣтели (въ Ранской грамотѣ).... Повѣтъ и *братья его*»⁽³⁴⁷⁾; «свидѣтели.... сыновья Доброгостя Николай, Викентій, Томиславъ и *Доброгость родственникъ ихъ*»⁽³⁴⁸⁾ (безъ сомнѣнія изъ младшей линіи); и т. п. Ясно въ этихъ выраженіяхъ аристократическое преимущество одного члена или одной линіи знатнаго рода передъ другими братьями или родственниками. При такихъ началахъ не трудно стало знати на Поморьѣ и Ранѣ потомъ совершенно отбросить весь стихіи Славянской жизни и поддаться полному господству Германскаго быта, маіорату, феодальному праву, и проч.; мы увидимъ въ послѣдствіи, когда дойдемъ въ нашемъ разсказѣ до введенія Христіанства въ этихъ странахъ, какъ легко это совершилось, при первомъ ихъ знакомствѣ съ Германією.

III.

Общественное значеніе и преимущества Поморской знати.

Признаваемая самостоятельнымъ сословіемъ, знать Поморская пользовалась большими преимуществами. Знатный человекъ имѣлъ

(344) Cod. Romer. N 26.—(345) Тамъ же, 36.—(346) Тамъ же, 46.

(347) Тамъ же, 71.—(348) Тамъ же, 75.

свою дружину, часто даже многочисленную. «Не далеко отъ города Камена, рассказывается въ жизнеописаніи Св. Оттона (нач. XII в.), жила въ деревнѣ вдова, богатая и знатная чрезвычайно. У нея была многочисленная челядь, и была она женщина съ большимъ вліаніемъ и вѣсомъ, съ твердостію управлявшая домомъ своимъ, и, что въ той странѣ почиталось тѣмъ-то великимъ, мужъ ея, пока былъ живъ, содержалъ у себя тридцать коней со всадниками, какъ дружину (*in usum satellitii sui triginta equos cum ascensoribus suis habere consueverat*). Ибо тамъ силъ и могуществу знатныхъ людей и военачальниковъ (*capitaneorum*) мѣриломъ принимается число коней. Силенъ, говорятъ, и богатъ и могущественъ тотъ, кто можетъ содержать столько-то и столько-то коней, и такимъ образомъ, услышавъ число коней, знаютъ о числѣ дружинниковъ (*militum*), потому что на Поморьѣ дружинникъ не имѣетъ никогда болѣе одного коня. А въ этой странѣ лошади велики и крѣпки, и всадникъ идетъ на войну безъ оруженосца (щитоносца, *scutifer*), неся самъ весьма ловко свой плащъ (*manticam*) и щитъ, и неумоимо исполняетъ такимъ образомъ всю военную службу. Лишь знатные люди (*principes*) и военачальники (*capitanei*) имѣютъ одного, много двухъ спутниковъ (*clientes*), и тѣмъ довольствуются» (349). Подъ именемъ спутниковъ (*clientes*) историкъ очевидно разумѣетъ оруженосцевъ, которыхъ въ Германіи имѣлъ каждый воинъ, даже дружинникъ; а у Славянъ Поморскихъ, какъ видимъ, только знатнѣйшіе; этихъ личныхъ слугъ онъ отличаетъ отъ дружины, которая могла быть многочисленна, доходя иногда до тридцати человекъ, и эта-то дружина, какъ явствуетъ изъ приведеннаго свидѣтельства, составляла для знатнаго Поморянина почетъ и силу, была мѣриломъ его могущества. И только человекъ, принадлежавшій къ знати, могъ на Поморьѣ имѣть дружину: это слѣдуетъ несомнѣнно изъ словъ, уже выписанныхъ: «тамъ силъ и могуществу знатныхъ людей и военачальниковъ (*nobilium et capitaneorum*) мѣриломъ принимается» и проч.

Высокое мѣсто занимала знать Поморская въ гражданскомъ

1 (349) Sefr. 84.

строѣ земли своей. Знакомъ того было почетное преимущество, связанное съ богослужбными обрядами. Въ большомъ Щетинскомъ храмѣ хранились золотые и серебрянные кубки и сосуды, которые въ праздники выносились изъ святилища, и изъ нихъ тогда, говоритъ современный писатель, «дѣлали гадательныя возлiанiя (*augurari*), ѣли и пили знатные и могущественные люди страны»⁽³⁵⁰⁾. — Знать составляла безсмѣнное совѣщательное собранiе, какъ при князѣ, такъ и при народной сходкѣ. Князь Поморскiй, какъ мы видѣли, не имѣлъ власти рѣшать общественныя дѣла, особенно въ древнее время, до введенiя Христіанства. Но и тѣ мѣры, которыя постановлялись княземъ, за исключенiемъ распоряженiя общественными доходами, сдѣланными въ эпоху Христіанства, какъ было сказано, личною собственностiю князя, принимались имъ только съ совѣта и согласiя знатныхъ людей. Вотъ что говоритъ одна Бамбергская грамота 1189 г.⁽³⁵¹⁾: «Господинъ Марквардъ, преподобный священникъ, посѣтилъ Славянскую землю, именуемую Поморьемъ, ... и склонилъ князя той земли, господина Богослава, и епископа господина Конрада и преемника его, господина Сифрида, на то, чтобы князья этой земли въ общемъ собранiи и сеймѣ, съ согласiя всѣхъ почти знатныхъ людей (*baronum*) и общимъ приговоромъ жупановъ своихъ (*supranorum suorum universali decreto*), повелѣли съ каждой корчмы той страны взносить ежегодно извѣстное количество воску св. Оттону епископу, коего мощи почиваютъ въ нашей (Бамбергской) церкви.» Стало быть, тааого рода мѣру, въ принятiи которой народъ не участвовалъ, предлагать князь, знать ее обсуждала и одобряла, и жупаны, начальники областей, назначившіеся княземъ, составляли объ ней приговоръ или указъ. Съ другой стороны, знать Поморская являлась совѣщательнымъ собранiемъ при народной общинѣ и въ совокупности съ народомъ правила общественными дѣлами. И знать, и народная сходка имѣла каждая свое опредѣленное значенiе и свои права: связь ихъ въ гражданскомъ устройствѣ была крѣпкая, обоюдная. Об-

(350) Sefr. 105.

(351) Cod. Pomer. 64.

сужденіе дѣла принадлежало преимущественно знати, окончательное рѣшеніе—народу, такъ что при всемъ могуществѣ и почетѣ знатнаго сословія, главная, послѣдняя власть была все-таки у народной общины: ибо начало общественное лежало въ основаніи древняго быта Поморянъ, и стало исчезать у нихъ только послѣ принятія изъ Германіи Христіанской вѣры, вмѣстѣ съ Славянскою народностью.

III.

Совѣщательное собраніе и сходка у Поморянъ.

Общественное устройство на Поморьѣ было, какъ сказано, вполне опредѣленное. По всему Поморью, по всемъ городамъ и укрѣпленіямъ, установлены были въ извѣстные дни народныя сходки, въ положенное время собирались также совѣщательныя собранія знати. У Щетинцевъ было четыре общественныя зданія, называвшіяся *континами* (т. е. *кутинами*, отъ *кутъ*, Польск. *kał*, уголь, Русск. *кутъ*; сравни Церк. Слав. *кѣшта*, Серб. *кутя* домъ): одна, главная, удивительно разукрашенная, была храмомъ бога Триглава; прочія три не имѣли богослужебнаго значенія и были попроче: внутри были только поставлены кругомъ скамьи и стояли столы, «потому что здѣсь, говоритъ очевидецъ⁽³⁵²⁾, бывали ихъ совѣщанія и собранія, и сюда они приходили, пить ли, или серьезно толковать о своихъ дѣлахъ, въ положенные дни и часы.» Народная же сходка собиралась въ торговые дни, на рыночной площади города⁽³⁵³⁾. Въ Щетинѣ посреди площади стоялъ деревянный помостъ съ ступенями⁽³⁵⁴⁾, высокій, къ низу шире, къ верху уже, съ котораго старшины⁽³⁵⁵⁾

(352) Sefr. 106.

(353) Sefr. 159.—Ср. Ebbo 65, Andr. 173 «conventus forenses:» *forum* въ среднѣе вѣка принималось въ смыслѣ рынка, торгова, а не въ частномъ значеніи Римскаго *форума*.

(354) Sefr. 160. Erant ibi gradus lignei, de quibus præcones et magistratus ad populum concionari solebant.—Ebbo 90. Erant autem illic pyramides magnae et in altum more paganico muratae.—(355) Значеніе этихъ старшинъ, къ которымъ жизнеописатель Оттона не совсемъ вѣрно приложилъ названіе *magistra-*

и глашатаи говорили передъ народомъ. Торгъ и затѣмъ сходка бывала тамъ въ недѣлю два раза ⁽³⁵⁶⁾: одинъ изъ этихъ дней совпадалъ съ Воскресеньемъ ⁽³⁵⁷⁾. Тогда собирался въ Щетинъ народъ изъ всѣхъ окрестныхъ деревень, и, кончивъ торгъ, оставался на площади, толкуя о чемъ приходилось ⁽³⁵⁸⁾. Было совершенное равенство народа сельскаго съ горожанами, и какъ бы въ знакъ этого равенства, каждый Поморянинъ приходилъ на сходку съ копьемъ въ рукѣ ⁽³⁵⁹⁾ (извѣстно, что у Нѣмцевъ только знатные имѣли право носить оружіе). Такая сходка производилась не только въ большихъ торговыхъ городахъ, но даже въ укрѣпленіяхъ, гдѣ постоянныхъ жителей въ обыкновенное время было весьма мало, и сюда собирался также народъ изъ околотка ⁽³⁶⁰⁾. Подъѣзжая къ одному изъ Поморскихъ укрѣпленій, Дымину, епископъ Оттонъ встрѣтилъ передъ воротами народную сходку ⁽³⁶¹⁾.

На сходкѣ рѣшались всѣ мѣстные общественныя дѣла. Могло случиться, что она прямо, своею властію, постановляла о какомъ нибудь дѣлѣ, даже самомъ важномъ, не дожидаясь, чтобы знать, по обыкновенію, предварительно его обсудила. Такъ въ Щетинѣ, вскорѣ послѣ введенія Христіанства, открылся моръ, и Щетинскій народъ (plebs) спросилъ у прежнихъ жрецовъ своихъ, какая тому причина; тѣ, разумѣется, отвѣчали, что разгнѣванные боги наслали бѣду за отреченіе отъ язычества. «По этому слову, продолжаетъ современный писатель ⁽³⁶²⁾, тотчасъ собираются на площади сходки, при первомъ призывѣ, и общимъ рѣшеніемъ восстанавливается нечестивый обрядъ языческихъ жертвъ.» Но этотъ случай былъ, сколько намъ извѣстно, единственнымъ примѣромъ такого самовластия народной сходки на Поморьѣ, и онъ имѣетъ уже видъ возмущенія. Обыкновенно же сходка рѣшала дѣло, предварительно рассмотрѣнное въ совѣщательномъ собраніи.

Совѣщательное собраніе у Поморянъ состояло изъ знатныхъ

tus (чиновниковъ въ собственномъ смыслѣ у Поморянъ не было), тотчасъ опредѣляется: то были знатные люди и выборные отъ народа старцы.

(356) Sefr. 94.—(357) Sefr. 159.—(358) Sefr. 94.—(359) Sefr. 161. S. Cruc. III, 10.

(360) Sefr. 63.—(361) Ebbo 74. Andr. 173.—(362) Ebbo 65.

людей и изъ старшихъ лѣтами. Такъ они всегда именуется вмѣстѣ въ современныхъ сказаніяхъ: *principes et natu majores* ⁽³⁶³⁾. Знать и старики собирались въ опредѣленные дни: по смыслу всѣхъ древнихъ свидѣтельствъ о Поморскихъ учрежденіяхъ несомнѣнно, что люди, сходящіеся на совѣтъ въ Щетинскія кутины были именно знать и старики ⁽³⁶⁴⁾; когда являлся чрезвычайный случай, то они, знать и старики, созывались для совѣта; нужно ли было обсудить общее дѣло всей страны Поморской, князь приглашалъ на сеймъ тѣхъ же знатныхъ людей и стариковъ. Знать участвовала во всѣхъ этихъ собраніяхъ сама по себѣ, какъ особое сословіе; старики же были, безъ сомнѣнія, представители народа, выборные.

Иначе ихъ значеніе было бы непонятно; а участіе старцевъ на сеймахъ и совѣщаніяхъ, какъ представителей народа, совершенно въ духѣ Славянскаго быта; ибо глубоко коренится у Славянъ мысль, что старики дѣло лучше знаютъ и обсудятъ. Старость чрезвычайно уважалась (на это есть много древнихъ свидѣтельствъ) ⁽³⁶⁵⁾ и у Славянъ Балтійскихъ, у Поморцевъ и Ранъ, и когда выходило дѣло, которое внимательно обсудить всѣмъ народомъ казалось неудобно, то какъ было не поручить онаго старцамъ, умнѣйшимъ и опытнѣйшимъ людямъ? — При появленіи перваго Христіанскаго проповѣдника въ Волинѣ, еще прежде Оттона Бамбергскаго (въ первыхъ годахъ XII-го в.), когда народъ не зналъ, что и думать объ немъ, то собрались, говорить Эббо, ⁽³⁶⁶⁾ *старшіе изъ народа* и стали много разсуждать и толковать съ жрецами о несмысленныхъ словахъ и

(363) Ebbo 57. 76. 93; ср. Segr. 169.

(364) Ebbo 93. (въ Щетинѣ) *indicitur generale colloquium... Statuta ergo die antistes montem Trigelai in media civitate, ubi aedes erat ducis* (ср. Segr. 106) *ascendit, magnamque domum huic colloquio opportunam* (изъ сравненія съ Сеорядомъ, 106, оказывается, что это была именно одна изъ тѣхъ трехъ кутинъ, служившихъ для общественныхъ совѣщаній, о которыхъ Сеорндъ говоритъ), *intravit: assunt principes cum sacerdotibus natuque majoribus.*

(365) S. Crac. III, 7. Sax. 774 и др.; см. вышѣ.

(366) 37.

поступкахъ иностранца. — Что же иное могли быть старцы, заседавшіе у Поморянъ въ каждомъ общественномъ совѣщаніи вмѣстѣ съ знатью, какъ не тѣ же самыя старшіе изъ народа, представители его, когда онъ самъ всѣмъ соборомъ не могъ въ совѣщаніи участвовать? Оттого-то эти собранія знати и стариковъ являютъ съ двоякимъ характеромъ. Собственное значеніе они имѣли только совѣщательное, и приговоръ ихъ нуждался въ утвержденіи народа; но естественно было народу имѣть довѣріе къ рѣшенію его же избранныхъ совѣтниковъ, «старѣйшихъ и умнѣйшихъ людей» ⁽³⁶⁷⁾, и случалось иногда такъ, что приговоръ, ими произнесенный, прямо становился закономъ, безъ дальнѣйшаго утвержденія.

ЛШ.

Черты Поморскаго быта при путешествіи Оттова Бамбергскаго.

Въ двукратномъ своемъ путешествіи по землѣ Поморской (1124 и 1128 г.) проповѣдникъ Христіанства Отто въ Бамбергскій много разъ имѣлъ дѣло и съ совѣщательнымъ собраніемъ Поморянъ, и съ народною сходкою, и съ совѣтомъ отдѣльнаго города, и съ сеймомъ всей земли.

Какъ только вѣхалъ онъ въ Поморье, у пограничной крѣпости Пырицы, спутники, приставленные къ нему княземъ, тотчасъ отправились впередъ къ старшинамъ ⁽³⁶⁸⁾ того мѣста (подъ словомъ *старшины* разумѣются безспорно знати и старцы, какъ покажется изъ сравненія съ другими подобными извѣстіями); поклонившись имъ отъ имени князя, они изложили свое порученіе и цѣль Оттонова путешествія. Тѣ сначала обсудили дѣло у себя въ совѣтѣ (*apud se in conclavi*) ⁽³⁶⁹⁾, а потомъ вышли

(367) Sefr. *Majores natu et sapientiores quique, de rebus istis altius inter se tractaturi, conederant, et a mane usque ad medium noctis huic deliberationi vacantes de salute propria et totius populi, de statu civitatis et conservatiōne patriæ.... diligenter disputabant....*

(368) Sefr. 61. «majores».

(369) Sefr. 63.

къ народу, который въ этотъ день, ради языческаго праздника, собрался въ огромномъ множествѣ изъ всей окрестной страны «и по Божьему промыслу, говорить древнее сказаніе, ⁽³⁷⁰⁾ противъ обыкновенія не разошелся еще по деревнямъ»: видно онъ ждалъ, что скажутъ старшины о пришельцѣ изъ Нѣмецкой земли. И долго говорили старшины передъ народомъ, «сладкою рѣчью» склоняя его въ пользу Оттона; «и удивительное дѣло (я продолжаю выписывать изъ того же Сефридова сказанія), какъ мгновенно, какъ легко и единодушно (*quam facili consensu*), все это множество народа, внавѣ рѣчи старшинъ, изъявило съ ними согласіе (*in eundem sese consensum inclinaverunt*)». Тогда нѣкоторые изъ жителей крѣпости, съ княжескими послами, вышли къ Оттону, и, почтительно къ нему обращаясь, пригласили его къ себѣ въ Пырицу, принося ему поклонъ отъ знатныхъ людей и всего народа. Изъ Пырицы Оттонъ поѣхалъ въ Волянъ, но былъ тамъ побитъ и выгнанъ изъ города; произошло великое смятеніе. Знатные люди Волянскіе приходили къ проповѣднику, сидѣвшему за городомъ, и извинялись, слагая вину на безразсудство простаго народа; Оттонъ грозилъ имъ местию Польскаго князя, своего покровителя. «Гѣ, говорить современникъ ⁽³⁷¹⁾, воротаясь къ своимъ въ городъ (т. е. очевидно, къ собранному народу) стали тщательно обдумывать и переобдумывать все дѣло; наконецъ, единогласно рѣшили такимъ приговоромъ: стать на томъ словѣ, что скажутъ Щетинцы». Епископъ поѣхалъ въ Щетинь. Послы князя, его спутники, тотчасъ пошли къ знатнымъ людямъ Щетинскимъ, извѣстить ихъ и просить о принятіи Христіанской проповѣди. Они на отрѣзъ отказали; но черезъ нѣсколько времени пришло въ Щетинь грозное письмо отъ Польскаго князя. Собрана была сходка, письмо было прочтено передъ знатію и народомъ, ⁽³⁷²⁾ и услышавъ требованія Поляковъ, Щетинцы созвали «безчисленное множество народа изъ сель и деревень», ⁽³⁷³⁾ и долго толковавъ, единогласнымъ

(370) Тамъ же.—(371) Sefr. 92.—(372) Sefr. 102.

(373) S. Cruc. II, 10.

приговоромъ положили: принять крещеніе ⁽³⁷⁴⁾. Тогда и весь Волинь, какъ сказалъ, что послѣдуетъ Щетину, такъ и сдѣлалъ ⁽³⁷⁵⁾. Когда окрещенъ былъ въ Волинь народъ, то по зову Оттона собрались знатные люди и старики (*principibus et natu maioribus*) и дали ему клятву не кланяться богамъ язычскимъ ⁽³⁷⁶⁾.

Вскорѣ потомъ Оттонъ оставилъ Поморье, и на четвертый годъ посѣтилъ его вторично. Язычество почти вездѣ было восстановлено. По пріѣздѣ Оттона въ крѣпость Узноимъ, князь Вратиславъ съ его совѣта созвалъ туда сеймъ всей страны, объявляя напередъ, что обсуждаться будетъ дѣло о принятіи Христіанской вѣры: сеймъ состоялъ изъ знати съ жупанами и начальниками городовъ, и изъ старцевъ; присутствовали и жрецы. Князь открылъ сеймъ рѣчью; восхваливъ Христіанство и епископа, онъ предоставилъ дѣло суду сейма: «единодушнымъ совѣтомъ обсуждая между собою ваше благо, сказалъ онъ, рѣшите общимъ приговоромъ, примете ли вы слово Божіе и его провозвѣстника». Выслушавъ княжескую рѣчь, знать и старцы просили, чтобы назначено было удобное для совѣщанія время, и тогда, собравшись долго говорили, кто за новую вѣру, кто противъ нея. Жрецы въ особенности злобились; но противное мнѣніе превозмогло, и наконецъ всѣ единогласнымъ рѣшеніемъ отреклись отъ язычества ⁽³⁷⁷⁾. — Изъ этихъ словъ историка слѣдуетъ, кажется,

(374) Sefr. 102 *remota omni controversia, Evangelicis traditionibus se submiserunt...* 109. *iis qui ante uni versalem populi consensum fidem privatim acceperunt, fiunt catechismi...*

(375) Sefr. 114.

(376) Ebbo 57.

(377) Sefr. 124. *Dux terræ Vrotizlaus... baronibus ac capitaneis totius provinciae ac praefectis civitatum... conventum indixit, causam simul... mandans Evangelium.* (Andr. 175. *Statimque (dux).. generale principum regni sui colloquium... indixit. Ubi convenientibus Timinensis civitatis (т. е. Дымна) aliarumque urbium primoribus...).* Ebbo 76. *His (verbis ducis) auditis, principes et natu majores opportunum huic colloquio locum petentes, diu multumque ancipiti sententia mutabundi oberrabant, praesertim sacerdotibus... contradicentibus. Sed pars sanior consilii affirmabat etc. Tandem... unanimiter cultum idolorum abdicarunt.*

вывести, что жрецы не имѣли въ сеймѣ голоса, и были приглашены только на этотъ именно случай, для совѣта, потому что дѣло до нихъ касалось: они не могли быть участниками въ *единогласномъ* приговорѣ сейма, и до конца противились Христіанству.

Дальнѣйшій разсказъ приведеннаго здѣсь источника любопытенъ, потому что показываетъ, какое уваженіе имѣла земля Поморская къ совѣту своихъ стариковъ и знати. Принявъ рѣшеніе благопріятное Христіанству и крещеніе отъ Оттона, сеймъ разошелся: извѣстіе о приговорѣ стариковъ и знати, собравшихся въ Узноимѣ, разнеслось по всей странѣ и возбудило толки и разнорѣчія, особенно въ знатномъ сословіи; жрецы мучили народъ; но князь, оставаясь съ епископомъ въ Узноимѣ, увѣрялъ его, что все это ничего не значить, что теперь дѣло его вѣрно: «будь покоенъ, отецъ мой и господинъ, говорилъ онъ, никто не станетъ тебѣ противиться, коль скоро старцы и знатные (*majoribus natu et principibus*) приняли Христіанскую вѣру⁽³⁷⁸⁾». При всемъ томъ, рѣшеніе старцевъ и знати не было для народа обязательнымъ, и Оттонъ долженъ былъ ѣхать къ Щетинцамъ, которые, не смотря на приговоръ сейма, упорствовали въ своемъ отступничествѣ.

Во время отлучки Оттона, какъ было уже упомянуто, въ Щетинѣ случился моръ: по волѣ народа жрецы тотчасъ принялись разрушать новопостроенную церковь и вскорѣ за тѣмъ народная сходка торжественно рѣшила возстановить языческое поклоненіе⁽³⁷⁹⁾. Когда Оттонъ пріѣхалъ изъ Узноима въ Щетинь, то никто не хотѣлъ и слушать его, и чуть его не убили. Но тогда одинъ изъ знатныхъ людей Щетинскихъ, Вичакъ (или Вирчакъ), сталъ непрестанно проповѣдывать Христіанство, на сходкѣ ли народной, на улицѣ ли, или въ домахъ, гдѣ случалось, подкрѣпляя увѣщанія свои разсказомъ о чудѣ, которое надъ нимъ самимъ совершилъ Богъ Христіанъ⁽³⁸⁰⁾. Его слова начинали

(378) Sefr. 131.

(379) Sefr. 158 Ebbo 65.—(380) Sefr. 159 и слѣд. Ebbo 66 и слѣд.

дѣйствовать. Тогда Оттонъ въ Воскресенье пришелъ на торговую площадь (въ Воскресенье былъ торгъ и сходка), и, продираясь сквозь густыя толпы собравшагося народа, взошелъ на деревянный помостъ, съ котораго говорили народу объ общественныхъ дѣлахъ старшины и докладывали вѣстники; Оттонъ сталъ съ него увѣщевать толпившійся на площади народъ⁽³⁸¹⁾. Послѣ великаго волненія положено было черезъ 14 дней собрать общій совѣтъ и покончить дѣло, принятиемъ ли Христіанской вѣры, или рѣшительнымъ отказомъ. Въ положенный день епископъ взошелъ на холмъ Триглава въ серединѣ города и вступилъ въ большой домъ совѣта (т. е. одну изъ *кутинъ*, выше описанныхъ): тутъ уже сидѣли соборомъ знатные люди со жрецами и стариками (*patu majoribus*). При входѣ Оттона всѣ замолчали, и онъ обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ. Единогласно рѣшили принять его ученіе: противорѣчали только жрецы, но ихъ и оставили однихъ въ домъ совѣта, а потомъ выгнали изъ города⁽³⁸²⁾.

LIV.

Общіе выводы о гражданскомъ устройствѣ Поморьянъ.

Такова живая картина Поморскаго быта въ началѣ XII в., писанная современниками и очевидцами.

Чтобы показать разныя общественныя отношенія Поморьянъ, особенно же отношенія между ихъ совѣщательнымъ собраніемъ и народною сходкою, нужно было, — чего прежде, касательно другихъ Балтійскихъ Славянъ, мы не могли сдѣлать, по недостатку извѣстій, — нужно было представить въ связи самыя событія, въ которыхъ эти отношенія проявлялись. Таковъ дѣйствительно общій характеръ Славянскаго племени (удержавшійся отчасти и у Балтійскихъ вѣтвей, при всемъ наплывѣ чужеземныхъ вліяній), что онъ не любитъ формальныхъ правилъ и постановленій: если бы мы захотѣли подвести подъ такія правила явленія общественной жизни Поморьянъ, то пришлось бы на каждый случай придумывать

(381) Sefr. 160 и слѣд. Ebbö 90 и слѣд. — (382) Sefr. 165. Ebbö 93. 94. S. Gruc. III, 10.

мывать особое правило; а въ живой дѣйствительности всѣ эти явленія представляются вѣрными главнымъ началамъ Поморскаго быта и, въ смыслѣ этихъ началъ, правильными и законными.

Но приведенныя черты изъ Поморскаго быта относятся только, какъ намъ извѣстно, къ началу XII вѣка. Чго было у Поморанъ прежде того, и давно ли образовались отношенія, существовавшія во время Оттона Бамбергскаго, объ этомъ нѣтъ вѣрнаго свидѣтельства. Правда, еще къ концу X вѣка относится разсказъ одного Датскаго историка, жившаго въ XII-мъ, что когда взятъ былъ въ плѣнъ и привезенъ въ Волянъ Свенъ, король Датскій, то народъ Волянскій возмущился—было и хотѣлъ мучить и казнить его, но что «люди избранные, знать, были благоразумнѣе» и наконецъ уговорили народъ пощадить его ⁽³⁸³⁾. Не придавая большого вѣса этому сказанію, въ которомъ картина Поморскаго общества въ X в. могла быть списана съ позднѣйшаго образца, мы однако же не усомнимся признать быть, въ которомъ засталъ Поморанъ Оттонъ, весьма древнимъ, существовавшимъ неизмѣнно на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ съ той поры, какъ Поморяне стали особымъ племенемъ: ибо по началамъ своимъ онъ совершенно сходенъ съ стариннымъ племеннымъ бытомъ, въ VIII и IX ст. господствовавшимъ у западныхъ вѣтвей Балтійскихъ Славянъ, у Бодричей и Лютичей, и въ которомъ мы также нашли трѣ власти: племеннаго князя, столь же слабаго какъ на Почорьѣ, знать съ важнымъ, самостоятельнымъ значеніемъ, и народную сходку. Въ основаніи же всего общественнаго строя Поморанъ въ XII в. лежалъ тотъ старый Славянскій законъ единогласія, который въ VI столѣтіи изображенъ Прокопіемъ у Дунайскихъ Славянъ, а въ XI-мъ такъ ярко описанъ Титмаромъ у Лютичей: единогласно рѣшила община въ Пырицѣ принять крещеніе отъ Оттона Бамбергскаго ⁽³⁸⁴⁾; единогласно приговорили Волянцы сдѣлать такъ, какъ сдѣлаетъ Щетинъ ⁽³⁸⁵⁾; единогласно народъ Щетинскій и окрестныхъ деревень принялъ Христіан-

(383) Sven. (Svenonis Aggonis filii regum Daniae historia), у Лангебека (Scr. r. Danic.) I, 53.

(384) Sefr. 63. — (385) Sefr. 92.

ство ⁽³⁸⁶⁾; единогласно рѣшилъ онъ за Христіанство воевать съ Ранами, упорными язычниками ⁽³⁸⁷⁾; единогласно сеймъ всей Поморской земли, созванный въ Узномѣ, постановилъ быть, по княжескому слову, Христіанской вѣрѣ на Поморьѣ ⁽³⁸⁸⁾; единогласно въ Щетинѣ, послѣ отступничества, совѣтъ знатныхъ людей и стариковъ опредѣлилъ вторично покориться Оттону епископу ⁽³⁸⁹⁾....

И сколько Поморяне дорожили единогласіемъ, столько боялись они, при общемъ согласіи всего народа, даже одного противорѣчащаго голоса и всячески старались уговорить или отстранить того, кто не соглашался бы съ общимъ рѣшеніемъ. Вотъ, наур., что рассказываетъ жизнеописатель св. Оттона: «Въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Щетинѣ, не нашлось ни единого человѣка, который бы, послѣ общаго согласія народа на принатіе крещенія, думалъ укрыться отъ Евангельской истины, кромѣ одного жреца,... но къ нему однажды приступили всѣ и стали его премного упрашивать ... ⁽³⁹⁰⁾ За то другой разъ, какъ мы видѣли, Щетинцы обошлись не такъ вѣжливо со жрецами, противившимися народному приговору: оставили ихъ однихъ въ домѣ совѣта, гдѣ они засѣдали со знатью и стариками ⁽³⁹¹⁾, а потомъ выгнали изъ города ⁽³⁹²⁾».

Удивительное дѣло, сколько въ племенномъ бытѣ Поморянъ, который есть, конечно, самое полное и стройное проявленіе въ Славянскомъ мірѣ этой скудной формы общественнаго устройства, сколько въ немъ сходнаго съ древнѣйшимъ бытомъ Германцевъ, описаннымъ у Тацита: тотъ же былъ у Поморянъ въ XII-мъ, что у Германцевъ въ I-мъ вѣкѣ, безвластный племенной глава, таже высоко чтимая знать, та же народная община, тѣже два совѣщанія,—одно, въ которомъ засѣдали знатные люди, другое, въ которомъ участвовалъ весь народъ,—то же производство общественныхъ дѣлъ, по которому дѣло сперва обсуждалось въ совѣтѣ

(386) Sefr. 182.

(387) Sefr. 109.

(388) Ebbo 76.

(389) Ebbo 94.

(390) Sefr. 109. — (391) Ebbo 94. — (392) Ebbo 94, 95.

знатныхъ, а потомъ предлагалось ими на окончательное рѣшеніе народной сходки: словомъ сказать, тотъ же совершенно гражданскій строй.

Такъ бытъ Славянскій, принявъ въ себя стихію аристократіи, но удерживая еще древнюю общинность, могъ совпасть съ первоначальнымъ бытомъ Германскимъ, въ которомъ, при коренномъ господствѣ аристократической стихіи, простота семейной жизни еще хранила начало общинное. Но бытъ Германскій, изображенный Тацитомъ, былъ плодотворнымъ зародишемъ всей Германской жизни: его начала легли въ основаніе великаго и вѣковаго развитія Нѣмецкаго племени; бытъ Поморскій, описанный біографами Оттона, является бесплоднымъ искаженіемъ, лишь съ виду крѣпкимъ и стройнымъ, жизни Славянской, и онъ былъ преддверіемъ къ гибели и мирному исчезновенію народа Поморскаго. Потому, видно, и развился древній бытъ Германскаго племени, что онъ былъ чистъ и цѣленъ и соответствовалъ всѣмъ потребностямъ Германцевъ, а Поморскій бытъ разрушился потому, что этой чистоты, этой цѣльности и своеобразности въ немъ не было. И дѣйствительно, черезъ аристократію, ту именно стихію, которую Балтійскіе Славяне внесли къ себѣ отъ чужеземцевъ, вошла гибель къ народу Поморскому. При водвореніи Христіанства и Нѣмецкаго вліянія на Поморьѣ, знать тотчасъ же отмѣчилась и, принявъ всѣ условія Германской жизни, получила такую же власть, какую она имѣла тогда въ Германіи: тогда и князь, не находя противъ нея опоры у себя, въ обезсиленной народной общинѣ, долженъ былъ съ своей стороны приглашать въ города свои Нѣмецкихъ горожанъ (бюргеровъ) и водворять на Поморьѣ ихъ Нѣмецкій бытъ. И при такомъ переходѣ къ Нѣмецкой жизни, — добровольномъ со стороны знати, вынужденномъ знатью со стороны князя, — въ скоромъ времени Поморьѣ изъ Славянской земли сдѣлалась Нѣмецкою.

LV.

Гражданское устройство на о. Равъ.

У Ранскихъ Славянъ, какъ мы видѣли, князь (или царь), и знатное сословіе имѣли такое же точно значеніе, какъ на Поморьѣ; и всѣ проція общественныя учрежденія были у нихъ

такія же. Правда, наши свѣдѣнія объ нихъ весьма скудны; но мы знаемъ, однако, что и у Ранъ господствовалъ законъ единогогласія ⁽³⁹³⁾ и собиралась народная сходка. Сходку созывалъ верховный жрецъ Святовитовъ, глава всего Ранскаго общества. Когда случалось что нибудь важное, то онъ объявлялъ о томъ царю и народу Ранскому: собиралась сходка, жрецъ излагалъ волю боговъ, узанную имъ посредствомъ разныхъ знаменій, и царь съ народомъ рѣшали, что по этому дѣлать ⁽³⁹⁴⁾. Такъ производились общественныя дѣла у Ранъ, по свидѣтельству Гельмольда. Тутъ не видно, чтобы знатное сословіе имѣло на сходкѣ какое нибудь особенное значеніе, какъ у Поморянъ; но это значеніе несомнѣнно, ибо вообще у Ранъ знать, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, ⁽³⁹⁵⁾ занимала важное въ обществѣ мѣсто, (такъ что Рана сдѣлалась, какъ скоро введеніе Христіанства уничтожило власть верховнаго жреца и водворило Германское вліяніе, — вполнѣ аристократическою землею); на особенное преимущество знатныхъ людей въ народныхъ собраніяхъ Ранъ намекаетъ, кажется, слѣдующій рассказъ Саксона Грамматика. Однажды, когда Датчанамъ понадобилась помощь Ранскихъ Славянъ, Датскій архіепископъ, знаменитый воитель Абсалонъ, отправился къ нимъ, вступилъ въ ихъ народное собраніе, гдѣ присутствовалъ и царь Тетиславъ, и, *бывъ посаженъ на самое почетное мѣсто*, сталъ говорить народу черезъ толмача о своемъ порученіи ⁽³⁹⁶⁾. Были, значить, почетныя сѣдалища тамъ, гдѣ собиралась сходка Ранская, и довольно вѣроятно, что они отведены были для знатныхъ людей. — Подобно Лютичамъ, Ране, даже на войнѣ, созывали войсковую сходку ⁽³⁹⁷⁾. — По всему видно, что и у нихъ, подлѣ племеннаго главы, царя, и знати, существовало начало общинное. Однимъ словомъ, все общественное устройство ихъ было точно такое же, какъ Поморское, да и судьба ихъ постигла такая же: и ихъ онѣмечило, стремясь по внутренней склонности къ Нѣмецкому быту, аристократическое сословіе.

(393) Sefr. 178.

(394) Helm. II, 12. — (395) Helm. II, 13. Cod. Pomer. 27 Sax. 774. 839.

(396) Sax. 796. — (397) Sax. 773.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

О МѢРѢ НАКАЗАНІЯ ПО МѢРѢ УМЫШЛЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНІЯ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РУССКОМЪ ПРАВѢ.

Всѣ умышленныя преступленія совершаются съ намѣреніемъ, но намѣреніе совершить преступленіе не во всѣхъ случаяхъ одинаково. Иногда оно бываетъ плодомъ предварительнаго, болѣе или менѣе глубокаго размышленія, а иногда рождается вдругъ, вслѣдствіе внезапнаго увлеченія; преступникъ съ тѣмъ и выходитъ на дѣло, чтобы совершить то преступленіе, которое дѣйствительно совершаетъ, а въ другихъ думаетъ совершить одно преступленіе, а совершаетъ другое, или и то и другое вмѣстѣ, бывъ вынужденъ къ тому встрѣтившимися, при совершеніи задуманнаго преступленія, обстоятельствами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вина преступника, очевидно, весьма не одинакова; стало быть и наказаніе за преступленіе должно быть весьма различно. Но много проходитъ времени, прежде нежели законы положительныя начинаютъ обращать вниманіе на всѣ эти отгѣнки злаго умысла при опредѣленіи наказанія за преступленіе. Чтобы возвыситься до такой тонкой, чисто духовной оцѣнки человѣческихъ дѣйствій, необходима значительная степень умственнаго и нравственнаго развитія народа, которая достигается только на высшихъ ступеняхъ общежитія.

Древнее русское право раздѣляется, какъ извѣстно, на три періода.

Въ первомъ, древнѣйшемъ періодѣ, господствуетъ чисто матеріальный взглядъ на преступленіе и наказаніе. Люди грубые и необразованные не знаютъ обыкновенно никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ матеріальныхъ: въ нарушеніи ихъ и состоитъ преступленіе на первой, самой нисшей, ступени общежитія. Только такіа дѣйствія считаются оскорбительными, которыми причиняется какой либо внѣшній вредъ. Убіеніе, тѣлесныя поврежденія и нѣкоторыя немногія, самыя грубыя и простыя, нарушенія права собственности: вотъ всѣ преступленія, о которыхъ говорится въ законахъ сего времени. А наказаніе состоитъ въ возмездіи за обиду въ важныхъ случаяхъ и въ вознагражденіи за нее въ менѣе важныхъ. Если обида заключаетъ въ себѣ нападеніе на жизнь, то за нею слѣдуетъ мечь, которая совершается или самимъ оскорбленнымъ, или его ближайшимъ родственникомъ, и воздастъ за причиненное зло тѣмъ же самымъ зломъ, или еще большимъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ виновному позволяется откупаться отъ мести деньгами. — Пока господствуетъ такой взглядъ на преступленіе и наказаніе, до тѣхъ поръ не можетъ быть никакой нужды, даже и вообще отличать, при опредѣленіи наказанія, преступленія умышленныя отъ неумышленныхъ. Кто вступаетъ за обиду потому только, что ею причиняется ему извѣстный матеріальный вредъ и въ удовлетвореніе за нее мститъ оскорбителю, или получаетъ съ него плату, тому совершенно все равно, какъ обида причиняется: — умышленно или неумышленно. Вредъ, который онъ терпитъ отъ нея, въ обоихъ случаяхъ одинаковъ. По сему въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ нашихъ мечь дозволяется вообще въ случаѣ убійства, безъ всякаго различія того, какъ оно совершено, а вознагражденіе за обиду назначается только смотря по степени вреда, ею причиненнаго. Чтобы опредѣлить, какъ велико должно быть вознагражденіе за обиду въ каждомъ случаѣ, законы съ особенною подробностію распространяются о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, какъ о преступленіяхъ, тогда наиболѣе всѣхъ другихъ обыкновенныхъ, и назначаютъ за каждое изъ нихъ свое особенное вознагражденіе. Въ этомъ и состоитъ главный предметъ законодательной дѣятельности въ первомъ періодѣ.

Во второмъ періодѣ месть запрещается въ законахъ , но въ опытѣ она продолжаетъ еще дѣйствовать, не смотря на законы. Чтобы уничтожить обычай, глубоко укоренившійся и священный, по мнѣнію народа, недостаточно запретить его ; для этого необходимо переменить то убѣжденіе, на которомъ онъ основывается. А это не легко, и совершается, не вдругъ, а постепенно. Вотъ почему, и послѣ запрещенія, месть еще долго живетъ въ народѣ, освящаясь примѣромъ самихъ законодателей, которые и сами, въ свою очередь, не избѣгаютъ ея. Совершеннаго переворота въ правахъ народныхъ не могла вдругъ сдѣлать и самая вѣра христіанская. — А вознагражденіе за обиду, по запрещеніи мести, возведено было въ законахъ на степень общей законной мѣры удовлетворенія ; имъ должна была замѣниться и месть. Стало быть во второмъ періодѣ дѣйствовали тѣже начала, что и въ первомъ. Но въ Правдѣ XIII стол. за разбой (тайное убійство) и зажигательство назначается, въ видѣ изъятія изъ общаго правила, совершенно другое, — публичное наказаніе, — потокъ и разграбленіе имущества виновнаго. Постановленіе это считается достаточнымъ, чтобы, не смотря на общее правило, утверждать, что въ это время основаніемъ къ большому наказанію уже служить и особенная злонамѣренность, выраженная въ преступленіи. Представляется однако же, что означенное постановленіе Правды гораздо сообразнѣе и съ ея собственными началами и со степенью тогдашней умственной и нравственной образованности объясняется вышними причинами. Сыновья Ярослава, запретивъ месть, замѣнили ее денежнымъ вознагражденіемъ. Замѣня этотъ оказался недостаточнымъ, и можетъ быть отчасти по этому и самое запрещеніе мести не дѣйствительнымъ. И такъ, чтобы заставить хотя сколько нибудь уважать это запрещеніе, преемники сыновей Ярослава признали за благо назначить за отказъ отъ мести другое болѣе достаточное удовлетвореніе. Правда, по этой причинѣ имъ слѣдовало бы назначить *потокъ* и разграбленіе вообще за убійство, но только разбой считается особенно ненавистнымъ у народовъ грубыхъ, которые всего болѣе гнушаются коварствомъ и измѣною, а убійство въ открытомъ бою признаютъ они менѣе предосудительнымъ, чѣмъ даже и водовство.

Притомъ разбой, а также и зажигательство принадлежали къ числу самыхъ вредныхъ и опасныхъ преступленій въ древней Россіи. Разбой былъ старинное неизцѣлимое зло Руси. Мало-населенность, изобиліе дремучихъ лѣсовъ, отсутствіе прочнаго государственнаго порядка, дурное управленіе, недостатокъ полицейскаго надзора, и къ этому слабое преслѣдованіе и наказаніе преступниковъ были причиною того, что разбой въ самомъ началѣ русскаго государства сдѣлался преступленіемъ весьма обыкновеннымъ. Уже Владиміръ Раиноапостольный, чтобы оградить общество отъ разбойниковъ, вынужденъ былъ отступить отъ отеческихъ обычаевъ, и по настоянію служителей церкви, обыкновенно проповѣдниковъ любви и милосердія, сталъ казнить за разбой *потомкомъ и разграбленіемъ имуществъ*, вмѣсто денежныхъ взысканій: такъ опасны были разбойники при Владимірѣ. Что дѣлалъ Владиміръ произвольно, то въ Правдѣ XIII ст. обращено въ законъ и распространено и на зажигателей. — Подъ старость Владиміръ опять обратился къ отеческимъ обычаямъ и сталъ и съ разбойниковъ требовать виры, потому что, говоритъ лѣтописецъ, ему, для войнъ съ Печенѣгами, нужны были кони и оружія, чѣмъ и платили впрямъ разбойники; а можетъ быть и потому, что потокъ и разграбленіе имуществъ, какъ мѣра чуждая и противная отеческимъ обычаямъ, гнѣлъ его совѣсть, почему тѣже самые епископы, которые присовѣтовали эту мѣру, и отсовѣтовали ее. Возвращеніе къ прежнему порядку имѣло и слѣдствія прежнія. Разбойники опять умножились, но умножились также и зажигатели. Зажигательства въ древней Россіи были еще болѣе вредны, чѣмъ разбои. По причинѣ дурныхъ построекъ, которыя были еще хуже, чѣмъ въ наше время въ селеніяхъ, и по причинѣ совершеннаго недостатка въ охранительныхъ отъ огня средствахъ, онѣ всегда сопровождались самыми гибельными и разрушительными послѣдствіями. Особенно опасное развитіе получили оба преступленія въ періодъ удѣловъ, къ которому относится Правда XIII ст. Терзаемая усобицами русская земля стонала въ это смутное и безурядное время и отъ разбоевъ и отъ пожаровъ; ее грабили и жгли и чужіе, и свои, и свои еще пуще, чѣмъ чужіе. И такъ, чтобы искоренить разбой и зажигательство, въ XIII столѣтіи

прямо отмѣнили отеческій обычай и обратили потокъ и разграбленіе имущества въ постоянную мѣру противъ разбойниковъ и зажигателей. Сдѣлать это могли теперь тѣмъ легче, что мѣра эта не была уже чуждою, а дѣднею, какъ употребленная Владиміромъ, а опытъ достаточно показалъ негодность стараго порядка наказанія разбойниковъ и превосходство новаго. Стало быть поводомъ къ назначенію особенно строгаго наказанія за разбой и зажигательство въ Правдѣ XIII ст. была не особенная злонамѣренность, а особенная опасность этихъ преступленій, вслѣдствіе чрезвычайнаго умноженія ихъ, и возникшая отсюда необходимость огражденія отъ нихъ общества болѣе сильною мѣрою, чѣмъ денежныя наказанія. Справедливость этого вывода подтверждается и тѣмъ, что Правда за зажигательство назначаетъ вообще потокъ и разграбленіе имущества безъ всякаго различія его умышеннаго совершенія отъ неумышеннаго.

До яснаго сознанія о большемъ наказаніи по причинѣ большей злоумышленности въ совершеніи преступленія, древнее законодательство не могло вдругъ возвыситься и тогда, когда стало назначать публичныя наказанія и за многія другія преступленія, кромѣ разбоя и зажигательства. Въ Судебникахъ Іоанна III и Іоанна IV, гдѣ это дѣлается, основаніемъ къ тому служитъ также только особенная опасность нѣкоторыхъ преступленій для государства. Посему, хотя въ послѣднемъ преступленія раздѣляются уже на хитростныя (совершаемыя хитростію, злонамѣренно) и безхитростныя, но изъ этого раздѣленія не дѣлается въ немъ почти никакого употребленія. Преступленія безхитростныя смѣшиваются, большею частію, съ случайными, часто такими, которыя произведены различными явленіями природы, и потому нисколько не зависѣли отъ воли человѣка, какъ то: убіеніе громомъ или деревомъ, съѣдѣніе звѣрми и пр. Не прежде, какъ съ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, начинается болѣе сознательное отдѣленіе преступленій умышенныхъ отъ неумышенныхъ. Но оно уже принадлежитъ не древней, а новой Россіи.

Такъ медленно совершается развитіе положительныхъ законовъ: это отъ того, что они служатъ только вѣрнымъ отраженіемъ жизни общественной, ея нуждъ и потребностей, а жизнь общественная развивается не вдругъ, а постепенно, и подчиняется въ своемъ развитіи, какъ и все историческое, многимъ внѣшнимъ условіямъ, которыми болѣе или менѣе задерживается ходъ ея.

С. ЗАРШЕВЪ.

17 февраля.

1854 года.

ШЕЛЛИНГЪ.

Сообщенное иностранными и русскими газетами извѣстіе о смерти Шеллинга даетъ намъ случай сказать нѣсколько словъ о литературной дѣятельности этого философа, одного изъ великихъ мыслителей 18-го и 19-го столѣтій. Рядъ его сочиненій, по справедливому замѣчанію Гегеля, представляетъ собою исторію его развитія, ступени его философскаго образованія.

Фридрихъ Вильгельмъ Юсифъ Шеллингъ былъ сынъ деревенскаго пастора и родился въ Виртембергъ 27 января, 1775 года, около двѣнадцати лѣтъ спустя послѣ рожденія своего учителя Фихте, (родился въ мавъ 1762 года), и пять лѣтъ послѣ своего великаго ученика Гегеля, (родился въ 1770 году), — когда Кантъ былъ уже докторомъ философіи и пользовался славою перваго мыслителя того времени (*). На шестнадцатомъ году Шеллингъ поступилъ въ теологическую семинарію въ Тюбингенъ, гдѣ около трехъ лѣтъ жилъ вмѣстѣ съ Гегелемъ, занимаясь изученіемъ Богословія, филологіи и критической философіи Канта. Его мысль очень рано достигла замѣчательнаго развитія, на что явно указываютъ сочиненія, написанныя имъ во время его пребыванія въ Тюбингенъ.

(*) Фактическія свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Шеллинга заимствованы преимущественно изъ книги Эрмана: *Die Entwicklung d. deutschen Speculation seit Kant. Leipzig. 1853 г. Th 2-я.* Этихъ свѣдѣній въ настоящее время очень немного; но подобно ожидать, что скоро будетъ составлена полная біографія Шеллинга.

Первое его сочиненіе, которое написалъ онъ въ 1792 году на степень магистра, имѣетъ своимъ предметомъ философическое объясненіе Моисеева повѣствованія о происхожденіи зла (*Antiquissimi de prima malorum origine philosophematis explicandi Genes. с. III. tentamen criticum*). Въ слѣдующемъ году напечатано было его второе разсужденіе: «О мифахъ, историческихъ сагахъ и философемахъ древнѣйшаго міра», изъ котораго между прочимъ видно, что онъ былъ уже въ это время знакомъ съ идеями Гердера. Изучая различныя философскія системы современныхъ мыслителей, Шеллингъ чувствовалъ въ себѣ потребность найдти твердое начало для созданія полной системы философіи, и видѣлъ, что ни одна изъ знакомыхъ ему системъ не удовлетворяетъ этой потребности. Подъ вліяніемъ этого расположенія написаны были имъ (въ 1794—1795 году) два трактата — одинъ «О возможности единой формы философіи вообще», — и другой «О Я, какъ началъ философіи, или о безусловномъ въ человѣческомъ знаніи». Въ журналѣ *A. Lit. Zeit.* 1796 года, 11 октября, появилась колкая рецензія на послѣдній трактатъ. Шеллингъ отвѣчалъ антикритикомъ, въ которой, между прочимъ, дурно отозвался о трудахъ Рейнгольда, вѣроятно думая видѣть въ немъ своего рецензента.

На самомъ дѣлѣ Рейнгольдъ былъ не виноватъ въ письмѣ къ Фихте: онъ даже порицалъ рецензента, и находилъ немѣстными и оскорбительными его насмѣшки надъ благородными стремленіями молодого мыслителя. И антикритика Шеллинга была, можетъ быть, первою причиною вражды между имъ и Рейнгольдомъ (*). Понятія, высказанныя Шеллингомъ въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ, весьма сходны съ ученіемъ Фихте, который самъ признавалъ ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ и объясненіемъ началъ своей философіи. Но ни Фихте, ни другіе современные мыслители не замѣтили, что уже и въ этихъ сочиненіяхъ молодой философъ часто возвышается надъ точкою Фихтева міросозерцанія. Тотъ способъ, по которому у

(*) Карлъ Леонгардъ Рейнгольдъ (1758 — 1823) былъ послѣдователемъ Канта, и сдѣлался извѣстнымъ въ философской литературѣ чрезъ свой «Опытъ новой теоріи человѣческой способности представленія», изданный въ 1789-мъ г.

Шеллинга субъективное и объективное поставляются въ совершенно одинаковое отношеніе къ Безусловному, опредѣленіе Безусловнаго, какъ абсолютнаго единства мысли и бытія, явно выраженное намѣреніе перенести на абсолютное Я предикаты, усвоенные субстанции Спинозою, — все это показываетъ, что, когда Шеллингъ писалъ упомянутые трактаты, онъ уже началъ понимать односторонность субъективной философіи Фихте, и чувствовалъ нужду исправить ея недостатки.

Въ 1795 году, когда Рейнгольдъ и многіе другіе послѣдователи Канта, на основаніи его Критики Чистаго Разума, покушались создать философію строго догматическую, Шеллингъ напечаталъ свои «Философскія письма о догматизмъ и критицизмъ», — лучшее изъ всѣхъ его сочиненій, до того времени изданныхъ, въ которомъ онъ все еще придерживается началъ Фихтевой философіи. Однако же впоследствии, говоря объ этихъ письмахъ, онъ самъ справедливо замѣчалъ, что сказанное въ нихъ: о соединеніи всѣхъ противоположностей въ абсолютномъ, содержитъ въ себѣ зачатки его позднѣйшаго ученія. То же самое можно сказать о другомъ сочиненіи Шеллинга, которое явилось почти въ то же время въ философскомъ журналѣ, подъ заглавіемъ: *Neue Deduction des Naturrechts*. Прочитавъ это сочиненіе, Фихте былъ непріятно удивленъ тѣмъ, что дотоле бывшій ученикъ его философіи теперь приходитъ къ результатамъ, далеко для нея неблагопріятнымъ.

Въ 1796 году Шеллингъ оставилъ Тюбингенъ и перешелъ въ Лейпцигъ, гдѣ продолжалъ ревностно заниматься изученіемъ философіи, математики, физики, медицины и филологіи. Здѣсь же онъ написалъ нѣсколько статей, которыя сначала появились подъ однимъ заглавіемъ: «Общій обзоръ новѣйшей философской литературы», а впоследствии были значительно пополнены и напечатаны въ формѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ разсужденій. Въ нихъ безпристрастно и основательно разбираются теоретическія и практическія начала Канта, Рейнгольда, Бека и Фихте. Это были послѣднія сочиненія Шеллинга, о которыхъ еще можно сказать, что они написаны подъ влияніемъ философіи Фихте.

*

1797 годъ былъ очень замѣчательнъ въ жизни Шеллинга: въ то время онъ страдалъ мучительною и опасною болѣзнію; и вмѣстѣ съ благопріятнымъ переломомъ болѣзни, казалось, совершился счастливый переворотъ въ его философскихъ идеяхъ. Въ этомъ году Шеллингъ напечаталъ свои «Идеи о философіи природы», — трудъ, весьма важный для разумнѣя его философіи, и открывшій собою рядъ сочиненій, въ которыхъ мыслитель явно и рѣшительно уклонился отъ ученія Фихте и развилъ собственныя оригинальныя понятія о системѣ абсолютнаго тождества. Въ 1798 году онъ занялъ мѣсто учителя философіи въ Іенскомъ университетѣ (гдѣ профессоромъ философіи былъ въ то время Фихте), и тамъ особенно подружился съ Августомъ Шлегелемъ. Кромѣ небольшихъ статей, напечатанныхъ въ философскомъ журналѣ, Шеллингъ издалъ въ то время свое сочиненіе «О душѣ міра», въ которомъ, по его собственнымъ словамъ, раскрывается теорія высшей физики, объясняющая организмъ міроваго бытія. Въ зимній семестръ того года онъ читалъ въ Іенѣ лекціи о философіи природы и трансцендентальномъ идеализмѣ, которыя вскорѣ были изданы и составили двѣ главныя части его системы философіи. Послѣ этого семестра, Фихте, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить кафедру въ Іенскомъ университетѣ, и удалился изъ Іены. До этого времени Шеллингъ сохранялъ добрыя, почти дружественныя отношенія къ Фихте, не смотря на свое разногласіе съ нимъ во многихъ пунктахъ философскаго ученія. Но какъ только Фихте оставилъ Іену, сначала А. Шлегель, а потомъ и Шеллингъ стали печатать рѣзкіе и колкіе отзывы о его философскихъ трудахъ и мнѣніяхъ (*).

По примѣру Шлегелей, которые чрезъ *Атенеумъ* старались распространить свои критико-эстетическія идеи, Шеллингъ съ 1800 года сталъ издавать особый журналъ для спекулятивной физики, главною цѣлію котораго было развитіе и уясненіе его идей о предметахъ естественной фило-

(*) Въ это время судьба жестоко гнала несчастнаго Фихте, который, впрочемъ, и среди несчастій сохранялъ твердость духа и сознаніе своей нравственной правоты.

софи. Въ порядкъ напечатаны были, впрочемъ, только двѣ книги этого журнала: въ первой раскрывается понятіе о *динамическомъ процессѣ*, или о категоріяхъ физики, и кромѣ того помѣщена рецензія Стеффенса на сочиненія издателя о философіи природы; во второй, послѣ статьи Эшенмайера о высшемъ началѣ философіи природы, читатель находитъ составленное самимъ Шеллингомъ въ геометрической формѣ изложеніе его философической системы. Какъ въ предисловіи къ этому изложенію, такъ не рѣдко и впоследствии Шеллингъ указывалъ на него, какъ на подлинное и истинное представленіе своей философіи. Въ 1801 году въ Іенскій университетъ принять былъ въ качествѣ досента философіи прежній знакомый Шеллинга, новый, тогда еще мало извѣстный мыслитель, Гегель, который въ своемъ сочиненіи о различіи между философіею Фихте и философіею Шеллинга сильно защищалъ последнюю и доказывалъ ея превосходство надъ первою. Впрочемъ, изъ этого же разсужденія видно, что холодный, строгій и по преимуществу діалектической гений Гегеля и тогда уже не былъ доволенъ философскимъ энтузіазмомъ, который подъ именемъ непосредственнаго интеллектуальнаго созерцанія занялъ въ школь Шеллинга мѣсто наукообразнаго метода изслѣдованія.

Между тѣмъ ясно высказавшееся направленіе Шеллинга къ изученію природы во всей ея цѣлости, и вообще къ естествознанію, похвала, возданная имъ нозологіи Броуна, позже сдѣланный философомъ опытъ развить и привести къ твердымъ началамъ фізіологическія изслѣдованія этого ученаго, привлекли на сторону Шеллинга многихъ естествоиспытателей и особенно медиковъ, принимавшихъ теорію Броуна. Скоро Шеллингъ былъ признанъ докторомъ медицины, къ величайшей досадѣ его противниковъ, которые старались представить его не болѣе какъ мечтателемъ въ дѣлѣ естествознанія. Несмотря на ихъ противодѣйствіе, во многихъ отношеніяхъ справедливое, Шеллинговы идеи о началахъ и процессахъ жизни природы болѣе и болѣе распространялись не только между отвлеченными мыслителями, но и въ кругу тѣхъ ученыхъ, которые въ познаніи природы держались болѣе эмпи-

рическаго способа изслѣдованія. Стеффенсъ, Окенъ, Шубертъ, Виндишманъ, Трокслеръ, Шельверъ, Эннемозеръ, Карусъ, Ешенмайеръ, Гёррестъ и многіе другіе были болѣе или менѣе учениками и послѣдователями естественной философіи Шеллинга.

Въ 1802 году Шеллингъ возобновилъ свой *Журналъ для спекулятивной физики*, въ которомъ напечатано было нѣсколько отрывковъ изъ его системы философіи, и его же отдѣльное разсужденіе о четырехъ благородныхъ металахъ. «Въ то же время онъ, вмѣстѣ съ Гегелемъ, издавалъ *Критическій журналъ философіи*: статьи журнала являлись безъ всякой подписи, и это обстоятельство было причиною того, что, послѣ смерти Гегеля, его ученики долго спорили о томъ, кому изъ издателей журнала и какія именно принадлежать статьи. Этотъ споръ, между прочимъ, доказываетъ, что во время изданія «Критическаго журнала» мысли Гегеля были весьма сходны съ мыслями Шеллинга.

Въ томъ же году Шеллингъ напечаталъ свое знаменитое сочиненіе: «Бруно или о естественномъ и Божественномъ началѣ вещей» и читалъ свои *Vorlesungen über akademisches Studium*, которыя были изданы въ слѣдующемъ году и составили самое вѣрное выраженіе его философской системы, какъ она раскрылась до того времени. Въ 1803 году университетъ Вюрцбургскій, выбирая для себя наставниковъ изъ людей, наиболее извѣстныхъ своими талантами и ученостію, пригласилъ къ себѣ, вслѣдъ за Павлюсомъ и Гуфеландомъ, и Шеллинга на кафедру философіи. Личныя непріятныя отношенія его съ нѣкоторыми наставниками этого университета, и въ особенности съ Вагнеромъ, кажется, были причиною, что онъ скоро задумалъ оставить Вюрцбургъ. Вагнеръ прежде держался мнѣній Шеллинга и защищалъ его философію. Но около этого времени послѣдній издалъ свое разсужденіе о *философіи и религіи*, въ которомъ выступали слѣды его новаго направленія, не совсѣмъ согласнаго съ его прежними понятіями, — и Вагнеръ сталъ противникомъ Шеллинга, и называлъ его новое ученіе «подогрѣтымъ платонизмомъ». Вмѣстѣ съ Вагнеромъ вооружались противъ Шеллинга и дру-

гѣ наставники Вюрцбургскаго университета, и между ними Францъ Бергъ, профессоръ церковной исторіи, который еще до прибытія Шеллинга въ Вюрцбургъ утверждалъ, что его ученіе есть не болѣе, какъ смѣшеніе Фихте и Спинозы, мистицизма и философіи, гностическихъ понятій съ неоплатоническими. Въ 1806 году Шеллингъ напечаталъ небольшой трактатъ «Объ отношеніи реальнаго и идеальнаго въ природѣ», и потомъ еще полемическую статью противъ Фихте, подъ заглавіемъ: «Объясненіе истиннаго отношенія философіи природы къ обновленному ученію Фихте». Статья написана съ какою-то раздражительностію, и содержитъ въ себѣ много выраженій, несправедливыхъ по существу дѣла, и весьма оскорбительныхъ для чести Фихте, какъ самостоятельнаго философа (*). Съ того же года Шеллингъ, вмѣстѣ съ Маркусомъ, сталъ издавать общіе двѣ года тому назадъ, *Jahrbücher der Medicin als Wissenschaft*, въ которыхъ, кромѣ предисловія, принадлежатъ Шеллингу «Афоризмы для введенія въ философію природы», «Предварительное объясненіе точки зрѣнія медицины по началамъ философіи природы», и еще «Афоризмы о философіи природы», послѣднія сочиненія его, касающіяся предметовъ естествознанія.

Изъ Вюрцбурга Шеллингъ перешелъ въ Мюнхенъ, гдѣ скоро былъ принятъ въ число академиковъ, и въ 1807 году говорилъ рѣчь: «Объ отношеніи образовательныхъ искусствъ къ природѣ». Якоби въ письмѣ къ Гёте отозвался объ этой рѣчи, какъ о неудачной попыткѣ скрытъ пантеизмъ, и этотъ отзывъ послужилъ поводомъ къ неприятностямъ между Якоби и Шеллингомъ, еще болѣе усилившимся отъ послѣдующихъ за тѣмъ обстоятельствъ. Черезъ два года послѣ того издана была первая и единственная книга философскихъ сочиненій Шеллинга, прежде напечатанныхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ: прибавленъ былъ только одинъ новый трак-

(*) Шеллингъ даже говорилъ, что Фихте многое *укралъ* изъ его философіи. Съ этимъ, конечно, нельзя согласиться. Но то справедливо, какъ замѣтилъ Эрмандъ, что нѣкоторыя понятія, высказанныя Фихте мистически и вопреки своему прежнему ученію, съ строгою послѣдовательностію вытекаютъ изъ основаній системы тождества.

такъ «О существѣ человеческой свободы», въ которомъ, съ выразительностію высказаны и развиты начала его новаго ученія. Между прочимъ, въ этомъ трактатѣ, Шеллингъ жестко выразился противъ часто повторяемыхъ Якоби мыслей, что спекулятивное мышленіе всегда приводитъ къ фатализму, что философія Спинозы есть единственная послѣдовательная система, и т. п. Якоби былъ не такой человекъ, чтобъ равнодушно могъ вынести публично и рѣзко сдѣланныя замѣчанія о его философскихъ понятіяхъ. Гаманъ весьма удачно охарактеризовалъ этого философа, назвавъ его «самочителемъ». Въ дѣлѣ науки онъ никогда не могъ возвыситься надъ своею индивидуальностію, и такъ высоко цѣнилъ свои личныя убѣжденія, что всѣ другія философскія системы имѣли для него большее или меньшее достоинство, по той мѣрѣ, въ какой онъ подходили къ его собственному образу мышленія. Весьма раздражительный въ этомъ отношеніи, онъ даже самъ говорилъ, что если его искреннѣйшій другъ сочинилъ, такую вещь, какъ Прометей (Гёте), то онъ уже болѣе не можетъ быть его другомъ. Съ такою же раздражительностію онъ въ своемъ трактатѣ «О Божественныхъ вещахъ и ихъ откровеніи» написалъ нѣсколько замѣчаній о философіи Шеллинга, и при этомъ превратно истолковалъ и ложно процитовалъ нѣкоторыя мѣста изъ его сочиненій (надобно сказать, что Якоби не рѣдко дѣйствовалъ подобнымъ образомъ въ своей критикѣ чужихъ мнѣній). Шеллингъ въ рецензій упомянутаго сочиненія Якоби отвѣчалъ своему противнику еще съ большимъ жаромъ и въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Справедливость была на его сторонѣ; но оскорбительный тонъ его рецензій неприятно поразили всѣхъ уважавшихъ труды и стремленія семидесятилѣтняго философа, и оттолкнулъ отъ Шеллинга многихъ прежнихъ его почитателей.

Въ 1813 году Шеллингъ принялъ на себя изданіе новаго «Всеобщаго журнала отъ Нѣмцевъ для Нѣмцевъ», въ которомъ помѣщенъ его отвѣтъ Эшенмайеру, по поводу замѣчаній послѣдняго на понятія Шеллинга о человеческой свободѣ. Во все остальное время своего пребыванія въ Мюнхенѣ (до 1820 года), Шеллингъ занимался преимущественно изученіемъ ми-

еологін и религіозной философіи, и трудился надъ большимъ сочиненіемъ, въ которомъ онъ, кажется, хотѣлъ изложить философію исторіи, но прежде всего и съ особенною тщательностію старался охарактеризовать развитіе религіознаго сознанія древнихъ народовъ. Въ 1815 году онъ хотѣлъ издать часть этого сочиненія, именно трактатъ «О божествахъ Самоеракіи»; и 15-ть листовъ было уже напечатано, какъ Шеллингъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, остановилъ дѣло, уничтожилъ напечатанное и собственную рукопись. Съ этого времени начинается его странное, досель ничѣмъ вполне не объясненное, литературное поведеніе, его упорство скрывать свои лекціи отъ публики, имѣть только слушателей, но не читателей.

Въ концѣ 1820 года Шеллингъ перепросился въ Эрлангенъ, жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ и читалъ лекціи о разныхъ предметахъ философіи. По открытіи университета въ Мюнхенъ (въ 1826 году), Шеллингъ занялъ въ немъ мѣсто профессора философіи, и вскорѣ былъ сдѣланъ президентомъ академіи наукъ. Въ 1827 году онъ началъ свои лекціи чтеніемъ о возрастахъ міра, а потомъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, читалъ общую философію, историко-критическое введеніе въ философію, философію міеологій и философію откровенія: послѣдняя должна была служить продолженіемъ и заключеніемъ первой. Но эти лекціи были извѣстны только ихъ непосредственнымъ слушателямъ. Въ 1830 году Шеллингъ рѣшился было напечатать свои *Mythologische Vorlesungen*, но, получивъ изъ типографіи 16-ть листовъ первой книги этого сочиненія, онъ запретилъ дальнѣйшее его печатаніе. По временамъ журналы объявляли, что скоро будутъ изданы его чтенія о міеологій; нѣкоторые даже положительно говорили о нихъ, какъ уже о напечатанныхъ. Въ каталогъ книгъ за 1836 годъ была объявлена Шеллингова «Философія міеологій». Но всѣ эти объявленія и объявленія журналистовъ и книгопродавцевъ не заставили Шеллинга прервать свое литературное молчаніе. И надежды публики столько разъ были обмануты, что она уже стала считать оконченнымъ поприще его философской дѣятельности. Въ это именно время, съ разныхъ сто-

ронъ, сыпались на Шеллинга насмѣшки, одна другой оскорбительнѣе, и разныя обвиненія, одно другаго нелѣпѣе. Одни вооружались на его философію и старались всѣми мѣрами открыть въ ней стороны не только слабыя и смѣшныя, но и безнравственныя; другіе касались его личнаго характера, и покушались заподозрить его поведеніе.

Нѣкоторые увѣряли, что Шеллингъ принадлежитъ къ какой-то полуполитической и полурелигіозной партіи, что онъ участвуетъ въ проискахъ іезуитовъ, и вмѣстѣ съ ними втайнѣ старается возстановить католицизмъ во всей Германіи. Чтобы понять до какой злонамѣренной несправедливости и нелѣпости доходили враги Шеллинга, достаточно при этомъ вспомнить, что нѣкоторые изъ нихъ, забывъ его благородный, проникнутый нравственнымъ началомъ, образъ мышленія, его нерасположенія къ мечтательнымъ стремленіямъ республиканцевъ и социалистовъ, и привязанность къ монархическимъ идеямъ, забывъ все это, сравнивали его съ аббатомъ Ламне, проповѣдникомъ эгоизма, ненависти, раздора и безначалія.

Нѣтъ сомнѣнія, что продолжительное молчаніе и скрытность Шеллинга были непоследними причинами всѣхъ этихъ и подобныхъ клеветъ. Конечно, онъ зналъ это самъ, и однакоже молчалъ и съ терпѣніемъ переносилъ всѣ обвиненія, на него возводимыя. Этого мало: по свидѣтельству нѣкоторыхъ онъ даже запрещалъ своимъ ученикамъ сообщать кому бы то ни было содержаніе его лекцій въ своихъ запискахъ (*Histoire de la philosophie Allemande depuis Kant jusqu'à Hegel. par J. Willm. Paris 1847. Tom. III*). И они, изъ уваженія ли къ своему великому учителю, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, дѣйствительно хранили втайнѣ его ученіе. Надобно еще сказать, что въ это время число слушателей Шеллинга было весьма ограничено, и что немногіе изъ нихъ по своимъ дарованіямъ, могли настоящимъ образомъ оцѣнить его новую философію. Во всякомъ случаѣ понятія учениковъ не всегда служатъ вѣрнымъ выраженіемъ идей ихъ учителя; напротивъ не рѣдко бываетъ, что чѣмъ талантливѣе ученикъ, тѣмъ онъ самостоятельнѣе, и слѣдовательно, тѣмъ менѣе сход-

ства можетъ быть между его сужденіями и образомъ мыслей его наставника.

Между тѣмъ, какъ Шеллингъ молчалъ, и былъ унижаемъ даже и тѣми, которые прежде приходили въ восторгъ отъ его лекцій и сочиненій, на горизонтъ философскаго міра Германіи взошло новое свѣтило философіи. Прежній сотрудникъ и другъ Шеллинга, Гегель, достигъ славы безпримѣрной въ лѣтоисіяхъ исторіи философіи. Крѣпость и оригинальность мысли, глубина и строгость анализа, рѣдкая сила и послѣдовательность діалектики привлекли на сторону Гегеля весьма многихъ лучшихъ мыслителей того времени. Молодые умы такъ называемой юной Германіи привлечены были къ нему новостію и отважностію его стремлений, рѣшительностію его приговоровъ, дерзостію умозаключеній и едва ли не безпримѣрною надменностію его разума, общавшаго въ своемъ безуміи раскрыть недомыслимыя тайны Божественнаго бытія. Многіе изъ прежнихъ почитателей Шеллинга теперь сдѣлались послѣдователями Гегеля, въ томъ убѣжденіи, что послѣдній, усвоивъ себѣ начала перваго, далъ имъ болѣе научно-образную форму, болѣе широкое и плодотворное развитіе. По смерти Гегеля, его слава не уменьшалась: она была поддерживаема его учениками, которые занимали профессорскія кафедры во многихъ лучшихъ университетахъ Германіи, — въ Берлинѣ, въ Эрлангенѣ, въ Гейдельбергѣ, въ Лейпцигѣ, въ Кёнигсбергѣ, въ Боннѣ, въ Тюбингенѣ и другихъ городахъ.

При такихъ обстоятельствахъ легко можно было подумать, что слава Шеллинга погибла навсегда. Но въ 1834 году онъ опять обратилъ на себя вниманіе германскихъ мыслителей. Сначала Шталь въ своей «Философіи права», появившейся около того времени, далъ ясно понять многимъ, что начало новаго ученія Шеллинга, по его собственному разумнію, различно отъ того, которое было положено имъ въ основаніи системы тожества, и что онъ отнюдь не можетъ согласиться съ Гегелемъ во многихъ пунктахъ, и даже съ горечью отзываясь о немъ. Потомъ и самъ Шеллингъ явился предъ публикою съ своимъ *Предисловіемъ* къ Беккерсову переводу введенія, напечатаннаго Кузенемъ при второмъ изданіи своихъ

философскихъ лекцій, гдѣ рѣшительно высказалъ, что его система абсолютнаго тождества есть только одна, и притомъ *отрицательная* часть его философскаго ученія, и что «новый Вольфъ, опоздавшій своимъ появленіемъ въ исторію» (такъ называлъ Шеллингъ Гегеля), несправедливо признаетъ эту часть за его полную систему, цѣлость которой требуетъ другой, *положительной* части. Сильная и колючая полемика противъ Гегеля, (его въ то время уже не было на свѣтъ), обещаніе издать эту послѣднюю часть, какъ нечто новое, и рѣшительное, были причиною того, что удивленіе къ гению Шеллинга опять пробудилось въ публикѣ, и возрасло до огромныхъ размѣровъ. Можетъ быть, никогда такъ не прославляли Шеллинга, какъ въ то время, когда узнали, что онъ публично и съ энергіею возстаетъ противъ Гегеля, хочетъ издать свои новыя сочиненія, и въ нихъ общаетъ разрѣшить труднѣйшія проблемы философіи. Ученики Гегеля не оставили упомянутаго предисловія безъ рѣзкихъ замѣчаній съ своей стороны. Но враги Гегелевой школы ужь стали поговаривать, что ея господство въ философскомъ мірѣ скоро должно упасть и уступить мѣсто болѣе основательному ученію скоро имѣющей появиться *положительной* философіи. Вообще всѣ мыслители германскіе находились въ какомъ-то волненіи, всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго въ философіи, когда въ 1841 году Шеллингъ занялъ философскую кафедру въ Берлинскомъ университетѣ. Въ первой вступительной лекціи онъ кратко изложилъ программу своего новаго полнаго курса философіи, и высказалъ много весьма пышныхъ обещаній касательно общей реформы этой науки. Теперь уже, говорилъ онъ въ этой лекціи, сорокъ лѣтъ прошло послѣ того, какъ я имѣлъ счастье раскрыть новый листъ въ исторіи философіи, первая страница его уже исписана, и я охотно уступилъ бы другому начать новую страницу. Вполнѣ понимаемъ всю важность и трудность этого дѣла, но не можемъ, и считаемъ безчестнымъ для себя отказать отъ него, потому что чувствуемъ въ себѣ неодолимое призваніе къ его выполненію. Не любовь къ суетной славѣ, и не другіе какіе-либо нечистые виды, но именно это внутреннее призваніе, и соединенная съ нимъ ревность къ

распространенію истинной философіи руководили имъ въ настоящемъ случаѣ. Свое безпристрастіе и безкорыстное служеніе истинѣ онъ доказалъ, прежнею своею дѣятельностію въ пользу философіи, своимъ продолжительнымъ молчаніемъ и терпѣливымъ перенесеніемъ многихъ оскорбленій, ему сдѣланныхъ. Человѣкъ, который, оказавъ значительное содѣйствіе успѣхамъ философіи, считалъ приличнымъ предоставить другимъ полную свободу развиваться, который вдали отъ театра своей прежней дѣятельности, молчаливо переносилъ всѣ отзывы о немъ, и не согласился прервать молчанія даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда стали злоупотреблять имъ; человѣкъ, который, обладая философіею, сообщающею истинныя, давно желанныя познанія, и способною возвести человѣческую науку выше ея настоящихъ предѣловъ, позволилъ сказать о себѣ, что онъ отжилъ свое время, и который наконецъ прервалъ свое молчаніе только для того, чтобъ исполнилъ свой высокій долгъ, — этотъ человѣкъ не совершилъ ли великаго подвига самоотверженія? И не доказываетъ ли все это, что онъ чуждъ надменности и не домогается кратковременной славы? Онъ пришелъ въ Берлинъ не для того, чтобъ возстать на своихъ враговъ, или опровергать ученіе своихъ противниковъ: его призваніе требуетъ отъ него, чтобъ онъ забылъ все зло, ему сдѣланное, и явился примирителемъ всѣхъ партій и всѣхъ противорѣчій въ философіи. Опытъ долговременной жизни и ученой дѣятельности указываетъ ему необходимость и средства излѣчить всѣ раны, нанесенныя философіи неразумною политикою. Онъ позволялъ себѣ дѣлать критическія замѣчанія о различныхъ системахъ философіи, прежнихъ и современныхъ, только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это необходимо для его славной цѣли. А его цѣль не разрушать, но созидать, и созидать на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какія прежде положили онъ: все сдѣланное для философіи со временъ Кантовыхъ, будетъ сохранено и оправдано имъ по своей сущности. Но какъ онъ поступитъ съ своею прежнею философскою системою? Долженъ ли онъ уничтожить это «произведеніе своей юности?» Нѣтъ, его намѣреніе не въ томъ состоитъ, чтобъ создать другую философію на мѣсто прежней, но чтобъ при-

бавить къ ней новую науку, которую досель считали невозможною: чрезъ это и прежняя философія будетъ утверждена на ея истинныхъ и непоколебимыхъ основаніяхъ, которыхъ она лишилась, когда выступила изъ своихъ естественныхъ границъ, и когда ее стали принимать за нѣчто цѣлое, между тѣмъ какъ она могла и должна составить только одну часть цѣлаго. Но желая примирить всѣ противорѣчія, возникшія въ новѣйшей философіи, онъ считаетъ самую существенною частью своего долга обратить особенное вниманіе на враждебное отношеніе этой философіи къ цѣлямъ практической жизни и къ положительнымъ вѣрованіямъ религіи. Эти цѣли и вѣрованія не должны быть забыты въ новой наукѣ, которая желаетъ называться положительною философіею и имѣетъ дѣло не съ отвлеченными понятіями, но съ дѣйствительнымъ міромъ; она погибнетъ, если не примирится съ вѣчно-истиннымъ ученіемъ откровенія, и не укажетъ средствъ удовлетворить необходимымъ потребностямъ жизни. Эту задачу преимущественно имѣетъ въ виду онъ, Шеллингъ, и чрезъ ея разрѣшеніе надѣется спасти философію отъ угрожающей ей опасности (см. Schelling's erste Vorlesung in Berlin, 15 ноября 1841 года).

Легко представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе произвела эта лекція Шеллинга на его слушателей, и сколько живыхъ и радостныхъ надеждъ возбудило въ нихъ его обещаніе сообщить философскому міру эту «новую науку», и въ ней разрѣшить труднѣйшіе вопросы философіи и примирить разумъ съ откровеніемъ. Но проникательнѣйшіе изъ его слушателей не долго питали эти надежды. По той мѣрѣ, какъ открывалась предъ ними сущность, положительной философіи, они болѣе и болѣе убѣждались, что она не оправдываетъ вполне ихъ ожиданій, что Шеллингъ поддался самъ обольщенію, и слишкомъ много взялъ на себя и что его цѣль благородная, великая, не можетъ быть достигнута тѣмъ путемъ, которымъ онъ хотѣлъ придти къ ней. Къ сожалѣнію, они были правы: обещанія Шеллинга, по крайней мѣрѣ самыя важныя изъ нихъ, дѣйствительно остались неисполненными. Послѣ предварительной лекціи Шеллингъ читалъ сперва о

Философіи откровенія, а потомъ о философіи миеологіи. Публика скоро познакомилась съ содержаніемъ его лекцій чрезъ изданіе и критику записокъ, составленныхъ его слушателями. Въ 1842 году появилось нѣсколько брошюръ о новой философіи Шеллинга. Между ними книга Освальда («Шеллингъ и Откровеніе. Критика новой попытки произвести реакцію противъ свободной философіи». Лейпцигъ 1842 года) и книга Глазера («Различіе между философіею Шеллинга и философіею Гегеля». Лейпцигъ 1842 года), едва ли могутъ быть добрыми руководствами для того, кто захочетъ понять истинный характеръ новаго Шеллингова ученія. Они написаны такъ, что читатель не можетъ съ точностію опредѣлить, чтò въ нихъ принадлежитъ самому Шеллингу, и чтò составляетъ собственность его критиковъ. А грубая и привязчивая полемика, допущенная въ этихъ книгахъ, заставляетъ предполагать, что ихъ сочинители были весьма не расположены къ Шеллингу и позволяли себя несправедливо и злонамѣренно перетолковывать его слова и мысли. Болѣе правды и благороднаго уваженія къ словамъ великаго мыслителя видно въ брошюръ Фрауенштедта, который въ томъ же году издалъ сокращеніе Берлинскихъ лекцій Шеллинга (Schelling's Vorlesungen in Berlin, Darstellung und Kritik d. Hauptpunkte derselben, mit besonderer Beziehung auf das Verhältniss zwischen Christenthum und Philosophie. Berl. 1842 года). Самъ Шеллингъ, впрочемъ, не сдѣлалъ ни одного замѣчанія о томъ, вѣрно ли и насколько вѣрно изложено его ученіе въ этихъ брошюркахъ. Его молчаніе можетъ быть толкуемо и въ ту и въ другую сторону; но, конечно, несправедливо думать, будто чрезъ это молчаніе Шеллингъ хотѣлъ на всякій случай оставить для себя возможность объявить свой голосъ за или противъ всѣхъ такъ называемыхъ изложеній его положительной философіи. Такая уловка, свойственная литературнымъ шарлатанамъ, намъ кажется несообразною ни съ нравственнымъ характеромъ Шеллинга, ни съ достоинствомъ его, какъ мыслителя. Но не такъ онъ поступилъ, когда докторъ Павлюсъ издалъ самый текстъ его лекцій о положительной философіи Откровенія (Die endlich offenbar gewordene positive Philosophie d. Offenbarung

oder Entstehungs-Geschichte wörtlicher Text, Beurtheilung und Berichtigung der von Schelling'schen Entdeckungen Darmstadt. 1843 года). Шеллингъ назвалъ Павлюса воромъ и жаловался на него правительству, какъ на похитителя правъ литературной собственности. Жалоба не принесла Шеллингу ни малѣйшей пользы, а между тѣмъ придала книгѣ Павлюса большой авторитетъ, и заставила всѣхъ думать, что въ ней дѣйствительно содержится подлинное ученіе положительной философіи. Въ какой мѣрѣ справедливо это послѣднее предположеніе, трудно рѣшить; поступокъ Шеллинга можетъ быть объясняемъ и тѣмъ, что онъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ дерзостію Павлюса, и вышелъ наконецъ изъ терпѣнія отъ наглыхъ посягательствъ на его литературную собственность. Павлюсъ, конечно, имѣлъ у себя подъ руками записки Шеллинговыхъ слушателей во многихъ экземплярахъ; но какъ бы ни были внимательны слушатели къ лекціямъ своего профессора, съ какою бы ревностію ни старались они записать каждую его мысль, въ ихъ запискахъ всегда будетъ много недосказаннаго, двусмысленнаго и невѣрнаго. Это бываетъ всегда, но особенно легко можетъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда лекціи наставника какъ лекціи Шеллинга касаются предметовъ, далеко не общедоступныхъ, разсматриваютъ вопросы глубокіе, или отвлеченные, или когда самый образъ изложенія лекцій требуетъ для ихъ уразумѣнія со стороны слушателей напряженнаго вниманія и добраго знакомства съ тонкостями діалектики (и это надобно сказать о берлинскихъ лекціяхъ Шеллинга). Кромѣ того записки слушателей не могутъ быть напечатаны въ своемъ первоначальномъ видѣ; онѣ требуютъ строгаго сличенія, исправленія и дополненія со стороны издателя, потому что онъ самымъ дѣломъ своимъ обязывается по этимъ отрывочнымъ, часто неправильнымъ и несогласнымъ между собою замѣткамъ слушателей, представить намъ до известной степени полный образъ мыслей профессора въ ихъ систематическомъ развитіи. При всемъ этомъ сколько не принадлежащаго философу можетъ войти, въ подобные очерки его ученія? Вотъ почему надобно съ великою осторожностію пользоваться указанными «изложеніями» полю-

жительной философіи Шеллинга; ни въ какомъ случаѣ они не могутъ дать критику права составить рѣшительный приговоръ о характерѣ и смыслѣ этой философіи, какъ бы ни увѣряли насъ ихъ издатели въ своей добросовѣстности и въ вѣрности представленнаго текста Шеллинговыхъ лекцій.

Самъ Шеллингъ въ это время не напечаталъ изъ своихъ трудовъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ статей, незначительныхъ по содержанию, и опять сталъ тщательно сохранять тайну своего новаго ученія. Въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ было объявлено, что онъ рѣшился наконецъ издать исторію, критику, положительную философію, философію мифологіи и откровенія, а философію природы завѣщалъ напечатать послѣ его смерти. Извѣстіе это основывалось на письмѣ Неандера, который былъ другомъ Шеллинга, но оно оказалось несправедливымъ. Молчаніе Шеллинга опять вызвало сильную вражду противъ его философскаго ученія и личнаго характера. Христіанъ Каппъ, Павлосъ и нѣкоторые другіе, и въ особенности мелкіе послѣдователи Гегелевой школы, съ погдыдною ревностію выдумывали, собирали и печатали нелѣпѣйшія клеветы и обвиненія на Шеллинга; самымъ неопозволительнымъ образомъ перетолковывали его слова и поступки, и всѣми средствами старались доказать, что онъ дѣйствуетъ въ литературѣ и въ жизни, какъ осторожный и ловкій шарлатанъ. Они не хотѣли допустить, что философъ имѣлъ весьма достаточныя для него причины не сообщать публикѣ своего новаго философскаго ученія. Подъ вліяніемъ раздражительности, свойственной мелкимъ и завистливымъ умамъ, они не уважили прежней славы преклонныхъ, заслугъ Шеллинга; и нападали на него, можетъ бытъ, въ той увѣренности, что онъ, давно оставившій всякую полемику, не станетъ защищаться. Вообще во всей исторіи философіи, какъ справедливо замѣтилъ Эрдманъ, едва ли можно найти другаго мыслителя (за исключеніемъ развѣ Гегеля), когорый подобно Шеллингу съ одной стороны пользовался бы такимъ энтузіастическимъ уваженіемъ, а съ другой былъ бы предме-

томъ столькихъ клеветъ и злобныхъ насмѣшекъ. Последователи и противники Шеллинга спорили о смыслѣ и достоинствѣ его отрицательной и положительной философіи; но онъ самъ не принималъ никакого участія въ этихъ спорахъ, въ молчаніи принималъ всѣ благопріятные и неблагопріятные отзывы о немъ, и до конца своей жизни (20 августа настоящаго года) оставался какъ бы въ сторонѣ отъ современныхъ философскихъ движеній.

Оставилъ ли Шеллингъ послѣ своей смерти какія-нибудь записки, и если оставилъ, то достаточны ли онъ для того, чтобы вполне разъяснить тайну его подлиннаго ученія о положительной философіи,—объ этомъ пока еще ничего неизвѣстно. Но что же заставляло его облекать свое ученіе тайною? Откуда въ немъ возникло это непоколебимое желаніе скрывать свои идеи отъ публики? Самолюбивое ли опасеніе Шеллинга за свою славу, при великой славѣ Гегелевой школы, и при недовѣрїи къ собственнымъ силамъ, или мысль, что его перестали понимать, или внутреннее недовольство своимъ ученіемъ, соединенное съ чувствомъ своей нравственной неправоты, съ чувствомъ того, что онъ обманулъ ожиданія публики, имъ возбужденныя, но неудовлетворенныя, или всѣ эти и другія причины вмѣстѣ были виною его упорнаго молчанія, — это трудно рѣшить. Что касается до насъ, мы не думаемъ видѣть въ этомъ молчаніи ничего такого, за что по справедливости слѣдовало бы строго порицать Шеллинга, какъ дѣлали это враги его. Въ древности нѣкто изъ весьма умныхъ людей сказалъ одному философу, не любившему разглагольствовать о своемъ ученіи: *Si sapiens es, male facis, si non, sapiens es*, т. е. если твое ученіе истинно и мудро, и ты скрываешь его, то худо дѣлаешь; въ противномъ же случаѣ твое молчаніе весьма благоразумно. Прежде Шеллингъ печаталъ свои философскія сочиненія и не только не скрывалъ своихъ мыслей, но даже старался чрезъ особый журналъ распространить ихъ въ германской публикѣ, потому что въ то время онъ крѣпко былъ убѣжденъ въ ихъ истинности и

плодотворности. Но онъ замолчалъ, какъ скоро оставило его это убѣжденіе и уступило свое мѣсто въ его душѣ колебанію, сомнѣнію въ результатахъ своей мысли и недовѣрію къ себѣ. Тогда, замѣтивъ, по его собственнымъ словамъ, односторонность своего прежняго ученія, онъ долго трудился, желая исправить, дополнить его чрезъ раскрытіе другой стороны предмета. Изъ міра отвлеченностей онъ перешелъ къ миру дѣйствительному, историческому, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ отдаленнѣйшія преданія и міеологію древнихъ народовъ, съ глубокимъ вниманіемъ читалъ священныя книги Откровенія, и сочиненія церковныхъ писателей, въ той справедливой увѣренности, что въ христіанствѣ кроется живой источникъ истинной и плодотворной философіи, и что въ познаніи Божественныхъ вещей философствующій разумъ долженъ руководствоваться высочайшимъ авторитетомъ Откровенія. Въ это время онъ уединялся отъ шума общественной жизни и отъ всѣхъ современныхъ волненій, не рѣдко скрывалъ свое мѣсто-пробываніе даже отъ друзей, дабы ничто не помѣшало ему сосредоточить все вниманіе, всю силу своего генія на предметъ его изслѣдованій. Безъ сомнѣнія въ эти годы многое изъ того что прежде тщетно старался онъ понять, озарилось для него новымъ свѣтомъ, дотоле невѣдомымъ. Въ минуты такого просвѣтленія мысли, Шеллингу, можетъ быть, не разъ приходило желаніе подѣлиться съ публикою своими новыми воззрѣніями. Но онъ не поддавался этому желанію, терпѣливо ожидая того времени, когда его идеи созрѣютъ вполнѣ, и его мысль станетъ твердою ногою на избранномъ пути. Когда, по его мнѣнію, настало это время, и онъ убѣдился, что владѣеть философіею, которая открываетъ новыя, давно желанныя познанія и широко распространяетъ предѣлы челоѵческаго вѣдѣнія, тогда Шеллингъ счелъ своею обязанностию раскрыть начала этой философіи для публики, и оправдаться предъ нею въ своемъ продолжительномъ молчаніи. «Еслибъ я былъ убѣжденъ, что могу оказать наукѣ существенную услугу, болѣе важную, нежели какую могъ оказать ей прежде, тогда я не явился бы сегодня предъ вами», говорилъ онъ сво-

имъ слушателямъ въ первой берлинской лекціи. Но, казалось, какъ будто твердая увѣренность Шеллинга въ истинѣ своихъ новыхъ изслѣдованій до тѣхъ только поръ и могла имѣть мѣсто въ его душѣ, пока они еще никому имъ не были сообщены. Едва только успѣлъ онъ окончить берлинскія лекціи, какъ его мысль опять поколебалась, опять возникло въ немъ сомнѣніе въ своемъ призваніи, недобвѣріе къ началамъ и выводамъ своей положительной философіи. Онъ съ грустію видѣлъ, что впечатлѣніе, произведенное всеми его чтеніями на слушателей, не соответствуетъ его ожиданіямъ, что его опытъ примиренія философіи съ Откровеніемъ и различныхъ философскихъ направленій между собою никого вполне не удовлетворяетъ, — и онъ самъ началъ сознавать, что слишкомъ много важныхъ уступокъ ожидалъ отъ каждой изъ противныхъ сторонъ, ни чѣмъ ихъ не вознаграждая, и даже не выполняя самыхъ существенныхъ требованій каждой изъ нихъ. Въ то же время онъ былъ крайне недоволенъ частными примѣненіями его положительной философіи, которыя были сдѣланы многими изъ его слушателей, справедливо замѣчая, что чрезъ эти примѣненія добываются, результаты, не совсемъ согласные съ его намѣреніями и ожиданіями. Это означало, что или въ высказанныхъ имъ основныхъ понятіяхъ о философіи, мѣтологіи и Откровеніи есть нѣчто ложное, или они еще недостаточно созрѣли въ его собственномъ мышленіи, и потому онъ не сумѣлъ высказать ихъ ясно, съ наукообразною отчетливостію и опредѣленностію. Вообще мы думаемъ, что вскорѣ послѣ берлинскихъ лекцій, Шеллингъ очень хорошо понялъ, что онъ не въ силахъ выполнить великихъ обещаній, такъ торжественно данныхъ имъ своимъ слушателямъ, ни оправдать надеждъ, имъ возбужденныхъ въ публикѣ, — и безъ сомнѣнія неоднократно и горько сожалѣлъ о томъ, зачѣмъ онъ съ такою самонадѣяностію далъ эти обещанія, и зачѣмъ дозволилъ публикѣ возлагать на него столь огромныя надежды. Послѣ этого мудрено ли, что Шеллингъ, обманувшійся въ своей самоуувѣренности, разочарованный въ самыхъ теплыхъ и повидимому, не-

поколебимыхъ своихъ убѣжденіяхъ, счелъ наиболее приличнымъ для себя не выдавать въ свѣтъ своей новѣй философской системы и молчать о существенномъ ея содержаніи? Имѣемъ ли мы право порицать его за это молчаніе? Напротивъ, не должны ли мы видѣть въ немъ свидѣтельство глубокаго уваженія философа къ истинѣ, его высокой добросовѣстности, его искренности предъ самимъ собою и предъ публикою, во вредъ собственной славы и своему авторитету въ глазахъ большинства? Шеллингъ едва ли не прежде всѣхъ своихъ учениковъ и слушателей замѣтилъ главные недостатки своего ученія, и такъ или иначе признался въ нихъ. Въ исторіи наукъ много ли найдемъ мы лицъ, которыя рѣшались бы на подобный подвигъ, преодолевъ врутреннюю тяжкую скорбь о бесплодности своихъ многолѣтнихъ трудовъ, и о потерѣ своей славы и даже самоуваженія? У историковъ и критиковъ новѣйшей философіи вошло въ обычай сравнивать Шеллинга съ Гегелемъ, и это сравненіе обыкновенно оканчивается униженіемъ перваго предъ послѣднимъ. Но въ настоящемъ случаѣ, кого болѣе должно уважать, — того ли, въ искренней мысли котораго человѣческой разумъ путемъ собственнаго многотруднаго развитія, пришелъ къ сознанію своей ограниченности, и кто, понявъ односторонность отвлеченнаго логическаго мышленія, всѣхъ увлекавшаго, счелъ необходимымъ для успѣховъ философіи призвать на помощь къ ней Откровеніе, — или того, кто, не смотря на множество неудачъ философствующаго разума, обольщенный логическою силою своей мысли, вѣрился исключительно ея руководству, и съ гордостію объявилъ свою систему послѣднею ступенью обще-человѣческаго развитія, истиннѣйшимъ выраженіемъ высшаго самосознанія?... Шеллингъ, долго уступавшій первенство своему ученику, сталъ наконецъ выше его въ исторіи современной философіи, потому что понялъ недостаточность Гегелева логическаго міросозерцанія, которое, по его словамъ, можетъ придти въ философіи только къ отрицательнымъ результатамъ, — и своею личною славою пожертвовалъ для того, чтобъ доказать необходимость другаго пути къ живому познанію

сущаго, кромѣ пути діалектическаго развитія понятій. Такимъ образомъ, въ судьбѣ Шеллинга, въ процессъ его сознанія отпечатлѣлся внутренній процессъ развитія всей философіи настоящаго вѣка, — процессъ, много обѣщавшій и обѣщающій, но досель не приведенный къ концу. Будущее раскроетъ его результаты; а теперь, какъ вообще о современной философіи, такъ и о философіи Шеллинга надобно сказать то же, что нѣкогда Гегель сказалъ о последней: она досель еще не созрѣла, и пребываетъ въ трудъ саморазвитія (Hegel's Vorlesungen über die Geschichte d. Philosophie. Berlin. 1836 года, В. 3. S. 649).

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

СУВОРОВЪ ПОДЪ ТУРТУКАЕМЪ.

(Тридцать восемь рапортовъ, писемъ и записокъ Суворова къ графу Ивану Петровичу Салтыкову съ 6 мая по 11 іюля 1773 года) (*).

I.

Получено мая 7 дня.

Его Сіятельству,
Высокородному и Высокопревосходительному Господину,
Генераль-Поручику и Кавалеру Графу Ивану Петровичу
Салтыкову,
Рапортъ.

По ордеру Вашего Сіятельства отъ 5 числа сего мѣсяца, я въ Нигешти прибылъ. Въ повелѣнную экспедицію вступить имѣю и о главныхъ мѣроположеніяхъ донести не премину.

Генераль маіоръ Александръ Суворовъ.

6 мая 1773 г. М. Нигешти.

(*) Издатель получилъ это драгоценное собраніе при слѣдующемъ письмѣ:

«Имѣю честь препроводить къ вамъ, милостивый государь, копію съ подлинныхъ рапортовъ, писемъ и записокъ А. В. Суворова къ графу И. П. Салтыкову съ 6 мая по 11 іюля 1773 года. Всякое слово великаго человека, — всякая строка Суворова принадлежитъ исторіи — прилагаемыя же матеріалы заслуживаютъ вниманія еще потому, что опровергаютъ все вымышленныя сказанія (?) о туртукайскомъ подвигѣ безсмертнаго Суворова».

«Если вы, милостивый государь, разделяете мое мнѣніе, то прошу васъ покорнѣйше помѣстить прилагаемыя матеріалы въ вашемъ журналѣ. На будущее время я могу еще доставить нѣсколько писемъ и рапортовъ Суворова, бросающихъ яркій свѣтъ на его характеръ».

«Останься навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію
Одинъ изъ вашихъ подписчиковъ».

Приносимъ глубочайшую благодарность за доставленіе этихъ любопытныхъ документовъ, которые тѣмъ любопытнѣе, что относятся къ вышедшему поприцу дѣйствій. Вообще о дѣйствіяхъ Суворова въ Турціи, мы имѣемъ, сравнительно менѣе свѣдѣній, чѣмъ о дѣйствіяхъ въ Польнѣ и Италиі. Просимъ почтеннаго доставителя объ исполненіи обещанія.

II.

Получ. 7 мая.

РАПОРТЪ.

Ордеръ Вашего Сіятельства отъ 6 мая чрезъ сержанта Астраханскаго пѣхотнаго полка Лукашева получилъ; по оному извѣстенъ и повелѣнное исполню.

Генераль маіоръ Александръ Суворовъ.

7 мая 1773 года. Нигоешти.

III.

Получ. 7 мая.

РАПОРТЪ.

Ордеръ Вашего Сіятельства чрезъ ротнаго квартирмейстера Вятскаго карабинернаго полку, отъ 6 мая, я получилъ. О. Г. полковникъ Мещерскомъ извѣстенъ.

Упражняясь въ распоряженіяхъ для операціи на Туртукай, еще самъ не познавалъ, а получилъ довольноное свѣдѣніе о положеніяхъ онаго внутреннихъ и околичныхъ. Собственное же мое опознаніе не замедлится. Намбрень я въ сію ночь выступить въ походъ безъ тягостей и приблизиться вдоль Аргиса къ редуту. Увѣдомлю г. генераль-маіора и кавалера Потемкина, какъ-то и вчера учинилъ. И суда свои спустить прикажу.

Имѣють Турки противъ устья Аргиса судно съ пушками, желательно мнѣ, чтобы судамъ, не доходя устья, взятымъ быть на берегъ и свестись на обывательскихъ фурахъ, поелику можно скрытно къ цѣли внизъ Дуная версты три и избѣжать затрудненіевъ. Сіе учинить отъ редута. Обывательскія фуры собираются.

На судахъ переправится пѣхоты довольно и успѣшно. Казаки переправятся не скоро, и карабинеры медлительнѣе. Можетъ быть въ карабинерахъ на коняхъ и нужды не будетъ.

Кого надлежало обозрѣвать послалъ, утая намбреніе, самъ-то учиню. Отъ времени до времени Вашему Сіятельству доносить буду, и мѣры мои по обстоятельствамъ объяснять: нынѣ же только цѣлю на 9 число.

Генераль-маіоръ Александръ Суворовъ.

7 мая 1773-г. Нигоешти.

IV.

Получ. 8 мая.

Нягосшта 7 мая 1773 года.

РАПОРТЪ.

Вашему Сіятельству доношу, что операцію на Туртукай я принужденъ на сутки отложить, то есть противъ 10 чис. сего мая, за неприбытіемъ полковника князя Мещерскаго, которому я надлежащій орденъ послалъ. Тако жъ за непригономъ обывательскихъ фуръ съ валами для перевозки судовъ, отъ Аргискаго редута на здѣшней переправной берегъ Дуная; а дорога и мѣста уже осмотрѣны.

Генераль-маіоръ Александръ Суворовъ.

V.

При рапортѣ 7 мая.

Какъ ни думать, только вѣрьте, Ваше Сіятельство, что пѣхоты мало! я начну, да какъ... стыдно сказать! Comment *avanturerai-je ma poignée de cavaleri de l'autre côté? et quand arriverat-elle? J'ai écrit à m r Potemkin qu'il fasse allарmer Tour-toukai au dds par un gros de ses troupes legères vers ce temps-la. Mais à cela il'n'y a pas de possibilité.*

А. Суворовъ.

VI.

Получ. 8 мая.

Нягосшта 8 мая, 1773 года.

РАПОРТЪ.

Господинъ полковникъ князь Мещерской прибылъ. Фуры съ обывательскими волами для транспорту лодокъ отъ Аргискаго редута до берега Дуная, хотя и есть въ пригонѣ, да еще мало очень — а ожидаютъся.

Хорошо, ежели бы въ сію ночь, выступя завтра, у редута учинить распоряженіе. Г. генераль-маіоръ и кавалеръ Потемкинъ далъ мнѣ знать, что онъ яко для облегченія здѣшняго предпріятія въ сію прошедшую ночь имѣеть отправить запорожцевъ въ деревню, лежащую выше Силистры. въ четырехъ часахъ, съ тѣмъ, чтобъ схватить тамъ Турецкой постъ.

Генераль-маіоръ Александръ Суворовъ.

*

VII.

Получ. 9 мая.

Нигешти 8 мая, 1773 года.

РАПОРТЪ.

Сего числа въ ночи для операціи на Туртукай съ войскомъ я выступилъ до Аргиской редуты.

Генераль-маіоръ Александръ Суворовъ.

VIII.

Копія Диспозиціи, писанной собственноручно г. генераль маіоромъ Александромъ Суворовымъ, для первой экспедиціи на г. Туртукай въ ночь съ 9 на 10 мая 1773 года.

1.

1. *Переправа* будетъ ниже Туртукая верстахъ въ трехъ. Прежде переправляться пѣхотъ по ея двумъ кареямъ, одному за другимъ; потомъ резерву. Двѣ пушки, по причинъ неровнаго тамошняго мѣстоположенія, должны оставаться при резервѣ и бить сначала сзади. При кареяхъ командиры: въ первомъ г. полковникъ Батуринъ; во второмъ, — господинъ подполковникъ Мауриновъ; въ третьемъ маіоръ Ребокъ (Резервъ.)

2. Г. полковникъ князь Мещерскій командуетъ на здѣшнемъ берегу, и послѣ пѣхоты, что можетъ быть останется во 2 транспортъ, переправляетъ конницу, то есть: прежде казаковъ, потомъ карабинеръ; однако ежели будетъ благопоспѣшно, то при казакахъ нѣсколько карабинеръ. Хорошо ежели можно: люди на лодкахъ, коней въ поводахъ вплавь, а буде нѣтъ, то на лодкахъ, если можно и нужда будетъ. Впрочемъ кавалерія останеся на берегу, раздѣляя оную и маскируя по его усмотрѣнію; а казачьими пикетами Леонова тянетъ цѣпь къ казакамъ Кашперова.

3. На здѣшнемъ берегу для закрытія нашихъ судовъ, разбиванія какъ и пораженія непріятельскихъ, кои бы въ переправѣ препятствовать покусились, батарея: 2 единорога

и 2 пушки (ядра бьютъ далѣе, а гренады жгутъ). При сей батереи Кириловъ. Пушки должны быть поставлены въ способнѣйшихъ мѣстахъ и раздѣльно: для крестныхъ выстрѣловъ и оказанія большаго числа артиллеріи. Зависитъ отъ благоустройства г. полковника князя Мещерскаго. Пѣхоты при артиллеріи надлежащая часть. На этой сторонѣ при выгрузкѣ пѣхоты по разсмотрѣнію.

4. За исправность судовъ и поспѣшность въ переправѣ отвѣтствуетъ г. Палкинъ. Г. П. К. Мещерскій всему благопоспѣшествуетъ.

2.

1. *Атака* будетъ ночью съ храбростію и фурією Россійскихъ солдатъ. Разстройки: противъ праваго непріятельскаго положенія, гдѣ у нихъ первый незнатный лагерь; потомъ пробиваясь до пашинскихъ палатокъ, гдѣ у нихъ лагерь поменьше, а наконецъ и версты 3 оттуда далѣе, до ихъ лагеря побольше. Батереи ихъ при первомъ за рытвиною, при пашинскихъ палаткахъ и уповательно, что та батерея сильнѣе. Непремѣнно надлежитъ ея сорвать, слѣдуя до третьяго ихъ лагеря.

2. Благопоспѣшнѣе ударить горою: одинъ каре выше, другой въ полѣ горы. Резервъ по обычаю. Стрѣлки на двѣ половины, каждая на два отдѣленія. Первая съ праваго каре, другая съ лѣваго каре; съ праваго: въ полѣ горы, впередъ и бѣгомъ; съ лѣваго: съ боку и съ переди. Стрѣлки алармируютъ и тревожатъ. Каре обходятъ рытвину, или проходятъ чрезъ нее, гдѣ способно.

3. Переправляющаяся конница примыкаетъ къ резерву; казаки тоже могутъ выѣзжать на тревоженіе и шормуцированье, или примыкаютъ къ ближнему каре.

4. Резервъ безъ нужды не подкрѣпляетъ, а дѣйствуетъ самъ собою какъ и оба каре.

5. Турецкіе суда отрѣзываетъ и отбираетъ ближнее каре, или буде ближе, то резервъ, и тотчасъ ихъ спуститъ въ устье Аргиса противъ Кашперова.

6. Пушки турецкія отвозятся въ резервъ, чтобы каре въ ихъ быстротѣ ими задержаны не были, а тяжелыя и неходкія остаются до времени особливо, ежели можно, срываются въ воду. Заряды при пушкахъ отвозятся также въ резервъ. Порохъ при пашинской квартирѣ, ежели можно, отвозится къ нашимъ судамъ и переправляется на сю сторону; буде не можно, то срывается въ воду, дабы послѣ отъ него не было вреда.

7. Какъ скоро г. маіоръ Кашперовъ услышитъ первый выстрѣлъ, то переправляетъ пѣшихъ казаковъ на островъ при командирѣ и тревожитъ весьма — такожь и отводить.

8. Ежели г. полковникъ князь Мещерскій заблагоусмотритъ переправить пѣшихъ карабинеръ на ту сторону для дѣйствія къ Туртукаю—предается на его волю. А когда Турки между тѣмъ, учиняютъ на судахъ, паче чаянія, какую вылазку на сию сторону, то ихъ рубить, колоть и отрѣзывать.

Сія есть генеральная диспозиція атаки; прибавить къ тому, что турецкіе собственные набѣги отбивать по обыкновенію наступательно; а подробности зависятъ отъ обстоятельствъ, разума и искусства, храбрости и твердости гг. командующихъ.

3.

1. *Возвращеніе* на сию сторону быть надлежитъ по окончаніи дѣйствія и разбитіи Турокъ во всѣхъ мѣстахъ.

2. Турецкую отбитую артиллерию, сколько возможно, ставить на суда и къ тому времени можно подвести нашъ поромъ, что у Кашперова будетъ въ устьѣ Аргиса. Впрочемъ топить.

3. Прежде переправляется конница: карабинеры и казаки, а пѣхота стоитъ на выгодномъ мѣстѣ для прогона турецкихъ набѣговъ.

4. Между тѣмъ Туртукай весь сжечь и разрушить палаты такъ, чтобъ болѣе тутъ непріятелю пристанища не было.

5. Весьма щадить: женъ, дѣтей и обывателей, хотя бы то и Турки были, но невооруженные, мечети и духовной ихъ чинъ для взаимнаго пощаженія нашихъ св. храмовъ.

6. Потомъ переправляется и пѣхота. Да поможетъ Богъ!

IX.

Получ. 9 мая.

9 мая 1773 г. подъ Туртукаемъ.

РАПОРТЪ.

На здѣшной сторонѣ мы уже ихъ побили. Взять въ полонъ подъ пашсю Туртукайскимъ старшій Бинъ Баша и два Аги, прочихъ мало. Побитыхъ между 50 и 100. Потопленныхъ мало. Два эскадрона Астраханскіе пріобрѣли сіе и Сениюткинъ. На берегу я плотно обозрѣлъ. Рѣченный Бинъ Баша пришелъ третьяго дня съ 600-ми конницы, и 400 пѣхоты; по объявленію плѣнныхъ не меньше ихъ 4-хъ тысячъ. Тяжело, — пѣхота у нихъ по поламъ. Мы начнемъ сію ночь и можетъ быть диспозицію перемѣнимъ.

Генералъ маіоръ Александръ Суворовъ.

X.

При рапортѣ 9 мая.

Торопясь не написалъ: ордера вашего Сіятельства и милостивыя письма получены мною.

Плѣнныхъ отправлю въ Нигоешти. Они сего числа хотѣли атаковать Нигоешти....

Журналомъ послѣ дополню.

Увы! пѣхоты мало!

Карабинеры чрезвычайны, да что имъ дѣлать на той сторонѣ?

XI.

Получ. мая 9.

подъ Туртукаемъ 9 мая 1773 года.

РАПОРТЪ.

На ордеръ Вашего Сіятельства, отъ сего числа, симъ доношу, что войско команды моей готово предпріятіе на Туртукай окончить въ сію ночь. Астраханской карабинерной полкъ переправлялся подъ Нигоештомъ.

Генералъ маіоръ Александръ Суворовъ.

XII.

При рапортѣ отъ 9 мая.

Все мнѣ кажется пѣхоты мало! и врядъ за 500.... Оставить надобно у переправы и въ гребцахъ.

4 Пушки хочу поставить для очищенія переправы тутъ, (а 2 пушки хочется втащить на ту сторону съ собою.) Кавалерію на ту сторону, вилавъ на поводу переправлять не можно и казакамъ широко, а на лодкахъ тяжело успѣхъ. Вотъ, что до пѣхоты, у нихъ въ Туртукаѣ: рывины, дома, пушечки.... А атаку цѣлю съ ихъ праваго крыла; съ лѣваго много залповъ и далеко отведеть.

Переправа намѣряется 3 версты ниже Туртукаѣ. У нихъ ставится пикетецъ еще ниже.

Цѣлимъ атаку, захватывая ночи.

Отъ Потемкина я не очень надеженъ — судовъ его долго ждать. Все хорошо какъ Богъ благоволитъ.... А пѣхоты кажется мало! Она будетъ дѣйствовать въ два карея съ резервомъ и натурально индѣ колонною.

Конница будетъ на сей сторонѣ. Пѣсколько казаковъ будутъ на острову гулять.

XIII.

Получ. мая 10 числа.

Ваше Сіятельство! Мы побѣдили, слава Богу! слава Вамъ!

А. Суворовъ.

Эта записочка написана карандашемъ на оторванномъ лоскуткѣ сѣрой бумаги.

XIV.

Получ. мая 11-го.

Рапортъ.

Счастіемъ Ея Императорскаго Величества и побѣдоноснымъ оружіемъ городъ Туртукаѣ 9-го числа ночи на десятое взять и вызженъ, а за маломѣніемъ времени подробнаго рапорта теперь прислать не могу; при чемъ какъ усмотрѣнъ мною Астраханскаго пѣхотнаго полку капитанъ Братцовъ,

то онаго Вашему Сіятельству рекомендуя, посылаю со взятыми шестью знаменами; который самовидецъ обо всемъ происходившемъ дѣль донести честь имѣть будетъ. А обстоятельной рапортъ немедленно присланъ быть имѣть.

Генералъ маіоръ Александръ Суворовъ.

Мая 10 дня 1773 г. Л. при Дунаѣ.

XV.

Такъ слава Тебѣ Господи! — желаю чтобъ сія бумага Васъ въ полномъ благополучіи застала. Хорошо! на первой встрѣчѣ да такимъ ордеромъ подчивать, каковъ былъ я пикинернымъ офицеромъ! я въ лучшую лишь распахался и готовился на самую тяжелую работу. Брякъ.... что было дѣлать? хотѣлъ право бросить да уѣхать въ Финляндію.... видъ заплакалъ.... И такъ, чай зависти полонъ ротъ, а кому что не вамъ оборонять? Хотѣлъ жаловаться графу Петру Григорьевичу, да Богу. Вотъ теперъ, пожалуй, я бы ненадобное теперъ войско, хоть бы по почтѣ назадъ прислалъ. Добро! быть такъ! слава вышнему Господу Богу, что все такъ здорово миновалось.

А! милостивый Государь графъ Иванъ Петровичъ! подлинно мы были вчера: *Veni, vide, vince*, а мнѣ такъ первочинка! Вашему Сіятельству и впредь послужу — я человекъ безъ хитрости, лишь только, батюшка, давай мнѣ второй класъ.

А. Суворовъ.

XVI.

Рапортъ.

Вашему Сіятельству имѣю честь въ кратцѣ донести, что поискъ надъ бывшимъ Туртукаемъ не остался безъ желаннаго успѣху, ибо непріятель при наступленіи нашемъ особливо на бекетахъ и батареяхъ, хотя и сильно хотѣлъ сопротивляться, но вдругъ будучи отраженъ неустрашимостью солдатъ, съ урономъ людей показавъ тылъ; который находясь въ несравненномъ превосходствѣ войска, лишившись надежды удержаться въ городѣ, спялся бѣгствомъ съ великою

торопливостію оставя всѣ свои пожитки. Тутъ взято пушекъ небольшихъ три, а прочія, больше десяти за негодностію и тягостію опрокинуты въ Дунай. Суденъ большихъ, на которыхъ конницы по крайней мѣрѣ установиться можетъ 40 человекъ, взято 19; меньшихъ, на коихъ до пятидесяти человекъ пѣхоты усьется можетъ 8; лодокъ, на коихъ больше 19 и менѣе 6 пѣхоты посадить можно — двадцать одна. Городъ безъ остатка выжженъ и въ конецъ разоренъ. Пороховой магазинъ при ужасномъ зрѣніи подорванъ. Съ нашей стороны уронъ не великъ, и въ разсужденіи одержанной надъ непріятелемъ побѣды почти не чувствителенъ. Сколько жъ точно убито и ранено, равно и обо всемъ происшествіи въ самой скорости Вашему Сіятельству донесено быть имѣетъ. Новый непріятель да и бывшій въ Туртукаѣ ни откуда меня не тревожитъ. Положеніе моего лагеря лежитъ ближе къ Дунаю нежели къ Нигоештамъ на высотѣ непрестанствующей обзорнію непріятельскаго движенія.

Генераль-маіоръ Александръ Суворовъ.

Мая 11 дня, 1773 года.

Въ 10 верстахъ противъ урочища Туртукаа.

ХVII.

13 мая, 1773 г., противъ урочища Туртукаа.

Милостивый государь графъ Иванъ Петровичъ.

Реляція написана не мудро — не гнѣвайтесь; да я самъ ее и не писалъ, будучи нехорошій стилистъ, особенно еще невѣжею здѣшнихъ поведеніевъ.

Не оставьте, батюшка, Ваше Сіятельство, моихъ любезныхъ товарищей, да и меня, Бога ради, не забудьте; кажется что я вправду заслужилъ Георгіевскій второй классъ; — сколько я къ себѣ ни холоденъ, да и самому мнѣ то кажется.

Грудь и поломанный бокъ у меня болитъ; голова будто какъ поразпухла. Простите мнѣ, что я съѣзжу въ Букарестъ на день другой попариться въ банѣ.

Здѣсь нынѣ нечего дѣлать, перейду къ Нигоешти, солдатство и кони поуспали, а тамъ имъ будетъ повыгоднѣе.

А коли мнѣ здѣсь нечего дѣлать, дозвольте, Ваше Сіятельство, мнѣ къ себѣ на время пріѣхать.

Ежели нынѣ здѣсь будетъ на сей ногъ, то столько войска здѣсь бы и ненадобно, а довольно и гарнизона, и прислать бы какого инженера Нигоешти поумнѣ укрѣпить, по лучше хоть по меньше и по уже, а то и тутъ походить на турецкій ретраншаментишка.

У казаковъ осталось шесть человекъ, двѣ лодки и одна шайка.

Суда не изволите ли приказать выпроводить къ Журжеву? я другихъ, связанныхъ обстоятельствъ не знаю, и разсуждаю по здѣшнимъ.

Боже! даруй Вашему Сіятельству Рущукъ! Увы будетъ прекрасно — между маскированныхъ: Никополья и Силистріи, хотя и отъ первой дивизіи къ Шумъ, такъ что и Виддинъ не проснется. Полно! опять записался, — письмо — цибулка не рапортъ.... Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ, и проч.

А. Суворовъ.

XVIII.

14 мая, 1773 г. Нигоешти.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

Чрезъ капитана Братцова, милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ 12 ч. мая, я получилъ; за оное, Вашему Сіятельству, приношу мою нижайшую благодарность. Но праведно утѣшеніе мое гораздо превосходнѣе, слыща, что Ваше Сіятельство генераль-аншефъ. Осмѣливаюсь Ваше Сіятельство съ симъ поздравить, уповаю, что вашихъ милостей ко мнѣ и впредь отмѣнять не изволитс. А будьте жъ войсками такъ любимы какъ вашъ родитель, будьте такъ для отечества добродѣтельны, и снисходительны до вѣрныхъ его дѣтокъ! Остаюсь съ моимъ глубочайшимъ почтеніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

XIX.

Нигосшти ч. 14 мая 1773 года.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

Я вправду, милостивый государь, хвораю. Не подумайте противно, что я сегодня поѣду въ Букарестъ, просто сказать освѣжиться. Возвращусь сюда или послѣ завтра, или въ пятницу. Между тѣмъ будетъ здѣсь, г. полковникъ князь Мещерскій.

Исподоволь я буду испытывать, открывать на ту, Дунайскую сторону, казачками и каково пойдетъ?... Кавалерію и пѣхоту еще кажется рано туда: пусть бы не множокъ поправиться. Тутъ надобно быть хорошимъ партизаномъ, а въ обонхъ полкахъ ихъ еще не примѣчается. Пѣхота жъ ломовая не такъ легка на ногу какъ егеря. Ихъ берегъ гораздо выше и за горою ничего не видать; ежели ихъ прогонять, этой колонне не долго назадъ возвращаться, а западать вездѣ легко; развѣ впредь, и то не худо бы, операцию сдѣлать по гуще. Они и нынѣ на той сторонѣ развѣзжаютъ, тяжело имъ запретить также цѣпочку тянуть Г. А. Потемкинну тѣмъ не много пособишь, а утрата быть можетъ; у него у самого много и много. Фальшивыя жъ операциі эти всегда опасны. Лучше всего дозвольте мнѣ, Ваше Сіятельство, чтобы я съ вами, послѣ Тройцына дня, видѣлся и обо всемъ доложилъ, такого всего иногда не написать.

А. Суворовъ.

Капитана Палкина, Ваше Сіятельство, отсюда отнять вовсе не можно. Онъ очень нуженъ, и нѣтъ такого ни одного, на кого бы можно хотя положиться въ половину до командованія и исправленія нашей высокопарной флотиліи, и ежели милость будетъ, прикажите его скорѣе сюда возвратить.

XX.

Нигосшти ч. 29 мая 1773 года.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

Ваше Сіятельство изготовляйтесь на наступательное, а меня здѣсь оставляйте изволите. Низжайше прошу, милости-

вый государь, взять меня къ себѣ, а на мое мѣсто сюда опредѣлить кого изъ младшихъ меня; милостиво и сами разсудите сколько мнѣ и такъ обидно что у Текелли... а онъ меня моложе. На сію Вашего Сіятельства милость твердо уповаю, и остаюсь съ г.губочайшимъ почтеніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

XXI.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

Я такъ слабъ, что мнѣ для выздоровленія неотмѣнно надобно взять для себя нѣкоторый покой. Ваше Сіятельство, дозвольте мнѣ отъѣхать въ Буккарестъ, гдѣ я, можетъ быть, скорѣе здѣшняго приду къ прежнему здоровью. Въ прочемъ съ отмѣннымъ почтеніемъ пребываю, и проч.

Александръ Суворовъ.

Ч. 14 іюня 1773 г.

Это письмо только подписано Суворовымъ.

XXII.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ,

За полученное мною Вашего Сіятельства письмо отъ 5 ч. сего мѣсяца, приношу мою-покорную благодарность. Ссылаясь на вчерашній мой рапортъ, я еще здѣсь пробуду. Вчера я вышелъ изъ жестокой лихорадки, а завтра тоже ожидаю.

Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

Ч. 6 іюня 1773 года.

Между Нигоешти и Туртукаемъ.

XXIII.

Копія дополнительной диспозиціи генераль-маіора Ал. Суворова, отданной по войскамъ 6 іюня, для второй экспедиціи на Туртукайскія лагеря въ ночь съ 17 на 18 іюня 1773.

Диспозиція атаки на кочующихъ на туртукайской горѣ, на основаніи прежней, прибавляя къ тому:

1, всѣ пѣхотные надлежатъ раздѣлены быть на взводы, въ шесть рядовъ; такъ переправляются на судахъ и пойдутъ быстро и мужественно на атаку взводною колонною; взводы намывая въ раздѣленіяхъ колонны одинъ на другой и задніе папихивая на передніе. Колонна будетъ одна.

2, Раздѣленіе ее суть: 1, Ребоковъ баталіонъ, Астраханскаго пѣхотнаго 2 роты гренадеръ, 4 мушкатеръ. — 2, Батурина баталіонъ, 4 роты мушкатеръ и въ срединѣ ихъ баталіонъ графа Мелина, 3, Астраханской карабинерной баталіонъ. 4, Апшеронской баталіонъ, гренадерская рота въ хвостъ. 5, всѣ Арнауты, что генерала Потемкина, и Кашперовыхъ отъ 100—150. Оныя дѣйствуютъ въ льсахъ по ихъ искусству и набѣгамъ, и ни съ кѣмъ не мѣшаются. Командиръ надъ оными Кашперовъ. 6, Ингерманландской карабинерной полкъ на коняхъ и 160 Лсонова Казаковъ, на четыре раздѣленія съ нимъ и Сенюткинымъ. Они и для шкетовъ на той сторонѣ. Между сими отдѣленіями колонны—интервалы—шаговъ по 50. Конница дѣйствуетъ сама собою и для того у Апшеронскаго баталіона гренадерская рота въ хвостъ; да сверхъ того г. Фишеру выбрать 48 стрѣлковъ на 4 отдѣленія, въ каждомъ по два урядника, или ефрейтора и у всѣхъ офицеръ. Оныя дѣйствуютъ сзади по егерски; а по сему г. Фишеръ съ его баталіономъ въ арьергардъ и Резервъ.

3, идти на прорывъ, выигрывая прежней хребетъ горы, ни мало не останавливаясь. Голова хвоста не ожидаетъ, оной всегда въ свое время поспѣетъ, какъ прежній благополучный опытъ доказалъ. Командиры частей колонны или раздѣленій ни о чемъ не докладываютъ, но дѣйствуютъ сами собою съ поспѣшностію и благоразуміемъ. Ежели гдѣ Турки засядутъ, или будутъ набѣгать сильною толпою, то detaшируютъ на ихъ зарѣзъ роту, двѣ роты. И хотя detaшируется самъ частный командиръ со всѣмъ его отдѣленіемъ; но сіе безъ крайней нужды не чинить, а лучше ихъ съ крыльевъ колонны отстрѣливать, прорываясь на хребетъ горы. Буде же они ворвались бы: (чего почти быть не можетъ) въ какой интервалъ марширующей колонны, то натурально, слѣдую-

щее отдѣленіе ихъ тотчасъ выжметъ. Не ошибаться на стрѣльбу и нападенія нашихъ Арнаутъ, а онымъ для того надлежитъ кричать безпрестанно сигналъ. Съ кавалеріею придутъ одинъ единорогъ и одна 5-хъ фунтовая пушка. Оныя доставить въ каре Батурина. При нихъ надлежитъ быть артиллеристовъ для подмоги двойное число. Хотя также при нихъ будутъ лошади. Зарядовъ и принадлежностей довольное число только безъ ящичковъ. Прочія всѣ пушки закрываютъ переправу и разставлены по берегу благоразумно; когда и дѣйствіе начнется, то можно изъ нихъ стрѣлять холостыми зарядами, коихъ нарочно посильнѣе и довольное приготовить.

4. Построеніе на хребтѣ горы есть слѣдующе: фронтъ на рѣку, буде изъ верхняго лагеря Турки не уйдутъ; съ праваго крыла баталіонъ Ребока. Баталіонъ Фишера и карабинерной Батурина, кареями Кавалерія позади. Тожъ-казаки и Арнауты. Чего ради ударить сборъ и играть на трубахъ. Построеніе, когда мѣсто, съ интервалами. Въ каре лучше поставить съ крыльевъ по одной только ротѣ, но сильной.

Переправа. *Первая линія* 30 лодокъ Ребоковъ баталіонъ, Батурина съ Мелинымъ баталіонами. *Вторая линія* въ 13-ть мачтовыхъ судовъ; Астраханской карабинерной баталіонъ, Арнауты и ежели не будетъ довольно мѣста, то для Апшеронскаго баталіона ожидать чайки, которыя пойдутъ позади того баталіона, дабы линію не портить. Касперову съ Арнаутами тотчасъ идти своею дорогою и вступать въ дѣло. *Третья линія.* Четыре чайки, карабинерной Ингерманландскій полкъ, перемѣшиваясь съ 160 Леонова казаками, а при нихъ Леоновъ и Сенюткинъ. Судамъ возвращаться съ той стороны весьма успѣшно. И поелику оныя возвращаться будутъ, то сажать на нихъ успѣшно Ингерманландскихъ карабинеръ съ казаками смѣся. При карабинерахъ отправить и два вышеръченныя орудія. Въстовыя лодки пополамъ на сей и на той сторонѣ.

Аттака на верхній Турецкой лагерь; буде изъ онаго Турки не уйдутъ, надлежитъ быть того жъ часу по построеніи на хребтѣ горы.

Первая линія: маіоръ Ребокъ, два эскадрона карабинеръ Ингерманландскаго, 40 казаковъ.

Вторая линія: Астраханской карабинерной и за нимъ резервъ; Фишеръ съ Апшеронскимъ баталіономъ, два эскадрона Ингерманландскаго, 40 казаковъ.

Касперовъ съ Арнаутами дѣйствуетъ по обычаю, ни съ кѣмъ не смѣшиваясь.

На хребтѣ горы останется каре Батурина, одинъ эскадронъ Ингерманландскаго, 50 Арнаутъ, 80 казаковъ. Для удержанія пикетовъ изъ нихъ 40.

Аттаковать быстро и мужественно, разбить и отнять суда, свезть къ переправѣ на нашъ берегъ. Артиллерію турецкую весьма всю въ цѣлости забрать съ лафетами.

Ежели гдѣ кучка Турокъ будетъ просить ихъ аманъ, то давать; погоню за Турками чинить можно кавалеріею только осторожно и не далеко. Впрочемъ возвращаться въ прежнее построеніе на хребтѣ горы.

XXIV.

Букарестъ. 8 іюня 1773 года.

Милостивой государь, графъ Иванъ Петровичъ.

Сего числа я сюда привезенъ. День мой насилу брожу. Ежели впредь какому дѣлу быть съ кочующими на Туртукайской горѣ, непременно должно, чтобъ Ваше Сіятельство изволили прислать и второй Апшеронскій баталіонъ, хоть и на первый случай. Прибывшій баталіонъ не имѣетъ въ себѣ поль-баталіона. Прошлая ночь была пустая; дѣло было поль-дѣла противъ прошлаго. Маневръ къ атакъ былъ прекраснѣйшій, войска для вступленія въ оный наведены были по ихъ лагерямъ, флотиліи 30 лодокъ для левой атаки, 4 шайки для правой съ острова, уже были въ рукавъ. J'ai horreur de Vous dire le reste, Votre Excellence devinera d'elle même... que cela reste entre nous, moi vagabond, je ne veux point ici d'ennemis, hormis que l'indigntaion pourquelque temps

ne me manquera pas. О семъ Вашему Сіятельству вчера просто рапортоваль.

Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ.

Александръ Суворовъ.

Подлинникъ писанъ собственною рукою Суворова.

XXV.

Le 10 juin 1777. Boukarest.

Votre Excellence! J'appréhende fort que du côté de Tourtukai les operations ne se ralentissent: ma maudite fièvre en fait les empêchemens: je fus obligé de suer hier une seconde fois, pourtant, j'espere d'aboutir à la fin pour la semaine à venir, et Dieu le veuille! Pr. M est fort honnête homme, mais il n'est pas encore en coutume de commander, Bat. le servait de même, mais p, et à cela il vise; cela donne de l'influence et qu'en attendant, cela n'empêste pas, malheureusement, un peu les troupes... Les Turcs prennent courage, voyant les préparatifs de l'attaque retombés dans le neant. Encore-prie-je, Votre Excellence, si Vous ne commencez pas avec Roustchouk avant Tourtukai et la combinaison des troupes de Negoesti, achez de faire venir vers le dimanche prochain dans notre camp le deuxième bataillon d'Abscheronski: c'est pour renforcer l'operation de Tourtukai, c'est pour aboutir à une meilleure reussite, Vous aurez après toutes ces troupes à Vous à la piste et par eau, et par terre. Ce bataillon là ne doit point avoir d'artillerie, j'assure Votre Excellence, c'est pour marcher a pas plus sûrs. Je reste avec une parfaite consideration.

de Votre Excellence

le très humble et très obeissant serviteur,

Alexandre de Souworow

La lettre originale est un autographe de Souvoroff.

XXVI.

11 июня 1773 г. Букарестъ.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

За милостивое письмо Вашего Сіятельства приношу мою нижайшую благодарность. Радъ бы душою, Ваше Сіятель-

ство, только прежде воскресенія не можно, и то какъ Богъ извоить.... Сегодня лихорадка была еще легче, только все лихорадка! По прошествіи се факультетъ мнѣ совѣтуеть діету 15 дней; однако ужь тѣ могутъ быть въ работѣ! Но сбережу себя.... простуда.... а инова вовсе не знаю! Что ѣсть — называютъ по латыни. Препоручаю себя въ милость Вашего Сіятельства и остаюсь съ совершеннымъ почитаніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

Копія съ собственноручнаго письма Суворова.

XXVII.

Нигешти 14 іюня 1773 г.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

Мнѣ немного лучше. Хочу начать попытку въ завтрашнюю ночь. Ежели Богъ благословитъ добрый успѣхъ; не повелите ли съ судами и людьми, оставя немного въ Нигешти, подняться къ Журжѣ? Команды Потемкина есть здѣсь полкъ карабинерный Астраханскій; не пришлете ли ему такожъ ордеръ быть къ Вашему Сіятельству, только не стоить труда.... онъ.... 500 человекъ.... а также сотня другая Арнаутъ.... Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

Копія съ собственноручнаго.

XXVIII.

Поздравляю, батюшка, Ваше Сіятельство, съ выиграннымъ его превосходительства Каменскаго. У насъ все благополучно. Скоро буду имѣть счастье увидѣться.

Александръ Суворовъ.

Записка написанная карандашомъ, 18 іюня.

XXIX.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ!

Простите мнѣ, Ваше Сіятельство, что я на ваши милостивыя письма не отвѣтствовалъ (по моей слабости); но ни-

жайше благодарю. Не знаю какъ мнѣ пройти варварскій лагерь. Въ баталію вступать, особливо морскую, апетиту нѣтъ. Ежели потребно, Ваше Сіятельство, мнѣ помогите. Пойду отъ Прунта въ 4 часа по полудни.

Записка собственноручная на лоскуткѣ бумажки, отъ 19 іюня.

XXX.

20 іюня, 1773 года. Прунтъ.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ!

Обстоятельства Силестрійскія перемѣнились, учинили большую инфлюенцію. Помнить надобно Букарестъ. Г. Потемкина нѣтъ. Надлежитъ, чтобъ Обилештскій постъ мѣрно, и Нигоештскій весьма закрыты были скоро до времени. Такъ прикажите, Ваше Сіятельство, чтобъ я уже со всею моею кучкою повернулся къ Нигоешту. Она невелика, человекъ сотня лучшихъ Астраханскихъ п-хъ (*) молодець поубыло, кромѣ больныхъ, (да и пообезсилили)... такожь надобно немножко повыэкзерцировать — поразстроились. Новыя Туртукайцы, хоть скучно, накопляться будутъ — то и диверсія... а будемъ смотреть какъ ихъ снова посочить. Не хочется на берегу стоять, пересѣкать комуникацію съ Силестріею, а ежели уже будетъ очень грубо и дойдетъ нужда, то какъ же быть? Вѣрьте! въ насъ Вашему Сіятельству прокъ не великъ — а во мнѣ и поготову. Мнѣ надобно выздоровѣть, придетъ чахотка не буду годиться... Только милостивый государь, прикажите поскорѣе флотилію снимать, а я тягу дамъ на моей оставшей, хоть не велика, да пока будетъ. По прибытіи моемъ отправлю я полковника Порова съ полкомъ, К. Ингерманландскимъ, его Арнаутами, легкимъ баталіономъ г. Мелипа въ Обилешти и придамъ ему двѣ пушки. Позвольте на сіе, Ваше Сіятельство?

По состоянію команды моей и посту надобно побольше пушекъ. Я удерживаю у себя изъ Туртукайскихъ 18 числа іюня: 1-ну 6-ти фун. пушку, 1-ну 5-хъ ф. пушку; калиберъ и кружалы на нихъ пришло, чтобъ на нихъ сдѣлать наши лафеты съ принадлежностями, съ ящиками, и приго-

(*) Пѣхотныхъ.

товить заряды; да на 3-ю 3-хъ фун., что на морскомъ лафетѣ, тожь бы г. Миллеръ приказалъ сдѣлать лафетъ полевой и ящикъ: — сія въ Нигоешти. По числу же двухъ рѣченныхъ Турецкихъ пушекъ пожаловалъ бы г. подполковникъ Миллеръ артиллерійскихъ служителей. А къ Вашему Сіятельству отправлены будутъ восемь турецкихъ пушекъ и два Миллеровыхъ единорога.

Въ Вашего Сіятельства благоволеніе преспоручаю капит. Козлова Угр. съ тѣмъ, чтобъ сдѣлали съ нимъ милость, и съ рапортомъ о произшествіи 18 ч. іюня, приказали отправить къ фельдмаршалу его, а не кого инаго. Такожъ преспоручаю и прочихъ и себя. Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

Александръ Суворовъ.

XXXI.

29 іюня, 1773 года. Въ устьѣ Аргиса.

Перехватывать суда непріятельскія тяжело, однако посмотрю.... А что отъ Рущука къ горъ Туртукайской свободно приставать могутъ — мѣшать не можно.

Не можно ли, милостивый государь, подкрѣпить Касперова, оставшими его Журжевскими? да прислать бы сотню другую пѣшихъ Арнаутовъ.

Карабинерамъ неловко дѣйствовать со штыками; одинъ остался Кар. полкъ. Ружья со штыками отправилъ опять въ Букарестъ къ Перхурову. Мушкаты-рекруты г. Мелина хороши, не займите, Ваше Сіятельство, у меня побудутъ, лучше научатся и жить будетъ не хуже.

Нигоешти закрываетъ Букарестъ. А Обилешти.... нужны, и лурно такъ пускать.... Пожалуйте, Ваше Сіятельство, господина подполковника Миллера прикажите понудить, чтобы онъ скорѣе управлялся; право что со мною то прежде было, лѣнливо. Артиллерійскихъ служителей даль бы получше, а то почти прежніе даны были все худые. Другаго офицера надобно къ моей артиллеріи, да хорошаго — Бримеръ недавно изъ колыбели, ему не управиться, хоть моложе, хоть старѣе его.

Туртукай напротивъ; по-русски: стой тутъ конь — то есть, на той сторонѣ дорога худа. А на горѣ крѣпиться можно токмо хорошей дивизіи. Дунай узокъ. Аргисъ хорошгъ. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

Копія съ собственноручнаго письма.

XXXII.

25 іюня 1773 г. Букарестъ.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

При рекогносцированіи моемъ нашель я почти сходно противъ моего рапорта Вашему Сіятельству, а объяснить надлежить.

Чиканешти, бродъ на островъ чрезъ заливъ шаговъ 30, выходитъ на островъ верстѣ добрыхъ 7. Дорога, по которой Черкесь прошлаго году солью гандлеваль, неподалеко отъ Силистріи, по ней свободно Туркамъ корпусомъ проходить, ячменя на ней нѣтъ. Ликарешть тоже знакомъ. Содержать всѣ пикеты полку Сулина, сто два козаковъ. Есауль Поповъ въ Ликарешть уходитъ на ночь въ гору, подкрѣпленія нѣтъ, въ Мостищъ Езерскаго сотникъ — человекъ 20 — такъ трудно отъ устья Аргиса и до Чиканешти содержать, а только до Мостища, а праведно до Капицулы, гдѣ кончатся Леоновы пикеты. Въ Обилешти запала сотня Арнаутъ, бывшихъ 17 ч. подъ Туртукаемъ, г. Потемкина ждутъ въ надеждѣ, что и они за полковникомъ Норовымъ уйдутъ — и представляли.

Флотилія моя почти 100, всякой величины. Въ случаѣ движенія отъ устья Аргиса въ Дембовицы, въ близости Нигоешти, оставить такъ опасно (развѣ поднимать къ сторонѣ Букареста) дабы не подвергнуть всесожженію. Сіе одно держитъ меня предъ Туртукаемъ, кромѣ иныхъ причинъ. Флотилію ходитъ къ сторонѣ Ликарешта дурно и въ виду ихъ берегу по островамъ часто тянуться надобно. Прошу Ваше Сіятельство приказать мнѣ просто списать земскую вашу ландкарту. Препоручая себя въ милость Вашу остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

Я, попарясь въ банѣ, завтра буду въ лагерь.

Турки, спрятанные прежде подъ Силистріей, лагерь третьяго дня опять вынесли. Паша пушка къ зарѣ стрѣляла отъ Силистріи больше 10 верстѣ. Казаки сказывали, еще не вѣрно о Вейсмановой смерти отъ ранъ въ Гурабаль.

Александръ Суворовъ.

XXXIII.

30 іюня 1773 года.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

Письмо, Вашего Сіятельства, отъ 29 іюня получилъ, нижайше благодарю за милость вашу.

Que G. Weissmann est passé à l'autre monde, et notre armée à ce bord — Que la 2-me armée ou 15,000 h. et le chef approchent du Danube est encore à douter!

Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

XXXIV.

Устье Аргиса. Іюля 9 1773 года.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

Полку Анщеровскаго капитанъ Фливеркъ, за крайними своими нуждами просился у меня къ Вашему Сіятельству, я знаю нынѣшнія несчастныя его обстоятельства, причиненныя смертію отцовскою. Отпущая, покорно прошу Ваше Сіятельство, не исключить его изъ своего покровительства, безъ ко-его онъ крайне разориться можетъ.

Я съ совершеннымъ почтеніемъ остаюсь, и проч.

Александръ Суворовъ.

Письмо это только за подписью Суворова.

XXXV.

3 іюля 1773 г.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

Письмо Вашего Сіятельства отъ 2 іюля мною получено. Нижайше благодарствую Ваше Сіятельство за карту. Объ

обозахъ, чтобъ быть въ Колагурияхъ, въ часть команды моей предложу. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

XXXVI.

8 іюля 1773 года, при устьв Аргиса.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

Я столько издородился, что я не знаю чѣмъ начать, чѣмъ окончить новое росписаніе.

Препоручая себя въ милость Вашего Сіятельства, остаюсь съ совершеннымъ почитаніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

XXXVII.

9 іюля 1773 года.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петровичъ.

Громъ ударилъ — мнѣ сего не воображалось!...

Прошу инаго... и Ваше Сіятельство, можете ли помочь? мнѣ бы только съ честью отсюда выдти; всего основанія не знаю.... Больно! простите мнѣ, Ваше Сіятельство, что принужденъ былъ писать къ господину поручику Потемкину о Флотиліи и проч. и къ вамъ объяснять, жаль сіе для будущихъ слѣдствіевъ.

Будеть ли, по малой мѣрѣ, мнѣ желаемое награжденіе. Не оставьте того, милостивый государь, бѣгать за лаврами — неравно иногда и голову сломишь по Вейсманову, да еще хорошо коли съ честью и пользою.... наконецъ и то выдти можетъ: что не такъ, то такой какъ я; а что хорошо, то не я, — диспозиція мое экзекуторство.... препоручаю себя въ милость Вашего Сіятельства и остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

XXXVIII.

11 іюля 1773 года.

Милостивый государь, графъ Иванъ Петрович!

Простите мнѣ. Ваше Сіятельство, что не могъ инаго дѣлать. Завися уже отъ графа Александра Потемкина, паче съ флотилією, о которой свѣдѣніе вошло къ фельдмаршалу, не надлежало ли же мнѣ пещись и на самомалѣйшее время о всякой военной предосторожности между тѣмъ, почти сей часъ, Турки изъ 3 пушекъ противъ насъ уже съ туртукайской горы выстрѣлили. Отправляясь отсюда къ фельдмаршалу, беру я съ собой, бывшихъ при мнѣ и опредѣленныхъ въ Астраханскій пѣхотный полкъ: Прапорщика Пѣтухова, прибывшихъ при моемъ обозѣ 1 сержанта и одного фельдшера, да на время же капитана Козлова. Милости Вашего Сіятельства навсегда въ моей памяти, въ оныя себя препоручаю и остаюсь съ совершеннымъ почитаніемъ, и проч.

Александръ Суворовъ.

РОССИНИ,

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Vie de Rossini par Beyle.
Joachim Rossini, von Maria Ottinger. Leipzig. 1852.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

ТРЕТІЙ ВНЕ-ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПЕРІОДЪ РОССИНІЕВОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

VII.

РОССИНИ ВО ФРАНЦІИ. — ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЪ.

Россини имѣлъ въ Парижѣ многихъ поклонниковъ, имѣлъ и закоренѣлыхъ враговъ. Театръ Итальянской Оперы, нынѣ спокойный и мирно преслѣдующій свои цѣли, былъ въ тѣ времена чѣмъ-то въ родѣ Марсова поля, на которомъ съ ожесточеніемъ выступали противники, — одни, геройски сражаясь за юнаго побѣдителя, другіе, упрямо придерживаясь заветной старины, и подымая мечъ во имя Пайзіелло. Каждый вечеръ обѣ враждебныя партіи сталкивались въ театрѣ, а самъ директоръ театра, известный Паэръ, показы-

валъ видѣ совершеннаго равнодушія къ этому непримиримому спору.

Хитеръ и опытенъ въ наукѣ лицемерія былъ авторъ *Гризельды* и *Агнесы*; искусный композиторъ, въ которомъ талантъ доходилъ до гениальности, настоящій музыкантъ междуцарствія, онъ вмѣстѣ съ Майромъ занималъ самое почетное мѣсто въ промежуткѣ между Чимарозой и Россини. Нѣмецъ по фамили, Паэръ родился однако же въ Пармѣ; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ тонкихъ и прозорливыхъ людей, для которыхъ талантъ сушая бездѣлица, если, посредствомъ его, нельзя пускать пыли въ глаза своимъ собратьямъ. Одаренный прекрасной наружностью, искательный въ обществѣ женщинъ, онъ легко добился милостиваго вниманія разныхъ вельможъ. Въ поступкахъ его видѣнъ былъ ловкій придворный и погышный шутъ. Наполеонъ узналъ его въ добрый часъ, полюбилъ и сдѣлалъ своимъ капельмейстеромъ. То было золотое время для Паэра, который не преминулъ воспользоваться новымъ званіемъ для распространенія своей славы и для устроенія собственнаго благосостоянія. Впрочемъ, надо отдать ему справедливость — красный камергерскій мундиръ былъ ему весьма къ лицу; взглядъ его былъ живой, приемы аристократическіе, нога ловко обтянута шелковымъ чулкомъ, и щегольская наружность кавалера нисколько не повредила успѣхамъ маэстро. Ордена какъ-то были у мѣста у него въ петлицѣ; безпрестанныя награды дождемъ лились на его голову; золотыя табакерки съ брилліантовымъ вензелемъ наполнили его коммоды; но — времена перемѣнились, обстоятельства стали тѣснѣе, и роскошный маэстро умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, съ единственной табакеркой въ карманѣ, на рукахъ своей хозяйки, подъ крикъ любимаго попуга! «смерть неизбежна, забудемъ же объ ней», пишетъ въ одномъ мѣстѣ Бейль; того же мнѣнія придерживался и авторъ *Гризельды* и *Агнесы*. Послѣ паденія Имперіи, наполеоновскій капельмейстеръ предложилъ свои услуги реставраціи, и былъ принятъ въ службу новаго короля. Получивши

мѣсто директора итальянскаго театра, Паэръ поклялся ставить свои оперы и не допускать на сцену россиніевыхъ, а въ случаѣ, если общественное мнѣніе потребуеъ постановки произведеній юнаго маэстро, то исполненіемъ ихъ отбить у публики всю охоту до оперъ итальянскаго композитора. «Всѣ первыя пьесы Россини, игранныя въ Парижѣ, обставлены были самымъ жалкимъ образомъ. Я до сихъ поръ не могу забыть перваго представленія *Итальянки въ Алжирѣ*. Въ *Pietra del Paragone* хотѣли даже исключить два мѣста, которыми эта опера обязана своею славою (*). Но гнусный замыселъ былъ открытъ, и дирекція итальянскаго театра нашла себѣ сильное подкрѣпленіе въ лицѣ Бейля и еще одного самостоятельнаго челоуька, который въ то время завѣдывалъ фельетономъ *Журнала Преній*.

Таково было настроеніе умовъ въ Парижѣ, когда прибылъ туда Россини съ женой, десятаго ноября 1823-го года. Въ самый день пріѣзда, авторъ *Семирамиды* отправился въ оперу. Странное стеченіе обстоятельствъ! въ театрѣ, въ этотъ вечеръ давали, угадайте что?... *Деревнскаго Колдуна!* Представьте себѣ Россини, сидящаго въ бенуарѣ и внимающаго этому образцовому произведенію добродушнаго Жанъ-Жака! «Вы, вѣрно, подумали, что попали на луну?» говорили ему на другой день послѣ этого представленія. — «О нѣтъ! отвѣчалъ маэстро, клянусь вамъ, что я и не ждалъ ничего лучшаго; это философская музыка!»

Двѣнадцатаго ноября давали *Севильскаго Цирюльника* въ бенефисъ Гарчіи. Знали заранѣе, что Россини будетъ присутствовать на этомъ вечерѣ; зала была биткомъ набита зрителями. Не успѣлъ Россини показаться въ своей ложѣ, какъ раздались рукоплесканія; оркестръ и пѣвцы, оживленные присутствіемъ маэстро, казалось, превзошли самихъ себя. Послѣ финала перваго дѣйствія, авторъ долженъ былъ

(*) Бейль. Жизнь Россини, т. I, стр. 28.

выйдти на сцену; дождь цвѣтовъ и громъ рукоплесканій встрѣтили его появленіе. Во второмъ актѣ, восторгъ публики дошелъ до неистовства, и вечеръ кончился серенадой подъ окнами маэстро, въ которой участвовали всѣ артисты итальянскаго театра. Въ скоромъ времени Россини сошелся со всѣми парижскими знаменитостями, въ художественномъ, литературномъ и свѣтскомъ отношеніи. Почтительный и полный снисхожденія къ знаменитымъ ветеранамъ Консерваторіи, ласковый и простой въ обращеніи съ славными своими сверстниками, обходительный и добрый совѣтчикъ съ талантами начинающими, вѣрный товарищъ и веселый собесѣдникъ, онъ умѣлъ себя поставить на видное и независимое мѣсто въ новомъ для него обществѣ. Онъ посѣтилъ главныхъ представителей музыкальнаго искусства во Франціи: Рейха (Reicha) знатока фуги и контрапункта, Керубини, генія науки, мужа почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ, но человека себя на умъ, нѣчто въ родѣ музыкальнаго Ройе-Кольера, который совершенно невинно проведетъ васъ такъ, что вы и не замѣтите его хитростей. На этотъ разъ, впрочемъ, авторъ *Водовоза* (*Deux Journées*) явилъ себя милостивымъ вельможей и обошелся съ Россини какъ равный съ равнымъ — обстоительство, на которое маэстро обратилъ должное вниманіе, и за каждое ласковое слово воздавалъ сторицею любезному собесѣднику. И надо отдать справедливость обоимъ Итальянцамъ: каждый изъ нихъ могъ въ равной степени похваляться прозорливостью и тонкостью ума; оба арусниція, старикъ и юноша съ перваго же взгляда оцѣнили другъ друга и поняли, что имъ не придется столкнуться на одной дорогѣ и дѣйствовать враждебно.

Внѣ этого круга ветерановъ, куда надо отнести и благороднаго Лесюёра, таланта съ наклонностями эпическими, человека, добродушіемъ своимъ напоминающаго Лафонтена, — внѣ этого академическаго, изолированнаго отъ общества круга, проживала въ Парижѣ цѣлая толпа композиторовъ, находившихся въ ближайшихъ отношеніяхъ съ публикой. Живой и веселый Бюельдѣ, истинный рыцарь французской

музы; мечтательный и нежный Герольдъ, руководимый къ бессмертію Моцартовой звездою; даровитый и увлекательный рассказчикъ Оберъ, этотъ Ривароль комической музыки, — весь цвѣтъ тогдашняго музыкальнаго міра столпился около ожидательнаго центра, около главнаго свѣтила, къ которому притягивала ихъ невѣдомая родственная сила. Россини познакомился и сблизился съ этими людьми, которые, какъ и некогда Далайракъ и Гретри, подпавшіе подъ вліяніе Моцарта и Чимарозы, должны были, — не утрачивая своей самобытности, не измѣняя особенностямъ своей родины, — отдаться всеувлекающему потоку россиніевыхъ идей. Такъ, одинъ изъ нихъ не избѣгнулъ этого вліянія въ своей *Dame Blanche*, другой въ *Мари* и *Цамль*, третій — въ *Фенелль*.

О Галеві въ то время еще не было разговоровъ, хотя и онъ, подъ впечатлѣніемъ Россиніевой музыки, написалъ, если не ошибаюсь, свою *Клари*, посредственную оперу, которой не могла вынести на своихъ плечахъ даже сама Малибранъ. Галеві суждено было впоследствии выйти на другую, лучшую дорогу. Не будь *Роберта*, — кто знаетъ, имѣли ли бы мы *Жидошу*? Но въ это время Мейербееръ самъ искалъ вдохновенія въ итальянской музыкѣ, и не думалъ еще выступать на то широкое поприще, на которомъ нашель онъ столько послѣдователей.

Россини посвящалъ и свѣтское общество, но былъ крайне остороженъ и предусмотрителенъ въ обращеніи съ его членами. Какъ человекъ *порядочный*, онъ понималъ, что веселость уже болѣе не въ ходу въ парижскомъ свѣтѣ, и потому, не смотря на всю живость своего характера, онъ на время отказался отъ своей веселости — обстоятельство, весьма огорчившее многихъ людей, которые ждали разныхъ разговорныхъ любезностей отъ человека, блестящаго умомъ и неподдѣльной веселостью въ своихъ гениальныхъ произведеніяхъ. Притомъ же, эта осмотрительность давала ему возможность держать на приличномъ разстояніи толпу любопытныхъ и оживлять безпокойныхъ просителей. Покажи себя Россини въ своемъ на-

стоящемъ видѣ, предстанъ онъ передъ парижской публикой въ качествѣ весельчака, насмѣшливаго, и подчасъ, дерзкаго эпикурейца, который смѣется вамъ прямо подъ носъ и который въ Неаполѣ безъ церемоніи скинулъ съ себя сорочку передъ монсиньоромъ прелатомъ, давая тѣмъ знать, что не музыкальному гению, а скульптурной красотѣ греческихъ формъ прежде всего надо дивиться въ великомъ маэстро, — явись Россини въ этомъ природномъ своемъ видѣ, злые языки разславили бы по всей столицѣ разныя анакреонтическія выходки заѣзжаго Итальянца. Прежде тѣмъ измѣнить свой стиль, онъ измѣнилъ свое обхожденіе и привычки, вполне убѣдившись въ глубокой истинѣ, что въ стиль отражается самъ человекъ. И онъ смирилъ самого себя, сталъ поодаль, но какъ человекъ, вполне сознающій свое достоинство и не желающій, чтобы вѣрили его мнимому ничтожеству. Подъ этой личиной ничтожества и добровольнаго смиренія, таилось сознаніе своего аристократическаго превосходства, готовое вспыхнуть при малѣйшемъ поводѣ. Однажды, на вечеръ, гдѣ присутствовали: Паста, Тальма, Марсъ и другія знаменитости того времени, Лесюёръ предложилъ тостъ за его здоровье; Россини всталъ и выпилъ здоровье Моцарта. Эта надменная выходка, желаніе высказать свое величіе не ускользнули отъ общаго вниманія, тѣмъ болѣе, что въ числѣ пирующихъ были почтенные представители Французской школы. На этотъ разъ, чувство собственнаго величія взяло верхъ надъ вѣжливостью и приличіемъ. По самому естественному закону общежитія, ему следовало бы провозгласить здоровье Боельдѣ или Керубини, а онъ пьетъ здоровье Моцарта, какъ будто въ этомъ собраніи современныхъ знаменитостей не нашлось ни одного имени, достойнаго стать наряду съ его славнымъ именемъ.

Но особенно сильно проявилось это высокомеріе и надменность въ Лондонѣ, куда чрезъ нѣсколько недѣль отправился маэстро съ своей супругой (*). Россини понялъ, что

(*) Россини и его жена выѣхали изъ Парижа въ декабрь 1833 года, заключивши на три мѣсяца условіе съ Лондонскимъ королевскимъ театромъ,

онъ ступилъ на землю Бруммея, и, не прибѣгая къ дерзкимъ выходкамъ, доказалъ по крайней мѣрѣ, что онъ сумѣетъ и передъ британскимъ обществомъ выдержать трудную роль моднаго челоуька. Удостоенный милостиваго вниманія короля Великобританіи, онъ былъ непремѣннымъ членомъ задушевныхъ бесѣдъ въ Брайтонѣ. Георгъ IV душою преданный словеснымъ наукамъ, отличался любовью и къ музыкѣ, и минуты досуга посвящалъ игрѣ на віолончели. России нравился ему за остроумныя бесѣды и за то прямое удовольствіе, съ которымъ онъ, безъ просьбы, садился за фортепiano; только бѣда было употребить во зло это веселое расположеніе духа: маэстро въ ту же минуту переставалъ играть, не стѣсняясь присутствіемъ царственной особы, и какъ бы считая себя въ кругу своихъ собратовъ — художниковъ. «Ваше Величество, отвѣчалъ онъ однажды Георгу IV, который упрашивалъ его продолжать игру, — на нынѣшній день довольно! Если позволите, мы побережемъ эту арію до слѣдующаго раза». Когда друзья совѣтовали ему бросить эту неумѣстную фамильярность, которая, по словамъ ихъ, могла обратиться во вредъ знаменитому маэстро, то получили отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Чего же бояться мнѣ? Меня приглашали въ Англію какъ челоуька гениальнаго, а въ этомъ отношеніи я никому не уступлю первенства. Притомъ же, я на своемъ вѣку столько видѣлъ королей, что, право, мнѣ очень ловко въ ихъ компаніи, и я не вижу причины, зачѣмъ мнѣ скриваться предъ ними».

Изъ Лондона России опять возвратился въ Парижъ. Реставрація, которая — надо отдать ей справедливость — пи-

который обязался выплатить имъ сумму въ 62,500 франковъ. Давши слово поставить новую оперу, безпечный маэстро ограничился однакожь постановкой *Зельмиры*. Опера эта, переигланная въ третій разъ, не имѣла большаго успѣха; за то удостоился восторженнаго приѣма *Севильскій Цирюльникъ*, въ которомъ очаровала публику знаменитая Каталани, — обстоятельство, которое пришлось не совсѣмъ по душъ супругъ маэстро, холодно принятой въ *Зельмирѣ*; но России, какъ философъ, не обратилъ на то большаго вниманія.

тала живѣйшее сочувствіе къ искусствамъ и къ ихъ представителямъ, обратила свое вниманіе на великаго маэстро. Осыпанный ласками двора и преимущественно герцогини Беррійской, онъ не видалъ конца наградамъ и отличіямъ. Королевскій дошъ желалъ почтить автора *Тамаредо*, какъ своего соотечественника, и поставилъ его наряду съ Ламартиноу, Викторомъ Гюго и другими національными знаменитостями, которыя находились въ числѣ королевскихъ пенсіонеровъ. Ларонфуко, въ рукахъ котораго находилась тогда администрація изящныхъ искусствъ, предложилъ Россини мѣсто директора Итальянскаго театра, отъ котораго, впрочемъ, онъ отказался, находя болѣе выгоды въ званіи *ординарнаго* композитора, которое доставляло ему болѣе власти и вліянія на общество. Съ того же дня, Россиніевы оперы почти исключительно завладѣли сценой; онъ самъ лично заведывалъ ихъ постановкой, и занятіе это не стоило ему большихъ трудовъ, состоя, благодаря старинному итальянскому обычаю, въ перекраиваньи игранныхъ оперъ и изданіи ихъ подъ новыми именами. Такъ, по случаю коронованія Карла X, написалъ онъ *Путешествіе въ Реймсъ*, легкую пьеску, порожденную обстоятельствами, гдѣ, въ числѣ различныхъ отрывковъ изъ прежнихъ сочиненій, встрѣчаются два-три прекрасныхъ пассажа, которые въ послѣдствіи попали въ его *Графъ Ори*.

Между тѣмъ королевская Академія музыки пожелала тоже имѣть свои права на произведенія гениальнаго челоуѣка, прославленнаго цѣлою Европой. Россини вспомнилъ о *Магометъ*, этой грандіозной оперѣ, неопытенной въ Неаполь и Венеціи и еще неизвѣстной въ Парижѣ, — и, разрушивши до основанія прежнее зданіе, изъ развалинъ ея воздвигъ новый памятникъ своей творческой дѣятельности, извѣстный подъ названіемъ *Осады Коринѳа*. Тотъ же самый процессъ повторился и надъ *Моисеемъ*; предѣлы этой ораторіи расширились, увеличались ея мелодическія богатства, и она явилась на французской сценѣ точно преображенная этимъ дивнымъ

искусствомъ, свойственнымъ однимъ мастерамъ, которое состоитъ въ согласованіи общаго тона картины съ принятыми убъжденіями той страны, для которой назначается произведеніе.

Последнее двадцатипятилѣтіе было самымъ цвѣтущимъ временемъ французской оперы, которымъ она обязана болѣею частью иностраннымъ композиторамъ. *Фенелла* и *Жидоки*, хотя и принадлежація французскимъ авторамъ, родились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Россиніевой и Мейер-беевой музыки. А за исключеніемъ этихъ двухъ оперъ, какія еще произведенія утвердили славу французской оперы? *Вильгельмъ Телль*, *Гугеноты*, *Фаворитка*—французскія оперы, писанныя нѣмецкими и итальянскими авторами; я называю ихъ французскими, потому что Парижъ и Франція имѣютъ несомнѣныя права на эти произведенія, которыя, въ существующемъ видѣ, не могли родиться ни въ Неаполь, ни въ Берлинъ, ни въ Вѣнъ. Въ наше время Парижъ сдѣлался средоточіемъ новѣйшей оперы, не потому, чтобы въ немъ явилось болѣе или меньшее число образцовыхъ твореній, но единственно потому, что въ Парижѣ родилась новая система музыкальной драмы, которая превѣстуетъ теперь въ цѣломъ свѣтѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое была французская опера въ первую четверть нынѣшняго столѣтія? Ничтожная и однообразная музыка, пробавлявшаяся отчасти достоинствомъ великаго прошедшаго, отчасти подражаніемъ Итальянцу-Россини, котораго имя гремѣло по всѣмъ угламъ Европы. Съ блаженными днями Имперіи исчезъ величественный и героическій стиль Лесюэра и Спонтини, который такъ приличествовалъ воинственнымъ наклонностямъ эпохи, и который состоялъ почти въ такомъ же отношеніи къ великой манерѣ Глюка, какъ живопись Давида къ произведеніямъ античнаго искусства. Тогда наступило царство Бюльдьё, который своими пѣснями услаждалъ миролюбивыхъ соотечественниковъ, знакомя ихъ и съ произведеніями итальянской музы, и котораго можно упрекнуть развѣ въ излишнемъ пристрастіи къ

романтизму трубадуровъ. Вскорѣ къ нему присоединились Герольдъ и Оберъ, и на театрѣ появились одна за другой оперы: *Погонщикъ лошаковъ* и *Колокольчикъ*, *Снѣгъ* и *Придворный Концертъ*.

При всемъ томъ, это живое и остроумное направленіе не вполне соответствовало потребностямъ времени. Романтическое движеніе разрушило враждебныя преграды, существовавшія дотолѣ между отдѣльными литературами. «Нѣтъ болѣе Пиренеевъ!» воскликнулъ нѣкогда Людовикъ XIV. Новое поколѣніе пошло дальше; оно торжественно провозгласило: «Нѣтъ ни Рейна, ни Альповъ, ни Ламанша!» Со всѣхъ сторонъ чужестранныя геніальности врывались во Францію. «Ну, началось вторженіе варваровъ!» возопили поборники старины. Сохрани насъ Богъ осуждать послѣдствія этой переходной эпохи: если потоки не уносятъ земли за собою, они оплодотворяютъ орошаемую ими землю. Такъ обогатилась и французская литература отъ знакомства съ невѣдомыми дотолѣ произведеніями другихъ народовъ. Что ни говорите, а примѣсь новой крови не вредитъ никакой литературѣ, особенно, если чужестранцы-варвары называются Шекспирами, Дантами, Кальдеронами и Гёте!

Переворотъ, совершившійся въ области наукъ и искусствъ, отразился и въ музыкѣ, и въ Оберовой *Фенелль* впервые явилось сочетаніе всѣхъ этихъ элементовъ исторіи и поэзіи, личныхъ страстей въ связи съ жизнью народной, мѣстнаго колорита и интереса драматическаго, изъ которыхъ составляется нѣчто полное контрастовъ, призрачности и фантазмагорій, извѣстное подъ названіемъ новой оперы. Мѣсто такъ называемыхъ концертныхъ оперъ (*opéra de concert*), которыя расплодились въ Италіи со временъ Гасса и писались исключительно для личныхъ средствъ того или другаго виртуоза, заступила драма въ пѣніи (*drame chanté*), гдѣ голосъ и искусство исполнителя перестаютъ быть *цѣлью*, а становятся только *средствомъ*, и уступаютъ первенство основной идѣ

произведения и массы всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, взятыхъ въ совокупности. Бывши до сихъ поръ только лирической вставкой, ничтожнымъ и однообразнымъ выраженіемъ нѣсколькихъ общихъ мыслей, хоръ выступаетъ теперь главнымъ героемъ и принимаетъ живѣйшее участіе въ дѣйствіи, въ которомъ прежде игралъ онъ весьма незначительную роль, по образцу древнихъ хоровъ. Даже *choraux d'ensemble*, квартеты и секстеты исчезаютъ передъ хорами, какъ выраженіемъ всей музыкальной жизни драмы. О собственно такъ называемой арии почти нѣтъ и помину, а новѣйшія соло—просто за просто баркароллы, мотивы которыхъ взяты изъ народныхъ пѣсень.

Не мѣшаетъ здѣсь войти въ нѣкоторыя подробности для точнѣйшаго опредѣленія новой оперы. Прежніе художники, до Глюка и Моцарта, очень ясно понимали ту цѣль, къ которой стремились. Они довольствовались какой-нибудь кантатой съ драматическимъ характеромъ, брали какой-нибудь сюжетъ, и писали музыку, которая могла бы выставить въ полномъ свѣтѣ искусство пѣвца; въ этомъ и состояла вся нехитрая задача ихъ дѣятельности, задача, которую многіе изъ этихъ композиторовъ выполняли очень удачно. Глюкъ тоже систематически преслѣдуетъ свою цѣль и движется въ опредѣленныхъ формахъ. По примѣру своихъ предшественниковъ, онъ пишетъ музыку на кантаты, только музыка его не служить единственно выраженіемъ личнаго искусства пѣвца; она имѣетъ высшую и благороднѣйшую цѣль, она возводитъ на высшую ступень выраженіе драматической жизни, заключающейся въ томъ или другомъ положеніи. За Глюкомъ слѣдуетъ Моцартъ, великій Моцартъ, у котораго всякая опера есть образцовое произведеніе, и всякое образцовое произведеніе есть новый шагъ впередъ, новая попытка. Въ *Идоменей* и въ *Титъ*, основанная на преданіи, героическая форма расширила свои предѣлы; *Сватѣба Фигаро* подарила Германію комической оперой, этой живой картиной народныхъ нравовъ, которую Нѣмцы зовутъ *разговорной оперой* (*opéra de conversation*), и которая обязана Франціи своимъ проис-

хожденіемъ. *Волшебная флейта*, вся пересыпанная народными мотивами, запечатлѣна мѣстнымъ характеромъ волшебной вѣнской жизни, а отъ *Донъ-Жуана*, этого колоссальнаго созданія, ведетъ свое начало романтическая опера. Въ области драматической поэзіи, двое великихъ современниковъ Моцарта, Шиллеръ и Гёте преслѣдовали тѣже самыя цѣли; они тоже производили безпрестанныя попытки, и этими многосторонними изслѣдованіями подготавливали въ нѣмецкой литературѣ ту эпоху броженія и нервности, которая въ музыкѣ послѣдовала за періодомъ Моцартовой дѣятельности.

Старинные композиторы и либреттисты слѣдовали законамъ, освященнымъ долготѣнными преданіями и неизмѣннымъ, какъ египетскіе обряды. Въ блаженные времена, когда процвѣталъ Гассъ и его послѣдователи, маэстро не подчинялся своенравной фантазіи поэта, а поэтъ не могъ узаконить различныхъ причудъ маэстро. Либреттистъ, который вздумалъ бы раздѣлить арію на три части вмѣсто узаконенныхъ двухъ частей, музыкантъ, который захотѣлъ бы наложить на эту арію колоритъ драматическій, прослыли бы, навѣрное, людьми сумасшедшими. Неумолимый формализмъ царилъ надъ вдохновеніемъ, и художникъ обязывался творить по установленнымъ правиламъ. На долю новой оперы выпалъ трудъ свергнуть это насильственное иго, и задача современнаго искусства состоитъ не въ употребленіи какой-нибудь отдѣльной формы, но въ признаніи законности всѣхъ формъ безъ исключенія. Эпопея и драма, музыка церковная и музыка балетная, народныя пѣсни и концертная пѣска—таковы разнообразныя до безконечности элементы, изъ которыхъ слагается странная и многосложная машина, именуемая оперой нашего времени. Встарину опера обращалась преимущественно ко двору, къ аристократіи; новая опера имѣетъ дѣло съ публикой, съ этимъ новорожденнымъ существомъ, которое, благодаря урокамъ Консерваторіи, эстетическому вкусу, чтенію журналовъ, въ умственномъ отношеніи стоитъ неизмѣримо выше черни, которое не можетъ выдавать своего сужденія

за голосъ цѣлаго народа, а въ то же время не можетъ и похвалиться запасомъ свѣдѣній, необходимыхъ для полнаго сознанія произносимыхъ приговоровъ.

Эта странная смѣсь, это собраніе противорѣчій, которое мы теперь разумемъ подъ названіемъ публики, какъ нельзя болѣе соответствуетъ идеѣ новѣйшей оперы. Въ сферѣ инструментальной музыки, въ отвлеченныхъ областяхъ симфоніи царитъ одинъ композиторъ и господствуетъ на правахъ полнаго владыки. Въ оперѣ условія мѣняются, и публика предписываетъ законы музыканту, кто бы онъ ни былъ. Въ этомъ смыслѣ, *Фенелла* и *Вильгельмъ Телль* принадлежать къ новой оперѣ; скажемъ болѣе: отъ нихъ то и ведетъ она свое начало.

России присутствовалъ при шумномъ представленіи *Фенеллы*; онъ вѣрно понялъ смыслъ и направленіе новой оперы, и все-таки продолжалъ вести праздную и разгульную жизнь. Онъ жилъ тогда на Монмартрскомъ бульварѣ, и былъ въ кругу веселыхъ и безпечныхъ собесѣдниковъ. Вставалъ онъ поздно, въ первомъ часу принималъ гостей, которые приносили съ собой цѣлый запасъ новостей, толковали о театрѣ и о засѣданіи камеръ. Въ минуты задумчивости онъ продолжалъ свои занятія, не обращая большаго вниманія на разговоры своихъ гостей, и только мимоходомъ вставляя слово по поводу какого-нибудь собственнаго имени, долетавшаго до его слуха; въ минуты же добраго настроенія духа, не было предѣловъ его веселости. Анекдоты сыпались одинъ за другимъ, а рассказывать онъ былъ мастеръ, и рѣчь его была проникнута жаромъ и тѣмъ неподдѣльнымъ увлеченіемъ, съ какимъ, бывало, пѣвалъ онъ свою знаменитую арію Фигаро! Съ кѣмъ не встрѣчался онъ въ своей скитальческой жизни! Водилъ онъ знакомство съ папами и съ королями, съ актерами и министрами, съ знатными дамами римскаго общества и съ контадинками изъ Альбано. Отъ князя Меттерниха переходилъ онъ къ Марколинни, отъ сопрано Крешентини къ лю-

бопытнымъ подробностямъ насчетъ папской коллегіи, и рассказы его носили отпечатокъ стиля Фоблаза, но отнюдь не Петрарки. Среди такихъ занятій наступало время большого выхода, который совершался въ присутствіи тѣхъ или другихъ посѣтителей. За исключеніемъ Талейрана, можетъ быть, одинъ только Россини остался вѣрнѣ этому древнему обычаю. Онъ вовсе не думалъ выдавать себя за знатнаго вельможу, по примѣру нѣкоторыхъ современныхъ шарлатановъ, но всѣ замашки вельможи были нераздѣльно слиты съ его личностью. Ему давали дорогу впередъ, и онъ нисколько не дивился этимъ знакамъ общественнаго уваженія; однимъ словомъ, онъ жилъ большимъ бариниомъ. Никто не замѣчалъ за нимъ тѣхъ слабостей, которыми на каждомъ шагу платятъ дань многія знаменитости художественнаго міра. Однаково равнодушный и къ похваламъ и къ порицаніямъ, онъ какъ-будто не обращалъ вниманія на печатные отзывы о своей личности, и грубую брань предпочиталъ пошлому панегирику услужливаго рецензента. «Можно во всемъ сохранить благовидную наружность», говорилъ одинъ остроумный скептикъ того времени. Слова эти можно отнести къ Россини, который умѣлъ сохранить достоинство въ такихъ отношеніяхъ, гдѣ другіе измѣнили бы своему характеру: я говорю объ его дружбѣ съ Агуадо, которая продолжалась до самой смерти славнаго миллионщика. Для такого маэстро, какъ Россини, который сльмъ за порядочнаго сребролюбца, это безпрерывное обхожденіе съ богачемъ и могущественнымъ человекомъ могло имѣть пагубное послѣдствіе. Извѣстно, къ какимъ жалкимъ перемѣнамъ въ характерѣ приводятъ подобныя отношенія. Отъ дружбы до лести одинъ только шагъ.

Россини понималъ невыгоды этого обстоятельства и сохранялъ крайнее благоразуміе въ своихъ поступкахъ. Надо тоже сказать, что и меценатъ умѣлъ цѣнить геніальнаго человека, который питалъ къ нему искреннюю дружбу. Оба эти человека, равно великіе, каждый въ своемъ родѣ, какъ будто имѣли нужду другъ въ другъ: богачъ подавалъ руку

даровитому челоѣку на долгомъ и скучномъ жизненномъ пути. Оба они, пресытившіеся счастливицы, дѣлили пополамъ тяжкое для нихъ бремя жизни: — въ этомъ, можетъ быть, и состоитъ разгадка странной дружбы, которая въ равной степени приносить честь и музыканту и капиталисту.

Если у всѣхъ почти художниковъ, разнообразившихъ свои музыкальные приемы, перемѣна мѣстности отражалась въ различныхъ измѣненіяхъ чувства и мыслей, то врядъ ли можно сказать тоже самое о *Вильгельмъ Телль*. Трудно искуснѣ скрыть свои приемы; ни тѣни суроваго обдумыванья дѣла не замѣтно въ этомъ произведеніи; та же улыбка на устахъ, та же веселая беззаботность сопровождали рожденіе этой образцовой оперы. Всѣ ожидали какого-нибудь смѣшаннаго произведенія, въ родъ *Осады Коринѳа* и *Моисея*, гдѣ, среди давно знакомыхъ отрывковъ старинныхъ оперъ, красуются три и четыре истинно-геніальныхъ мѣста, точно могущественныя каріатиды, поддерживающія карнизъ возобновленнаго зданія. Въмѣсто того зарождался *Вильгельмъ Телль*, и зарождался среди шумныхъ пировъ и безпечной болтовни друзей, окружающихъ общаго любимца. Разъ утромъ, я зашелъ къ нему, и засталъ по обыкновенію челоѣкъ двадцать посѣтителей, которые разговаривали и смѣялись во все горло, въ то время, какъ онъ занятъ былъ своей работой.

Какъ теперь гляжу я на него, стоящаго около фортепіано и набрасывающаго таинственныя знаки на листы нотной бумаги. Окончивъ страницу, онъ ждалъ, пока высохнутъ чернила, вставлялъ въ разговоръ два-три слова и потомъ опять принимался за дѣло. Когда на минуту стихалъ говоръ, слышенъ былъ скрипъ его пера, подъ которымъ, казалось, вспыхивала и загоралась бумага. — Я подошелъ къ фортепіано: то была увертюра *Вильгельма Телля*. Рукопись эта сохранилась до сихъ поръ; на ней нѣтъ и слѣдовъ малѣйшей поправки.

Появленіе *Вильгельма Телля* было эпохой въ искусствѣ. Даже и тѣ, которые заранѣе предвидѣли чудо въ новой

оперъ, даже и тѣ остановились въ изумленіи передъ такимъ неслышаннымъ совершенствомъ человѣческаго гениа.

Уже не малая заслуга состояла въ отреченіи отъ итальянской рутинны и выстуленіи на новую дорогу французской школы; но умъ, съ которымъ пропитался авторъ духомъ новаго времени, освоился съ романтизмомъ, и выразилъ въ мелодіи лихорадочное волненіе современнаго общества, это умъ поразило и озадачило всѣхъ. Говоря правду, Россини принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ организацій, которыя обладаютъ счастливымъ даромъ приноровляться къ понятіямъ и чувствамъ всякой страны, куда бы они ни были заброшены судьбой. Вотъ почему я всегда жалѣю, что послѣ *Вильгельма Телля* не обратилъ онъ своего вниманія на роскошный міръ Шекспира или Гёте. Какъ бы привольно было ему въ этомъ идеальномъ отечествѣ! Какой бы Мефистофель вышелъ изъ-подъ пера его! Къ несчастію, Россини, по примѣру великихъ пѣвцовъ, предпочитающихъ плохую музыку хорошей, всегда пренебрегаетъ существенными достоинствами предлагаемаго ему либретто. Въ его глазахъ равны всѣ сюжеты, и вся сила заключается въ талантѣ музыканта. И надобно сознаться, авторъ *Вильгельма Телля* оправдалъ на себѣ справедливость этого мнѣнія. «Поплая любовь и чудовищныя страсти, которыми сжегодно наполняются цѣлыя сотни вздорнымъ романомъ, приносятъ музыкѣ большую пользу: гениальный маэстро снимаетъ съ нихъ печать пошлости и возводитъ на степень возвышеннаго чувства». Такъ опредѣляетъ Бейль сущность музыкальной драмы, такъ смотритъ на нее Россини, такъ будетъ понимать ее и всякій равносильный ему художникъ, который способенъ изъ ничтожества создавать великое. Вспомнимъ *Вильгельма Телля*: какое либретто можетъ сравниться въ пустотѣ съ поэмой этой оперы! а между-тѣмъ сквозь эту классическую шумиху просвѣчиваетъ романтизмъ того времени; скажемъ болѣе, въ этой музыкѣ, написанной наканунѣ июльскихъ дней, слышно какое-то предчувствіе готовящихся событій. Мы говоримъ только о музыкальной идее, по скольку она не зависитъ отъ сюжета, его выраженія и развитія.

Стоит только сравнить *Танкреда* съ *Вильгельмомъ Теллемъ*, чтобы увидѣть, какъ далеко ушли впередъ общественныя идеи въ теченіе пятнадцати лѣтъ, раздѣляющихъ эти два произведенія одного и того же человѣка. Съ этихъ поръ Парижъ какъ бы поглощаетъ всѣ произведенія европейскаго гениа. Парижъ дѣлается средоточіемъ итальянской и нѣмецкой музыки; изъ него, какъ изъ всемірной мастерской, выходятъ новыя оперы—достояніе всего человѣчества, въ которыхъ Неаполь и Римъ, Вѣна, Берлинъ и Мюнхенъ отыскиваютъ въ послѣдствіи, среди разнородныхъ элементовъ, неизгладимую печать національности маэстро. Даже Испанія, которая никогда не славилась музыкантами, имѣла своего представителя на этомъ конгрессѣ искусства. Кто не помнитъ Гаспара Гомисъ, натуру пылкую и страстную, возросшую на музыкѣ Гайдена и Моцарта, и рано похищенную безжалостной смертью? Изъ всѣхъ юношей, окружавшихъ въ то время Россіи, знаменитый маэстро больше всѣхъ любилъ молодого Испанца и возлагалъ на него большія надежды. Но этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Гомисъ умеръ на тридцатомъ году своей жизни, истомленный мучительной жаждою дѣятельности, и единственная его опера *Мертвецъ*, эта предсмертная лебядиная пѣснь молодого художника, свидѣтельствуесть ясно, до какой степени эта испанская натура, воспитанная на Моцартѣ и Гайденѣ, страстно влюбленная въ Россіи, находилась подъ вліяніемъ французской школы.

Всякій значительный успѣхъ неминуемо влечетъ за собой реакцію. Такъ было и съ Россіи. Въ то самое время, какъ щедрая на похвалы Франція безъ всякой задней мысли отдавалась обаянію гениальнаго человѣка, суровая Германія болѣе и болѣе ожесточалась противъ славнаго маэстро, который, съ самаго начала своего поприща, пришелся ей не по сердцу. *Волшебный Стрѣлокъ* Вебера былъ національнымъ протестомъ германскаго духа противъ владычества Россіи, дошедшаго до крайнихъ предѣловъ. Литературный романтизмъ въ Германіи родился отъ ненависти къ Франціи и отъ пробужденія патріотическаго энтузіазма; романтизмъ музыкальный былъ противодействіемъ итальянскому началу въ

искусствъ. Подобно тому, какъ Шлегель и Тикъ провозгласили крестовый походъ противъ подражанія французской литературы, Веберъ и его послѣдователи выступили бойцами противъ злоупотребленія россиніевскихъ формулъ, и того, что они называли *условнымъ* стилемъ итальянскаго маэстро. Странное дѣло — та же самая Италія, на которую обрушивалось это проклятіе, доставляла безконечныя образцы поэтамъ молодого поколѣнія, заимствовавшимъ отъ нея формы для своихъ сонетовъ и пѣсень, и должна была въ послѣдствіи, въ лицѣ Мендельсона, способствовать обновленію нѣмецкой музыки! Надо замѣтить, что дѣло шло вовсе не изъ-за Россини; имя его служило только предлогомъ для прославленія Асторги и Перголеза, которые для этихъ нео-романтиковъ были тѣмъ же, чѣмъ Данте и Петрарка были для поэтовъ. Какъ бы то ни было, только *Волшебный Стрѣлокъ*, не смотря на свой огромный успѣхъ, не основалъ новой школы, и Веберъ по прямой линіи произвелъ только Маршнера, автора *Ганса Гейлинга* и Конрадина Крейцера, сочинителя *Ночи въ Гренадѣ*, музыкантовъ замѣчательныхъ, но не выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ талантовъ. Благодѣтельные сѣмена, посеянные Веберомъ въ *Волшебномъ Стрѣлкѣ* и другихъ образцовыхъ его произведеніяхъ, принесли плодъ только въ послѣдствіи, когда Мейербееръ возростилъ ихъ въ своихъ гениальныхъ созданіяхъ, въ составъ которыхъ вошелъ и элементъ россиніевскій.

Справедливо назвали Мейербеерову музыку — *энциклопедіей*. Всѣ новѣйшія приобрѣтенія музыкальнаго гени соединилъ Мейербееръ въ своихъ твореніяхъ, въ высшей степени запечатлѣнныхъ космополитическимъ характеромъ. Въ *Робертѣ Дьяволѣ* онъ довелъ до грандіозныхъ размѣровъ мѣстный романтизмъ автора *Волшебнаго Стрѣлка*; въ *Гугенотахъ* и въ *Пророкѣ* открылъ онъ новыя, неслыханныя до него пути для дѣйствованія цѣлымъ массамъ, и въ этомъ отношеніи нѣтъ ему соперниковъ. Россини ограничился *Теллемъ*, Оберъ — *Фенеллой*; Мейербееру принадлежитъ честь созданія исторической оперы. Такъ въ *Гугенотахъ* борьба протестантизма съ католицизмомъ не столько видна въ драматическомъ мотивѣ пьесы, сколько въ характерѣ самой

музыки. Эта опера запечатлена духомъ и колоритомъ того времени. Въ ней впервые высказалась въ музыкѣ противоположность двухъ великихъ идей, стремившихся къ обладанію міромъ. То же можно сказать и о *Пророкъ*, этомъ высочайшемъ созданіи Мейербеера гения, гдѣ на мѣсто борьбы личныхъ страстей выступаетъ борьба вѣчныхъ идей, представителями которыхъ служатъ отдѣльныя историческія личности или цѣлые народы.

Къ первому разряду композиторовъ, порожденныхъ во Франціи успѣхами Мейербеера, должно отнести автора *Кипрской царицы* и *Карла VI*. По примѣру Герольда, котораго оперу *Людовикъ* онъ привелъ къ окончанію, по примѣру большей части музыкантовъ того времени, Галеви тоже подпалъ вліянію Россни; только вліяніе это было болѣе косвенное. Между *Вильгельмомъ Теллемъ* и *Жидовкой*, *Робертъ Дьяволъ* служитъ посредникомъ. Галеви много изучалъ въ своей жизни. Онъ выступилъ на музыкальное поприще въ полномъ вооруженіи, и пяти-лѣтняя дружба его съ Керубини сдѣлала изъ него глубокаго знатока контрапункта, который онъ изучилъ въ высшей степени, и который можно безошибочно назвать архитектурой звуковъ. Вотъ почему началъ онъ поприще съ полнымъ сознаниемъ своего дѣла, руководимый не столько врожденнымъ призваніемъ, сколько убѣжденіемъ эстетическимъ. Галеви представляетъ собою любознательное исключеніе въ исторіи новѣйшей Французской оперы. Въ немъ нѣтъ и слѣдовъ той пріятной легкости, свойственной духу Французскаго народа, того беззаботнаго кокетства, того мелодическаго увлеченія, которымъ отличается большая часть оперъ Бюльдьё, Герольда и Обера, и признаки котораго видны даже въ пошлыхъ импровизаціяхъ Адама. У него повсюду видна метода и глубокой расчетъ; онъ имѣетъ какое-то пристрастіе къ трудностямъ, изъ которыхъ почти всегда выходитъ побѣдителемъ. Съ этой точки зрѣнія *Éclair* считается самымъ совершеннымъ произведеніемъ Галеви. Надо сознаться что опера, въ которой нѣтъ ни хоровъ, ни дѣйствія, и которая написана исключительно для двоихъ теноровъ и двухъ сопрано, была бы и въ Италіи камнемъ преткновенія для

*

композитора. Щеголяя безчисленными оттенками, Галеви раздражает любопытство слушателей и доставляет особенное удовольствие тамъ, гдѣ другой нагналъ бы непременно скуку. Какъ и всѣ люди, одаренные болѣе умомъ, чѣмъ воображеніемъ, и въ которыхъ способность критическая беретъ верхъ надъ силой творческой, Галеви не основалъ новой школы, и ни одна изъ его безчисленныхъ оперъ не произвела эпохи въ искусствѣ. Мы причисляемъ его къ последователямъ Россини, но его можно отнести и къ школѣ Мейербера, потому что онъ ведетъ свое начало отъ этихъ обоихъ маэстро, и скорѣе отъ пѣвца *Роберта* и *Гугенотовъ*, нежели отъ автора *Вильгельма Телля*.

VIII.

ПОЯВЛЕНІЕ НОВЫХЪ МАЭСТРО. — БЕЛЛИНИ И ДОНИЦЕТТИ.

Въ 1829 году Россини покинулъ навсегда избитую дорогу итальянской оперы. Были минуты, когда Италия пыталась удержать за собою ускользавшее отъ нея первенство въ музыкальномъ мѣрѣ: то было при появленіи Беллини; но къ этому національному энтузіазму, съ которымъ встрѣченъ былъ юный маэстро, примѣшались интересы политическіе.

Вскорѣ послѣ июльскихъ дней пробудилось и въ Итали нѣкоторое движеніе, вызванное тогдашнимъ переворотомъ во Франціи. За минутой восторга настала пора отчаянія, и плодомъ его была болѣзненная сентиментальность, которой не знали итальянцы въ славныя времена Чимарозы и Россини. На долю Беллини выпало выразить въ музыкѣ это смутное состояніе народныхъ умовъ. Онъ понялъ свое назначеніе, онъ воспѣлъ Сіонскій гимнъ предъ этими новыми Евреями, сидящими на рѣкахъ Вавилонскихъ,

и въ этомъ заключается причина единодушныхъ восторговъ и возвышенныхъ патріотическихъ порывовъ художественнаго народа Италіи. Преждевременный конецъ Беллини не мало способствовалъ обоготворенію юнаго маэстро. Онъ сдѣлался героемъ національной міеологіи и занялъ мѣсто подлѣ Рафаэля. Россіи воспѣвалъ веселую, беззаботную Италію, страну солнца, цвѣтовъ, красавицъ, пульчинелей и макаронъ; Беллини былъ пѣвцомъ поращенной и скорбѣвшей Италіи; въ его нѣжныхъ звукахъ слышится плачь великаго народа.

Эта господствующая струна національности не спасла Беллини отъ вліянія французской музыки, несомнѣннымъ доказательствомъ чего служатъ его *Пуритане*. Въ этой оперѣ, отличающейся болѣе выдержаннымъ стилемъ, болѣе драматическимъ выраженіемъ, молодой маэстро расширилъ предѣлы своего горизонта; въ ней видны были задатки великой дѣятельности въ будущемъ. Смерть пресѣкла эти надежды: она какъ будто заботилась о сохраненіи для потомства этой вѣчноюной личности.

«Кто въ юности покинулъ землю, тотъ пребываетъ вѣчно-юнымъ въ царствѣ Прозерпины, является вѣчно-юнымъ и людямъ будущихъ поколѣній. Умершій въ старости, спитъ крѣпкимъ сномъ; но смерть юноши пробуждаетъ нѣжное сочувствіе, безконечное сожалѣніе, переходящее изъ рода въ родъ». Эти слова Паллады Пелееву сыну пришли намъ на память при мысли о сладкомъ пѣвцѣ угнетенной Италіи. Въ *Пуританахъ* Беллини далъ новое направленіе своей музыкѣ; кто знаетъ, сохранилъ ли бы онъ до конца поэтическую прелесть своей юношеской фізіономіи? Теперь же съ именемъ его связаны воспоминанія о любопытнѣйшей эпохѣ въ исторіи цѣлаго народа. Музыкальная жизнь его началась наканунѣ июльскихъ дней и кончилась вмѣстѣ съ ними. Отнимите отъ него этотъ исключительно національный характеръ, этотъ элегическій и нѣжно-задумчивый тонъ его пѣсенъ, и Беллини перестанетъ быть феноменомъ, и фізіономія его утратитъ ту прелесть, то спокойствіе полубога, которымъ окружила его народная фантазія. Музыка *Пуританъ*, такъ превознесенная

во Франціи, никогда не пользовалась большою извѣстностью по ту сторону Альпъ, за отсутствіемъ національнаго характера. Напротивъ того, *Норми*, и въ особенности *Сонамбула*, приобрѣли народную славу въ Италіи. Замѣтимъ здѣсь это странное и вызывающее на размышленіе обстоятельство: нація XIX вѣка провозгласила *народной оперой* произведеніе, основанное на положеніи дѣвушки, страдающей разстройствомъ нервной системы!...

Россини создалъ виртуозовъ, Беллини произвелъ пѣвцовъ. Мѣсто роскошнаго, ослѣпительнаго колорита, мѣсто граціозной легкости выраженія россиніевой музыки заступила патетическая полнота кантилены, главнымъ представителемъ которой явился Рубини. Беллини не имѣлъ подражателей; музыка его слишкомъ тѣсно связана съ его личностью, а копировать феноменъ невозможно. Въ пѣніи Беллини отражалась душа его, между тѣмъ какъ у Россини и у другихъ основателей школъ большую роль играетъ техническая формула. «Синьоръ Россини, сказалъ однажды въ сердцахъ старикъ Зингарелли, директоръ Неаполитанской Консерваторіи, вы погубили у меня всѣхъ учениковъ. — Какъ же это, любезный маэстро? возразилъ авторъ Танкреды. — Да они принялись всѣ подражать вашей музыкѣ. — Жаль, очень жаль, продолжалъ Россини; но зачѣмъ вы не заставляете ихъ подражать вамъ? — Раздражительный старикъ понялъ насмѣшку и отвѣчалъ: — А потому, что подражать Россини легко, а подражать Зингарелли немного потруднѣе». (*Sappiate che imitare Rossini è facile, ma imitare Zingarelli un po' difficile!*)

Въ числѣ этихъ корифеевъ стараго стиля, состоявшихъ подъ командой почтеннаго Зингарелли, находился также маркизъ Зергалли, заклятой врагъ Россиніевой музыки, которую онъ прозвалъ «вулканической музыкой». «Сочиненія Россини (говорилъ онъ), разсматриваемыя съ высшей точки зрѣнія, далеко не такъ удовлетворительны, какъ прокричала объ нихъ мода. Россини не можетъ похвалиться изобрѣтательностью. Я насчитаю десятка два итальянскихъ и нѣмец-

кихъ артистовъ, которыхъ онъ немилосердо обкрадываетъ на каждомъ шагѣ, вставляя ихъ идеи въ свои собственныя произведенія. Какая разница между нимъ и музыкантами прежняго времени, классическими композиторами XVIII столѣтїя, этого золотого вѣка гармонїи и мелодїи!» Опять тотъ же плачь о временахъ давно минувшихъ, опять тоже, ни къ чему не ведущее, сопоставленіе прошедшаго съ настоящимъ; не обращаютъ вниманія на то, исполнилъ ли человекъ свое великое назначеніе, определенное ему свыше, и, во что бы то ни стало, хотятъ связать его съ преданїями, длинную цѣпь которой онъ разорвалъ своимъ гениемъ. — Отчего не вышелъ изъ васъ Гайдень, Моцартъ или Гендель? «Ахъ Боже мой! да оттого, что я Россини. Если бы я и старался быть этими людьми, повѣрьте, господа, изъ меня вышелъ бы плохой Гайдень и жалкій Моцартъ. Лучше остаться просто Россини и дѣйствовать въ условїяхъ своей натурѣ» (*).

Россини и Беллини оставались вѣрными самимъ себѣ вплоть до французскаго періода ихъ дѣятельности. Менѣе одаренный самостоятельностью, Доницетти долго колебался въ выборѣ пути. Онъ оставался вѣрнымъ наследственному стилю только въ эпоху своей неизвѣстности (**). Со времени первыхъ своихъ успѣховъ онъ старался усвоить себѣ элементы всѣхъ родовъ музыки, безъ всякой церемонїи заимствуя свои идеи изъ Россини и Мейербеера, изъ Обера и Беллини. Кто изъ насъ не узнаетъ въ *Любовномъ Напиткѣ* комической манеры автора *Итальянки въ Алжирѣ*? Кто, слушая *Велларїя*, не вспомнить объ *Нормѣ*? *Дочери полка* позапидовалъ бы самъ Бюльдьё. Соедините эггическій тонъ Беллини съ Россиніевской оркестровкой, соедините задумчивую нѣжность сицилійскаго маэстро съ обаятельною страстностью

(*) Подлинныя слова его, сказанныя по этому поводу въ Вѣнѣ въ 1822 году.

(**) Которая, по увѣренїю Бейля, продолжалась еще въ 1828 году. «Г-жа Лампуньяни повезла насъ въ концертъ г-жи Савелли. Музыка оказалась пошлою — чему я не удивлялся: она принадлежитъ маэстро Доницетти. Этотъ человекъ преслѣдуетъ меня повсюду». Бейль, Прогулки по Риму. Т. II, стр. 3.

творца *Отелло*, призовите на помощь романтизм — и вотъ вамъ *Луция*. Въ *Фавориткѣ* Доницетти ловко подслужился германской музыкѣ. Главнымъ побужденіемъ этой эклектической дѣятельности Доницетти служить неистовое желаніе успѣха и славы. Онъ присматривается къ обществу, изучаетъ его прихоти и угождаетъ ему. Музыка его подчасъ имѣетъ сходство съ журнальнымъ фельетономъ. Чувствуешь злоупотребленіе таланта, и въ тоже время благодаришь автора за развлеченіе. При томъ же Доницетти нельзя назвать пошлымъ подражателемъ; въ немъ есть зерно самобытности, какъ ни глубоко зарыто оно въ землѣ постороннихъ владѣльцевъ. Какъ бы то ни было, только Доницетти не имѣетъ національной физиономіи, — что не мѣшало ему пользоваться громадною извѣстностью. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что слава этого маэстро не многимъ пережила его самого. Всѣмъ памятно глубоко-грустное впечатлѣніе, произведенное смертію Беллини, не только въ Италіи, но и во всемъ парижскомъ обществѣ. Въ одно прекрасное утро журналы объявили, что Доницетти умеръ въ сумасшествіи — никто не обратилъ вниманія на эту утрату. Конечно, то было въ 1848 году, и музыкантъ выбралъ плохое время для разставанья съ землєю. Авторъ *Пуританъ* въ добрый часъ покинулъ людское общество, авторъ *Луции* — слишкомъ рано, въ томъ смыслѣ, что разнообразное проявленіе подобныхъ талантовъ не знаетъ предѣловъ. Кто скажетъ, сколько бы новыхъ оперъ написалъ этотъ человекъ, если бы Господь не пресѣкъ дней его? Въ лицѣ Доницетти умеръ послѣдній Римлянинъ. Какъ ни глухо звучала въ немъ струна народная, тѣмъ не менѣе она дала нѣсколько отголосковъ въ началѣ его поприща, тогда какъ теперь итальянскіе композиторы рождаются Нѣмцами или Французами и начинаютъ такъ, какъ кончали ихъ предшественники. Возьмите хоть Верди. Разъ въ обществѣ ученыхъ литераторовъ, Андреа Орканья (*Andrea Orcagna*) предложилъ слѣдующій вопросъ: Кто выше всѣхъ изъ живописцевъ, за исключеніемъ Джіотто? Одинъ называлъ Чимабуэ, другой Стефано, третій Бернардо или Буффальмакко. Таддео Гадди, присутствовавшій тутъ же, сказалъ: Конечно, было у

насть много великихъ талантовъ, только искусство это падаетъ съ каждымъ днемъ.

Вмѣсто Джіотто назовите Россини, и отзывъ прикладывается къ музыкѣ, къ этому искусству, которое тоже падаетъ съ каждымъ днемъ!

Каковы бы ни были заслуги обоихъ композиторовъ въ дѣлѣ историческаго развитія искусствъ, но вліяніе ихъ на общество въ 30-хъ годахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кончилось нераздѣльное царство Россини; блуждающія свѣтила произвели минутное затмѣніе солнца. Торжественное вступленіе Мейербеера на поприще музыкальнаго искусства, различныя оперы, не отличавшіяся, какъ *Робертъ Дьяволъ*, большими художественными достоинствами, но пользовавшіяся общественнымъ вниманіемъ, мало по малу заслонили автора *Вильгельма Телля*. Смѣшно бы было называть завистью неприятное чувство, овладѣвшее въ это время душою великаго маэстро: то было чувство высшаго равнодушія, которое рано или поздно возникаетъ въ человѣкѣ, вполне сознающемъ свое превосходство, при видѣ жалкаго непостоянства общественнаго мнѣнія. Были и другія причины этого мрачнаго расположенія духа. Россини былъ искренно преданъ реставраціи; онъ любилъ ее той любовью, которая поражаетъ насъ на каждой страницѣ у Ламартина, и во имя которой всякій человѣкъ привязывается всей душою къ тому періоду своей дѣятельности, когда въ полномъ блескѣ сіяли его нравственныя и умственныя силы, къ тѣмъ благословеннымъ годамъ, съ которыми связана слава однихъ и разочарованіе другихъ. Понятно, какое глубокое негодованіе произвели въ Россини юльскія происшествія. Этотъ переворотъ, реакція котораго стоила жизни Нибуру, наложилъ на душу музыканта Веронскаго конгресса печать неизлечимой меланхоліи, которая восемнадцать лѣтъ спустя, со времени февральской революціи перешла въ рѣшительное отчаяніе. Новые министры стали на мѣсто тѣхъ людей, съ которыми онъ находился въ тѣсныхъ отношеніяхъ; завѣдываніе оперой перешло отъ министерства двора въ руки частнаго антрепренера, и эти об-

стоятельства, которыя такъ легко могъ перенести авторъ *Вильгельма Телля*, были причиною его полного отреченія, потому что они подвѣствовали на характеръ, утомленный жизненной опытностью и очень хорошо знавшій цѣну людскимъ восторгамъ.

Россини удался подъ самую крышу итальянскаго театра; тамъ старинныя друзья его, не боявшіеся сломать себѣ шею въ какой-нибудь западнѣ, видали его въ теченіе трехъ лѣтъ, въ философскихъ размышленіяхъ о современныхъ событіяхъ. Язвительная насмѣшка его никому не давала пощады; двумя, тремя словами казнилъ онъ нынѣшнюю или завтрашнюю извѣстность; почти всѣ его эпиграммы, дошедшія до насъ, относятся къ этому времени. Извѣстно, какъ процвѣталъ тогда итальянскій театръ подъ вліяніемъ Беллини и Доницетти; имя Россини только изрѣдка появлялось на афишкахъ. Конечно, давали по временамъ *Сороку-воровку*, *Отелло* и *Севильскаго Цирюльника*, но *Пуритане*, *Аниа Боленъ*, *Норма*, *Лучія*, составляли главный репертуаръ той эпохи, — а онъ взобравшись на вершину своего юта, и не замѣчалъ, что вѣтеръ уже не дуетъ болѣе въ корму его корабля. Жить въ храмъ враждебныхъ боговъ, день и ночь дышать воздухомъ ихъ торжествъ, — да, другой бы умеръ отъ зависти на мѣстѣ Россини. Но онъ, казалось, находилъ въ этомъ удовольствіе, и нѣжилъ какъ саламандра въ огнѣ. Кто въ эти года посѣщалъ итальянскій театръ, тотъ, вѣроятно, не разъ встрѣчалъ въ корридорахъ, часу въ одиннадцатомъ, челоуѣка довольно полнаго, съ спокойнымъ и беззаботнымъ лицомъ, съ ласковымъ и привлекательнымъ взоромъ, съ простыми и добродушными пріемами, который обращалъ на себя общее вниманіе незатѣйливостью своей одежды и просторомъ своего скюртука: этотъ челоуѣкъ былъ Россини. На то, что происходило на сценѣ и въ залѣ, онъ не обращалъ никакого вниманія, и если мимоходомъ, въ полурастворенную дверь, долетала до него кака-нибудь мелодическая струя, онъ, право не зная, откуда принеслась она, изъ *Пуританъ* или изъ *Отелло*. Такъ какъ обитасмая имъ келья не позволяла ему принимать посѣтителей, то онъ сходилъ иногда въ фойс,

чтобы взглянуть на людей, но и тутъ всячески избѣгаль глушцовъ, встрѣчи съ которыми боялся онъ какъ чумы. Если въ толпѣ мелькавшихъ передъ нимъ людей ловить онъ какой-нибудь разговоръ, подходящій подъ настроеніе его собственнаго духа, то онъ подсаживался съ видомъ неспѣсиваго барина на лавочку подлѣ первой служанки, отворяющей дверь въ ложу: всѣ онъ давно признали его, и не рѣдко передавали ему разныя любопытныя исторіи, происходящія въ подвѣдомственныхъ имъ будуарахъ. Однажды вечеромъ, Джудитта Гризи, извѣстная своей близорукостью, прошла мимо него; Россини позвалъ ее вслѣдъ, и пѣвица, обратившись назадъ, сказала съ замѣшательствомъ: «Извините меня, любезный маэстро! я приняла васъ за лакея!» (*Vi prendeva per un servitore*). Впрочемъ, эти странности въ обращеніи нисколько не должны удивлять насъ. Итальянецъ, отдыхающій отъ своихъ занятій, очень хорошо знаетъ себѣ цѣну. Врядъ ли какой-нибудь поваръ въ Парижѣ, или даже въ Неаполѣ съумѣетъ такъ приготовить макароны какъ братъ герцога Ч... — что не мѣшаетъ ему быть однимъ изъ первыхъ вельможъ въ его отечествѣ.

IX.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ИТАЛІЮ. — БОЛОНЬЯ И ФЛОРЕНЦІЯ.

Въ одинъ прекрасный день Россини соскучился во Франціи, и выѣхалъ изъ Парижа въ свой великолѣпный палаццо въ Болонью. Здоровье его, на разстройство котораго онъ жаловался въ последнее время своего пребыванія во Франціи, вскорѣ поправилось отъ вліянія роднаго воздуха, и мало по малу забылъ онъ асфальтовую мостовую парижскихъ бульваровъ, корридоры итальянскаго театра и великолѣпныя кофейныя шумной столицы, какъ забылъ онъ многое на этомъ

свѣтъ. Жизнь въ Болоньи приплась ему по душѣ; онъ проводилъ время среди умныхъ и образованныхъ прелатовъ Россини всегда любилъ общество духовныхъ лицъ, можетъ быть въ воспоминаніе милостиваго вниманія къ нему кардинала Конзальви, страстнаго любителя музыки и поклонника Чимарозы, бюстъ котораго сдѣлалъ для него Канова съ надписью:

A Domenico Cimarosa,
Ercole cardinale Consalvi.

Искусное и благоразумное поддержаніе своего значительнаго богатства, удовольствія хорошаго стола, безмятежная игра въ вистъ — таковы были занятія и развлеченія этого мудреца, который отказался отъ земной славы.

Февральская революція нарушила благосостояніе счастливаго дилеттанта. Объятый ужасомъ и страхомъ при видѣ событій, открывшихся въ Болоньи, онъ выѣхалъ во Флоренцію, гдѣ и пристроилъ своихъ пенатовъ, въ ожиданіи новаго порядка вещей. Въ Парижъ ему стали бы надобъдать толками объ его музыкѣ, но тамъ, подъ благословеннымъ небомъ Италіи, гдѣ каждый живетъ самъ для себя, не заботясь о своемъ сосѣдѣ, никто не тревожилъ его слуха непрощенными похвалами. Однажды великій герцогъ пожелалъ слышать Вильгельма Телля. Россини самъ дирижировалъ представленіемъ, тѣмъ дѣло и кончилось.

Говорятъ, что отличительный характеръ генія состоитъ въ развитіи искусства и въ преобразованіи его формъ, завѣщанныхъ прежними дѣятелями, Россини вполнѣ оправдываетъ эту истину. Бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе итальянской музыки около 1812 года, передъ появленіемъ славнаго сына скромной Анны Гвидарини. Прежняя школа пѣнія, изъ которой вышло столько знаменитыхъ виртуозовъ, уже не существовала болѣе. Большая часть музыкантовъ прошлаго вѣка уже умерли; оставшіеся въ живыхъ, ничего вновь не писали. Золотыя лиры Чимарозы и Пайзіелло оставались

безответными; Зингарелли, Фиораванти, Сальери, Портогалло — замолкли. Керубини и Спонтини, переселившись во Францію, на вѣки погибли для Италіи. Новое поколѣніе представляло только слабый отголосокъ прошедшаго. Не будь Павези такого слабаго сложенія, онъ, можетъ быть, оправдалъ бы въ послѣдствіи то высокое мнѣніе, которое имѣлъ объ немъ Россіини по его различнымъ отрывкамъ; Фиораванти доводилъ до нелѣпости комизмъ Чимарозы; что же касается до Дженерали, Какчія, Николіни — то были, безъ сомнѣнія, люди замѣчательные, но не имѣвшие определенной фizioноміи, люди не бездарные, но лишенные силы воображенія. Противъ этой толпы подражателей, не отличавшихся мелодичностью старинныхъ маэстро, возстали двое музыкантовъ, которые вознамѣрились произвести реакцію. Одинъ изъ нихъ былъ Баварецъ Симонъ Маиръ, авторъ *Лодиски*, представленной въ 1800 году, *Элезинскихъ таинствъ*, и десятковъ двухъ другихъ произведеній, которыя долго оставались образцами въ глазахъ публики, не знакомой еще съ Моцартомъ; другой Паэръ, родомъ Итальянецъ, который очень хорошо понималъ, сколько пользы извлечь можно изъ нѣмецкой гармоніи. Итальянская музыка, утративъ прежнюю легкость и простоту, обратилась къ вычурамъ и ученымъ замашкамъ, и достоинство названныхъ нами композиторовъ состоитъ въ искусномъ осуществленіи разныхъ комбинацій, требуемыхъ духомъ времени. Оркестръ всегда былъ отголоскомъ господствующаго мнѣнія эпохи. Возьмите оркестровку *Деревенскаго Колдуна* — съ какой полнотою, въ этой нѣжной буколической музыкѣ, гдѣ слышно безпрестранное воркованіе флейты, отразилось сентиментальное рококо пустаго и выдохшагося общества. Съ переменной нравственныхъ и умственныхъ понятій, съ появленіемъ склонности къ романтизму, въ оркестръ преобладаютъ арфы и органы; наступитъ время военное и откроется царство мѣдныхъ инструментовъ. Достоверно только, что оглушительныя трубы и весь этотъ воинственный громъ, въ которомъ упрекали итальянскую музыку, появились въ искусствѣ въ славныя времена Наполеоновой имперіи: въ первый разъ встрѣчаются они въ операхъ, написанныхъ между

1811 и 1813 годами маэстромъ Дженерали и другими композиторами, которые вдохновлялись бюллетенями имперіи.

Въ такомъ положеніи были дѣла при появленіи Россіи. Предъ этимъ юношей, одареннымъ всеми инстинктивными способностями генія, вмѣщавшимъ въ себя и Пиндара и Анакреона, остановились въ изумленіи Болонья, Венеція и Миланъ. Другіе пишутъ для того, чтобы имъ дивились; его же музыка — лучший праздникъ для очарованнаго слуха. «Если бы меня спросили, пишетъ Карпани (*), что ослѣпляетъ меня и чаруетъ въ этомъ метеорѣ итальянскаго неба, что нахожу я упительнаго и волшебнаго въ этой чудной музыкѣ, я бы прокричалъ во всеуслышаніе: пѣніе, и пѣніе, и опять таки пѣніе!» И воздавши должную похвалу геніальному человѣку онъ продолжаетъ:

«Напрасно обвиняютъ музыку Россіи въ недостаткѣ выраженія; по моему мнѣнію, онъ какъ-будто намѣренно жертвуетъ выраженіемъ пѣнію, которымъ такъ пренебрегаютъ многіе изъ знаменитѣйшихъ германскихъ композиторовъ. Для нихъ музыка состоитъ исключительно въ выраженіи и съ начала до конца должна быть запечатлѣна поэтическимъ колоритомъ содержанія.... Результатомъ этой странной теоріи является *Фиделио Бетховена*, которое состоитъ изъ сплетенія разныхъ модуляцій, не ладящихъ другъ съ другомъ, не ладящихъ и съ слухомъ слушателя, изъ разныхъ музыкальныхъ фразъ, прорываемыхъ яркимъ блескомъ молніи, но которыя врядъ ли могутъ составить цѣлое, называемое оперою!»

Не раздѣляя безусловно мыслей миланскаго критика, надо однако же сознаться, что въ словахъ его есть частица правды, и что если берлинскіе и лейпцигскіе ученые вполнѣ постигли слабую сторону итальянской музыки, то и итальянскіе критики не совсѣмъ несправедливы въ своихъ сужденіяхъ о германской музыкѣ. Руссо, который въ свое время придерживался началъ, представляемыхъ нынѣ маэстромъ

(*) *Carpani: Biblioteca italiana 1818, Milan.*

Россини, говорилъ правду. что трагедія требуетъ декламации, а музыка есть отдельное и независимое искусство, органомъ котораго является слухъ, точно такъ же какъ органами живописи и поэзіи служатъ глаза и сердце чело­вѣка. Противниками этихъ мыслей были Глюкъ и его послѣдователи: то была вѣчная борьба съвера съ югомъ, старинный споръ, не разрешенный бурными преніями XVIII вѣка, и который кончится только съ окончаніемъ царства музыки на землѣ! А сойдтись такъ было нетрудно: послѣдователи Глюка не отрицали мелодіи, приверженцы Пиччини не отвергали выраженія драматическаго. Кто скажетъ, что помимо гармонической декламации нѣтъ никакихъ достоинствъ въ *Альцестъ*, въ *Ифигеніи*, въ *Орфелъ*, въ этой мелодической оперѣ, которая была торжествомъ Гвадани, и поэтическія красоты которой передавалъ намъ незабвенный Рубини въ свои лучшіе года? Глюкъ вовсе не пренебрегаетъ гармонію; напротивъ, онъ любитъ ее и воспроизводитъ во всѣхъ формахъ; а съ другой стороны неужели Пиччини, Пайзіелло и Чимароза умышленно грѣшатъ противъ выраженія? Тоже самое относится и къ Россини, который въ извѣстномъ тріо изъ *Вильгельма Телля* умѣлъ соединить простоту и ясность итальянскаго стиля съ глубокимъ драматическимъ выраженіемъ нѣмецкой музыки.

Россини служить какъ бы примирителемъ Италіи съ Германію въ дѣлѣ музыкальнаго искусства. Ученикъ Гайдена въ употребленіи инструментовъ, онъ въ совершенствѣ знаетъ науку диссонансовъ и модуляцій, и, прибѣгая въ гармоніи къ свѣто-тѣни, онъ никогда не выходитъ изъ должныхъ предѣловъ. До него, никто изъ итальянскихъ художниковъ не сближался въ такой степени съ Германіей, и самые непримиримые враги его должны сознаться, что Россини сдѣлалъ всѣ уступки, требуемыя отъ него духомъ времени, не отрекаясь отъ своей индивидуальности, и что, заимствуя у Нѣмцевъ ихъ оркестръ, онъ всегда почтительно обходилъ ихъ метафизику.

Правиться публикѣ, завлекать ее и держать въ своей власти — таково желаніе Россини, такова постоянная цѣль

этихъ мелодій, этихъ мотивовъ, этихъ темъ, аккомпанименты которыхъ взяты изъ оркестра Гайдна и Моцарта. Авторъ *Вильгельма Телля* умѣлъ помирить — и въ этомъ состоитъ его главная заслуга — успѣхи новѣйшей гармоніи, новѣйшія открытія въ области инструментовки съ неодолимою потребностью мелодичности, которою живутъ Итальянцы. Паеръ и Маиръ, ограничившись обновленіемъ оркестра, рѣшили задачу только вполнину; одинъ гений могъ нанизать драгоценныя алмазы и перлы на роскошную ткань полной и благоуханной гармоніи. Дѣло шло не просто объ удовлетвореніи всеобщей потребности; надо было удовлетворить ей въ опредѣленныхъ размѣрахъ и въ условіяхъ національнаго вкуса. Россини понималъ свое назначеніе, и всѣмъ извѣстно, какой электрической токъ нробрѣжалъ по всей Италіи отъ его обаятельныхъ пѣсенъ. Пускай педанты колятъ ему глаза его *квинтами* и другими синтаксическими ошибками, которыя примѣтны на бумагѣ для пытливаго глаза заслуженныхъ теоретиковъ и не существуютъ для публики въ общей массѣ мелодическихъ звуковъ; на подобныя мелочи по всему праву не обращаетъ вниманія человѣкъ гениальный: онъ важны и непрощительны только для школьниковъ. Малѣйшій шагъ, обличающій въ художникѣ безсиліе, разрушаетъ прелесть созданья; напротивъ того, разные недосмотры, происходящіе отъ избытка таланта, возвышаютъ его достоинство. По нашему мнѣнію, можно бы упрекнуть Россини въ другихъ, болѣе существенныхъ недостаткахъ, каковы, напримѣръ: это злоупотребленіе *виртуозности* пѣвца, это вѣчное воспроизведеніе тѣхъ же формулъ, которыя, подъ видомъ услажденія слуха, только притупляютъ его и развращаютъ, однимъ словомъ, всю эту *манерность*, противную изящному вкусу и простотѣ выраженія; сюда же должно отнести слишкомъ частое замѣненіе драматическаго интереса чисто театральнымъ эффектомъ и въ особенности смѣшеніе всѣхъ родовъ искусства, вслѣдствіе чего комическій мотивъ безобразитъ сцену изъ *Отелло*, и патетическая фраза не значай прорывается въ Севильскомъ Цирюльничкѣ, точно вдова въ театральномъ маскарадѣ. Не рѣдко среди глубокой тишины неистово загремитъ оркестръ, и вы

думаете, что наступилъ конецъ міру и спрашиваете самихъ себя: неужели содержаніе пьесы требуетъ подобной музыкальной тревоги? О нѣтъ, это Юпитеръ потѣшается и заводитъ бурю для того, чтобы вы не заснули въ своемъ креслѣ. Россини называетъ это пробужденіемъ музыкальнаго интереса; лучше бы было неослаблять его и вести ровнѣе чрезъ всю пьесу. Но кто изъ насъ осмѣлится упрекнуть въ длиннотахъ человѣка, который въ десять лѣтъ написалъ около сорока оперъ? Тому можно отвѣтить словами Цицерона, который извинялся, что пишетъ длинное письмо за неимѣніемъ времени написать короче. Впрочемъ, никто такъ чистосердечно не сознается въ собственныхъ недостаткахъ, какъ Россини, а это, конечно, не даромъ.

Отъ чего вы—, спросили его однажды, питая глубокое уваженіе къ Моцарту и Гайдну, не стараетсяъ подражать ихъ стилю? — Очень бы радъ отвѣчалъ онъ; но что прикажете дѣлать? боюсь итальянской публики (*temo il pubblico italiano*). И онъ принялся опять за свои арпеджии, кадансы, модуляціи, *крешендо* и *форте*. — Россини не можетъ разстаться съ мелодіей, если она пришлась ему по душѣ; у него ухо опережаетъ мысль, и когда эти власти не уживаются вмѣстѣ, онъ и не думаетъ мирить ихъ, потому что не охотникъ до семейныхъ ссоръ. Отсюда частыя безсмыслицы въ его музыкѣ, отсюда это множество мотивовъ, которые на самомъ дѣлѣ суть только варіаціи, отсюда эти ружады, эти трели, это обиліе драматическихъ нотъ, которыя имѣютъ смыслъ въ интермедіи, но которыя безпрестаннымъ повтореніемъ наводятъ скуку и вредятъ драматическому положенію и характеру лицъ. Говоря правду, вина эта падаетъ не на одного Россини; приступая къ своимъ смѣлымъ нововведеніямъ, онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ приноровляться къ сценическимъ обычаямъ своей родины, для которой театральное представленіе не болѣе какъ музыкальный концертъ. Великія имена Глюка и Моцарта, которыми до сихъ поръ колятъ ему глаза, были знакомы ему не по одной насльщкѣ, и онъ доказалъ, что можетъ смѣло идти вслѣдъ за ними, лишь бы только атмосфера страны благопріятствовала

его начинанію. Въ ожиданіи этой благословенной минуты, онъ продолжалъ свою беззаботную жизнь и побаивался итальянской публики — *temo il pubblico italiano* — что не мѣшало ему доводить до неслыханнаго развитія драматическую часть своихъ сочиненій, и являться въ своихъ финалахъ и речитативахъ челоувкомъ, который опередилъ свой вѣкъ и свою родину, но по добродушію не хотеть разорвать съ ними связи.

Подтвержденіе нашихъ словъ найдти можно въ *Отелло Моисель*, *Зельмиртъ* и *Сорокъ-Воровкъ*. Конечно, ни одна изъ этихъ оперъ не можетъ назваться совершеннѣйшимъ образцомъ искусства въ родѣ Моцартова *Донъ-Жуана* или *Тайнаго Брака* Чимарозы; мишура перемишна въ нихъ съ золотомъ, вычурность съ простотою, и эта музыка, не смотря на обиліе первостепенныхъ красотъ, носить на себѣ всѣ недостатки своего времени. Россини добивался усгѣха, и очень хорошо зналъ требованія общества. И въ самомъ дѣлѣ у всякаго времени есть слабыя стороны, которыя надо щадить, если челоувкъ хотеть при жизни имѣть вліяніе на массу. Благодаря Бога, не всѣ гениальные люди умираютъ въ богадельняхъ; многіе и многіе наслаждаются жизнью и срываютъ цветы наслажденія. Задача состоитъ въ томъ, чтобы искусно взяться за дѣло и уважать предметъ, доставляющій намъ развлеченіе. Почти всегда подъ прикрытіемъ рутины прорываются на свѣтъ Божій новыя истины и воцаряются надъ міромъ. Гений, равно какъ и посредственность, придерживается выраженныхъ нами правилъ, расплачивается мелкой монетою, которая у всякаго подъ руками. Разница въ томъ, что посредственность кладетъ эту мелочь въ основаніе своихъ произведеній, а гений только разсыпаетъ ее по поверхности, точно такъ же, какъ мы наводимъ зеркало на солнце для приманки жаворонковъ. Горе высокомернымъ и суетнымъ, которые не хотятъ подѣлиться правами своими! После смерти, можетъ быть, воздастся имъ должное отъ потомковъ; при жизни не видать имъ ни общественныхъ торжествъ, ни народныхъ восторговъ, ни царскихъ щедротъ. Россини же только и жилъ для этихъ наслажденій. И какъ было ему не любить ихъ, ему, вдохновенному живописцу этихъ наслажденій, ему, веселому, безза-

ботному пѣвцу юности и жизни, которому не доставало одной только струны, струны горькихъ слезъ, и который знакомъ былъ только съ физической стороной любви, не извѣдавъ ея сладкихъ томленій и думъ! Благодатный свѣтъ, ясная лазурь и прозрачность южнаго неба составляютъ основу его картинъ, въ которыхъ дѣйствительность преобладаетъ надъ идеаломъ. Другіе избрали себѣ сумракъ и густую темноту ночи, сквозь которую, какъ у Рембрандта, прорѣзывается яркій лучъ свѣта; у Россини, напротивъ, легкое облако на минуту омрачаетъ блескъ солнца, которое потомъ съ бѣльшимъ силою начинаетъ палить вась нестерпимымъ жаромъ мелодіи.

Слава Россини связана съ отраднѣйшими воспоминаніями реставраціи. Эта счастливая и роскошная музыка, украшенная всѣми прелестями юности и жизни, была спутницею возрожденія наукъ и искусствъ. Въ этихъ волшебныхъ ритмахъ слышится какое-то праздничное настроеніе духа, которое такъ шло къ придворной роскоши, къ этому первому порыву къ наслажденіямъ жизнию, который обхватилъ Европу, едва успѣвшую оправиться отъ ужасовъ прошлаго времени.

Какъ всѣ первостепенные гени, Россини былъ человекомъ своего времени и своей родины. Въ лицѣ его Италия въ послѣдній разъ царила надъ міромъ,—и надмѣнная Германія преклонилась предъ этой недолимой силой, и восторженная Франція извлекла свои выгоды изъ этого господства. Чуждый всякаго участія въ теоретическихъ спорахъ, которые такъ часто убиваютъ въ художникъ искренность вдохновенія, пѣвецъ Дездемоны, Розины и Вильгельма Телля въ своей обширной дѣятельности повиновался болѣе внутреннему демону, нежели любви къ золоту, которая повидимому завладѣла всѣмъ существомъ его. Это злоупотребленіе техническихъ пріемовъ, это ежедневное обнаруживаніе доступнаго для всѣхъ формализма, должно было естественно породить раздражителей. Есть много картинъ учениковъ Рубенса, которые можно почесть произведеніями самого учителя. Тоже можно сказать и объ нѣкоторыхъ операхъ Джэнерали, Караффа, Меркаданте (въ первый періодъ его дѣятельности), Пачини

и многихъ другихъ композиторовъ, операхъ, которыя не больше какъ копіи, но копіи до того вѣрныя, что не будь подъ ними именъ авторовъ, потомство непременно впало бы въ заблужденіе. Что жажда богатства тоже входила частію въ неутолимую дѣятельность гениальнаго чловѣка, Россини не разъ сознавался въ этомъ, и многія важныя событія его жизни вполне подтверждаютъ его слова.

Авторъ *Цирюльника* и *Отелло*, какъ мы уже сказали, понялъ свое время и рѣшилъ, что глупо не пользоваться дарами неба. Онъ не рѣшился бы купить славу Моцарта цѣною тяжкихъ лишеній, которыя долженъ былъ вынести великій зальцбургскій художникъ на пути къ своему безсмертію. Въ числѣ главнѣйшихъ представителей чловѣческой мысли есть нѣсколько личностей, которыя спокойствіе предпочитаютъ борбѣ, и для которыхъ не имѣетъ приманки и самая слава въ потомствѣ, если земная жизнь не расточаетъ имъ своихъ наслажденій. Въ этомъ смыслѣ, чья судьба сравнится съ цвѣтуцей и блаженной жизнію Россини? На закатѣ дней своихъ онъ имѣетъ полное право сказать про себя.

«Я доставлялъ наслажденія современникамъ и въ тоже время самъ наслаждался».

Прекрасный удѣлъ, который только въ половину знакомъ былъ Мольеру!

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Разговоръ въ Кремль. Стихотвореніе *К. Павловой.*
Санктпетербургъ. Въ типографіи Якова Трея. 1854 года.
32 стр., въ 8 долю листа.

Все наши поэты какъ стараго, такъ и молодаго поколѣнія, откликнулись на современныя событія. Очередь оставалась за г-жею Павловой. Признаемся, мы съ нетерпѣніемъ ожидали стихотворенія г-жи Павловой, потому что считаемъ ее однимъ изъ очень даровитыхъ нашихъ стихотворцевъ. Въ стихотвореніяхъ ея всегда есть серьезное содержаніе и поэзія; стихъ ея звученъ; языкъ блестящъ и рельефенъ. Все эти достоинства произведеній г-жи Павловой ручаются за несомнѣнность ея дарованія, и потому самому налагаютъ на рецензента обязанность быть строгимъ при разборѣ новаго ея стихотворенія.

Мысль, проведенная г-жей Павловой въ «Разговоръ въ Кремль», очень серьезна и выражена вполне поэтически. Мы не беремъ передать ее нашимъ читателямъ *своими словами*; какъ истинно поэтическая, она неудобно укладывается въ прозу. Это обстоятельство, очевидно, говорить въ пользу произведенія г-жи Павловой. Оно не представляетъ, подобно многимъ современнымъ русскимъ и французскимъ стихотвореніямъ, диссертацию на какую-нибудь тему. Не излагаетъ мыслей въ сухой формѣ силлогизма, съ точностью математическихъ формулъ. но ясно говорить чувству читателя — передаетъ ему не политическіе тезисы поэта, но то, что онъ чувствуетъ по поводу разныхъ вопросовъ, поднятыхъ современными событіями. Браться за передачу содержанія такого рода стихотвореній все равно, что браться за поэтическое ихъ воспроизведеніе въ прозу. Мы не рѣшаемся взять на себя такой трудной задачи, и познакомимъ читателей съ содержаніемъ новаго произведенія г-жи Павловой посредствомъ нѣсколькихъ выписокъ.

«Разговоръ въ Кремль» начинается слѣдующей картиной:

Въ обширномъ полѣ градъ обширный
 Блестѣлъ, увѣнчанный Кремлемъ,
 Молящійся молитвой мирной
 Передъ Успенья светлымъ днемъ.
 Надъ блококаменнымъ просторомъ
 Сверкало золото крестовъ,
 И медленнымъ, созвучнымъ хоромъ
 Гудѣли сорокъ сороковъ.

Входилъ, крестясь, въ Соборъ Успенскій
 И знаменитыхъ предковъ сынъ,
 И бѣдный плотникъ деревенскій,
 И миллионщикъ-мѣщанинъ;
 Шли рядомъ, съ миромъ и любовью,
 Она въ домъ Божій, въ домъ родной,
 Внимать святому славословью
 Единовѣрною семьей.

Въ это время три человѣка, совершенно непохожіе другъ на друга по наружности, стояли близъ Краснаго крыльца. Трогательное зрѣлище, котораго они были свидѣтелями, подаетъ имъ поводъ къ спору о значеніи Русскаго народа во всемирной исторіи:

«Да», говорилъ въ своей гордынѣ
 Угрюмый Лордъ, «вашъ край великъ,
 Окрѣпла ваша власть, и нынѣ
 Извѣстенъ въ міръ русскій пытокъ;
 Да, ваша рать враговъ смирила,
 И по морямъ вашъ ходятъ флоты:
 Но гдѣ опоры вашей сила,
 Гдѣ вашъ неизблемый оплотъ?»

«Учениками не всегда ли
 Вы были Западной земли?
 Вы многое у насъ узнали
 И многое переняли.
 Но въ продолженіе столѣтій
 Въ чемъ изменился вашъ народъ?
 Скажите, поколѣнья эти
 Сумѣли ли двинуться впередъ?»

Русскій, соглашаясь съ Англичаниномъ въ томъ, что мы ученики Запада и многимъ ему обязаны, говорить, однако, что наука Запада не сдѣлала того у насъ, что сдѣлала у себя дома, — что на Руси

осталось до сихъ поръ святымъ все то, что было свято нашимъ праотцамъ:

«Блаженства познаетъ мірскія
Не даромъ, можетъ быть, страна,
 Не даромъ Римъ и Ниневія
 Всъ взяли роскоши сполна!
Свои блескъ высокою цѣною
Надменный Западъ вашь купилъ,
 И ослѣпленный суетою,
Онъ ищетъ тайны нашихъ силъ....

«Вы станьте здѣсь, когда повсюду
 Толпа, стекаясь безъ конца,
 Какъ къ празднику, въ сплошную груду
 Сдвигаясь у Краснаго крыльца,
 Не измѣняясь въ родъ изъ рода,
 Любя и ввруя какъ встарь, —
И среди гремящихъ волиа народа
 Въ Кремль проходить Русскій Царь!

«Вы станьте здѣсь, среди Россіи,
 Когда въ торжественной ночи
 Звучать священныя литіи,
 Блестятъ несмѣтные лучи;
 Когда, облита моремъ свѣта,
 Молитвой теплою полна, —
 Мгновеніемъ вся площадь эта
 Въ Господній храмъ обращена;

«Когда для вѣсти благодатной
 Отверзлись Царскія врата, —
И радостно вельможа знамной
Цѣлуетъ нищаго въ уста,
 И снова возносясь, и снова,
 Ведеъ, отъ долу до небесъ,
 Гремятъ одно святое слово,
 Одинъ возгласъ: Христось воскресъ!»

Французъ прерываетъ рѣчь Русскаго, и говоритъ давно обветшавшую и опоздленную фразу, что *Русскіе ничего не сдѣлали для всемірной исторіи*. Онъ пускается въ изчисленіе всѣхъ тѣхъ великихъ событій, двигателями которыхъ были западные народы, и въ которыхъ Россія не принимала никакого участія. Въ отвѣтъ на эти укеры, Русскій рассказываетъ, чѣмъ была занята Россія во время великихъ происшествій, свершившихся на Западѣ.

«Когда Крестоваго похода
 На Западъ раздался кликъ,
 Въ предѣлахъ Русскаго народа
 Былъ патискъ лютеъ и гнетъ великъ:

★

Страну губили Печенѣги,
 Свирѣпныхъ Половцевъ орды,
 И Венгровъ буйные набѣги,
 И смуты княжеской вражды.

«Въ тѣ дни пошелъ къ Святому Граду
 Какой-то инокъ Даниилъ,
 За край родной зажечь лампаду
 И помолиться Богу силъ...»

Далѣе рассказываются всѣ великія событія Русской исторіи; рассказъ
 заключается изображеніемъ Петра Великаго:

«Во времена веселій шумныхъ
 Версальскихъ золотыхъ палатъ,
 Былъ полонъ Кремль стѣнашемъ чумныхъ,
 Ревѣлъ въ немъ бунтъ и билъ набѣгъ:
 Но нашу Русь не покидая,
 Въ тѣ дни Всевышняго покровъ
 Спасалъ дѣтя, для славы края,
 И отъ чумы и отъ стрѣльцовъ.»

«И юный Царь двинулъ на тронъ
 Не блескомъ ваши всѣ Дворы:
 Покуда въ вашемъ Вавилонѣ
 Шли богомерзкіе пирры;
 Неутомимо и упрямо
 Работалъ Онъ за свой народъ,
 И въ бѣдной мастерской Сардама
 Сколачивалъ свой первый боть.»

«И въ ваши пронеслись владычнмъ
 Удары молотка Его,
 И будутъ помнить поколѣнья
 Царя-Гиганта мастерство.
 Ужь возстають молвы глухія
 Кичливыхъ западныхъ державъ,
 Ужь ненавистна имъ Россія,
 И близокъ, можетъ, часъ расправы!»

«Для прежнихъ подданныхъ Татарскихъ
 Настанетъ день, придетъ пора,
 Когда изъ устъ услыхимъ Царскихъ
 Мы зовъ пустыниика Петра!
 Подниметъ Вѣры онъ въ опору
 Святою силою народъ,
 И мы къ Свѣтлому Собору
 Свершимъ крестовый свой походъ.»

«Вы тоже встанете, — не съ нами:
 Христовыхъ воиновъ сыны
 Пойдутъ на насъ подъ бунчуками,
 Въ рядахъ защитниковъ Луны;
 И предковъ славу и смиренье
 Переживетъ потомковъ грѣхъ:
 Постыдно будетъ ихъ паденье,
 Постыднѣй ратный ихъ успѣхъ!»

«И мы, тѣснимые жестоко
 Напоромъ злымъ со всѣхъ сторонъ,
 Одни безъ лжи и безъ упрека,
 Среди завистливыхъ племенъ,
 На Бога правды уповавъ,
 Подъ свиною Его щита,
 Пойдемъ на бой, какъ въ дни Мамаю,
 Одни съ хоругвою Креста!...»

Онъ смолкъ. Сіялъ весь градъ стоглавый
 Съ Кремлемъ торжественнымъ своимъ,
 Какъ озаренъ небесной славой
 Въ лучахъ вечернихъ передъ нимъ.
 Вглянувъ онъ вдохновеннымъ взоромъ
 На прежнее селѣце *Москвы*,
 И залился мѣднымъ хоромъ
 Кругомъ всѣмъ сорокъ сороковъ.

Какое прекрасное, поэтическое заключеніе! Торжественный, величественный гулъ сорока-сороковъ, какъ бы подтверждаетъ слова Русскаго патріота.

Указавъ на достоинства стихотворенія г-жи Павловой, мы должны теперь указать и на его недостатки. Сперва скажемъ о недостаткахъ въ отношеніи содержанія. Мысль, выраженная въ «Разговоръ въ Кремль,» какъ мы уже сказали, вполне прекрасна. Но въ стихотвореніи есть множество совершенно посторонняго, множество эпизодовъ, нисколько не объясняющихъ главной мысли, и имѣющихъ къ ней весьма малое отношеніе. Отъ нихъ стихотвореніе ничего не выигрываетъ; напротивъ, безъ нихъ въ немъ было бы больше цѣлости и художественной стройности. Къ такимъ эпизодамъ принадлежатъ большая часть стиховъ изъ монолога Француза. Вызвато того, чтобъ въ сжатомъ разсказѣ рѣзкими чертами обозначить тѣ великія событія, въ которыхъ Россія не принимала участія, авторъ излагаетъ это дѣло на нѣсколькихъ страницахъ! — Въ отвѣтъ Французу, Русскій предлагаетъ ему цѣлый очеркъ нашей исторіи. Выходитъ, исторія въ стихахъ. Авторъ увлекся красотами отечественной и западной исторіи, и потому привелъ множество фак-

товъ, которые не относятся къ главной мысли его стихотворенія — къ предмету спора между Русскимъ, Французомъ и Англичаниномъ. Отъ того произошли нѣкоторыя натяжки.

Неправильность въ расположеніи стихотворенія г-жи Павловой имѣла вліяніе и на выраженіе его, и сильно ему повредило. Разсказать въ стихахъ исторію, хоть и очень кратко, вещь очень трудная: то и дѣло будешь сбиваться на прозаическій тонъ. Вотъ отъ чего въ прекрасномъ произведеніи г-жи Павловой встрѣчаются совершенно непоэтическія выраженія и очень тяжелые стихи.

Вообще въ новомъ произведеніи г-жи Павловой мы нашли, къ крайнему удивленію нашему, много шероховатостей въ отношеніи языка. Не странно ли, напримѣръ, поражаетъ читателя слѣдующая строфа:

Межъ тѣмъ, какъ гимнь возносился кроткой
И какъ сіяли алтари,
Вблизи Дворца, передъ рѣшеткой,
Стояли *человѣка три*:
Лицомъ не сходны, ни душою,
И дѣти не одной земли,
Они, сопедшись, межъ собою
Бесѣду долгую вели.

Прочитавъ выраженіе: «стояло *человѣка три*», и не зная еще слѣдующихъ за нимъ стиховъ, можно подумать, что авторъ говоритъ, не опредѣляя числа стоявшихъ близъ дворца, а хочетъ только сказать, что стояло *нѣсколько* *человѣкъ*. Но изъ второй половины строфы оказывается, что именно стояло *три* *человѣка* — ни больше, ни меньше. Непростительная поэтическая вольность! Позволительно иногда стихотворцу, стѣсняемому размѣромъ, употребить, послѣ глагола съ отрицаніемъ, вишительный, вмѣсто родительнаго; на подобныя вольности критика смотритъ сквозь пальцы. Но нельзя выражаться такъ свободно, чтобъ выходилъ совершенно противоположный смыслъ тому, что вы хотите сказать. Въ русскомъ языкѣ числительное только въ томъ случаѣ ставится послѣ существительнаго, когда говорится неопредѣленно о числѣ предметовъ. Правда, въ церковно-славянскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: *человѣка два видоста въ церкви помолитися*. Здѣсь говорится именно о двухъ только людяхъ ни больше, ни меньше. Но права на такіе обороты славянскій языкъ не передавалъ русскому.

На страницъ 15 мы встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Когда поднявшись ратнымъ станомъ,
Европа *ухватила* крестъ,
И прогремѣлъ надъ масульманомъ
Ея восторженный *протестъ*.

На страницъ 20 впечатлѣніе отъ первой поэтической половины строфы, въ которой изображенъ инокъ Даниилъ, зажигающій лампаду у Гроба Господня, «за родной край», испорчено слѣдующими стихами второй строфы:

И горячо монахъ безвѣстный
Молился, *зная*, за Русь свою.

Вулгарное выраженіе *зная* здѣсь совсѣмъ не уместно: оно рѣшительно не гармонируетъ ни съ тономъ цѣлаго стихотворенія, ни съ фразой, въ которую вставлено. На страницъ 13-й сказано:

И радостно вельможа знатный
Цѣлуетъ нищаго въ уста.

Отдавая отчетъ въ содержаніи стихотворенія г-жи Павловой, мы подчеркнули эти два стиха для того, чтобъ указать на прекрасную мысль, въ нихъ выраженную. Теперь же, разсматривая стихотвореніе со стороны формы, мы должны замѣтить, что авторъ здѣсь выразился очень неловко. Слово *знатный*, рифмующее съ *благодатной*, производить совсѣмъ не поэтическое впечатлѣніе. Всякій вельможа знатенъ, слѣдовательно этотъ эпитетъ совершенно излишній.

Кромѣ подобныхъ неловкостей въ выраженіи, мы замѣтили еще въ стихотвореніи г-жи Павловой неправильность удареній, сообщенную ей некоторымъ словамъ ради размѣра. Вообще для размѣра и рифмы авторъ очень часто жертвуетъ правильностью языка. Такъ, напри- мѣръ, для рифмы, г-жа Павлова наименовала Рафаэля, *Рафаиломъ*.

Этимъ мы кончаемъ замѣчанія наши на стихотвореніе г-жи Павловой. Въ заключеніе намъ остается только благодарить автора за удовольствіе, которое доставили намъ прекрасныя мысли ея стихотворенія, и звучныя, величественныя строфы, въ которыхъ они выражены. Если мы были строги къ частности «Разговора въ Кремль», то это происходитъ единственно оттого, что мы уважаемъ дарованіе автора: мы строги только къ замѣчательнымъ писателямъ, ошибки которыхъ принимаемъ близко къ сердцу; мы не строги только къ произведеніямъ талантовъ слабыхъ, во-первыхъ потому, что мы къ нимъ равнодушны, и не предвидимъ отъ нихъ пользы литературѣ, во-вторыхъ потому, что знаемъ, что строгость имъ не поможетъ....

В. А.

Судоходный дорожникъ Европейской Россіи, издаваемый Главнымъ Управленіемъ Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Часть I. Рѣка Волга отъ Астрахани до Рыбинска. С.-Петербургъ. Печатано въ типографіи Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. 1854 г.

Мысль Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій издать судоходный дорожникъ, собравъ въ одно цѣлое точныя и положительныя свѣдѣнія о судоходныхъ путяхъ Европейской Россіи, заслуживаетъ полной благодарности. Эта книга, въ высшей степени любопытная для каждаго Русскаго, можетъ служить постоянною справочною книгою для тѣхъ, которые принимаютъ какое-нибудь участіе въ судоходствѣ. Нужно ли говорить, какіе неоцѣненные матеріалы представляются этимъ изданіемъ для русской географіи?

Передъ нами только первая часть изданія, заключающая въ себѣ описаніе Волги, отъ Астрахани до Рыбинска; но издатели общають еще семь частей, въ которыхъ будутъ помѣщены описанія остальной части Волги, ея притоковъ, каналовъ искусственныхъ Двины, Днепра, Нѣмана и Дона,—словомъ, всѣхъ замѣчательныхъ судоходныхъ путей Европейской Россіи, которые въ сложности составляютъ до двадцати семи тысячъ верстъ. Это число для насъ столько же любопытно, какъ и слѣдующія: на этомъ пространствѣ ежегодно, среднимъ количествомъ, передвигается до четырехъ сотъ милліоновъ пудовъ грузовъ и до пяти милліоновъ деревъ, всего на сумму отъ ста пятидесяти милліоновъ до двухъ сотъ милліоновъ рублей; строится ежегодно до двѣнадцати тысячъ разныхъ судовъ, которыхъ стоимость простирается до четырехъ милліоновъ рублей серебромъ.

Дорожникъ раздѣляется на три отдѣла: 1) Краткое обзорніе водныхъ путей, 2) статистическое и 3) поверстное описаніе ихъ. Сообразно цѣли дорожника, пути эти описаны не по естественному распредѣленію ихъ бассейна, а въ порядкѣ направленія кладь, т.-е. не рѣдко рѣки описываются противъ теченія воды.

Въ первомъ отдѣлѣ разбираемой нами книги, предложено естественное раздѣленіе водъ по бассейнамъ, которыхъ насчитывается восемь: Волжскій, Ладожско-Невскій, Сѣверо-Двинскій, Наровскій, Западно-Двинскій, Двѣпровскій, Нѣманскій, Донской и Двѣстров-

скій. Далѣе приводятся искусственныя сообщенія этихъ бассейновъ между собою. За этимъ слѣдуетъ движеніе грузовъ по водянымъ путямъ.

Второй отдѣлъ начинается описаніемъ источника Волги и ея теченія. — Изъ этого описанія узнаемъ мы мѣсто начала Волги, губерніи по которымъ она протекаетъ, рѣки, которыя впадаютъ въ нее и изъ нея вытекаютъ, и длину всего ея теченія. Замѣчательны повороты рѣки, которые она дѣлаетъ иногда вслѣдствіе какихъ-либо природныхъ преградъ или притока волъ, а иногда и безъ видимой причины. Любопытно прослѣдить измѣненія русла, формации и вида береговъ на слишкомъ трехъ-тысяче-верстномъ теченіи этой царицы водъ Россіи. Дорожникъ вполне удовлетворяетъ этому любопытству. Читатель узнаетъ здѣсь и глубину и ширину рѣки въ различныхъ мѣстахъ, и величину ея весенняго разлива, и множество другихъ замѣчательныхъ фактовъ, подобныхъ слѣдующимъ: (стр. LI).

«Городъ Юрьевецъ Поволожской, который прежде лежалъ на самомъ берегу, теперь отдаленъ отъ рѣки. У Казани Волга—значительно удалена отъ города. Развалины города Болгаръ находятся въ 6 верстахъ отъ рѣки, тогда какъ прежде суда подходили въ этомъ мѣствѣ къ самому городу. Близъ Самары, у такъ называемой *Кольцовой Воложки*, все теченіе рѣки перенеслось, въ продолженіе не болѣе 5-ти лѣтъ съ одной стороны осередка на другую. Близъ Астрахани, при отдѣленіи Волгою рукава Балды, часть материка нагорнаго берега отмыта и увлечена теченіемъ вмѣствѣ съ находившимся на немъ Болдинскимъ монастыремъ, не смотря на принятія противъ этого мѣры».

Не лишнимъ считаемъ привести еще слѣдующія строки: (стр. LXX).

«Для опредѣленія паденія Волги принимаются въ соображеніе слѣдующія данныя:

«По изслѣдованіямъ академика Кеппена, истокъ Волги на 840 футовъ выше уровня океана.

«По измѣреніямъ академика Фуса, уровень Каспійскаго моря ниже уровня Азовскаго моря на 80 футовъ.

«Слѣдовательно разность уровня въ истоку и устьѣ, или общее паденіе Волги, равно 920 футамъ, что соответствуетъ среднему уклону въ 0,00008».

Въ этомъ же отдѣлѣ говорится о покрытіи Волги льдомъ и о вскрытіи ея ото льда, о вкусѣ и цвѣтѣ воды ея, о скорости теченія и о періодѣ навигаціи.

Судоходству по Волгѣ сдѣлали искусственныя пособія, заключающіяся въ Верхневолжскомъ водохранилищѣ, въ водостъвнительныхъ плотинахъ, въ расширеніи каменныхъ грядъ и проч.

Волга имѣетъ въ девяти губерніяхъ шестьдесятъ пять главнѣйшихъ пристаней. По ней ходятъ слѣдующія суда: колесо-машинныя, парходы, ладьи или межеумки, сплавныя или бѣяны, мокшаны, гусянки, унженки, бархоты, коренныя, барки, вышневолоцкія барки, полубарки, коломенки, разшивы, суряки, шитинки, асланки, варомы, кладныя, дощаники и лодки тихвинскія, соминскія, вышневолоцкія и романовки. Если читатель не знакомъ со всеми этими названіями, то советуемъ ему обратиться къ дорожнику, гдѣ кромѣ наружнаго описанія судовъ этихъ, онъ узнаетъ ихъ стоимость и количество поднимаемаго ими груза.

Въ заключеніи втораго отдѣла 1-й части Дорожника говорится о средствахъ сплава и взводки судовъ, о количествѣ и цѣнности сплаваемой кледи, о мѣстахъ, откуда кладъ подвозится на пристани, и о промыслахъ прибрежныхъ жителей.

Третій и послѣдній отдѣлъ первой части Дорожника заключаетъ въ себя поверстное описаніе нижней части рѣки Волги между Астраханью и Рыбинскомъ. Въ этомъ описаніи, распределенномъ по графамъ, значатся: 1) губернія, по которой рѣка течетъ, 2) потомъ узды, 3) версты, 4) на каждой верствѣ названіе прибрежныхъ населенныхъ мѣстъ, притоковъ, мелей, переправъ, пристаней и гидротехническихъ сооруженій, 5) глубина меженныхъ водъ въ футахъ, и 6) описаніе примѣчательныхъ на судоходномъ пути мѣстъ и сооружений.—Этотъ одинъ отдѣлъ заключаетъ въ себя 271 страницу и описываетъ теченіе Волги на 2,625 верстахъ.

Это краткое изложеніе содержанія 1-й части Дорожника, кажется, достаточно показываетъ читателю всю серьезность, дѣльность и занимательность этого изданія. Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ появленія остальныхъ частей этого прекраснаго Дорожника, а на эту минуту поздравляемъ вашу ученую литературу съ замѣчательнымъ приобритеніемъ.

БЕСЕДЫ ПРІСВИТЕРА СЪ ДЪТЯМИ ПРИХОЖАНЪ. Изъ Священной Исторіи Ветхаго Завета, съ извлеченіемъ уроковъ вѣры и правилъ жизни изъ каждаго историческаго событія. Составлены священникомъ *Муратовымъ*. Третье исправленное изданіе. С.-Петербургъ. 1854 г. Въ 8-ю д. л., стр. 329 и VI.

Въ беседахъ своихъ съ дѣтми прихожанъ пресвитеръ рассказываетъ имъ самымъ простымъ, легкимъ и удобопонятнымъ духовнымъ языкомъ всю Священную Исторію Ветхаго Завета, и поучаетъ ихъ, такъ сказать, примѣрами, указывая на значеніе каждаго событія, и дѣлая изъ него нравственные выводы. Вся книга раздѣлена на семьдесятъ бесѣдъ. О томъ, до какой степени полезна она, говорить уже третье ея изданіе, и въ самомъ дѣлѣ желательно бы было, чтобы сельскіе священники и вообще сельскіе церковнослужители, которые въ настоящее время, при быстро-развивающемся стремленіи къ грамотности, постоянно имѣють у себя учениковъ изъ класса простодушнѣе, приняли эту книгу въ руководство.

Кизильскіе Татары. Соч. князя *Н. Кострова*. Казань. 1854.

Послѣ описанія качинскихъ Татаръ, изслѣдователь инородцевъ восточной Сибири, князь Костровъ, представляетъ этнографію и характеристику кизильскаго поколѣнія, кочующаго въ Ачинскомъ округѣ Енисейской губерніи. Подобно своимъ соплеменникамъ, Качинцамъ, кизильскіе Татары, избѣгнувъ вліянія ислама, сохранили въ бѣльшей чистотѣ типъ, языкъ, нравы и обычаи шаманскихъ племенъ Средней Азіи, нежели переселенцы въ Гурціи и другихъ мѣстахъ, и потому, для этнографа и филолога, Кизильцы составляютъ любопытное племя. Князь Костровъ, съ свойственною ему проникательностію и счастливою способностію, изучилъ Кизильцевъ во всѣхъ отношеніяхъ, общественныхъ и семейныхъ, и съ замѣчательнымъ умѣньемъ описываетъ предметъ, которымъ занимался соп атгоге. Кто читалъ изслѣдованіе автора о качинскихъ Татарахъ, тотъ съ вящимъ удовольствіемъ прочтетъ описаніе кизильскихъ Татаръ, въ которомъ, кромѣ живыхъ картицъ вѣчно-интересной сибирской природы, князь Костровъ подробно разсматриваетъ юридическій бытъ татарскаго поколѣнника и сообщаетъ объ этомъ бытъ много новаго и любопытнаго. Въ описаніи кизильскихъ Татаръ, при увле-

кательно-простомъ разсказъ, мы видимъ, съ большою радостію, тщательную ученую обработку, не ограничивающуюся систематическимъ изложениемъ всего кизильскаго существованія, но и представляющую критическую оцѣнку подлинныхъ матеріаловъ и результаты многихъ серьезныхъ соображеній. Однимъ словомъ, описаніе кизильскихъ Татаръ равно привлекательно и для ученаго и для любителя чтенія, и вмѣствъ съ прежде-изданною книжкою о Качинцахъ, даетъ князю Кострову право на почетное мѣсто между изслѣдователями Азіатской Россіи и ея разнородныхъ обитателей.

Ж. ВЕРВИНЪ.

Народныя стихотворенія, В. С. Краснохолмскаго.
Москва. Въ университетской типографіи. 1854 года.

Заглавіе этой книжки не совсѣмъ соответствуетъ ея содержанію. Въ ней дѣйствительно много стихотвореній писанныхъ въ подражаніе Кольцову, и потому имѣющихъ право, въ некоторомъ отношеніи, назваться народными; но и въ этой же книжкѣ есть нѣсколько произведеній, къ которымъ вовсе нейдетъ этотъ эпитетъ. Таковы пьесы: «Къ морю», «Лѣта младенчества какъ вы неуловимы» и «Незабвенный холмъ». Всѣ эти три произведенія написаны въ романтическомъ духѣ. Читатели могутъ догадаться объ этомъ даже по приведеннымъ нами заглавіямъ. Особою сильно проникнуты романтизмомъ стихотворенія «Къ морю» и «Незабвенный холмъ». Поэтъ обращается къ знаменитой стихіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Скажи, бушующее море,
За чѣмъ клубишься предо мной?
Какъ будто радость или горе
Ты хочешь высказать волной...

Кому понятенъ ропотъ тайный?—
Окъ даже путника страшитъ;
Корабль несется ль, гость случайный,
Отъ бури — къ пристани спашить.

Скалы печальныя уныло
Стоять въ безмолвіи нѣмомъ,
И безответны, что могла,
Въ своемъ молчаньи бѣговомъ.

Твое враждебное несчастье
 Грудь та пойметъ кому гроза
 Примчала въ юности несчастье,
 А радости — сожгла слеза...

Стихотвореніе «*Незабвенный холмъ*» посвящено грустнымъ воспоминаніямъ объ утраченномъ счастьи любви, которыхъ свидѣтелемъ былъ холмъ, воспѣтый поэтомъ. Все это, какъ видите, не въ народномъ духѣ....

Но обратимся къ стихотвореніямъ въ духъ Кольцова. Стихотворенія эти удачнѣе романтическихъ. Читатели могутъ ясно видѣть эту разницу изъ слѣдующихъ выписокъ:

П Ъ С Н Я.

Въ косъ лентъ ала
 Дѣвичья обнова,
 Коса темноруса —
 Для парня зазноба.

Брови выводныя —
 Радость удачому,
 Очи голубыя —
 Гибель ретивому!

Одно худо парню —
 Дѣвка плохо любить;
 Сунуть мое сердце,
 Спозаранку губить....

Зайду ли на встрѣчу —
 Она и не смотреть,
 Поклономъ привѣчу —
 Лицо отворотить.

Съ другамъ въ хороводъ
 Пляшетъ — а ты одалъ
 Стоишь — при народѣ
 Клянешь свою удалъ...

Чѣмъ кажись не парень, —
 Брови али кудри?
 Пройду-ль въ хороводъ,
 Просторъ дай сосѣди...

Защемить, заносить,
 А нечего дѣлать;
 Возьмешь шалку въ руки,
 Хватнишь ея о землѣ...

Пускай красно-бъ солнце
 Въ лицо не светило,
 Только-бъ коса руса
 Молодца любила! —

Черны мои кудри
 Ласкала, — чесала!
 Осемьюю кочку
 Съ мной коротала.

СБОРЫ КЪ ВЪНЦУ.

Меня матушка лелѣла
 Своєю лаской и привѣтами,
 Меня батюшка дарилъ всегда
 Шелкомъ, золотомъ, нарядами,
 Сестры, братья поцѣлуями. —

Подарила весна красная,
 Мнѣ подарокъ — друга милова;
 Онъ дороже — золотой казны,
 Онъ дороже — дорогой парчи,
 Бриллиантовъ, соболей, мѣховъ.
 Ахъ, зачѣмъ мнѣ безъ него оны?
 Безъ него-ли, красна-солнышка,
 Я не знала лѣта теплова,
 Не румянилъ щеки полныя
 Поцалуи безъ друга милова;
 Не горѣли очи ясныя
 Ни огнемъ любви, ни пламенемъ; —
 А теперь мнѣ ночи темныя
 Свѣтлыя будутъ дня весеннаго, —
 Поцалуи его жаркіе,
 Зарумянять щеки бѣлыя,
 Загорятся очи ясныя
 И огнемъ любви и пламенемъ. —

Ты прости коса — краса дивчья!
 Разплетуть тебя, уберуть тебя;
 Прости батюшка, прощай матушка,
 Сестры, братья и подруженьки:
 Я послѣдній часъ во пиру у васъ...
 Увезуть меня въ семью чуждую! —
 Ахъ, подруженьки мои душеньки,
 Что запыли вы такъ жалобно
 Пѣсню грустную, прощальную?
 Отъ ней сердце разрывается!
 Не печальте мою матушку...
 Она будетъ къ намъ родная
 Въ гости зайти съ моимъ батюшкой,
 Визгѣтъ съ ними — братья съ сестрами.

СЧАСТЛИВОЕ НОВОСЕЛЬЕ.

Сказала родимая
 Въ прощальный вамъ часть:
 «Дитя мое милое
 «Помедли у насъ.

«Ахъ, что спавишь, пташечка,
 «На волю весной,
 «Цветочекъ издѣланный
 «Моєю рукой?

«Красу твою дѣвичью
 «Изгѣтила я —
 «А ждешь тебя милую
 «Чужая семья.

«Постой, хоть дай выплакать
 «Разлуку съ тоской,
 «Мнѣ трудно и горество
 «Разстаться съ тобой.

— Ахъ, полно, желанная,
 По мнѣ тосковать;
 Я счастлива, — матушка
 Тебѣ-ль горевать?

Твоя дочь любимая
 Замужъ отдана,
 И съ долею завидною
 Знакома она....

Сестрицы родимыя,
 Сказать-ли вамъ сонъ?...
 Зачѣмъ дни невнимные
 Встревожила мнѣ она!

Сестрицы подруженьки,
 Оставайтесь со мной,
 Мнѣ снилось, душеньки,
 Ночвою порой:

Съ меня кату бѣлую
 Другъ милой сорвалъ, —
 Меня съ лаской нѣжною
 Своєю назвалъ.

Отъ страха я мѣла
 И няню звала,
 Бѣжать къ вамъ хотѣла
 Бѣжать не могла.. .

— «Остань мечты дивичьи,
Сестрица-дита,
Ты скоро забудешь ихъ,
Забудешь шутя... —

Подруженьки милыя,
Снимайте съ меня
Уборъ, цвѣты бѣлые,
Вънчальный нарядъ.

Темна ночь осеняя,
Не свѣтитъ луна!
Есть тайна завѣтная
Страшна ей она. —

Рукою счастливою
Цвѣтокъ онъ сорветъ...
И съ лаской стыдливою
Своей назоветъ!

Темна ночь осеняя
Не свѣтитъ луна!
Есть тайна завѣтная,
Страшна ей она.

Не правда ли, что многіе стихи и выраженія г. Краснохолмскаго сильно и даже *слишкомъ* сильно напоминаютъ Кольцова? Въ нихъ даже встрѣчаются выраженія цѣлкомъ взятые у поэта прасола. Следующее стихотвореніе еще больше напоминаетъ Кольцова; оно даже носить заглавіе одной извѣстной его пѣсни:

У Д А Л Е Ц Ъ .

Какъ пройдетъ ли добрый молодецъ
Вечеръ — вдоль села по улицѣ,
Подойдетъ ли въ рукахъ съ гуслями
Къ хороводу красныхъ дѣвушекъ —

Красны дѣвушки-молочушки,
Хмлемъ выются кругъ удалова,
А сосѣди, лишь стоять—глядятъ,
Стары люди вспоминать молодость.

Во пиру друзей — на праздникъ
Круговая чаша — подная,
Не туманитъ буйну голову,
Не приклонитъ на грудь мощную;

Не наступить ему на ногу
 Ни боярчѣ — ни чихачѣ-лихачѣ,
 Не побореть сильный — силою,
 Ни захаеть умный — разумомъ.

При бездожь при безвремень,
 Не бѣда-нужда удалому,
 Не погибель — злѣе неаруги, —
 Судьба лютая — не мачиха;

Аль, приди къ нему незванная
 Бѣда, горе, — немочь страшная,
 Удамой, лишь головой тряхнеть —
 Изъ воды сухонекъ выплыветь.

Осѣдлаетъ коня вихоря,
 Повесется-ль легкой птицею
 По раздолю — полю чистому —
 Дрогнетъ поле, *пошатнется боръ.*

Лѣсъ дремучій призадумался-ль —
 Удамой гикнеть, аукнется,
 Что не гуль въ лѣсу откликнется —
Лѣшій съ страха — въ глушь припрчется.

Веселись, живи удалая
 Молодая сила волюшка?
 Пока кровь кипятъ горячая,
 Бьется сердце молодецкое.

Что сказать о достоинствѣ подражаній г. Краснохолмскаго? Какъ ни покажется странно нашъ отзывъ, но не боясь показаться слишкомъ снисходительными, мы должны сказать, что, не смотря на не совсемъ правильный языкъ г. Краснохолмскаго, не вездѣ выдержанный народный складъ рѣчи, иногда встрѣчающіяся непозитическія и неуклюжіе обороты рѣчи, въ авторѣ замѣтно умѣнье поддвигаться подъ Кольцова. Другихъ достоинствъ въ стихотвореніяхъ г. Краснохолмскаго, кромѣ развѣ проглядывающаго мѣстами чувства, мы не замѣтили. Можетъ быть, въ дальнѣйшихъ своихъ опытахъ авторъ покажетъ и другія стороны своей музы. Не все же вдругъ!...

ТАТАРСКО-РУССКІЕ РАЗГОВОРЫ, съ присовокупленіемъ къ нимъ пословицъ, басенъ, образцевъ для склоненій и спряженій татарскихъ словъ, составленные учителемъ татарскаго языка при Симферопольской губернской гимназій Абд-эль-Рахманомъ Челеби Крымъ-Ховоджа. Казань. 1853, стр 151, in 8°.

Заглавіе очень подробно говоритъ о содержаніи книги, но, къ сожалѣнію, авторъ не объяснилъ, какого татарскаго нарѣчія онъ представилъ разговоры и басни; изъ самой книги оказывается, что авторъ, по мѣсту своего служенія, составилъ книгу на крымскомъ діалектѣ. Но и здѣсь опять нужно было представить раздѣленіе и объясненіе: въ книгѣ безразлично соединены книжный языкъ съ простонароднымъ, мы даже позволимъ себѣ сказать, просто спутаны, такъ что только знатоки татарско-тюркскихъ нарѣчій отличить одинъ говоръ отъ другаго. О методѣ автора нечего сказать особеннаго: принята общая форма всѣхъ извѣстныхъ французскихъ, или нѣмецкихъ разговоровъ, съ прибавленіемъ основныхъ грамматическихъ видовъ; къ татарскому подлиннику прибавлена русская перепись, въ которой не отличена даже буква г въ ея двойномъ выговорѣ. Если бы авторъ отдѣлилъ книжный языкъ отъ разговорнаго, то его книга могла бы служить съ пользою даже для нашихъ воиновъ въ турецкой кампаніи, потому что очищенный отъ руссизмовъ крымскій книжный языкъ не разнится отъ турецкаго: при этомъ нужно было бы избѣгать неловкихъ и мужицкихъ оборотовъ, въ родѣ, напримѣръ: *бизе пѣмекъ ищюнь яраръ*, служить намъ пищею, или: *сизикъ ана-низъ*, ваша маменька. Но главное несчастіе этой книги состоитъ въ томъ, что она печаталась въ плохой типографіи, безъ надзора автора, и потому ошибокъ въ ней легіонъ. Жаль, что доброе и полезное намѣреніе автора пропало безплодно для учащихся, и книга его доступна лишь знатокамъ, умбюющимъ распутывать концы.

РУССКО-ТАТАРСКАЯ АЗБУКА, составленная Вогабовымъ, въ которой помѣщены употребительнѣйшія слова, разговоры, краткія повѣсти и пѣсни сѣверныхъ Татаръ. Казань. 1852, стран. 64, in 8°.

Это практическое руководство къ казанско-оренбургскому татарскому нарѣчію составлено тщательнѣе и напечатано исправнѣе. Особенно замѣчательны въ этой книгѣ пѣсни Казанскихъ Татаръ, съ поэзіей которыхъ въ русскомъ переводѣ познакомилъ читающую публику докторъ Фуксъ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Библиотека для Чтенія. Апрель, май, июнь, июль.

Мы съ намѣреніемъ соединили вмѣстѣ нѣсколько книжекъ обзорѣаемаго нами журнала, чтобы было о чемъ говорить: подразумевается, что мы имѣемъ въ виду преимущественно отдѣлъ Словесности и всего того, что прямо или косвенно къ нему относится.

И такъ — въ отдѣлѣ Словесности, — на первомъ планѣ выступить романъ въ четырехъ частяхъ подѣ названіемъ: «Мечты и дѣйствительность» автора «Наслѣдства», напечатаннаго, помнится, въ прошломъ году. Другіе журналы уже достаточно поглумились надъ этимъ титуломъ, поглумились, пожалуй, и справедливо, если брать дѣло безотносительно — и съ другой стороны несправедливо, если припомнить, что иногда, въ литературѣ нашей толкуется съ важностью о произведеніяхъ, мало чѣмъ замѣчательнѣе «Наслѣдства». Упоминался же въ Отечественныхъ Запискахъ, когда-то и весьма частенько — авторъ *Послѣдняго Визита*, — повѣсти, которая, вѣроятно, такъ же забыта публикой какъ и «Наслѣдство»: говорилось же объ авторѣ «*Ошибки*», объ авторахъ разныхъ вещей, положимъ и не бездарныхъ, какъ не бездарны и *Послѣдній визитъ* и *Ошибка*, но столь же мало имѣвшихъ правъ на безсмертіе и даже на долговѣчность, какъ бездарный романъ «Наслѣдство». Передъ судомъ потомства и «Наслѣдство» Библиотеки и «Послѣдній визитъ» Записокъ, и «Ошибка» Современника — одинаково дѣтскія игрушки, до которыхъ черезъ годъ, много черезъ два — никому рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, кромѣ историка литературы, который слѣдитъ въ массахъ подобныхъ произведеній отраженія различныхъ идей или повѣтрій. Авторъ «Хаоса и Фуги восторга» въ превосходной повѣсти: «*Гля*» ничѣмъ не хуже всѣхъ подобныхъ авторовъ того-то или того-то. Когда вы скажете: ав-

торъ «Исторіи Государства Россійскаго» или даже «Бѣдной Лизы» — авторъ «Онѣгина» или «Капитанской Дочки», авторъ «Людмила» или «Свѣтланы», авторъ «Шинели» или «Ревизора», — вы конечно можете быть увѣрены, что васъ всѣ поняли, что вы ясно выразились, ибо читающая масса не можетъ не знать этихъ произведеній, но многіе другіе авторы того-то и того-то, точно такъ же, какъ авторъ «Хаоса и Фуги вѣсторга» извѣстны только въ своемъ приходѣ. Стало быть, потѣшаясь надъ титуломъ автора «Наслѣдства» журналы потѣшались надъ титуломъ многихъ собственныхъ героевъ. Увы, улы! sic transit.... Обратимся же къ роману «Мечты и дѣйствительность».

Мірѣ, въ который хотѣлъ ввести читателей авторъ романа — потому что хотѣлъ же онъ по крайней мѣрѣ ввести въ какой-нибудь мірѣ — есть мірѣ музыкантовъ. Музыка, музыка и музыка — вотъ главная стихія, главное содержаніе четырехъ частей романа, потому что нельзя назвать содержаніемъ весьма пошлую и совершенно постороннюю исторію нѣкоего Александра, который хотѣлъ сперва жениться на нѣкоторой Лизѣ, поссорился за музыку съ мужемъ ея сестры, — обручился съ нѣкоторой Варюю, съ ней поссорился за музыку, хотѣлъ было уѣхать на Кавказъ, но напрощаньи опять очаровался Лизою, которая сказала ему какое-то словечко изъ генераль-баса, извѣстное только посвященнымъ въ эту науку. Все это — какъ усмотрятъ конечно читатели — пустое, и ничего этого быть не могло: вѣроятно самъ авторъ очень хорошо знаетъ, что все это онъ сочинилъ, чтобы потолковать о музыкѣ, и вывести на сцену нѣсколько извѣстныхъ ему и всѣмъ любителямъ музыки музыкантовъ, являющихся въ романѣ на разныхъ вечерахъ и посѣщающихъ у него въ романѣ же разные дома. Стало быть, интригу романа въ сторону, и всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ являются герой и двѣ героини — мимо! — *Graeca sunt, non legimus* — цитата въ настоящемъ случаѣ весьма идущая къ дѣлу, потому что языкъ романа совсѣмъ не русскій, а обычный языкъ Библиотеки для Чтенія, то-есть построенъ по правиламъ, скорѣе калмыцкаго, чѣмъ русскаго синтаксиса: остроуміе различныхъ отступленій также стереотипное, принадлежащее Библиотекѣ для Чтенія; по одному на примѣръ «бородатому» способу любить, вы догадаетесь, у кого авторъ учился этому остроумію. — Значитъ, и языкъ и остроуміе, тоже въ сторону, все это старыя знакомые, и большею частію, гости не въ пору, хуже Татарь.

Остаются взглядъ на музыку и отношеніе автора къ выводимымъ имъ довольно безцеремонно музыкальнымъ личностямъ. Явно, что и безцеремонность отношенія почерпнута изъ одного источника съ остроуміемъ.

Взглядъ автора на музыку заключается въ ненависти къ музыкѣ серьезной, которую онъ насмѣшливо называетъ высокой. — Эта музыка у него является даже причиною всѣхъ бѣдъ въ интригѣ романа; далѣе, въ слѣпомъ поклоненіи всему новому безъ разбора, Дрейшоку наравнѣ съ Листомъ, въ безусловныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и наконецъ въ обожаніи Верди. До Контскаго еще дѣло не дошло какъ-то, но и высказанныхъ авторомъ взглядовъ достаточно для приведенія ихъ къ одному знаменателю съ языкомъ и остроуміемъ. Спрашивается, знаетъ ли авторъ музыку, о которой говоритъ онъ такъ много? Сіе покрыто мракомъ неизвѣстности, ибо хотя и употребляются въ романѣ термины въ родѣ аккордовъ съ уменьшенной секстой, съ которыми выводимый на сцену за ужиномъ знаменитый фортепьянистъ Мейеръ сравниваетъ блюдо, *ortolan à la provençale*, но всякому, мало-мальски знакомому съ дѣломъ, человѣку извѣстно, что хорошіе фортепьянные учителя тотчасъ же послѣ теоріи гаммъ, показываютъ ученикамъ значеніе разныхъ аккордовъ, аккомпанировку гаммъ мажорной и минорной, и даже модуляціи, которыя нѣсколько похитрѣе: значить всѣ термины могли достаться автору очень дешево. Видно только, что авторъ знавалъ многихъ музыкантовъ и многого отъ нихъ наслушался. По этому въ числѣ произвольностей, среди безусловныхъ восторговъ или безусловныхъ оужденій, попадутся у него двѣ три дѣльныхъ мысли, въ особенности о квартетной и вообще камерной музыкѣ. Странно только, что умнѣе всѣхъ говоритъ у него тотъ самый Карлъ Мейеръ, который въ романѣ представленъ съ весьма невыгодной стороны, и завистникомъ и сплетникомъ и даже просто недалекимъ человѣкомъ, недалекимъ до того, что онъ считаетъ за ругательство названіе поэта, придаваемое одною изъ дамъ романа Шопену, и чрезвычайно этому радуется. Вообще Карлъ Мейеръ, распадается въ романѣ на сочиненнаго авторомъ Мейера, который интригуетъ, ссорить Вьѣтана съ Серве, говоритъ невыносимыя пошлости, и на настоящаго Мейера, котораго авторъ, должно быть, точно зналъ, который говоритъ настоящее дѣло, говоритъ основательно и остроумно, хоть, можетъ быть и нѣсколько одно-сторонно. Главный герой романа, Александръ, споря напиримѣръ съ нимъ помянулъ слово: эстетика.

« — Вы учились такъ же и эстетикѣ? спросилъ Мейеръ какъ «бы безъ намѣренія».

« — Ласкаю себя этою мыслию».

« — А что это за наука... эта эстетика?... Я много разъ слышалъ это слово, но какъ-то не привелось никогда спросить, что «это значитъ».

« — Эстетика, подхватилъ одинъ изъ членовъ столика: наука «о вкусѣ... рассматривающая и преподающая законы прекраснаго, «изящнаго, высокаго... законы сужденія о прекрасномъ и высокомъ... словомъ, законы хорошаго вкуса».

« — Вотъ что! сказалъ Мейеръ, осушивъ свой стаканъ и отваливаясь на спинку мягкаго стула: такъ вы и вкусу-то учились!... А «я думалъ, что со вкусомъ надо родиться на свѣтъ, и что хорошаго вкуса никакимъ ученіемъ не приобрѣтешь!... Невѣжда я, признать, полагалъ, что ученіемъ въ музыкѣ можно лишь испортить хорошій вкусъ, вѣрное природное чувство того, что идетъ и «что не идетъ, и нажать себѣ только особенный вкусъ какой-нибудь школы. Нѣтъ ужъ воля ваша, а если бы у меня былъ сынъ, «я бы запретилъ ему учиться вкусу у *вкусныхъ* учителей: живи «братъ, тѣмъ вкусомъ, который тебѣ Богъ пожаловалъ»....

« — А если ему Богъ не пожаловалъ никакого вкуса? возразилъ «Александръ».

« — Такъ значитъ, ему вкусъ и ненуженъ, онъ можетъ заниматься другимъ дѣломъ. Не дала ему природа чувствовать того, «что прекрасно, такъ пусть понапрасну и не вретъ объ немъ, «притворяясь отмыннымъ *вкусникомъ* (??) ... какъ всѣ вообще «посредственности».

« — Вы, стало быть, отвергаете пользу всякаго ученія».

« — Нисколько! Пальцы надобно учить... безъ ученія, безъ «упражненія пальцы глупы, непослушны волѣ, фантазій, уму музыканта. Правиламъ нотанія и употребленія тоновъ надо учиться. «Составу, названіямъ и эффектамъ различныхъ аккордовъ, надо «учиться; объему и свойству разныхъ инструментовъ тоже. Это «грамматика и риторика».

Всѣ эти дѣльные мысли, хотя и выраженные по мѣстамъ калмыцкими оборотами языка Библиотеки для Чтенія — могутъ принадлежать извѣстному фортепьянисту, но по этому-то самому не

может принадлежать ему глупость на счет Шопена. Мейеръ могъ не понимать Шопена — это дѣло иное, но стумѣлъ бы оправдать какъ умный человекъ, свой взглядъ на него — и односторонній и узкій пожалуй, но не глупый же.

Вообще въ неблаговоленіи своемъ къ Карлу Мейеру, авторъ романа зашелъ слишкомъ далеко, и отнесся къ живому еще, извѣстному музыканту, весьма неблагопрістойно.

Въ романѣ, кромѣ Карла Мейера, проходитъ еще нѣсколько знаменитыхъ музыкантовъ, современниковъ или умершихъ, каковы пѣвица Мара, Фильдъ, Ромбергъ, Гуммель: но безъосновность взгляда на нихъ и явное пристрастіе или антипатія въ передачѣ подробностей, характеризующихъ всѣ эти личности, лишаютъ сочиненіе автора «Наслѣдства» единственнаго достоинства, которое оно могло бы имѣть, достоинства записокъ очевидца.

Перечтемъ по порядку изображаемыя авторомъ личности знаменитыхъ виртуозовъ.

1.) *Мейеръ, Серве, Вьѣтанъ и Дрейшокъ*, въ первой части. Къ Мейеру, у автора очевидная антипатія; къ Вьѣтану, который какъ музыкантъ-композиторъ и исполнитель вмѣстѣ, и даже просто какъ исполнитель, въ высшей степени серьезный, неизмѣримо выше Серве — антипатія нѣсколько скрываемая. Къ Серве, особенное пристрастіе, превосходящее всякую мѣру. Дрейшокъ представляется чѣмъ-то колоссальнымъ въ музыкѣ.

2.) *Пѣвица Мара, Ромбергъ, Фильдъ*, опять *Карлъ Мейеръ, Гуммель, Шоберлехнеръ* въ третьей части. *Ромбергъ* униженъ въ пользу, разумѣется, Серве; изображеніе *Фильда* — пересолено. Что *Фильдъ* былъ и циникъ и лѣнтяй, это всѣмъ извѣстно, — но извѣстно такъ же, что *Фильдъ* былъ очень умецъ, и тѣхъ глупыхъ грубостей, которыя авторъ заставляетъ его говорить, — говорить не могъ (*). О *Гуммелѣ* авторъ говоритъ съ какой-то почти-тельной холодностью, растративши, вѣроятно, весь запасъ своего восторга на *гиганта Дрейшока!*

(*) Кстати уведомляемъ здѣсь нашихъ читателей, что даровитѣйшій и самостоятельнѣйшій изъ наследниковъ великаго таланта *Фильда*, — сынъ равный ему въ своемъ родѣ, — А. И. Дюбокъ, занявъ теперь біографією своего учителя, которую мы надѣемся скоро получить.

3) Опять Карлъ Мейеръ (для пристойности подъ фирмою буквы Z. но слишкомъ явно), Листъ, о которомъ много разсказывается, но къ которому не видать, однако, въ авторѣ такого пристрастія какъ къ Дрейшоку и Серве, хотя тутъ пристрастіе было бы и понятно, музыкальныя личности въ четвертой части.

Ко всѣмъ этимъ личностямъ, отношеніе автора самое произвольное, неправильное и при томъ весьма рѣзкое, и потому производящее впечатлѣніе очень непріятное.

Вообще мы думаемъ, что весь этотъ романъ, есть не что иное, какъ одна изъ милыхъ шутокъ редакціи журнала надъ почтеннѣйшею публикою, а вовсе не чье либо сочиненіе. Романъ весь дышетъ духомъ критики и фельетоновъ Библіотеки для Чтенія.

За такую же точно шутку давно извѣстной своей шутливостью редакціи должно счесть и «Записки купца Жаркова» — по крайней мѣрѣ относительно формы этихъ записокъ.

«Вотъ вы, государь мой, — такъ начинаются эти записки, — кизволите мнѣ пѣнять, что я ни на одно письмо ваше отвѣта не «доставляю, да и тетрадки своихъ записокъ пересталъ къ вамъ «посылать. И въ томъ, буде соизволите хорошенько разобрать дѣло, «провинности моей вовсе оказаться не можетъ; та токмо (то-есть «стокма), печаль меня беретъ, что вы обо всемъ томъ въ невѣстности пребывали.

«Тепереча дѣло очень хорошо все раскрылось, и я завѣрительно вамъ доложить могу, какъ оно все происходило....» и т. д.

Шутка, какъ видятъ читатели, вовсе не остроумна и вышла неудачна: вмѣсто народнаго языка выходитъ просто смѣсь письмовника Курганова съ избитыми до пошлости рѣзкостями купческаго языка, заимствованными изъ водевилей г. Григорьева 2-го. Редакція думаетъ, что народнымъ языкомъ можетъ заговорить хорошо всякій, кому это только захочется: она весьма ошибается; даже люди, которые давно этимъ занимаются, но занимаются не совсемъ по призванію и не носятъ въ самихъ себѣ *склада* свободной народной рѣчи, какъ, примѣръ, г. Григоровичъ, писатель, какъ извѣстно, съ большимъ талантомъ — и тѣ, говорятъ имъ плохо, не свободно; такъ гдѣ же дойти даже до ихъ языка редакціи Библіотеки для Чтенія? Выйдетъ одно только безобразіе, противное для всякаго, кто дорожитъ народнымъ языкомъ, — скучное для читателей — что и вышло въ «Запискахъ купца Жаркова». А между

тѣмъ изъ матеріаловъ, изъ которыхъ, вѣроятно, съ ужаснымъ трудомъ составлены эти записки, можно было составить статью дѣльную и интересную. Оно было бы и проще и лучше.

Третья шутка редакціи — «Листки изъ записной книжки Русскаго» въ іюльской книжкѣ, но въ этой шуткѣ есть и дѣло. Смѣшна, конечно, претензія назвать себя Русскимъ по преимуществу, потому что на эту претензію надобно имѣть какія-нибудь права. Смѣшенъ вообще тонъ статейки, но ни сколько не смѣшны подробности, сообщаемыя въ ней о поэтѣ-Самородкѣ, И. С. Никитинѣ. Такъ какъ въ августовской книжкѣ Библіотеки напечатано стихотвореніе г. Никитина, то мы слѣдующую статью нашу объ этой книжкѣ начнемъ обѣщаннымъ нами давно разсужденіемъ о поэтахъ-самородкахъ — Никитинѣ, Венцовѣ, котораго книжечка стихотвореній издана въ Москвѣ въ нынѣшнемъ году, и о нѣкоторомъ Городецкомъ, котораго непечатанныя еще стихотворенія у насъ въ рукахъ. Что касается до самой статьи, какъ статьи, то по тону своему она принадлежитъ рѣшительно къ числу шутокъ и издѣвокъ журнала надъ читателями.

Шутить! весь вѣкъ шутить! — какъ васъ на это станеть?

Собственно съ журналомъ — мы и покончили все дѣло разсмотрѣніемъ этихъ разныхъ шутокъ. Не разсматривая довольно многихъ интересныхъ и дѣльныхъ статей, каковы въ особенности статьи г. *Ушинскаго* о сиденгамскомъ дворцѣ, не входя въ подробные отчеты о произведеніяхъ въ родѣ «Квартирной хозяйки» — одного изъ тысячи грязно-натуральныхъ продуктовъ петербургской школы — мы остановимся только на стихотвореніи г. Крешева и на очеркѣ г. Максимова: «Швецы», чтобы потомъ перейти къ фельетонамъ, отличающимся необычайною галантерейностью и остроуміемъ.

Г. Крешевъ переводитъ Горація, и г. Феть переводитъ Горація, бой нѣсколько неравный: г. Феть имя извѣстное въ литературѣ, талантъ опредѣлившійся въ своей особености, и безспорно съ Майковымъ, Огаревымъ, составляющій лирическую идею, весьма блестящую. Г. Крешевъ пишетъ стихи довольно гладкіе, довольно звонкіе, но слабо напоминающіе, то Майкова, то Фета. Жаль, что Горація не напоминаютъ нисколько его переводы.

Г. Феть недавно написалъ стихотвореніе къ своей Музѣ. Немножко рано, сказали бы мы, если бы г. Некрасовъ, у котораго

только *indignatio fecit versum*, не написал стихотворенія къ своей музѣ-гарпіи.

Очеркъ г. Максимова «Швецы», единственное отрадное явленіе въ четырехъ книжкахъ Библиотеки по литературной части. Онъ написанъ съ знаніемъ быта шведовъ, съ большою наблюдательностью въ отношеніи къ особенностямъ, — но языкомъ все-таки не свободнымъ. Видно, что г. Максимовъ въ народномъ быту гость умный, наблюдательный, но все-таки гость, а не хозяинъ.

Ничто въ мірѣ не занимаетъ насъ до такой степени, какъ фельетоны петербургскихъ журналовъ: у нихъ вообще такое пристрастіе къ амбре и ко всему галантерейному, что они имѣютъ полное право надѣяться на прозваніе столичныхъ штучекъ отъ Гоголевской Городничихи. Право, такъ ужъ и видны во всемъ примемы людей образованныхъ и свѣтскихъ, которые ко всему, что не входитъ въ сферу *beau monde* или *grand monde*, относятся съ замѣчательнымъ пренебреженіемъ. Какъ они, притомъ, остроумны, такъ это просто, я вамъ скажу, *prelesti подобно!* Описываетъ, напримѣръ, фельетонистъ какія-нибудь загородныя что-ли удовольствія, надобно только слушать, — соловей, настоящій соловей! Попадутся-ли ему въ жертву какіе-нибудь бѣдныя арфисты, или вообще странствующие музыканты, которые за двугривенный, много за полтинникъ наяриваютъ изо всей мочи на своихъ бѣдныхъ инструментахъ — необычайно острить на ихъ счетъ фельетонистъ — да и нельзя иначе! ухо его такъ нѣжно воспитано оркестромъ Минеральныхъ водъ, жѣдными тазами и другими деликатными инструментами модныхъ оркестровъ. Коснется ль онъ вскользь какъ-нибудь заведенія, которое на народномъ гульбищѣ за весьма умѣренную плату удовлетворяетъ потребностямъ гуляющихъ.... *fi donc!* сейчасъ онъ въ порывѣ благороднаго негодованія, (потому что онъ благородный человекъ, какъ выражаются въ порывахъ нѣжности разные метеоры) пишетъ: «Вы думаете, мой читатель, что вы найдете тутъ для удовлетворенія вашего изнѣженнаго вкуса *ortolans à la provençale, anguilles à la sauce tartare....* (слѣдуетъ за тѣмъ, чуть что не подробная карта ресторановъ, которую мы не изучали), — увы! какъ ошибетесь вы въ своихъ ожиданіяхъ и т. д.» А какъ острить фельетонистъ насчетъ гуляющихъ; это ужъ просто выходитъ критика: достается тутъ дамамъ, Петербургской Стороны, Коломны, и другихъ невеликосвѣтскихъ частей города. А театръ? О! тутъ фельетонистъ — судья неумолимый. Дебютирую

напримѣръ, на столичной сценѣ заѣзжій, провинціальный артистъ, въ родѣ, хоть напримѣръ г. Рыбакова, что-ли, — ну, провинція, что тутъ и говорить?... онъ становится жертвою остроумнаго пера фельетониста.... Но оставляя тонъ шутки, мы положительно думаемъ, что фельетоны, одна изъ язвъ нашей литературы, и то, что мы сказали о нихъ вообще, въ особенности относится къ фельетонамъ «Библиотеки для Чтенія». Богъ съ ними, съ ихъ фешенебельными претензіями и рѣзкими приговорами, съ ихъ праздною и насильственной болтовней: болтать для того, чтобы болтать, какъ въ состояніи болтать Французъ—Русскій человекъ не способенъ, да и слава Богу, что не способенъ.

Остается намъ поговорить серьезно о единственной въ литературномъ отдѣлѣ, серьезной статьѣ Библиотеки для Чтенія, за семь книжекъ, —именно: о статьѣ г. Дружинина «О сочиненіяхъ А. Ѳ. Писемскаго», напечатанной еще въ февральской книжкѣ, но о которой мы не отдавали еще отчета, потому что берегли ее на случай, (весьма вообразимый) когда о самомъ журналѣ сказать будетъ ровно нечего. Въ настоящую минуту, какъ читатели видятъ, почти что представился такой случай.

Прежде всего скажемъ, что статья г. Дружинина—статья умная и благородная, статья обличающая въ авторѣ и вкусъ, и литературную начитанность, и любовь къ правдѣ. Другое дѣло, согласны ли мы съ основнымъ взглядомъ г. Дружинина. Для того, чтобы представить читателямъ нашимъ основы взгляда критика, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать очевидными причины, по которымъ мы съ этимъ взглядомъ несогласны, мы позволимъ себѣ выписать вступленіе въ статью, въ которомъ заключаются всѣ существенныя и общіе выводы автора:

«Передъ нами, говоритъ критикъ, поговоривши предварительно о привязанности, которую внушаютъ къ себѣ всѣ истинныя таланты, привязанности, заставляющей извинять имъ многіе недостатки — «въ настоящую минуту лежатъ повѣсти и рассказы писателя, еще недавно выступившаго передъ русскою публикою и «въ короткое время успѣвшаго сдѣлаться однимъ изъ ея любимѣйшихъ беллетристовъ, не смотря на свои ошибки противъ законовъ изящнаго, не смотря на изобиліе слабыхъ, ложныхъ страницъ въ каждомъ изъ его произведеній, такъ справедливо поправившихся читателямъ. До появленія въ свѣтъ двухъ послѣднихъ произведеній г. Писемскаго: *Питершица* (въ декабрѣ 1852 г.) и *Лышаго*

«(въ ноябрь 1853 г.), произведеній, несомнѣнно доказывающихъ значительное усовершенствованіе въ дарованіи автора, мы, можетъ быть поколебались бы указывать промахи и ошибки, о которыхъ здѣсь упоминается; но рассказы: *Питерицкъ* и *Лышій* такъ хороши, такъ вѣрны, и носятъ на себѣ признаки такого несомнѣннаго движенія къ лучшему, что мы считаемъ себя въ правѣ отбросить излишнюю осторожность оцѣнки. Пусть всякій авторъ, начинавшій подражаніемъ, сумѣетъ выйдти на свою собственную дорогу такъ, какъ сдѣлалъ г. Писемскій; пусть всякій рассказчикъ, вдававшійся по временамъ въ тривіальность подробностей, разстанется съ нею такъ удачно, какъ разстался съ нею авторъ «Хозарова» и «Ипохондрика». А болѣе всего, пусть каждый изъ новыхъ писателей сумѣетъ придать, даже слабѣйшимъ своимъ страницамъ, тотъ интересъ, ту оригинальную живость, которыхъ полны самыя слабые страницы г. Писемскаго!

«Мы пишемъ не строгую диссертацию, и насъ не пугаетъ нѣкоторая *примѣсь личныхъ воззрѣній, введенная въ критическую статью*. По этому, мы скажемъ откровенно, что для насъ лично произведенія, успѣхи и ошибки г. Писемскаго, нѣсколько лѣтъ сряду имѣли интересъ самый живой, интересъ не ослабѣвавшій въ теченіе долгаго періода времени. Мы часто задумывались надъ повѣстями этого писателя, часто, читая ихъ, предавались добродушному хохоту, часто, сознаемся и въ этомъ, бросали книгу съ неудовольствіемъ, а потомъ, снова раскрывъ ее, прочитывали до конца, досадуя, что конецъ являлся такъ скоро. Много разъ г. Писемскій и его направленіе представлялись намъ какою-то загадкой, которой разъясненія, къ великому нашему сожалѣнію, мы искали долго и напрасно. Въ эти минуты, мы перечитывали по нѣскольку разъ мѣста, насъ затронувшія, и во время чтенія дали бы многое за то, чтобъ увидѣть самого г. Писемскаго, хотя нѣсколько ознакомиться съ его образомъ мыслей и сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ по поводу его литературныхъ произведеній. Смѣсь достоинствъ и недостатковъ въ его первыхъ повѣстяхъ и въ комедіи «Ипохондрикъ», казалась намъ чѣмъ-то страннымъ, оригинальнымъ, не бывалымъ, вопіющимъ, но много обѣщающимъ. Мы не знали какимъ образомъ совмѣстить эту свѣтскую наблюдательность съ какою-то страстію къ тривіальности, достойной покойнаго *Измайлова*; этотъ ясный, правдивый умъ съ готовностью преклонялся передъ авторитетомъ старой критики; эту заразительную веселость съ

«узкимъ, безотрадно одностороннимъ взглядомъ на жизнь и людей; эту живость съ длиннотами, эту мощность съ промахами. «Каждое новое произведеніе г. Писемскаго заставляло насъ думать, «удивляться и мысленно спорить, болѣе чѣмъ десятки другихъ «вещей, появившихся въ одно съ нимъ время. Наконецъ, въ манерѣ автора было что-то особенное, какъ будто поддразнивавшее «внимательныхъ читателей; по временамъ, даровитый нувелистъ «какъ будто смѣялся надъ нами, какъ будто дѣлалъ ошибки для «собственной потѣхи, какъ будто говорилъ намъ всѣмъ: думайте, «спорьте, а я смѣюсь надъ вами и нарочно выкидываю такую «штуку, о которой вы не знаете что и подумать! Подобно Гогарту, «для шалости сочинявшему картинки съ умышленнымъ нарушеніемъ законовъ перспективы, или, еще скорѣе, Теньеру, ставившему на задній планъ своихъ «Кермесовъ» лица, глядя на которыхъ можно только пожать плечами, г. Писемскій часто готовилъ «читателю сюрпризы тривіальныя и необъяснимыя. И замѣчательно, «что въ этихъ проказахъ бойкаго пера рѣдко бывало что-либо «возмущающее душу, все это описывалось живо, мѣтко, смѣшно, «добродушно, съ какимъ-то особеннымъ дилеттантизмомъ. Этотъ «дилеттантизмъ въ тривіальности пугалъ насъ до того, что послѣ ««Богатаго жениха» и «Батманова», мы начинали почти отчаиваться «въ литературной будущности г. Писемскаго. Уже не одинъ любитель его таланта начиналъ называть его «вторымъ Измайловымъ» «Теньеромъ N 3-й—и другими прозвищами въ этомъ же родѣ. Многие находили въ этихъ проказахъ и ошибкахъ особенную прелесть, «но мы не раздѣляли такихъ взглядовъ. Слава покойнаго Александра Ефимовича Измайлова казалась намъ не совсѣмъ завидною; «что же касается до «Теньера N 3», мы думали, что перо никогда «не угонится за кистью, и что писателю такъ же невозможно быть «Теньеромъ, какъ Теньеру Бальзакомъ. Мы предвидѣли для г. Писемскаго вѣчто лучшее, и глубоко сокрушались надъ тѣмъ, что «веселило и смѣшило многихъ изъ читателей. Еще болѣе Теньеровскаго и Измайловскаго элемента огорчало насъ очевидное «пристрастіе г. Писемскаго къ литературнымъ теоріямъ псевдо-«реальной или ложно художественной школы, которая при «появленіи первыхъ его произведеній еще играла нѣкоторую роль «въ нашей журналистикѣ. Плодами этого прирастія у г. «Писемскаго, были герои, заимствованные у Гоголя, интриги, «которыхъ ничтожность наводила досаду, патетическія мѣста «по извѣстной мѣркѣ, художественныя диссертаціи, будто

«почерпнутыя изъ старыхъ журнальныхъ «обозрѣній литературы». Къ счастью однако, пока мы соображали все это, смѣялись и огорчались, и все-таки съ нетерпѣвиемъ ждали каждаго «новаго произведенія г. Писемскаго, — авторъ во многомъ измѣнилъ «и свою манеру и свое направленіе. Слава Теньера перестала ему «улыбаться, а одностороннія теоріи критическихъ школъ возбуждаютъ его сочувствіе. И мы снова увидѣли нашего любимаго ну-«велиста на прямой и широкой дорогѣ, по которой шли до него «и теперь идутъ писатели, жаждущіе пользы, правды и своего «усовершенствованія».

Замѣчательно благородное отношеніе критика къ разбираемому имъ автору, видно въ этомъ вступленіи отношеніе, какое рѣдко встрѣчается, съ нѣкотораго времени, въ нашей литературѣ; но вмѣствъ съ тѣмъ обнаруживается съ самаго начала безъосновность, или, лучше сказать, отрывочность взгляда критика, какъ на литературу вообще, такъ и на литературную дѣятельность г. Писемскаго въ особенности.

1) Почему, спросимъ мы, критику такъ желательно было про-никнуть загадку направленія г. Писемскаго, такъ интересно узнать образъ мыслей этого писателя? Стало быть, направленіе и образъ мыслей, дѣло первостепенной важности?

2) Если это такъ, а это дѣйствительно такъ, то неправда ли, что направленіе писателя серьезнаго должно быть серьезное?

3) Неправда ли такъ же, что серьезное направленіе, то-есть направленіе, выходящее изъ серьезнаго пониманія данной исторической минуты, должно быть или совсѣмъ новымъ, или продолженіемъ серьезнаго стараго, или дальнѣйшимъ развитіемъ того, что въ прежнемъ содержалось въ видѣ намека?

4) Если и это такъ, то писатель съ талантомъ въ высшей степени жизненнымъ, какъ А. О. Писемскій, — какова же инаго направленія, кромѣ Гоголевскаго, могъ быть представителемъ? Не великосвѣтскія же драматическія пословицы было писать г. Писемскому, — не относиться же было ему серьезно къ различнымъ празднымъ вопросамъ и мишурно-блестящимъ сторонамъ развитыхъ и тонкихъ натуръ? Не Богъ знаетъ для кого и для чего, а для массы и для правды хотѣлъ писать г. Писемскій. Мишура и тонкая ложь и безъ того уже погубили въ литературѣ два замѣчательныхъ дарованія, дарованіе г. Авдѣева и дарованіе г. Дружинина.

Но какъ талантъ самостоятельный, г. Писемскій взялъ совершенно свою сторону въ Гоголевскомъ направленіи. Серьезнѣе и глубже всего, эта сторона явилась въ первомъ романѣ его, въ «Тюфякѣ» и во второмъ, въ «Бракъ по страсти»; но послѣдній романъ, до сихъ поръ еще малооцѣненный тѣми критическими направленіями, которыя, привыкши къ старымъ понятіямъ, требуютъ отъ произведенія больше всего такъ называемаго развитія характеровъ, развитія *quand même*, хотя бы сами характеры, какъ нѣкоторые въ этомъ романѣ, были неспособны къ развитію, — романъ, встрѣтившій отпоръ и хулу въ тѣхъ направленіяхъ, которымъ хочется во что бы то ни стало поэтизировать *à la* Мамиллову, потому что увы! съ этимъ связано поэтизированіе многихъ столь же *тонкихъ* и *развитыхъ* личностей, романъ, въ которомъ простота взгляда должна была показаться грубостью, въ которомъ анализъ въ самомъ дѣлѣ безжалостенъ, — на «Бракъ по страсти» мы смотримъ какъ на самое лучшее, самое правдивое и самое художественное изъ всего, что написалъ г. Писемскій.

Другое дѣло, всегда ли былъ вѣренъ себѣ даровитый авторъ этого романа, такъ какъ вѣрилъ онъ себѣ въ немъ, въ Тюфякѣ, въ Иппохондрикѣ, въ Комикѣ, въ Питерчикѣ и въ Лъшемъ? — произведеніяхъ неравнаго достоинства, но серьезно задуманныхъ и серьезно выполненныхъ? Не увлекался ли онъ своей собственной способностью легко и скоро придавать запасъ старыхъ и вновь получаемыхъ наблюдений, давалъ ли онъ достаточно вырѣть въ душѣ возникавшимъ въ ней образамъ Батманова, Богатаго жениха и т. д. Другое дѣло, нѣтъ ли въ самой простотѣ его взгляда такой стороны, которая, если оставить ее одну, оставить на собственный произволь, — можетъ повлечь въ пустоту, въ смѣхъ безъ содержанія, однимъ словомъ въ то, что называется внѣшнимъ комизмомъ? Нечего грѣха таить, отрицательный, беспощадно-аналитическій взглядъ г. Писемскаго можетъ обмелѣть, опошлится, если онъ не будетъ выходить изъ побужденій высшихъ, изъ благородныхъ стремленій къ общечеловѣческому и народному идеалу, изъ которыхъ выходитъ анализъ у Гоголя и у Островскаго, поэтовъ въ такой же степени, въ какой они аналитики.

Стало быть, и многочисленныя произведенія г. Писемскаго страдаютъ не заимствованіями у Гоголя, ибо имѣя собственную манеру изображенія лицъ, манеру обусловленную собственной натурою, г. Писемскій не нуждается въ заимствованіяхъ; — не раб-

скимъ служеніемъ направленію, ибо въ вѣрномъ, хотя и самостоятельномъ служеніи живому взгляду, которымъ отличаются серьезные произведенія г. Писемскаго, и заключается ихъ высокое значеніе въ литературѣ; не страстью къ тривіальности, ибо выдавать тривіальность, то-есть пошлость за пошлость, разоблачать ее безъ жалости, не значитъ любить пошлость, и своимъ безжалостнымъ отношеніемъ къ пошлости, г. Писемскій даже оскорбителенъ для *нѣжнаго* и *тонкаго* чувства нѣкоторыхъ критиковъ, но поспѣшностью работы, но недостаточнымъ уваженіемъ къ своему дѣлу и къ своему высокому таланту, но излишнею плодовитостью, достойною беллетриста, а не такого художника, какимъ признають и какимъ желали бы всегда видѣть г. Писемскаго всѣ истинные друзья его таланта.

Вотъ, по нашему мнѣнію, точка зрѣнія, на которую должна поставить себя критика въ отношеніи къ г. Писемскому и на которую не сталъ къ сожалѣнію даровитый и умный авторъ разсматриваемой нами статьи. Но, повторяемъ опять, статья такъ благородна, показываетъ столько вкуса, и также, наполнена такихъ превосходныхъ частныхъ замѣчаній, что мы поговорили о ней, и поспорили съ нею съ истиннымъ наслажденіемъ. г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Путешествіе въ южную Россію и Крымъ черезъ Венгрію, Валахію и Молдавію, совершенное въ 1837 г. *Анатоліемъ Демидовымъ*. Изданіе украшенное рисунками Раффс. (Переводъ съ французскаго) Москва. 1853. стр. 543.

Статья I.

Валахія и Молдавія.

Въ 1837 г. просвѣщенный русскій вельможа А. П. Демидовъ составилъ въ Парижѣ экспедицію для путешествія по южной Россіи, и въ особенности для изслѣдованія Донецкаго каменноугольнаго бассейна. Получивъ на этотъ предметъ Высочайшее соизволеніе, члены экспедиціи отправили напередъ инструменты и штейгеровъ, подъ начальствомъ г. Эйро, черезъ С.-Петербургъ, къ мѣсту главнаго назначенія, а сами собрались въ Вѣнѣ; отсюда спустились по Дунаю до Журжи, проѣхали черезъ Валахію и Молдавію, и назначили сборнымъ мѣстомъ Одессу. Отсюда они ѣздили по Крыму, по южной Россіи, были въ Тамани и Бугазѣ, и наконецъ часть экспедиціи, не думая, не гадая, попала въ Константинополь. Путешествіе вышло въ Парижѣ, въ четырехъ томахъ. На русскій языкъ переведены два тома: первый, составляющій общій обзоръ путешествія, и четвертый, содержащій геологическое изслѣдованіе донецкаго бассейна.

Читатели согласятся, что страны, посѣщенные экспедиціею, чрезвычайно любопытны во всякое время, но тѣмъ болѣе въ настоящую минуту. До войны 1849 года, Венгрія и Военная Граница (Баннать) были для насъ страной невѣдомой. О Валахіи и Молдавіи, не смотря на сосѣдство съ ними, мы мало знаемъ до сихъ поръ. Причины этого ясны. Подъ именемъ народовъ европейскихъ, мы привыкли разумѣть Пѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ,

Италянцевъ, Шведовъ: Мадыяры, Валахи, Молдаване, не игравшіе эффектной роли въ исторіи Европы, кажутся намъ чуждыми и далекими.

И однакожь, жители Молдавіи и Валахіи, кромѣ географическаго сосѣдства, исповѣдуютъ съ нами одну вѣру, близки къ намъ по своимъ обычаямъ, по коренному народному устройству, котораго не могло уничтожить турецкое иго, такъ точно, какъ въ Россіи не могло уничтожить народности иго Татаръ. Могуществу и великодушію Россіи они обязаны первымъ разсвѣтомъ свободы: Въ настоящую минуту эти страны сдѣлались, если не центромъ, то по крайней мѣрѣ важнымъ узломъ великой борьбы *въ крестовомъ походѣ Западныхъ державъ, предпринятомъ для защиты Корана и варварства противъ Евангелія и просвѣщенія*. По этому—то появленіе на русскомъ языкѣ этой книги, писанной въ то время, когда никто не могъ и предполагать нынѣшнихъ событій, какъ нельзя болѣе кетати. Къ сожалѣнію, мы не можемъ вдаваться во всѣ подробности путешествія, а должны ограничиться только тѣмъ, что показалось намъ особенно важнымъ, оставивъ все, что относится къ Австріи, Египту и Египту; начинаемъ съ Валахіи.

Равнина между Журжею и Бухарестомъ перерѣзана, отъ мѣста до мѣста, довольно глубокими рытвинами и оврагами. Ызда неудобна. Впрочемъ, и проѣзжихъ мало, такъ же какъ и селеній. Эти селенія — жалкія сборища хижинъ, устроенныхъ изъ хвороста, смазанныхъ грязью и занятыхъ несчастными семействами, живущими въ крайней нищетѣ.

Разстояніе отъ Журжи до Бухареста двадцать миль. При быстрой ѣздѣ, путешественники скоро прибыли въ Бухарестъ, и остановились въ клубѣ при театрѣ.

Въ описаніи загороднаго гулянья на другой день, авторъ говорить: «Въ одной и той же каретѣ вы увидите женщинъ, которыя въ туалетѣ и кокетствѣ всячески подражаютъ вѣнскимъ щеголихамъ, молодыхъ людей, одѣтыхъ по-европейски въ черный фракъ, и какого-нибудь стараго боярина съ почтенною, благородною наружностью, съ длинною, совершенно сѣдою бородой въ монументальной шапкѣ, занесенной сюда фанариотскими Греками. На козлахъ важно сидятъ кучера, то одѣтые въ русскій кучерской кафтанъ, длинный и перетянутый кушакомъ, то наряженные въ турецкій костюмъ съ широкою чалмою, или въ арнаутскій,—съ бѣлою развѣвающимся юпкой».

«Въ пріемной залѣ господаря, князя Гика, было одно только украшеніе,—портретъ графа Киселева. Его портреты здѣсь встрѣчаются вездѣ: онъ очень любимъ здѣшними жителями и вполне достоинъ этой любви, какъ человекъ благородный и добрый, оставившій о себѣ равно неизгладимое воспоминаніе, какъ въ хижинахъ бѣдняковъ, такъ и въ жилищахъ богачей».

Князь Александръ Гика принялъ путешественниковъ чрезвычайно привѣтливо. Онъ обладаетъ обширными и разнообразными свѣдѣніями. Его легкая, остроумная бесѣда обнаруживаетъ возвышенный умъ и знаніе всѣхъ почти предметовъ, составляющихъ предметъ разговоровъ въ салонахъ Запада. Лице у него важное, кроткое, внушающее довѣріе съ перваго взгляда. Ему было тогда около пятидесяти лѣтъ, но онъ еще не былъ женатъ. Валахскіе господари усвоили себѣ западный гражданскій костюмъ и мундиры Россійской имперіи. Они говорятъ очень свободно по-французски. У князя два брата: старшій, Михаилъ, исправлялъ должность Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ титуломъ Великаго Ворника и Бана (первый санъ послѣ господаря); младшій, Константинъ, управлялъ военнымъ министерствомъ, съ званіемъ Спатара, и командовалъ арміею.

Пока г. Демидовъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ спутниковъ, былъ въ Бухарестѣ, другіе члены экспедиціи должны были, по необходимости, остаться въ Журжѣ. Здѣсь они были свидѣтелями большого народнаго гулянья. Выпишемъ, что показалось намъ любопытнымъ.

«Повсюду, говорятъ путешественники, разносились облака дыму отъ костровъ, на которыхъ готовилась простая пища этого народа, столь пристрастнаго къ празднествамъ. Вездѣ, внутри палатокъ, приваряжались, готовясь къ пляскѣ. Рослыя и здоровыя валахскія дѣвушки были замѣтны по своимъ бархатнымъ шапочкамъ, унизаннымъ серебряными и золотыми монетами, составляющими ихъ приданое. Молодыя цыганки отличаются особенною красотою, въ которой видѣнъ отпечатокъ происхожденія, приписываемаго нѣкоторыми авторами ихъ кочевому, или, лучше сказать, бродячему племени: у этихъ дѣвушекъ та же тонкая, гибкая талія, тѣ же нѣжныя руки и ноги, какія свойственны женщинамъ племени Индусскаго, обитающаго на берегахъ Ганга».

Обращаясь снова къ Бухаресту, г. Демидовъ говоритъ о музеѣ и библиотекѣ, учрежденіяхъ важныхъ, судя по краткости времени, протекшаго съ освобожденія страны отъ турецкаго ига; упоминаетъ объ училищѣ и двухъ госпиталяхъ, и наконецъ переходитъ къ государственному устройству.

★

Валахская Совѣщательная Палата, то-есть собраніе, въ которомъ бояре обсуживаютъ государственныя дѣла, помѣщается въ одномъ изъ зданій, принадлежащихъ къ соборной церкви. Зала очень проста, безъ всякихъ украшеній. На концѣ ея кресло съ балдахиномъ, служащее сѣдалищемъ для митрополита, который есть постоянный предсѣдатель Палаты. Палата состоитъ изъ сорока трехъ членовъ. Старые бояре носятъ бороды и огромный колпакъ. Военные являются на совѣщаніе въ мундиръ и при саблѣ. Члены произносятъ рѣчи, не сходя съ мѣстъ. Министры сидятъ вмѣстѣ съ членами. Г. Стирбей, министр Юстиціи, почти одинъ отвѣчалъ на всѣ вопросы. Пренія были жарки, но вполне вѣжливы. Постороннихъ посѣтителей было мало. Публику недавно стали допускать, а журналамъ ничего о преніяхъ печатать не дозволено.

Въ Бухарестѣ считается болѣе 60 тысячъ жителей, 10 тысячъ домовъ, двадцать шесть монастырей, девяносто пять церквей, три типографіи, двѣ больницы. Обыкновенную пищу простаго народа составляетъ варево изъ кукурузы или проса. Мяса и соленой рыбы простолюдины почти вовсе не ѣдятъ. Любимый напитокъ водка, перегоняемая изъ сливъ.

Городъ раздѣляется на пять кварталовъ: Желтый, Красный, Зеленый, Синій и Черный. Начальникъ полиціи называется агою. Ему подчинены пять полицейскихъ комиссаровъ, у которыхъ опять свои помощники.

Господарь избирается чрезвычайнымъ собраніемъ бояръ съ утвержденія Порты и съ согласія Россійскаго Правительства. Турки не имѣютъ права ставить въ Валахіи свои гарнизоны или содержать войска. Сорокъ два члена генеральнаго собранія (Палаты) выбираются общимъ собраніемъ бояръ посредствомъ тайной баллотировки. Министры не могутъ быть депутатами.

Послѣ господаря первый сановникъ государства есть Банъ. Это званіе принадлежало владѣльцу той части Валахіи, которая именуется Банатомъ. Резиденція Бана былъ г. Крайова. Нынѣ титулъ Бана сообщаетъ носящему его лицу право засѣданія въ Советѣ или Диванѣ. Въ Баннатѣ мѣсто его занимаетъ намѣстникъ или каймаканъ.

Четыре Ворника также безсмѣнные члены Дивана. Они занимаютъ въ Диванѣ судебныя должности.

Два Логофета возвѣщаютъ народу о рѣшеніяхъ Дивана, утвержденныхъ господаремъ.

Спатарь, — членъ Дивана, главнокомандующій валахской арміею. Вестіарь, также членъ Дивана, главный казначеихранитель.

Постельникъ, — секретарь господаря по особымъ дѣламъ. Диванъ-Эффенди — секретарь Дивана.

Четыре министерства: Внутреннихъ дѣлъ, Юстиціи, Духовныхъ дѣлъ и Финансовъ. Кромѣ того существуютъ генеральный контроль, карантинный комитетъ и комиссія устройства тюремъ.

Армія состоитъ изъ трехъ полковъ, въ каждомъ по два батальона — всего до 5000 человекъ. При господарѣ десять штаб-офицеровъ.

Въ Валахіи считается 22 города, 15 мѣстечекъ и 3560 деревень (въ 1837 г. 339,322 дома). Она дѣлится на 17 округовъ или уѣздовъ. Въ каждомъ два исправника изъ бояръ по выборамъ, судья и *самеси*, или казначей. Последний постоянный чиновникъ. Округи раздѣляются на плацы или участки. Въ каждомъ плацѣ живетъ сборщикъ податей. Въ городахъ — муниципальные совѣты, состоящіе изъ президента и трехъ совѣтниковъ.

При церквахъ ведутся метрическія книги, какъ и въ Россіи.

Правосудіе воздается отъ имени господаря; дѣла рѣшаются на основаніи валахскаго Свода Законовъ, изданнаго въ 1818 г. Сводъ этотъ основанъ на Римскомъ правѣ и мѣстныхъ обычаяхъ.

Судебныя мѣста раздѣляются на три инстанціи: 1) окружные или уѣздные суды; 2) апелляціонные суды, и 3) Диванъ. Окружные суды завѣдываютъ всѣми гражданскими и коммерческими дѣлами; въ дѣлахъ уголовныхъ они ограничиваются только производствомъ слѣдствія. Апелляціонный судъ раздѣляется на три департамента: гражданскій, уголовный и коммерческій. Судьи выбирались на три года. Здѣсь мы читаемъ:

«Въ основномъ уложеніи сказано, что по прошествіи десяти лѣтъ послѣ 1830 года, чиновники, назначаемые господарями, будутъ уже безсмѣнные, за исключеніемъ тѣхъ, которые, *оказавшись виновными въ какомъ-либо преступленіи, добровольно сложатъ съ себя свою обязанность, или перейдутъ въ другую должность.*

Тутъ непременно ошибка автора или переводчика. Не можетъ быть, чтобы оказавшіеся виновными въ преступленіи допускались къ переходу въ другія должности, или не иначе отрѣшались отъ прежнихъ, какъ по доброй волѣ. Последнее было бы черезъ чуръ по-римски (*Cic. in Catil. III и IV*), первое невозможно нигдѣ. Вѣроятно, надобно читать: *за исключеніемъ тѣхъ, которые окажутся виновными въ какомъ-нибудь преступленіи, или добровольно сложатъ въ себя свою обязанность, или перейдутъ въ другую должность*: эта бессмыслица могла произойти отъ ошибки въ

нѣсколькихъ буквѣхъ въ русскомъ текстѣ, и даже не больше какъ въ одной во французскомъ, — а между тѣмъ изъ цѣльнаго постановленія выходитъ нелѣпость.

Тяжбы возникаютъ чаще всего изъ захвата владѣльцами чужихъ земель и изъ предпочтительнаго права родственниковъ и сосѣдей продавца недвижимаго имущества на его покупку.

Сословіе адвокатовъ неустроено вполне. Если обвиняемый не выбралъ адвоката, то защитникъ назначается судомъ.

Пренія производятся публично, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ отъ публичныхъ преній можетъ пострадать честь какого-либо семейства.

По закону, убійство наказывается смертію; но со времени управленія графа Киселева, смертная казнь не въ обычаѣ, и замѣняется пожизненною работою въ соляныхъ копяхъ. Господарь имѣетъ право помилованія или смягченія наказанія.

Замѣчательно, говоритъ авторъ, что умышленныя убійства происходятъ здѣсь чрезвычайно рѣдко: «за весьма немногими исключеніями это преступленіе Валахи совершаютъ только въ пьяномъ видѣ». А между тѣмъ цифры преступленій, совершенныхъ въ 1835 и 1856 годахъ, которыя представляетъ авторъ, не совсѣмъ соотвѣтствуютъ его замѣчанію. Число убійствъ довольно значительно въ сравненіи съ воровствомъ и грабительствомъ.

Въ Валахіи одинъ митрополитъ (въ Бухарестѣ) и три епископа: Рымникскій, Аргечскій и Бузеосскій. Внѣшнія формы религіи, особенно поста, соблюдаются строго. Церквей не менѣе 3,753 въ томъ числѣ 1,564 каменныхъ и 202 монастыря, которые, вѣроятно, оказываютъ много пособій бѣднымъ, потому что просящіе милостыню здѣсь очень рѣдки.

Валахи очень склопны къ суевѣрію, охотно вѣрятъ въ существованіе колдуновъ и въ возможность заклинаній.

Учащихся въ 1857 г. было 3,782, въ томъ числѣ 1,745 въ Бухарестѣ. Изъ послѣднихъ 953 въ казенныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того каждый приходскій священникъ или дьячекъ обязанъ, за небольшое вознагражденіе, учить крестьянскихъ дѣтей чтенію и письму. «Такимъ образомъ», замѣчаетъ авторъ, «черезъ нѣсколько лѣтъ не останется во всей Валахіи ни одного человѣка, по крайней мѣрѣ, изъ новаго поколѣнія, который не умѣлъ бы читать и писать».

Доходы княжества простирались до 14,824,195 піастровъ. Главныя статьи ихъ: откупъ соли, таможи и городскія пошлины.

Наименьшую статью составляет подушный окладъ съ крестьянъ (10,670 $\frac{1}{2}$ піастровъ). Каждый крестьянинъ обязанъ еще вносить три піастра въ приходскую кассу. Расходы 14,633,118 піастровъ, въ томъ числѣ дань Портъ 1,400,000 піастровъ. Остатокъ доходовъ обращается въ запасный капиталъ. Рубль серебромъ въ казну принимается за 10, а въ торговлѣ за 12 піастровъ. Изъ этого слѣдуетъ, что курсъ денегъ подверженъ разнымъ колебаніямъ (въ то время такъ было и въ Россіи. Лажъ).

Въ Валахію привозятся преимущественно мануфактурныя издѣлія; изъ Турціи — много деревяннаго масла, мыла и кофею. Вывозъ состоитъ изъ хлѣба, конопли, пеньки, кожъ, скота, лѣсу, меду, воску, соли, шерсти, частью вина и нѣсколько шелку. Значительное число водяныхъ мельницъ показываетъ удобство употребленія воды, какъ двигательной силы, и слѣдовательно удобство для учрежденія фабрикъ.

Минеральныя богатства Валахіи состоятъ въ золотѣ, находимомъ въ пескахъ рѣкъ, углекислой (малахитъ) и сѣрнистой (колчеданъ) мѣди, которая прежде разрабатывалась, самородной ртути, каменномъ углѣ и магнитѣ, каменной соли, нефти, сѣрѣ, гранатахъ и янтарѣ.

Читая также о минеральныхъ богатствахъ страны, въ одномъ мѣстѣ видимъ, что въ 100 частяхъ лигнита содержится 16 частей глинозема. Позвольте усомниться. Это было бы явленіе безпримѣрное. Вообще подобныхъ невѣроятныхъ выводовъ и очень неясныхъ мѣстъ по части химіи, въ сочиненіи довольно. Не имѣя подъ рукою французскаго подлинника, не знаемъ кому его приписать: автору или переводчику.

Самое главное минеральное богатство Валахіи, это каменная соль. Слон ея находятся въ шести (?) и даже въ пятидесяти пяти (?) метрахъ ниже поверхности земли, и простираются въ глубину на 88 метровъ. Соли добывается ежегодно 38 милліоновъ килограммовъ.

Сверхъ того въ Валахіи много минеральныхъ водъ.

Климатъ ея умѣренный. Зимой холодъ продолжается два мѣсяца. Весна наступаетъ скоро, и часто неожиданно. Иногда бываютъ сильныя весеннія наводненія. Въ июнѣ, при продолжительномъ вѣтрѣ съ Чернаго моря, часто бываютъ сильныя бури.

Изъ приложенной къ книгѣ таблицы видно, что холодъ доходитъ до 18°, жаръ до 25°, но не сказано по какому термометру.

Ежегодно бываетъ два или три подземныхъ удара и чрезъ каждые 8—10 лѣтъ повторяются сильныя землетрясенія. Въ 1838 году 11-го января (ст. ст.) землетрясеніе произошло вечеромъ. Весь Бухарестъ вдругъ поколебался. Самыя прочныя зданія начали качаться изъ стороны въ сторону; многіе дома обрушились и не осталось ни одного неповрежденнаго. Погибло много людей.

Народонаселеніе состоитъ изъ бояръ, Валаховъ поселянъ и земледѣльцевъ, и изъ цыганъ. Бояры землевладѣльцы избавлены отъ всѣхъ податей. Авторъ съ неудовольствіемъ говоритъ о ихъ роскоши и театральномъ блескѣ въ виду крайней бѣдности крестьянъ. Крестьяне крѣпки и способны къ работамъ, но въ ихъ нравахъ надобно преобразовать многое. Цыгане, говоритъ авторъ, всѣ ночные воры, величайшіе лѣнивцы, нищіе, но нищіе гордые, отличающіеся прекрасною, кроткою наружностью. Часть цыганъ питается собственнымъ трудомъ — напримѣръ промыскою золотоносныхъ песковъ; другіе занимаются столярнымъ, слѣсарнымъ, коновальнымъ мастерствомъ и служатъ поварами; многіе находятся въ услуженіи у бояръ; но большею частью ведутъ бродячую жизнь. Въ уложеніи есть статья, предписывающая составить особый капиталъ, чтобы современемъ выстроить кочующимъ цыганамъ дома и приучить ихъ къ осѣдой жизни.

Общая сумма народонаселенія по послѣдней ревизіи 1,751,182. Но эта цифра есть выводная изъ числа семействъ, потому что перепись произведена на семейства. Всѣхъ семействъ считается 349,402, въ томъ числѣ не платящихъ податей 53,117. Въ этомъ числѣ бояръ 944, мелкихъ дворянъ 4,195, священниковъ 6,820, ино-странцевъ 3,729. Изъ податныхъ-землепашцевъ 272,974 семейства, торговцевъ 4,810, ремесленниковъ 4,430, цыганъ, имѣющихъ ремесло, 5,635 семействъ.

Переходимъ къ Молдавіи.

Городъ Яссы лежитъ на ровномъ мѣстѣ, окруженъ зеленѣющими холмами и занимаетъ большое пространство. Дома всѣ выкрашены бѣлою краскою и при каждомъ есть садъ. Когда путешественники вѣхали въ этотъ городъ, онъ былъ совершенно затопленъ. Вода стояла вершковъ на семь выше деревянной мостовой, но она не заливалась нигдѣ въ двери домовъ и лавокъ, поднятыя выше. Прибывъ въ гостиницу, путешественники были встрѣчены ожидавшими ихъ офицерами; вскорѣ постигъ ихъ самъ ага (оберъ полицеймейстеръ), одѣтый въ богатый вышитый костюмъ, за тѣмъ кн. Суцо, министръ внутреннихъ дѣлъ. На другой день (20 іюля

и. ст.) они были приняты господаремъ, кн. Стурдзою. О пріемъ, разговоръ, внимательности и дѣятельности князя г. Демидовъ отзывается съ величайшими похвалами.

Изъ описанія Яссъ извлечемъ только слѣдующее: новѣйшія зданія изящны и опрятны; нѣкоторыя улицы широки, и деревянная мостовая, мѣстами замѣнена каменною. Обширныхъ зданій строить нельзя по недостатку матеріаловъ: но есть нѣсколько примѣчательныхъ церквей и много хорошихъ домовъ. Слѣдовъ восточнаго стиля менѣе чѣмъ въ Бухарестѣ. Это частію произошло отъ пожара въ 1827 году. Послѣ этого въ 1829 году здѣсь свирѣпствовала чума, а въ 1831 холера. При всемъ томъ Яссы цвѣтущій городъ.

Главная улица населена купцами, мѣнялами, факторами всякаго рода. Они почти всѣ Евреи. Въ магазинахъ развѣшены разныя ткани, модныя вещицы, и выставлены нѣмецкія и англійскія бронзовыя издѣлія. Здѣсь находится французская книжная лавка и кабинетъ чтенія.

Изъ церквей заслуживаетъ вниманіе одна, Трехъ Святителей. Она построена изъ прекраснаго камня. Всѣ вѣншія стороны зданія покрыты арабесками, чрезвычайно разнообразными, высѣченными рельефно въ камняхъ, изъ которыхъ выкладены стѣны. Окна очень узки и сквозь нихъ проникаетъ самый слабый свѣтъ. Во всѣхъ трехъ придѣлахъ, посвященныхъ святымъ Василю Блаженному (конечно Василю Великому), Іоанну Златоусту и Григорію Богослову, день и ночь теплятся лампы. Храмъ выстроенъ около 1622 года воеводою Василемъ, и первоначально весь былъ покрытъ позолотою, но онъ три раза горѣлъ, нѣсколько разъ былъ разграбленъ Татарами, и едва не разрушенъ совершенно землетрясеніемъ 1802 года. Въ числѣ рѣдкостей хранятся картины, вышитыя княгинею Θεодосіею, супругою строителя храма. Не довольствуясь построеніемъ храма, воевода выкупилъ у Турокъ мощи св. Венеранды. По преданію, самъ Султанъ проводилъ ихъ до предѣловъ своей имперіи. Мощи покоятся въ богатой ракъ.

Въ Яссахъ есть училище, три типографіи, въ которыхъ печатаются, кромѣ руманскаго языка, — на русскомъ, французскомъ и ново-греческомъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ основано общество любителей естественныхъ наукъ и медицины. Заботятся о составленіи коллекціи естественныхъ предметовъ, но она еще не велика.

За тѣмъ авторъ представляетъ краткое извлеченіе изъ документовъ, доставленныхъ ему кн. Суцо, и содержащихъ сравненіе состоянія Молдавіи до Адрианопольскаго мира съ нынѣшнимъ.

До войны 1829 года, Молдавія была подчинена управленію, не имѣвшему ничего правильнаго, прочнаго, почему жители подвергались разнаго рода притѣсненіямъ. Господарь былъ только для виду, а въ самомъ дѣлѣ княжество совершенно зависѣло отъ прихотей Порты и сосѣднихъ пашей. На него было возложено доставлять въ столицу Оттоманской имперіи строевой дѣсъ, бойный скотъ и зерновой хлѣбъ, по цѣнамъ, которыя назначались Портою произвольно. Этимъ, однакожь, дѣло не оканчивалось. Какъ скоро цѣны были утверждены, въ Молдавію навѣзжали турецкіе комиссары, и насильственно отбирали требуемые товары въ количествѣ гораздо большемъ того, какое слѣдовало брать.

Соблюденіе внутренняго порядка было поручено турецкимъ стражамъ (бехлисамъ); они жили въ большихъ городахъ, притѣсняли и грабили народъ. Крѣпости, стоявшіе на лѣвомъ берегу Дуная, служили также въ тягость жителямъ, вынужденнымъ доставлять гарнизонамъ продовольствіе всякаго рода. Господари, присылаемые Портою, временно управлявшіе княжествомъ, незнакомые съ нравами и обычаями страны, руководствовались единственно своимъ произволомъ. Вынуждаемые необходимостью поддерживать безпрестанными подарками благосклонность Порты и пашей, они, съ одной стороны обременяли народъ безчисленными поборами, а съ другой, зная непрочность своего положенія и непродолжительность власти, всячески старались и сами наживаться.

Правительство было устроено слѣдующимъ образомъ: *вестіаръ* или министръ финансовъ, управлялъ финансами и внутренними дѣлами; *постельшикъ* завѣдывалъ сношеніями съ иностранными консулами, пашами и Портою; каждымъ округомъ завѣдывали два чиновника, имѣвшіе административную, судебную и исполнительную власть. Тяжбы окончательно рѣшались судомъ бояръ подъ предсѣдательствомъ господаря, но въ производствѣ дѣлъ не было никакой законной формы. Сверхъ того ничто не мѣшало возобновлять процессы при каждой перемѣнѣ господаря. Не было ни архивовъ, ни протоколовъ, ни даже канцеляріи, въ настоящемъ значеніи этого слова.

Подати взиались произвольно и возобновлялись подъ безчисленными предлогами. Были налоги прямые и косвенные. Прямые: подушный окладъ и рассурсъ, или окладъ на содержаніе чиновниковъ. Косвенный налогъ, *рассуматесъ* собирался съ ульевъ, барановъ, свиней, табаку, виноградниковъ, повозокъ, вѣсовъ, водочныхъ заводовъ, и прочее. Между тѣмъ нѣкоторыя мѣстности были совершенно освобождены отъ налоговъ. Доходы простирались до 3,365,558

піастровъ. Изъ этой суммы 1,865,263 піастра произвольно и безотчетно истрачивались господами. Съ каждаго поселянина сходило около 78 піастровъ. Кромѣ того поселяне были подчинены многимъ повинностямъ натурою, и поставляли лошадей для конюшенъ господаря и почты, и наконецъ вынуждены были давать каждому чиновнику все, чего бы онъ ни потребовалъ. Привилегіи нѣкоторыхъ классовъ общества еще болѣе обременяли поселянъ. При правленіи греческихъ князей, если кто-нибудь изъ семейства причисленъ былъ къ службѣ, то все семейство освобождалось отъ платежа податей. По этому въ каждомъ округѣ было множество лицъ свободныхъ отъ всѣхъ податей. Не платили податей всѣ лица, состоявшія при исправникѣ округа, при вестіаріи, при капитанствахъ, при гетманствѣ, при полиціи, при солоньяхъ, при почтахъ, при охраненіи границъ, при поставкѣ въ казну лѣса, угольники и почталіоны. Въ Яссахъ изъято было отъ податей еще много другихъ лицъ. Всего было 7,985 семействъ освобожденныхъ отъ податей. Полагая семейство въ пять человекъ, не платило податей 39,925 лицъ.

Независимо отъ того каждый бояръ имѣлъ право освобождать отъ податей извѣстное число лицъ, смотря по важности мѣста, занимаемаго имъ въ обществѣ. Эти лица назывались сокотельниками.

Такимъ образомъ крестьяне были постоянно обременены налогами, постоянно разоряемы Турками, своимъ правительствомъ и землевладѣльцами. Безпрестанно свирѣпствовала чума, безпрестанныя нужды поддерживали нескончаемую вражду между всѣми классами жителей; никакое полезное предпріятіе не было возможно по непрочности правительства и неизвѣстности будущаго. Просвѣщенія не было никакого, промышленность была уничтожена, торговля подавлена.

Вотъ состояніе Молдавіи подъ властію Турціи. Посмотримъ, что сдѣлалось съ нею съ того времени, какъ утвердилось русское вліяніе, то-есть съ Адрианопольскаго мира.

Нынѣ господа выбираютъ своими молдаванскими боярами изъ природныхъ Молдаванъ, на всю жизнь. Турки должны были очистить крѣпости по лѣвому берегу Дуная: земли, приписанныя къ этимъ крѣпостямъ, возвращались законнымъ владѣльцамъ; определено, чтобы ни одинъ магометанинъ не жилъ на молдаванской землѣ; учреждены карантинны по Дунаю; устроена вооруженная милиція изъ Молдаванъ; наконецъ составлено уложеніе, основанное на правилахъ независимаго внутренняго управленія, — и потомъ графъ Киселевъ научилъ Молдаванъ пользоваться этимъ уложеніемъ.

Административная и судебная власть отдѣлены одна отъ другой. Первая вѣрена совѣту, состоящему изъ логофета или министра внутреннихъ дѣлъ, вестіара или министра финансовъ и постельника или статсъ-секретаря, на котораго возложены сношенія съ иностранными державами.

Управленіе судебною властью составляетъ удѣлъ логофета, завѣдывающаго министерствомъ юстиціи.

Гетманъ есть начальникъ милиціи и войскъ.

Совѣтъ собирается въ опредѣленные дни.

Число округовъ, прежде простиравшееся до шестнадцати, уменьшено до тринадцати. Они управляются исправниками. Въ каждомъ округѣ есть судъ первой степени и сборщикъ податей. Округи дѣлятся на участки, завѣдываемые смотрителями.

Полиція состоитъ изъ корпуса жандармовъ называемыхъ стугиторами. Число ихъ до 1,200; въ Яссахъ 266 человекъ. Они содержатся отъ общинъ.

Городъ, въ полицейскомъ отношеніи, раздѣленъ на четыре части. Каждая управляется комиссаромъ съ тремя помощниками. Пожарная команда состоитъ изъ ста человекъ.

Съ учрежденія стугиторовъ, или жандармовъ, прекратились внутренніе вооруженные грабежи. Прежде разбойничали Албанцы, Сербы и Трансильванцы. Простолюдины изъ Молдаванъ рѣдко разбойничаютъ, а болѣею частію только воруютъ скотъ и вещи изъ домовъ.

Въ городахъ устроены муниципальные совѣты изъ членовъ, ежегодно избираемыхъ. Доходы городовъ состоятъ изъ податей, взимаемыхъ со ввозимыхъ крѣпкихъ напитковъ и пошлинъ на табакъ. Расходы: освѣщеніе улицъ, предохраненіе отъ пожаровъ, устройство мостовыхъ и дорогъ въ окрестностяхъ, и построеніе каменныхъ мостовъ. Изъ приложенной таблицы видно, что въ Яссахъ въ пять лѣтъ городскіе доходы выросли отъ 203 до 456 тысячъ піастровъ.

Цеурожай 1831 и 1835 годовъ, и послѣдовавшій затѣмъ голодъ заставили правительство обратить вниманіе на мѣры народнаго продовольствія. Въ каждой общинѣ устроенъ запасный магазинъ: всѣ поселяне обязаны, по окончаніи жатвы, представлять ежегодно въ него пять четвериковъ кукурузы и не касаться до нея ранѣ трехъ лѣтъ. По прошествіи этого времени крестьянинъ можетъ взять обратно количество кукурузы, равное годичному взносу, и такъ продолжается ежегодно. Такимъ образомъ въ магазинахъ всегда хранится запасъ на три года.

Карантинъ устроенъ въ Галацѣ. Есть врачи, служащіе въ уѣздныхъ городахъ, завѣдывающіе и уѣздами. Во всемъ княжествѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы нельзя было имѣть медицинскаго пособія.

Проведеніе новыхъ и починка старыхъ дорогъ лежитъ на отвѣтственности общинъ, съ которыхъ, для этой цѣли, собирается особая сумма до 75,000 піастровъ. Очевидно, сумма эта весьма недостаточна. О хорошихъ дорогахъ, по свойству почвы, долго нельзя и думать. На устройство мостовой въ городѣ Яссахъ отпускается ежегодно 125,000 піастровъ; притомъ владѣльцы домовъ обязаны содержать мостовую въ исправности семь лѣтъ каждый противъ своего дома.

Существуютъ постоянные капиталы, называемые благотворительными кассами. Такихъ кассъ четыре, и каждая находится подъ управленіемъ трехъ или четырехъ бояръ, назначаемыхъ господаремъ и называющихся попечителями. Общее собраніе попечителей, подъ предсѣдательствомъ митрополита, называется совѣтомъ благотворительныхъ кассъ.

Первая касса училищная. Доходъ ея до 400,000 піастровъ; число учащихся въ 1838 году было болѣе 2,000 человекъ.

Вторая касса принадлежитъ къ госпиталю св. Спиридона. Въ госпиталь до 200 больныхъ.

Третья касса подаваній, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ митрополита. Доходы ея до 72,000 піастровъ.

Четвертая касса для содержанія въ исправности водопроводовъ и фонтановъ. Доходы 50,000 піастровъ.

Система податей измѣнена совершенно. Введенъ однообразный налогъ по 30 піастровъ съ каждаго семейства, да подать съ торговыхъ свидѣтельствъ, простирающаяся отъ 60 до 240 піастровъ. Введена ревизія черезъ семь лѣтъ. Община обязана платить подать по числу податныхъ семействъ: подробнѣйшая раскладка зависитъ отъ самой общины. Кромѣ того въ каждой общинѣ имѣется касса, въ которую каждое семейство вноситъ въ годъ три піастра. Этою суммою покрываются издержки при сборѣ податей и пополняются недоборы, причиняемые смертію податныхъ лицъ до слѣдующей ревизіи. Въ концѣ каждаго мѣсяца вестіаръ или министръ финансовъ представляетъ государственному совѣту общій отчетъ о доходахъ и расходахъ. Этотъ отчетъ препровождается въ контроль, потому все дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе Дивана.

Молдавское генеральное собраніе состоитъ изъ митрополита, въ немъ предсѣдательствующаго, двухъ архіереевъ, управляющихъ епархіями Романскою и Гучскою, и шестнадцати бояръ, отъ лого-

фета до бана включительно. Сановники эти должны быть рождены въ самой Молдавіи, имѣть отъ роду не менѣе тридцати лѣтъ, и постоянно жить въ Яссахъ. Сверхъ того въ собраніи засѣдаютъ 13 депутатовъ отъ округовъ, которымъ также должно быть не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Собраніе составляется на пять лѣтъ; послѣ этого выборы производятся снова.

Милиція состоитъ изъ рекрутъ и вольно-опредѣляющихся. Ею начальствуетъ гетманъ, вспомошествоваемый генеральнымъ штабомъ. Она состоитъ изъ одного полка, въ которомъ половина кавалеріи и половина пѣхоты. На содержаніе ея употребляется 650.000, да на содержаніе генеральнаго штаба 80.000 піастровъ. Часть стоитъ въ Яссахъ, другая на границахъ, третья при копяхъ каменной соли, гдѣ работаютъ преступники.

Въ каждомъ главномъ городѣ округа находится судъ первой степени, въ Яссахъ два апелляціонныхъ суда, и въ Галацѣ коммерческой судъ. Верховное судилище есть Диванъ. Онъ судитъ безъ апелляціи.

Съ нѣкотораго времени, въ Молдавіи, кромѣ земледѣлія, начинаютъ возникать и другія отрасли промышленности. Въ 1837 году воздѣлано гораздо болѣе прежняго земель, умножено и улучшено скотоводство, заведены меринсы, и наконецъ основаны нѣкоторыя мануфактурныя заведенія, какъ-то: шпечубумажныя фабрики, фаянсовые заводы, и проч.

Изъ таблицы отпуска и привоза товаровъ видно, что съ 1832 по 1837 годъ, отпускъ возвысился, а привозъ уменьшился,—это знакъ усиленія внутренней дѣятельности страны. Главныя статьи отпуска изъ Галаца хлѣбъ и вино, а по австрійской границѣ скотъ, откармливаемый бардою. Рогатаго скота отпускается ежегодно до 50.000 головъ. Г. Демидовъ полагаетъ, что купившій здѣсь землю, навѣрное получитъ, за всѣми издержками, 7—8% на капиталъ.

Климатъ, почва, вообще физическія свойства Молдавіи почти тѣже, какъ и въ Валахіи.

Молдаване народъ крѣпко сложенный, воздержный, способный къ тяжелымъ работамъ, привыкшій выносить вліяніе самой противоположной погоды. Лице ихъ не очень пріятно; они носятъ длинныя волосы, не брѣютъ и не стригутъ бороды, и потому наружность ихъ представляетъ что-то дикое, тогда какъ наружность Валаховъ очень красива. Они любятъ дальнія путешествія и не совсемъ еще отвыкли отъ кочевой жизни. Цыгане здѣсь таковы же, какъ и въ Валахіи.

Обряды религіи, особенно посты, соблюдаются строго. Это воздержаніе согласно съ настоящимъ образомъ жизни Молдаванъ, обыкновенную пищу которыхъ составляетъ варево изъ кукурузы, называемое мамалыгой; подбавивъ къ нему молока, они воображаютъ, что имѣютъ лакомое кушанье. Богатѣйшіе поселяне отвѣдываютъ мяса лишь изрѣдка, на разговѣнье.

Языкъ Молдавіи и Валахіи почти совершенно одинаковый. Онъ составленъ изъ искаженныхъ латинскихъ и славянскихъ словъ. Алфавитъ и грамматика для него составлены въ 1735 году. По-валахски говоритъ только простой народъ. Бояры говорятъ по новогречески и по-французски. Авторъ приводитъ нѣсколько словъ валахскаго языка, именно: Сь — *sim*; бѣлый — *alb*; прекрасный — *formos*; добрый — *bounn*; слезы — *lacrimae*; свѣтъ — *luminar*; слово — *verba*; грѣшникъ — *pescator*; быкъ — *boo*; скамья — *scamtu*; начинать — *incip*; палецъ — *degete*; день — *dzio*; игра — *venat*; черный — *negro*; родня — *printe*; гдѣ — *unde*; смѣхъ — *gis*; столъ — *massa*; стекло — *vitrie*. Изъ этихъ словъ надобно заключить, что въ валахскомъ языкѣ сохранился чуть ли не вполнѣ латинскій; откинута одни правописные знаки (*us*, или *re*, и прочіе), которые и въ латинскомъ вовсе не выговаривались.

Вотъ бѣглый очеркъ Валахіи и Молдавіи! При взглядѣ на нихъ невольно спрашиваешь себя — отжили эти народы свой вѣкъ, или начинаютъ жить? И судя по быстрому движенію впередъ, совершившемуся въ немногіе годы, очевидно последнее. Жизнь, покоившаяся долгое время, пробуждается теперь подъ благотворнымъ вліяніемъ просвѣщенія. Народы были угнѣтены варварствомъ, разорены корыстолюбіемъ, лишены возможности къ улучшенію отсутствіемъ всякаго порядка и законности. Неудобно ли теперь кому либо сравнить вліяніе Россіи на страны чужія, гдѣ для ней нѣтъ никакой корысти или выгоды, гдѣ слѣдовательно она дѣйствуетъ единственно изъ желанія блага, даже частію въ ущербъ себѣ, ободряя соперниковъ въ промышленности, съ вліяніемъ Англіи на Ирландію, на Испанію и Португалію, на Индію Англійскую и независимую? Не угодно ли прочесть въ этомъ последнемъ отношеніи актъ парламентскаго слѣдствія, сочиненія Шора, Малькольма, Реджинальда, Гебера, Варрена, Біорнштіерны, Баршу де Пегэна и проч. и проч.? и пусть послѣ того кто-нибудь назоветъ Англію освободительницею, а Россію поработительницею народовъ.

Въ слѣдующей статьѣ, мы будемъ говорить о путешествіи г. Демидова по южной Россіи.

Слова синодальнаго члена, првосвященнаго архиепископа Евгенія. бывшаго Ярославскаго. Москва. 1854.

По замѣчанію опытныхъ цѣнителей нашей современной образованности, она доселѣ продолжаетъ выражать въ себѣ разладъ мысли съ жизнію, разрывъ ума и сердца. Все подвергая холодному анализу разсудка, мы сами оскудѣли чувствами и не цѣнимъ ихъ живаго проявленія въ другихъ, и даже смѣемся надъ тѣмъ, кто говоритъ и дѣйствуетъ по безразчетливымъ влеченіямъ своего сердца. Въ воспитаніи дѣтей, въ образованіи юношества, даже въ повседневной оцѣнкѣ людей, мы преимущественно имѣемъ въ виду богатство и разнообразіе познаній. Но спѣша приобрѣсти какъ можно болѣе свѣдѣній, увлекаясь новостію добываемыхъ понятій, мы почти не имѣемъ времени, да и не заботимся углубить ихъ въ себѣ, укоренить не въ мысли только, но и въ сердца, и сдѣлать живыми началами и двигателями своей нравственной дѣятельности. По нашей собственной винѣ, приобрѣтенныя нами познанія остаются безплодными для нашей жизни въ высшемъ нравственномъ значеніи этого слова, и самыя живительныя и плодотворнѣйшія истины бдльшей части такъ называемыхъ образованныхъ людей представляются холодно-строгими, отвлеченными правилами, потому что доселѣ въ насъ еще сильно стремленіе все цѣнить и принимать умомъ, а не сердцемъ. Къ утѣшенію своему, мы можемъ, впрочемъ, сказать, что въ настоящее время это зло современной образованности для многихъ стало очень ощутительнымъ, и въ обществѣ уже появилось искреннее желаніе избавиться отъ него. — Пастыри нашей церкви прежде и живѣй другихъ поняли это зло, равно какъ и свою обязанность дѣйствовать противъ него, и распространять и утверждать въ обществѣ начала живаго и плодотворнаго образованія.

Эти мысли возбудило въ насъ чтеніе недавно изданныхъ првосходныхъ Словъ преосв. Евгенія, въ текущемъ году оставившаго Ярославскую каюерду. Кто имѣлъ случай пользоваться частными бесѣдами првосвященнаго, или слышать его поученія, тотъ очень хорошо знаетъ, съ какою ревностію всегда возставалъ онъ противъ образованія, которое развиваетъ только умъ, и остается равнодушнымъ къ жизни и ея высшимъ нравственнымъ потребностямъ. И въ напечатанныхъ теперь проповѣдяхъ архипастырь не рѣдко сильными и выразительными словами обличаетъ гибельную односторонность этого поверхностнаго образованія, и изображаетъ спасительныя плоды живаго, истинно-христіанскаго првосвѣщенія.

«Почитатели Бога-Слова! Мы не читаемъ Слова Божія — сего источника вѣры, источника упованія, источника истинной, живой молитвы. Любители учености читаютъ ученость, любимцы свѣта читаютъ свѣтское, вольнодумцы — вольнодумцевъ, старообрядцы — скитскія книги; а Слово Божіе кѣмъ читается? Сколько читается? Увы!... До чего мы дожили, что и дѣтей учать нынѣ не по книгамъ Слова Божія! Сколько премудрѣ насъ были отцы наши, кои дѣтей своихъ начинали учить чтенію молитвами и псалмами Пророка Божія! А нынѣ учать баснями и свѣтскими повѣстями. Отъ такового воспитанія собираются и плоды достойные — невѣріе и вольнодумство. Приученный въ дѣтствѣ къ языческому, можетъ ли имѣть вкусъ и склонность къ христіанскому?» (Сл. въ день Рожд. Трєсв. Богородицы. Стр. 88 и 89).

Къ сожалѣнію любителей назидательнаго чтенія, доселѣ напечатано только небольшое число проповѣдей преосв. Евгенія; въ настоящемъ ихъ изданіи помѣщены только тѣ слова, которыя въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ были напечатаны прежде. А между тѣмъ въ нашемъ обществѣ чувствуется настоятельная нужда имѣть какъ можно болѣе такихъ словъ, которыя, какъ Слова преосв. Евгенія, запечатлѣны тѣмъ, что на языкѣ цѣнителей церковнаго краснорѣчія называется высшимъ духовнымъ помазаніемъ, которыя съ простотою выраженія соединяютъ съ себѣ нравственную высоту мысли, и съ рѣдкою силою назиданія говорятъ не одному только разуму читателя, но преимущественно его сердцу.

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНАГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКѢ.

Часть 1-я. Монашество въ Египтѣ. Соч. экстраорд. профессора М. Д. Академіи Петра Казанскаго. Москва. 1854 г.

Монашество не есть явленіе, случайно возникшее въ жизни христіанскихъ народовъ; его происхожденіе должно быть объясняемо не изъ однихъ временныхъ обстоятельствъ въ исторіи церкви, но изъ самаго существа христіанства. Слѣдующія слова св. Кипріяна о посвятившихъ себя дѣвственной жизни, во всей силѣ своей могутъ быть отнесены къ инокамъ вообще: «Они суть цвѣты на дрєвѣ церкви, краса и благоглѣіе благодати, торжество природы... лучшая часть стада Христова. Радуется о нихъ церковь, и въ нихъ изобильно процвѣтаетъ славное плодоношеніе сей Матери» (Слова о благочиніи и одеждѣ дѣвственницъ). Въ жизни древнихъ иноковъ представлялось самое сильное оправданіе высокиихъ заповѣдей евангельскихъ; въ ихъ изумительныхъ духовныхъ подвигахъ общество созерцало живой примѣръ того нравственнаго совершенства, къ ко-

торому ведетъ христіанство, и котораго можетъ достигнуть чело-
вѣческая природа, при содѣйствіи Божественной Благодати. По этому-
то древніе христіанскіе апологеты и другіе церковные писатели
часто указывали язычникамъ на жизнь дѣвственниковъ и пустынно-
жителей, какъ на назидательнѣйшее доказательство высоты и истины
Евангельскаго ученія. По этому-то первые зачатки иночества, первые
примѣры исполненія всѣхъ существенныхъ обѣтовъ монашества
относятся къ самымъ начальнымъ временамъ христіанства. Только
смутныя обстоятельства Христовой церкви были причиною того,
что въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ ея существованія, мона-
шество не успѣло образоваться въ отдѣльныя правильныя общества.
Тогда всѣ христіане, жестоко гонимые язычниками, избѣгали
всякихъ сношеній съ ними, не принимали участія въ ихъ беззрав-
ственныхъ празднествахъ и увеселеніяхъ, и даже въ ихъ общест-
венной жизни,—всѣ христіане, можно сказать, составляли одно
общество подвижниковъ,—и ихъ стремленіе къ дѣламъ самоотверженія
находило себѣ высокое поприще въ подвигахъ мученичества. «Тогда,
по словамъ Тертуліана (*Ad martyres cap. II*), темница для хри-
стіанина была тоже, что пустыня для пророковъ». Но при пере-
мѣнѣ положенія церкви, когда христіане могли пользоваться правомъ
гражданства и свободы въ вѣроисповѣданіи и уже болѣе не состав-
ляли отдѣльнаго общества въ Римской имперіи, и когда они, при
возникшихъ частыхъ сношеніяхъ съ язычниками, среди общест-
венной жизни, далеко еще не освободившейся отъ многихъ языче-
скихъ обычаевъ, легко могли потерять, и многіе изъ нихъ дѣйстви-
тельно теряли нравственную чистоту, отличавшую членовъ первен-
ствующей церкви, тогда, въ ревнителяхъ истиннаго христіанскаго
благочестія, естественно должно было возникнуть желаніе удалиться
въ пустыню, и тамъ, вдали отъ мірскихъ соблазновъ, подвизаться
для своего спасенія. Такимъ образомъ явленіе монашества, какъ
справедливо говоритъ г. Казанскій, есть одно изъ благодѣяній Бо-
жественнаго Промысла для церкви, особенно благопотребныхъ,
тогда какъ жизнь общественная не сообразовалась съ началами
жизни христіанской. Для всѣхъ христіанъ открылся безопасный
пріютъ для благочестивой жизни, огражденный отъ искушеній и
соблазновъ міра, — для ревнителей высшаго совершенства, указуе-
маго въ Евангеліи, обширное поприще для подвиговъ самоумерщ-
вленія, — открылся новый видъ добровольнаго мученичества въ
отсѣченіи своей воли, въ истребленіи страстей и нечистыхъ помы-
словъ, въ постоянномъ очищеніи ума и сердца, въ ежедневномъ
приношеніи себя Богу въ жертву чистую и живую» (стр. 40 и 41).

АНТИКРИТИКА.

Замѣчанія на рецензію «Очерковъ древнѣйшаго періода Греческой Философіи», помѣщенную въ N 10 Москвитянина.

Въ N 10 Москвитянина напечатана обширная критическая статья о моемъ сочиненіи: «Очерки древнѣйшаго періода Греческой Философіи». Доселѣ появлялись въ нашихъ журналахъ лишь краткіе и большею частію голословные отзывы объ этомъ сочиненіи: тѣмъ пріятнѣе было мнѣ узнать о появленіи статьи, обѣщавшей, уже одною своею обширностію, подробный критическій разборъ моихъ Очерковъ черезъ полтора года по ихъ обнародованіи. Интересъ мой усилился, когда я прочелъ первыя страницы этой статьи. Она начинается строгими замѣчаніями на легкомысліе, съ какимъ пишутся у насъ рецензіи; авторъ статьи говоритъ тономъ убѣжденія, съ горечью и негодованіемъ, о людяхъ, берущихся безъ всякаго призванія судить о дѣлѣ, имъ чуждомъ и незнакомомъ. Рѣшительными ударами поражаетъ онъ рецензента Отечественныхъ Записокъ, который голословно расхвалилъ мое сочиненіе. — Дѣйствительно, голословныя похвалы, также какъ и подобныя порицанія не приносятъ никакой пользы ни автору, ни публикѣ, ни дѣлу. Кто дѣйствуетъ на какомъ бы то ни было общественномъ поприщѣ, тотъ долженъ быть совершенно нечувствителенъ и глухъ къ голословнымъ толкамъ. И такъ, я съ усиленнымъ интересомъ продолжалъ чтеніе статьи, открывшейся такими дѣльными замѣчаніями. Окончивъ чтеніе, я, вопреки моему правилу—не отвѣчать на журнальныя статьи, въ которыхъ идетъ, въ какомъ-либо отношеніи, рѣчь обо мнѣ, взялся за перо и счелъ своею обязанностію кое-что замѣтить о моемъ неизвѣстномъ критикѣ и объ его статьѣ.

Да не подумаютъ, чтобы къ этому побуждало меня авторское самолюбіе. «Носѣть голословнаго одобренія *Очерковъ* (говоритъ мой критикъ, обращаясь къ расхвалившему меня рецензенту), показать

«въ нихъ какіе-нибудь недостатки,—это требуетъ знанія предмета, ко которому разсуждаетъ авторъ *Очерковъ*, да и не всегда безопасно: вѣдь писатели, особенно ученые — народъ щекотливый, они «часто печатаютъ замѣчанія на рецензіи и уличаютъ рецензентовъ «въ такихъ недостаткахъ, въ которыхъ никто не захочетъ признаться передъ публикою. Легче и безопаснѣе всего хвалить». Могу увѣрить моего критика, что я не принадлежу къ числу такихъ щекотливыхъ людей,—да и къ чему, впрочемъ, буду я увѣрять его, когда уже самимъ дѣломъ достаточно доказалъ это? Мои *Очерки* встрѣтили не однѣ похвалы, но также и порицанія голословныя. Въ одной газетѣ, вскорѣ за появленіемъ въ свѣтъ моего сочиненія, было сказано объ немъ нѣсколько весьма неблагопріятныхъ и рѣзкихъ словъ, но я, какъ вѣроятно и никто, не обратилъ на эти слова ни малѣйшаго вниманія.—Назадъ тому лѣтъ восемь или девять, сочиненіе мое «Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка» было встрѣчено, вмѣстѣ съ благопріятными отзывами, также и однимъ весьма неблагопріятнымъ, изъ котораго можно было заключить лишь о недостаткахъ моей книги. Тогда я былъ моложе и, конечно, болѣе могъ страдать авторскимъ самолюбіемъ нежели нынѣ; но и тогда не обнаружилъ я ни однимъ словомъ моего самолюбія и ничего не отвѣчалъ моему рецензенту. Къ тому же нынѣшній мой критикъ, при всей рѣшительности и строгости приговоровъ, высказываетъ въ заключеніи своей статьи много весьма лестнаго и о моихъ талантахъ и о нѣкоторыхъ достоинствахъ моего труда, что могло-бы достаточно успокоить авторское самолюбіе, если-бы затронуто было оно, а не другія болѣе уважительныя струны.

Критикъ мой скрылъ свое имя. Не имѣю никакого права входить въ причины, побудившія его къ тому; но думаю, что скрывая отъ публики свое имя, онъ даетъ мнѣ этимъ самымъ право говорить откровеннѣе, и все, что въ моихъ объясненіяхъ съ нимъ, потребуетъ названія, называть безъ околичностей собственнымъ именемъ. Особа моего критика, благодаря его предосторожности, остается въ сторонѣ, и если повстрѣчается ему какая-нибудь невзгода, если будутъ уличать его въ такихъ недостаткахъ, въ которыхъ никто не захочетъ признаться передъ публикою,—онъ останется неизвѣстнымъ для публики, и покраснѣть придется ему только въ кругу своихъ пріятелей, и въ числѣ ихъ передъ тѣмъ остроумное замѣчаніе котораго, вмѣстѣ со многими учеными цитатами, приводитъ онъ для удовольствія публики и въ назиданіе мнѣ.

И такъ, за устраненіемъ всякихъ личностей, остается интересъ

дѣла. Въ томъ еще нѣтъ большой бѣды, что въ молодой литературѣ, какова наша, встрѣчаются въ журналахъ голословныя или несоответствующія предмету отзывы объ ученыхъ сочиненіяхъ. Дѣло ни мало не пострадаетъ отъ того, что какой-нибудь балагуръ наговоритъ съ три короба всякихъ пустяковъ по поводу книги, которой не читалъ и которая даетъ ему только случай развернуть свое остроуміе и какъ-нибудь занять досугъ читателя. Такого рода болтовня не можетъ вводить публику въ заблужденіе. Несравненно хуже, если непривзванный критикъ захочетъ разбирать самое дѣло, если съ незнаніемъ предмета онъ будетъ соединять притязанія на отчетливое, основательное, добросовѣстное знаніе онаго. Мнѣ очень пріятно прервать здѣсь собственную рѣчь и дать самому г-ну N, моему послѣднему критику, говорить за меня: «О журналисты! о рецензенты! (воскликаетъ онъ) «когда же, наконецъ, вы будете уважать публику и самихъ себя? «Весьма хорошо было бы, если бы нѣсколько чело­вѣкъ образованныхъ и добросовѣстныхъ, приняли на себя трудъ отмѣчать и «обличать всякую ложь, которая встрѣчается въ нашихъ журналахъ «и касается болѣе или менѣе важныхъ предметовъ науки или жизни. «Не можемъ не привести по этому случаю замѣчательныхъ словъ «Веруламскаго Бэкона, строгаго и правдиваго обличителя лжи въ «области знанія: Гнуснѣйшее зло въ наукѣ, говоритъ онъ, — это «ложь и обманъ: оно заражаетъ самую природу, душу, знаніе, которое есть ничто иное, какъ образъ истины.... Зло это является «въ двухъ видахъ—въ обманѣ и легковѣрїи.... первый происходитъ «отъ хитрости, послѣднее отъ излишней простоты.... Но результатъ «обоихъ одинъ и тотъ же.... ибо кто легко вѣритъ, тотъ охотно и «обманывается».

Конечно, было бы весьма хорошо, если бы нѣсколько образованныхъ и добросовѣстныхъ людей взялись за трудъ обличать всякую ложь, которая касается важныхъ предметовъ науки и жизни; но какъ такіе не выискиваются, то обличителями должны служить сами авторы: вотъ почему я теперь беру на себя непріятную обязанность нѣсколько разоблачить моего критика, и выставить его передъ публикою въ истинномъ свѣтѣ.

Г. N съ чувствомъ самодовольства прямо высказываетъ, что онъ довольно знакомъ съ предметомъ; по этого мало—собственному его сознанію публика могла бы и не повѣрить — отъ перваго до послѣдняго слова старался онъ соблюсти тонъ и приемы чело­вѣка, самостоятельно изучавшаго предметъ и изъ своихъ изученій вынесшаго основательныя и твердыя убѣжденія. Надобно отдать ему

*

справедливость: онъ довольно ловко носитъ эту маску. Выраженія его представляютъ нѣкоторые вышніе признаки зрѣлости и обнаруживаютъ въ немъ человѣка, навѣкшаго разговаривать «о матерьяхъ важныхъ»; онъ пишетъ гладко и связно, и умѣетъ пользоваться общими мѣстами и готовыми фразами, которыя не задерживаютъ докучливо и придирчиво вниманія читателя. Человѣкъ, не лишенный общаго образованія, но не спеціально знакомый съ предметомъ, и не читавшій моего сочиненія, легко можетъ повѣрить знаніямъ моего критика, а критику его счесть за основательную и добросовѣстную. Г. N сыплетъ ссылками не только на различныя сочиненія по исторіи философіи, но и на источники. То и дѣло встрѣчаете вы у него, напримѣръ, у *Бека Филолай, фрагментъ такой то*; съ Аристотелемъ онъ за панибрата; онъ выписываетъ изъ него цѣлыя мѣста, даже приводитъ нѣсколько греческихъ словъ, правда безъ нужды, но не безъ цѣли произвести эффектъ. Словомъ статья г-на N, на поверхностный взглядъ, явленіе весьма отрадное. Какъ пріятно, подумаетъ читатель, встрѣтить подобную рецензію, писанную о спеціальномъ сочиненіи знатокомъ дѣла: наша журналистика же пріучила насъ къ такимъ явленіямъ!

Прежде всего мы попросимъ г-на N снять съ себя заимствованный нарядъ знатока.

Во-первыхъ, онъ, такъ важно приводящій цѣлыя мѣста изъ Аристотеля, Порфирія, ссылающійся на источники, совершенно незнакомъ съ ними, и дѣлаетъ промахи, представляющіе въ весьма невыгодномъ свѣтѣ рецензента, который, при незнаніи, ими отличающаго рѣшился принять тонъ знатока и судью. Не нужно, кажется, доказывать, что только тотъ можетъ судить о какомъ-либо ученномъ изслѣдованіи, кто знакомъ съ его предметомъ по собственному изученію, знакомъ съ источниками. Простое чтеніе различныхъ сочиненій, писанныхъ по тому же предмету, достаточно болѣе или менѣе для общаго образованія, но никакъ не можетъ дать право суда и оцѣнки. Критикъ мой, какъ кажется, знаетъ это правило: вотъ почему онъ и старается показать, что самостоятельно изучалъ источники.

У моего критика нѣтъ ни одной ссылки на источники, которая бы принадлежала ему. Большая часть ихъ заимствована прямо изъ моего же сочиненія. Иногда, именно тамъ, гдѣ г. N приводитъ древняго автора въ моемъ переводѣ, онъ ссылается на меня, замѣчая тономъ знатока, что я весьма удачно передалъ выраженія древнихъ мыслителей. Тамъ же, гдѣ онъ глухо на нихъ

ссылается, онъ могъ обойдтись безъ ссылки на сочиненіе, изъ котораго выбиралъ свою ученость. Но

«Какихъ ни вымышляй пружинъ

.....

«А истина должна открыться.»

Какъ онъ не подумалъ, что «шила въ мѣшкѣ не утаншь». Что если заимствованныя имъ изъ чужаго сочиненія цитаты—въ чемъ-нибудь певѣрны? Что если, въ томъ или другомъ мѣстѣ, не понять подлинникъ и переданъ неправильно? или случилась описка, опечатка?

Грѣхъ попуталъ его между прочимъ на самомъ видномъ мѣстѣ, въ самой капитальной его ссылкѣ, приводимой имъ съ особенною важностію, и при томъ въ ссылкѣ на такого древняго автора, въ незнаніи котораго не захотѣлъ бы быть уличенъ и простой дилетантъ, именно на Аристотеля, котораго долженъ основательно и въ подлинникъ знать всякій, специально занимающійся исторіею древней философіи, наконецъ на Метафизику, на первую главу ея, въ которой каждое слово должно быть взвѣшено знатокомъ древней философіи.

Чтобы разоблачить нашего мистификатора, мы попросимъ его показаться передъ публикою въ этомъ мѣстѣ, гдѣ онъ, вѣроятно, не только считалъ себя совершенно безопаснымъ, но и надѣялся всего болѣе покрасоваться своимъ знаніемъ и ученостію. Выписываемъ вполнѣ это мѣсто:

«Чтобъ показать, какъ справедливо и глубоко понимали древніе писатели это восхожденіе мысли въ начальномъ періодѣ греческой философіи,—мы приводимъ два мѣста, сюда относящіяся,—одно изъ Аристотеля, а другое изъ Порфирія. Аристотель, передавая мнѣніе Платона о ступеняхъ познанія, говоритъ отъ его лица, что «кромѣ чувственнаго (*αἰσθητὰ*) и идеальнаго (*τὰ εἰδη*), и между ними находится въ вѣщахъ математическое, которое различается и отъ чувственнаго, поелику математическое *безконечно* (т.-е. невидимо) и неподвижно,—и отъ идей, поелику оно *выражаетъ* въ себѣ множество однороднаго, а идея, каждая сама по себѣ, есть единое» (*Arist. Met.* 1, 6). Порфирій въ жизни Пифагора, опредѣляя смыслъ и историческое значеніе его философіи, пишетъ: «Пифагоръ преподавалъ философію, имѣя въ виду освободить мысль отъ ея оковъ. Безъ мысли ничто не можетъ быть познаваемо; мысль слышать и видѣть все въ себѣ самой, а чувственное нѣмо и слѣпо. Къ достиженію своей цели Пифагоръ воспользовался математическимъ, поелику оно занимаетъ средину между чувственнымъ и мыслию (т.-е. сверхчувственнымъ), и есть какъ бы ступень къ тому, что существуетъ само въ себѣ и для себя» (*De vita Pythag.* § 46). Въ другомъ мѣстѣ: «поелику пифагорейцы были еще неспособны ясно, въ формѣ чистой мысли выразить абсолютное и первыя начала, то и воспользовались для ихъ обозначенія математическимъ» (*ibid.* § 48). Смыслъ приведенныхъ мѣстъ изъ Аристотеля и Порфирія тотъ, что познающій разумъ, начиная отъ чувственнаго, отъ *αἰσθητὰ* восходитъ къ математическому, и потомъ уже къ идеямъ.»

Ктобъ могъ подумать, читая эти строки, что написавшій ихъ и въ глаза не видалъ не только Порфирія *de vita Pythagorae*, но и Аристотелевой *Метафизики*?

Какъ? Аристотель отличаетъ математическій элементъ отъ чувственнаго признакомъ *бесконечнаго*, который будто-бы значить то же, что *невидимое*? Еслибъ я и не зналъ этого мѣста въ Аристотелевой *Метафизикѣ*, то ужъ одна нелѣпость, совершенно противорѣчащая всѣмъ понятіямъ древней философіи, и платоновской, и аристотелевской, будто *бесконечное* (по древней терминологіи *безграничное, безпредѣльное*) есть признакъ, отличающій математическое отъ чувственнаго, должна была бы поразить меня. Напротивъ, по понятіямъ древней философіи, *τὸ ἀπειρον, безпредѣльное*, есть скорѣе отличительный признакъ чувственнаго; числа же представляютъ собою начало опредѣляющее; слѣдовательно совершенно наоборотъ. И что значить это поясненіе въ скобкахъ (*т.-е. невидимое*)? — Мы вспоминаемъ откуда взялъ эту часть своего ученаго костюма г. N.... Это только второе изданіе случайной ошибки, происшедшей въ Гегелевой *Исторіи Философіи*. Г. N, перелистывая добытыя имъ для своей статьи книги, попалъ на это мѣсто въ Гегелевой *Исторіи Философіи* и прямо выписалъ его. Извѣстно, что *Исторія Философіи* (наименѣе обработанная часть сочиненій Гегеля) была издана, такъ же какъ и большая часть другихъ частей полнаго собранія сочиненій этого философа, не имъ самимъ, а уже послѣ его смерти, учениками его, по своимъ университетскимъ тетрадамъ. Конечно, эта ошибка произошла при изданіи совершенно случайнымъ образомъ, по какому-нибудь недосмотру, можетъ быть просто типографскому, потому что г. Мишеле, издатель *Исторіи Философіи* безъ всякаго сомнѣнія знакомъ съ Аристотелемъ не такъ, какъ г. N. Особенно характеризуетъ моего рецензента еще то обстоятельство, что въ Гегелевой книгѣ приведенъ въ примѣчаніи греческій текстъ этого мѣста, текстъ совершенно правильно напечатанный, въ которомъ нѣтъ и помину о *бесконечномъ*. Вотъ это мѣсто: *Metaph. I, 6: "Ἐτι δὲ παρὰ τὰ αἰδρητὰ καὶ τὰ εἶδη τὰ μαθηματικὰ τῶν πραγμάτων εἶναι φησὶ μεταξὺ, διαφέροντα τῶν μὲν αἰδρητῶν τῷ αἰδία καὶ ἀκίνητα εἶναι, τῶν δ' εἰδῶν κτλ.* См. Гегеля *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*. I, стр. 258. Если г. N не имѣлъ подъ рукою *Метафизики* Аристотеля, и принужденъ былъ цитовать ее по чужому сочиненію, то какъ же онъ не обратилъ вниманія на греческій подлинникъ приведеннаго мѣста, на той же самой страницѣ? Для кого же и приводятся подлинныя мѣста, какъ не для того, кто хочетъ и можетъ читать съ толкомъ ученое сочиненіе?

Очевидно, что нашъ ученый не могъ и прочесть Аристотелева мѣста въ подлинникѣ, и по неволѣ предпочелъ передать его порусски съ нѣмецкаго перевода, сохраняя съ дипломатическою точностію и случайный промахъ послѣдняго.

Оба мѣста изъ Порфірія выписаны г-мъ N въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ они приведены у Гегеля послѣ мѣста изъ Аристотеля, съ соблюденіемъ даже любимой формулы Гегеля: was an und für sich ist (*что существуетъ*,—какъ переводить г. N, — *само въ себя и для себя!*)

Довольно пока и этого образчика учености моего рецензента. Ниже мы еще лучше увидимъ, какъ онъ знакомъ съ Аристотелемъ.

Но если г. N не можетъ назваться знатокомъ дѣла, то не имѣетъ ли онъ права по крайней мѣрѣ на титуло добросовѣстнаго дилеттанта? Онъ не изучалъ самихъ философовъ: по крайней мѣрѣ не читалъ ли онъ ревностно и прилежно разныхъ руководствъ по исторіи древней философіи? Или наконецъ не обладаетъ ли замѣчательнымъ даромъ мышленія? Не обладаетъ ли «необыкновеннымъ историческимъ ясновидѣніемъ, которое свойственно только людямъ гениальнымъ, и по руководству котораго они безъ обширной учености могутъ глубоко проникать въ тайны народной и частной «(даже частной!) жизни (*)?»

Какъ бы ему не быть основательно знакомымъ съ «великими и многоплоднѣйшими» трудами историковъ древней философіи, когда онъ и писалъ свою статью преимущественно съ цѣлію защитить ихъ отъ моей заносчивости и отъ «брани журнальныхъ борзописцевъ»? Къ сожалѣнію, при соображеніи всего, что сюда относится въ статьѣ моего рецензента, оказывается, что онъ болѣе перелистывалъ, нежели читалъ разныя руководства, и съ нѣкоторыми, какъ кажется, познакомился впервые въ то время, какъ задумалъ писать свою рецензію. Едва ли бы сами эти мнимыя жертвы были рады такому защитнику, не исключая, можетъ быть, и «почтеннаго» Риттера, котораго такъ ревностно отстаиваетъ г. N. Кто не поскучаетъ прочесть до конца эти замѣчанія, тотъ согласится, что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Теперь я представлю пока немногія указанія, которымъ можетъ быть не нашлось бы мѣста въ связи дальнѣйшаго изложенія.

Если бы г. N былъ дѣйствительно начитанъ въ сочиненіяхъ по части исторіи философіи, то его не могло бы привести въ за-

(*) Этими словами выражаетъ г. N свое почтеніе къ Гегелю.

трудненіе напримѣръ слѣдующее выраженіе: «Они (т.-е. пифагорейцы) отвлекали отъ стихійнаго значенія земли».... Г. N, выписывая это выраженіе изъ моей книги, замѣчаетъ въ скобкахъ: «Тутъ или опечатка или пропускъ какого нибудь слова, а иначе выходитъ бессмыслица». Только человѣку, совершенно незнакому съ философскою терминологіею, или даже вообще съ общепринятымъ ученымъ языкомъ, можетъ показаться непонятнымъ приведенное выраженіе. Г. N не знаетъ даже того, чему учить логика г. Рождественскаго; ему неизвѣстна принятая во всѣхъ языкахъ формула: *abstrahere animum ab aliqua re; von etwas abstrahiren; faire abstraction de quelque chose*. Въ «многopлоднѣйшихъ трудахъ» историковъ философіи онъ на каждомъ шагу могъ бы повстрѣчаться съ подобнымъ выраженіемъ: *Sie abstrahirten von der materiellen Bedeutung der Erde; ils faisaient abstraction de la terre comme d'un élément matériel*. Г. N могъ бы упрекнуть меня за употребленіе этой обыкновенной формулы, которая могла бы не понравиться ему; но предполагать въ ней опечатку или пропускъ какого-нибудь слова, не понять ея смысла, значить показать въ весьма невыгодномъ свѣтѣ свою начитанность въ сочиненіяхъ философскаго содержанія.

Всего же забавнѣе слѣдующій промахъ моего рецензента, какъ нельзя лучше обличающій его познанія въ исторіи древней философіи. Чтобы не оставить ничего въ моемъ сочиненіи безъ строгой критики, онъ обращаетъ вниманіе публики на недостатки слога. Для этой цѣли онъ выискалъ въ моемъ сочиненіи нѣсколько выраженій, нѣсколько словъ, которыя, будучи вырваны изъ связи и поставлены вмѣстѣ, дѣйствительно могли бы произвести на читателя невыгодное для меня впечатлѣніе, если бы рецензентъ мой не позабылъ благо-разумнаго правила, что лучше недосоль, чѣмъ пересоль, и въ излишней ревности не выставилъ мнѣ въ упрекъ такихъ реченій, какъ *космогонія, космографія, астральный, истанціал, реакція, спецификація, реальное*, и другія реченія, или уже принятые въ русскій языкъ, и имѣющія значеніе терминовъ (*), или болѣе характеристическія, чѣмъ соответственныя русскія слова и прямо заим-

(*) И, прибавимъ, употребляемая самимъ рецензентомъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. N тутъ же употребляетъ самъ такіа выраженія: *внутренняя реальность, спекулятивная воля, спекулятивная мысль, предикатъ жизни, матерія, космологія, космологическія представленія, идеалистическая метафизика*. Впрочемъ да успокоится г. N: эти и подобныя выраженія можетъ употреблять онъ безъ лаврній совѣсти, хотя реченій *спекулятивная и предикатъ* можно было бы избѣгать даже и при переводѣ съ Нѣмецкаго.

ствованныя отъ предмета, реченія греческаго или латинскаго происхожденія, какъ *спорадическіе* (мыслители), *материализація*, *экстатическое* состояніе и т. п. Но каковы бы ни были эти реченія, дѣло теперь не въ нихъ. Г. N — какъ бы вы думали? — вмѣстѣ съ этими словами, выписанными въ укоръ мнѣ, приводитъ слово *сферосъ*, какъ будто это слово мое, какъ будто я сковалъ его для собственнаго употребленія. Невинный рецензентъ мой не знаетъ даже и того, что это необыкновенное слово (*σφαῖρος*), вмѣсто *сферы*, сковано *Эмпедокломъ*. Объ этомъ могъ бы онъ узнать, даже не прибѣгая и къ источникамъ, изъ многихъ руководствъ, и всего ближе изъ моего сочиненія, въ которомъ слово это приводится при изложеніи системы Эмпедокла, какъ характеристическій терминъ этого мыслителя. Можно ли по чистой совѣсти судить о дѣлѣ съ такими объ немъ свѣдѣніями? И можно ли произносить приговоръ о сочиненіи, которое мы читали безъ должнаго вниманія? Г. N не досматривалъ нарочно сдѣланнаго мною примѣчанія касательно этого реченія (см. Очерки, стр. 134, прим. 2). Какъ кажется, онъ вообще не любитъ заглядывать въ примѣчанія, гдѣ приводятся тексты подлинниковъ, и благоразумно сознаетъ, что это было бы и бесполезно для него.

Мы сейчасъ увидимъ, какъ искусно и добросовѣстно пользовался мой рецензентъ плодами своихъ прогулокъ по руководствамъ исторіи древней философіи, и какъ въ тоже время прогуливался по моему сочиненію.

Г. N начинаетъ свои критическія замѣчанія о моихъ Очеркахъ указаніемъ на «неосторожныя и несправедливыя» выходки, которыя будто бы я позволилъ себѣ противъ новѣйшихъ изслѣдователей по части древней Греческой философіи (при чемъ рецензентъ не упускаетъ намекнуть, что онъ близко знакомъ съ ихъ трудами).

Рѣшившись выступить передъ публикой съ этими объясненіями, я считаю не лишнимъ высказаться относительно нѣкоторыхъ пунктовъ въ моемъ сочиненіи, могущихъ показаться предосудительными въ глазахъ лицъ, не близко знакомыхъ съ предметомъ, а съ моимъ сочиненіемъ знакомыхъ только по рецензій г-на N.

Мы оставимъ его на время въ сторонѣ, и будемъ обращаться прямо къ читателю.

Дѣйствительно, въ разныхъ мѣстахъ моего изслѣдованія, встрѣчается нѣсколько замѣчаній, направленныхъ на нѣкоторые предразсудки, господствующіе въ изложеніи исторіи древней философіи и препятствующіе ей, по моему убѣжденію, приобрести истинный

видъ знанія. Вопросъ объ исторіи философіи, какъ о знаніи, возникъ, можно сказать, лишь въ послѣднее время. Въ этой наукѣ, если только еще можно назвать исторію философіи наукой,—нѣтъ общепризнанныхъ авторитетовъ, нѣтъ точекъ зрѣнія, обязательныхъ для всѣхъ, нѣтъ твердыхъ началъ и направленій, возникшихъ рационально, властвовавшихъ безспорно и долго надъ умами, почтенныхъ даже въ своей ошибочности, которая бы мало по малу исчезала сама собою, собственнымъ движеніемъ науки. Такихъ авторитетовъ, повторяемъ, нѣтъ въ исторіи философіи, какъ особой сферѣ знанія, хотя были и есть болѣе или менѣе замѣчательные мыслители, ученые и писатели, которые касались этой области, и принесли ей пользу каждый въ какомъ либо отношеніи, преимущественно же въ критико-филологической разработкѣ матеріаловъ. Мы имѣемъ превосходныя изданія древнихъ философовъ, тщательно собранные и очищенные фрагменты и свидѣтельства; въ этомъ отношеніи, въ отношеніи собственно филологическомъ, мы съ уваженіемъ произносимъ многія имена, имѣющія всю силу авторитетовъ: таковы имена Беккера, Брандиса, Штальбаума, Бека, Лобека, Карстена, Штурца, также Шлейермахера, знаменитаго переводчика Платона, и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, занимавшихся предметами исторіи древней философіи, какъ частями задачи филологической, или чисто исторической, очищавшихъ тексты и восстанавливавшихъ правильное чтеніе.

Труды критиковъ-филологовъ имѣютъ величайшую важность; безъ трудовъ этихъ было бы невозможно и подумать объ исторіи философіи, какъ объ особомъ познаніи; но, предуготовляя это познаніе, они еще не составляютъ его, и филологическіе авторитеты не суть авторитеты для исторіи философіи, такъ точно, какъ напримѣръ анатомія не составляетъ еще физиологін, хотя и предуготовляетъ ее, или какъ математика необходима для успѣховъ физики, но еще вовсе не есть физика. — Вопросъ теперь состоитъ въ томъ, возможна или невозможна, нужна или ненужна наука исторіи философіи? Не за чѣмъ распространяться о томъ, что эта наука и возможна и нужна; ибо если есть предметъ для знанія, то должно быть и самое знаніе. Въ наше время сдѣлано было нѣсколько попытокъ найти точку зрѣнія на развитіе философскаго мышленія, которая дала бы его исторіи истинный характеръ науки. Въ этихъ попыткахъ все начинается съ начала; каждый старается, по своему разумнію, положить основаніе дѣлу; рѣчь идетъ еще только объ основаніи. Прежде всего, и съ особенною благодарностію, должны мы упомянуть о Теннеманъ. Если въ этой области есть чье-нибудь имя, приближающееся къ значенію авторитета, то, безъ

сомнѣнія, имя, Теннемана. Огромный трудъ его, въ тринадцать томахъ, заслуживаетъ полнаго уваженія и благодарности. Если бы кто-нибудь изъ приступающихъ къ изученію исторіи философіи, спросилъ у насъ совѣта, какимъ пользоваться руководствомъ, то, признаемся, мы были бы въ большомъ затрудненіи, и прежде всего посоветовали бы заняться дѣломъ, по возможности, безъ всякаго руководства, и изучать древнихъ философовъ въ нихъ самихъ; въ случаѣ же нужды, мы указали бы, кромѣ труда Брандиса, о которомъ скажемъ нѣсколько словъ ниже, преимущественно сочиненіе Теннемана, не смотря на то, что оно принадлежитъ къ числу старѣйшихъ по времени (*Geschichte der Philosophie* Теннемана издана въ 1798—1819 г.).

Не угодно ли однако послушать теперь, какъ отзывается Гегель о Теннеманѣ? «Философскія системы описаны у него подробно, и новѣйшія изъ нихъ лучше, чѣмъ древнія. Философскія системы новаго времени изобразить легче: требуется только сдѣлать извлеченіе, или даже просто перевести; мысли, содержащіяся въ нихъ, ближе къ намъ. Совсѣмъ иное, когда рѣчь идетъ о древнихъ философахъ; они находятся въ сферѣ другихъ понятій, и потому уразумѣть ихъ труднѣе. Изучающій невольно превращаетъ древнюю мысль во что-нибудь болѣе ему обычное; это случилось и съ Теннеманомъ, здѣсь онъ почти никуда не годится. Напримѣръ, Аристотелѣ онъ до такой степени не понималъ, что подлагаетъ его словамъ смыслъ совершенно противоположный; понимайте то, что Теннеманъ выдаетъ за Аристотелевское, въ обратномъ смыслѣ, и вы получите болѣе вѣрное представленіе философіи Аристотеля. Но Теннеманъ столь добросовѣстенъ, что подъ текстомъ приводитъ соотвѣтственное мѣсто изъ Аристотеля, такъ что оригиналъ и переводъ часто другъ другу противорѣчатъ. По мнѣнію Теннемана, необходимо, чтобъ историкъ не былъ философомъ. Онъ хвалится, что не имѣетъ никакой системы; въ самомъ же дѣлѣ онъ имѣетъ систему,—онъ критическій философъ. Онъ хвалитъ философовъ, ихъ любознательность, ихъ гени; въ концѣ же всѣ они подвергаются порицанію за одинъ недостатокъ, именно за то, что не принадлежали къ Кантовой школѣ, не изслѣдовали источника познанія, результатомъ чего было бы убѣжденіе, что истина не можетъ быть познана». — Такъ отзывается одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ философовъ новаго времени, самъ занимавшійся исторіею философіи, о Теннеманѣ, который по всей справедливости, лишь одинъ въ этой наукѣ представляетъ нѣчто похожее на авторитетъ. Изъ новѣйшихъ трудовъ по этой части, трудъ самого Гегеля, являющій въ себѣ много блестящаго и

глубокомысленнаго, тѣмъ не менѣе, особенно по отношенію къ древней философіи, во все не почитается за авторитетъ. Мы могли бы привести отзывы объ исторіи философіи Гегеля, не болѣе благопріятные, чѣмъ собственный его отзывъ о Теннеманнѣ, но находимъ подобныя выписки и скучными и неумѣстными. Изъ другихъ новѣйшихъ сочиненій по этой части, всѣхъ болѣе заслуживаетъ уваженіе истинно-почтенный трудъ Брандиса (*Handbuch der Geschichte der griechisch-römischen Philosophie*). Онъ не философъ, не мыслитель, и трудъ его не улучшилъ положенія исторіи философіи какъ особаго познанія, какъ науки въ строжайшемъ смыслѣ этого слова; но Брандисъ, какъ опытный филологъ, превосходно собралъ и сгруппировалъ относящіеся сюда матеріалы. Онъ не даетъ началъ для познанія внутренней исторіи мыслящаго разума, и не имѣетъ на это никакихъ притязаній; его трудъ простой сборникъ матеріаловъ, и излагаемыя имъ собственныя сужденія и объясненія, которымъ онъ и самъ не придаетъ, какъ кажется, большаго значенія, служатъ только нитью для связыванія матеріаловъ, равно какъ и принятая имъ при изложеніи система служить ему лишь по возможности удобнѣйшею рамкою для ихъ расположенія.

Другіе дѣятели, работавшіе въ послѣднее время по предмету исторіи древней философіи, развѣ только въ шутку могутъ быть произведены въ авторитеты, хотя нѣкоторые изъ нихъ, безспорно, отличаются многими уважительными достоинствами. Генрихъ Риттеръ пользуется болѣе прочихъ извѣстностью, и извѣстностью весьма заслуженною. Но онъ болѣе литераторъ, болѣе писатель, нежели мыслитель. Въ самомъ дѣлѣ, человѣку, сколько-нибудь знакомому съ философскимъ мышленіемъ, стоитъ лишь заглянуть въ исторію Риттера, чтобы убѣдиться какъ не велики его права на титулъ истиннаго мыслителя. Трудъ его принадлежитъ болѣе къ разряду явленій литературныхъ, нежели философскихъ, болѣе удовлетворяетъ потребностямъ общаго образованія, нежели истиннаго знанія. Нельзя же образованному человѣку не имѣть никакого понятія о явленіяхъ такой важной и обширной области, какъ исторія мыслящаго разума: и вотъ книга Риттера, написанная гладко, легко, съ основательными фактическими свѣдѣніями, представляетъ весьма удобное къ тому средство. Читая его, вы ни на чемъ не зацепитесь, мысль ваша не почувствуетъ никакого возбужденія, горизонтъ вашихъ понятій не расширится, они ни въ чемъ не измѣнятся, все у васъ останется и въ прежнемъ видѣ и на прежнемъ мѣстѣ; но вы узнаете изъ легкаго чтенія, что въ такіа-то времена процвѣтали такіе-то философы, то-то они думали; запомните нѣкоторые изъ нихъ философемъ; можете потомъ,

благодаря этому чтенію, украшать свою рѣчь или свой слогъ свѣдѣніями по этой части, употреблять кстати имя какого-нибудь древняго философа или какуюнибудь древнюю философему. Для этихъ цѣлей, если хотите софистическихъ, хотя и не заслуживающихъ той укоризны, какая отъ самого Риттера достается древнимъ софистамъ, весьма хорошо приспособлено сочиненіе этого писателя. Онъ беретъ матеріалъ (съ которымъ впрочемъ знакомъ какъ истинный ученый) и дѣлаетъ изъ него, по разнымъ своимъ планамъ, болѣе или менѣе замысловатыя постройки, повинуваясь не столько потребности проникнуть до истины, сколько желанію составить вѣчто удобочитаемое. Все это говоримъ мы не въ укоръ Риттеру: мы характеризуемъ дѣятельность, которой преданы многія болѣе или менѣе уважаемыя дарованія по различнымъ частямъ литературы, дѣятельность, повторяемъ, не бесполезную и имѣющую свое значеніе; таковы, напримѣръ, многія изложенія всеобщей исторіи, французскіе курсы исторіи литературы и т. п. За то, — надобно также признаться, — чтеніе Риттеровой исторіи философіи, и именно древнѣйшей (потому что послѣдующія части, гдѣ историкъ болѣе скрывается, и болѣе выступаютъ самыя системы, удовлетворительнѣе, какъ Гегель замѣчаетъ о Теннеманъ), чтеніе это для человѣка мыслящаго очень тяжело, по самой своей легкости; передъ вашимъ умомъ, не касаясь его, въ гладкой рѣчи, ни на минуту не задерживающей вашего вниманія и вашей мысли, пронесется безъ слѣда цѣлыя системы; въ предметъ чисто-умственномъ вашъ умъ остается празденъ и голоденъ.

Что касается до другихъ изслѣдователей исторіи древней философіи, то каждый изъ нихъ отличается какимънибудь своимъ достоинствомъ: кто болѣе или менѣе удачнымъ стремленіемъ внести въ эту область духъ знанія, кто частною разработкою фактовъ, кто остроуміемъ въ ихъ группированіи, кто болѣе или менѣе счастливымъ истолкованіемъ отдѣльныхъ явленій. Въ планъ моего изслѣдованія не входила критика ихъ трудовъ, и полемическія замѣчанія мои направлены лишь противъ общихъ предразсудковъ или ложныхъ понятій, препятствующихъ исторіи философіи принять истинный видъ мыслительнаго знанія. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ дѣятелей высказываютъ то же самое и еще можетъ быть сильнѣе, чѣмъ я. Я былъ радъ сойтись съ нѣкоторыми въ стремленіи къ этой цѣли, но въ своихъ изслѣдованіяхъ я шелъ отъ начала до конца своею дорогою. Попытки мыслительнаго воздѣлыванія исторіи философіи еще такъ недавни, такъ необильны прочными и общепринятыми результатами, что мнѣ не было никакой нужды слѣдовать комунибудь изъ своихъ сотрудниковъ по общему

дѣлу. Нѣтъ двухъ руководствъ по исторіи древней философіи, за исключеніемъ развѣ вышедшихъ изъ Гегелевой школы, которыя бы не разногласили между собою въ самыхъ существенныхъ вопросахъ. Къ тому же изученіе предмета въ немъ самомъ такъ само по себѣ привлекательно и живительно, что не захочешь отвлекаться отъ него, чтобы слѣдить за смутными и неясными отраженіями его въ чужихъ умахъ. Ни одного воззрѣнія, ни одной основной мысли не заимствовано мною изъ сочиненій другихъ по этой части; и каковы бы ни были мои изслѣдованія, дурны ли, хороши ли, они какъ въ цѣломъ, такъ и частностяхъ (кромя, разумѣется, одного и того же матеріала), не представляютъ ничего общаго съ изслѣдованіями другихъ по предмету древнѣйшаго періода греческой философіи. Ограничивъ свой трудъ одною изъ самыхъ тѣсныхъ, скудныхъ и темныхъ частей науки, авторъ «Очерковъ древнѣйшаго періода греческой философіи», одушевляемый тѣмъ общимъ философскимъ воззрѣніемъ, которое даетъ жизнь его мысли и вынесено имъ изъ Положительной Философіи Шеллинга, старался сблизиться съ предметомъ и изучать его въ самой дѣйствительности.

Постиженіе дѣйствительности есть цѣль познающей мысли. Хотя мы живемъ среди дѣйствительности, но постигать ее можемъ не иначе, какъ восходя въ область мысли. Только мысль можетъ ставить насъ на ту возвышенность, съ которой открывается предметъ для постиженія. Злѣйшій врагъ познанія есть безмысліе, которое состоитъ не въ одномъ отсутствіи понятій, но также и въ замкнутомъ кругу затверженныхъ понятій, неизмѣнно входящихъ въ одни и тѣже сочетанія. Произнесите слово *матеріал* передъ вашимъ портнымъ (да простятъ намъ читатели тривіальность примѣра!), и ему прежде всего представится понятіе о томъ, изъ чего дѣлаются *матерчатый* платья. Возьмите другую сферу, высшую, — произнесите это слово химику: онъ будетъ прежде всего разумѣть подъ нимъ то, къ чему пріобыкла его мысль, вращаясь въ специальномъ предметъ его занятій. Наконецъ тоже слово, въ человѣкѣ съ обыкновеннымъ общимъ образованіемъ, возбудитъ неясное представленіе, оствѣшее въ его умѣ безсознательно: онъ будетъ прежде всего представлять себѣ нѣчто такое, что можно схватить рукою или почувствовать какъ нибудь внѣшнимъ образомъ. — Когда мы читаемъ прагматическое изложеніе какого нибудь событія или простое описаніе чего нибудь, то понятія въ нашемъ умѣ, слѣдующія теченію рѣчи, возникаютъ безъ измѣненія, какъ есть, и мы въ то время не мыслимъ, въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова. Мы мыслимъ, когда въ существѣ нашихъ понятій и въ ихъ связи происходитъ

какое либо измѣненіе; мышленіе есть дѣятельность, а не страда-
тельное послѣдованіе понятій на призывъ словъ, по данному меха-
низму, по привычнымъ путямъ.

Каждый предметъ, открывающійся для нашего мышленія,
требуетъ, чтобы въ немъ, въ нашемъ мышленіи, произошло нѣчто
особенное, соответственное предмету. Каждый особый предметъ
знанія есть нѣчто болѣе или менѣе отъ всего прочаго отличное,
нѣчто болѣе или менѣе оригинальное, и потому требуетъ особаго
оборота умственной дѣятельности нашей, особыхъ понятій для своего
постиженія.

Противъ безмыслія въ исторіи философіи были преимущественно
направлены полемическія замѣчанія въ Очеркахъ. Авторъ Очерковъ
начинаетъ свое сочиненіе указаніемъ на исторію философіи какъ
на предметъ особый, требующій особаго мышленія. Авторъ отнюдь
не думалъ, что впервые высказываетъ это требованіе; но онъ вы-
сказывалъ его съ своей точки зрѣнія, и по своему старался найти
тотъ особый оборотъ мышленія, который бы соответствовалъ пред-
мету исторіи философіи.

Я очень сожалѣлъ о томъ, что по выходѣ первой части моихъ
изслѣдованій въ Пропілеяхъ, замѣчанія мои, внушенные стремленіемъ
къ истинѣ и любвию къ предмету, показались выраженіемъ занос-
чивости. Предыдущія объясненія показываютъ, что ни въ какомъ
случаѣ не могло быть заносчивости тамъ, гдѣ нѣтъ авторитетовъ,
и гдѣ дѣло, въ томъ духѣ, который можетъ создать авторитеты,
едва начинается. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей по исто-
ріи древней философіи, обнаружившіе стремленіе къ мыслительному
познанію этого предмета, только что выступили передъ публику, и
даже не имѣли времени высказаться и докончить предположенныхъ
трудоу.

Обратимся теперь къ моему рецензенту. Мы будемъ слѣдить
за нимъ шагъ за шагомъ въ его критикѣ, оставляя впрочемъ въ
сторонѣ все, что онъ говоритъ о рецензентѣ другаго журнала, пи-
савшемъ объ Очеркахъ: до этого намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.
Скажемъ только, что г. N думаетъ, будто авторъ Очерковъ былъ
виною ошибочныхъ увлеченій этого рецензента своими неосторож-
ными и несправедливыми замѣчаніями объ историко-философскихъ
трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей. Съ цѣлію показать мою вину
г. N прежде всего приводитъ тѣ мѣста изъ Очерковъ, гдѣ сказано,
что въ *различныхъ исторіяхъ философіи* характеристическими осо-
бенностями древнихъ системъ поставляется ученіе о той или другой
стихій, какъ основной сущности міра, и гдѣ авторъ старается

показать, « какъ поверхностны обыкновенные толки о древнихъ физиологахъ, приписывающіе каждому изъ нихъ, какъ бы въ монополию одну стихію ». Выписавъ эти мѣста, критикъ спрашиваетъ, на какія *различныя* исторіи указываетъ авторъ, и о какихъ *обыкновенныхъ толкахъ* говоритъ онъ? Если разумѣются старыя руководства, то авторъ (какъ находить г. N) правъ; но въ такомъ случаѣ какая была нужда (спрашиваетъ онъ) провергать мнѣнія писателей, теперь уже забытыхъ?

Прервемъ на минуту нить аргументовъ критика, и спросимъ его въ свою очередь, на какомъ же основаніи онъ такъ рѣшительно обвиняетъ меня въ неосторожныхъ и несправедливыхъ замѣчаніяхъ о трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей, когда онъ самъ недоумѣваетъ, къ кому относятся эти замѣчанія? Въ самомъ дѣлѣ *«различныя исторіи»* во все не значить «труды новѣйшихъ изслѣдователей», а «обыкновенные толки» могутъ даже во все не означать трудовъ какихъ бы то ни было изслѣдователей по части исторіи философіи, а относиться къ общему образованію. Если самъ критикъ недоумѣваетъ, къ кому относятся мои замѣчанія, то слѣдовало бы напротивъ упрекнуть ихъ въ излишней осторожности, нежели неосторожности; а если, по его собственному сужденію, замѣчанія мои, въ известномъ случаѣ, справедливы, то почему же онъ за минуту предъ тѣмъ назвалъ ихъ такъ рѣшительно несправедливыми? Наконецъ, почему же они относятся къ новѣйшимъ изслѣдователямъ, когда могутъ относиться и къ старѣйшимъ, и даже во все ни къ какимъ изслѣдователямъ не относиться?

Рецензентъ мой запутался въ своей логикѣ; но пока онъ будетъ выпутываться изъ ней и соображать, почти на цѣлой страницѣ, къ кому относятся мои замѣчанія, — мы снова оставимъ его и обратимся съ новыми объясненіями къ читателю.

Прогрессъ всякаго знанія, какъ и всякаго дѣла, состоитъ преимущественно въ уничтоженіи всего двусмысленнаго, неопредѣленнаго, всего что можетъ быть понимаемо и такъ и иначе. Ложь должна отдѣлиться отъ истины, и съ этимъ отдѣленіемъ уничтожается сомнительность дѣла, которая и есть ничто иное какъ вмѣстѣ скрытыя ложь и истина. Положительный полюсъ неразлученъ съ отрицательнымъ, и въ стремленіи къ раскрытію истины должно быть и стремленіе обнаружить ложное. Логика учитъ о двухъ доказательствахъ, прямомъ и косвенномъ, и въ полномъ доказательствѣ должны присутствовать оба. Раскрывайте внутреннія основанія дѣла, но при этомъ не забывайте разсѣкать всякую двусмысленность въ понятіяхъ объ немъ, и уничтожать не только суще

ствуюція негѣпныя мнѣнія, но и самую возможность ихъ, обнаруживая ихъ негѣпность. Никто не будетъ держаться негѣпности, если она вполне высказана; но умъ очень легко и незамѣтно подчиняется ей, если она тайно присутствуетъ въ немъ, подъ кровомъ какой нибудь неопредѣленности мышленія, а неопредѣленность всегда будетъ въ немъ, если онъ не рѣшится представлять себѣ въ полной ясности того, чего не должно мыслить о данномъ предметѣ. Этотъ отрицательный, діалектическій моментъ въ мышленіи необходимъ для истиннаго разумѣнія, безъ этого момента въ понятіи всегда будетъ возможность лжи и, ненавистное знанію, двусмысліе. Видѣть въ такой діалектикѣ, стремящейся къ изобличенію возможной лжи, лишь притязаніе на остроуміе, значитъ не понимать интересовъ мышленія.

Полемическое замѣчаніе мое по вопросу о значеніи стихій въ системахъ древнѣйшихъ философовъ, было бы во все нелишнимъ даже и въ томъ случаѣ, еслибъ ни въ новѣйшихъ, ни въ старѣйшихъ руководствахъ ничего ложнаго не высказывалось по этому вопросу, но еслибъ въ нихъ не была достаточно устранена возможность ложно понимать его. Допустимъ на минуту, что начиная отъ блаженной памяти Станлея и Брукера никто изъ историковъ философіи не объяснялъ значенія стихій въ древнѣйшихъ системахъ такъ, какъ не должно объяснять; но если хоть гѣнь такого объясненія остается еще въ умахъ, то долгъ изслѣдователя, который вновь разсматриваетъ этотъ вопросъ, удалить по возможности и самую гѣнь толкованія, признаваемого имъ ложнымъ. Критикъ мой самъ долженъ былъ согласиться, что такое толкованіе велось по крайней мѣрѣ въ прежнихъ исторіяхъ философіи; отсюда, по необходимости, оно должно было перейти въ кругъ понятій общаго образованія, и стать общимъ предразсудкомъ, противъ котораго новѣйшіе изслѣдователи должны дѣйствовать по силамъ. Мало того, что въ своихъ сочиненіяхъ они не будутъ повторять отъ себя этого предразсудка, — они должны опровергать его, и излагать болѣе вѣрное воззрѣніе на очищенномъ мѣстѣ: въ противномъ случаѣ новое воззрѣніе незамѣтно смѣшается въ умахъ съ старымъ, и выдетъ ни то ни сѣ.

Сказанный предразсудокъ завелся въ исторіи философіи весьма естественнымъ образомъ. Обозначеніе каждаго изъ іонійскихъ фізіологовъ какими либо особыми стихіями началось со словъ древнихъ авторовъ и преимущественно со словъ Аристотеля (*Met.* I, 3). Показанія Аристотеля, какъ и другихъ древнихъ авторовъ, должны быть принимаемы за матеріалъ для исторіи философіи, и намъ

предстоитъ матеріалъ этотъ возводить въ знаніе. Пржеііе историки о такомъ различіи между матеріаломъ для знанія и самимъ знаніемъ не помышляли, и передавали у себя въ сыромъ видѣ все, что находили въ древнихъ авторахъ. Въ новѣйшее время, когда мышленіе возобновилось и оживилось, возникла потребность разрабатывать матеріальныя данныя, и теперь, конечно, при изложеніи системъ, не ограничиваются сопоставленіемъ свидѣтельствъ авторовъ, безъ всякой критики, но представляютъ болѣе или менѣе интересныя сужденія и соображенія; однако, не смотря на то, какъ упомянутый предразсудокъ, такъ и многіе другіе не только не искоренены изъ науки, но и доселѣ повторяются почти всѣми изслѣдователями исторіи древней философіи, и полемическое замѣчаніе въ Очеркахъ можетъ по всей справедливости относиться не только къ старымъ, но и къ новѣйшимъ сочиненіямъ по этой части. Однимъ изъ самыхъ характеристическихъ отличій между древнѣйшими іонійскими фізіологами поставляется во всѣхъ, и притомъ въ самыхъ лучшихъ и замѣчательныхъ исторіяхъ древней философіи, именно ученіе о той или о другой стихіи какъ объ основной сущности міра.

Выпутался ли теперь мой ученый критикъ изъ своихъ соображеній? Посмотрите, какъ онъ бьется и хлопочетъ. «Гдѣ же эти толки, спрашиваетъ онъ, и въ какомъ смыслѣ называются они обыкновенными? Въ смыслѣ понятій *общихъ* и принятыхъ *всѣми* историками философіи, или по крайней-мѣрѣ *болышею* ихъ половиною?» Всѣми, г. N, хотя вы и утверждаете, что это несправедливо. Если бы г. N, вмѣсто того, чтобъ писать критическія статьи о дѣлѣ, ему чуждомъ, потрудился основательно прочитать разныя сочиненія по исторіи философіи, то не сталъ бы переливать изъ пустаго въ порожнее съ единственною цѣлію явить на мнѣ примѣръ критической строгости. — Читатели Москвитянина могутъ найти въ статьѣ моего критика мѣсто, о которомъ зашла теперь рѣчь: выписывать его вполне было бы скучно; но будетъ не лишнимъ передать вкратцѣ содержаніе его разсужденій. — Онъ утверждаетъ, «что существо дѣла состоитъ не въ томъ, какъ каждый фізіологъ называлъ первое міровое начало, водою, воздухомъ или огнемъ, а въ томъ особомъ значеніи, какое имъ (наименованіямъ стихій) усвоилось древними фізіологами.»—Фраза эта можетъ служить примѣромъ, какъ ловко пользуется г. N стереотипными общими мѣстами: любопытно было бы знать, что разумѣетъ онъ подъ этимъ «особымъ значеніемъ»? Посмотримъ далѣе, не окажется ли это значеніе? Г. N думаетъ, что замѣчаніе мое было бы лишь въ томъ случаѣ справедливо, еслибъ историки философіи все движеніе древняго фізіоло-

гического мышления поставляли только въ перемѣнѣ названій одного и того же всеобщаго начала; но напр. у Риттера, говоритъ онъ, мы читаемъ слѣдующія слова: «Что Гераклитъ первое начало всѣхъ вещей называетъ огнемъ, это не составляетъ важнаго различія между его ученіемъ и ученіемъ прежнихъ физиологовъ.» За тѣмъ критикъ мой начинаетъ разсуждать, не то отъ лица Риттера, не то отъ самого себя, и наконецъ заключаетъ, что у каждаго физиолога тотъ самый стихійный элементъ (стихійный элементъ!), отъ котораго заимствовано названіе первой сущности, не смѣшивается съ этою сущностію, но отличается отъ ней, какъ одинъ изъ видовъ ея овеществленія, что древніе физиологи иногда замѣняли одно имя первой сущности другимъ, и что это не вносило въ ихъ ученіе никакого противорѣчія, никакой существенной перемѣны; но что у каждаго изъ нихъ было свое любимое, имъ преимущественно употребляемое наименованіе всеобщаго начала. Вслѣдъ за этими умозаключеніями, мой критикъ вдругъ бросается на меня, и выхватываетъ слѣдующее мѣсто изъ моего сочиненія: «Что та степень или тотъ видъ бытія первичной сущности, который характеризуется въ древней физиологій водою или влажностію, есть условіе природы, условіе происхожденія вещей, это вовсе не есть ученіе, исключительно принадлежавшее Оалесу. Это представленіе лежало въ общей системѣ, всѣ въ этомъ отношеніи говорятъ тоже самое.» Въ этихъ словахъ моихъ критикъ видитъ ошибку или по-крайней-мѣрѣ значительную неточность выраженія. «У Оалеса, говоритъ онъ, вода есть не *степень*, не *видъ* бытія первичной сущности, но водою называется у него сама эта сущность, не *условіе*, но *всеобщее начало* происхожденія вещей,» и въ доказательство этой великой истины нашъ ученый не преминулъ привести свидѣтельство Аристотеля, разумѣется, въ ужасающемъ видѣ: *Met. I. 3. φησι ἀρχὴ πάντων*. Не знаю, гдѣ послала ему фортуна эту цитату, но еслибъ мой критикъ самъ имѣлъ возможность прочесть 3-ю главу I-й книги Метафизики, то навѣрное онъ привелъ бы что нибудь другое, а еще вѣрнѣе вовсе бы ничего не сталъ приводить и не написалъ бы всей той путаницы, которую сей-часъ мы изложили. Вероятно *φησι* произошло здѣсь вслѣдствіе опечатки, и должно читать *φησι*, или *φησιν*. Всякій, сколько нибудь смыслящій по гречески, легко пойметъ, какую нелѣпость критикъ мой влагасть въ уста Аристотелю. Безъ сомнѣнія, критикъ мой хотѣлъ, чтобъ Аристотель сказалъ слѣдующее: *φησιν (Θαλήης) ἕδωρ ἀρχὴν εἶναι πάντων*, т.-е. Оалесъ говоритъ, что вода есть начало всѣхъ вещей. Это было бы правильно по гречески, но бѣда въ томъ, что этой фразы нѣтъ

*

у Аристотеля. Видно ужъ такъ судьбѣ угодно, чтобы этотъ строгій геній древняго мышленія всякій разъ являлся изблнчителемъ и карателемъ г-на N, который вздумалъ хвастаться своимъ знакомствомъ съ нимъ и судить о предметахъ мысли, столь же чуждыхъ ему, какъ и суровый Стагиритъ. Въ самомъ дѣлѣ забавно: г. N приводитъ въ свидѣтели противъ меня Аристотеля, а тотъ только обличаетъ незаконнаго судью.

Въ 3-ей главѣ I-й книги Метафизики Аристотель полагаетъ, что основаніемъ ученію Фалеса о водѣ, какъ о первичной сущности, служитъ то, что все питается и живетъ влажнымъ; что смена всего живущаго имѣетъ влажную природу, а вода есть начало природы всего влажнаго (*). Нѣкоторые думаютъ, продолжаетъ Аристотель, что и древнѣйшіе люди, самые первые оеологи, также разумѣли происхожденіе вещей: они полагали Океанъ и Теонсъ дѣятелями (отцами) происхожденія, и заставляли боговъ клясться водою, такъ называемымъ Стиксомъ.— Изъ соображенія всѣхъ этихъ словъ Аристотеля видно, что, по его мнѣнію, Фалесъ видѣлъ въ водѣ именно условіе природы, условіе происхожденія вещей и всякой жизни на землѣ (*земля*, говоритъ Фалесъ, какъ въ этомъ же мѣстѣ замѣчаетъ Аристотель, *земля на водѣ*, то-есть, предполагаетъ, какъ свое условіе, воду). Тоже самое въ сущности, какъ доказано въ моемъ сочиненіи, учить и Гераклитъ, говоря, что вода есть погасшій или умершій огонь, а земля умершая вода, и что всѣ вещи рождаются въ слѣдствіе смерти той первичной сущности, которую онъ обозначаетъ словомъ огонь, а также и словомъ душа. По духу Гераклитова мышленія, этотъ огонь враждебенъ происхожденію вещей, и лишь вода, какъ смерть его, служитъ переходомъ къ земному бытію, къ природѣ; онъ прямо называетъ, по свидѣтельству Климента Александрійскаго, воду *сменемъ мірозданія*: (**). не ясно ли, что космическое значеніе воды у Фалеса точно тоже, какое и у Гераклита? Отъ Фалеса остались намъ лишь два, три слова, и то не въ подлинномъ видѣ, а въ чужихъ пересказахъ; по всему вѣроятію, и вся система его, отъ которой намъ осталось такъ мало, была далеко не такъ развита, не такъ высказана, какъ системы послѣдующихъ стихіологовъ, и преимущественно Гераклита. Но безъ сомнѣнія въ системѣ Фалеса огонь Гераклитовъ былъ бы тѣмъ же, чѣмъ онъ является у сего послѣдняго, и на оборотъ Фалесова вода имѣетъ тоже значеніе, что и вода (море) у Гераклита, то-есть значеніе

(*) τὸ δ' ὕδωρ ἀρχὴν τῆς φύσεως εἶναι τοῖς ὑγροῖς.

(**).... γίνεται εἰς ὕδωρ τὸ ὡς σπέρμα τῆς διακοσμήσεως, ὃ καλεῖται ἑτάλασσαν. Strom V, 14.

начала природы, перехода къ земному бытію, къ органическому міру. Я въ настоящемъ случаѣ довольствуюсь только немногими данными, сообщаемыми въ одномъ этомъ мѣстѣ Метафизики, на которое такъ невинно сослался мой критикъ. Но въ сочиненіи моемъ, на основаніи всѣхъ данныхъ, изложена вполне, во всѣхъ главныхъ чертахъ своихъ, общая система космогоническаго мышленія, которая, по моему воззрѣнію, господствовала въ умахъ всѣхъ мыслителей древнѣйшаго періода греческой философіи. При развитіи этой общей системы, авторъ поступалъ по всѣмъ правиламъ строгаго анализа и наведенія. По мысли автора Очерковъ, характеристическое различіе между отдѣльными мыслителями этого періода состоитъ не въ томъ, что одинъ производилъ все изъ той стихіи, а другой изъ другой, или одинъ изъ одной, а другой изъ многихъ стихій; а въ томъ, что эти мыслители выражали опредѣленные моменты въ развитіи общей имъ всѣмъ космогонической системы. По моему убѣжденію, я достаточно доказалъ эту мысль; но критикъ можетъ быть другаго объ этомъ мнѣнія, и въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ начать свой разборъ опроверженіемъ моихъ доказательствъ. Пусть бы г. N потрудился разобрать все, что высказано въ Очеркахъ для развитія общей космогонической системы!

Признаюсь, мнѣ даже совѣстно входить въ объясненія съ моимъ критикомъ. Трудно опредѣлить, что ему хочется доказать: то ли, что я не вѣрно понялъ и изложилъ системы древнихъ мыслителей, или же то, что понявъ и изложивъ ихъ вѣрно, обвиняю несправедливо другихъ изслѣдователей, которые понимаютъ дѣло одинаково со мною. Онъ самъ этого не знаетъ; ему хотѣлось только помуштровать меня и покрасоваться въ судейской мантии. — Однако зачѣмъ же онъ ограничился однимъ Риттеромъ, и не привелъ еще другихъ *новѣйшихъ* изслѣдователей, для уличенія меня въ несправедливости къ нимъ? Допустимъ, что къ Риттеру въ этомъ пунктѣ не могутъ относиться мои несправедливыя и неосторожныя замѣчанія; но вѣдь о Риттерѣ въ этихъ замѣчаніяхъ не было упомянуто, сказано лишь о «различныхъ исторіяхъ философіи» и объ «обыкновенныхъ толкахъ.» Не въ одномъ же Риттерѣ состоятъ всѣ *новѣйшіе изслѣдователи.* Вмѣсто того, чтобы переливать изъ пустаго въ порожнее, ему бы выписать, что сказано объ этомъ какъ у Риттера, какъ и у другихъ, по-крайней-мѣрѣ, у нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей. Не знаемъ, что помѣшало ему исполнить это, и беремъ на себя ту обязанность, какую нашъ критикъ хотѣлъ было взять на себя.

Вотъ, слово въ слово, это «несправедливое и неосторожное замѣчаніе», приведенное для опроверженія моимъ критикомъ: «Въ различныхъ исторіяхъ философіи весьма легко и спокойно, однимъ характеристическимъ словомъ, показываются отличія древнихъ системъ. Въ чемъ на примѣръ заключается ученіе Фалеса? Въ томъ отвѣчаютъ, что начало всего есть вода. Анаксимандръ признаетъ началомъ безпредѣльное. А за нимъ слѣдовавшій Анаксименъ во главу всего поставляетъ воздухъ. Гераклитъ производилъ всѣ вещи отъ огня. Эмпедоклъ полагалъ за основу всего не одну какую-либо стихію, но бралъ для этого всѣ четыре стихіи: огонь, землю, воду и воздухъ....» Не хочу теперь спорить о томъ, что согласнѣе съ сущностію дѣла, такое ли воззрѣніе на системы древнѣйшихъ мыслителей, или то, которое изложено въ моихъ Очеркахъ; можетъ быть такъ и нужно понимать дѣло, какъ говорится въ приведенномъ замѣчаніи; дѣло не въ этомъ, но въ томъ, что я имѣлъ полное право сдѣлать это замѣчаніе, и что сказанное мною есть суцная правда; мало того: оно могло бы относиться не только къ различнымъ, но, съ нѣкоторыми измѣненіями, и ко всѣмъ исторіямъ философіи.

Оставимъ въ сторонѣ Теннемана и возьмемъ для примѣра такихъ историковъ, *новость* которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Начнемъ съ важнѣйшаго, съ Гегеля:

«Что вода есть начало, въ этомъ заключается вся философія Фалеса. Въ какой мѣрѣ это важно и умозрительно? Мы должны сумѣть забыть то, что мы привыкли къ богатому конкретному міру мыслей. Здѣсь же миръ мыслей долженъ быть еще построенъ, здѣсь еще нѣтъ чистаго единства. Человѣкъ имѣетъ предъ собою природу: воду, воздухъ, звѣзды, небесный сводъ; этимъ ограничивается горизонтъ его представленія. Правда, фантазія имѣетъ бо-говъ; но содержаніе ихъ есть таже природа: солнце, земля, море. Дальнѣйшее (какъ представленія Гомера) есть нѣчто такое, чѣмъ мысль никакъ не можетъ удовольствоваться. При такой безсознательности умственного міра, требовалась, конечно, великая смѣлость ума, не оставаясь при этой полнотѣ міра природы, но отводитъ все къ простой сущности, пребывающей какъ простая сущность. Выразить это пребывающее, невозникающее, непреходящее (и боги имѣютъ оегоноію, они дѣятельны, разнообразны, измѣнчивы) — есть отважное дѣло; эта сущность, говорится далѣе, есть вода. Вода легко представляется какъ единое, по причинѣ своей нейтральности; да и матеріальность ея сильнѣе, нежели воздухъ.» — «Философскія мысли Анаксимандра очень не обширны и

«мало развиты. Какъ начало и стихію полагаѣтъ онъ безконечное («неопредѣленное); это начало опредѣляется у него, не какъ воздухъ, не какъ вода, не какъ иное что-либо (по свидѣтельству Діогена «Лаэртія). Опредѣленій этого безконечнаго немного.» Слѣдуютъ выписки изъ Плутарха, Цицерона, Аристотеля и проч.—«Аристотель, («продолжаетъ Гегель) говоря о различныхъ системахъ, упоминаетъ объ одномъ началѣ, которое не есть вода, не есть воздухъ, но плотнѣе воздуха и тонѣе воды. Многіе относятъ это къ Анаксимандру; можетъ быть это опредѣленіе и дѣйствительно принадлежить ему.—Шагъ впередъ въ опредѣленіи начала, какъ безконечнаго, состоитъ въ томъ, что абсолютная сущность есть уже не простое, но отрицательное, есть всеобщность, отрицаніе конечнаго. Безконечная всеполнота есть болѣе, нежели если я скажу: начало есть единое и простое. Притомъ, съ матеріальной стороны, Анаксимандръ устраняетъ единичность стихіи воды. Его предметное начало имѣетъ не матеріальный видъ, можетъ быть принято за мысль; впрочемъ же ясно, что онъ разумѣлъ ничто иное какъ матерію,—всеобщую матерію. Плутархъ упрекаетъ Анаксимандра въ томъ, что онъ не сказалъ, что есть его безконечное, воздухъ-ли, вода-ли или земля. Ибо такъ какъ начало его матеріально, то онъ отнимаетъ у него съ тѣмъ вмѣстѣ качественность; матерія же, продолжаетъ Плутархъ, можетъ существовать и имѣть дѣйствительность («*εἶναι ἐνεργεῖα*), только лишь при условіи качества. Но качество есть именно это измѣняющееся; матерія, понимаемая какъ безконечное, есть это движеніе — полагать опредѣленія и притомъ такъ, чтобы это раздвоеніе исчезало какъ ничтожное. Въ этомъ должно полагать безконечное бытіе въ собственномъ смыслѣ,—а не въ отрицательной безграничности. Но эта всеобщность, отрицательность, конечность и есть только наше движеніе. При описаніи матеріи какъ безконечнаго, онъ едва-ли сказалъ, что въ этомъ состояла ея безконечность.—Анаксименъ на мѣсто неопредѣленной матеріи Анаксимандра снова постановилъ опредѣленную стихію природы (абсолютное въ реальной формѣ), — вмѣсто Фалесовской воды — воздухъ. Онъ находилъ чувственное бытіе необходимымъ для матеріи на воздухъ представляетъ ту выгоду, что въ большей степени отличается безформностію. Воздухъ есть менѣе тѣло, чѣмъ вода; мы не видимъ его, и только лишь осязаемъ его движеніе. Изъ воздуха, по ученію Анаксимена, все происходитъ и все въ него обращается. Анаксименъ называетъ воздухъ также безконечнымъ. Этотъ мыслитель весьма хорошо поясняетъ природу свей сущности душою; конъ какъ бы обозначаетъ переходъ философіи природы въ филосо-

«фию сознания или отдаление от предметнаго вида первичной сущности. И такъ мы видимъ, что Фалесъ, Анаксимандръ и Анаксименъ «полагали первичную сущность въ формъ матеріи: въ воздухъ и «водъ, и также (если такъ надобно понимать Анаксимандрову материю) въ стихіи, тончайшей воды и грубѣйшей воздуха. Гераклитъ, «о которомъ будемъ говорить ниже, первый опредѣлилъ ее какъ огонь».

Мы передали здѣсь почти все, что высказано у Гегеля о Фалесѣ, Анаксимандрѣ и Анаксименѣ. Что же касается до Гераклита, то объ немъ говорится, конечно, подробнѣе. Сказавъ, что въ ученіи Гераклита, вмѣсто бытія и небытія, провозглашено понятіе движенія и перехода (*des Werdens*), Гегель обращаетъ вниманіе на то, что это понятіе не могло у Гераклита оставаться при одной логической формѣ, и что онъ давалъ ему болѣе реальное значеніе. Въ этомъ отношеніи Гераклитъ принадлежитъ къ первымъ тремъ физиологамъ. «Но относительно реальной формы его начала авторы не соглашаются. Большая часть ихъ утверждаетъ, что, по его системѣ, пребывающее существо есть огонь, другіе же полагаютъ, что это воздухъ, третьи — испареніе; даже время у Секста названо первымъ пребывающимъ существомъ». — «Такъ какъ Гераклитъ не остался при логическомъ выраженіи понятія процесса, а далъ своему началу содержаніе сущаго, то ему прежде всего должна была представиться форма времени; ибо въ чувственномъ время есть первое, представляющееся какъ процессъ, оно есть первая форма перехода. Время есть чистое измѣненіе, чистое понятіе, оно есть простое, согласованное изъ абсолютно-противоположныхъ; сущность его — быть и не быть, и т. д. — Время есть процессъ абстрактный. Реальная форма процесса есть огонь. — Если мы захотимъ представить сущность времени въ реальной формѣ, то спрашивается: какое физическое существо можетъ соответствовать этому назначенію? Гераклитъ не могъ сказать, что первичная сущность есть воздухъ или вода и тому подобное, все это не есть процессъ, огонь же есть процессъ и т. д.» — Эмпедоклъ. «Общая мысль его, по свидѣтельству Аристотеля, состоитъ въ томъ, что Эмпедоклъ къ тѣмъ тремъ: огню, воздуху и водѣ, изъ коихъ каждое прежде было понимаемо тѣмъ или другимъ мыслителемъ какъ начало, присоединилъ еще землю, какъ четвертое, и т. д.»

Целлеръ слѣдуетъ, можно сказать, по пятамъ Гегеля: «Вся философія Фалеса (говоритъ онъ) возводится, по вѣрному воззрѣнію «Гегеля, къ двумъ пунктамъ: 1) отыскивается всеобщая сущность «бытія и 2) таковая находится въ водѣ. Анаксимандръ къ этимъ «мыслямъ (?) своего предшественника присовокупляетъ три пункта:

«1) На мѣсто *опредѣленнаго* вещества, которое Фалесъ полагалъ въ «основаніе всякому бытію, у Анаксимандра является отвлеченное «представленіе вещества вообще, ибо это то самое и есть его *ἀκίνητος*, «кто-есть неограниченная въ пространствѣ матерія. 2) Между тѣмъ «какъ Фалесъ, какъ кажется, оставался при созерцаніи матеріальнаго «субстрата, ничего не высказывая касательно движущаго начала,— «преемникъ его описываетъ первоначальное вещество, какъ оживленное «и движимое, такъ однако, что движущая сила присуща самому «веществу, а не отдѣляется отъ него какъ второе начало. 3) О про- «исхожденіи вещей изъ первичнаго вещества началъ впервые изыски- «вать Анаксимандръ. Словомъ успѣхъ, который оказала философія, «благодаря Анаксимандру, состоитъ въ томъ, что первое основаніе, «которое Фалесъ представлялъ себѣ совершенно неопредѣленно, и «вслѣдствіе того видѣлъ непосредственно въ чувственномъ веществѣ, «получила ближайшее опредѣленіе всеобщей сущности и живой при- «чины явленія. Въ этомъ же самомъ опредѣленіи заключается и не- «достатокъ этого воззрѣнія. Начало полагается какъ всеобщее, какъ «безконечная матерія; но съ тѣмъ вмѣстѣ изъ этого всеобщаго дол- «жно произойти особенное, а изъ неопредѣленной всеобщности не «можетъ произойти никакая конкретная вещь. Это признаетъ и самъ «Анаксимандръ, представляя какъ начало мірозданія, выдѣленіе тем- «наго и холоднаго, сухаго и влажнаго изъ безконечнаго. Но какъ «можетъ быть это мыслимо, если въ самомъ безконечномъ нѣтъ «никакой противоположности, никакого качественного различія? Здѣсь «Анаксимандрова система представляетъ пробѣлъ, который требова- «лось восполнить; потому—то къ этому пункту и примыкаетъ даль- «нѣйшее развитіе іонійской философіи въ Анаксименѣ. Если Анакси- «мандръ поставилъ началомъ абстрактъ матеріи, то Анаксименъ чув- «ствуетъ необходимость производить явленія изъ опредѣленнаго ве- «щества, и потому онъ возвращается къ Фалесу, — но при этомъ «удерживается онъ, вмѣстѣ съ Анаксимандромъ, на томъ, что первое «вещество есть всеобщее начало, и что оно должно быть основой «жизни и движенія; поэтому онъ выискиваетъ между опредѣленными «веществами такое, которому принадлежали бы эти качества. Пер- «вичное вещество есть для него, какъ и для Фалеса, опредѣленная «матерія; но съ тѣмъ вмѣстѣ оно есть безконечное и божественное, «какъ для Анаксимандра; оба эти опредѣленія находитъ онъ соеди- «ненными въ воздухъ, ибо воздухъ есть всеобъемлюще. Эта же «самая стихія обладаетъ еще другимъ свойствомъ, котораго Анакси- «мандръ требуетъ отъ начала, — оживляющею и движущею силою; «воздухъ есть всеобщее начало жизни въ природѣ, и на этомъ—то

«самомъ основаніи Анаксименъ сравниваетъ отношеніе воздуха къ «міру съ отношеніемъ души къ отдѣльному челоуѣку. Но Анаксименъ «является въ такомъ же точно отношеніи къ обоимъ старѣйшимъ «Философамъ также и по ученію своему объ образованіи міра. Онъ «отступаетъ отъ Анаксимандра въ ученіи о происхожденіи вещей изъ «первичнаго начала, происхожденіи, которое описывается Анаксимаг-«дромъ неопредѣленно, подъ видомъ выдѣленія, и согласно съ «ученіемъ своимъ о воздухѣ, какъ первомъ началѣ, объясняетъ это «происхожденіе разрѣженіемъ и сгущеніемъ; но съ другой стороны «онъ сходится съ Анаксимандромъ въ опредѣленіи первоначальныхъ «противоположностей (тепла и холода), въ представленіи о происхож-«деніи земли и звѣздъ, и о натурѣ послѣднихъ, въ ученіи о буду-«щемъ сожженіи міра, въ различеніи единаго божественнаго отъ про-«исшедшихъ боговъ. По этому не правъ Риттеръ, по словамъ котораго, «будто бы незамѣтно чтобы Анаксименъ, кромѣ какихъ-нибудь не-«значительныхъ подробностей, могъ что-нибудь приобрести для сво-«ихъ изслѣдованій отъ Анаксимандра: это значитъ, что Риттеръ не «досмотрѣлъ несомнѣнныхъ пунктовъ соприкосновенія между ними. «Истинно то, что Анаксименъ во всѣхъ отношеніяхъ соединяетъ въ «себѣ возрѣніе своихъ предшественниковъ въ равныхъ доляхъ».

О Гераклитѣ говорится и у Целлера, какъ у Гегеля, подроб-«нѣе, чѣмъ о трехъ первыхъ мыслителяхъ. Для полноты мы должны «коснуться и характеристики Гераклита, представленной Целлеромъ. Онъ «предполагаетъ ученіе этого мыслителя уже извѣстнымъ, и «старается опредѣлить лишь его отношенія къ другимъ системамъ, «которыя, по его мнѣнію, предшествовали Гераклиту. Мы обратимъ «вниманіе преимущественно на то, какъ Целлеръ характеризуетъ «отношеніе Гераклита къ тремъ первымъ іонійскимъ мыслителямъ. «Целлеръ утверждаетъ, что огонь у Гераклита не есть «покоящееся «бытіе», какъ у тѣхъ трехъ фізіологовъ, не есть вещество, изъ ко-«торого состоятъ вещи, какъ, «по ученію древнѣйшей физики все «состоитъ изъ воды или воздуха», но огонь какъ гераклитовское «начало есть «сила, лежащая въ основаніи всей жизни міра; въ слѣд-«ствіе этого, если древнѣйшая физика признавала вещество за пре-«бывающую сущность явленія, то Гераклитъ видѣлъ это пребыва-«ющее только во всеобщемъ законѣ, въ мѣрѣ и отношеніи, которыми «опредѣляются формы и степени статія (*des Werdens*)». Почему «древнѣйшіе Іонійцы видѣли въ своей первоначальной сущности како-«то «покоящееся бытіе», когда у Анаксимандра и вслѣдъ за нимъ у Анаксимена, первоначальная сущность, какъ учитъ самъ же Цел-«леръ, есть «живая причина явленія»: это мы оставляемъ на совѣсти

автора, который въ обсужденіи древнихъ философскихъ системъ показалъ преимущественно, что изучалъ Гегелеву логику, твердо знаетъ ея формулы, и умѣетъ различать термины Sein, Dasein, Werden и проч. Такъ заслуга Гераклита, говоря словами Целлера, состоитъ въ томъ, что онъ созналъ, dass das reine Sein am Dasein seine Wirklichkeit habe, dass mithin das absolute Princip nicht das abstracte Sein sei, sondern nur das sich zum Dasein heraussetzende Sein oder das Werden. — Отношеніе Эмпедокла къ древнѣйшимъ Іонійцамъ Целлеръ опредѣляетъ такъ: «Между тѣмъ какъ первые довольствовались объясненіемъ явленій изъ одного, и притомъ матеріальнаго начала,—Эмпедокль полагаетъ въ основаніе четыре матеріальныя начала и два движущія (дружбу и вражду).» Эти четыре матеріальныя начала Эмпедокла, онъ сближаетъ съ системою Парменида и высказываетъ по этому случаю много несоотвѣтствующаго дѣлу и для насъ не интереснаго.

Коснемся теперь Риттера по отношенію къ занимающему насъ вопросу. Риттеръ при изложеніи древнѣйшихъ системъ, извѣстныхъ подъ именемъ іонійской фізіологіи, или физики, отступаетъ отъ общепринятаго порядка. Онъ раздѣляетъ относящихся сюда мыслителей на два разряда: динамиковъ и механиковъ. Динамиками называетъ онъ тѣхъ, которые, по его воззрѣнію, объясняютъ происхожденіе вещей посредствомъ измѣненія или превращенія одного начала; механиками же тѣхъ, которые, представляютъ всѣ элементы существующими отъ начала въ смѣшеніи или въ безконечномъ, и выдѣляющимися оттуда въ слѣдствіе движенія, безъ всякаго внутренняго измѣненія. Къ динамическимъ физикамъ Риттеръ относитъ Фалеса, Анаксимена, Діогена Аполлонійскаго и Гераклита; къ механикамъ—Анаксимандра, Анаксагора и Архелая. Основанія, представляемыя Риттеромъ для такого распорядка, не только не приняты ни однимъ изъ прочихъ изслѣдователей, но напротивъ опровергаются всѣми. Дѣйствительно, основанія эти не выдерживаютъ критики; но благодаря этому дѣленію, Риттеръ успѣлъ составить довольно казистое построеніе, если не удовлетворяющее потребностямъ знанія, то по крайней мѣрѣ послужившее ему средствомъ для занимательнаго и легкаго изложенія данныхъ. Очевидно, что въ слѣдствіе такого расположенія, и самая характеристика отдѣльныхъ мыслителей должна была выйти у него нѣсколько иначе, чѣмъ у другихъ. При этомъ надобно отдать ему справедливость, что въ ученіи о стихіяхъ онъ нѣсколько свободнѣе отъ того общаго предрасудка, о которомъ говорили мы выше. Есть нѣсколько мѣстъ въ тѣхъ главахъ его книги, которыя посвящены такъ называемымъ у него

динамикамъ, особенно въ главѣ о Гераклитѣ, которыя какъ будто даже направлены противъ этого предрасудка. Но не говоря о томъ, что въ основаніи его собственнаго воззрѣнія оказывается большая неопредѣленность подъ громкими фразами «дыханіе жизни», «совершенной жизни» и т. п., которыми онъ означаетъ первичную сущность іонійскихъ мыслителей; не говоря объ этомъ, мы не можемъ не указать на то, что Риттеръ, вслѣдствіе самой этой неопредѣленности, снова входитъ въ прежнюю колею, и въ сущности говоритъ тоже самое, что и другіе. И у него все также приписываются разнымъ мыслителямъ разныя стихіи: Фалесу вода, Анаксимену и Діогену воздухъ, Гераклиту огонь и т. д. Что касается до огня и воздуха, то онъ еще не прочь, уступая слишкомъ разительнымъ свидѣтельствамъ о Гераклитовомъ ученіи, признать различіе между ними несущественнымъ; но за то вода остается твердо за Фалесомъ, и говоря о древнѣйшихъ іонійцахъ, онъ выражается между прочимъ такъ: «они отправлялись отъ того мнѣнія, что одна какая либо изъ четырехъ стихій послужила для образованія міра, мнѣніе весьма близкаго къ грубой физикѣ. Но когда они доискивались основаній, почему та или другая стихія удобнѣе (*geschickter*) для образованія міра, — стихія становилась у нихъ почти только символическимъ означеніемъ чего-то совершенно другаго (вотъ откуда родилось *особое значеніе* моего критика, см. выше), и стихія, отъ которой это другое получаетъ свое имя, представлялось имъ уже какъ производное явленіе силы, образующей міръ.» Не имѣемъ нужды разбирать, основательно ли такое воззрѣніе, представляющее мыслителей сначала преданными грубой физикѣ, а потомъ при дальнѣйшихъ изысканіяхъ открывающими нѣчто другое; дѣло, однакожь, остается все при тѣхъ же стихіяхъ, а это нѣчто другое, является лишь какъ таинственный *x*. Правда, у Риттера мы читаемъ слѣдующія слова, приводимыя моимъ критикомъ: «Что Гераклитъ первое основаніе всѣхъ вещей называлъ огнемъ, въ этомъ еще не заключается большаго различія между его ученіемъ и рассмотрѣнными выше». Посмотримъ же въ чемъ заключается большое различіе между ними. «Есть другой пунктъ въ системѣ Гераклита, совершенно выводящій его изъ ряду прочихъ «Іонійцевъ. Эти послѣдніе имѣли въ своихъ изысканіяхъ цѣлю найдти основу отдѣльныхъ явленій и силъ природы, которыхъ самостоятельность предполагалась; Гераклитъ же, напротивъ, не заботясь объ этомъ предположеніи, искалъ только уловить понятіе высочайшей и совершеннѣйшей жизненной силы, которая оказываетъ и открываетъ «себя во всѣхъ явленіяхъ». Это мѣсто можетъ служить образчикомъ

мыслительности нашего историка, а между тѣмъ оно хорошо сходитъ съ рукъ и читается безъ запятки. Но пойдемъ далѣе. «Почему Гераклитъ первую основу всякаго явленія, представляя ее себѣ физически, находилъ въ огнѣ (слѣдовательно Гераклитъ все таки находилъ эту основу въ огнѣ!), объясняется очень просто изъ подвижности огня, которая могла означать (слѣдовательно могла и не означать) для него чистую жизнь и движеніе въ ихъ сущности. Не видно, чтобы Гераклитъ старался доказывать предположеніе объ огнѣ какъ основѣ вещей, между тѣмъ какъ прочіе Іонійцы *тщательно искали доказать свое ученіе объ основной стихіи*. — «*Неневпроятно*, продолжаетъ Риттеръ, что огонь, какъ основу всѣхъ явленій, Гераклитъ представлялъ себѣ совершенно иначе, нежели ту стихію, которую мы зовемъ огнемъ, и которая принадлежитъ лишь къ явленіямъ. Если это такъ, то онъ, конечно, болѣе прочіхъ Іонійцевъ сознавалъ, что фигурально выражался о первичной сущности. Это согласовалось бы съ обычнымъ ему фигуральнымъ способомъ выраженія. Соображая все это, мы по неволѣ придаемъ *нѣкоторое въпроятіе* той догадкѣ, что Гераклитъ въ своемъ ученіи о первичной сущности довольствовался тою идеею, что въ основаніи всѣхъ явленій природы должна находиться всеобщая и совершенная жизнь и что эта жизнь преимущественно открывается въ жизни огня и разумной душѣ, которую почитаетъ онъ равною огню; въ другихъ же явленіяхъ, хотя тоже есть совершенная жизнь, но не такъ явственно выступаетъ». Дѣльны или нѣтъ всѣ эти соображенія и догадки Риттера объ ученіи Гераклита; что такое эта совершенная жизнь, находящаяся въ основѣ всѣхъ явленій, символически именуемая огнемъ и преимущественно открывающаяся въ жизни огня, и какъ все это относится къ выразительному ученію эфесскаго мудреца, что все живетъ смертію первичнаго огня, который называется у него еще душою, и что всѣ вещи является замѣною этого невестественнаго начала, въ нихъ умершаго? Эти и подобные вопросы оставляемъ мы въ сторонѣ. Такъ или иначе разнится Гераклитъ, по воззрѣнію Риттера, отъ прочіхъ Іонійцевъ, — очевидно однако существенное различіе между этимъ воззрѣніемъ и другимъ, которое изложено въ моихъ Очеркахъ, и также очевидно, что я, съ моей точки зрѣнія, имѣлъ полное право высказать то замѣчаніе, которое послужило для моего критика камнемъ преткновенія. Читатели повѣрятъ мнѣ теперь на-слово, что оно можетъ относиться и ко всѣмъ прочимъ исторіямъ древней философіи: дальнѣйшія выписки растянули бы статью мою далеко за предѣлы.

Перейдемъ теперь къ другимъ обвинительнымъ пунктамъ.

«Въ *Очеркахъ* (говорить мой рецензетъ) встрѣчается не мало «другихъ мѣстъ, допущенныхъ, думаемъ, по неосторожности, которыя однакожь могутъ дать поводъ подозрѣвать автора въ неуваженіи ко всѣмъ другимъ изслѣдователямъ древней греческой философіи и въ притязаніяхъ на новостъ взгляда и догматическую рѣшительность приговоровъ.» Но что ему за дѣло, оказываю я или нѣтъ уваженіе кому бы то ни было? Что за страшная критика, которая, оставляя въ сторонѣ разбираемое сочиненіе, хлопочетъ прежде всего о томъ — оказываетъ или не оказываетъ авторъ уваженіе къ другимъ? Критикъ прежде всего долженъ былъ бы войти въ разсмотрѣніе особенностей разбираемаго сочиненія, и лишь потомъ, и при случаѣ, указывать на отношенія его къ другимъ сочиненіямъ по тому же предмету. Но дѣлать нечего, послѣдуемъ за нашимъ критикомъ. Въ доказательство вышеприведенныхъ словъ своихъ, критикъ выписываетъ изъ моего сочиненія то мѣсто, гдѣ говорится объ ограниченности мышленія, которое не можетъ выйдти изъ круга привычныхъ понятій, чтобы вникнуть въ смыслъ философскихъ идей. Всякій школьникъ (сказано въ этомъ мѣстѣ) готовъ издѣваться надъ древними невѣждами, которые толкуютъ объ огнѣ какъ о какой-то силѣ, о чемъ-то само по себѣ существующемъ, тогда какъ огонь есть только феноменъ горѣнія.— Это очень прогнѣвило моего критика. Къ чему, говоритъ онъ, опровергать мнѣнія школьниковъ? Мало ли что они думаютъ и говорятъ? Наукъ какое дѣло до нихъ толковъ? Глубокомысленный и правдивый критикъ мой не догадывался, выставляя эти вопросы, что школьники о такихъ предметахъ, какъ системы древнихъ философовъ, сами собою ничего не выдумываютъ, и если что-либо говорятъ объ нихъ, то со словъ другихъ. Опроверженіе подобныхъ толковъ есть дѣло гораздо бѣльшей важности, нежели какъ представляетъ себѣ г. N. Можно ли утверждать, что подобныхъ мнѣній не ходитъ въ сферѣ общаго образованія? Разверните любое сочиненіе по физическимъ наукамъ, въ которомъ сообщаются историческія свѣдѣнія о томъ, какъ въ различныя времена были понимаемы предметы этихъ наукъ, и при этомъ говорится о древнѣйшихъ греческихъ мыслителяхъ,—и вы убѣдитесь, что подобныя мнѣнія дѣйствительно существуютъ, и если ужъ школьники повторяютъ ихъ, то значить, что мнѣнія эти пользуются всею силою авторитета въ общемъ образованіи. Ученые по части естественныхъ наукъ, какъ учителя, такъ и школьники, не виноваты въ томъ, что повторяютъ ошибочныя мнѣнія; виноваты же ученые, занимающіеся спеціально тѣми предметами, къ которымъ эти мнѣнія относятся, и не искоренив-

шіе ихъ. Сію минуту привели мы изъ книги Риттера сужденіе его объ огнѣ Гераклита: «*Не невпроятно*, говоритъ онъ, что огонь, какъ основа явленій у Гераклита, не есть та стихія, которую мы зовемъ огнемъ».—Что извлекутъ себѣ читатели изъ этого *не невпроятно*, а также и изъ той «совершенной жизни, которая находитъ себѣ лучшее выраженіе въ жизни огня (уже стихійнаго)», какъ это значится у того же историка. Нѣсколько ниже увидимъ мы, что одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, именно Целлеръ прямо называетъ предметы мышленія древнѣйшихъ философовъ чувственными. По-дождемъ, не скажетъ ли того же самаго и г. N, изслѣдователь еще болѣе новый. — Критикъ мой возвращается послѣ не разъ къ этому совершенно невинному выраженію «школьничи»; очень горячится по этому поводу, придаетъ этому слову какую-то особенную важность; подумаешь, что онъ принимаетъ это слово за личное для себя оскорбленіе: можемъ увѣрить его, что слово это не только ни къ кому не относится, но и употреблено безъ всякаго обиднаго смысла для школьниковъ вообще. Дѣльный школьникъ, даже и тогда, когда повторяетъ утвердившіяся въ наукѣ ошибочныя мнѣнія, за которыя не лежитъ на немъ отвѣтственность, гораздо предпочтительнѣе и достойнѣе уваженія, чѣмъ челоуѣкъ, берущійся учить другихъ, смысла дѣло менѣе всякаго порядочнаго школьника.

Во всякомъ случаѣ, какое же однако въ этомъ замѣчаніи о школьникахъ высказано неуваженіе ко всемъ другимъ изслѣдователямъ древней философіи? Ужь не думаетъ ли проницательный г. N, что я подъ этимъ словомъ разумѣлъ историковъ философіи? Дѣйствительно, онъ ввертываетъ въ скобкахъ нѣсколько коварныхъ намековъ въ этомъ смыслѣ. Но какъ онъ не подумалъ, что мнѣ не было никакой нужды прибѣгать къ такимъ страннымъ околнностямъ для того, чтобы сказать что-нибудь противъ историковъ?

Вслѣдъ за этимъ критикъ мой говоритъ: «Но въ другомъ смѣстѣ, къ удивленію своему, встрѣчаемъ еще болѣе странную выходку уже не противъ школьниковъ, а противъ изслѣдователей «философіи». Наконецъ-то! Но зачѣмъ же было и не начать прямо съ этой выходки? Въ этой выходкѣ сказано у меня: Знакомому съ литературою исторіи философіи извѣстно, что не рѣдко провозглашали Пифагора и его послѣдователей за ученыхъ, которые съ успѣхомъ разрабатывали науки математическія и астрономію. Это положеніе развито у меня съ нѣкоторымъ комическимъ оттенкомъ, но впрочемъ такъ, что еслибъ снять этотъ оттънокъ, къ которому авторъ прибѣгъ съ умысломъ, и сказать тоже самое въ вы-

раженіяхъ нѣсколько измѣненныхъ, то весьма многіе, и въ томъ числѣ можетъ быть и самъ критикъ, охотно бы признали это мнѣніе за свое собственное. Авторъ Очерковъ, приводя это мнѣніе съ полемическою цѣлію, имѣлъ въ виду выставить всю скрытую въ немъ нелѣпость; онъ высказывалъ его не отъ себя, а потому, естественно, тономъ несерьезнымъ. Критикъ же нашъ, выписавъ слова мои, восклицаетъ: «Почему г. Катковъ не указалъ, гдѣ онъ нашелъ «такое сужденіе о пифагорейцахъ? По-крайней-мѣрѣ изъ новѣйшихъ «историковъ философіи (а противъ старыхъ оставленныхъ мнѣній пусть «ратуютъ школьники) никто и никогда не говорилъ о нихъ такъ поло- «жительно-глупо, какъ представляетъ это г. Катковъ. Зачѣмъ же въ «кученомъ разсужденіи давать столько мѣста своему воображенію и «костроумію? Развѣ только для собственнаго упражненія въ діалек- «тическомъ искусствѣ или для того, чтобъ показать, какъ легко «можно бы опровергнуть это нелѣпое мнѣніе, если бы таковое «дѣйствительно нашлось гдѣ-либо?»

Но что ему дались эти новѣйшіе историки? Не сказано ли у меня просто и даже въ прошедшемъ времени: *знакомому съ литературою исторіи философіи извѣстно — не рѣдко про-возглашали?* Винавать ли, я, что критикъ мой не знакомъ съ этою литературою? Онъ не рѣшился сказать прямо, что подобное мнѣніе не высказывалось вовсе: въ самомъ дѣлѣ, почему знать, можетъ быть, кто-нибудь и говорилъ нѣчто подобное, и потому не худо было оговориться въ скобкахъ, что противъ старыхъ, оставленныхъ мнѣній, ратуютъ школьники. Жаль только, что г. N не смѣкнулъ при этомъ, что добаться до старыхъ оставленныхъ мнѣній менѣ всего могутъ школьники. Чтобы знать мнѣнія, уже не существующія, надобна болѣе или менѣ обширная ученость, а эти господа могутъ ратовать только противъ того, что у нихъ передъ глазами, хотя бы то было нѣчто совершенно недоступное для ихъ мышленія.

И такъ г. N думаетъ, что мнѣніе о пифагорейцахъ, высказанное мною иронически, есть чистая выдумка. Но что если мы, хотя бы для упражненія въ діалектикѣ, докажемъ ему, что, онъ самъ, такъ рѣзко заклеившій это бѣдное мнѣніе, въ сущности раздѣляетъ его?

Дѣло въ дѣлѣ, а не въ словахъ. Одну и ту же мысль можно выразить различнымъ образомъ: подробно и сжато, положительнымъ или ироническимъ тономъ. Въ чемъ состоитъ сущность этого мнѣнія о пифагорейцахъ, приведеннаго мною съ ироническою цѣлію?

Въ томъ, что они составляли общество, занимавшееся разными науками: все остальное есть только развитіе этой мысли. Дадимъ этому развитію положительный тонъ: Пифагорейцы занимались математикою, астрономіею и другими науками; благодаря особому устройству своего союза и другимъ обстоятельствамъ, они во многихъ отношеніяхъ достигли результатовъ, заслуживающихъ уваженія. Пифагоръ предупредилъ Коперника, впервые провозгласивъ ту истину, что земля обращается около своей оси. Конечно, какъ эти, такъ и другія истины, въ умъ Пифагора и его учениковъ, не могли имѣть той силы и чистоты, какія приобрѣтены ими въ новѣйшее время, по возрожденіи наукъ. Пифагорейцы были дѣтьми своего времени; къ тому же ученое направленіе ихъ соединилось тѣсно съ религіознымъ, то-есть съ міеологіей и т. д. — Спрашивается, что въ этомъ мнѣніи критикъ мой нашелъ поразительнаго и неслыханнаго? Я нахожу это мнѣніе ошибочнымъ; но критикъ объявляетъ его нестерпимо-глухимъ, небывалымъ, невозможнымъ. Укажемъ оговорку, высказанную критикомъ на всякій случай въ скобкахъ, и оставимъ въ ихъ пыли мнѣнія и Мейерса, и Тидемана, и даже Теннемана; заглянемъ въ автора новѣйшаго, особенно любимаго и защищаемаго критикомъ.

«Союзъ пифагорейцевъ (говорить Риттеръ, т. I, стр. 367. Изд. 1836 года) созрѣлъ до самостоятельнаго ученаго (или если, угодно наукообразнаго, wissenschaftlichen) развитія. Къ какимъ предметамъ относилось это развитіе, уже замѣчено выше, когда шла рѣчь о познаніяхъ Пифагора. Главною связующею нитью было религіозное настроеніе; главные же предметы ученыхъ занятій были математика и музыка, которые такъ переплелись (*verzweigten sich*) съ цѣлымъ ихъ воззрѣніемъ на науку, что не безъ основанія можно сказать, что математикою и музыкаю связуется все ихъ ученіе. «Что въ религіозному настроенію, коль скоро оцвѣтаетъ съ наукообразнымъ стремленіемъ, примыкаютъ и философскія изысканія,— это весьма естественно, а потому мы можемъ предполагать уже въ самомъ Пифагорѣ нѣкоторое философское развитіе». — (Стр. 376). «Значительное вліяніе ихъ (пифагорейцевъ) на жизнь и науку ихъ времени явствуетъ особенно изъ того, что рассказывается намъ объ Архитѣ. Какъ темна ихъ исторія, видно изъ того, что объ этомъ знаменитомъ государственномъ мужѣ и ученомъ нельзя сказать ничего связнаго.... При своихъ домашнихъ и общественныхъ занятіяхъ онъ находилъ время для важныхъ ученыхъ открытій и для писанія многихъ сочиненій. Открытія его касаются особенно математики и соединенныхъ съ нею наукъ. Онъ занимался не только

«теоретическою, но также и практической механикою, и открытія, сдѣланныя имъ въ этой наукѣ, заставляютъ догадываться о великомъ преуспѣяніи оной. Сверхъ того онъ писалъ о земледѣліи.»

Вотъ вамъ пифагорейцы, составляющіе цѣлый физико-математическій факультетъ! Неужели и мнѣніе Риттера, «почтеннаго» Риттера, рѣшится заклеить г. N. названіемъ *нестерпимо-глухаго*. А между тѣмъ оно совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что было сказано мною въ ироническомъ тонѣ. Такой-то вы защитникъ г. N! Бѣдный геттингенскій профессоръ! какъ должна быть пріятна ему эта услуга! Но увѣ! мы сильно опасаемся, чтобы нашъ критикъ горяча не зашибъ и себя своимъ булыжникомъ.

Вопросъ состоитъ въ томъ: допускаете ли вы, что пифагорейцы занимались различными науками, какъ-то: математикой, механикой и т. д.? Коль скоро вы это допускаете, то этимъ самымъ допускаете и все прочее, что высказано иронически въ Очеркахъ и положительно у Риттера. Составляя одно общество, и занимаясь науками, они, разумѣется, сообщали другъ другу результаты своихъ изученій, свои наблюденія и открытія; естественно, что при добросовѣстности и отчетливости своихъ занятій, они могли достигать весьма уважительныхъ результатовъ, каково, на примѣръ, ученіе о вращеніи земли около оси; но естественно также и то, что въ то отдаленное, младенчествующее время, здравомысленныя понятія соединялись у нихъ съ разными мифологическими представленіями; и наши ученые общества, подвизаясь на пользу наукъ, не могутъ похвалиться окончательнымъ совершенствомъ своихъ познаній, и у нихъ истинное иногда по необходимости бываетъ смѣшано съ ложнымъ, здравыя понятія съ предрасудками времени.

Если бы г. N былъ нѣсколько посильнѣе въ діалектическомъ искусствѣ и могъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, то онъ бы поостерегся такъ рѣзко отзываться о мнѣніи, будто бы выдуманномъ мною. Я съ этимъ мнѣніемъ не согласенъ, но не не браню его, а только вывожу все, что въ немъ содержится; критикъ же мой ругаетъ его, не сообразивъ того, что оно можетъ послужить зеркаломъ и для него самого.

Въ слѣдъ за выписанными выше энергическими вопрошеніями, критикъ самъ продолжаетъ: «Считая дѣйствительно нужнымъ раскрыть нелѣпость этого мнѣнія, г. Катковъ, между прочимъ, говоритъ: *Мы убѣждены, что пифагорейцы не могли заниматься математикою, по той весьма уважительной причинѣ, что математика, какъ особая, наука, извѣстная намъ подъ этимъ именемъ, въ ихъ время вовсе не существовала.* Поздравляемъ

гг. Каткова съ этимъ убѣжденіемъ. Но въ настоящемъ случаѣ оно «не приноситъ ему никакой пользы. И философія, какъ особая наука, намъ известная подъ этимъ именемъ, во время пифагорейцевъ не существовала. Надобно ли по этому питать въ себѣ убѣжденіе, что они не могли заниматься философіей?»

Что же г. N хочетъ сказать этою патетическою выходкою? Или она не имѣетъ никакого смысла, или въ основаніи ея заключается мнѣніе, что все-таки пифагорейцы занимались разными науками, какъ-то: математикою, философіею и другими. О чемъ же хлопоталъ онъ передъ этимъ и за что же обругалъ то мнѣніе, которое въ сущности совпадаетъ съ его собственнымъ? Критикъ мой— удивительный мыслитель!

Однако, во всякомъ случаѣ, выходка г. N не имѣетъ смысла. Изъ словъ его выходитъ, что пифагорейцы занимались этими науками, а между тѣмъ онъ соглашается, что онѣ не существовали въ то время.

Г. N хотѣлъ блеснуть своею діалектикою и озадачить меня. Пифагоръ разсматривается въ исторіи философіи, — слѣдовательно, заключаетъ г. N, онъ занимался философіею, хотя она, какъ особая наука, въ то время не существовала; слѣдовательно, заключаетъ онъ далѣе, пифагорейцы могли точно также заниматься и математикою и другими науками, хотя онѣ тогда и не существовали какъ особая наука.

Если бъ г. N, отложивъ въ сторону свои притязанія на критику, съ толкомъ и основательно прочелъ мое изслѣдованіе, онъ употребилъ бы свое время съ большею для себя пользою, и не сталъ бы понапраслу утруждать вниманіе читателей. — Зачѣмъ же онъ не прочиталъ вполне того мѣста въ Очеркахъ, изъ котораго выписалъ приведенныя выше строки? Мы просимъ у читателей позволенія привести вполне это мѣсто изъ моего сочиненія. Выписка эта послужитъ къ уясненію вопроса, и дастъ новое доказательство критическихъ способностей и добросовѣстности моего рецензента:

...Замѣчательнѣе всѣми, математическій характеръ пифагорейской системы, отнюдь не есть слѣдствіе того, что пифагорейцы занимались преимущественно математикою, или даже сколько-нибудь ею занимались. Напротивъ, мы убѣждены, что они не могли ею заниматься, по той весьма уважительной причинѣ, что математика, какъ особая наука, известная намъ подъ этимъ именемъ, въ ихъ время вовсе не существовала. Какъ у пифагорейцевъ, такъ и въ другихъ системахъ древности, напримѣръ у платониковъ, математическіе элементы являются въ такихъ сочетаніяхъ, въ такой связи, въ такомъ смыслѣ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ математикою. Постараемся объясниться какъ можно

★

вразумительнѣе. Реченія одного и того же языка могутъ служить къ выраженію всевозможныхъ представленій, къ выраженію мыслей самыхъ разнородныхъ. Вотъ двѣ рѣчи, два смысла, самые разнородные: разорвите связь реченій, отъ которой зависитъ опредѣленный смыслъ, данный имъ въ рѣчи, — и вы получите неопредѣленные элементы, готовые войти въ любое сочетаніе, принять всякій смыслъ и духъ. Одно и то же слово, употребленное въ различныхъ или протавоположныхъ сочетаніяхъ, оказываетъ различную и противоположную силу. Термины математическіе, прежде чѣмъ образовалась особая наука, носящая это именованіе, не могутъ имѣть той связи, того смысла и духа, какой имѣютъ они въ этой наукѣ. Тѣ представленія, изъ которыхъ развивалась область особаго вѣдѣнія математики, существовали прежде этого вѣдѣнія, — а потому требуется чтобы критикъ, изучающій отдаленное мышленіе, смотряль на эти термины не какъ на термины изъ математики взятые; требуется, чтобы онъ умѣлъ отвѣчаться отъ того спеціальнаго значенія, отъ того духа, какой имѣютъ они въ математикѣ, какъ спеціальной наукѣ; онъ долженъ перенестись въ то созерцаніе, которое существовало прежде всякой спеціальной науки. Слово «число», или «единица», или «двоица» и т. д. употреблялось пифагорейцами совсѣмъ въ иномъ духѣ, нежели въ математикѣ, и никакъ не должно соблазняться тѣмъ, что тѣ же слова служатъ собственно математическими терминами; въ противномъ случаѣ не минуемо произойдутъ нелѣпости въ родѣ тѣхъ, какія привели мы выше для образца: математическая точка, выходящая въ себя безграничное и пустое пространство и т. п.

Если г. N прочиталъ все это мѣсто, кажется, довольно ясное, то къ чему же онъ такъ горячился и выходилъ изъ себя?— Древніе волхвователи собирали травы, видя въ нихъ присутствіе особыхъ таинственныхъ силъ: значить ли это, что они занимались ботаникою и гербаризировали? Нѣкоторые народы, повинувшись внушеніямъ дикой религіи, заколали людей и разнимали ихъ трупы: значить ли, что они занимались анатоміей? Приверженцы сабисма поклонялись звѣзднымъ силамъ и небесному круговращенію: значить ли, что они занимались астрономіей? А вѣдь очень нерѣдко въ исторіяхъ этимъ поклонникамъ сабисма, дѣйствительно, приписывается основаніе астрономіи, какъ науки, не говоря уже о Халдеяхъ, которые, безъ всякихъ околичностей, считаются астрономами, или объ египетскихъ жрецахъ. — Благодаря этимъ увеличительнымъ стекламъ, ясно ли стало моему критику, что хотѣлъ я устранить въ области той науки, которой посвящено мое изслѣдованіе?

Въ строгомъ смыслѣ нелѣпо сказать даже и то, что пифагорейцы занимались философіею, именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ было бы полезно моему критику заняться ею, если онъ вздумаетъ впредь писать критическія статьи о сочиненіяхъ, принадлежащихъ по своему предмету или характеру къ философіи. Хотя то мышленіе, которое развивалось въ первоначальный періодъ, мы называемъ философіею, но называемъ его этимъ именемъ далеко

не въ томъ значеніи, въ какомъ говоримъ въ наше время о занятіи философіею. Въ тотъ періодъ она еще только творилась, а заниматься можно лишь тѣмъ, что предлагаетъ намъ себя какъ нѣчто готовое. Всѣ направленія (сказано въ самомъ началѣ Очерковъ), всѣ роды мышленія находятся здѣсь въ первомъ непосредственномъ синтезѣ, въ этой первой философіи, гдѣ собственно философское не пришло къ своему самосознанію и не умѣло отличить себя отъ всего нефилософскаго.

Далѣе г. N упрекаетъ меня за несправедливость къ Риттеру. Г. N утверждаетъ, что я питаю какое-то непріязненное чувство къ этому ученому, — какъ будто можно питать какое-либо чувство къ человѣку, съ которымъ мы не находились ни въ какихъ практическихъ отношеніяхъ. Если я не соглашаюсь съ воззрѣніями Риттера, то тутъ еще нѣтъ никакого непріязненнаго чувства; позволяю себѣ думать, что и г. N писалъ свою критику на мою книгу безъ всякаго непріязненнаго чувства ко мнѣ лично.

Въ томъ самомъ мѣстѣ моего сочиненія, гдѣ идетъ рѣчь о пифагорейцахъ, я выписалъ изъ Риттера нѣсколько строкъ, казавшихся мнѣ лучшимъ образчикомъ той неправильности въ воззрѣніи на предметъ, которую я хотѣлъ по силамъ устранить въ своемъ изслѣдованіи. Напрасно г. N старается заподозрить меня во мнѣніи читателей, будто бы я искажалъ мысли Риттера. «Читателямъ не жѣшаетъ знать (говоритъ онъ), что г. Катковъ, приводя слова Риттера, пропускаетъ многія мѣста, весьма нужныя для разумѣнія его рѣчи». Это совершенная неправда, и г. N, теперь, когда, вѣроятно, уже прошелъ пароксизмъ его горячки, самъ устыдится этой клеветы. Какъ въ этой, такъ и во всѣхъ прочихъ выпискахъ, я поступалъ вполне добросовѣстно. Я выбралъ у Риттера изъ главы о пифагорейскомъ ученіи, то, что относится къ странному смѣшенію математическихъ и метафизическихъ представленій. Я не имѣлъ цѣлю знакомить моихъ читателей съ цѣлою этою главою; мнѣ было нужно одно мѣсто въ ней, и это мѣсто передалъ я со всею добросовѣстностію, не позволяя себѣ искаженія ни въ одномъ словѣ. Если это мѣсто вышло не красиво, то вина не моя.

Но что же сдѣлалъ мой критикъ? Онъ объявляетъ читателямъ, что хочетъ предоставить Риттера и меня ихъ собственному суду. «Г. Катковъ (говоритъ критикъ) даетъ намъ случай привести его собственное толкованіе этой философіи, дабы читатели могли сравнить одно съ другимъ и судить объ относительномъ достоинствѣ каждаго изъ нихъ. Приведемъ прежде слова Риттера, какъ они передавы авторомъ Очерковъ».

И какъ вы думаете, — приводитъ все то, что я выписалъ изъ Риттера?—Итъ: то, что въ этой выпискѣ было особенно рѣзкаго, онъ выпустилъ, и оставилъ лишь нѣсколько дополнительныхъ строкъ, къ которымъ присовокупилъ еще нѣсколько строкъ, имъ самимъ переведенныхъ и не относящихся къ тому предмету, для поясненія котораго была сдѣлана мною эта выписка.

За тѣмъ критикъ говоритъ: «Теперь соберемъ всѣ черты, которыми г. Катковъ характеризуетъ пифагорейское ученіе, — соберемъ потому, что у самого автора онъ, вслѣдствіе страннаго изложенія Очерковъ, разбросаны по разнымъ мѣстамъ».

А по заключеніи этой выписки, онъ снова обращается къ читателямъ съ слѣдующими словами: «Мы выписали все, что сказано въ Очеркахъ о пифагорейской философіи: выписка очень длинна; но пусть никто не говоритъ, что мы скрываемъ мысли г. Каткова, какъ онъ скрываетъ мысли поносимыхъ (!) имъ историковъ философіи, и пусть читатели видятъ, что мы старались облегчить для нихъ трудъ разумнѣя всѣхъ его понятій о пифагорейской школѣ».

Не правда ли какъ все это звучитъ справедливою и добросовѣстною? Кто изъ читателей станетъ повѣрять дѣйствительно ли такъ поступилъ критикъ, какъ самъ онъ говоритъ? Дѣло сдѣлано, и критикъ доволенъ.

Но какъ ни низко наше мнѣніе о его способностяхъ въ дѣлѣ, за которое онъ такъ опрометчиво взялся, — мы все же думаемъ, что въ спокойную минуту онъ и самъ не одобритъ своего поступка, когда пойметъ все его значеніе.

Если г. Н хотѣлъ ознакомить читателей съ понятіями моими о пифагорейскомъ ученіи, то зачѣмъ же было ему утруждать себя перелистываніемъ моей книги, и выбирать эти понятія изъ разныхъ мѣстъ, когда въ Очеркахъ есть особое мѣсто, собственно посвященное пифагорейскому ученію? Не лучше ли бѣ было выписать все это мѣсто? Не ясно ли, что понятія мои объ этомъ предметѣ тамъ только и могутъ находиться, гдѣ собственно объ этомъ предметѣ говорится? Въ другихъ мѣстахъ моего сочиненія, правда, тоже упоминается о пифагорейцахъ и приводятся пифагорейскія изреченія но не съ тою цѣлію, чтобы истолковать значеніе ихъ системы, а для того, чтобы посредствомъ этихъ изреченій, въ связи со множествомъ другихъ данныхъ, развить общую систему, которая не была исключительно принадлежностію пифагорейцевъ, а, по моему предположенію, находилась въ основѣ всѣхъ представленій; съ этою цѣлію я пользовался не одними собственно философскими данными,

но и еологическими, орфическими и даже мнѳологическими. Г. N, чтобъ ознакомить читателей съ моими понятіями о пифагорейскомъ мышленіи, выхватываетъ все, что при перелистываніи случайно попадалось ему на глаза съ именемъ пифагорейцевъ. Весьма часто онъ не давалъ себѣ даже труда дописывать до полнаго смысла выхваченныя имъ строки и отдѣльныя фразы. Этого мало: вмѣстѣ съ моими словами, онъ смѣшалъ въ одну кашу изреченія самихъ мыслителей, приводимыя въ разныхъ мѣстахъ и въ разнообразной связи. Эти отрывочныя мѣста, лишеныя всякаго смысла, вырванныя изъ связи, относящіяся къ разнымъ предметамъ, онъ сблизилъ вмѣстѣ подъ видомъ моихъ понятій о пифагорейской школѣ. Наконецъ и этого мало: онъ позволилъ себѣ просто искажать мои слова, давать имъ противоположный смыслъ, или лучше, лишать ихъ всякаго смысла, и вопросительнымъ знакомъ, поставленнымъ въ скобкахъ, выражать свое удивленіе нелѣпнцѣ, полученной такою честною операціей.

У меня сказано (Очерк., стр. 90): «Здѣсь высказывается *противоположность безграничнаго и опредѣляющаго, какъ противоположность абсолютная*». Въ выпискѣ же критика моего слова эти читаются такъ: «Здѣсь высказывается *противоположность безграничнаго, но опредѣляющаго, какъ противоположность абсолютная*», и для означенія нелѣпности этихъ словъ поставлено (?). — Къ чему подобная продѣлка? И съ какимъ духомъ, г. N, отправляясь на убійство чужихъ мыслей, за минуту предъ тѣмъ, укорялъ меня за мнимое искаженіе мысли Риттера, которая, напротивъ, передана мною во всей полнотѣ, со всею бережностію и добросовѣстностію, что призналъ бы и самъ Риттеръ, еслибъ его поставить судьей дѣла.

Есть всему мѣра; но этотъ поступокъ моего критика выходитъ за предѣлы всѣхъ приличій....

Вся эта несчастная выписка изъ моего сочиненія испещрена вопросительными и восклицательными знаками, замѣчаніями въ скобкахъ и подъ текстомъ; а изъ собственной характеристики пифагорейскаго ученія, приведенной въ безобразныхъ клочкахъ, выпущены главнѣйшія черты, въ которыхъ заключительно сосредоточивается весь смыслъ этого ученія. — Но довольно объ этомъ. Добросовѣстные читатели, безъ сомнѣнія, при видѣ этой выписки и сами догадались, какъ она сдѣлана критикомъ.

Казнивъ меня такимъ образомъ, г. N снова обращается къ рецензенту Отечественныхъ Записокъ, и пускается въ продолжительные счеты съ нимъ. Но мало по малу переходитъ онъ ко мнѣ, съ тѣмъ чтобы окончателно сосредоточить на мнѣ свои удары.

Желая показать особенности моего труда, упомянутый рецензентъ замѣтилъ, что другіе изслѣдователи древнѣйшей греческой философіи «не поняли, что она была философіею природы», и что будто я первый доказалъ это несомнѣнно. Это легкомысленное замѣчаніе, къ которому я не подавалъ ни малѣйшаго повода, послужило г-ну N основаніемъ для осужденія меня. Привязавшись къ этимъ похвальнымъ словамъ о моемъ трудѣ, которыя для меня нисколько не лучше порицаній, потому что обнаруживаютъ почти такое же неразумнѣе дѣла, какъ и выходка г-на N, сей послѣдній пускается въ длинныя разсужденія о томъ, что честь открытія философіи природы вовсе не принадлежитъ мнѣ. Сначала, впрочемъ, онъ какъ будто не хочетъ подвергать меня отвѣтственности за присвоеніе мнѣ этой чести; дѣйствительно, онъ находитъ въ моемъ же сочиненіи мѣста, изъ которыхъ видно, что еще древніе писатели обозначали характеръ перваго періода греческой философіи однимъ общимъ именемъ физиологическаго. Изъ Теннемана и Риттера выписываетъ по нѣскольку строкъ для доказательства, что и новѣйшіе историки того же мнѣнія.

«Но, говоритъ онъ, опредѣляя общій духъ начальнаго періода «греческой философіи согласно съ поименованными и другими новѣйшими историками философіи, г. Катковъ расходится со многими «изъ нихъ въ понятіяхъ о видовыхъ характеристическихъ отличіяхъ «школъ и о частномъ направленіи отдѣльныхъ мыслителей этого «періода».

Главнѣйшее различіе, усмотрѣнное критикомъ между моимъ воззрѣніемъ и воззрѣніемъ, принятымъ болѣею частію историковъ, состоитъ въ томъ, что я будто бы называю *всѣхъ мыслителей, отъ Далеса до Анаксагора включительно, физиологами въ строгомъ смыслѣ*; тогда какъ, замѣчаетъ критикъ, по общепринятому воззрѣнію только іонійская школа занималась собственно и исключительно изслѣдованіемъ физиологическаго или космологическаго процесса природы; школа пифагорейская подчиняетъ эти изслѣдованія частію опредѣленіямъ математическимъ, а частію нравственному міросозерцанію; въ мышленіи элеатовъ философія стремится возвыситься надъ прежними опредѣленіями бытія и обнять начало сущаго въ формѣ чистой мысли,—почему въ этой школѣ находятъ первыя скудныя опыты логическихъ и діалектическихъ изслѣдованій, первыя начатки идеалистической метафизики. Такъ опредѣляютъ (продолжаетъ г. N) характеристическія особенности древнѣйшихъ школъ Греціи Теннеманъ, Астъ, Рикснеръ, Браунсъ, Гегель, Германъ и въ особенности Зигвартъ, Риттеръ, Шлейермахеръ и Брандисъ.

И такъ мнѣ принадлежитъ по крайней мѣрѣ та слава, что я первый назвалъ всѣхъ мыслителей, отъ Фалеса до Анаксагора включительно, физиологами въ строгомъ смыслѣ. Увы! жестокой критикъ отнимаетъ у меня и эту славу.

« Это воззрѣніе на мыслителей начальнаго періода греческой философіи принадлежитъ ли собственно г. Каткову? Онъ ли первый высказалъ его, вопреки мнѣнію всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей этого періода? Впрочемъ, истина заставляетъ насъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Еще въ 1844-мъ году, въ Тингентѣ, вышла книга подъ заглавіемъ: *Философія Грековъ*, въ которой сочинитель, Эдуардъ Целлеръ, раскрылъ тѣ же самыя понятія о значеніи физиологическаго процесса въ досократической философіи, какихъ держится и г. Катковъ,—и раскрылъ, надобно сказать правду, короче, но яснѣе и съ большею основательностію, нежели какъ это мы видимъ у автора Очерковъ. Мы полагаемъ, что г. Катковъ долженъ былъ указать на трудъ Целлера, потому что въ глазахъ людей, знающихъ дѣло, говоря пословицею: *шла въ мышь не утаишь*, да и не для чего таить, а не знающіе безъ этого указанія могутъ ошибочно принять взглядъ автора Очерковъ за новый, прежде неизвѣстный въ историко-философской литературѣ. »

Этою выходкою г. Н. достойно увѣнчиваетъ свою критику, и блистательно доказываетъ, какъ повидно, онъ разбираемое сочиненіе и какъ основательно изучалъ прочія сочиненія по тому же предмету. Онъ обвиняетъ меня въ похищеніи у Целлера его воззрѣнія, тогда какъ я совершенно чуждъ этому воззрѣнію, и расхожусь съ Целлеромъ въ сущности, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ изъ историковъ древнѣйшей греческой философіи.

Никогда не называлъ я древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, отъ Фалеса до Анаксагора включительно, физиологами въ строгомъ смыслѣ. Самое развитіе древнѣйшей философіи начинается у меня не съ Фалеса, какъ знаетъ и критикъ мой, и оканчивается не Анаксагоромъ. Физиологами я называю ихъ, не придавая никакого исключительнаго смысла этому слову; оно завѣщано древностію, и даже не совсѣмъ вѣрно выражаетъ мысль, принятую мною за основаніе. Но мысль эта для всякаго, читавшаго съ толкомъ мое сочиненіе, не могла оставаться сомнительною и неясною. Я могъ бы избѣжать названія физиологовъ, и вовсе не упоминать о философіи природы,—и мысль моя отъ этого не потеряла бы ничего, а можетъ быть еще выиграла бы.

Целлеръ, разбирая мнѣнія другихъ историковъ, находитъ, что не должно, какъ думаютъ нѣкоторые (*), видѣть въ іонійцахъ, пифагорейцахъ и элеатахъ одностороннихъ представителей физики, этики и діалектики, равно какъ не должно, подобно Бранису, проводить въ этихъ древнихъ школахъ различіе дорійскаго, или италійскаго, и іонійскаго характера. Отвергая эти воззрѣнія, Целлеръ въ объясненіи и послѣдованіи системъ держится однако такъ близко Гегеля, что между его воззрѣніемъ и воззрѣніемъ этого философа нѣтъ никакого существеннаго различія. А по словамъ моего критика выходитъ, будто бы въ 1844 году, въ Тюбингенѣ, Эдуардомъ Целлеромъ высказана была, вопреки мнѣнію всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей, и въ томъ числѣ Гегеля, мысль объ относительномъ значеніи древнѣйшихъ системъ, и будто я, воспользовавшись этою тюбингенскою мыслию, и въ тихомолку основалъ на ней свое изслѣдованіе. Повторяю, между воззрѣніемъ Гегеля и воззрѣніемъ Целлера на древнѣйшія системы нѣтъ никакого существеннаго различія,—въ чемъ соглашается и самъ Целлеръ: онъ лишь развиваетъ, пополняетъ и досказываетъ Гегелево воззрѣніе; такъ ужъ лучше бы отправить меня за похищеніемъ мысли къ Гегелю, лекціи котораго объ исторіи философіи вышли слишкомъ десятью годами прежде книги Целлера. — Впрочемъ, читателямъ уже достаточно извѣстно, какъ основательно изучалъ мой критикъ «великіе и многоплоднѣйшіе труды» новѣйшихъ изслѣдователей древнѣйшей философіи, и новое доказательство его свѣдѣній по этой части не удивитъ ихъ. Считаю однако нужнымъ сказать кое-что въ поясненіе этого пункта.

Г. N, перелистывая книгу Целлера, которую онъ видно также хорошо понималъ, какъ и мою, встрѣтилъ тамъ выраженіе—философія природы; это же выраженіе встрѣчено было имъ разъ и въ моемъ сочиненіи: изъ этихъ двухъ встрѣчъ онъ составилъ свой выводъ о тождествѣ моего воззрѣнія съ воззрѣніемъ Целлера. Съ торжествомъ провозгласилъ онъ этотъ выводъ, и обвиняя меня въ плагиатъ, съ достоинствомъ замѣтилъ, что шила въ мѣшкѣ отъ людей знающихъ не утаишь.

Целлеръ, отвергая различеніе древнихъ школъ на основаніи дѣленія философскихъ наукъ (физики, правоученія и діалектики), впалъ въ противоположную крайность, и рѣзко обозначилъ всю древнѣйшую

(*) Не вся, какъ вообразилъ себя г. N, выписавъ цѣлый рядъ именъ, изъ коихъ навѣрное большая часть—для него пустые звуки. Бранисъ, Астъ, а также и Гегель, вовсе не такъ толкуютъ о различіи древнихъ школъ, какъ Шлейермахеръ и Риттеръ.

Философію, какъ исключительную физику, или философію природы. Что же касается до моего воззрѣнія, то съ одной стороны, не допуская въ этомъ періодѣ никакой возможности раздѣльных частныхъ знаній, я, съ другой стороны, отнюдь не могъ полагать, чтобы древнѣйшая философія была однимъ изъ числа такихъ раздѣльныхъ знаній. Именно въ строгомъ-то смыслѣ и нельзя назвать эту древнѣйшую философію, философіею природы. Если въ самомъ началѣ моего сочиненія, въ первой части его, я употребилъ выраженіе «философія природы», то, какъ тутъ же видно, а еще болѣе видно во второй части, совсѣмъ не въ такомъ исключительномъ смыслѣ, какъ оно употреблено у Целлера, и даже вовсе не въ томъ смыслѣ. Приступая къ разсмотрѣнію древнѣйшаго періода греческой философіи, я долженъ былъ обратить вниманіе на названіе физиковъ и физиологовъ, которымъ еще въ древности обозначались мыслители, (и преимущественно нѣкоторые изъ нихъ, именно такъ называемые іонійцы), и старался объяснить это названіе. Я хотѣлъ показать не то, что древняя философія была физикою, а собственно то, что «древняя физика должна быть разсматриваема, какъ философія, изучаема и судима съ философской точки зрѣнія.» При этомъ я нашелъ нужнымъ указать на то значеніе, какое должно быть соединяемо съ словомъ природа, когда хотимъ передавать имъ греческое *φύσις*, которое происходя котъ глагола *φύσιν*, родственнаго этимологически съ нашимъ быть, собственно означаетъ процессъ происхожденія и почти равносильно слову *γένεσις*.» Сверхъ того, высказывая эти замѣчанія, я вовсе не находилъ, чтобы это, такъ называемое физиологическое мышленіе исключительно наполняло тотъ періодъ. «Отчасти прежде и отчасти рядомъ съ физиологіею (сказано у меня въ слѣдъ за приведеннымъ выше замѣчаніемъ о понятіи природы, въ смыслѣ греческомъ *φύσις*), существовалъ особый родъ мышленія, который Греки называли теологіею.» Это теологическое мышленіе указывается мною у многихъ мыслителей, у пифагорейцевъ, у Гераклита.

Но въ первой части моего изслѣдованія рѣчь идетъ о характеристикѣ мыслителей, а не мышленія. Разсмотрѣнію внутренняго развитія системъ посвящена вторая часть моего сочиненія. Здѣсь для всякаго добросовѣстнаго и разумющаго читателя не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія касательно смысла, въ какомъ употребляется у меня названіе физиологовъ и физиологическаго мышленія. Г. Н., въ подтвержденіе своего обвиненія, будто бы всѣхъ мыслителей отъ Фалеса до Анаксагора назвалъ я физиологами въ строгомъ смыслѣ, и именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣть

этих мыслителей Целлеръ, имѣлъ духъ выписать нѣсколько выражений изъ той самой страницы, которая уже одна могла бы показать ему, что между *Очерками* и *Философією Грековъ* Целлера въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего общаго. При большей добросовѣстности и большей понятливости, г. Н не могъ бы не увидѣть здѣсь причины, почему я удерживаю это старинное названіе физиологовъ, и какъ мало совпадаетъ оно не только съ тѣмъ спеціальнымъ значеніемъ, какое принадлежитъ этому слову въ нашемъ естествознаніи, но и съ значеніемъ философіи природы, какое имѣетъ это слово у историковъ философіи и въ томъ числѣ у Целлера. «Мы удержимъ (сказано въ «Очеркахъ» на стр. 63) за этимъ процессомъ названіе, которымъ онъ характеризуется въ самыхъ системахъ и вообще въ древности, названіе физиологическаго и физическаго (*). Мы можемъ назвать его также космогоническимъ, не дѣлая строгаго различія между нимъ и геогоническимъ, который развивался въ мифологическомъ сознаніи древняго человѣчества.»

Слово физическій и физиологическій, какъ объясняется на этой же страницѣ далѣе, употребляется для предупрежденія какихъ-нибудь претыканій и ложныхъ толкованій. «Идея физическаго процесса «плѣнила умы древнихъ мыслителей; въ ней они вращались, переходя отъ одного пункта къ другому, и не имѣя силы надъ нею «возвыситься.... Объятые сами физическимъ процессомъ (ибо геогоническій процессъ, о которомъ мы упомянули, по своей сущности есть ничто иное, какъ подчиненіе человѣческаго сознанія физическимъ или космическимъ силамъ), они пробудились къ мышленію, заключенному въ его предѣлахъ. Хотя и въ языческомъ сознаніи сохранилось смутное представленіе о Творцѣ и твореніи; но твореніе заслонялось для нихъ природою, и космогонія была «для нихъ физиологіей». Для человѣка добросовѣстнаго должно быть ясно, почему въ *Очеркахъ* такъ часто употребляются термины физиологія и физиологическій процессъ. Термины эти несравненно менѣе соответствуютъ основной мысли *Очерковъ*, нежели слова космогонія и космогоническій процессъ. Собственно вездѣ, вмѣсто первыхъ, должны бы быть употребляемы эти послѣдніе термины; но писатель, при употребленіи выражений, долженъ часто сообразоваться, кромѣ своей мысли, еще со многими обстоятельствами. Выраженіе: космогоническій процессъ, слишкомъ громко, и частое употребленіе онаго могло бы возбуждать нѣкоторыя несоотвѣт-

(*) Писанія философовъ этого періода, и въ томъ числѣ Филолая, носятъ названіе *κρίσις φυσικῆς*, о природѣ, или точнѣе о происхожденіи рожденіи, вещей.

ственные представленія, которыя гораздо болѣе мутили бы дѣло, нежели тѣ, которыя соединяются съ словомъ «Физиологія», особенно когда строго показано, въ какомъ смыслѣ должно понимать это послѣднее слово.

Такъ какъ ужъ зашла рѣчь объ этомъ предметѣ, то не будетъ излишнимъ сказать еще нѣсколько пояснительныхъ словъ, которыя критикъ мой можетъ, впрочемъ, и не читать, потому что они пишутся не для него.

Представленія, возникавшія въ религіозномъ или мифологическомъ сознаниі древняго языческаго человѣчества, рождались въ немъ подъ видомъ боговъ; это оеогонія. Въ древнѣйшемъ философскомъ сознаниі оеогонія уступила мѣсто космогоніи: здѣсь рождаются не боги, а рождается міръ. Тѣ же самыя представленія, которыя тамъ являются какъ начала, властвующія надъ человѣческимъ духомъ, какъ боги, — въ философскомъ сознаниі не имѣютъ такой преобладающей силы и при томъ такъ, что чѣмъ далѣе развивается мышленіе, тѣмъ менѣе оказывается въ нихъ эта преобладающая сила; наоборотъ, чѣмъ древнѣе система, и чѣмъ, слѣдовательно, она ближе къ оеогоническому состоянію сознаниа, тѣмъ болѣе и самая космогонія, въ ней развиваемая, приближается къ оеогоніи. Астральныя начала пифагорейцевъ имѣли для нихъ божественное значеніе; все исполнено боговъ, восклицаетъ Фалесъ; войдите сюда, и здѣсь боги, говоритъ Гераклитъ; первородный воздухъ, или лучше духъ, какъ основа космоса, называется у Анаксимена божествомъ, изъ котораго происходятъ и всѣ боги; но вотъ у Анаксагора астральныя силы являются уже простыми массами, камнями, и Демокритъ смотритъ на міръ какъ на природу въ нашемъ смыслѣ, съ разсуждающимъ и спокойнымъ духомъ, забывъ не только о оеогоніи, но даже и о космогоніи. Вотъ воззрѣніе, на которомъ основано мое изслѣдованіе.

Теперь выпишемъ изъ Целлера тѣ строки, въ которыхъ онъ характеризуетъ общее свое воззрѣніе на первый періодъ греческой философіи. Сказавъ, что «философія перваго періода носитъ характеръ объективности (*der Objectivität*), что мышленіе переходитъ здѣсь не отъ понятія къ бытію, а отъ бытія къ понятію», и разсмотрѣвъ эту философію по ея предмету, результатамъ и методу, Целлеръ говоритъ:

Если соберемъ всѣ эти черты вмѣстѣ, то общимъ характеромъ перваго періода окажется преданность мышленія міру непосредственнаго, чувственнаго существованія, то, что міръ явленій принимается за абсолютную дѣйствительность, а изслѣдованіе онаго за высочайшую задачу философіи, и мышленіе занимается этою задачею совершенно наввно и непосредственно, прямо приступаетъ

къ предмету, не отдавая себѣ предварительнаго отчета касательно законности такого поступанія. Словомъ, философія этого періода есть философія непосредственнаго воззрѣнія (*der unmittelbaren Anschauung*); ибо хотя она и не остается при отдѣльныхъ чувственныхъ вещахъ и при чувственномъ разсматриваніи оныхъ, однако все же она остается при совокупности міра явленій: различіе духа и природы, идеи и явленія еще не признамо здѣсь какъ основное положеніе, специфическая особенность мыслящаго познанія еще не выступала въ противоположности съ чувственнымъ, и даже духовное поставляется подъ натуральное опредѣленіе, и разсматривается одинаково съ чувственнымъ. Погруженіе духа въ природу, мышленія въ его объектъ, эта отличительная особенность древней философіи, является здѣсь еще въ самомъ рѣзкомъ видѣ, ибо предметъ, которому мышленіе предается, какъ своей истинѣ, есть предметъ чувственный, то-есть совокупность чувственнаго міра; только послѣдующій періодъ противопоставилъ чувственному явленію идеальную объективность понятія, какъ высшее, и только третій перенесъ самую эту идеальную объективность понятія въ самосознаніе, какъ ея источникъ. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ, мы должны три философскія школы перваго времени, іонійскую (при которой однако здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о древнѣйшихъ іонійцахъ, Фалесѣ, Анаксимандрѣ и Анаксименѣ), пифагорейскую и элеатскую, болѣе сблизить, чѣмъ обыкновенно водится. Вопросъ, общій этимъ тремъ философіямъ, есть вопросъ о всеобщей сущности бытія, т.-е. согласно съ предъидущимъ, натуральнаго бытія, міра явленій, и на вопросъ этотъ всѣ три даютъ по-стольку одинаковый отвѣтъ, по-скольку всѣ онѣ находятъ эту сущность въ чѣмъ-либо непосредственно существѣ, въ покоящейся субстанціи,—іонійцы въ матеріи, пифагорейцы въ числѣ, элеаты въ чистомъ бытіи. Различаются же онѣ между собою ближайшимъ опредѣленіемъ этого бытія: у іонійцевъ оно есть матеріальная субстанція, у пифагорейцевъ математическая, у элеатовъ метафизическая субстанція; но и эти послѣднія видятъ въ своемъ началѣ *субстанцію*, а не простую *форму*, какъ это уже показано вообще, а въ частности показано будетъ ниже. Посему эти три системы могутъ быть названы философіей бытія: всѣ онѣ имѣютъ своимъ началомъ бытіе, первичную сущность; но бытіе это въ іонійской школѣ есть матеріальное бытіе первоначальнаго вещества, въ элеатской чистое бытіе мысли, между тѣмъ какъ пифагорейцы съ своею теоріею чиселъ находятся между ними, и имѣютъ своимъ началомъ матерію, которая опредѣлена мыслию, или, что то же, мысль, существующую въ формѣ матеріальнаго бытія, то-есть математическое.

Спрашиваемъ теперь, можетъ ли литературная недобросовѣстность простирается далѣе тѣхъ предѣловъ, до которыхъ дошелъ нашъ г. N, сблизая мое изслѣдованіе съ Целлеровымъ? Пусть каждый объясняетъ какъ хочетъ этотъ поступокъ: распространяться объ немъ далѣе было бы скучно.

Читателямъ и вообще должны уже казаться скучными эти длинныя объясненія о предметахъ отвлеченныхъ, по поводу статьи, основанной, какъ теперь можетъ всякій видѣть, на тѣхъ самыхъ добрыхъ качествахъ, которыя авторъ этой статьи, въ началѣ ея, постарался заклеить съ помощью Бакона Веруламскаго. Мы поспѣшимъ окончить наши объясненія, которыя подъ перомъ приняла гораздо большія размѣры, чѣмъ предполагали мы сами.

Сдѣлавъ мнѣ строгій выговоръ за похищеніе мысли у Целлера и за то, что я не подвергнулъ критикѣ другихъ изслѣдователей, для оправданія этой мысли, г. N приводитъ слова мои, которыми я, какъ выражается онъ, «сился обозначить отличительныя особенности трехъ главныхъ направленій древнѣйшаго греческаго мышленія.» Онъ выписываетъ нѣсколько строкъ изъ того, что говорится у меня о значеніи пифагорейцевъ, такъ называемыхъ іонійцевъ и элеатовъ, не упуская ввертывать свои замѣчанія съ восклицаніями и вопрошеніями. Читатели, безъ сомнѣнія, догадываются каковы должны быть эти замѣчанія. У меня сказано: «Представленіе безграничнаго бытія, духа, полагаемаго въ основу космосу, непосредственно вело къ представленію безчисленнаго множества силъ, наполняющихъ небо и т. д». Критикъ глубокомысленно, послѣ слова *полагаемаго*, замѣчаетъ въ скобкахъ *къмъ?* а выраженіе, *непосредственно вело*, сопровождаетъ обширною выноскою, въ которой говоритъ слѣдующее: «Какъ будто представленіе безграничнаго бытія существовало гдѣ-то прежде, чѣмъ оно привело пифагорійцевъ къ понятіямъ, ими раскрытымъ. Это представленіе лежало въ основѣ пифагорейской «системы». Спрашивается, какое отношеніе имѣетъ это замѣчаніе къ моимъ словамъ: развѣ у меня отрицается присутствіе этого представленія въ пифагорейской системѣ? Далѣе, въ этой выноскѣ, г. N замѣчаетъ, что я долженъ былъ объяснить, откуда въ пифагорейской системѣ возникло это представленіе, а не ссылаться на общую систему, мною же самимъ составленную. Какъ это умно и справедливо! Изложеніе общей системы было главною моею задачею. Въ ней находилъ я ключъ къ значенію cadaго изъ фрагментарныхъ мыслителей; лишь въ развитіи общей системы я и могъ показывать происхожденіе и связь главныхъ представленій, раскрываемыхъ частными системами. Въ изложеніи представленій, общихъ всѣмъ отдѣльнымъ школамъ, я старался совершенно скрывать и до мельчайшей подробности характеризовать все собственными выраженіями древняго мышленія, предпочитая лучше оставлять нѣкоторые пункты неясными, нежели освѣщать ихъ чуждымъ свѣтомъ. Въ какой мѣрѣ это удалось мнѣ судить я не могу; но очевидно, что сколько-нибудь основательная критика должна была бы преимущественно сосредоточиться на этой части моего труда. Не упомянувъ прежде ничего объ этой общей системѣ, г. N бросаетъ объ ней косвенный намекъ въ выноскѣ, замѣчая, что она составлена мною самимъ. Конечно, она составлена мною самимъ; но что же — хорошо это или худо? Въ концѣ своей статьи г. N, считая нужнымъ, послѣ строгихъ выговоровъ и обвиненій, также и погладить

меня по головкѣ, находить въ этомъ отношеніи «немазловажную заслугу» со стороны автора Очерковъ, и какъ кажется почти совершенно доволенъ этою частію моего изслѣдованія. Впрочемъ, мы постоянно видѣли, что подъ всеми фразами моего критика скрывается или нуль или величина отрицательная, и потому слишкомъ придирались къ нему не стоятъ. — Далѣе, въ слѣдующихъ моихъ словахъ: «Непрерывныя и неизмѣнныя движенія небесныхъ сферъ были исключительнымъ предметомъ пифагорейской мудрости», г. N подчеркнул слово: *исключительнымъ*, и поставилъ за нимъ знакъ вопроса въ скобкахъ. Не знаю, что ему не понравилось въ этомъ словѣ: считаетъ ли несправедливою мысль или неловкимъ выраженіе — не догадываюсь. Выписывая изъ Очерковъ слѣдующія слова: «Въ пифагорейскомъ мышленіи основное бытіе вращается въ пустотѣ «безграничности, въ мириадахъ астральныхъ силъ», г. N замѣчаетъ въ скобкахъ: «гдѣ вращаются мириады силъ, тамъ уже нѣтъ пустоты безграничности». Сознаюсь, что выраженіе, употребленное мною, можетъ показаться неяснымъ и неловкимъ; но оно не выдуманно мною, а все, что въ немъ высказывается, принадлежитъ самому древнему мышленію. Замѣчаніе, которымъ г. N сопровождаетъ эти слова, могло бы быть сдѣлано мнѣ какимъ-нибудь стилистомъ безъ отношенія къ смыслу; но критикъ, выдающій себя за знатока дѣла, не сталъ бы къ нимъ придирается. Пустота, безграничность и мириады движущихся силъ суть классическія выраженія древнѣйшей греческой философіи; представленіемъ пустоты условливается въ ней возможность движенія и раздѣльность безчисленныхъ силъ; только въ пустотѣ и могутъ они вращаться; реченія пустота, пустое, соответствуетъ нашему термину: пространство, и безграничная пустота значитъ безграничное пространство. — Но вотъ наконецъ мы приближаемся къ капитальному замѣчанію критика. У меня сказано: «Въ мышленіи іонійцевъ совершается матеріализація космической субстанціи». Г. N замѣчаетъ въ скобкахъ: «А у пифагорейцевъ этого нѣтъ? развѣ пифагорейскій олимпъ, къ которому, по словамъ г. Каткова, примыкаютъ низшія области «планеты, луны и земли, не есть матеріализація безграничнаго «бытія пифагорейцевъ?» Какъ ни пріучилъ насъ г. N къ своему невѣдѣнію судимаго имъ дѣла, но мы не можемъ вновь не улыбнуться при этомъ замѣчаніи. Олимпомъ у пифагорейцевъ называется бытіе чистое, свободное отъ стихійныхъ измѣненій и смѣшеній; это верхняя область; это та самая область, о которой г. N, нѣсколько ниже, съ большимъ чувствомъ говоритъ слѣдующее: «Что выше пифагорейское ли созерцаніе неизмѣннаго, вѣч-

«наго, невещественнаго, божественнаго бытія, области, въ которой царствуетъ вѣчно движущаяся душа, владычествующій всѣмъ разумъ, — «или іонійское представленіе стихійныхъ переходовъ міровой сущности»? Добрый г. N! онъ не зналъ, что вѣдь эта-то самая область, которую онъ постарался такъ изящно расписать и противоположить стихійнымъ переходамъ іонійцевъ, и есть олимпъ пифагорейскій, который онъ выдвинулъ противъ меня, какъ матеріализацію безграничнаго бытія пифагорейцевъ! Пробѣгая мелькомъ мои страницы, онъ наткнулся на одно мѣсто, гдѣ сказано, что къ олимпу примыкаютъ планеты, солнце, луна, земля, — и подумалъ, что здѣсь дѣло идетъ о матеріализаціи, и что олимпъ, къ которому всѣ эти вещи примыкаютъ, и есть матеріализація! Едва ли можно въ столь немногихъ словахъ представить столь много доказательствъ своего легкомыслія и незнанія дѣла, какъ удалось это г-ну N.

Далѣе критикъ не дѣлаетъ никакихъ примѣчаній къ моимъ словамъ, какъ бы чувствуя, что уже высказался весьма довольно, хотя и кратко.

Въ остальной части своей статьи г. N пускается въ пространныя и широковыщательныя разсужденія о порядкѣ послѣдованія древнѣйшихъ системъ. Онъ находитъ невѣрнымъ принятый у меня порядокъ, въ которомъ первое мѣсто дано пифагорейской школѣ; громитъ мои доводы, по которымъ я счелъ нужнымъ отступить отъ общепринятаго порядка, и начать послѣдованіе системъ не съ Фалеса, а съ Пифагора. Читатели, я надѣюсь, уволятъ меня отъ серьезнаго пренія съ такимъ противникомъ, каковъ г. N. Жаль разсуждать о дѣлѣ, которымъ занимался съ участіемъ и добросовѣстію, по слѣдамъ такого мыслителя и ученаго, какимъ оказался нашъ критикъ.

Справедливость требуетъ однако сказать, что г. N умѣлъ придать этимъ разсужденіямъ своимъ, какъ уже и замѣчено выше, наружныя признаки зрѣлаго и основательнаго возрѣнія на предметъ; слогъ его здѣсь становится особенно гладокъ и плавенъ; фразы закругляются съ большою важностію и достоинствомъ, и для людей, которые будутъ читать ихъ, не повѣряя собственною мыслію и знаніемъ, покажутся весьма дѣльными. Но какъ вообще, такъ и здѣсь, подъ наборомъ фразъ моего критика скрываются качества, тѣмъ болѣе заслуживающія осужденія, тѣмъ разительнѣе контрастъ между ними и ихъ нарядомъ. Онъ не хотѣлъ или не могъ понять тѣхъ мыслей, противъ которыхъ ругаетъ, и не умѣлъ справиться съ тѣми, которые нахваталъ съ разныхъ сторонъ, готовясь къ своему критическому подвигу.

Мѣсто, данное мною Пифагору въ последованіи системъ, опредѣляется многими соображеніями, которыхъ критикъ мой не умѣлъ взвѣсить. При всей неточности хронологическихъ данныхъ, несомнѣнно однако то, что Пифагоръ жилъ въ началѣ до-сократовскаго періода греческой философіи. Если онъ не предшествовалъ милетскимъ мыслителямъ (Θалесу, Анаксимандру, Анаксимену), то безспорно по крайней мѣрѣ то, что онъ былъ ихъ современникомъ. Въ этомъ всѣ изслѣдователи безъ исключенія согласны. Но Аристотель, разбирая въ первой книгѣ своей Метафизики, ученія предшествовавшихъ ему мыслителей, случайно началъ съ Θалеса, — и вотъ съ тѣхъ поръ установился обычай начинать исторію философіи этимъ мудрецомъ. Прежде велся этотъ обычай по просту безъ затѣй, безъ всякихъ разсужденій. Въ послѣдствіи же, когда возникла потребность рациональнаго метода въ изслѣдованіи исторіи философіи, старались, не входя въ собственный источникъ этого обычая, объяснять его, какъ непреложный фактъ, разными болѣе или менѣе остроумными построеніями. Случись такъ, что Аристотель заговорилъ бы прежде о Пифагорѣ, — завелся бы точно также обычай начинать исторію философіи съ Пифагора, и въ послѣдствіи точно также старались бы объяснять этотъ фактъ не менѣе замысловатыми построеніями: Пифагоръ могъ бы представлять собою философію *des Seins*, Элеаты *des Seins und Nichtseins*, а Іонійцы *der Ineinsbildung der beiden Gegensätze oder des Werdens*, и т. д.

Что Аристотель начинаетъ съ Θалеса случайно, не соединяя съ этимъ никакого значенія, — это несомнѣнно для каждаго, кто знаетъ Метафизику Аристотеля не по наслышкѣ, какъ мой критикъ, а по собственному изученію. Θалесъ выставляется первоначальникомъ только извѣстной группы мыслителей, которую Аристотель отличаетъ особыми признаками. Разсмотрѣвъ философы Θалеса и другихъ философовъ, вовсе не слѣдуя хронологическому порядку, Аристотель обращается къ группѣ мыслителей пифагорейскихъ, и начинаетъ слѣдующими словами рѣчь свою объ нихъ: *Современно* съ этими мыслителями и *прежде* нихъ такъ называемые пифагорейцы и т. д. Что подъ *этими* мыслителями, которымъ такимъ образомъ Аристотель противопоставляетъ пифагорейцевъ, должно разумѣть такъ называемыхъ іонійцевъ, начиная съ Θалеса, это очевидно изъ продолженія рѣчи. «Пифагорейцы, продолжаетъ Аристотель, видѣли въ числахъ большее подобіе съ сущимъ и происходящимъ, нежели въ огнѣ, землѣ и водѣ». Итакъ пифагорейцы самимъ Аристотелемъ отчасти поставляются прежде іонійцевъ. Но у Аристотеля рѣчь идетъ еще только о такъ называемыхъ пифагорейцахъ. О самомъ

Пифагоръ онъ не говоритъ, и вообще когда у Аристотеля заходитъ рѣчь о философахъ, носящихъ названіе пифагорейскихъ, онъ говоритъ не о Пифагорѣ, а почти постоянно о *такъ называемыхъ пифагорейцахъ* или *мужахъ пифагорейскихъ*. Лице самаго Пифагора уже и для Аристотеля имѣетъ болѣе мионическій, нежели собственно историческій характеръ. Подъ именемъ Пифагора можно разумѣть столько же идею, сколько лице. Пифагоръ представляетъ собою оеологическую мудрость. Онъ оеологъ и мистагогъ, и пифагорейская мудрость слыла въ древности болѣе подъ именемъ оеологуменовъ, нежели философовъ. Въ изслѣдованіи моемъ доказано, какое значеніе имѣлъ пифагорейскій союзъ въ своемъ началѣ, доказано его оеократическое направленіе.

Дѣйствительно, многое въ пифагорейской мудрости, многие оеологумены, которые передавались отъ поколѣнія въ поколѣніе *мужами пифагорейцами*, содержаніемъ своимъ не только богаче философствованія другихъ мыслителей древнѣйшаго періода, но даже превосходятъ поднѣйшія системы греческой философіи. Можно безъ преувеличенія сказать, что даже мышленіемъ Платона и Аристотеля не исчерпано все богатство, содержащееся въ оеологическихъ сказаніяхъ, запечатлѣнныхъ между прочимъ именемъ Пифагора. Въ позднѣйшее время греческой философіи, когда мышленіе силилось преодолѣть тѣ предѣлы, которые были поставлены ему въ древнемъ мірѣ, оно съ особеннымъ предпочтеніемъ обращалось къ Пифагору, и отъ него вело золотую апопововскую цѣпь разумнія. Такое значеніе Пифагора нельзя объяснить тѣмъ, что онъ воспользовался результатами *изслѣдованій* Фалеса съ товарищами, въ *чувственной* формѣ, какъ думаетъ мой критикъ. Такія скудныя данныя ни какъ не могли предуготовить ту оеологическую мудрость, предъ которою благоговѣла древность; тѣмъ болѣе, что мидетскіе мыслители жили и учили если не позднѣе Пифагора, то современно съ нимъ. За чѣмъ Пифагору нужно было знать философы Фалеса и Анаксимена, напримѣръ для своего ученія о *діадѣ*, объ *элевахинѣ*, о *гестіи*, этомъ *престолѣ* и *жертвенникѣ Діа* о *матери боговъ*, и для другихъ подобныхъ оеологуменовъ. А между тѣмъ въ нихъ состояло богатство сказаній, неисчерпанное философію греческою, и могущее стать предметомъ яснаго разумнія лишь въ наше время, въ связи съ тѣми источниками, изъ которыхъ произошли эти сказанія, въ связи съ миеологіею.

Весьма знаменательно то, что первое начало свое философія имѣетъ въ глубинѣ религіознаго сознанія. Въ пифагорейскомъ союзѣ, основанномъ на оеократическихъ началахъ и имѣвшемъ пре-

★

интуитивно религиозное значение, возникло и то настроение мысли, изъ котораго родилась философія, или покрайней мѣрѣ первые начатки оной. Пифагоръ съ одной стороны замыкалъ собою великую и многосложную исторію сознанія, съ другой открывалъ собою новый родъ сознанія и начиналъ его развитіе. Соприсутствіе двухъ разнородныхъ сферъ сознанія въ одномъ человѣкѣ есть дѣло весьма возможное и даже весьма обыкновенное. Если мы глубже и наблюдательнѣе вникнемъ въ самихъ себя, то найдемъ, что очень нерѣдко подъ одною формою сознанія живутъ въ насъ такія идеи, которыя не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ другихъ формахъ нашего сознанія; такъ напримѣръ, человѣкъ, преданный всею силою своей души осуществленію какой-либо идеи, часто въ своихъ понятіяхъ не имѣетъ, такъ сказать, для ней мѣста, и готовъ даже отрицать ее, когда бы она вдругъ предстала ему въ формѣ сужденій. Но мы должны вспомнить, что вопросъ о пифагорейскомъ сознаніи не ограничивается однимъ мнѣстическимъ лицомъ Пифагора, а простирается на весь такъ называемый пифагорейскій союзъ. То, что могло бы показаться неяснымъ, если бы дѣло шло объ одномъ человѣкѣ, становится совершенно понятнымъ для каждаго, когда дѣло идетъ о цѣломъ союзѣ людей, продолжавшемся въ преобразованномъ видѣ черезъ многія поколѣнія до позднѣйшаго времени древности. Съ одной стороны пифагорейцы бережно передавали изъ поколѣнія въ поколѣніе заветъ древности, еологумены, часто для нихъ самихъ непонятныя; съ другой они были самостоятельными мыслителями. «Пифагорейцы (сказано въ Очеркахъ стр. 110) непосредственно соприкасались съ мистеріями и еологическими сказаніями. Вотъ почему умозрѣніе ихъ по своему «содержанію превосходитъ ту точку зрѣнія, на которой могли они «находиться какъ мыслители. Многія положенія, встрѣчаемыя въ «пифагорейскихъ фрагментахъ и уже знакомыя нашимъ читателямъ, «не составляютъ исключительной принадлежности пифагорейской «школы. Надобно отличать общій смыслъ этихъ положеній отъ «того особеннаго, собственно пифагорейскаго характера, какой при- «нимаютъ они у этихъ мыслителей, и весьма часто общее значеніе «этихъ положеній, ихъ первоначальное содержаніе, находится въ «совершенномъ разладѣ съ этимъ особымъ примѣненіемъ». Можемъ еще присовокупить къ этому, что положенія эти различно были понимаемы и толкуемы различными пифагорейцами. «Намъ весьма «часто приводилось говорить о преобладающей склонности пифаго- «рейцевъ давать всему астральное (не говоримъ астрономическое, «во избѣжаніе недоразумѣній) значеніе. Довольно припомнить то

«значение, какое получила у них идея центрального единства, центрального огня. В самом дѣлѣ, эта идея, явно почерпнутая изъ «еологическихъ сказаній, не можетъ никакъ, по своему первоначальному смыслу, согласоваться съ тѣмъ примѣненіемъ, въ какомъ встрѣчается у Филолая. Вотъ это—то особенное значеніе и «надобно слѣдить для уясненія особеннаго значенія пифагорейской мысли, и достаточно весьма легкаго наведенія, чтобы оно обнаружилось само собою.»

И такъ еологическую часть пифагорейской мудрости отнюдь не должно смѣшивать съ философіею пифагорейскою. Въ изложеніи главныхъ началъ общей системы, я пользовался многими еологическими, какъ пифагорейскими, такъ и другими, даже отчасти мнѳологіей, но я не позволялъ себѣ развивать ихъ; для соблюденія объективной вѣрности исторіи, я всѣ черты системы обозначалъ словами самой древности. Лучше казалось мнѣ оставить нѣкоторые пункты не совсѣмъ ясными, нежели излагать ихъ отъ себя. По общему плану исторіи философіи, какъ онъ представляется мнѣ, послѣдующимъ періодомъ долженъ быть дополняемъ и уясняемъ предыдущій; надобно, чтобы не историкъ философіи объяснял ея содержаніе, а чтобы она сама, въ своемъ движеніи, излагала себя постепенно все въ большей и большей ясности. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, исторія философіи становится истинною наукою философіи.

Но тамъ, гдѣ нужно было обратить вниманіе на значеніе пифагорейсма, какъ школы собственно философской въ ряду другихъ школъ, я долженъ былъ тщательно отдѣлать это значеніе отъ всякаго другаго.

Первымъ указаніемъ на отличительный признакъ пифагорейской философіи служить то значеніе, которое получали у нихъ самыя разнородныя представленія. Все переводили они на языкъ чиселъ и все вносили въ созерцаніе безграничнаго пространства и безчисленныхъ движеній, которымъ оно даетъ мѣсто. Это созерцаніе было для пифагорейскаго мышленія главною основою, и представленія, произтекающія изъ этого созерцанія, были сильнѣйшими. «Подлунная область», земля, какъ поприще природы, рожденія, измѣненія, не привлекала ихъ къ себѣ, потому что мыслительныя силы ихъ сосредоточивались на представленіяхъ астральнаго созерцанія. Слѣдовательно пифагорейская школа въ общей космогонической системѣ выражаетъ именно тотъ моментъ ея, который соотвѣтствуетъ этому созерцанію.

При объясненіи преемства школъ не должно прибѣгать ни къ какимъ искусственнымъ предположеніямъ. Различныя школы могутъ существовать современно и не знать другъ о другѣ. Поставляя систему милетскихъ мудрецовъ послѣ пифагорейской, мы не должны представлять себя ихъ отношеніе такимъ образомъ, что прежде необходимо было развиться астрологіи пифагорейской и лишь потомъ могла начаться стихіологія іонійская. Обѣ школы могли возникнуть независимо одна отъ другой, и изъ общей космогонической системы, присутствовавшей во всѣхъ умахъ, одна, по свойству своего мышленія, сосредоточилась на одномъ моментѣ космогоніи, другая на другомъ; пифагорейцы удержались преимущественно на моментѣ, ближайшемъ къ космогоническому началу, іонійцы на моментѣ послѣдующемъ; въ мышленіи первыхъ наибольшую силу имѣло представленіе астральнаго, въ мышленіи послѣднихъ — представленіе стихійнаго. Для пифагорейцевъ весь міръ былъ міриадами круговращающихся сферъ, а потому весьма естественно возникаетъ у нихъ ученіе о круговращеніи земли, ученіе, котораго нѣтъ не только у современныхъ имъ, но и у позднѣйшихъ мыслителей. До представленія этого могли они дойти не въ слѣдствіе ученія Фалеса, которое будучи занято преимущественно стихійными переходами, видѣло въ землѣ ея стихійное, а не астральное значеніе; пифагорейцы были вынуждены къ этому представленію особеннымъ настроеніемъ своего мышленія, тѣмъ моментомъ общей системы, которому они служили выразителями.

Названіе фрагментарныхъ, которое можно придавать мыслителямъ древнѣйшаго періода, приличествуетъ имъ не по одному тому обстоятельству, что отъ нихъ сохранились лишь отрывки, но также и по существенному свойству ихъ мышленія. Они не обзрѣвали всей системы, къ которой мышленіе ихъ относилось; каждый мыслитель или каждая особая группа мыслителей выражали ее по частямъ. Космогонія разбилась на отдѣльные моменты, изъ коихъ каждый выражался въ особомъ ученіи.

Г. N спрашиваетъ, что выше — пифагорейское ли созерцаніе области неизмѣннаго, невещественнаго бытія, или іонійское представленіе переходовъ міровой сущности? — Но когда рѣчь идетъ о послѣдованіи системъ, то вопросъ не въ томъ, что выше и что ниже, а что ближе къ началу космогоніи и что ближе къ концу ея. Г. N думаетъ, что, по естественному ходу развитія челоѣческаго разума, пифагорейскій олимпъ (*) не могъ и не долженствовалъ быть

(*) Г. N уже забылъ, что олимпъ пифагорейскій былъ недавно поставленъ имъ на ряду съ стихіями іонійскими.

предметомъ его мысли прежде, нежели миръ бытія низшаго, физическаго, съ его преходящими явленіями. Но ходъ развитія человѣческаго разума и есть то, что требуется доказать; всякій можетъ составить себѣ свое понятіе о ходѣ человѣческаго разума, и лишь исторіи философіи предлежитъ показать, какъ въ дѣйствительности свершался этотъ ходъ. Если мы послѣдуемъ вкусу г-на N для различенія высшаго предмета мысли отъ низшаго, и согласно съ этимъ различіемъ будемъ опредѣлять, что могло и должно было быть прежде, то придется уже совсѣмъ перевернуть исторію философіи. Фалесъ съ Анаксимандромъ ближе были къ олимпу пифагорейскому, нежели Анаксагоръ и Демокритъ; и эти послѣдніе гораздо болѣе милетскихъ физиологовъ занимались тѣмъ, что критикъ называетъ низшимъ бытіемъ: такъ ужъ не лучше ли съ Демокрита начать исторію Греческой философіи, и показать естественный ходъ человѣческаго разума на его извращенной исторіи? Въ самомъ дѣлѣ, если г. N умѣетъ быть послѣдовательнымъ, то онъ долженъ ударить насъ изслѣдованіемъ древней философіи, въ которомъ будетъ представлено, какъ мысль человѣческая изъ матеріальнаго воззрѣнія Демокрита мало по малу возвышалась до области пифагорейскаго олимпа, переходя отъ низшаго бытія къ высшему.

Стихійныя переходы милетскихъ мудрецовъ и Гераклита суть въ космогоніи моментъ дальнѣйшій, нежели представленіе безграничнаго пространства съ его вѣчными движеніями и гармонією его чиселъ, — и мысль, послѣдовавшая за тѣми переходами, отошла далѣе отъ начала, нежели та, которая лишь издали смотрѣла на область природы и жизни, какъ на царство мрака и смуть, непонятное для мысли и чуждое для разума. Смѣшно было бы и замѣчать, что пифагорейцы, какъ и всѣ люди, живя среди природы, знали ея явленія; но въ своемъ философскомъ созерцаніи они чуждались природы, въ немъ не было для нея мѣста, а потому, говоритъ Филолай, мудрость относится къ верхней области.

Ходъ мысли въ занимающій насъ періодъ аказывается въ томъ, что она мало по малу освобождалась отъ представленій, надъ нею преобладавшихъ. Матеріализація космогонической сущности, происходя въ философскомъ созерцаніи, сопровождается измѣненіемъ самого мышленія, и есть его развитіе. То, что прежде превосходило мысль и какъ бы подавляло ее, мало по малу понижается передъ ней, совлекается божественнаго характера, и становится тѣмъ, чѣмъ должно быть—природой; какъ мы замѣчали выше, мысль человѣческая, въ концѣ древнѣйшаго періода, стала въ нормальное отноше-

ніе къ міру, сохраняя передъ его силами свое спокойствіе и ясность (*ἀταραξία*).

Поговоривъ о предметъ пифагорейскаго мышленія, критикъ мой замѣчаетъ за тѣмъ, что не предметъ мышленія отличаетъ пифагорейцевъ отъ другихъ древнихъ мыслителей. Ихъ историческое значеніе, говоритъ онъ, было бы очень не велико, еслибъ оно состояло единственно въ томъ, что пифагорейцы занимались созерцаніемъ неизмѣняемыхъ движеній звѣзднаго міра; не то, де, особенно важно, что они разсматривали *этотъ* міръ, а то, *какъ* они разсматривали его. — Весьма любопытно знать, *какъ* они разсматривали *этотъ* міръ. Какъ же? — Ученый критикъ привелъ два мѣста изъ Метафизики и одно изъ Филолая; глубокомысленно согласилъ ихъ, и вывелъ слѣдующее заключеніе: «Теорія чиселъ составляетъ основательную черту пифагорейской системы. Прилагая это міросозерцаніе къ различнымъ предметамъ, пифагорейцы естественно могли придти къ нѣкоторымъ арифметическимъ и геометрическимъ опредѣленіямъ (хотя никто не говоритъ, что въ то время была арифметика и геометрія какъ особыя науки), къ понятіямъ объ отношеніи различныхъ тоновъ музыки и къ созерцанію астрономическому, которое по словамъ самаго автора Очерковъ, въ сущности совпадаетъ съ созерцаніемъ математическимъ.»

Не далеко же мы ушли съ вами, ученый и глубокомысленный критикъ. Вы сказали, что созерцаніе звѣзднаго міра далеко не составляетъ всего значенія этихъ мыслителей; повели было насъ куда то, — должно быть весьма далеко, — въ міросозерцаніе математическое, да потомъ вдругъ и согласились, что оба эти созерцанія въ сущности совпадаютъ. Вы хотѣли пошутить надъ нами, хитрый г. Н: мы все таки остались при созерцаніи звѣзднаго міра, въ которомъ, говорите вы, далеко не состоитъ все значеніе пифагорейской школы. Впрочемъ справедливость требуетъ присовокупить, что экспедиція, предпринятая критикомъ, для открытія полнаго значенія этой школы, хотя и возвратилась, подобно кругосвѣтнымъ путешествіямъ, къ тому же пункту, отъ котораго отправилась, однако присовокупила еще кое что къ значенію пифагорейцевъ: «нѣкоторыя арифметическія и геометрическія опредѣленія» и «понятія о различныхъ тонахъ музыки».

Но мы виноваты: поиски для открытія полнаго значенія пифагорейской школы еще не кончены; снаряжается новая экспедиція, въ Метафизику Аристотеля и къ Филолаю у Бека, результатомъ которой оказывается, что есть еще «другое болѣе возвышенное

значеніе» этой школы. Это понятіе о гармоніи. Но ужъ вы открывали, что пифагорейцы опредѣляли тоны музыки и занимались числами: къ чему же эти новые сборы для открытія понятія о гармоніи?— И за чѣмъ г. N ходилъ такъ далеко за этимъ понятіемъ; въ моемъ сочиненіи могъ бы онъ прочесть слѣдующія строки:

«Теорія чиселъ и гармоника находили здѣсь (въ движеніяхъ небесныхъ сферъ) себѣ ближайшее примѣненіе. Пифагорейцы опредѣляли отношенія и взаимную зависимость небесныхъ сферъ интервалами своей музыкальной гармоніи. Астральные кругообращенія производятъ, — какъ пифагорейцы были убѣждены, — звуки, гармонію, — и если мы не слышимъ этой гармоніи, прибавляли они, то это потому, что мы постоянно и непрерывно, отъ самой колыбели, ее слышимъ».

Далѣе сказано у меня, на основаніи Филолая: «Существа подлунной области подчинены движенію астральныхъ существъ.» Изъ этихъ словъ, какъ и изъ многихъ другихъ данныхъ, можно видѣть, что астральные отношенія, какъ понимали ихъ пифагорейцы, были какъ бы прототипами, которыми вносился нѣкоторый порядокъ и смыслъ въ такъ-называемый у пифагорейцевъ подлунный міръ. Въ этомъ отношеніи теорія (созерцаніе) чиселъ у пифагорейцевъ есть въ сущности одно и то же съ теоріею верхней области. «Слово: космосъ, въ смыслѣ стройной цѣлости всего сущаго, говоритъ г. N, впервые было употреблено Пифагоромъ», — и такъ какъ онъ шагу не можетъ ступить безъ свидѣтельствъ древнихъ авторовъ, то находить нужнымъ подкрѣпить это положеніе ссылкой на Плутарха *De creta physico-gom.* Но ученый нашъ да не постѣуетъ на насъ, если мы осмѣлимся напомнить ему, что словомъ космосъ у Филолая называется исключительно его верхняя область, или олимпъ; все прочее есть не космосъ, а напротивъ безпорядокъ (*ἀταξία*), потому и идея «внутренней гармоніи», или идея «внутренняго огня», или, еще яснѣе, идея «внутренняго духа», какимъ является въ цѣломъ міръ по преимуществу человѣкъ, примѣшавшись сюда изъ мышленія совсѣмъ ниаго порядка, именно геологическаго, не имѣетъ никакихъ послѣдствій въ философской системѣ пифагорейцевъ, и принимая эту идею, они не знаютъ куда ее дѣть, и даютъ ей также какъ и всему астральному значеніе, представляя этотъ внутренній огонь центромъ, вокругъ котораго обращаются планеты и земля.

Можно бы еще многое сказать о пифагорейцахъ; но надобно знать мѣру, и не слишкомъ злоупотреблять какъ вниманіемъ читателей, такъ и снисхожденіемъ редакціи, гостепримию открывшей

для моихъ антикритическихъ замѣчаній страницы своего журнала. Считаю однако нужнымъ прибавить еще нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Ясно ли теперь моему критику, въ чемъ я поставляю неподвижность пифагорейскаго ученія, и почему, въ то же время, я различаю въ немъ не одно направленіе? Неподвижность эта относится къ еологической части ихъ ученія; что же касается до мышленія частныхъ лицъ, носившихъ общее названіе пифагорейцевъ, то послѣ паденія бюкратическаго союза, основаннаго Пифагоромъ, они хотя и сохраняли нѣкоторую связь между собою, но тѣмъ не менѣе жили и мыслили въ различныхъ обстоятельствахъ и при различныхъ вліяніяхъ. Имъ были общи нѣкоторыя правила жизни, — откуда такъ называемая пифагорейская жизнь, — нѣкоторые еологумены и нѣкоторое настроеніе мысли, что все, однако, не препятствовало имъ сверхъ того имѣть разныя другія представленія и мысли: пифагорейская жизнь и названіе пифагорейцевъ не ограничиваются одною древнею эпохою, но простираются черезъ всю древность до позднѣйшаго времени. Парменидъ элеать восхваляется за свою пифагорейскую жизнь. Знаменитый Эпиминдъ былъ то же пифагореецъ. Самъ Платонъ хотя и не принадлежалъ къ пифагорейскому союзу, однако можетъ быть отчасти названъ пифагорейцемъ, представляя много пунктовъ соприкосновенія съ ними, и вслѣдствіе того оказывая обратное вліяніе и на умы пифагорейцевъ. Позднѣйшіе пифагорейцы могутъ служить къ раскрытію общей системы, но лишь при помощи строгой и разборчивой критики годятся для опредѣленія особеннаго характера собственно пифагорейской философіи, развившейся въ древнейшемъ періодѣ.

Еще одинъ пунктъ: что математическое и астрономическое созерцаніе могутъ и должны предшествовать въ развитіи разумнія и знанія инымъ родамъ созерцанія, это доказывается намъ въ другой сферѣ, гдѣ термины: математическое и астрономическое, имѣютъ уже тѣснѣйшее, спеціальное значеніе, — въ сферѣ новаго знанія. Съ чего началось развитіе спеціальныхъ наукъ новѣйшаго времени? Не математика ли, не механика ли, не астрономія ли являются первымъ звеномъ въ этой новой цѣпи, а Коперники, Кеплеры, Галилеи и Ньютоны первыми именами новѣйшаго знанія? Даже собственно-философскія системы, принадлежащія къ эпохѣ возрожденія наукъ, открывающей новую исторію знанія и разумнія, не представляютъ ли въ себѣ преимущественно того же характера? Стоитъ только назвать имена Декарта, Лейбница, Спинозы, чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. Физика, химія и весь

міръ земнаго бытія, органической природы, выступаетъ въ развитіи науки позднѣе и въ строгой постепенности.

Мой критикъ все ли еще будетъ съ прежнимъ паѳосомъ утверждать, что «никакимъ образомъ нельзя доказать, рѣшительно несообразно къ закону естественнаго развитія человѣческаго сознанія предположить, что впервые пробудившаяся къ философствованію мысль Грека предалась математическому міросозерцанію, и могла вдругъ «возвыситься до понятія о логическомъ космосѣ»?

Не зачѣмъ и трудиться для доказательства того, что не требуетъ никакихъ доказательствъ. Что Пифагоръ относится къ древнѣйшей эпохѣ, что онъ самъ и образованіе союза его по крайней мѣрѣ совпадаютъ по времени съ древнѣйшими іонійскими ученіями, это вѣтъ всякаго спора и сомнѣнія. Вопросъ только можетъ состоять въ томъ, съ чего удобнѣе или рациональнѣе начать изложеніе исторіи.

Г. Н. полагаетъ, что рациональнѣе начать съ іонійской школы, которая представляетъ собою элементъ *чувственный*; потомъ должна слѣдовать школа пифагорейская, въ которой выразилось математическое *міросозерцаніе*, служащее переходомъ отъ чувственнаго къ чистой мысли; наконецъ слѣдуетъ элеатская школа, которая возвысилась къ идеямъ, къ чистой мысли.

Прежде всего мы спросимъ критика, за чѣмъ же онъ такъ горячился, утверждая что никто не думалъ и думать не могъ, чтобы представленія іонійскихъ мыслителей относились къ чему-нибудь чувственному? Не находилъ ли онъ, что только школьники могутъ воображать, будто огонь, вода, воздухъ, о которыхъ говорится въ іонійскихъ системахъ, суть тѣ чувственныя явленія, которыя мы называемъ этими именами, и что противъ школьниковъ спорить не стоитъ?—И вотъ въ той же самой статьѣ, не успѣвъ, можетъ быть, переменить пера, онъ самъ теперь утверждаетъ, съ такимъ же жаромъ, что главное и существенное отличіе іонійской школы состоитъ въ томъ, что она представляла все въ чувственномъ видѣ. Онъ ужъ и забылъ когда-то упомянутое имъ «особое значеніе» стихій въ физиологіи іонійской. Тогда онъ видѣлъ въ обозначеніяхъ: огонь, воздухъ, только образныя, фигуральныя выраженія, ничто несущественное: «существо дѣла, говорилъ онъ, состоитъ вовсе не въ этихъ наименованіяхъ, а въ томъ особомъ значеніи, какое имъ усвоилось древними физиологами». Теперь оказывается, что въ этихъ-то наименованіяхъ и состоитъ все существо дѣла, а «особое значеніе» уже успѣло испариться. Тогда критикъ выписывалъ изъ Риттера, — теперь лежитъ передъ нимъ Целлеръ. Читатели помнятъ сдѣланную

нами выписку из Целлера. Г. Н обвинял меня в присвоении мысли этого ученаго, и вотъ, какъ ничего не бывало, выставяеть теперь противъ меня Целлерово воззрѣніе, упрекад, зачѣмъ я не принялъ его въ основаніе для своего изложенія.

Но г. Н такъ же плохо усвоилъ себѣ мысль Целлера, какъ плохо понялъ мою. Поучая меня, какъ бы слѣдовало расположить школы древняго періода, онъ забылъ объясниться, что разумѣеть подъ іонійскою школою. Такъ, Гераклита онъ относить къ іонійской школѣ; говоря, въ концѣ своей статьи, о нѣкоторыхъ достоинствахъ моего сочиненія, критикъ находитъ, что «ученіе Гераклита изложено у меня лучше *другихъ іонійцевъ*»; но Гераклитъ, Гегелемъ, Целлеромъ и нѣкоторыми другими историками разсматривается не только послѣ пифагорейской школы, а даже и послѣ элеатовъ. Между тѣмъ Гераклитъ, какъ у меня доказано и не опровергнуто критикомъ, представляеть своимъ мышленіемъ тогъ же самый моментъ общей космогонической системы, какой и милетскіе мудрецы.

Критикъ свидѣтельствуеть особенное почтеніе «идеѣ всеобщаго разума», провозглашенной Анаксагоромъ, и судить, что изъ моихъ Очерковъ «нельзя понять, какъ совершилось это развитіе мысли въ древнихъ школахъ, какъ мало по малу оно восходило отъ строго (какъ строго!) физиологическихъ представленій мировой сущности до умозрительнаго понятія объ этомъ всеобщемъ разумѣ Анаксагора».

Положимъ, что всего этого нельзя понять изъ моихъ Очерковъ, — но откуда же вдругъ взялся у критика Анаксагоръ, или лучше, куда онъ его дѣнеть? Въ какую онъ посадить его школу? Анаксагоръ, какъ видно, долженъ стоять и дальше и выше всѣхъ. Прекрасно! но какой же элементъ дадимъ мы ему въ удѣлъ: чувственный, или математическій, или же чистую мысль. Увы! всѣ эти элементы мы уже роздали!—А Демокритъ, а Діогенъ, а Эмпедоклъ, — этимъ что дадимъ и куда ихъ дѣнемъ?

«Доселѣ историки философіи (говорить г. Н) обыкновенно полагали и полагають, что развитіе философіи греческой идетъ отъ Фалеса, или вообще отъ школы іонійской, и что пифагорейцы выражають собою второй моментъ, а элеаты третій моментъ въ ходѣ этого развитія». И онъ упрекаетъ меня за отступленіе отъ такого порядка, будто за ересь; но разсуждая такимъ образомъ, онъ, самъ того не замѣчая, даетъ еще новое доказательство своихъ свѣдѣній по этой части.

Почти каждый изъ новѣйшихъ историковъ измѣняетъ по-своему порядокъ въ послѣдованіи школъ и отдѣльныхъ мыслителей.

Такъ, напримѣръ, Брандисъ разсматриваетъ прежде іонійцевъ, но къ іонійцамъ относитъ, кромѣ Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена и Гераклита, — также Эмпедокла, Діогена, Анаксагора, Демокрита; потомъ идутъ у него элеаты; уже наконецъ слѣдуетъ пифагорейская школа. О дѣленіи Риттера мы говорили выше. Не только Фалесъ, не только Гераклитъ, но и Діогенъ и Анаксагоръ помѣщаются у него прежде пифагорейцевъ. У Брандиса пифагорейцы и элеаты подъ именемъ италійскихъ или дорійскихъ философовъ идутъ параллельно съ іонійскими; каждый мыслитель въ ряду іонійцевъ имѣетъ себѣ соотвѣтственную антитезу въ противоположномъ ряду, и т. д.

Коснусь въ заключеніе еще одного пункта, чтобы ничего не оставить необъясненнымъ. Помудрствовавъ надъ пифагорейцами, критикъ мой обращается къ элеатамъ, и тоже упрекаетъ меня въ неправильномъ указаніи смысла и историческаго значенія ихъ школы. Критикъ утверждаетъ, что я вижу въ этой школѣ возвратъ къ прежнимъ представленіямъ, надъ которыми мысль уже возвысилась. «Какимъ образомъ», говоритъ онъ, «философствующій разумъ уже послѣ того, какъ его сознанію сдѣлались доступны всѣ стихійныя «переходы бытія въ ихъ физической и логической необходимости, къ открылись въкоторыя стороны міра логическаго, могъ опять и «при томъ съ энтузіазмомъ, обратиться къ смутному представленію орфиковъ о космическомъ яйцѣ?» Критикъ хочетъ, чтобы до послѣдней минуты мы удивлялись его способностямъ и добросовѣстности. Отнюдь не сказано у меня, чтобы элеаты *возвратились* къ смутному представленію орфиковъ о космическомъ яйцѣ; сказано только, что это господствующее представленіе элеатской школы соотвѣтствуетъ тому, что въ другомъ порядкѣ мышленія, именно орфическомъ, представлялось подъ видомъ «космическаго яйца». Такъ точно Анаксагорово понятіе разума, или Платонова теорія идей соотвѣтствуетъ Ферекидову понятію, которое онъ именуешь мнѳологически Зевсомъ: значить ли это, что Анаксагоръ и Платонъ возвратились къ смутной еоокоsmогоніи этого сирскаго еоолога? Тоже самое содержаніе развивалось тамъ совершенно иначе, въ другомъ смыслѣ и духѣ: но аналогія между еоогоническими и философскими представленіями существуетъ неоспоримо.

Для разсѣянія тумана, напущеннаго моимъ критикомъ, прошу у читателей позволенія представить выписку изъ той части моего сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ о внутреннемъ значеніи элеатской школы:

Господствующая мысль этой школы есть отрицаніе движенія, множественности, природы (происхожденія). Въ этомъ отрицаніи состоитъ вся особенность элеатской школы. Смыслъ этого отрицанія можетъ быть толкуемъ весьма разно-

образно. Стоит только взять элеатскія философы отвлеченно от той исторической связи, въ которой онѣ развились, и мы очутимся съ ними на воздухѣ, и неопредѣленной ихъ общности можемъ давать самыя разнообразныя примѣненія, какъ это обыкновенно и дѣлается. Но именно относительно элеатской школы, болѣе нежели въ какомъ-либо другомъ пунктѣ изучаемаго нами періода исторіи философіи, необходимо держаться исторической почвы. Возвращеніе элеатское получить и опредѣленный смыслъ и неожиданную занимательность, когда будетъ взято, какъ моментъ развитія физиологической системы.

Мы видѣли два противоположныя влеченія въ космической сущности и борьбу между ними. Въ Гераклитѣ обѣ враждующія силы удерживаются совместно, и враждебное соприсутствіе ихъ выражается въ этомъ безпокойномъ, непрерывномъ потокѣ измѣненій, которымъ отличается физиологія эфесскаго мыслителя; у него ни та, ни другая сила не торжествуетъ окончателно.

Въ мышленіи элеатовъ утверждается одно изъ этихъ противоположныхъ началъ; другое отрицается и исключается. Которое же удерживается, и которое исключается? Исключается то начало, которымъ условливается «рожденіе вещей», многообразная природа, исключается движущая сила космогоническаго процесса и удерживается начало, противящееся образованію космоса. Мышленіе элеатское есть какъ бы реакція и возстановленіе той первоначальной сущности, которая поколебалась въ умозрѣніи милетскихъ физиологовъ и была вынуждена подчиниться дѣйствию начала противоположнаго. Въ элеатахъ мысль энергически и упорно возвращается къ созерцанію того однороднаго бытія (*μονογενές*), которое, по смыслу общей системы, было въ ней первымъ терминномъ. И такъ какъ возвращеніе къ первоначальному созерцанію было у элеатовъ реакціей, то это созерцаніе не представляетъ у нихъ того спокойнаго характера, какимъ оно отличается у пифагорейцевъ. Пифагорейцы были преданы созерцанію области неизмѣнныхъ и вѣчныхъ движеній, но не отрицали возможности другаго бытія. Напротивъ, они признавали область природы, любящей измѣненія, но видѣли въ ней лишь царство безпорядка, бытіе подчиненное, неспособное быть предметомъ мудрости. Въ пифагорейскомъ мышленіи не замѣтно никакихъ слѣдовъ борьбы, никакого стремленія подавить стремленіе противоположное, и въ пользу одного начала исключить другое. У нихъ мирно господствуетъ одно начало и не противится отдаленному и слабому дѣйствию другаго. Что же касается до элеатовъ, то, возвращаясь къ первому термину системы, они уже не могутъ оставаться спокойными созерцателями. Въ нихъ одно изъ борющихся началъ собираетъ всю свою силу и съ напряженіемъ исключаетъ все, что можетъ казаться ему противоположнымъ. Все даже самыя отдаленныя признаки соприсутствія другаго начала устраняются, и усиленно возстановляется характеръ бытія, отъ котораго мышленіе уже отдалилось. Все признаки, которыми это бытіе характеризуется, высказываются и утверждаются, какъ такіе, а не другіе. Всякая возможность инаго бытія тщательно устраняется. Такое настроеніе мышленія естественно способствовало развитію діалектики, которая, по свидѣтельству Аристотеля, впервые возникла въ элеатской школѣ. Своимъ положеніемъ элеатскіе мыслители должны были необходимо держать какъ постулатъ, доказывать и подтверждать его, оспаривая и отвергая все съ нимъ несогласное. Съ другой стороны весьма понятно, почему діалектика элеатская имѣетъ только отрицательное значеніе и совершенно бесплодно вращается какъ бы на одномъ мѣствѣ; ясно также, чѣмъ она отличается отъ позднѣйшей діалектики Сократа, который находилъ, что эти мыслители, «какъ

лучашие все въ одномъ своимъ положеніемъ, равно какъ и своимъ отрицаніемъ, говорить одно и тоже, и потому при всей кажущейся диалектикѣ своей не могутъ сойтись съ мѣстами...

Ксенофанъ примыкаетъ непосредственно по своему физиологическому воззрѣнію къ милетскимъ мыслителямъ. Въ его мышленіи происходилъ тотъ же самый процессъ матеріализаціи, какой мы видѣли у нихъ. Ксенофанъ также созерцалъ ту всеобщую космическую противоположность, которая обозначалась ими, какъ противоположность «сухаго и влажнаго», и самъ обозначалъ ее этими же терминами (*). Онъ также видѣлъ въ этомъ началѣ влажности начало земнаго бытія, и также производилъ изъ этого начала вещественную одежду неба (**). Въ немъ мысль уже достаточно смягчилась, какъ и у іонійскихъ стихіологовъ,—онъ самъ былъ стихіологъ,—и благодаря этой мягкости; мышленіе его было способно, какъ видно изъ некоторыхъ слѣдствій въ преданіяхъ объ немъ, присматриваться съ цѣлю познанія къ явленіямъ дѣйствительнаго міра. Такъ, напримеръ, раковины и другіе продукты моря, замѣченные имъ въ сицилійскихъ каменоломняхъ и другіхъ мѣстахъ, послужили ему для примѣненія его метафизическихъ воззрѣній; такъ какъ земль въ порядкѣ стихійныхъ измѣненій предшествуетъ вода, то Ксенофанъ нѣсколько грубымъ по ротомъ (называлъ же его Аристотель *μικροῦ ἀφροκότερος*) своего общаго положенія, объяснялъ отсюда это явленіе. Конечно, колофонскій рапсода не былъ ни ученикомъ, ни учителемъ милетскихъ физиологовъ или Гераклита. Во всѣ умы вторгалась одна общая система съ своими терминами, и Ксенофанъ былъ отчасти выразителемъ того же самаго момента въ этой системѣ, которому были вполнѣ преданы его іонійскіе соотечественники. Мы говоримъ отчасти, потому что Ксенофану выпала жребій быть представителемъ другаго настроенія, и тѣмъ положить начало особой школѣ. Въ этомъ процессѣ стихійныхъ измѣненій, онъ почувствовалъ призывъ остановиться. Разнообразіе возникавшихъ предъ его мыслию явленій помутилось, и онъ невольно сосредоточился на одномъ представленіи или, лучше сказать, на представленіи единаго (*τοῦ ἑνός*). «Куда ни обращаю взоръ, все разрѣшается и сливается въ одно», говоритъ онъ, или заставляетъ его говорить силлографъ Тимонъ. Мысль его потеряла пузь къ разнообразной живой природѣ. Ему стала непонятна возможность движенія, происхожденія, измѣненія, и вообще всякая возможность. Унесенный «путемъ вверхъ», онъ какъ бы забылъ обратный путь и остался въ недоступной области чистаго бытія. «Взирая на цѣлое небо, онъ, говоритъ, что это единое есть божество».

Впрочемъ реакція, которая представляется намъ въ первоначальникѣ элеатской школы и вообще въ этой школѣ, не есть простое уничтоженіе предъидущихъ представленій. Эта реакція, какъ и всякая реакція, необходимо предполагаетъ то, что ее вызвало. Элеатское созерцаніе единой сущности, повторимъ, не было тѣмъ непосредственнымъ созерцаніемъ (***) , какое мы открываемъ въ древней пифагорейской школѣ. То, что высказано нами выше по этому поводу, должно быть пополнено еще слѣдующими соображеніями. Хотя въ мышленіи элеатскомъ и выражается возвращеніе къ первому термину системы, однако тѣмъ не менѣе въ ходъ цѣлой системы оно представляетъ собою моментъ позднѣйшій. Возра-

(*) Иоаннъ Филопонъ in Arist. Phys. d. p. 2.

(**) Стобій Ecl. phys., p. 522. См. у Карстена p. 162. sqq.

(***) Критику моему кажется страннымъ выраженіе: непосредственное созерцаніе; но созерцаніе иное и быть не можетъ, какъ непосредственное.

щаясь из стихийных изменений, от начатков материализованного бытия, къ строгому и исключительному единству, элеатское мышление выражает собою тотъ моментъ системы, который непосредственно слѣдуетъ за представленіемъ стихийныхъ переходовъ. При внимательномъ вниканіи мы усмотримъ, что господствующее понятіе элеатской школы соответствуетъ тому, что въ представленіяхъ орфическихъ является подъ видомъ космическаго яйца (см. выше). Это тотъ *κῆτος*, пузырь, въ которомъ стягивается и удерживается развитіе космоса. Это то самое единство, которое объемлетъ возникающее разнообразіе и какъ бы поглощаетъ его, та самая «закруглившаяся и круговратно носящаяся безпредѣльность». Это, словомъ, представленіе хаоса, въ смыслѣ смѣшенія начинающихъ выдѣляться и не могущихъ выдѣляться элементовъ, и притомъ представленіе этого смѣшенія, взятое со стороны невозможности выдѣляться, со стороны того единства, которое держать вмѣстѣ множественность, стремящуюся выйдти на свѣтъ. Выше, при изложеніи общей системы, приводили мы относящуюся сюда философеу Анаксагора о смѣшеніи, въ которомъ «всѣ вещи были вмѣстѣ». Этотъ самый моментъ, въ ходѣ общей системы, какъ намъ кажется, выразился въ элеатской школѣ, или, лучше сказать, создалъ эту школу.

Парменидово ученіе о единой сущности, взятое отвѣченно, внѣ связи съ другими представленіями, потеряетъ всякій цвѣтъ и всякое историческое значеніе. Тѣ же самыя черты, какими Элеать характеризуетъ эту сущность, могутъ быть встрѣчены вездѣ, въ самыхъ противоположныхъ философіяхъ. Въ системѣ мыслимаго есть не одинъ пунктъ, къ которому могутъ относиться эти черты. Точно также Анаксимандръ характеризуетъ свое «начало»: оно также является у него «негибнущимъ», «вѣстареющимъ», и это начало есть тоже самое, что и Парменидово «сущее», только иначе представляющееся мысли. въ иномъ моментѣ, въ иномъ пунктѣ. Многія черты у Парменида, вырванныя изъ связи, прямо совпадаютъ съ субстанціей Спинозы, съ его *actus purus*. Но если мы будемъ такимъ образомъ выхватывать философемы изъ ихъ окруженія, то тутъ-то, напротивъ, и утратится ихъ историческій смыслъ. А потому историкъ долженъ обратить пристальное вниманіе на всѣ тѣ черты, которыя исключительно принадлежатъ изучаемому мыслителю, и даютъ опредѣленный цвѣтъ и историческое положеніе его ученію. Откуда у Парменида, съ общими опредѣленіями единого и сущаго, являются понятія «о цѣняхъ предѣла, въ которыхъ необходимость держать эту сущность». Мой критикъ, любитель безконечнаго, почему не скандализуется этою «опредѣленностію» единого (*τὸ ἐν πεπερασμένῳ*)? Неужели онъ думаетъ, что надобно скрыть, а не поставить на видъ тѣ выраженія элеатскихъ мыслителей о единомъ (напримѣръ *шаровидное, подобное круглой сферѣ*), которыя сближаютъ его съ космическою сущностію іонійскихъ физиологовъ, этихъ мыслителей, съ которыми соединила ихъ исторія? Критикъ, даѣе, наткнулся на важное затрудненіе, возникающее

для изслѣдователя, желающаго связать объ части Парменидова ученія, ту часть, въ которой отрицается всякая возможность движенія и измѣненія, съ тою, гдѣ, не смотря на это, излагается однако представленіе объ измѣненіяхъ и переходахъ, подобное іонійской стихіологіи. Критикъ говоритъ, что я мало занялся этимъ пунктомъ, и начинаетъ самъ всячески хлопотать для объясненія его, хватается за Аристотеля, потомъ за Целлера, и кончаетъ ничѣмъ: «Ясно, говоритъ онъ, что охраняя чистоту и цѣльность своего понятія о единомъ, и представляя единое въ радикальной противоположности съ многообразіемъ измѣняющихся вещей, они не могли ни возвыситься надъ этою противоположностію, ни рѣшительно отринуть бытіе міра дѣйствительнаго». Конечно, очень ясно и очень удовлетворительно.

У Гераклита борются два враждебныя между собою начала, изъ коихъ одно противится происхожденію вещей, другое есть сама эта сила происхожденія. Мысль элеата сосредоточивается на томъ изъ двухъ представляемыхъ началъ, которое противится производительному движенію, и передается этому началу. Какимъ представляется ей это начало, такою является и сама она, — и сама отрицаетъ всякую множественность, раздѣльность, движеніе. Однако, вынуждаемая дѣйствительностію, она должна уступить, и хотя съ отвращеніемъ, хотя какъ ложь и призракъ, должна допустить, что такъ упорно отрицала. Сила происхожденія и рожденія являлась Пармениду какъ нѣчто мерзостное и гнусное, и проклиная ее, онъ какъ бы хочетъ этимъ сохранить вѣрность своему исключительному началу.

Парменидъ указываетъ на ту самую космическую противоположность, съ которою мы уже такъ часто встрѣчались. Элеаты, говоря объ этой противоположности, видятъ въ ней, конечно, нѣчто чуждое своему мышленію, и потому не прямо учтъ объ ней, а какъ бы ссылаются на другихъ. «Допускаютъ два вида сущаго, изъ коихъ одинъ принимать не слѣдуетъ, и принимающіе его заблуждались. Эти два вида считаются противоположными, и знаки (обозначенія) даны имъ совершенно различныя. Одинъ—эирный огонь, легкій, свободный, совершенно себѣ равный, и отличный отъ другаго, противоположнаго. Другой же, противоположный видъ — темная ночь, густое, тяжелое тѣло». «Такъ какъ все обозначается свѣтомъ и ночью, то все исполнено и свѣта и ночи темной». «Въ срединѣ находится женское начало (*ἡ Δαιμων*), управляющее всѣмъ, начало гнуснаго рожденія и смѣшенія»...

Объявляя нестаннымъ и призрачнымъ бытіе природы, элеаты, входя въ эту призрачную область и по необходимости касаясь присущаго ей дуализма, не можетъ однако удержаться, чтобы не сказать: «изъ двухъ видовъ этой противоположности одинъ не слѣдовало бы допускать: онъ ведетъ къ заблужденію. Этотъ видъ обуславливается тяготѣніемъ къ матеріализаціи, къ природѣ: это-то

онъ называетъ «темною ночью». За то въ другой части этой же противоположности онъ не могъ не узнавать своего кореннаго начала; его онъ допускаетъ охотно, подъ именемъ свѣта, зѣбра, огня; въ немъ усматриваетъ существенный признакъ своего начала: этотъ огонь есть бытіе совершенно равное, тождественное себѣ. Такимъ образомъ элеать какъ бы невольно внесъ то, что признавалъ за единственно-истинное, въ область призраковъ. Онъ незаметно увлеченъ теченіемъ процесса, и во всемъ происходящемъ признаетъ соприсутствіе сушаго и не сушаго, свѣта и ночи. Но ему противна сила происхожденія.... Элейскіе мыслители усматривали теченіе процесса далѣе того пункта, до котораго простиралось мышленіе іонійскихъ стихіологовъ. Природа въ своемъ тѣснѣйшемъ значеніи является Пармениду уже вблизи, какъ нѣчто предстоящее. Но усматривая «рожденіе» вѣщей онъ отвращается отъ него съ омерзѣніемъ, и не имея другой возможности устранить этотъ нежеланный для него моментъ, отрицаетъ его истинность.

И такъ позволяю себѣ остаться убѣжденнымъ, или, какъ выражается мой критикъ, «питать убѣжденіе», что связь между двумя частями Парменидова ученія можетъ быть понята и объяснена только съ помощію того воззрѣнія, которое изложено въ Очеркахъ. По крайней мѣрѣ, вопреки голословному обвиненію критика, что я слишкомъ мало занялся этимъ пунктомъ, могу сказать, что я занялся имъ болѣе (хотя, можетъ быть, и хуже) прочихъ изслѣдователей.

Послѣ всего, читатели могутъ теперь судить, какой вѣры заслуживаютъ приговоры г-на Н. Радуюсь за него, что онъ скрылъ свое имя, и смѣю «питать убѣжденіе», что какова бы ни была его статья, онъ самъ гораздо лучше ея, и потому въ душѣ своей отречется отъ ней и осудитъ ее самъ.—Что касается до его похвальныхъ словъ о моихъ талантахъ и моемъ трудѣ, то я не могу принять ихъ отъ такого цѣнителя. Есть ли какія-нибудь достоинства въ моемъ трудѣ, или нѣтъ, мой рецензентъ также мало могъ усмотрѣть и оцѣнить ихъ, какъ и недостатки этого труда. Эти недостатки я вижу и знаю, и если мнѣ придется когда-нибудь писать о томъ же предметѣ, то трудъ мой во многомъ можетъ быть улучшенъ и исправленъ, а въ чемъ именно, то осталось тайною для моего критика.

М. КАТКОВЪ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ВОЖНУЮ РОССІЮ И КРЫМЪ ЧЕРЕЗЪ
ВЕНГРІЮ, ВАЛАХІЮ И МОЛДАВІЮ**, совершенное въ 1837 г.
Анатолиемъ Демидовымъ. Изданіе, украшенное рисунками
Раффе. (Переводъ съ французскаго). Москва. 1853. стр. 545.

Статья II.

Южная Россія.

Выдержавъ въ Скулянахъ опредѣленный карантинный срокъ, путешественники прибыли наконецъ въ Россію. Мы не будемъ здѣсь слѣдовать за ними въ подробностяхъ, потому что большая часть сообщаемыхъ ими свѣдѣній для насъ не новость. Замѣтимъ только то, что показалось намъ особенно любопытнымъ.

Одесская гавань, хорошо защищенная отъ южныхъ вѣтровъ, открыта сухимъ восточнымъ. Она раздѣлена тремя молами на три бассейна, изъ которыхъ одинъ, опредѣленный для кораблей, подвергается карантину, простирается у самаго лазарета и крѣпости, а два другіе назначены для военныхъ и купеческихъ судовъ, проходящихъ изъ странъ, гдѣ не предполагается чумы. Внѣшняя часть бухты представляетъ прекрасное якорное мѣсто для самыхъ большихъ судовъ, но, къ сожалѣнію, часто подвержена восточнымъ и особенно юго-восточнымъ вѣтрамъ. Эти страшные вѣтры, пронесаясь черезъ все Черное море, вгоняютъ въ Одесскую гавань бурныя, ничѣмъ неудержимыя волны».

На мѣстѣ нынѣшней одесской крѣпости и лазарета въ прошломъ столѣтіи была турецкая крѣпость Хаджи-Бей, гдѣ жилъ паша. Она взята адмираломъ де-Рибасомъ и включена въ число Черноморскихъ крѣпостей для установленія связи между Овидіополемъ, охранявшимъ устье Дуная, и Тирасполемъ на устьѣ Днѣстра. Въ 1794 году крѣпость вновь перестроена и основана одесская цитадель на развалинахъ стараго мусульманскаго замка. Въ томъ же

году стеклось сюда множество поселенцевъ и образовался торговый станъ, а вскорѣ и городъ. Спустя годъ по основаніи, здѣсь считалось 2,300 человекъ мужскаго и 1,600 женскаго пола,—Грековъ, Евреевъ и Болгаръ. Относительно названія города, Императрица, потребовавша мнѣнія академіи, потому что близъ этого мѣста существовалъ прежде греческій городъ Одиссеосса или Одиссосъ (Улиссовъ городъ), почему новый городъ и названъ Одессою. Въ 1796 году устроена полиція и биржа. Въ этомъ году уже пришло сюда 96 иностранныхъ купеческихъ судовъ.

По кончинѣ Императрицы, де-Рибасъ былъ отозванъ, и управленіе поручено контръ-адмиралу Пустошкину. Въ 1797 году, въ Одессѣ было 400 домовъ и 5,000 жителей. Здѣсь существовалъ всего одинъ заводъ для дѣланія пудры!

Въ 1801 году, благодаря управлявшему министерствомъ торговли, князю Гагарину, портовыхъ работы въ Одессѣ возобновились; достроены разныя морскія заведенія и основанъ карантинъ, устроены запасныя магазины для хлѣба. По восшествіи на престолъ Императора Александра, Ново-Россійскій край подчиненъ общимъ законамъ имперіи. Въ Одессу явилась цѣлая колонія Болгаръ, привлеченная льготами. Вскорѣ ее освободили на 25 лѣтъ отъ платежа повинностей, избавили отъ военнаго постоя, устроили казармы, и наконецъ подарили ей окрестную землю. Десятая часть таможенныхъ доходовъ назначена для портовыхъ построекъ. При вступленіи въ управленіе Одессою герцога Ришелье, въ городъ было восемь церквей, больница, 1,000 домовъ и 9,000 жителей, въ числѣ которыхъ было всего 100 ремесленниковъ, о вызовѣ которыхъ особенно заботился новый губернаторъ; таможенныя пошлины уменьшены на 25%. На портовыхъ постройки была опредѣлена уже не десятая, а пятая часть таможенныхъ доходовъ.

Карантинъ устроили со всеми удобствами, гарнизонъ увеличили и учредили въ городѣ два большіе рынка. Открыли коммерческій судъ и коммерческую школу. Разведеніе мериносовъ умножилось. Около домовъ посажены деревья. Земледѣіе въ окрестностяхъ значительно улучшилось и распространилось, такъ что въ 1803 г. Одесса могла уже отпустить за границу на 570,000 рублей хлѣба. Во время войны многіе италянскіе купцы переселились сюда съ капиталами и свѣдѣніями въ торговлѣ. Товары, для которыхъ былъ запертъ выходъ изъ Дарданеллъ, начали приходять въ Одессу, и это доставило ей обширную транзитную торговлю, отъ чего Одесса получала 200,000 рублей прибыли. Постепенно начали возникать красивыя зданія, устроены театр, на которомъ давались италян-

скія оперы. Въ 1812 году, въ Одессѣ погибло до 2,000 человекъ отъ чумы. Вскорѣ отбылъ оттуда и герцогъ Ришелье, управлявшій Одессою 11 лѣтъ. При его отъѣздѣ было 25,000 жителей и болѣе 2,000 домовъ. Сумма торговыхъ оборотовъ простиралась на 45—50 милліоновъ рублей. Управленіе поручено графу Ланжерону, — тоже французскому эмигранту, которому, по заключеніи мира, ввѣрена должностъ генераль-губернатора Ново-Россійскаго края (1815 года).

Въ 1815 году, вывозъ простирался на сумму 14 милліоновъ рублей, спустя годъ на 37 милліоновъ, а еще черезъ годъ на 42 милліона рублей. Привозъ въ тоже время былъ 15—19 милліоновъ рублей. По недостатку судовъ выстроены огромныя магазины для складки хлѣба. Въ 1817 году Одесса была объявлена *porto-franco*. Обнесеніе таможенной ограды продолжалось два года, и стоило 300,000 рублей. Свободный привозъ допущенъ въ 1819 году. Около того же времени основанъ лицей, первымъ директоромъ котораго былъ Мишель. Тогда же устроенъ ботаническій садъ, и попытка акклиматизированія нѣкоторыхъ растений увѣчалась полнымъ успѣхомъ. Когда вспыхнула война за независимость Греціи, сюда переселились многія греческія семейства. Сюда же привезено и тѣло патріарха Григорія, замученнаго Турками.

Въ 1821 году уцредилось правильное сообщеніе между Одессою и Константинополемъ посредствомъ двухъ кораблей, ходившихъ въ опредѣленные сроки. Завелись типографія, основались журналы, дѣловыя собранія, ученые общества и увеселительныя сходбища. Въ 1823 году назначенъ генераль-губернаторомъ графъ М. С. Воронцовъ.

Въ Одессѣ присоединился къ путешественникамъ профессоръ Нордманъ, директоръ ботаническаго сада. Вотъ нѣкоторыя замѣтки изъ путешествія г. Демидова въ Крыму.

На мысѣ Пареніумъ, (мысто; ознаменованное преданіемъ объ Орестѣ и Ифигеніи) стоитъ монастырь Св. Георгія съ огромнымъ краснымъ куполомъ, на которомъ ярко свѣтятся *вызолоченныя громотводы* (*).

Балаклава съ своими Генуэзскими развалинами, возвышается на скалѣ, надъ узкою морскою губою, въ которой корабли и рыбацкія суда находятъ пристанище, какъ въ гавани. Эта губа, укрытая тамою природою, представляетъ убужище тайное и безопажное;

(*) Желательно бы было, чтобы гг. архитекторы церквей и колоколенъ принимали за правило ставить громотводы на каждомъ зданіи этого рода. Репецъ.

нѣтъ ни одной столь высокой мачты, которая могла бы быть видимою извнѣ этой губы, отсюда огражденной стѣнами громадныхъ скалъ.

«Вскорѣ, — говоритъ г. Демидовъ, — мы увидѣли Кастропуло, которое такъ прослывило уважаемое, по многимъ причинамъ, имя моего почтеннаго родителя. Передъ фасадами бѣлыхъ какъ снѣгъ кастропульскихъ домовъ тянутся, по скату холмовъ, виноградники, достигающіе до самаго песчанаго морскаго берега. Не могу выразить, какъ я былъ взволнованъ при видѣ этой собственности, которую никогда еще не посѣщаль, являвшейся передо мною какъ часть родительскаго наслѣдія, самая достойная величайшей заботливости. Намъ пріятно было остановиться на этихъ строкахъ, вылившихся изъ-подъ пера русскаго вельможи, знаменитаго въ Россіи не столько своимъ достояніемъ, сколько благороднымъ употребленіемъ этого достоянія на пользу отечества и науки, — тѣмъ болѣе, что это единственныя слова во всей книгѣ, въ которыхъ авторъ вспомнилъ о себѣ. Все прочее посвящено дѣлу, его занимавшему.

Наконецъ путешественники увидѣли чертоги, выстроенныя въ Византійскомъ вкусѣ, осыенныя національнымъ русскимъ флагомъ, — это Алука. Прибытіе ихъ привѣтствовано тремя пушечными выстрѣлами. Маякъ указываетъ входъ въ Ялтскую бухту. Пароходъ сталъ на якорь въ небольшомъ разстояніи отъ плотины, которая можетъ защитить только простыя барки отъ большихъ волнъ, налетающихъ съ открытаго моря.

Ялта небольшое мѣстечко, выстроенное на мѣстѣ древняго греческаго города, довольно обширнаго, на сѣверномъ берегу большой бухты, простирающейся между двумя мысами. Рейдъ совершенно открытъ съ юго-восточной стороны. Якорное мѣсто тѣсно и неудобно.

Крѣпость Арабатъ выстроена на песчаной почвѣ, простирающейся между Азовскимъ и Гнилымъ моремъ (Сивачемъ). Отъ вала тянется къ сѣверу естественная плотина. По бокамъ, съ одной стороны плещутъ шумныя волны, съ другой тянется что-то въ родъ болота съ водою гнилою, стоячею, постоянно издающею дурной запахъ. У сѣверной оконечности плотина пересѣкается каналомъ саженъ въ 350 ширины, которымъ оба моря соединяются. Отсюда путешественники поѣхали къ востоку вдоль по берегу Азовскаго моря, — но въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, — по безграничной степи.

Здѣсь они видѣли: миражъ. Взору представляются несуществующія озера, рѣки, величественныя деревья. Иногда простая тѣла является вдругъ въ видѣ великолѣннаго дворца.

Посвятивъ нѣсколько страницъ описанію земли Ногайцевъ и города Ногайска, колоніи Менонистовъ, Мариушля, авторъ останавливается на Таганрогѣ. Уже во время Петра Великаго было замѣчено, что вода въ Азовскомъ морѣ убываетъ, и потому для Таганрога выбрали скать мыса, откосъ котораго далеко вдающійся въ море, подавалъ поводъ надѣяться, что корабли всегда будутъ находить здѣсь мѣсто, удобное для якорной стоянки. Съ начала торговля шла успѣшно, но потомъ встрѣтились важныя препятствія. Довѣзъ наносилъ много песку, скопляющагося близъ берега. Теперь у Таганрога такъ мало воды, что товары возятъ по взморью довольно далеко отъ берега на тѣлгахъ и передаютъ на большія барки, которыя уже доставляютъ ихъ на корабли, стоящіе верстахъ въ четырехъ отъ города! Наибольшая глубина Азовскаго моря 12—15 метровъ ($5\frac{1}{2}$ — $6\frac{2}{3}$ сажень) средняя до 2 метровъ (около $2\frac{1}{2}$ аршинъ). Торговля Таганрога, прежде довольно дѣятельная, теперь упала отъ возвышенія Керчи.

Гавань Ростова не велика, но торговля довольно значительна. Нахичеванъ лежитъ на берегу Дона ниже Ново-Черкаска. Жители этого города овладѣли почти всею торговлею донскаго бассейна. Здѣшніе торговцы, между прочимъ, скупили все вино, доставляемое донскими виноградниками, и развозятъ его по южной Россіи, сбывая подъ именемъ Шато-Лафита и Го-Сотерна. Магазины наполнены шелковыми тканями и разными восточными, особенно персидскими товарами. Улицы прямыя и чистыя. Женщины такъ дикы, что путешественникамъ съ трудомъ удалось увидѣть огромныя косы тамошнихъ красавицъ, расположенныя по головѣ вѣщомъ, и ихъ шелковыя платья.

Проѣхавъ Ново-Черкаскъ и станицу Каменскую, авторъ отправился къ небольшой равнинѣ, называемой Каменкою, гдѣ нашель нѣкоторыя работы, начатыя присланными отъ него Французами, къ которымъ присоединилось, по его распоряженію, нѣсколько сибирскихъ рудоконовъ. Въ Луганахъ онъ съѣхался съ г. Де-Пле и его товарищами, которые нашли здѣсь благосклонный пріемъ. Имъ давали даже многихъ рабочихъ для содѣйствія въ разысканіяхъ.

Другая отдѣльная часть экспедиціи посѣтила внутреннія страны Крыма.

Бахчисарайскій дворецъ, какъ и прежде, открытъ для посѣтителей: въ его стѣнахъ для пріѣзжихъ готово гостепримство. Для

этого отведенъ большой флигель, обращенный къ рѣчкѣ. Здѣсь вы видите собственное жилище хановъ, гаремъ, бани, сады и высокую башню, на которой сдѣлана просторная терраса, окруженная крѣпкими рѣшетками; большая мечеть съ весьма стройными минаретами. Посреди кладбища два павильона. Дворецъ окруженъ зданіями, въ которыхъ помещались кухни, конюшни и прочія принадлежности. Въ глубинѣ двора прекрасный кіоскъ; рядомъ съ нимъ фонтанъ въ восточномъ вкусѣ; на фонтанѣ вензелевое изображеніе Императора Александра турецкими буквами. Картина заключается множествомъ садовъ и горамъ. Въ упомянутой выше башнѣ съ рѣшетками одинъ ханъ устроилъ платформу, куда жены его приходили наслаждаться прохлагою вечера и откуда могли, никѣмъ невидимыя, осматривать окрестности города. Въ гаремѣ имѣются свои бани и прохладныя мраморныя залы. Остались нѣкоторые слѣды древняго убранства: ярко-цвѣтныя стекла, зеркала и прочее.

Путешественники, между прочимъ, посѣтили равнина Караимовъ. Угощая ихъ со всѣмъ радушіемъ, самъ онъ ничего не вѣлъ. Снисходительность его простиралась до того, что онъ ввелъ ихъ даже въ женское отдѣленіе своего дома, гдѣ они видѣли трехъ женъ раввина. Впрочемъ, они видѣли только одну изъ нихъ, женщину лѣтъ двадцати, очень красивую. Двѣ другія сидѣли въ углу, закрывшись занавѣсками и не рѣшились показаться.

Синагоги Караимовъ, очень просто убранныя, владѣють двумя прекрасными экземплярами Библии, писанными на пергаментѣ и хранимыми въ бархатныхъ переплетахъ съ серебряными рѣзными украшеніями. Караимы слѣдуютъ буквально Библии, отвергая Талмудъ и всѣ толкованія раввинизма, а также разнятся отъ раввинистовъ въ обрядахъ богослуженія и въ степени родства, въ которой допускается бракъ. Повсюду они славятся какъ люди совершенно честные. Физиономія ихъ открытая и выражающая радушіе. Они чрезвычайно опрятны, вѣжливы, предупредительны, но не унижаютъ себя ни до какой подлости, и однакожь весьма способны къ торговлѣ. Въ южной Россіи ихъ не болѣе 2,000.

Въ Бахчисарай 14,000 жителей, болѣею частію Татаръ, потому что Русскихъ, Евреевъ, Армянъ и проч. всего 2,250 человекъ. Здѣсь есть православная церковь, еврейская синагога и 52 мечети. Здѣсь много школъ для первоначальнаго обученія и три медрессы, гдѣ преподають науки,—исторію, ариметику и астрологию (астрономию?). Магометанскому закону учать вофенди. Въ медресахъ до 300 воспитанниковъ, которымъ дается и квартира. Ханъ Ахметъ-

Ага и Менгли-Гирей, основавъ медрессы, велѣли въ нихъ и похоронить себя,

За тѣмъ путешественники прибыли въ Севастополь.

Гавань Севастополя составляетъ очень широкая и глубокая морская губа, вдавшаяся во внутренность западнаго берега Тавриды слишкомъ на двѣ французскія мил. Тутъ нѣтъ ни подводныхъ камней, ни опасныхъ отмелей. Входъ въ нее не затруднителенъ и защищенъ грозными укрѣпленіями, артиллерія которыхъ покрываетъ своимъ огнемъ фарватеръ во всю его длину и ширину. Въѣхавъ въ гавань, вы увидите у южнаго берега четыре обширныхъ бухты, представляющія удобный входъ и столь глубокая, что въ одной изъ нихъ, именно корабельной, трехпалубныя военныя суда могутъ безопасно останавливаться въ нѣсколькихъ линіяхъ саженяхъ отъ берега. Между двумя изъ этихъ бухтъ лежитъ Севастополь. На этомъ мѣстѣ существовалъ нѣкогда цвѣтущій греческій городъ Херсонесъ.

Куда бы вы ни взглянули въ Севастополь, всюду увидите длинныя казармы для помѣщенія гарнизона. Но онѣ не могли помѣстить всѣхъ солдатъ, употреблявшихся на работы, должествующія измѣнить видъ берега. Вскорѣ мѣсто бѣлыхъ известковыхъ холмовъ, возвышавшихся надъ бухтою, займутъ обширныя мастерскія, пространныя эспланады и глубокіе бассейны. При путешественникахъ эти холмы были уже скрыты почти до основанія. Тридцать тысячъ человѣкъ были заняты работою. Между ними обнаружилось тогда египетское воспаленіе глазъ, имѣющее будто бы заразительное свойство, и столь злокачественное, что въ одни сутки человѣкъ не рѣдко лишался зрѣнія.

Путешественники были изумлены устройствомъ доковъ, назначенныхъ для починки кораблей. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, нѣсколько выше его уровня, вырыты обширный бассейнъ. Въ немъ устроено нять доковъ для починки кораблей: въ трехъ чинятся линейныя корабли, а въ двухъ—фрегаты. Въ морѣ не подверженномъ приливамъ, осушеніе доковъ представляло трудную задачу. Ее разрѣшили слѣдующимъ образомъ: въ 18 верстахъ отъ порта, въ большой равнинѣ, прилегающей къ рейду, есть рѣчка небольшая, но многоводная, текущая по мѣсту довольно высокому. Эту рѣчку, называемую Черною, инженеры отвели въ новое русло, высѣченное въ утесъ. Здѣсь она течетъ частію въ подземномъ тоннелѣ, частію по водопроводу и наконецъ падаетъ въ устроенныя для починки кораблей бассейны. Посредствомъ воды, доставляемой этою рѣчкою, бассейны могутъ быть наполнены такъ, что

въ нихъ удобно будетъ входить самымъ большимъ 120-пушечнымъ кораблямъ и фрегатамъ. Когда корабли вводятся въ доки, вода спускается посредствомъ шлюзовъ, и корабль оставшись на сушѣ, можетъ быть починенъ. По починкѣ вода впускается снова, и корабль выводятъ солдаты, производившіе эти работы, съ одинаковою ловкостію, изъ землекоповъ обращающіеся въ плотниковъ, въ кузнецовъ, въ каменщиковъ. Проектъ принадлежитъ г. Гюптону.

Военныя верфи устроены въ Николаевѣ, положеніе котораго для этого очень благопріятно, какъ по его мѣстности, такъ и по удобству сплавлять къ нему лѣсъ изъ средней Россіи. Главный врагъ Черноморскихъ кораблей, есть незамѣтный червь, называемый *teredo navalis*; отъ разрушеній, имъ производимыхъ, русскіе военныя корабли въ Черномъ морѣ, какъ слышно, могутъ служить только восемь лѣтъ, тогда какъ на Океанѣ корабли англійскіе и французскіе, круглымъ числомъ, служатъ пятнадцать лѣтъ.

Тоннель, по которому проходитъ вода Черной рѣчки, простирается въ длину на 130 метровъ, въ вышину имѣетъ 10 французскихъ футовъ; по лѣвой его сторонѣ дорожка для пѣшеходовъ. Онъ стоилъ 15-мѣсячной работы.

Близъ Севастополя находятся развалины Инкермана. Здѣсь множество маленькихъ пещеръ. Кругомъ болота, распространяющія вредныя испаренія.

Вблизи такъ называемой сѣверной гавани находится деревня, въ которой помѣщаются обширныя магазины, защищенные грозными батареями.

Между монастыремъ св. Георгія, о которомъ упомянуто выше, и Балаклавою, дорога идетъ съ горы на гору до хорошенькой деревни Каликуи. Отсюда идетъ цвѣтушая балаклавская долина, оканчивающаяся у Балаклавской губы, окруженной высокими холмами и соединяющейся съ моремъ посредствомъ узкаго канала. Это Балаклавская гавань, въ которой могло бы безопасно помѣщаться большое количество кораблей. Во внутренности бассейна они были бы въ совершенной тишинѣ, какъ на какомъ-нибудь озерѣ, потому что окрестныя горы рѣшительно преграждаютъ путь вѣтрамъ, откуда бы они ни дули. Входъ кораблямъ запрещенъ, кромѣ тѣхъ, которые находятся въ явной опасности разбиться. Здѣсь починиваются только мелкія каботажныя суда. Городокъ Балаклава не производитъ никакой торговли. Онъ населенъ Греками, занимающимися земледѣліемъ. Въ древности онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Символона или Цимбала. Страбонъ говоритъ, что онъ принадлежалъ къ владѣніямъ Херсонеса, и что гавань Символона была

соединена посредствомъ длинной стѣны съ гаванью Херсонеса! Подлѣ Балаклавы находятся остатки древней Генуэзской крѣпости на высокой горѣ.

Посѣтивъ многія другія мѣстности, въ томъ числѣ упомянутое выше имѣніе г. Демидова, Кастропуло, путешественники этого отдѣла съѣхались наконецъ съ г. Демидовымъ въ Одессѣ.

Слѣдуетъ разсказать о кавалерійскихъ маневрахъ въ Вознесенскѣ, бывшихъ въ 1837 году въ присутствіи Государя Императора и Государыни Императрицы. На маневрахъ было всего 350 эскадроновъ, 28 баталіоновъ, 168 орудій, 52 роты артиллеристовъ, 24 эскадрона и три баттарей кантонистовъ. Кавалерійскія военныя поселенія основаны частью въ мѣстностяхъ, орошаемыхъ рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, на земляхъ казенныхъ, теперь очень плодородныхъ, но лѣтъ тридцать назадъ бывшихъ еще невоздѣланными. Здѣсь поселились нѣкоторыя семейства изъ средней Россіи, нѣсколько Болгаръ, Молдаванъ и оставшихся еще Запорожскихъ казаковъ. Мѣстность раздѣлили на округа, потомъ на села; землю, принадлежащую къ каждой деревнѣ, разбили на два участка, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ жителямъ села, такъ что каждое семейство получило по 90 десятинъ земли и домъ. Другой участокъ оставленъ за казною, но крестьяне были обязаны воздѣлывать его, посвящая ежегодно на это воздѣланіе 45 дней. Села устроены по однообразному плану; каждое село заключало 180 сохъ или земледѣльческихъ семействъ. Каждое семейство обязано было давать квартиру и пищу одному кавалеристу. Слѣдовательно, въ каждой деревнѣ поселилось 180 кавалеристовъ или эскадронъ; а какъ во всѣхъ кавалерійскихъ полкахъ военныхъ поселеній считается восемь дѣйствующихъ эскадроновъ и одинъ запасный, то девять деревень образовали полкъ. При каждомъ эскадронѣ устроили домъ для штаба, конюшни, магазины, больницу, школу, церковь. Многіе изъ кавалеристовъ переженились на молодыхъ крестьянкахъ. Начальство поощряетъ такіе браки и теперь болѣе трети людей въ каждомъ эскадронѣ уже отцы семейства. Сыновья ихъ обучаются въ школѣ, привыкають къ верховой ѣздѣ и дисциплинѣ, и двадцати лѣтъ поступаютъ во фронтъ.

У крестьянъ много земли, много скота, родится много хлѣба, и они живутъ изобильно. Селенія управляются сами по себѣ, особымъ штабомъ, независимымъ отъ эскадроннаго штаба. Въ каждой деревнѣ начальствуетъ капитанъ, который завѣдуетъ школами, назначаетъ рабочіе дни, надзираетъ за магазинами, за казен-

нымъ скотомъ и казенными вещами. Онъ же наблюдаетъ за порядкомъ и управляетъ полицією. Эскадронные суды, называемые комитетами, состоятъ изъ поручика, сержанта, приходскаго священника и трехъ поселянъ, выбираемыхъ обществомъ. Предсѣдательствуетъ эскадронный начальникъ. Не приступая къ сужденію о дѣлѣ, докладчикъ сообщаетъ о взаимныхъ притязаніяхъ тяжущихся. Потомъ истцу и отвѣтчику дается двухдневный срокъ для полюбовнаго окончанія дѣла. Потомъ ихъ судятъ. Апелляція подается въ полковой комитетъ, устроенный на тѣхъ же началахъ. Рѣшеніе этого комитета приводится въ исполненіе и обнародывается въ дѣломъ полку. Наконецъ обѣ стороны могутъ еще жаловаться бригадному начальнику, ежемѣсячно объѣзжающему свою бригаду. Онъ производитъ слѣдствіе и представляетъ дѣло корпусному командиру, рѣшающему его окончательно.

Уголовныя дѣла завѣдываются мѣстными военными судами, которымъ подсудимы не только солдаты, но и крестьяне. Генералъ-инспекторъ поселенной кавалеріи имѣетъ право, по усмотрѣнію своему, утверждать рѣшенія военныхъ судовъ, отмѣнять или смягчать приговоры.

Затѣмъ путешественники обращаются къ другимъ замѣчательнымъ мѣстамъ.

Городъ Николаевъ стоитъ при впаденіи Ингула въ Бугъ. Городъ не совсѣмъ еще обстроился. Жителей въ немъ около 5.000. Большая часть изъ нихъ принадлежитъ морскому вѣдомству. Не жалія издержекъ, здѣсь можно строить вдругъ по нѣскольку большихъ кораблей, которые, будучи спущены на воду, въ настоящее время легко могутъ быть выведены изъ этого порта, недавно углубленнаго. Прежде — для вывода кораблей въ Бугскій Лиманъ надобно было прибѣгать къ пособію такъ называемыхъ камелей, машинъ весьма сложныхъ. Корабли вооружаются въ Севастополѣ. Николаевъ безопасенъ отъ всякаго нападенія уже потому, что лежитъ далеко отъ морскаго берега. Хотя въ Бугѣ есть пороги, но къ Николаеву легко могутъ быть сплаваемы лѣсъ, деготь, пенька и прочее по Днѣпру, который недалеко оттуда впадаетъ въ море.

Херсонъ основанъ не болѣе, какъ лѣтъ пятьдесятъ назадъ (писано въ 1837 г.). Основатель его, кн. Потемкинъ, имѣлъ въ виду другое назначеніе. По своему положенію Херсонъ могъ бы быть складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ произведеній средней Россіи, сплавляемыхъ по Днѣпру. По этому, съ самаго начала, городъ былъ устроенъ въ обширныхъ размѣрахъ. Онъ быстро началъ было распространяться, но это продолжалось только до основанія Одессы.

Кораблямъ, приходящимъ изъ Средиземнаго моря, естественно лучше было останавливаться въ Одесской гавани, которая совершенно открыта, нежели въ Херсонской, куда надобно было пробираться между отмелями Днѣпровскаго Лимана, часто измѣняющими свое положеніе. Съ учрежденія въ Одессѣ *porto franco* въ Херсонѣ стали приходять только тѣ корабли, хозяева которыхъ, сложивъ свой грузъ въ Одессѣ, хотѣтъ дешевле купить шерсть и хлѣбъ. Жителей въ Херсонѣ около 20,000, домовъ до 3,600.

Перекопъ — просто большая деревня, онъ называется у Татаръ Оръ-Гани, то-есть, Царскія ворота. Въ Перекопѣ вѣзджаютъ по мосту, перекинутому черезъ ровъ довольно глубокой, но теперь начинающей обвалываться. Здѣсь находится таможня. Перекопъ складочное мѣсто огромнаго количества соли, добываемой изъ со-сѣднихъ морей и озеръ внутри полуострова. Все это однакожъ ни мало не оживляетъ степей, находящихся кругомъ Перекопа, которыя, по всему видно, составляли нѣкогда дно моря. Геродотъ, Страбонъ, Плиній предполагали, что Таврида въ древности составляла островъ, и свойство почвы, подтверждаетъ это предположеніе. Перешеекъ такъ низменъ, что изъ его средины кажется, будто стояшь ниже морей, видныхъ съ обѣихъ сторонъ, потому что весь перешеекъ имѣетъ лишь семь верстъ ширины. Сивачъ на востокъ, Черное море на западѣ.

По берегамъ Гнилаго моря и въ сосѣднихъ озерахъ добывается большое количество соли. Соль собираютъ лѣтомъ и рассылаютъ по всѣмъ направленіямъ, даже во внутренность имперіи. Татары возятъ соль на верблюдахъ, которые здѣсь достигаютъ огромныхъ размѣровъ и принадлежатъ къ особенной прекрасной породѣ. Они вообще очень кротки и послушны своимъ хозяевамъ; но бывали примѣры, что, разсердившись, умерщвляли своихъ жокаковъ.

Городъ Козловъ носитъ три названія: у Татаръ онъ называется Гуцловъ или Гейцневъ, Русскіе назвали его Эвпаторією, въ память города, существовавшаго во времена Митридата-Эвпатора на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ деревня Инкерманъ. Русскіе престолюдины, наконецъ, изъ Гуцлова сдѣлали Козловъ по созвучію. У Татаръ Козловъ былъ значительнымъ городомъ. Въ гавань его всегда приходило изъ Константинополя множество судовъ, нагруженныхъ разными товарами. Гавань эта худо укрыта, и корабли въ ней подвергаются иногда опасности; но подобныя неблагоприятныя условія не могли испугать мусульманскихъ мореходцевъ, успокоивающихъ себя предопредѣленіемъ. Теперь промышленность и торговля Козлова въ упадкѣ. Здѣсь носылилось нѣсколько Евреевъ-Каранмовъ, которые

почти безъ исключенія хорошіе золотыхъ дѣлъ мастера. Они умѣютъ превосходно дѣлать разныя убранства, требуемыя Татарками и Еврейками. Жить здѣсь дешево; съѣстныхъ припасовъ много, не смотря на малочисленность жителей; климатъ нездоровый. Хотя со-сѣдственные Свѣтскія соленыя грязи и дѣлительны въ разныхъ бо-лѣзняхъ, но испаренія ихъ едва ли полезны. Здѣсь часто бываютъ эпидемическія лихорадки.

Лучшее зданіе въ Козловѣ — обширная мечеть, называемая Джума Джаман. Она увѣнчана смѣлымъ куполомъ, вокругъ кото-раго возвышается еще шестнадцать куполовъ. Стѣны зданія очень толстыя, узкія, стрѣльчатыя, въ Византійскомъ вкусѣ. При мечети находятся два минарета, но верхушки ихъ сломаны вѣтромъ и об-ломки еще валяются вокругъ нихъ. Эта мечеть самая красивая и обширная во всемъ Крыму, была выстроена въ 1522 г. ханомъ Девлетъ Гиреємъ, что доказывается актомъ, въ ней сохраняющимся, на которомъ подписались одинъ за другимъ всѣ восемнадцать хановъ, властвовавшихъ послѣ того въ Крыму.

Путешественники всходили на Чатырь-Дагъ. Вышина этой горы, по ихъ мнѣнію, съ западной стороны 1580 (724 сажени), а съ восточной 1510 метровъ. Подобно многимъ другимъ горамъ, Чатырь-Дагъ, пересѣкаетъ движеніе паровъ, которые иногда скопляются въ видѣ бѣловатой массы около его вершины. Татары говорятъ тогда: «будетъ дождь: Чатырь-Дагъ надѣлъ колпакъ». Древніе на-зывали эту гору Берозусомъ, но кромѣ того они какой-то горѣ въ Тавридѣ давали имя Трапезоса. Можетъ быть, и то и другое имя принадлежало Чатырь-Дагу. Дѣйствительно вершина горы имѣетъ форму, близкую и къ трапеціи. Здѣсь находитъ большая пещера, до сихъ поръ не вполне извѣстная по причинѣ своей величины и множества переходовъ; въ ней находятся огромныя массы льда, сохраняющіяся изъ года въ годъ, отъ одной зимы до другой. Первая зала, осмотрѣнная путешественниками, вышиною до 80 футовъ.

Въ Симферополѣ путешественники видѣли выставку крым-скихъ произведеній. Между прочимъ они обратили вниманіе на спо-собъ сохраненія якры. Ее обливають воскомъ. Не знаемъ до какой степени это удастся, но знаемъ, что подобнымъ образомъ хорошо сохраняютъ яйца. Въ Симферополѣ сверлится Артезіанскій колодезь. На 25 футахъ глубины буръ наткнулся на какую-то окаменѣлость. Это былъ клыкъ мамонта. Здѣсь 8,000 жителей (3,000 Татаръ, 1,700 Русскихъ, 900 цыганъ), болѣе 900 домовъ, два госпиталя — военный и гражданскій, три греческія церкви, католическая ка-

пелла, армянская церковь и пять мечетей, гимназія, нормальная татарская школа (осн. въ 1828 г.). Въ октябрѣ бывають скачки, на которыя съѣзжается лучшая часть татарскаго народонаселенія. Городъ выстроенъ на открытомъ безплодномъ мѣстѣ; одною стороною онъ примыкаетъ къ рѣчкѣ Салгиру, текущей въ узкой долинѣ, поросшей прекрасными деревьями. Симферополь находится въ центрѣ Крыма. Татарское названіе его Акъ-Мечеть.

Кара-су-Базаръ послѣ Севастополя самый населенный городъ въ Крыму. Жителей до 15,000 человекъ; городъ лежитъ между двухъ рѣчекъ, не рѣдко выходящихъ изъ береговъ. Каждый вечеръ здѣсь бывають туманы, вредные, какъ слышно, для здоровья и порождающіе эпидемическія болѣзни. «Второе неудобство, на которое жители очень жалуются, состоитъ въ томъ, что недалеко отъ города находится огромная гора, состоящая изъ бѣлыхъ утесовъ, которые, будучи озарены солнцемъ и сильно отражая его лучи, дѣйствуютъ не только вреднымъ образомъ на зрѣніе, но въ лѣтнее время еще до крайности увеличивають степень жара». Другое замѣчаніе путешественниковъ состоитъ въ томъ, что съ вершины горы легко видѣть внутренность города, и даже то что дѣлается въ таинственныхъ жилищахъ мусульманъ. Ужь не эта ли причина жалобъ на бѣдную гору?

Домовъ здѣсь болѣе 700, 24 минарета, много мечетей, греческая церковь, церкви католическая и армяно-грегоріанская и нѣсколько синагогъ. Въ самой серединѣ города находится ханъ или укрѣпленный базаръ. Это четверугольный обширный дворъ, обнесенный каменною стѣною, внутренняя сторона которой занята магазинами и галлереями. Онъ построенъ въ 1656 г. Входъ одинъ и запирается крѣпкими воротами, обитыми желѣзомъ.

Это очень похоже на нашу стѣну Китай-города.

Путешественники присутствовали при татарской религіозной церемоніи — *плескъ дервишей*. Около девяти часовъ вечера двадцать человекъ очень старыхъ дервишей пришли въ мечеть и стали посрединѣ въ кружокъ, въ центрѣ котораго находился мулла. Каждый дервишъ началъ пѣть и потихоньку кружиться, а мулла пѣлъ громче ихъ всѣхъ и кружился гораздо быстрее въ противоположную сторону. Мало-по-малу всѣ дервиши стали кружиться быстрее и быстрее, пѣніе ихъ раздавалось непрерывно громче и громче, а подъ конецъ всѣ они кружились съ неизвѣстной быстротою. Цѣлыя двадцать минутъ происходило такое круговращеніе, и во все это время дервиши то кружились, то падали, то вдругъ вскакивали, при чемъ испускали дикіе вопли, обращаясь постоянно въ лѣвую

сторону. Когда одни уставали, ихъ замѣняли другіе, и это продолжалось цѣлый часъ, пока всѣ выбились изъ силъ, и снытыкалась, разбрелись по домамъ. «Это безсмысленное зрѣлище, — говоритъ путешественникъ, оставило въ насъ какое-то тягостное чувство, отъ котораго мы не скоро могли освободиться». Съ этимъ можно поспорить. Обрядъ едва ли безсмысленъ, но, конечно, не легко донскаться смысла. Одна изъ важныхъ задачъ для изслѣдователей религіи Магомета состоитъ въ опредѣленіи всѣхъ ея наростовъ, видимо пришедшихъ извне. Къ такимъ наростамъ надобно отнести конечно все то, что относится до деревней.

За тѣмъ слѣдуетъ поѣздка къ источникамъ рѣки Кара-су. Здѣсь, между прочимъ, путешественники хотѣли узнать, справедливо ли мнѣніе о присутствіи будто бы въ горѣ литографическаго камня. Результатъ вышелъ отрицательный.

Въ Феодосіи еще вполне уцѣлѣли слѣды генуэзскаго владычества. Цѣлая улица, идущая параллельно морскому берегу, имѣетъ фюзіономію совершенно италіанскую. Всѣ дома снабжены аркадами какъ въ Болоньѣ. Въ улицахъ, перпендикулярныхъ къ ней, всѣ зданія уже русскія, а далѣе тянутся предмѣстія, населенныя Татарами. Городъ расположенъ полукругомъ, въ видѣ амфитеатра, на скатѣ холма. Онъ обращенъ прямо къ Востоку; у подошвы его обширный рейдъ. Для купеческихъ кораблей, стоящихъ на этомъ рейдѣ, опасны только одни восточные и юго-восточные вѣтры. Дно рейда крѣпкое, удобное для якорной стоянки. Два деревянные мола и множество мелкихъ судовъ способствуютъ къ выгрузкѣ и нагрузкѣ кораблей. Къ Италіанской улицѣ примыкаютъ двѣ огромныя площади: на одной изъ нихъ съѣстной рынокъ, на другой некогда стояла прекрасная мечеть, построенная по образцу св. Софіи, и великолѣпныя бани, выложенныя внутри мраморомъ. Оба зданія разрушены самими Татарами, по присоединеніи Крыма къ Россіи. Многія мечети обращены въ христіанскія церкви разныхъ исповѣданій. Въ одной бывшей мечети помѣщается Феодосійскій музей. Въ бывшей генуэзской цитадели устроенъ прекрасный карантинный лазаретъ. Жителей въ Феодосіи считается 4,500 человекъ. Въ ней есть церкви — греческая и армяно-католическая, мечеть, двѣ синагоги: одна для Караймовъ, другая для раввинистовъ. Въ Музѣ замѣчательны собраніе гербовъ, два колоссальныя мраморныя льва, найденныя на днѣ моря въ Киммерійскомъ Босфорѣ; мраморный пьедесталь, привезенный изъ Анапы, на которомъ должна была стоять статуя Цереры, какъ видно изъ подписи, и надгробный памятникъ, дока-

зываютъ, что и послѣ завоеванія Феодосіи Турками нѣкоторые Генуэзцы оставались здѣсь и жили въ почетѣ. Есть и еще генуэзскіе памятники; много древнихъ вещей и наконецъ значительное собраніе предметовъ естественной исторіи.

Одна часть карантинна устроена на развалинахъ бывшаго монастыря св. Василія. Этотъ монастырь долго сопротивлялся переворотамъ, происходившимъ въ Кафѣ, но наконецъ ѣ онъ палъ, а вмѣстѣ съ нимъ, говорятъ, погибла прекрасная библіотека, собранная въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Пропускаемъ описаніе Керчи, не менѣе интересное, но болѣе знакомое по своему предмету. Въ присутствіи путешественниковъ Керчь была осчастливлена посѣщеніемъ Государя Императора.

Изъ Керчи путешественники ѣздили въ Тамань и Бугай.

Книга оканчивается краткимъ очеркомъ исторіи Крыма и разсказомъ о концѣ экспедиціи. Нѣкоторые изъ ея членовъ, оставшіеся въ Одессѣ послѣ другихъ, были задержаны внезапно появившеюся тамъ чумою, отъ чего городъ былъ оцѣпенъ. Такимъ образомъ оставалось избрать одно изъ двухъ: или подвергнуться карантину или ѣхать черезъ Константинополь, на что они и рѣшились. Изъ Константинополя они отправились на пароходѣ Дантъ, который 7 ноября снялся съ якоря; на другой день они встрѣтились въ Дарданеллахъ съ турецкимъ флотомъ, а чрезъ нѣсколько часовъ видѣли французскую эскадру между Тефедосіей и Троянскимъ берегомъ, были въ Смирнѣ, столкнулись съ австрійскимъ пароходомъ, зашли въ Мальту, и наконецъ, спустя шесть мѣсяцевъ по выѣздѣ изъ Франціи, прибыли въ Марсель.

Переходимъ теперь къ разбору четвертаго тома.

Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и Арсеній архіепископъ Суздальскій. Владимиръ. 1854, 8 стран. въ 12 д. л.

Заглавіе этой брошюры обещало слишкомъ много. Мы ожидали найдти въ ней новооткрытыя извѣстія о сношеніяхъ освободителя отечества съ архіепископомъ Арсеніемъ, чтд-либо бросающее новый свѣтъ на великую эпоху торжества народнаго духа въ началѣ XVII столѣтія. Ожиданія наши, жь сожалѣнію, не сбылись. Выписавъ изъ Пролога (подъ 22-мъ числомъ октября) разсказъ объ избавленіи Москвы отъ Литвы, и изъ Исторіи о Суздальи, Ананія Феодорова, мѣсто объ осмотрѣ могилы архіепископа Арсенія въ 1625 году, авторъ заключаетъ: «Такимъ образомъ, два знаменитые мужа,

бывшіе, по Промыслу Божию, орудіями въ избавленіи нашего отечества отъ ига иноплеменныхъ, почиваютъ сномъ смертнымъ отъ дѣлъ своихъ въ древнемъ градѣ Суздаль, одинъ въ святой обители въ кругу своего семейства, другой въ Божіемъ храмѣ, въ сонмѣ іерарховъ суздальской паствы». Больше ничего и не сказано въ этой статьѣ. Автору неизвѣстны были даже акты Археографической экспедиціи, гдѣ есть кой-какія свѣдѣнія объ Арсенинѣ.

За вѣру, Царя и Отечество! Оригинальное народное представленіе въ трехъ картинахъ, съ русскими пѣснями, плясками и военными куплетами, соч. актера *П. Григорьева* 1. Вся музыка изъ національныхъ русскихъ пѣсень аранжирована для оркестра и хоровъ В. М. Кажинскимъ. Санкт-петербургъ. Въ типографіи Эдуарда Веймара. 1854 года, 97 страницъ въ 12 доло листа.

Нынѣшняя война пробудила дѣятельность по всемъ отраслямъ нашей литературы. Слова духовныхъ пастырей, ученые трактаты, поэтическія произведенія, — словомъ все то, въ чемъ выражается духовная жизнь націи, отозвалось на воззваніе Того, Кто рѣшился защищать Вѣру православную и честь своего народа. Патріотическое чувство принимало на себя всѣ формы поэзіи; оно выражалось и въ лирическихъ произведеніяхъ, и въ баснѣ, и въ сатирѣ, и наконецъ въ драмѣ. Произведеніе г. Григорьева только отчасти принадлежитъ къ драматическимъ. Въ немъ нѣтъ тѣхъ условій, которыя составляютъ внутреннюю сущность драматическаго произведенія, а потому авторъ и назвалъ его не драмой, а народнымъ представленіемъ. Впрочемъ оно должно быть очень эффектно на сценѣ. Великодушныя черты русскаго народа, готоваго жертвовать и жизнью и имуществомъ для вѣры, Царя и отечества, изображенныя въ этой пьесѣ; патріотическія пѣсни, имѣющія предметомъ современные происшествія; наши народные мотивы, на которые положены эти пѣсни, — все это должно производить сильное впечатлѣніе на зрителя. Пьеса заключается слѣдующей патріотической пѣсней:

Честь и слава народу Россійскому!
 2. Слава! (*повторяютъ всѣ*).
 И всему Православному воинству!
 2. Слава!
 Честь и слава героямъ Отечества!
 2. Слава!

Честь и слава на сушь и на морь!
 2. Слава!
 Со крестомъ, и мечемъ наши витязи,
 2. Слава!
 Отстоять и спасуть Православіе!
 2. Слава!
 И воскликнуть весь міръ победителямъ:
 2. Слава!
 Всѣмъ---за Вѣру, Царя и Отечество
 2. Слава!
 Честь и слава отнынѣ и довѣка!
 Слава! Слава! Слава!

ДУША И СЕРДЦЕ, ВСЕ ОТЧИЗНА. Разсказъ московскаго купца А. М...ва. Сочиненіе *Безсонова*. С.-Петербургъ. Въ типографіи Якова Трел. 1854 г. 74 стр. въ 12 долю листа.

Уже по одному заглавію читатели могутъ судить о тѣхъ прекрасныхъ, благородныхъ и раздвляемыхъ всей Россіей чувствахъ, которыя выражены въ этой книжкѣ.

ГОМЕОПАТИЧЕСКІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ ОСТРЫХЪ И ХРОНИЧЕСКИХЪ ДѢТСКИХЪ БОЛЕЗНЕЙ. Соч. доктора *А. Теста*. Переводъ съ французскаго, съ приложеніями *В. Дерикера*. С.-Петербургъ, 1854. 421 стран.

Въ слѣдъ за «Физиологическою Исторіею женщины», г. Дерикеръ выдалъ «Лечебникъ дѣтскихъ болѣзней», книгу столь же важную по содержанію и столь же полезную и необходимую для матерей семействъ. «Физиологія женщинъ» поучаетъ матерей обращать вниманіе на явленія собственной природы; предлагаемый «Лечебникъ» укажетъ имъ средства предупреждать и лечить болѣзни милыхъ имъ дѣтей. Обѣ книги должны быть настольными у матерей и воспитательницъ; онѣ притомъ и написаны такъ понятно и литературно, что могутъ быть читаны съ удовольствіемъ даже теми, кому онѣ вовсе не нужны. Одно можетъ остановить заслуженный успѣхъ «Лечебника» — его прилагательное: «гомеопатическій». Аллопаты предпишутъ выбросить «Лечебникъ» г. Дерикера за окно подъ карою немедленной кончины всѣхъ пациентовъ, уклоняющихся отъ впократической методы леченія; многіе и бросятъ книгу. Борьба съ гомеопатіею еще не кончена; безпристрастіе еще не примирило крайностей двухъ методъ; но аллопатія въ тихомолку уже воспользовалась многими открытіями гомеопатіи: уменьшила прописываемыя приемы лекарствъ, отказалась отъ слишкомъ сложныхъ микстуръ.

Два лагеря стоят враждебно одинъ противъ другаго. Но послѣдователи Ганемана моложе, бодрѣе, съ бѣльшими надеждами на будущее, съ увѣренностью въ предстоящемъ торжествѣ. Можетъ быть, они и протрубятъ побѣду; но еще не скоро: челоѵчество не любитъ сбрасывать съ себя предразсудки, особливо такія, которыми не менѣе двухъ тысячъ лѣтъ.

Но мы уклонились бы далеко, еслибъ вошли въ разсмотрѣніе историческаго развитія, борьбы и началъ двухъ противоположныхъ медицинскихъ методовъ, и забыли бы о книгѣ г. Дерикера, которая навела насъ на эту бесѣду. Цѣлое введеніе посвящено имъ разсмотрѣнію четырехъ общихъ вопросовъ: «что такое: гомеопатія? *similia similibus curantur*, динамизація лекарствъ и сущность болѣзней», — четыре вопроса, о которыхъ поучительно читать страницы доктора Геста, написанныя умно, просто и безъ увлеченія. Далѣе излагается Гигіена и дѣтскія болѣзни. Въ заключеніе приложены статьи: о специфическомъ средствѣ противъ оспы, о предохранительномъ леченіи дѣтей по способу Д. Гастье, и списокъ гомеопатическихъ лекарствъ, упомянутыхъ въ этой книгѣ.

Графиня де Мадень, романъ. Сочиненіе *Е. П.* Москва. Въ тип. Вѣд. Моск. Городск. Полици. Двѣ части въ 12 д. л. стр. въ I-й ч. 95, во II-й 109.

Это одинъ изъ тѣхъ романовъ, которые, со временъ Бальзака и Фридерика Сулье, выходятъ во Франціи цѣлыми дюжинами. Тутъ есть члены парижскаго общества, принадлежащіе къ различнымъ политическимъ партіямъ, образовавшимся послѣ июльскаго переворота 1830 года; есть аристократы, приверженные къ старшей линіи Бурбоновъ, и демократы, добивающіеся перскаго достоинства или по крайней мѣрѣ выбора въ члены палаты депутатовъ; есть салоны, въ которыхъ женщины управляютъ политическими мнѣніями, есть литераторы и издатели газетъ, есть любовь аристократки къ неистовому поэту, который гораздо больше нуждается въ деньгахъ, чѣмъ въ славѣ, и для котораго аристократка дѣлаетъ заемъ тайно отъ мужа; есть соперничество актрисы съ графиней, есть наконецъ покушеніе задушиться чадомъ отъ жаровни — покушеніе на эту прекрасную смерть, которая за нѣсколько лѣтъ назадъ вошла, въ цивилизованныхъ странахъ Запада, чуть чуть не въ такую же моду какъ палевыя перчатки; — однимъ словомъ тутъ есть все условія, необходимыя для современнаго французскаго романа, кромѣ только одного, и самаго главнаго — умѣнья написать романъ занимательный.

Двѣ сестры, Франциска и Анна, графини Пленморъ, воспитанныя подъ самымъ строгимъ надзоромъ самой строгой матери, вышли

замужъ, — Франциска за графа де Мадень, который наскучивъ свѣтскими волокитствами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свѣтскими кокетками, предпочелъ имъ наконецъ невинную монастырку; — Анна за банкира Дюбаре, который искалъ въ женитьбѣ только аристократическихъ связей. Пьеръ де Мадень образцовый мужъ, даже можно сказать идеалъ мужей; онъ окружилъ Франциску такимъ блаженствомъ любви и вниманія, довольства и роскоши, что это не возмутимое блаженство наскучило ей наконецъ точно такъ же, какъ мужу ея наскучили интриги и кокетки. Пренія пріятельницы Пьера не могли смотреть равнодушно на счастье жены его, и еще менѣе равнодушно на ея успѣхи въ свѣтѣ, которые начала пріобрѣтать она какъ женщина молоденькая, хорошенькая и умввшая очень скоро занять часть свѣтской любезности у своего мужа. Молодой графиня постарались надуть въ уши разныхъ глупостей, увѣрили ее, что она принадлежитъ къ числу женщинъ *непонятыхъ*, разстроили ея воображеніе, и въ это самое время познакомили ее съ однимъ изъ знаменитыхъ современныхъ писателей, Альфонсомъ Жюрвелемъ, который принадлежитъ къ школѣ писателей *Юной Франціи*, и котораго наружность такъ же дива и нелѣпа, какъ и самыя произведенія этой школы. Альфонсъ Жюрвель никогда не чешетъ волосъ, не чиститъ ногтей; онъ неопрятенъ и грязенъ, но въ глазахъ его свѣтятся гений, его рѣчь льется какъ бурный потокъ. Съ перваго же свиданія съ нимъ, Франциска увлеклась этимъ бурнымъ потокомъ, и влюбилась въ поэта по уши, или правильнѣе сказать вообразила, что она влюбилась въ него. Жюрвель принимаетъ изданіе политической газеты. Друзья и сотрудники даютъ ему денегъ на это изданіе, иные съ тѣмъ, чтобы, основавъ газету, удалить Жюрвеля и въ послѣдствіи самимъ сдѣлаться редакторами, другіе съ намѣреніемъ еще болѣе дружелюбнымъ, — т.-е. съ намѣреніемъ засадить Жюрвеля за свой долгъ въ тюрьму. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ банкиръ Дюбаре, которому очень хочется попасть въ депутаты, и который знаетъ, что, на выборахъ, Альфонсъ Жюрвель будетъ для него въ этомъ случаѣ опаснымъ соперникомъ. Дюбаре, встрѣтившись съ Жюрвелемъ въ театрѣ, дружески жметъ ему руку, а между тѣмъ вексель уже поданъ ко взысканію, и агенты его хлопчутъ о томъ, чтобы схватить и засадить Жюрвеля. Увидѣвъ грозившую ему бѣду, Жюрвель запирается въ своемъ редакторскомъ кабинетѣ, разводитъ жаровню, и уже находится при послѣднемъ издыханіи, когда графиня де-Мадень поспѣваетъ къ нему на помощь. Она приказываетъ выломать дверь кабинета, перевозитъ своего Альфонса въ ближайшую гостиницу, и сначала спасаетъ его отъ смерти, а потомъ и отъ тюрьмы, занявъ, потихоньку отъ мужа,

40 тысячъ франковъ и заплативъ ими долгъ Альфонса. Но въ это время Анна, желая спасти сестру, страсть которой до тѣхъ поръ ограничивалась одной только перепиской съ Альфонсомъ, а теперь ужъ готова была зайти слишкомъ далеко, рѣшилась открыть глаза ея мужу. Къ крайнему ея удивленію графъ де-Мадень нисколько не встревожился этимъ открытіемъ, нисколько не разсердился на жену, и выслушалъ всю эту исторію, какъ дѣло давно уже ему известное. Въ самомъ дѣлѣ онъ вовсе не былъ слѣпъ къ заблужденію своей жены, но, какъ образцовый мужъ, видѣлъ что это заблужденіе ничтожное, невинное, изъ котораго можно извлечь для нея полезный урокъ, и ждалъ только удобной минуты, чтобы открыть глаза не себѣ, а женѣ. Теперь эта минута наступила. Пьеръ де-Мадень доказалъ Францискѣ, что Жюрвель вовсе не гениальный писатель, а просто на-просто продажный газетчикъ, поддерживаемый партіями, что сверхъ того онъ въ давнишней связи съ одной актрисой, очень извѣстной и своей игрой и своимъ легкимъ поведеніемъ, — однимъ словомъ доказалъ ей всю ничтожность и безвѣстность этого человѣка. Франциска чистосердечно раскалась, полюбила опять, и еще больше прежняго, своего Пьера, и романъ кончился благополучно.

Канва романа, какъ вы видите, довольно богата, но узоры, затканые по ней блѣдны и безцвѣтны. Положенія дѣйствующихъ лицъ, какъ кажется, очень интересны, а между тѣмъ онъ нисколько не увлекаютъ читателя, не приковываютъ къ себѣ его вниманія, не заставляютъ его трепетать за бѣдную Франциску, занимающую деньги потихоньку отъ мужа, убѣгающую изъ дому на разсвѣтъ для того, чтобы спасти Жюрвеля, жертвующую своимъ добрымъ именемъ и семейнымъ счастьемъ для своей нелѣпой фантастической любви, — и все это, повторимъ опять, отъ того, что въ авторѣ нѣтъ умѣнья написать романъ занимательный. Тутъ нѣтъ ни глубокаго анализа Бальзака, ни увлекательныхъ подробностей Фридерика Сулье, ни даже сказочнаго интереса Дюма и Поля Феваля. Это эскизъ, набросанный перомъ на заданную и давно уже избитую тему.

Почему въ заглавіи книги не сказано, что это переводъ съ французскаго, между тѣмъ какъ и по содержанію романа и по самому слогу его, очень часто впадающему въ галицизмы, это очевидно, — мы рѣшительно не понимаемъ. Это какая-то тайна или переводчика или издателя, и вѣроятно тайна книгопродавческая, которую впрочемъ очень любопытно было бы разгадать. Не уже ли слова «сочиненіе Е. П.» могутъ заставить кого-нибудь принять этотъ романъ за произведеніе оригинальное, и могутъ способствовать его сбыту?

ЖУРНАЛИСТИКА.

Морской Сборникъ, издаваемый Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. 1854 года. NN 1—7.

Въ настоящее время «Морской Сборникъ» составляетъ одно изъ самыхъ любопытныхъ нашихъ періодическихъ изданій. Кромѣ пользы специальной, которую приноситъ онъ морскому ведомству сообщеніемъ всехъ новѣйшихъ усовершенствованій и ученыхъ свѣденій по части кораблестроенія и мореходства, онъ полонъ и обшачаго интереса по содержанию многихъ своихъ статей и по разнообразію извѣстій, въ немъ помѣщаемыхъ. Изданіе «Морскаго Сборника» началось съ 1818 года, но въ то время онъ не имѣлъ ни той полноты въ своемъ объемѣ, ни того разнообразія въ содержаніи, какія видимъ мы въ немъ теперь. Чтобы лучше познакомить нашихъ читателей съ составомъ этого журнала, мы приводимъ здѣсь его программу на нынѣшній годъ.

I. Постановленія и распоряженія правительства.

- 1) Высочайшіе приказы о чинахъ военныхъ и гражданскихъ.
- 2) Высочайшія повелѣнія, постановленія Адмиралтействъ Совѣта, распоряженія и приказанія: высшего морскаго начальства, начальниковъ отдѣльныхъ управленій и т. п.

II. Официальныя статьи и извѣстія.

- 1) Извлеченія изъ военно-судныхъ дѣлъ, разнаго рода подвиги и свѣдѣнія, которыя полезно объявить во всеобщее по флоту извѣстіе.
- 2) Извѣстія изъ ежегодныхъ отчетовъ разныхъ управленій.
- 3) Свѣдѣнія о ходѣ кораблестроительныхъ, строительныхъ и гидрографическихъ работъ по морскому ведомству.
- 4) Извѣстія о дѣятельности заводовъ морскаго ведомства, новѣйшія улучшенія на нихъ и т. п.

5) Известія изъ портовъ, движеніе судовъ, программы плаваній, практическія крейсерства эскадръ; опыты, ученья, смотры и маневры.

III. ЧАСТЬ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ.

1) Обзорніе замѣчательнѣйшихъ изобрѣтеній и опытовъ по всемъ отраслямъ морскаго искусства.

2) Свѣдѣнія по части военнаго морскаго дѣла, о состояніи флотовъ и портовъ.

3) О морскихъ экспедиціяхъ, какъ российскихъ такъ и иностранныхъ, замѣчательныхъ въ историческомъ, военномъ и ученомъ отношеніяхъ.

4) Замѣчательныя событія прежнихъ и новѣйшихъ временъ во всехъ флотахъ; историческія статьи, біографіи и некрологи.

5) Собственно литературныя статьи, преимущественно морскаго содержания.

Смѣсь и разныя известія.

IV. БИБЛИОГРАФІЯ.

Общій, краткій обзоръ замѣчательнѣйшихъ сочиненій по морской части.

Книжки выходятъ 15 числа каждаго мѣсяца, и къ нимъ, въ случаѣ надобности, прилагаются карты, чертежи и рисунки.

Официальная часть вошла въ составъ «Морскаго Сборника» съ 1853 года; но въ особенности богатъ онъ дѣльными и замѣчательными статьями и любопытными известіями въ нынѣшнемъ году. Кромѣ небольшихъ статей и современныхъ известій, заимствуемыхъ изъ него, отъ времени до времени, другими газетами и журналами, а въ томъ числѣ и нашимъ (*), мы можемъ указать, въ семи разсматриваемыхъ нами книжкахъ, на многія большія статьи, исполненныя или литературнаго и историческаго, или чисто-учебаго и спеціальнаго интереса. Къ числу первыхъ принадлежатъ слѣдующія: *Опытъ краткаго сравнительнаго изслѣдованія морскихъ бюджетовъ англійскаго и французскаго;—Нью-Йоркъ;—Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ;—Очеркъ исторіи путешествій по Каспійскому*

(*) «Состояніе Камчатскаго края въ 1853 году», Москвит. N 7; «Свѣдѣнія о явившейся и исчезающей кометѣ, О. В. Струве», «Корабельный образъ Богородицы Одигитріи» Москвит. N 13, и еще нѣк. друг.

морю, до начала на немъ гидрографическихъ работъ;—Сраженіе тендера «Опытъ» съ англійскимъ фрегатомъ «Сальсетъ»;—разборъ статей французскихъ газетъ «О новыхъ разрушительныхъ средствахъ, въ которомъ очень дѣльно доказано, что всѣ новыя разрушительныя средства, которыми, по словамъ французскихъ газетъ, будто бы обладаетъ Англо-французскій флотъ, вовсе не такъ новы и не такъ опасны, какъ объ нихъ пишутъ; — Отчетъ секретаря флота Соединенныхъ Штатовъ за 1843 годъ;—Призы Роберта Сюркуфа, прославившаго себя корсарскими подвигами; — Русскія морскія пѣсни;— Обзорніе трактатовъ о морскомъ и торговомъ нейтралитетѣ; — Соединенные Штаты Сѣверной Америки, и еще нѣкоторыя другія.

Статью: Сраженіе тендера «Опытъ» съ англійскимъ фрегатомъ «Сальсетъ», принадлежащую генераль-маіору Баранову, который въ то время служилъ на тендерѣ гардемаринномъ и самъ участвовалъ въ сраженіи, мы приводимъ здѣсь вполнѣ, какъ любопытный эпизодъ нашей военно-морской исторіи:

«Въ 1807-мъ году фрегатъ Спѣшный, посланный съ значительными суммами въ Средиземное море, къ адмиралу Сенявину, былъ задержанъ и взятъ Англичанами на Портсмутскомъ рейдѣ, быть можетъ вопреки, не только народнымъ, но даже и военнымъ правамъ. Впрочемъ, мнѣ неизвѣстны подробности сказаннаго; но очень помню, что въ морскомъ корпусѣ, всѣ говорили объ этомъ, не скупясь на прилагательныя и Англичанамъ и несчастному командиру фрегата. Пылкая юность, не имѣющая ни полноты свѣдѣній, ни достаточной опытности, рѣдко судить справедливо и снисходительно; и еслибъ подобный говоръ былъ только говоромъ воспитанниковъ корпуса, то, безъ сомнѣнія, едва ли бы следовало и упоминать о немъ; но это былъ отголосокъ негодованія цѣлаго флота, призывъ къ мести, переданный дѣтямъ ихъ отцами и ближними, которые, будучи настоящими Русскими — преемниками и сподвижниками Орлова, Ушакова, Сенявина и другихъ — исполненные желанія не щадить ни силъ, ни жизни для славы Царя и отчины, не вѣрили возможности быть побѣжденными безъ бои! Не рѣдко случалось замѣтить, что начальная неудача или проигрышъ въ военномъ дѣлѣ, не только не наводили унынія на русскихъ воиновъ, но напротивъ возбуждали стремленіе къ подвигамъ, энтузіазмъ до самозабвенія. Такъ точно подѣйствовало и сказанное происшествіе на моряковъ тогдашняго времени. Большая часть старыхъ и молодыхъ командировъ, собравшись въ Кронштадтскомъ клубѣ, дали другъ другу слово: при встрѣчѣ съ неприятелемъ, не смотря на неравенство силъ, стараться, не щадя себя,

вредить врагу отечества! Родному моему дядь лейтенанту Гавриль Ивановичу Невельскому, командовавшему 14-ти пушечнымъ тендеромъ *Опытъ*, суждено было прежде другихъ исполнить данное слово!

Въ исходъ мая 1807 года, когда уже разрывъ съ Англією сдѣлался извѣстнымъ, эскадра, состоявшая изъ фрегатовъ: *Аргусъ*, *Быстрый*, корветовъ: *Помона*, *Лашарлотъ* и тендера *Опытъ*, была отправлена, подь командою графа Логина Петровича Гейдена, изъ Кронштадта въ Свеаборгъ, только что взятый въ минувшую зиму, и гдѣ не болѣе двухъ сутокъ до прихода эскадры, взорвало нѣсколько пороховыхъ погребовъ (*). Вскорѣ получено было въ Свеаборгъ свѣдѣніе, что непріятельскія военныя суда появились въ Финскомъ заливѣ. Для опознанія ихъ числа и силы высланы были корветъ *Лашарлотъ* и тендеръ *Опытъ*. Пройдя къ западу параллель Балтійскаго Порта, мы увидѣли къ NW непріятельскую эскадру, отъ которой отдѣлившійся фрегатъ и нѣсколько мелкихъ судовъ, подь шведскимъ флагомъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, спустились къ намъ подь всѣми парусами. Слишкомъ большое неравенство силъ, а можетъ быть и данныя предписанія старшему въ нашемъ отрядѣ, командиру корвета, заставили насъ войти въ Балтійскій Портъ, втянуться въ гавань и приготовиться къ бою. Нѣсколько орудій съ одного борта назначены были къ постановкѣ въ удобныхъ мѣстахъ на берегу, для нанесенія бѣльшаго вреда непріятелю, еслибъ онъ вздумалъ сдѣлать нападеніе.

Но шведскій фрегатъ, не входя на рейдъ Балтійскаго Порта, (вѣроятно полагая, что онъ хорошо укрѣпленъ) привелъ къ вѣтру, и съ остальными судами своего отряда, къ захожденію солнца, былъ уже далеко отъ порта, а къ утру не видали непріятельской эскадры ни съ окрестныхъ высотъ, ни съ маякъ.

(*) Вскорѣ, по взятіи Свеаборга, когда война еще не была кончена, въ крепости произошло слѣдующее несчастіе: мая 22-го взорвало н. островъ Вургенъ каменный магазинъ съ 2500 пудами пороха, при чемъ убито и безъ вѣсти пропало и ранено до 100 человекъ; въ томъ числѣ начальникъ гарнизона, артиллерія генераль-маіоръ Бороновъ, лично присутствовавшій при отпускѣ пороха изъ магазина. Кромѣ того, отъ сильнаго сотрясенія воздуха и огромныхъ, во всѣ стороны летѣвшихъ камней, повреждены значительно: докъ, казармы, нѣсколько судовъ и лафетовъ подь орудіями; нѣкоторыя же изъ деревянныхъ строеній и судовъ, находившихся вблизи магазина, совершенно превращены въ пепелъ. Причины взрыва остались неизвѣстны, потому-что офицеры и нижніе чины, находившіеся въ магазинѣ при отпускѣ пороха, погубан. Пожаръ продолжался 10 часовъ. См. *Шхеры Финскаго Залива*, соч. В. Мельницкаго, стр. 10 (*льтопись Свеаборгскаго порта*).

Въ тоже время выйдя изъ гавани, отправились мы обратно въ Свеаборгъ для донесенія о всемъ сказанномъ. Но чрезъ нѣсколько часовъ снова увидѣли шведскій фрегатъ, идущій къ намъ, но уже подъ бѣлымъ флагомъ. Дождавшись его, мы узнали отъ присланнаго на корветъ *Лашарлотъ* шведскаго офицера, что на фрегатѣ находится графъ Алопеусъ, бывшій русскимъ посланникомъ въ Стокгольмъ, и что командиръ фрегата, не располагая входить ни въ какой русскій портъ, желаетъ передать графа на наши суда, что и было вскорѣ исполнено. Графъ Алопеусъ помѣстился на корветѣ, а вещи его перевезены были на нашъ тендеръ, и по желанію посланника, мы снова возвратились въ Балтійскій Портъ. Высадивъ посланника, мы опять пошли въ море, гдѣ командиръ корвета капитанъ лейтенантъ Бутаковъ сдѣлалъ сигналъ командиру тендера *Опытъ*, лейтенанту Невельскому, идти въ Свеаборгъ и донести о всемъ происшедшемъ, объявивъ, что онъ будетъ съ корветомъ держаться на высотѣ Наргена.

По приходѣ въ Свеаборгъ, и исполненіи порученія, командиръ нашъ получилъ приказаніе отправиться за корветомъ *Лашарлотъ*, потому что отъ мѣстныхъ Финляндцевъ было получено подробное свѣдѣніе о числѣ, силѣ и близости непріятеля.

Утромъ 11-го іюня, выйдя изъ Свеаборга при тихомъ перемѣнномъ вѣтрѣ, ясномъ небѣ и пасмурности по горизонту, мы увидѣли, чрезъ нѣсколько часовъ, трехъ-мачтовое судно, близь того мѣста, гдѣ должны были найдти корветъ *Лашарлотъ*. Пасмурность лишила насъ возможности отличить непріятельскій фрегатъ большаго ранга, отъ своего корвета, бывшаго прежде французскимъ приватиromъ, и купленнаго нами за его отличныя качества, впоследствии измѣнившіяся.

Припоминая опытность капитана и вѣрность его морскаго взгляда, не смѣю утверждать вполне-ли неумышленно мы приближались къ ждавшему насъ противнику; но когда нельзя было сомнѣваться, что это не корветъ *Лашарлотъ*, а сильный непріятельскій фрегатъ, то сдѣлавъ опознательный сигналъ и не получивъ на него отвѣта, мы, по приказанію командира, положивъ сигнальные флаги и книги въ ящики, наполненные пескомъ, бросили ихъ за бортъ, и приготовились къ бою. Спустя нѣсколько времени, непріятельскій фрегатъ, сблизясь съ нами, сдѣлалъ пушечный выстрѣлъ и поднялъ англійскій флагъ. Мы же медлили поднятіемъ своего флага, и эти минуты для насъ были самыми тягостными!

Фрегатъ повторилъ еще холостой выстрѣлъ, и вслѣдъ за тѣмъ послалъ намъ выстрѣлъ съ ядромъ. На это привѣтствіе командиръ приказалъ тотчасъ отвѣтить тѣмъ же и поднять нашъ флагъ.

Съ тендера раздался выстрѣлъ 12-ти фунтовой коронады, на нокъ гафели развился русскій военный флагъ; томительное ожиданіе кончилось!... Все ожило, все вострепнулось; каждый старался употребить всѣ свои силы и способности на пораженіе непріятеля, хотя бой былъ далеко не равенъ. На тендеръ всего было 53 живыя души; въ томъ числѣ несовершеннолѣтнихъ: два гардемарина, артиллерійскій унтеръ-офицеръ, начальникъ нашей артиллеріи, и лекарскій ученикъ — представитель хирурга и доктора.

Будучи гардемариномъ на тендеръ и въ самомъ началѣ первой моей кампаніи, я солгалъ бы, еслибъ сталъ рассказывать о всѣхъ направленіяхъ и перемѣнахъ курса; знаю только, что мы измѣняли его не рѣдко. Вѣтеръ былъ тихъ и перемѣнялся очень часто. Долгналъ ли насъ фрегатъ, или мы подошли къ нему, также не могу сказать утвердительно; но твердо помню, что мы сблизились, — и фрегатскія ядра стали перелетать черезъ нашъ тендеръ, повреждая его рангоуть. Впослѣдствіи и наши ядра стали долетать до фрегата. Мы не скупились на выстрѣлы, и бой сдѣлался жаркимъ! Но вѣтеръ стихъ; тендеръ имѣлъ большія поврежденія въ корпусъ и вооруженіи, и потому командиръ приказалъ прекратить пальбу и выкинуть весла. Какъ теперь вижу артиллерійскаго бомбардира, просившаго позволенія наложить фитиль на коронаду, говоря, что она уже наведена на фрегатъ; позволеніе дано, выстрѣлъ раздался; но въ то же мгновеніе непріятельское ядро раздробило храброму артиллеристу правую ногу гораздо выше колѣна. Упавъ, онъ на рукахъ и остальной ногъ доползъ до форъ-люка, спустился на кубрикъ, и не довѣряя операциі лекарскому ученику, неопытному мальчику, самъ отрезалъ висѣвшую на жилахъ свою раздробленную ногу.

Дѣйствіе веслами во время штили и маловѣтрія дало тендеру ходъ до 4½ узловъ; фрегатъ, лежавшій съ нами бортъ о бортъ, сталъ отставать, и очутившись у насъ за кормой, приводилъ лагомъ, палилъ залпами, и наконецъ ядра его не стали долетать до насъ. Наргенъ былъ близокъ. Мы спѣшили на Ревельскій рейдъ, а впослѣдствіи даже и къ ближайшему берегу. Уже мечтали мы, съ какимъ восторгомъ будемъ рассказывать о нашемъ дѣлѣ товарищамъ, а ты изъ насъ, которые были свободны отъ дѣла, собравшись у гака борта, прокричали съ командою троекратное ура, махнувши шлангами отстававшему отъ насъ непріятельскому фрегату.

Но радость наша была слишком кратковременна! Впереди тендера появилась черная туча, мгновенно налетѣлъ шквалъ, и изстрѣленные паруса разлетѣлись на части. Тендеръ сильно накренило; подвѣтренныя весла забуровили; иныя сломались, другія надобно было перерубить, чтобъ не отнимали ходу и не препятствовали править рулемъ. Изъ 14-ти каронадъ многія были подбиты; снасти и реи избиты; тендеръ разстрѣлянъ; люди изнурены до крайности 4-хъ-часовымъ дѣйствіемъ. Фрегатъ, убравъ бомъ-брамсели и брамсели, гротъ и фокъ, подошелъ къ намъ менѣе нежели на ружейный выстрѣлъ, спустился подъ корму, далъ два залпа изъ шканечныхъ и баковыхъ орудій, разбилъ штурвалъ, жестоко ранилъ командира, убилъ и изувѣчилъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ команды, легъ въ дрейфъ близъ праваго нашего траверза и потребовалъ немедленной сдачи.

Командиру нашему, стоявшему до того на возвышеніи, чтобъ удобнѣе было видѣть непріятеля и его движенія, перебило нижнюю челюсть; онъ въ первое мгновеніе упалъ; но, опершись рукой о палубу, поднялся, и, не видя никакой возможности къ дальнѣйшему сопротивленію, или уходу, приказалъ прорубить тендеръ.

Подошедшіе офицеры представили ему, что дальнѣйшее упорство съ нашей стороны безъ всякой пользы, повлечетъ за собой неминуемую гибель остальныхъ людей, которые храбростію своею и беспрекословнымъ исполненіемъ воли командира, вполне заслуживаютъ, чтобъ была спасена жизнь ихъ. Дѣйствительно, все убѣждало въ бесполезности и даже невозможности дальнѣйшаго сопротивленія; тѣмъ болѣе, что жестокая рана лишала нашего капитана возможности непосредственно участвовать въ дѣлѣ. Исполнивъ до послѣдней минуты все, что требовалъ долгъ чести, рѣшено было сказать фрегату, что мы прекращаемъ дѣйствіе, и тендеръ сдается. Горькая подобная минута! Мы сознавали, что исполнили долгъ свой, а между тѣмъ по лицамъ нашимъ, закопченнымъ дымомъ пороха, катились слезы глубокой грусти!

Намъ вѣрно было спустить флагъ. Но флагъ, у котораго сигнальный фаль перебило еще въ первую перестрѣлку, привязанъ былъ наглухо къ ноку-гафеля, оставшемуся на одномъ дирижъ-фаль, потому что гардель также была перебита (гротъ, разстрѣлянный ядрами и картечью, разорванъ былъ пополамъ нашедшимъ шкваломъ). Мы отвѣчали, что флага нельзя спустить; тогда потребовали, чтобъ мы подняли англійскій флагъ; но и на это мы также отвѣчали, что поднять не на чемъ. Тогда объявили намъ, чтобъ мы разостлали

англійскій флагъ по борту, что и было исполнено въ 11-мъ часу вечера.

Нельзя не вспомнить о рѣдкомъ безстрашии и хладнокровіи особенно отличившихся въ этомъ дѣлѣ: товарища моего по корпусу, бывшаго тоже гардемариномъ на тендерѣ, а нынѣ отставнаго флота капитана 1-го ранга Сухонина; штурманскаго помощника унтеръ-офицерскаго чина, впоследствии умершаго на службѣ корпуса флотскихъ штурмановъ капитаномъ, Халезова, и старшаго нашего артиллериста, бывшаго унтеръ-офицеромъ, а нынѣ начальника морской артиллеріи въ Ревель, полковника Федотова — старавшихся, все до сего усердно ими хранимое, бросать за бортъ и портить, чтобы недосталось неприятелю.

Посланные съ англійскаго фрегата шлюпки съ офицерами, вооруженными солдатами и матросами, у всѣхъ насъ, кромѣ капитана, отобрали оружіе, капитану же присланный съ фрегата лейтенантъ объявилъ, что онъ не считаетъ себя въ правѣ взять саблю отъ такого храбраго офицера, и что только одинъ капитанъ его фрегата можетъ получить ее. Первыми были перевезены: командиръ и раненые, а потомъ уже остальная команда, изъ которыхъ убитыхъ было двое, раненыхъ 10 и нѣсколько контуженыхъ.

Такъ кончился нашъ 4-хъ часовой бой! Взавшій насъ 44-хъ пушечный фрегатъ *Сальсетъ* подъ командою капитана Баттосъ, имѣлъ до 400 человекъ команды. — Встрѣтившись съ шведскою эскадрою, фрегатъ отдалъ ей нашъ тендеръ, и подойдя къ Виндавъ потребовалъ отъ всѣхъ насъ подписки, что до окончанія войны, никто изъ насъ не будетъ дѣйствовать противъ Англичанъ. Командиръ нашъ отвергнулъ это требованіе, и всѣ мы единодушно подтвердили его рѣшеніе. Капитанъ фрегата, видя, что ни его убѣжденія, ни изъявленія неудовольствій, нисколько не измѣняютъ нашего образа мыслей, и желая избавиться отъ обременявшихъ его нашихъ раненыхъ, предложилъ нашему командиру, по крайней мѣрѣ за нихъ дать сказанную подписку. Видя ихъ раны, командиръ нашъ охотно подписалъ сказанное условіе, только исключивъ себя изъ онаго. Немедленно послѣ того фрегатъ легъ въ дрейфъ и, спустивъ шлюпки, отправилъ раненыхъ на берегъ подъ переговорнымъ флагомъ, съ однимъ англійскимъ и однимъ нашимъ офицерами, взявъ предварительно съ послѣдняго честное слово возвратиться обратно. По сдачѣ раненыхъ, возвратившіеся офицеры донесли командирамъ, что комендантъ Виндавы объявилъ имъ о разршеніи либавскому коменданту, въ то время полковнику барону Крейцу, заключать

и утверждать условия для принатія и размѣна плѣнныхъ; почему фрегатъ, придя на видъ Либавы, снова послалъ шлюпку на берегъ съ тѣми же офицерами и подъ тѣмъ же флагомъ. По возвращеніи ихъ, намъ объявлено было, что комендантъ разрѣшилъ нашему командиру дать требуемую подписку; она дана, и намъ приказано было: забравъ свою собственность, съѣсть на приготовленныя для насъ шлюпки, которыя и перевезли насъ въ Либаву 16-го числа, послѣ 5-ти дневнаго пребыванія нашего на непріятельскомъ фрегатѣ. По возвращеніи нашемъ въ С.-Петербургъ, и рассмотрѣніи собранныхъ свѣдѣній о бывшемъ сраженіи нашемъ, къ совершенно неожиданной нашей радости, Всемилостивѣйше повелѣно было: командира нашего лейтенанта Гаврила Невельскаго не опредѣлять подъ команду, а назначать самого — командиромъ лучшихъ судовъ, сообразно званію; плѣнь его, ни ему, и никому изъ бывшихъ подъ его командою на тендеръ *Опытъ*, во время дѣйствія, не считать препятствіемъ ни къ ордену Св. Георгія, ни къ пенсіону; за потерю вещей офицерамъ выдать годовой окладъ жалованья, а намъ гардемаринамъ, по сту рублей ассигнаціями (*). Въ 1839 году, командиръ нашъ, дослужившійся до чина капитана 1 ранга и вышедшій, по болѣзни, въ отставку, предъ концомъ дней своихъ, осчастливленъ былъ новою Монаршею милостію: старшая дочь его была принята Императорскою пенсіонеркою, въ С. Петербургскій Патріотическій Институтъ.

Съ 1808 года минуло безъ малаго полъ-вѣка; изъ 53-хъ чело-вѣкъ, бывшихъ на тендерѣ во время его сраженія съ фрегатомъ, сколько мнѣ извѣстно, осталось нынѣ въ живыхъ только четверо; явились новые дѣятели, съ свѣжими силами, съ новыми и лучшими средствами. Время, наука и искусство измѣнили многое. Но, въ служащихъ во флотъ, неизмѣнно сохранилось тоже желаніе: всегда и повсюду охранять честь русскаго флага».

Изъ ученыхъ и специальныхъ статей въ особенности замѣчательны: *О гидрографическихъ описяхъ европейскихъ и азіатскихъ береговъ Россіи*; — *Письмо барона Гумбольдта къ капитанъ-лейтенанту А. И. Бутакову*; — *Размышленіе о приготовленіи къ дальнему вою*; — *Объ управленіи пароходовыми механизмами*; —

(*) Командъ же убавить нѣсколько лѣтъ службы и опредѣлить ее въ загородные дворцы, на придворномъ суда. См. опис. Финлянд. войны Михайловскаго-Данилевскаго.

О санторинской землѣ или Поццоланп; — Горшечные своды; — Опыты надъ сопротивленіемъ кирпичной арки, и многія другія. Двѣ послѣднія статьи очень полезно прочесть каждому архитектору.

Въ официальной части послѣднихъ книжекъ «Морскаго Сборника» читатели найдутъ всѣ наиболее любопытныя современныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и движеніи какъ русскаго, такъ и англо-французскаго флотовъ. Къ семи вышедшимъ до нынѣ книжкамъ приложены многіе чертежи; три гидрографическія карты; карта расположенія непріятельскихъ судовъ близъ г. Гамле-Карлебу; рисунки кораблей, участвовавшихъ въ Синопскомъ дѣлѣ и получившихъ во время его пробойны и поврежденія; рисунокъ корпуса турецко-египетскаго парохода «Первасъ-Бахри»; видъ фальшфейера, употребляемаго Англичанами для зажиганія кораблей, и иллюминированный рисунокъ трофеевъ Всемилодивѣйше пожалованныхъ въ Морской Кадетскій Корпусъ, а именно: 1) турецкаго флага, взятаго кораблемъ «Александръ Невскій» въ Наваринскомъ сраженіи; 2) Гюйса, взятаго пароходомъ «Владиміръ» при пльненіи Египетскаго парохода «Первасъ-Бахри; и 3) Англійскаго флага съ взятаго въ пльнь парохода «Тигръ».

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ входить въ болѣе подробный разборъ «Морскаго Сборника», и дѣлать изъ него дальнѣйшія выписки; но и изъ всего сказаннаго нами уже видно, до какой степени любопытенъ этотъ журналъ вообще, и тѣмъ болѣе еще въ настоящее время, когда общее вниманіе сосредоточено на морскихъ силахъ державъ, на дѣйствіяхъ и движеніяхъ флотовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

О ПЯТИНАХЪ И ПОГОСТАХЪ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, съ приложеніемъ карты *К. А. Неволіна*, въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка VIII.

Москвитянинъ уже говорилъ объ этой замѣчательной книгѣ, но, конечно, не откажется поговорить нѣсколько и еще, тѣмъ болѣе, что самъ г. Неволинъ, въ своемъ предисловіи, предлагаетъ перевернуть его работу и сообщать ученому міру, тѣмъ или другимъ путемъ, результаты своей проверки.

По указанію самого г. Неволіна настоящія изслѣдованія его о погостахъ и пятинахъ Новгородскихъ представляютъ только первый періодъ работъ, которыя должны быть предприняты по географіи Новгородскихъ пятинь и погостовъ, — самый общій очеркъ этой области, очертаніе самаго существеннаго въ ней (VII). Г. Неволинъ поставилъ себѣ задачею въ настоящемъ трудѣ, составить вѣрный каталогъ погостовъ, приурочить имена ихъ къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, установить границы пятинь вообще и въ частности, раскрыть происхожденіе, дальнѣйшую судьбу и правительственное или какое-либо другое значеніе пятинь и погостовъ. Задача эта вполне заслуживаетъ вниманіе ученаго, и г. Неволинъ какъ опытный ученый, не ошибся въ своемъ выборѣ; и трудъ его на своей сторонѣ имѣетъ множество неотъемлемыхъ достоинствъ, которыя вполне будутъ оценены настоящими и будущими изслѣдователями отечественной географіи. Масса источниковъ, какими пользовался г. Неволинъ, твердо обезпечиваетъ многія положенія, высказанныя въ его трудѣ, а приложенная въ концѣ книги карта Новгородскихъ пятинь и погостовъ въ XVI вѣкѣ, послужитъ точкою опоры и указаніемъ для будущихъ изслѣдователей отечественной географіи. Конечно, въ этой картѣ современемъ многое будетъ измѣнено и дополнено по

указанію мѣстныхъ изслѣдованій, и въ слѣдствіе открытія новыхъ источниковъ, и по новымъ соображеніямъ, тѣмъ не менѣе настоящая карта останется памятникомъ добросовѣстнаго ученаго труда и умнѣя пользоваться источниками, бывшими подъ рукою составителя.

Но чтобы въ настоящее время оцѣнить трудъ г. Неволина, мы обратимся къ пересмотру отдѣльныхъ его частей. Настоящій трудъ г. Неволина раздѣленъ имъ на двѣ половины: на изслѣдованія и приложенія. Первыя раздѣлены на шесть главъ, а послѣднія состоятъ изъ 14 приложеній.

Первую главу составляетъ указаніе источниковъ, на которыхъ основаны изслѣдованія г. Неволина о Новгородскихъ пятинахъ и погостахъ. Первымъ источникомъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и должно быть, г. Неволинъ полагаетъ писцовыя книги. Онъ говоритъ: «можетъ быть, уже до нашествія Монголовъ были дѣлаемы описанія земель въ Новгородѣ, равно какъ и въ другихъ частяхъ Россіи. Въ отношеніи къ Новгороду, на существованіе, по крайней мѣрѣ на потребность такихъ описаній, указываютъ уставъ Ярослава, опредѣляющій повинность содержанія мостовъ въ Новгородѣ, и уставъ Святослава Ольговича 1137 года, назначающій Новгородскому архіерею, вмѣсто десятины, платежъ опредѣленнаго количества денегъ, или другихъ вещей изъ казны княжеской и отъ разныхъ селеній. Но ясныя извѣстія о производившихся въ новгородскихъ владѣніяхъ описаніяхъ, начинаются только со времени Монгольскаго нашествія. Первое описаніе было сдѣлано Монголами въ 1259 году! Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Неволина, двѣсвѣдѣтельное описаніе земель Новгорода и другихъ краевъ Руси началось только съ Монголовъ, и объ этомъ описаніи мы имѣемъ прямое извѣстіе; а было ли описаніе земель до Монголовъ, о томъ можемъ только гадать, и допускать не больше какъ: «можетъ быть, уже до нашествія монгольскаго были дѣлаемы описанія земель». Но ни самое лѣтописное извѣстіе о монгольскомъ описаніи, приведенное г. Неволинымъ, ни другіе древніе памятники объ устройствѣ древней до-монгольской Руси не дозволяютъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Во-первыхъ, лѣтописное извѣстіе о монгольскомъ описаніи, названное яснымъ, нисколько не говоритъ объ описаніи новгородскихъ земель Монголами, а свидѣствуетъ только о числѣ, о перечисленіи народа: вотъ слова лѣтописи: «и злыхъ совѣтомъ яшася по число, творяху бо бояре собѣ легко, а меньшимъ зло; и почаша ѣздити окаянни по улицамъ пищюче дома христіанскія». Здѣсь даже изчисленіе народа ограничивается только самымъ Новгородомъ, не касаясь его области: «и почаша ѣздити по улицамъ», а объ писаніи земель нѣтъ и помину. А

во вторыхъ, уставная грамота Ростислава Смоленскаго 1150 года прямо указываетъ, что на Руси еще до Монголовъ земли описывались и по нихъ разкладывалась дань. Въ грамотѣ сказано: «И се даю десятину отъ всѣхъ даней Смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ.... У Вержавлянвхъ у великихъ 9 погость, а въ тѣхъ погоствхъ платитъ ктожъ свою дань и передмвръ истужницы по силѣ, кто что мога, а въ тѣхъ погоствхъ, а нѣкоторый погибнетъ, те ти и десятины убудеть, а въ тѣхъ погоствхъ во всѣхъ сходится дани 800 гривенъ, а передмвра 100 гривенъ, а на истужницвхъ 100 гривенъ». Или въ Волинской летописи подь 1241 годомъ сказано: «Курилови же сущю печатнику тогда въ Бакотѣ, послану Даниломъ княземъ и Василькомъ исписати грабительства нечестивыхъ бояръ, утиши землю». (Ипат. стр. 179). Здѣсь прямо говорится объ описаніи Бакоты. Это чисто дозорныя книги.

Далѣе, говоря о писцовыхъ книгахъ новгородскихъ, начиная съ 1491 года, Г. Неволинъ съ удивительною отчетливостію перечисляетъ всѣ новгородскія писцовыя и переписныя книги, о какихъ могъ узнать. До 1629 года, онъ, кажется, не пропустилъ ни одного указанія на эти книги въ актахъ Археографической экспедиціи и другихъ сборникахъ, съ изумительнымъ терпѣніемъ отыскалъ когда какая книга составлена, какими писцами, какой пятинны или какихъ погостовъ. Трудъ подлинно почтенный: послѣдующіе изслѣдователи навсегда останутся благодарны г. Неволину, онъ избавилъ ихъ отъ хлопотъ рыться въ разныхъ актахъ. Но тѣмъ не менѣе не освободилъ ихъ отъ труда отыскивать эти книги въ архивахъ, и что всего непріятнѣе, нѣкоторымъ образомъ скрылъ отъ нихъ необходимость этого важнаго труда. Перечитывая его изчисленіе писцовыхъ и переписныхъ новгородскихъ книгъ, можно подумать, что дальше этого изчисленія нѣтъ уже ничего извѣстнаго о сихъ книгахъ; тогда какъ на самомъ дѣлѣ, по всему вѣроятію, въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится писцовыхъ и переписныхъ новгородскихъ книгъ болѣе трехъ, о которыхъ упоминаетъ г. Неволинъ, а объ Архивѣ вотчиннаго департамента заподлинно извѣстно, что тамъ по сіе время должно храниться 64 писцовыхъ и переписныхъ книгъ по Новгороду, какъ объ этомъ ясно сказано въ вѣдомости г. Иванова, напечатанной въ 1836 году, и приложенной при его книгѣ «Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ». Ежели г. Неволинъ не имѣлъ возможности быть въ Москвѣ и лично заглянуть въ архивы, откуда онъ уже получилъ самыя богатые источники для своего труда, то, конечно, ему не могла быть неизвѣстна книга г. Иванова.

*

Послѣ писцовыхъ книгъ, главнымъ источникомъ настоящаго труда были изгонныя книги, которыя приложены въ выпискѣ у Митрополита Евгенія къ историческимъ разговорамъ о древностяхъ Великаго Новгорода. Этотъ источникъ дѣйствительно очень важенъ и необходимъ при наложеніи наименованій погостовъ на карту, ибо въ изгонныхъ книгахъ показано на сколько верстъ какой погостъ отстоитъ отъ Новгорода; нельзя не благодарить г. Неволіна, что онъ въ своемъ 14 приложеніи перепечаталъ Евгеніеву выписку изъ изгонныхъ книгъ, ибо книга Евгенія сдѣлалась уже очень рѣдка. Далѣе, источниками труда были договоры, заключенные въ древнія времена руссійскимъ правительствомъ съ Швеціею и Норвегіею, древнія и новыя географическія карты Россіи, и наконецъ списки селеній, составленные по министерству внутреннихъ дѣлъ, и описаніе С.-Петербургской губерніи, изданное отъ С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія. Подлинно все это представляетъ богатый запасъ источниковъ, и даетъ настоящему труду г. Неволіна высокую цѣну. Кромѣ того г. Неволінь пользовался свѣдѣніями, собранными отъ разныхъ частныхъ лицъ, но этотъ запасъ свѣдѣній, какъ онъ самъ говоритъ, былъ весьма скуденъ.

Вторая глава говоритъ о происхожденіи раздѣленія Новгородской области на пятинны, о географическомъ значеніи этого раздѣленія, о подраздѣленіи пятинъ на половины, и о правительственномъ значеніи пятинъ и половинъ. Говоритъ о началѣ или происхожденіи Новгородскихъ пятинъ, г. Неволінь защищаетъ мнѣніе, что пятинны были собственно московскимъ учрежденіемъ конца XV столѣтія, когда Новгородъ былъ покоренъ В. К. Иваномъ Васильевичемъ. Разсмотримъ доказательства, представленные г. Неволінымъ для поддержанія этого мнѣнія; онъ раздѣляетъ ихъ на два вида, и въ первомъ приводитъ свидетельства памятниковъ, будто бы опровергающія противное мнѣніе. Здѣсь онъ говоритъ, что до конца XV столѣтія ни въ какихъ историческихъ свидетельствахъ не встрѣчается прямого указанія на Новгородскія пятинны. Напротивъ встрѣчаются скорѣе всякія другія раздѣленія, чѣмъ это. Имена, отъ которыхъ взяты наименованія пятинъ, попадаются довольно часто въ летописяхъ и разнаго рода актахъ, но не названія пятинъ. Такъ 1-е по уставу Ярослава о мощеніи Новгорода въ числѣ Новгородскихъ сотенъ значатся сотни, а не пятинны: Ржевская, Бѣжичкая, Вочкая, Обонская, Луская, Лопьская, Волоховская, Яжелбизкая.» Но это не доказательство: Ярославъ и при существованіи пятинъ могъ въ своемъ уставѣ говорить только о сотняхъ, когда дѣло касалось только до сотенъ, а не до пятинъ. 2-е, въ софійской летописи подъ г. 1069 сообщается:

«побѣди Глѣбъ князь съ Новгородцы Всеслава Князя на Кзени... велика бѣ съча тогда Вожапамъ», а не жителямъ Вотской пятины. Но здѣсь летопись говоритъ о пораженіи только Вожанъ, т. е. племени Води, которое изменило Новгороду, а не о всѣхъ жителяхъ Вотской пятины, слѣдовательно о Вотской пятинѣ здѣсь и не зачѣмъ было упоминать. 3-е, въ уставѣ князя Святослава Ольговича 1137 года, о замѣнѣ десятины, слѣдовавшей новгородскому архіерею, определеннымъ количествомъ денегъ и другихъ вещей, упоминается нѣсколько Обонѣжскихъ погостовъ, и сверхъ того Обонѣжской рядъ и Бѣжицкій рядъ; но не Обонѣжская или Бѣжецкая пятина.» Да зачѣмъ же Святославу упоминать объ Обонѣжской и Бѣжецкой пятинѣхъ, когда онъ назначалъ десятину не съ цѣлыхъ пятинъ, а только съ нѣкоторыхъ погостовъ? А названіе Обонѣжскаго и Бѣжицкаго рядовъ вовсе не уничтожаетъ существованія въ то же время пятинъ; при Бѣжицкой пятинѣ могъ существовать и Бѣжецкій рядъ. Такъ по писцовымъ книгамъ существовалъ же Дерескій погостъ, или Пречистенской въ Деревяхъ, между тѣмъ какъ въ то же время была и Деревская пятина. 4-е въ договорной грамотѣ Новгорода съ В. К. Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ, 1265 года пишется: «А судъ, княже, отдалъ Дмитрій съ Новгородцы Бѣжичаномъ и Обонѣжаномъ, а не жителямъ Бѣжецкой и Обонѣжской пятинъ.» Но развѣ названіе Обонѣжанъ и Бѣжичанъ не означаютъ жителей Обонѣжской и Бѣжицкой пятинъ? Это свидѣтельство древняго памятника служитъ прямымъ доказательствомъ, что Обонѣжская и Бѣжицкая пятинны уже существовали въ XIII столѣтіи.» 5-е, въ новгородской первой летописи г. 1270 стр. 62, изчисляются жители Новгородскихъ областей, собравшіеся противъ Ярослава Ярославича. «И совокупися въ Новгородъ вся волость новгородская, Пльсковичи, Ладожане, Корѣла, Ижера, Вожане, и идоша въ Голино.» О пятинѣхъ здѣсь не упоминается. «Но зачѣмъ же здѣсь упоминать о пятинѣхъ, когда въ сборѣ были не всѣ жители и одной Вотской пятины, а только Ладожане, Корѣла, Ижера и племя Водь». 6-е, подобнымъ образомъ г. 1316 стр. 71, пишется, что для защиты Новгорода противъ В. К. Михаила Ярославича соидеся вся волость Новгородская: Пльсковичи, Ладожане, Ружане, Корѣла, Ижера, Вожане». Опять здѣсь не мѣсто упоминать о пятинѣхъ, ибо здѣсь говорятся не о цѣлыхъ пятинѣхъ, а о нѣкоторыхъ ихъ частяхъ, которыя и выставлены поименно.» 7-е, подъ 1346 г. стр. 83, того жъ лѣта пріѣхъ К. В. Литовскій Олгердъ съ своею братією съ князи и съ всею Литовскою землею, и ста въ Шедони на усть Пшаги рѣки, а позывая Новгородцовъ... и взя Шолону и Лугу на щить, а съ Порховскаго городка и со Опоки взя окупъ. Здѣсь былъ

удобный случай назвать Шелонскую пятину; однако же она не названа.» Здесь вовсе не было случая упоминать о Шелонской пятинѣ. Ольгердь сталъ на устьѣ Пшачи въ области, гдѣ протекала рѣка Шелонь, потому завоевалъ по берегамъ Шелони и Луги, «и взя Шолону и Лугу на щить». Но это отнюдь не значить, чтобы онъ завоевалъ Шелонскую и Вотскую пятину, ибо въ Шелонской же пятинѣ съ Порхова и Опокъ онъ взялъ только окупъ, а городовъ Вотской пятинны, Ладоги, Копорья и другихъ даже не касался. Слѣдовательно ясно, что извѣстій о Шелонской и Вотской пятинѣ здѣсь не къ чему прикннуть. «8-е, Въ уставной грамотѣ Всеволода Мстиславича, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ сказано: «И язъ К. В. Всеволодъ далъ есми пошлныны попомъ св. великаго Ивана Петратинъ дворищъ съ купецъ въ Руси:.... съ Тверскаго гостя, и съ Новгородскаго, и съ Бѣжицкаго, и съ Деревскаго и съ всего Помостья.» Не представлялся ли здѣсь случай упомянуть ту или другую пятину? Отвѣчаемъ не представлялся, ибо здѣсь говорится только о купцахъ, о гостяхъ, а не о пятиннахъ. 9-е, «въ Русской лѣтопити по Никоновскому списку Ч. 5 с. 153 г. 1441, разсказывается: «Тоя же зимы ходилъ К. В. Василій Васильевичъ къ Новгороду ратью, и поиде къ нему изъ Новгорода владыка.... и навхаша его въ Деревяхъ у града Демяна?» Не говорится въ Деревской пятинѣ. «Не говорится потому, что Дерева и Деревская пятинна означали одно и тоже, а не потому, чтобы не было Деревской пятинны. Напримеръ Москва и городъ Москва развѣ не могутъ быть поставлены одно въ мѣсто другаго. Неужели мы должны были отвергать существованіе Москвы города, ежели лѣтописецъ написалъ прииде въ Москву, а не въ городъ Москву. Свидѣтельство Ипатьевской лѣтописи подъ 1147 годомъ: «приди ко мнѣ брате въ Московъ», развѣ не признается за первое лѣтописное извѣстіе о существованіи города Москвы, а въ немъ вѣтъ и помину о городѣ. Слѣд. ежели лѣтописное Московъ и городъ Москва одно и тоже; то и лѣтописное Деревы одно и тоже, что Деревская пятинна писцовыхъ книгъ. 10-е, «въ договорахъ, которые заключали Новгородцы съ В. К. Московскими, Тверскими и Литовскими, непрерывно встрѣчаются названія различныхъ областей Новгородскихъ, и въ томъ числѣ Вотская земля; но пятинны нигдѣ не упоминаются, хотя весьма часто представлялся къ тому случай». Напротивъ того случаевъ объ упоминаніи пятинъ въ договорныхъ грамотахъ нигдѣ не встрѣчалось, ибо договоры обыкновенно шли или объ уступкѣ небольшихъ пограничныхъ областей, или о дани съ некоторыхъ городовъ и волостей, а отнюдь не съ цѣлыхъ пятинъ; слѣдовательно не къ чему было и упоминать о па-

тинахъ. «11-е, наконецъ, при описаніи окончательнаго покоренія Новгорода, когда явился наружу весь внутренній бытъ его, пятинъ также не видно». Но изъ описанія послѣднихъ войнъ В. К. Ивана Васильевича съ Новгородомъ и покоренія Новгорода, мы не видимъ никакихъ новыхъ сторонъ внутренняго быта Новгородскаго, которыхъ бы мы не знали изъ предшествовавшихъ памятниковъ; а о пятнахъ не упоминается потому, что къ этому упоминанію не было случая. Іоаннъ шелъ войною на весь Новгородъ со всеми его владѣніями, а не на какую-либо пятину, требовалъ дани со всѣхъ Новгородскихъ владѣній, а не съ какой-либо пятинны, запрашивалъ себѣ волостей во всѣхъ владѣніяхъ Новгородскихъ, а не въ какой-либо пятинѣ. При описаніи похода царя Ивана Васильевича въ 1569 году на Новгородъ, также не упоминается о пятнахъ; и неужели по этому должно заключить, что въ новгородскихъ владѣніяхъ не было пятинъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ? Такимъ образомъ, всѣ свидетельства представленныя г. Неволиннымъ въ доказательство, что пятинны не существовали до покоренія Новгорода В. К. Иваномъ Васильевичемъ, или вовсе не доказываютъ его мнѣнія, или доказываютъ мнѣніе противное, т.-е. что пятинны существовали въ Новгородскихъ владѣніяхъ до покоренія Новгорода В. К. Иваномъ Васильевичемъ.

Представивъ доказательства, разобранныя нами и будто бы опровергающія мнѣніе о существованіи Новгородскихъ пятинъ до покоренія Новгорода, г. Неволинъ разбираетъ свидетельство одного сборника, списокъ съ котораго хранится въ Румянцовскомъ Музеумѣ. Въ этомъ сборникѣ между прочимъ сказано: «Въ великомъ Новѣградѣ 5 концовъ: 1) Славной, 2) Плотинской, 3) Нервской, 4) Горнъчарскій, 5) Людинъ. Земля же Новгородская раздѣлена на 5 частей, яже они пятинны наричуть: 1, пятинна Шолонская, 2, Бѣжитцкая, 3, Обоньская, 4, Водская, 5, Ижерская, и Чудская тоже. И хлѣба, и скоты велики, и ленъ и желѣзо добро». Это свидетельство г. Неволинъ думаетъ заподозрять, и говорить, что оно писано, послѣ 1478 года, что писалъ его иностранецъ, который не зналъ путемъ о Новгородскомъ устройствѣ, говорить о какой-то Ижерской или Чудской пятинѣ, которой нѣтъ въ писцовыхъ книгахъ и другихъ памятникахъ конца XV столѣтія. Мы не знаемъ, когда писано это свидетельство, ибо не видали сборника, въ которомъ оно помещено; но и г. Неволинъ разсуждаетъ объ немъ только по выпискамъ, находящимся въ Востоковскомъ описаніи Румянцоваго музеума, а самаго сборника также не видали. Что же касается до того писалъ ли сіе извѣстіе иноземецъ или Русскій, то отъ этого достоверность извѣстія ни мало не терпитъ. А что вмѣсто Деревской

пятинны въ известіи помянуты Ижерская или Чудская пятинна; то это не только не подрываетъ важности свидѣтельства, а напротивъ показываетъ, что известіе относится къ пятинамъ именно существовавшимъ до покоренія Новгорода Московскимъ княземъ, что и нужно доказать. По этому замѣчанію г. Неволіна, что пятинны, помянутыя въ известіи, не всѣ тѣ, которыя находятся въ писцовыхъ книгахъ конца XV столѣтія, вовсе не относится къ вопросу, ибо вопросъ состоитъ въ томъ, существовали ли пятинны въ Новгородѣ до конца XV столѣтія, а какія они имѣли названія, это другоѣй вопросъ.

Далѣе г. Неволінь представляетъ второй рядъ доказательствъ, которыя говорятъ, что пятинны существовали послѣ покоренія Новгорода В. К. Московскимъ. Доказательства сіи состоятъ изъ писцовыхъ книгъ и другихъ официальныхъ памятниковъ; въ нихъ ясно представляется, что пятинны существовали послѣ покоренія Новгорода; но изъ этого, конечно, нельзя заключить, чтобы они не существовали до покоренія Новгорода, чтобы они были собственно московскимъ, а не новгородскимъ учрежденіемъ. Напротивъ того въ писцовыхъ книгахъ конца XV столѣтія именно и находится указаніе, и едва ли не самое ясное, что пятинны были собственно новгородскимъ, а не московскимъ учрежденіемъ. Въ писцовыхъ книгахъ конца XV столѣтія мы именно находимъ одни только изстаринныя новгородскія разпорядки, тамъ, вмѣсто московскихъ вытей, вездѣ стоятъ новгородскія обжи, земля пахатная измѣривается новгородскими коробями, а не московскими четвертями; сохи, упоминаемыя въ этихъ книгахъ, также были чисто новгородскія, а не московскія, и состояли только изъ трехъ обержъ, или 12 коробей, (т.-е, 24 четвертей московскихъ) тогда какъ московскія сохи были никакъ не менѣе 600 четвертей. В. К. Иванъ Васильевичъ, покоривъ Новгородъ, очевидно не хотѣлъ его обременять нововведеніями, а только искалъ одной его покорности и совершенной зависимости отъ Москвы, и нисколько не касался его древнихъ учреждений, ежели они не противорѣчили покорности и зависимости. Нововведенія московскія стали вводиться не прежде какъ по прошествіи 100 лѣтъ послѣ перваго покоренія Новгорода, да и то съ большою осторожностію; такъ, напримѣръ, въ писцовой книгѣ 7090 года мы встрѣчаемъ измѣреніе земли уже по-московски четвертями, а не новгородскими коробьями, но вмѣсто вытей еще вездѣ стоятъ новгородскія обжи. Сошное письмо, хотя по прежнему рассчитывается на новгородскія сохи по три обжи въ соху; но съ новгородскими сохами, которыя уже стали называться сошками, рядомъ стоятъ большія московскія сохи. Такъ въ итогъ Климентскаго погоста сказано: «въ пустъ 236 обержъ, а сошнаго письма 79 сошекъ, а боль-

шихъ московскихъ сохъ 8 сохъ безъ полчети сохи». (Врем. 6. стр. 7). А потому ежели по свидѣтельству писцовыхъ книгъ В. К. Иванъ Васильевичъ не рѣшился замѣнить ни коробей четями, ни обжей вытями, и оставилъ неприкосновенными новгородскія сохи въ три обжи; то, конечно, онъ также не рѣшился бы ввести въ новгородскихъ владѣніяхъ пятинъ, ежели бы они не существовали прежде. Да и притомъ собственно въ московской администраціи нѣтъ нигдѣ и помину о пятинахъ.

Впрочемъ, кажется, самъ г. Неволинъ, какъ ученый добросовѣстный, сознаеть, хотя нѣсколько, слабость защищаемаго имъ мнѣнія, и говоритъ: «при учрежденіи пятинъ Іоанномъ III, имѣлось въ виду уже существовавшее прежде, въ правительственномъ отношеніи или въ народномъ употребленіи, раздѣленіе Новгородской области на части».

Говоря о географическомъ значеніи раздѣленія Новгородской области на пятины, г. Неволинъ пишетъ: «Въ область пятинъ не входили многія земли, лежавшія на сѣверъ, востокъ и югъ за чертою, означенною на моей картѣ, именно: земли лежавшія въ глубокомъ сѣверѣ по берегамъ Студенаго моря; земли по рѣкамъ Онѣгъ и Двинь, и далѣе къ востоку: Бвжичи, Торжокъ, Великія Луки, Ржевъ и земли вокругъ этихъ городовъ. Все это вполнѣ согласно съ писцовыми книгами и другими официальными памятниками, и въ концѣ XV и въ XVI столѣтій, за нѣкоторыми исключеніями именно такъ было по свидѣтельству памятниковъ. Далѣе г. Неволинъ разсуждаетъ о подраздѣленіи пятинъ на половины, и говоритъ, что это подраздѣленіе началось съ Царя Ивана Васильевича; и дѣйствительно въ писцовыхъ книгахъ конца XV столѣтія мы не встрѣчаемъ этого подраздѣленія.

Наконецъ послѣднюю статью второй главы составляетъ изслѣдованіе о правительственномъ значеніи пятинъ и половинокъ. Высказанныя здѣсь авторомъ мнѣнія вполнѣ согласны съ свидѣтельствомъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ, и другихъ памятниковъ. Но мы не можемъ сказать, чтобы изслѣдованія эти были прямо извлечены изъ писцовыхъ книгъ и другихъ памятниковъ, ибо авторъ говоритъ объ этомъ очень коротко, и за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ не цитуетъ источниковъ, на основаніи которыхъ говоритъ то или другое. По знакомству съ писцовыми книгами и другими памятниками, мы съ своей стороны согласны, что г. Неволинъ вѣренъ памятникамъ въ своемъ коротенькомъ обзорѣ о правительственномъ значеніи пятинъ и ихъ половинокъ; но нельзя не сознаться, что этотъ предметъ стоилъ бы болѣе отчетливаго изученія.

Глава III-я заключаетъ въ себя изслѣдованіа о происхожденіи и географическомъ и правительственномъ значеніи раздѣленія Новгородской области на погосты. Здѣсь авторъ во-первыхъ разсуждаетъ о первомъ началѣ и значеніи Новгородскихъ погостовъ при В. К. Ольгѣ и говоритъ, что «на основаніи лѣтописей, первое установленіе въ Новгородскихъ владѣніяхъ погостовъ, приписывается Великой Княгинѣ Ольгѣ». Но на основаніи лѣтописей, на самомъ дѣлѣ можно сказать, что при Великой Княгинѣ Ольгѣ встрѣчается только первое извѣстіе объ учрежденіи погостовъ по Мств. «Иде Волгою Новугороду и устави по Мств погосты и дани». Но было ли это учрежденіе первымъ въ Новгородскихъ владѣніяхъ, или погосты существовали въ Новгородѣ еще до Ольги, настоящее лѣтописное извѣстіе объ этомъ ничего не говоритъ. А изъ соображенія всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій объ Ольгѣ, скорѣе должно будетъ принять, что погосты существовали въ Новгородскихъ владѣніяхъ еще до Ольги, Ольга же учредила ихъ только въ одной мѣстности по Мств; ибо ежели бы учрежденіе погостовъ было Ольгинымъ нововведеніемъ, то Ольга учредила бы ихъ и въ Кіевской землѣ, и въ Древлянской и въ другихъ своихъ владѣніяхъ, но лѣтописи объ этомъ не говорятъ. Да и послѣ Ольги мы долго не встрѣчаемъ погостовъ въ Новгородскомъ значеніи въ другихъ краяхъ Руси, за исключеніемъ Смоленскаго княжества, гдѣ въ грамотѣ Ростислава Мстиславича 1150 года упоминается о девяти великихъ погостахъ въ Вержевляннхъ. (Допол. къ Ак. Ист. т. I, стр. 5).

Далѣе авторъ разсуждаетъ о томъ, что такое были погосты, и потому разбираетъ почти всѣ мнѣнія прежнихъ ученыхъ, начиная съ Ломоносова; и въ отношеніе производства слова погость, совершенно справедливо отстраняетъ всѣ производства заимствованныя изъ Финскаго, Греческаго и Латинскаго языковъ, которыя кромѣ сходства въ нѣкоторыхъ звукахъ, ничего не имѣютъ въ свою пользу, и не подтверждены ни филологическими ни историческими соображеніями, и принимаетъ только производства изъ Славянскаго языка. И также вѣрно его замѣчаніе, что должно отказаться отъ производства, по которому погость первоначально долженъ значить мѣсто временнаго гощенія или мѣсто торга; ибо слово погость доселѣ удержало коренное понятіе богослужебнаго мѣста. Но конечно авторъ согласится съ нами, что чисто религіозное значеніе погоста было только первоначальное, въ послѣдствіи же, и именно при Ольгѣ, въ Новгородѣ слово погость уже имѣло значеніе гражданское, административное, ибо въ лѣтописи погосты, какъ учрежденія, рядомъ стоятъ съ оброками и данями; и повторимъ, учрежденіе чисто Новгородское,

въ противномъ случаѣ Ольга настроила бы погостовъ, какъ бого-служебныхъ мѣсть, и въ Кіевъ, и въ земль Древланской, и въ другя Русскихъ владѣнійхъ.

Гражданское административное значеніе погостовъ подтверждаетъ все второе отдѣленіе настоящей главы, гдѣ авторъ говоритъ о погостахъ, послѣ первоначальнаго учрежденія, до конца XV вѣка. Здѣсь г. Неволинъ собралъ множество официальныхъ и летописныхъ свидѣтельствъ о погостахъ, начиная съ устава Владиміра святаго до первыхъ дошедшихъ до насъ писцовыхъ книгъ; и во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ погосты являются въ значеніи гражданскомъ, административномъ, они стоятъ на ряду съ городами и слободами, съ городскими сотнями: «купецъ поидеть въ свое сто, а смердь поидеть въ свой погостъ». Съ погостовъ назначаются дани и другія сборы и службы.

III-е отдѣленіе настоящей главы говоритъ о произхожденіи названій погостовъ. Здѣсь авторъ представляетъ много дѣльных замѣчаній, вызывающихъ разные вопросы. Такъ, напримѣръ, во 1-хъ, говоритъ онъ, большая часть погостовъ имѣла составное двоякое наименованіе одно отъ церкви, а другое отъ имени главнаго селенія; 2-е, къ составному наименованію присоединялась еще иногда отличительная черта, заимствованная отъ рѣки, народа, мѣстности. «Погостъ Успенскій Коломенскій на Волховѣ, Воздвиженской Опольской въ Чуди», и проч. 3-е, образъ соединенія названій церковнаго и гражданского былъ различенъ; въ Вотской и Шелонской пятинахъ, оба названія принимали преимущественно форму именъ прилагательныхъ, а въ Бѣжецкой, Деревской и Обонеской пятинахъ одно наименованіе болѣе являлось въ формѣ прилагательнаго, а другое при формѣ существительнаго. 4-е, Въ Шелонской и Деревской пятинахъ большая часть погостовъ не носила церковныхъ названій; а въ Бѣжецкой пятинѣ не было ни одного погоста безъ церковнаго названія. Здѣсь выставлены только образчики замѣчаній, другія же замѣчанія пусть каждый прочтетъ въ самой книгѣ. Въ этомъ отдѣленіи авторъ показалъ, что онъ умѣетъ дорожить памятниками древности, вдумываться въ нихъ и открывать любопытныя стороны даже въ извѣстіяхъ, видимо незначительныхъ.

Четвертое отдѣленіе говоритъ о географическомъ значеніи погостовъ. Погостъ, въ смыслѣ географическаго округа, образовалъ непрерывное пространство земель, лежавшихъ однѣ подлѣ другя и въ одномъ мѣстѣ. По счисленію сдѣланному авторомъ по писцовымъ книгамъ и другямя памятникамъ, во всѣхъ пятинахъ Новгородскихъ было 343 погоста, со включеніемъ сюда и равныхъ имъ

отдѣловъ пятинъ, (то-есть околородій и волостей). Средняя величина погостовъ по разнымъ пятинамъ была неодинакова. Такъ въ Вотской пятинѣ причисляется на погость 1383¹⁴/₂₅ квад. верстъ, въ Обонъжской 1310³/₂₅ квад. верстъ, въ Деревской 467²²/₂₅ кв. верстъ, въ Шелонской 405³/₂₅, въ Бъжецкой 365²⁰/₂₅ квад. верстъ. Селенія, составлявшія погостскіе округа, не говоря о монастырскихъ, носили названіе погостовъ, сель, селець, деревень, починковъ, выставокъ, рядовъ и рядковъ. Авторъ приводитъ свои объясненія каждому изъ этихъ наименованій; объясненія его вообще отличаются ясностію и опредѣлительностію, и основаны, сколько мы знаемъ, прямо на свидѣтельствъ писцовыхъ книгъ и другихъ памятниковъ, хотя онъ ихъ и не цитуетъ. Одно только объясненіе различія между пустошью и пустымъ селомъ или деревнею, кажется, не совсѣмъ яснымъ. Авторъ говоритъ: «различіе между пустошами и пустыми селами и деревнями было, кажется, то, что въ селеніи пустомъ были еще свѣжи и видны остатки жилья, тогда какъ въ пустоши они были уже совершенно изглажены». Но по писцовымъ книгамъ и другимъ памятникамъ было два рода пустошей, однѣ пустоши, при которыхъ еще оставалась въ народѣ память, что тутъ было сельцо, или деревня, и проч., напримѣръ пустошь, что была деревня Серебряницы, пустошь, что была деревня Чиркова. Другія же пустоши древнѣйшія первыхъ, имѣли при себѣ только одно названіе въ народѣ; наприм. пустошь Андреевская, пустошь Гашнева гора, и подоб. Оба сіи разряды пустошей не имѣли и слѣдовъ жилья, и были подъ пашнею, или подъ лугами, или подъ лѣсомъ. Пустыми же деревнями и селами назывались тѣ, которыя имѣли еще жилья, дома, дворовыя мѣста и проч., но не имѣли жителей, которые или переходили, по тогдашнему порядку, отъ одного землевладѣльца къ другому, или оставляли жилища въ слѣдствіе войны, голода и другихъ несчастій. Напримѣръ: въ Писцовой книгѣ Вотской пятинѣ 7090 года сказано: «И всего въ Грузинскомъ погостѣ за старыми помѣщиками за 2 человекки село да одиннадцать деревень живущія, да деревня съ третьею деревнею пусты, да 12 пустошей безъ чети. А въ нихъ дворъ помѣщиковъ, да дворъ прикащиковъ, да 3 двора людскихъ, а людей въ нихъ тожь, да 43 двора крестьянскихъ, а крестьянъ въ нихъ тожь, да 49 дворовъ пустыхъ крестьянскихъ, да 58 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ». И проч. (Врем. 6 кн. 25 стр.).

Въ пятомъ отдѣленіи говорится о правительственномъ значеніи погостовъ. Это отдѣленіе одно изъ интереснѣйшихъ. Здѣсь г. Неволгинъ, основываясь на официальныхъ памятникахъ, превосходно

очеркнулъ правительственное значеніе погостовъ, во 1-хъ какъ единиць, по которымъ правительство располагало тѣ статистическія свѣдѣнія, которыя оно должно собирать о своихъ правительственныхъ силахъ. Во 2-хъ какъ единиць, по которымъ разкладывались подати, повинности и другіе доходы правительства. Въ 3-хъ, какъ цѣлыхъ отдѣльныхъ общинъ, имѣвшихъ свое управленіе, своихъ начальниковъ и проч. Въ 4-хъ, какъ общинъ, владѣвшихъ своею общественною землею. Г. Неволинъ, въ настоящемъ отдѣленіи, отмѣтилъ много и другихъ сторонъ правительственнаго значенія погостовъ, но объ нихъ лучше судить по самой книгѣ, нежели по выпискамъ.

Четвертую главу составляетъ раздѣленіе новгородской области на уѣзды, или присуды, и станы, и отношеніе этого раздѣленія къ раздѣленію на пятинны и погосты. Авторъ здѣсь, во-первыхъ, говоритъ, что «уѣзды въ Новгородѣ иначе назывались присудами и имѣли одинаковый смыслъ съ уѣздами въ другихъ частяхъ Россіи. Но въ новгородской области раздѣленіе на уѣзды существовало рядомъ съ раздѣленіемъ на пятинны и погосты; одна и таже пятинна и одинъ и тотъ же погостъ могли принадлежать и дѣйствительно принадлежали къ разнымъ уѣздамъ. Въ новгородскихъ пятиннахъ были уѣзды: Новгородскій, Ладожской, Орѣховской, Копорской, Ямской, Иваньгородской, Корьельской, Старорусской, Порховской, Курской, Холмской, Доманской». Далѣе г. Неволинъ изчисляетъ какіе погосты принадлежали по писцовымъ книгамъ къ которому изъ означенныхъ уѣздовъ. Все это вѣрно по писцовымъ книгамъ, бывшимъ у него, или по крайней мѣрѣ, по выпискамъ, помѣщеннымъ въ приложеніяхъ; но мы выше уже замѣтили, что у г. Неволіна писцовыхъ и переписныхъ книгъ было очень немного, да и тѣ не всѣ полныя, следовательно и на приводимое въ настоящей главѣ изчисленіе Новгородскихъ уѣздовъ и на размѣщеніе между ними погостовъ положиться нельзя, чему лучшимъ доказательствомъ служить то, что самъ г. Неволинъ говоритъ: «нельзя опредѣлить съ точностію, какіе погосты принадлежали къ каждому изъ сихъ уѣздовъ». А мы къ этому осмѣливаемся присовокупить, что нельзя утверждать, чтобы и вышеприведенное число уѣздовъ было полное.

Во-вторыхъ, здѣсь г. Неволинъ говоритъ о раздѣленіи на станы; по его словамъ, станы встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ новгородскихъ уѣздахъ, къ станамъ иногда причислялось по нѣскольку погостовъ. Все это справедливо и вполне согласно съ писцовыми книгами и другими памятниками. Но кромѣ раздѣленія на станы, было еще раздѣленіе на волости и сотни. Такъ въ V приложеніи

сказано: «Лѣта 7136, ноября въ 10 день бияь челомъ Государю Царю и В. К. Михаилу Ѳеодоровичу всяя Русіи Старорусскаго уѣзда Государевыхъ черныхъ волостей, и Сумерскіе волости крестьянинъ Гаврило Трофимовъ, а сказалъ: писали и мѣрили въ Старорусскомъ уѣздѣ въ ихъ Сумерской волости писцы.... А что де по ихъ письму и мѣрв въ которой сотнѣ объявилось вытей живущаго и пустого, и того имъ невѣдомо? И далѣе написано: «сотня Осминская.... И всего въ Осминской сотнѣ село, да къ селу 36 деревень, да деревня пустая, да селище пустое, да 16 пустошей». Сотня Доложская. И всего въ Доложской сотнѣ два погоста и т. д. Сотня Ложголовская и всего въ Ложголовской сотнѣ погостъ и проч. Сотня Старопольская и проч.». (Приложен. 124—128 стр.). Сотнямъ у насъ не посчастливилось, объ нихъ не упоминаютъ ни г. Бялевъ въ статьѣ о поземельномъ владѣніи, ни г. Неволинъ въ настоящемъ трудѣ.

Глава пятая содержитъ въ себѣ подробный каталогъ погостовъ, расположенный по пятинамъ, съ пріурочиваніемъ главнаго селенія каждаго погоста къ опредѣленной мѣстности и съ назначеніемъ границъ для каждой пятины. Эта глава составляетъ основу и средоточіе настоящаго труда г. Неволіна и отдѣлана съ большою добросовѣстностію и отчетливостію. Отдѣлкою этой главы, г. Неволинъ оказалъ истинную услугу Русской Географіи и Русской Исторіи. Этой главы никогда не забудутъ ученые, занимающіеся Русской Географіей и Исторіей, хотя и будутъ пополнять ее по новымъ источникамъ и по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, (чему примѣры и показалъ уже Москвитянинъ).

Вотъ планъ, по которому составлена настоящая глава. Каталогъ погостовъ расположенъ по пятинамъ, такъ, что сначала слѣдуютъ погосты Вотской, потомъ Шелонской, Обонъжской, Деревской и Бѣжецкой пятины. Въ каждой пятинѣ каталогъ погостовъ расположенъ для удобнѣйшаго отысканія ихъ на картахъ, по градусамъ долготы и широты, начиная съ ближайшихъ къ Новгороду въ каждой пятинѣ погостовъ. Въ каждой пятинѣ, вмѣстѣ съ главными мѣстностями погостовъ, означены и главныя селенія волостей, составлявшихъ отдѣльные, подобныя погостскимъ, округи, а также означены города, бывшіе въ пятинѣ. По означеніи погостовъ, волостей и городовъ каждой пятины, указаны границы ея, сколько, ихъ можно было опредѣлить по размѣщенію погостовъ и по различнымъ, бывшимъ у автора въ виду, источникамъ. По означеніи такимъ образомъ погостовъ и границъ всѣхъ пяти пятины, представлено общее соображеніе о границахъ области пятины. Для примѣра, какъ г. Неволинъ опредѣляетъ мѣстность погостовъ, здѣсь при-

лагается описание мѣстности Пидебскаго погоста. «Вотская пятина, 49°—50° Д. 58°—59° С. ш. 1. П. Никольскій Пидебской. По писцовымъ книгамъ въ прилож. с. 14, 57. По изгон. кн. (IV. 2) въ разстояніи четырехъ верстъ отъ Новгорода на К. О. р. Патьба, на К. Ш. р. Пидьба, впадаетъ съ сѣвера въ Волховъ, не далеко отъ Новгорода. Изъ селеній, нынѣ показываемыхъ на картахъ, этотъ погостъ не можетъ быть приуроченъ ни къ одному; но судя по разстоянію отъ Новгорода, особенно въ сравненіи съ Григорьевскимъ Кречневскимъ погостомъ, и согласно указанію писцовой книги (прил. с. 16) и Новгородской летописи I. ст. 44 г. 1228, находился при самомъ устьѣ рѣки Пидьбы. «Изъ представленнаго плана и образца опредѣленія мѣстностей, каждый ясно можетъ видѣть въ какомъ порядкѣ и съ какою отчетливостію отдѣлана эта часть труда г. Неволинымъ» (*).

(*) Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что этотъ трудъ еще не полонъ; но виною исполноты, конечно должно призвать неполноту писцовыхъ книгъ, которыя г. Неволинъ принялъ въ основаніе своего труда, и рѣшительно кажется отказался помѣщать то, чего не встрѣтилъ въ бывшихъ у него писцовыхъ переписныхъ и изгонныхъ книгахъ. Отсюда произошло то, что онъ сократилъ нѣкоторыя границы пятинъ, такъ напримѣръ границу Вотской пятинны на сѣверо-востокъ провелъ по той чертѣ, которая отдѣляетъ въ настоящее время В. К. Финляндію, отъ Олонецкой губерніи, тогда какъ по граматѣмъ 1530, 1539 и 1549 годовъ Вотская пятина своими Лопьскими погостами простиралась до Студеваго моря, по рѣкамъ Шуи, Кеми и по дикимъ озерамъ. Въ граматахъ сказано прямо: «пожалованъ есмь въ своей отчинѣ въ Великомъ Новгородѣ, въ Вотской пятинѣ, у Студенаго моря, отъ Канскихъ Нѣмецъ съ рубежа, Лопь крещеную и не крещеную Шуи рѣки до Кеми рѣки и дикихъ озеръ». На это свидѣтельство г. Неволинъ возражаетъ тѣмъ: я полагаю, что граница Вотской пятинны можетъ быть относима въ такую даль только въ смыслѣ несобственномъ, неточномъ, обширномъ, по писцовымъ и изгоннымъ книгамъ граница этой пятинны на сѣверъ и востокъ должна быть заключена въ предѣлахъ, мною принятыхъ и означенныхъ. Отвѣчаемъ на это объясненіе тѣмъ: «слова въ смыслѣ несобственномъ, неточномъ, обширномъ», здѣсь не имѣютъ никакого значенія; три оффиціальныя граматы говорятъ, что земли Лопарей до Студенаго моря и до рубежа Канскихъ Нѣмецъ принадлежать къ Вотской пятинѣ, следовательно граница Вотской пятинны простиралась до Студенаго моря и до рубежа Канскихъ Нѣмецъ. Конечно земли здѣсь лежащія не описаны въ писцовыхъ и изгонныхъ книгахъ; но это не значитъ, чтобы онѣ не принадлежали къ Вотской пятинѣ; причинъ неописанію ихъ могло быть очень много, мы вѣдь не знаемъ наказовъ, по которымъ составлены дошедшія до насъ писцовыя и изгонныя книги; въ нихъ могла находиться статья: «такихъ-то погостовъ не описывать». Для Лопьскихъ погостовъ могли быть ведены особыя книги, которыхъ мы еще не открыли. Вообще писцовыя и переписныя книги, известныя намъ, не смотря на ихъ великое значеніе въ семь дѣлъ,

Въ шестой главѣ излагается позднѣйшая судьба раздѣленія Новгородской области на пятины и погосты. Здѣсь авторъ говоритъ, что, по Столбовскому мирному договору 1617 года, Иванъ Городь, Яма, Копорье, Орѣшекъ, Корѣла съ уѣздами отошли къ Швеціи. Въ слѣдствіе чего Вотская пятинна лишилась значительной части, а Шелонская небольшого участка своихъ земель. По уступкѣ Швеціи города Корѣлы открылась необходимость построить новый городъ въ Северо-западной оконечности Обонѣжской пятины. Въ слѣдствіе чего въ 1649 году построенъ Олоонецъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было главное селеніе Олонецкаго погоста, и ему подчинены Лопьскіе погосты, которые прежде зависѣли отъ города Корѣлы, а также нѣсколько погостовъ Новгородскаго уѣзда. Въ царствованіе Петра Великаго вся часть Шелонской пятины и значительная часть Вотской пятины, находившіяся подъ властію Швеціи, возвратились къ Россіи. При раздѣленіи Петромъ Великимъ всей Россіи въ 1708 году на губерніи, область пятинъ вошла въ составъ Ингерманландской губерніи. Въ 1710 году губернія Ингерманландская переименована въ С.-Петербургскую. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ измѣненій, начиная съ 1775 года, прежнее губернское учрежденіе было совершенно преобразовано, и границы всѣхъ губерній опредѣлены были отлично отъ прежняго. Съ развитіемъ губернскаго управленія и раздѣленія, раздѣленіе на пятины было совершенно забыто; но не забылось раздѣленіе на погосты; до Екатерины II-й, оно существовало и было признаваемо, какъ оофициальное раздѣленіе; но съ 1775 года оно потеряло оофициальное значеніе; впрочемъ въ общегити, въ тамошнемъ краю, и до настоящаго времени обыватели опредѣляютъ мѣстоположеніе своихъ селеній по погостамъ.

Теперь перейдемъ ко второй половинѣ настоящаго труда: г. Неволинъ назвалъ ее приложеніями, она занимаетъ почти 400 страницъ, и состоитъ изъ выписокъ изъ писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ и изгонныхъ книгъ, бывшихъ подъ рукою у автора, и раздѣляется на четырнадцать приложеній, изъ которыхъ самое лучшее четырнадцатое, въ которомъ помѣщена подробная роспись селеній, пятинъ Новгородскихъ, выписанная изъ старыхъ Новгородскихъ

еще не разработаны, наука до нихъ только дотронулась, мы еще не опредѣлили что въ нихъ описано и что не описано, и полны ли онѣ; слѣдовательно вооружась однимъ писцовымъ книгамъ, мы еще не имѣемъ права отвергать свидѣтельства другихъ памятниковъ, и особенно оофициальныхъ, каковы грамоты.

изгонныхъ книгъ XVII вѣка, съ показаніемъ разстоянія каждаго селенія отъ Новгорода. Эта роспись перепечатана изъ книги: «Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода». Книга эта въ настоящее время, уже сдѣлалась библиографическою рѣдкостію, следовательно перепечатаніе росписи очень полезно, и притомъ г. Неволнинъ здѣсь поступилъ съ большою аккуратностію; онъ по писцовымъ книгамъ исправилъ всѣ погрѣшности наименованій въ росписи, и тутъ же, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, выставилъ неисправленныя наименованія прежняго изданія. Вообще, и по ученой отчетливости изданія, и по неизвѣстности подлинныхъ изгонныхъ книгъ, и по рѣдкости той книги, въ которой роспись напечатана въ первый разъ, за четырнадцатое приложеніе мы должны благодарить автора.

О первыхъ тринадцати приложеніяхъ должно сказать, что авторъ напечаталъ ихъ: во 1-хъ для того, чтобы дѣлать ссылки при печатаніи пятой главы текста, о чемъ самъ намекаетъ въ предисловіи; во 2-хъ онъ своими выписками желалъ познакомить читателей съ характеромъ книгъ, на основаніи которыхъ составилъ свое изслѣдованіе; для этого онъ въ началѣ каждаго своего приложенія прилагалъ подробную охранную вѣншую опись книги со всеми мелочами; въ подобныхъ описяхъ, вообще утомительныхъ, иногда встрѣчаются довольно любопытныя историческія извѣстія. Вотъ, для образца, опись III-го приложенія. «Книга Шелонской пятины, письма Леонтыя Оксаква и подьячаго Олеси Мадахова, 90 году (1581 — 1582 г.). О составителяхъ и времени составленія книги см. въ ней л. 131, 266 и пр. Писана въ 4-ку, скорописью; подлинная означенныхъ писцовъ; состоитъ, со включеніемъ и листовъ. не принадлежащихъ непосредственно подлиннику, изъ 1360 листовъ, нумерованныхъ арабскими цифрами; весьма избита, какъ отъ употребленія, такъ и отъ обстоятельства, указаннаго на первомъ нумерованномъ листѣ ея. Въ Императорское Русское Географическое общество доставлена была изъ архива вотчиннаго департамента. На корешкѣ кожанаго переплета наклеены два ярлыка. На нижнемъ выставлено крупными цифрами число «658». На верхнемъ отчасти напечатано отчасти написано: «Архивъ III. вотчинн. $\frac{7190}{1682}$ годъ № } общ. 6817 / част. Кн. 1. Царствованіе Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича. Ѳедора Алексѣевича. Документъ. Писцовая книга города Новгорода. Разборъ Комитета 1835 года. (Ср. выше прилож. ст. 55 (*). Сначала слѣдуетъ одинъ листъ нумерованный,

(*) Гдѣ сказано. Слова, буквы и цифръ верхняго ярлыка, напечатанныя мною прямою шрифтомъ, на подлинномъ ярлыкѣ также напечатаны, и притомъ

принадлежащій къ переплету, совершенно порожній, потомъ слѣдуютъ листы нумерованные арабскими цифрами. Л. I. очень ветхъ, во многихъ мѣстахъ испорченъ и на обѣихъ своихъ страницахъ представляетъ только слѣдующее извѣстіе, писанное почеркомъ XVII вѣка «....онтія Аксакова 7090 году. безъ начала, и многихъ въ ней листовъ нѣтъ, потому что помѣстнаго стола двла и пи...вые книги и та писцовая книга была подъ церковію происхожде... Честнаго и Животворящаго Креста и въ прошломъ во... году та церковь... и писцовые книги каменьемъ и известью засыпало и разбило и ту писцовую книгу изломало жъ и начала въ ней и иныхъ многихъ листовъ не сыскано, а которые погосты той книгѣ остались и сысканы, и тѣмъ погостомъ главы». Конечно вся опись могла быть гораздо сокращеннѣе безъ ущерба для науки, но извѣстіе XVII вѣка, помѣщенное на первомъ нумерованномъ листѣ очень любопытно.

Послѣ охранной описи авторъ помѣщалъ изложеніе въ какомъ порядкѣ составлена та или другая книга. Такъ, напримѣръ, въ томъ же третьемъ приложеніи онъ пишетъ: «Описаніе расположено по порядку погостовъ, и произведено, съ небольшими изыятіями, по тѣмъ же началамъ, по какимъ оно сдѣлано въ Писцовой Книгѣ Вотской пятины 1581 — 1583 г. Въ каждомъ погостѣ описывается прежде всего главная его мѣстность, по преимуществу называемая погостомъ. Послѣ сего описываются Государевы земли, находившіяся во время составленія описанія въ помѣстьѣ: особо земли за старыми помѣщиками, — дѣтьми боярскими; особо за новыми помѣщиками Нѣмецкихъ городовъ, изпомѣщенными въ Шелонской пятинѣ, и особо за служилыми земцами. Далѣе, описываются Государевы порожнія земли, которыя прежде находились въ помѣстьѣ за разными лицами», и проч. Это изложеніе необходимо для того, чтобы познакомить съ характеромъ книги, и составлено съ большою отчетливостію. Въ иныхъ приложеніяхъ, для большаго ознакомленія съ характеромъ книги, авторъ выписывалъ первый листъ или нѣсколько листовъ сряду, какъ напримѣръ это сдѣлано имъ въ I-мъ и V приложеніи; конечно это одинъ изъ самыхъ лучшихъ способовъ ознакомленія съ книгою, но къ сожаленію авторъ не вездѣ держался его.

За изложеніемъ порядка книги обыкновенно у автора помѣщаются выписки мѣстъ почему либо замѣчательныхъ, или казавшихся ему замѣчательными; здѣсь, кажется, не лишнимъ бы было показать, какая была-цѣль тѣхъ или другихъ выписокъ, и по какимъ отно-

различными шрифтами, а напечатанныя у меня курсивомъ, на подлинныхъ ярлыкахъ написаны.

шеніямъ авторъ находитъ интересными тѣ или другія изъ нихъ, ибо безъ таковаго указанія объ иной выпискѣ не знаешь какъ и придумать для чего она сдѣлана; конечно нельзя этого сказать о всѣхъ выпискахъ, нѣкоторыя бросаются своимъ интересомъ прямо въ глаза безъ всякихъ указаній. Такова на примѣръ въ 1-мъ приложеніи выписка о городѣ Ладогѣ. (стр. 45 — 46). «Въ Вотьской пятинѣ Городъ Ладога на рѣцѣ на Волховѣ. На посадѣ лутчіе люди: въ Богородицкомъ концѣ дв.» (8 дворовъ). «А въ Никольскомъ концѣ дв. Аврамко Васильевъ староста. Дворовъ 9, а людей въ нихъ 14 человекъ. На посадѣ-жъ въ Богородскомъ концѣ люди середніе дв.» (8 дворовъ). «А въ Никольскомъ концѣ дв.» (7 дворовъ). «Дворовъ 15, людей 19 человекъ». «На посадѣ-жъ люди молодые: въ Богородицкомъ концѣ дв.» (8 дворовъ). «А въ Семеновскомъ концѣ дв.» (15 дворовъ). «А въ Никольскомъ концѣ дв.» (23 двора). «Дворовъ 54, а людей 66 человекъ, да дворъ Демешкинской пустъ». «А не на посадѣжъ люди молодые на монастырскихъ мѣстахъ и на церковныхъ, а въ оброкъ съ городчаны тянуть же и во все потуги». На монастырскихъ мѣстахъ: Никольскаго монастыря изъ Ладоги въ Никольскомъ концѣ поземщики люди молодые дв.» (6 дворовъ). «Дворовъ 6, людей 6 человекъ и съ попомъ, а позему даютъ монастырю восемь денегъ, да полове изъ хмѣлю». «Егорьевскаго монастыря изъ Ладоги изъ за стѣнки поземщики люди молодые: въ Богородицкомъ концѣ дв. Куземка Олферовъ пасынокъ; а въ Семеновскомъ концѣ дв.» (5 дворовъ) «а въ Спаскомъ концѣ дворъ Онашка Матюковъ; а въ Никольскомъ концѣ дв. Петрокъ да Ивашка Ивашковъ, дв. Ивашко Логиновъ. Дворовъ 9, людей 12 человекъ. А позема даютъ монастырю полдесяти деньги, да изъ хмѣлю полове». «А на церковныхъ мѣстахъ: богородицкіе поземщики люди молодые: въ Богородицкомъ концѣ дв.» (8 дворовъ). Дворовъ 8, людей 12 человекъ, а позему даютъ попомъ 16 денегъ. Спаскіе поземщики люди молодые въ Спаскомъ концѣ (6 дворовъ) «съ людьми 6, а людей 7 человекъ, а позему даютъ попу 6 денегъ». Воскресенскіе поземщики, въ Семеновскомъ концѣ дв. Васко Оксеновъ, а позему даетъ попу двѣ денги». Далѣе у автора выписанъ итогъ дворовъ и людей по старому письму 84 двора 174 человекъ, а Государева оброка полчетверта рубля Новгородскіе; по новому письму дворовъ 108, людей 137 человекъ, оброку полтора рубли Новгородскіе.

«А не тяглыхъ дворовъ въ Ладогѣ на посадѣ своеземцовъ, въ Богородицкомъ концѣ дв. Андрѣйка Семенова, и въ немъ дворники Ефимко Викадь да сынъ его Кондратко, а зъ городчаны въ оброкъ тянуть же. А се дворы не тяглые жъ: дв. попъ Авонасей Спаской,

★

дв. попъ Ульянъ Богородитцкой, дв. попъ Микуль Семеновской. Да въ Никольскомъ концѣ у Клемянта святаго дв. Намъсничъ, да дв. тиунъ. Да въ Ладозѣ-жъ велвно давати мѣста на дворы городцкимъ людемъ Ладожаномъ Семену Порожскому Мартынову сыну Анаткина, а давати ему мѣста отъ рвки отъ Ладоги, отъ мельницы отъ Егорьевскіе, что за-ствною, да на могильникъ къ Варяжской улицѣ, да прямо къ часовнѣ, да къ Пречистой, а ставити имъ дворы первый рядъ отъ Пречистые берегомъ по горѣ къ Семену Святому и къ Воскресенію и до Петра Святаго, и изставятъ тотъ рядъ къ Семену, велѣти имъ ставити другой рядъ позади тѣхъ дворовъ и до Варяжскія улицы, а мѣра двору поперекъ 10 сажень, а въ длину 15 сажень, а пашни имъ на тѣхъ мѣстѣхъ и хмѣльниковъ не метати и не пахати безъ дворовъ, и Семену давати мѣста на помѣстщыковыхъ мѣстѣхъ и на своеземцовыхъ и на монастырскихъ и на городцкихъ людей полянахъ съ рядомъ». Очевидно таковыя и подобныя выписки не нуждаются въ указаніяхъ, чтобы видѣть ихъ интересъ.

Но мы откровенно признаемся, что не умѣемъ отыскать, въ чемъ состоитъ интересъ слѣдующихъ выписокъ, помѣщенныхъ въ VI приложеніи на стр. 157. «Л. 786—796 об.» Въ Рождественскомъ же погостѣ въ Пиркиничяхъ села и деревни и починки и пустоши Царя и В. К. оброчные» и т. д. По приведеніи итога, означается оброкъ съ обжаъ и съ рыбныхъ ловель. Л. 797—823 с. 1 «Въ Пиркинскомъ же погостѣ села и деревни и починки и пустоши владычни», и т. д. Л. 822 об.; «и всего Владычни вотчины» и т. д. Л. 823 об.; порожній л. 824 с. 1 и об. «Въ Пиркинскомъ же погостѣ села и деревни монастырскіе вотчины Спаса Хутиня монастыря» и т. д.; Л. 824 об. — 825 об. «И всего въ Рождественскомъ погостѣ въ Пиркиничяхъ въ Государевыхъ Царевыхъ и Великаго князя въ Черныхъ волостяхъ и во Владычныхъ и въ монастырскихъ» и т. д. «Слѣдующій за тѣмъ листъ не нумерованный порожній». А такихъ выписокъ въ приложеніяхъ очень много; можетъ быть авторъ и находить ихъ интересными, можетъ быть они и очень важны; но за чѣмъ же онъ не показалъ въ чемъ ихъ интересъ и важность?

Наконецъ должно замѣтить, что г. Неволинъ въ видѣ примѣчанія послѣ перваго приложенія, вычислилъ наименованія разныхъ оброковъ и угодій, встрѣчавшихся ему въ первой половинѣ писцовой книги Вотской пятины 1500 года, выписки изъ которой помѣщены имъ въ первомъ приложеніи. Мысль выписать наименованія древнихъ оброковъ и угодій очень хороша, мы нуждаемся въ подобныхъ выпискахъ; но на сколько удовлетворительно исполненіе мысли, мы,

для образца, представимъ нѣкоторыя изъ выписокъ сдѣланныхъ авторомъ. 1) *Въ погостъ Климецкомъ Тесовскомъ*: л. 71. Ключнику лопатка баранья; л. 72 ему же четыре сыры, четыре горсти льну; въ пользу поземельнаго владѣльца пять ставцевъ соли; л. 73 три ставца масла; л. 82 бочка пива, 20 возовъ дровъ». Мы здѣсь видимъ только наименованія оброковъ, а съ чего который оброкъ получался, отъ насъ сокрыто, а это кажется самое важное, справиться же намъ негдѣ, писцовая книга не издана; хотя авторъ и отмѣтилъ листы, на которыхъ упоминается тотъ или другой оброкъ, но цифры листовъ относятся къ подлинной книгѣ, которая хранится въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ первомъ приложеніи дѣйствительно находятся выписки изъ означенныхъ листовъ, но въ нихъ нѣтъ наименованія оброковъ. Напримѣръ изъ л. 71 выписано: «Погостъ Климетцкой Тесовской. А церковь того погоста писана въ Великаго князя волости въ Дворцовой въ Тѣсовъ-жъ, что была за владыкою, да и розныхъ бояръ». Здѣсь, какъ каждый видитъ, нѣтъ и помину о бараньей лопаткѣ ключнику, она осталась на 71 листѣ подлинной книги и не попала въ выписку; таже участь выпала на долю и другихъ оброковъ, объ нихъ должно справляться въ Архивѣ, а удобно ли это будетъ для ученыхъ въ Петербургѣ, Кіевѣ, Казани, Харьковѣ и другихъ, этотъ вопросъ пусть разрѣшаютъ они сами. А мы заключимъ наши замѣчанія искреннею благодарностію г. Неволину за сообщеніе многихъ важныхъ свѣдѣній относительно Новгородскаго устройства, и за ученую и добросовѣстную обработку избраннаго имъ предмета; его книга на всегда останется богатымъ вкладомъ въ нашей исторической литературѣ.

—
О Восточномъ вопросѣ. *А. Гаряйнова.* С.-Петербургъ. Въ типографіи Королева и К^о. 1854 г. Въ 8 д. л., стр. 68.

Впродолженіи послѣдняго года много написано въ Европѣ книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей о Восточномъ вопросѣ, составляющемъ въ настоящее время всемірный вопросъ; но къ большей части этихъ сочиненій можно приложить пословицу: *вздоръ на вздоръ помножить — выйдетъ чепуха*. Иныя изъ нихъ написаны авторами совершенно не знающими дѣла, другія съ умышленнымъ намѣреніемъ или оскорбить и унижить Россію, или очернить и обвинить ее, и возвысить Англію и Францію. Главные двигатели въ этомъ случаѣ духъ партій, зависть и деньги.

Г. Гаряйновъ доказываетъ справедливость Россіи въ дѣлѣ Восточнаго вопроса не хвастливыми возгласами, не натяжками, не со-

физмами, не безсовѣстной ложью, какъ это дѣлаютъ англійскіе и французскіе публицисты въ угодность личностей, управляющихъ въ настоящее время этими конституціонными государствами; нѣтъ, онъ приводитъ только историческіе факты, которые служатъ и будутъ служить передъ потомствомъ самыми лучшими защитниками Россіи и самыми грозными обвинителями враговъ и клеветниковъ ея.

Каждый, кто прослѣдитъ исторію Европы со временъ Петра и до нашихъ, изложенную г-мъ Гарайновымъ въ краткомъ очеркѣ, увидитъ, что зародышъ настоящей войны есть зависть, питаемая, еще съ той поры, Западными державами противъ Россіи; что эта зависть усилилась еще больше съ 1813 и 1814 годовъ, когда Россія доказала свою неодолимость. — и наконецъ дошла до крайнихъ своихъ предѣловъ въ 1848 году, когда та же Россія сдѣлалась такъ страшна и ненавистна всѣмъ демагогамъ. Къ этой зависти, и къ этой ненависти демагоговъ присоединились еще коммерческіе разсчеты Англіи, ея боязнь могущества французскаго флота — и вотъ она раздула пожаръ, который обхватилъ теперь полвселенной, оправдавъ такимъ образомъ слова Каннинга, сказавшаго, что «Въ борьбѣ политическихъ мнѣній, потрясающихъ весь міръ, Англія, какъ божество Урагановъ, которое держитъ Эолову урну, можетъ однимъ словомъ выпустить бурю на вселенную». Чѣмъ грозилъ Каннингъ, то исполнилъ *благородный* лордъ Пальмерстонъ, уже давно доказавшій свое благородство истребленіемъ греческаго флота, войной съ Китайцами за опиумъ и многими тому подобными подвигами.

Но для настоящей войны нуженъ же былъ хоть какой-нибудь предлогъ. Для истребленія греческаго флота выбрали предлогомъ жиды Пачифико, для войны съ Россіей выбрали предлогомъ Турцію.

«Изъ Порты — говоритъ авторъ разбираемой нами брошюры, сдѣлали какую-то филантропическую, почти либеральную державу, угнетенную Россією, которая готова задавить эту несчастную и интересную жертву своего властолюбія. Заданную тему требовалось разыграть: явилась извѣстная всемірная филантропка — Англія, влекущая за собою Францію; явились со всѣхъ концовъ свѣта демагоги; ренегаты были уже на лицо: все это соединилось дружно; ударили въ журнальные набаты, посыпались деньги, обѣщанія, увѣренія; составили между правительственными лицами Царьграда воинственную партію; разогнали сановниковъ, желавшихъ мира; возбудили улемовъ, которые разожгли фанатизмъ народа, а бѣднаго султана, понимавшаго всю опасность раздора съ Россією, такъ опутали, что онъ долженъ былъ согласиться на войну и отдаться въ руки недоброжелателей Россіи и демагоговъ».

Очень хорошо такъ же авторъ обрисовываетъ (характеристику демагоговъ:

«Зародышъ ихъ всегда существовалъ — говоритъ онъ, — всегда были негодаи, желающіе переворотовъ, чтобъ, какъ говорится, ловить рыбу въ мутной водѣ; всегда также были люди, по какимъ-либо обстоятельствамъ сбившіеся съ толка и сдѣлавшіеся мечтателями и утопистами. Демократизмъ, въ новѣйшемъ его смыслѣ, основался преимущественно во Французскую Революцію и былъ подавленъ Наполеономъ; но съ паденіемъ Наполеона онъ еще разъ возникъ и опять сталъ выказываться. Съ-тѣхъ-поръ, пользуясь безопасностью иностранныхъ правительствъ, демократія все росла, росла, наконецъ разцвѣла и дала плоды въ 1848 году. У всѣхъ вѣтвей разныя названія; цѣль одна: «Прочь съ мѣста, которое ты занимаешь: я хочу на него». Демагогомъ только можетъ быть человекъ неблагодарный, или бездѣльникъ, потому-что завербованный въ эту шайку, не можетъ сказать: я тамъ-то останавлиюсь; онъ долженъ все идти впередъ, иначе его потащатъ насильно; или, обгоняя, затопчутъ. Гдѣ и какая цѣль этихъ людей? Равенство и уничтоженіе всякой собственности, даже личной; ихъ девизъ: «всѣ и все принадлежатъ всѣмъ и каждому». То и другое безсмыслица; какъ ни равнай, какъ ни дѣли, а люди сильные, умные, дѣльные, смышленные, будутъ всегда выше и богаче слабыхъ, глупыхъ, лѣнливыхъ, нерадивыхъ; послѣдніе всегда будутъ въ зависимости у первыхъ; это первенство и зависимость еще яснѣе обозначается въ дѣтяхъ; и чѣмъ далѣе изъ рода въ родъ, тѣмъ еще сильнѣе, хотя бы потомки не имѣли ни качествъ, ни недостатковъ своихъ предковъ, и вотъ опять явились повелители и повинующіеся, или правительство и подвластные. Чтобъ остановить неравенство состояній, пришлось бы дѣлать общій дѣлежъ каждый годъ — другая безсмыслица, залитая потокомъ крови человѣческой. Есть еще способъ каждому остаться при своемъ: сдѣлаться дикарями, какъ, на примѣръ, жители внутренней Африки, или Австраліи; но на такую крайность не согласится и самый рьяный демагогъ: отъ состоянія дикаго только шагъ до людоѣда, и перспектива быть изжарену и съѣдену, хоть кого заставитъ задуматься».

Нельзя усомниться ни на минутку, чтобы государственные мужи Англіи не понимали характеристики демагоговъ и ихъ ложныхъ началъ, точно такъ же какъ понимаетъ ихъ г. Гаряиновъ и всѣ здравомыслящіе люди; но они прикормили бунтовщиковъ, какъ голодныхъ собакъ, дали многимъ изъ нихъ убѣжище для того только, чтобы въ случаѣ надобности выпустить этихъ дикихъ звѣрей изъ клѣтки. Послѣ этого невольна рождается, уже не Восточный, а чисто За-

падный вопрос: чья же характеристика лучше: голодных демагогов или государственных мужей Англии, пресыщенных ростбифомъ и черепашьимъ супомъ, а между тѣмъ все еще недовольныхъ и старающихся упрочить цѣною человѣческой крови, не столько благо своей націи, сколько свою государственную власть, и свои огромные министерскіе оклады?

Выставивъ эти жалкія, но къ стыду Англии исторически-вѣрныя причины настоящей войны, авторъ переходитъ къ самой войнѣ и разсматриваетъ положеніе державъ, въ ней участвующихъ. Онъ доказываетъ, что по малочисленности нашего коммерческаго флота и нашихъ колоній, война съ сильною морскою державою не можетъ нанести намъ въ этомъ отношеніи значительныхъ потерь и убытковъ, и что точно такъ же она не можетъ повредить слишкомъ много и всей нашей торговлѣ, потому что Россія имѣетъ полную возможность замѣнить большую часть англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ собственными произведеніями, хотя не такъ совершенными, за то туземными: «Обстоятельство это—говоритъ авторъ,—подвигая впередъ отечественныя фабрики и сохраняя дома миллионы, такъ уважительно, что его хорошо придерживаться и въ мирное время; колониальные товары, сахаръ, краски и частью хлопчатую бумагу Россія производитъ сама; впрочемъ, чего не достанетъ, привезутъ ей нейтральныя державы; Русскимъ все равно, кому бы ни платить за перевозку. И такъ въ войнѣ съ Англіею все зло для Россіи ограничивается кой-гдѣ брошенными бомбами, но и тѣ безъ отвѣта не останутся».

«Для Англии, напротивъ, обстоятельства представляются совсемъ въ другомъ видѣ: она потеряетъ торговлю въ Россію, которая перейдетъ въ другія руки. По случаю теперешняго недостатка хлѣба, продовольствіе Англии будетъ стоить 180 миллионъ серебромъ. Война не увеличитъ ли и такъ уже огромный государственный долгъ Англии и не уменьшитъ ли доходы правительства и частныхъ людей?»

Что касается до Франціи, играющей въ этой войнѣ роль почти страдательную и составляющей только пружину, движимую своекорыстіемъ Англии и личными видами Лудовика Наполеона, о ней авторъ говоритъ вотъ что:

«Для Франціи не представляется выгодъ въ войнѣ съ Россіею; а вредъ предстоитъ и въ настоящемъ и въ будущемъ. Ихъ пользы и границы нигдѣ не сталкиваются, слѣдовательно, онѣ не соперницы; расположеніе Россіи могло бы подкрѣпить Францію въ борьбѣ, которая, рано, или поздно, непременно возникнетъ между этою державою и Англіею. Теперешній союзъ ихъ вещь ненормальная, натянутая—такъ много между ними столкновенія и соперничества;

имъ тѣсно вмѣстѣ на блѣдомъ свѣтѣ; слѣдовательно, или борьба неизбежна, или Французы останутся подѣ вліяніемъ Англіи. Последнее невозможно; и хотя нація эта, далеко отстала отъ предковъ своихъ, время Людовика XIV, Наполеона, даже послѣднихъ Бурбоновъ, не менѣе того, 35 миліоновъ едва-ли долго потерпятъ униженіе, которымъ они обязаны демагогамъ, союзу съ Англіею и отсутствію законныхъ государей».

«Геперешнее правительство Франціи не жалуется Россію; слышно, что Французы горячатся. Очень понятно: у этихъ людей двѣ главныя страсти: мода на все, и страсть говорить и судить обо всемъ. Первая манія безпрестанно мѣняется и всегда имъ позволена; вторая постоянная и въ настоящее время воспрещена, на что они, замѣтятъ, очень злы. Теперь у Французовъ мода на Турцію, не полуварварскую какъ она есть, а благородную, фантастическую, въ интересномъ положеніи жертвы, какъ Андромеда, которую драконъ — Россія... готовится проглотить: и, о благополучіе! Французамъ разрѣшено говорить, писать и разсуждать сколько хотятъ объ этомъ патетическомъ сюжетѣ. Давно лишенные — одни органа слова, а другіе, позволенія судить и ридить въ журналахъ, они воспользовались слушаемъ, какъ школьники данною рекреаціею».

«И такъ, не смотря на то, что Французы теперь черезчуръ дурачатся, главная часть ихъ, составляющая массу настоящихъ гражданъ, никогда не будетъ непріязненна Россіи, потому-что общность интересовъ обихъ націй ярко бросается въ глаза каждому мыслящему Французу; для нихъ миръ съ Россіею и война съ Англіею — нормальное состояніе Франціи, согласное, особенно теперь, съ ихъ національною гордостью и выгодами. Такимъ Французамъ и Русскіе не злодѣи. Особенно мы, люди 1812-го года, всегда съ удовольствіемъ вспоминаемъ сношенія наши съ этимъ храбрымъ народомъ. Тогда обѣ воюющія арміи дрались славно, благородно, молодецки и научились уважать другъ друга; бывало, утихнутъ битвы — и воины обихъ націй братаются на аванпостахъ, въ городахъ, съ пльными, и вездѣ. А когда союзныя войска перешли Рейнь, Французы ненавидѣли всѣхъ и были только обходительнѣе съ Русскими. Бойкій народъ эти Французы! Жаль только, что они легкомысленны: дали волю расплодиться у себя демагогамъ и слушаются не тѣхъ, кто желаетъ имъ добра; но все, это не можетъ быть продолжительно: самое непостоянство націи, у которой, какъ мы сказали, мода на все, намъ за то ручается. Франція видитъ теперь, что игра въ республику слишкомъ дорого стдѣтъ, и что все новое не лучше стараго, а ведетъ только къ униженію отечества, и, конечно, она возвратится

къ прошедшему, за которое ручаются десять вѣковъ. Уже сліяніе совершилось; уже два ручья изъ одного источника, отведенные отъ Франціи врагами и раздѣленные преградами, соединились попрежнему, наскуча течь въ одиночествѣ по чужой странѣ. Они стремятся къ Франціи и, конечно, скоро попрежнему будутъ увлажять засохшую безъ нихъ отечественную почву!»

Очень вѣрно такъ же сдѣланъ авторомъ очеркъ современнаго состоянія Турціи, одряхлѣвшей, разрушающейсѣ, составляющей чистый анихронизмъ между европейскими государствами. Мы не будемъ говорить ни о жалкомъ устройствѣ, или правильнѣе сказать о конечномъ разстройствѣ, ея административной и финансовой системы, ни о томъ гибельномъ положеніи, въ которое вовлекла ее настоящая война и теперешнія ея союзники, — обо всемъ этомъ слишкомъ много уже писали и все это слишкомъ хорошо уже извѣстно каждому; приведемъ только нѣсколько мѣстъ изъ тѣхъ строкъ, въ которыхъ авторъ говоритъ о христіанахъ, поработанныхъ варварскому игу исламизма, о племенахъ славянскихъ, и наконецъ о безкорыстїи и умѣренности Россїи.

«Уже четыреста лѣтъ страдаютъ единовѣрцы наши, и пока исламизмъ будетъ тяготѣть надъ ними, они всегда и одинаково будутъ страдать. Въ исторїи много примѣровъ сліянія завоевателей съ побѣжденными, составившихъ наконецъ одинъ народъ; между мусульманами и христіанами этого быть не можетъ: для сліянія необходимы обоюдныя уступки, по-крайней-мѣрѣ, терпимость: а исламизмъ недвижимъ и несмягчимъ. Слѣдовательно Турокъ и христіанъ раздѣляеть пропасть. Вопросъ: кто кого сбросить въ эту пропасть, кому быть и кому не быть? вопросъ этотъ долженъ, если не теперь, то силою обстоятельствъ скоро рѣшиться. Въ Европѣ два милліона Турокъ, существующихъ, по милости христіанъ, искусственною жизнью».

«Славяны въ Европѣ до 100 милліоновъ. Отъ Ледовитаго моря до Адриатическаго, отъ Балтійскаго до Чернаго, отъ береговъ Эльбы до Урала — вотъ родина Славянъ! Славяне племя первобытное, неспорченное; они умны, храбры, даровиты, веселаго нрава; Славянинъ всегда поетъ; гостепріимство его вошло въ пословицу; онъ помнить добро, но долго не забываетъ и зла; не скоро разшевелишь Славянина, но, озлобленный, онъ дѣлается неукротимъ; съ патриархальными обычаями и нравами, онъ пламенно приверженъ къ вѣрѣ, отечеству и Государю, котораго называетъ земнымъ Богомъ и надеждою. Окончимъ сравненіемъ: Европа, это — разодѣтый, раздушенный, хилый, развратный старикъ, умный, ученый, но скептикъ и эгоистъ; онъ поддерживаетъ жизнь свою средствами сильными и

возбуждающими. Славянинъ — это юноша, въ одеждѣ своихъ предковъ, полный жизни, благородства и нравственности: религіозный, пылкій, онъ вѣреть всѣмъ своимъ обязанностямъ; онъ вѣреть старинному: «кто слову измѣнить, тому да будетъ стыдно!»

«Наше намѣреніе было доказать фактически, что Европа, кроме добра, ничего отъ Россіи не видѣла и не увидитъ: что происки мнимыхъ филантроповъ вредны имъ только самимъ: они помогаютъ демагогамъ и вооружили противъ себя восточныхъ христіанъ. А между-тѣмъ никакія ихъ усилія не заставятъ сойдти Россію ниже ни на одну ступень съ того величія, на которое поставили ее Богъ и Государи русскіе, не помогутъ Туркамъ угнетать Православную Церковь и восточныхъ христіанъ. Война началась, и съ нею пораженія Турокъ, слѣдовательно Православная Вѣра восторжествуетъ. Не пробилъ, можетъ-быть, еще часъ конечнаго избавленія православныхъ христіанъ, но и это со временемъ совершится. Какое-то внутреннее убѣжденіе и теплая надежда на промыслъ Всевышняго говорятъ намъ, что святая Софія не вѣчно останется магометанскою мечетью, и 13 милліоновъ христіанъ освободятся отъ ярма турецкаго; или сами Турки, озаренные свѣтомъ истинной вѣры, примутъ святое крещеніе и сдѣлаются нашими братьями. Какъ совершится это великое событіе, какими способами и судьбами? — Силою честнаго и животворящаго Креста Господня!»

Все, что мы привели здѣсь изъ сочиненія г. Гарайнова, сказано имъ еще въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года. Въ заключеніи къ своей брошюрѣ, написанномъ черезъ три мѣсяца послѣ, онъ прибавляетъ:

«Какъ ни ошибочно звають Россію недоброжелатели ея, а повредить ей было не дурно придумано; но Провидѣнію угодно было сберечь и Россію и Православіе и восточныхъ христіанъ. Какимъ образомъ? Теперешнею войною. Не вспыхни она — и начатыя козни продолжались бы, а именно: пропаганды на Востокъ, во вредъ Православію и Россіи; дипломатія у Порты, въ томъ же направленіи, и систематическое стѣсненіе Православной Церкви. Наконецъ исполнилось бы то, чего нельзя остановить: освобожденіе, или по-крайней мѣрѣ облегченіе для христіанъ ига турецкаго, но безъ соучастія Россіи. А въ этомъ-то вся сила! Но повторяемъ: Провидѣнію угодно было оградить Россію и весь міръ Православный; оружіемъ Промысла были Англія и правительство французское. Не довольствуясь медленнымъ ходомъ своихъ козней и дипломатіи, они потребовали отъ Порты новыхъ правъ для своихъ церквей, и униженія Православной. Россія не могла не вступиться; тогда вздумали испугать ее и сами увлеклись далѣе, чѣмъ думали и хотѣли. Англичанъ увлекла

вражда къ Россіи и высокоуміе, французское правительство — надежда военною славою упрочить владычество свое надъ Франціею».

«Долго Русскіе не рѣшались вѣрить нерасположенію двухъ великихъ націй. Но когда союзный флотъ вошелъ въ Черное море и англійскіе министры среди Парламента заговорили языкомъ пьяной черни и красныхъ журналовъ противъ Россіи, когда само правительство Франціи съ самой верхней ступени трона отозвалось неправдою и клеветой на Россію, а Западъ мало показалъ намъ искренняго сочувствія, тогда исчезъ европеизмъ изъ сердецъ, а остался только въ платьѣ и привычкахъ нашихъ. Но на платьѣ мода, слѣдовательно она можетъ придти и на дивную русскую одежду; хорошія привычки мы удержимъ и дадимъ имъ право гражданства, а отъ дурныхъ отъучимся, когда отвыкнемъ отъ иностранныхъ наставниковъ, наставницъ и проч., партизанки Англо-Французовъ не стоять никакого и ничьего вниманія. Мы теперь всѣ дышемъ Русью; а чужой европеизмъ замѣненъ бѣльшимъ сочувствіемъ и теплотою къ Православію и Православнымъ. Эти святыя чувства — палладіумъ Русскихъ; въ нихъ начало всѣхъ доблестей, залогъ нашей вѣрности престолу и отечеству и знаменіе победы надъ врагами».

«А сама Россія — она оперлась на свои моря и ледяныя степи, оперлась на 65 милліоновъ своего народа и грозно озирается... но покорна, смирна и ждетъ вѣлвія своего владыки. Подлинно, смирна Россія: на улицахъ тихо; журналы не бранятся и не хвастаютъ; воины не храбрятся; только при рѣчи о войнѣ, видны нетерпѣвіе ихъ и благородная самоувѣренность. Но не судите по наружности. Россія смирна теперь, какъ заряженная картечью пушка; при ней зажженный фитиль — воля Царя. Пушка точно спокойна и молчитъ, можно стать даже у ней передъ жерломъ, но коснись ея фитиль — и она страшно разразится!»

«Грянь изъ твоей пушки Надежда Государь, грянь, какъ Великій Петръ подъ Полтавою и Александръ Благословенный въ 1812 году. Русскіе не выродились съ-тѣхъ-поръ, напротивъ, въ послѣдніе годы, подъ десницею Твоею, мы окрѣпли и узнали свою силу. Грянь же Православный Государь; Россія перекрестилась и готова».

Мы съ своей стороны и въ заключеніе статьи нашей прибавимъ, что если бы настоящая война нанесла Россіи потери гораздо болѣе важныя тѣхъ, какія нанесли ей до сихъ поръ корсарскіе подвиги союзныхъ флотовъ, — во всякомъ случаѣ это будутъ потери только минутныя, потери подобныя той, какой была въ 1812 году потеря Москвы, — не унижившая Россію, а напротивъ обнаружившая вполне духъ ея народа, ея нравственную силу и ея матеріальное могущество.

Одо-магнетическія письма, содержащія въ себѣ изложеніе явленій и дѣйствій новооткрытой силы природы, *Рейхенбаха*. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1854. Въ типографіи Степановой.

Въ предисловіи къ своей брошурѣ авторъ говоритъ: «Въ настоящее время уже нельзя сомнѣваться въ существованіи ода: самые простые опыты и вседневныя случайности жизни подтверждаютъ его бытіе въ природѣ. Но, убѣдившись разъ въ проявленіяхъ этого могучаго и вездѣ развитаго динамида — непростительно было бы оставить столь важное открытіе безъ примѣненія на пользу человечества! Правда, что мы не можемъ еще вполне предугадывать теперь роль, которая предназначена оду въ будущихъ его примѣненіяхъ; но по всѣмъ даннымъ, кажется, что эта сила поведетъ ко многимъ важнымъ открытіямъ въ наукахъ опытныхъ, особенно въ медицинѣ».

Прочитавъ эти первыя строки предисловія, кто изъ любознательныхъ людей не прочтетъ со всѣмъ должнымъ вниманіемъ небольшой книжки, носящей вышеупомянутое заглавіе? Но каковы будутъ результаты этого чтенія? Дадимъ отвѣтъ, основанный на собственномъ нашемъ опытѣ. Скажемъ сначала объ общемъ впечатлѣніи писемъ, а потомъ замѣтимъ нѣкоторыя частности ихъ, обратившія на себя наше вниманіе.

Общее впечатлѣніе книги какъ-то неполно и не удовлетворяетъ ожиданію, возбужденному заглавіемъ. Авторъ обѣщаетъ говорить о новооткрытой силѣ природы, а цѣлое седьмое письмо посвящаетъ на доказательства тождества этой силы съ животнымъ магнетизмомъ, и выводитъ, что напрасно назвалъ Месмеръ эту силу животнымъ магнетизмомъ, тогда, какъ она есть нечто иное какъ одъ. Между тѣмъ магнетизмъ, электричество, гальванизмъ, теплота и свѣтъ суть только различныя проявленія одной и той же силы, въ сущности ея еще неизвѣстной. Всѣ эти названія даны только для объясненія какого-либо ряда явленій, производимыхъ этой, еще неазванной силой. Всѣ эти явленія тѣсно между собою связаны и часто перемѣшаны: свѣтъ неразлученъ съ теплою (кромѣ отраженнаго), теплота производитъ электричество, электричество — магнетизмъ, магнетизмъ — гальванизмъ, который также проявляетъ: свѣтъ, тепло, электричество и магнетизмъ. — Стало бытъ во всякомъ случаѣ, если и допустить существованіе ряда явленій, называемыхъ авторомъ одическими, то это будетъ проявленіе не новооткрытой силы, а только новая сторона силы давно извѣстной, но еще не названной.

Опыты автора надъ одомъ привели его къ заключенію, что одъ присущъ цѣлому міру; эту присущность доказываетъ онъ тѣмъ, что все въ мірѣ свѣтитъ одическимъ свѣтомъ. — Многіе опыты, приводимые авторомъ, въ его письмахъ, очень интересны и могли бы по важности своей для науки возбудить сочувствіе чловѣка любознательнаго. Весьма любопытныя явленія фосфоричности, до сихъ поръ совершенно необъясненныя, могли бы объясниться при помощи законовъ явленій одическихъ. Такъ на примѣръ, свѣтъ глазъ: у волковъ, кошекъ и другихъ животныхъ, свѣтъ алмаза, сѣрнистаго калия, и проч. и проч. Но всѣ эти опыты не общедоступны. Видѣть одическій свѣтъ могутъ только люди, названныя авторомъ сенситивами, а намъ остается на словѣ вѣрить автору. Казалось бы, по чему не сдѣлать этихъ опытовъ публично или по крайней мѣрѣ въ собраніи людей ученыхъ? Конечно, мы не имѣемъ права сомнѣваться въ добросовѣстности автора Одо-магнетическихъ писемъ; но при разсказѣ о явленіяхъ совершенно новыхъ, какъ-то плохо вѣрится на слово.

Таково общее впечатлѣніе разбираемой нами книги; перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частностямъ.

На стран. 18, авторъ доказываетъ, что одическія явленія не происходятъ ни отъ теплоты, ни отъ электричества, ни отъ магнетизма, ни отъ свѣта, и наконецъ заключаетъ: «Но вы опять спросите, отъ чего же? Если уже вы непременно желаете услышать ученое опредѣленіе, то я принужденъ сознаться, что и самъ не знаю его». Созваніе это, по нашему, черезъ чуръ наивно.

На стран. 22, авторъ говоритъ: «Пропустимъ солнечный лучъ сквозь хорошую стеклянную призму, отбросимъ радужные цвѣта на ближайшую стѣну и предложимъ сенситиву испытать ихъ поочередно стеклянной палочкой, держа ее въ лѣвой рукѣ (?). Когда, не прикасаясь къ стѣнѣ, онъ внесетъ ее въ синюю или фіолетовую полосу, то получить ощущеніе прохлады, пріятное въ высшей степени, гораздо чище и рѣзче, нежели отъ цвѣтнаго неразложеннаго луча; и наоборотъ какъ скоро палочка будетъ перенесена въ желтый, или еще лучше, въ красный лучъ, то пріятная теплота мгновенно исчезнетъ и мѣсто ея заступитъ непріятная тепловатость, которая вскорѣ отяготитъ всю руку».

Въ этомъ опытѣ очень мало новаго. Различныя цвѣта призмы дѣйствуютъ различно и химически. Красный окисляетъ, фіолетовый разкисляетъ. Красный грѣетъ, а фіолетовый вѣетъ. Фіолетовый сообщаетъ изчисленнымъ выше минераламъ фосфоричность, а красный лишаетъ ихъ этого свойства. И наконецъ изъ опытовъ Моричини

видно, что стальной прутикъ, пробывшій несколько времени въ фиолетовомъ лучѣ, намагничивается.

На стран. 28 сказано: «Не спору, быть можетъ, найдутся люди положительные, отвергающіе все, что нельзя оцупать и взвѣсить, которые станутъ утверждать, что ясныя какъ солнце, (едва ли до такой степени ясныя) наши наблюденія ни больше, ни меньше какъ вздоръ и пустошь. Но мы спокойно посмѣемся надъ ихъ слѣпотою, потому что опроверженія безъ доказательства не въ состояніи превратить истину (ы) въ ложь»... Вполнѣ справедливо, но если доказательства нужны для опроверженія, то не менѣе необходимы они и для подтвержденія истины. А доказательства автора, почитаемыя имъ ясными какъ солнце, доступны только немногимъ избраннымъ, и совершались втихомолку, въ его кабинетъ.

На стран. 30 говорится: «что если внести въ струю одическаго пламени стеклянную палочку, то оно раздвоится»; следовательно оно не проникаетъ палочки, и его можно изолировать и устроить одометръ, что авторъ во многихъ мѣстахъ своихъ писемъ считаетъ невозможнымъ. Да еще на страницѣ 29-й авторъ говоритъ: «что зажигательное стекло собираетъ одическій свѣтъ отъ магнита въ одинъ фокусъ, сгущая его, какъ обыкновенные солнечные лучи». Въ такомъ случаѣ, почему же, при этой способности сгущаться, не можетъ онъ быть видимъ всѣми, а только одними сенситивами?

На стран. 53. «Огненные призраки на могилахъ дѣйствительно существуютъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія (!); мы принуждены волей или неволей признать возможность этихъ явленій, — и старушки будутъ правы. Мы должны также сознаться, къ стыду нашему, въ справедливости ихъ замѣчаній, что не все могутъ видѣть эти призраки, а только избранные (сенситивы). Не ихъ вина, что мы такъ долго не могли постигнуть того, о чемъ уже цѣлыя тысячи лѣтъ знали».

Считаемъ лишнимъ говорить до какой степени неумѣстны подобныя фразы въ ученой книгѣ; но нельзя не пожалѣть ученаго, который ищетъ оправданія своимъ положеніямъ въ повѣркахъ старушекъ.

Одиннадцатое письмо свое авторъ начинаетъ словами:

«Помните ли вы, что я говорилъ о двушкахъ хорошенькихъ собою, которыя однакожъ не любятъ глядѣться въ зеркало?»

Напрасное напоминовеніе. почтенный авторъ, — вы высказали мысль несбыточную. Смѣло ручаемся, что вы не знаете ни одной двушки, не только хорошенькой, но и самой несчастной наружности, которая не любила бы смотрѣться въ зеркало.

Въ томъ же письмѣ на страницѣ 68-й говорится: «представьте себѣ, что чуткій сенситивъ проходитъ по мѣсту, гдѣ не глубоко подъ землею тянется жила свинцоваго блеска, мѣднаго колчедана, красной руды и т. п. вы, можетъ быть, думаете, что онъ не откроетъ и не опишетъ съ точностію ихъ направленіе (я)? Кажется, что послѣ того, чтò мы знаемъ, нѣтъ надобности въ дальнѣйшихъ доказательствахъ». О томъ, что сенситивъ можетъ также чуткѣмъ отыскивать деньги сказано выше.

Ну какъ не позавидовать этому чудному свойству сенситивовъ, и какъ не удивляться, что мы встрѣчаемъ въ современномъ обществѣ такихъ безкорыстныхъ людей, какъ г. авторъ Одо-магнетическихъ писемъ. Чего ему стоитъ набрать побольше сенситивовъ и отправиться съ ними въ Калифорнію? Съ помощію этихъ чудодѣевъ онъ можетъ обогатить не только себя, но и все нуждающееся человечество.

Въ заключеніе своихъ писемъ, авторъ говоритъ:

«Если бы природа одарила насъ особеннымъ чувствомъ для ода, также какъ для свѣта и звука, то мы стояли бы гораздо выше на ступени знанія; и посредствомъ этой всепроникающей силы, мы несравненно легче, быстрее и вѣрнѣе отличили бы истину отъ лжи: сердце каждаго было бы открыто для насъ, и Талейранъ не могъ бы тогда употреблять во зло языкъ, скрывая свои настоящіе мысли; словомъ, мы были бы существами высшими и благороднѣйшими».

Ну какъ не пожалѣть, что природа отказала намъ въ подобномъ чувствѣ? Можетъ быть, и мы были бы способны понимать эти слова автора, а не считать ихъ выдержками изъ Тысячи одной ночи; можетъ быть и самъ покойный Талейранъ предсказалъ бы, что онъ попадетъ въ одо-магнетическія письма.

Но извиняя автору его непомѣрную степень увлеченія своимъ предметомъ, скажемъ серьезно, что прочитавъ Одо-магнетическія письма, приходишь къ слѣдующему заключенію: хотя нельзя прямо отвергнуть существованія ода, но нельзя положительно и признать его существованія до тѣхъ поръ, пока посредствомъ какого-либо аппарата онъ не будетъ видимъ для всѣхъ.

Въ русскомъ переводѣ «Одо-магнетическихъ писемъ» часто встрѣчаются грамматическіе промахи и не совсѣмъ русскіе обороты.

БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ. (Повѣсть въ стихахъ). Сочиненіе Н. Д. Москва. Въ типографіи Т. Т. Волкова и комп. 1854 года. 15 стр. въ 8-ю долю листа.

Въ последнее время въ нашей журналистикѣ и публикѣ укоренилось мнѣніе, будто вліяніе натуральной школы такъ сильно, что всѣ наши писатели подчинились ему. Это несправедливо. Всякаго слѣпо-вврящаго въ могущество означенной школы, мы бы отослали на Негливную, къ рѣшеткѣ Александровскаго сада. Тамъ увидѣлъ бы онъ множество произведеній нашей новѣйшей литературы, совершенно чуждыхъ идеи натурализма, наполненныхъ «образами, далеко отторгнутыми отъ земли». Къ такимъ идеальнымъ произведеніямъ принадлежитъ и поэма, заглавіе которой мы выписали. Она начинается такимъ образомъ:

Лежитъ повсюду мракъ глубокой
И вся земля объята сномъ;
Въ одной пещерѣ одинокой
Горитъ лампада предъ крестомъ,
И тихій говоръ раздается,
И по рѣкѣ онъ вдалѣ несется.

На камнѣ сидя въковомъ,
Отшельникъ старій, съ бороною,
Съ унылымъ взоромъ и тоскою,
Пришельцу тайну повврялъ;
Не разъ онъ рѣчь перерывалъ
То тяжкимъ вздохомъ и молчаньемъ,
Или слезами и рыданьемъ.

Изъ разсказа отшельника открывается, что у него былъ братъ, который вдругъ ни съ того, ни сего ушелъ отъ него:

... Страшная утрата
«Мнѣ больше горя принесла:
«Терзаясь, мучился тоскою,
«Разтаться съ жизнью былъ я радъ;
«И думалъ я, бродя съ сумою:
«За что меня покинулъ братъ?
«Ужели бѣдность умертвила
«Въ его душѣ любовь ко мнѣ?
«Ужель судьба мнѣ присудила
«Лишь только горести одну?»

«Но въ этомъ горь — упованьемъ
 «Всегда я могъ утѣшенъ быть,
 «И свыкшійсь съ этимъ ужъ страдашемъ,
 «Привыкъ въ одинъ я домъ ходить

За тѣмъ разсказывается, такими же стихами, очень драматическая и очень запутанная исторія, которую авторъ умѣлъ однако же сжать въ 15 страничекъ. Нельзя не похвалить его за такую краткость и сжатость разсказа.

—

Битва подъ Ахалцыхомъ. Драматическое представленіе въ 2-хъ дѣйствіяхъ съ эпилогомъ, въ стихахъ *И. А. Салова*. Москва. Въ типографіи В. Готье. 1854 года, 68 стр. въ 8-ю долю листа.

Произведеніе И. А. Салова достойно полной похвалы по благородной патріотической идее, въ немъ выраженной. Что же касается до его формы, то въ этомъ отношеніи оно не выдерживаетъ даже и снисходительной критики. Простая реляція о знаменитой битвѣ при Ахалцахъ гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на читателя, чѣмъ это драматическое представленіе въ стихахъ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Отечественныя Записки. 1854 г. № 7 и 8. июль, августъ.

Прежде всего мы должны, по обещанію, поговорить подробнѣе о новомъ романѣ г. *Крестовскаго*, котораго третья и послѣдняя часть напечатаны въ іюльской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ. — Исполняемъ эту обязанность съ особымъ удовольствіемъ, ибо г. Крестовскій принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ современныхъ нашихъ писателей, которыхъ литературная дѣятельность возбуждается серьезною мыслию и притомъ мыслию направленною на вопросы, наиболее приличныя для художественной обработки. При томъ неотступномъ требованіи мысли, которое стала выражать въ послѣднее время наша критика обсуживалъ какія-бы то ни было литературныя произведенія, нѣкоторымъ изъ читателей можетъ показаться даже страннымъ наше ограниченіе художественной области известнымъ родомъ вопросовъ, возбуждаемыхъ мыслию, и потому считаемъ нужнымъ оговориться.

Не все, что подлежитъ мысли, подлежитъ и искусству. Никому, конечно, не придетъ въ голову, чтобы вопросы изъ области такъ называемыхъ наукъ точныхъ или, напримѣръ, изъ сферы естествознанія могли быть, удобно и безъ оскорбленія эстетическихъ законовъ, облекаемы въ художественную форму; трудно даже представить себѣ попытку въ этомъ родѣ, такъ далеки средства и задачи искусства отъ тѣхъ пріемовъ и путей, какими разъясняются и рѣшаются вышесказанные вопросы. Нѣсколько запутаннѣе становится дѣло по мѣрѣ приближенія области знанія къ міру человѣческому въ его психологическомъ и общественномъ значеніяхъ. Вопросы психологическіе, политико-экономическіе и общественные, выработавшись въ сферѣ отвлеченнаго мышленія, не разъ уже были облекаемы въ наше время въ художественную форму съ такимъ искусствомъ и ловкостью, которою для многихъ загоразивалась неестественность такого сочетанія. Въ нашъ вѣкъ, когда всеобщій интересъ къ вопросамъ общественнымъ сдѣлался почти главною умственною потребностью образованныхъ государствъ, и современный человѣкъ почти не находитъ полнаго удовольствія въ чистыхъ произведеніяхъ поэзіи, критика, естественно, еще болѣе запуталась въ различеніи истинныхъ задачъ искусства отъ отвлеченныхъ идей, облеченныхъ лишь для болѣея популярности въ его формы. Даже у насъ въ литературу появились критическія статьи, проповѣдывавшія

на основаніи общаго увлеченія, о невозможности поэзіи безусловной. И теперь еще безпрестанно раздающіяся въ нашихъ журналахъ требованія *мысли* отъ всѣхъ родовъ изящныхъ произведеній, составляютъ не что иное, какъ отголосокъ, къ счастью, устарѣвшаго мнѣнія, хотя, можетъ быть, сами критики не сознають этого вполне, или по крайней мѣрѣ не признаются въ этомъ откровенно.

Въ ясномъ пониманіи сейчасъ нами сказаннаго заключается разгадка тѣхъ безпрестанныхъ противорѣчій, которыя такъ поражаютъ въ наше время при обсужденіи различными журналами однихъ и тѣхъ же литературныхъ явленій. Кромѣ различія убѣжденій есть и другая важная причина, которая часто упускается изъ виду. Для тѣхъ, кто смотритъ на литературу какъ на средство проведенія въ массу публики какихъ бы то ни было, лишь бы современныхъ и кажущихся нужными идей, всякое литературное явленіе, порожденное подобными идеями и не лишенное нѣкотораго литературнаго достоинства, есть явленіе самое желанное, и потому встрѣчается ими съ полнымъ и безусловнымъ одобреніемъ. Они не въ силахъ понять, что можетъ существовать другой, болѣе широкій взглядъ на поэзію, предъ которымъ оказывается неважнымъ удачное служеніе ея современнымъ, преходящимъ идеямъ, для котораго идеаломъ изящной литературы служить не то памфлетическое и подчиненное состояніе ея, какого она достигла въ настоящее время въ бѣльшей части образованныхъ государствъ; но строгій выборъ образцовъ, хотя и немногочисленныхъ, но всегда годныхъ для воспитанія грядущихъ поколѣній и для доставленія благороднѣйшаго изъ наслажденій—художественнаго. Отъ того имъ кажутся чрезвычайно странными тѣ, подчасъ рѣзкіе и строгіе, отзывы, которые принужденъ бываетъ дѣлать, на примѣръ, нашъ журналъ о произведеніяхъ и писателяхъ, пользующихся большимъ сочувствіемъ въ массѣ публики, для того, чтобы хоть изрѣдка напоминать читателямъ высшія требованія отъ искусства, почти отвергаемыя другими критиками, погрязшими совершенно въ мелкіе интересы современной литературы.

Кто внимательно и безпристрастно слѣдилъ за литературными убѣжденіями, выраженными въ послѣдніе годы нашимъ [журналомъ, тотъ, конечно, успѣлъ замѣтить главные начала, которыми мы руководствовались при обсужденіи текущихъ литературныхъ явленій. — Постоянно имѣя въ виду строгія правила искусства, мы старались при каждомъ удобномъ случаѣ оживлять ихъ требованія въ нашихъ читателяхъ, и потому иногда съ полною строгостью прилагали эти требованія къ такимъ произведеніямъ, которыя пользовались особеннымъ сочувствіемъ критиковъ и читателей, основаннымъ, по нашему убѣжденію, на неразборчивомъ вкусѣ большинства и на пристра-

сти наших критиковъ къ моднымъ идеямъ, которыя составляли почти все достоинство этихъ литературныхъ произведеній. — Постоянно, съ искреннимъ сочувствіемъ встрѣчали мы такія литературныя явленія, которыя, не отличаясь громадными достоинствами, свидѣтельствовали однако за вѣрный взглядъ ихъ авторовъ на задачи искусства и представляли, если не безукоризненные образцы искусства, то по крайней мѣрѣ здоровую пищу для большинства читателей, не приводя въ смущеніе ихъ художественнаго такта и не внося въ сферу искусства чуждыхъ ему по природѣ вопросовъ.

Таковы были именно наши отношенія къ г. Крестовскому съ самаго перваго выступленія его на литературное поприще, и съ тѣхъ поръ ничто еще не заставило насъ измѣнить нашу точку зрѣнія на его дѣятельность. Новый романъ его «Испытаніе» мы встрѣчаемъ съ тѣмъ же обычнымъ сочувствіемъ и поставлемъ себѣ пріятною обязанностію сказать, что основная мысль этого романа заслуживаетъ полнаго уваженія всякаго благомыслящаго человѣка и кромѣ того по природѣ своей принадлежитъ къ числу такихъ мыслей, какія именно наиболее приличны для художественной обработки. Не повторяя содержанія романа, которое уже было передано подробно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, мы не можемъ однако отказать себѣ въ удовольствіи напомнить читателямъ основную мысль «Испытанія».

Мысль эта, какъ и мысль остальныхъ романовъ и повѣстей г. Крестовскаго, нравственно-житейская; то-есть не отвлеченно нравственная въ родѣ: *будь добръ или не хорошо быть злодѣемъ*, но порожденная здравымъ созерцаніемъ живой дѣйствительности, и потому легко уложившаяся въ форму этой дѣйствительности. Но стараемся сначала высказать въ возможно краткой формѣ основную мысль романа и потомъ покажемъ, въ какихъ именно лицахъ и въ какомъ событіи она выражается.

Человѣку, не одаренному отъ природы высокими свойствами души, которыя бы спасали его инстинктивно отъ всѣхъ жизненныхъ искушеній, нѣтъ ничего легче, какъ пасть нравственно, сдѣлаться равнодушнымъ къ добру и злу, потерять наконецъ всякую способность сочувствовать правому дѣлу или по крайней мѣрѣ становиться на его сторону, если только свое личное удовольствіе поставитъ онъ основною цѣлью жизни и позволить себѣ хоть на время погрузиться въ то, повидимому, философское, но въ сущности лѣнивое состояніе духа, изъ котораго жизнь всѣхъ остальныхъ людей кажется какою-то пустою и скучною игрушкою. — Примѣръ Шатровскій, молодой человѣкъ, не лишенный ума, а слѣдовательно и возможности создать себѣ твердыя нравственныя правила и, слѣдуя

нимъ неуклонно, расти въ нравственныхъ достоинствахъ, но, вѣроятно, избалованный съ дѣтства и привыкшій къ лѣности ума и сердца, онъ еще поддерживается кое-какъ, пока находится въ близкихъ и частыхъ отношеніяхъ съ умною и доброю дѣвушкой, и за то падаетъ разомъ и безъ сопротивленія, какъ только остается одинъ съ своими собственными средствами при столкновеніи съ сестрой, болѣе твердою его по характеру и уже установившеюся въ своей безнравственности. Почти съ самаго начала онъ становится въ неправильныя отношенія со всею вновь его окружившею жизнью: все, что внушало любовь и сочувствіе, но за то и требовало живаго содѣйствія, представляется ему скучнымъ и смѣшнымъ, потому что постоянно беспокоитъ его и стремится вывести изъ его сладкой апатіи; все же злое и неправое, постоянно льстя его тщеславію и убаюкивая возникающія въ немъ угрызения совѣсти, овладѣваетъ имъ незамѣтно, и наконецъ привлекаетъ его совершенно на свою сторону. Грустная и тяжелая исторія, грозящая въ жизни не одному Шатровскому! Такова нравственная основа новаго романа г. Крестовскаго. Скажемъ нѣсколько словъ о его выполненіи. Лице сестры Шатровскаго Анны Дмитриевны принадлежитъ къ числу чрезвычайно счастливыхъ вымысловъ. — Ея отношенія къ мужу, дочери, фату Юрину, и наконецъ ея вліяніе на Шатровскаго переданы превосходно. — Самъ Шатровскій также очень хорошъ, хотя и желательнѣе бы было увидѣть хоть нѣсколько его воспитаніе, имѣвшее, безъ сомнѣнія, значительное вліяніе на его характеръ. Остальныя лица тоже не дурны для второстепенныхъ. — Но въ самомъ планѣ романа мы желали бы нѣкоторыхъ переменъ. Такъ намъ кажется, едва ли не лишнимъ знакомство его съ тою дѣвушкой, которой именно и принадлежитъ мысль «Испытанія», хотя послѣдняго письма ея и жаль бы не встрѣтить въ романѣ. Но основная мысль автора была бы ясна и безъ этого вводнаго лица и безъ этихъ постороннихъ самому роману отношеній, слѣдовательно въ нихъ не состояло особой необходимости. Все это придумано авторомъ съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать мысль до осязательности ясною, но нельзя не сознаться, что такой искусственный приемъ вредитъ интересу и круглотѣ романа. О нѣкоторыхъ ненужныхъ длиннотахъ «Испытанія» мы говорили уже прежде, они свидѣтельствуютъ лишь о молодости и недостаточной опытности автора въ литературномъ дѣлѣ.

Въ августовской книжкѣ нѣтъ оригинальныхъ повѣсти или романа въ отдѣлѣ изящной словесности; за то помѣщено *шесть* стихотвореній *А. А. Фета* и переводъ комедіи *Лопе-де-Вега* — «Причудница», принадлежащій г. Пятницкому. Всѣ шесть стихотвореній *А. А. Фета* слабы, чтобы не сказать болѣе; въ нихъ видна лишь своеправная

сторона поэзии г. Фета и почти нѣтъ тѣхъ достоинствъ, какія мы привыкли встрѣчать въ лучшихъ стихотвореніяхъ этого поэта. Напримѣръ, что могутъ значить отмѣченные курсивомъ два стиха въ слѣдующемъ четверостишіи?

Такъ два въ первый разъ вздыхаетъ,
О чемъ, не вѣдая еще,
И въ первый разъ благоухаетъ
Ея блестящее плечо.

Будь подъ этими стихами имя другаго поэта, они, вѣроятно, подверглись бы злымъ и остроумнымъ насмѣшкамъ нашихъ фельетонистовъ. Вообще мы бы совѣтовали г. Фету быть нѣсколько поостороже въ выборѣ своихъ стихотвореній для печати; журналисты, конечно, готовы украсить страницы своего журнала именемъ г. Фета и имъ нельзя быть въ этомъ отношеніи слишкомъ разборчивыми, но собственная репутація поэта обязываетъ его не предвзывать печати неудавшихся или неотдѣланныхъ стихотвореній.

Комедія *Лопе де-Вега* — «Причудница» полна движенія, какъ вся испанскія комедія и должна быть занимательна на сценѣ; но нравы, въ ней представленныя, слишкомъ уже отличаются отъ нашихъ, такъ что иногда думаешь, будто читаешь фантастическую сказку, невѣроятную, нозабавную; притомъ переводъ не очень удаченъ, и повременамъ даже не вѣрится, чтобы текстъ *Лопе де-Вега* былъ такъ не складенъ. Приведемъ примѣры: (Дѣйствіе 1-е, явленіе 1-е стр. 189).

«*Лисардо*. — Сегодня ждетъ она четырехъ жениховъ, не знаю, понравятся ли ей они?»

«*Тиберио*. — Не представляютъ ли они ей обыкновенно четверо.

«*Лисардо*. — Тиберио, подстрекають-то ихъ деньги.

«*Тиберио*. — Деньги не должны ихъ подстрекать; онѣ кладутся въ монастырь».

Не правдали, что разговоръ нѣсколько страненъ? Или, напри-
мѣръ, вы читаете слѣдующій монологъ: (Дѣйствіе 3-е, явленіе 2-е).

«*Карильйо*. Да, замѣтьте, что Белиса, этотъ ребенокъ, который «проситъ еще конфетку и не станеть ее вѣсть, не разломивъ пополамъ, которая, испугавшись лягушки, въ одинъ часъ отворила себѣ два раза кровь, теперъ безпрестанно падаетъ въ обмороки, которые такъ же ясно показываютъ, какъ лучи присутствіе солнца, что она страстно влюблена въ своего невольника; упавъ въ обморокъ, трещаетъ, чтобы его къ ней позвали, а не то, говорить, я умру. — *Все дѣло въ томъ, что эта избалованная дѣвочка беретъ за руку невольника, то-есть, что сердце ея тогда только успокоивается, когда она касается ногтей.*»

Въ невольномъ недоумѣніи останавливаетесь вы на послѣднихъ строкахъ и съ нетерпѣніемъ обращаетесь къ примѣчанію; но отъ него вамъ нисколько не легче, потому что оно содержитъ лишь слѣдующую краткую истину: *Una — ноготь.*

Но во всякомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить редакцію От. Зап. за желаніе ознакомить нашу публику съ однимъ изъ лучшихъ

представителей оригинальной испанской драмы, о которой мы почти не имеем понятия.

Статья *С. Шестакова* обь «Антигона», трагедіи Софокла, напечатанная въ 8-й книжкѣ От. Зап., лучше перевода этой трагедіи, сдѣланнаго тѣмъ же *С. Шестаковымъ* и помѣщеннаго въ предыдущей книжкѣ того же журнала. Изъ этого обстоятельства мы имеемъ полное право сдѣлать заключеніе, съ которымъ, конечно, согласится всякій, что гораздо легче понимать и даже объяснять красоты греческой трагедіи, особенно при пособіи множества комментаріевъ, нежели передавать эти красоты въ стихотворной формѣ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ должны мы отметить въ нашей хроникѣ открытіе новаго отдѣла въ От. Зап. подь заглавіемъ—«*Библиографическіе отрывки*», подь которымъ редакция этого журнала сдѣлала слѣдующе утѣшительное для любителей Русской исторіи, примѣчаніе:

«Предлагаемая здѣсь статья есть только начало труда обширнаго «и чрезвычайно-важнаго для отечественной науки, предпринятаго чинами Императорской Публичной Библіотеки. Просвѣщенному начальству ея угодно было избрать «Отечественныя Записки» для «ознакомленія публики съ драгоценными матеріалами въ Библіотекѣ «находящимися, и мы позволяемъ себѣ, предь лицомъ нашихъ читателей, принести искреннѣйшую благодарность начальству Библіотеки «за честь, которую оно оказало нашему журналу. Смеемъ надѣяться, «что обиліе матеріаловъ, которыми такъ богато наше книго-хранилище, дозволить со временемъ обратитъ этотъ разрядъ статей въ «постоянную серію, «*stehende Artikel*» нашего журнала. Душевно «желаемъ этого для пользы науки, и увѣрены, что всѣ образованные «читатели раздѣлятъ съ нами это желаніе».

Въ первой статьѣ: «*Нѣкоторыя нѣмецкія сочиненія о Россіи въ концѣ XVII-го и началъ XVIII-го вѣковъ*», помѣщено обзорнѣе двухъ разрядовъ нѣмецкихъ сочиненій о Россіи, подписанныхъ именами *Георга Адама Шлейсвинга* и *Феофила Вармунда*.

Въ журналистикѣ 8-й книги Отечественныхъ Записокъ есть статья противъ Современника. Этотъ журналъ, проговорившійся небольшою статейкой «Объ искренности въ критикѣ» уличается Отечественными Записками въ непоследовательности, рѣзкости отзывовъ и многихъ другихъ проступкахъ. Нѣкоторыя обвиненія Отечественныхъ Записокъ довольно основательны, но къ сожалѣнію здѣсь все-таки видна не та настоящая полемика, которой единственная цѣль состоитъ въ томъ только, чтобы отстаивать справедливыя убѣжденія и опровергать ложь; здѣсь видна цѣль выставить собственно недостатки и промахи другаго журнала.

Отмѣтимъ еще для полноты отчета краснорѣчивую, хотя нѣсколько и отзываютуюся недавнимъ изученіемъ реторики, статейку неизвѣстнаго автора «О стихотвореніяхъ Гютчева», помѣщенную въ отдѣлѣ библіографіи, и за тѣмъ разстанемся съ Отечественными Записками до скорого свиданія.

Ж. В.—НЪ.

С Ш Ъ С Ъ.

БАШКИРЦЫ.

Статья II.

Разсказываютъ, и печатно и изустно, что Черкесы приучаютъ дѣтей своихъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, ловко управлять конемъ и искусно дѣйствовать оружіемъ. Наука, что и говорить, полезная и благородная. — Подобно Черкесамъ, и Башкирцы дѣтей своихъ не оставляютъ безъ воспитанія и образованія. Они такъ же, какъ и храбрые Черкесы, птенцовъ своихъ, лишь только эти выйдутъ изъ пеленокъ, приучаютъ и совершенствуютъ, но, замѣтите, не бранному искусству, а постыдному и унижительному ремеслу — воровству! Трудно повѣрить тому, что я сказала, а между тѣмъ это сущая правда. — Вотъ какъ это дѣлается.

Башкирецъ, имѣя въ семьѣ своей двоихъ, троихъ мальчиковъ, раздаетъ имъ по яблоку или по прянику, и тому подобному лакомству. Раздавши, онъ воспрещаетъ дѣтямъ сѣдять эти лакомства въ течение дня, а приказываетъ сберечь ихъ до вечера; тогда уже онъ разрѣшаетъ имъ употреблять эти гостинцы по желанію каждаго. Дѣти повинуются отцу, а онъ, между тѣмъ, одному изъ нихъ, тайно отъ другихъ, даетъ, съ приличнымъ наставленіемъ, приказаніе украсть гостинецъ у одного изъ братьевъ, или у обонхъ, ежели будетъ возможно. Башкирята проводятъ день въ играхъ, а вечеромъ являются къ отцу. Тотъ требуетъ, чтобы они показали ему свои гостинцы. Двое подаютъ ему свои, а у третьяго не оказывается. Послѣдній плачетъ, бѣдняжка, и жалуется, что яблоко его укралъ у него вотъ онъ-то, указывая на одного изъ братьевъ. Отецъ, принимая строгій видъ, допрашиваетъ воришку, а воришка твердитъ себѣ прежде заученныя слова: « не знаю, не видалъ, не слыхалъ », да и только.

Обкраденный не может уличить обкрававшего. Тогда отец рѣшаетъ споръ. Онъ говоритъ обиженному:

— Ты дуракъ, простофиля! ты просто-на-просто *карачкремень!* (русскій мужикъ). Ты не удержишь своего добра, такъ и не пѣняй ни на кого, оставайся безъ гостинца. А ты, обращаясь къ воронкамъ — молодець! славно смастерилъ свое дѣло; и впередъ, душечка, старайся обрабатывать свои дѣлишки такъ чисто, такъ гладко, чтобы нельзя было и иглы подъ нихъ подпустить; за то и яблоко, которое ты укралъ — твое; пользуйся имъ какъ законной добычей. Люблю тебя за это, милое дитя мое, говоритъ въ заключенье отецъ и треплетъ отъ удовольствія по щекамъ свое чадо, такъ удачно свершившее воровство.

Не ежели случится, что обкраденный Башкиренкокъ сошлетъ на третьяго брата — что онъ, дескать, видѣлъ, какъ воронка спроворилъ у него яблоко, — и ежели этотъ третій подтвердить слова обиженнаго — тогда споръ оканчивается другимъ образомъ. Отецъ-судья отбираетъ отъ свидѣтеля яблоко и отдаетъ его тому, у кого яблоко пропало, а свидѣтелю грозно говоритъ:

— Ты, должно быть, не мой сынъ, — ты, должно быть, кафиръ, что лѣзешь въ свидѣтели! Сколько разъ я твердилъ тебѣ и всѣмъ вамъ, чтобы вы помнили слова: «не знаю, не видалъ, не слыхалъ», и никогда въ свидѣтели не ходили, особенно другъ противъ друга. Но ты, негодный мальчишка, не слушаешь, не берешь себя въ голову мудраго совѣта, — чему и меня, когда я былъ маленькимъ, учили, да еще, если не понималъ, били. Такъ вотъ тебѣ урокъ, — сяди теперь, болванъ, безъ яблока, гляди, да и облизывайся, какъ братья твои станутъ ѣсть. — Слушай! заключаетъ отецъ свое правоучительное наставленіе: ежели еще когда-нибудь пойдешь въ свидѣтели, не только противъ брата, но даже и противъ другаго мусульманина, буде онъ не въ ладахъ съ тобой, — тогда, не гнѣвайся всѣ уши выдеру тебѣ, а о яблокахъ и не думай. — Но противъ христіанина, прибавляетъ отецъ, это другое дѣло.... какъ можно оправдывать своего, и тѣмъ закупай себя пріятелей, чтобы и они впоследствии оправдывали тебя.... это дѣло хорошее.

Можно представить себя какой выйдетъ Башкирець, возрощенный въ такихъ правилахъ. Онъ всегда видитъ, слышитъ безчисленные и разнообразныя примѣры воровства; съ дѣтства пріучается къ воровству, въ лѣтахъ юношескаго возраста практикуется, а въ дни возмужалости, такъ сказать, укрѣпляется и закаляется въ немъ, изучивъ всѣ хитрыя уловки избавляться бѣды, наказанья. Впро-

чемъ, наказаніе розгами, или прогнаніе *сквозь строй*, для Башкирца ничего не значитъ. Это, по словамъ самихъ Башкирцевъ, не иное что, какъ горячая лапша, которая отъ непривычки только сначала жжется, а потомъ дѣлается трынъ-травой. Одно, чего Башкирцы, какъ смерти, боятся — это солдатство, да арестантскія роты. Но этому они весьма рѣдко подвергаются, или почти никогда не подвергаются. При вопросахъ, какъ уже сказано, Башкирцы до высочайшей степени находчивы и увертливы; притомъ еще, состоя между себя въ тѣсной связи, конокрады помогаютъ другъ другу, скрываютъ одинъ другаго, и дѣло выходитъ чисто.

Судъ, руководствуясь буквально закономъ, не можетъ обвинить Башкирца безъ точныхъ доказательствъ, а Башкирець, при помощи своихъ сообщниковъ или своихъ однопоручковъ, такихъ же, какъ самъ онъ, плутовъ, скорѣе околѣетъ, чѣмъ дастъ собрать противу себя ясныя и законныя улики. — Рѣшеніе суда, сколько мнѣ случилось видѣть, обыкновенно бываетъ такого содержанія: «Башкирца «N N, по неуликѣ въ преступленіи, учинить отъ дѣла свободнымъ», «а претендателью А А, по не доказательству, въ искѣ отказать».

Или: «Башкирець N. N. влечетъ на себя подозрѣніе въ такомъ «то преступленіи, — а потому судъ полагаетъ — оставить его (Башкирца) въ подозрѣніи и отдать подъ надзоръ ближайшаго начальства, (а *ближайшее начальство* Башкирцы же!), — истцу же «отказать (все-таки отказать!»)

Или же наконецъ, (что, впрочемъ, бываетъ рѣдко) въ рѣшеніи суда можно видѣть слѣдующее: «Башкирець N N, потому-то, по-«тому-то, да еще по дурному поведенію, влечетъ на себя *сильное* «подозрѣніе въ кражѣ лошади у того-то; а потому судъ полагаетъ — «наказать подсудимаго Башкирца розгами, или прогнать *сквозь* «строй, и оставить въ сильномъ подозрѣніи, — а претендателью отка-«зать (все-таки отказать!»)

Судъ правъ, потому что руководствуется закономъ. Статья же закона, которая говоритъ, что «легче простить десятерыхъ виновныхъ, чѣмъ наказывать одного невиннаго», очень хорошо известна Башкирцамъ. Подъ покровительствомъ этой, основанной на чело-«вѣколюбіи, статьи закона они продолжаютъ воровать, воровать и воровать, оставаясь или вовсе ненаказанными, или наказанными, но легко, что для Башкирца рѣшительно ничего не значить, потому что самолюбіе его тутъ нисколько не страдаетъ, а натура его крѣпка, какъ желѣзо. — Солдатство, вотъ язва для Башкирца, какъ я уже сказалъ. Если десять конокрадовъ подверг-

нутя этой участи, то, безъ сомнѣнія, сто Башкирцевъ, изъ страха, оставлять преступное ремесло и обратятся къ честнымъ занятіямъ. Тогда бы свободнѣе вздохнули мирные и честные поселяне, живущіе по сосѣдству съ Башкирцами — этими вырожденками рода чело-вѣческаго.

Говоря о Башкирцахъ—конокрадахъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о живущихъ по сосѣдству съ ними русскихъ крестьянахъ и Киргизахъ Внутренней, или Букеевской орды. Между этими народами, особенно послѣдними, то—есть Киргизами, есть такіе артисты, которые не уступаютъ въ конокрадствѣ и Башкирцамъ. Безъ содѣйствія сосѣдей, Башкирцы, пожалуй, не могли бы такъ часто и такъ успѣшно воровать лошадей.

Въ Ново-Узенскомъ, Николаевскомъ, Бузулукскомъ уѣздахъ Самарской губерніи, особенно въ первыхъ двухъ, много поселено на казенныхъ участкахъ хуторовъ, гдѣ русскіе мужики, преимущественно изъ секты малаканской, живя вдали отъ начальства, и имѣя частыя сношенія съ Башкирцами, невольно, такъ сказать, увлекаются страстію къ конокрадству, и сильно помогаютъ Башкирцамъ въ этомъ преступномъ ремеслѣ, пользуясь, разумѣется, частію изъ воровской добычи.

О Киргизахъ и говорить нечего: это тѣ же Башкирцы. Разница между ними только та, что Башкирцы обворовываютъ сосѣдственныхъ крестьянъ, иногда и своихъ земляковъ, а Киргизы—Уральскихъ казаковъ, живущихъ по линіи отъ Уральска къ Гурьеву—городку.—Киргизецъ, надо замѣтить, сговорчивѣе, уступчивѣе Башкирца. Если есть хотя малѣйшая улика противу вора-Киргизца, — онъ тотчасъ старается прекратить дѣло, и удовлетворяетъ вполне истца за все украденное. По несостоятельности вора-Киргизца, цѣлый аулъ, цѣлый родъ платитъ за него. Между Башкирцами же этого не водится.

У всѣхъ конокрадовъ, (Башкирцевъ, Киргизовъ и крестьянъ), существуетъ слѣдующій порядокъ, или, можно сказать, своего рода законъ. Киргизецъ, укравши на линіи у казака лошадь, передаетъ ее сообщнику своему Башкирцу, а тотъ отводитъ въ какой-нибудь русскій городъ или селеніе на ярмарку, и тамъ сбываетъ. Въ свою очередь Башкирецъ, обворовавъ русскихъ крестьянъ, иногда при содѣйствіи пріятелей своихъ изъ среды послѣднихъ, то—есть крестьянъ, спроваживаетъ краденыхъ лошадей или въ Киргизскую орду, гдѣ онъ большею частію расходится по котламъ, съѣдаются, или перепродаетъ изъ одного уѣзда въ другой. Такимъ образомъ слѣды преступления скрываются, и воры остаются безъ наказанія.

Извѣстно, что для пресѣченія конокрадства, назначены по уѣздамъ особые комиссары. Но Николаевскій и Ново-Узенскій уѣзды, также земли Башкирцевъ и Киргизовъ, весьма обширны, можно сказать, пустыни, — селенія разбросаны одно отъ другаго на многіе десятки, даже сотни верстъ, — въ землѣ кочующихъ Киргизовъ осѣдлыхъ мѣстъ вовсе не существуетъ, — прямого почтового сообщенія нѣтъ, — а чрезъ башкирскія и киргизскія владѣнія почта совсѣмъ не ходитъ — все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ непреодолимую преграду къ быстрому и успѣшному дѣйствию комиссаровъ, и отнимаетъ у нихъ всякую возможность къ скорому производству дѣлъ. За одними справками проходятъ цѣлые года, а этимъ временемъ, смотришь, или кто изъ претендателей, или изъ отвѣтчиковъ, или же изъ свидѣтелей умираетъ, и — дѣлу конецъ. — Нѣкоторые дѣла — я опытомъ убѣдился — въ годъ, въ два, даже больше, вовсе и не начинаются изслѣдованіемъ, или за неявкой депутатовъ, или за неприбытіемъ нужныхъ къ спросамъ людей, иногда самихъ претендующихъ. Только и наполняется дѣло, вмѣсто предисловія, бумагами, въ которыхъ говорится: «тому-то строго предписано скорѣй прибыть на мѣсто происшествія; тому-то *строжайше* подтверждено исполнить то-то», и прочее. Но исполненія все-таки нѣтъ, а время между-тѣмъ идетъ, да идетъ, бесполезная переписка продолжается, увеличивается, слѣды происшествія темнѣютъ, исчезаютъ, и наконецъ самое происшествіе, говоря словами г. Кайданова, покрывается мракомъ неизвѣстности. Результатомъ всего этого выходитъ: безнаказанность и торжество преступниковъ, и не вознаградимая потеря и горькія слезы обиженныхъ.

Земля Башкирскаго отдѣленія тянется узкой и длинной полосой, сначала отъ сѣвера на югъ, а потомъ поворачивается на юго-западъ, — начинается она отъ границъ Бузулускаго уѣзда, и идетъ вплоть до земель Киргизовъ Внутренней, или Букеевской орды. Длину башкирскихъ земель можно положить, приблизительно, въ 400 верстъ, а ширину опредѣлить невозможно, потому что въ иныхъ мѣстахъ башкирскія земли чуть-чуть не прерываются землями Николаевскаго уѣзда, который сжимаетъ Башкирское отдѣленіе съ двухъ сторонъ, съ востока и съ запада. Послѣ Николаевскаго, Новоузенскій уѣздъ, съ западной стороны, можно сказать, вторгается въ Башкирское отдѣленіе многими зигзагами. На югъ и юго-западъ Башкирское отдѣленіе примыкаетъ къ землямъ Уральскихъ казаковъ и Букеевскихъ Киргизовъ. Такимъ образомъ, Башкирское отдѣленіе, сжатое со всѣхъ сторонъ, представляетъ собой неправильную искривленную и узкую полосу земли, — но полоса эта, впрочемъ, по

малочисленности народонаселенія, имѣеть, кромѣ лѣса, всѣ удобства къ безбѣдному существованію обитателей, если бы только обитатели приложили къ ней какъ слѣдуетъ руки.

Поверхность башкирскихъ земель на сѣверѣ гориста или, правильнѣе, холмиста, потому что высокихъ горъ нѣтъ. Ниже къ Камеликскому умету, что будетъ отъ сѣверныхъ границъ верстъ сто, холмы эти постепенно понижаются, а за Камеликскимъ уметомъ начинается уже совершенная равнина, и идетъ она до самыхъ крайнихъ на югъ владѣній.

Изъ рѣкъ въ Башкирскомъ отдѣленіи достойны наименованія только три: Камеликъ, Каралыкъ и Иргизъ. Рѣки эти, впадая одна въ другую, вливаются въ Волгу. Кромѣ ихъ есть множество маленькихъ или такъ называемыхъ степныхъ рѣчекъ. Озеръ достопримѣчательныхъ, то-есть большихъ, нѣтъ, а мелкихъ, особенно въ третьей юртѣ, много.—Рыба въ водахъ башкирскихъ хотя и водится,—но весьма мелкая, о которой и говорить не стоитъ.—Зайцевъ по степямъ и лугамъ множество; есть довольно волковъ и барсуковъ,—но другихъ звѣрей почти никакихъ нѣтъ.—Изъ птицъ водятся: лебеди, гуси, разныхъ породъ утки и кулики; лебеди исключительно держатся въ третьей юртѣ по озерцамъ или ильменямъ, заросшимъ камышами. Лѣсу въ отдѣленіи никакого нѣтъ и быть не можетъ, потому что Башкирцы, лишь только завидятъ гдѣ прутикъ, выростающій изъ земли, тотчасъ срубятъ его.

По плодородію земли, Башкирское отдѣленіе можно раздѣлить на три части — сѣверную, среднюю и южную. Изъ нихъ сѣверная самая хлѣбороднѣйшая, средняя хуже сѣверной, а южная скуднѣе средней. За то послѣдняя, то-есть южная, больше первыхъ двухъ представляетъ удобства къ скотоводству, ибо вся почти состоитъ изъ луговъ.

По управленію Башкирское отдѣленіе раздѣляется на три же части, или такъ называемыя юрты. Въ каждой юртѣ есть начальникъ изъ оберъ-офицеровъ Уральскаго казачьяго войска, именуемый *юртовымъ*, — а надъ всеми ими завѣдуетъ одинъ *управляющій*, котораго Башкирцы доселѣ называютъ *кантоннымъ*, по привычкѣ,—ибо прежде до поступленія ихъ въ вѣдомство Уральскаго войска главнымъ лицомъ у нихъ былъ кантонный начальникъ.—Юртовыми начальниками бывають еще иногда офицеры изъ Башкирцевъ же,—но управляющій исключительно назначается изъ штабъ-офицеровъ, (а за недостаткомъ ихъ, изъ эсауловъ) Уральскаго войска.—Въ рукахъ управляющаго, непосредственно подчиненнаго войсковому наказному атаману, соединена власть и военная и полицейская.—

Въ недавнее время, для успѣшнаго хода слѣдственныхъ и вообще письменныхъ дѣлъ, приданъ управляющему въ помощь офицеръ изъ Уральцевъ же, который и называется помощникомъ.

Три юрты, на которыя подраздѣляется Башкирское отдѣленіе, не имѣютъ особыхъ названій, а извѣстны по номерамъ: — занимающая сѣверную часть отдѣленія носить названіе *первой*, въ средней части отдѣленія именуется *второю*, а послѣдняя, обнимающая всю южную часть отдѣленія, называется *третьей*.

Въ первой юртѣ народъ, занимающійся болѣею частию хлѣбопашествомъ, богаче чѣмъ въ достальныхъ двухъ. Въ третьей юртѣ, по обилію луговъ, Башкирцы могли бы, ухаживая какъ слѣдуетъ за скотомъ, жить не хуже другихъ своихъ земляковъ, населяющихъ первую юрту; но лѣнь, этотъ камень преткновения въ башкирскомъ быту, всему помѣхой. Башкирцы во второй юртѣ бѣднѣе прочихъ. Есть цѣлыя деревни въ этой юртѣ, гдѣ жители рѣшительно ничѣмъ не занимаются, какъ лицъ только конокрадствомъ, а у вора, говоритъ пословица, нѣтъ ни кола, ни двора. Близкимъ и разительнымъ примѣромъ этому служатъ деревни Кучембетова — гдѣ воръ на ворѣ, и бѣднякъ на бѣднякѣ. Да Богъ съ ними; кажется, довольно объ этомъ сказано.

По пространству земли, Башкирское отдѣленіе бѣдно народонаселеніемъ. Изъ статистическаго отчета за 1855-й годъ видимъ слѣдующія цифры:

1-е. Народонаселеніе.	Ч и с л о д у ш ь.			
	Въ 1-й юртѣ.	Во 2-й юртѣ.	Въ 3-й юртѣ.	Итого.
<i>Мужескаго пола.</i>				
Духовнаго званія	6	4	4	14
Оберъ-офицеровъ служащихъ	—	2	—	2
За-урядъ-офицеровъ	2	2	2	6
Урядниковъ	7	6	1	14
Казаконъ	261	285	334	800
Оберъ-офицеровъ отставныхъ	1	—	—	1
За-урядъ-офицеровъ	8	4	1	13
Урядниковъ	2	—	1	3
Казаконъ	46	61	106	213
Малолѣтконъ (*)				
{ офицерскихъ	—	6	—	6
{ казачьихъ	414	398	660	1472
Итого	747	768	1109	2624

(*) Дети мужескаго пола отъ 1-го до 18-ти лѣтнаго возраста.

Женскаго пола.	Число душъ.			Итого.
	Въ 1-й юрта.	Во 2-й юрта.	Въ 3-й юрта.	
Духовнаго званія.	19	10	18	47
Офицерскаго.	42	38	12	92
Урядническаго и казачьяго.	682	737	1087	2506
Итого	743	787	1117	2645

Слѣдовательно, во всемъ отдѣленіи мужскаго пола 2624, а женскаго 2645 душъ.

2-е Скотоводство.	Число головъ.			Итого.
	Въ 1-й юрта.	Во 2-й юрта.	Въ 3-й юрта.	
Лошадей.	2176	1517	6603	10296
Воловъ (употребляемыхъ при распашкѣ земли).	21	—	—	21
Скота рогатаго вообще.	1322	1345	3083	5750
Овецъ.	1184	672	6673	8529
Итого	4703	3534	16359	24596

3-е Жилища и строения.

	Число жилищъ и строеній.			Итого.	
	Въ 1-й юрта.	Во 2-й юрта.	Въ 3-й юрта.		
Деревень и хуторовъ.	8	9	12	29	
Кибитокъ.	186	197	325	708	
Въ деревняхъ:					
Мечетей.	3	4	2	9	
Домовъ	общественныхъ.	4	2	4	10
	частныхъ.	254	275	343	872
Мельницъ (вѣтряныхъ).	2	—	—	2	

Больше чѣмъ три четверти домовъ и двѣ мечети построены изъ дерна и изъ воздушнаго кирпича; остальные дома и мечети деревянные.— Но вообще всѣ строенія въ Башкирскомъ отдѣленіи отличаются бѣдностію, безвкусіемъ и неудобствомъ, исключая домовъ нѣкоторыхъ чиновниковъ.— Объ этомъ поговоримъ ниже.

4-е Хлѣвопашество.

Число четвертей.

	Число четвертей.	
	Посѣяно.	Собрано.
<i>Пшеницы:</i>		
Въ 1-й юртѣ.	1222	12225
Во 2-й юртѣ.	345	3455
Въ 3-й юртѣ.	406	4060
<i>Овса и проса:</i>		
Въ 1-й юртѣ.	402	4025
Во 2-й юртѣ.	207	2070
Въ 3-й юртѣ.	70	700
Итого	2652	25905

Урожай хлѣба ярового былъ въ 1853 году самъ десятый. — Озимого хлѣба Башкирцы совсѣмъ не сѣять, во-первыхъ потому, что онъ въ ихъ странѣ плохо родится, а во-вторыхъ потому, что сами они ржаной хлѣбъ не долюбиваютъ.

Изъ выше-приведенныхъ цифръ о хлѣбопашествѣ мы видимъ, что при всей своей лѣни, при всей нерадивости къ труду, Башкирцы собираютъ таки довольно хлѣба; но еслибъ они принялись за это честное и полезное ремесло такъ, какъ занимаются имъ русскіе мужички — они бы во сто кратъ собирали больше, — и тогда бъ положеніе ихъ улучшилось.

Здѣсь, однакожъ, слѣдуетъ сказать, что хлѣбопашество находится въ рукахъ нѣкоторыхъ только честныхъ и трудолюбивыхъ Башкирцевъ. Въ первой юртѣ отличаются этимъ благороднымъ занятіемъ два-три семейства чиновниковъ Акировыхъ. У нихъ-то однихъ и есть волы, на которыхъ распахиваютъ землю. Прочіе Башкирцы не знаютъ какъ и приступить къ плугу или сохѣ; а потому распахку земли производить чрезъ сосѣдственныхъ крестьянъ, за довольно высокую плату, напримѣръ, отъ 2 руб. 50 к. до 3-хъ руб. сер. съ десятины. Равнымъ образомъ и уборка хлѣба дѣлается чужими руками, и все-таки урезъ наемъ; отъ чего свой хлѣбъ приходится Башкирцу не дешевле купленнаго. По этой причинѣ лѣнивый Башкирецъ или мало занимается земледѣіемъ, или вовсе не занимается. До огородныхъ овощей, какъ-то: до арбузовъ, до дынь и проч. Башкирецъ хотя и большой охотникъ, но обрабатывать огороды или бахчи терять не можетъ.

Въ статистическомъ отчетѣ, изъ котораго взяты мною выше-приведенныя цифры, управляющій Башкирскимъ отдѣленіемъ официально говорить, что «количество посѣва ярового хлѣба, въ нынѣшнемъ (1853 г.) лѣтъ, хотя и увеличилось, но въ меньшей степени,

по бѣдности, а болѣе отъ праздности Башкирцевъ, къ которой они искони склонны, — однакожъ понуждаются къ трудамъ мѣрами начальства». А я замѣчу на это, что никакія мѣры не будутъ дѣйствительными до тѣхъ поръ, пока разсыянные по отдѣленію Башкирцы не будутъ соединены въ одно мѣсто, и поселены въ кругу земледѣльцевъ, — и наконецъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ искоренено, между ними, конокрадство, доставляющее имъ, безъ малѣйшихъ трудовъ, средства къ жизни. Далѣе, въ отчетѣ же управляющій говорить: «урожай травъ по всему отдѣленію былъ весьма хорошъ, ки накошеннаго сѣна для продовольствія зимой скота будетъ до-«статочно.» А я смѣю могу сказать, что по обилію какъ луговыхъ травъ, такъ и степныхъ ковыльовъ, Башкирцы не только бы имѣли средства обезпечивать скотъ свой сѣномъ на одну зиму, но могли бы накашивать сѣна въ запасъ на многіе года, или продавать его сосѣдственнымъ крестьянамъ. Но Башкирецъ, какъ и прежде я сказалъ, не любитъ трудиться, а любитъ барничить. Онъ никогда не возьмется за косу во время, то-есть когда трава бываетъ, что называется, въ соку, а выйдетъ въ луга тогда, когда трава станетъ уже сохнуть. Причиной этому отчасти и лѣнь, отчасти и то, что въ цѣлой деревнѣ существуетъ не больше двухъ-трехъ косъ, — такъ нельзя же въ разъ всѣмъ косить, а нужно чередоваться. Впрочемъ, и тутъ, какъ въ хлѣбопашествѣ, помогаютъ имъ крестьяне. Эти трудолюбивые люди приходятъ каждое лѣто на башкирскіе луга и очищаютъ ихъ, по уговору съ Башкирцами, или изъ половинны накошеннаго сѣна (что бываетъ рѣдко) или за ничтожную плату (что бываетъ всего чаще). Кромѣ лѣни и праздности, мотовство въ крови у Башкирца. — Все, что Башкирецъ имѣетъ лишняго — зерно-ли хлѣба, клокъ-ли сѣна, лошадь-ли, жорову-ли, овцу-ли — онъ все тащитъ на ближайшую ярмарку, и торопится какъ можно скорѣе распродать, чтобы на вырученныя деньги купить или чаю съ сахаромъ, или ситцу на рубахи себѣ и женѣ своей. Нѣсколько дней проводитъ Башкирецъ, такъ сказать, въ роскоши, а послѣ того, глядишь, цѣлые мѣсяцы ему вѣсть нечего. Тогда, поневолѣ, чтобы не умереть съ голоду и не поморить семейство — онъ принимается за сродное ему ремесло — воровство. Такая ужъ, видно, натура у Башкирца и такой она, вѣроятно, у него останется надолго, если не навсегда.

Башкирцы Уральскаго отдѣленія принадлежатъ къ осѣдлымъ народамъ, — но настоящая жизнь ихъ чуть-ли не кочевая, а ежели и не такъ, то, положительно можно назвать, полукочевая. Зимой они, правда, живутъ въ избахъ, но лишь только настаетъ весна,

какъ, бросая дома, выбираютъ въ поле, подъ открытое небо, на чистый воздухъ, на зеленую травку-журавку, — выбираютъ, и, какъ настькомыя послѣ зимняго оцѣпенѣнія, оживаютъ. Зиму они проводятъ въ сырыхъ, холодныхъ дерновыхъ или глиняныхъ избахъ; избы эти болѣею частію бываютъ безъ печей, съ однимъ только горномъ, на которомъ они варятъ пищу и подъ которымъ въ золь пекутъ изъ прѣснаго тѣста лепешки. Жизнь въ деревняхъ зимою для Башкирцевъ чистое мученье, за то радость ихъ, при влечиваніи весной въ поле, невыразима, тогда Башкирецъ въ полномъ смыслѣ слова оживаетъ и отъѣдается. — Вообще зимой мяса и молока бываетъ мало, а кумыза — этого лакомаго и здороваго азійскаго напитка — вовсе не бываетъ; почему Башкирцы бѣдные довольствуются самой скудной пищею. — О богатыхъ же, или зажиточныхъ Башкирцахъ говорить нечего: эти люди, разумѣется, и живутъ поопрятнѣе, поудобнѣе, въ чистыхъ и теплыхъ избахъ, и ѣдятъ пищу хорошую, обильную. — Бѣдные Башкирцы вслѣдствіе скудости пищи и дурнаго помѣщенія въ холодныхъ и сырыхъ, какъ сказано выше, избахъ часто подвергаются гнилымъ лихорадкамъ и другимъ болѣзнямъ. — Взглянувъ зимой на такого Башкирца, невольно подумаешь, что человѣкъ этотъ заганъ, замученъ работой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ палецъ о палецъ, какъ говорится, не ударитъ. Но увидѣвши его лѣтомъ, не повѣришь самому себѣ, что это тотъ самый человѣкъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ былъ слабымъ и болѣзненнымъ: такъ жизнь въ кочевкахъ, на чистомъ воздухѣ, при привольѣ молока и кумыза, перерождаетъ Башкирца, и изъ вялаго, угрюмаго, дѣлаетъ его здоровымъ и веселымъ. Жизнь лѣтомъ въ кочевкахъ для Башкирца чистое наслажденіе. Отпиваясь молокомъ и кумызомъ, онъ, сверхъ того, въ лѣтнее время имѣетъ болѣе средствъ поживиться насчетъ ближняго лошадю и полакомиться мясомъ.

Башкирцы, можно сказать безъ преувеличенія, ничѣмъ не занимаются. Ни торговля, и никакое ремесло имъ совершенно не знакомы. Во всемъ отдѣленіи есть только два человѣка, которые въ этомъ случаѣ отличаются отъ своихъ земляковъ — одинъ печникъ, а другой серебряникъ, и больше никого. — Нѣтъ даже ни одного изъ Башкирцевъ, кто бы могъ не только шить новые, но и починить старые сапоги. Сапожнымъ мастерствомъ отчасти занимаются женщины; онѣ же, кромѣ шитва, свойственнаго женщинамъ рукодѣля, исправляютъ и всѣ работы домашнія; а мужчины чистые баричи. — Ни одинъ Башкирецъ топора не умѣетъ взять въ руки, — а потому въ постройки домовъ и всѣхъ мелочныхъ строеній имъ

помогаютъ русскіе крестьяне.—Ни у одного Башкирца нельзя увидѣть ни порядочной телѣги, ни саней, ни доброй конской упряжи: вездѣ лыко да мочало. Ежели тащится Башкирецъ на своей трепещущей телѣженкѣ, — то за версту вы услышите визгъ и скрипъ отъ колесъ, которыя съ роду не выдывали дегтя и не знаютъ, что такое это за вещество.

Деревни башкирскія только славу занимаютъ, что деревни, а на самомъ дѣлѣ онѣ, исключая двухъ-трехъ, нисколько не похожи на деревни: это не больше, не меньше какъ кучи дерна, разбросанныя какъ попало, въ величайшемъ безпорядкѣ, безъ улицъ, безъ дворовъ, безъ воротъ и безъ всего того, что составляетъ необходимость и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятный видъ жилаго мѣста. Даже самыя мечети, кромѣ двухъ (въ дереняхъ Муратинной и Максютовой) не что иное, какъ невысокіе срубы, покрытые дерномъ. Вообще Башкирское отдѣленіе, въ отношеніи деревень и строеній, самое бѣдное и ничтожное мѣсто, и бѣдностью и ничтожествомъ одолжено своимъ безпечнымъ и лѣнивымъ обитателямъ. Въ концѣ октября, или немного раньше, смотря по погодѣ, Башкирецъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, возвращается въ деревню, прикажетъ женѣ обмазать и ухитить избенку, самъ наберетъ возъ-другой чилиги, замѣняющей дрова, и разляжется на койкѣ какъ будто не до него дѣло, не помышляя о томъ, есть-ли вокругъ дома его заборъ, есть-ли для скота базъ или навѣсъ. Пока нѣтъ снѣга — ему и такъ сносно, а когда задуютъ бураны — тогда онъ изъ снѣжныхъ же комковъ сдѣлаетъ вокругъ своего жилища загороду и за нею проводитъ скучные дни свои до появленія весны; которая, разрушивъ снѣжную защиту, вызываетъ и самого его въ чистое поле, подъ кровъ войлочныхъ кибитокъ, въ раздольное кочевье, гдѣ не нужно никакихъ построекъ.—Отъ этого все Башкирское отдѣленіе и представляется не жилымъ, а какъ будто раззореннымъ и покинутымъ.

Характеръ національной одежды Башкирцы Уральскаго отдѣленія совсѣмъ утратили. Теперь Башкирецъ одѣвается во что ни попало. Богатые Башкирцы по одеждѣ ходятъ на казанскихъ Татаръ. Они носятъ длинныя коленкоровыя или ситцевыя цвѣтныя рубахи и широкіе, изъ нанки или изъ краснаго кумача, шаровары, запущенные за голенищи ичигъ (родъ кожаныхъ или сафьянныхъ чулковъ); на ичиги надѣваютъ туфли (родъ калошъ). Поверхъ рубахи носятъ бешметы, то-есть безрукавыя или съ короткими, по локоть, рукавами фуфайки; потомъ бухарскій халатъ лѣтомъ и теплую длиннополую шубу зимой. Голову прикрываютъ ермолкой, а сверхъ ея шапкой, котлообразной формы. Шапки бываютъ или изъ сѣдыхъ

мерлужекъ, или суконныя, опущенныя по краямъ поръшной, или котикомъ. Нѣкоторые зажиточные и пожилые Башкирцы носятъ чалмы изъ холста или коленкора.

На бѣдномъ Башкирцѣ вы увидите смѣшеніе одеждъ всѣхъ народовъ, между которыми онъ живетъ. Онъ носитъ и мужичьи лапти, и поршни, (родъ лаптей или башмаковъ, сшитыхъ изъ сырой коровьей кожи) и сапоги изъ обыкновеннаго чернаго товара, или солдатскіе, у которыхъ не вычернены голенища, и овчинную шубу, и полушубокъ, и бухарскій бумажный халатъ, разумѣется весь въ заплаткахъ, и крестьянскій сѣрый кафтанъ; голову прикрываетъ и башкирскимъ, остроконечнымъ, бѣлымъ, войлочнымъ колпакомъ, и низкою съ широкими полями татарскою шляпою, и мужнцою шапкою, и киргизскимъ тумаконъ, и форменною казачьею фуражкой,— словомъ всѣмъ, елико возможнымъ, что попадетъ ему подъ руки.

Однѣ Башкирянки удержали еще свою одежду,—но ихъ одежда мало чѣмъ отличается отъ одежды всѣхъ вообще Татарокъ. Онѣ носятъ длинныя, отъ шеи до полу, рубахи изъ разныхъ матерій, шелковыхъ или бумажныхъ, смотря по состоянію. Грудь рубахи украшается у богатыхъ позументами, серебряными монетами, а у бѣдныхъ мѣдными и оловянными, разныхъ формъ, пластинками. Подолъ рубахи обшивается или бахромой, или какой цвѣтной матеріей. Сверхъ рубахъ носятъ похожія на мужскія фуфайки. Головы накрываютъ разноцвѣтными шальями, платками, а бѣдныя простымъ кускомъ коленкора или холста. Нѣкоторыя, особенно изъ дѣвицъ, носятъ шапки, подобныя татарскимъ, съ поддѣльной сзади косой,—къ косѣ привѣшиваютъ монеты и другія мелочныя украшенія. Обуваются или въ ичиги съ туфлями, или въ простые сапоги. Молодыя изъ богатыхъ семействъ Башкирянки украшаютъ голову особымъ уборомъ, который называется *кашбау*. Онъ состоитъ изъ монистъ, переплетенныхъ въ родъ сѣтки, и спускающихся нитями отъ темя по сторонамъ лица и по затылку почти до самыхъ плечъ.—Дѣвушки одѣваются такъ же, какъ и женщины, разница только въ уборѣ головы. Женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы и прячутъ ихъ подъ повязкой или подъ кашбау, а дѣвушки заплетаютъ ихъ во множество косичекъ и распускаютъ по плечамъ.

Между Башкирцами есть красивые молодцы,—но насчетъ Башкирянокъ нельзя этого сказать: вообще онѣ отличаются наружностью не совсѣмъ завидною и не привлекательною, но зато онѣ цѣломудренны,—въ этомъ можно отдать имъ справедливость. Какъ магометанки, онѣ рѣдко показываются съ открытымъ лицомъ передъ мужчинами,—но замѣтно отъ обычая этого нынѣ мало-по-малу отстаютъ.

Любимое и лакомое кушанье Башкирцевъ *казы* и *бишь-бирмакъ*. Казы, родъ калбасъ, готовятся изъ лошадиного мяса пополамъ съ нутрянымъ саломъ, а иногда и изъ одного сала. Казы слегка просоляются и прокапчиваются, — отъ чего онѣ сберегаются на цѣлый годъ. — Бишь-бирмакъ просто на просто сваренное и изрѣзанное въ мелкіе куски лошадиное, говяжье и баранье мясо. Бишь-бирмакъ готовится съ лукомъ, перцомъ и другими пряностями. За этими кушаньями слѣдуетъ въ разныхъ видахъ, молоко, *крутъ*, (родъ кислаго и сухаго сыра, приготовляемаго изъ коровьяго молока), потомъ изъ пшеничнаго тѣста калачи, лепешки, *салма*, (родъ лапши) и *баламыкъ*. Баламыкъ достояніе бѣдныхъ. Это не больше не меньше какъ взболтанная съ мукой и вскипяченная вода. — Изъ напитковъ самый драгоценный *кумызь*. Это, можно сказать, нектаръ для Башкирцевъ. Кумызь и питаетъ Башкирца, и утоляетъ его жажду, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствуя, какъ вино, на голову Башкирца, веселитъ сердце его. Для чашки кумыза Башкирецъ охотно согласится пройти пѣшкомъ сотню верстъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, у котораго есть дойныя кобылы. — Въ последнее время Башкирцы сильно пристрастились къ обыкновенному русскому вину, и нынѣ между ними есть такіе молодцы, которыхъ безъ преувеличенія и ошибки можно назвать горькими пьяницами. Жаль только, что не на что Башкирцамъ пить. — Но предприимчивый и хитрый Башкирецъ находитъ средства угоститься на чужой счетъ. Такъ, напримѣръ, извѣстася, что у крестьянина соседственной деревни пропала лошадь, онъ идетъ къ нему, и за тайну передаетъ, что лошадь у него, по его догадкамъ, укралъ вотъ тотъ-то, и что онъ, ежели хозяинъ только не покусится на магарычъ, возвратитъ ему ее. Обрадованный этой вѣстью мужичекъ не знаетъ чѣмъ напоить, накормить благодѣтельнаго вѣстиника. Разумѣется, тотчасъ является на столъ штофъ водки, чего только плутъ и добивался. Башкирецъ сколько хочетъ ѣсть и пить, не допитый штофъ вина кладетъ за пазуху, и уѣзжаетъ, обнадеживая мужичка, что черезъ два дня онъ приведетъ ему пропавшую его лошадь. Послѣ, смотришь, добродушный мужичекъ и остается только при одномъ обѣщаніи Башкирца, который, между тѣмъ, подсмѣивается надъ простотою крестьянина.

Говоря выше о конокрадствѣ и о томъ, какъ Башкирцы ловко умѣютъ увертываться отъ ответственности, я считаю не лишнимъ привести здѣсь одинъ случай, выказывающій въ самомъ яркомъ свѣтѣ ихъ мошенничество и плутовство.

Пропадо у одного крестьянина изъ луговъ нѣсколько стоговъ

сна. Это было зимой. Слѣдомъ, проложеннымъ по свѣжему снѣгу, крестьянинъ, съ толпой свидѣтелей, или такъ называемыхъ понятыхъ, пришелъ въ башкирскую деревню. Тамъ, на дворѣ нѣкоторыхъ Башкирцевъ, нашли и сѣно, которое оказалось съ остатками краденаго сходно. Улика ясная, и никакихъ отговорокъ быть не могло. Воры-Башкирцы тотчасъ это смекнули, и пустились на хитрости. Зазвали крестьянина, у котораго украли сѣно, въ избу, и одному ему сознались въ грѣхъ своемъ. — «Только ты, знакомъ, не ходи въ судъ и не осрами насъ передъ людьми — сказали они ему. — А ужъ мы тебѣ за все твое сѣно заплатимъ сколько хочешь. Вотъ, подожди день-другой, соберемся мы съ деньгами и тебя удовлетворимъ.» — Мужикъ повѣрилъ, и отправился домой. Онъ утѣшалъ себя надеждой, что ежели Башкирцы и не удовлетворятъ его добровольно, то онъ найдетъ на нихъ расправу и у начальства, — ибо улика въ воровствѣ была на лицо, — понятые видѣли и слѣдъ изъ луговъ, и самое сѣно на дворѣ. — Но не такъ думали хитрые воры. Они дождались перваго снѣга, которымъ замѣло слѣды и тѣ самыя мѣста, или такъ называемыя *остожья*, гдѣ лежало прежде украденное ими сѣно. Тогда они наотрѣзъ отказали претенденту и сами же страшали его искать на немъ за безчестье, которому онъ подвергъ ихъ несправедливымъ оговоромъ. Послѣ того крестьянинъ, разумѣется, подалъ въ судъ просьбу, и судъ нарядилъ слѣдствіе. Но это произошло, какъ водится, не тотчасъ. Чиновникъ, которому поручили расслѣдовать это дѣло, пріѣхалъ на мѣсто происшествія уже весной. Башкирцы, какъ слѣдуетъ, отказались. Противу нихъ выставили свидѣтелей. Но Башкирцы нашлись поставить показанія свидѣтелей ни во что.

— Бачка! сказали они слѣдователю: — ты вѣришь тому, что говорятъ свидѣтели?

— Вѣрю, сказалъ чиновникъ.

— Значить, чтѣ свидѣтели скажутъ, то такъ и будетъ.

— Да, да.

— Если они скажутъ, что мы воры, то мы ворами останемся, — а ежели скажутъ не такъ, то мы, значить, правы. Такъ ли, бачка? спросили снова Башкирцы.

— Такъ, такъ, отвѣчалъ слѣдователь.

— Ну, когда такъ, то спроси-ка ихъ, понятыхъ-то, вѣдь имъ душа дорога, знаютъ ли они, чьи были тѣ *остожья*, съ которыхъ мужикъ ихъ велъ слѣдомъ до нашихъ домовъ? Вѣдь мы, бачка, въ то время свое сѣно возили изъ луговъ, а не мужичье, мужичьяго сѣна мы совсѣмъ не знаемъ, сказали въ заключеніе воры.

Спросили объ этомъ понятыхъ, и понятые отвѣчали, что они дѣйствительно не знаютъ чьи были тѣ остожья, отъ которыхъ водилъ ихъ слѣдомъ претендатель, — принадлежали ли тѣ остожья претендателю, или Башкирцамъ, или другому кому, имъ неизвѣстно.

Справляться объ этомъ весной, когда уже выросла новая трава, натурально было невозможно. Претендатель, будучи не въ силахъ доказать своего иска, сплеснулъ руками, и остался ни при чемъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Или вотъ еще одинъ анекдотъ, который выказываетъ упорство и несознание Башкирцевъ при допросахъ. Башкирецъ укралъ лошадь, и его поймали сидящаго на ней верхомъ. Кажись дѣло ясно, улика на лицо, — что бы тутъ говорить? но Башкирецъ нашелся что отвѣчать. Не сознаваясь въ кражѣ лошади, онъ оправдывался вотъ чѣмъ. — «Я, говорилъ онъ при допросѣ, шелъ дорогой, и встрѣтилъ лежащую поперекъ дороги лошадь. По сторонамъ дороги была грязь. Не желая замарать обуви, я рѣшился перешагнуть черезъ лошадь, думая, что она или мертва, или спитъ; — но лишь только занесъ на нее ногу, какъ она вскочила, и я, противъ воли, очутился на ней. Въ ту жь минуту лошадь поскакала и понесла меня. Сначала я испугался и не зналъ, что дѣлать. Но когда пришелъ немного въ себя, я увидѣлъ на шею у лошади поводъ и сталъ сдерживать ее. Въ это самое время поймали меня люди, и совсѣмъ понапрасну задержали». — Разумѣется, Башкирцу не повѣрили, но за всѣмъ тѣмъ отвѣтъ его вполне показываетъ, что весьма трудно привести Башкирца къ сознанию своей вины.

Желалъ бы я, въ заключеніе, сказать хоть что-нибудь хорошее про Башкирцевъ, но, право, хорошаго въ нихъ, кромѣ терпѣнія въ нуждѣ и лишеніяхъ, я ничего не замѣтилъ.

И такъ, заключая статью мою, я съ сожалѣніемъ скажу, что Башкирцы, по врожденной смѣтливости, могли бы быть порядочными людьми и гражданами, — но по неопределимой лѣни, по склонности къ воровству и другимъ порокамъ, Башкирцы Уральскаго отдѣленія почти неисправимы. Къ нимъ какъ нельзя больше кстати приходится пословица: исправить горбатаго могила (*).

ЮЛСАФЪ ЖЕЛЪЗНОВЪ.

(*) Въ 1-й статьѣ о Башкирцахъ, (Москва. N 14) вклялись опечатки: на 20-й стр. напечатано курсивомъ «бишь-мишне», а слѣдуетъ быть: «бишь-миль»; на 82-й стр. курсивомъ же напечатано: «дла-разм-бульснть», а слѣдуетъ быть: «Дла-разм-булсмнть». Кромѣ того, упоминается въ некоторыхъ мѣстахъ рѣка Каральскъ; но это неправильно, а слѣдуетъ читать «Каралыкъ».

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА ГОФМАНА.

Гофману было девятнадцать лѣтъ, когда онъ поступилъ въ Кёнигсбергскій университетъ для изученія юриспруденціи. Его лучшимъ, или вѣрнѣе, единственнымъ другомъ былъ тогда Гиппель, прежній товарищъ его по школѣ. Къ нему относится эта нѣжная, глубокая переписка. Чувство дружбы беретъ въ юномъ Гофманѣ перевѣсъ надъ самымъ чувствомъ любви. «Для тебя, пишетъ онъ своему другу, я не призадумался бы разстаться даже съ нею». Не имѣя отвѣтовъ Гиппеля, можно однако же предполагать, что это былъ чувствительный, рано познакомившійся съ тревогами жизни, юноша, который впрочемъ превосходилъ Гофмана благоразуміемъ и надблялъ его разными совѣтами касательно жизни и литературы.

Гофманъ походить нѣсколько на чловѣка, который не можетъ прожить одной минуты безъ мысли о своей возлюбленной. Иногда онъ завтра же долженъ свидѣться съ Гиппелемъ, а все-таки пишетъ къ нему нынче письмо. Въ одномъ изъ этихъ писемъ Гофманъ рассказываетъ, что самъ разнощикъ писемъ является къ нему съ веселымъ лицомъ, когда несетъ въ сумкѣ длинное письмо. Чувство дружбы до того глубоко поражаетъ въ этой перепискѣ, что Гофманъ — юмористъ, авторъ *фантастическихъ сказокъ*, почти совершенно исчезаетъ въ этомъ произведеніи.

Кёнигсбергъ. 23 февраля 1795.

Когда ты пріѣзжаешь въ Кёнигсбергъ, мнѣ кажется, будто добрый геній является ко мнѣ въ гости, до того радъ я твоему посещенію. Я уже заранѣе обрадовался твоему пріѣзду, а потомъ мнѣ сдѣлалось такъ скучно, такъ скучно. Никогда еще присутствіе третьяго лица не казалось мнѣ такъ тягостно. Теперь я опять повеселѣлъ; я припоминаю себѣ тотъ образъ, которому обязанъ я столькими отрадными часами. Выслушай мои бредни, — ты въ половину не обрадуешься имъ такъ, какъ радуюсь имъ я, а между тѣмъ тебѣ пріятно будетъ отдохнуть на этомъ идеалѣ простаго счастія.

Скоро наступитъ весна, а за весной придетъ и лѣто; — не вѣди-ка въ М*, пріѣзжай лучше на лѣто въ Арнау: ты взглянешь на обновленную природу; въ каждой пробивающейся травкѣ, въ каждой почкѣ почувешь ты дыханіе жизни. И самъ ты дышешь свободнѣе на этомъ вольномъ воздухѣ, и тоска оставляетъ тебя въ покоѣ. Видъ пробуждающейся природы просвѣтляетъ твои мысли, и направляетъ твой умъ на истинный путь. — Наступаетъ лучшее

въ году время; я привѣзжаю къ тебѣ, не на одинъ день, — нѣтъ, а на цѣлую недѣлю. Время проводимъ мы какъ нельзя пріятнѣе: занимаемся, гуляемъ, бесѣдуемъ — всему опредѣленъ свой часъ. — У обоихъ насъ одна цѣль; гармонія душъ нашихъ доставляетъ намъ цѣлые часы наслажденій. Вдали отъ всякихъ заботъ, вдали отъ всякой печали, духъ нашъ возвышается и крѣпнетъ. О, другъ мой! нѣтъ у меня словъ выразить тебѣ всѣ неувимые отгѣнки наслажденій, которыя представляются уму моему; я только знаю, что буду жить въ деревнѣ вмѣстѣ съ другомъ, и эта жизнь имѣетъ для меня неизяснимую прелесть. Мы до того сильно сочувствуемъ другъ другу, что мнѣ кажется, я буду здоровъ и веселъ въ теченіе этихъ недѣль. Клавесинъ у насъ подъ руками, ящикъ съ красками тоже, и въ добавокъ нѣсколько избранныхъ книгъ; сколько отрадныхъ воспоминаній послѣ столькихъ годовъ разлуки! Возвышается душа при одной мысли объ этомъ блаженствѣ, точно тяжелый занавѣсъ взвился предо мною, и взоръ мой утонулъ въ поляхъ елисейскихъ. И какъ займутъ насъ эти мечты, и сколько плановъ родится въ головахъ нашихъ! Я долженъ сказать тебѣ, что становлюсь теперь другимъ человѣкомъ; мой умъ обрѣлъ снова эту благодѣтельную бодрость, которая такъ необходима для предпріятій, не зависящихъ отъ мелочей жизни. Въ головѣ у меня роятся планы; твердыя и непоколебимыя намѣренія созрѣваютъ въ душѣ моей.

Можетъ быть, и не сбудется мое желаніе прожитьъ съ тобою лѣто въ Арнау, — но уже одна мысль о свиданіи съ тобою дѣйствуетъ на меня благодѣтельно! Что жъ было бы, еслибъ осуществилась эта мечта? И за чѣмъ это, другъ мой, не дано намъ видѣть исполненіе своихъ мыслей? — О, блаженное время упоительныхъ наслажденій, не видать мнѣ тебя! Для меня не разцвѣтутъ твои розы; напрасно зефиръ на своихъ легкихъ крыльяхъ доносить до меня ихъ бальзамическое дыханіе! Одинъ, безъ друга, безъ возлюбленной, пройду я жизненный путь, объ руку съ вѣрнымъ спутникомъ — горемъ. — Ради Бога, не смѣйся надъ этимъ новымъ вздохомъ отчаянія....

Вторникъ, 24 февраля 1795 года.

Когда я говорю, что ты для меня дороже всего на свѣтѣ, что я отдалъ бы все, и пошелъ вслѣдъ за тобою, и наслаждался бы безконечнымъ счастьемъ, доставленнымъ твоею дружбою — то говорю святую правду, испытанную на дѣлѣ и не оскверненную никакимъ безчестнымъ дѣяніемъ. Мы родились другъ для друга; судьба развела насъ въ разные стороны, но сердца наши слиты вѣчно и

нераздельно. — Может быть, когда-нибудь, послѣ долгихъ странствованій, достигнемъ мы надежной пристани; цѣль всѣхъ нашихъ надеждъ, всѣхъ нашихъ стремленій — манитъ насъ издалека; мы спѣшимъ къ ней, и свидимся тамъ, гдѣ прояснится мракъ, гдѣ ожидаютъ насъ радости, давно желанныя и никогда не испытанныя. — Эта любовь къ тебѣ никогда не охладѣетъ въ груди моей, и я съ гордостью говорю, что ты вполне разделяешь мое чувство.

У меня есть теперь одна любимая мечта: мнѣ хочется написать поскорѣе мать твою, а также и совѣтника, если можно. Прогнать лѣто въ Арнау сдѣлалось для меня какой-то потребностью. Я уже заранѣе представляю себя въ желтыхъ панталонахъ, въ длинныхъ сапогахъ, въ зеленой курткѣ, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и небольшими обшлагами, въ круглой шляпѣ, ѣдущаго въ прекрасный лѣтній день верхомъ на маленькой лошаdkѣ; воображаю и тебя, стоящаго съ сложенными на груди руками, и смотрящаго вечеромъ на луну; — мы обмѣниваемся нѣжными вздохами, — я жалуясь на судьбу, — ты вздыхаешь; потомъ все это намъ кажется глупымъ, — мы отправляемся спать, — болтаемъ еще цѣлый часъ въ постели; ты жалуешься на жаръ и встаешь, я за тобой; между, тѣмъ, наступаетъ полночь, — сонъ начинаетъ одолевать насъ обоихъ, бесѣда идетъ вяло; зѣвая, жемлемъ мы другъ другу покойной ночи, засыпаемъ сладко, — и видимъ сладкіе сны. Подъ-часъ отецъ твой наигрываетъ мои пѣсни и рондо; я сочинилъ романсъ для известной тебѣ знатной особы; этотъ романсъ и пѣсенки Лилло я буду играть ему частенько — онъ такъ ихъ любить. Иногда вздумается твоему отцу исполнить какую-нибудь арію на гитарь, — я сяду за клавесинъ, и буду ему аккомпанировать; — тогда мнѣ кажется, будто я въ Испаніи, а ты, недовольный, начинаешь ворчать, наконецъ и совсѣмъ засыпаешь. — Счастье твое, что нѣтъ больше мѣста писать, не то я помучилъ бы еще тебя своимъ вадоромъ. Прощай.

Суббота, 29 февраля 1795, вечеромъ.

Твое милое письмо измѣнило къ лучшему мое расположение духа. Добрый, нѣжный и единственный другъ! жалю о тебѣ, и глубоко сочувствую твоему горю. Посвященный въ тайны души твоей, я вполне разделяю твою печаль. — Ты для меня значишь много, ты мнѣ дорогъ, дороже всего на свѣтъ. Еще сильнѣе бьется мое сердце для твоей дружбы, чѣмъ для несчастной любви, потому что она несчастна во всѣхъ отношеніяхъ. Я прочелъ твои горячія увѣренія въ дружбѣ; на душѣ у меня сдѣлалось такъ грустно, и я впалъ въ тихую задумчивость. Я люблю тебя, я тебя обожаю, ты одинъ

понимаешь внутреннія движенія души моей, ты одинъ сроднился со мной. О, навѣки пребудутъ у меня въ памяти и въ сердца эти вечера, которые пролили благодѣтельный свѣтъ на мой характеръ! Въмѣстъ съ тобою я бы съ радостью удалился куда-нибудь въ пустыню. Мнѣ не нужно бы было никого, кромѣ тебя. Гони прочь эти мрачныя образы постоянного несчастья; будь я въ состояніи помочь тебѣ, я считалъ бы себя блаженнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Съ какою радостью встрѣтилъ бы я тебя, въ какомъ безмятежномъ спокойствіи прожилъ бы я нѣсколько недель съ тобою! то были бы ясные дни послѣ долгаго ненастья. По всей вѣроятности, я не увижу болѣе мою возлюбленную, или увижу не въ скоромъ времени.

Другъ мой милый, говорю тебѣ торжественно и прямо: для тебя я брошу возлюбленную и все на свѣтъ. — Какъ бы хотѣлось мнѣ быть съ тобою въ М*. Тысяча предпріятій возникаютъ въ душѣ моей; новые планы зарождаются въ головѣ. Я бы съ радостью отказался отъ всякаго людскаго счастья для того, чтобы жить съ тобою вмѣстѣ и наслаждаться этимъ единственнымъ, истиннымъ счастьемъ....

Если бы и пришлось мнѣ пасть жертвою людской непріязни, все-таки у меня остался бы ты, а ты не забудешь меня никогда. Можно отнять у меня все, кромѣ тебя.—Нѣтъ! нельзя отнять у меня *мою душу*. Моя невинность утѣшитъ меня. — Я никогда не буду бѣденъ, никогда не останусь безъ помощи; всегда найдется кусокъ холста для картины, клочекъ бумаги для письма! И такъ, прочь всякое отчаяніе! Это было любимымъ словомъ моихъ предковъ, и я самъ возросъ въ этихъ правилахъ. Будь моя жизнь въ опасности, я вполне надѣюсь на собственную твердость, которая подкрѣпитъ мои силы, и я выйду изъ борьбы съ честью. Но если я умру жертвою людской злобы и клеветы, тогда пролей слезу сожалѣнія надъ прахомъ своего друга, и не откажись исполнить кой-какія распоряженія, о которыхъ узнаешь изъ бумагъ, хранящихся въ моемъ шкафу. Эти бумаги принадлежатъ тебѣ; ты найдешь въ нихъ много любопытнаго, и удивишься, съ какимъ хладнокровнымъ спокойствіемъ выражалъ я свои мысли.

Другъ мой, какъ сладко думать, что, связанный съ тобою, я могу отрѣшиться отъ всѣхъ прочихъ связей... И неужели ты могъ подумать, что *она* въ состояніи удержать меня? Неужели ты могъ усомниться въ искренности моей дружбы? Нѣтъ, даже среди безмятежнаго спокойствія, *она* бы не могла удержать меня. Ты видишь, другъ мой, что и у меня тоже есть своего рода горе, и что положеніе мое не совсѣмъ завидно. Мы связаны всеми возможными

узами, мы братья по несчастію. Ты скажешь, что есть большая разница между твоимъ и моимъ горемъ; но, повѣрь мнѣ, въ сущности наше положеніе одинаково.

На сегодня пора прекратить эту бесѣду съ тобой; тетка зоветъ меня къ себѣ для переговоровъ о многихъ дѣлахъ, — надо исполнить ея желаніе. — Спи покойно, нежный, добрый и единственный другъ! Да освѣять тебя сладкія сновидѣнія, чудные образы радостной будущности! Если надъ тобой пронесется легкое дыханіе вѣтерка, послышится шопотъ, похожій на журчанье сосѣдняго ручейка, — знай, что это мой духъ носится вокругъ тебя, потому что каждую ночь я бываю съ тобой, — съ тобой и съ *ней*, но чаще всего слышу, чаще всего вижу тебя въ ночныхъ видѣніяхъ. Спи покойно.

Завтра я скажу тебѣ болѣе. Завтра послѣдуетъ развязка страшнаго событія (*).

Суббота, вечеромъ.

Сейчасъ только воротился я съ одного небольшого праздника. Я былъ очень разговорчивъ, мудръ какъ старикъ съ стариками, любезенъ съ дамами, а на самомъ дѣлѣ я былъ одинокъ, словно въ пустынь. Въ бесѣдѣ съ тобой хочется мнѣ отвести душу, и, отходя ко сну, вознаграждать себя нѣсколькими отрадными минутами. . . .

Мое искреннее желаніе свидѣться съ тобой завтра. Мечтай о сладкихъ снахъ, вдохновляйся ими по моему примѣру. — Ахъ, какъ бы я желалъ быть счастливымъ, хотя бы только на двѣ недѣли! Вспомни о портретѣ твоей матери. Не забывай твоего на вѣки Г.

Пятница, 1-го мая, 1795.

Мои физическіе недуги опять возобновились: — безпрестанныя головныя боли, хандра и страшное кровотеченіе носомъ. Третьяго дня я боялся, что изойду кровью. Мнѣ все кажется, что я надѣленъ артистическимъ сложеніемъ, и грѣшное тѣло мое не долго послужитъ мнѣ въ этой жизни.

Мою нравственную болѣзнь ты знаешь. Со времени твоего отъѣзда въ А***, я остался рѣшительно одинъ, одинъ среди многолюдства шумной толпы. Я живу пустынникомъ, точно на островѣ Форментера. Не то было здѣсь при тебѣ; если бы ты не прожилъ въ этомъ городѣ нѣсколько времени съ своимъ братомъ, — о Боже мой, куда бы дѣлѣ я теперь свою голову? Меня опять беретъ тоска среди шумнаго веселья этого глупаго, бессмысленнаго народа. Видишь ли ты? — Несчастія наши не одинаковы; ты былъ слишкомъ восторженъ и мечтателенъ, я же черезъ-чуръ положителенъ...

(*) Встрѣчи съ соперникомъ.

Жду тебя съ нетерпѣніемъ къ субботѣ; смотри же, пріѣзжай. Ты не можешь себя представить какъ безпокоить меня судьба моя. Занятіе науками идетъ туго и вяло; дорого мнѣ достанется это званіе правоведа. Хоть бы какой-нибудь Гакена пейзажъ съ луннымъ освѣщеніемъ былъ подъ руками. Прощай, помни обо мнѣ.

Суббота, 4 апрѣля, 1795.

Ты получишь, мой другъ, благодаря творческой производительности пера моего, двѣ тетради *Корнаро*. Заглавіе, наконецъ, я придумалъ слѣдующее:

К О Р Н А Р О.

Записки графа Юлія фонъ С., веденныя весной 1775 года.

Вникни въ него хорошенько и отмѣть нѣкоторыя повторенія въ мысляхъ и въ выраженіи. Я думаю, эта статейка расплзется листовъ въ шестнадцать — опредѣленная мѣра для первой части; а каждый вечеръ пишу ее *con atoge*. Пришли мнѣ что-нибудь изъ своихъ работъ; ты увидишь, что я остался вѣрнѣ въ изложеніи известной исторіи. Шумъ на первыхъ страницахъ выведенъ не даромъ; все это объяснится во второй части.

Что-то ты поддвываетъ? Какъ поживаешь? Если ты не доволенъ самъ собой, садись за столъ, и принимайся писать романъ — это вѣрнѣйшее лекарство. Вчера я съ неописаннымъ наслажденіемъ слушалъ *Смерть Іисуса* сочиненія Грауна. Зала была полна нарядными дамами. Я сказалъ ей нѣсколько словъ и отошелъ въ сторону, чтобы вполне насладиться музыкой. Арія: *О вы, чувствительныя души*, одна изъ лучшихъ во всей ораторіи, была спѣта съ большимъ чувствомъ и вызвала не одну слезу на многихъ прекрасныхъ глазахъ, и вырвала нѣсколько глубокихъ вздоховъ изъ груди твоего друга, неспособнаго проливать слезы. Торжественное величіе хоровъ проникало меня до глубины души, и я бы съ радостью умеръ въ эту минуту. Г-жа В. спѣла первый речитативъ и слѣдующую за нимъ арію съ необыкновенно тихимъ и грустнымъ выраженіемъ. Лице ея вполне гармонировало съ ея пѣніемъ. Всѣ пѣвцы и пѣвицы одѣты были въ черное платье. За чѣмъ ты не слыхалъ этой музыки!

Прощай, любезный другъ, не забывай твоего Г.

Кёнигсбергъ, 22 сентября, 1795.

Бесѣда съ тобой, хотя бы и на бумагѣ, всегда отрадна душѣ моей. Никогда, никогда еще не чувствовалъ я такъ живо твоего отсуствия, какъ нынѣшнимъ вечеромъ. Раны, почти зажившія, откры-

лись снова, вследствие новых происшествий; я уже больше не сомневаюсь в их неизлечимости. Тебѣ, тебѣ одному могу я передать то, что чувствую.... Когда я узналъ, что все пойдет по прежнему, что повторятся опять тѣ же сцены, я машинально схватился за шляпу и за палку; опомнившись нѣсколько, я увидѣлъ, что нахожусь въ Рольбергѣ, и рука моя ухватилась за звонокъ твоего прежняго жилища. Не могу передать тебѣ этого ощущенія; слезы навернулись у меня на глазахъ, — а ты знаешь, какъ дорого достаются мнѣ слезы. Я чувствовалъ страшную пустоту въ сердцѣ, — и некому было повѣрить свое горе! Ты знаешь, чѣмъ мы были другъ для друга; тебѣ уже не найти душу, подобную моей; да и я нигдѣ не найду даже и твни твоей души. Непонятны мнѣ эти отношенія, честимыя громкимъ именемъ дружбы. Нашелся одинъ молодчикъ, который сказалъ мнѣ съ важнымъ видомъ: «Какъ жаль, что онъ увхаль, — тебѣ придется выбрать новаго друга». Кто былъ этотъ молодчикъ — ты угадаешь по его словамъ. Горька моя участь; въ ту самую минуту, когда я понималъ всю прелесть ожидаемаго счастья, я могу лишиться его навѣки. Я просто впалъ бы въ отчаянiе безъ моего фортепiано; оно одно нѣсколько улаждаетъ меня среди тревогъ этой бурной жизни. Точно генiй спокойствiя парить надо мной, когда я отдаюся игрѣ и утопаю въ звукахъ любимаго инструмента. М. почти всегда со мной; я довольно люблю его. Онъ такъ оживляется, когда играетъ на скрипкѣ! Но нѣтъ, наша связь не имѣетъ ничего подобнаго въ мiрѣ, — намъ бы не слѣдовало никогда разлучаться. Знаешь ли? мнѣ пришло на умъ одно сравненiе изъ дорогаго мнѣ музыкальнаго мiра. Представь себѣ симфонiю, исполненную первѣйшими виртуозами, на самыхъ совершенныхъ инструментахъ; представь себѣ нѣжнѣйшiе переходы самаго тихаго адажiо; твои чувства настроены на высочайшiй ладъ; вдругъ вбѣгаетъ какой-нибудь жалкiй бандуристъ и начинаетъ пилить пошлѣйшую пѣсню. Скажи, неужели ты не возмутишься до глубины души при видѣ этого оскверненiя святыни?

Разрушается сладостное очарованiе, навѣянное на тебя нѣжными звуками; внезапный гнѣвъ беретъ верхъ надъ обычной кротостью души; ты невольно бросишься на незваннаго гостя, и въ порывѣ негодованiя разобьешь его глупую бандуру. — Но что пользы отъ твоей услуги? Виртуозы сбились съ такта, исчезли минуты упоенiя, которыми только и оживляется музыка, — и въ смѣшанныхъ звукахъ и въ нестройной гармонiи пiесы слышится тебѣ голосъ: нѣтъ это не то, что было прежде. Понялъ ли ты теперь причину моей тоски, моихъ безсонныхъ почей, блѣдности моихъ впалыхъ щекъ? Куда дѣлась молъ прежняя веселость? Скажи мнѣ, другъ мой,

неужели такъ определено мнѣ судьбой? или виной тому различныя субъективныя обстоятельства, что послѣ минуты раскаенія наступаютъ минуты еще тягчайшихъ страданій? Мнѣ кажется, все соединилось, чтобы ожесточить мою душу. Вотъ уже два мѣсяца съ половиной, какъ я сдалъ свой экзамень, а до сихъ поръ нѣтъ еще ничего изъ Берлина, до сихъ поръ я не утверждёнъ въ своемъ званіи. Праздная жизнь тяготитъ меня. Я жажду работы, а силы мои уходятъ съ каждымъ днемъ. Если сбудется мое желаніе — многіе сочтутъ это дѣло несбыточнымъ. Не хочется мнѣ только говорить объ этомъ, — найдутся люди, которые засмѣются мнѣ въ лице. Но какъ подумаешь — какой странной игрой судьбы попалъ я въ этотъ домъ! Боже мой, что это за люди! Конечно, я сознаюсь, что мои поступки кажутся подѣ-часъ эксцентричными, — но какъ же не имѣть и твои снисхожденія?... Толстякъ хозяинъ человекъ слишкомъ почтенный, чтобы надъ нимъ смѣяться; онъ слишкомъ глупъ, чтобы удостоивать его объясненій; въ обращеніи его замѣтно какое-то недоброе желаніе, котораго, право, я не заслуживаю. Я вѣчно буду помнить нашу прогулку за городскими стѣнами Арнау. Ты знаешь, какъ переполнено было мое сердце, какая тоска грызла грудь мою. Увы! судьба моя нисколько не измѣнилась. Одно только свиданіе съ тобой утѣшило бы меня, изгладило бы изъ памяти всѣ страданія, излечило бы глубокія раны, нанесенныя враждебной судьбой моему бѣдному сердцу. Если мнѣ придется утратить, что привязываетъ меня къ здѣшнему мѣсту, что доставляетъ мнѣ величайшее въ жизни наслажденіе, тогда я превозмогу всѣ препятствія—и полечу къ тебѣ! Я чувствую, что во мнѣ есть бодрость духа, и я не утрачу ея никогда. Я буду жить въ величайшемъ уединеніи, всегда съ тобой, и, если возможно, подъ одной кровлей съ тобой; я буду работать на сколько хватить силъ. Двухчасовая вечерняя бесѣда съ тобой будетъ мнѣ отдыхомъ. Повѣрь мнѣ, добрый и единственный другъ, эта отрадная мечта успокоиваетъ меня среди тяжелыхъ обстоятельствъ моей теперешней жизни. И неужели не сбудется эта сладкая мечта? Нѣтъ, не бывать этому! Возмущается душа при мысли о такой несправедливости. Если мнѣ суждено было лишиться всего, я все-таки остался богачемъ: я спасъ отъ бури лучшее свое сокровище — твою дружбу.

Не пѣпай мнѣ, любезный другъ, за непоследовательность моего письма; у меня не достаетъ духа перечестъ его. Впрочемъ, оно отправится только въ четвергъ на будущей недѣлѣ; а до тѣхъ поръ я успѣю побесѣдовать съ тобой еще раза два, три. Доброй ночи, другъ мой.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОГРЕБКИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Статья Виктора Фурнелля.

Всѣ, занимавшіеся изученіемъ XVII вѣка, вѣроятно, пожелаютъ узнать исторію тѣхъ знаменитыхъ мѣстъ, гдѣ писатели того времени проводили время въ пирахъ, среди задушевной бесѣды. Литературная исторія этой великой эпохи будетъ неполна безъ описанія этихъ погребковъ, которые составляютъ одну изъ ея любопытнѣйшихъ, и притомъ весьма мало изслѣдованныхъ сторонъ. Повѣствованія объ нихъ не найдете вы нигдѣ въ полномъ объемѣ; за то отрывочныя извѣстія по этому предмету встрѣчаются вездѣ, въ мемуарахъ, въ пѣсняхъ, въ памфлетахъ того времени, въ *Tallemant des Réaux*, въ стихотвореніяхъ Сентъ-Амана, де-Шапелья и даже самого Буало, въ мазаринадахъ, въ комедіяхъ, въ письмахъ Бурсо, наконецъ въ торговомъ отчетѣ той эпохи, маленькой книжкѣ, изданной въ 1691 году г-мъ дю-Праделъ подъ заглавіемъ: *Альманахъ или необходимый Адресъ-календарь*. Изъ этихъ-то преимущественно сочиненій собрали мы элементы для великаго труда по части классической литературы, которая еще ждетъ своего Светонія.

Приступая къ описанію литературныхъ погребковъ XVII вѣка, мы не станемъ восходить до Гренгора, ни даже до Виллона; поставивши вопросъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, трудно найти необходимые предѣлы своей мысли и очень легко дойти до потопа. Скажемъ только, что учрежденіе это существовало издавна, и развитіе его дошло въ этомъ вѣкѣ до неслыханныхъ степеней. Доброе число писателей предшествовавшаго столѣтія не скрывали своего пристрастія къ вину, и любили вдохновляться его живительной влагой; изъ погребковъ вышла большая часть любимыхъ стихотвореній того времени; тамъ Теофиль-Майваръ, Бертелдъ, Мотень, де-Сигонъ, Френиклъ, Патриксъ и д'Естернодъ писали свои сочиненія, разсыпавшыя на страницахъ *Сатирическаго Кабинета и Сатирическаго Эспадона*; тамъ, наконецъ, происходили торжественныя застѣванія двухъ обществъ: поэтовъ *нечестивцевъ*, и поэтовъ *краснорожихъ*.

Вѣкъ Ришельё и Людовика XIV, удержавши этотъ обычай, наложилъ на него отчасти печать свѣтскаго приличія. Говорю отчасти, потому что погребки сохранили на себѣ слѣды первоначальной свободы даже посреди утонченныхъ нововведеній этого об-

щества, которое вносло въ городскую жизнь всѣ придворные обычаи. Погребки устояли противъ обольстительнаго вліянія извѣженныхъ нравовъ того времени. Они были послѣднимъ отблескомъ XVI вѣка, который не помрачился отъ роскошнаго солнца XVII столѣтія. Въ нихъ собирались люди для отдохновенія отъ тягости свѣтской жизни и для задушевныхъ бесѣдъ объ литературѣ, особенно во времена Ришельё и Мазарини, когда не слишкомъ честилося достоинство литератора. И въ самомъ дѣлѣ, эти сборныя мѣста измѣнили свою фizioномію и приобрѣли болѣе щегольскую наружность. Не надо придавать слову *погребокъ* того низкаго значенія, которое присвоено ему въ наше время; тогдашніе кабачки, или погребки, стояли выше тавернъ и народныхъ харчевенъ; въ нихъ, не торговали съѣстными припасами, и они соответствовали современнымъ кофейнямъ. Они посѣщаемы были почти тѣмъ же самымъ обществомъ, которое, при Людовикѣ XV, собиралось у Градо, у вдовы Лоранъ и у Прокопа.

Драгоценный для поэта напитокъ, котораго не зналъ Вергилій, и который такъ любилъ Вольтеръ — этотъ напитокъ появился въ Парижѣ около 1660 года, и началъ входить во всеобщее употребленіе не раньше 1670 года. Только черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря стараніямъ Армянина Паскаля и Сицилійца Прокопа, началъ продаваться онъ въ отдѣльныхъ заведеніяхъ. Но даже и въ слѣдующемъ вѣкѣ многіе веселые литераторы, придерживавшіеся обычаевъ старины, собирались преимущественно у содержателя Ланделя, и составляли нѣчто въ родѣ сводной академіи, которая во многихъ отношеніяхъ напоминала собой литературныя погребки XVII вѣка. И дѣйствительно, въ этихъ заведеніяхъ собирались не для того только, чтобы поѣсть и выпить: тамъ происходили ученныя бесѣды, читались стихи, иногда сочинялись цѣлыя поэмы при помощи дружескихъ совѣтовъ. Мало по малу образовались тамъ разныя литературныя партіи, и каждая избрала себѣ отдѣльное заведеніе для своихъ собраній. Тамъ сходились не одни безпокойные, недовольные современнымъ порядкомъ и подъ часъ не отличавшіеся безукоризненною нравственностью члены общества, которые тяготились торжественностью литературныхъ засѣданій той эпохи; — тамъ встрѣчались и блистательные представители академіи, люди, собиравшіеся по субботамъ у г-жи де-Скюдери, и въ маленькой голубой гостиной несравненной Артенисы. Знатнѣйшіе вельможи и знаменитѣйшіе писатели садились тамъ рядомъ съ наемными рѣмоплетами и *грязными поэтами*.

Надо, впрочемъ, сказать, безъ малѣйшаго желанія острить, что ѣда играла большую роль въ XVII вѣкѣ; въ этомъ убѣждаетъ насъ свидѣтельство иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Францію, и въ особенности свидѣтельство Морена. Доброе число ученыхъ и писателей мѣняли почетное титло литератора на славу известнаго гастронома. Многіе поэты добивались чести быть придворными застольниками. Обыкновенно собирались у какого-нибудь богача амфиціона, или у кого-нибудь изъ литераторовъ, — обѣдали вмѣстѣ, и веселились подѣ-часъ не совсѣмъ пристойнымъ образомъ. Такого рода собранія бывали у герцога Вандомскаго, у Ламуаньйона, у герцога Неверскаго, и впоследствии у Ла-Фара, въ его отели Сень-Рошъ. Д'Олоннъ и командоръ де-Суврѣ держали открытый и притомъ роскошный столъ: въ числѣ гостей командора былъ Виландри, известный обжора, и графъ дю-Брусень, который считалъ ѣду благороднѣйшимъ занятіемъ чловѣка. Сюда же должно отнести и первостатейныхъ гастрономовъ: маркиза д'Юксель, графа д'Аркура, герцога де-Витри, маркиза де-Буа-Дофинъ, аббата де-Вилларсѣ, епископа Лавардина, и проч. Подобное общество, естественно, должно было поддерживать существованіе не только погребковъ въ родѣ ла-Буасельерь, заведенія, находившагося подлѣ Лувра, и посѣщаемого богатыми придворными лицами, но даже и существованіе самыхъ посредственныхъ тавернъ.

Въ Парижѣ существовало многое множество заведеній этого рода. Знаменитѣйшими между ними была *Еловая Шишка* (Pommes-de-Pin), уже известная во времена Реньѣ, Раблѣ и Виллона, которые упоминаютъ объ ней въ своихъ произведеніяхъ; она находилась подлѣ моста Notre-Dame; *Бѣлый Баранъ*, около кладбища Св. Иоанна; *Лореновъ Крестъ*, тамъ же, или, по увѣренію другихъ, на противоположной сторонѣ, и *Львиный Ровъ*, находившійся сперва возлѣ церкви Saint-Nicolas-des-Champs, и переведенный потомъ на улицу Pas-de-la-Mule; всѣ они служили прибіжищемъ для многихъ известныхъ поэтовъ. Кольтѣ (Colletet), въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, воспѣвалъ веселую пирушку въ погребкѣ *Жельзный Крестъ*, на улицѣ Сень-Дени; а Шапель, знатокъ по этой части, упоминаетъ о погребкѣ *Благо Креста*. Погребки: *Шарфъ* на Болотѣ, *Три-Ложки* на улицѣ *Ouës*, *Галера* на улицѣ Св. Оомы Луврскаго, и нѣкоторые другіе были тоже сборными мѣстами литераторовъ того времени. Подѣ вывѣской *Рѣга*, или *Серебрянаго Щита*, собирався цѣвъ парижскаго университета. Нельзя не вспомнить тоже о кабачкахъ подѣ вывѣсками: *Св. Клавдія*, *à la Croix du Trahoir*,

который славился мускатными винами, *Добрые Ребята*, где по преимуществу сходились актеры и вообще любители театра; *Три Воронки*, *Зеленый Дубъ*, *Рябина*, и проч. и проч. На пригоркѣ Сень-Рошъ находилось тоже большое число тавернъ и погребковъ; нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, *Три Голубя*, пользовались довольно большою извѣстностью, но вообще они служили притономъ для низшихъ классовъ, стекавшихся туда со всѣхъ соседнихъ улицъ и переулковъ.

Имена нѣкоторыхъ погребщиковъ приобрѣли въ свое время извѣстную славу и дошли до насъ въ сочиненіяхъ тогдашнихъ литераторовъ. Имя Кренѣ, содержателя *Еловой Шишки*, извѣстно намъ столько же, сколько и имя его погребка. Сень-Аманъ воспѣлъ знаменитаго Кормье и г-жу Куафѣ, хозяйку *Львиного Реа*. Аббатъ де-Мароль въ своихъ запискахъ причисляетъ ихъ, вмѣстѣ съ Полякомъ, ле-Клеркомъ, Грибу, ла-Басошъ, Гиль и ла-Варенномъ, къ числу первыхъ погребщиковъ своего времени; по его словамъ, ла-Варенъ издалъ даже книгу о своемъ искусствѣ. Сюда же отнести должно и Бержерата, содержателя кабачка *Добрые Ребята* и извѣстнаго виноторговца Бучинго; также Лами, содержателя *Трехъ Ложекъ*, — Корбона, едва не отправившагося на тотъ свѣтъ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему Шапелемъ, — Ренара, аристократическое заведеніе котораго находилось въ тѣни Тюльерійскаго сада; — Фита и Морильера, о которыхъ пишетъ Шолье, — Минью, который, однако же былъ не погребщикомъ, а скорѣе содержателемъ кондитерской на улицѣ ла-Гарпъ (*), и его товарищей Фанью и великаго Рагендъ, который сдѣлалъ большую глупость, промѣнявши свое искусство на служеніе музамъ, потому что лавры какаго-то поэта не давали ему покоя. Въ послѣдніе годы XVII столѣтія приобрѣлъ особенную славу погребокъ хозяйки Гербуа, открытый въ окрестностяхъ Сень-Роша; тамъ собирались поэты и откупщики, которые тогда жили въ большомъ ладу между собою. Съ этой же эпохи начинается извѣстность кабачка Фореля, около французскаго театра и въ особенности погребка Руссо на Авиныйонской улицѣ, которые пользовались громкою славою въ слѣдующемъ столѣтіи.

Въ стихотвореніяхъ того времени можно видѣть реестръ кушаньямъ, подававшимся въ этихъ погребкахъ.

(*) Буало въ своихъ стихахъ увѣковѣчилъ имена Кренѣ, Бучинго, Бержерата, и въ особенности *отравителя* Минью.

Столъ состоялъ бѣльшею частію изъ мозговыхъ колбасъ, дынь, которые воспѣты Сентъ-Аманомъ въ его эпической поэмѣ, различнаго мяса, жаренаго на рашпрѣ, свѣжепросольной свинины, пророговъ, ветчины, копченаго языка и проч., словомъ изъ кушаньевъ, возбуждающихъ жажду. Тамъ пили гренашъ и эрмитажъ, пили также и водку (pîot), по свидѣтельству Кольтѣ. Если вѣрить различнымъ слухамъ, содержатели славились своимъ искусствомъ въ составленіи яствъ и питій; но объ разбавленіи вина водой нѣтъ и помину — утонченный вкусъ знатоковъ-посѣтителей не поддавался бы на подобную штуку.

Если перечестъ всѣхъ болѣе или менѣе славныхъ писателей XVII вѣка, то врядь ли найдется изъ числа ихъ одинъ, который бы не заплатилъ долга обычаямъ своего времени, не посѣщалъ бы заведеній тогдашнихъ погребщиковъ. Не надо исключать отсюда аббатовъ и монаховъ, которые преимущественно собирались въ погребкѣ подъ вывѣскою *Зеленой Ргшетки*, на улицѣ Св. Іакинва. Воздержность Бержерака, который боялся вина какъ мышьяка, воздержность Нодѣ, Вуатюра и Гассенди представляетъ безпримѣрное явленіе въ литературной жизни того времени. Знаменитый Билдъ, Теофиль, *записной гуляка (franc beuveur)*, Мольеръ, трагикъ, или вѣрнѣе, романистъ, были уже въ могилѣ въ эпоху славы Сентъ-Амана; но у нихъ были достойные преемники, во главѣ которыхъ надо поставить самого Сентъ-Амана, этого Гомера пировъ и несовсѣмъ скромныхъ кутежей. Онъ посѣщалъ всѣ погребки, и, вѣроятно, охотнѣе заглядывалъ въ погребки низшаго разряда; тамъ онъ могъ на свободѣ просиживать цѣлыя ночи, пить и курить, ибо табачный дымъ, говорилъ онъ, есть единственное куреніе, которое угодно Бахусу. На ряду съ нимъ стоитъ товарищъ его Фарѣ (*Faret*), имя котораго такъ ловко рѣмуетъ съ словомъ *cabaret*. Можетъ быть, это обстоятельство (какъ жалуется самъ онъ, и какъ говорить Пеллисонъ) и было причиною, что его прославили гулякою; но, кажется, названіе это вполне заслужилъ онъ своимъ образомъ жизни. Не упоминая уже объ извѣстномъ стихѣ Буалдъ въ его *Наука объ стихотворствѣ*, мы находимъ лестные отзывы объ немъ у Сентъ-Амана. Изъ числа другихъ посѣтителей погребковъ *Еловой Шишки*, *Рябины* и проч. надо назвать Марикура, *благороднаго пьяницу (noble yvrogne)*, Бардена, Гравдшана, чудака де-Мариньи Маленое, которому Таллеманъ посвятилъ одинъ изъ своихъ анекдотовъ, Шассигримона, Жилота, (*roy de la débauche*), ла-Флотта, Белдъ — и tutti quanti, обезсмертить которыхъ не хватило бы

дружбы Сентъ-Амана. Таллеманъ свидѣтельствуетъ, что его старшій братъ принадлежалъ тоже къ этому обществу лизоблюдовъ.

Все это не заслуживаетъ еще большаго вниманія; главная же причина, почему достойны изученія эти оргіи, заключается въ томъ, что онѣ тѣсно связаны были съ развитіемъ поэзіи и вообще литературы. Вино было музой этихъ веселыхъ собесѣдниковъ; подъ конецъ застѣванія поэтической жаръ пробуждался въ пирующихъ и разрѣшался истинно замѣчательными произведеніями искусства. Погребки породили отдѣльный родъ поэзіи, первообразами котораго служатъ страстные дирамы пѣвца *Виноградной Лозы*.

Внѣ этого общества надо назвать Кольтѣ (*Colletet*), который любилъ выпить, и который въ произведеніяхъ своихъ дышитъ благороднымъ презрѣніемъ къ поэтамъ *водопійцамъ*; — Буаробера и Сентъ-Евремона, писателей съ чисто-эпикурейскимъ направленіемъ; — Пьюморена, брата славнаго Буалдъ; — ла-Серра, записнаго члена *Трехъ Золотыхъ Мостовъ*; — Мезерэ, извѣстнаго своей дружбой съ погребщикомъ Лешофѣромъ, его *любезнымъ кумомъ*; — Мерѣ и Сентъ-Павена; — Бенсерада, жившаго жившаго въ кабачкѣ *Bel-Air*, и сочинявшаго тамъ буримѣ вмѣстѣ съ де-Лиономъ; — д'Ассуси, достойнаго учителя Шапелля; — Скаррона, его сотоварища и наставника въ этомъ отношеніи, который сначала посѣщалъ тѣ же заведенія, и которому, судя по лиризму его безчисленныхъ застольныхъ пѣсень, трудно было потомъ отказаться отъ бражнической жизни; — Линьера, который, по словамъ легенды, на занятія у Буало деньги, пилъ въ ближайшемъ кабачкѣ и писалъ противъ него же стихи, — и его неразлучнаго спутника, аббата Мартинѣ, нынѣ совсѣмъ забытаго, хотя онъ и писалъ миленькія пѣсенки, которыя такъ нравились принцу Кондэ. Подъ-часъ, когда этимъ господамъ нечѣмъ было заплатить своихъ долговъ, они, по примѣру Серра и Ламбера, сватались за хозяйскую дочку и тѣмъ покрывали неизбѣжныя послѣдствія своего мотовства. Въ погребкѣ подъ вывѣскою *Лорренова-Креста* въ числѣ обычныхъ посѣтителей бывали: графъ де-Линьонъ, аббатъ дю-Бруссентъ, дю-Токъ, Дебарро, острякъ и пьяница, Петиваль, ла-Планшъ. Не надо также забывать барона де-Блота, гуляки и остроумнаго писателя, прославившагося своими вакхическими пѣснями.

Но всѣ эти достойные мужи, не смотря на всѣ свои прекрасныя качества собесѣдниковъ, были ничто въ сравненіи съ Шапеллемъ. Много страницъ можно бы написать объ этомъ знаменитомъ гулякѣ, потому что нѣтъ ни одного погребка, въ которомъ не со-

хранилось бы объ немъ разказовъ. Въ выборъ мѣста онъ не затруднялся — было бѣ вино хорошо, да пить бы его можно было на свободѣ. Почти нѣтъ сомнѣнiя, что многiя важныя лица, удостоивавшія его своей дружбой, были его соучастниками въ бражническихъ застѣванiяхъ по кабачкамъ: такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ его отзывовъ объ этихъ знатныхъ лицахъ, въ числѣ которыхъ были: маркизъ де-Жонзакъ, который, по его словамъ, *нализавшись свиньей, писалъ не дурные стихи*, графъ дю-Людь, для котораго онъ написалъ пьесу, гдѣ просилъ у него *свѣжепросольной ветчины*, герцоги Сентъ-Эньянь, де-Неверъ и Сюлли, герцога Вандомскiй, съ которымъ онъ не рѣдко пивалъ въ *Алет*, и маркизы де-Вардъ и д'Эфюа. Только въ погребкахъ жилъ и дышалъ свободно этотъ человекъ; только тамъ являлся онъ поэтомъ и писалъ свои живыя, остроумныя пѣсни. Не рѣдко самъ Буалдъ забывалъ свою обычную воздержность въ бесѣдѣ съ этимъ страшнымъ другомъ, который до смерти любилъ подтрунить надъ сатирикомъ и напоить его въ кругу писцовъ или церковныхъ пѣвчихъ, въ то время, когда тотъ проповѣдывалъ ему о строгой умеренности. Въ этихъ случаяхъ Шапель билъ въ ладоши отъ радости, что ему удалось сбавить нѣсколько желчи, которая могла бы разлиться на бѣдный родъ человѣческой. До насъ дошли двѣ застольныя пѣсни Буалдъ, по всей вѣроятности, обязанныя своимъ происхожденiемъ вмѣшательству Шапеля: не будучи произведенiями образцовыми, онъ не лишены однакожъ нѣкоторой поэтической прелести. Всѣ читали исторiю славнаго ужина д'Отеля, на которомъ великiй сатирикъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ вмѣстѣ съ Шапелемъ, Жонзакомъ, Нантулѣ и Люлли, этимъ обжорливымъ и сластолюбивымъ Итальянцемъ, героемъ погребковъ и шутомъ свѣтскаго общества, непремѣннымъ товарищемъ Лоррена въ его шумныхъ оргiяхъ. Этотъ разказъ служитъ новымъ доказательствомъ, что почти всѣ знатнѣйшія лица не гнушались собесѣдничествомъ *славнаго пьяницы изъ улицы Марэ*.

Извѣстно, что Буалдъ, Мольеръ, Расинъ и Лафонтенъ, къ которымъ присоединялся и Шапель, если его не задерживали другiя, болѣе серьезныя, дѣла, собирались три раза въ недѣлю на улицѣ Старой-Голубятни, въ сосѣдствѣ съ однимъ шумнымъ погребкомъ, гдѣ застѣдали пѣвчiе изъ церкви Св. Сульпиція и не рѣдко нарушали спокойствiе ихъ дружеской бесѣды. Съ самого начала несогласiй между Расиномъ и Мольеромъ, общество перемѣнило мѣсто своихъ застѣванiй и стало посѣщать погребокъ подъ вывѣскою *Лорренова-*

Креста. Но съ этого самаго времени Мольеръ уже не былъ постояннымъ посѣтителемъ этихъ собраній. Изрѣдка, впрочемъ, появлялся онъ, и, не смотря на свою природную умеренность, еще болѣе усилившуюся отъ слабости его темперамента, онъ нерѣдко къ вечеру напивался на порядкахъ и пускался въ разные фарсы, если вѣрить Шапелю, который такъ любитъ откровенные рассказы про своихъ пріятелей.

За-частую собирались также въ погребкѣ *Бѣлаго-Барана*. Во время засѣданія на столѣ лежала *Дѣвственница* Шапелена, и всякій провинившійся противъ правилъ общества долженъ былъ прочесть нѣсколько строкъ изъ этой поэмы.

Послѣ переселенія изъ улицы Старой-Голубятни, общество увеличилось присоединеніемъ къ нему де-Фюретьера и многихъ придворныхъ лицъ, напр. герцога де-Вивона и шеваље де-Нантульѣ. Эта небольшая семейная академія, по мимо дѣльныхъ критическихъ замѣтокъ на произведенія своихъ членовъ, породила нѣсколько легкихъ шуточныхъ стихотвореній и способствовала появленію въ свѣтъ многихъ, по-истинѣ образцовыхъ, сочиненій французской литературы. Преданіе говоритъ, что *Тлжущіеся* были почти цѣликомъ написаны во время вечернихъ засѣданій въ кабачкѣ *Лорренова-Креста*, и Шапелю обязаны мы многими лучшими мѣстами этой пьесы. По свидѣтельству однихъ, въ погребкѣ *Бѣлаго-Барана*, а по словамъ Буалдъ, на ужинѣ у Фюретьера, за бутылкой вина сочиненъ *Chapelain décoiffé*.

Въ 1665 году разстроились эти собранія, и съ тѣхъ поръ Шапель спустился на нѣсколько ступеней ниже, и цѣлые дни проводилъ безвыходно въ грязныхъ тавернахъ.

Всѣ названныя нами лица были безпорно знаменитѣйшими посѣтителями кабачковъ своего времени. Послѣ нихъ, уже подъ конецъ XVII вѣка, отличался на этомъ поприщѣ маркизь де-Сентъ-Олеръ, но въ особенности Шомьѣ, не отставшій отъ своего наставника Шапеля, у котораго онъ выучился сочинять легкіе стишки, *кура табакъ и запивал виномъ*, и его другъ Ла-Фаръ, который то же былъ однимъ изъ непремѣнныхъ засѣдателей этихъ кабачковъ, пока не открылъ ночныхъ засѣданій въ своемъ отелі Сентъ-Рошъ.

Мы, разумѣется, не говорили объ общихъ столахъ и о такъ называемыхъ трактирахъ, гдѣ вина и кушанья продавались по установленной цѣнѣ. Мы тоже прошли молчаніемъ огромное число погребковъ, и упомянули только о тѣхъ, которые сдѣлались, такъ ска-

затѣ, историческими погребками, и посѣщались преимущественно учеными и литераторами. Равнымъ образомъ оставили мы въ сторонѣ и заведенія, существовавшія при нѣкоторыхъ игорныхъ домахъ, гдѣ ужинали игроки, и которые находились въ окрестностяхъ Парижа, въ Со, въ Банъюлѣ, въ Мёдонѣ, въ Пасси, въ Сень-Клу. Мы представили только бѣглый очеркъ известнаго рода учрежденій; подробное описаніе ихъ еще ждетъ своего историка....

Въ дополненіе этого очерка литературныхъ погребковъ во Франціи, считаемъ мы нелишнимъ привести описаніе лондонскихъ кофейныхъ домовъ въ XVII столѣтіи.

Первое заведеніе въ этомъ родѣ открыто было, въ эпоху республики, однимъ Туркомъ, который во время своего пребыванія у магометанъ, пристрастился къ ихъ любимому напитку. Удобство, которое представляли эти мѣста для собранія во всѣхъ кварталахъ столицы, дешевая цѣна, за которую можно было провести вечеръ въ пріятной компаніи — все это было причиною распространенія кофейныхъ домовъ. Всѣ люди высшихъ или среднихъ классовъ ежедневно сходились въ кофейныя, сообщали другъ другу городскія новости, толковали объ нихъ, спорили между собою. Въ каждой кофейнѣ былъ одинъ или нѣсколько ораторовъ, которыхъ толпа слушала съ удивленіемъ и которые вскорѣ пріобрѣли такую же власть, какою въ наше время пользуются журналисты.

Дворъ уже давно смотрѣлъ съ недовѣрчивостью на успѣхи этой новой власти. Во время управленія Данби, сдѣлана была попытка для закрытія кофейнъ, — обстоятельство, чрезъ которое люди всѣхъ партій должны были отказаться отъ своихъ обычныхъ собраній; единодушный ропотъ раздался противъ этой мѣры. При видѣ такого явнаго и настойчиваго сопротивленія, правительство не рѣшилось прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, законность которыхъ не подлежала, впрочемъ, никакому сомнѣнію. Прошло десять лѣтъ, и число кофейныхъ домовъ, и самое вліяніе ихъ на общество возрасло до страшныхъ размѣровъ. Иностранцы говорили, что кофейни составляли отличительную принадлежность Лондона отъ всѣхъ прочихъ городовъ, что кофейный домъ былъ настоящимъ мѣсто-пребываніемъ лондонскаго жителя и что желавшіе отыскать своего знакомаго, не спрашивали, живетъ ли онъ на Флитъ-Стритъ, или

Чансери-Лэпъ, а бываетъ ли онъ въ Греческой кофейнѣ или въ кофейнѣ Радуги. Всякій, приносившій свой пенни, допускался въ кофейню. Впрочемъ, каждый классъ общества, каждый цехъ, каждое религиозное или политическое направленіе имѣло свое особенное мѣсто сборища. Въ кофейняхъ подлѣ Сентъ-Джемсъ-Парка собирались обыкновенно тогдашніе щеголи въ черныхъ или бѣлокурыхъ парикахъ, какіе теперь носятъ канцлеръ и президентъ нижняго парламента. Парики эти выписывались изъ Парижа, равно какъ и прочія украшенія прекраснаго джентльмена — шитый кафтанъ, перчатки съ бахрамами, и пряжки. Беседа шла на томъ испорченномъ нарѣчій, которое, вышедши изъ моды у людей высшаго круга, продолжало смѣшивать театральную публику въ лицѣ лорда Фоппингтона (*). Воздухъ въ этихъ кофейняхъ былъ точно въ помадной лавкѣ. Табакъ употребляли только въ видѣ страшно-надушеннаго порошка. Если какой-нибудь посятитель, незнакомый съ мѣстными обычаями, требовалъ себѣ трубку, общій смѣхъ гостей и короткіе и сухіе отвѣты служителей давали ему знать, что онъ залѣзъ не въ свои сани; впрочемъ, поправить ошибку было нетрудно, потому что вообще всѣ кофейни закопчены были дымомъ, не хуже солдатской казармы, и иностранцы изъявляли удивленіе, какъ столько людей покидали свои домашніе очаги и добровольно засыдали въ дымной и смрадной атмосферѣ. Нигдѣ не происходило такого сильнаго куренія, какъ въ кофейнѣ Уилла. Это знаменитое заведеніе, помѣщавшееся между Ковенъ-Гарденомъ и Боу-Стритомъ, было посѣщаемо учеными и литераторами. Тамъ велись бесѣды о законахъ поэзіи, о единствѣ мѣста и времени. Одни стояли за Перро (Perrault) и новую словесность, другіе защищали Буалò и литературныхъ ветерановъ. Въ одномъ углу толковали о томъ, что лучше бы написать *Потерянный Рай* рифмованными стихами; въ другомъ завистливый стихоплетъ доказывалъ своимъ слушателямъ, что следовало бы освистать *Спасенную Венецію*. Нигдѣ нельзя было встрѣтить такого разнообразія лицъ и костюмовъ: тутъ были графы, украшенные звездами и орденомъ подвязки, и духовныя особы въ рясахъ, и пылкіе студенты Тэмпли, и робкіе студенты разныхъ университетовъ, переводчики и составители росписей въ изношенныхъ холстиновыхъ платьяхъ. Но общимъ желаніемъ посѣтителей было пробраться поближе къ креслу Джона Драйдена. Зимой это

(* Отличительнымъ признакомъ этого нарѣчія было произношеніе буквы *o* какъ *a* во многихъ словахъ; *stork*, аистъ, произносилось какъ *stark* — твердый.

кресло всегда ставилось въ самое теплое углу, около камна; лѣтомъ оно выносилось на балконъ.

Поклониться Драйдену, услышать его сужденіе о послѣдней трагедіи Расина или о статьѣ ле-Боссю объ эпической поэзіи, считалось самымъ высшимъ наслажденіемъ. Юные энтузіасты терали голову, если онъ удостоивалъ ихъ чести и предлагалъ табакъ изъ своей табакерки.

Были тоже кофейни, гдѣ можно было совѣтоваться съ первѣйшими докторами города. Докторъ Джонъ Радклеифъ, пользовавшійся, около 1685 года, рѣдкой извѣстностью, каждый день, въ опредѣленный часъ являлся изъ своего фэшэнебельнаго квартала Боу-Стриттъ въ кофейню Гаррава, гдѣ его можно было видѣть за особеннымъ столомъ, въ обществѣ врачей и аптекарей. Были и пуританскія кофейни, гдѣ нельзя бы услышать ни одной божбы и клятвы, и гдѣ коротко-стриженные люди толковали о томъ, кто будетъ осужденъ и кто оправданъ въ будущей жизни. Существовали и кофейни для жидовъ, гдѣ сходились пасмурные мѣнялы изъ Венеціи и Амстердама, — и кофейни папистовъ, гдѣ упоенные протестантскимъ виномъ іезуиты замыслили снова сжечь Лондонъ.

Эта общественная жизнь много способствовала развитію характера лондонскихъ жителей той эпохи. Лондонскій житель былъ существо совершенно отличное отъ деревенскаго жителя. Связь, существующая нынче между этими двумя разрядами гражданъ, въ то время еще не зарождалась. Только самыя значительныя лица имѣли привычку дѣлить время между житьемъ въ деревнѣ и пребываніемъ въ городѣ. Очень немногіе изъ *скайроузъ* посѣщали столицу раза два, или три во всю жизнь: зажиточные граждане еще не знали привычки выѣзжать на лѣто въ деревню, и наслаждаться вольнымъ воздухомъ лѣсовъ и полей. Какой-нибудь лондонскій зѣвака, затѣжавшій въ деревню, былъ предметомъ живѣйшаго любопытства сельскихъ жителей. Точно также, если какой-нибудь владѣлецъ Линкольншира, или Шропшира, случайно попадалъ въ Флитъ-Стриттъ, его сейчасъ можно было отличить отъ обывателей; его одежда, походка, звукъ голоса, его ротовѣйство передъ лавками, его безпрестанныя стычки съ носильщиками, безпрестанныя остановки передъ жолобами, дѣлали изъ него жалкую жертву насмѣшниковъ и уличныхъ пройдохъ. Наглецы толкали его въ лужи, городскіе извозчики забрызгивали его съ ногъ до головы грязью, воры преспо-

*

койно шаряли у него въ карманахъ въ то время, какъ онъ, весь погруженный въ восторгъ, созерцалъ великолѣпный вѣздъ лордамэра. Мошенники, у которыхъ спина не зажила еще отъ полученныхъ ударовъ плетью, сводили съ нимъ знакомство, и онъ считалъ ихъ честнѣйшими и благороднѣйшими джентльменами въ свѣтѣ. Разрумяненные женщины, презрѣнные выродки Люкнеръ-Лана и Ветстонъ-Парка, выдавали себя предъ нимъ за графинь и почетныхъ дамъ. Спрашивалъ ли онъ дорогу въ Сень-Джемсъ, ему указывали на Мильнъ-Ендъ. Заходилъ ли онъ въ лавку, ему навязывали ненужныя никому вещи: дрянное шитье, мѣдные перстеньки, испорченные часы, и т. п. Появлялся ли онъ въ модной кофейнѣ, онъ становился предметомъ наглыхъ насмѣшекъ со стороны городскихъ франтовъ, или попадался на язычекъ студентамъ Тэмпли. Убитый и раздасоданный, онъ возвращался тогда въ свой сельскій пріютъ, и тамъ почтительное обращеніе фермеровъ и веселыя бесѣды товарищей вознаграждали его за униженіе и скуку, вытерпѣнная имъ въ столицѣ. Тамъ становился онъ опять важнымъ человекомъ, и не видалъ никого равнаго себѣ въ околodкѣ; развѣ только въ засѣданіяхъ приходилось ему занять мѣсто на ряду съ судьей, да на смотру милиціи отвѣсить поклонъ лорду-намѣстнику.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сиденгамскій дворець. — Залы: Альгамбрская, Египетская, Ниневійская. — Дворъ Львовъ. — Зала правосудія. — Зала Абенсерраговъ. — Галлерей соинксовъ. — Статуя Рамсеса. — Абу-Симельскій храмъ. — Зала Ассирійская. — Стѣны Ниневіи и Вавилона. — Матеріаль, изъ котораго строились Ассирійскія зданія. — Десятичная система въ Китаѣ. — Торговля Китая съ Англією. — Количество чая вывозимаго изъ Китая. — Китайскіе переселенцы. — Новѣйшія путешествія во внутренность Африки. — Открытіе древнихъ фресковъ. — Новаго рода насось. — Ласточки, замѣняющія почтовыхъ голубей.

Мы уже извѣщали читателей о построеніи новаго, постоянного хрустальнаго дворца въ Сиденгамъ, неподалеку отъ Лондона. Этотъ дворець будетъ, какъ извѣстно, нѣкотораго рода всеобщимъ музеемъ, въ которомъ помѣстятся образцы всего, что относится къ области человѣческаго вѣдѣнія, искусства, промышленности, торговли. Онъ быстро отдѣлывается, и многія части его уже открыты для публики. Выбираемъ на теперешній разъ описаніе залъ, гдѣ выставлены древности Альгамбры, Египта и Ниневіи. Извѣстно, что въ одной изъ залъ настоящей Альгамбры написаны на стѣнѣ, въ честь архитектора, арабскіе стихи, слѣдующаго содержанія: «Разсмотрите внимательно мое изыщество! Клянусь Аллахомъ, прекрасныя зданія, окружающія васъ, превосходятъ всѣ другія на свѣтѣ. Въ нихъ столько диковиннаго, что взоры зрителя не будутъ въ состояніи оторваться отъ нихъ, если только онъ способенъ чувствовать изыщное».

Эти стихи можно приложить и къ сиденгамскому подражанію Альгамбры, въ которомъ г. Овенъ-Джонсъ истощилъ все богатство своего воображенія и всѣ свѣдѣнія свои.

«Магометово ученіе, (говоритъ г. Овенъ-Джонсъ, въ своемъ введеніи къ описанію этой части дворца), разлившееся на всемъ Востокѣ съ изумительною быстротою, породило столь же быстро новое искусство, носящее на себѣ печать поэзии и пылкаго воображенія Арабовъ. Мечети въ Каирѣ и Индіи, а также испанскіе дворцы, согласуются съ правилами, преподаанными въ Коранѣ. Религія запрещаетъ магометанамъ имѣть у себя живописныя и скульптурныя

изображенія челоѣвка, а потому они вынуждены были сообщать совершеннo особенныя украшенія своимъ храмамъ и зданіямъ. Для этой цѣли они соединяли надписи, заимствованныя изъ Корана, съ геометрическими фигурами и цвѣтами. Можно бы сказать, что Арабы, промѣнявъ кочевую жизнь на осѣдлую, свои палатки на жилища болѣе прочныя, перенесли въ новыя жилища шали и ковры, которыми украшались ихъ шатры».

Альгамбра, этотъ превосходнѣйшій образецъ мавританскаго искусства, находится, какъ извѣстно, въ Гренадѣ, которая была столицею арабской Испаніи. Здѣсь остановилось распространеніе на Западѣ исламизма, здѣсь Магометовы послѣдователи удержались до 1492 года, когда послѣдній мавританскій король, Боабдилъ, сдалъ Гренаду Испанцамъ, покоряясь побѣдоносному оружію Изабеллы и Фердинандъ.

Альгамбра значитъ *Красный дворецъ*: такое имя дано ей или по свойству почвы, на которой она выстроена, или по виду кирпича, служившаго для ея постройки. Это была крѣпость, возносившаяся надъ городомъ, какъ Акрополь надъ древними Аѳинами.

Часть Альгамбры, возсзданную въ сиденгамскомъ хрустальномъ дворцѣ, составляютъ «Дворъ Львовъ», «Зала Правосудія» и «Зала Абенсераговъ». На внѣшнемъ фасадѣ надписано: «Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха!» Дворъ Львовъ имѣетъ семьдесятъ пять футовъ въ длину, что составляетъ двѣ трети настоящаго гренадскаго Двора Львовъ. Въ Гренадѣ этотъ дворъ составляетъ параллелограмъ, украшенный сто двадцатью восемью колоннами, на которыхъ возвышаются арки, чрезвычайно изящныя. Въ хрустальномъ дворцѣ колонны и арки, сдѣланы такого же размѣра, какъ и настоящія, только числомъ ихъ меньше. Въ архитектурѣ этой залы достойны удивленія сквозные потолки, доставляющія вмѣстѣ доступъ свѣжему воздуху и свѣту. Достойны также вниманія прекрасныя здѣшнія мозаики. Среди этой залы бьетъ фонтанъ, устроенный г-мъ Монти; онъ сдѣланъ въ одну величину съ подлинникомъ. Въ Гренадѣ бассейнъ изъ алебастра, поддерживается двѣнадцатью львами изъ бѣлаго мрамора. По этимъ львамъ и дано двору названіе Двора Львовъ.

Отсюда мы входимъ въ Залу Правосудія, гдѣ возсѣдали Фердинандъ и Изабелла въ первый день своего вступленія въ Гренаду. Въ этой залѣ особенно замѣчательнъ потолокъ, котораго украшенія, при всей своей простотѣ, отличаются необыкновеннымъ изяществомъ.

Рядомъ съ этой залой находится недостроенная еще зала Абенсераговъ. Сюда Боабдилъ, послѣдній гренадскій король, пригласилъ Абенсераговъ на пиръ, и потомъ, выводя ихъ одного

за другимъ во Дворъ Львовъ, всѣхъ приказалъ обезглавить. Проводники по Альгамбрѣ, показываютъ еще слѣды крови, оставшейся послѣ этой казни, такъ же какъ въ Гомирудскомъ дворцѣ, показываютъ на полу слѣды крови Давида Ридзіо. Эта зала въ хрустальномъ дворцѣ будетъ такого же размѣра какъ и подлинная, только не такъ высока.

Въ одной изъ комнатъ, прилегающихъ къ этимъ заламъ, г-нъ Овенъ-Джонсъ выставилъ формы, снятыя имъ съ гренадскихъ памятниковъ, и послужившія для воспроизведенія ихъ въ хрустальномъ дворцѣ. Не можемъ оставить Альгамбру, не выписавъ тѣхъ словъ, которыя говорить объ ней г. Овенъ-Джонсъ. Вотъ они:

«Не смотря на землетрясенія, подкопы, не смотря на испанскихъ каторжныхъ, французскихъ солдатовъ, католическихъ изуверовъ, разбойниковъ, цыганъ, контрабандистовъ, вищихъ, Альгамбра все еще цѣла, и составляетъ одну изъ европейскихъ руинъ, наилучше сохранившихся. Она менѣе всякой другой потерпѣла отъ людей и отъ стихій; она не погибла въ одинъ часъ какъ Ниневія, не засыпана въ одинъ день, какъ Помпея, не низвергнута мгновенно, какъ Коринѣ, не разрушена мало по малу, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, какъ Аѳины. Она была попеременно, то казармою, то тюрьмою, то госпиталемъ; гаремы ея служили иногда вмѣсто курятниковъ, въ тюрьмахъ помѣщались стада овецъ; но тѣмъ не менѣе Альгамбра осталась однимъ изъ самыхъ дивныхъ произведеній восточнаго величія, удѣлввшимъ въ Европѣ, послѣ того какъ исламизмъ возвратился въ Азію, забытымъ подобно золотому кубку, упавшему на дорогѣ, среди пустыни, на пути каравана, который давно уже удалился».

Послѣ Альгамбры, мы видимъ передъ собою египетскую архитектуру. Строитель Сиденгамскаго дворца хотѣлъ ознакомить, сколько возможно, публику съ колоссальнымъ величіемъ египетскихъ памятниковъ. Но статуи Рамсеса или Сезостриса, даже сидѣнія, не могли быть помѣщены нигдѣ кромѣ трансептовъ. И такъ, взойдя въ сѣверный трансептъ, мы видимъ цѣлую галлерею, составленную изъ двадцати четырехъ гигантскихъ сфинксовъ, которая ведетъ къ нубійскому памятнику, къ гробницѣ Рамсеса, находящейся въ Абу-Симбелѣ.

Абу-Симбельскій храмъ, котораго и планъ вывѣшенъ въ египетской залѣ дворца, открытъ путешественникомъ Буркартомъ. Онъ былъ засыпанъ песками, изъ котораго торчали только головы его колоссальныхъ статуй. Когда песокъ разгребли, то наши великолѣпный храмъ, высвѣщенный въ утѣсь. Передъ главнымъ его фаса-

домъ помѣщены четыре сидячія статуи, вышиною въ шестьдесятъ пять футовъ. Двѣ изъ этихъ статуй воспроизведены въ сиденгамскомъ дворцѣ во всю ихъ величину, и поставлены въ концѣ Сѣнксовой галлерей. Эти статуи были также высѣчены въ утѣсѣ, по крайней мѣрѣ за полторы тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Оригиналъ сѣнксовъ находится въ Луврѣ.

Пройдя черезъ эту галлерей, мы приходимъ въ ассирійскую залу, самую большую изъ всѣхъ, имѣющую сто двадцать шесть футовъ длины, шестьдесятъ три фута ширины, и сорокъ футовъ вышины. Она выстроена г-мъ Джемсомъ Фергюсономъ, при содѣйствіи г-на Лейарда, который прославился въ послѣдніе годы многими постройками.

Открытіе ниневійскихъ древностей случилось еще очень недавно, не болѣе какъ двѣнадцать лѣтъ назадъ; мы обязаны имъ французскому консулу въ Моссуль, г-ну Боттѣ.

Составъ всей Ассирійской залы, разумѣется, зависѣлъ отъ фантазіи строителей; въ ней нѣльзяго памятника нѣтъ ни одного, да и не могло быть, тѣмъ болѣе, что въ Ниневіи зданія были столь же громадныя, какъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Ниневія имѣла шестьдесятъ англійскихъ миль въ окружности (90 верстъ); стѣны, ее окружавшія, имѣли въ вышину до 100 футовъ; ширины оны были такой, что на нихъ могли провѣхать рядомъ три колесницы. Вдоль по этимъ стѣнамъ было размѣщено тысяча плѣсоть укрѣпленныхъ башенъ, вышиною въ двѣсти футовъ. Стѣны и укрѣпленія Вавилона, по сказанію летописцевъ, были еще громаднѣе. Семирамида употребила два милліона людей на построеніе Вавилона, котораго ограда имѣла триста пятьдесятъ футовъ вышины и девяносто футовъ ширины. Дворецъ этой царицы занималъ семь англійскихъ квадратныхъ миль пространства. Храмъ Бела состоялъ изъ осьми башенъ, поставленныхъ одна на другую. Основаніе его составляло въ окружности половину англійской мили; вышиною онъ превосходилъ самую большую пирамиду. Статуя Бела имѣла сорокъ футовъ въ вышину; она была золотая, и золота на нее пошло болѣе нежели на семьдесятъ пять милліоновъ франковъ. Въ казѣ храма сохранялось триста милліоновъ франковъ золотомъ. Этотъ баснословный храмъ былъ ограбленъ и разрушенъ Ксерксомъ, по возвращеніи его изъ Греціи. Александръ Великій началъ было возстановлять его, но умеръ, не успѣвъ докончить этого дѣла.

Столь обширные города до того исчезли съ поверхности земли, что трудно было даже опредѣлить мѣсто, гдѣ они стояли. Это отъ того, что зданія въ нихъ были не изъ мрамора и не изъ камня; у Асси-

рiанъ не было другихъ строительныхъ матеріаловъ, кромѣ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, и нѣтъ вѣтъ-то кирпичей Ассиріане строили зданія громадныя, которымъ въ мiрѣ почти нѣтъ примѣра. И такъ, когда зданія были покинуты, верхніе этажи ихъ обвалились, и обломками своими засыпали нижніе. Потому эти громадныя развалины приняди, мало по малу, видъ естественныхъ холмовъ, возвышающихся среди равнины; на нихъ выросла трава и образовались пашни. Въ такомъ положеніи развалины Ниневіи оставались болѣе двухъ тысячъ лѣтъ.

У Грековъ сохранилось много преданій о могуществѣ и пространствѣ Ассирійской монархіи; однакожь, такъ какъ имперія эта рушилась прежде чѣмъ появились великіе греческіе историки, то отъ нея остались въ исторіи только сомнительныя слѣды. Самыхъ же ясныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній объ Ассирійской монархіи мы не должны искать нигдѣ, кромѣ Библии; извѣстно, что послѣдними открытіями вполне подтверждаются все библейскія показанія.

Евреи и Ассиріане жили въ сосѣдствѣ, и часто даже смѣшивались. Они говорили почти одинакимъ языкомъ, и имѣли очень сходное политическое устройство. По причинѣ этого-то сосѣдства, Израильтяне очень часто развращались, впадали въ идолопоклонство, и пророки, угрожая имъ гнѣвомъ Божіимъ, почти всегда указывали на ниневійскихъ царей, какъ на орудіе этого гнѣва. Въ Библии описано величіе Ассирійской монархіи, могущество ея царей, военныя силы ея, число колесницъ.

Обширное пространство, которое занимала Ниневія, легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ городѣ было много садовъ и даже полей. Ниневія и Вавилонъ, могли, какъ извѣстно, прокармливаться тѣмъ хлѣбомъ, который жители собирали внутри города, съ собственныхъ пашенъ. Сверхъ того, нравы восточныхъ народовъ, и заключеніе женщинъ въ отдѣльныхъ покояхъ, требовали жилищъ пространныхъ и строимыхъ особнякомъ. И въ наше время города Испаньянъ и Дамаскъ столь же обширны какъ Лондонъ и Парижъ, а однакожь въ нихъ жителей гораздо меньше чѣмъ въ столицахъ Франціи и Англіи.

На лѣвомъ берегу Тигра, прямо противъ новѣйшаго Моссула, находится очень много холмовъ, о которыхъ выше было говорено. На этихъ холмахъ Арабы выстроили деревни свои и завели пашни. Здѣсь-то, въ 1840 году, въ деревнѣ Корсабадъ, началъ г. Ботта свои первые поиски. Онъ рылъ колодезь, и вскорѣ ему попались алебастровыя плиты, на которыхъ были сдѣланы, рельефно, человѣческія изображенія. Такимъ образомъ онъ открылъ нѣсколько

заль, а потомъ нашелъ цѣлый дворець, котораго фасадъ былъ украшенъ колоссальными статуями, съ человѣческой головой, бычачьимъ тѣломъ и птичьими крыльями. Почти на всѣхъ барельефахъ видны были слѣды красокъ, доказательство, что Ассиріянне, подобно большей части древнихъ народовъ, покрывали красками своими памятники и архитектурныя украшенія.

Въ 1845-мъ году г. Лейардъ предпринялъ поиски въ такъ называемомъ Немвродовомъ холмѣ, и съ самаго начала нашелъ колоссальную голову, открытіе которой едва не довело Арабовъ до бунта. Они думали, что это была голова одного изъ ихъ пророковъ, или какого-нибудь демона; нуженъ былъ султанскій фирманъ, чтобы опять заставить ихъ работать. Найденная голова, принадлежала къ туловищу льва, охранявшаго входъ въ залу, имѣющую сто пятьдесятъ четыре фута длины. Такимъ образомъ г. Лейардъ открылъ огромный дворець, а потомъ два храма; въ последнемъ онъ нашелъ алебастровыя пластинки, покрытыя надписями, сдѣланными слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. Эти драгоценныя историческія памятники хранятся теперь въ Британскомъ музее, въ Лондонѣ.

Запа Ниневійскихъ древностей въ сиденгамскомъ хрустальномъ дворцѣ составлена съ величайшимъ тщаніемъ по оригиналамъ, хранящимся въ Луврѣ и въ лондонскомъ музее. Онѣ образуютъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ отдѣловъ этой великой коллекціи, замѣчательной и по воспоминаніямъ, сопряженнымъ съ памятниками, которыхъ копіи здѣсь выставлены, и по образцамъ искусства, къ какому люди были способны во времена столь отдаленныя.

— Въ «Гоувъ-Галль» въ Манчестерѣ, собирався недавно митингъ, на которомъ присутствовали важнѣйшіе негоціанты и мануфактуристы не только этого города, но и цѣлой Англіи. Знали, что знаменитый докторъ Боурингъ будетъ говорить въ пользу десятичной системы, которая постоянно пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе приверженцевъ въ обоихъ парламентахъ. Кромѣ того докторъ намѣревался говорить и о торговыхъ отношеніяхъ Англіи съ Китаемъ, а эта торговля особенно важна для жителей Манчестера. На митингъ присутствовало нѣсколько членовъ парламента.

«М. Г., сказалъ докторъ, начиная свою рѣчь, я долженъ выразить вамъ признательность за то, что передъ отъездомъ моимъ для исполненія порученія, котораго важность я вполне чувствую, вы доставили мнѣ случай сказать вамъ нѣсколько словъ о громадномъ торговомъ поприщѣ, на которомъ съ пользою обращается англійскій капиталъ въ тридцать или сорокъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (отъ 180 до 240 милліоновъ рублей серебромъ). Я говорю

о Китаѣ, котораго народонаселеніе составляетъ почти треть всего человѣчества. Торговый доходъ Англіи съ этого государства образуетъ ежегодно осьмую долю всего торговаго прибытка Великобританіи, именно десять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (шесть-десять милліоновъ рублей серебромъ). Китай покупаетъ у насъ на многіе милліоны разныхъ тканей, и болѣе нежели на три милліона сырыхъ матеріаловъ; намъ онъ отпускаетъ болѣе нежели на три милліона шелку сырцу. Торговля наша съ Китаемъ непрерывно усиливается, такъ что даже и теперь она превосходитъ самыя отважныя ожиданія людей, почитавшихъ важнѣйшимъ современнымъ событіемъ согласіе китайскаго правительства открыть для европейскіхъ судовъ свои гавани.

Многимъ лицамъ, которыя, подобно мнѣ, всю жизнь свою усилювались освободить торговлю отъ узъ, ее стѣсняющихъ, конечно, будетъ очень пріятно видѣть то, что происходитъ въ Китаѣ съ того времени, какъ съ этимъ государствомъ началась у насъ свободная торговля. Я хорошо помню когда Остъ-Индская компанія, могущественнѣйшая представительница монополии самой обширной, какая когда-либо существовала, объявляла устами своихъ адвокатовъ въ парламентъ и передъ публикою, что уничтоженіе этой монополии, отмена привилегій, какими компанія пользовалась, будетъ имѣть слѣдствіемъ совершенное разстройство торговли съ Китаемъ. Но въ то время мы вывозили изъ Китая 33,000,000 фунтовъ чаю, и тогда всѣ твердили, будто одна только Остъ-Индская компанія могла имѣть столько вліянія на Китайцевъ, чтобы получить отъ нихъ такое, повидимому, огромное количество чаю, по умѣренной цѣнѣ и въ хорошемъ качествѣ. Что же произошло? Монополию отменили, а въ 1852-мъ году, когда я увѣхалъ изъ Китая, изъ него было вывезено уже не 30 милліоновъ, а 100 милліоновъ фунтовъ чаю; и цѣны на этотъ продуктъ не только не возвысились, но еще понизились; при томъ чай ни мало неизмѣнился въ качествѣ, а напротивъ никогда не былъ онъ лучше, не смотря на пониженіе цѣнъ. Дѣло въ томъ, что хотя чай и подешевѣлъ, да его берутъ гораздо больше, а потому китайскіе производители больше получаютъ отъ него прибыли, чѣмъ въ то время, когда онъ продавался дороже.

«Возвращаясь въ Китай, съ которымъ мы находимся въ соприкосновеніи только въ пяти точкахъ, не имѣющихъ между собою связи, я почитаю своею обязанностью расширить то поприще, на которомъ великобританскіе торговцы могутъ производить торговлю. До сихъ поръ этому препятствуютъ нѣкоторыя обстоятельства, за-

висящія собственно отъ мѣстныхъ свойствъ китайскаго государства. Мы находимся въ сношеніяхъ съ пятью портовыми городами; но по особенной странности, ни одинъ изъ этихъ городовъ, самъ по себѣ, не имѣеть большаго народонаселенія. Всѣ многолюдные города находятся не у самаго моря, даже Кантонъ удаленъ отъ него на значительное разстояніе. Выгоды Амоя зависятъ отъ того, что по близости къ нему лежитъ городъ Чангъ-Чу, имѣющій до 400,000 жителей. Но по мѣрѣ того, какъ мы получали доступъ въ города многолюдные, торговые и промышленные, торговля наша распространялась и усиливалась. Третій портъ, открытый для насъ, — это Фу-Чу; въ немъ до 600,000 жителей; но городъ собственно отстоитъ такъ же очень далеко отъ моря. Не смотря на то, однакожь, я полагаю, что современемъ мы будемъ производить съ нимъ огромную торговлю. Нинпо избранъ нами, кажется, неудачно; рядомъ съ нимъ находится Шангай, изъ котораго можно бы имѣть гораздо удобнѣйшія сношенія съ большими городами Фу-Чу и Нанкинью. И такъ, целью моею будетъ сколько возможно облегчить наши сношенія съ самыми многолюдными городами Средняго царства, и доставить нашей торговлѣ всѣ удобства, какихъ она имѣеть право требовать. Я имѣлъ недавно случай бесѣдовать объ этомъ предметѣ съ императоромъ Французовъ и сѣверо-американскимъ комиссаромъ; и могу съ радостью объявить, что правительства французское и американское готовы оказывать намъ самое искреннее и дружеское содѣйствіе въ нашихъ сношеніяхъ съ Китаемъ.

Далѣе докторъ Боурингъ, переходя къ предмету, которымъ въ настоящее время всѣ умы заняты въ Англіи, объявилъ, что десятичная систета съ давнихъ временъ существуетъ въ Китаѣ. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ не помнятъ того времени, когда унція серебра, называемая у Китайцевъ «цѣльною единицею» не была бы раздѣляема на 1000 частей. Дѣло въ томъ, что десятичный счетъ сроденъ человѣку. По десяти пальцамъ на рукахъ, народы самые грубые привыкаютъ къ этому счету, который послужилъ превосходнѣйшимъ пособіемъ для громаднѣйшихъ астрономическихъ изчисленій. За тѣмъ ораторъ, разбирая препятствія, какія могли бы встрѣтиться для введенія десятичнаго счета въ Англіи, просилъ, всѣхъ присутствовавшихъ на митингѣ, способствовать этому важному преобразованію, которое, по его мнѣнію, должно имѣть благодѣтельнѣйшія послѣдствія.

Далѣе, г-нъ Боурингъ говорилъ, что Китай произведетъ важный переворотъ на Востокъ уже тѣмъ однимъ, что въ настоящее время изъ него переселится очень много народа въ другія соста-

ственные съ нимъ страны. На островъ Ява уже теперь считается 25.000 китайскихъ поселенцевъ; на островахъ Южнаго Океана до 70.000, и болѣе 25.000 въ Санъ-Франциско. Кромѣ того множество Китайцевъ продолжаетъ переселяться въ Австралію и на Полинезскіе острова. И вездѣ въ этихъ мѣстахъ они становятся самыми зажиточными поселенцами, потому что трудолюбивѣе и нравственнѣе туземцевъ.

Возвращаясь потомъ къ главному предмету торговли, производимой съ Китаемъ, докторъ Боурингъ доказываетъ, что эта торговля, по мѣрѣ освобожденія ея, будетъ болѣе и болѣе усиливаться. Количество чая, вывозимое въ Англію, составляетъ, по его словамъ, самую ничтожную часть того, что Китай производитъ. Въ этомъ государствѣ считается отъ 300 до 400 милліоновъ жителей, которые каждый день пьютъ чай по три и по четыре раза. Они не подправляютъ черный чай, чтобы сообщить ему тотъ цвѣтъ, какого требуютъ Европейцы, не окрашиваютъ зеленый, подобно тому, который отпускаютъ за границу; но тѣмъ не менѣе чай составляетъ у нихъ предметъ всеобщаго, ежедневнаго потребленія. Однимъ словомъ, Китай въ состояніи доставлять въ торговлю почти неограниченное количество чая.

— Между тѣмъ какъ въ Европѣ, раздаются громы войны, нѣкоторые ученые труженики предпринимаютъ другаго рода походы, такъ же сопряженные съ опасностями и лишениями, походы въ страны дикія, почти неизвѣстныя, лежащія во внутренности Африки, гдѣ до сихъ еще поръ многое не изслѣдовано и не описано. Такъ, между прочимъ, въ Триполи получены, 8-го іюня текущаго года, чрезвычайно-занимательныя извѣстія отъ доктора Барта, знаменитаго англійскаго путешественника, который еще въ сентябрѣ прошлаго года успѣлъ пробраться въ Томбукту.

Выѣхавъ 5-го октября изъ этого города, и испытавъ безчисленное множество затрудненій и опасностей, докторъ Бартъ, прибылъ, въ началѣ февраля, въ Сакату, негритянскій городъ. Король Феллатаховъ, имѣющій свое мѣстопробываніе въ этомъ городѣ, принялъ г-на Барта съ чрезвычайною благосклонностью. Докторъ выпросилъ у него, также какъ у Томбуктскаго шейха, дозволеніе всемъ англійскимъ торговцамъ посѣщать страны, подвластныя этимъ монархамъ, и производить въ нихъ торговлю. Это очень выгодное дѣло, оно доказываетъ, что предубѣжденія, издавна существовавшія въ тѣхъ странахъ противъ Европейцевъ, теперь уничтожены.

Во время пребыванія своего въ Сакату, докторъ Бартъ воздвигъ памятникъ Клаппертону, известному англійскому путешественнику, умершему въ этомъ городѣ въ 1827 году.

Эти извѣстія были доставлены въ Мурзукъ, столицу Фецана, докторомъ Фогелемъ, который въ концѣ марта нынѣшняго года, находился въ Куку, столицѣ королевства Бурну, куда онъ прибылъ изъ путешествія своего къ Чадскому озеру. Обзорніе этого озера, и составленное г-мъ Фогелемъ описаніе его, очень важны для географіи

средней Африки. Это любопытное описание мы сообщим читателям нашимъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ Москвитянина.

Докторъ Фогель извѣстилъ г-на Барта о своемъ прибытіи въ Бурну; и въ концѣ апрѣля текущаго года, или въ началѣ мая, они должны были оба съѣхаться въ этомъ городѣ, а потомъ вмѣстѣ отправиться къ Чадскому озеру, откуда они намѣреваются плыть внизъ по недавно-открытой рѣкѣ Чады, вытекающей изъ озера Чада и падающей въ Нигерь, въ четырехъ-стахъ верстахъ выше его устья. При соединеніи Чады съ Нигеромъ, ихъ будетъ ожидать парохоль, на которомъ они возвратятся въ Англию черезъ Атлантическій Океанъ.

Если этотъ планъ будетъ удачно приведенъ въ исполненіе, то эти неустрашимые путешественники приведутъ къ концу огромное предпріятіе, и рѣшатъ одну изъ задачъ, наиболее любопытныхъ для новѣйшей географіи.

— Въ Шварцъ-Рейндорфской церкви, близъ Кельна, замѣчательной по ея подземельнымъ ходамъ, вырытымъ еще въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ, найдены фрески, которыя во времена невѣжества были покрыты слоемъ грубой живописи. Эти фрески, сохранившіяся отъ глубокой древности, принадлежатъ, какъ по всему видно, къ тѣмъ временамъ, когда искусство процвѣтало. Г-нъ Гоге, профессоръ живописи, старается снять свои дурной живописи, покрывающей эти фрески, и по мѣрѣ того какъ древніе фрески открываются, онъ срисовываетъ ихъ, а копія препровождаетъ въ Берлинъ.

— Въ послѣднемъ засѣданіи французской академіи наукъ, баронъ Сегье представилъ отъ г-на Жобара, изъ Брюсселя, насосъ, совершенно новаго устройства. У этого насоса нѣтъ ни поршня, ни клапановъ, а между тѣмъ онъ имѣетъ дѣйствіе всасывающее и нагнетательное, и можетъ выкачивать не только простую воду, но и кислоты и грязь. Онъ состоитъ изъ простой трубы, сдѣланной изъ вулканизированнаго (*) каучука, и надѣтой на цилиндръ — деревянный, или металлическій, все равно; — одинъ конецъ этой трубы погружается въ жидкость, которую слѣдуетъ выкачивать, другой снабженъ всасывающею трубкою; не большая бляха, подвижная внизъ, или вверхъ, производитъ въ трубѣ безвоздушное пространство и вводитъ въ нее жидкость.

— Въ Парижѣ начали употреблять для пересылки писемъ ласточекъ. Эти птички летаютъ быстрее чѣмъ Бельгійскіе голуби. Первая, недавно сдѣланная, попытка, увѣчилась, какъ слышно, совершеннымъ успѣхомъ. Въ Парижѣ взяли изъ гнѣздъ шесть ласточекъ и перевезли ихъ по желѣзной дорогѣ въ Вѣну (въ Австрію); здѣсь подвязали имъ бумажки, на которыхъ было написано нѣсколько извѣстій, состоявшихъ изъ 1510 словъ, потомъ, въ семь часовъ съ четвертью утра, всѣхъ ласточекъ выпустили. Изъ числа шести ласточекъ, двѣ прилетѣли въ Парижъ почти въ часъ по-полудни, одна въ два часа двадцать минутъ, одна въ четыре часа; двѣ остальные не прилетѣли.

(*) Вулканизированнымъ называется каучукъ, сплавленный съ серою.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ ЗА ПОСЛѢДНІЯ ДВѢ НЕДЕЛИ.

Взятіе Аладскихъ острововъ англо-французскими войсками. — Донесеніе русскаго чиновника, бывшаго при этомъ происшествіи. — Дурное обращеніе Англичанъ съ русскими плѣнными. — Желѣзное судостроеніе въ Россіи. — Свекло-сахарная промышленность въ Черниговской губерніи.

Въ новѣйшее время непріятельскія дѣйствія, по видимому, затихли; Англичане и Французы собираются сдѣлать высадку въ Крымъ, но, кажется, ихъ беретъ раздумье; экспедиція все откладывается. Одинъ только подвигъ удался имъ, но и тотъ обошелся слишкомъ дорого, именно взятіе Аладскихъ фортовъ. Свѣдѣній объ этомъ событіи, первоначально, по причинѣ совершеннаго прекращенія сообщеній между Аладскими островами и твердою землею, нельзя было почерпнуть ни откуда, кромѣ иностранныхъ газетъ, которыхъ показанія невѣрны и наполнены хвастовствомъ, а потому сообщаемъ только показаніе очевидца, русскаго чиновника; оно очень любопытно и вполне достоверно.

Титулярный совѣтникъ *Вестеніусъ*, бывшій смотрителемъ Аладскаго провіантскаго магазина, и находившійся на главномъ островѣ во все время осады форта, доноситъ слѣдующее. Онъ (г. *Вестеніусъ*) былъ командированъ, 26-го іюля, комендантомъ крѣпости въ окрестныя деревни, для закупки у обывателей и доставленія въ фортъ свина и другихъ запасовъ. Возвращаясь, 27-го числа, въ Скарпансъ, онъ увидѣлъ, что путь въ укрѣпленія былъ уже ему отрезанъ непріятелемъ; а потому, желая во что бы ни стало избѣгнуть плѣна, *Вестеніусъ* скрывался до 7-го августа въ деревняхъ и лѣсахъ Алаида, а потомъ успѣлъ на рыбацкой лодкѣ пробраться между линіею непріятельскихъ крейсеровъ на твердою землю Финляндіи. П ри-

бывъ въ Гельсингфорсъ 16-го августа, онъ представилъ начальству слѣдующее повѣствованіе объ осадѣ и защитѣ Аландскихъ укрѣпленій:

Послѣ бомбардированія главнаго форта Аландскихъ укрѣпленій, 9-го минувшаго іюня, тремя англійскими военными кораблями, приказано было г. Аландскимъ комендантомъ вновь возвести на юго-западномъ берегу Лумпарскаго залива земляную баттарею, что въ теченіе іюня мѣсяца и исполнено нижними чинами аландскаго гарнизона, подъ наблюденіемъ командира аландской инженерной команды, капитана *Краузольда*. Въ тоже время вывели изъ форта пять крѣпостныхъ орудій туда же и устроили мастеровыми новые лафеты, по указаніямъ тамошняго артиллерійскаго гарнизона подпоручика *Пищулина* и подъ наблюденіемъ капитана *Краузольда*. На эту баттарею было назначено, по изготовленіи ея, въ прислугу при орудіяхъ, потребное число людей изъ избранныхъ нижнихъ чиновъ Финляндскаго линійнаго баталіона № 10-го и артиллерійскаго гарнизона, подъ начальствомъ поручика *Шимановскаго* и подпоручика *Пищулина*. Для прикрытія этой баттареи, назначены были части изъ 3-й и 4-й ротъ гренадерскаго стрѣльковаго баталіона, подъ начальствомъ помощника абоскаго губернатора, гвардіи полковника *Фуругельма*. Въ послѣдствіи, по вступленіи въ лумпарскій заливъ англо-французскаго флота, въ числѣ болѣе 30 кораблей, баттарею эту срыли, орудія взорвали, всѣхъ людей вывели въ главный фортъ, а часть стрѣлковъ размѣстили въ три башни. Все это окончательно исполнено было 25-го числа истекшаго іюля (*).

Въ тоже время, то-есть, въ теченіи іюня мѣсяца, на дворѣ главнаго форта, по распоряженію г. коменданта, сдѣлана была, подъ наблюденіемъ командира инженерной команды, надстройка изъ бревенъ надъ *тремя* бомбическими пушками, съ земляною на ней насыпью. Всѣ окна, какъ на дворѣ форта, такъ и выходившія наружу, не имѣвшія орудій, были заложены кирпичами.

(*) По словеснымъ показаніямъ Г. Вестеніуса, гарнизонъ каждой башни состоялъ изъ 90 человекъ нижнихъ чиновъ Финляндскаго линійнаго № 10-го баталіона, и около 25 человекъ артиллерійскихъ и инженерныхъ командъ, при 3-хъ и болѣе ошперцахъ, а именно: на башнѣ С находились: инженеръ-капитанъ Теше, линійнаго баталіона: поручикъ Сальбергъ, гренадерскаго стрѣльковаго баталіона поручикъ Больерасъ и подпоручикъ Конради; на башнѣ U: инженеръ-поручикъ Звъревъ, линійнаго баталіона штабсъ-капитанъ Мелартъ и подпоручикъ Блюмъ; наконецъ на башнѣ Z: инженеръ-поручикъ Шателенъ и линійнаго баталіона капитаны Кморригъ и Перемловскій.

Во время устройства батарей на Лумпаръ, полевой дивизионъ аландскаго артиллерійскаго гарнизона, въ числѣ 4-хъ орудій, подъ начальствомъ артиллеріи капитана Шветова, былъ раздѣленъ на двѣ части: изъ нихъ одна расположилась на границѣ Скарпанской дачи, а другая у Монгстекта, подъ прикрытіемъ частей отъ ротъ гренадерскихъ стрѣлковъ. На обоихъ этихъ мѣстахъ находились старыя, разрушившіяся батареи, которыя нижними чинами этихъ войскъ были возобновлены. Ночью съ 24-го на 25-е іюля, полевой дивизионъ, съ орудіями и прикрытіемъ, былъ оттуда выведенъ въ главный фортъ. Вечеромъ же 26-го числа, двадцать четыре артиллерійскихъ лошади были препровождены къ коронному фохту аландскаго Герада, для отдачи ихъ на кормъ обывателямъ на Аландѣ.

Въ такомъ состояніи находились укрѣпленія, когда 12-го іюля вошли въ Лумпарскій заливъ, первоначально, семь непріятельскихъ судовъ. Число это, постепенно умножаясь, въ теченіе нѣсколькихъ дней дошло до 30 и болѣе; между тѣмъ непріятель окружилъ укрѣпленія и съ другихъ сторонъ. Суда стояли спокойно на якорѣ, занимаясь только промѣрами до 26-го числа минувшаго іюля. Въ этотъ день усмотрѣно было, что въ заливы Лумпаръ и Варгата стягиваются непріятельскія суда, и, какъ предположить можно было, съ десантными войсками, что на другой же день и оправдалось, потому что съ 26-го на 27-е число, въ 2 часа утра, непріятель сдѣлалъ высадку въ двухъ пунктахъ, разстояніемъ отъ укрѣпленій на пять верстъ, а именно въ деревняхъ: западной — Иранвикъ и восточной — Хулта. Выступивъ отсюда съ обѣихъ сторонъ густою цѣпью, обѣ части десанта соединились въ деревнѣ Финбю, разстояніемъ отъ укрѣпленій въ 3-хъ верстахъ. Здѣсь они расположились на бивуакахъ, и въ этой же деревнѣ назначилъ себѣ квартиру главный начальникъ французскихъ войскъ.

По высадкѣ непріятелями своихъ войскъ на Аландъ, по дошедшимъ до меня правдоподобнымъ слухамъ, они сдѣлали въ тотъ же день приступъ къ башнѣ С, но были отбиты съ урономъ; потомъ они начали устраивать батареи и подвозить, на особо-устроенныхъ каткахъ, осадныя орудія, и къ ночи съ 27-го на 28-е начали бомбардировать башню С, стараясь между тѣмъ возвести другую батарею, поближе къ башнѣ; но все, что они успѣвали устроить въ продолженіе ночи, съ разсвѣтомъ было опять разрушаемо нашими выстрѣлами. Потомъ, отыскавъ болѣе удобное и безопасное для себя мѣсто, они выстроили тамъ батарею, и, по окончаніи работъ, уже съ двухъ сторонъ день и ночь бомбардировали

башню, такъ что она во всѣхъ частяхъ сильно и опасно была повреждена. Послѣ того гарнизонъ башни, видя, вѣроятно, невозможность долге держаться въ ней, рѣшился удалиться къ главному форту, но былъ предупрежденъ непріятелями, которые сдѣлали внезапный приступъ, окружили башню и отрезали отступление. Начальники и нижніе чины, хотѣли пробиться въ штыки (такъ дошло до моего свидѣнія), не могли однако же превозмочь числительной силы и должны были сдаться военнопленными. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, башня, будучи сильно повреждена, разрушилась совершенно. — Изъ офицеровъ были ранены: инженеръ-капитанъ *Теше* — штыкомъ въ ногу, а прапорщикъ гренадерскаго стрѣльковаго баталіона *Бомфрасъ* — сабельнымъ ударомъ ниже плеча.

До взятія непріятелями башни С, устроены были батареи противъ башни U, которую они начали бомбардировать съ 31-го іюля, и продолжали бомбардированіе непрерывно въ теченіе трехъ дней. Башня эта, получивъ отъ ударовъ ядеръ двѣ большія трещины, кромѣ другихъ поврежденій внутри ея отъ бомбъ, и имѣвъ на лицо только 4 заряда, должна была наконецъ сдаться.

Причина сдачи башни Z мнѣ неизвѣстна; знаю только то, что 3-го августа, въ 11-ть часовъ пополудни, гарнизонъ сдался военнопленнымъ.

О причинѣ капитуляціи главнаго форта, вѣрныхъ свидѣній не имѣю; но до меня дошли слѣдующіе слухи, за достовѣрность которыхъ я, однакожь, не могу ручаться.

Во время бомбардированія французскими войсками башенъ, англо-французскій флотъ, стоявшій на Лумпаръ-э, сильно громилъ главный фортъ, сдѣлавъ внутри двора значительныя поврежденія, сорвалъ крыши и трубы съ строеній, повредилъ амбразуры. Гарнизонъ форта сдался 4-го числа августа. По слухамъ, фортъ сдался потому, что потерявъ башни, не въ силахъ уже былъ отражать въ одно время атаки съ моря и сухаго пути, и не имѣлъ возможности заставить замолчать непріятельскую артиллерию огромнаго калибра. Предъ сдачею главнаго форта, гарнизонъ его, отъ постоянного въ продолженіе многихъ дней бдѣнія и трѣвогъ, до того былъ истомленъ, что люди сдѣлались совершенно неспособными къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ и сопротивленію.

Число убитыхъ съ нашей стороны, какъ говорятъ, простирается до 53-хъ человекъ и раненыхъ до 86-ти человекъ. Непріятель потерялъ отъ 500 до 600 человекъ.

Гарнизоны изъ главнаго форта и трехъ башенъ, по взятіи въ плѣвъ, были перевезены на англо-французскіе корабли, и часть плѣнныхъ, назначенныхъ въ Англію, отправлена туда 5-го августа, а другая часть, въ томъ числѣ и Генераль *Бодиско* съ женою — 6-го августа во Францію. Говорили также, что нѣкоторыя жены г. офицеровъ послѣдовали, съ согласія непріятельскихъ начальниковъ, съ своими мужьями за границу. Замѣчательно, что сами непріятеля наши, Французы, изъявляли состраданіе къ тѣмъ изъ плѣнныхъ нашихъ, которые были поручены Англичанамъ. Для примѣра того какъ Англичане обращаются съ плѣнными, приводимъ слѣдующій разсказъ, заимствованный изъ *Journal de St.-Petersbourg*:

«Звѣрскія дѣйствія, на которыя Англичане рѣшаются, не краснѣя, въ нынѣшней войнѣ, до сихъ поръ не позволяли намъ заняться плачевною участію плѣнныхъ, имѣвшихъ несчастье попасться имъ въ руки. Наши печальныя предчувствія въ этомъ отношеніи вполнѣ оправдались, въ чемъ могли мы убѣдиться изъ разсказовъ плѣнныхъ, вымѣненныхъ недавно въ Одессѣ.

«Мы имѣемъ передъ собою показаніе Николая Лацаро, хозяина греческаго судна, захваченнаго непріятелемъ, съ находившимися на немъ офицерами и рядовыми Балаклавскаго баталіона и съ экипажемъ. Показаніе это содержитъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ обращались Англичане съ нашими плѣнными.

«Захваченное судно было поручено начальству англійскаго офицера. Приготовляясь сняться съ якоря, начальникъ англійскаго фрегата «Гайфлайеръ», на который были помѣщены г. Лацаро и маіоръ Васильевъ, призвалъ къ себѣ этихъ двухъ плѣнниковъ и приказалъ имъ забрать пожитки, оставленные ими на суднѣ. Г. Лацаро, войдя въ каюту, нашелъ ее заваленною обломками сундуковъ; собственный его сундукъ, заключавшій въ себѣ, кромѣ пожитковъ, 35 фунт. стерл. и 28 золотыхъ 5-ти-рублевыхъ монетъ, испыталъ ту же участь, что и другіе. Имущество маіора Васильева равномерно исчезло. Между обломками сундуковъ валялись изломанныя иконы, съ которыхъ были сорваны серебряныя оклады. По возвращеніи двухъ плѣнниковъ, старшій изъ офицеровъ фрегата спросилъ у нихъ, собрали ль они свои пожитки. Они отвѣчали, что не нашли ничего, кромѣ изломанныхъ сундуковъ и иконъ, съ которыхъ сняты оклады. Англійскому офицеру, повидимому, показалось это очень забавнымъ, потому что онъ засмѣялся и пошелъ прочь.

★

«Плѣнные, распределенные по разнымъ судамъ эскадры, были перевезены потомъ на англійскій пароходъ «Сидонъ», и отправлены въ Константинополь. Лацаро узналъ тогда изъ разсказовъ товарищей своего плѣна, которымъ посчастливилось попасть на французскія суда, что они могли посправедливости хвалиться своею участіемъ. Русскіе офицеры обѣдали за однимъ столомъ съ французскими офицерами, солдаты кормили хорошо, и даже давали имъ вино и ромъ. Видя, что большая часть русскихъ солдатъ безъ обуви и едва прикрыта одеждою, Французы выразили свое изумленіе, и когда узнали, что они обобраны почти до-чиста Англичанами, отозвались о своихъ союзникахъ въ выраженіяхъ, не совсѣмъ лестныхъ, говоря, что Англичане, какъ и всегда, поступаютъ постыдно и безчеловѣчно.

«Плѣнные, находившіеся на англійскихъ судахъ, разсказывали, что тамъ обходились съ ними сурово и кормили ихъ очень дурно. Имъ давали сначала только по фунту хлѣба съ небольшимъ ломтемъ соленого мяса, которое едва было можно ѣсть; потомъ этотъ раціонъ уменьшили еще на половину! Г. Лацаро отказался отъ своей порціи и довольствовался сухарями, которые успѣли захватить его матросы.

«Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Константинополь, плѣнные были переведены на англійскій вѣнтовой фрегатъ «Бангоръ», начальникъ котораго принялъ ихъ очень дурно и обходился съ ними съ большою суровостію. Онъ не допустилъ русскихъ офицеровъ къ столу офицеровъ англійскихъ. Турки пришли взглянуть на нашихъ плѣнныхъ. Одинъ молодой офицеръ, оказавшійся сыномъ Осман-паши, объявилъ имъ, что онъ имѣетъ приказаніе приготовить для нихъ старый корабль, находящійся въ адмиралтействѣ, и что если они будутъ переведены туда, то онъ станетъ пещись о нихъ, такъ какъ его отецъ, находящійся въ плѣну въ Россіи, писалъ къ нему, что Русскіе обходятся съ нимъ весьма хорошо.

«И такъ Турокъ искалъ случая заплатить нашимъ плѣннымъ долгъ признательности, между тѣмъ, какъ Англичане понижаютъ ногами самыя священныя права человѣчества и даже не признаютъ обязанностей, возлагаемыхъ взаимностію. Съ плѣнными Англичанами обходились въ Россіи такъ, что имъ не оставалось ничего желать болѣе, въ чемъ были принуждены сознаться даже англійскія газеты, столь неприязненные къ намъ, а совѣсть ратныхъ товарищей этихъ плѣнниковъ молчать и не даетъ почувствовать имъ, какъ гнусно грабить русскихъ плѣнныхъ, оставлять ихъ безъ обуви и въ рубищахъ, и отказывать имъ даже въ достаточной пищѣ!

«7-го іюня плѣнные были переведены не на старый корабль, о которомъ шла рѣчь выше, а въ турецкую казарму, лежащую въ адмиралтействѣ. Они провели тамъ 17 дней, получая отъ Англичанъ лишь пищу дурнаго качества. Благотворительность греческихъ купцовъ, живущихъ въ Константинополь (въ числѣ ихъ находилось также нѣсколько русскихъ подданныхъ), явилась къ нимъ на помощь; но Англичане строго запретили оказывать плѣннымъ какое бы то ни было пособіе.

«Турецкій адмиралъ Мустафа-паша посѣтилъ однажды эту казарму съ англійскимъ офицеромъ, котораго назначили начальникомъ порта. Паша разспрашивалъ плѣнныхъ о томъ, какъ ихъ содержать; они жаловались, что съ ними обходятся крайне сурово и кормятъ ихъ очень дурно.

«Я постараюсь смягчить эту суровость, сказалъ тогда паша, обращаясь къ англійскому офицеру; «и если вы хотите кормить плѣнныхъ, то кормите ихъ, какъ должно; если же не хотите, то скажите мнѣ: я стану кормить ихъ, какъ мы кормимъ нашихъ военноплѣнныхъ». Тогда, указавъ на капитана Давыдова, начальника русскаго транспортнаго судна «Алупка», доставшагося въ руки Турокъ, паша спросилъ у него, хорошо ли кормятъ его и людей его экипажа. Всѣ они отвѣчали утвердительно; капитанъ Давыдовъ присовокупилъ только, что онъ нуждается въ одеждѣ и что у него нѣтъ постели. Паша выразилъ свое неудовольствіе тому, которому было поручено пешихъ о плѣнныхъ, и на другой же день они получили все необходимое.

«Столь заслуженное увѣщаніе, которое англійскій офицеръ имѣлъ непріятность выслушать отъ турецкаго паши, относительно нашихъ плѣнныхъ, освобождаетъ насъ отъ обязанности входить въ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ.

«Намъ будетъ достаточно довести до свѣдѣнія публики, что Англичане простерли жестокосердіе, съ какимъ они обращаются съ нашими плѣнными, до того, что возбудили негодованіе даже въ Туркахъ! Пора узнать, чего стоить на самомъ дѣлѣ прекрасныя филантропическія правила, которыми Англичане такъ любятъ хвалиться!»

Рядомъ съ этимъ извѣстіемъ считаемъ не лишнимъ помѣстить слѣдующее: Известно, что русскій пароходъ «Эльбрусъ» недавно захватилъ и сжегъ близъ Пендареклиа турецкія купеческія суда. Нынѣ Князь Меншиковъ возвратилъ хозяевамъ этихъ судовъ свободу. Одно

Самосское судно должно было отвезти ихъ обратно въ отечество, со всѣмъ ихъ багажемъ и съ найденною при нихъ суммою 20,000 пиастровъ».

— Не смотря на увѣренность иноземцевъ, что безъ ихъ содѣйствія ремесла и промышленность не могутъ развиваться въ Россіи, мы видимъ съ удовольствіемъ, что у насъ, слава Богу, все идетъ впередъ. Для доказательства заимствуемъ изъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей нѣсколько показаній о нѣкоторыхъ очень важныхъ отрасляхъ промышленности, именно о желѣзномъ судостроеніи и выдѣлкѣ свекловичнаго сахара.

Въ Россіи желѣзное судостроеніе началось въ 1845 году, когда спущенъ былъ на рѣкѣ Уралѣ первый желѣзный пароходъ, построенный на Суксунскомъ горномъ заводѣ Гг. Демидовыхъ; а въ 1846 году, на казенномъ Камско-Воткинскомъ заводѣ построенъ пароходъ въ 40 силъ «Астрабадъ», для Каспійскаго моря. Съ того времени по 1853 годъ, на томъ же заводѣ, подъ руководствомъ инженера Кара, построены: одинъ пароходъ въ 80 силъ, два во 100 силъ, и двѣ желѣзныя баржи. Начало желѣзнаго судостроенія въ Николаевскомъ адмиралтействѣ относится тоже къ 1846 году. Въ 1849 году, на этотъ предметъ устроено тамъ отдѣльное заведеніе, снабженное всѣми новѣйшими машинами и приспособленіями, необходимыми для обработки желѣза (*).

Изъ частныхъ заведеній, занимающихся у насъ постройкою желѣзныхъ судовъ, особенно замѣчательна Нижегородская Машинная Фабрика, на которой съ сентября 1851 г. до марта 1853 года, выстроено семь желѣзныхъ пароходовъ, съ ихъ машинами и двумя грузовыми судами, изъ русскаго желѣза и руками русскихъ мастеровъ, безъ всякаго содѣйствія со стороны иностранцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что удачное плаваніе первоначально построенныхъ на Волгѣ желѣзныхъ пароходовъ привлечетъ судозлазьевъ къ желѣзному судостроенію, а этимъ сбережется несмѣтное количество лѣсовъ, ежегодно истребляемыхъ на построеніе рѣчныхъ судовъ. Изъ свѣдѣній, напечатанныхъ объ этомъ заведеніи, въ прошломъ году, въ одной изъ книжекъ «Морскаго Сборника», видно, что нѣсколько предприимчивыхъ капиталистовъ, вполне увѣренныхъ въ пользѣ развитія пароходства на рѣкѣ Волгѣ, рѣшились, въ 1849 году, составить между собою товарищество, подъ названіемъ *Компаніи Нижегородской Машинной Фабрики*. Не денежныя выгоды руководили намѣреніями

(*) «Военно-Энциклопед. Лексик.» изд. 1854 г., т. V.

этой компаніи, а именно одно только патріотическое стремленіе къ развитію механическаго искусства и промышленности внутри Россіи. Доказательствомъ тому служить образъ первоначальныхъ дѣйствій: компанія, прежде нежели вздумала пріобрѣтать выгоды, употребила значительную часть своего капитала на устройство фабрики и верфи, съ тѣмъ, чтобы основать разсадникъ производства паровыхъ машинъ и пароходовъ внутри Россіи, и развить въ совершенствѣ новую отрасль искусства, приносить существенную пользу отечественной промышленности. Довѣренность со стороны распорядителей, любовь къ труду и своему дѣлу со стороны исполнителей — вотъ два начала, необходимыя для успѣшнаго и добросовѣстнаго выполнения всякаго предпріятія, и они оба въ точности выполнены при учрежденіи Нижегородской Машинной Фабрики. Въ іюль 1849 года пріобрѣтено мѣсто, близъ Нижняго-Новгорода, на берегу рѣки Волги, для фабрики и верфи; тогда же началось строеніе фабрики; въ ноябрь оно окончено, а къ началу навигаціи 1850 года уже плавалъ пароходъ, котораго машина была сдѣлана на этой фабрицѣ, а судно на принадлежащей къ ней верфи. Тамъ, гдѣ въ іюль 1849 года было поле, засыянное пшеницею, въ началѣ слѣдующаго года уже красовалась машинная фабрика, со своей великолѣпной дымовой трубой и со всеми мастерскими, необходимыми для выдѣлки паровыхъ машинъ. Какъ будто по волшебному мановенію, завертѣлись многочисленные колеса станова, застучалъ несмитовъ молотъ въ кузнице, и полились огненные рѣки чугуна и мѣди въ литейной, все закипѣло дѣятельностью, все было устроено и приведено въ порядокъ.

— Что касается до производства свекловичнаго сахара, то и эта отрасль промышленности можетъ доставить много выгоды, по приниматься за нее надобно съ осмотрительностью; это видно изъ слѣдующихъ строкъ, помѣщенныхъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ:

Сахарные заводы, представляя значительныя выгоды, въ последнее время возбудили во многихъ желаніе заняться устройствомъ ихъ; но опытъ вскорѣ показалъ, что не вездѣ и не всякому можно взяться за эту отрасль промышленности. Одинъ черниговскій помѣщикъ пишетъ въ «Коммерческой Газетѣ», что онъ устроилъ три сахарные завода въ разныхъ мѣстахъ, ввелъ на этихъ заводахъ желѣзные котлы, что далеко лучше и здоровѣе мѣдныхъ, прессы, сначала желѣзные, потомъ деревянные, которые тоже оказались чрезвычайно-удобными — они такъ легки, что даже дѣти могутъ при нихъ работать — и не смотря на всю осторожность, которою онъ руководствовался въ этомъ дѣлѣ, долженъ былъ въ 1852 году закрыть

одинъ заводъ, въ 1853 году другой, а теперь закрываетъ и третій, потому-что оборотъ великъ, а выгоды незначительны; — причиною этому дороговизна топлива. Соображая средства Черниговской губернии, можно видѣть, что одною изъ главныхъ отраслей ея промышленности должно быть сахаровареніе, но не въ большихъ размѣрахъ, потому-что послѣднее можетъ быть принадлежностію только значительныхъ капиталовъ. Черниговская и смежныя съ нею сѣверныя губерніи имѣютъ песчаныя земли, которыя даютъ свеклу несравненно-сильнѣе, иногда до 10, 11 и даже 12 градусовъ, тогда-какъ въ Полтавской губерніи она рѣдко бываетъ отъ 6 до 9 градусовъ; дрова въ Черниговской губерніи дешевы, рабочіе люди въ изобиліи, въ Полтавской же дрова дошли мѣстами до 10 руб. сер. и болѣе. Выгоды небольшихъ заводовъ заключаются въ слѣдующемъ: съ обрабатывающихъ до 500 берковцевъ не взыскивается акциза; небольшие заводы легко и выгодно замѣняютъ для многихъ давно оставленное винокуреніе; выжимки чрезвычайно полезны для двороваго скота; тѣ же выжимки, высушенныя и смолотыя, даютъ отличный хлѣбъ, который далеко превосходитъ обыкновеннаго рисоваго хлѣба; наконецъ, самая послѣдняя патока, изъ которой извлеченъ весь сахаръ, необыкновенно-хорошая пища рогатому скоту; однимъ словомъ выгоды отъ свекловичной промышленности чрезвычайно-многочисленны и разнообразны, но только въ небольшихъ размѣрахъ.

Печатать позволяется. Москва. Сентября 8-го дня, 1854 г.

Ценсоръ Д. Ржевскій.

Въ типографіяхъ: Л. Степановой и В. Готье.

С Н Ъ С Ъ.

УРАЛЬСКАЯ СТАРИНА.

Василій Струняшев.

I.

Какъ теперь смотрю на сѣдаго и согбеннаго старика, тихо и молча расхаживающаго по набережной Гурьева городка, и безпрестанно смотрящаго за Уралъ, въ ту сторону, гдѣ течетъ р. Соколокъ (*), берега которой, въ бывшее время, часто оглашались боевыми криками и обагрялись кровью казаковъ и лютыхъ враговъ ихъ Киргизовъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ этотъ старикъ, прошло ужъ болѣе пятнадцати лѣтъ, но степенный и грозный видъ его рѣзко напечатлѣлся въ моей памяти, и я никогда не забуду храбраго и безстрашнаго Василья Ивановича Струняшева, истаго казака уральскаго. Въ послѣднее время, какъ я узналъ его, ему было уже за восемьдесятъ лѣтъ, — но старость, измождивъ тѣло, согнувъ въ дугу станъ, нѣкогда стройный и высокій, пощадила однакожь его память и не совсѣмъ уничтожила блескъ глазъ его, которые иногда свѣтились, какъ у юноши. Страненъ и причудливъ былъ характеръ Струняшева. Всѣ, знавшіе или видѣвшіе его, согласятся со мной: а кто изъ Гурьевцевъ, не зналъ старика Струняшева, который со всеми былъ какъ свой, какъ родной? Иногда онъ былъ молчаливъ, угрюмъ, строгъ и дикъ, какъ медвѣдь, иногда же говорливъ, безпеченъ не по лѣтамъ и веселъ, какъ дитя.

Бывало, опершись на посохъ, Струняшевъ по цѣлымъ часамъ, какъ истуканъ, стоялъ на одномъ мѣстѣ и не сводилъ глазъ съ

(*) Соколокъ — рукавъ Урала съ лѣвой стороны. Онъ отдѣляется отъ него противу Кандауровскаго форпоста, въ тридцати верстахъ отъ взморья, и впадаетъ въ море противу Граннаго бугра — крайней точки владѣній уральскихъ казаковъ и на сушѣ, и на морѣ, съ восточной стороны.

Киргизской степи — свидетельницы его геройских подвигов, его романических приключений, — свидетельницы смерти родного его брата, который, въ борьбѣ съ Киргизами, сложилъ свои кости не погребенными на чужбинѣ. Воспоминаніе о братѣ, погибшемъ за него же, какъ увидимъ ниже, сильно тревожило старца и не разъ заставляло его вытирать рукавомъ халата слезы, какъ бы невольно катившіяся по впалымъ его щекамъ и бѣлой, какъ лунь, бородѣ. — Вотъ въ эти-то минуты Струняшевъ былъ неприступенъ, зѣвремъ смотрѣлъ въ землю, а ежели случалось изрѣдка взглянуть на людей, то не иначе, какъ изъ подлобья, — никому не отвѣчалъ на вопросы, хотя бы заговорилъ съ нимъ самъ отецъ Кипріянь, всѣми уважаемый гурьевскій священникъ; — даже, пришедъ домой, онъ не удостоивалъ ни однимъ словомъ молодую казачку, которая ухаживала за нимъ, какъ за роднымъ дѣдомъ, и которую онъ любилъ какъ родную внучку. Эта казачка была вовсе чужая Струняшеву, но онъ любилъ ее больше роднаго дѣтища, больше всего на свѣтѣ. И не диво: она была внучка его невесты, его ненаглядной Даши, на которой не суждено было ему жениться, но которую онъ не оставлялъ любить и за гробомъ. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Наконецъ, время печали, время тоски и кручины минуется, зорь Струняшева просвѣтлится, языкъ развязывается и старикъ дѣлается молодцомъ, такимъ удалымъ, безпечнымъ и веселымъ казакomъ, какимъ онъ былъ съ молодю, лѣтъ за пятьдесятъ назадъ. Въ эти счастливыя минуты можно увидѣть Струняшева и въ кругу молодыхъ казаковъ, и на веселомъ пиру свадебномъ, и даже въ дѣвичьихъ хоровахъ, — словомъ, вездѣ, гдѣ гуляетъ и веселится безпечное казачество. Вездѣ, какъ говорится, Струняшевъ былъ на своемъ мѣстѣ. Молодымъ казакамъ онъ рассказывалъ про былое, бранное время, про наѣзды хищныхъ Киргизовъ, про жаркія дѣла, въ которыхъ храбрые Уральцы громили враговъ своихъ; научалъ молодежь, какъ ловчѣе бить непріятеля пикою, какъ удачнѣе и вѣрнѣе стрѣлять изъ винтовки, и прочее, и прочее. Въ бесѣдѣ съ людьми пожилыми онъ трактовалъ о хозяйствѣ, о рыболовствѣ, о семь, о томъ, и, странное дѣло — самъ подъ конецъ своей жизни не имѣлъ, какъ говорится, ни кола, ни двора, а рѣчи его о хозяйствѣ были такъ складны, такъ основательны, такъ справедливы, что никто не смѣлъ имъ не вѣрить. — Не отставалъ онъ и отъ пировъ и вечеровъ разгульныхъ, гдѣ всегда принимали его радушно, усаживали на первое, почетное мѣсто. Тутъ онъ, хотя и не пилъ ни водки, ни вина, а былъ, такъ сказать, душею собранья; веселымъ шут-

камь и разнообразнымъ побасенкамъ, разумется, всегда насчетъ мужей-простофиль и жешь-хитрыхъ лисиць, не было конца, и всь смѣялись до слезь.

Посѣщая дѣвичьи хороводы, старикъ Струняшевъ и въ нихъ принималъ, хотя не прямое, но за всѣмъ тѣмъ не последнее участіе. Не смотря на преклонныя лѣта и сѣдые волосы. Струняшева, присутствіе его въ хороводахъ ни кому не было въ тягость, а напротивъ, давало поводъ къ разнымъ шуткамъ и остромамъ насчетъ стараго холостяка. — Струняшевъ, какъ рыцарь, не былъ женатъ: въ томъ помѣшали ему, какъ самъ онъ говорилъ, судьба, да погавые басурманы. — Бывало, какая-нибудь *востроглазая*, какъ называлъ Струняшевъ всѣхъ вообще дѣвушекъ, подбѣжить къ нему, схватить его за руку, и, заливаясь дѣтскимъ смѣхомъ, скажетъ:

— Дѣдушка хорошенькій! давай рлбымъ (въ горьлки) играть; будь моею парочкой.

— Спасибо, востроглазая, отвѣчаетъ Струняшевъ. — Радъ бы душой, да не могу; видить Богъ — не могу!

— Отъ чего не можешь, дѣдушка пригоженькій?

— Невѣста увидить, моя кралячка, и крѣпко пожурить меня за это.

— А гдѣ твоя невѣста?

— Тамъ, голубушка, скажетъ съ непритворной грустію Струняшевъ, и укажетъ посохомъ или на небо, или въ поле за городъ, гдѣ возвышаются слюдовые холмы, осѣненные крестами и надгробными памятниками.

— Какъ же быть-то мнѣ, дѣдушка? опять заговорить плутовка, съ видомъ притворнаго горя. — Вѣдь я тебя больно люблю.

— И хорошо дѣлаешь, моя куропаточка, моя сѣренька жавороночка, отвѣчаетъ Струняшевъ. — Если ты полюбишь, то и тебя полюбятъ.

— Кто жь меня полюбитъ?

— А вотъ хоть, сказать примѣромъ, онъ.

Съ послѣднимъ словомъ Струняшевъ укажетъ на одного изъ казачатъ, но укажетъ такъ мѣтко, что дѣвушка, дотолъ съ нимъ шутившая, вспыхнетъ какъ полымя, зарумянится какъ заря утренняя, и убѣжить въ хороводъ, проговора сквозь зубы: «ахъ, онъ старій хрѣнь! какъ онъ все знаетъ?»

Но такое житье-бытье, по словамъ самого Струняшева, было не житье для него, а что-то въ родъ того. — На вопросъ: какъ поживаешь? Струняшевъ бывало съ грустію отвѣчаетъ: «да никакъ,

*

право слово, никакъ, вѣдь я давно ужъ не живу; все хороше прожилъ, а теперъ, видно, за грѣхи мои, просто-на-просто не живу, а коротаю свой горькій вѣкъ. — А вотъ, присовокупляетъ старикъ, если случится когда какая завороха, сирѣчь тревога, походъ на Киргизовъ, — ну, тогда дѣло иное, — тогда я словно перерождаюсь, молодью, лѣтъ тридцать съ плечъ стряхиваю. Да что! объ этомъ говорить? заключаетъ старикъ. — Это случается рѣдко. — Нынѣ времена не такія, орда поганая присмирѣла, — видно «Джайкъ-Урусь» (*) не свой братъ».

Дѣйствительно, случись тревога, по поводу какого-нибудь киргизскаго набѣга, Струняшевъ первый явится на сборное мѣсто, но къ сожалѣнію, не на конѣ и не съ копьемъ, какъ въ прежнее время, а пѣшкомъ и съ клюкой въ рукѣ. Старость и дряхлость, убивъ силы, лишили его истиннаго, ни чѣмъ незамѣнимаго удовольствія — сразиться съ Киргизами и отмстить имъ за всѣ утраты, которыя онъ понесъ чрезъ ихъ хищничество, — отмстить за смерть брата, тѣнь котораго, кажется, всегда была предъ его глазами. Пади братъ его въ открытой битвѣ, онъ бы и «охъ» не сказалъ. Но братъ его погибъ измѣннически отъ рукъ басурмановъ, — и потому Струняшевъ во всю жизнь питалъ величайшую ненависть къ Киргизамъ, и на каждомъ шагѣ старался вредить имъ.

Вотъ раздался по городу звукъ колокола, возвышающій сборъ казаковъ для ратнаго дѣла. Одинъ за другимъ, съѣзжаются казаки на площадь передъ домомъ гурьевскаго атамана. Наконецъ собрались всѣ, но съ мѣста не трогаются. Подумаешь, что не готовъ еще атаманъ, или не всѣ собрались казаки, но атаманъ давно уже стоитъ на крыльцѣ въ полномъ вооруженіи, и туркменскій аргамакъ его роетъ отъ нетерпѣнія копытомъ землю; казаки всѣ въ строю. — Что же за причина такой медленности, когда каждый часъ, каждая минута дороги? Извѣстно что: Струняшевъ не осматрѣлъ еще отряда. Вотъ онъ ходитъ по рядамъ казаковъ, осматриваетъ ихъ вооруженіе, а главное, коней. Въ это время, съ клюкой въ рукѣ, вмѣсто жезла, Струняшевъ истый фельдмаршалъ. Такъ вѣтрелись въ Струняшева, что ни одна, бывало, казачья партія не выѣдетъ изъ Гурьева, чтобы не осматрѣлъ ее Струняшевъ.

— У тебя, Миша, скажетъ онъ одному изъ казаковъ, конь не годится: перемѣни его.

— Помилуй, дѣдушка! возразить ему казакъ. — Какъ не годится?

(*) Джайкъ-Урусь по-киргизски значить: Уральскій, т.-е. Яншій казакъ. У Киргизовъ Уральцы до сихъ поръ называются этимъ именемъ.

ты развѣ не видишь, что мой конь земли подь собой не чуеть, такъ и рвется впередъ, — всѣ руки я насаждалъ, а все-таки усмирить его не могу.

— Это-то и скверно, кормилецъ, что конь твой земли подь собой не чуеть. Онъ больно жирень, давно неѣзженъ, отъ того-то слишкомъ и горячится. Ужь ты послушай меня, старика, перемѣни коня: онъ на пятой верствѣ подь тобой задохнется, — я вижу это по глазамъ его. Завтра на немъ хоть въ Хиву жарь — выдюжить, а теперь не годится.

— Гриша! говорятъ Струняшевъ другому казаку: кто тебѣ коня-то сдѣлалъ и сумки-то приторачивалъ?

— Кто! отвѣчаетъ отчасти обидчивымъ, отчасти покорнымъ тономъ Гриша, — извѣстно кто: самъ я, а не жена.

— Вотъ то-то и дурно, говоритъ Струняшевъ, что не жена: она бы получше твоего, глядишь, сдѣлала. Что выпучилъ глаза-то на меня? Ты не на меня, а на себя взгляни хорошенько, такъ и узнаешь, что я говорю правду. Вонъ подпруга-то какъ далеко назадъ подалась; этакъ не годится. Лошадь, какъ почуветь щекотку, какъ разъ собьеть съ козла: тогда ни за денежку пропадешь. — А сумки-то, сумки-то какъ привязаны, просто курамъ на смѣхъ... Эхъ, молодецъ, молодецъ! да этакъ бабы не привяжутъ. Смотри: одна сумка длиннѣй другой, она вѣдь перетянетъ сѣдло на бокъ, и спину у лошади испортитъ; тогда пойдешь, добрый молодецъ, пшш-комъ въ чистомъ полѣ гулять, и сѣдло въ рукахъ носить.

— У тебя, Сысой, погонь ружейный тонокъ, примолвить Струняшевъ третьему. Чего добраго: на скаку, да еще на грѣхъ, въ дылѣ, пожалуй, онъ оборвется; тогда прощай виштовка, — не только врага поразить, даже и себя защитить не чѣмъ будетъ. Подкрѣпи, хоть веревкой, погонь-то.

— А ты что, Тимоха, распустилъ стремяна-то? Вишь онъ у тебя почесть до земли мотаются. Гдѣ ты высмотрѣлъ, грѣховодникъ, такую моду? — Кажись въ Питерѣ или въ Москвѣ не служилъ, слѣдованно кавалеріи не видалъ, а ѣдишь истымъ гусарикомъ, право слово, гусарикомъ. — Нтъ, нтъ, это не годится, это нейдетъ нашему брату казаку; негоже вытѣтывать ногу, а нужно больше сгибать, чтобы крѣпче сидѣть на сѣдлѣ. — Убавь путляща, вотъ такъ; ну, хорошо. — Вотъ теперь хоть не красиво, да за то здорово. Теперь тебя изъ пушки ядромъ не свалишь съ лошади, а давеча стоило только ткнуть въ бокъ камышинкой, такъ полетѣлъ бы вверхъ тормашкой.

— Ну, слава Богу, кажись, все исправно, заключает Струняшев, когда отрядъ готовъ тронуться съ мѣста. Ахъ, стойте! стойте, атаманы молодцы! Вонъ кто это между вами, тамъ въ заднемъ ряду? — Что это за богатырь такой? Что это за чудо-юдо? Э!!! да это ты, Куземушка, ненаглядное мое сокровище, красное ты солнышко, сосновое ты яблочко! Молодецъ, молодецъ, неча сказать, молодецъ! Удраль же ты штуку, индо людямъ на диво. Уго-раздиль же тебя лукавый напаялить на себя семьдесятъ семь съ половиною халатовъ. И мать родная не скоро узнаетъ тебя, соколика, въ этомъ уборѣ. А Киргизы — что думаешь? Да Киргизы какъ увидятъ тебя, ухъ! такъ и повалятся со страху. — Страшно взглянуть на тебя, Кузинька. Раздулся ты какъ сороковая бочка, сидишь на сѣдлѣ копна копной, гора горой, словно Лукаперъ богатырь, у котораго голова была съ пивной котель. Думаешь, это хорошо. Нѣтъ, дружокъ, скверно! Такъ одѣваться можно только тогда, когда, Богъ дастъ, поѣдешь къ тещѣ въ гости; а ежели ѣхать на поле ратное, на побойще смертное, такъ нужно ѣхать на легкѣ. Ничего не видя, пѣть градомъ съ тебя катить, а какъ придется до дѣла, такъ ты совсѣмъ задохнешься. — Долой, пострѣль, съ коня! сбрось съ себя всѣ халаты, будетъ съ тебя и одного; ежели на первыхъ порахъ и прохватить морозцемъ, за то въ дѣлѣ согрѣшься.

— Вотъ такъ, хорошо, прибавляетъ Струняшевъ. — Ну, съ Богомъ, соколики, въ походъ. Да смотрите, зря, на вѣтеръ, не стрѣляйте, особенно съ коней, а работайте больше пикой. Если случится быть вамъ въ осадѣ, чего избави Боже, тогда, не торопясь, по очереди, припадайте на рожки, и поверните жарьте изъ винтовокъ по басурманамъ, чтобы ни одна пуля не пропадала даромъ. Но какъ сами пойдете на словъ (въ атаку), — такъ тутъ пика родимушка, пика голубушка должна быть въ дѣлѣ. Слышите: пика, пика! она не чета пуль-дурв, — она, мое сердченько, не солжетъ! — Отъ нея у меня нетокма-что Киргизъ, да и Французъ не отверты-вался.

Эхъ-ма! старость, старость! Откуда ты взялась, не прошенная, не званная гостья? Еслибъ не ты, полетѣлъ бы я туда же, за ними, моими ясными соколами... Эхъ-ма! старость, старость! приковала мои рѣзвы пожешки къ сырой землѣ, отняла силушку въ рукахъ, сдѣлала добраго молодца бабой...

Такъ всегда говорилъ Струняшевъ, когда провожалъ гурьевскихъ казаковъ въ походъ.

Ониогей Котовъ, гурьевскій казакъ, человекъ уже пожилыхъ лѣтъ, ученикъ Струняшева по ружейной охотѣ, пять лѣтъ тому назадъ, замѣтимъ кстѣти, сложившій голову свою въ Каспійскомъ морѣ на аханномъ рыболовствѣ, часто рассказывалъ мнѣ, когда мы съ нимъ бродили на охотѣ по гурьевскимъ камышамъ, про жизнь и приключенія Струняшева. Удержавъ въ памяти разнообразныя рассказы Котова, я соединилъ ихъ въ одинъ и составилъ слѣдующую, основанную на истинныхъ событіяхъ, былъ.

II.

Въ 1770-хъ годахъ, въ началѣ зимы, около Рождества, замѣтно было въ Гурьевъ-городкѣ сильное движеніе и шумная суета. Народъ, какъ на ярмаркѣ, толпами ходилъ изъ дома въ домъ, и собирался въ круги на площади и на улицахъ. Ясно было, что въ Гурьевѣ, дотолѣ скромномъ и тихомъ городкѣ, происходило что-то необыкновенное. — Но что за причина такой суматохи, такой бѣготни и такихъ сходбищъ круговыхъ? — Нельзя было съ разу отгадать. Будь это въ наше время, можно бы навѣрное заключить, что или въ Гурьевѣ ярмарка, или Гурьевцы собираются на аханное рыболовство; но тогда ярмарокъ въ Гурьевѣ не бывало, тогда Гурьевцы не знали и аханнаго рыболовства, тогда родной *Якушка Горышичъ* (*) былъ биткомъ набитъ осетрами и бѣлугами, не какъ въ наше плохое время; слѣдовательно, не за чѣмъ было тогда ѣздить въ море, когда благодать Божья подъ руками.

Можетъ быть, собиралась и снаряжалась партія казакковъ въ поиски за хищными Киргизами, всегдашними своими врагами, которые, въ описываемую мной эпоху, дѣлали частыя набѣги на линію, угоняя скотъ и полоня людей? — Но въ домъ и около дома гурьевскаго атамана царствовала совершенная тишина, чего никакъ бы не могло быть, если бы собирались казаки въ походъ. При томъ еще, волненіе въ Гурьевѣ продолжается вотъ уже около недѣли, а на то, чтобы собраться и соколами полетѣть въ погоню за басурманами, казакамъ довольно нѣсколькихъ минутъ: бывало, лишь только приударятъ въ городъ въ церковный колоколь, а въ крѣпостяхъ и форпостахъ, гдѣ нѣтъ церквей, проскачеть по улицъ съ трещеткой казакъ — такъ въ нѣсколько мгновеній орлами слетятся удалые казаки на сборное мѣсто, къ дому начальника.

(*) Рѣка Уралъ.

Можетъ быть, богатый казакъ женить сына или выдаетъ замужъ дочь, и потому, въ избыткѣ радости, даетъ пирь на весь міръ? — Но въ то время былъ постъ, а въ посты, известно, свадебныхъ пировъ у православныхъ не бываетъ.

Можетъ быть, пришелъ указъ царскій, призывающій сыновъ Урала, (въ то время Яика), въ армию, на полевую службу, послужить Матушкѣ-Царицѣ и святой Руси? — Не видно и этого, потому что женскій полъ спокоенъ, весель, беззаботенъ, тогда какъ при сборѣ казаковъ въ дальніе, продолжительные походы женщины плачутъ, рыдаютъ, *уревѣ-несутъ*, какъ говорятъ казаки.

То не то, это не то, да что же наконецъ? А вотъ посмотримъ попристальнѣе, авось догадаемся, отчего такъ расходились, разошвелились Гурьевцы. Пусть они только пріутихнутъ, разбредутся по домамъ; тогда, на просторѣ, лучше разрвнимъ задачу.

Наконецъ настали сумерки, и городъ пріутихъ. Въ одномъ изъ узкихъ переулковъ, къ воротамъ небольшого сосноваго домика, съ выкрашенными зеленой краской ставнями, подошелъ хромой, бѣдно-одѣтый, пожилыхъ лѣтъ, Киргизъ и постучался въ калитку. Вскорѣ калитка отворилась, и на улицу вышелъ молодой, щегольски одѣтый, казакъ. На немъ, поверхъ короткаго снѣга бешмета, былъ накинуть изъ черныхъ жеребачьихъ шкуръ яргакъ, родъ длиннаго и широкаго тулупа шерстью вверхъ; на головѣ надѣта остроконечная изъ алаго сукна шапка, опущенная по краямъ порѣшной, съ золотой наверху кистью. Высокіе каблуки красныхъ сафьянныхъ, съ загнутыми къ верху носками, сапоговъ были подбиты мѣдными скобами, а на подошвахъ, подъ самыми каблуками, звенѣли, подобно шпорамъ, серебряныя кольца. Но щеголеватость костюма довершалась и больше всего выказывалась золотой съ блестками и бирюзой сергой, болтавшейся по обычаю того времени, въ правомъ ухѣ казака. По богатой, роскошной одеждѣ и по свѣжести румянаго лица, видно было, что казакъ незнакомъ ни съ нуждой и ни съ бѣдностію.

— Что тебѣ, Каракузька, надо? спросилъ казакъ Киргиза.

— Да что, хозяинъ, надо, отвѣчалъ Киргизъ: самъ знаешь, что надо. — Вчерашніе Хивинцы заприступались ко мнѣ, общаются подарить мнѣ халатъ полущелковый, лишь бы я уговорилъ тебя ѣхать въ Астрахань съ ихнимъ караваномъ. А ужъ тебѣ-то чего не дадутъ: все дадутъ, что ни запросишь, только согласишься, да поѣзжай, — право поѣзжай, — вѣдь для тебя это плевое дѣло.

— Я сказалъ Хивинцамъ, что не поѣду, стало быть и толковать объ этомъ нечего, проговорилъ съ нетерпѣніемъ казакъ, и хо-

твѣ было уйти на дворъ. Но Киргизъ, ухвативъ за полу его одежды, сказали:

— Постой, постой, хозяинъ! Не торопись, выслушай меня хорошенько, а тамъ дѣлай, что хочешь.

Казакъ неохотно остановился и присѣлъ на лавку, около воротъ, а Киргизъ опустился противу него на землю. Черезъ минуту Киргизъ продолжалъ:

— Вотъ, видишь, хозяинъ, въ чемъ дѣло. Одинъ изъ хивинскихъ каравановъ, что пришелъ сюда съ недѣлю, хочетъ непременно, во что-бы то ни стало, отправиться въ Астрахань, на саняхъ, льдомъ по морю. — Многіе Хивинцы изъ этого каравана подрядили ужъ Гурьевцевъ везти туда свои товары, да тѣ, кто взялся за это дѣло, неохотно что-то ѣдутъ; даже нѣкоторые поговариваютъ, что ежели, дескать, не поѣдетъ съ нами онъ — это про тебя говорятъ — то и мы не поѣдемъ; онъ, говорятъ, лучше насъ и дорогу-то найдеть; потому что, дескать, онъ лѣтомъ часто на судахъ по морю плаваетъ; онъ, говорятъ, сверхъ того, и батырь, онъ одинъ противъ сотни постойтъ; съ нимъ, говорятъ, нестрашно встрѣтиться и съ Киргизами. — Я отчасти съ этимъ соглашаюсь. Кто знаетъ, что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться. Хотя караванъ и по морю поѣдетъ, льдомъ, но вѣдь до моря-то еще пятнадцать верстъ. Кромъ того и въ морѣ гдѣ-нибудь доведется береговъ прихватить, для всякой надобности. Долго ли до бѣды. Въ теперешнее время, какъ слышно изъ орды, наша братья, Киргизы — будь они неладны — не только чужимъ, но и другъ-другу не спускаютъ, а все оттого, что между ханами большія идутъ распри, да не о томъ рѣчь. — Караванъ-то, о которомъ мы толкуемъ, съ шелковьемъ, да съ жемчугомъ; стало быть, хорошая приманка. — Я не боюсь, рассказывая тебѣ обо всемъ объ этомъ, потому что знаю, что ты храбрый казакъ; что ты не только Киргиза, — котораго, разумется, нигдѣ не встрѣтишь, — но даже и самого «шайтана» не испугаешься. — Вѣдь правду говорю, дружекъ?

Съ последнимъ словомъ Киргизъ остановился, пристально посмотрѣвъ на казака, потомъ медленно досталъ изъ-за голенища сапога огромный рогъ, разъ-другой кашлянулъ, разъ-другой плюнулъ, и наконецъ, прищуря одинъ глазъ, а другой изподлобья устремивъ на казака, усердно, даже до слезъ, сталъ набивать объ ноздри табакомъ.

— Ну, ну, говори еще, что тамъ у тебя есть, а если только то и случится, значитъ, мнѣ нечего, пора опять, сказалъ казакъ.

— Нѣтъ не все, продолжалъ съ едва подавляемымъ неудовольствиемъ Киргизъ, немилосердо чихая отъ лишней понюшки табаку и щелкая пальцами себя по носу, изъ котораго поднялось цѣлое облако табачной пыли. — Сидя дома, ты ничего не знаешь, что дѣлается въ городкѣ. Теперь такая идетъ здѣсь кутерьма, что и самъ чортъ не разберетъ. Отъ роду я не видывалъ такой суматохи, такой безалаберщины: толковни-то, толковни-то, а дѣла нѣтъ. Гурьевцы, знай, шатаются толпами изъ дома въ домъ, знай, толпятся на площади, да на улицахъ, а дѣло-то не рѣшаются, словно наши братья, Киргизы, которые за пустяшнымъ дѣломъ валандаются по цѣлымъ недѣлямъ, тогда какъ можно порѣшить его въ одну минуту. Нѣкоторые изъ казаковъ, которые взяли было вѣхать съ Хивинцами въ Астрахань, начисто отказались. — «Не поѣдемъ, говорятъ, безъ него», то-есть безъ тебя — да и только. Объ этомъ знаютъ и Хивинцы. Я насказалъ имъ про тебя съ три-короба. Они не на шутку побавняются воровъ-Киргизовъ, о которыхъ они много слышались еще въ степи, когда шли сюда изъ Хивы, и которые чуть ли не нападали ли на караванъ. Теперь это, конечно, пустыки: Киргизы остались за Ураломъ, — но Хивинцы, какъ я сказалъ, больно настращаны, стало быть въ теперешнее время ты для нихъ истинный кладъ. Безъ тебя, знаю, они не поѣдутъ, хотя бы довелось имъ жить здѣсь до весны, а жить-то имъ здѣсь, сказать по правдѣ, безъ всякой торговли больно убыточно. Теперь отъ тебя зависать взять съ нихъ такую плату, какую захочешь — все дадутъ. Они, я знаю, приготовили въ подарокъ для тебя богатый парчевой халатъ, а для твоей-то повимаешь? — Тутъ Киргизъ лукаво подмигнулъ однимъ глазомъ — для твоей-то дорогой невесты пригоршни отборнаго жемчуга на поднеси. Для нихъ это ничего не стоитъ, а для тебя-то кое-что, думаю, да значить. Теперь, молодецъ, согласенъ, что-ли, вѣхать?

— Вѣхать-то бы ничего, проговорилъ сквозь зубы казакъ, видимо поддаваясь на соблазнительныя слова Киргиза: можно, — да домъ-то не на кого оставить. Посуди самъ: тетка стара, невеста молода, а братъ уѣхалъ въ Саратовъ, да что-то долго не возвращается, — знать скотину не распродалъ. Подумаешь, да и раздумаешь по этой причинѣ.

— Да что тутъ раздумывать, батырь ты могучій, наѣздникъ лихой! сказалъ Киргизъ, хлопая по рукъ своего собесѣдника, и припрыгивая отъ нетерпѣнія на мѣстѣ. Съ Богомъ! денежки возьми, да баринномъ заживи. Знаю, больно тебѣ разстаться съ черноглазой-то, пу, да ужъ куда не шли двѣ недѣли. У тебя, вѣдь, лошади отлич-

ныя, первый сортъ, — такъ долго ли слетать въ Астрахань? Праздниками оттуда непременно вернешься, — къ тому времени прїедетъ и братъ твой, не вѣкъ же онъ будетъ жить въ Саратовъ. После праздниковъ, чай, и свадьба у васъ будетъ; на свадьбу я къ тебѣ приду, чай не выгонишь, — приду еще въ новомъ халатѣ, который подарятъ мнѣ, по милости твоей, Хивинцы.

— «Рвшено, что-ли, молодець удалой?» сказалъ Киргизъ после минутнаго молчанія.

— Ладно, ладно, Каракузька, примолвилъ казакъ. — Утро вечера мудренѣе, — приходи-ка завтра съ Хивинцами, авось и порѣшимъ дѣло, а теперъ прощай.

— Давно бы такъ, соколъ ясный, сказалъ съ непритворной радостію Киргизъ. — Вотъ и я съ новымъ халатомъ, — вотъ и я.... Киргизъ вдругъ остановился. Онъ какъ будто испугался своихъ словъ и смутился. Но тотчасъ, оправившись прибавилъ: ай, да молодець! ай, да Василій Струняшевъ.

После этого собесѣдники разстались. Казакъ ушелъ въ ворота и заперъ ихъ за собой, а Киргизъ, обрадовавшись согласіемъ его, побѣжалъ извѣстить о томъ и Хивинцевъ, караванъ которыхъ расположенъ былъ за городомъ.

Теперь, наконецъ, мы знаемъ причину суеты гурьевскихъ жителей. Знаемъ и то, что молодой казакъ, котораго такъ убѣждалъ Киргизъ вѣхать съ хивинскимъ караваномъ въ Астрахань, былъ не кто другой, какъ Василій Ивановичъ Струняшевъ, о которомъ я началъ мою исторію.

Доселѣ жизнь Струняшева текла единообразно, можно сказать тихо и мирно, подъ кровомъ роднаго дома, въ кругу родныхъ и друзей. Правда, было съ нимъ прежде того одно приключеніе — слѣдствіе юношескаго увлеченія, но оно кончилось безъ всякихъ особыхъ послѣдствій, и не имѣло ни на образъ жизни, ни на самый характеръ его никакого вліянія. Но съ этого времени начинается для Струняшева непрерывный рядъ несчастій и бѣдствій, рядъ житейскихъ тревоженій и переворотовъ, — рядъ трагическихъ событій, которыя перевернули вверхъ дномъ всю жизнь Струняшева, и изъ кроткаго, богобоязливаго и челоуѣколюбиваго казака сдѣлали его непримиримымъ и ожесточеннымъ мстителемъ, какъ увидимъ ниже.

Основываясь на этой точкѣ разсказа, я, съ позволенія читателей, обращаюсь назадъ, для того, чтобы прослѣдить всю жизнь Струняшева, отъ дѣтства до той самой минуты, какъ мы видѣли его разговаривающимъ съ Киргизомъ насчетъ поѣздки въ Астрахань, а потомъ уже буду продолжать пачатое.

Висилій Струняцьевъ родился въ Гурьевъ городкѣ, но взрость въ Красноярскомъ форпостѣ. Отецъ его былъ гурьевскій казакъ, славившійся между товарищами удалствомъ и наездничествомъ, честностію и добродушіемъ. Эти добрыя качества наследовалъ и сынъ отъ него, — но Вася мало помнилъ отца, потому что послѣ смерти его остался по пятому году. Вскорѣ умерла и мать его, оставивъ сиротъ на рукахъ сестры своей. У Васи былъ братъ Иванъ, моложе его тремя годами. Тетка перевезла сиротъ въ Красноярскій форпостъ, гдѣ былъ у ней домъ. На десятомъ году отъ роду отдали Васю вопреки его желанія, къ одной старой дѣвѣ обучаться грамотѣ. Явленіе довольно рѣдкое, потому что мужской полъ на Уралѣ, въ тѣ времена (а это было въ началѣ второй половины XVIII-го вѣка) вообще славился совершенною безграмотностію; казаки, считая для себя неприличнымъ занятіе книжною премудростію, предоставляли его исключительно женскому полу, или *бабью*, какъ выражались казаки. Но на долю Васи выпалъ такой жребій по расчету тетки. Она, замѣтивъ въ характерѣ и поступкахъ племянника что-то степенное, что-то такое, что ставило его выше другихъ казачатъ, его сверстниковъ, вообразила, что изъ племянника ея выйдетъ современемъ или войсковою дьякъ (родъ секретаря), или дѣльный старшина, или, наконецъ, искусный канонникъ, то-есть грамотный, который станетъ во главѣ раскольниковъ (тетка была раскошница). Но она крѣпко ошиблась въ своихъ расчетахъ. — Грамота не давалась Васѣ, да и самъ-то онъ былъ не такого поля ягода, чтобы сидѣть день-деньской за азбукой. Онъ лучше бы согласился въ ступъ воду толочь, или изъ песку веревки вить, чѣмъ твердить, безъ толку, *буки аз-ба, вѣди аз-ва*, и тому подобное, а *окси*, да *аварии*, да *коморы*, да *краткіе*, и прочая такая, по словамъ Васи, дребедень, казались ему мудреные всего на свѣтѣ. Цѣлый годъ *мастерица* (такъ называютъ у насъ, на Уралѣ, женщинъ, обучающихъ дѣтей книжною премудрости, а мужчины этого сорта именуется *мастерами*) билась съ Васей, а толку не добила: ученикъ не подвигался ни на шагъ впередъ. — Цѣлый годъ зубрилъ Вася: *отъ сна возставъ*, но совсѣмъ не пробудился, и такъ весь вѣкъ остался челоувкомъ «темнымъ», то-есть безграмотнымъ.

— Для какой *оказіи*, желалъ бы я знать, нужна мнѣ грамота — будь она неладна? Попомъ или дьячкомъ я не сдѣлаюсь! А читать ваши *веселые кануны*, да пѣть стихеры — мое почтѣше:

не на то я родился! Если Богъ приведетъ мнѣ быть атаманомъ или эсауломъ, то и безъ грамоты обойдусь, какъ обходится теперешній нашъ эсаулъ: была бы печать, а печать сдѣлаетъ любой серебрякъ. Отецъ мой не зналъ грамоты, да жилъ не хуже другихъ: такъ проживу и я. — Ретивый и рѣзвый конь, да булатное копье, да фузеля или винтовка — вотъ такъ штуки! есть чему и для чего поучиться!

Такъ говорилъ Вася, когда тетка, со слезами на глазахъ, приступала къ нему съ совѣтами и просьбами — бросить лѣнь и приняться за учебу.

— Хоть камень на шею, да въ воду — а ужъ не стану учиться! кричалъ Вася, когда, послѣ увещаній и просьбъ, сыпались на него удары двухвостки или крученого, смолянаго, тельжнаго тлжа.

Бились, бились, да наконецъ и отступились отъ Васи. Взяли, или, какъ говорятъ на Уралѣ, *отпхали* его отъ мастерицы, и отдали къ одному старому казаку въ *костлишки*.

(Такъ называются пастухи конскіе, во время весенняго и осенняго рыболовства по Уралу, да и всѣ вообще люди, стерегущіе въ полѣ конскіе *косяки*, то есть табуны).

Обязанность Васи состояла въ томъ, чтобы вечеромъ, когда артель рыболововъ переѣдетъ съ одного мѣста на другое, то-есть съ одного рубежа на другой, собрать лошадей въ кучку, отогнать ихъ на привольный кормъ, во всю ночь караулить, а утромъ пригнать къ обозу, сдать ихъ въ цѣлости и — больше ничего.

Вася и прежде, подобно всѣмъ казачатамъ, упражнялся въ верховой ѣздѣ, но тутъ, гдѣ онъ цѣлую ночь былъ царемъ коней, гдѣ онъ на любую садился лошадь — тутъ онъ совсѣмъ напрактиковался и сдѣлался отличнымъ и безстрашнымъ наѣздникомъ.

По окончаніи рыболовства, онъ принесъ домой и вручилъ своей теткѣ или мамушкѣ, какъ онъ называлъ ее, нѣсколько десятковъ рублей, и тѣмъ утѣшилъ разгнѣванную свою воспитательницу.

Такимъ образомъ до пятнадцати-лѣтняго возраста Вася промышлялъ и себѣ и брату хлѣбъ. Но съ этого времени, оставивъ *косяшничество*, онъ сталъ уже наниматься въ *весельщики*, то-есть въ гребцы къ рыбакамъ, сначала въ *двойчатки*, а потомъ въ *одинцы*, (*) и бралъ за то платы отъ семидесяти до ста рублей. Наконецъ, скопивъ

(*) *Двойчатки* значить двое гребцовъ въ одной бударкѣ, а *одинцы* — одинъ гребецъ. Въ двойчатки, разумѣется, употребляются слишкомъ молодые казачата, не совсѣмъ еще укрупнишіеся въ силахъ, а въ одинцы садятся ужъ взрослый и сильный молодецъ.

не большой капиталецъ, завелъ свою *бударку* (лодку), накупилъ и навязалъ сътей, и самъ сталъ уже нанимать для себя работниковъ. Тѣмъ временемъ подросъ и братъ его. Тогда вдвоемъ принялись они успѣшнѣе за хозяйство, то-есть за рыболовство, ибо въ тѣ времена, когда Струняшевъ былъ молодъ, ничѣмъ другимъ, кромѣ рыболовства и звѣроловства, казаки не занимались. Обзавелись братья Струняшевы своимъ домомъ, и зажили припѣваючи. Двадцати лѣтъ Вася былъ записанъ въ служивые казаки. Чрезъ три года послѣ него, зачисленъ въ казаки и братъ его. Тогда занятія свои они раздѣлили: Вася бѣльшую частію служилъ въ линейной, то-есть всегда готовой въ походъ, командѣ, а братъ его, Иванъ, занимался хозяйствомъ.

Состоя въ линейной командѣ, Вася больше имѣлъ случаевъ драться съ Киргизами, чѣмъ братъ его, и потому былъ гораздо воинственнѣе его. — Въ первый разъ, какъ Вася съехался съ басурманами, ему удалось одного изъ нихъ застрѣлить изъ винтовки, другаго ссадить пикою, а третій, раненый, едва унесъ отъ него ноги. Это Васю поощрило, и онъ съ тѣхъ поръ полюбилъ жизнь бранную. Передавъ хозяйство брату, самъ онъ записался во всегдашніе линейные. — Онъ изъ первыхъ являлся по зову на сборное мѣсто. Кони у него были отличные, лихіе, не кони, а орлы, какъ отзывались объ нихъ знатоки; а потому въ поискахъ за Киргизами Василій Струняшевъ былъ впереди всѣхъ, первый встрѣчалъ или нагонялъ враговъ, первый ударялъ на нихъ, бывалъ жестоко раненъ, но никогда не отступалъ. Киргизы довольно хорошо испытали на себѣ его храбрость и ловкость: лишь только, бывало, появится въ полѣ всадникъ на саврасомъ или соловомъ конѣ (Струняшевъ на лошадяхъ другой масти почти не ѣздилъ) — Киргизы, какъ саранча, разсвуются во всѣ стороны. — Въ открытомъ бою онъ всегда работалъ пикою. Винтовку же употреблялъ только тогда, когда какія-нибудь мѣстные препятствія мѣшали ему приблизиться къ врагу. Стрѣлялъ Вася изъ винтовки на славу, такъ мѣтко, такъ вѣрно, какъ только стрѣляли нѣкоторые въ его время, и то немногіе, опытные охотники, и какъ въ наше время, къ-сожалѣнію, никто стрѣлять не можетъ. Для Василія Струняшева ничего не стоило въ двухъ стахъ шагахъ разрѣзать пулю объ ножевое лезвіе. Словомъ, Струняшевъ считался однимъ изъ первыхъ воиновъ-стрѣлковъ въ свое время. Знали его хорошо и Киргизы, и боялись какъ огня.

Между тѣмъ воспитательница ихъ овдовѣла, и братья Струняшевы приняли ее къ себѣ въ домъ, какъ родную мать, а добрая старушка, не имѣя дѣтей, привязалась къ нимъ, какъ къ роднымъ.

Вотъ наконецъ настала пора Вася обабиться, жениться. Часто намекала ему объ этомъ его тетка, но онъ не давалъ ей яснаго отвѣта — ни *да*, ни *нѣтъ*. Онъ какъ-то неръшительно и соглашался, и отказывался, а между тѣмъ, замѣтно было, на душѣ у него что-то происходило необыкновенное. Сталъ онъ вести жизнь уединенную, несогласную съ его живымъ и веселымъ характеромъ; товарищей своихъ чуждался, на вечеринкахъ, въ кругу дѣвушекъ, вовсе не показывался.

Это породило насчетъ его разные толки. Одни говорили, что Вася живетъ не добромъ, что часто поночамъ куда-то отлучается. Другіе утверждали, что часто его видѣли рано утромъ возвращающагося изъ луговъ въ мокрой одеждѣ. Третьи за тайну выдавали, что не рѣдко случалось имъ подслушивать, какъ Вася, будучи одинъ одинехонекъ, съ кѣмъ-то перешептывался. Это послѣднее извѣстіе сильно озадачило суевѣрныхъ жителей, и всѣ толки, всѣ сплетни привели наконецъ къ одному заключенію: Вася Струнашевъ — единогласно было сказано — *знается съ шутовкой!*

Да позволено мнѣ будетъ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы пояснить, что значить «шутовка».

На языкѣ Уральцевъ слово *шутовка* означаетъ то же, что у Русскихъ вообще слово *русалка*. Поясненіе, можетъ быть, лишнее, но да ужъ сдѣлано, слѣдовательно такъ и останется. — Между уральской шутовкой и общей русалкой есть небольшая разница — именно: послѣдняя, то-есть русалка, какъ извѣстно изъ разсказовъ и описаній, тотчасъ губить неосторожную жертву, которая попадетъ ей въ руки, а уральская шутовка, напротивъ, бережетъ свою жертву многіе года, и покушается на жизнь обольщеннаго ею молодца тогда только, когда молодца этого стануть отбивать отъ нея люди.

И теперъ между Уральцами многіе придерживаются этому суевѣрію, а въ описываемое мною время всѣ безъ изъятія были убѣждены и вѣрили въ существованіе шутовокъ и шутовъ, то-есть проклятыхъ.

Слушая, бывало, разсказы объ этихъ казусныхъ, какъ говорятъ казаки, происшествіяхъ, невольно убѣждаешься, что мужчины, подозрѣвавшіеся въ связяхъ съ шутовками, были просто-на-просто подвержены умственному разстройству, вслѣдствіе естественныхъ болѣзней. Такихъ несчастныхъ, разумѣется, отчитывали, поили разными снадобьями, намазывали съ ногъ до головы свинымъ саломъ, — словомъ, подвергали всякимъ непріятнымъ, даже отвратительнымъ, суевѣрнымъ операціямъ. Если натура больного преодолевала болѣзнь, и страждущій выздоравливалъ, то значило: шутовку отогнали. Если больной умиралъ — это значило: шутовка задушила его.

Но женщинъ, надо замѣтить, всегда удачно разлучали съ шутами или проклятыми, когда серьезно принимались за это дѣло; потому что женщины, исключая самыхъ рѣдкихъ случаевъ, не бывъ большыя, просто, какъ водятся, изъ видовъ притворялись.

Не очень давно, на моей памяти, въ сосѣдяхъ у меня, одна молодая казачка, желая отклонить отъ себя грозу, которая приближалась къ ней вмѣстѣ съ возвращеніемъ мужа со службы, вздумала прикрыть невольные грѣшки свои нечистой силой, — и ей удалось. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не удастся? Вѣдь сама матушка-попадья нѣсколько разъ видѣла, какъ по полуночамъ леталь къ бѣдной страдалицѣ, огненнымъ змиемъ, проклятый, и какъ онъ разсыпался искрами надъ трубой ея дома.

Случай этотъ, замѣтить нужно, происходилъ въ 1830-хъ годахъ, когда уже понятія Уральцевъ немного поочистились. Что же могло быть, спрашивается, за пятьдесятъ лѣтъ и дальше? Не берусь отвѣчать на это, да и не нужно: всякій легко можетъ вообразить тьму кромешную, въ которой блуждали мои земляки.

Вотъ такую-то небывалую напасть приписали суевѣрные жители Василью Струняшеву, который былъ здоровъ какъ нельзя лучше, и который, сверхъ того, вопреки своему времени, вовсе не боялся шутовокъ, хотя и вѣрилъ въ ихъ существованіе. Всѣ считали Васю пропавшимъ, отпѣтымъ, просто ободраннымъ, чорту готовымъ, бараномъ, какъ говорятъ Уральцы: ибо всѣ знали твердый и непреклонный характеръ Струняшева, всѣ были убеждены, что онъ не допуститъ, чтобы его мазали вонючимъ свинымъ саломъ, поили настоємъ зѣвробоя, чертополоха и другихъ спасительныхъ, по словамъ казаковъ, травъ, отгоняющихъ бесовскую силу, а о канонникахъ и уставщикахъ и помину не было: напередъ предвидѣли, что Вася за окно выброситъ всякаго такого грамотья, который бы взялся отчитывать его.

«Онъ — говорить единогласно — знаетъ съ шутовкой!» Вѣсть эта, какъ кипяткомъ, обдала его тетку. Она, сердечная, такъ и обмерла, когда одна досужая и сердобольная кумушка съ участіемъ, можетъ быть и притворнымъ, передала ей народныя толки, и въ утѣшеніе старухи совѣтовала притомъ отвезти племянника въ сосѣдственный Харкинский форпостъ и сдать на руки канонника, чтобы онъ отчиталъ Васю и отогналъ отъ него нечистую силу, пока она совсѣмъ его не осѣтовала.

— Христось съ тобой, мамушка! сказалъ Вася теткѣ, когда она въ сотый разъ стала его спрашивать и умолять, чтобы онъ повѣдалъ ей свою тайну, такую страшную оказію. — Вотъ посмо-

три-ка, мамушка: на мнѣ и крестъ, и поясъ цѣлехоньки, а вѣдь шутовка этого не потерпѣла бы, сама знаешь,

— Такъ, такъ, мой соколики! говорила, сквозь слезы, немного утѣшенная тетка. — Вижу на тебѣ печать Христову, и радуюсь. Молю Пречистую Богородицу, чтобы Она, наша Заступница, избавила тебя отъ дьявольскаго наважденія. Но, дитятко мое любезное, люди-то говорятъ больно не ладно, индо страшно слушать-то.

— Пусть ихъ говорятъ, сказалъ съ негодованіемъ Вася: на чужой ротокъ не накинешь платокъ. Говорятъ они о томъ, чего и сами не знаютъ, да я плюю на ихъ слова то, и только.

— Все это такъ, мой голубчикъ, промолвила старуха: да ты поведай мнѣ, я тебя не выдамъ, скажи-ка мнѣ, мой родимый: куда ты по ночамъ-то бродишь? Вѣдь тебя здѣсь на вечеркахъ, я слышала, никогда не видно, а дома-то почувешь ты рѣдкую ночь.

— Куда!... отвѣчалъ съ сердцемъ Вася. — Разумѣется туда, куда нужно, только, слава Богу, не къ шутовкѣ, которую выдумали злыя сплетницы; къ шутовкѣ не зачѣмъ ходить, она и сама легка, тотчасъ явится, гдѣ нужно, — стѣдить только позвать....

— Ахъ, съ нами сила крестная! вскричала старуха, крестясь и отплеываясь на стороны. — Какія ты ужасты говоришь, Васинька, индо морозъ меня пробираетъ! Богъ съ тобой, мой кормилецъ. Будь по твоему, если ты не хочешь открыться мнѣ; только чего не надо, не говори.

— Погоди, любезная мамушка, немного, какихъ-нибудь денька два, узнаешь, — вотъ только съѣзжу въ Калмыковскую крѣпость и переговорю съ отцомъ Петромъ; онъ священникъ добрый, сговорчивый. Какъ только улажу съ нимъ, такъ тамъ... Вася какъ будто боясь открыть прежде времени свою тайну, не договорилъ, вышелъ изъ избы и отправился, отъ нечего дѣлать, на улицу. День былъ праздничный. Весь форпостъ, что называется, былъ на улицахъ. На завалинахъ, во многихъ мѣстахъ, сидѣли казаки и бабы, и также отъ нечего дѣлать щелкали орѣхи, грызли сѣмена, ѣли сушеную рыбу, и толковали о всякой всячинѣ, или, какъ говорится, переливали изъ пустого въ порожнее. Вася подошелъ къ одной изъ группъ, но при появленіи его, собесѣдники и собесѣдницы замолчали, значительно переглянулись другъ съ другомъ, а потомъ, одинъ за однимъ, разошлись по домамъ. Не обративъ на это никакого вниманія, Вася подошелъ къ казачьему кружку, который забавлялся орлячкой; но и этотъ кружекъ вскорѣ незамѣтно исчезъ: тогда Вася догадался, что вездѣ и у всѣхъ онъ какъ бѣльмо на глазу, что его боялся, какъ чумы, что, вѣролатио, у всѣхъ только и рѣчей, что объ немъ

и объ его мнимой шутовкѣ, — презрительно улыбнулся, махнулъ съ досады рукой и тотчасъ ушелъ къ себѣ на задній дворъ. Черезъ пять минутъ онъ стрѣлой летѣлъ на саврасомъ конѣ въ Калмыковскую крѣпость, которая отстоитъ въ пятнадцати верстахъ отъ Красноярскаго форпоста.

Вечеромъ, возвратясь, съ радостнымъ лицомъ, изъ Калмыковской крѣпости, Вася забѣжалъ на минуту въ избу и скоро, отрывисто проговорилъ: — Ну, мамушка, прощай! жди меня съ гостьей... съ шутовкой! прибавилъ Вася, быстро уходя изъ избы.

Старуха не успѣла опомниться отъ удивленія и страха, какъ Вася чрезъ задній ворота выбрался въ поле, вскорѣ спустился подъ гору въ луга и скрылся наконецъ въ лѣсу.

Спустя послѣ того минутъ пять, вышелъ изъ дому Струншаева братъ его, Иванъ, которому Вася, при уходѣ со двора, что-то шепнулъ на ухо, и отправился на берегъ Урала. Тамъ Иванъ ссунулъ на воду легкую бударку, сѣлъ въ нее, взмахнулъ весломъ, быстро понесся внизъ по теченію рѣки, и вскорѣ исчезъ за первымъ поворотомъ.

IV.

Наконецъ пора раскрыть тайну Васи, которая надѣлала столько для него неприятностей.

За полгода предъ тѣмъ, зимой, случилось ему быть за Ураломъ, въ аулѣ мирныхъ Киргизовъ, кочевавшихъ около такъ называемаго Краснаго-Яра противу Бородиной *луки* (*). У Киргизовъ въ то время, по случаю праздника *байрама*, происходило пиршество, или по ихнему *той*, *кызыкъ*, что значить буквально *веселье*, *потѣха*.

Между разными увеселеніями первое мѣсто, у киргизской молодежи, занимаетъ скачка за дѣвушками, или, правильнѣе сказать, *гонка дѣвушекъ*. Это происходитъ вотъ какъ. — Одна изъ дѣвицъ, верхомъ на лошади, выѣзжаетъ отъ толпы впередъ, подъ прикрытіемъ родственника или другаго какаго, по ея выбору, Киргиза. Киргизъ этотъ, представляя собою родъ стража, тѣлохранителя,

(*) *Луками* казаки называютъ вообще луговые мѣста, вдающіяся, такъ сказать, въ Уралъ, или правильнѣе полуострова, образуемые кривизнами рѣки. Если полуостровъ продолговатъ, похожъ на треугольникъ — онъ называется *острой лукой*. Если рѣка огибаетъ полуостровъ дугообразной или ломаной линіей, то онъ называется *круглой лукой* или вообще *лукой*. Иногда луки называются, какъ и всякія урочища, отъ разныхъ именъ.

держитъ за поводъ лошадь красавицы и вмѣств съ тѣмъ ограждаетъ даму отъ нетерпѣливыхъ рыцарей — Киргизовъ, которые толпой напираютъ на нее, стараясь одинъ передъ другимъ сорвать пальму первенства. Послѣ угрозы, послѣ нѣсколькихъ ударовъ ногойкой, тѣлохранителю удается наконецъ отдѣлаться отъ массы наѣздниковъ. Отъѣхавъ отъ нихъ саженой на двадцать, онъ взмахиваетъ ногойкой и вскрикиваетъ; — лошадь дѣвушки ударится со всѣхъ ногъ впередъ, и наѣздница, какъ птица, полетитъ въ степь. За ней, въ то жь мгновѣніе, пускается нѣсколько молодцовъ-Киргизовъ. Разумѣется, одинъ изъ этихъ кавалеровъ, ежели лошадь его рѣзвѣ прочихъ, догоняетъ дѣвицу, а та, чтобы не допустить его до себя, что есть силы-мочи хлещетъ по немъ ногойкой во что ѣй попало, не разбирая ни лица, ни глазъ. Но это ей не помогаетъ, а только подстрекаетъ самолюбіе рыцаря, который, приходя часть отъ часу въ запальчивость, не смотритъ уже ни на что, ястребомъ подлетитъ съ боку къ строгой и неприступной красавицѣ, одной рукой на всемъ скаку обнимаетъ ее, а другой слегка придержитъ за *ямчикъ* (за груди), — въ удачное время сорветъ и поцѣлуй. Послѣ такого подвига рыцарь признается побѣдителемъ, и красавица, дотолъ строгая и неумолимая, ѣдетъ съ нимъ назадъ рядомъ, или, какъ говорится, плечо о плечо, дозволяя по временамъ потрепать себя за ямчикъ, что считается степными поклонниками за верхъ награды и удовольствія. Но не рѣдко бываетъ, что трусливый и нерѣшительный кавалеръ, не догнавъ дѣвушки, или догнавъ, да получивъ отъ нее два-три мѣткіе удара по лицу, возвращается со стыдомъ назадъ. Часто притомъ хитрятъ и дѣвушки. Такъ, на примѣръ, надѣясь на быстроту лошади, дѣвушка придержитъ ее, дастъ приблизиться къ себѣ кавалеру, разумѣется тому, кто ей не нравится, но потомъ отпустивъ ему нѣсколько полновѣсныхъ ударовъ, круто поворотитъ коня и устремится назадъ, а несчастный кавалеръ, иногда съ лицомъ въ крови, покрытый насмѣшками, возвращается вспять.

Вотъ такого-то рода потѣха происходила между Киргизами и на томъ праздникѣ, гдѣ присутствовалъ Василій Струняшевъ. — Изъ всѣхъ дѣвицъ, тутъ бывшихъ, одна, по имени Алтына, дочь богатаго киргизскаго старшины, отличалась и красотой, и богатствомъ одежды. Подъ ней былъ туркменскій аргамакъ, рѣзвый, какъ птица. По милости этого коня, ни одинъ смѣльчакъ не могъ коснуться дѣвственныхъ грудей Алтыны. Алтына торжествовала и гордо на всѣхъ смотрѣла. Заговорило ретивое Струняшева. «Неужели, думалъ онъ, савраска мой солжетъ? Неужели допустить онъ сухопарому трухменцу обогнать себя? Нѣтъ, этого быть не

можетъ! сказалъ онъ вслухъ, и въ то жь мгновение вылетѣвъ изъ толпы наѣздниковъ, гордо остановился.

— *Чапъ, кыздаръ!* (скачите дѣвушки!) вскричалъ онъ.

Дѣвушки усмѣхнулись и показали ему погайки, а Алтына покраснѣла, какъ будто обиженная вызовомъ русскаго джигита (молодца). — Потомъ, чрезъ нѣсколько мгновений, молча, безъ всякой церемоніи, ударила погайкой аргамака и вихремъ пронеслась мимо Васи.

Саврасый конь Васи, почти задѣтый проскакавшимъ аргамакомъ, почувя скачку, рванулся впередъ, но сдержанный могучей рукой всадника, присѣлъ на заднія ноги и заплесалъ. Отпустивъ отъ себя красавицу сажень на сто, Вася устремился вслѣдъ за ней, и вскорѣ началъ достигать. Проскакавъ версты двѣ и убѣдясь, что аргамакъ туркменскій не уйдетъ, Васи придержалъ своего коня, чтобы дать время перевести ему духъ, а Алтына между тѣмъ гнала своего во всю мочь. Это кончилось тѣмъ, что чрезъ нѣсколько минутъ Вася скакалъ рядомъ съ дѣвушкой, — но она, къ удивленію его, не поднимала на него погайки.

— Что за дьявольщина, подумалъ Вася. — Да она, кажись, и не смотритъ на меня. Развѣ заниматься со мной не хочетъ? Ну, это другое дѣло. Да зачѣмъ же она скакала — кто просилъ? А вотъ посмотрю, узнаю.

— Алтына! сказалъ онъ, и схватилъ за поводъ ея лошадь. Но дѣвушка молчала. Вася остановилъ коней, сошелъ на полъ, подошелъ къ наѣздницѣ, взялъ ея за руки и спросилъ: здорова ли ты?

— Ахъ, Вася, умираю! совсѣмъ умираю! проговорила трепещущая дѣвушка и упала съ лошади на руки казаку. Я люблю тебя, джигитъ, крѣпко люблю — присовокупила дѣвушка. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла тебя... въ прошломъ году на скачкѣ... съ тѣхъ поръ такъ вотъ тутъ — указывая на сердце — что-то у меня и засыло... Жить безъ тебя не могу, Васиій....

Васиій обезумѣлъ отъ неожиданности, хотѣлъ что-то сказать, но не успѣлъ: въ эту минуту подскакало къ нимъ нѣсколько подругъ Алтыны. Алтына, чтобы скрыть свое смущеніе и не дать ничего замѣтить, вскочила на лошадь и помчалась назадъ, — подруги ея послѣдовали за ней, а Вася остался на мѣстѣ. Чрезъ минуту онъ тащился шагкомъ къ аулу и дорогою разсуждалъ самъ съ собою....

— Вотъ счастье-то привалило не думанно, не гаданно, право счастье, ей Богу счастье! А что, вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не дурно бы.... тово.... Гмъ! Нѣтъ, не возьму такого грѣха на душу.... Вася задумался.... А что, вѣдь дѣвка недурна, продолжалъ онъ снова

разсуждать. Какое недурно? возражалъ самъ себѣ казакъ, котораго часть отъ часу видимо воспламеняла любовь, просто красавица: была, какъ снѣгъ, румяна, какъ маковъ цвѣтъ, глаза черные, какъ смоль, да и не такіе, какъ у другихъ Киргизокъ, не узкіе и не косые, не осокон прорѣзаны, а просто какъ есть глаза — большіе, на выкатъ, такъ вотъ, кажись, и хотять съѣсть... Что если бы Богъ привелъ окрестить ее? дѣло хорошее, святое, а тамъ ужъ за одно и подъ вѣнецъ; славная бы штука вышла, право-слово славная! Хоша отецъ и басурманъ, да что за дѣло? Ужъ какъ дѣло сдѣлается — такъ не воротить, а тамъ, смотришь, посердится, посердится, да и простить. — Лошадей и всякаго скота у него велие, глядишь, и удѣлить дочери малую толику. Тогда и Василій Струняшевъ выйдетъ въ люди, ей Богу въ люди! Самъ эсаулъ наклоняется въ поляхъ. Вотъ житье-то будетъ, не житье, а масляница! А дѣвка-то, дѣвка-то? Да просто прелесты! продолжалъ разсуждать Струняшевъ, замѣтно болѣе и болѣе увлекаемый отчасти и страстію къ Алтынь, отчасти и жаждою къ ея богатству. — Представляю себѣ, какъ нарядится она въ красный штофный сарафанъ, съ золотыми пуговицами и прозуентами, какъ уберетъ голову жемчужной, съ драгоценными камнями, сорокой — такъ просто бѣда, — просто всѣхъ нашихъ красавицъ перещеголяетъ, такъ просто королевной сдѣлается, право слово, королевной! Ну, куда судьба ни вынесетъ, во что Богъ ни направитъ, во что.... А ужъ не отступлюсь! Или сына клокъ, или вилы въ боки!

Тутъ онъ приблизился къ народу, вмѣшался въ толпы наѣзди-никовъ, и вскорѣ потомъ уѣхалъ домой.

Нѣтъ надобности, кажется, разсказывать, что послѣ описаннаго признаія Алтынь и разсужденія Василья — оба они не пропустили даромъ перваго удобнаго случая къ свиданію. Какъ водится, на-сказали одинъ другому по простотѣ сердечной тѣму нежностей, и, какъ слѣдуетъ, поклялись любить другъ друга вѣчно.

Василій Струняшевъ положительно рѣшился жениться на Алтынь, и каждый разъ, при свиданіи, уговаривалъ ее бѣжать съ нимъ. Другаго средства на бракъ ихъ не было, потому что открыться объ этомъ отцу Алтынь значило бы себя и ее подвергать явной опасности: фанатикъ-магометанинъ не оставилъ бы безъ наказанія ни дочери, ни «кафира»; но Алтынь, не смотря на любовь къ Васю, отказывалась отъ его предложенія: ее страшилъ и гнѣвъ отца, и переходъ изъ магометанства въ христіанство. — Любовники находились въ самомъ неприятомъ, даже безвыходномъ положеніи. Вася, какъ ни ломалъ голову, но ничего лучшаго не выдумалъ. Увезти

Алтыну отъ отца и гдѣ-нибудь скрыться на время съ ней — вотъ одно, на чемъ Вася рѣшительно остановился; но дѣвушка, какъ уже сказано, на бѣгство не соглашалась.

Въ такомъ положеніи прошла зима.

Съ наступленіемъ весны Киргизы откочевали отъ береговъ Урала въ степь, откочевалъ и отецъ Алтыны, и любовники разлучились. Плакала Алтына, горевалъ и Струняшевъ. Съ этого времени, къ удивленію форпостныхъ жителей, изъ безпечнаго и веселаго парня, онъ сдѣлался угрюмымъ и молчаливымъ, оставилъ товарищей и отказался отъ дѣвичьихъ вечеринокъ, до которыхъ прежде онъ былъ страстный охотникъ. — Часто уходилъ онъ въ луга, переплывалъ Уралъ и проводилъ цѣлыя ночи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дотогъ видѣлся съ Алтыной. Пока она была у него, что называется, на глазахъ, онъ мало дорожилъ ея ласками, — но когда онъ съ ней разстался, ему стало грустно безъ нея. Таково ужь, видно, сердце человѣческое. Хотя пословица и говорить, что «имѣя — не дорожимъ, а потерявъ не тужимъ», но съ Струняшевымъ, какъ видимъ, было совсѣмъ противное. Къ тому же сердце его сильно щекоталось и самолюбіемъ. — «Дуракъ я выхожу» — говорилъ онъ иногда самъ себѣ: — давался кладъ въ руки, а я боялся приступить къ нему. Надобно бы... не такъ повести дѣльцо-то, слѣдовало бы... Да что ужь и толковать объ этомъ? Не воротись. Задній умъ хорошъ, да чортъ ли въ немъ. Посижу у моря и подожду погоды,» прибавлялъ Струняшевъ, какъ будто себѣ въ утѣшеніе. Но между тѣмъ удивленная его жизнь, его ночныя отлучки, породили насчетъ его странные и нелѣпыя толки, и суевѣрные жители, какъ мы видѣли выше, единогласно сдѣлали приговоръ, что Васей овладѣла нечистая сила.

Больно было Васѣ слышать эти толки, но дѣлать нечего, онъ переносилъ ихъ съ удивительной стойкостью. Въ досадѣ на сплетницъ-бабъ, охотницъ выдумывать и распространять разныя небылицы, мастерицъ все выворачивать наизнанку и изъ мухи дѣлать слона, — въ досадѣ и на казаковъ, вѣрившихъ бабамъ, Вася не хотѣлъ никого разубѣрять въ этомъ заблужденіи, и сталъ больше прежняго чуждаться людей и углубляться въ самого себя. Зналъ только эту тайну одинъ братъ его, Иванъ, но онъ, изъ послушанія и покорности къ Васѣ, молчалъ.

Насталъ июль мѣсяцъ, время покосовъ на Уралѣ. Мирные Киргизы, большею частію *байгуши* (бѣдняки), приходятъ въ это время изъ степи къ Уралу, частію для того, чтобы заниматься къ казакамъ въ работники на покосы, частію для того, чтобы самимъ по-

живиться отъ казаковъ клочкомъ луговъ и запасти на зиму немного сѣна. Къ удивленію и радости Васи, прикочеваль съ семействомъ и отецъ Алтыны. Въ первыя минуты свиданія съ возлюбленной, Вася не помнилъ отъ радости самого себя, — но когда Алтына повѣдала ему, что отецъ просваталъ ее, и что она съ часу на часъ ожидаетъ или жениха, или пословъ отъ него, которые увезутъ ее далеко въ глубь степи, туда, откуда ни она о немъ, ни онъ о ней ничего не услышать, не узнають, тогда онъ упалъ, какъ говорится, съ неба на землю. — «Все пропало», говорилъ самъ себя казакъ. «Всѣ думы мои разлетѣлись, разсыпались, какъ дымъ».

— Алтына! сказалъ онъ дѣвушка, послѣ нѣкотораго молчанія. — Любишь ты меня?

— Люблю, отвѣчала она.

— Хочешь со мной бѣжать?

— Хотѣла бы, да боюсь.

— Кого?

— Отца.

— Только-то?

— Пока только. А что?

— А о вѣрѣ не думаешь, какъ говорила прежде?

— Пока не думаю. А зачѣмъ тебѣ это знать?

— Вотъ зачѣмъ: ежели только боишься отца, то это чистые пустяки.

— Какъ пустяки?

— Да такъ, просто пустяки! Когда ты со мной по нашему закону обвиняешься, тогда отецъ ничего тебѣ не сдѣлаетъ.

— Да, ничего не сдѣлаетъ, только и тебя, и меня убьетъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, просто: прійдетъ на форпостъ, придетъ къ тебѣ въ домъ, да хватить тебя и меня по боку пожемъ или кинжаломъ.

— Какъ бы не такъ! на первыхъ порахъ я не пущу отца твоего къ себѣ въ домъ; дамъ время пройти его гнѣву.

— Онъ силой ворвется. Онъ вѣдь старшина, соберетъ толпу Киргизовъ, да и нападетъ съ ней на форпостъ. Тебѣ, пожалуй, ничего не сдѣлаетъ, — знаю, ты молодецъ, но мнѣ-то придется жутко. Такъ-ли, сжъ-ли, а онъ изведетъ меня.

— Вздоръ! сказалъ съ восторженностью казакъ. — Отецъ твой ничего намъ не сдѣлаетъ. Но если не такъ, то я увезу тебя отсюда; земля наша не клянномъ сошлась, — слава Богу, есть гдѣ приютиться. Уведемъ съ тобой въ Гурьевъ. Тамъ, за каменными башнями, да за высокими и частыми рогатками, отецъ твой не стра-

шесть. Не только твоему отцу, даже и цѣлой вашей ордѣ не удастся добраться до Гурьева. Городъ этотъ выстроенъ на острову, — кругомъ его на сотни верстъ глухія, непроходимыя камышевыя заросли; какъ сѣткой, окруженъ онъ глубокими рѣчками, ериками и проранами, — какъ моремъ, омывается огромными озерами и ильменями. Тамъ и жители, наприкладъ, изъ городка въ слободку, или изъ слободки въ городокъ, рядомъ, бокъ о бокъ, стоящіе, не иначе ѣздятъ другъ къ другу, какъ на лодкахъ. Да если бы и не это, такъ за Гурьевъ можно смѣло ручаться, что его не одолѣетъ никакая орда; вѣдь въ Гурьевъ кромѣ всего, что я тебѣ сказалъ, есть «интилерія» то-есть множество большихъ пушекъ, а казаки тамъ живутъ все на подборъ, молодець къ молодцу, удалецъ къ удалцу, и на землѣ и на водѣ. А ужъ какое житье-то тамъ привольное, индо рассказать тебѣ не могу, продолжалъ казакъ. — Камыши биткомъ набиты кабанами, волками, лисицами, порѣшными (выдрами) и другими разными рѣдкими звѣрями. — Рѣчки, озера и ильмени, какъ сукномъ, покрыты разной птицей. По ночамъ, отъ гусянаго гаганья, да отъ утиного кряканья, да отъ свиста и чиликанья разныхъ птицъ, нельзя разговаривать на улицѣ. А какъ, по вечернимъ, да по утреннимъ зарямъ, стройно и гоюсисто запоютъ и закликаютъ бѣлые красавцы-лебеди, такъ вотъ, кажется, душа и хочетъ вылетѣть вонъ, просто заслушаешься. — Въ Яикѣ и проранахъ красная рыба (бѣлуги, осетры и проч.) почитай поверху ходитъ: любую выбирай и подсаживай на багоръ. Просто, насчетъ звѣрей, птицъ и рыбъ, Гурьевъ городокъ самое обильное мѣсто, — лучше его нѣтъ во всей нашей землѣ, не даромъ про него говорятъ: «Гурьевъ городокъ Москвы уголокъ». — Не очень далеко отъ него, на другой сторонѣ моря, есть еще большой городъ Астрахань, не нашъ, то-есть не казачій, а русскій. Оттуда каждое лѣто гурьбой привѣзжаютъ въ Гурьевъ купцы, съ шелковыми да парчевыми товарами, съ яблоками, сливами, виноградомъ и съ разными ягодами и сладостями, которыхъ ты никогда не видывала, но которыя лучше и слаще всякаго меда и сахара. Богъ дастъ, самъ заведу судно или большую лодку, и свожу тебя въ Астрахань, людей посмотрѣть, себя показать. Теперь, говорятъ, Гурьевцы начинаютъ уже заводиться судами и плавать въ Астрахань. Первый изъ казаковъ на это ремесло пустился, какъ слышно, Федоръ Поповъ. Онъ, говорятъ, человекъ зажиточный и милостивый. Къ нему обращаюсь, и онъ, надѣюсь, не откажетъ въ помощи. Сначала буду работать на него, а потомъ, увидя мое стараніе, онъ пособитъ мнѣ самому обзавестись хозяйствомъ. Я и безъ того давно намѣреваюсь переѣхать на житье въ Гурьевъ, вѣдь я ро-

дился тамъ, и меня туда вотъ такъ-что то и тянетъ. Зимой стану рыбачить, стрѣлять кабановъ, ловить капканами волковъ, лисицъ, порьшень, а лѣтомъ торговать этимъ товаромъ, да всеми силами тебя, моя красавица, любить-жаловать и успокоивать.

— Согласна ли, моя милая, бѣжать со мной? спросилъ Вася дѣвушку послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

Дѣвушка ничего не отвѣчала, покачала головой и призадумалась.

— Отчего ты призадумалась, моя ненаглядная? примолвилъ Вася, видимо огорченный отказомъ Алтыны и неудачей задуманнаго имъ плана. — Если не любишь, скажи прямо, сердаться я не стану: вѣрно ужъ такъ на роду мнѣ написано терпѣть и страдать отъ тебя.

— Ахъ, Вася! не надсаждай мое сердце: мнѣ и безъ того тошно! отвѣчала дѣвушка со слезами на глазахъ. — Если бы я тебя не любила — я бы не зналась съ тобой. Вотъ ужъ цѣлыхъ полгода, ты не выходишь у меня изъ памяти; только я думаю о тебѣ....

— Да что толку-то въ томъ, прервалъ казакъ. Думать думаешь, а на дѣло не подаешься.

— Ахъ, Вася, продолжала дѣвушка, мнѣ иногда приходитъ на умъ вотъ что еще: что, думаю, если бы ты....

Дѣвушка не договорила, умолкла и робко взглянула на казака. Онъ со вниманіемъ и нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, и потомъ, видя, что она по прежнему молчитъ, спросилъ:

— Ну что, если бы я, договаривай.

— Не смѣю, Вася, боюсь: ты разсердишься.

— Нѣтъ, нѣтъ, говори!

— Да я думаю вотъ о чемъ, проговорила дѣвушка нерѣшительно и запинаясь почти на каждомъ словѣ. Я думаю: что если бы ты оставилъ Русскихъ, перемѣнилъ свой законъ и принялъ нашу веру, — вѣдь вотъ тогда-то бы отецъ мой полюбилъ тебя, какъ сына, отдалъ меня за тебя за-мужъ, и мы, откочевавъ въ орду, стали бы жить съ тобой счастливо во всякомъ привольѣ и удовольствіи.

Вася не ожидалъ такого смѣлаго и, по его мнѣнію, дерзкаго предположенія со стороны Киргизки. Онъ поблѣднѣлъ отъ злобы и бѣшенства, хотѣлъ было плюнуть въ лицо дѣвушки и уйти домой, чтобы никогда ее больше не видать; но опомнясь и придя въ себя, пустился на хитрости.

— Хорошо ты, Алтынушка, говоришь, спору нѣтъ, сказалъ мягкимъ голосомъ Вася, но послушай-ка, я скажу лучше. Напримѣръ, я мужъ, а ты жена, скажи: — кто за кѣмъ долженъ идти — мужъ ли за женой или жена за мужемъ? — а?

— Не знаю, отвѣчала дѣвушка.

— А! не знаешь! Ну, такъ я тебѣ скажу, жена должна идти за мужем! Такъ ужь изпоконъ въку не нами заведено и устроено, такъ водится между всеми людьми, и Русскими и Киргизами. Знаешь, гдѣ игла — тамъ и нитка, гдѣ голова — тамъ и ноги. Стало-быть не я, а ты должна идти за мной. Понимаешь, душевѣйка? продолжай Вася рѣшительнымъ и повелительнымъ тономъ. Согласна, что ли, бѣжать со мной? да, или нѣтъ?

— Я и прежде сказала тебѣ, что бѣжала бы, но не смѣю, да притомъ и совѣсть какъ-то зазрѣть.

— Ну, если доброй волей не соглашаешься — я насильно увезу тебя, и тогда совѣсть у тебя будетъ покойна. Слышишь!!! присо-вокупилъ казакъ энергически.

Дѣвушка не отвѣчала, упала на грудь казака, и, заливаясь слезами, тихо проговорила:

— Ахъ, Вася, какой ты сердитый, такъ съѣсть меня и хочешь, — ну успокойся, дѣлай самъ какъ знаешь.

— Эхъ-ма, думалъ Василій Струняшевъ, возвращаясь изъ-за Урала домой. — Хитра ты, Алтынушка, да глупа вмѣстѣ съ тѣмъ; вишь какъ она подѣхала, да не на того попала. Вижу, голубушка, тебѣ и хочется и колется. Да ужь удружу, увезу я тебя силой, чтобы совѣсть у тебя не зазрѣла; скоро, скоро увезу. Окрещу тебя, некрещеная; за это начальство головы съ меня не сниметъ, чай еще похвалить.

Съ такими мыслями Струняшевъ возвратился домой. — Въ концѣ предыдущей главы, мы видѣли его рѣшившимся на что-то и успешнымъ въ лѣсъ. Теперь, даже не слѣдуя за нимъ, можно навѣрное сказать, что онъ пошелъ для похищенія Алтыны, а братъ его, Иванъ, поплылъ въ бударкѣ къ нему на помощь.

Удалось ли Васѣ увезти любовницу и какія изъ того произошли послѣдствія — увидимъ въ слѣдующей главѣ.

V.

Вобравшись въ лѣсъ, Вася не шелъ, а бѣжалъ по знакомой уже ему дорогѣ, и вскорѣ очутился на берегу Урала, противу того мѣста, гдѣ была кочевка его возлюбленной. Въ то время наступили уже темные сумерки. Васей овладѣла какая-то безотчетная грусть, и сердце его билось сильнѣе обыкновеннаго. — Усѣвшись на яру, Вася погружился въ глубокую думу и оставался въ такомъ положеніи до прѣзда брата.

Приближаясь къ Васѣ, безпечный и беззаботный Иванъ напѣвалъ въ полголоса пѣсню, въ то время общеупотребительную на Уралѣ, которая, впрочемъ, и до сихъ поръ сохранилась у казаковъ, живущихъ по линіи.

Не бѣлая березка съ березкой свивалась,
 Не кудрявая къ землѣ приклонялась;
 Не сизой-то голубь съ голубкой слетались:
 Молодой-то парень съ девушкой свыкались.
 Свыкались-то они ровно три годочка —
 Разставались-то они только три часочка.
 Свыканьнице у нихъ было подѣ бѣлой березкой,
 Разставаньнице у нихъ было подѣ горькой осиной.
 Свыканьнице у нихъ было тайно,
 Разставаньнице у нихъ было явно.
 — Я поѣду, душенька, во путь во дорожку,
 На чужую, дальнюю на сторонку.
 Если скучно тебѣ будетъ, пиши ко мнѣ письма.
 — Я писать-то, мой миленькій, не умно,
 А писарей просить, лъвушка, не смю.

Услышавъ голосъ брата, Вася вышелъ изъ задумчивости, и, желая разсвѣять грусть свою, принялся подпѣвывать Ивану, — но лишь только дошелъ до стиховъ:

Свыкались-то они ровно три годочка,
 Разставались-то они только три часочка.

Какъ въ ту жь минуту остановился и замолкъ.

— Ужъ не пророчить ли эта пѣсня мнѣ несчастье и неудачу? Ужъ не насчетъ ли меня она сложена? проговорилъ, послѣ минутнаго молчанія, Вася, видимо смущенный такой случайностію.

— Оставь, пожалуйста, Ванюша, такую заунывную пѣсню до другаго раза, сказалъ онъ брату, который въ то время приставалъ къ берегу, — а теперь примемся-ка за дѣло.

— Я ужъ допѣвалъ, отвѣчалъ братъ. Да что она тебѣ, эта пѣсня-то, не нравится? простодушно спросилъ онъ Васю. — Кажись, ты сію минуту и самъ мнѣ подтягивалъ.

— Подтягивать-то подтягивалъ, да пересталъ; стало быть, и спрашивать не для чего: не нравится эта пѣсня мнѣ — да и только!

— Слышу. Ну, пересталъ и я. Что же еще о другомъ-то о чемъ скажешь?

— Я ужъ сказалъ, что надо за дѣло приниматься.

— Я готовъ, отвѣчалъ Иванъ.

— А готовъ, такъ и хорошо, продолжалъ Ваня послѣ нѣкотораго молчанія. — Слушай, Вася! Теперь ты не нуженъ мнѣ. Я

останусь здѣсь одинъ, а ты сію минуту бѣги домой, запряги пару соловыхъ въ *тазарку* (въ повозку) и выѣзжай за форпостъ; около креста, подъ горой, дождайся меня; да смотри, осторожнѣе будь, чтобы мамушка ничего не замѣтила и не разболтала бы до поры до времени; а я какъ только справлюсь съ дѣломъ, тотчасъ явлюсь къ тебѣ. Тогда живо покатимъ въ Калмыковскую крѣпость. Отецъ Петръ, я говорилъ съ нимъ сегодня, общался все сдѣлать. — «И кума съ кумой, говорить, приготовлю, и самого тебя, говорить мнѣ, послѣ крещенья Алтыны, съ ней обвѣнчаю». — Дѣло идетъ пока на-стать, хорошо; что-то будетъ дальше — неизвѣстно. Да что загадывать, да замерекивать впередъ, заключилъ Вася — семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, говорить пословица. За дѣло, любезный братъ!

— Ладно, ладно, сказалъ Иванъ, выходя изъ бударки и передавая весло Васѣ.

Черезъ минуту Вася былъ уже на другомъ берегу Урала, а братъ его побѣжалъ домой.

Еще черезъ минуту Вася, какъ воръ, какъ тать, лежалъ, прятаясь, въ кустахъ неподалеку отъ киргизскаго аула.

Еще черезъ нѣсколько минутъ онъ возвращался назадъ къ бударкѣ, влача за руку встревоженную и плачущую Алтыну.

Черезъ полчаса онъ уже мчался съ ней въ повозкѣ по дорогѣ къ Калмыковской крѣпости.

Черезъ часъ онъ уже былъ на мѣстѣ, у воротъ священническаго дома.

Но тутъ Васю поразилъ ударъ, котораго онъ вовсе не предвидѣлъ: священника не было дома. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, онъ уѣхалъ, по требованію дистанчнаго атамана, въ Сахарную крѣпость, верстъ за восемьдесятъ слишкомъ, къ одному тяжело больному человеку. — Ошеломленный такою неожиданностію, Вася растерялся и не зналъ что дѣлать. Куда дѣвать Алтыну? Оставить до поры до времени въ Калмыковѣ — не у кого, везти домой — опасно: ночь уже приближалась къ разсвѣту, и кто-нибудь могъ его съ ней замѣтить и открыть отцу убѣжище дочери. Отвезти тихонько въ киргизскій аулъ до другаго удобнаго случая — еще хуже: Вася предвидѣлъ уже тревогу, которая скоро должна подняться въ аулъ, вследствие его проказы. — Успѣи онъ окрестить дѣвушку и съ ней обвѣнчаться — за него бы вступился цѣлый форпостъ, но теперь? и говорить нечего: кому, какая охота защищать несправедливое дѣло и принимать въ чужомъ пиру похмѣлье? — Сердце у Васи разрывалось отъ досады, а голова кружилась, какъ у угорьелаго. Нужно же было, наконецъ, на что-нибудь рѣшиться. Въ отчаяніи

Вася поскакалъ назадъ и до разсвѣта успѣлъ прѣхать домой. Тамъ онъ немного поуспокоился и пришелъ въ себя. — Запрятавъ Алтыну въ пустой ледникъ, онъ пошелъ къ эсаулу (форпостному начальнику), объявилъ ему о всемъ случившемся, и просилъ его защиты и покровительства. Эсаулъ, человекъ добрый, любившій Васю за его честность и молодечество, не только не порицалъ, но еще одобрилъ его молодецкій подвигъ, на основаніи той непреложной истины, что «быль молодцу не укора», и что, сверхъ того, привести басурманку въ крещеную вѣру есть дѣло христіанское, душеспасительное. Обнадеженный покровительствомъ эсаула, Вася ободрился и рѣшился ждать возвращенія священника изъ поѣздки.

Между тѣмъ насталъ день, и въ аулъ киргизскомъ замѣтили отсутствіе Алтыны. Весь аулъ поднялся на ноги и бросился отыскивать бвглянку. Вскорѣ изпали на слѣдъ. Въ кустахъ нашли платокъ Алтыны, а на песокъ, близъ воды, примѣтили отпечатокъ сапоговъ ея, вмѣстѣ съ другимъ человѣческимъ слѣдомъ. Тутъ же былъ признакъ, свидѣтельствовавшій, что не задолго предъ тѣмъ вытаскивали изъ воды и спускали на воду бударку, а на противоположномъ берегу рѣки увидѣли и самую бударку, которая оказалась принадлежащей братьямъ Струняшевымъ. Тогда вспомнили, что одинъ изъ братьевъ, Василій, весьма часто посѣщая прежде безъ всякой причины аулъ, видался и переговаривался наединѣ съ Алтыною, вспомнили и сообразили съ настоящимъ обстоятельствомъ, — сообразили и прямо и положительно заключили, что Алтыну похитилъ Василій Струняшевъ.

Какъ бышенный звѣрь явился на форпостъ отецъ Алтыны, и сталъ требовать дочь. Но эсаулъ велѣлъ прогнать его. Тогда обиженный и озлобленный Киргизъ обратился въ Кулагинскую крѣпость, къ дистанчному атаману. Слѣдствіемъ этого, какъ должно догадываться, было то, что дистанчный атаманъ, вскорѣ явился въ домъ Василья Струняшева съ толпою казаковъ и Киргизовъ, и велѣлъ обшарить все углы его жилища, — Алтыну, разумвется, отыскали и полумертвую отъ испуга увезли за Уралъ, а героя нашего, Василья Струняшева, какъ нарушителя тишины и спокойствія между Русскими и мирными Киргизами, арестовали и засадили въ темную будку, за желѣзную рѣшетку, гдѣ онъ и просидѣлъ цѣлую недѣлю.

Худо бы Васъ было, если бы не заступились за него эсаулъ да калмыковскій священникъ, возвратившійся тѣмъ временемъ изъ поѣздки и сожалѣвшій, въ свою очередь, о томъ, что не удалось ему окрестить Киргизку. — Чрезъ заступничество этихъ лицъ Вася получилъ прощеніе, свободу, и вмѣстѣ съ тѣмъ строгій приказъ —

не показываться впредь за Ураломъ. Но это предостереженіе было напрасно: отецъ Алтыны, въ тотъ же самый день, какъ взялъ ее отъ Васи, отпочевалъ въ степь, и вскорѣ слухъ объ немъ пропалъ.

Тогда раскрылись глаза у красноярскихъ жителей насчетъ мнимой и небывалой шутки, которую, по легкомыслію и суетвѣрію, они навязывали прежде на шею Васи. Тогда все убѣдились и признались, что они ошибочно и ложно обвиняли Васю въ связяхъ съ нечистой силой, — все наперерывъ одинъ передъ другимъ старались приобрести дружбу и расположеніе его, все спѣшили извиниться предъ нимъ и просили забыть прошлое. Но Вася, и безъ нихъ, самому хотѣлось забыть прошлое, да оно что-то не вдругъ забывалось. Сильно мучила его досада, сильно глодало сердце его, обиженное неудачей, самолюбіе, тошно сдѣлалось Вася, — онъ радъ былъ провалиться сквозь землю, чтобы только избавиться отъ воспоминанія о прошломъ, которое часто являлось его воображенію и кидало въ огонь. Совсѣмъ, наконецъ, опротивѣла ему жизнь въ Красноярскомъ форпостѣ, гдѣ каждый предметъ напоминалъ ему Алтыну и неудачный его подвигъ. Онъ рѣшился покинуть это мѣсто, и перебраться, съ братомъ и теткой, на житье въ Гурьевъ-городокъ, на свою родину, куда и прежде того, давно и часто, порывалось его желаніе. Тамъ, на мѣстѣ покинутаго и разваливашагося отцовскаго дома, братья Струняшевы выстроили новый, сосновый, съ комнаткой наверху, по образцу астраханскому. Вскорѣ богатая и обширная рыбная ловля, удачная и обильная звѣриная охота сдѣлались для трудолюбивыхъ, смѣтливыхъ и предприимчивыхъ братьевъ Струняшевыхъ источникомъ богатства, такъ что чрезъ годъ послѣ переселенія въ Гурьевъ, они считались одними изъ первыхъ по зажиточности казаковъ. Къ этому времени совсѣмъ успокоился и Вася. Красноярская его проказа — какъ онъ самъ называлъ похождение свое съ киргизской дѣвушкой — совершенно изгладилась изъ его памяти, чему еще больше содѣйствовало нижеслѣдующее обстоятельство.

Посѣщая часто сосѣдственную Сарайчиковскую крѣпость, гдѣ жилъ его товарищъ по охотѣ, Вася увидѣлъ тамъ и полюбилъ одну хорошенькую дѣвушку, круглую сироту, не имѣвшую ни отца, ни матери, и жившую, въ родѣ приемыша, въ чужомъ и бѣдномъ домѣ. Познакомившись на вечеринкахъ съ Дашей — такъ звали эту дѣвушку — и всматриваясь въ лицо ея, Вася сталъ припоминать, что онъ прежде, когда-то и гдѣ-то, видѣлъ это хорошенькое личико, но когда и гдѣ именно — не зналъ. Однажды онъ приступилъ было къ Дашѣ съ разспросами: не была ли она когда вотъ тамъ-то, тамъ-то? не помнить ли, не видала ли она самого его гдѣ? Но Даша

отвѣчала, что она родилась и выросла въ Сарайчикѣ, что нигдѣ въ другомъ мѣствѣ не была и что самого его дотоле нигдѣ не видала.

— Что бы это значило? думалъ Вася. — Вѣдь лицо-то знакомо, — да не только лицо — и одежда та самая. Не воснѣ ли ужъ она мнѣ когда снилась.... Ахъ, вспомнилъ, вспомнилъ! почти вслухъ проговорилъ Вася. Потомъ, обратясь къ двушкѣ, сказалъ:

— Даша! вѣдь я тебя видѣлъ.

— Когда и гдѣ? спросила двушка.

— Два года тому назадъ, во время Святокъ, въ Красноярскомъ форпостѣ.

— Вотъ те разъ! сказала улыбаясь двушка. — Да я тамъ отродясь не была.

— Ты не была, такъ твой ликъ былъ, или твоя душа была.

— Какъ такъ?

— Да просто такъ: я гадалъ, и въ гаданьѣ тебя видѣлъ.

— А какъ же ты гадалъ?

— А вотъ какъ я гадалъ. Наканунѣ Новаго года, то-есть на самый Васильевъ вечеръ, знаешь, сдѣлалъ я колодезь и постановилъ себѣ подъ головы. Ложась спать, я и загадалъ: «сужена, ряжена, приди ко мнѣ, изъ колодца моего воды зачерпни». Лишь только эти слова проговорилъ, какъ въ ту жъ минуту и заснулъ, — а лишь только заснулъ, какъ ты, ровно наяву, мнѣ и привидѣлась; пришла ты, помню, съ ведрами на плечахъ. Какъ теперь смотрю, ты была вотъ въ этомъ самомъ канаватномъ сарафанѣ, и вотъ подъ этой самой индѣйской ширинкой. Я хотѣлъ было съ тобой заговорить, да въ это самое время постучались въ окно шабровыя дѣвки, и меня разбудили. Онѣ спрашивали, какъ зовутъ ихъ суженыхъ, а я осердился на нихъ, что онѣ помѣшали мнѣ, да и наговорилъ имъ — будь онѣ неладны — такихъ именъ, какихъ, чай, и въ святцахъ нѣтъ. За то ужъ и мнѣ отъ нихъ досталось: разбранили онѣ меня на чемъ свѣтъ стоитъ. Одна, озарница, пустила еще мнѣ такую пулю, что я хотѣлъ было выбѣжать на улицу и хорошенько намять ей бока-то. — «Чтобы тебѣ, сказала она мнѣ: вѣкъ за это не видѣть своей суженой». Такая эта дѣвка была «сипа» — не приведи Богъ! За то и теперь, кажись, сидитъ въ дѣвкахъ. — Проваливайте! сказалъ я имъ съ сердцемъ, и опять легъ было на постель, да не спопанился, и стаканъ-то съ водой, что означалъ колодезь, пролилъ. Больше ты мнѣ ужъ не привидывалась.

— Да вотъ теперь, слава Богу, наяву привидѣлась, продолжалъ Вася, глядя пристально въ глаза Дашѣ. Что ни говори, а ты, Дашенька, должно быть, моя суженая.

— Ахъ, Васиенька, чтѣ ты говоришь, побойся Бога и постыдись людей, сказала краснѣя и смущаясь дѣвушка. — Ну, статочно ли дѣло, чтобы я была твоей суженой? Ты богатъ, а я круглая сирота, — нѣтъ у меня ни отца, ни матери, — нѣтъ ни роду, ни племени. — У меня только и есть одинъ этотъ сарафанъ, вотъ что на мнѣ, да и тотъ чуть-чуть держится: еще въ немъ ходила ма-тушка моя, когда была въ дѣвушкахъ, да я....

— Ты не говори объ этомъ, Дашенька, прервалъ Вася, а только скажи по совѣсти, скажи истинную правду: любовь я тебѣ, или нѣтъ. Если любовь, то завтра же пришло за тобой мамушку, и она перевезетъ тебя къ намъ въ домъ. Толковать тутъ нечего. Родителей и родныхъ у тебя нѣтъ, а тѣ, у которыхъ ты живешь, рады будутъ тебя съ рукъ сбить; — вѣдь они, знаю, люди бѣдные. Я дамъ имъ за тебя, ради ихъ бѣдности, и кладку, а тебя возьму съ тѣмъ, съ чѣмъ ты есть; мнѣ не имѣнье, а человекъ нуженъ; у насъ, слава Богу, на все хватить. — Что же скажешь, Дашенька? жду отъ тебя отвѣта.

— Коли не шутишь ты, Васиенька, коли не въ насмѣшку это говоришь, отвѣчала простосердечная дѣвушка, — то я по чистой совѣсти скажу тебѣ: «ты любовь мнѣ».

Такое прямое и простое объясненіе заключилось, какъ слѣдуетъ, искренними поцѣлуями.

Спустя послѣ того нѣсколько дней, Даша переехала къ Струняшевымъ и помѣстилась съ ихъ теткой въ особую комнатку. Старуха страстно полюбила будущую свою племянницу, а Вася не чаалъ въ ней души. Приступили къ изготовленію приданаго и всего необходимаго для молодыхъ. На это, разумется, много потребовалось денегъ; а потому, чтобы не обезсилить своего капитала, Вася не вдругъ свѣнчилъ свадьбой, приготавлиаясь къ этому важному случаю не торопясь, исподволь, да и не для чего было ему спѣшить: Даша жила въ его домѣ, и онъ не боялся, чтобы кто-нибудь отнялъ ее у него, какъ когда-то отняли Алтыну, о которой онъ, не мѣшаешь повторить, совершенно забылъ.

Вотъ такія-то были домашнія обстоятельства Василя Струняшева, когда мы въ первый разъ увидѣли его разговаривающимъ съ Киргизомъ насчетъ повозки въ Астрахань съ хивинскимъ караваномъ. Вотъ такія-то были причины, по которымъ онъ сначала не хотѣлъ принять предложенія отъ Хивинцевъ взать въ Астрахань.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Колонія Омершанъ и ярмарка въ ней. — Видъ повозокъ, здѣсь употребительныхъ. — Устройство заведенія. — Содержаніе арестантовъ. — Одежда ихъ. — Работы. — Женщины, содержимыя въ заведеніи. — Ихъ нравственность. — Кухня. — Священникъ. — Его отзывъ объ арестантахъ обоего пола. — Замѣчанія директора заведенія. — Общественная гигиѣна. — Книга, вышедшая по этому предмету въ Парижѣ. — Мюнхенская выставка германскихъ промышленныхъ издѣлій. — Сданіе выставки. — Размѣщеніе предметовъ. — Празднества въ Турціи по случаю бракосочетанія султанской дочери. — Ея приданое. — Цѣнность его. — Церемоніаль. — Освященіе Сиденгамскаго дворца.

Во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ, правительства заботятся о прекращеніи нищенства. Для этого, во многихъ странахъ, начали заводить особаго рода колоніи, или поселенія, гдѣ нищихъ и бродягъ заставляютъ работать, и деньги, ими зарабатываемыя, обращаютъ на ихъ содержаніе. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ заведеній находятся въ Голландіи; сообщаемъ описаніе одного изъ нихъ, заимствованное у одного англійскаго туриста.

«Въ Оммершанѣ, говоритъ онъ, была ярмарка; по всѣмъ дорогамъ, сходящимся у таверны, лѣниво тянулись длинныя телѣги, завѣшанныя отъ солнечнаго зноя бѣлой холстиной. Лошади выбивались изъ силъ, стараясь вытаскивать колеса изъ-подъ зыбкихъ песковъ, которыми такъ богата вся провинція. Видъ этихъ повозокъ напомнилъ мнѣ рассказы путешественниковъ о южной Африкѣ, нѣкогда такъ сильно волновавшее мое воображеніе. Рядъ дугообразныхъ колымагъ тянулся передо мною. Видѣвшіе на выставкѣ повозку Кумминга (*) поймутъ мои мысли: нѣтъ сомнѣнія, что потомки первыхъ голландскихъ поселенцевъ въ Капштадтѣ сохранили преданія своей родины въ устройствѣ своихъ повозокъ.

«Кромѣ полудюжины лавокъ съ пряниками, да десятковъ четырехъ или пяти лошадей, привязанныхъ у столбовъ, трудно было

(*) Известный Англійскій путешественникъ, долго прожившій въ южной Африкѣ.

угадать, какія снадобья могли продаваться или покупаться на этой ярмаркѣ, какая торговля или какія увеселенія могли развиваться въ этой пѣсчаной странѣ. Перейдя черезъ рынокъ, я очутился у канала, составляющаго границу колоніи. На углу находилась хижина одного изъ *деревенскихъ сторожей*, инвалидовъ солдатъ, которые приставлены наблюдать за поступками поселенцевъ и предотвращать малѣйшія попытки къ побѣгу. Странствуя вдоль по каналу, я увидѣлъ на другой сторонѣ толстаго мужчину, за которымъ, въ почтительномъ разстояніи, шли двое или трое его подчиненныхъ. Я принялъ его за директора, подошелъ ближе и объяснилъ ему, что, по совѣту одного своего друга, желаю посѣтить подвѣдомственное ему заведеніе, и тутъ же протянулъ ему свою карточку, достать которой онъ, конечно, не могъ, по причинѣ ширины канала. Выслушавъ мою просьбу, толстякъ указалъ мнѣ на узенькій деревянный мостикъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, и сказалъ:—Потрудитесь пройти къ тому мосту; тамъ мы потолкуемъ на свободѣ. Я подошелъ къ толстяку и выразилъ ему свое желаніе; онъ извинился предо мною, что плохо говоритъ по-французски, и поручилъ одному изъ своихъ подначальныхъ проводить меня въ контору и представить своему помощнику.

Дордогой я замѣтилъ, что обработка земля представляетъ здѣсь больше разнообразія, нежели въ Фридрихсъ-Ортѣ; поля здѣсь гораздо обширнѣе, жатва обильнѣе. Но мѣстамъ попадались намъ толпы работниковъ, которые пахали, поливали землю или сѣяли. На крайнемъ углу канала находился домъ директора, построенный на скатѣ холма, обнесенный высокими деревьями и окруженный веселымъ садомъ, въ которомъ пестрѣли цвѣты и спѣли разные плоды. Немного поодаль виднѣлся длинный рядъ низменныхъ зданій, похожихъ на казармы. Единственная дверь вела въ обширный четырехугольникъ, обнесенный подобными же строеніями. У входа стояло двое часовыхъ. За стѣнами бѣгало и суетилось нѣсколько людей, занятыхъ различными работами подъ надзоромъ сторожей. Мы вошли въ ограду и отыскали директорскаго помощника, молодаго челоуѣка съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ, который сидѣлъ въ своей конторѣ, окруженный восемью или десятью писцами. Онъ тоже не бойко изъяснялся по-французски, однако поваялъ меня очень скоро, и немедленно отдалъ приказаніе одному капитану — такъ называютъ здѣсь особенный разрядъ надзирателей — показать мнѣ заведеніе во всѣхъ его подробностяхъ.

Раздался звонокъ къ обѣду въ то самое время, когда мы вошли въ одну изъ боковыхъ залъ, которая, за неимѣніемъ верхняго этажа,

служить спальней и вмѣстѣ столовой. По потолку были развѣшены двойной рядъ коекъ; вдоль по стѣнѣ разставлены были шкапы, гдѣ каждый могъ прятать свое платье и необходимую домашнюю утварь. Одежду арестантовъ составляютъ панталоны и куртка изъ самой грубой бумаги, колпакъ и пара деревянныхъ башмаковъ. По моей просьбѣ спустили одну койку. Тюфякъ и одвяло были самого низкаго, грубаго сорта, и врядь ли могли согрѣвать несчастныхъ во время жестокихъ холодовъ. Какъ видно, начальство не очень заботилось объ удобствахъ этого прибрежнаго нищеты и порока. Вскорѣ вошли толпами арестанты, заняли свои мѣста за столомъ, раздѣлившись на отряды, по десяти человекъ въ каждомъ; за тѣмъ одинъ изъ каждаго отряда отправился въ кухню и принесъ на товарищѣ обѣдъ въ большой глиняной чашкѣ. Во время стола одинъ изъ арестантовъ читалъ что-то вслухъ, вѣроятно, для сохраненія тишины и вмѣстѣ для назиданія слушателей. Тоже самое происходитъ въ это время въ другихъ частяхъ зданія. Видѣвши одну залу, сказалъ мнѣ проводникъ, вы видѣли и остальные; всѣ онѣ похожи одна на другую, и разнятся только характеромъ жильцовъ. А сколько тутъ матеріаловъ для изученія человѣческой природы! Многіе арестанты носили на челѣ клеймо своего безчестія, по скольку безчестіе отражается на лицѣ человека; другіе смотрѣли тѣмъ мрачнымъ и тупымъ взоромъ, которымъ отличаются люди, принужденные покоряться дисциплинѣ и работать поневолю; только немногіе обнаруживали на лицѣ своемъ чувство собственнаго довольства, порождаемаго окончаніемъ должной работы. Скрипка, вѣсѣвшая на стѣнѣ въ углу залы, служила доказательствомъ, что имъ не воспрещена музыка, и мнѣ сказывали, что многіе арестанты довольно сильны въ ней и часто играютъ на скрипкѣ для развлеченія своихъ товарищей. Нищія, какъ извѣстно, большіе любители музыки; находившіеся передо мною несчастные, представители нищеты, разврата, бѣдности и порока въ Голландіи, служили новымъ подтвержденіемъ этого правила. Мнѣ указали на одного человека, который былъ полицейскимъ приставомъ въ Шидамѣ, и погибъ отъ пристрастія къ вину.

Въ другомъ строеніи я встрѣтилъ толпу женщинъ, которыя изъ различныхъ мастерскихъ длинными рядами проходили въ столовую. На нихъ были чистые, широкіе, бѣлые чепцы, что придавало имъ наружность, гораздо болѣе почтенную, нежели онѣ заслуживали по своему поведенію. Вглядѣвшись въ эту проходившую мимо меня процессію, я замѣтилъ, что образъ Божій страшно униженъ въ лицѣ этихъ жалкихъ созданій. Лица мужчинъ выражали тупоуміе, лица женщинъ — наглость. Въ глазахъ ихъ видна была насмѣшка,

*

въ улыбку — безстыдство, на лицѣ — грубый развратъ. Въ немногихъ только проглядывали слѣды раскаянія, исправленія. По замѣчаніямъ изслѣдователей, паденіе женщины всегда ниже, гнуснѣе, паденія мужчины. Можетъ быть, причина этого лежитъ въ тѣхъ великихъ надеждахъ, которыя мы привыкли возлагать на женщину, соединяя съ ея именемъ мысль о всемъ лучшемъ и благороднѣйшемъ въ жизни.

— Вѣрно имъ не запрещаютъ говорить между собою, сколько душъ угодно? спросилъ я своего проводника, оглушенной болтовней этихъ женщинъ.

— Помилуйте, нѣтъ никакихъ силъ унять эту сволочь, отвѣчалъ онъ.

Капитанъ былъ некогда солдатомъ въ австрійской службѣ, служилъ потомъ подъ начальствомъ Наполеона, а между тѣмъ, по его словамъ, никогда не былъ въ такомъ аду, какъ въ Оммершантѣ.

— Только строгостью и суровымъ обращеніемъ и можно сохранить порядокъ между этими головорѣзами, прибавилъ онъ.

Признаюсь, я не хотѣлъ вѣрить его словамъ.

Въ кухнѣ царствовали жизнь и движеніе. Поваръ и его помощники бѣгали взадъ и впередъ въ этой дымной и жгучей атмосферѣ. Мнѣ показалось, что я перебрался за рѣку Стиксъ. Изъ громадныхъ котловъ, вытянутыхъ въ два ряда, валилъ душистый паръ, въ то время какъ пища, переложенная въ глиняныя чашки, истреблялась въ сосѣднихъ столовыхъ. Поваръ подалъ мнѣ ложку, и просилъ отвѣдать его стряпанья. Оно похоже на ирландское душное мясо, и, право, не дурно на вкусъ. Количество пищи, отпускаемой на каждаго арестанта, равняется двумъ унціямъ масла, говядины и свиного сала. Все это мѣшаютъ съ овощами, картофелемъ, капустой или горохомъ, и варятъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Судя по довольнымъ лицамъ обѣдающихъ, кушанье это должно было приходить къ намъ очень по вкусу. За исключеніемъ этого обѣда, начальство не выдаетъ больше никакой пищи; впрочемъ, не воспрещается арестантамъ покупать себѣ съвѣстное и на уживъ, но только на собственные деньги.

Проживаясь по двору въ ожиданіи, когда отопрутъ мастерскія, мы подошли къ дому священника.

— Не хотите ли заглянуть въ нашу церковь? спросилъ меня капитанъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

— Батюшка, сказалъ мой чичероне, господинъ Англичанинъ желаетъ осмотрѣть вашу часовню.

Священникъ, человекъ лѣтъ сорока, весьма почтенной наружности, одѣтый въ черную рясу, вынулъ изо рта свою трубку, протянулъ мнѣ руку и пригласилъ зайти къ нему въ домъ. Пока хозяйка варила кофе, онъ завелъ со мной прямой и откровенный разговоръ о томъ, что я видѣлъ, и что намѣревался осмотрѣть; потомъ мы перешли къ Америкѣ, къ Англии и ко всемирной выставкѣ. Между тѣмъ вошелъ въ комнату здѣшній врачъ; онъ было говорилъ по-французски, и бесѣда наша оживилась еще болѣе. Священникъ пригласилъ насъ обоихъ на обѣдъ, до котораго оставалось еще добрыхъ полчаса времени, и потому мы отправились взглянуть на церковь и на больницу. Церковь самой простой архитектуры, безъ всякихъ атрибутовъ римско-католическаго служенія.

— Бываете ли вы довольны вашей паствой во время служенія? спросилъ я у священника.

— Мужчины, отвѣчалъ онъ, держать себя хорошо; за то женщины строить мнѣ гримасы, когда я проповѣдую съ кафедры, и нарушаютъ тишину своими неблагопристойными поступками.

Больница находилась подлѣ церкви. Противъ ожиданія, я не замѣтилъ здѣсь дурнаго запаха. Палаты содержатся въ безукоризненной чистотѣ. Докторъ обратилъ мое вниманіе на множество одушниковъ, и проходя около кроватей, умѣлъ сказать доброе слово надежды каждому больному; за то и больные отвѣчали ему съ любовью и уваженіемъ. Нѣкоторые пациенты лежатъ уже нѣсколько лѣтъ; другіе, послѣ долгихъ страданій, подають надежды къ выздоровленію; двое или трое носили на лицѣ своемъ роковые слѣды близкой кончины. Жгучіе лучи солнца, прорывавшіеся сквозь занавѣски, не могли уже возвратить жизнь ихъ ослабѣвшимъ членамъ.

Мы воротились къ священнику, гдѣ насъ ожидалъ накрытый столъ. Передъ обѣдомъ подали поднось съ рюмками, графинъ можжевельники и графинъ полынной водки. Я отказался отъ этихъ напитковъ; собесѣдники мои сдѣлали честь полынной, которую докторъ признаетъ весьма полезною въ медицинскомъ отношеніи, въ чемъ я охотно съ нимъ согласился.

— Такъ выкушайте хоть стаканчикъ вина, сказалъ мнѣ священникъ.

Я выпилъ стаканъ вина, и за тѣмъ неизбѣжный супъ появился на столѣ. За супомъ послѣдовала разварная говядина, которую подали безъ овощей и безъ хлѣба; обѣдъ заключился кускомъ холодной ветчины. Единственнымъ питьемъ за столомъ было вино; водой не изобилуютъ здѣшнія мѣста, и врядъ ли можно назвать водой

здышнюю мутную и тинистую жидкость; за то уже вино хозяинъ то и дѣло подливалъ въ наши стаканы. Разговорившись съ священникомъ, я просилъ его по душѣ сказать мнѣ свое мнѣніе о женщинахъ, находящихся въ этомъ заведеніи.

— Онъ гораздо наглѣе и неуживчивѣе мужчинъ, отвѣчалъ онъ. Для нихъ отведенъ особенный рядъ мрачныхъ комнатъ, которыя отсюда видны. Одно только заключеніе сколько-нибудь исправляетъ этихъ непокорныхъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, стараетесь дѣйствовать на ихъ нравственную сторону, сказала я.

— Дѣйствовать нравственно нѣтъ здѣсь никакой возможности; мы довольны и тѣмъ, если ихъ принудить работать. Для дѣтей есть у насъ школы, и всѣ безъ исключенія обязаны бывать въ церкви каждое воскресенье.

— Но какимъ же образомъ, не обращая вниманія на нравственность, могли вы завести хоть какой-нибудь порядокъ въ этомъ заведеніи?

— А весьма просто — строжайшимъ надзоромъ, наказаніями, и также вознагражденіемъ за работу, которое даетъ арестантамъ возможность обзавестись нѣкоторымъ хозяйствомъ и жить въ свое удовольствіе. Хотите, я покажу вамъ наши деньги.

Священникъ всталъ, вынулъ изъ своей конторки нѣсколько монетъ и подалъ ихъ мнѣ. Монеты были выбиты изъ цинка или изъ мѣди. Одна мѣдная монета, величиной въ копейку, равнялась цѣной флорину; цинковыя монеты были меньшаго размѣра и меньшей цѣны; на всѣхъ вообще, съ одной стороны изображены были начальныя буквы заведенія: M. V. W. Подобно желзнымъ спартанскимъ монетамъ, эти деньги обращались только въ колоніи, такъ что арестанты не могли пускать ихъ въ ходъ въ случаѣ бѣгства изъ Оммершана.

Обычный срокъ пребыванія въ колоніи пять лѣтъ; но по большей части арестанты не остаются здѣсь и половины этого времени. Въ числѣ условій къ освобожденію находится сбереженіе 20 или 25 флориновъ изъ заработанной платы, и въ два года почти всѣ находятъ средства скопить эту сумму. Многіе, впрочемъ, по выходѣ изъ колоніи, въ скоромъ времени опять возвращаются туда же, и уже для этихъ несчастныхъ нѣтъ никакой возможности сдѣлаться порядочными людьми и безбѣдными хозяевами. По оффиціальному донесенію 1849 года, изъ 5,087 арестантовъ, вновь подверглись заключенію, въ первый разъ 2,544; 1,142 содержались вторично; 780 — въ третій разъ; 451 — въ четвертый; 127 — въ пятый; 33 — въ шес-

той; 5 — въ седьмой; 1 — въ осьмой и 4 — въ девятый. Число арестантовъ въ Оммершанъ въ концѣ 1849 года простиралось до 2,055 человекъ; умершихъ было 148; народилось — 15; дѣтей въ школы было — 252. Изъ числа 40 человекъ, бѣжавшихъ въ теченіе года, поймано 14. Больныхъ по всемъ колоніямъ въ 1849 году было 2,462 человекъ; изъ болѣзней наиболее поражали — перемежающіяся лихорадки, сыпь и воспаленіе глазъ, которыя всѣ болѣе или менѣе обуславливаются мѣстными причинами.

Вскоръ послѣ обѣда возвратился мой капитанъ въ сопровожденіи директорскаго помощика. Я простился съ докторомъ и съ радушнымъ священникомъ, и отправился опять осматривать заведеніе. Мы видѣли прачешную, лекарню, кладовую, заваленную горохомъ, рожью, сыромъ, свинымъ саломъ и цикоріемъ. Въ отдѣльныхъ мастерскихъ дѣлались гвозди, работали ткачи, портные, кузнецы, каретники, тельжники, башмачники; многіе изъ нихъ были мастера въ своемъ дѣлѣ и трудились съ большимъ наслажденіемъ. Въ столярной мастерской пашель я нѣсколькихъ юношей, лѣтъ осьмнадцати, которые сказали мнѣ, что они «любятъ работу» и копятъ заработанныя деньги. Насмотрѣвшись на всѣ ужасы бѣдности, отрадно было взглянуть на этихъ нищихъ, которые трудились въ потъ лица, и въ честномъ трудѣ находили полное наслажденіе. Равно и фермы, воздѣлываемыя известнымъ числомъ свободныхъ колонистовъ, представляютъ болѣе жизни и разнообразія, нежели въ Фридрихс-Ортъ, потому что они гораздо обширнѣе и снабжены бѣльшимъ количествомъ рогатаго скота.

Осмотрѣвъ заведеніе, я отправился къ директору, который пожелалъ узнать мои мысли о всемъ видѣнномъ. Мы усѣлись у него въ гостиной; онъ велѣлъ принести сигаръ и предложилъ мнѣ курить. Я поблагодарилъ его за вниманіе и отказался. «Какъ воскликнулъ онъ, неужели можно жить безъ табаку!» Онъ подтвердилъ мнѣ уже слышанное мною о нравственномъ состояніи колонистовъ; какъ видно, онъ не придаетъ большой важности этому обстоятельству, обращая исключительное вниманіе на ѣду, питье и работу. Я рѣшился замѣтить ему, что эти три условія не принесутъ большой пользы безъ очищенія нравственности, и что поученіе и назидательный примѣръ также необходимы для человека, какъ и ѣда и работа. Если бы все зависѣло только отъ пищи и труда, прибавилъ я, то не лучше ли было бы держать арестантовъ постоянно на работѣ, засадить на всю жизнь въ колонію, и, кромѣ того, собрать сюда всѣхъ нищихъ со всей Голландіи? Если добрый примѣръ, также какъ и дружбой, порождаетъ послѣдователей — въ такомъ случаѣ

удивненное положеніе колоніи не достигаетъ своей цѣли. Неужели сосѣдство съ городомъ, обращеніе съ людьми безукоризненнаго поведенія, остались бы безъ вліянія на арестантовъ? Гдѣ нѣтъ передъ глазами рѣзкой противоположности между порокомъ и добродѣтелью, между безопасностью и трудомъ, тамъ нечего ждать любви къ добру, нечего ждать исправленія.

Директоръ благосклонно выслушалъ мои замѣчанія; но отвѣтъ его показывалъ ясно, что онъ не совсѣмъ вѣритъ въ осуществленіе моихъ мыслей. Онъ убѣжденъ, что голландскія исправительныя общества вполне достигаютъ своей цѣли, — и, надо сознаться, большая часть бывлей оправдываютъ это мнѣніе. При своихъ средствахъ, эти общества могутъ еще дойти до благотѣльныхъ результатовъ. Поговаривали о томъ, не возьметъ ли голландское правительство подъ свое вѣдѣніе эти исправительныя колоніи; время и опытъ покажетъ, на сколько онѣ выиграютъ или проиграютъ отъ этой перемѣны.

Я, съ своей стороны, вполне вознагражденъ за труды своего путешествія въ колоніи; не смотря на непродолжительность посѣщенія, я узналъ о судьбѣ и будущности этихъ заведеній больше, чѣмъ сказала бы мнѣ мертвая книга. Чѣмъ болѣе изучаешь социальную жизнь, тѣмъ болѣе удостовѣряешься въ словахъ одного государственнаго мужа Франціи — что улучшенія приходятъ не вдругъ; онѣ истекаютъ изъ прошедшаго. Какъ и само человѣчество, онѣ сохраняютъ постепенность въ своемъ развитіи, и эта постепенность даетъ намъ возможность измѣрить количество возможнаго прогресса и отдалить его отъ утопіи.

Въ шесть часовъ я простился съ директоромъ. Мнѣ хотѣлось сегодня же вечеромъ взять на завтра мѣсто въ дилижансѣ. Капитанъ зашелъ со мною въ таверну распить, какъ онъ выразился, бутылочку на прощанье; этимъ, конечно, хотѣлъ онъ вознаградить себя за свои услуги; мы разстались весьма довольные другъ другомъ. Не малаго труда стоило мнѣ цѣлыхъ пять часовъ пробираться по песку, который жегъ мнѣ ноги, и я воротился къ мѣсту своего назначенія не ближе полуночи.

— Мы уже извѣщали, что въ Мюнхенѣ готовится выставка ремесленныхъ издѣлій; теперь она открыта; Планы зданія для выставки были составлены г-ми: Крамеромъ и Клеель де-Вортомъ. Эти художники старались подражать лондонской выставкѣ, но зданіе ихъ не имѣетъ той же легкости, потому что они не могли поста-

вить желѣзныхъ свлзей, и замѣнили ихъ деревянными. Вотъ почему зданіе мюнхенской выставки не представляетъ такого изящнаго вида, въ какомъ являлось лондонское.

Размѣщеніе предметовъ выставки сдѣлано очень методично, каталогъ составленъ съ большою ясностью; издѣлія раздѣлены на двѣнадцать главныхъ группъ. Общій видъ выставки удовлетворителенъ, но послѣ лондонской она кажется ужъ очень незначительною, и мануфактуристы разныхъ европейскихъ государствъ немногимъ чѣмъ займутся въ ней.

Въ мюнхенской выставкѣ Австрія занимаетъ первое мѣсто, и качествомъ выставленныхъ предметовъ, и прекраснымъ ихъ распределеніемъ. Особенно хороши машины, ею выставленные, и экипажи. Многіе экипажи, доставленные баварскими и другими нѣмецкими каретниками, также замѣчательны своею прочностью и прекрасною отдѣлкою, но къ сожалѣнію совсѣмъ не изящны.

Мебели выставлено очень много и она вообще превосходная.

Саксонское столовое бѣлье остается лучшимъ во всей Германіи. Богемское стекло и хрусталь не уронили своей славы; но и въ другихъ германскихъ государствахъ начали выдѣлывать стеклянные произведения не хуже и не дороже богемскихъ.

Берлинскій фарфоръ очевидно совершенствуется; на выставкѣ есть сервизы, истинно превосходные; особенно позолота на нихъ удивительно прочная, украшенія и живопись до того исполнены изящества и вкуса, что могутъ соперничать съ французскими. Больше всего вниманіе публики обратили на себя двѣ огромныя вазы, на которыхъ изображены нѣкоторые дворцы прусскаго короля.

Въ той части выставки, которая назначена для изящныхъ искусствъ, есть нѣсколько примѣчательныхъ художественныхъ произведеній особенно по отдѣлу скульптуры.

Вообще хотя выставка мюнхенская не можетъ назваться блестящею, однакожъ она удовлетворительна. По этому случаю въ Мюнхенъ съѣхалось много иностранцевъ. Ежедневно среднимъ числомъ на выставкѣ бываетъ до 4,000 человекъ. Было бы и гораздо больше, но очевидно многихъ удерживаетъ опасеніе заразиться холерою.

— Общественная гигиѣна и чистота составляютъ повсемѣстную и всегдашнюю потребность всего человѣчества; но мѣры, ими предписываемыя, особенно важны для большихъ городовъ, гдѣ и богатый, въ своемъ роскошномъ жилищѣ, и бѣднякъ, у котораго все богатство состоитъ въ здоровьи, и ремесленникъ въ мастерской, и купецъ въ конторѣ, и праздный гражданинъ, зѣвующій въ театрѣ, — всѣ,

имѣютъ надобность дышать чистымъ воздухомъ, питаться здоровыми веществами. Но кто же заботится о томъ, чтобы у насъ былъ чистый воздухъ, здоровая пища? *Общественная гигиѣна*, которая руководствуется указаніями науки, и просвѣщенныя начальства. Наука указываетъ, какія надобно принять мѣры, начальство заботится объ исполненіи ихъ. Наука укажетъ, напримѣръ, какъ могутъ быть повреждены съѣстные припасы, къ какимъ подлогамъ могутъ прибѣгнуть недобросовѣстные торговцы: начальство предупреждаетъ злоупотребленія, обуздываетъ ихъ.

Въ съѣстныхъ припасахъ бываетъ много поддволокъ, особенно на западѣ: въ кофе подмѣшиваютъ цикорій, въ шоколадъ жженую кукурузу, даже красную глину, и т. д. Но такого рода подделки еще не такъ страшны; опаснѣе тѣ, которыя могутъ имѣть вліяніе на здоровье. Такъ, напримѣръ, во Франціи въ хлѣбъ подмѣшивали сѣрнокислую мѣдь, потому, что съ ея подмѣсью и изъ *дурной муки* выходитъ *красивый хлѣбъ*; вино поддѣлывали не только спиртомъ, но даже квасцами, углекислымъ поташомъ или водой. Для открытія обмана, здѣсь уже необходимо знаніе. Откуда мы почерпнемъ его? изъ книги полезной и очень хорошо составленной г-мъ Амбруазомъ Тардье, недавно вышедшей въ Парижѣ (*). Человѣчество будетъ очень много обязано этой книгѣ. Въ ней говорится о сохраненіи здоровья въ лагеряхъ, на флотахъ, въ госпиталяхъ, въ тѣсныхъ улицахъ старыхъ городовъ, въ мѣстахъ болотистыхъ. Она слѣдуетъ за человѣкомъ во всѣхъ его ремеслахъ и занятіяхъ, указываетъ на опасности, неразлучныя съ нѣкоторыми ремеслами, научаетъ средствамъ отвращать эти опасности, ослаблять ихъ пагубныя дѣйствія. Кто бы могъ подумать, что выдѣлкою химическихъ спичекъ въ Парижѣ занимаются ежедневно *десять тысячъ работниковъ*? Всѣ эти люди безпрестанно вдыхаютъ испаренія фосфора, и естественно они подвергаются отъ того разнымъ болѣзнямъ. Въ книгѣ г-на Тардье показаны способы отвращать вредное вліяніе фосфора. Въ извѣстныхъ времена года простой народъ питается такими веществами, которыя могутъ вредить ему, и на это г. Тардье снабжаетъ спасительными наставленіями, словомъ, изъ книгъ, вышедшихъ въ послѣднее время, это самая полезная, которую очень бы желательно было видѣть въ переводѣ и на русскій языкъ.

(*) Dictionnaire d'hygiène publique et de salubrité, ou Répertoire de toutes les questions relatives à la santé publique, considérées dans leurs rapports avec les subsistances, les épidémies, etc. par Ambroise Tardieu.

— Всемъ известно, что султанъ выдалъ одну изъ дочерей своихъ за Али-Галиба-пашу, третьяго сына Репида-паши. Али-Галибъ-паша имѣетъ отъ роду двадцать четыре года. Онъ не дурень собою, лице у него кроткое, глаза исполнены огня и живости. Еще въ первой молодости онъ сопровождалъ отца своего въ 1844 и 1845 годахъ во Францію, гдѣ воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній. Одаренный большими способностями, онъ оказалъ быстрые успѣхи, и съ раннихъ лѣтъ началъ посвящать себя занятію государственными дѣлами. Теперь онъ уже членъ Дивана.

Празднества, сопровождавшія бракосочетаніе Али-Галиба-паши, не имѣли того блеска, какимъ отличалось бракосочетаніе Галиль-паши, или Мегемета-Али, по причинѣ затруднительнаго положенія, въ какомъ находится теперь Порты. Все ограничилось только слѣдующими церемоніями:

Приданое новобрачной было перевезено моремъ изъ Чераганскаго дворца въ Бальта-Лиманскій. Поездъ былъ учрежденъ съ соблюденіемъ строжайшаго этикета. Впереди плыла десяти-весельная канка *казне-кіаси*, султанскаго казнохранителя, за нею слѣдовала канка *казнедаръ-уста*, дворцоваго казначея. Потомъ слѣдовало тридцать канкъ двѣнадцати-весельныхъ, богато убранныхъ, нагруженныхъ вещами, составляющими приданое. На каждой канкѣ вещи были выставлены на виду; тутъ были богатые золоченые ящички и шкатулки, украшенные черепахою, драгоценными камнями; трубки, чубуки, серебряная и золотая посуда, канделябры, вазы, мебель, и проч. Все это было прикрыто прозрачнымъ газомъ и ярко светилося при солнечномъ сіяніи. Въ каждой канкѣ находилось по евнуху. За тѣмъ слѣдовало еще двадцать восемь канкъ съ женщинами, принадлежащими къ свитѣ султанши и съ евнухами въ форменномъ придворномъ платьѣ.

На другой день такимъ же порядкомъ перевезено было еще столько же вещей. Приданое оцѣнивають въ 60 милліоновъ франковъ (15 мил. рубл. сер.)

Церемоніаломъ управляетъ оберъ-церемоніймейстеръ Назвъ-бей.

Стеченіе зрителей было чрезвычайно многочисленное; особенно женщины, вездѣ охотницы до зрѣлищъ, толпились на берегу Босфора въ несмѣтномъ количествѣ.

— Для Сиденгамскаго хрустальнаго дворца устрояють сваряды, при помощи которыхъ его будутъ отоплять посредствомъ обыкновеннаго газа, служащаго для освѣщенія. По этому случаю, въ *Journal des Débats* помѣщена очень любопытная статья, которую

мы сообщимъ читателямъ вполне въ слѣдующемъ N Москвитянина; теперь же представляемъ краткое изчисленіе выгодъ, какія этотъ родъ отопленія можетъ представить, если имъ замѣнить обыкновенное отопленіе дровами или каменнымъ углемъ. Кстати, не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что одинъ изъ флигелей парижскаго госпиталю S.-Louis уже болѣе тридцати лѣтъ отапливается газомъ. Выгоды отопленія слѣдующія:

- 1) Не нужно трубъ, возвышающихся надъ крышами.
 - 2) Не бываетъ дыму, который замѣняется паромъ и углекислымъ газомъ, а эти вещества не имѣютъ ни цвѣта, ни запаха.
 - 3) Не нужно печей и каминовъ, которые занимаютъ много мѣста въ комнатахъ и безобразятъ ихъ. Снарядъ же для отопленія газомъ очень малъ, и можетъ быть помѣщенъ въ углубленіи стѣны, даже въ простой перегородкѣ.
 - 4) Отъ горѣнія газа не остается золы.
 - 5) Опасности отъ огня нѣтъ никакой.
 - 6) Затопить снарядъ можно всегда, когда угодно, съ помощію простой сѣрной спички.
 - 7) Какъ скоро комната нагрѣта достаточно, и огня болѣе не нужно, — его тотчасъ можно погасить.
 - 8) Снаряды могутъ быть сдѣланы, по произволу, и большіе и малые; они служатъ и для отопленія и для освѣщенія.
 - 9) Не нужно запасовъ топлива, а слѣдственно и помѣщенія для него.
 - 10) Газъ можно покупать у компаніи футами, по цѣнѣ общеизвѣстной, слѣдственно безъ обмана.
 - 11) Въ комнатахъ отъ газа никогда не можетъ быть дыма и копоти.
 - 12) Люди одиночные сами могутъ отоплять свою комнату, не прибѣгая къ пособію дворника, и проч., при томъ во всякое время дня.
 - 13) Въ самой кухнѣ дрова и каменный уголь могутъ быть замѣнены газомъ. На немъ, такъ же хорошо, какъ на дровахъ и угольяхъ, можно и варить, и жарить. Надобно только приноровить газовый снарядъ къ поваренной печи.
- Очевидно, что все это представляетъ много удобствъ и выгодъ; но можетъ ли такого рода отопленіе быть достаточно въ нашемъ климатѣ, — это другой вопросъ. Впрочемъ, если можно и варить и жарить кушанье на газовомъ огнѣ, то, вѣроятно, онъ могъ бы доставлять количество тепла, достаточное для согрѣванія комнатъ даже и при нашей зимѣ. Во всякомъ случаѣ дѣло это стоить того, чтобы его подвергнуть испытанію.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Отзывы плѣнныхъ Англичанъ о обращеніи съ ними въ Россіи. — Самоотверженіе и презрѣніе къ смерти Русскихъ воиновъ. — Освященіе первой Единовѣрческой церкви въ Новгородской епархіи. — Археологическія розысканія въ Владимірской и Ярославской губерніяхъ. — Заложеніе новыхъ казенныхъ зданій въ Кіевѣ. — Основаніе въ Севастополь храма во имя св. Равноапостольнаго Князя Владиміра. — Ярмарки въ Екатеринославѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. — Заграничная торговля Одессой за первое полугодіе, и перечень событій за августъ мѣсяца. — Литературная дѣятельность въ Кіевѣ. — Некрологъ: Голубинскій, Крафстремъ, Красовъ. — Замѣтка о днѣ высадки непріятельской экспедиціи въ Крымъ.

Въ N 17-мъ Москвитянина помѣщены извѣстія о обхожденіи Англичанъ съ русскими плѣнными; теперь кстати привести рассказы плѣнныхъ Англичанъ и отзывы иностранныхъ газетъ, о томъ, что находятъ непріятельскіе матросы, когда попадаютъ въ плѣнъ къ Русскимъ.

Послѣ взятія въ плѣнъ кожаного бота при Гамле-Карлебю, онъ былъ прибуксированъ, и снятымъ плѣннымъ оказана всевозможная помощь, а мертвыя тѣла были немедленно погребены. Распоряженія эти изумили и обрадовали плѣнныхъ, готовившихся быть повѣшенными, или разстрѣлянными, въ чемъ они были увѣрены своими офицерами. Они говорили: «Теперь мы не подвергаемся тѣмъ лишеніямъ самаго необходимаго, которыя безпрестанно терпѣли въ продолженіе нынѣшняго крейсерства. Слава Богу, что русскія пули избавили товарищей нашихъ отъ грѣха», потому что Натаніэль Морфи (убитый ихъ штурманъ) не долго бы остался въ живыхъ, — они сами собирались его застрѣлить. «Нѣсколько изъ числа этихъ плѣнныхъ приведены были въ Гельсингфорсъ, вмѣстѣ съ отбитою у нихъ пушкою. Толпа любопытныхъ сопровождала ихъ. Зрители особенно были поражены прощаніемъ одного плѣнника (изъ самыхъ молодцоватыхъ между ними) съ однимъ изъ казаковъ, приведшихъ его; они разставались какъ добрые друзья, поцѣловались, и слезы текли изъ ихъ глазъ. И съ какимъ чувствомъ Англичанинъ провожалъ взорами своего великодушнаго побѣдителя, который въ тотъ же день отправился въ обратный путь.

Въ Вѣнской газетѣ Soldatenfreund пишутъ: «Съ плѣнными, содержащимися въ Одессѣ, обходятся какъ нельзя лучше; денегъ

у нихъ достаточно, и они могутъ ходить въ городъ куда имъ угодно; они приняты во всѣхъ лучшихъ обществахъ, и часто прогуливаются съ русскими офицерами, взявшись за руки».

Изъ Портсмута, въ газетѣ Morning-Post помѣщена статья, что лейтенантъ Ройеръ съ парохода «Тигръ» и главный канониръ этого судна, прибыли туда изъ Одессы черезъ С.-Петербургъ. Лейтенанта предали военному суду за гибель «Тигра». Въ бытность его въ С.-Петербургѣ, онъ представился Государю Императору, который изволилъ принять его самымъ милостивымъ образомъ и пожаловать ему шпагу въ замѣну потерянной имъ, потомъ приказалъ выдать паспорта. Канониръ, бывший слугою г. Ройера въ этомъ путешествіи, не нахвалится радушіемъ и предупредительностію Рускихъ, и рассказываетъ, что одинъ изъ адъютантовъ Его Величества шалилъ ему передъ отъездомъ стаканъ мадеры и пригласилъ его пить за здоровье Государа, что онъ охотно и исполнилъ. Прѣзжая въ Россіи, они встрѣчали много англійскихъ инженеровъ, состоящихъ въ русской службѣ и весьма довольныхъ своею судьбою.

18 іюля привезено было въ С.-Петербургъ, для погребенія, тѣло А. Н. Карамзина. Оплакивая преждевременную смерть его, мы невольно припоминаемъ слѣдующее обстоятельство: — 23 августа 1845 г., въ день открытія памятника знаменитому нашему Исторографу, Николаю Михайловичу, Андрей Николаевичъ, провозглашая тостъ въ честь симбирскаго дворянства, между прочимъ сказалъ: «Геній и талантъ не наследственны, но наследственно съ малолѣтства питаемое чувство любви къ родинѣ, пламенная, святая преданность къ Престолу и Государю! Мое русское сердце трепещетъ радостью, видя какъ милое Отечество цѣнитъ великіе труды, понесенные безсмертнымъ покойникомъ въ пользу русскаго языка и русскаго слова».

«Съ какимъ чувствомъ», писалъ М. П. Погодинъ, изъ Симбирска, «съ какимъ жаромъ произнесъ онъ эти слова! Изъ сердца излились онѣ...» Вся жизнь А. Н. прибавимъ мы въ свою очередь, была оправданіемъ этихъ чувствъ, смерть ихъ запечатлѣла.

— Передадимъ нѣкоторыя подвиги нашихъ храбрыхъ воиновъ: Въ сраженіи на Башъ-Кадыкъ-Лярскихъ высотахъ, послѣ штурмовой молитвы, майоръ Турчановскій, какъ командиръ баталіона Эриванскаго Карабинернаго Государа Наслѣдника Полка, первый бросился на штурмъ непріятельской батарееи и раненный на лошади тремя пулями, передъ баталіономъ, скомандовавъ: «впередъ, ребята!» испустилъ духъ.

Подполковникъ князь Чавчавадзе съ безпримѣрнымъ мужествомъ, во всю первую половину іюля мѣсяца, отражая нападеніе Шамиля

на лѣвый флангъ Лезгинской кордонной линіи, съ геройскимъ самоотверженіемъ принесть въ жертву своему долгу все, что было для него самого драгоценнаго. По первому извѣстію о вторженіи непріятеля, поспѣвая къ Шильдамъ, князь Чавчавадзе послалъ сказать своему семейству, находившемуся по близости въ имѣніи, чтобы оно оставалось на мѣстѣ, дабы выѣздомъ своимъ не встревожить окрестныхъ деревень. Княгиня Чавчавадзе съ пятерыми дѣтьми и сестра ея, княгиня Орбеліани (вдова генераль-маіора), исполнили въ точности это наставленіе. Оставшись въ своемъ домѣ, онѣ были окружены толпами Лезгинъ и увлечены въ плѣнь.

Старшій священникъ Могилевскаго пѣхотнаго полка Іоаннъ Пятибиковъ, во время сраженія съ Турками, 11 марта сего года, при переправѣ войскъ нашихъ чрезъ рѣку Дунай у Измаила, слѣдуя съ крестомъ въ рукахъ въ переднихъ рядахъ, взошелъ изъ первыхъ на стѣны турецкихъ укрѣпленій на правомъ берегу Дуная, пастырскимъ увѣщаніемъ воодушевляя воиновъ, подъ грозными непріятельскими выстрѣлами неустранимо освящалъ крестомъ востокъ, западъ, сѣверъ и югъ; при чемъ получилъ двѣ контузіи въ грудь. Отъ св. креста совершенно отбита правая перекрестная сторона, а бывшая на священникѣ эпитрахиль пробита картечью.

Въ Тихвинѣ совершенно освященіе первой Единовѣрческой церкви въ Новгородской епархіи. Едва желаніе тихвинскихъ гражданъ о соединеніи ихъ съ православною церковію было изъявлено, какъ на мѣсто ветхой, поросшей мхомъ и полуразвалившейся молебни, явился храмъ, построенный совершенно согласно съ древнѣйшими образцами, украшенный драгоценными иконами, памятниками нѣсколькихъ столѣтій (образъ Тихвинскія Богоматери, Николая Чудотворца, Спаса Милостиваго), и снабженный церковными книгами древней печати. Трудно повѣрить, что устройство церкви со всеми принадлежностями и обнесеніемъ оградой, сдѣланы менѣе, чѣмъ въ мѣсяць времени.

По Высочайшему повелѣнію, во Владимирской губерніи производятся археологическія разысканія, открывшія, почти непрерывный рядъ невѣдомыхъ дотолѣ кургановъ съ разнообразными издѣліями отдаленной древности. Такъ древній Преображенскій соборъ въ городѣ Переславль-Залѣскомъ, которому наступило уже осьмое столѣтіе, еще мало обращалъ на себя вниманіе ученыхъ и художниковъ, хотя и заслуживаетъ быть описанъ въ подробности, подобно Дмитріевскому собору во Владимірѣ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, извѣстный нашъ ученый производящій въ Переславскомъ уѣздѣ археологическія изслѣдованія, бывшій секретарь археологическаго обще-

ства П. С. Савельевъ, окопалъ этотъ соборъ канавами съ цѣлю, вѣроятно, открыть остатки находившагося близъ оного княжескаго дворца. Не извѣстно еще, къ какимъ результатамъ относительно къ мѣстоположенію дворца, привели г. Савельева эти раскопки; по къ числу открытій, которыя сдѣлались уже общимъ достояніемъ, принадлежатъ вырытыя г. Савельевымъ каменные плиты, положенныя имъ теперь поверхъ земли у стѣнъ собора, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ найдены. Соборъ, стоявшій доселѣ одиноко, не окруженный никакими памятниками, свидѣтелями его древности, нынѣ окруженъ съ двухъ сторонъ старинными надгробными плитами, благодаря археологическому усердію г. Савельева. Слѣдовательно, еще нѣсколько памятниковъ прибавилось въ Переславль! Всего вырыто г. Савельевымъ десять надгробныхъ плитъ; изъ нихъ четыре съ надписями. Замѣчательно, что вокругъ столь древняго собора не оказалось болѣе древнихъ надписей. Не слѣдуетъ ли приписать это тому обстоятельству, что кладбища не было у сего собора до XVI-го вѣка, такъ какъ соборъ былъ усыпальницею князей Переславскихъ? Двѣ послѣднія плиты еще новѣе; но онѣ замѣчательны прекрасною, изсѣченною, выпукло по краямъ, вязью, и тѣмъ въ особенности, что одна изъ нихъ указываетъ, что во время Петра Великаго находились при соборѣ протопресвитеры, чего доселѣ извѣстно не было.

Въ іюль мѣсяцъ г. Савельевъ, прибывъ въ Ярославль, сообщилъ г-ну начальнику губерніи, что по распоряженію главнаго начальника археологическихъ въ Россіи разысканій г-на Министра Удѣловъ, и Управляющаго Кабинетомъ Его Величества, съ окончаніемъ производимаго имъ изслѣдованія кургановъ въ Переславскомъ уездѣ, розысканія эти имѣютъ производиться, въ смежномъ Ростовскомъ уездѣ, Ярославской губерніи, и чрезъ Губернскія Вѣдомости приглашаетъ лицъ, имѣющихъ свѣдѣнія о курганахъ, называемыхъ также могилицами, горбами, буграми, панами и т. п., равно о городищахъ или городцахъ, старыхъ селищахъ, окопахъ, валахъ и другихъ земляныхъ остаткахъ древности, также объ относящихся къ нимъ народныхъ преданіяхъ, сообщать таковыя свѣдѣнія ему г. Савельеву или же въ редакцію Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Всякое сообщенное объ этомъ извѣстіе можетъ быть полезно для науки и принято будетъ съ благодарностію. Имена лицъ, такимъ образомъ принявшихъ участіе въ дѣлѣ археологическихъ разысканій, напечатаны будутъ въ Вѣдомостяхъ.

— 31 мая въ Кіевѣ, въ присутствіи управляющаго кіевскимъ учебнымъ округомъ, положено основаніе новому зданію 2-й гимназій. Эту постройку полагается совершить въ 3 года. Расходы прости-

ратся будутъ до 165 тыс. рублей. Главный корпусъ будетъ состоять изъ 2-хъ этажей съ мезониномъ. Въ немъ, кромѣ помѣщенія для 200 человекъ воспитанниковъ, будутъ классныя комнаты, зала собраний, больница, библіотека, физическій кабинетъ, и проч. Отдѣльный флигель состоятъ будетъ также изъ двухъ этажей, съ квартирами для директора и служащихъ при гимназіи. Черезъ нѣсколько времени послѣ сего происходила торжественная закладка громаднаго зданія кievскихъ присутственныхъ мѣстъ. Все обширное пространство на Старомъ Кіевѣ, между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ Златоверхимъ монастыремъ, занятое прежде кварталомъ частныхъ и казенныхъ домовъ, очищено, и на немъ-то воздвигается заложенное нынѣ зданіе. Вообще Старому Кіеву, забытому прежде и покрытому ветхими домиками, возвращается издревле принадлежавшее ему великолѣпіе: кромѣ воздвигаемаго нынѣ зданія присутственныхъ мѣстъ, эту часть города украшаютъ уже превосходныя зданія: Университета, Неразжированнаго Кадетскаго Корпуса, Анатомическаго театра, не говоря о частныхъ каменныхъ домахъ, которыхъ въ послѣднее время возникло значительное число. Здѣсь строятся также театръ и зданіе вышеупомянутой 2-й гимназіи. Нѣсколько далѣе, въ Шулявщинѣ, красуются изысканныя и громадныя зданія Кадетскаго Корпуса, приводимыя къ окончанію. Словомъ, Старый Кіевъ пріосанился, помолодѣлъ и хорошеетъ не по днямъ, а по часамъ.

— Развалины древняго Херсонеса Таурическаго, гдѣ въ 988 г., Св. Владиміръ, покоривши этотъ великолѣпный городъ, принялъ въ стѣпахъ его св. крещеніе, принадлежитъ къ священнѣйшимъ мѣстамъ въ Россіи. Изъ этого заветнаго мѣста возсілъ первый лучъ православія въ Россіи и въ настоящемъ 1854 году, въ день памяти Равноапостольнаго Просвѣтителя Россіи заложенъ, во имя его великолѣпный храмъ, въ присутствіи всего генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ и при многочисленномъ стеченіи жителей всѣхъ сословій.

«Основаніе храма сего и во всякое другое время, сказалъ въ рѣчи своей Преосвященный Иннокентій, было бы событіемъ не Севастопольскимъ токмо, а и Всероссийскимъ, ибо къмъ создается этотъ храмъ? Не здвсилимъ только градомъ и даже не одною нашею странюю, а всею Россіею. По какому побужденію создается оны? Въ память крещенія и просвѣщенія Вѣрою Христовою, близъ града сего Великаго Князя Владиміра, то есть, почти то же, что въ память обращенія въ христіанство земли Русской.... Но въ настоящихъ обстоятельствахъ возлюбленнаго отечества нашего, заложеніе сего храма получаетъ еще большее и обширнѣйшее значеніе. Кто не знаетъ, что

у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній теперь состоитъ въ томъ, чтобы какимъ бы то ни было образомъ отторгнуть здѣшнюю страну отъ состава Россіи? — Это было бы, по собственному признанію ихъ, верхомъ ихъ успѣха противъ насъ. А мы — въ это самое время, — какъ бы въ отвѣтъ на ихъ безумную дерзость, — полагаемъ нынѣ здѣсь основаніе храму во имя Святаго Владиміра!... Симъ самымъ, сильнѣе и внятнѣ всякихъ словъ, мы говоримъ врагамъ нашимъ какъ бы такъ: непростительно-грубо ошибаетесь вы, воображая, что полуостровъ Таврической составляетъ для Россіи только недавнюю добычу меча и плодъ побѣды: нѣтъ, это древнее и родовое достояніе наше; это наследіе еще Св. Владиміра!... Здѣсь купель нашего крещенія; здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступить послѣ сего страну эту кому бы то ни было, значило бы для Россіи отказаться отъ купели своего крещенія, измѣнить памяти Св. Владиміра!... Возможно ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ городахъ здѣшнихъ камня на камень, нежели луна заступитъ здѣсь мѣсто Креста Христова!..»

По прибытіи, въ семь часовъ утра на мѣсто закладки, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго Иннокентія, митрополита Агаангела и настоятеля Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря архимандрита Геронтія, начался обычный чинъ освященія воды; послѣ того, съ пѣніемъ тропаря: «Спаси Господи люди Твоя», архіепископъ Иннокентій окропилъ св. водою фундаментъ, камни и кирпичъ, назначенные для закладки; потомъ, по прочтеніи положенной молитвы, принесены были серебряныя монеты, металлическая доска и часть строительныхъ матеріаловъ, которые его высокопреосвященство окропилъ св. водою и вложилъ въ высѣченномъ для этого квадратномъ углубленіи, въ мраморный камень; за тѣмъ всѣ присутствующія начальственные лица, по очереди, закладывали по одному кирпичу. Заложенный храмъ будетъ о 5-ти главахъ въ русско византійскомъ стилѣ. Длина его 16 сажень, ширина до 11 сажень, высота съ крестомъ до 20 сажень, фундаментъ и стѣны подвального этажа будутъ возведены изъ крѣпкаго камня, цоколь изъ порфира, выломаннаго на южномъ берегу за Аюдагомъ; всѣ стѣны со сводами изъ жженого кирпича, съ наружною облицовкою стѣнъ мраморомъ; куполы будутъ вызолочены. Въ Николаевѣ полученъ для сего храма иконостасъ, работы г. Майкова. Въ прошломъ году г. Майковъ написалъ прекрасный образъ св. Николая, о которомъ было уже писано въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Новыя иконы г. Майкова нѣсколько не уступаютъ по своему достоинству первымъ. Нѣкоторые мѣстные образа, особенно Тайная Вечера, носятъ на

себя печать высокаго творческаго таланта. Вся образа написаны искусно и въ духъ православной церкви. Скромность рисунка, темный колоритъ при золотомъ фонѣ, окончательность отдѣлки, при бойкой, размахистой манерѣ, говорятъ всякому, что иконы писаны не второстепеннымъ художникомъ, а профессоромъ, и не имѣютъ другаго назначенія кромѣ русской церкви.

— 1-го августа въ Курскѣ было два замѣчательныя событія: переходъ здѣшняго гарнизоннаго баталіона во вновь устроенное трехэтажное зданіе казармъ, и открытіе участка Курско-Харьковскаго шоссе, чрезъ сыпучіе пески, отъ Курска до соединенія съ старой почтовой дорогой, на протяженіи тринадцати верстъ. По отправленіи молебствія на дворѣ зданія казармъ, г. исправляющій должность начальника губерніи, вице-губернаторъ М. В. Селецкій, обратился къ солдатамъ съ рѣчью, исполненною чувствъ любви къ Престолу и Отечеству. Громкое, единодушное ура было отвѣтомъ на эту искреннюю рѣчь. Затѣмъ баталіонъ былъ введенъ въ казармы. Между тѣмъ на шоссе происходило другое торжество. Посреди вновь устроеннаго шоссе совершено молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и Августѣйшему Дому, въ присутствіи должностныхъ лицъ города, инженернаго начальства и многочисленнаго собранія народа. Послѣ молебствія, пропѣтъ былъ концертъ пѣвчими Троицкой церкви, и процессія двинулась по шоссе къ р. Сейми, для совершенія водосвятія. Затѣмъ подрядчикъ, почетный потомственный гражданинъ, Бердянскій 1-й гильдіи купецъ И. П. Сапотинъ, пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ въ деревню Ламонову, гдѣ, въ галереѣ, изящно убранной свѣжими цвѣтами и зеленью, устроенъ былъ роскошный обѣдъ.

— Екатеринославль, всегда во время ярмарки (29 іюня) оживляется или, лучше сказать, совсѣмъ измѣняется. Множество пріѣзжихъ разнаго званія людей придаютъ ему видъ шумнаго, многолюднаго города. Ярмарка нынѣшняго года, по значительному стеченію народа и по обилію разнаго рода удовольствій, была особенно замѣчательна. Больше всѣхъ вниманіе постояннаго и временнаго населенія города привлекали конскія скачки, на Высочайше установленныя призы, бывшія 26 и 29 іюня и 2 іюля.

Изъ Нижняго Новгорода имѣются свѣдѣнія о торговлѣ на ярмаркѣ, что она, сверхъ ожиданія, шла хорошо. Хлѣба съ разныхъ пристаней въ привозъ было: муки ржаной до 44,000 кулей, продано до 31,000; крупичатой до 61,000 мѣшковъ, продано до 35,000; пшеницы до 280,000 четвертей, продано до 191,000; пшеница до 26,000 четвертей, продано до 21,000; крупы гречневой до 400

четвертей, продано до 200 четвертей; ржи до 2.000 четвертей, продано до 1,800; гороху 500 четвертей, проданъ весь; овса до 55,000 четвертей, продано до 46.000 четвертей. Мѣди штыковой было на ярмаркѣ до 65.000 пудъ, въ то число поступило въ продажу до 35,000, изъ которой продано 23,000 пудъ. Чаявъ байковомъ привезено до 24,000 ящиковъ, проданъ весь; кирпичнаго чая было до 7,000; также проданъ весь. Сахару привезено съ С.-Петербургскихъ заводовъ до 126,000 пудъ и проданъ почти весь. Фабриканты русскіе исполнили платежи своимъ кредиторамъ исправно, безъ всякихъ стѣсненій, хотя сами и получали отъ городскихъ отъ рубля не болѣе 70 копеекъ; но ярмарка эта могла бы быть и еще удовлетворительнѣе, если бы своевременному доставленію товаровъ не препятствовало мелководіе рѣки Волги, отъ чего многіе товары не успѣли прибыть даже спустя нѣсколько уже времени послѣ срока. Это обстоятельство было причиною, что въ ожиданіи прибытія запоздавшихъ товаровъ, торговля на ярмаркѣ протолкалась нѣсколько болѣе обыкновеннаго времени.

— Въ Одесскомъ Вѣстникѣ помѣщенъ отчетъ объ оборотахъ одесской заграничной торговли въ первую половину текущаго года, сравнительно съ оборотами первыхъ шести мѣсяцевъ 1853 г., который представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Первое полугодіе	1853 г.	1854 г.
------------------	---------	---------

Цѣнность отпуски изъ Одессы за границу.

Товаровъ.	10,585,354	11,727,174
Монеты.	26,114	236,507
Итого	10,611,468	11,961,681

Цѣнность привоза изъ-за границы въ Одессу:

Товаровъ.	3,840,334	3,376,620
Монеты.	3,308,360	556,157
Итого	7,148,694	3,932,767

Цѣнность вывоза иностранныхъ товаровъ изъ Одессы

внутри имперію.	1,732,090	1,131,626
-------------------------	-----------	-----------

Движеніе судоходства:

Прибыло судовъ изъ-за границы.	679	319
Отошло судовъ за границу. . . .	595	566

Цифры эти представляютъ результатъ мало къмъ ожидаемый. — именно, что цѣнность отпуска товаровъ въ первой половинѣ 1854 года оказалась выше цѣнности отпуска за первые шесть мѣсяцевъ минувшаго 1853 года, которая до-сихъ-поръ была самою высшею изъ цифръ перваго полугодія всѣхъ прежнихъ лѣтъ. Результатъ этотъ тѣмъ замѣчательнѣе, что въ немъ заключается отпускъ главнаго продукта нашего края — хлѣба въ зернѣ, собственно не за шесть мѣсяцевъ, а только за два мѣсяца, до воспослѣдованія запрещенія вывоза его за границу: онъ показываетъ, краснорѣчивѣе всѣхъ объясненій, до какой степени развитія достигла отпускная торговля одесскаго порта, и какъ огромны были бы, по всей вѣроятности, полные итоги нашего отпуска за нынѣшній годъ, еслибъ тому не воспрепятствовала разразившаяся война.

Настоящій годъ открылся, въ Одессѣ собственно, при самыхъ благопріятныхъ для торговаго міра условіяхъ: магазины заключали въ себѣ болѣе милліона четвертей всякаго рода зерноваго хлѣба; болѣе трехъ-сотъ судовъ, по большей части огромнаго объема, стояли въ гавани въ ожиданіи нагрузки; требованія на хлѣбъ изъ-за граничныхъ рынковъ усиливались постоянно, и цѣны на хлѣбъ держались на степени, дававшей возможность платить небывалыя цѣны за фрахты и покрывать издержки на погрузку, которыя утроились противъ обыкновеннаго, по причинѣ чрезвычайной поспѣшности, съ какою всѣ торговцы старались грузить и отправлять товаръ. Даже пріостановленіе погрузки отъ льда, два раза покрывавшаго рейдъ на нѣсколько дней, было непродолжительно, и хлѣбъ грузился по льду, или чрезъ карантинъ. По этимъ причинамъ отпускъ хлѣба въ первые два мѣсяца 1854 года дошелъ до никогда небывалаго количества. Съ этого дня произошелъ, какъ и слѣдовало ожидать, мгновенный переворотъ въ стоимости хлѣба, и цѣны вдругъ упали до 50 процентовъ. Съ марта мѣсяца, всякія спекуліаціи на отпускъ хлѣба за границу пріостановились, и хлѣбная торговля въ Одессѣ вошла въ сжатые размѣры покупокъ, производимыхъ для паровой и другихъ мельницъ, въ количествѣ нужномъ только для мѣстнаго потребленія. Не смотря на опасенія, неизбѣжныя при нынѣшнемъ положеніи торговаго міра, биржевые курсы на иностранные векселя, хотя и воздвигались было въ пропорціи 7 рублей серебромъ за фунтъ стерлинговъ на Лондонъ и 450 франковъ на Парижъ за 100 руб. сереб. но вскорѣ пришли въ нормальное почти свое положеніе, такъ-что въ исходѣ іюня мѣсяца курсъ на Лондонъ стоялъ 6 р. 45 к. сер., на Марсель и Парижъ 385 до 390. Заключимъ замѣчаніемъ, что довѣріе къ прочности кредита въ Россіи столь непоколебимо по-

всюду за границую, что даже на лондонской и парижской биржах неограниченно переводов на русскіе торговые города, равно-как и уступки русскіихъ облигацій производились и производятся весьма-плавво и по выгоднымъ для продавцевъ цѣнамъ.

— Послѣ перенесеннаго 11-го апрѣля Одессою испытанія, исторія ея въ послѣдующее за тѣмъ время ознаменовалась рядомъ событій и торжественныхъ празднованій. Минувшій августъ представляетъ также не одно замѣчательное явленіе.—Государыня Императрица, усмотрѣвъ съ особеннымъ удовольствіемъ, изъ представленнаго Ея Императорскому Величеству отчета Комитета Одесской Богдальни Сердобольныхъ сестеръ, что, по распоряженію учредителей богадальни, въ больницы сего заведенія предназначено 12 кроватей для бесплатнаго пользованія раненыхъ въ настоящую войну, и желая съ своей стороны споспѣшествовать благому дѣлу, Всемилостивѣйше изволила для сего пожаловать заведенію 300 р.—Съ августа введено освѣщеніе городскихъ улицъ спирто-скипидарною жидкостью. По улицамъ Херсонской, Елизаветинской и Софійской и поперечнымъ, ихъ перестраивающимъ, уставлено сто фонарей, приуровненныхъ къ этому освѣщенію. 6 августа совершалось торжественное перенесеніе чудотворной иконы Богоматери Касперовскія, изъ Крестовой церкви архіерейскаго дома въ Кафедральный Преображенскій соборъ. Въ десятомъ часу утра прибыли въ архіерейскую церковь г. исправляющій должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора, г. Одесскій военный губернаторъ, находившіяся въ Одессѣ генералы и гражданскіе чиновники, въ полной парадной формѣ. Многочисленное стеченіе православныхъ всѣхъ сословій наполняло церковь, дворъ архіерейскаго дома и близлежащія улицы. По совершеніи краткой литіи, г. генераль-адъютантъ Ашпенковъ и г. генераль-лейтенантъ Крузенштернъ благоговѣнно приняли, изъ рукъ архіепископа Иннокентія, чудотворную икону и вынесли ее изъ церкви, предшествуемые духовенствомъ съ клиромъ и св. хоругвами; за ними слѣдовалъ преосвященный. Шествіе, при пѣніи священныхъ гимновъ, направилось къ собору по улицамъ Софійской, Преображенской и кругомъ соборной площади. По улицамъ, гдѣ проходила процессія, стояли войска, отдававшія честь, при играніи военной музыки. Несметныя толпы народа покрывали всѣ эти улицы и унизывали окна и балконы домовъ, благоговѣнно преклоняясь предъ ликомъ Гостыи Небесной, благоволившей посѣтить городъ. Во время шествія, чудотворную икону принимали попеременно на руки высшіе военныя и гражданскіе чиновники, а предъ вступленіемъ въ соборъ, она снова передана была ихъ пре-

восходительствамъ Н. Н. Анненкову и Н. И. Крузенштерпу, внесеннымъ ее въ церковь, гдѣ она принята была отъ нихъ преосвященнымъ Иннокентіемъ и возложена на приготовленный аналой; затѣмъ, Архіепископомъ Иннокентіемъ совершена была соборнѣ Божественная Литургія. Съ ранняго утра до поздняго вечера толпы православныхъ богомольцевъ наполняютъ обширное пространство соборнаго храма, и, благоговѣнно прикладываясь къ чудотворной иконѣ, непрерывно совершаютъ молебны и акафисты съ водосвятиемъ. Въ память такового благодатнаго посвещенія, предположено устроить на икону новую *золотую ризу*, съ украшеніемъ ея по мѣстамъ драгоценными камнями. Желаютіе участвовать въ этомъ благомъ предпріятіи своими приношеніями какъ денежными, такъ и въ видѣ матеріаловъ, особенно драгоценныхъ камней, могутъ относиться къ ключарю кафедральнаго собора протоіерею Знаменскому.

22 августа Одесса праздновала тройственное торжество: Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ, шестидесятилѣтіе со времени основанія города и вѣсть о двухъ блистательныхъ побѣдахъ, одержанныхъ генераль-лейтенантомъ Врангелемъ, на Чингильскихъ высотахъ и Генераль-Лейтенантомъ княземъ Бебутовымъ, между Александрополемъ и Карсомъ. По установленному порядку, наканунѣ, 21 августа, совершена была въ Преображенскомъ соборѣ, *Иннокентіемъ*, архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, соборнѣ, заупокойная литургія и панихида объ упокоеніи основателей и благодѣтелей города Одессы. Военныя и гражданскія начальства и воспитанники учебныхъ заведеній присутствовали при богослуженіи. Въ воскресенье двадцать-втораго августа, въ 10 часовъ утра, въ Архангело-Михайловскомъ монастырѣ, куда привезена была за два дня изъ собора чудотворная икона Касперовской Богоматери, совершена была пресвященнымъ *Иннокентіемъ*, Божественная литургія, въ присутствіи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, иностранныхъ консуловъ и при многочисленнымъ стеченіи жителей всѣхъ сословій. Въ полдень, по окончаніи, литургіи двинулся изъ монастыря установленный на этотъ день *крестный ходъ*, по учрежденному церемонаіалу. Рѣдко эта духовная процессія, которой такъ благоприятствуютъ ширина и прямизна одесскихъ улицъ, бывала такъ великолѣпна, какъ въ нынѣшнемъ году. По всей линіи отъ Михайловскаго монастыря къ бульвару была разстановлена шпалеромъ пѣхота, а отъ бульвара къ собору въ такомъ же порядкѣ кавалерія, и видъ этихъ стройныхъ массъ войскъ придавалъ особенное величіе проходившей мимо нихъ процессіи. Устроившіеся по Троицкой улицѣ отъ монастыря, въ назначенномъ порядкѣ,

представители городскихъ сословій, воспитанники учебныхъ заведеній и многочисленный сонмъ духовенства съ пѣвчими, несшаго святая иконы, составили собою длинную линію, остиенную съ обѣихъ сторонъ святыми хоругвами; вся эта линія двинулась, по данному знаку, какъ скоро вынесена была изъ церкви г-мъ исправляющимъ должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора и г-мъ одесскимъ военнымъ губернаторомъ чудотворная икона Богоматери Касперовской, за которую непосредственно слѣдовали преосвященные Иннокентій и Юсифъ, въ сопровожденіи высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Светлое солнце, котораго жаръ умѣрился легкими переходящими облаками, озаряю крестный ходъ и лучи его ярко играли на золотыхъ окладахъ иконъ, на свѣтлыхъ ризахъ духовенства, на крестахъ, бахромахъ и кистяхъ хоругвий и наконецъ на оружіи войскъ, обрамливавшихъ собою величественно-живописную ленту процессіи. Несмѣтная толпа народа, окружавшія монастырь во время богослуженія, двинулись живыми волнами вслѣдъ за процессію, которую заключалъ хоръ военной музыки, и разлились по сторонамъ улицъ, по коимъ шествовалъ ходъ; все окна, балконы и крыши домовъ по улицамъ Троицкой, Италійской и Бульварной были, въ буквальномъ смыслѣ слова, унизаны зрителями всехъ сословій и возрастовъ, благоговѣнно преклонявшимися предъ ликомъ Богоматери, освятившей цынв своимъ присутствіемъ празднество въ память основанія Одессы; пресвятая икона ея попеременно несена была высшими военными и гражданскими чиновниками.

По прибытіи къ памятнику Ришелье, по срединѣ бульвара, духовенство и хоругви окружили устроенный тамъ амвонъ, на которомъ преосвященный Иннокентій совершилъ установленное на этотъ день молебствіе, съ колынопреклоненіемъ и возгласеніемъ многолѣтія Государю Императору и Августѣйшему Царскому дому, а за тѣмъ побѣдоносному христіюлюбивому Всероссійскому воинству и жителямъ Богоспасяемаго города Одессы. При возгласеніи многолѣтія раздались пушечные выстрѣлы съ прибрежныхъ батарей, недавно еще такъ стойко защищавшихъ городъ, а нынѣ громомъ своимъ возвѣщавшихъ празднество Россіи и Одессы. За тѣмъ преосвященный архипастырь осѣнилъ чудотворною иконою, во все четыре стороны, тысячи народа благоговѣнно внимавшія священному молитвословію.

Чудотворная икона внесена была въ соборъ генераль-адыютантомъ Ашениковымъ и генераль-лейтенантомъ Крузенштерномъ, и принята отъ нихъ преосвященнымъ Иннокентіемъ, возложившимъ ее на приуготовленный аналой. Войска, по мѣрѣ прохожденія предъ нами духовной процессіи, отправлялись на обширную площадь за городомъ, у

Михайловскаго монастыря, и выстроились тамъ, въ числѣ 10 эскадроновъ кавалеріи и 12-ти баталіоновъ пѣхоты. По окончаніи молебствія въ соборъ, г. генераль-адъютантъ *Анненковъ* прибылъ съ генералитетомъ и съ штабомъ своимъ на означенную площадь и произвелъ смотръ войскамъ, которыя потомъ прошли предъ его превосходительствомъ церемониальнымъ маршемъ. За тѣмъ пѣхота, сложивъ ружья, расположилась линіями за наружнымъ бульваромъ, окружающимъ гласисъ бывшей крѣпости, вдоль столовъ, на которыхъ приготовлена была для нижнихъ чиновъ сытая закуска. Прибывшій туда же преосвященный *Иннокентій* благословилъ приготовленный обѣдъ, а преосвященный *Иосифъ* обошелъ всѣ столы и окропилъ воиновъ св. водою. Тогда г. генераль-адъютантъ *Анненковъ*, взявъ чарку водки, громко поздравилъ солдатъ съ высокаторжественнымъ днемъ и съ новыми побѣдами, дарованными Богомъ Русскому оружію, и громовое ура было откликомъ на это радостное привѣтствіе. Картина угощенія солдатъ была въ своемъ родѣ замѣчательно живописна: ряды столовъ, накрытыхъ скатертями и уставленныхъ горками хлѣбовъ и бѣрины и ведрами горячаго вина, тянулись вдоль бульвара отъ мѣста, гдѣ нынѣ строится телеграфъ, неподалеку отъ дачи генерала *Лидерса*, почти до обрыва надъ берегомъ моря; вокругъ нихъ расположились живыя группы веселыхъ воиновъ и фономъ для этой картины была широкая панорама города, особенно великолѣпно рисующагося съ крѣпостнаго возвышенія: большая часть его представляется оттуда какъ на ладони. Кавалерія была угощена такъ-же точно по квартирамъ (*). Въ 3½ часа по полудни Одесскимъ купеческимъ обществомъ данъ былъ въ биржевой залѣ блистательный обѣдъ на 250 приборовъ, для духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и иностранныхъ консуловъ. Въ 7½ часовъ вечера данъ былъ въ театрѣ, при иллюминаціи залы, Русскій спектакль; представлена была патриотическая драма *Скобелева: Кремлевъ, Русскій Солдатъ*, за которою послѣдовалъ казацкій танецъ, а въ заключеніе артистами обѣихъ Одесскихъ трупп пропѣтъ былъ гимнъ: «Боже, Царя храни», предъ вензелевымъ изображеніемъ Царственнаго имени **Н и к о л а я**.

(*) Для угощенія солдатъ доставлено было 9,050 булокъ, 212 жаренныхъ барановъ и 100 ведеръ водки. Булки были пожертвованы 6,000 — гражданами Одессы, 1,750 почетнымъ гражданствомъ *Я. Е. Гари*, и 1,300 мастерскими хлѣбнаго цѣха, 155 барановъ доставлены были мастерами и хозяевами мяснаго цеха, 32 Одесскимъ купцемъ *Иваномъ Посоховымъ* и 25 сдѣльцами стараго базара; 100 ведеръ водки подарено было *А. М. Абазю*, нѣсколько разъ уже сдѣлавшимъ подобныя значительныя пожертвованія для угощенія храбрыхъ нашихъ воиновъ.

День заключился иллюминаціею въ городѣ, на бульварѣ и на гава-
няхъ, и чрезвычайно оживленнымъ и многочисленнымъ гуляньемъ въ
городскомъ саду, ярко освещенномъ разноцвѣтными фонарями. Въ 11
часовъ вечера тамъ сожженъ былъ фейерверкъ. Гимнъ «Боже, Царя
храни», сыгранный военною музыкою, еще разъ вызвалъ громкое «ура»

30 Августа, по совершеніи въ соборѣ Божественной литургіи
и молебна о благоденствіи Государя Императора, Высокаго Именин-
ника и всего Августѣйшаго Семейства, Ришельевскій лицей празд-
новалъ свой годичный актъ, въ присутствіи Иннокентія, архіепископа
Херсонскаго и Таврическаго, и митрополита Іосифа, г-на генераль-
адъютанта Н. Н. Анненкова, военнаго губернатора г. Одессы и при
многочисленномъ стеченіи любителей просвѣщенія. Г. инспекторъ лицея,
на котораго возложена была обязанность представить отчетъ о дѣятель-
ности сего высшаго учебнаго заведенія за истекшій годъ, въ пре-
красной рѣчи своей, поминулъ въ примѣръ и поощреніе молодаго
поколѣнія лицей, имена тѣхъ безстрашныхъ студентовъ, которые
10-го апрѣля возили снаряды на Щеголевскую батарею, подъ
дождемъ непріятельскихъ ядеръ и были за это такъ щедро взысканы
милостями Государя Императора. Рѣчи, произнесенныя на этомъ
торжествѣ, отличались столь же удачнымъ выборомъ, сколько и пре-
краснымъ исполненіемъ. Г. профессоръ Русской словесности Зеленецкій
говорилъ о Пушкинѣ, о великомъ пѣвцѣ Русской жизни, о Пушкинѣ,
который нѣкогда

жилъ въ Одессѣ пыльной,

въ которой писалъ онъ первыя главы Онѣгина, которая оставила
въ воспримчивой душѣ поэта столько сладкихъ, задушевныхъ вос-
поминаній. На сѣверѣ подъ сѣнью дѣдовскихъ сосенъ, онъ со вздо-
хомъ вспоминалъ о томъ городѣ,

Гдѣ долго ясны небеса

и говорилъ:

А небо южное? а море?

Чего-жъ вамъ болѣе, друзья?

Благословенные края!

Очень желательно, чтобы основательный трудъ г. Зеленецкаго
сталъ доступенъ бѣльшей массѣ читающей публики. Дѣло Пушкина, —
дѣло Россіи, дѣло семейное. Все, что относится до него, должно
быть общимъ нашимъ достояніемъ, малѣйшая подробность драго-
цѣнна, каждое слово имѣть значеніе. Г. адъюнктъ-профессоръ Со-
кальскій изложилъ постепенное и необыкновенное развитіе торговой

двѣтательности Одессы, доставлявшей въ послѣднихъ годахъ почти $\frac{1}{6}$ -ю часть всего ввозимаго въ Англїю хлѣба и $\frac{1}{8}$ -ю часть всего ввозимаго во Францію, и огромное увеличеніе ея народонаселенія, которое два года послѣ закладки города, то-есть въ 1796 году, не превышало 2350 душъ, а въ 1852 году доходило уже до 100,000 жителей. Развитіе идущее рядомъ съ громаднымъ увеличеніемъ народонаселенія Северо-Американскихъ городовъ! Прекрасное изложеніе, ясныя статистическіе выводы, представленные дѣльно и ярко, придаютъ труду г. Сокальскаго живой интересъ, котораго часто лишены статьи подобнаго рода, и должны быть занимательны не только для здѣшняго края, который въ нихъ прочтетъ живую исторію своего молодаго прошедшаго, но и для каждаго Русскаго, для каждаго образованнаго челоуька.

По окончаніи акта въ лицѣ, архіепископъ Иннокентій и митрополитъ Юсифъ, вмѣствъ съ Генераль-Адъютантомъ Анненковымъ, отправились къ берегу, гдѣ и освящены были ихъ высокопреосвященствами двѣ вновь оконченныя береговыя баттарен: N 9 и 10, изъ которыхъ первая стоитъ у подошвы горы, на которой возвышается архіерейскій домъ, а вторая на Пересыпи устроена во дворѣ дома купца Рогожина. Светлый, но непалящій день, свѣжій воздухъ, широкая равнина водъ, разстилающаяся впереди на необозримое пространство, все придавало сему военному торжеству какой-то веселый, праздничный видъ, который выражался и на лицахъ начальниковъ, и въ мужественныхъ чертахъ воиновъ, и въ огромномъ стеченіи ликующаго народа. Г. генераль-адъютантъ Анненковъ приветствовалъ артиллеристовъ теплою рѣчью Русскаго начальника, вспомнилъ о дорогомъ для Россіи днѣ, въ который совершается освященіе новыхъ оплотовъ противъ кичливаго врага и заключилъ словами: «ребята! молитесь усердно, служите вѣрно, стойте крѣпко, стрѣляйте метко!» Преосвященный благословилъ ихъ чудотворною иконою Касперовской Божіей Матери на новые подвиги, въ случаѣ новаго боя съ врагами Отечества. Громко и весело отвѣчали на это приветствіе молодцы артиллеристы и съ душевнымъ умиленіемъ подходили подъ пастырское благословеніе. Въ отношеніи литературномъ Одесса въ началѣ нынѣшняго лѣта представила 3-й томъ *Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей* — изданіе которымъ исторія, географія и статистика обогатились новыми пріобрѣтеніями и открытіями. Въ концѣ іюня вышелъ 6 N *Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Сельскаго Хозяйства южной Россіи*, въ которыхъ помѣщено 11-ть статей и въ числѣ ихъ пере-

подная одна. Въ началѣ августа выпіель 7-й N Записокъ того же Общества — помѣщено четыре статьи оригинальныя.

Но ни одинъ изъ провинціальныхъ городовъ не можетъ похвалиться такимъ развитіемъ литературнымъ и ученымъ, какъ Кіевъ. Каждый годъ выходитъ въ немъ сочиненія, изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлались капиталнымъ приобретеніемъ для науки. Въ прошедшемъ 1853 году въ Кіевѣ издано было 16-ть сочиненій. Въ 13 N Москвитянина, мы уже извѣщали объ изданіи въ семь году нѣсколькихъ басенъ Крылова, переведенныхъ на Малороссійское нарѣчіе. Теперь получены свѣдѣнія, что вышли еще въ Кіевѣ: 1) *Собраніе поученій на дни Воскресныя и Праздничныя*, наданное Редакціею Воскреснаго Чтенія, при Кіевской Духовной Академіи. 2) *О христіанскомъ препровожденіи времени*. Сочиненіе Экстраординарнаго Профессора Кіевской Духовной Академіи, священника Григорія Крамарева. 3) *Катихизическія поученія*, говоренныя въ Кіево-Софійскомъ соборѣ протоіереемъ И. М. Скворцевымъ. 4) *Описаніе Кіево-Софійскаго собора*, по обновленіи его въ 1843—1845 годахъ. 5) *Слово въ день тезоименитства Государыни Императрицы* и по прочтеніи Высочайшаго Манифеста о войнѣ съ Франціею и Англіею, говоренное въ Кіево-печерской Лаврѣ, священникомъ Григоріемъ Крамаревымъ. 6) *Михаилъ Керулларій*, Патріархъ Константинопольскій. 7) *О заслугахъ Императора Θεодосія Великаго, по отношенію къ Вѣрѣ и Церкви*. Соч. студента Кіевской академіи Ивана Вертеловскаго. 8) *Ученіе Св. Отцевъ—Подвижниковъ о благодати Божіей, спасающей человека*. Соч. студента Даніила Имшенецкаго. 9) *О значеніи Гимнастики въ жизни человека и народовъ*. Рѣчь профессора университета Св. Владиміра фонъ-Гюббенета. 10) *Народныя южно-русскія пѣсни*, изданіе профессора Харьковскаго университета Метлинскаго. 11) *Замѣтки о женщинахъ*. Соч. Д. Мацкевича. 12) *Турецкій Султанъ и его союзники*. Последнія два брошюры, (цѣна каждой по 50 коп.) изданы съ благотворительною цѣлію. Вырученныя деньги отъ продажи первой назначаются въ пользу Кіевскихъ детскихъ приютовъ, а отъ второй — въ пользу раненыхъ воиновъ въ настоящую войну.

— 22 августа скончался въ Костромѣ профессоръ философіи Московской Духовной Академіи Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій. Въ одномъ изъ послѣдующихъ NN, мы надеемся помѣстить біографическія подробности о Ѳ. А., котораго имя было въ ученомъ мірѣ синонимомъ философа, а теперь сообщимъ свѣдѣнія о встрѣчѣ съ нимъ С. П. Шевырева, помѣщенныя въ «Повѣдкѣ его въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь». — «Рано началось классическое

ученіе для О. А. Г. Первые занятія дѣтства были устремлены на поэзію. Десяти лѣтъ, онъ уже прочелъ пять пьесъ Виргиліевой Энеиды. Занятія философіею онъ избралъ по собственному влеченію. Лекціи исторіи, философіи, имѣ читанныя въ духовной Академіи, существуютъ въ рукописяхъ. Нѣкоторыя написаны имъ самимъ, другія составлены его учениками. Геннеманъ и Риттеръ служили ему для его лекцій. Перваго онъ предпочиталъ въ томъ, что касается до изложенія системъ, за исключеніемъ одностороннихъ мнѣній Кантіанскихъ; Риттеръ не столько вѣрнѣе въ изложеніи. Но главною основою для О. А. Г. было конечно собственное изученіе, руководствомъ при которомъ служило начало, тѣсно сопряженное со всею его жизнію».

«Я никогда не встрѣчалъ человека, который бы умѣлъ такъ строго править силами души въ своемъ разговорѣ и такъ разграничивать сферы, въ которыхъ вращаются его мысли. Этихъ сферъ — двѣ: Религія и Философія, живущія въ духѣ его слитно и согласно. Изъ обвѣхъ сферъ равно почерпаетъ онъ предметы для своихъ бесѣдъ, обѣ равно ему доступны. Когда говорилъ онъ объ Философіи, въ рѣчи его выражалось ясное и спокойное сознаніе разума, въ расположеніи мыслей господствуетъ строгая логическая отчетливость; и каждое слово точно и опредѣлительно. Когда говорилъ онъ отъ Вѣры, онъ былъ весь полнота умиленнаго чувства и слово его растворено любовію, а украшено одною простотою, истекающею изъ глубокаго искренняго смиренія. Тогда слово его понятно было ребенку и простолюдину. Въ такомъ случаѣ онъ любилъ разсказъ или притчу. Наша мысль, увлекаемая свободою разговора, весьма часто переходила изъ одной сферы въ другую. При этихъ переходахъ, въ особенности, могъ я видѣть опытность мудреца, превосходно владеющаго логическимъ разумомъ и теплымъ чувствомъ въ своемъ словѣ. Всѣ системы Германской философіи ясно пронесли въ его головѣ. Изложеніе его, когда говорилъ онъ о наукѣ, сохраняя ученый характеръ, вовсе чуждо темноты и ясною глубиною свидѣтельствовало о совершенномъ знаніи предмета».

Во вторникъ 7-го сентября скончался въ Дерптѣ, попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа, членъ Главнаго Правленія училищъ и председатель Дерптскаго цензурнаго комитета, генералъ отъ инфантеріи Евстафій Борисовичъ Крафстремъ, на 71-мъ году своей жизни. На канунъ своей кончины, онъ былъ совершенно здоровъ, прогуливался въ послѣобѣденное время и былъ вечеромъ въ веселомъ расположеніи духа. Въ четыре часа утра смерть отъ нервическаго удара поразила его въ *три минуты*. Евстафій Борисовичъ

родился 16 августа 1784 и на 16-мъ году (въ 1800) вступилъ уже въ военную службу, начавъ ее Лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку; въ званіи полковника переформировалъ онъ нѣсколько армейскихъ полковъ; и кончилъ военное поприще командиромъ Лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Попечителемъ Дерптскаго Учебнаго Округа, былъ съ начала 1836 года. 28 августа 1850 г. празднованъ былъ пятидесятилѣтній юбилей служебной его дѣятельности.

О КОНЧИНѢ В. И. КРАСОВА.

(Письмо въ редакцію).

Спѣшу уведомить Редакцію Москвитянина о кончинѣ одного изъ нашихъ молодыхъ стихотворцевъ: вчера я проводилъ на Ваганьковское кладбище моего товарища по службѣ, Василія Ивановича Красова. Онъ скончался отъ чахотки, которою страдалъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Жестокій ударъ, имъ понесенный, ускорилъ его кончину: недѣль за шесть передъ этимъ, онъ лишился жены, нѣжно имъ любимой, и теперь осталось послѣ него шестеро сиротъ, изъ которыхъ старшей дочери девять лѣтъ. Онъ жилъ своими трудами и не оставилъ дѣтямъ ничего, кромѣ добраго имени и благословенія. Но, вѣроятно, найдутся добрые люди, которые не оставятъ несчастныхъ сиротъ.

Посылаю вамъ его послѣднее стихотвореніе, съ покорнѣйшею просьбою напечатать его, если можно, въ Москвитянинѣ при его некрологѣ.

Стоять паликары кругомъ,
Заслушались рѣчи поэта.
Въ крови было платье на немъ,
За поясомъ два пистолета.

Израиель и блудень былъ онъ;
Но блещутъ орлиные взгляды...
Предъ нимъ зеленѣлъ Марафонъ;
Плескалося море Эллады.

«На брань, паликары, на брань!
При васъ ли мечи и пицали?
Брать — Греки! за отчизну встань,
Какъ предки твои возставали!»

«Вѣдь это отчизна чудесъ! —
Здѣсь слышались рѣчи Платона,
Здѣсь Фидіемъ созданъ Зевесъ,
Возникли столпы Паросона.»

«Не здѣсь ли, Эллада, твой сынъ
Развилъ несобятныя силы?
Безсмертенъ, друзья, Саламинъ!
Лишь въ Греціи есть Оеропилы».

«Когда же постыдную дань
На вольныхъ орловъ налагали?
На брань, паликары, на брань!
При васъ ли мечи и пищали?»

«При насъ паликары греметь:
«Во имя Христа и Софіи;
«За насъ великаны стоятъ
«Друзья изъ далекой Россіи».

«Ужъ грозно ихъ блещутъ штыки
«На брегъ завѣтномъ Дуная:
«Какъ тучи, находятъ полки —
«Дружина Царя Николая»

6 декабря 1853.

О РОСТОВСКОМЪ ЯКОВЛЕВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

(Поправка).

Въ N 105 Литературнаго Отдѣла Московскихъ Вѣдомостей (отъ 2-го сего сентября) напечатано:

«Г. Негрескуль сообщаетъ намъ слѣдующее:

«*Въ предмѣстьи* города Ростова, въ Яковлевскомъ *второклассномъ* монастырѣ, есть *небольшая деревянная* церковь Зачатія Св. Анны; въ этой церкви покоятся Св. мощи Димитрія митрополита Ростовскаго. На ракъ, присланной изъ С.-Петербурга *отъ Императрицы Екатерины II-й*, вырѣзана надпись».... (Слѣдуетъ надпись — и конецъ статьи).

Статейка эта изумила насъ, Ростовцевъ. Къ чему она? Каждому православному должно быть и безъ нея известно, что мощи Св. Димитрія почіютъ въ Ростовѣ. Надпись на ракъ Святителя также давно напечатана, и неоднократно. Достаточно указать на книжку графа М. Толстаго «О святыхъ Ростова Великаго».

Впрочемъ, повтореніе известнаго еще не бѣда. Но какъ допустить вопіющія неувѣрности въ описаніи; какъ описывать мѣстность, вовсе неизвѣстную пишущему?...

1) Монастырь Зачатіевскій-Спасо-Яковлевскій находится *не въ предмѣстьи*, а *въ самомъ городѣ*.

2) Монастырь этотъ *не второкласный, а первокласный ставропигиальный.*

3) Церковь Зачатія Св. Анны *не деревянная, а каменная* (съ 1691 года).

4) Серебряная рака, въ которой почіуютъ мощи Св. Димитрія, устроена *не Императрицею Екатериною II, а Императрицею Елисаветою I.*

5) Самая надпись на ракъ списана *невѣрно и съ прибавками,* которыхъ нѣтъ въ вырезанной надписи.

Жаль встрѣчать такія статьи въ изданіи столь распространенномъ, какъ Московскія Вѣдомости!

Любопытно знать, откуда г. Негрескуль почерпнулъ столь невѣрныя свѣдѣнія и какъ онъ рѣшился огласить ихъ?...

ГОСЛОВИЦЪ.

ВТОРОГО СЕНТЯБРЯ.

.... Въ наше время происходитъ вездѣ много знаменательнаго: надо же было случиться, чтобъ враги высадились къ намъ въ Крымъ 2-го сентября, въ день вступленія Французовъ въ Москву въ 1812 году. Въ нашей реляціи сказано глухо, что они показались у береговъ 1 сентября, и «вскорѣ» начали высадку, а въ иностранныхъ телеграфическихъ извѣстіяхъ вездѣ сказано, что они высадились 14 сентября по новому стилю, то-есть втораго по нашему.

Эта краткая моя замѣтка напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ со многими ошибками и перемѣнами. Воротаясь изъ деревни, я увидѣлъ ее перепечатанною въ разныхъ газетахъ, и потому повторяю ее здѣсь, какъ она написана была мною. Редакція М. В. моглабы присоединить тогда слѣдующій P. S: По послѣднимъ извѣстіямъ иностраннымъ видно, что 1-го сентября вышли на берегъ три полка, а общая высадка совершилась 2-го сентября. А теперь оказывается, что даже и такой оговорки было не нужно, ибо въ послѣднемъ официальномъ донесеніи Маршала Сент-Арно подтверждено именно, что высадка была 2 сентября.

М. ПОГОДИНЪ.

Печатать дозволяется. Москва. Сентября 30-го дня, 1854 г.

Цензоръ Д. Ржевскій.

Въ типографіяхъ: А. Степановой и В. Готьѣ.

С Ш Ъ С Ъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЦЕЙЛОНѢ.

I.

Праздникъ Перахарры.

Изъ всѣхъ религіозныхъ праздниковъ цейлонскихъ буддистовъ особенно знаменито торжество, известное подъ именемъ *Перахарры*. Оно совершается въ Канди, столицѣ древнихъ цейлонскихъ королей, и въ Ратнапурь, главномъ городѣ Саффрагамскаго округа. Рѣдкій буддистъ не присутствуетъ при этихъ мистическихъ обрядахъ; со всѣхъ сторонъ, цѣлыя семейства отправляются сюда пѣшкомъ, черезъ горы, черезъ густые кустарники индійскихъ лѣсовъ, черезъ зло-вредныя болота, быстрые и опасные потоки, жгучіе пески; они странствуютъ, навьюченные необходимыми съѣстными припасами и обильными приношеніями, состоящими изъ риса, масла и цвѣтговъ, которыя оставляются у подножія храма Будды и потомъ переходятъ въ руки ненасытныхъ жрецовъ.

Въ июль 1850 года мнѣ довелось быть свидѣтелемъ знаменитой Перахарры въ Ратнапурь, храмъ котораго, посвященный памяти Самана, соперничествуетъ съ великимъ *Далада Малигава* въ Канди. Въ немъ тоже хранится часть останковъ Будды въ великолѣпномъ ковчегѣ, усыпанномъ драгоценными камнями и составляющимъ предметъ особеннаго почитанія всѣхъ поклонниковъ этого божества. Саманъ былъ родной братъ знаменитаго Рамы, покорителя Малабара, который завоевалъ Цейлонъ еще во времена глубокой древности и уничтожилъ на его цвѣтущихъ берегахъ владычество исполиновъ, которые въ теченіи многихъ вѣковъ угнетали туземное народонаселеніе. Саффрагамскій округъ поступилъ въ управленіе Самана; а по смерти его, туземцы, въ знакъ искренняго уваженія къ памяти своего избавителя, причислили его къ семьѣ своихъ боговъ.

Праздникъ въ Ратнапурь особенно чествуется цейлонскими жителями, тѣмъ болѣе, что тутъ производится значительная торговля дорогими камнями, которыми такъ изобилуютъ здѣшнія окрестности: благодаря этому торжеству, многіе буддисты находятъ воз-

возможность соединить попечение о мирских выгодахъ съ исполненіемъ своихъ религіозныхъ обязанностей.

Въ мое время, дорога въ Саффрагамъ была очень плоха, со вступленіемъ не безопасна, и вовсе не походила на тѣ превосходные пути сообщенія, которыми отличались прибрежныя провинціи Цейлона. То было нѣчто въ родѣ тропинки для прогона скота, и на всемъ протяженіи ни одного мосточка для перехода черезъ бѣгущіе ручьи и потоки. Теперь изъ Коломбо въ Ратнапуру одинъ день ѣзды; тогда нужно было на это путешествіе цѣлыхъ два дня, да и то подъ условіемъ имѣть добрую лошадь и не останавливаться долго на дорогѣ.

На разсвѣтъ выѣхалъ я изъ Петты, предмѣстія города Коломбо, и перебрался черезъ ручей, за которымъ открылась мнѣ дурная дорога, окоймленная *джэнглами* (*). На европейскихъ языкахъ трудно приискать названіе для подобной дороги; но въ Цейлонѣ нѣтъ средняго термина между большими дорогами и тропинками для прогона скота. Въ этихъ тропическихъ странахъ, что, можетъ быть, покажется невѣроятнымъ, — путешественникъ подчасъ ненарадуется восхожденію солнца, когда оно озаритъ и согрѣетъ сырой и тяжелый воздухъ. Передо мной извивалась длинная неправильная линія кустарниковъ, служащая указателемъ дороги: вдаль видна была крутая гора и высокія скалы, бывшія нѣкогда границей королевскаго владѣнія *Ависхавеллы*. На право и на лѣво не было ничего видно, кромѣ воды, затопившей поля, и изъ подъ нея кое-гдѣ выглядывали кусточки, деревцо, кровля хижины, словно маргаритки на ровномъ зеленѣющемъ лугу. Дожди залили всю низменную окрестность, и, затопленная сверхъ того горными потоками, она не могла скоро освободиться отъ этого обилія скопившейся воды. Надъ поверхностью этого ровнаго моря носились пары, и восходящее солнце озаряло ихъ разнообразными красками и придавало имъ бесконечно-разнообразныя формы. Тысячи волшебныхъ картинъ двигались среди этихъ плавающихъ тумановъ: мчались разные наѣздники, воздвигались хрустальные дворцы съ золочеными воротами, проходили воины — исполнены, видѣлись горы, города и крепости, плыли корабли и пестрѣли скромныя хижины въ цветущихъ долинахъ. Но вскорѣ морской вѣтеръ разогналъ эти воздушныя призраки, воздухъ сдѣлался теплѣе и яркіе лучи солнца заиграли въ неизмѣримомъ зеркалѣ воды. Но что случилось съ бѣдными поселенцами, послѣ этого наводненія, что случилось съ ихъ семействами, съ ихъ скуднымъ имуществомъ? По временамъ слышался крикъ ребенка,

(* *Джэнгла* — *jungles* — кустарники въ индійскихъ лѣсахъ.)

раздавалось пвие птуха и лай собаки; но откуда неслись эти голоса? Я озирался на право, на лѣво, глядѣлъ впередъ во все глаза, и не видалъ ни единой души, ни единого птичьего перышка, ни даже кончика собачьяго носа. Вдругъ, какъ я уже сказалъ, туманъ разсѣялся, и мои взоры могли свободно проникать въ чашу деревъ, которыя тамъ и сямъ попадались мнѣ на дорогѣ. Подъ ними виднѣлись въ картинномъ беспорядкѣ столы, стулья, разная домашняя утварь, дѣти въ люлькахъ, мужчины, женщины, собаки и кошки, полускрытые въ густой зелени листьевъ. Надъ ихъ головами и со всѣхъ сторонъ накинута была цыновка и кокосовые листья для защиты этихъ жителей воздушной колоніи, отъ дождя и сырыхъ тумановъ а вдоль по стволу каждаго дерева протянута была зубчатая доска, служившая лѣстницей для всей семьи. Кой-гдѣ небольшія лодки шмыгали по полямъ и поддерживали сообщеніе между жителями древесныхъ вершинъ. Все это вмѣстѣ представляло грустное зрѣлище, и я обрадовался всей душой, когда разстался съ этой водной стихіей и ступилъ на твердую землю.

На слѣдующій день я укрывался отъ солнечнаго зноя въ тѣни роскошныхъ деревъ, которыми усажена узкая тропинка. Пространствовавъ по этой тропинкѣ добрую милю, я вздумалъ отдохнуть въ темномъ гротѣ, на берегу чистаго ручейка. Я привязалъ лошадь къ дереву, пробрался подъ своды пещеры и очутился въ густомъ мракѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я началъ различать предметы, и первое что представилось глазамъ моимъ, былъ Китаецъ, котораго я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ этомъ пустынномъ мѣстѣ. Сначала, взглянувши сквозь полусвѣтъ пещеры на эту смѣшную фигуру, я принялъ его за длинный китайскій кувшинъ или за чайный ящикъ, забытый здѣсь въ торопяхъ путешественникомъ; но когда это круглое широкое лицо сдѣлало какую-то гримасу въ родѣ улыбки, когда замигали маленькіе глазки, зашевелилась длинная коса на головѣ и толстыя губы пробормотали что-то на испорченномъ англійскомъ языкѣ, я вполне увѣрился, что предо мной стояло существо, созданное изъ костей и кожи, и я пожелалъ добраго дня своему новому знакомцу. Я скоро узналъ въ чемъ состояла промышленность Си-Ши, (имя Китайца): въ этомъ гротѣ находились гнѣзда особеннаго рода ласточекъ, которыя употребляются Китайцами и Японцами для приготовленія супа, рагу, и, кажется, различныхъ тортовъ. Китаецъ сообщалъ мнѣ извѣстіе, которому я не мало дивился; по его словамъ, Цейлонское правительство отдаетъ ему на откупъ содержаніе этихъ гнѣздъ въ цѣломъ кантонѣ за сто долларовъ (187 фр. 50 сантимовъ) ежегодно. Онъ зажегъ свѣчу,

и я увидѣлъ на сводахъ пещеры длинныя выступы наклонившейся скалы, облепленныя кучками студенистаго вещества. Одни изъ нихъ представляли уже вполне сформировавшіяся гнѣзда; другія находились еще въ періодѣ формацин. Последнія достигаютъ очень высокыхъ цѣвъ; напротивъ того, гнѣзда, служившія мѣстомъ воспитанія птенцовъ, не пользуются большою извѣстностью и обыкновенно продаются мелкимъ торговцамъ. Отдохнувши въ гротъ и давши вздохнуть своей лошади, я отправился опять въ путь, и пріѣхалъ въ Ратнапуру въ самый полдень, измученный, весь въ поту и въ пыли, такъ что долженъ былъ отправиться въ баню, для подкрѣпленія своихъ силъ.

Ничто не освежаетъ такъ человека въ Индіи, какъ баня, ничто лучше ея не возбуждаетъ аппетита. Подъ вечеръ, когда свалилъ жаръ, я пошелъ пройтись по городу, и кстатн взглянуть на приготовленія къ ночнымъ праздникамъ. Эти празднества, продолжающіяся около двухъ недѣль, начинаются обыкновенно по закату солнца, хотя Индійцы являются тотчасъ послѣ полудня и кладутъ свои приношенія къ подножію храма. Небольшая городская площадь кипѣла народомъ; ея всегдашняя бѣдность и нечистота исчезли подл палатками изъ бѣлой холстины, и гирлянды цвѣтовъ и листьевъ кокосоваго дерева навѣшаны были кругомъ на бантахъ изъ яркой красной матеріи.

Въ палаткахъ разложены были кучи различныхъ товаровъ, виднѣлись четки, ожерелья, шарфы, рисъ, всякія лакомства и безчисленное множество напитковъ. Изъ сосѣднихъ улицъ стекался сюда народъ, согрѣваемый солнцемъ и горькими напитками и увѣшанный грубыми бездѣлками и безвкусными украшеніями. Бѣдные земледѣльцы, еще бѣднѣйшіе рыбаки, голодные нищіе, худошавыя болѣзненныя женщины, жалкія зачахшія дѣти пришли сюда изъ всѣхъ окрестностей, чтобы забыть свою всегдашнюю бѣдность и горе въ шумномъ веселіи двухъ, трехъ ночей, проведенныхъ на торжественномъ праздникѣ Перохарры.

Вслѣдъ за этой движущейся толпою очутился я у храма Самана. Зданіе это было вполнину скрыто въ роскошной тѣни кокосовыхъ деревьевъ, ареки, банановъ и индійскихъ смоковницъ. Кругомъ него мелькали тысячи человѣческихъ головъ, и глухой говоръ этой толпы мѣшался съ дикими звуками народной музыки. Яркіе цвѣтные флаги развѣвались по четыремъ угламъ храма и на его остроковечномъ гребнѣ; цвѣточные вѣнки и гирлянды листовъ, переплетенныя лентами, спускались съ крыши и граціозно волнова-

лись надъ самымъ входомъ; роскошныя грозды дорогихъ плодовъ висѣли вокругъ столбовъ, которыми поддерживается храмъ.

Не много поодаль отъ храма толпа людей тѣснилась у входа въ громадный и высокій сарай. Я пробрался туда же и занялъ мѣстечко въ углу сарая, гдѣ показывала свои штуки труппа индѣйскихъ жонглѣровъ, состоявшая изъ двухъ мужчинъ, одной двочки и еще мальчика лѣтъ трехъ не болѣе. Мужчины были наряжены преуморительно, и имѣли вокругъ шеи ожерелье изъ крупныхъ черныхъ зеренъ; двочка была одѣта въ простое бѣлое платье; на рукахъ и на ногахъ у ней были серебряныя кольца, а на шеѣ ожерелье изъ цейлонскихъ алмазовъ. Невозможно описать, до чего простирается ихъ искусство и насколько превосходить оно все, что извѣстно намъ изъ книгъ о штукахъ индѣйскихъ фокусниковъ. Почти невѣроятно, какъ могли они проглотить такое количество желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей; огромные гвозди дюймовъ въ шесть длины, буравчики, карманные ножи отправляли они въ желудокъ, какъ самое лакомое блюдо, и я воображаю, какое опустошеніе въ желѣзной лавкѣ произвела бы дюжина подобныхъ молодцовъ. Въ числѣ различныхъ штукъ особенно замѣчательна была ловкость, съ которою изъ-подъ песка, у самыхъ нашихъ ногъ открывали они источникъ воды, и на прозрачной поверхности ея полоскалось подюжины утокъ; затѣмъ вода эта мгновенно обращалась въ ледяную массу, по которой могли безопасно разгуливать всѣ присутствующіе. Не дуренъ также и слѣдующій фокусъ: двочка легла на оттоманъ, который повѣсили на веревкѣ между перекладинахъ, поддерживающихъ крышу сарая; потомъ, по данному знаку, скрылась веревка, скрылся и оттоманъ, и двочка повисла на воздухѣ, — и все это производилось не съ помощію какихъ-нибудь машинъ, употребляемыхъ для подобныхъ операций въ Парижѣ и Лондонѣ, а просто-таки безъ всякаго видимаго снаряда. И дѣйствительно, къ крайнему моему удивленію, мнѣ подали саблю и просили рубить ею во всю сторону около висящей двочки. Послѣ минутной нерѣшимости я принялся разсѣкать воздухъ по всѣмъ направленіямъ и такъ близко около молодой комедiantки, что, на вѣрное, уничтожилъ бы всякій предметъ, служившій ей опорой; но двочка оставалась по прежнему неподвижна, и, казалось, держалась на воздухѣ безъ всякой посторонней поддержки. Представленіе заключилось пляскою и различными штуками со змѣями; на дворъ было уже темно, когда я вышелъ изъ сарая.

Подъ храмомъ столпилась куча народа, такъ что я съ большимъ трудомъ пробрался къ вратамъ онаго. Стоявшій у входа жрецъ

★

очень ласково прочистил мнѣ дорогу, но въ самомъ храмѣ я опять долженъ былъ продираться сквозь густую толпу набожныхъ почитателей. Сотни мужчинъ и женщинъ неистово толкали другъ друга, спѣша къ огромной каменной лѣстницѣ, ведущей во внутренность. Эта давка напомнила мнѣ страшное стеченіе народа, который толпился нѣкогда у входа въ Хрустальный Дворецъ. Подвигаясь впередъ медленно, шагъ за шагомъ, я съ наслажденіемъ любовался на древнія скульптурныя работы, которыми украшены въ свѣяхъ столбы и потолокъ, и также на высокія пилястры съ двумя рядами ступенекъ; произведенія эти поражаютъ изяществомъ стила и мастерствомъ отдѣлки, — что въ наше время составляетъ большую рѣдкость въ Цейлонѣ. Достигши наконецъ самой внутренности храма, я вмѣстѣ съ прочими почитателями прошелъ подъ роскошную парчевую занавѣсь, которая широкими складками собрана была надъ ступенями, и очутился передъ славными останками Будды, или, вѣрнѣе, передъ роскошнымъ, убранымъ камнями ковчегомъ, гдѣ хранится эта драгоценность. Мною овладѣло, признаюсь, какое-то непріятное чувство, причина котораго лежала, вѣроятно, въ самомъ характерѣ происшедшей передо мной религіозной церемоніи. Лишенное всякаго нравственнаго смысла, это религіозное торжество было для меня просто холоднымъ обрядомъ, чѣмъ-то въ родѣ нашей ярмарки. Ослѣпительный блескъ сотни огней, невыносимая духота отъ многолюдной толпы, стѣснившейся на такомъ маломъ пространствѣ, одуряющій запахъ цвѣтовъ, приносимыхъ къ подножію идола, оглушительный ревъ десятковъ двухъ крикливыхъ духовыхъ инструментовъ, — все это вмѣстѣ принудило меня сойти внизъ; я бросилъ рупію въ пользу нищей братіи и поспѣшилъ выйти на свѣжій воздухъ.

Раздвѣлившись съ послѣдователями Самана, я пробился въ другую толпу, собравшуюся около великолѣпнаго зданія, въ которомъ я сейчасъ же узналъ храмъ Индусовъ. Тамъ, подъ звуки многочисленнаго оркестра и при блескѣ сотни лампъ, группа молодыхъ танцовщицъ потѣшала разнообразную толпу почитателей. Ихъ было три: одна изъ нихъ была высока ростомъ, стройна и граціозна въ движеніяхъ; двѣ другія были подородице и не такъ пригожи.

Одежда ихъ поражала своимъ великолѣпіемъ; она вся горѣла дорогими камнями. Мнѣ сказывали, что здѣсь не рѣдкость встрѣтить на танцовщицъ разныхъ драгоценностей на сумму двадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ (125,000 руб. сер.). Граціозная курточка главной танцовщицы, надѣтая сверхъ блага развѣвавшася платья, блестяла совершенно особеннымъ украшеніемъ: она была усыпана по краямъ свѣтящимися червяками, Богъ знаетъ какъ при-

крѣпленными къ матеріи, и странный эффектъ производило это новое убранство, въ то время, когда танцовщица медленно и въ тактъ вертѣлась кругомъ. Музыка, сопровождающая пляску этихъ народовъ, невыносима ушамъ Европейца; въ ней почти не слышать и слѣдовъ ритма, а между тѣмъ они сумѣли подладить подъ нее свои сложныя и трудныя движенія. Благодаря долголѣтнему опыту, они до того свыклись съ этой музыкой, лишенной всякой прелести и выразительности, что утратили всякую возможность плѣниться музыкой другихъ народовъ. Чингалезъ ни за что не промѣняетъ свои духовые инструменты на лучший оркестръ европейской музыки. Образованіе большая рѣдкость въ тѣхъ округахъ, гдѣ воспитываются эти танцовщицы, тамъ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль въ окружности, онѣ только однѣ изъ числа мірянъ могутъ похвалиться знаніемъ грамоты. Жрецы все умѣютъ читать и писать; они-то и занимаются воспитаніемъ этихъ дѣвочекъ, приписанныхъ къ храму и преподаютъ имъ различныя пѣсни и легенды, которыя поются на религиозныхъ празднествахъ. За то остальная часть народонаселенія, благодаря эгоистическимъ стараніямъ жрецовъ, коснётся въ самомъ грубомъ невѣжествѣ.

Насмотрѣвшись вдоволь на жрецовъ и на танцовщицъ, я направилъ путь къ Гангу, котораго тихіе берега, освѣщенные пальмовыми деревьями, представляли отрадную противоположность съ шумными и неистовыми сценами, видѣнными мною въ великолѣпномъ храмѣ Индусовъ. Полная луна выкатилась на ясногоризонтъ, и поднимаясь величественно надъ купами зелѣющихъ пальмъ и грандіозныхъ банановъ, озарила эту скромную картину какимъ-то чуднымъ, неземнымъ сіяньемъ. Трудно представить себѣ тотъ магическій свѣтъ, который разливаетъ луна въ тропическихъ странахъ; бывшіе свидѣтелями этого волшебнаго зрѣлища никогда не забудутъ его обаятельной прелести. Тщетно старался бы наши искуснѣйшіе пейзажисты передать его на полотнѣ; да если и удастся имъ схватить всю красоту этого сіянія, то и тогда незнакомые съ тропическою природой упрекнутъ художника въ искаженіи истины. Подъ тропиками лунное сіяніе имѣетъ въ себѣ что-то чуждое здѣшнему міру, и только шелестъ длинныхъ листовъ, колеблемыхъ вѣтромъ, напоминаетъ вамъ, что вы окружены дѣйствительной, а не призрачной жизнью. Яркая и лучезарная, какъ солнце, но сіяющая болѣе отраднымъ блескомъ, луна разливала на всю землю потоки серебристаго свѣта. Гигантскія пальмы, стройныя ареки, пернатые бамбуки и тамаринды, казалось, дышали гармоніей и лучезарностью этого свѣта, который фосфорическими каскадами падалъ съ листьевъ на цветы,

съ растений на траву и яркими искрами разсыпался по волнующему морю исполинскихъ травъ.

Нѣкоторыя изъ древесныхъ кущей вдоль рѣчнаго берега были такъ густы, что сквозь нихъ не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта, и глубокая темнота царила подъ ихъ тѣнистыми вѣтвями. У подножій этихъ деревьевъ, вершина которыхъ была вся облита блескомъ луны, укрывалась скромная хижина, и въ открытую дверь ея мерцалъ слабый свѣтъ огонька, терившагося въ густомъ мракѣ тѣней, откидываемыхъ громадными деревьями. Вдругъ, тихіе звуки пронеслись изъ хижины и слились въ строгую, правильную гармонію. Я пошелъ впередъ по этому направленію — и можете себѣ представить мое изумленіе — предо мной лились знакомые звуки вечерней молитвы, перемѣшанная съ дикими отголосками языческихъ пѣсней, которыя еще звучали въ моихъ бѣдныхъ ушахъ. Опомнившись отъ внезапнаго удивленія, я узналъ, что это духовное пѣніе раздавалось изъ хижины туземца-миссіонера, принявшаго христіанскую вѣру.

На другой день базаръ былъ биткомъ набитъ продавцами и покупателями драгоценныхъ камней. Сотни Арабовъ, Парсовъ, Чингалезовъ вели между собой шумные переговоры. Въ окрестностяхъ Ратнапуры находятся большія глинистыя и песчаная пространства, изобилующія рубинами, сафирами, граватами, и бирюзой. Туземцы платятъ правительству большія суммы за право собирать эти камни; съ этой цѣлью они роютъ землю, или просвѣчаютъ песокъ нѣкоторыхъ рѣкъ; нерѣдко они передаютъ это право и притомъ съ большой выгодой, извѣстнымъ спекуляторамъ. Произведенія эти обыкновенно сбываются въ праздникъ Перазарры. Къ несчастію, существованіе этого источника богатства можетъ назваться скорѣе бичемъ, нежели благодѣяніемъ для всей страны; жители цѣлыми семействами кидаются на разработку этихъ копей, или въ теченіи цѣлыхъ недѣль занимаются просвѣченіемъ рѣчнаго песку, а роскошные сады и тучныя поля ихъ остаются безъ должнаго присмотра. Гаверны съ продажей арака умножаются съ каждымъ годомъ, пьянство дѣлаетъ неимоверные успѣхи, обширныя пространства не засѣваются хлѣбомъ, и крестьяне покупаютъ теперь овощи и съѣстные припасы у иностранцевъ, вмѣсто того, чтобы возращать ихъ самимъ, какъ водилось встарину. Блаженное время настанетъ для Саффагама, когда истощатся эти рубиновые и сафировыя копи; тогда только земледѣліе и честная промышленность откроютъ путь къ народному довольству.

Среди шумной толпы, тѣснившейся на базаръ, видѣлось нѣсколько индійскихъ факировъ, жалкихъ и отратительныхъ существъ,

живущихъ только подаваніемъ странниковъ и модельщиковъ. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ, во исполненіе какого-то обѣта, нѣсколько лѣтъ держалъ лѣвую руку къверху въ вертикальномъ положеніи, такъ что впоследствии она потеряла всякую жизнь и движеніе. Исохшая и безжизненная, она скорѣе походила на отрубокъ сухаго дерева, нежели на органическую часть живаго тѣла. Другой факирь до тѣхъ поръ не разжималъ своихъ рукъ, пока ногти не выросли въ ладони, — а между тѣмъ, эти несчастные не подавали ни малѣйшаго вида страданія и очень исправно занимались собира-ніемъ милостыни.

Подъ тѣнію индійской смоковницы сидѣлъ угрюмый Мавръ и цѣлая толпа дѣтей и женщинъ тѣснилась вокругъ него, упиваясь его разсказами о какомъ нибудь чудесномъ или забавномъ происшествіи. Судя по его веселой наружности и довольному виду, ремесло разскащика не утратило еще своего важнаго значенія на Востокъ.

На возвратномъ пути изъ Ратнапуры мнѣ попадались толпы поселенъ, отправлявшихся еще въ городъ: на слѣдующій день назначено было торжественное шествіе по улицамъ огромныхъ, приписанныхъ къ храму слоновъ, украшенныхъ всякаго рода великолѣпными убранствами, и везущихъ ковчегъ съ драгоценными останками Будды; но меня не интересовало это зрѣлище, и я въ веселомъ расположеніи духа пробирался верхомъ на своей шотландкѣ по обширнымъ рисовымъ полямъ, защищаемый отъ зноя тѣнью пальмовыхъ деревьевъ.

II.

Восхожденіе на Адамовъ-Пикъ.

Въ глазахъ цейлонскихъ жителей, Адамовъ-Пикъ — мѣсто священное; для меня и для друга моего Листера, онъ былъ просто высокою горой, на вершину которой хотѣлось намъ взобраться.

Въ одно прекрасное іюльское утро, мы выѣхали изъ стариннаго голландскаго форта въ Коломбо, за часъ до восхода солнца, пока воздухъ еще не утратилъ ночной свѣжести. Наши конюхи и носильщики отправились еще наканунѣ вечеромъ, чтобы приготовить намъ мѣсто для перваго привала. Лошади наши, хоть и не казистыя на видъ, были сносны и доброты, и могли перенести всю трудности подобнаго путешествія. Одежда наша состояла изъ толстой полосатой голубой холстины, — что необходимо для странствованія

по *джеманлам*; большіе охотничьи сапоги, по выше коленъ, защищали наши ноги отъ колючихъ иглъ тропическихъ растений; голова прикрыта была легкой фуражкой, похожей на фуражки жокеевъ. Въ такомъ-то убранствѣ пробирались мы извилистыми тропинками, ведущими къ крайнѣ мрачнаго древняго лѣса, оставляя позади себя разные подъемные мосты и объѣзжая крутые спуски и безконечные заборы изъ кольевъ. Трудно представить себя, съ какой внутренней радостью отправлялись мы на изслѣдованіе таинственной вершины этой таинственной горы. По мѣрѣ того, какъ солнце поднималось выше, длинная цѣпь горъ, высшей точкой которыхъ является Адамовъ-Пикъ, яснѣе и яснѣе обрисовывалась на горизонтѣ; ея неправильная линія, рѣзко отдѣляющаяся отъ прекраснаго восточнаго неба, походила на гигантскій профиль верхней части какой-нибудь огромной птицы, у которой туловище скрывалось въ землѣ, а голова и шея были вытянуты впередъ и крылья распущены, какъ будто бы она порывалась разорвать сдерживавшія ее путы.

Было уже около девяти часовъ, когда мы достигли большаго строенія въ родѣ овина, гдѣ поджидали насъ проводникъ Пунши, наши носильщики и конюхи. Пунши соединялъ въ себя должность проводника и обязанность дворецкаго, и нельзя было не дивиться, къ какимъ страннымъ и хитрымъ выдумкамъ прибѣгалъ онъ, стараясь окружить насъ всеми удобствами благоустроенной жизни, которую онъ, по его увѣренію, изучилъ до послѣднихъ мелочей. На четырехъ колыяхъ, вбитыхъ въ землю, укрѣпилъ онъ ровную доску, которая должна была служить вмѣсто стола, а три стула, найденные имъ у деревенскаго головы, предназначались одинъ для моего друга, другой для меня, а третій исполнялъ должность буфета.

Мы отдыхали во все время дневнаго зноя, а къ вечеру пустились опять въ дорогу. Въ воздухъ показались признаки приближающейся грозы; мы удвоили шаги, и въ тотъ же вечеръ прибыли въ Ратнапуру. Отсюда массивное основаніе горы кажется еще бесплоднѣе и обнаженнѣе, нежели на самомъ дѣлѣ, за то коническая вершина ея представляется до такой степени правильно-округленной, что казалось, будто она выложена изъ камня трудами рукъ человѣческихъ. Мы уже говорили о поэтическомъ названіи этого города (*), жители котораго получаютъ большія выгоды отъ множества молебщиковъ, ежегодно отправляющихся на поклоненіе священной горѣ. Занимаясь обработкой рисовыхъ полей, лежащихъ на скатѣ холмовъ, промышляя рыбными ловлями около Катани, они живутъ въ полномъ довольствѣ и благоденствіи.

(*) Ратнапура — *Алмазный городъ*.

Остальную дорогу надлежало намъ совершить пѣшкомъ. Къ несчастію, погода измѣнилась на другой день нашего прибытія въ Ратнапуру: проливной дождь замедлилъ наше путешествіе, и мы должны были переночевать въ убогой деревушкѣ Гинмалль, гдѣ укрывались отъ дождя подъ ветхой кровлей, поддерживаемой нѣсколькими шестами.

Слѣдующій день не вознаградилъ насъ за испытанныя неудачи. Не успѣли мы оставить позади себя мѣсто нашего ночлега, какъ напали на насъ пѣвки, — одна изъ самыхъ ужасныхъ казней цейлонскихъ. Онѣ расплодились отъ вчерашняго дождя, и выползали со всѣхъ сторонъ, полныя жизни и энергіи; нельзя было дотронуться ни до одного дерева, съ ветвей сыпались пѣвки, и цѣлыя стада ихъ гуляли по берегамъ рѣчки, которая лежала на нашемъ пути. Кто не подвергался нападенію пѣвокъ, тотъ не можетъ себя представить, какое мученіе заставляютъ испытывать человека эти маленькіе звѣрки. Никакой чулокъ не можетъ защитить отъ ихъ яростнаго укушенія. Не выпившись крови, онѣ не толще самой тонкой нитки и легко пробіраются сквозь всякую шелковую или бумажную матерію. Подвязки сверхъ панталонъ и повыше колѣна служатъ единственнымъ средствомъ къ предохраненію себя отъ этихъ животныхъ. Мы не знали этихъ необходимыхъ предосторожностей; за то и досталось же намъ дорого это путешествіе по великолѣпной мѣстности. Со всѣхъ сторонъ и на всѣ части нашего тѣла нападали эти несносныя пресмыкающіяся; жажда нашей крови, онѣ цѣплялись намъ за ноги и заползали за шею, а мы, расторгая ихъ ходьбой, и не замѣчали ихъ приближенія. Онѣ проникали сквозь малѣйшіе промежутки нашей одежды, прокусывали даже и прямо сквозь самую одежду. Потомъ, собравшись къ одному мѣсту, впивались онѣ въ наше тѣло и приступали къ исполненію своей операціи съ самымъ ввролочнымъ спокойствіемъ. Туловище ихъ наливалось нашей кровью, и вдругъ холодъ и неприятное ощущеніе, давали намъ знать, что онѣ перемѣняли мѣсто или отпадали, вполнѣ утоливши свою жажду. Отрывать ихъ силой — очень опасно: какъ разъ можно схватить воспаленіе.

За Палабатулой, последней населенной станціей по этой дорогѣ, возвышается въ иррациомъ величій громада горъ, и коническая вершина Адамова-Пика горделиво упирается въ небо. Тутъ впервые открылся нашимъ глазамъ живописный храмъ китайской архитектуры, воздвигнутый буддистами на томъ мѣстѣ, гдѣ остался слѣдъ ноги ихъ многотысячнаго бога. Созерцая великолѣпную картину, со всѣхъ сторонъ открывшуюся нашему взору, нельзя

было не сознаться, что природа и человекъ сдѣлали Адамовъ-Пикъ предметомъ величайшаго любопытства; природа наложила на эти мѣста печать дикаго величія; человекъ связалъ воспоминанія объ нихъ съ священными преданіями о началѣ рода человѣческаго. Трудно выразить словами все величіе этой картины. Съ одной стороны, на неизмѣримое пространство разстилается громадное основаніе горы, а боковая сторона ея, подобно высокой черной стѣнѣ, спускается почти отвѣсно въ глубокую долину; съ другой, цѣлая цѣпь холмовъ, покрытыхъ роскошной зеленью, тянется до самыхъ равнинъ, которыми опоясанъ весь островъ.

Въ храмѣ Паллабатулы мы видѣли металлическій колпакъ, которымъ жрецы прикрываютъ слѣдъ стопы: онъ отдѣланъ съ большими претензіями, убранъ мишурой и дорогими камнями подозрительной цѣнности. Самаа внутренность этого храма представляла странное зрѣлище. Окна въ немъ были закрыты, и въ одномъ углу храма находилось изображеніе Готамо-Будды (то же что Саккія-Мува у Тибетцевъ). Трое жрецовъ, въ желтыхъ одеждахъ, стояли противъ того мѣста, гдѣ напечатлѣны слѣдъ ноги; солнечный лучъ, прокравшійся въ отворенную дверь, игралъ на знаменитомъ колпакѣ, на который взирали они съ священнымъ уваженіемъ, а въ тоже время въ дверяхъ виднѣлись головы нашихъ носильщиковъ, которые съ любопытствомъ поглядывали на предметъ общественнаго благоговѣнія.

Намъ осталось не болѣе двѣнадцати миль до вершины горы, а между тѣмъ мнѣ пришлось разстаться здѣсь съ своимъ товарищемъ. Ноги его опухли отъ ходьбы и пѣвки до того его обесилили, что онъ рѣшился предоставить мнѣ одному честь восхожденія на Адамову гору. И потому на другой день утромъ я опять отправился въ путь въ сопровожденіи четырехъ носильщиковъ и одного проводника. Прежде всего пришлось намъ перебираться черезъ утесистый оврагъ, лежащій около небольшой деревушки: за два дня передъ тѣмъ, этотъ оврагъ составлялъ русло сбѣжавшаго съ горъ потока, который увлекъ за собой всѣ частички земли и оставилъ одни только голые и почертвѣшіе обломки скалъ, выдающіеся по всѣмъ сторонамъ оврага. Переходъ черезъ этотъ оврагъ былъ очень опасенъ. После утомительной двухчасовой ходьбы, въ продолженіи которой мы едва сдѣлали четыре мили, достигли мы небольшой влажной равнины, гдѣ цѣлое стадо дикихъ слоновъ бѣгало и забавлялось на полной свободѣ.

Около четырехъ часовъ по полудни, мы опять пустились въ путь. Намъ предстояло взбираться на цѣлые ряды скалистыхъ отло-

гостей. На право отъ насъ возвышалась Адамова-Гора, безплодная и мрачная, а на вершинѣ ея виднѣлся деревянный храмъ, воздвигнутый усердіемъ буддистовъ на мѣсть, гдѣ чтимая ими нога коснулась земли. Позади насъ разстилалась широкая долина, покрытая джѣнглями, и надъ ней носились тѣни отъ облаковъ, разгоняемыхъ вѣтромъ. Находясь въ заоблачной странѣ, мы любовались, какъ облака сталкивались и дробились другъ о друга, или разсыпались въ мелкіе клочки отъ дуновенія вѣтра и длинными цѣпями тянулись по направленію къ соседнимъ горамъ. Здѣсь царила природа въ своемъ дикомъ, первобытномъ видѣ; здѣсь не видать было ни слѣда челоуѣка и его дѣятельности; даже самая дорога, по которой мы пробирались, была расчищена гнѣвнымъ потокомъ, который пробился изъ нѣдръ этихъ вѣковыхъ горъ.

Сдѣлавъ еще добрыхъ три мили, мы прибыли на Деабетинскую станцію, гдѣ находится прочный каменный *bungalow*, построеніе котораго приписывается одному древнему Кандійскому государю. Не надвѣясь добраться въ тотъ же вечеръ до вершины Пика, я рѣшился провести ночь въ этомъ зданіи, — на что спутники мои согласились весьма неохотно, считая неблагополучной эту станцію. Когда мы дошли туда, густыя массы темныхъ облаковъ висѣли надъ нами. Въ воздухъ было сыро, холодно, мрачно. Словомъ, трудно было найти болѣе грустное мѣсто для отдыха, и я не разъ обращалъ робкіе взоры на коническую вершину Пика, раздумывая, не лучше ли употребить все усилія и нынче же вечеромъ достигнуть цѣли моего путешествія; но благоразуміе заставило меня отбросить эти мысли. По временамъ разрывались облака, ходившія кругомъ насъ, и намъ открывались вдали пространныя равнины, смежныя съ морскимъ берегомъ и окаймленныя роскошными кокосовыми деревьями, которыя, казалось, исчезали въ голубыхъ волнахъ океана. Не думайте однако же, что бы тишина и молчаніе царили въ этихъ возвышенныхъ странахъ, гдѣ мы находились. Обезьяны, шакалы и птицы заводили кругомъ насъ дикій, оглушительный концертъ, въ промежуткахъ котораго раздавалось въ отдаленіи мычаніе слоновъ, точно пушечный громъ среди ружейной перестрѣлки.

Окружавшіе насъ пары были до того густы, что не было ни какой возможности развести огня и обогрѣть содрогшіе члены. Дрова были насквозь пропитаны сыростью и пламя гасло не смотря на все наши старанія.

Два часа прошло въ усиленныхъ попыткахъ поддержать огонь; но все труды наши оказались напрасными. А между тѣмъ, огонь необходимъ былъ намъ не для того только, чтобы приготовить

ужинъ и согрѣть озябшее тѣло; другая, важнѣйшая причина руководила нами: безчисленные слѣды служили доказательствомъ, что убежище наше зачастую навѣщаемо было дикими звѣрями, и только яркое пламя костра могло спасти насъ отъ посященія этихъ непрощенныхъ гостей.

На слѣдующее утро мы опять продолжали свой путь, который мало чѣмъ разнился отъ вчерашняго; только дорога была вообще круче, и слѣдовательно, опаснѣе для путешествія. Въ одномъ мѣстѣ пришлось намъ взбираться на крутыя скалы, футовъ въ шестьдесятъ вышиною. Въ скалѣ вырублены ступени, для легчайшаго восхожденія, и по обвѣмъ сторонамъ этихъ ступеней вѣшаютъ обыкновенно цѣпи, которыя и оставляются на извѣстный срокъ, употребляемый туземцами на моленье. На бѣду нашу, цѣпи были сняты; впрочемъ, съ помощію рукъ и ногъ мы кое-какъ преодолѣли это препятствіе безъ большаго труда и даже безъ большой опасности. Вещи наши были подняты на веревкѣ, которую первопрішедшіе спустили къ намъ съ вершины скалы. Пунши хотѣлъ и меня обязать веревкой, но я отказался отъ этого средства, и, по примѣру своихъ спутниковъ, добрался до подножія конуса, которымъ увѣнчана вершина горы. Этотъ конусъ похожъ на громадную сахарную голову, въ футовъ двѣсти вышиною, на вершинѣ которой стоитъ пагода, какъ бы воздвигнутая рукою волшебницъ. Бока его состоятъ изъ огромныхъ скалъ, которыя выдаются впередъ неправильными уступами и кое-гдѣ поросли кустарниками, напоминающими европейскую растительность. Воздухъ былъ очаровательно прохладенъ: передъ самыми глазами у насъ воздвигалась чудная масса скалъ и растений, на вершинѣ которой находится отпечатокъ ноги Будды и возвышается крыша, которая живописно рисуется въ отдаленіи: опираясь на два толстые укрѣпленные въ скалу деревянные столба, она сверхъ того поддерживается массивными цѣпями, которыя идутъ отъ ея четырехъ угловъ, какъ веревки у разбитой налатки и прикрѣплены желѣзными скобами къ стѣнамъ конуса.

Дорога, которая состоитъ изъ узкой тропинки, образуемой отчасти выступами скалы, отчасти земляными насыпями между скалъ, извивается кверху по боковой сторонѣ конуса. По причинѣ крутости горы и по причинѣ необычайной силы вѣтра, ударяющагося объ эту преграду, на высоту восьми тысячъ футовъ, восхожденіе на Пикъ очень трудно и опасно. Хотя кустарники по обвѣмъ сторонамъ тропинки и служатъ опорой путешественнику въ бойкихъ мѣстахъ, но есть тутъ двѣ скалы, на которыя надо взбираться по цѣпямъ, вѣшаннымъ въ скалу и висѣщимъ по обвѣмъ сторонамъ

пропасти. Сохрани Богъ оскользнуться или упустить изъ рукъ эту опору — и вы стремглавъ упадете съ высоты. Многія женщины, изъ усердія предпринимаютъ на себя трудъ восхожденія на священную вершину, и почти каждый шагъ на этой дорогѣ запечатлѣнъ какимъ-нибудь трагическимъ событіемъ съ мошельщиками, и въ особенности съ женщинами, погибшими на пути къ вершинѣ Адамова-Пика. Въ глазахъ нашего проводника, три года тому назадъ, двѣ странницы снесены были порывомъ вѣтра съ узкой тропинки и погибли въ зіяющей безднѣ. Взглянувъ на эту бездну, разстилавшуюся подъ моими ногами, я замѣтилъ на краю ея доскутъ шолоковой матеріи, который уныло развѣвался по вѣтру, повиснувъ на одинокой, безжизненной веткѣ.

Наконецъ мы ступили на вершину знаменитаго Адамова-Пика. Трудно изобразить то чувство радости, съ которымъ взирала я на огромную панораму, открывшуюся во всей своей полнотѣ передъ моимъ взоромъ съ высоты восьми-тысячъ футовъ! Пронзительный, холодный воздухъ дышалъ особенной предестью послѣ столькихъ мѣсяцевъ удушливыхъ жаровъ; то было прекрасное морозное сѣверное утро посреди однообразной тропической жизни. Самая растительность радовала мои европейскіе взоры; рододендры и ели смотрѣли на меня нѣжнѣе и привѣтливѣе, нежели вѣчная пальма и широколиственныя растенія индійскихъ равнинъ. Все было исполнено прелести, все было ново, и я радовался какъ ребенокъ, усталый отъ трудностей дороги, избавленный отъ неизбежныхъ опасностей.

Вершина конуса окружена тяжелымъ каменнымъ парапетомъ, фута въ три вышиною, который служить границею чему-то въ родѣ терассы; терасса эта служитъ мѣстомъ гульбища вокругъ гранитнаго столба, который возвышается среди двухъ неравныхъ громадъ. На восточной сторонѣ, гдѣ разстояніе гранитныхъ столбовъ отъ парапета длиннѣе, нежели съ другихъ сторонъ, жрецы выстроили небольшую ивовую хижину и живутъ въ ней во все время путешествія туземцевъ по этимъ мѣстамъ. Вся площадь этого мѣста занимаетъ отъ полутора до двухъ сотъ квадратныхъ метровъ, такъ что можетъ вмѣщать большое количество народа, не считая пространства, занимаемаго хижиной жрецовъ и центральной скалой. Я въ одну мѣнуту взобрался на эту скалу, упираясь, вмѣсто приступка, во впадину, куда ревностные буддисты складываютъ свои приношенія, — что не совсѣмъ пришлось по душѣ моему проводнику Пунши. Тогда я очутился на самой высокой точкѣ Адамова-Пика, подъ самой крышей зданія, на

томъ самомъ мѣствѣ, гдѣ, какъ повѣствуютъ, Будда, разставаясь съ своими поклонниками, оставилъ слѣдъ ноги своей. Слѣдъ этотъ имѣеть около четырехъ футовъ въ длину и два съ половиною фута въ ширину; по всей вѣроятности, онъ состоялъ первоначально изъ двухъ полукруглыхъ разцелинъ въ скалѣ, изъ которыхъ одна была въ два фута, а другая почти въ футъ длины. Хитростью жрецовъ, а можетъ быть и суевѣріемъ Индійцевъ, одна изъ этихъ впадинъ прослыла отпечаткомъ подошвы ноги, а другая слѣдомъ пятки. Впадины эти находятся на добромъ разстояніи другъ отъ друга; но для бѣльшаго сходства къ нимъ придѣлали слѣдъ отъ пальцевъ посредствомъ коймы изъ гипса, которая огибаетъ обв впадины и живо напоминаетъ форму человеческой ноги. Эта гипсовая койма придумана, кажется, для того, чтобы поддерживать знаменитый колпакъ во время религиозныхъ путешествій.

Какая картина открывалась предо мной, и какъ мало походила она на все, дотолъ мной видѣнное! Около гранитнаго столба мои спутники творили молитву по своему обряду, тихимъ и однообразнымъ голосомъ. Посторонній наблюдатель непременно сказалъ бы, что они поклоняются мнѣ. На лѣво отъ меня находилась хижина жрецовъ, а кругомъ возвышались мрачныя горы съ своими неправильными формами, мѣстами одѣтыя облаками, мѣстами поднимая къ небесамъ свои обнаженныя головы. На западѣ тянулись возвышенныя хребты, черезъ которые странствовалъ я къ Адамову-Пику, а далѣе равнины, исчезающія среди неиззмѣримаго океана, и надъ всей этой картиной разстилалось темно-голубое безоблачное небо. Рѣдко дается человеку быть свидѣтелемъ подобнаго зрѣлища, и я стоялъ въ безмолвіи, созерцая это величіе природы и стараясь напечатлѣть его въ своей памяти. На небольшомъ разстояніи отъ вершины Пика, съ восточной стороны, протекаетъ источникъ, который, по увѣренію моего проводника, никогда не высыхаетъ; вода его пріятна на вкусъ и вдвойнѣ отрадна своей свѣжестью въ странѣ, гдѣ термометръ за частую показываетъ отъ 90 до 100 градусовъ по Фаренгейту (отъ 32 до 37 по Цельсіусу), и гдѣ всѣ старанія сохранить ледъ остаются безуспѣшными. Между тѣмъ голодъ начиналъ томить меня, и я, возвратившись въ хижину, нашелъ тамъ своего проводника, который съумѣлъ употребить съ пользою свое время по окончаніи молитвы. У насъ оставалась еще бутылка пива, которую мы и распили за здравіе несчастнаго Листера, за свѣшаго на половинѣ дороги, въ Паллабатулѣ.

Я узналъ отъ проводника и носильщиковъ, что они, изъ уваженія къ Буддѣ, не смѣютъ взирать нечистымъ окомъ на слѣдъ

его ноги. Нѣсколько мелкихъ монетъ лежало въ ущельи, назначенномъ для принесенія даровъ, и какъ ни бѣдны были мои спутники, работавшіе какъ волю изъ-за шести пенсовъ въ день, и притомъ на своихъ хлѣбахъ, но и они не преминули положить свою лепту въ общую сокровищницу.

Съ наступленіемъ ночи холодъ сдѣлался еще рвзче; къ счастью, у насъ было достаточное количество дровъ, и мы могли согрваться у ярко-пылавшаго огня. Со мною былъ томъ Оссіана, и чтеніе этой книги было мнѣ вдвойнѣ пріятно при этой новой, оригинальной обстановкѣ. Но не долго наслаждался я поэзіей сввернаго барда; — меня разбиралъ смѣхъ при взглядѣ на мовъ спутниковъ, которые, по обычаю Чингалезовъ, сидѣли на корточкахъ вокругъ огня, опершись руками на колѣна и протянувши ладони къ огню. Замѣтивъ, что пламя не въ состояніи согрѣть одинаково всѣхъ ихъ членовъ, они принялись кататься по землѣ, описывая небольшіе, но мѣрные круги, и наконецъ заснули богатырскимъ сномъ.

На другой день, съ восходомъ солнца, мы отправились въ обратный путь.

(Household Words).

ЗАМѢЧАНІЕ О РОДНѢ ПАТРІАРХА НИКОНА И ЕГО ПРОТИВНИКОВЪ.

Патріархъ *Никонъ* родился въ селѣ Вельдемановѣ, Нижегородской губерніи, нынѣ Княгининскаго уѣзда, отъ Нижняго верстахъ въ 90.

Принадлежало оно роду *Зюзиныхъ*, изъ которыхъ у одного сынъ былъ бояриномъ патріарха Никона, во время суда надъ нимъ.

А одинъ изъ главнѣйшихъ его противниковъ и основателей раскола, бывшій справщикомъ книгъ при патр. Іосифѣ, Протопопѣ *Аввакумѣ*, родился въ селѣ Григоровѣ, той же губерніи, и того же уѣзда, верстахъ въ 15 отъ Вельдеманова, родины патр. Никона.

Григорово принадлежало боярину Юрью Алексѣевичу *Долгорукому*, укротителю Разинскаго бунта, котораго протоп. Аввакумъ въ одномъ своемъ посланіи называетъ вѣрнымъ рабомъ Христовымъ. Онъ былъ, какъ извѣстно, противникомъ патріарха Никона. Связь его съ Аввакумомъ объясняется принадлежностью ему помѣстья, гдѣ родился Никонъ.

Вблизи Вельдеманова и Григорова есть село Лопатицы, нынѣ Макарьевскаго уѣзда, родина *Павла*, епископа Коломенскаго, другой подпоры раскола.

Недалеко отъ Лопатищъ, близъ Лыскова, есть село Кириково, гдѣ родился *Ананія*, отецъ митроп. Иларіона Суздальскаго, прежде священникъ Зачатейскаго монастыря въ Нижнемъ Новгородѣ, потомъ монахъ тамошняго Печерскаго монастыря. У него были послушниками патриархъ Никонъ и Іосифъ, въ послѣдствіи архимандритъ Печерскій, отобравшій у него клобукъ послѣ его изложенія на соборѣ, также Иларіонъ, митрополитъ Рязанскій,—оба враги Никоновы изъ прежнихъ его товарищей. Иларіонъ также родился гдѣ-то около Нижняго.

Никонъ былъ монахомъ вмѣстѣ съ Іосифомъ въ Печерскомъ монастырѣ, а съ Иларіономъ въ Казанскомъ—Лысковскомъ.

Ананія, въ монашествѣ Антонію, іермонаху Юнгенскаго Козмодеміанскаго Спасскаго монастыря, (въ нынѣшней Казанской губерніи) выпалъ жребій въ патриархи изъ трехъ предназначенныхъ лицъ; но онъ отказался въ угожденіе царю Алексѣю Михайловичу, желавшему видѣть на патриаршемъ престолѣ митроп. Никона.

Сынъ, Ананія Иларіонъ, митрополитъ, Суздальскій въ міру Иванъ Анавѣинъ, былъ женатъ на сестрѣ Павла, епископа Коломенскаго.

Павелъ по близости къ Москвѣ и по родству съ Антоніею—Антоніемъ, могъ надѣяться на большое значеніе при его патриаршествѣ, нежели при Никоновомъ.

Сообщая эти любопытныя свѣдѣнія, заимствованныя мною изъ разговора съ извѣстнымъ изслѣдователемъ нашихъ древностей, П. И. Мельниковымъ, я сдѣлаю слѣдующее извѣстіе: въ послѣднее время появилось у насъ нѣсколько молодыхъ библиографовъ, которые собираютъ свѣдѣнія о нашихъ писателяхъ. Это прекрасно, и нельзя не благодарить ихъ за такія статьи, какъ напримѣръ статья г. Бартенева о Пушкинѣ, или г. Гаевского о Дельвигѣ. [А сколько важнаго и полезнаго для науки можно еще сдѣлать, познакомься съ письменною литературою, и принявшись съ такимъ же тщаніемъ собирать свѣдѣнія объ историческихъ нашихъ личностяхъ: что извѣстно у насъ въ общемъ оборотѣ о какомъ-нибудь Иларіонѣ Суздальскомъ, Иларіонѣ Рязанскомъ, Антоніѣ, бояринѣ Ю. Я. Долгорукомъ, епископѣ Павлѣ? А вѣкъ Петровъ, вѣкъ Екатерининъ? Сколько любопытнаго можно собрать еще о Румянцовѣ, Потемкинѣ, Суворовѣ, Каменскомъ.... не говоря уже о дѣятеляхъ второстепенныхъ. **М. II.**

МОСКОВСКІЯ СТАРИННЫЯ И НОВЫЯ ГУЛЯНЬЯ, И УВЕСЕЛЕНІЯ.

СТАТЬЯ III.

Ближніе дворцы и дачи.—Мѣста для старинныхъ гуляній.—Очеркъ гуляній внутри Москвы.

Императрица Екатерина II любила гулянья и празднества, и разныя потѣхи народныя: не смотря на свои многотрудныя царственныя занятія, она иногда и сама принимала участіе во многихъ удовольствіяхъ; *народъ, который веселится и поетъ*, говорила она, *худя не думаетъ*; а наше славянское племя, какъ извѣстно, есть самое пѣвучее: послѣ трудовъ праведныхъ, оно любило и любитъ повеселиться отъ души. У добраго, простосердечнаго человѣка и сердце воркуеть голубемъ.

Встарину, разумѣется лѣтомъ, и даже осенью, болѣе веселились на привольѣ полей, луговъ и лѣсовъ: самая мѣстность и обстановка тогдашней Москвы, какъ сказано, представляла къ тому большое удобство. «Вижу сады, аллеи, цвѣтники, иду мимо ихъ, говорить Карамзинъ, осиновая роща для меня привлекательнѣе. Въ деревнѣ всякое искусство противно. Луга, лѣсъ, рѣка, буеракъ, холмъ—лучше французскихъ и англійскихъ садовъ. Всѣ эти маленькія дорожки, усыпанныя пескомъ, обсаженныя березками и липками, производятъ на меня какое-то противное чувство. Гдѣ видны трудъ и работа, тамъ нѣтъ для меня удовольствія. Дерево пересаженное, обрванное, подобно невольнику съ золотою цѣпью; мнѣ кажется, что оно не такъ и зеленѣетъ, не такъ и шумитъ въ вѣяніи вѣтра, какъ лѣсное. Я сравниваю его съ такимъ человѣкомъ, который смѣется безъ радости, плачетъ безъ печали, ласкается безъ любви. Природа лучше насъ знаетъ, гдѣ расти дубу, вязу, липѣ; человѣкъ мудритъ и портитъ».

Одинъ, знакомый мнѣ поэтъ, выразился очень согласно съ этими мыслями:

Врагъ вѣчный стриженыхъ деревъ,
Ношу я въ сердца брань и гнѣвъ
На оскорбителей природы.

Это вмѣсто эпиграфа.

На смѣну зимѣ, настаетъ отрадная, прекрасная весна съ своими свѣтлыми днями и розовыми вечерами, весна—время радостей и удовольствій для всего Божьяго міра. Люди всякаго возраста чувствуютъ освежительное дыханіе ея, рѣчки какъ будто расплавляются, и жаворонокъ, бросивъ нѣсколько громкихъ, веселыхъ трелей на воз-

духъ, взметывается высоко—и утопаетъ въ голубыхъ волнахъ ээира,— онъ также гуляетъ. Настаетъ весна, и всѣ спѣшать изъ душныхъ домовъ подъ широкій куполь неба—гулять, гулять, надобно спѣшить пользоваться своимъ сокровищемъ, оно срочно, скоропролетно....

Множество дворцовъ на разныхъ углахъ и оконечностяхъ Москвы показываютъ, что и Цари наши любили пожить лѣтомъ на чистомъ воздухѣ, и даже заняться хозяйствомъ въ своихъ загородныхъ домахъ, какъ простые помѣщики, какъ мирные поселяне. Говорятъ идилическимъ языкомъ, но по всей справедливости, доказано, что человекъ, удалясь отъ шума мелочной городской жизни въ уединеніе, въ тишищ сумрачныхъ дубравъ, лицомъ къ лицу съ природой, въ какой-нибудь незатѣливой хижинкѣ, остѣненной деревьями, чувствуетъ себя какъ-то лучше: тогда онъ болѣе, яснѣе понимаетъ высокое назначеніе свое—онъ дома, онъ у себя на родинѣ.

Взглянемъ же, гдѣ отдыхали и прогуливались наши Монархи и ихъ подданные, наши дѣды и прадѣды. О дальнихъ загородныхъ дворцахъ, находящихся и находившихся за Камеръ-Коллежскимъ валомъ, скажу въ статьѣ: *О дальнихъ загородныхъ гуляньяхъ*: и кромѣ ихъ есть еще на чтѣ указать, и въ укромныхъ уголкахъ Москвы много еще неостылыхъ слѣдовъ разныхъ событій, славныхъ, радостныхъ и грустныхъ.

Кромѣ Кремлевскаго, каменнаго дворца съ теремомъ, построеннаго при Великому Князю Іоанну Васильевичу въ 1487 г. (Маркомъ Фрязиномъ), послѣ обращеннаго въ палаты *Ружейную* и *Мастерскую*, (1) и Потвшнаго, въ которомъ послѣ находилась Кремлевская экспедиція (нынѣ Ордонаусъ-гаусъ), построеннаго при Царѣ Алексѣе Михайловичѣ для *потѣхъ* его, подъ именемъ которыхъ разумѣли тогда: иностранную музыку, комедію и другія *художественныя хитрости* (2), находились еще слѣдующіе древнѣйшіе дворцы, бывшіе мѣстомъ лѣтняго гулянья владыкъ Россіи:

(1) Гдѣ сохранились древнія царскія регалии и другія рѣдкости: первая учреждена въ 1669 г. и до того времени именовалась *Оружейнымъ в Ствольнымъ приказомъ*, который въ записныхъ книгахъ значится съ 1659 г. Мастерская же палата въ тѣхъ книгахъ упоминается съ 1627 г. *Путев. къ древностямъ Моск. 1792 г.*

(2) При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, къ Грановитой палатѣ пристроены были *Императорскія палаты*, въ которыхъ, до 1790 г. помещался Сенатъ; противъ этихъ палатъ на каменныхъ сводкахъ, къ Москвѣ рѣкъ, былъ разведенъ небольшой садъ.

Дорогомиловскій: можно думать, что тамъ былъ дворець потому, что Великій Князь Іоаннъ III-й провожалъ оттуда дочь свою Елену въ Литву, отдавая ее за мужъ за сына Литовскаго короля, Александра; Іоаннъ, во время этихъ проводовъ, жилъ въ Дорогомиловкѣ нѣсколько дней. Здѣсь, на лугу, за плывучимъ Дорогомиловскимъ мостомъ, изстари правила Семикъ и Троицынъ день, а послѣ, когда жители Москвы, со времени Петра, стали общительнѣе, тамъ собиралось всякій праздникъ много гуляющихъ; это было престонародное гулянье.

Краснопрудскій, деревянный, на Каланчевскомъ полѣ, именовавшійся Цесаревичевымъ, близъ выкопаннаго пруда и Краснаго села, которое основалось при Великомъ Князѣ Васильѣ Іоанновичѣ. Жители Краснаго села изъ первыхъ приняли сторону Лжедмитрія, когда онъ приближался къ Москвѣ. Подъ словомъ *красное*, вѣроятно понимали *красивое* село. Въ Красномъ селѣ было и бываетъ гулянье 14-го сентября въ день Воздвиженія Креста Господня; а на Каланчевскомъ полѣ въ Троицынъ и Духовъ день, справляется гулянье и до нынѣ. Когда еще Воспитательный домъ не былъ выстроенъ на теперешнемъ мѣстѣ своемъ, въ Красномъ селѣ, въ домахъ кн. Голицына и графа Сиверса, находилось помѣщеніе его, а также въ Китаѣ городѣ: вотъ колыбель Воспитательнаго дома; а потому тогда и называли его *Красносельскій и Китайскій* (*). Замѣчательно, что Воспитательному дому, со времени основанія его, до Императора Павла Петровича, для усиленія доходовъ, дана была привилегія, за 1000 руб. ассигн. производить въ первые офицерскіе (статскіе) чины всѣхъ людей свободнаго состоянія; тогда эти чины назывались *коммиссарскими*.

Покровскій, въ бывшемъ селѣ Покровскомъ, на рѣкѣ Яузѣ, нынѣ большая улица въ Москвѣ (Лефорть. части); тогда это было одно изъ предмѣстій Москвы, не далеко отъ Нѣмецкой слободы, по дорогѣ въ бывшее село Преображенское (нынѣ Покровское, также дальняя моск. улица). При Ц. Михайлѣ Ѳеодоровичѣ Покровское называлось Дворцовымъ селомъ *Рубцовымъ*; туда этотъ Государь часто ѣздилъ для своего увеселенія; назвалось же оно *Покровскимъ* по церкви *Покрова* Пресв. Богородицы, съ придѣломъ Сергія Чудотворца и Дмитрія Царевича (освященной въ 1626 г. октября 29), которую Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ приказалъ построить, въ память отраженныхъ отъ Москвы Поляковъ, когда въ 1615 г. 1-го октября, Владиславъ,

(*) Воспитательный домъ на теперешнемъ мѣстѣ своемъ заложенъ 1764 г. апрѣля 21-го дня. Есть преданіе, что прежде подклмшпей отдавали въ монастыри.

сынъ польскаго короля Сигизмунда или Жигимонта, хотѣлъ вступить въ Москву, какъ въ свою отчину, и приступилъ уже къ Арбатскимъ воротамъ такъ стремительно, что едва не овладѣлъ ими, но Богъ благословилъ оружіе перваго Царя изъ дома Романовыхъ—Поляки отступили. Гуляя въ Покровской рошѣ, Царь Михаилъ вспоминалъ объ этомъ событіи и усердно молился въ нововыстроенномъ своемъ храмѣ, за избавленіе себя и отечества своего отъ злыхъ враговъ. Тамъ, вѣроятно, у него былъ и укромный дворецъ, для лѣтняго отдохновенія его; тамъ изстари проживали раскольники разныхъ толковъ. Гулянье въ Покровскомъ, въ день Покрова, осталось и до нынѣ; но преданіе о старинномъ модномъ и славномъ Покровскомъ гуляньѣ, совершавшемся особенно зимою, отнесемъ къ *зимнимъ гуляньямъ*.

Въ 1742 г. выстроенъ былъ въ Покровскомъ, подлѣ церкви Покрова, деревянный дворецъ, который значитъ во всѣхъ старинныхъ путеводителяхъ московскихъ, а когда онъ сгорѣлъ, то въ 1753 г., при Императрицѣ Елизаветѣ, выстроенъ тамъ каменный, сохранившійся до нашихъ временъ. Есть преданіе, что она любила тамъ проживать лѣтомъ, когда еще была Великою Княжною, и, бывши также веселаго характера, участвовала въ праздничныхъ хороводахъ, составленныхъ изъ покровскихъ дѣвицъ и молодежи, одѣваясь въ ихъ красивый русскій костюмъ: въ цвѣтной атласный сарафанъ и кокошникъ, или въ парчевую кикю съ дробницами изъ жемчуга и съ позументомъ, или просто по-дѣвичьи, вплетая въ трубчатую косу свою, алую, ярославскую пукетовую ленту (*). Съ тѣхъ временъ сохранилась пѣсня:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа, и проч.

Многіе помнятъ, какъ любопытные, въ началѣ текущаго столѣтія, подходили къ окнамъ Покровскаго дворца, смотрѣть на разную посуду японскаго и китайскаго фарфора всѣхъ цвѣтовъ, стоящую на этажеркахъ: на плоскія блюдечки, на низенькія чашечки тазиками, и ва проч. Изъ дворца устроенъ былъ и ходъ въ церковь. Еще былъ дворецъ Императрицы Елизаветы на Покровкѣ, что около дома ко-

(*) Въ Ярославлѣ была старинну лучшая ленточная фабрика.

модной формы князя Трубецкаго, и на Балчугъ (1) за Москворѣцкимъ мостомъ.

Есть преданіе, что былъ еще Великокняжескій дворець у Николы, что на Подкопавъ, на Солянкѣ, близъ бывшихъ *Малыхъ Крутищъ*, которыя нависали горою надъ рѣкою Яузою; теперь эта крутизна скрыта. Въ этомъ дворцѣ жилъ Великій Князь Іоаннъ III, послѣ Кремлевскаго пожара. Не далеко оттуда, у церкви князя Владиміра, что въ *Старыхъ Садахъ*, находились большіе казенные сады, быть можетъ, остатокъ старинной рощи, а далѣе отъ нихъ, у Николы въ Воробинѣ, на покатоности, какъ называлась Гостинная гора, къ нынѣшнимъ Серебрянниковскимъ банямъ, другіе сады (2); это мѣсто почему-то называлось *Хивою*; тамъ тоже гуляли въ прошедшемъ столѣтіи. Подвергнувъ какое-нибудь слово этимологической пытки, можно дѣлать изъ него какія угодно произведенія; что такая *за Хива*? Противъ церкви Князя Владиміра находился *Каменный приказъ*, завѣдывавшій постройками въ Москвѣ, нынѣ Архивъ Иностранной Коллегіи. Кстаги улица *Полянка* (за Москвой рѣкой) не означала ли *чиста-поля*; улица *Садовники*, *Ольховецъ*, по ольховой рощѣ, церковь Іоанна Предтечи *надъ боромъ*, на Пятницкой, и противъ моста,—это ясное показаніе о бывшей тамошней мѣстности и обстановкѣ ея.

Семеновскій, въ Семеновской солдатской слободѣ, и вмѣстѣ въ Дворцовомъ селѣ, (нынѣ улица Лефортовская): это былъ дворець Петра Великаго; извѣстно, что отъ Семеновскаго селѣ занимствовалъ свое названіе лейбъ гвардіи Семеновскій полкъ. Церковь же Введенія Пресвятыя Богородицы, каменная, построена тамъ усердіемъ прихожанъ, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1736 г., ноября 20-го, что значитъ надписью на двухъ тамошнихъ деревянныхъ крестахъ.

(1) Происхожденіе этого названія неизвѣстно, вѣроятно, по звучности выговора своего, оно татарское; что оно древнее, въ томъ свидѣлствуютъ летописи. Еще Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный приказалъ на этомъ мѣстѣ, для опричниковъ своихъ, построить *первый кабакъ*, гдѣ ихъ упояли бездѣежно. Царь Феодоръ Іоанновичъ приказалъ его уничтожить, но Борисъ Годуновъ, предусматривая выгоды, получаемыя отъ продажи горячихъ напитковъ, приказалъ снова выстроить на этомъ мѣстѣ кабакъ, и отдалъ его въ откупъ: это было начало винныхъ откуповъ въ Россіи. Слово *кабакъ* производятъ Татищевъ отъ слова *кабалъ*, означавшаго у Татаръ *постольный дворъ* или польскую *корчму*, (не отъ слова ли *кормить*?)

(2) Церковь Троицы въ *Серебряникахъ*, какъ изъ надписей на крестахъ видно, именовалась, что въ старыхъ денежныхъ мастерахъ, вѣроятно, это была слобода монетчиковъ.

Преображенскій старій, также Императора Петра I-го, въ дворцовомъ селѣ Преображенскомъ, на лѣвомъ берегу Яузы. Въ немъ Государь имѣлъ частое пребываніе; отъ этого села гвардіи Преображенскій полкъ получилъ свое названіе. Тамъ и церковь Преображенія Господня, ружная, съ придѣломъ Петра и Павла. Со времени Императрицы Анны Іоанновны, отъ учрежденія гвардіи Московскаго баталіона, первая церковь тамъ была холстинная Преображенскаго полка въ полковой сѣзжей. При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, усердіемъ прихожанъ, выстроена была деревянная, въ 1746 г., коштомъ лейбъ гвардіи Преображенскаго полка сержанта Ивана Елисеева Гретьякова, а въ 1768 году каменная. Гулянье въ Преображенскомъ бываетъ и до сихъ поръ въ день Петра и Павла, 29-го іюня (простонародное). Изъ этого села вживалъ Петръ I-й въ Измайлово свою потѣшную роту, иногда училъ ояъ ее въ Преображенскомъ, иногда водилъ свои полки въ родовую свою отчину угощать, или дѣлалъ тамъ маневры на широкомъ дворцовомъ Измайловскомъ дворѣ, и ставалъ съ ними въ шатрахъ подъ рошею. Однажды,—есть преданіе,—Государь, потѣшаясь и угощаясь съ своими любимцами-учениками-сподвижниками, на запасномъ дворѣ въ Измайловѣ и на погребкахъ, сжегъ брусную избу, находившуюся посреди двора царскихъ хоромъ. Въ селѣ Преображенскомъ, среди огородовъ, до сихъ поръ сохранились признаки бывшей тамъ Тайной канцеляріи, существовавшей въ небольшомъ каменномъ домѣ; она учреждена Петромъ во время крамоль стрѣльцкихъ и раскольниковыхъ. Еще Карамзинъ, какъ пишетъ онъ, видѣлъ тамъ глубокія ямы и желѣзныя рѣшетки въ маленькихъ окнахъ (*). Были времена, когда восклицаніе: *слово и дѣло*, приводило въ ужасъ и оцпенвніе слышавшихъ его; часто зломыслящіе люди пользовались имъ и узловато запутывали многія тяжкія следственные дѣла, и обвиняли невинныхъ. Многіе слышали, что такое значилъ *языкъ*, т.-е. донощикъ, обвинитель, котораго водила по улицамъ вооруженная стража, спрятаннаго съ головою въ полотняный мѣшокъ, чтобы нельзя было узвать его; въ этомъ мѣшкѣ оставляли небольшія отверстія для дыханія. Завидя это пугало, всѣ стремглавъ бѣжали отъ него прочь, какъ отъ заразы, трепетно восклицая: *языкъ, языкъ!* опасаясь, чтобы оно не указало на кого-нибудь; купцы едва успѣвали запираить свои лавки или запираить въ нихъ, даже нищіе увѣчные и безногіе, во множе-

(*) Въ Москвѣ домъ Тайной канцеляріи находился на Лубянкѣ, навзкозь отъ церкви Гребенской Божіей Матери, потомъ домъ Библейскаго Общества

ствѣ въ то время сидѣвшіе на уличныхъ перекресткахъ, прыгали на костыляхъ своихъ, или упалзывали, кто куда попало (*).

Яузскій, противъ церкви Симеона Столпника, (храма, извѣстнаго своею прекрасною архитектурою; форма его есть красивая ротонда съ соразмѣрнымъ куполомъ время Царя Бориса Годунова). Этотъ дворецъ существовалъ изстари, до временъ Екатерины II-й; объ немъ упоминается еще въ описаніи коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны. Послѣ перешелъ онъ во владѣніе купца Кайдакова; это былъ скромный, однопэтажный домъ, но все-таки онъ замѣчательнъ, какъ памятникъ старины, а болѣе потому, что въ немъ жили Петръ и Елисавета.

Екатерининскій, или *Анненгофскій*, или *Головинскій*, (противъ Нѣмецкой слободы за Яузою). Онъ построенъ былъ по повелѣнію Императрицы Анны Иоанновны, въ 1731 году, почему и назывался *Анненгофъ*. Близъ его роща, находящаяся за Кадетскими корпусами, также называется *Анненгофскою*. Въ 1753 году онъ сгорѣлъ; въ томъ же году на этомъ мѣстѣ Императрица Елисавета Петровна приказала выстроить *Головинскій* дворецъ (на дачѣ Головина), но онъ также сгорѣлъ, и послѣ того уже построенъ по указу Императрицы Екатерины II, огромный каменный, и названъ въ честь ея *Екатерининскимъ* въ 1774 году. Императоръ Павелъ I-й, взошедъ на престолъ, обратилъ его въ казармы, и приказалъ помѣстить въ немъ четыре баталіона московскаго гарнизоннаго полка. Императоръ Александръ пожаловалъ его первому кадетскому кор-

(*) Можно полагать, что Тайная канцелярія основана была еще при Юаннѣ Грозномъ, потому что летописи упоминаютъ объ *околыщичемъ Козычевѣ*, который въдалъ тайными дѣлами: опричники, доносы, удаленіе Грознаго въ селеніе Александрово, и проч. поясняютъ это дѣло; въ записныхъ книгахъ эта канцелярія была извѣстна подъ именемъ *Приказа тайныхъ дѣлъ* съ 1658 г., а въ 1676 и 1678 годахъ, Царь Феодоръ Алексѣевичъ понелътъ всѣ дѣла этого Приказа описать и передать въ Разрядъ. Нѣкоторые учрежденіе Тайной канцеляріи приписываютъ Царю Алексѣю Михайловичу. Въ 1701 г. Приказъ тайныхъ дѣлъ открылся снова, подъ именемъ *Преображенскаго приказа*. Императоръ Петръ III-й уничтожилъ его въ 1762 году. Императрица Екатерина II-я подтвердила указъ объ уничтоженіи Тайной канцеляріи розскихныхъ дѣлъ, но вскорѣ замѣнила мѣсто его учрежденіемъ *Тайной экспедиціи*. Въ 1801 году апрѣля 2-го Императоръ Александръ Благословенный издалъ указъ о совершенномъ уничтоженіи не только названнаго, но и дѣйствительной Тайной экспедиціи, и приказалъ всѣ дѣла ея, предавъ ихъ вѣчному забвенію, сдать въ Государственный архивъ. Съ тѣхъ поръ и кончилась *пытка*.

пусу; тогда этотъ дворець принялъ удобѣйшую форму и устройство для своего назначенія.

Въ этой же сторонѣ были дворцы и казенныя зданія: *Бестужевъ*, каменный, сломанъ по ветхости и ненадобности; *Маршинской*, каменный, въ немъ жилъ дѣйствительный камергеръ князь Тюфякинъ; старый Сенатъ, бывшая *Гофъ-интендантская канцелярія*, деревянная, *Люберская канцелярія*, каменная; и всѣ эти и многія другія зданія, находились подъ вѣдѣніемъ *Конторы строенія домовъ и садовъ*, находившейся тутъ же. Здѣсь, кстати, нельзя не упомянуть о *Главномъ госпиталѣ*, основанномъ въ 1706 г. Императоромъ Петромъ I-мъ, на берегу рѣки Яузы; это огромное, каменное зданіе, со многими флигелями и службами, назначено имъ было для пользованія солдатъ, съ аптекой и анатомическимъ театромъ, заключавшимъ въ себѣ множество рѣдкостей, особенно для того времени, когда еще не было университетовъ съ находящимися при нихъ разными кабинетами. Въ этомъ же госпиталѣ основано было первое Медицинское училище, въ которомъ, обучая, какъ тогда выражались: *лечебной наукѣ* (1) преподавали: анатомію, ботанику и латинскій языкъ. Ученики тогдашней Медицинской школы, опредѣляемые въ разные полки, бывъ изъ простаго званія, до основанія Медико-Хирургической Академіи и Московскаго Университета, не имѣли особенныхъ правъ, мало чѣмъ различались отъ фельдшеровъ, или, по тогдашнему названію, рудометовъ, потому что имъ вмѣнялось въ обязанность брить бороды полковымъ начальникамъ своимъ и пускать кровь (2). Пріѣзжавшіе изъ чужихъ краевъ доктора, получали важныя, по тогдашнему времени, выгоды и льготы.

Въ этой же сторонѣ находился и находится *Дворцовый садъ*, подлѣ бывшаго Анненгофскаго дворца (нынѣ этотъ садъ пожалованъ

(1) Истор. описаніе городовъ Московской губерніи 1787 года.

(2) Известно, что еще изстари находились въ Россіи врачи, но они были иностранцы, а простой народъ довольствовался домашними средствами; аптека ихъ была на парномъ банномъ полкѣ, лечились же виномъ съ перцемъ, и тому подобнымъ, а суевѣрные разными наговорами; больницы были при церквяхъ, въ которыхъ, съ самой глубокой древности, пользовали греческіе, а послѣ нѣмецкіе врачи; но таковыхъ больницъ было немного. При Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ учрежденъ былъ *Аптекарскій приказъ* и отданъ въ вѣдѣніе Милославскому; въ 1616 году, упоминаются въ разрядныхъ спискахъ *полковые лекаря*. На западной сторонѣ Кремля учреждены были аптекарскіе сады; на Моховой была главная аптека, также и въ *Вяземловѣ*. Главная Госпиталь въ Лесортовѣ называлась *Генеральною*.

Императоромъ Николаемъ I-мъ Кадетскому корпусу); тамъ сохранились деревья, посаженныя Петромъ I-мъ; около нихъ П. С. Валуевъ, бывший президентомъ Кремлевской экспедиціи (что нынѣ Дворцовая контора) устроилъ бесѣдку. Въ этомъ саду некогда были знаменитыя гулянья, особенно въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ Вознесеніе и въ Троицынъ день. Многіе помнятъ, какъ въ царствованіе Императора Павла I-го, многіе являлись на это гулянье, держа шляпы подъ мышкою, потому что высокая прическа, пудра, шпильки и помада, особенно у дворянъ, слѣдовавшихъ законамъ моды, такъ отягчали и пѣрили ихъ головы, что невыносимо было накрывать ихъ новымъ грузомъ. Купцы тогда стояли двоерядно на главной площадкѣ сада, и, слушая музыку, смотрѣли на проходящихъ и не сближались съ аристократіею; у купцовъ, ходившихъ въ нѣмецкомъ платьѣ, на шляпахъ были темныя кокарды съ такими же пуговками, а у чиновныхъ людей свѣтлыя.

Надобно замѣтить, что купцы, до царствованія Императрицы Екатерины II-й, мало чѣмъ отличались отъ мѣщанъ, и въ отношеніи наружной формы и въ отношеніи правъ. Она даровала имъ разныя привилегіи по гильдіямъ, въ 1782 году.

Пречистенскій (1), въ которомъ отдыхала Императрица Екатерина II, отправляясь на знаменитое *Ходынское* гулянье; съ Пречистенки перенесенъ былъ дворецъ на Воробьевы горы (2); вѣроятно онъ былъ деревянный и строенъ случайно, не въ глубокой древности. Близъ него находился, какъ и теперь: 1) *Колымажный* или *конюшенный дворъ*, построеніе котораго относятъ ко времени Царя Алексѣя Михайловича. Онъ возобновленъ при Императрицѣ Екатерины II, но существованіе подобнаго зданія должно отнести къ древнейшимъ временамъ, потому что еще Великіе князья имѣли большой запасъ коней для торжественныхъ выѣздовъ своихъ и для охоты, также множество *колымагъ* (среднее между каретой и польской брикой); тогда щеголяли еще богатствомъ конской сбруи. 2) Домъ князя Сергія Михайловича Голицына, также бывший дворецъ Императрицы Екатерины II-й, подаренный ею родителю князя Сергія Михайловича Голицына. 3) Главное училище вѣдомства Московскаго Приказа обществен-

(1) Улица *Пречистенка* получила это названіе только съ 1658 г. апрѣля 16, по указу Царя Алексѣя Михайловича, а прежде именовалась она *Чертольемъ*, отъ водомонъ. *Путеводитель, руководствующій къ дѣльмъсто-описательному познанію мѣстъ и зданій московскихъ 1792* .:

(2) Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губ., 1787 г.

паго призьрнія. (подъ строящагося теперь великолѣпнаго храма. во имя Спаса) съ большой поляною, на которой, въ торжественные и вѣкторіальныя дни (въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II-й), стрѣляли изъ пушекъ. Сначала пушки стояли на Красной площади, гдѣ былъ и кабакъ *подъ пушкою*; въ послѣдствіи времени нѣкоторыя изъ нихъ перевезены были въ Кремль, для пальбы въ торжественные дни; открытѣе и просторнѣе мѣста въ Кремль не нашли для установки пушекъ, какъ подъ архіерейскаго митрополчьяго дома. Платонъ, (въ то время бывши еще архіепископомъ), просилъ Еропкина, чтобъ онъ отвелъ ихъ подальше отъ его дома, (въ 1786 г.), потому что однажды, (26 іюля, того же года) отъ пушечной пальбы перебито до 70 стеклъ въ архіерейскомъ домѣ и въ Вознесенскомъ монастырѣ, и такъ монастырскихъ служекъ перепугало, что они попрятались въ погреба.

Запасный, (красноворотскій съ церковью св. Іаннуарія) (1). Еще при Императорѣ Петрѣ I-мъ, на обширномъ свѣнномъ торжищѣ, находящемся по близости этого дворца, бывало катанье, особенно на масляницѣ; тамъ находилась и австерія (2), куда Петръ завѣзжалъ съ приближенными своими выпить анисовой водки. Этотъ дворецъ былъ построенъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ для дворцовыхъ запасовъ, по большой части изъ матеріаловъ измайловскихъ ригъ. Въ немъ находилась главная контора дворцовой канцеляріи, послѣ, при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, переименованная въ контору придворной экспедиціи. Замѣчательно, что въ большіе погреба и подвалы дворцовскіе возили невскій ледъ, вѣроятно какъ самый лучшій и чистый.

При Императрицѣ Елисаветѣ, близъ этого дворца, на Свѣнной же площади, находился *оперный домъ*, содержимый полковникомъ Толстымъ; не далеко отъ церкви Трехъ Святителей были Хомутовскія бани противъ Яузской части.

(1) Красныя ворота выстроены въ 1742 году во время коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны, на сумму, пожертвованную купечествомъ. Строителемъ ихъ былъ кн. Ухтомскій.

(2) Въ польскомъ словарѣ Линде, слово *austeria* знач. *«страшнапримный, постылый дворъ»*; въ Римѣ, подъ названіемъ: *osteria*, разумѣются *харчевни*; въ Петербургѣ была австерія, куда Монархъ заходилъ выпить рюмку водки и закусить кускомъ чернаго хлѣба съ солью; а въ Москвѣ у Курятныхъ воротъ, въ томъ домѣ, гдѣ послѣ открытъ былъ университетъ; подъ этимъ названіемъ и доннынъ слыветъ тамъ крайній проходъ по Скорняжному ряду, отъ Ильинки на Никольскую. (Энцикл. лекс. томъ I-й).

Слободской, (гдѣ нынѣ ремесленное заведеніе), купленный Императоромъ Павломъ у графа Безбородки. Во время коронаціи Императора Павла, тамъ были большіе праздники. Всего замѣчательнѣе этотъ дворецъ тѣмъ, что Императоръ Александръ предъ 1812 годомъ, прибывъ въ Москву, получилъ въ слобод. дворецъ ключи отъ взятой крѣпости Браилова, во время турецкой войны, и праздновалъ это событіе. Въ 1812 году также, прибывъ въ Москву, принималъ онъ въ слободскомъ дворцѣ жителей столицы.

Это событіе многіе помнятъ: когда открыли подписку на пожертвованіе для военныхъ дѣйствій, всѣ стремительно бросились къ подписному листу, и чуть-чуть не вырывали другъ у друга пера; каждый скорѣ хотѣлъ вписать цифру жертвуемой суммы. Этотъ дворецъ, буквально, залить былъ тогда и снаружи народными толпами; въ открытыя окна его вносились звонкіе звуки ура!

Великодушный, обожаемый своими подданными Монархъ, прослезился, а многіе заплакали навзрыдъ; но эти слезы были слезами радости, восторга, умиленія.—Когда раздалось восклицаніе: *На начинающаго Бога!* напечатанное въ манифестъ 1812 года, народъ заставалъ отъ избытка отваги и праведнаго негодованія на враговъ своихъ. Это незабвенное время было повтореніемъ 1612 г., когда Россія избавилась отъ ига Поляковъ, а наше время не есть ли по нѣкоторымъ отношеніямъ: по жертвамъ, по самоотверженію, и по прочему, повтореніе громоноснаго 1812 года? И всѣ почти эти дворцы были заслонены садами, какъ зелеными щитами, и въ нихъ гуляли, отдыхали и прохлаждались Государи Русскіе и приближенные ихъ; а нѣкоторые изъ дворцовыхъ садовъ были мѣстомъ всенароднаго гулянья.

Теперь отъ дворцовъ обратимся къ дачамъ и къ садамъ городскимъ.

Старинныя дачи и сады представляли мѣсто для гулянья общественнаго и частнаго; нѣкоторые изъ нихъ принадлежали казнѣ, нѣкоторые—именитымъ боярамъ. Должно замѣтить, что не только всѣ московскія земли сперва принадлежали царю, но и всѣ околodки ея были царской отчиной. Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ III-й одарилъ болѣе 1000 человекъ изъ своихъ приближенныхъ московскими землями, а двадцати восьми избраннымъ своимъ боярамъ пожаловалъ онъ болѣе 300,000 десятинъ въ окрестностяхъ московскихъ. Въ половинѣ XVII вѣка не только патріархъ и царскіе родственники, но и нѣкоторые бояре: *Милославскіе, Шереметевы, Стрѣшневы* и

князя *Черкасские* жили въ своихъ домахъ въ самомъ Кремль, близъ царскаго дворца (1).

Прежде нежели осмотримъ дальнія дачи Москвы, взглянемъ мимоходомъ на нѣкоторыя владѣнія и дачи бояръ, находившіеся въ центрѣ Москвы, въ Китаѣ и въ Бѣломъ Городѣ. Бояре любили жить въ широкихъ размѣрахъ, любили имѣть хоть какіе-нибудь сады, и гдѣ же? въ тѣснотѣ, въ Кремль, въ которомъ и тогда уже было много казенныхъ зданій и церквей, напримѣръ: дворецъ Іоанна III. Въ немъ жилъ еще Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ; на мѣстѣ его, въ 1743 г. Императрица Елисавета построила новый; теперь вмѣсто стараго Елисаветинскаго дворца высатся дивные Царскіе чертоги. Правда, было широкое мѣсто въ Кремль, гдѣ теперь находится арсеналь, но оно отведено было для сборной площади *надворной пѣхоты*, т.-е. стрѣльцовъ; тамъ же находился домъ Бориса Годунова (противъ арсенала, гдѣ была Оружейная Палата); на мѣстѣ нынѣшняго громаднаго зданія Сената, находился домъ князя Трубецкаго и нѣсколько уничтоженныхъ церквей: *Козмы и Даміана*, *Петра Митрополита*, *Введенія Пресвятыя Богородицы* и проч.; близъ Спасской или Флоровской башни былъ домъ Дмитрія Донскаго.

Цари раздавали мѣста для домовъ и дачъ своимъ боярамъ также въ Китаѣ и въ Бѣломъ Городѣ.

Извѣстно, что *Китай* городъ былъ *посадамъ* Кремля. Кромѣ многихъ урочищъ, сохранившихся донныѣ, здѣсь были посольскія подворья, и, въ послѣдствіи времени, дома съ садами, и даже съ домовыми церквами; на Никольской улицѣ: князя *Якова Ѳеодоровича Долгорукова*, знаменитаго современника Петра, князя *Кантемира*, князей *Черкасскихъ*; и теперь сохранилось названіе *Черкаскаго переулка* на Никольской, подлѣ дома графа Шереметева, которому достался онъ, по родственнымъ отношеніямъ, отъ князя Черкаскаго (2); *Воротынскихъ*, *Трубецкихъ*, и проч.; на Ильинкѣ: гг. *Барятин-*

(1) Нынѣшній *Николаевскій* дворецъ построенъ на мѣстѣ митрополитскаго дома, по желанію митрополита Платона, архитекторомъ Козаковымъ. Противъ угла его была церковь Николаи Гостунскаго, разобранная въ 1816 году. Между монастырями Чудовымъ и Вознесенскимъ, была улица; близъ Спасской башни находились подворья: *Крутицкое* и *Кирилловское*; за ними стоялъ домъ боярина Шереметева, на самомъ верху горы. (Моск. спран. книжка В. Пассека).

(2) Въ наше время домъ графа Шереметева значительно измѣнилъ свою фizioномію: прежде у него было огромное крыльцо и на немъ сверкали граненые фонари у подъезда, что было очень кстати для тогдашняго бѣднаго освѣщенія улицъ.

скихъ и Шешныхъ; на Варваркѣ: *Бутурлиныхъ* и *Пушкиныхъ*. На мѣствъ нынѣшней биржи, въ концѣ прошедшаго столѣтїя, находились пшкпчки съ разнымъ мелочнымъ товаромъ, и у самой стѣны Кремля рядъ каменныхъ лавокъ. Между ними былъ шляпный рядъ, называемый *Шапочнымъ разрывомъ*, думаютъ потому, что тамъ покупателя *разрывали* на части, каждый таща къ себѣ (1).

Бѣлый городъ преимущественно образовался изъ разныхъ предмѣстїй и дачъ, также жалованныхъ боярамъ Царями; эти мѣста встарину были загородными домами многихъ бояръ; на нихъ зеленѣлись большіе сады и даже полосились огороды: въ немногихъ старинныхъ сохранившихся домахъ замѣтны еще остатки этихъ садовъ. Въ *Кузнецкой* слободѣ, (нынѣшній Кузнецкій Мостъ) со стороны Неглинной, даже въ началѣ нынѣшняго столѣтїя, была цѣлая аллея большихъ вѣзовъ, и здѣсь было мѣсто для прогулокъ, только не чистое. Со времени Царя Алексѣя Михайловича тамъ жили кузнецы и ковали желѣзо, такъ какъ теперь, говорятъ, тамъ изъ разныхъ, по большей части иностранныхъ товаровъ, выковыываютъ спекуляторы деньги. Тамъ былъ дѣйствительно каменный мостъ и съ перилами на канавѣ (около дома г. Татищева) и церкви: Воскресенїя Слоущаго (около Большаго театра). Въ концѣ прошедшаго столѣтїя были уже на Кузнецкомъ мосту, между немногими, незатѣйливыми лавками, небольшїя сарептскїя лавки, отдѣленіе сарептскаго магазина, близъ Ехолова моста. А какъ измѣнился съ тѣхъ поръ Кузнецкій Мостъ! Одинъ поэтъ сказалъ объ немъ:

Онъ сколокъ съ Невскаго проспекта:
Гостятъ парижская здѣсь секта,
Товаровъ всѣхъ не перечесть,
Чего, чего тамъ не найдешь,
Отъ пудинга, отъ леденца,
До праника, до огурца.... и т. д.

Огорченные супруги и нѣкоторые разсчитливые женихи звали встарину кузнецкій мостъ *чортовой слободой*,

Гдѣ за французскїй мыльный вздоръ,
Бывасть денегъ русскихъ сборъ (2).

Близъ него находился Артиллерійскїй Приказъ, послѣ Артиллерійское Депо, (теперь домъ Горлецкаго).

(1) Вероятно, было тогда гдѣ разгуляться въ *Китай* городъ, потому что въ то время сложена была пѣсенка: *Я поведу во Китай городъ гулять*.

(2) Журналъ «Зритель», издаваемый Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ, 1792 г.

Говоря о Никольской, какъ о самой людной улицѣ и старину, также упоминая о празднествахъ, болѣею частію прошедшаго столѣтія, нельзя не вспомнить, что на ней, въ 1702 г., декабря 4-го, было торжественное шествіе Петра Великаго, послѣ взятія у Шведовъ крѣпости *Ноттенбурга* или *Шлюссельбурга*. По этому случаю поставлено было двое деревянныхъ триумфальныхъ воротъ: первый внутри красной стѣны Китая города, противъ Греческаго монастыря, близъ типографіи и дома Фельдмаршала Шереметева, второй внутри бѣлой стѣны (*). Впереди шелъ Гвардейскій полкъ; половина этого полка одѣта была по-нѣмецки, въ красные мундиры, другая въ русской одеждѣ; за ними слѣдовали пѣвныя Шведы, въ сопровожденіи трехъ ротъ солдатъ, семью отдѣленіями, по три въ рядъ; далѣе Гренадерская рота въ зеленыхъ мундирахъ и въ нѣмецкихъ шапкахъ; за ними аллебардчики и трубачи, потомъ Преображенскій полкъ; нѣкоторые изъ солдатъ этого полка одѣты были въ зеленые мундиры съ краснымъ подбоемъ, и въ шапкахъ, обшитыхъ бѣлымъ голуномъ; въ главѣ полка находились—Царь и Меншиковъ, предъ ними флейтчики и заводныя лошади, за ними Семеновскій полкъ въ синихъ мундирахъ съ краснымъ подбоемъ.

За отрядами нашихъ войскъ несли трофеи: разноцвѣтныя шведскія знамена, на которыхъ изображены были золотыя коронованныя львы, корабельные флаги и разныя оружія. За ними слѣдовала полевая кухня, нѣсколько саней, съ оружіемъ и барабанами, и съ походной кузницей. Потомъ сорокъ пѣвныхъ офицеровъ, одинъ за другимъ, каждый подъ прикрытіемъ двухъ солдатъ; эта процессія заключалась обозомъ раненыхъ и больныхъ.

Ровно въ часъ по-полудни Царь вступилъ въ Тверскія ворота; шествіе направилось къ первымъ триумфальнымъ воротамъ. Здѣсь былъ небольшой роздыхъ; Царь принялъ поздравленіе отъ духовенства. Толпы народа стояли съ обнаженными головами; было на что посмотреть: на величаваго Царя, на стройную и разнообразную процессію и на красивыя ворота, состоявшія изъ трехъ арокъ, и украшенныя разными вѣкторіальными изображеніями и девизами. На вершинѣ ихъ симметрически разставлены были музыканты, въ цвѣтныхъ платьяхъ; надъ главной средней аркой высился орелъ съ приличными атрибутами; близъ стоявшіе дома также имѣли нарядную, торжественную физіономію, по уборкѣ своей; на балконахъ ихъ также стояли музыканты и играли на *віолахъ*, *органахъ* и другихъ инструментахъ.

(*) Картины свѣта, изданныя А. Ф. Вельтманомъ.

Не смотря на зимнее время, эта улица была застлана зеленью и цвѣтами. Кромѣ царской фамиліи, здѣсь находились всѣ знатныя особы русскія и иностранныя, обоюга пола. Шествіе двинулось отсюда къ Мясницкимъ воротамъ (1) и направилось къ Нѣмецкой слободѣ. Тамъ встрѣченъ былъ Монархъ голландскимъ консуломъ съ хлѣбомъ и солью, послѣ свѣа на подведенную ему лошадь и отправился такъ же церемоніально въ Преображенское.

Въ Бѣломъ городѣ, по простору его, въ сравненіи съ Кремлемъ и съ Китаемъ городомъ, можно было жить просторнѣе и привольнѣе. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тамъ находились загородные дома или дачи князей и бояръ: Бутурлиныхъ, Борятинскихъ, Волконскихъ, Гагариныхъ, Глѣбовыхъ, Долгоруковыхъ, Куракиныхъ, Масальскихъ, Мещерскихъ, Ромодановскихъ, Ростовскихъ, Нарышкиныхъ, Прончищевыхъ, Рѣпиныхъ, Строгоновыхъ, Хлоповыхъ и другихъ (2).

У самой церкви Дмитрія Селунскаго (у Тверскихъ воротъ) изстари былъ загородный домъ *Романовыхъ*; а на Моховой (гдѣ теперь Горное Правленіе) также загородный домъ *Нарышкиныхъ*. Въ немъ жила мать Петра.

Нѣкоторые полагаютъ, что слово *Бѣлый* произошло оттого, что бояре, получившіе участки земли въ этомъ мѣстѣ, освобождались отъ постоевъ и другихъ городскихъ повинностей.

Загородные дома въ Бѣломъ городѣ не въ глубокую старину еще были: *Я. А. Брюса* у Воскресенья на Вражкѣ, *С. С. Апраксина*, на Знаменкѣ, (3) (нынѣ 3-й кадетскій корпусъ), *Графа Панина* въ Старогазетномъ переулкѣ, *Стрешневыхъ* на Дмитровкѣ (строенный архитекторомъ Баженовымъ), *Воронцовыхъ*, (Университетская Клиника) на Рожественкѣ; послѣ этотъ домъ принадлежалъ

-
- (1) Настоящія Мясницкія ворота, то-есть зданіе ихъ, были каменныя, а створы ихъ большіе, тяжелые, желѣзные; на ночь они затворялись, иногда запирались, а улицы загораживались рогатками; однажды, смотритель этихъ воротъ рапортомъ доносилъ своему начальству, что въ одну темную ночь ворота были неизвестно кѣмъ украдены; дѣлали поиски, но тщетно.
- (2) Справочная книжка В. Пассека и Указатель Москвы, показывающій, по азбучному порядку, всѣ дома въ Москвѣ, кому они принадлежали, въ какой находились части, подъ какимъ номеромъ и пр. 1792 г.
- (3) Замѣчательный огромностью своей домъ. Въ немъ находилась труппа Императорскаго Московскаго Театра, переведенная изъ дома *Позлякова*; потомъ Итальянская труппа, перенесенная въ С.-Петербургъ, потомъ французская. Послѣ того онъ перестроенъ былъ для Александрійскаго Института.

П. П. Бекетову, мужу образованному, ревнителю отечественнаго просвѣщенія, другу знаменитыхъ своихъ современниковъ: Карамзина, Ивана Ивановича Дмитріева, и другихъ. У него была своя типографія и словолитня, кабинеты: Нумизматическій, Минералогическій и Зоологическій.

Наконецъ взглянемъ на современные намъ замѣчательные, существовавшіе и въ прошедшемъ столѣтіи дома: *Пашкова* на Моховой, на горѣ, (нынѣ 4-я Гимназія). Наружности своей онъ не измѣнилъ съ главнаго фаса, но многого ужъ не найдешь внутри сада его; прежде въ немъ былъ чистый, полный, какъ налитая чаша, прудъ, высланный камнемъ, красивые боскеты, водометные фонтаны, пріютные гроты, сумеречныя пещеры и т.-д. Многіе помнятъ, какъ по пруду плавали лебеди, ослѣпительной близости, важно расхаживали журавли по извилистымъ дорожкамъ, красовались пышные, радужные павины разной породы, и курц-галопомъ скакали кролики. Любопытные стекались толпами къ красивой, прозрачной, чугунной рѣшеткѣ сада и ненаглядно смотрѣли на живыя диковинки его. Архитектура и мѣстность дома и теперь дивятъ еще собою даже иностранныхъ посѣтителей Москвы. Каковъ видъ съ бельведера этого дома! А какъ бывало эта гигантская игрушка нашей столицы въ какой-нибудь торжественный день, сверкала въ площадяхъ и представляла собою гору, океанъ свѣта на землѣ, и взметывала зарево свое на небо.... То-то было зрѣлище!

Желающіе (изъ чистой публики) гуливали и въ саду князя Юсупова (у Харитонія въ Огородникахъ, что нынѣ рабочій домъ), не смотря на-то, что самъ хозяинъ его былъ долго внѣ Россіи, посланникомъ при Сардинскомъ дворѣ.

Если вѣрить преданію глубокой старины, то кстаті можно молвить, что около нынѣшнихъ Чистыхъ прудовъ, на Мясницкомъ бульварѣ, (прежде эти пруды назывались Погаными), былъ домъ перваго владѣтеля Москвы, боярина *Кучки*; ужъ этотъ домъ навѣрное былъ самымъ *загороднымъ*, и стоялъ на обширномъ пространствѣ, потому что города сѣверовосточной Россіи были не въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, тѣмъ болѣе отъ тогдашней рождавшейся Москвы-младенца.

Теперь перейдемъ къ дачамъ, садамъ, загороднымъ домамъ и къ нѣкоторымъ урочищамъ Землянаго города.

с. лѣвонцкій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ НВВСТІЯ.

Парижскіе слухи о взятіи Севастополя. — Продолженіе райка заграничнхъ картинокъ. — Исторія Турціи Ламартина. — Тостъ Короннии въ честь Омеръ-Паши. — Проектъ телеграфической линіи черезъ весь четыре части свѣта. — Характеристика старой и новой Англии. — Бѣглый взглядъ на французскихъ литераторовъ и французскую литературу. — Технологическій словарь братьевъ Тальгаузенъ. — Отчетъ о торжественномъ собраніи Южно-Славянскаго общества исторіи и древностей, происходившемъ 22 января 1854.

Много совершалось въ Исторіи кровавыхъ драмъ, занимательныхъ романовъ, комическихъ сценъ; но едва ли кто видѣлъ и читалъ такую историческую комедію, каковую на этихъ дняхъ представлялъ изъ себя Парижъ преждевременнымъ торжествомъ по поводу мнимаго взятія Севастополя. Наши газеты сообщали уже нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ водевильномъ происшествіи, но чтобы показать вполне весь комизмъ его, надобно представить парижскія вѣсти о мнимыхъ завоеваніяхъ въ ихъ точномъ и послѣдовательномъ порядкѣ.

Indép. Belge, 1 октября.

«Сообщаемъ нашимъ читателямъ извѣстіе, хотя не объявленное еще оффиціально, но дошедшее до насъ съ столькихъ сторонъ, изъ такихъ вѣрныхъ источниковъ и съ такими точными подробностями, что въ достоверности его трудно усомниться».

«Вотъ общее содержаніе этого извѣстія и всѣхъ его подробностей: Севастополь взятъ; союзныя войска могли разгромить городъ и портъ, но князь Меншиковъ понялъ это и сдался на капитуляцію со всѣмъ своимъ гарнизономъ и флотомъ».

«*Moniteur*, который вчера ни слова не говорилъ о Крымскихъ дѣлахъ, обнаруговала нынче рапортъ вице-адмирала Гамелена о нѣкоторыхъ подробностяхъ высадки; но всѣ эти новости теряютъ уже свой интересъ послѣ важнаго извѣстія, сообщеннаго нами: стоитъ ли толковать о высадкѣ, когда цѣль экспедиціи вполне уже достигнута!»

2 октября.

«Вчера еще можно было сомнѣваться, — нынче нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что Севастополь, съ его гаванью, съ его флотомъ, со всѣми его матеріалами, со всѣмъ его гарнизономъ, въ рукахъ союзниковъ. Пушки Инвалиднаго дома возвѣстили объ этомъ торжественно цѣлому Парижу. Императоръ Французовъ, получившій эту новость во время смотра войскъ, отправляющихся въ Бу-

лонскій лагерь, лично сообщил ее арміи, восторгъ которой легко можно себя представить».

«Какъ совершилось это военное событіе? котораго числа крѣпость сдалась? — Всѣ эти подробности еще неизвѣстны, но самое событіе уже положительно вѣрно. Главныхъ подробностей ожидаютъ съ первымъ телеграфомъ, а на дняхъ вѣроятно появится и полная реляція объ этомъ неслыханно быстромъ взятіи важной крѣпости, которое составляетъ удивительнѣйшую военную операцію новейшихъ временъ. Полагаютъ, что маршалъ Сентъ-Арно получить титулъ герцога Севастопольскаго».

3 октября.

«До сихъ поръ нѣтъ еще ничего оффиціальнаго о взятіи Севастополя, за то частныя извѣстія, получаемыя со всѣхъ сторонъ, продолжаютъ подтверждать, что онъ въ рукахъ союзниковъ. Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ недостаетъ однакожъ одного очень важнаго обстоятельства: числа, въ которое взята крѣпость. Вчера получена еще депеша, которая сообщаетъ, что при штурмѣ Севастополя у Русскихъ выбыло изъ фронта 18,000, взято въ плѣнъ 22,000, и потоплено шесть кораблей. Извѣстіе оканчивается тѣмъ, что князь Меншиковъ, выбитый изъ всѣхъ укрѣпленій, укрылся съ остаткомъ гарнизона внутри гавани, и что въ слѣдствіе угрозы его, взорвать весь флотъ, если его стануть преслѣдовать далѣе, союзные генералы дали ему шесть часовъ на размышленіе. Здѣсь, какъ мы видимъ, ничего еще не сказано объ окончательномъ взятіи Севастополя, но вѣроятно князь Меншиковъ разсудилъ, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе было бы бесполезно, и слѣдствіемъ этого размышленія была капитуляція. Такимъ образомъ эта послѣдняя депеша, нисколько, по нашему мнѣнію, не противорѣчитъ предъидущимъ».

4 октября.

«Опять взятіе Севастополя не подтверждается никакимъ оффиціальнымъ извѣстіемъ. Многіе начинаютъ уже сомнѣваться въ достоверности событія, а между тѣмъ эту медленность можно объяснить слѣдующимъ обстоятельствомъ. Самая первая депеша объ этомъ происшествіи была получена отъ Омеръ-Паши, который извѣстилъ только о взятіи крѣпости, не прибавивъ къ этому извѣстію никакихъ подробностей, ни малѣйшихъ свѣдѣній о происходившемъ при томъ кровопролитномъ дѣлѣ, — отъ того, что Омеръ-Паша самъ получилъ всѣ эти свѣдѣнія уже гораздо позднее. Въ самое то время, когда къ нему, въ Бухарестъ, былъ отправленъ татаринъ съ этими извѣстіями, въ Константинополь былъ посланъ съ тѣми же депешами пароходъ. При входѣ въ Босфоръ, этотъ пароходъ встрѣ-

тился съ другимъ, идущимъ изъ Константинополя въ Варну, и сообщилъ ему эту новость, которая такимъ образомъ сдѣлалась известна въ одно время и въ Варнѣ и въ Константиноль, отъ чего и Омеръ-Паша, находившійся тогда на правомъ берегу Дуная, узналъ о взятіи Севастополя прежде прибытія къ нему татарина, искавшаго его въ Бухарестъ. Желая какъ можно скорѣе сдѣлать известнымъ это важное событіе на Западѣ, Омеръ-Паша, не дожидаясь никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній, послалъ нарочнаго на ближайшую телеграфическую станцію, — и отъ того въ его депешѣ нѣтъ ни числа, въ которое взята крѣпость, ни подробностей дѣла.

Какова исторія! точно развязка какого-нибудь романа, запутанная интрига котораго начинается наконецъ объясняться хитросплетенными вымыслами. Впрочемъ, вся эта исторія сплеталась недаромъ; во все время, пока въ Парижѣ вѣрили взятію Севастополя, фонды поднимались страшнымъ образомъ, и ихъ покупали почти съ такимъ же ожесточеніемъ, съ какимъ нѣкогда, въ томъ же Парижѣ, покупали кредитные билеты Лау.

На слѣдующій день парижская публика уже сильно начала негодовать на правительство за медленность официальныхъ извѣстій, начала сомнѣваться въ достоверности событія. Журналисты оправдывали правительство тѣмъ, что частныя извѣстія пишутся по слухамъ разнесшимся слухамъ, а официальные не прежде какъ по основательному и точному удостовѣренію; а по поводу донесенія князя Меншикова, которое въ это время сдѣлалось уже известно Парижу, и которое совершенно противорѣчило разнесшимся слухамъ, придумали, что телеграфъ перевралъ числа, и что оно писано гораздо прежде того числа, отъ котораго было писано въ самомъ дѣлѣ.

Развязка комедіи послѣдовала 6-е число, — и развязка очень коротенькая; она состояла всего изъ двухъ словъ, напечатанныхъ во всѣхъ журналахъ: «Севастополь не взятъ». Сообщить это извѣстіе, полученное уже официально, L'Independance прибавляетъ:

«Мы не будемъ обвинять въ распространеніи ложныхъ слуховъ о взятіи Севастополя нашихъ частныхъ корреспондентовъ и частныхъ телеграфическихъ депешъ, такъ какъ это сдѣлалъ одинъ парижскій журналъ. Источникомъ этого извѣстія было само правительство. Телеграфъ не могъ выдумать ни татарина, ни его разказовъ, ни нарочнаго, посланнаго на телеграфическую станцію изъ Бухареста. Телеграфъ, повторимъ опять, ограничился сообщеніемъ въ Вѣну только тѣхъ новостей, которыя казались такъ основательны, что сами дипломатическіе агенты не усомнились передать ихъ своимъ правительствамъ».

Значить вся вина въ этомъ случаѣ падаетъ на какого-то миса-татарина. И по двомъ ему, бусурману!

— Говоря о картинкахъ французской Иллюстраціи, мы ужь указали нашимъ читателямъ на цѣлую *галерею картинъ*, созданныхъ ею по поводу прибытія принца Наполеона въ Константинополь, по поводу бомбардированія Одессы и т. п. Теперь Иллюстрація представляетъ въ разныхъ видахъ, достославные *Бомарсундскіе* подвиги союзныхъ эскадръ. Она изобразила и планъ атаки Бомарсунда, и его укрѣпленія, и взрывъ южной башни, и перевозъ русскихъ плѣнныхъ на корабли, и прибытіе ихъ въ Гавръ, и прибытіе въ Э, изобразила наконецъ даже «типы русскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ на Бомарсундѣ» и изобразила до того не *типически*, что безъ надписи никто не узнаетъ Русскіе это или Китайцы. Даже *типъ* русскихъ солдатскихъ шинелей искаженъ совершенно, потому что пуговицы поставлены на одной сторонѣ, а не посерединѣ. Напрасно Иллюстрація, взявшая уже изъ «Художественнаго Листка» г. Тимма конную группу русскихъ генераловъ, не позаимствовала оттуда-же и группу русскихъ солдатъ; — вотъ это настоящіе типы. Но вѣдь эти солдаты дѣйствовали на Щеголевской баттаревъ, которая не поддавалась цѣлому неприятельскому флоту, такъ Иллюстрація вѣрно разочла, что ей срисовывать портреты ихъ не приходится, а надъ Бомарсундскимъ гарнизономъ одержана *побѣда*: десять тысячъ одолѣли какихъ-нибудь полторы тысячи, несмѣтное число кораблей разрушило нѣсколько башенокъ — какъ же такой славный подвигъ не изобразить въ лицахъ! . . .

— Надъ Иллюстраціей можно только пошутить въ этомъ случаѣ, нисколько не удивляясь ея дѣйствіямъ, стремящимся не къ истинѣ, не къ моральной цѣли, а къ тому только, чтобы угодить публикѣ; но грустно видѣть, что въ настоящее время люди съ высокимъ поэтическимъ даромъ, люди, какъ казалось, съ прекрасной, теплой душой, пускаются на литературныя спекуляціи, унижающія и талантъ ихъ и нравственное достоинство. Самый жалкій примѣръ такого нравственнаго униженія представляетъ намъ теперь Ламартинъ. Послѣ своихъ «*Méditations Poétiques*», «Путешествія на Востокъ» онъ издаетъ «Исторію Турціи», трудъ нисколько не соответствующій ни его прежнимъ занятіямъ, ни его дарованію, и для котораго онъ не постарался даже приобрѣсть никакихъ новыхъ предварительныхъ свѣдѣній. Онъ пишетъ эту исторію потому, что ему надобны деньги. Въ предисловіи къ ней, которое прочли мы, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ *Allgemeine Zeitung*, онъ

разсыпается въ похвалахъ турецкому народу и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти превозносить его добродѣтели; Махмута называетъ великимъ, гениальнымъ преобразователемъ, Абдуль-Меджида философомъ, неуспѣшно трудящимся на пользу вѣрнннхъ ему народовъ, безъ различія ихъ вѣроисповѣданій — и все это, ввроттно, за то, что Абдуль-Меджидъ подарилъ ему нѣсколько десятинъ земли подъ Смирною. Наконецъ онъ доходитъ до того, что обвиняетъ Европу за вспомошествованіе, нѣкогда оказанное Грекамъ, и возстаетъ противъ религіозныхъ антипатій къ Туркамъ. «Эти антипатіи блвднбють — говоритъ онъ — передъ интересами цивилизаціи, общими интересами племенъ, и общимъ равновѣсіемъ». Само по себѣ разумвется, что при этой похвалѣ Туркамъ, Россія становится кругомъ виновата. Видно совѣсть творца «Поэтическихъ Размышленій» совершенно поблвднбгла передъ карманными интересами, когда онъ рвшается изъ-за нихъ говорить подобныя вещи, рвшается писать по заказу, на заданную тему, и даже въ назначенномъ тонѣ. И жалко и отвратительно!

— Впрочемъ такія ли еще чудеса совершаются въ настоящее время на свѣтѣ. «Мы пережили удивленіе» — вотъ слова, которыя были девизомъ нашего вѣка. Теперь этотъ девизъ никуда не годится, потому что каждый день мы видимъ такія вещи, которыя, или своей нельпостью, или своей комической стороною, не могутъ не удивить самаго отчаяннаго поклонника приведеннаго нами девиза. Къ числу такихъ вещей принадлежитъ тость, провозглашенный въ честь Омера-Паши, австрійскимъ генераломъ Коронини на обѣдѣ, данномъ имъ валахскимъ боярамъ и турецкимъ пашамъ, въ Бухарестѣ. Поднлвъ бокаль, Коронини провозгласилъ, что онъ пьетъ за здоровье *великаго полководца, снискавшаго себѣ безсмертное имя защитою религіи и отечества(!!!)* Неужели австрійскій генераль забыль, что Омеръ-Паша бѣглый Венгерець, возмущившійся противъ своего государя, которому и самъ генераль Коронини служить? неужели онъ забыль, что Омеръ-Паша ренегать, что слѣдовательно у него нѣтъ никакой религіи, что защищаетъ онъ религію магометанскую, и не свое отечество, а Турцію? Неужели Коронини забыль, наконецъ, что самъ онъ хрстіанинъ и католикъ?... Такою выходку можно приписать только какому-то чудному ослѣпленію, наслапнному свыше, — и въ этомъ-то ослѣпленіи всѣхъ враговъ своихъ, Россія, какъ кажется намъ, должна выдѣть вѣрннй залогъ своей победы.

— Въ 16 N нашего журнала, мы говорили объ устройствѣ подводнаго телеграфа между Франціей и Африкой. Теперь, — говоритъ

Quarterly-Review — англійскіе инженеры намѣреваются провести телеграфическія линіи вокругъ всего свѣта, съ соединеніемъ всѣхъ ихъ въ Лондонъ, который хотятъ такимъ образомъ обратить въ общій органъ человеческого мышленія. Они не шутя полагаютъ, что могутъ соединить Англію съ Америкою подводною линіею, на протяженіи тысячи льё, отъ Гальвея въ Ирландіи до мыса Росъ у прибрежья Нью-Фаундленда. — Тѣ, которые не ввѣрятъ, чтобы канатъ такой длины могъ передавать электрической токъ безъ значительныхъ остановокъ, предлагаютъ провести его чрезъ острова Шотландіи до Исландіи, отъ Исландіи до Гренландіи, отъ Гренландіи, вдоль берега, до мыса Фарувелль, гдѣ канатъ пройдя снова подъ волюю, чрезъ Девисовъ проливъ, протянется поперекъ Лабрадора и Верхней Канады до Квебека, а потомъ соединится съ американскими телеграфическими линіями, служащими тамъ какъ бы рукою, протянутой къ телеграфической рукъ Европы. — Quarterly утврѣтъ, что издержки на канатъ едва ли сравняются съ расходами, нужными для устройства новаго моста, который долженъ замѣнить Вестминстерскій, и что единственнымъ препятствіемъ въ этомъ случаѣ будетъ только извѣстная привязанность Эскимосовъ къ старому желѣзу: металлическая нить, протянутая вдоль ихъ берега, будетъ для нихъ сильнымъ искушеніемъ; но на Эскимосовъ смотрѣть нечего, а дѣло въ томъ, что когда устроится телеграфъ между Франціей и Алжиріей, другой канатъ протянется по берегу Африки чрезъ Триполь въ Александрію, и, на случай, поперекъ Аравіи, вдоль береговъ Персіи и Белуджистана, чтобы проникнуть въ Сидъ и окончательно соединить встрѣчную телеграфическую линію Гейдерабада черезъ западный Индійскій полуостровъ. Америка, съ своей стороны, протянетъ телеграфическую линію къ берегамъ Тихаго моря и проведетъ ее до Санъ-Франциско. — А за тѣмъ, если протянутся еще двѣ линіи: одна къ западу, другая къ востоку, поперекъ Китая и Сибири, да еще коротенькій канатъ черезъ Беринговъ проливъ, то всѣ четыре части свѣта будутъ имѣть возможность передавать другъ другу свои мысли не болѣе какъ въ сорокъ минутъ.

— Нѣкоторые иностранные журналы очень хвалятъ седьмой и послѣдній томъ «Исторіи Англій» лорда Магонъ, заключающійся 1783 годомъ. Въ особенности находятъ чрезвычайно вѣрнымъ очеркъ нравовъ того времени. Кромѣ лицъ историческихъ, Магонъ выводитъ и лица частныя, которыя такъ же какъ и первыя, были живымъ выраженіемъ старой Англій. — Много любопытнаго рассказываетъ онъ о ворахъ, наводившихъ собой, даже и во времена позднѣйшія, всѣ дороги Великобританіи, и въ буквальномъ смыслѣ, посылавшихъ вы-

зовы богачамъ, приказывая одному не выходить изъ дому безъ 10-ти фунтовъ стерлинговъ, другому безъ часовъ, и т. д. — Многіе богатые чудаки туманнаго Альбіона, желая разсѣять свой сплннь чѣмъ бы то ни было, хотя бы даже игрою на жизнь или смерть, охотно принимали подобные вызовы, и считали для себя славой, если имъ удавалось смѣло и ловко вывернуться изъ опасности. Вотъ одинъ анекдотъ, въ этомъ родѣ, который разсказываетъ Магонъ:

Какой-то мошенникъ давно грозился ограбить лорда Берклея, и наконецъ, какъ-то въ сумерки, когда лордъ возвращался изъ окрестностей Лондона въ городъ и заснулъ въ своей каретѣ, воръ отворилъ дверцу, вскочилъ въ карету, и приставивъ къ груди Берклея пистолетъ сказалъ ему: «Насилу-то я поймалъ васъ, милордъ; вы, кажется, всегда говорили, что никакъ не дадите обобратъ себя. Посмотримъ, какъ вы это сдѣлаете». — Я и теперь никакъ бы не отдалъ тебѣ своего кошелька, — отвѣчалъ Берклея, нисколько не потерявшись отъ такого непріятнаго пробужденія, — но я вижу, что вонъ тамъ за кустами, много твоихъ товарищей, и поневоля долженъ уступить вамъ. — Въѣсть съ этими словами, лордъ опустилъ руку въ карманъ, какъ бы за своимъ кошелькомъ. Воръ, съ которымъ не было ни одного товарища, обернулся посмотрѣть, о какихъ людяхъ говорить лордъ, а тотъ между тѣмъ, вынувъ изъ кармана, вмѣсто кошелька, пистолетъ, раздробилъ ему голову.

Новое поколѣніе Англіи лордъ Магонъ представляетъ преданнымъ игрѣ, неумѣренному питью; знатныхъ леди — проигрывающихъ въ вечеръ до трехъ тысячъ гиней въ мушку; важныхъ докторовъ Оксфордскаго университета — всегда ощупью отыскивающихъ послѣ оргіи двери своихъ комнатъ. Къ этой характеристикѣ слѣдуетъ прибавить, что вору въ Англіи исчезли только съ большихъ дорогъ, и переселились въ Лондонъ, что еще во времена Наполеона, очень мѣтко опредѣлившаго характеръ Англіи, она была націей лавочниковъ, а въ последнее время сдѣлалась націей морскихъ разбойниковъ.

— Къ характеристикѣ же новой Англіи принадлежитъ и то, что пошлый французскій фарсъ: «Казакъ» съ новымъ прибавленіемъ къ его титулу: «*Ou vive la France!*» переведенъ для англійскаго народнаго театра. Всякій вечеръ Джонъ-Буль аплодируетъ французскому мундиру и военнопльвному орлу острова Св. Елены. Наполеонъ предсказалъ правду: «Я со временемъ сдѣлаюсь народнымъ и въ самой Англіи!» Гдѣ же та твердость характера, которой некогда Англія такъ славилась и гордилась?

— Въ *Allgemeine Zeitung* пишутъ что въ настоящее время въ Парижѣ мода на романы совершенно прошла. На Евгенія Сю никто не

обращаетъ болѣе вниманія; Александръ Дюма — умолкнувшее имя; даже Жоржъ-Зандъ пережила себя или переписала; но зато историческая литература снова приходитъ въ честь. Аристократическій кругъ жадно бросается на мемуары XVII и XVIII столѣтій. Еще недавно Вильмена ставили въ главѣ французскихъ лѣтописцевъ; теперь это мѣсто занялъ Минье, котораго монографія о послѣднихъ годахъ Карла V производятъ фуроръ. О Кузень едва ли кто знаетъ болѣе того, что онъ отличный ученый и еще вчера или третьяго дня былъ философомъ. Сегодня онъ носитъ шарфъ герцогини Лонгевиль и глубоко огорчается, узнавъ отъ маркизы де Сабле о вѣтренности своей героини. Времена фронды теперь въ модѣ. Ихъ стараются возсоздать какъ можно вѣрнѣе, и Минье пользуется благосклонностью высшей публики. Онъ выучился по-русски и занимается дамъ и мужчинъ большаго свѣта своими очерками русскихъ характеровъ и русской жизни. Всѣ политическіе герои старины оживаютъ въ непрерывномъ ряду историческихъ анекдотовъ, возводимыхъ авторами на степень настоящей исторіи.

— Необходимость технологическаго словаря для трехъ націй, стоящихъ въ главѣ промышленнаго и торговаго свѣта, была уже давно почувствована. Теперь, когда слѣдуютъ другъ за другомъ всемірныя выставки, необходимость эта сдѣлалась еще ощутительнѣе. Этой нуждѣ постарались удовлетворить братья Tallhausen и С² своимъ *Dictionnaire technologique*, котораго недавно вышла первая часть (Французско-Англійско-Нѣмецкій); а слѣдующія части (Англійско-Французско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Французско-Англійскій) появятся въ этомъ же и слѣдующихъ годахъ.

— Въ послѣднее торжественное засѣданіе Аграмскаго общества Исторіи и древностей въ Кроаци, подъ предсѣдательствомъ покровителя Общества, Барона Юсефа Елачича, былъ избранъ почетнымъ членомъ русской академикъ Погодинъ. Собраніе было открыто слѣдующею рѣчью Бана.

«Радостно привѣтствую ваше собраніе, Господа! и мнѣ тѣмъ пріятнѣе — вступить въ среду вашу, что вы, какъ мнѣ извѣстно, приняли меня не за тѣмъ только, чтобы соблюсти обычай, а чтобы показать мнѣ плоды трудовъ вашихъ за прошлый годъ.

«Мы не должны унывать, если еще не взошло иное свѣмя, на которое вы можете быть, возлагали живую надежду. Утѣшеніемъ для насъ можетъ служить и тотъ успѣхъ, котораго мы достигли, когда подумаемъ, въ какое короткое время намъ удалось пробудить и развить духовныя силы въ нашемъ отечествѣ.

«Мы съ гордостію можемъ сказать, что мы вступили въ тѣснѣйшую связь со всѣмъ просвѣщеннымъ и образованнымъ міромъ и тѣмъ обезпечили сочувствіе къ развитію нашихъ духовныхъ силъ; а потому мы радостно можемъ привѣтствовать эту поруку будущаго преуспѣянія нашей умственной жизни.

«Мы проложили путь, и это наша заслуга; теперь постараемся къ ней присоединить еще и ту заслугу, чтобы поле, нами приобретенное, сколько возможно больше приготовить къ принятію новыхъ посѣвовъ.

«По вашему призыву всегда готово мое содѣйствіе трудамъ вашимъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, мы постоянно надѣмся и на покровительство верховной власти, которая всегда, всѣми средствами заботится отечески, когда дѣло идетъ объ умственныхъ и матеріальныхъ пользахъ ея народовъ».

Послѣ этой рѣчи говорилъ председатель общества г. Иванъ Кукулевичъ, который, выразивши въ своемъ отвѣтѣ отъ имени всего общества, глубокую благодарность за особенную милость, оказанную покровителемъ общества въ самомъ началѣ его существованія, продолжалъ такъ: «Вы, свѣтлѣйшій Банъ! не писали исторіи народа, «а творили ее дѣлами; и когда мы на васъ смотримъ, мы невольно вспоминаемъ наши древнія времена и нашихъ славныхъ героевъ. Счаствіе не всегда сопровождало ихъ до конца жизни, «но до самой могилы сопровождали ихъ: чистая совѣсть, благородное сердце и высокія убѣжденія. Вашъ пріятели, и ваша неутомимая дѣятельность, прежде на полѣ битвы, а теперь на поприщѣ правленія, всегда возбуждали насъ и теперь еще больше «возбуждаютъ къ умственнымъ трудамъ; а потому не удивительно, «что общество наше, только тогда и возникло, когда Ваша свѣтлость, «Вашиими свѣтлыми дѣлами, зажгли для исторіи нашей, лежавшей «во тьмѣ, новый лучъ свѣта.»— Въ заключеніе г-нъ председатель просилъ покровителя, чтобы онъ и на будущее время, былъ для Общества защитникомъ, не только въ его частныхъ, внутреннихъ отношеніяхъ, но и во всѣхъ его составъ.

По окончаніи рѣчей, секретарь Общества прочелъ слѣдующій отчетъ, о дѣйствіяхъ Южно-Славянскаго Общества Исторіи и Древностей со времени его торжественнаго собранія, бывшаго въ февралѣ мѣсяцѣ 1852-го года:

«Послѣ прошедшаго нашего торжественнаго собранія Совѣтъ Общества, постоянно заботился, чтобы достигнуть сколько возможно, той цѣли, которую Общество поставило предметомъ трудовъ своихъ. Какъ скоро мы узнавали объ мѣсто-нахожденіи какого-нибудь памят-

ника древности, мы всячески старались, либо приобрести его въ подлинникъ, либо списать важнѣйшіе документы и факты. Нѣкоторые предметы нами куплены, другихъ мы не могли приобрести за недостаткомъ нужныхъ средствъ. Мы, однако же, обладаемъ уже многими замѣчательными памятниками древности; есть у насъ важныя рукописи и документы, латинскія и славянскія, писанныя глаголицею, кириллицею и латинскими буквами; есть рѣдкія печатныя глагольскія книги, и есть больше тысячи древнихъ монетъ.

«Это, конечно, можетъ служить доказательствомъ ревности и дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ основаніе надѣяться, что мы достигнемъ еще бѣльшихъ успѣховъ, и что нашему, недавно возникшему Обществу, удастся скоро устроиться и приобрести новыя силы.

«Въ одномъ только мы сильно нуждаемся, а именно: касса наша намъ не даетъ средствъ платить опытнымъ знатокамъ дѣла, чтобы они могли вполне посвятить себя нашему Обществу. Необходимо было бы намъ также давать содержаніе библіотекарю и при Музее хранителю древностей, или нумизмату, чтобы какъ библіотека, такъ и собраніе монетъ приведены были въ порядокъ, и могли быть открыты для публики. Покуда, однако же, даже и тѣ суммы, которыя мы по уставу должны были бы получить отъ господъ членовъ основателей Общества, обложившихъ себя къ ежегодному взносу, еще по большей части, не внесены въ кассу. Советъ Общества хочетъ обратиться къ пособію внѣшнихъ властей, чтобы истребованъ былъ этотъ долгъ, состоящій изъ непополненныхъ взносовъ и доходящій до тысячи гульденовъ. Къ такому поступку Советъ тѣмъ больше принужденъ, что уже печатается четвертая часть Архива, и необходимо будетъ покрыть немедленно типографскія издержки.

«Мы должны изъявить благодарность Министерству Императорскаго дома, которое намъ дало позволеніе осматривать и переписывать все, что намъ окажется нужнымъ, изъ Императорскаго Королевскаго Архива. Приносимъ также благодарность нашу и правительству Банскому, которое позволило намъ обрабатывать Рѣцкій (Фіумскій) Архивъ, и назначило казенное пособіе еще на три ученыя путешествія для историческихъ изслѣдованій.

«Г-нъ предсѣдатель Общества и г-нъ майоръ Сабляръ доставили краткій отчетъ всему, что они въ своемъ путешествіи нашли достопримѣчательнаго, также и о томъ, что они описали и частью приобрѣли во владѣніе Общества.

«Г-нъ Міаць Сабляръ продолжаетъ свое путешествіе по Далмаціи, и есть надежда, что ревностный нашъ изслѣдователь, совершитъ

важныя открытія. А г-нъ Предсѣдатель Общества изучилъ и переписалъ важнѣйшіе памятники изъ 11-го и до 15-го вѣка, въ Венеціи и Вѣнѣ.

«Еще мы должны упомянуть, что одинъ ревностный патріотъ изъ города Рѣки (Фіумъ) опредѣлилъ 100 Имперскихъ червонцевъ награды, за лучшую Всемирную Исторію, въ которой бы обращено было особенное вниманіе на Славянскіе народы; а другой патріотъ пожертвовалъ 100 гульденовъ на печатаніе документовъ о событіяхъ 1848-го и 1849-го годовъ. На суммы общества куплены многія важныя книги, также древнія Босвенскія и другія монеты; между прочимъ важная рукопись Георгія Ланделя: *Geschichte von Sirmien und Alterthümer von Mitrovica*. (Исторія Сирміи и древности Митровицы).

«Кромѣ Архива печатается на счетъ общества еще одно сочиненіе, которое г-нъ Юсифъ Валентинелли, хранитель библиотеки Св. Марка въ Венеціи, написалъ на Итальянскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Bibliographia Dalmata*, и доставилъ нашему обществу для изданія. Еще общалъ намъ Докторъ Ланца въ Задрѣ, прислать для изданія свое, уже готовое, историческое сочиненіе, которое остается ему только пересмотрѣть окончательно.

«Достопримѣчательныя граматы, различныя письменныя памятники древности, старинныя книги и монеты, и другія весьма важныя вещи, присылаются къ намъ со всѣхъ сторонъ. Упомянемъ здѣсь о графѣ *Антигонъ Франчепанъ*, который доставилъ намъ описаніе своихъ 114 граматъ и актовъ съ 1240-го по 1610-й годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ общалъ, по желанію нашему, прислать намъ и списки этихъ граматъ, объ которыхъ мы особенно просили его, потому что всѣ эти граматы относятся къ Хорватской исторіи, въ которой родъ *Франкопановъ*, сіялъ какъ звезда. Г-нъ аббатъ Августъ Антоній Грубешичъ, пожертвовалъ намъ отличный гербарій, сверхъ того нѣсколько книгъ и рукописную поэму Пальмотича: *Обновленный Дубровникъ*. — Славный Оточецкій полкъ прислалъ намъ свою подробную исторію, которую написалъ на Нѣмецкомъ языкѣ г-нъ Императорско-Королевскій капитанъ Бахъ. Г-нъ Волчичъ, священникъ въ Вепринцѣ, въ Истріи, пожертвовалъ намъ также многія важныя глагольскія рукописи въ подлинникахъ и въ спискахъ. Еще мы должны принести особенную благодарность Императорской-Королевской Академіи наукъ въ Вѣнѣ, и Императорской Академіи наукъ въ Петербургѣ, которыя намъ постоянно доставляютъ важныя и драгоцѣнныя свои изданія, какъ напр: «*Разрядныя книги*»; *Древняя Италия*, сочиненіе *Коллара*; *Monumenta*

Habsburgica; *Архивъ* Императорской-Королевской Академіи, и прочее; — также Мадьярской Академіи; Историческимъ Обществамъ Стирійскому, Краинскому, Хорутанскому, Львовскому, Мекленбургскому, Штетинскому, Гданскому, и прочимъ».

Послѣ отчета читаны слѣдующія два предложенія Совета:

1.) Библіотека наша съ каждымъ днемъ возрастаетъ; мы можемъ надѣяться, что она достигнетъ обширныхъ размѣровъ, а потому было бы нужно, чтобы Банское правительство опредѣлило жалованье бібліотекарю и эту сумму включило въ государственную смету. Нуженъ также для нашего обширнаго собранія монеты и другихъ древностей, хранитель, съ опредѣленнымъ жалованьемъ.

2) Для всякой исторіи, которую захотѣлъ бы кто-нибудь написать критически, необходимо прежде всего хорошее собраніе источниковъ; а наши древнія рукописи, которыхъ такъ много, до такой степени неприступны историкамъ, что только одинъ, или два человека, могутъ видѣть и обрабатывать эти важные памятники древности; а потому Советъ Общества думаетъ, что нужно можетъ быть на казенный счетъ издавать: «*Scriptores rerum Illyricarum*», и предлагаетъ Обществу обратиться съ просьбою къ банскому правительству, чтобы для этой цѣли назначено было ежегодно 600 гульденовъ, и чтобы сумма эта была помѣщена въ государственную смету».

Эти предложенія были всеми одобрены и Банъ обещалъ всеми силами за нихъ ходатайствовать.

За предложеніями Совета слѣдовало предложеніе покровителя, чтобы избраны были въ почетные члены Общества, нѣкоторые особы, оказавшіе услуги либо Обществу, либо Славянской Исторіи.

Оставляя собраніе, Банъ объявилъ председателю, что онъ опредѣлялъ пожертвовать обществу 300 гульденовъ, на изданіе одного ученаго сочиненія.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ ЗА ПОСЛѢДНІЯ ДВѢ НЕДЕЛИ.

Проектъ желѣзной дороги отъ Москвы къ Черному морю. — Донскія копи антрацита и каменнаго угля. — Взглядъ на состояніе русской торговли въ настоящее время. — Открытіе дѣтскаго приюта и богадѣльни въ Архангельскѣ. — Закладка двухъ новыхъ храмовъ въ Одессѣ. — Нѣсколько словъ о тамошней ярмаркѣ и раздачѣ наградъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ южной Россіи. — Русскіе рекруты. — Некрологъ: Имеретинской царевны М. А. Андрониковой и академика Я. И. Бердника.

Къ числу важнѣйшихъ проектовъ по части внутренняго государственнаго устройства принадлежитъ, безъ сомнѣнія, проектъ желѣзной дороги отъ Москвы къ Черному морю, для приступа къ сооруженію которой положено произвести изысканія. Изъ приказа г. Главноуправляющаго Путиами Сообщенія и публичными зданіями, отданнаго по этому случаю 2 сентября, и изъ приложенной къ нему инструкціи, видно, между прочимъ, слѣдующее:

Желѣзная дорога отъ Москвы до Чернаго моря предполагается чрезъ города: Каширу, Тулу, Орель, Фатежь, Курскъ, Обаянь, Харьковъ, Полтаву, Кременчугъ, Елисаветградъ, Ольвиополь и Банковскую слободу до Одессы.

Направленіе дороги между этими пунктами избирается то, которое, по мѣстности, потребуеъ менѣе издержекъ какъ на сооруженіе дороги, такъ и на ея содержаніе.

Для собранія данныхъ къ выгоднѣйшему выбору направленія, назначается произвести изысканія, а для производства ихъ, все протяженіе между Москвой и Одессой раздѣляется на четыре отдѣленія: 1) отъ Москвы до Орла; 2) отъ Орла до Харькова; 3) отъ Харькова до Кременчуга, и 4) отъ Кременчуга до Одессы.

Изысканія раздѣляются на предварительныя и послѣдовательныя. Предварительныя производятся по картамъ, а послѣдовательныя въ натурѣ, на мѣстѣ.

По выборѣ такимъ образомъ направленія дороги, по каждому отдѣленію составляется особая карта, въ масштабѣ одна верста въ дюймѣ.

Говорить о томъ, какую огромную пользу можетъ принести эта дорога, посредствомъ которой соединятся сѣверная и южная оконечности Россіи, кажется, не нужно.

— Въ тѣхъ степныхъ и безлѣсныхъ мѣстахъ, черезъ которыя будетъ проходить новая дорога, разработка Донскихъ копей каменнаго угля и антрацита, можетъ вполне замѣнить недостатокъ дровъ, нужныхъ для паровыхъ машинъ. Въ «Морскомъ Сборникѣ» помѣщена довольно полная и чрезвычайно любопытная статья, о разработкѣ этихъ копей и о количествѣ антрацита, добытаго изъ нихъ въ теченіе 1854 года. Приводимъ изъ этой статьи краткія извлеченія. Страна, лежащая между Дономъ и Днѣпромъ, и орошаемая рѣкою Донцемъ, обладаетъ благонадежнѣйшими мѣсторожденіями каменнаго угля въ Россіи. Западная часть обширной площади Донецкихъ мѣсторожденій вмѣщаетъ въ себя собственно такъ называемый каменный уголь, а восточная, особенно по рѣчкѣ Грушеvkъ, содержитъ чистый антрацитъ превосходнаго качества. По произведеннымъ испытаніямъ, Грушевскій антрацитъ оказался содержащимъ углерода отъ 94 до 96%. Антрацитъ различается отъ каменнаго угля бѣльшею плотностію, бѣльшимъ содержаніемъ углерода и меньшимъ кислорода, почему требуетъ для сгоранія бѣльшаго притока воздуха, но жаръ даетъ гораздо сильнѣйшій. Антрацитъ горитъ, сравнительно съ лучшемъ англійскимъ углемъ, ровнѣе, и при горѣннн почти не имѣетъ пламени, раскаляется до бѣла и отражаетъ отъ себя жаръ. Вообще употребленіе антрацита на пароходахъ и паровозахъ даетъ много преимуществъ передъ употребленіемъ каменнаго угля. Антрацитъ плотнѣе самаго лучшаго англійскаго каменнаго угля, и слѣдовательно вмѣстимость его требуетъ меньшаго пространства; его сгораетъ одной четвертью порціи менѣе каменнаго угля; по той-же своей плотности, онъ менѣе крошится, чѣмъ каменный уголь; въ немъ нѣтъ сѣры, вредной для котловъ и опасной по самовозгаранію; наковецъ онъ не даетъ сажи (что очень важно въ трубчатыхъ котлахъ), и не даетъ дыму, отсутствіе котораго очень полезно въ военное время. Дешевизна на заграничный каменный уголь и удобство доставки его къ нашимъ портамъ замедляли до сихъ поръ тщательныя и постоянныя розысканія каменноугольныхъ мѣсторожденій внутри Россіи. Потребность каменнаго угля для флота не могла быть такъ велика, чтобы кто-нибудь рѣшился для единственнаго ея удовлетворенія жертвовать значительными капиталами, а при дешевизнѣ дровъ, промышленныя заведенія не были еще вынуждены обратиться къ минеральному топливу. Несмотря на то, изслѣдованія каменноугольныхъ мѣсторожденій производились почти постоянно, какъ частными лицами, такъ

и правительствомъ, а изслѣдованія Донецкаго бассейна повели даже къ правильной разработкѣ его, для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго года, Морское министерство, ожидая разрыва съ Англіею, поспѣшило принять мѣры къ изысканію собственныхъ путей и средствъ къ довольствію Балтійскаго флота топливомъ. По распоряженію Его Императорскаго Высочества, управляющаго Морскимъ министерствомъ, признавшаго необходимымъ открыть новый путь для снабженія Балтійскаго флота топливомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ повѣрить всѣ произведенныя по этому случаю изслѣдованія и расчеты опытомъ, предположено было, на первый разъ, заготовить до 1,500,000 пудовъ Грушевскаго антрацита, и доставить въ С.-Петербургъ часть его, а именно: 580 тысячъ пудовъ по навигаціи нынѣшняго года, а остальное количество въ будущемъ году.

Результатъ этой операціи, при содѣйствіи компаніи Нижегородской машинной фабрики, приглашенной къ тому Морскимъ министерствомъ, и мѣстныхъ жителей, былъ вполне удовлетворителенъ.

— Говоря объ этой, вновь развивающейся, отрасли производительныхъ силъ Россіи, скажемъ нѣсколько словъ о настоящемъ положеніи русской торговли и другими внутренними произведеніями. Вотъ мнѣніе объ этомъ предметѣ «Гамбургскаго Корресподента»: «Число русскихъ коммерческихъ судовъ, заходившихъ въ англійскія гавани въ послѣдніе годы, составляетъ почти два процента въ общемъ числѣ кораблей.

Ежегодный вывозъ въ Россію, въ послѣдніа семь лѣтъ, простирался среднимъ числомъ до 1,557,926 фунтовъ стерлинговъ, при общей суммѣ отпуска въ 65,281,169 фунтовъ стерлинговъ, следовательно немного больше двухъ процентовъ. При этомъ должно замѣтить въ особенности, что въ то самое время, когда общій вывозъ изъ Англіи, значительно увеличивался въ семь лѣтъ (отъ 57-ми милліоновъ фунтовъ стерлинговъ до 78-ми милліоновъ), отпускъ въ Россію постоянно уменьшался.

Гораздо значительнѣе англійское потребленіе русскихъ произведеній. Статьи, привезенныя въ 1850 году изъ Россіи въ такомъ количествѣ, что составляли десятую часть всего привоза тѣхъ же предметовъ, были: щетина—2,305,685 фунтовъ; пшеница—3,738,995 квартеровъ; овесъ—1,154,473 кварта; ленъ—1,822,918 центнеровъ; пенька — 1,048,635 центнеровъ; желъзо — 681,320 центнеровъ; льняныя издѣлія на 40,500 р. сер.; льняное сѣмя — 608,984 кварта; сало — 1,240,645 центнеровъ; смола — 12,097 ластовъ.

Такъ какъ половина привозимаго въ Англію количества шести главныхъ предметовъ, хлѣба, льна, пеньки, сала, щетины и льня-

наго сѣмени, доставляется изъ Россіи, то не бесполезно войти въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ данныхъ.

Изъ общаго количества хлѣба, привезеннаго въ послѣдніе годы, приходилось около четырнадцати процентовъ на Россію, а именно: восемь процентовъ доставлено изъ гаваней Черноморскихъ, и шесть процентовъ изъ морей Балтійскаго и Бѣлаго.

Въ семилѣтіе, съ 1840—1846 года, привезено русской пеньки 72 процента изъ всего количества этого товара. Въ послѣдніи семь лѣтъ (1847—1853) цифра составляла только 62 процента. Изъ этого видно, что при увеличеніи почти вдвое, въ послѣдніи семь лѣтъ, общаго привоза пеньки въ Англію, отпускъ изъ Россіи уменьшился въ пропорціи 72: 62.

Въ теченіе трехлѣтняго періода, 1841—1843 г., изъ Россіи было привозимо ежегодно льна, среднимъ числомъ, 967,000 центнеровъ, а въ періодъ съ 1851—1853 года, цифра возрасла до 1,018,000 центнеровъ, почти на пять процентовъ. Въ тѣ же два періода привозъ льна изъ другихъ земель увеличился отъ 342,000 центнеровъ до 477,000 или почти на сорокъ процентовъ — доказательство, что есть другіе источники, вывоза товаровъ изъ Россіи, которые не могутъ не способствовать развитію состоящихъ нынѣ высокыхъ цѣнъ.

Русскаго сала было привозимо въ Англію ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ, 1841—1843 г., среднимъ числомъ 2,840,000 центнеровъ, изъ другихъ земель 585,000 центнеровъ, а въ три года, съ 1851 по 1853 г., доставлено сала изъ Россіи 2,226,000 центнеровъ, и изъ другихъ мѣстъ 1,182,000 центнера. Стало быть, въ десять лѣтъ, привозъ прямо изъ Россіи въ Англію уменьшился почти на двадцать процентовъ, между тѣмъ какъ общій привозъ возвысился слишкомъ на сто процентовъ.

Наконецъ относительно къ щетинѣ и льняному сѣмени, должно упомянуть, что привозъ ихъ изъ Россіи въ Англію едва показываетъ увеличеніе, тогда какъ изъ другихъ земель онъ болѣе нежели удвоился въ теченіе десяти лѣтъ.

Выше было упомянуто, что изъ отпуска Россіи въ Англію почти половина (большая) грузится въ гаваняхъ Чернаго и Азовскаго морей, и лишь меньшая часть въ сѣверныхъ приморскихъ городахъ. При удобствѣ водяныхъ сообщеній внутри Россіи не удивительно ни сколько, если вся значительная отпускная торговля юга, стремившаяся преимущественно въ Одессу, отнынѣ подвергнется географическому перевороту, и обратится на западъ. Большія рѣки, естественные пути Россіи, покрываютъ, во всѣхъ направленіяхъ, поверхность испанской имперіи. И потому, если война продолжится,

а Пруссія останется, какъ и теперь, нейтральною, то возможно и даже вѣроятно, что и южная торговля Россіи пойдетъ черезъ Польшу въ Пруссію, гдѣ Мемель и Данцигъ сдѣлаются складочными мѣстами для отпуска. Хотя издержки отъ того и увеличатся, но какъ въ Англіи цѣны на всѣ русскія произведенія уже поднялись на сто процентовъ, то производители все же продадутъ свой товаръ выгодно, и наконецъ будутъ получать больше барыша, нежели при прямой торговлѣ и низкихъ цѣнахъ. На основаніи правила, обнаруженнаго Англіей, что «флагъ прикрываетъ товаръ», русскія произведенія могутъ быть безпрепятственно отправляемы изъ прусскихъ гаваней на нейтральныхъ судахъ, и транзитная торговля Пруссіи, съ судоходствомъ, никогда еще не находилась въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ нынѣ. Когда же и торговля на югъ Россіи обратится на западъ, тогда, въ будущемъ году, эта отрасль торговли удвоится.

— Мнѣніе «Гамбургскаго Корресподента», какъ кажется, начинается уже подтверждаться фактами, къ числу которыхъ можно отнести слѣдующее извѣстіе изъ Ростова, напечатанное въ Яросл. Губ. Вѣд. «Съ тѣхъ поръ, какъ черезъ русскіе порты Балтійскаго моря прекратился вывозъ товаровъ за границу, иностранцы, имѣющие необходимую потребность въ русскомъ льнѣ, пенькѣ, паклѣ, салѣ, пеньковой пряжѣ, льняномъ сѣмени и пр., рѣшились пріобрѣтать эти предметы изъ прусскихъ портовъ Балтики. Поэтому по шоссе отъ С.-Петербурга до Ковно открылось необыкновенное движеніе. Въ Петербургѣ и Новгородѣ обозначались милліоны пудовъ товаровъ, которые слѣдовало доставить въ Ковно. Потребовалось большое количество лошадей и телѣгъ. Жители большихъ селеній, Славянки и Тосны, находящихся вблизи Петербурга на Московско-Петербургской дорогѣ, издавна промышляющіе въ сѣверной столицѣ ломовымъ извозничествомъ и содержащіе въ своихъ селахъ огромные постоянные дворы, первые рѣшились пуститься на незнакомую дорогу, потому, что цѣну на извозъ отъ Петербурга до Ковно (698 верстъ) платили по 1 р. 60 к. сер. съ пуда. Съѣздивши благополучно и получивъ значительныя выгоды, извозчики начали стараться, чтобы имѣть болѣе лошадей и телѣгъ, почему цѣны на это и на всю ломувую упряжь въ Петербургѣ значительно возвысились».

— Въ Архангельскѣ, въ одно и тоже время, устроены вдругъ два богоугодныя заведенія. 20-го августа освященъ тамъ вновь выстроенный домъ для помѣщенія дѣтскаго пріюта; а 9-го сентября, вновь же выстроенный домъ, для городской богадѣльни, въ которой

будеть помѣщаться до 50 человекъ. Богадельня эта, съ Высочайшаго соизволенія, названа Николаевской».

— Въ Одессѣ, о которой въ заграничныхъ газетахъ стараются распространить столько ложныхъ извѣстій для увѣренія своихъ легковѣрныхъ читателей, что нынѣшняя война колеблетъ Россію въ ея основаніяхъ, въ минувшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ заложено двѣ новыя церкви: одна въ предмѣстьѣ Молдаванкѣ; другая на площади, за чертою порто-франко. «Сооруженіе этихъ двухъ церквей, воздвигаемыхъ насчетъ добровольныхъ приношеній — пишутъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ — осуществить прекрасную и истинно-православную мысль — острѣнить храмами и мѣстами молитвы главные входы въ нашъ городъ, какъ съ сѣвера и востока, такъ и съ юга и запада. По окончаніи закладки послѣдней церкви, во имя Честнаго и Животворящаго Креста Господня, которая происходила 14 сентября, всѣ присутствовавшіе отправились въ ярморочное зданіе, для открытія ежегодной Крестовоздвиженской ярмарки, — двадцатой со времени учрежденія ея въ Одессѣ. Хотя, при настоящемъ стѣсненномъ положеніи торговли, и не прибыли всѣ купцы, обыкновенно ее посѣщающіе (въ томъ числѣ, нѣтъ магазина золотыхъ и серебряныхъ издѣлій Губкина), но уже болѣе половины лавокъ занято товарами: металлическими (между прочимъ, Тульского оружейника Мансурова, постоянно посѣщающаго Одесскую ярмарку, въ теченіе двадцати лѣтъ), пушными, башмачными, азіятскими, и проч.

Въ этотъ же день, на площади новаго базара, были розданы отъ Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи и отъ г. вице-президента общества графа Толстаго, награды за лучшія сорта пшеницы и за лучшее откармливаніе рогатаго скота. Награды эти состояли изъ серебряныхъ кубковъ и вазъ, и раздавались въ присутствіи г. вице-президента, особою комиссіею, составленною изъ нѣсколькихъ дѣйствительныхъ членовъ общества и почетнѣйшихъ негоціантовъ.

— Вся Россія уже видѣла съ какой готовностью наши юноши, только что кончившіе годы своего ученія, и люди уже испытавшіе всѣ труды военной службы, спѣшили надѣть на себя оружіе, когда только услышали первый призывъ къ войнѣ. Это было дѣйствіе классовъ образованныхъ; нѣсколько строкъ, которыя приведемъ мы здѣсь, могутъ дать понятіе о томъ, съ какой готовностью идутъ на эту войну и наши новобранцы-простолюдины:

«Около половины августа въ Самару былъ необыкновенный приливъ народа, который продолжался до двухъ недѣль. Всѣ дома и улицы были наполнены имъ. Масса временнаго населенія простира-

лась, по крайней мѣрѣ, до десяти тысячъ, слѣдовательно прибавлялась еще треть народонаселенія. Этотъ приливъ народа составляли съ женами, отцами, и другими родственниками, новобранцы-рекруты, собранные въ Самару для распредѣленія ихъ на службу. Хотя новобранцы составляли поразительную смѣсь туземныхъ народовъ, населяющихъ губернію: были чисто Русскіе, Малороссіяне, Мордва, Чуваши и Татары, — но это были, въ собственномъ смыслѣ, цвѣтъ народа, молодець къ молодцу, народъ живой, веселый, кипучій, въ полномъ развитіи силъ; на лицахъ ихъ написаны отвага и бодрость. Наставало утро, они спѣвши на переключку. Идя на квартиры, они формировались въ группы, пѣли веселыя пѣсни, иные играли на гармоніи, другіе плясали. Даже Татары собирались въ особые кружки, и тоже пѣли свои пѣсни и веселились. Въ этихъ толпахъ кипучихъ юношей много можно было подслушать шутокъ и задушевныхъ выраженій. «Ну, Турки, — говорить одинъ — полетать ваши головы какъ чурки». Более отважный не такъ расторопному замѣчаетъ: «Живѣй! не вѣшай уши, а то на войнѣ отрубятъ». Отважные приунывшему повторяютъ русскую пословицу: «Не вѣшай головы, не печаль хозяина». — Всѣ эти партіи состояли въ количествѣ 6842 человекъ».

— 10-го сентября скончалась въ Тифлисѣ, на 86 году отъ рожденія, Имеретинская царица Марія Арчиловна Андроникова, родительница извѣстнаго нашего генераль-лейтенанта, одержавшаго блистательныя победы при Ахалцыхъ и Чолокѣ. Она заключила собой то царственное поколѣніе Имеретіи, которое было свидѣлемъ и прошлой отдѣльной жизни этой страны и событій, устроившихъ ея новую, лучшую судьбу. Имя покойной царицы совпадаетъ съ важнѣйшими историческими событіями этого переворота.

— Въ ночь съ 29 на 30 сентября, скончался въ С.-Петербургѣ редакторъ археографической комиссіи, Я. И. Беренниковъ. Онъ родился въ 1793 г.; слушалъ курсъ наукъ сперва въ казанскомъ, а потомъ въ московскомъ университетѣ. Въ 1829 г., подъ начальствомъ П. Строева, принималъ участіе въ археографической экспедиціи по Россіи, снаряженной С.-Петербургской академіею наукъ, для приведенія въ извѣстность всѣхъ старинныхъ библиотекъ и архивовъ, и извлеченія изъ нихъ важнѣйшихъ памятниковъ отечественной исторіи, дипломатики, правовѣдѣнія, и проч. А съ 1835 года онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ археографической комиссіи.

М О Д Ы.

— Не смотря на теплое, прекрасное время, которое до сихъ поръ стовтъ у насъ, приготовления къ зимѣ почти кончены; зимнія моды уже давно обдуманы и рѣшены.

— Въ фасонахъ платьевъ измененій почти нѣтъ; замѣтно только, что оборки, такъ долго бывшія въ модѣ, почти оставлены; впрочемъ это очень хорошо, потому что на шерстяныхъ и шелковыхъ зимнихъ матеріяхъ оборки тяжелы и не граціозны.

— Изъ матерій модными считаются тѣ, на которыхъ затканы крупныя разводы или огромныя кѣтки; — зимнія шляпы по прежнему малы, но поля ихъ болѣе надвинуты на лобъ.

— Формы зимнихъ манто очень красивы и разнообразны. Вотъ лучшіе образцы:

— Манто *Plomée*, родъ пальто изъ сѣраго драпу съ рукавами и четверугольнымъ воротничкомъ; онъ обшитъ сѣрой же тесьмой, побѣднѣ драпу, и застегнутъ металлическими пуговицами.

— Манто *Stamboul*. бархатная огромная тальма вышитая шелками и обшитая огромной бахромой съ широкой и красивой рѣшеткой сверху.

— Пальто *Luxembourg*, прямое, съ мѣшкомъ и широкими рукавами, обшито кружевомъ и марабу.

— Кроме того, для гуляній, много носятъ кашемировъ, преимущественно темныхъ цвѣтовъ; кашемировая шаль, надѣтая на изящное платье, можетъ выгодно выдержать сравненіе съ самымъ великолѣпнымъ Пардесю.

— Опишемъ теперь превосходный осеній нарядъ для утреннихъ визитовъ: — платье сѣрое шелковое, убранное на юбокъ съ боковъ, съ обѣихъ сторонъ, полоскою, той же матеріи, шитою гладью, сѣрымъ же шелкомъ, маленькими вѣточками, продѣтыми цѣпью одинъ въ другой, и обшитымъ сѣрымъ аграмантомъ; лифъ, съ баской безъ разрѣзовъ и съ высокимъ воротомъ, застегнутъ рядомъ сѣрыхъ шелковыхъ пуговокъ; на груди и на спинѣ полоски, вышитыя гладью шелкомъ и обшитыя аграмантомъ, скрещиваются въ видѣ проймы; рукава также убраны шитыми полосками. Это платье роскошное и богатое было, впрочемъ, очень просто, по одно-колерности матеріи и украшеній; кружевный воротничекъ и такіе же подрукавники, сѣрая атласная ботинки, черная бархатная тальма, обшитая гипюромъ и бѣлая шляпа изъ блондъ и атласныхъ руло дополняли нарядъ.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

— Платье изъ гласе двухъ цвѣтовъ; шемизетки и подрукавники кружевные; чепчикъ также изъ кружева, убранный лентами. — Дѣтскіе наряды: — платьице фуларовое, фестоанированное шелкомъ; шляпа бѣлаго гласе; — юбочка попелиновая; кофта бархатная; шляпа итальянской соломки, отдѣланная бархатомъ.

Печатать дозволяется. Москва. Октября 18-го дня, 1854 г.

Цензоры: Д. Ржевскій и В. Флеровъ.

Въ типографіи Л. Степановой.

С Ш Ъ С Ъ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ РАСКАЗОВЪ И ВОСПОМИНАНІЙ ОХОТНИКА.

I.

ОХОТА СЪ ОСТРОГОЮ.

Эта охота может доставить много удовольствія, особенно потому, что производится въ позднюю осень, когда рыба уже перестала клевать: слѣдственно первой лучшей, безъ всякаго сравненія, изъ рыболовныхъ охотъ — уженья не существуетъ; да и другими способами, въ это время года, ловить рыбу неудобно. Не меньшее преимущество этой охоты состоитъ въ томъ, что острогою бьется крупная рыба, какъ-то: щуки, сомы, жерихи, судаки и пр., достигающіе иногда такой величины, что обыкновенныя рыболовныя снасти ихъ не удержать: я разумно бредви, небольшіе невода, сѣти и вятили. Надобно еще прибавить, что эта охота бываетъ ночью, и весь короткій, осенній день остается свободнымъ для охотника и онъ можетъ заниматься всякими другими охотами, существующими въ позднее, осеннее время года. Эта охота съ острогою имѣетъ въ себѣ даже много поэтическаго, и хотя люди, обыкновенно занимающіеся ею, повидимому неспособны принимать поэтическихъ впечатлѣній; но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ, понимаютъ ихъ безсознательно, говоря только, что «ѣздить съ острогою весело!»

Охота съ острогою требуетъ трехъ условій: темной ночи, свѣтлой воды и совершенно тихой погоды; первымъ двумъ условіямъ всегда удовлетворяетъ осень, то-есть: ночи дѣлаются длинны и темны, а вода отъ морозовъ становится совершенно прозрачною; третьяго

условія — тишины надо выжидать. Охота производится на лодкѣ небольшой, но и не маленькой; лодка должна быть легка, ходка; но не качка и не вертлява, и довольно глубока. Къ кормѣ ея, на прочной желѣзной рукояткѣ, придѣлывается желѣзная же четвероугольная рѣшетка, около аршина въ квадратъ, на которой долженъ горѣть постоянный огонь, яркій, но спокойный, для чего нужно имѣть въ лодкѣ порядочный запасъ мелко наколотыхъ, сухихъ березовыхъ дровъ. Рѣшетка, посредствомъ изогнутой къ верху рукоятки, должна быть выше кормы, чтобы хорошо освѣщать воду до дна. Бой рыбы острогою можетъ производиться только на водахъ тихихъ или стоячихъ: на прудахъ, озерахъ и на большихъ затонахъ или заливахъ рѣкъ порядочной величины, но не быстро текущихъ. Въ темную, осеннюю ночь (чѣмъ темнѣе, тѣмъ лучше), но тихую и не дождливую, садятся двое охотниковъ въ лодку: одинъ на кормѣ съ весломъ, а другой съ острогою почти посерединѣ, немного поближе къ носу; двѣ запасныя остроги кладутся въ лодку: одна обыкновенной величины или нѣсколько побольше, а другая очень большая для самой крупной рыбы, съ длинною, тонкою, но крѣпкою бичевкою, привязанною за желѣзное кольцо къ верхнему концу остроги. Вѣроятно, всѣмъ извѣстно, что острога имѣетъ фигуру столовой вилки только съ короткими зубьями, которыхъ числомъ бываетъ отъ пяти до семи; каждый зубъ или игла бываетъ не короче четырехъ вершковъ, и оканчивается зазубриной, точно такую, какая дѣлается на концѣ рыболовнаго крючка, для того, чтобы проколатая острогою рыба не могла сорваться; желѣзная острога прикрѣпляется очень прочно къ деревянному шесту, крѣпкому, но гладкому, сухому и легкому, длиною въ сажень и даже въ полторы, но никакъ не длиннѣе, потому что рыбу приходится бить не болѣе какъ на трехъ аршинной глубинѣ, а побольшей части на двухъ аршинной и менѣе. Трехъ-аршинную глубину воды огонь озаряетъ неясно, да и дѣйствовать острогою, чѣмъ глубже вода, тѣмъ тяжеле и труднѣе: и глазъ и рука становятся невѣрны. Попасть въ рыбу острогою, кажется дѣло не хитрое, но не всякій къ нему способенъ: кромѣ вѣрнаго глаза и вѣрной сильной руки надобно имѣть много смѣтки и ловкости. Даже человекъ, обладающій всѣми этими качествами и получившій подробныя наставленія отъ опытнаго бойца, сначала будетъ ошибаться и вмѣсто того, чтобы попасть въ настоящее мѣсто — станетъ попадать близко къ хвосту или въ конецъ рыбеи головы или будетъ совершенно промахиваться. Самое главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы отгадать мѣру раз-

стоянія, пуктъ, съ котораго тихое, медленное опущеніе остроги — должно мгновенно перейти въ быстрый ударъ. Эту мѣру можно приблизительно положить отъ полуторы до двухъ четвертей. Острога опускается въ воду не прямо надъ рыбою, не отвѣсно, потому что въ этомъ положеніи, шесть остроги и рука человѣческая закрыли бы рыбу и умѣтвить въ нее было бы невозможно. И такъ острога опускается сначала мимо рыбы, и когда подойдетъ къ ней такъ близко, что надобно ужъ ударить — осторожно переносится на цѣль и направляется противъ рыбьей спины. Самымъ лучшимъ ударомъ считается тотъ, который угодить въ спину не далѣе, какъ пальца на три отъ головы. Такой ударъ лишаетъ возможности крупную рыбу сильно биться и возиться на острогѣ, что непременно случится, если острога попадетъ близко къ хвосту или къ концу рыла, въ такомъ случаѣ большая рыба легко можетъ сорваться и, не смотря на жестокия раны, отъ которыхъ въ послѣдствіи уснетъ — можетъ уйти и лишить охотника богатой добычи. Даже ударъ въ самый лобъ, (случающійся очень рѣдко) если не убьетъ рыбу наповалъ, даетъ ей возможность и возиться и сойти съ остроги. Правящій весломъ долженъ быть также мастеръ своего дѣла, потому что управленіе лодкою во время плаванья за рыбою съ острогою, совсѣмъ не то, что плаванье на лодкѣ въ обыкновенное время; даже весло нужно другое: нѣсколько пошире, похуже на деревянную лопату, но въ тоже время — самое легкое и сподручное. Лодка должна подвигаться впередъ ровно, тихо и безъ всякаго волненія водяной поверхности; весло никогда не вынимается изъ воды, и всѣ повороты, всѣ движенія производятся подъ водою, подобно тому, какъ производятъ ихъ своими веслообразными лапами гусь, лебедь и вся водоплавающая птица. Чтобъ дать болѣе ясное и болѣе полное понятіе объ этой охотѣ, я опишу со всѣми подробностями одну изъ моихъ, самыхъ замѣчательныхъ и добычливыхъ поѣздокъ съ острогою, въ которой я, по молодости моихъ лѣтъ, былъ только зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ.

Длины, темны становились осеннія ночи; морозы прохватили, остудили воду, осадили на дно водяныя травы, шмару, плѣсень и всякую плавающую на поверхности дрянь; отстоялась и свѣтла стала вода въ полояхъ и заливахъ нашего широкаго пруда. Уже нѣсколько времени поговаривали охотники, что «пора ѣздить съ острогою», собирались, и наконецъ собрались; взяли и меня съ собою. Время стояло самое благопріятное, то-есть: было темно, слегка морозно и совершенно тихо. Развели огонь на рѣшеткѣ, уло-

*

жили въ лодку все нужное, усѣлись безъ шума, оттолкнулись отъ берега и поплыли по полямъ. Огонь ярко освѣщалъ только небольшое, кругловатое пространство около рѣшетки; даже носъ лодки освѣщался уже слабо, кругъ свѣта скоро поглощался мракомъ и еще темнѣе, чернѣе казалась ночь, охватившая насъ со всѣхъ сторонъ. Безграничное пространство воды окружало насъ; въ густомъ мракѣ не видно было ни камышей, ни плотины, ни береговъ; одна лодка плыла въ свѣтломъ кругѣ. Я сидѣлъ спиной къ огню; лице и весь образъ рыбака съ острогою, молодого и крѣпкаго человека, сидѣвшаго противъ меня, были, ярко освѣщены. Когда же я оглядывался на стараго рыбака съ весломъ, освѣщаемого и даже подогрѣваемого сзади, то онъ представлялся черною фигурою, образомъ безъ лица, рисовавшимся на огненномъ кругѣ: при всякомъ поворотѣ лодки или движеніи гребца, свѣтъ обливалъ его, то съ лѣва, то съ права и, казалось, заглядывалъ ему въ лице. Видъ съ берега на плавающую съ огнемъ лодку по водѣ — также очень живописенъ. Какъ очарованная, до половины ярко освѣщенная, какъ будто предводимая пламенемъ, двигалась лодка безъ шума и повидному безъ движенія, безъ участія сидящихъ въ ней какихъ-то призраковъ. Скоро стала попадаться намъ спящая мелкая рыба, стоявшая на днѣ по маленькимъ ямкамъ и впадинамъ; охотники не обращали на нее вниманія; меня же очень занимало разсматриваніе тинистаго прудоваго дна, освѣщеннаго огнемъ. Вдругъ снималась пелена съ другаго неизвѣстнаго міра, съ его разными почвами, неровностями, растеніями и, спящими обитателями!...

Мнѣ заранѣе приказано было сидѣть смиренно, и громко не говорить, и я только шопотомъ или пальцемъ указывалъ на рыбу, мимо которой мы проѣзжали, и которая казалась мнѣ довольно большою и стоящею удара остроги. Я ошибался, потому что рыба въ водѣ, особенно ночью при огненномъ освѣщеніи, кажется гораздо крупнѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Молодой рыбакъ, державшій въ рукѣ острогу, положи ее поперекъ лодки, не слушалъ меня и только трясеніемъ головы или отрывистымъ шопотомъ: «это все дрянь, сидите смиренно» — отвѣчалъ на мои знаки и слова. Наконецъ поплыли мы по протоку: такъ называлось извилистое, длинное протяженіе, пересѣкавшее діагонально почти весь прудъ, никогда не зароставшее травою; вѣроятно это былъ когда-нибудь материкъ рѣки, старица, какъ его называютъ, если онъ не затопленъ водою; можетъ быть также, что это былъ овражекъ, по которому нѣкогда бѣжалъ ручей. Глубина протока иногда достигала сажени, но болѣ-

шею частью простерлась отъ полутора до двухъ аршинъ, и не смотря на то была вдвое глубже окружающихъ его половъ. Протокъ имѣлъ водъ водою свои собственные берега, обросташіе густыми, водяными травами, въ лѣтнее время разстилавшимися по водной поверхности; теперь побитыя сверху морозами, онѣ опустылись и лежали по дну грядками, наклонясь въ одну сторону. Въ этомъ-то протокѣ начала попадаться намъ крупная рыба: кнридержки, шеннулъ главный рыбакъ; лодка приостановилась, острога скользнула въ воду, шла сначала медленно, потомъ быстро вонзилась, и черезъ нѣсколько секундъ былъ осторожно вытаскенъ огромный язъ, по крайней мѣрѣ фунтовъ въ шесть, увязшіи въ зубьяхъ остроги: зазубрины такъ въѣлись въ тѣло язя, что даже руками не вдругъ его сняли. Вторая добыча попала — окунь, такой величины, какого въ нашемъ пруду ни прежде, ни послѣ не лавливали. Къ сожалѣнію тогда не взвѣшивали рыбу, и я не могу положительно сказать, сколько въѣсъ этотъ окунь; но, конечно, въ немъ было болѣе пяти фунтовъ. Потомъ стали попадаться средніе язи и окуни, которыхъ набили десятка полтора. Вытащили также нѣсколько очень крупныхъ плотицъ. Изрѣдка наѣзжали на щуку, отъ трехъ до семи и до десяти фунтовъ, говоря примѣрно, которыхъ также убили штукъ пять, не считая мелкихъ: щукамъ не давали пощады и били всякаго щученка, котораго только могли зацѣпить зубья остроги. Такое озлобленіе на щуку происходило отъ того, что онѣ слишкомъ развелись и, безъ сомнѣнія, поѣдали множество мелкой рыбы. Щуки стали попадаться намъ чаще по заливамъ около камышей и предпочтительно въ озерахъ, кругомъ обросшихъ камышами, и также въ отлогихъ впадинахъ, которыя оканчивались материкомъ рѣки. Не должно думать, что рыбакъ убивалъ всякую рыбу, которая намъ попадалась; напротивъ, нѣкоторыя были такъ чутки, что уходили при одномъ приближеніи лодки, а другія уходили по большей части въ то время, когда направлялась въ нихъ острога. Надобно также замѣтить, что при вытаскиваньи порядочной рыбы, нельзя было обойтись безъ нѣкотораго шума и движенія воды, а потому много уходило рыбъ, которыя стояли и спали поблизости. Наконецъ выплыли мы на материкъ и поднявшись довольно далеко вверхъ, поворотили узникъ, но глубокимъ заливомъ, опять въ камышъ; и только стали входить въ круглое, широкое озеро, какъ рыбакъ подбѣрилъ щуку огромной величины, стоящую между двумя затопленными кочками, недалеко отъ сплошной гряды камыша. Сердце у меня замерло, когда рыбакъ, положи свою ост-

рогу, взялъ изъ лодки самую большую. Я понялъ, что это значитъ. Шопотомъ и знаками указалъ онъ своему товарищу мѣсто, на которое должна была направиться лодка. Тихо наплыли мы на спящую рыбу, которая показалась мнѣ толстою и длинною деревянною плахою, или вершиной бревна, лежащаго на днѣ. Съ удвоенною осторожностью направилъ рыбакъ свой трезубецъ или, правильнѣе сказать, семизубецъ, долго наводилъ и мѣтилъ, и наконецъ ударилъ изо всѣхъ силъ, проворно приподнялся на ноги, придавилъ что есть мочи острогу и оттолкнулъ отъ себя.... вода точно закипѣла подъ нами, лодка зашаталась отъ толчка и волненія, и я очень испугался, хотя глубина была не больше двухъ аршинъ и хотя тогда я боялся воды менѣе, чѣмъ въ послѣдствіи. Повернувшись и сильно взволновавъ воду, щука бросилась сначала, какъ стрѣла, но потомъ пошла тише; шесть въ наклоненномъ положеніи до половины торчалъ изъ воды: собственная тяжесть и крѣпкая бичевка, привязанная къ верхнему концу, склоняли его на бокъ, щука шла прямо изъ озера въ материкъ рѣки. Держа въ рукахъ конецъ бичевки, молодой рыбакъ уже громкимъ и веселымъ голосомъ сказалъ: «Попалась, утятница! давно я до тебя добирался! но другой рыбакъ отвѣчалъ почти сердито: ну, ну! погоди радоваться. Веревку-то не выпусти изъ рукъ». Въ самомъ дѣлѣ веревка стала натягиваться, рыбакъ заматалъ ее за руку, а мы поплыли вслѣдъ за щукою, увлекаемые ею. Сойдя въ материкъ она сначала не одинъ разъ погружала въ воду весь слишкомъ четырехъ-аршинный шесть; но потомъ начала утомляться, металась; всплывала наверхъ, пыталась бросаться въ камышъ; чтобъ вырвать изъ себя острогу; но напрасно; рыба видимо изнемогала. Рыбакъ, черезъ нѣсколько времени, не менѣе какъ черезъ полчаса подтащилъ къ себѣ за бичевку верхній конецъ шеста, взялъ его въ обѣ руки, всталъ на ноги и опять притиснулъ, но щука уже не бросилась такъ быстро, какъ въ первый разъ, а сдѣлала небольшое движеніе саженъ на десять впередъ, побилась, остановилась и совершенно затихла. Протащивъ щуку саженъ пять на бичевкѣ, рыбаки рѣшились поднять ее и положить въ лодку. Мы вошли въ извѣстный уже читателямъ протокъ, устье котораго было отъ насъ въ нѣсколькихъ саженяхъ. Оба рыбака, не безъ труда, общими силами вытащили страшно огромную рыбу и ввалили ее въ лодку, не вынимая остроги; щука была еще жива развѣвала ротъ, но не шевелилась. Шесть положили ко мнѣ на плечо, я придерживалъ его обѣими руками, чтобъ онъ не свалился въ воду и не мѣшалъ плыть. Молодой рыбакъ также

взялъ весло, сѣлъ на носъ лодки, и мы полетѣли какъ стрѣла, къ мельничному каузу. Тамъ мы позвали мельника, и съ помощію его и засыпки, выгрузились на плотину. Между тѣмъ набѣжали помольщики изъ мельничнаго амбара, разглядѣли, при свѣтѣ зажженной лучины славную добычу и раздались громкія восклицанія удовольствія и удивленія. Между помольцами случился одинъ, очень малаго роста, и сейчасъ посыпался на него шутки. «Шу, Гришка, говорилъ одинъ, очень высокій ростомъ, хорошо что щука-то тебя не видала. Ты, лѣтось, вѣдь купался здѣсь: зглонула бы она тебя, какъ утѣнка, и поминай какъ звали — пропалъ бы ты безъ вѣсти!» — «Нѣтъ, нѣтъ, подавилась бы, возразилъ другой, все ноги бы остались. «Что ты на него болью нападаешь: онъ все покрупнѣе утѣнка»... И громкій хохотъ заглушалъ на время шумъ падающей воды и мельничныхъ колесъ. Между тѣмъ вытащили острогу изъ уснувшей щуки, и мы съ торжествомъ понесли всю рыбу домой. Мнѣ сказывалъ на другой день мельникъ, что помольщики долго не спали, дивились, смѣялись и толковали о диковинной щукѣ, которая при свѣтѣ горящей лучины, показалась имъ просто чудовищемъ. Что касается до меня, то съ самой той минуты, какъ началась возня со щукой, я былъ въ какомъ-то забытьѣ, смѣшанномъ (должно признаться) съ нѣкоторымъ страхомъ. Только дома, когда внесли щуку въ комнату, положили на рогожу и окружили свѣчами, чтобы лучше разглядѣть — я опомнился и вполне предался шумной радости молодого рыбака. Настоящіе виновники побѣды были не разговорчивы, хотя выпили по доброму стакану вина: но за то я, за нихъ, рассказывалъ долго и громко всѣ малѣйшія подробности, только что совершившагося событія, ссылаясь на нихъ и заставляя подтверждать слова мои. Плохо спалось мнѣ эту ночь! Впечатлѣнія были такъ живы и противоположны, что произвели сильное волненіе въ моей крови. Щука, со всею обстановкою ея убіенія, грезилась мнѣ безпрестанно, да и въ самомъ дѣлѣ, было отъ чего взволноваться! Еслибъ это случилось со мною въ порѣ зрѣлаго возраста, когда охота къ рыбной ловлѣ была уже развита во мнѣ вполне, еслибъ это случилось даже теперь со мною — кажется впечатлѣніе было бы еще сильнѣе. По молодости я не могъ тогда достаточно оцѣнить важности столь замѣчательнаго происшествія въ исторіи рыболовства, особенно если взять въ соображеніе, что щука, достигающая такихъ размѣровъ — многими десятками лѣтъ, а можетъ быть и сотнею годовъ, чрезвычайно рѣдко попадаетъ въ столь незначительныхъ водахъ, какъ нашъ прудъ и наша рѣка

и еще рѣже становится добычей рыбаковъ. У насъ это былъ единственный случай, который до сихъ поръ еще не повторился. Надо было только представлять себѣ, каковы были нервыя движенія и порывы этой страшной рыбы! Покуда она не вышла въ митерки, гдѣ могла погрузиться глубоко, она производила такое волненіе, что еслибъ мы не находились отъ нея въ нѣсколькихъ саженьяхъ, то лодка могла бы опрокинуться. Охотники знаютъ по опыту, что въ ночное время, даже стоя на берегу, невольно вздрогнешь, когда поворотится или плеснется вблизи обыкновенная крупная рыба, которая не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ описываемою мною щукою. Но на небольшой лодкѣ, довольно тяжело нагруженной, на порядочной глубинѣ, на кажущемся безграничномъ пространствѣ воды, въ непроницаемой темнотѣ, кромѣ небольшого освѣщеннаго круга, безпрестанно ожидая отчаянныхъ порывовъ воднаго чудвища, которое возило и поворачивало пану ладью во всѣ стороны... признаюсь, сердце замираетъ отъ одного воспоминанья, и въ старости можно отказаться отъ вторичнаго участія въ такой поэтически-рыбачьей сценѣ!...

Щуку разсмотрѣлъ я подробно на другой день. Мѣрою она была слишкомъ полтора аршина безъ хвостоваго пера и очень толста. Всѣхъ удивляла необыкновенная ширина ея лба, на которомъ были расположены какіе-то узоры сѣраго цвѣта, казавшіеся выпуклыми и съдыми. Рыбаки, говорили, что она очень стара, и что у ней лобъ *поросъ мохомъ*; когда развѣвали у ней пасть, то поистинѣ страшно было смотрѣть на ея двойные, острые зубы, крупные и мелкіе; горло у ней было такъ широко, что она безъ всякаго затрудненія могла проглотить старую утку. Уже много лѣтъ замѣчали ея присутствіе въ нашемъ пруду и, конечно, много утятъ, и дикихъ и домашнихъ, переглотала она на своемъ вѣку. Къ сожалѣнію, эта рѣдкая щука не была взвѣшена, и я не могу сказать опредѣлительно объ ея тяжести, но судя по сравненію со щукой въ одинъ пудъ и пятнадцать фунтовъ, которую я видѣлъ нѣсколько лѣтъ послѣ (*), щука, убитая острогою, должна была вѣсить около двухъ пудъ.

Впослѣдствіи мнѣ случилось не одинъ разъ ѣздить съ острогою и самому бить рыбу; но никакой замѣчательной добычи намъ

(*) Я упомянулъ объ этомъ въ моихъ «Запискахъ объ ухлебахъ рыбы» стр. 225-я. Эта щука попала въ хвостушу весной, въ палуе воду.

не попадалось, да и надо признаться, что я этого дѣла быть не мастеръ. Одинъ только разъ, тотъ же самый охотникъ привезъ съ нижняго Соколовскаго пруда (на томъ же Бугуруслапѣ восьмью верстами ниже), огромнаго налима, котораго онъ убилъ также острогою въ материкъ подѣ карягами, стоявшаго такъ глубоко, что онъ едва могъ достать его самою большою острогою. Въ немъ было вѣсу около тридцати фунтовъ, и печенки его не укладывались на обыкновенной тарелкѣ. Это случилось въ самую позднюю осень, когда мелкіе полои уже покрыты были льдомъ.

Острогой бьютъ шукъ и другую крупную рыбу, также въ то время, когда она мечетъ, *бьетъ* икру, выражаясь по-рыбачьи. Въ эту пору особеннаго своего состоянія рыба ходитъ стаями и не рѣдко поднимается такъ высоко, что верхнія перья бываютъ видны на поверхности воды: рыбацкѣ, стоя неподвижно въ камышѣ, по колѣни и даже по поясъ въ водѣ, или на берегу, притаивъ у какого-нибудь куста, сторожатъ свою добычу, и вонзаютъ острогу въ подплывающую близко рыбу. Въ глубокихъ ямахъ подѣ вешняками, крупная рыба любитъ идти противъ падающей воды; всплываетъ иногда довольно высоко и упорно держится въ неподвижномъ положеніи, уткнувъ голову въ хворостъ и всякій лѣсъ, которыми обыкновенно бываетъ устлано дно спуска воды подѣ деревяннымъ его поломъ или помостомъ. Рыбакъ, по большей части мельникъ, потому что это ему сподручно, подкарауливъ или замѣтивъ высокостоящую рыбу подкрадывается съ острогою и выхватываетъ иногда славнаго язя, головаля, окуня или жериха. Все это бываетъ очень пріятною, случайною добычею, но не можетъ назваться настоящею охотою съ острогою.

II.

ЛОВЛЯ ШАТРОМЪ ТЕТЕРЕВОВЪ.

Вѣроятно двѣ трети тетеревовъ и сѣрыхъ куропатокъ (особенно послѣднихъ) потребляемыхъ въ Россіи въ огромномъ количествѣ, крыты шатрами. Хотя эту охоту положительно можно назвать *добычливою*, въ промышленномъ значеніи этого слова; но въ скучное, безконечное зимнее время, въ отдаленной деревнѣ, за отсут-

ствиемъ всѣхъ другихъ охотъ, можно и ею заняться съ удовольствіемъ. Я знавалъ многихъ людей, большихъ охотниковъ «крыть тетеревовъ и куропатокъ.» Я самъ въ ранней молодости горячо имъ сочувствовалъ и много ѣзжалъ съ стариками, не смотря ни на какую погоду, не только крыть уже приважениую птицу, но даже разставлять привады.... что, вѣроятно, немногимъ можетъ понравиться. Эта охота имѣетъ свои тонкости, свое знанье дѣла, свое умѣнье, свои удачи и неудачи, слѣдственно имѣетъ свой интересъ.

Шатромъ называется сѣть, связанная изъ суровыхъ, посконныхъ и преимущественно конопляныхъ крѣпкихъ нитокъ. Эта птицеловная снасть представляетъ подобіе колпака или воронки, или всего ближе островерхой палатки, *шатра*, отъ чего и названа очень вѣрно этимъ послѣднимъ именемъ. Квадратныя ячейки шатровой тетеревиной сѣти имѣютъ въ поперечникъ, вверху шатра одинъ вершокъ, а внизу полтора вершка. Эта ширина необходима для того, чтобъ накрытая птица могла свободно просунуть голову и шею до самыхъ крыльевъ, чтобы обманутая этой свободой, она постоянно пробивалась, лѣзла впередъ, а никакъ не вздумала вынуть голову назадъ и выбѣжать изъ-подъ шатра. Цѣпкость сѣтки зависитъ отъ тонины нитокъ и ширины петель или ячеекъ. Чѣмъ первыя тоньше, а послѣднія шире, тѣмъ лучше: само собою разумѣется, что нитки не должны рваться, а сквозь ячейки не должна пролѣзть птица. Величина шатра можетъ быть произвольная; но по большей части, окружность его, когда шатеръ поставленъ и растянута, бываетъ въ десять сажень. Охотникъ, занимающійся ловлею шатромъ, еще съ осени наблюдаетъ за тетеревами и знаетъ: много ли ихъ, гдѣ они предпочтительно держатся и куда улетають кормиться. Какъ скоро выпадетъ порядочный снѣгъ, онъ ставитъ привады, именно на тѣ мѣста, куда тетерева повадились летать за кормомъ. Привада состоитъ изъ нѣсколькихъ овсяныхъ, необмолоченныхъ сноповъ, воткнутыхъ въ снѣгъ стоймя, разумѣется кистями къ верху, и непременно изъ кучи какой-нибудь соломы, сложенной копною въ четырехъ или пяти саженьяхъ отъ привады: эта куча соломы въ послѣдствіи преобразится въ шалашъ, въ которомъ будетъ сидѣть охотникъ, когда придетъ время крыть тетеревовъ. Разставивъ нѣсколько такихъ привады, охотникъ дня черезъ два начинаетъ ихъ осматривать, наблюдая слѣдующія предосторожности: 1) Онъ осматриваетъ привады на лошади въ санкахъ, а не пѣшкомъ, и непременно въ полдень, когда тетерева уже побывали на кормовыхъ мѣстахъ и улетѣли на такія, гдѣ они обыкновенно отдыхаютъ, сидя на деревь-

яхъ или на землѣ, если снѣгъ еще мелокъ. 2) Такъ-какъ иногда случается, что тетерева поддиюютъ недалеко отъ привадъ, то надобно приближаться къ нимъ весьма осмотрительно, то-есть: не подъѣзжать прямо къ привадѣ, не вылезать изъ саней и не подходить къ ней, а проѣхать поближе мимо, (ибо человекъ, ѣдущаго на саняхъ, тетерева не боятся) для того, чтобъ можно было разглядѣть, бываютъ тетерева на привадѣ или нѣтъ? 3) Если слѣдовъ тетеревиныхъ много, и снопы разстрепаны, обиты и обдерганы, то надобно ихъ оправить и прибавить свѣжихъ; но если тетерева сидятъ близко, то-есть въ виду, то ни подъ какимъ видомъ на приваду не ходитъ и даже не останавливаться. Оправку старыхъ сноповъ и прибавку новыхъ можно сдѣлать на другой день; а если опять тетерева будутъ сидѣть неподалеку, то произвести эту экспедицію рано поутру, то-есть на зарѣ, до ихъ вылета, или поздно вечеромъ, когда они садутъ на ночевку. Въ свѣтлыя мѣсячныя ночи оправляютъ привады даже по ночамъ, впрочемъ, многіе охотники дѣлаютъ это всегда наразсвѣтъ, предъ утренней зарей, для того, чтобы къ прилету тетеревовъ привады находились въ хорошемъ видѣ,—что имѣетъ свою выгодную сторону. Въ снѣжную, бурную, (по-оренбургски) погоду, необходимо каждый день ѣздить на привады и отряхивать снопы отъ снѣга, чтобы они были виднѣе и приманчивѣе. Необходимо также отряхивать снѣгъ съ копны соломы для того, чтобъ тетерева привыкли постоянно видѣть будущій шалашь.

Если привада стоитъ недѣли двѣ, не посѣщаемая тетеревами, и даже по близости ихъ не видно, то надобно ее перенести на другое мѣсто; какъ же скоро на нѣкоторыхъ привадахъ тетерева начнутъ ѣсть, то всѣ другія, не посѣщаемыя привады около нихъ, слѣдуетъ уничтожить совершенно и закидать снѣгомъ, чтобы они тетеревовъ не развлекали въ разныя стороны. Ходъ тетеревовъ на привады загадочное дѣло! Въ иной годъ идутъ очень хорошо, а въ другой, очень плохо; бываютъ года, что не идутъ совсѣмъ: такъ что гдѣ крыли въ зиму паръ по двѣсти—не покроютъ и двухъ десятковъ. Иногда это можно объяснить случайнымъ изобиліемъ корма (если хлѣбъ остался въ полѣ не сжатымъ), малоснѣжностью зимы, отсутствіемъ сильныхъ морозовъ (*); но иногда нѣтъ ни одной изъ выше-

(*) Въ малоснѣжныя зимы, хлѣбныя жнивы и озимъ иногда до февраля мало бываютъ покрыты снѣгомъ, и тетерева по привычкѣ продолжаютъ летать на нихъ, для отыскиванья корма. Въ теплыя же зимы, по мнѣнію охотниковъ,

сказанных причинъ; тетеревова много, а тетерева не идутъ на привады! Не одинъ разъ видалъ я, какъ большія тетеревиныя стаи сидятъ кругомъ привады и щиплютъ себя тощія березовыя почки или ольховыя шишки; поглядываютъ на желтыя кисти овсяныхъ сноповъ и не приближаются къ нимъ! Мало этого: изъ стан паръ въ сорокъ, два или три тетерева, всякій день слетаютъ на приваду и ѣдятъ овсяныя зерны до сыта, а всѣ другіе только смотрятъ. Последнее обстоятельство тѣмъ удивительнѣе, что тетерева извѣютъ всѣмъ охотникамъ извѣстное баранье свойство: куда полетѣлъ и гдѣ сѣлъ одинъ—туда полетятъ и тамъ сядутъ всѣ. На этомъ—то основаніи, для большаго привлеченія тетеревова, сначала къ привадѣ, потомъ подъ шатеръ, употребляютъ тетеревиныя чучела; въ первомъ случаѣ ставятъ ихъ на длинныхъ шестахъ около привады, а въ последнемъ на снопы, лежащія на самой привадѣ. Иногда такая приманка бываетъ очень полезна.

Привада, на которой ѣдятъ постоянно тетерева, получаетъ по-немногу свой окончательный видъ, то-есть: въ срединѣ привады становится шесть, аршина въ три вышиною, на которомъ будетъ держаться сѣть; около него правильнымъ кругомъ набиваются колышки; каждый четверти въ полторы, къ которымъ будутъ привязаны веревочками нижніе подборы шатра, и наконецъ, куча соломы превращается въ шалашъ, въ которомъ могли бы помѣститься два чловѣка. Если, послѣ всѣхъ этихъ добавленій, сдѣланныхъ не вдругъ, а постепенно, чтобъ измѣненіемъ вида привады не испугать тетеревова, станутъ они ежедневно и сѣтло ѣсть кормъ—слѣдуетъ немедленно крыть птицу. День для этого выбирается не сѣбный и не вѣтреный: сѣтъ заноситъ приваду, налипаетъ на сѣть и можетъ даже повалить шатеръ, а вѣтеръ качаетъ его и также можетъ уронить; и то, и другое обстоятельство, особенно послѣднее (то-есть: качка шатра) пугаетъ тетеревова и они подъ шатеръ не пойдутъ. Однимъ словомъ: тѣмъ морозъ сильнѣе и погода тише, тѣмъ лучше. На зарѣ, задолго до вылета тетеревова съ ночевки, охотникъ съ товарищемъ являютъ на приваду и разставляютъ шатеръ: узкимъ концемъ надѣваютъ его на шесть, подложивъ подъ самый узелъ верхушки небольшую, круглую дощечку; нижніе подборы или края привязываются тонкими и крѣпкими веревочками къ колышкамъ (которыхъ бываетъ до двадцати), шатеръ растягивается во всѣ сто-

тетерева мало ѣдятъ и довольствуются одними древесными почками. Въ обоихъ случаяхъ, они не собираются въ большія стаи. Что холод возбуждаетъ апатитъ у всѣхъ животныхъ—это дѣло извѣстное.

роны и совершенно представляеть фигуру круглой, островерхой, огромной палатки. Нижніе края сѣти подняты такимъ образомъ отъ поверхности снѣга, (нѣсколько утоптаннаго), четверти на двѣ, чтобы тетеревамъ было свободно и не страшно подходить подъ шатеръ. Къ среднему шесту, на которомъ держится верхушка шатра, въ самомъ низу привязана веревка, протянутая въ шалаши: она засыпается снѣгомъ, чтобы ее не было видно. Шестъ, до того времени крѣпко воткнутый, острымъ концемъ своимъ въ снѣгъ или землю, теперь, при постановкѣ шатра, обрубается гладко и устанавливается на маленькой дощечкѣ, для того чтобы дернувъ за веревку, легко было его уронить и мгновенно накрыть тетеревовъ унавишемъ на нихъ сѣтью. Устроивъ все хорошенько и затрусивъ свои снѣды, дощечку и веревку, на самой привадѣ маклюой, а около нея снѣгомъ —охотники съ товарищемъ садятся въ шалаши, затыкають входъ изнутри соломой и, притаясь смиренно, дожидаются прилета тетеревовъ.

Долго тянется зимній разсвѣтъ и долго царствуетъ глубокая тишина. Скучно и душно сидѣть въ темномъ шалаши. Наконецъ свѣтъ проникаеть въ его скважины, и на дворѣ наступаетъ *бланный день*, какъ говорится, поельшатся карканье воронъ и щекотанье сорокъ; потомъ *заскрипять* синигри и зазвенять произвольно голоса зеленыхъ и голубыхъ синицъ (бѣсковъ по-орешбургски), также привыкшихъ кормиться около привады. Какъ, бывало, обрадуешься голосу живой твари. Но вотъ зардѣлся юго-востокъ, солнце взошло и готово выкатиться изъ-за горы; наступило время прилета тетеревовъ на приваду, которое, впрочемъ, иногда можетъ замедлиться отъ разныхъ причинъ. Вдругъ прощумѣлъ сильный вѣтеръ... стая тетеревовъ пронеслась надъ шалашиемъ и разсѣлась около него по деревьямъ, а если деревьяхъ нѣтъ по близости (что случается на привадахъ полевыхъ съ перевозимья) то по снѣгу; даже садятся иногда на шалаши и на шатеръ (*). Вотъ самая интересная минута! Видѣ шатра такъ иногда поражаетъ тетеревовъ, что они, посидѣвъ нѣсколько минутъ на деревьяхъ или побродя по снѣгу около привады—вдругъ улетаютъ, какъ будто чѣмъ-то испуганные; иногда остаются довольно долго, но не подходятъ подъ шатеръ; иногда подойдутъ

(*) Однажды при мнѣ тетеревъ сѣлъ на верхушку шалаши, провадилъ ногами и отъелъ снѣгъ; охотники принуждены были схватить его на ноги и преталкать въ шалаши, чтобы онъ хлопаньемъ крыльяхъ своихъ крыльями не перепугалъ тетеревовъ.

два, три тетерева (вѣроятно посмѣлѣе другихъ) и досыта набѣдятся, а всѣ остальные или смотрятъ или клюютъ древесныя почки, точь въ точь какъ это бываетъ съ первоначала, когда тетерева набѣдятся на привады... Впрочемъ, такіе случаи—отступленіе отъ обыкновеннаго порядка. По большей части тетерева, привыкшіе безъ опасенія, ежедневно набѣдятся на привады, не смущаются видомъ шатра, и, осмотрѣвшись, черезъ нѣсколько минутъ, одинъ за другимъ, всѣ подойдутъ подъ шатеръ. Тогда охотникъ сильно дергаетъ за веревку, средній шестъ падаетъ, съ нимъ вмѣстѣ падаетъ сѣтъ, и тетерева покрыты. Это дѣйствіе называется: «уронить шатеръ.» Охотникъ съ товарищемъ выскакиваютъ изъ шалаша и, если тетеровъ очень много и они, взлетывая, поднимаютъ на себѣ сѣтъ высоко вверхъ, такъ что нижніе тетерева, не успѣвшіе запутаться, выбѣгаютъ изъ-подъ шатра и улетаютъ—охотники бросаются на шатеръ, опускаютъ его книзу и придерживаютъ нижніе подборы до тѣхъ поръ, пока всѣ покрытые тетерева увязнутъ въ ячейкахъ сѣти. Тогда колятъ ихъ въ голову перьями, тутъ же выдернутыми изъ крыльевъ, или простымъ желѣзнымъ гвоздемъ, или заостренными, крѣпкими деревянными палочками, которыми запасаются заранее. Чуваши, Мордва и Татары въ Оренбургской губерніи очень усердно занимаются ловлею тетеровъ шатрами; но съ покрытыми управляются безъ церемоніи, то-есть: не колятъ, а бьютъ ихъ палками. Если тетеревиная стая съ перваго раза покрыта не вся, что по большей части бываетъ, то приваду надобно оправить: перья всѣ собрать, утопанный и окровавленный сѣтъ заматать свѣжимъ и положить новыхъ овсяныхъ сноповъ. Иногда случается, что остальные тетерева, часть которыхъ была покрыта, черезъ нѣсколько времени, опять стануть прилетать на приваду и вѣсть кормъ, такъ что въ одну зиму, на одной и той же привады, кроютъ тетеровъ раза три; но иногда, послѣ перваго покрытія, уже ни одинъ тетеревъ на приваду не прилетитъ. Замѣчательно, что оставшееся небольшое число тетеровъ, посѣщая по прежнему приваду, не рѣдко приводитъ съ собою новую тетеревиною стаю.

Не малою помѣхою въ приваживаньи тетеровъ, бываютъ большія ястреба и орлы; они угоняютъ тетеровъ съ привады и часто ловятъ; если это повторится нѣсколько разъ, то тетерева совсѣмъ бросаютъ приваду, хотя бы и привыкли къ ней. Въ такомъ случаѣ, самое лучшее средство—застрѣлить ястреба или орла, по крайней мѣрѣ ранить. Для этого надобно поставить недалеко отъ шалаша чучелу, сдѣланную изъ настоящей тетеревиной кожи

съ перьями, привязавъ ее крѣпко къ присадѣ (то-есть къ длинному шесту); орелъ или ястребъ, повадившійся летать на приваду, принявъ чучелу за настоящаго тетерева, вѣѣпится въ нее, и охотникъ, караулившій хищника въ шалашѣ, можетъ легко застрѣлить его.

Все до сихъ поръ сказанное мною относится къ тетеревинымъ привадамъ, въ началѣ зимы, которыя становятся иногда на хлѣбной жнивѣ, даже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лѣса; но когда выпадетъ много снѣгу и глубокіе сугробы совершенно закроютъ самую высокую жниву, тетерева перестанутъ летать въ поля и постоянно держатся около лѣсныхъ мѣстъ и даже въ срединѣ лѣсовъ по небольшимъ полянамъ; тогда и привады переносятся именно на такія поляны и на лѣсныя опушки. Въ буранныя зимы тетерева скоро сваливаются въ уремы (*) что обыкновенно бываетъ въ концѣ зимы: тамъ для нихъ теплѣе и сытнѣе; охотники и тамъ преслѣдуютъ тетеревовъ своими привадами и не смотря на изобиліе ольховыхъ шишекъ, соблазняютъ овсяными снопами. Ловля шатромъ производится тѣмъ же порядкомъ.

Если почему нибудь, уже приваженные тетерева, не прилетятъ именно въ то утро, когда шатеръ поставленъ и охотникъ сидитъ въ шалашѣ, или прилетятъ, но подъ шатеръ не пойдутъ, то нѣкоторые охотники, шатра не снимаютъ и оставляютъ его до слѣдующаго утра, а иногда и на нѣсколько дней, будто бы для того, чтобы тетерева къ шатру присмотрѣлись, а въ самомъ дѣлѣ болѣею частью изъ лѣни; но я слыхалъ отъ самыхъ опытныхъ охотниковъ, что этого никогда дѣлать не должно. Не говоря уже о томъ, что шатеръ можетъ упасть отъ многихъ причинъ и закрыть приваду; а если упадетъ въ присутствіи тетеревовъ, то непременно ихъ напугаетъ—шатра не должно оставлять потому, что онъ весь опущится вносемъ и скроетъ совершенно приваду отъ глазъ тетеревовъ. Къ этому должно прибавить, что лежащій на снѣгу шатеръ очень часто портятъ мыши.

Должно сдѣлать общее замѣчаніе, что курочки идутъ на приваду и подъ шатеръ гораздо скорѣе и охотнѣе косачей; это вѣро-

(*) Мнѣ случалось одинъ разъ видѣть свалившихся тетеревовъ въ Ельшняковую урему, по рѣкѣ Усень (Оренбургской губерніи, Белебеевскаго уѣзда), въ такомъ множествѣ, что только своими глазами можно было повѣрить. Это случилось въ половинѣ ноября.

ятно происходитъ отъ того, что курочки вообще смирнѣе. Если стая состоитъ изъ однихъ курочекъ, то ее привадить къ корму и покрыть несравненно легче; самыя упорныя и осторожныя бываютъ стаи изъ однихъ косачей; среднее между ними составляютъ стаи смѣшанныя, въ которыхъ курочки всегда первыя слетаютъ на приваду и подходятъ подъ шатеръ: за ними, иногда очень не скоро, послѣдуютъ и косачи.

Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ растетъ сосна, и гдѣ водятся вмѣстѣ съ простыми, полевыми тетеревами, глухари или глухіе тетерева, кроютъ и ихъ также простыми тетеревиными шатрами, только всегда въ маломъ числѣ. Обыкновенно глухари прилетаютъ на привады вмѣстѣ съ полевыми тетеревами, увлекаясь ихъ примѣромъ; одни же они никогда на приваду не пойдутъ, особенно если летаютъ отдѣльною стаей. Одинъ охотникъ рассказывалъ мнѣ, что онъ, занимаясь крытьемъ тетеревовъ болѣе десяти лѣтъ, и видя, что глухари, прилетая иногда къ привадѣ, вмѣстѣ съ простыми тетеревами, никогда на нее не шли, а сидѣли въ близкомъ разстояніи на деревьяхъ, преимущественно на соснахъ, ломая крѣпкими своими носами молодыя лѣтніе побѣги, называемыя погонцами, — вздумалъ употребить эти погонцы для приманки глухарей; онъ зарубилъ верхнихъ побѣговъ съ молодыхъ сосенъ и натыкалъ ихъ на привадѣ около овсяныхъ сноповъ; догадка его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: глухари стали опускаться на приваду, и кушая сначала сосновыя верхушки, стали потомъ ѣсть и овесъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ постоянно втыкать сосновыя побѣги на привадахъ, если замѣчалъ глухарей въ числѣ простыхъ тетеревовъ. Въ иной годъ удавалось ему, въ разное время, покрыть въ продолженіе зимы до двухъ десятковъ глухарей; но никогда болѣе трехъ штукъ въ одинъ разъ онъ не крывалъ. Я не могу сказать положительно, существуетъ ли гдѣ-нибудь въ Россіи, крытіе шатромъ собственно однихъ глухихъ тетеревовъ? Если существуетъ, то для нихъ нуженъ шатеръ большаго размѣра, вязанный болѣе широкими петлями, изъ нитокъ болѣе крѣпкихъ и толстыхъ, потому что стаи глухарей, паръ въ двадцать—разорвутъ или оторвутъ отъ кодырей обыкновенный тетеревиный шатеръ.

С. АКСАКОВЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ВАРШАВЫ.

Статья 1.

Труды Мацѣвскаго. Слѣды Славяно-церковной письменности въ Польшѣ. Русско-Польскіе писатели XVI и XVII столѣтій.

Имя Мацѣвскаго давно уже известно славянскому міру. Первые его труды относятся къ 1814-му году; съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени дѣйствуетъ онъ неумолимо, выбравъ себѣ главнымъ предметомъ славянское законодательство, обычаи, языкъ, вѣру нашихъ предковъ. По этому послѣднему предмету дошелъ онъ до весьма любопытныхъ результатовъ, которые сперва вооружили противъ него читающую и нечитающую публику, а потомъ мало-по-малу стали входить въ общее сознание; и нынѣ, что весьма любопытно, тѣ, которые прежде наиболѣе на него нападали, усвоили себѣ его идеи и пошли еще далѣе по тому самому пути. Мацѣвскій доказывалъ ⁽¹⁾, что христіанство распространилось по славянскимъ землямъ посредствомъ первоучителей Славянъ, св. Кирілла и Меѳодія; что первоначально христіанство проникло въ Польшу посредствомъ миссіонеровъ Восточной Церкви, на что указываетъ религіозный обрядъ перваго обрѣзанія волосъ (постриги) у дѣтей; что западные миссіонеры, особенно послѣ раздѣленія церкви, старались всѣми мѣрами, *per fas et nefas*, искоренить въ славянскихъ странахъ язычество (такъ они называли восточное вѣроисповѣданіе), и ввести латинскую литургію, а съ нею и латинскій языкъ, что имъ отчасти и удалось. Мысль эта была совершенно новая и прежде никѣмъ не высказанная. Даже самъ Добровскій утверждалъ, что славянское богослуженіе никогда въ Польшѣ не существовало. Противниками Мацѣвскаго явились Рихтеръ, Тышинскій, Бѣлѣвскій и другіе. Мацѣвскій оставался твердъ въ своемъ мнѣніи и на возраженія противниковъ отвѣчалъ новыми доказательствами, сильно подкрѣплявшими первыя его положенія. Нынѣ вдругъ произошла перемѣна въ мнѣніяхъ. Въ 1843 г. вышла въ Лѣшнѣ и Гнѣзнѣ (въ В. Герц. Познанскомъ) небольшая книжечка, заключающая въ себѣ житіе блаженной Іоланты ⁽²⁾, описанное докторомъ Н. (Карломъ Неемъ), въ которой пребываніе въ

(1) *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian etc. W Petersburgu i Lipsku. 1839.*

(2) *Zywoť Sw. Iolanty i Kronika Klasztoru Zakonnice Ś. Klary w Gnieźnie. Ułożył i zebrał D. N. Leszno. i Gniezno. 1843. in 8° VII. 138.*

IX вѣкѣ въ Польшѣ славянскихъ миссіонеровъ принимается уже за фактъ, доказанный и неопровержимый; а въ прошломъ году, къ великому изумленію нашему, прочли мы въ Библіотекѣ Варшавской ⁽³⁾ статью прежняго противника Мацѣвскаго, г. Бѣлѣвскаго, бібліотекаря заведенія имени Оссолинскихъ въ Львовѣ, въ которой ученый бібліотекарь самъ уже доказываетъ, что первоначально въ Польшѣ богослуженіе совершаемо было на языкѣ славянскомъ. Въ этой статьѣ г. Бѣлѣвскій говоритъ, что такъ какъ Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали въ духѣ Римской Церкви, то могли они безпрепятственно проповѣдывать евангеліе во всѣхъ славянскихъ земляхъ; что самыми дѣятельными ихъ помощниками въ Польшѣ были Бенедиктинскіе монахи, которыхъ уставъ состоялъ изъ соединенія уставовъ св. Василія (по восточнымъ обрядамъ) и св. Бенедикта (по западнымъ обрядамъ). По самому призванію своему, Бенедиктинцы знали славянскій языкъ, служившій имъ орудіемъ сообщенія съ народомъ. Видно однакожъ, что они не могли угодить римскому двору, когда уже въ XIII вѣкѣ были смѣнены другими монахами, Цистерсами, потомъ Доминиканцами и другими. Бенедиктинцы, кажется, болѣе, посвящались наукамъ, нежели апостольскому дѣлу, и этимъ объясняется послѣдовавшее въ XIII вѣкѣ неудовольствіе къ нимъ Римскаго Папы. Г. Бѣлѣвскій начинаетъ свою статью съ опредѣленія времени повлеченія первыхъ памятниковъ польской письменности и не можетъ указать ни на одинъ, который былъ бы старѣе XII-го вѣка. Но, говоритъ онъ, не возможно допустить, чтобы и прежде этого времени былъ въ употребленіи одинъ латинскій языкъ, который могъ исключительно господствовать въ церкви, но не устранялъ употребленія языка народнаго въ дѣлахъ гражданскихъ. Эта мысль г. Бѣлѣвскаго находитъ подтвержденіе въ открытыхъ имъ слѣдахъ памятниковъ древней польской письменности, памятниковъ, писанныхъ по-славянски. Приведемъ здѣсь всѣ эти памятники, какъ весьма важныя для исторіи славяно-церковнаго языка.

1) Въ 1847 г. въ окрестностяхъ города Пинчова (что въ Радомской губерніи) найдены древнія монеты, изъ которыхъ на одной читается славянскую надпись: Болеславъ. Монеты эти подробно описаны извѣстнымъ польскимъ археологомъ, Стрончинскимъ, который Болеславу монету относитъ къ 1018 году, утверждая, что она чеканена въ Кіевѣ, во время пребыванія въ семъ городѣ Болеслава Храбраго.

(3) 1853 г. Т. III. стр. 20. Статья имѣетъ заглавіе: Pomniki języka Polskiego.

Эта догадка требуетъ еще доказательствъ, потому что въ X и XI-мъ столѣтіяхъ могли со славянскими надписями чеканить монету и въ Польшѣ, чему доказательство г. Бѣлёвскій видитъ: а) въ словахъ польскаго лѣтописца, Галла, раздѣлявшаго польскій народъ на послѣдователей двухъ обрядовъ: славянскаго и латинскаго (4); б) въ письмѣ Матильды къ сыну Болеслава Храбраго, Мечиславу, въ которомъ языкъ славянскій и славянскіе обряды называетъ она его отечественными (5); в) въ томъ, что Кириллица позднѣе перешла въ Русь, нежели въ Чехію, Моравію и Польшу; наконецъ, г) въ томъ, что въ самой же древнѣйшей столицѣ польскаго государства, Гнѣзпѣ, считали Кирилла и Меѳодія первыми апостолами Польши (6). Основываясь на этомъ, г. Бѣлёвскій полагаетъ, что сказанная монета могла быть чеканена въ самой Польшѣ.

2) Обращеніе Пруссовъ въ христіанство, начатое св. Альбертомъ (Войцѣхомъ), довершено монахомъ Христіаномъ, возведеннымъ въ 1214 г. въ епископское достоинство. Этотъ Христіанъ вздумалъ писать исторію народа, среди котораго дѣйствовалъ, въ чемъ наиболее помогъ ему Кавоникъ Плоцкаго (7) Капитула, Ярославъ, который далъ ему какую-то лѣтопись, заключающую въ себя древнѣйшія сказанія о Пруссіи и о Мазовіи. Лѣтопись эта, по словамъ достовѣрныхъ свидѣтелей, Семена Грунау и Луки Давида, написана была по-русски, греческими буквами (8). Очевидно, что греческими письменами названы Кирилловскія.

3) Третій памятникъ славянскій находитъ г. Бѣлёвскій въ столицѣ

(4) *Latinorum et Slavorum quotquot estis incolæ. Gal. I. 16*, по изданію Бандтке, стр. 83.

(5) *Cum in propria et in latina deum digne venerari posses, in hoc tibi non satis, graecam superaddere maluisti. Dethier Epist. in edit. Math. pag. 4.*

(6) «*Qui nos per beatos pontifices et confessores tuos nostrosque patronos Cirillum et Methodium ad unitatem fidei Christianæ vocari dignatus est.*» *Off. propr. SS. Patronum Reg. Poloniæ. Crac. 1596, стр. 71.*

(7) Плоцкъ, некогда столица Мазовецкаго княжества, нынѣ губ. городъ.

(8) *In Reuscher Sprache aber mit greckischen Buchstaben geschrieben. Luk. Dawid. Preus. Chron. стр. 10.* изд. Кёнигсберга 1812. Сравни Voigt. *Geschichte Preus. 1. 624.* Г. Бѣлёвскій, приводя это мѣсто, прибавляетъ, что подъ словомъ *русскій* должно разумѣть словцкій или моравскій, потому что и Моравію въ X вѣкѣ иностранцы иногда называли Русією. Такъ Іоаннъ XIII, въ буллѣ своей съ 967 г., следовательно съ того времени, когда Русь была еще

Силезіи, Бреславль, гдѣ воевода Петръ Дунивь основалъ въ XII в. монастырь св. Викентія, въ которомъ и самъ похороненъ. Бенедиктъ изъ Познани, писатель XVI в., занимавшійся изслѣдованіемъ жизни и дѣйствій Дунина, ослѣпленнаго Владиславомъ II, видѣлъ въ Бреславль, въ бібліотекѣ монастыря св. Викентія, пергаментную книжку, въ которой описаны *по-русски* несчастія воеводы Петра (9).

4) Наконецъ, Несецкій, въ сочиненіи своемъ, *Krona Polska*, (I. 349) говоритъ, что въ Шубинскомъ замкѣ, что въ прежнемъ Гнѣзневскомъ воеводствѣ, Кпчинскомъ уѣздѣ, хранилась большая книга въ богатомъ переплетѣ, написанная отчасти по-славянски, отчасти же по-латыни; въ книгѣ этой заключается описаніе древнихъ гербовъ и фамилій.

Точно такъ же слѣды Кирилловской азбуки видить г. Бѣлѣвскій въ лѣтописи Мѣховиты (Крак. изд. 1521 г.), въ которой носовой звукъ въ имени Ванды, называемой Бѣльскимъ *Węda* (Вѣда), болѣе похожъ на Кирилловское *Ѡ*, нежели на какую-нибудь изъ латинскихъ буквъ; кромѣ того, въ древнѣйшемъ польскомъ уложеніи (Вислицкомъ) слогъ *dz* въ словѣ *petnadzesta* (пятнадцать) изображенъ начертаніемъ Ки-

языческою, говорить: «не по обрядамъ, или сектѣ Булгарскаго народа, не по-русски, или по-славянски», *non secundum ritus aut sectam Bulgaricæ gentis vel Rusiæ aut Sclavonicæ linguæ. И. П.*

Въ то время, когда статья эта печаталась, Кн. М. А. Оболенскій сообщилъ намъ отъ себя слѣдующее чрезвычайно любопытное свидѣніе: «Въ книгѣ по-сольской Метрики Великаго Княжества Литовскаго, издавшой въ 1843 г. мною и И. Н. Даниловичемъ, указано (Т. I. стр. 370), что этотъ драгоценный памятникъ XIII вѣка хранится въ Коронной Метрицѣ. Я долго, но тщетно старался отыскать его въ Варшавѣ, Москвѣ и Санктпетербургѣ. Академикъ Кунникъ былъ счастливѣе меня въ семь случаевъ: ему удалось напастъ на слѣдъ означеннаго памятника, и въ издаваемомъ Императорскою Санктпетербургскою Академіею Наукъ «*Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques*» (Т. VIII. N 13 и 14. стр. 224) онъ объявилъ, что бумаги каноника Плотцкаго Ярослава нынѣ хранятся въ Кенгсбергскомъ Архивѣ». Р.

(9) «*Vidi ego in bibliotheca monasterii divi Vincentii, in libello quodam pergameneo, hujus femine (Christinæ Vladislai II uxoris) in Petram comitem nefandæ machinationis ritinico contextu descriptam tragediam.*» Дунивь позволялъ себѣ въ некоторыя колкія замѣчанія на счетъ супруги князя Владислава II, Христинны, родомъ Нѣмки, за что, по ея же наущеніямъ, былъ ослѣпленъ. Для испрошенія себѣ у Бога прощенія въ грѣхахъ, Дунивь соорудилъ 77 церквей и 33 монастыря. Справедливо ли это число, неизвѣстно; знаемъ только со всею достоверностію, что древнѣйшія церкви въ западной Польшѣ дѣйствительно построены. И. П.

риловскимъ Прибавлю еще, что въ Маргаритиной. Псалтыри два раза Кирилловское II употреблено за I, и разъ С за S. Такимъ образомъ открыты г. Бѣлѣвскимъ слѣды славянской письменности въ Польшѣ, хотя, къ сожалѣнію, самые памятники не существуютъ, и даже нѣтъ надежды открыть ихъ когда-либо. Памятники подобнаго рода, по невѣжеству ли, или по религіозному фауатизму монаховъ, были на западѣ славянскаго міра тщательно истребляемы въ X, XI и послѣдующихъ столѣтіяхъ. Извѣстная исторія Сазавскаго монастыря служить тому доbazательствомъ.

Видимъ, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи большой успѣхъ. Польскіе писатели *sine ira et studio* обращаются къ древне-славянской письменности, изучаютъ славянскія нарѣчія, приходя наконецъ къ тому сознанию, что познаніе соплеменныхъ языковъ можетъ имѣть сильное вліяніе на очищеніе понятій о собственномъ своемъ нарѣчіи. Вліяніе русскаго языка на польскій было въ прѣжнее время весьма слабо; но за то весьма сильно было вліяніе польской словесности и языка на языкъ и словесность русскую, развивавшуюся въ XVI и XVII вѣкахъ, преимущественно въ земляхъ, состоявшихъ подъ польскимъ владычествомъ. Это вліяніе отразилось на языкѣ русскомъ сказанныхъ столѣтій и до сихъ поръ оказывается на языкѣ Галицко-русскомъ; оно обнаруживается и въ содержаніи южной и западной русской письменности XVI и XVII столѣтій. Г. Мацѣвскій ясно опредѣляетъ степень этого вліянія въ послѣднемъ своемъ твореніи: *Piśmiennictwo Polskie od czasow najdawniejszych aż do roku 1830. Tomów 3. Warszawa 1851—1852*. Въ трехъ вышедшихъ томахъ, составляющихъ особое цѣлое, разсмотрѣвъ древнѣйшій періодъ польской письменности, отъ ея начала по 1650 годъ. Въ нихъ находимъ весьма много важнаго и для русской литературы, особенно же для познанія жизни и сочиненій тѣхъ писателей, которые дѣйствовали въ обихъ словесностяхъ. Къ этимъ писателямъ принадлежатъ: Мелетій Смотрицкій, Зизаній и много другихъ, которые если и не писали по-руски, то, по крайней мѣрѣ, писали для русскихъ по-польски или по-латыни.

XVI-й вѣкъ составляетъ эпоху въ польской литературѣ; это золотое время Сигизмундовъ. Но польская словесность одолжена своимъ развитіемъ не одному только покровительству монарховъ. Краковская Академія и Реформація дѣйствовали тоже на это развитіе весьма сильно. Новое ученіе (Лютера) въ самой Германіи имѣло не больше послѣдователей, какъ въ сопредѣльной Польшѣ. Польская шляхта и Магнаты прильпаялись къ новой вѣрѣ, по поводу ли безнравственности, въ то

время, католическаго духовенства (10), по зависти ли къ его несмѣтнымъ богатствамъ, или наконецъ, по дѣйствительному, внутреннему убѣжденію. Послѣдователи новаго ученія отличались неизменно прозелитизмомъ, старались умножить число своихъ приверженцевъ, писали, печатали, спорили, и такимъ образомъ развивали языкъ и письменность, вызывали возраженія, защиты, и, хотя усилія ихъ уничтожены наконецъ Іезуитами, но все же остались они не безъ пользы для наукъ и словесности. Орденъ Іезуитовъ, оказавшій столько услугъ западному просвѣщенію, обнаруживалъ на Польшу только разрушительное вліяніе. Возбуждая въ государяхъ фанатизмъ религіозный, онъ былъ преимущественно причиною гоненій, воздвигнутыхъ на православную церковь, гоненій, раздѣлявшихъ соплеменныхъ Малороссіянъ и Поляковъ, и кончившихся соединеніемъ Малороссіи съ соплеменнымъ же Московскимъ государствомъ и послѣдовавшимъ вслѣдъ за тѣмъ присоединеніемъ Польши къ Россіи. Ученіе Лютера встрѣтило самыхъ сильныхъ противниковъ въ ученикахъ Лайолы, которые нигдѣ въ мірѣ христіанскомъ не имѣли такой славы, какъ въ Польшѣ. Здѣсь они захватили въ свои руки воспитаніе юношества, увидѣли свѣтскія школы, овладѣли слабымъ умомъ Сигизмунда III, подстрекнули его къ искорененію ученія Лютера, къ уничтоженію схизмы, гоненію еретиковъ, Аріанъ, Социніанъ. Гоненіе на протестантовъ имѣло слѣдствіемъ отпаденіе Швеціи; гоненіе на православныхъ приготовило возстаніе Малороссіи. Вліяніе Іезуитовъ было изумительно. При кончинѣ послѣдняго короля изъ дома Ягелловъ, Сигизмунда Августа (1572 г.), въ польскомъ сенатѣ засѣдали, кромѣ епископовъ, только два Католика; при кончинѣ Сигизмунда III не было уже въ Сенатѣ ни одного не-Католика. Надобно притомъ помнить и то, что польскіе магнаты, даже въ дѣлахъ вѣры, были выше закона и, слѣдовательно, дѣйствовали не по принужденію или насилію, а добровольно, по собственному убѣжденію. Заразѣе уже можемъ видѣть, какая опасность угрожала православію отъ этого ордена, который не зналъ другаго отечества, кромѣ Рима, другой власти, кромѣ папской. И какія средства употребляли они для достиженія своихъ цѣлей! Вельяминъ Рутскій, родомъ изъ Новогрудка Литовскаго, воспитанный въ реформатской вѣрѣ, отпра-

(10) Объ этомъ писали многіе католическіе же писатели; между прочимъ одинъ изъ вышнихъ польскихъ историковъ г. Шайноха, который въ некоторые отрывки изъ приготовленнаго имъ къ изданію сочиненія: Ягелло и Ядвига, печаталъ въ «Варшавской Библіотекѣ» за 1853 годъ.

ляется въ Прагу Чешскую для своего дальнѣйшаго образованія, и здѣсь, по наущенію Іезуитовъ, переходитъ въ римско-католическую вѣру; отсюда ѣдетъ въ Римъ для усовершенствованія себя въ богословскихъ наукахъ и сводитъ знакомство съ Іезуитомъ Боксомъ, который доноситъ о немъ папѣ, представляя ему необходимость принужденія молодаго человѣка перейти изъ католичества въ Унію, чтобы тѣмъ успѣшнѣе, посредствомъ Литовца, дѣйствовать на приведеніе къ той же Уніи и другихъ Литовцевъ и Русиновъ. Напрасно Рутскій отговаривается незнаемъ русскаго языка, желаніемъ пребыть до конца жизни въ католической вѣрѣ; папа твердитъ одно: *Ioannes, volumus ut sitis ritus graeci et in illius adivitutiam observacionem juretis* («Иванъ», имя Рутскаго, данное ему на св. крещеніи, въ монашествѣ названъ оныъ Іосафомъ; — желаемъ, чтобы ты былъ греческаго вѣроисповѣданія и поклялся хранить оное до конца своей жизни). Но Иванъ отвѣчаетъ, что не имѣетъ никакого понятія о восточныхъ обрядахъ. *Ioannes*, повторяетъ папа, *volumus ut juretis in ritum ruthenum* (Иванъ, желаемъ, чтобы ты присягнулъ на соблюденіе обрядовъ русской церкви). Бѣдный Рутскій опять отговаривается, что оныъ разъ уже перемѣнилъ вѣру; но папа не слушаетъ и грозно говоритъ: *Ioannes, in virtute sanctae obedientiae volumus, ut mutetis ritum latinum in graecum* (Иванъ, во имя святаго послушанія требуемъ, чтобы изъ латинскаго вѣроисповѣданія перешелъ въ греческое). Со слезами и въ молчаніи повиновався юноша этому приказанію и отправился въ Польшу, гдѣ вскорѣ достигъ митрополичьяго сана (въ Уніятской церкви), и въ этомъ званіи усердно дѣйствовалъ на приведеніе православныхъ къ послушанію римской власти, издавая разныя сочиненія, изъ которыхъ извѣстнѣйшія приводятъ Мацѣвскій (Т. 3. стр. 684). Въ одномъ, подъ заглавіемъ *Examen obgony* (Исслѣдованіе защиты, написанной Смотрицкимъ) доказываетъ оныъ, что польскіе короли имѣютъ право раздавать русскому духовенству высшія церковныя достоинства. Второе, подъ заглавіемъ *Sowita wina* (Сугубая вина), обращено, равно какъ и первое, противъ Мелетія Смотрицкаго, когда тотъ благопріятствовалъ еще православію.

Но изъ всѣхъ русско-польскихъ писателей наиболее вниманія обращаетъ на себя Мелетій Смотрицкій, котораго грамматика имѣла сильное вліяніе на развитіе въ Ломоносовѣ такой любви къ ученію. Смотрицкій былъ однимъ изъ ученѣйшихъ мужей своего времени и сочиненіями своими поддерживалъ на Руси православіе, защищая его противъ Уніи. Но потомъ червь любочестія началъ точить его сердце, и изъ защитника православія сдѣлался оныъ однимъ изъ главныхъ его гоните-

лей. Приведемъ здѣсь въ переводѣ все сказаніе о немъ Магдѣвскаго (Т. III. стр. 455).

Мелетій Смотрицкій происходилъ отъ благородныхъ родителей греческаго вѣроисповѣданія. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ іезуитской Коллегіи въ Вильнѣ (около 1601 г.); не смотря однакожь на это, оставался вѣрнѣею своей церкви до самаго 1621 года, когда обстоятельства, о которыхъ сейчасъ скажемъ, заставили его измѣнить вѣрѣ предковъ. Около 1610 г. отправился онъ съ дѣтьми одного литовскаго вельможи, въ качествѣ ихъ наставника, за границу, для посѣщенія нѣмецкихъ университетовъ, и, по возвращеніи своемъ, былъ (какъ самъ говоритъ въ стихахъ на гербъ князей Огинскихъ, напечатанныхъ при его грамматикѣ) учителемъ Ивской школы, постригшись прежде того въ монахи ордена св. Василія. Состоя въ тѣсной связи съ своими единовѣрцами, онъ много писалъ противъ Іезуитовъ и тѣхъ изъ своихъ единоземцевъ, которые приняли брестскую Унію. Возведенный, по народному избранію, на епископскій Полоцкій престолъ и хиротонисанный пребывавшимъ тогда въ Польшѣ іерусалимскимъ Патріархомъ, Теофаномъ, Мелетій началъ исправлять епископскія обязанности, не дожидаясь даже королевскаго утвержденія. Сигизмундъ III, вдвойнѣ оскорбленный этимъ, (потому что и оставлялъ его могъ царградскій Патріархъ, а не іерусалимскій, и притомъ искать епископскаго сана не позволялось безъ королевскаго позволенія), отказалъ ему въ своемъ утвержденіи, тѣмъ болѣе, что въ Полоцкѣ былъ уже Уніятскій Архіепископъ, и что предполагалось православный епископскій престолъ въ семъ городѣ упразднить. Это происходило около 1621 г. Такое униженіе глубоко тронуло Смотрицкаго, который началъ придумывать разные способы достиженія усердно имъ желаемого епископскаго сана; не могъ однакожь одолѣть всѣхъ трудностей, тѣмъ болѣе, что ему не благопріятствовало учено-уніятское духовенство. Чтобы поставить на своемъ, Мелетій сталъ склоняться на сторону Уніи и тайно сноситься съ уніятскими священниками, еще при жизни уніятско-полоцкаго Митрополита Юсафата Кушцевича (11).

(11) Важное въ этомъ отношеніи свидѣтельство находимъ въ современной брошюрѣ Рутскаго, подъ заглавіемъ: *Sowita wina* (Сугубая вина), гдѣ на стр. 69—70 читается: «О Смотрицкомъ многое знаю и кое-что скажу, остальное сохранивъ въ тайнѣ. Онъ долго свосился съ нашими (уніятскими) начальниками, при чемъ свидѣтелями были и нѣкоторые свѣтскіе люди; обѣщался и самъ ѣхать къ намъ, и паству свою тоже привести къ согласію съ нами и т. д.

По смерти Митрополита, (около 1623 г.) (рѣшился онъ отстать отъ своихъ единовѣрцевъ и перейти на сторону противниковъ, чѣмъ надѣялся (и не ошибся) достигнуть верховной власти надъ уніатскою церковію въ Бѣлорусскихъ провинціяхъ. Объ этомъ соединеніи съ римскою церковію вѣльно ему было самому лично объявить Римскому папѣ, для чего и надлежало ему отправиться въ Римъ, такъ однакожъ, чтобы не возбуждать никакихъ подозрѣній единовѣрныхъ собратій. Случай къ тому удобный скоро представился, когда его православные соотчичи дали ему порученіе къ Патріарху по какимъ-то церковнымъ дѣламъ. Смотрицкій отиравился въ Царьградъ, оттуда въ Римъ, и возвратился уніатомъ, изъ чего послѣ нѣкотораго времени и не дѣлалъ уже тайны.

Не совсѣмъ согласно съ нами изображены дѣйствія Смотрицкаго въ надгробномъ словѣ Мелетію, читанномъ священникомъ іезуитскаго ордена Войцѣхомъ Кортисціемъ 29 января 1634 г. въ Дерманской (12) церкви, и изданномъ въ Вильнѣ въ томъ же году, *по волю и приказанію старѣйшихъ*, подъ заглавіемъ: *Widok potyczki wygraney, zawodu dopędzonego, wiary dotrzymaney od przewielebnego w Chrystusie Jego Mości Oycy Meletiusa Smotryckiego, Archiepiskopa Hierapolitańskiego, Archimandryty Dermańskiego, przed Jego Mością Oycem Józefem Rutkim, Metropolita Kijowskim i przewielebnym Jego M. Oycem Ieremiaszem Poczapowskim Episkopem Łuckim.* (Картина сраженія выграннаго, дѣли достигнутой, обѣщанія исполненнаго — Высокопреподобнымъ во Христвѣ отцемъ Мелетіемъ Смотрицкимъ, архіепископомъ Герепольскимъ, архимандритомъ Дерманскимъ, — (слово произнесенное?) въ присутствіи отца Іосифа Рутскаго, Кіевскаго митрополита, и высокопреподобнаго отца Іереми епископа Почаповскаго, Луцкаго). Въ этомъ словѣ читаемъ слѣдующее: «Мелетій Смотрицкій былъ однимъ изъ жесточайшихъ гонителей Христа; послѣ однакожъ опомнился, часто слыша гласъ съ небесъ, поражавшій его слухъ: долго ли еще Спаситель и Его Святая Церковь будетъ переносить твое безразсудство? Сотри съ глазъ твоихъ страсти земныя и посмотри, съ кѣмъ вошелъ ты въ борьбу? Такими и тому подобными словами митрополить (Рутскій, о которомъ было сей часъ говорено) такъ

(12) Дермань, нѣкогда село между Дубномъ и Острогомъ, съ богатымъ монастыремъ во имя св. Василія. Это село принадлежало, первоначально князьямъ Острожскимъ, изъ которыхъ Константинъ — Василій, Кіевскій воевода, основалъ здѣсь въ 1585 г. славянскую типографію. Въ 1603 г. напечатанъ въ ней Октоихъ: о другихъ книгахъ см. у Сопикова. И. П.

укротилъ и обуздавъ его ревность и закоренѣлую дерзость, что этотъ новый Саулъ началъ сильно сомнѣваться въ правоту своего дѣла. И когда Богъ, угрызениями израненной совѣсти, все болѣе и болѣе его беспокоилъ, Смотрицкій отправился во Фракію, Палестину, Италію, вездѣ съ умиленіемъ сердца спрашивая Господа: Господи! что дѣлать мнѣ? И только въ Римскомъ городѣ постигъ онъ Его Святую волю. Тамъ, молясь Богу, просилъ онъ Его о приведеніи Греческой Церкви подъ власть единого Пастыря и о неоставленіи ея до скончанія вѣка. Для достиженія этой цѣли, онъ прибѣгалъ къ разнымъ мѣрамъ, которыя первоначально состояли въ постоянныхъ и почти неуспынныхъ трудахъ, потомъ въ строгомъ и почти невыносимомъ воздержаніи отъ пищи, и, наконецъ, въ изнуреніи тѣла, потому что вмѣсто холста носилъ онъ всегда только власяницу. Послѣ прибѣгнувъ онъ (и это будто бы оказалось изъ оставшихся послѣ него бумагъ) къ хитрости и лжи, написавши много разсужденій о необходимости замолчать на время о святомъ соединеніи для удобнѣйшаго спасенія обольщенныхъ единовѣрцевъ, рѣшаясь для ихъ пользы навлечь на себя безславіе, имя схизматика, раскольника и окаяннаго. Но когда лучъ правотвернаго свѣта засіялъ въ его сердце съ такою силою, что уже началъ онъ отчаяваться въ истинѣ отдѣлившейся Церкви, а равно и въ собственномъ своемъ спасеніи, тогда уже весь посвятился изслѣдованію истины и предположилъ себѣ новый образъ дѣйствій, котораго цѣлью и слѣдствіемъ была бы одна только истина. Потому-то, повинувшись призыву Господню къ святому соединенію, этотъ премудрый слуга алтара поспѣшилъ въ Петрову столицу, гдѣ съ любовью принявъ его Святейшій отецъ папа Римскій, Урбанъ VIII, который не только буллою своею причелъ его къ правотвернымъ, но и, сверхъ того, какъ пастырю и архіепископу, далъ власть надъ Іераспольскою митрополіею, прославленною кровью и мученичествомъ святаго Апостола Филиппа. Этотъ листъ или буллу папскую завѣщалъ онъ положить себѣ въ могилу.» Смотрицкій умеръ въ 1633 году.

Изъ самыхъ уже сочиненій Смотрицкаго, говоритъ г. Мацѣвскій, разсмотрѣнныхъ по разнымъ библіотекамъ (наиболѣе нашелъ я ихъ въ Варшавѣ и Львовѣ), оказывается, что для достиженія своихъ плановъ прибѣгалъ онъ къ разнымъ хитростямъ, обманывая своихъ единовѣрцевъ, изъ чего однакожъ выгоды извлекалъ только онъ одинъ. Съ 1610 г., то есть, со времени появленія перваго сочиненія Смотрицкаго, — подъ заглавіемъ *Директор* — до 1628 г., издавалъ онъ всѣ свои разсужденія въ 4 и притомъ безъименно; но съ 1628 г., началъ уже

подписываться на своихъ сочиненіяхъ, которыя мы здѣсь рассмотримъ, впрочемъ не придерживаясь хронологическаго порядка.

По возвращеніи Смотрицкаго изъ путешествія, единовѣрцы его замятили нѣкоторую перемѣну въ челоуѣкѣ, нѣкогда усердномъ защитникѣ православія, и потому всячески осмѣивали это путешествіе, которое имѣло столь сильное вліяніе на перемѣну образа его мыслей. По этому-то поводу издана имъ: *Apologia peregrinatiey do krajow wschodnich* podana 1628 г., w Monasteru Dermanici (Оправданіе путешествія по восточнымъ землямъ), гдѣ въ предисловіи Мелетій говоритъ, что такъ какъ путешествіе его на востокъ, совершенное имъ въ 1623 и 1624 г., соотечественники несправедливо критикуютъ словесно и письменно, рѣшился онъ настоящимъ сочиненіемъ своимъ оправдаться предъ достопочтеннымъ народомъ Русскимъ.

На заглавномъ листѣ этого сочиненія назвалъ онъ себя «Полоцкимъ архіепископомъ, Витебскимъ и Мстиславскимъ епископомъ, Виленскимъ и Дерманскимъ архимандритомъ»; въ посвященіи же Оумъ Замойскому, Коронному Подканцлеру, говоритъ, «что намѣренъ научить невѣрующихъ, что они, нападаа на западную церковь, тѣмъ самымъ ослабляютъ основанія и восточной, потому что послѣдователи обѣихъ церквей, въ сущности, исповѣдуютъ одну и ту же вѣру, и потому должны взаимно любить другъ друга». Во второмъ посвященіи князю Александру на Острогъ Заславльскому, Кіевскому воеводѣ, говоритъ, что «такъ какъ восточная и западная церковь въ священныхъ обрядахъ и спасительномъ совершеніи св. Таинствъ, одна отъ другой вовсе не отличаются, то и справедливо, чтобы изъ двухъ церквей сдѣлалась одна, и чтобы Восточная церковь, соединившись съ Западною, возымѣла любовь къ той, къ которой нынѣ пылаетъ ненавистью». Послѣ такого изъявленія своихъ чувствованій въ посвященіяхъ, въ самомъ сочиненіи повторлетъ онъ желаніе свое,» чтобы всѣ Славянскіе народы исповѣдывали одну вѣру и однимъ сердцемъ хвалили и славили имя Отца, Сына и Святаго Духа.

« Но, продолжаетъ онъ, единство это не послѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока будутъ здѣсь все портить такіе писатели, какъ Степанъ Зизаній, Христофоръ Филалетъ и Теофілъ Ортологъ ⁽¹³⁾, пока будутъ здѣсь

(13) Этотъ Ортологомъ былъ самъ Смотрицкій, писавшій нѣкогда подъ этимъ псевдонимомъ, потому что въ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ *Paraenesis* (Утѣщаніе) опровергаетъ свои собственныя слова, сказанныя въ сочиненіи *Lament* (Плачь); *Lament* же этотъ издалъ Ортологомъ. Сверхъ того, обращаю здѣсь

отзываются такіе люди, какъ Клерикъ, Азарій, Еленхусъ, Антиграфъ, Сураскій, что онъ испыталъ на самомъ себѣ. Потому что и онъ долго упорствовалъ въ тѣхъ же заблужденіяхъ; но когда милостью Божіею прозрѣлъ, то началъ сомнѣваться въ ихъ ученія, что и склонило его къ путешествію на Востокъ и къ сочиненію, по возвращеніи своемъ, этой защиты.»

«Это именно, (говоритъ онъ) отягчило мою душу и побудило отправиться на Востокъ, чтобы облегченія бременя, гнетущаго душу мою, искать тамъ, откуда въ истекшіе вѣка провикъ къ намъ свѣтъ христіанства, чтобы и исправленіе вышло оттуда, откуда благое явилось къ намъ въ первые—нераздѣльное, святое и чистое.»

«Въ продолженіе цѣлыхъ осьми лѣтъ разсуждалъ я дома съ самимъ собою, и размышлялъ о безбожныхъ сочиненіяхъ сказанныхъ авторовъ. Знаютъ объ этомъ въ Вильяѣ, знаютъ въ Кіевѣ и Острогѣ, знаютъ многіе изъ мужей знаменитыхъ въ народѣ нашемъ, съ которыми я по сему предмету разсуждалъ, нарочно для этого посѣщая каждаго изъ нихъ. Не найдя дома того, чего я искалъ, отправился я на Востокъ; а что тамъ найдено мною, о томъ будетъ послѣ.—Защиту эту рѣшился я написать, побужденный къ тому моею совѣстью, которая дѣйствуетъ на меня сильнѣе тысячи свидѣтелей.» — «Тамъ, продолжаетъ Смотрицкій, удостовѣрился я, что Христофоръ Филалеть, первый писавшій противъ соединенія обѣихъ церквей, былъ Кальвиномъ⁽¹⁴⁾, что Теофилъ Ортологъ былъ послѣдователемъ Лютеранскаго ученія, что Зизалій — невѣжда и Клерикъ тоже. Тамъ удостовѣрился я, что мои собственныя сочиненія, издавныя прежде «Защиты», никуда не годятся; что чѣмъ глубже вникалъ я въ сихъ сочиненіяхъ въ свой предметъ, тѣмъ далѣе расходился съ истинною.»

Послѣ такихъ объясненій со стороны Смотрицкаго, появились въ печати разныя сочиненія, направленные противъ него; въ отвѣтъ на оныя, написалъ онъ дополнительное разсужденіе къ защитѣ, подъ заглавіемъ: *Consideratae: abo uważania sześciu różnic, między cerkwią wschodnią y zachodnią, strony wiary zasłuch* (Примѣчанія: или раз-

вниманіе на то, что *Elenchus* и *Antigraph* не лица, а заглавія сочиненій, и то еще его собственныхъ! (По крайней мѣрѣ, первое, *Elenchus*, безспорно принадлежитъ ему).

(14) Подъ псевдонимомъ Филалета написалъ сочиненіе *Apokryzis* (по-Польски и по-Русски) Христофоръ Блонскій, за что получилъ, какъ полагаютъ, въ награду отъ князя Константина Острожскаго деревню Вильскъ.

Боръ шести отличій, происшедшихъ въ религіозномъ отношеніи между Восточною и Западною Церковью). Это сочиненіе, написанное по-польски, направлено противъ *Antidotum* (Противудіе), написаннаго по-русски ⁽¹⁵⁾, и оканчивается примѣчаніемъ, «что Русь должна соединиться съ Западною Церковью вмѣстѣ и съ патріархомъ Цареградскимъ, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній на Флорентійскомъ соборѣ давно уже согласился на соединеніе церквей».

Послѣ обнаруженія оного третья сочиненія, подъ заглавіемъ: *Paenesis* або *porominanie uczynione do narodu ruskiego* г. 1628 на dniu 12 Grudnia, а wydane w Krakowie 1629. (Увѣщаніе къ Русскому народу, сдѣланное 1628 г., 12 Декабря, изданное же въ Краковѣ 1629 г.). Это сочиненіе посвятилъ онъ тоже: «Александру князю на Острогъ Заславскому, Кіевскому воеводѣ, горячо любящему, какъ восточную, такъ и западную церковь, а святое единство, согласіе, любовь и спокойствіе плачевнымъ образомъ разединеннаго народа Русскаго предпочитающему благамъ земнымъ, здоровью и даже временной жизни своей.» Это сочиненіе написано собственно для дальнѣйшаго объясненія прежде изданной Апологіи и отклоненія отъ себя упрековъ, «что раздвоенный народъ Русскій хочетъ онъ раздѣлить на три части.»— Когда одни Руссины (говорили его противники) придерживаются ученія Восточной Церкви, признавая надъ собою власть Константинопольскаго патріарха, другіе же обратились къ Уніи, Смотрицкій ищетъ на Руси такихъ, которые бы домогались учрежденія мѣстнаго Русскаго патріархата, независимаго отъ патріарха Константинопольскаго. Защищая свою Апологію, Мелетій говоритъ, что написалъ ее по просьбѣ старѣйшихъ, которые сошлись въ Печерской Лаврѣ для совѣщаній о долженствовавшемъ скоро послѣдовать Кіевскомъ соборѣ; но такъ какъ разсужденіе его не понравилось симъ же старѣйшимъ, то и рѣшился онъ отдѣлиться отъ церкви, которая не соглашалась уже съ самыми даже правилами Восточнаго Православія. И это было, какъ онъ утверждаетъ (стр. 21), истинною причиною его отступничества и принятія Уніи, а не Дерманская архимандрія, предложеніемъ которой уніаты будто бы привлекли его на свою сторону. По той причинѣ предпочелъ онъ иноческое званіе въ Католической церкви епископскому сану въ Русской, особенно удостоившись (говоритъ онъ далѣе), что при-

(15) Это сочиненіе издано въ 1639 году Слуцкимъ протопопомъ Андреемъ Музылевскимъ.

нимая Унію онъ вовсе не отдѣляется отъ святой Восточной Церкви или отъ Православія и что Русь отъ самаго принятія христіанской вѣры, состояла всегда въ единствѣ съ Римско-Католическою церковью. Замѣтивши, продолжаетъ Смотрицкій, еретическія правила не только въ Русской несоединенной Церкви, но и въ Цареградской (на что указалъ самому патріарху въ посланіи, отправленномъ къ нему въ августъ мѣсяцъ 1627 г., съ Львовскимъ мѣщаниномъ Андреемъ Карасовскимъ ⁽¹⁶⁾), онъ осудилъ всѣ свои прежнія сочиненія, изданныя имъ въ защиту той же церкви и торжественно отказался отъ нихъ (стр. 27 и слѣд.), благодаря Бога, что Онъ сподобилъ его, старца, стоящаго уже надъ гробомъ, просвѣтитъ своею благодатью и привести на лоно истинной Католической Церкви».

До сихъ поръ Смотрицкій. Мнѣнія его не стоятъ опроверженія. Въ прежнихъ томахъ показано нами, въ какомъ единствѣ состояли обѣ Церкви, какимъ образомъ нарушено было это единство, и въ чемъ Восточная Церковь не соглашалась съ Западною. Здѣсь рассмотримъ сочиненія, написанныя Смотрицкимъ тогда, когда онъ считался еще послѣдователемъ Православія.

Передъ своимъ отправленіемъ на Востокъ, онъ былъ ревностнымъ защитникомъ Восточной Церкви, и о соединеніи съ Западною даже слышать не хотѣлъ, «тѣмъ болѣе (говорилъ онъ), что Восточная Церковь, руководствуясь основаніями, первоначально принятыми цѣлою Вселенскою Церковью, ни въ какомъ отношеніи не измѣнила истинъ вѣры Христовой». Въ ученomъ историческомъ трактатѣ, дважды, безъ имени и опредѣленія мѣста и времени напечатанія, изданномъ, равнѣе оцѣнокъ 1624 г., подъ заглавіемъ: *Verificatio niewinności u omylnych po wszystkiey Litwie u Białey Rusi rozszianych, żywot u uczciwe snego narodu Ruskiego o upad przyprawić zrażonych Nowin chrześcijańskie uprzątanie*) Повѣрка невинности и христіанское опроверженіе мнѣній, распространенныхъ по всей Литвѣ и Бѣлоруссіи и имѣющихъ цѣлью униженіе чести почтеннаго народа Русскаго), доказывалъ онъ, что «совершенная свобода вѣроисповѣданія дарована была Русинамъ великими князьями Литовскими и королями Польскими, за что благодарный Русскій народъ, всегда старался показаться достойнымъ благодѣяній своихъ Монарховъ». Но когда Уніятскій митрополитъ Рутскій, въ разсужденіи своемъ: *Сугубая вина*, написанномъ противъ этого сочиненія

(16) Это письмо, въ Польскомъ переводѣ, приложено къ *Paraensis*.

отъ имени иноковъ монастыря св. Василія, что въ Вильнѣ, доказывалъ противное, Смотрицкій издалъ въ 1624 г., безъименно, въ Вильнѣ новое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Obroga Verificasiey* (Защита повѣрки). Когда же и на это сочиненіе сами уже отцы св. Василія написали, въ томъ же 1628 г., *Examen Obrogy* (Разборъ Защиты), Смотрицкій отвѣтилъ двумя обличительными разсужденіями, изъ которыхъ первое вышло подъ заглавіемъ: *Appendix na Examen obrogy werifikasiey* (Прибавленіе къ Разбору Защиты Повѣрки), второе подъ заглавіемъ *Elenchus pism uszczupliwuch* (Осужденіе вѣдихъ сочиненій (17)). Особенно во второмъ сочиненіи разсуждаетъ онъ объ отступникахъ отъ Греческой Церкви, состоящей въ духовномъ вѣдѣніи патріарха Константинопольскаго, говоря, что такіе люди тѣмъ самымъ удаляются уже и отъ греческаго исповѣданія и такимъ образомъ совершенно измѣняютъ свою вѣру. Принявши однакожь Унію, Смотрицкій перемѣнилъ языкъ, и въ Апологіи своей говоритъ: «не упоминаю о Повѣркѣ, ея Защитѣ, Осужденіи, Оправданіи и имъ подобныхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ я, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже нападаю на истинные догматы, болѣе распространяясь о предметахъ обыкновенныхъ, какіе тогда занимали всѣ умы».

Были даже такіе люди, которые считали Смотрицкаго сочинителемъ всѣхъ книгъ, написанныхъ противъ отступниковъ Греческой Церкви.— Изъ такихъ книгъ особеннаго вниманія заслуживаетъ: *Θρησος, to jest Lament jedynéy i Powszechnéy Apostolskiey Wschodniey Cerkwié, z obiasnieniem Dogmat wiary, wylany we Wilnie 1610* (18).

Замѣчательно, что какъ до выѣзда своего обманывалъ онъ своихъ единовѣрцевъ, входя во сношенія съ уніятами, а между тѣмъ показывая видъ ихъ противника, (о чемъ говорится въ брошюрѣ: *Сугубая вина*), такъ и по возвращеніи своемъ и изданіи Апологіи, хотѣлъ онъ и далѣе обманывать ихъ; потому что тогда же писалъ, что если его едино-

(17) Первое вышло безъ означенія мѣста и года, второе въ Вильнѣ, 1622 г.; оба изданы Смотрицкимъ.

(18) Сопиковъ приводитъ это же сочиненіе на Русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Оринопъ*, т. е. плачъ восточныхъ церкви на отступленіе нѣкоторыхъ отъ древняго Греческаго исповѣданія и отъ повиновенія патріарху Константинопольскому. Соч. іеромон. Мел. Смотрицкаго. Вильна. 1610 въ 4. На одномъ Польскомъ экземплярѣ этого сочиненія, находящимся въ бібліотекѣ Львовскаго Университета, при имени автора *Theophil Ortholog*, написано: *verum nomen Meletius Smotryski*. Подъ именемъ Ортолога издалъ онъ тоже *Fundamenta* и т. д. (см. Библиограф. Іохера III. 554.) Г. Мацѣвскому это сочиненіе не извѣстно. И. П.

вѣрцамъ неспрiятны выраженныя въ послѣднемъ сочиненiи мысли, то онъ готовъ отъ нихъ отказаться и объяснить предметъ согласно съ ихъ мыслями и желанiями.

Епископовъ Православной Церкви обманули эти изъясненiя, и они дѣйствительно предложили ему сдѣлать разныя критики и отказаться отъ всего, что только ошибочнаго сказалъ онъ въ своей Апологiи. — Смотрицкiй однакожъ написалъ именно противное тому, чего отъ него требовали, съ присовокупленiемъ, что «эти дополненiя онъ дѣлаетъ по порученiю епископовъ Православной Церкви». Тѣ изумились, прочтя такiя слова, и потому объявили безъ всякихъ объясненокъ, что приписываемыхъ имъ Смотрицкимъ мнѣнiи они никогда не раздѣляли, и что сказанное сочиненiе они единогласно осуждаютъ. — Этого только и ожидалъ Смотрицкiй! Теперь объявилъ онъ торжественно, что, побужденный необходимостiю, оставляетъ онъ церковь, которая сама исключила его изъ числа своихъ сыновъ, и что слѣловательно считаетъ себя совершенно свободнымъ отъ даннаго имъ никогда своимъ собратьямъ слова: «никогда съ ними не разлучаться».

Такъ какъ и въ этой брошюрѣ сказалъ онъ, что въ ней нѣтъ ничего противнаго правиламъ православiя, то и отлученъ онъ торжественно отъ церкви на Киевскомъ соборѣ, какъ отступникъ отъ вѣры предковъ. — Вопiя къ небу о такой обидѣ, Смотрицкiй изъ Дермана писалъ: *Listy do Ojca Boreckiego i innych, w Dermaniu, 1628, in 4* (Письма къ отцу Борецкому и другимъ, въ Дерманѣ 1628), и кромѣ того издалъ; 7 Сентября 1628 г., въ Львовѣ, знаменитую брошюру — подъ заглавiемъ: *Protestatia przeciw Soborowi w tym roku 1628 we dni Augusta miesiaca, w Kijowie monasteru Pieczerskim obchodzonomu, uczyniona przez ukrzywdzonego na nim* (Голось — противъ Собора, состоявшагося въ Августѣ мѣсяцѣ сего 1628 г. въ Киево-Печерскомъ монастырѣ, написанный оскорбленнымъ на семъ Соборѣ лицомъ). Въ этой брошюрѣ открыто уже говоритъ онъ о духѣ, какимъ былъ проникнуть, отправляясь въ путешествiе въ Константинополь, именно о представленiи на утверженiе Патрiарха катихизиса, составленнаго Греко-россiйскимъ духовенствомъ для просвѣщенiя и поученiя вѣрныхъ. Но не смѣя (какъ самъ говоритъ въ своей Апологiи) представить этотъ катихизисъ Патрiарху (причины не высказываетъ ясно), вернулся въ Русь, и замѣчанiя свои на катихизисъ представилъ на разсмотрѣнiе епископовъ, вмѣстѣ съ шестью вышеупомянутыми консидерацiями (*Consideratiae* или замѣчанiя и т. д.). Но когда епископы не согласились на печатанiе этихъ примѣчанiй, онъ самъ издалъ ихъ вмѣстѣ съ Аполо-

гією, зачто несправедливо (какъ говоритъ) разразилась надъ нимъ буря, о которой выше упомянуто. Притомъ объявилъ онъ, что и сказанный катихизисъ будетъ имъ изданъ въ послѣдствіи;—впрочемъ, исполнилъ ли онъ это намѣреніе, неизвѣстно. Изъ сочиненія Евсевія Пимина (19) можно, кажется, заключать, что сочиненіе это дѣйствительно издано было по-русски. Но до сихъ поръ никто не выдалъ его.

Еще разъ принялся онъ за перо и рѣшился собрать въ одномъ сочиненіи все, что только написано было противъ него уже послѣ напечатанія его Апологіи;—такимъ образомъ въ 1629 г. увидѣлъ свѣтъ послѣднее его сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Exenthesis albo expostulatio t. j. rozprawa między Apologią y Antidotem o vstanek błędow herezyi y kłamstw Zuzaniowych, Philaletowych, Orthologowych y Kleryków uczyniona do oboiey strony narodu ruskiego 1629, w monasteru Dermaniu* (Разсужденіе объ остальныхъ заблужденіяхъ, ереси и лжи Зизаніевой, Филалетовой, Ортоологовой и Клериковой, написанное для обвѣхъ частей (Уніатовъ и Православныхъ?) русскаго народа. Въ Дерманскомъ монастырѣ, 1629 г.). Сочиненіе посвящено Кнзю на Острогѣ Заславльскому, Кіевскому Воеводѣ.

Въ этомъ сочиненіи Смотритскій выразилъ свое опасеніе, чтобы не нашлись столь равнодушные къ вѣрѣ католики, которые бы больше думали о заграбленныхъ церковныхъ имѣніяхъ, оброкахъ, податяхъ и подводахъ, нежели о Святомъ Единствѣ. Этимъ хотѣлъ онъ сазать, что многіе оставляютъ Унію изъ мірскихъ видовъ, а не изъ чистаго побужденія, а равно что многіе обращаются къ ней не по убѣжденію, а изъ корыстолюбія. «Есть конечно такіе (говоритъ Мелетій о себѣ), которые полагаютъ (20), что онъ, Смотритскій, унижилъ Священное Писаніе и Отцевъ Церкви, единственно, чтобы этимъ польстить Римскому Двору; но онъ объявляетъ, что такія слова ложь, клевета, богохульство, возобновеніе старыхъ еретическихъ заблужденій.

Въ этомъ сочиненіи выступилъ онъ противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ со всею яростью, и повторилъ все, что только высказалъ

(19) Евсевій Пиминъ, Православный іерей, издалъ ученое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Λ.θ.ο.ς* albo *Kamień z prosy prawdy cerkwie świętej prawosławnej ruskiej* и т. д., въ Кіево-Печерской Лаврѣ, 1644. Это сочиненіе вышло и по-русски (см. Описаніе рук. Гр. Толст. I. 323).

(20) Здѣсь, вѣроятно, разумѣть должно сочиненіе Остафія Киселя, оставившаго Унію и написавшаго *Antapologię*, подъ именемъ Гелазія Диплицца.

прежде, но нынѣ съ большимъ еще ослабленіемъ страсти. Въ свидѣтели своей невинности призывалъ онъ Князя, который оставилъ Греческую церковь и перешелъ къ Римской, хотя происходилъ отъ такого отца (Князя Константина Острожскаго), который при жизни своей былъ сильнѣйшимъ противникомъ Уніи. Но свидѣтельство Князя Александра не имѣло и имѣть не могло въ этомъ случаѣ никакого значенія, потому что самъ Смотрицкій поступкомъ своимъ ясно уже доказалъ, какіе дѣйствительно поводы склонили сего хитраго и ученаго мужа къ разрыву съ Греческою церковью и соединенію съ Римскою.

Смотрицкій безусловно принадлежалъ къ ученѣйшимъ мужамъ своего вѣка, имѣлъ ученые академическія степени (за *Защитъ* подписался онъ докторомъ медицины), писалъ по-латыни, по-польски и по-русски, а сочиненія его занимаютъ важное мѣсто не только въ Польской и Русской, но еще и въ славяно-церковной и даже ново-латинской литературѣ. Польскую литературу обогатилъ онъ историческими, богословскими и критическими сочиненіями, которыя впрочемъ, относительно языка и слога, не имѣютъ большой цѣны. Онъ первый изъ русскихъ написалъ греческую грамматику по-латыни и издалъ ее за границею (*Grammatica linguæ Græcæ. Colonia, 1645*); онъ же составилъ славянскую грамматику, которая, употребляясь на двухъ оковечностяхъ славянскаго міра, въ Москвѣ и Далмаціи, широко разнесла имя Смотрицкаго.

Не должно забывать, что г. Мацѣвскій смотрѣлъ на Смотрицкаго единственно какъ на Польскаго писателя и вовсе не говоритъ объ его грамматическихъ заслугахъ, оцѣнка которыхъ составляетъ задачу русской филологіи.

Кромѣ Мелетія заслуживаютъ вниманія русскихъ ученыхъ еще многіе писатели и сочиненія, о которыхъ упоминаетъ Мацѣвскій, а безъ познанія которыхъ не возможно имѣть точное понятіе о главныхъ дѣятеляхъ въ русской письменности XVI и XVII столѣтій. Повторяемъ, что почти всѣ сочиненія, писанныя въ этомъ періодѣ русскими по-польски, имѣютъ содержаніемъ или богословскія пренія, или вообще предметы религіозные: житія святыхъ, описанія монастырей и т. п. Этотъ періодъ до сихъ поръ мало обращалъ на себя вниманіе русскихъ ученыхъ, а между тѣмъ безъ познанія его не возможно уразумѣть характеръ эпохи и направленіе народной мысли въ данное время. Какъ восточная Русь принесеніемъ себя въ жертву защитила западную отъ татарскаго наводненія, такъ на оборотъ Западная Русь всѣми силами не допускала къ себѣ пагубнаго для народности Русской и Православія-міянія Запада. Борьба на бумагѣ началась въ XVI вѣкѣ. Русины на

прягли умы, наострили перья; но что значить умъ и перо противъ іезуитскихъ козней? умъ изсякъ, перо притупилось, и Унія готова была обхватить крыльями своими всю Украину, какъ уже простерла ихъ надъ Бѣлорусью, Литвою и Галичемъ. И не одной Украинѣ угрожало это насиліе: Москва при Самозванцѣ, несомнѣнномъ орудіи іезуитовъ, и при Сигизмундѣ III, ихъ питомцѣ, непременно почувствовала бы вліяніе ихъ хитросплетеній, испытала бы неопровержимую силу ихъ силлогизмовъ. Западные Русины уже упали въ неравной борьбѣ, и тогда только пришли къ тому сознанию, что перо стальное пишетъ гораздо умнѣе, нежели гусиное и что *sillogismus armatus* несравненно вѣрнѣе, нежели *sillogismus cornutus*. Въ исторіи Малороссіи необходимо показать эту двойственную борьбу: письменную и вооруженную.

Сочиненіе Мацѣвскаго, о которомъ говорю, доставляетъ намъ нѣсколько данныхъ въ этомъ отношеніи и указываетъ на сочиненія Русиновъ, писанныя по-польски. Кромѣ Мелетія, описаны еще слѣдующіе русско-польскіе писатели.

1) Иларіонъ Денисовичъ, игуменъ Купятицкаго монастыря (31), въ которомъ находится чудотворная икона Богородицы, описанная инокомъ того же монастыря, Аванасіемъ Кальнофойскимъ. Это описаніе съ прибавленіями Денисовича издано въ 1638 г., въ Кіево-Печерской Лаврѣ, подъ заглавіемъ: *Parergon cudow świętych obrazu Przewzysztéj Bogarodzicy w monastyrze Kupiatyckim* (Дополненіе святыхъ чудесъ иконы Пречистой Богородицы въ Купятицкомъ монастырѣ).

2) Дубовичи. Кажется, были два Дубовича, и оба Ивана; по крайней мѣрѣ, такъ полагать должно, основываясь на томъ, что одно сочиненіе Дубовича написано въ духѣ Уніятскомъ, а другое въ Православномъ, и оба напечатаны въ одномъ и томъ же году (1644). Первое имѣетъ заглавіе: *Nierarchia abo o Zwierzchności Cerkwi Bożej* (объ іерархіи въ Божіей Церкви), изд. во Львовѣ у Іезуитовъ; второе: *Obraz prawosławnej Cerkwi Wschodniej* (Описаніе Православной Восточной Церкви).

3) Петръ Федоровичъ, ректоръ Русской Коллегіи въ Вильнѣ, написалъ по-польски: *Obroza S. Synodu Florenckiego* (Защита Св. Флорентійскаго Собора). Сочиненіе это издаво по смерти автора Геласіемъ Руссовскимъ, Виленскимъ архимандритомъ, въ 1603 г., сперва по-польски, а въ 1605 г. и въ русскомъ переводѣ.

4) Аванасій Кальнофойскій, инокъ Кіевопечерскаго монастыря, написалъ: *Trzecie cudota (sic) lub cuda, ktore były tak w samym święto-cudotwor-*

(31) Въ Кэмпивъ, селѣ Шинскаго уезда.

пум монастырзе Pieczarskim, iako i w obudwu Świątych pieczarach, z drukarni Kijowopieczarskiej, R. P. 1638, in 4, стр. 222 (Чудеса, кавъ въ самомъ святомъ чудотворномъ Печерскомъ монастырѣ, такъ и въ объихъ св. пещерахъ).

5) Отецъ Леонтій Карповичъ, Архимандритъ Виленскаго монастыря Св. Духа, произнесшій въ 1619 году слово надъ гробомъ Князя Василія Васильевича Голицына и издавшій оное въ Вильнѣ въ переводѣ, подъ заглавіемъ: Kazanie na pogrzebie Kniazia Wasila Wasilewicza Haliczyna. Русскій подлинникъ вышелъ въ томъ же году.

6) Петръ Могила, сынъ Валашкаго воеводы Іереміи, Митрополитъ Кіевскій. Его катихизисъ, составленный для огражденія ввѣренной его попеченію паствы отъ нововведеній западныхъ реформаторовъ, вышелъ и по-польски, подъ заглавіемъ: Zebranie krotkiej nauki o artykułach Wiary prawosławnej, Katolickiej, chrześcijańskiej, jako cerkiew wschodnia apostołska uczu, w Kijowie 1645. — Этотъ катихизисъ переведенъ тогда же на греческій, латинскій и нѣмецкій языки.

7) Филадетъ, — псевдонимъ, подъ которымъ скрывали свои имена многіе писатели, между прочими и Митрополитъ Могила. — Особенно важно сочиненіе Христофора Филадета, которому Смотрицкій приписываетъ первое сочиненіе, написанное въ Польшѣ противъ соединенія Церквей⁽²²⁾. Книга эта вышла подъ заглавіемъ: Apokryzis abo odpowiedz na książki o Synodzie Brzeskim imieniem ludzi starożytniej religii Greckiej, przez Christofora Philareta w poruyczą dana (X. 6 in 4°, стр. 345)⁽²³⁾. Авторъ посвятилъ книгу Замоискому, совѣтовавшему не трогать Православія. Подъ посвященіемъ выставлено число 1597 г., послѣдняго октября, Вильно. Книга эта для Исторіи Уніи необходима.

8) Адамъ Ипатій Поцѣй родился въ 1541 г. въ Рожанкѣ⁽²⁴⁾, что

(22) Объ русскомъ изданіи 1597 г. говорится въ Описаніи Рук. Гр. Тол. I. 87, гдѣ сочиненіе это приписывается Смотрицкому.

(23) У Сошкова описано русское изданіе этой же книги, приписанное Смотрицкому. Русское ея заглавіе слѣдующее: Апокризисъ альбо отповѣдь (отвѣтъ) на книжки о Соборѣ Берестейскомъ, именовъ людей старожитвой религи Греческой, черезъ Христофора Филадета, врхлѣзъ дана. Въ Вильнѣ 1597. въ 4. И. П.

(24) Рожанка, село въ 7 верстахъ отъ Влодавы, надъ Бугомъ, известна великолѣпнымъ дворцемъ, воздвигнутымъ въ 1715 г. Людовикомъ Поцдемъ, Великимъ Гетманомъ Литовскимъ, однимъ изъ богатѣйшихъ Литовскихъ вельможъ. Преданіе однакожъ говоритъ, что дворецъ этотъ построенъ Петромъ Великимъ, который, во время Свѣрной войны съ Карломъ XII, гостилъ въкоторое время въ

въ Брестскомъ воеводствѣ, отъ родителей Православнаго вѣроисповѣданія; воспитывался въ Краковской Академіи, и потомъ, до самой смерти Сигизмунда Августа, послѣдовавшей въ 1572 г., оставался при особѣ Короля. Въ академіи и при дворѣ постоянно обращался онъ съ протестантами, и наконецъ перешелъ въ лютеранскую вѣру; но потомъ и это исповѣданіе оставилъ, а обратился къ Уніи. Это легкомысліе въ перемѣнѣ вѣрѣ сдѣлало его совершенно послушнымъ волѣ папскаго легата Коммендои, который употребилъ его главнымъ орудіемъ римскаго двора для приведенія Православной Руси къ повинновенію Западной церкви. По смерти Сигизмунда Августа, Поцѣй исправлялъ гражданскія обязанности, бывши сперва писаремъ, потомъ судьей и наконецъ Брестскимъ кастеляномъ. По смерти жены своей Анны, оставившей 2-хъ сыновей, Ивана и Петра, Поцѣй отказался отъ міра и постригся въ монахи, подъ именемъ Ипатія (въ 1590 г.). Въ томъ же году, по смерти Мелетія Хрептовича Буржинскаго, епископа Владимірскаго и Брестскаго, занялъ его мѣсто, и тогда вошелъ въ тѣсныя связи съ Кирилломъ Терлецкимъ, епископомъ Луцкимъ, и Михаиломъ Рагозою, Митрополитомъ Кіевскимъ, и произвелъ вмѣстѣ съ ними Брестскую Унію 1595 г. Поручивъ ее попеченію латинскихъ епископовъ Мацѣевскаго-Луцкаго и Гомолинскаго Холмскаго, а кромѣ того Подляскому воеводѣ Янушу, Князю Заславльскому, самъ съ Кирилломъ Терлецкимъ отправился въ Римъ. По дорогѣ вездѣ принимали ихъ съ великими почестями, а Папа Климентъ VIII назвалъ его своимъ придворнымъ пре-

сель Ставки—собственности Воеводы Поцѣя, вмѣстѣ съ Королемъ Польскимъ Августомъ II. Гетманъ принималъ Царя въ своемъ домѣ, хотя деревянномъ, но лежавшемъ въ прекрасномъ мѣстоположеніи. Петръ Великій удивлялся, что столь богатый вельможа не имѣетъ соответственнаго своему имѣнію дворца, на что Гетманъ отвѣчалъ, что предпочитаетъ удобное прекрасному. Петръ Великій пригласилъ Гетмана къ себѣ въ Петербургъ и задержалъ его цѣлый годъ, а между тѣмъ велѣлъ воздвигнуть въ Рожанкѣ великолѣпное зданіе, по выстроеніи котораго отправился съ Поцѣемъ въ Польшу, и привезъ его въ новый дворецъ. Изумленіе Поцѣя было неописанно.

Лѣтъ 15 тому назадъ дворецъ этотъ сдѣлался жертвою пожара; впрочемъ, вышій его владѣлецъ, графъ Августъ Замойскій, отстроилъ его, не жалѣя огромныхъ издержекъ на возвращеніе ему прежняго его великолѣпія (Описаніе дворца см. въ: *Starożytna Polska przez Balińskiego i Lipińskiego*, Warszawa, 1846. Том. III, стр. 753. И. П.

латомъ (Prælatus domesticus et adfistens), наградиль богатыми подарками и отправиль обратно въ Польшу. По возвращеніи своемъ, Ипатій увидяль, что всѣ епархіи, кромѣ его собственной, Владимірской, отказались отъ Уніи. Новыл старанія его о приведеніи Церквей въ единство имѣли успѣхъ, за что, по смерти Рагозы, послѣдовавшей въ Апрѣль мѣсяцъ 1600 года, Ипатій награжденъ саномъ Митрополита и остался въ семъ званіи до самой своей смерти, то есть до 1613 года.

Изъ многихъ написанныхъ имъ сочиненій, нѣкоторыя только дошли до насъ, да и тѣ не всѣ приписываются Поцью, хотя напечатаны при его жизни и изданы подъ его именемъ. Такъ напр. *Antiphona* або *apologia przeciwko Krzysztofowi Filaletowi*. Wilno 1600 г. приписывается Петру Аркадію, папскому легату, родомъ Греку. Г. Мацѣвскій считаетъ впрочемъ авторомъ сего творенія самого Поцья. Другое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *O przywilejach nadanych od najjaśniejszych Krolow Polskich i przedniejszych niektorych dowodach, ktore świętą Unią wielce zalecają i potwierdzają*. (О привилегіяхъ данныхъ Уніи польскими королями), издано безъ означенія времени и мѣста, впрочемъ не раньше 1600 года, потому что на сочиненіи этомъ Поцѣй подписался Митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и всея Россіи, а только въ 1600 г. вступиль онъ въ управление Митрополіею.

Кромѣ того издано имъ: *Poselstwo do Papieža Rzym. Sixta IV od duchowieństwa, Książąt i Papow Ruskich w roku 1476*: Wilno, w druk. Matoniczow (Посольство отправленное въ 1476 г. отъ духовенства, князей и бояръ русскихъ къ Папѣ Римскому Сиксту IV).

Къ посмертнымъ сочиненіямъ его принадлежатъ: *Kazania i Homilie* (Провѣди и Поученія), изданныя въ Супрасль 1714 г. и въ Почаевъ въ 1768 г.

Еще приписываютъ Поцью: *Harmonia або Konkordancia cerkwi orientalnéy z Kościofem Rzymskim*, издавную въ Вильнѣ 1608 года.

Мацѣвскій книги этой не видалъ, и потому заглавіе, приводимое Строевымъ (Опис. староп. Книгъ Слав. Москва, 1841 г. стр. 31.) должно признать точнѣйшимъ. Впрочемъ, книга эта приписывается Поцью, кажется, только на томъ основаніи, что на оборотѣ заглавнаго листа выставлены монограммы А. Р. А. К. Е. W., изъ которыхъ двѣ первыя были монограммами Адама Поцья. Догадка эта неосновательна. Поцѣй выставиль бы начальную букву не своего мірскаго имени (Адамъ), а скорѣе, первую букву имени Ипатій (Нірасу), полученнаго имъ въ монашество. Впрочемъ, и остальныя буквы не могутъ быть объяснены никакимъ изъ его мірскихъ или духовныхъ титуловъ.

9) Кассіанъ Каликъ Саковичъ происходилъ отъ родителей грече-скаго исповѣданія, и былъ первоначально наставникомъ въ домъ Черниговскаго кастеляна Адама Киселя, потомъ священникомъ въ мѣстечкѣ Потилчѣ (28), Дубенскимъ архимандритомъ, а наконецъ Римско-Католическимъ монахомъ Августинскаго ордена.—Сочиненія его писаны по-Русски и по-Польски. — Русскія показаны у Сопикова; польскія суть слѣдующія:

Dezyderos Polski, o mytarstwie cryli drugimъ miѣjscu po śmierci rzecz o małżeństwie od młodzieńca, przemowa na pogrzebie żołnierza, tudzież powinszowanie Stanisławowi Lubomirskiemu Hrabi, na Wiśniczu. 1641 — (въ стихахъ).

Важнѣе этого:

Problemata abo pytania o przyrodzeniz człowieczym z łacińskiego na polski język przełożone. Do których przydane są у przedmowy, Aktom Weselnym i Pogrzebnym służące, przez Kalixtego Sakowicza, w Krak. 1620.

Traktat o duszy, napisany przez wielebnego Ojca Kassyana Sakowicza, zakonnika religii Grœckiej.

Kalendarz stary, w Wilnie, 1640.

Dialog abo rozmowa Maczka z Dyonizym popem schizmatyckim Wileńskim o wielkiej nocy Ruskiej, R. 1641. и т. д.

Okulary Kalendarzowi staremu, w Krakowie 1644. — Это послѣднее сочиненіе весьма важно и вооружило противъ Саковича, какъ уніатовъ, такъ и православныхъ, вызвавъ возраженія подъ заглавіемъ: Zwierciadło abo zastona naprzeciw uszczypliwěj perspektywie wystawiona od Pachomiusza Woyny Orańskiego, Episkopa Pińskiego i Turowskiego, we Wilnie, 1645; на которыя Саковичъ напечаталъ отвѣтъ, подъ заглавіемъ:

**Ekspozycja* abo Perspektywa, w Krakowie 1642.

40) Сейчасъ упомянутый Пахомій Война Оранскій, православный епископъ Пинскій и Туровскій, написалъ Zwierciadło abo zastona, и принадлежитъ къ числу ревностныхъ защитниковъ православія.

41) Стефанъ Зизаній, котораго сочиненіе: Kazanie S. Cyrylla Patryarchy (Вильно 1596 г.) вышло на двухъ языкахъ, Славяно-церковномъ и Польскомъ. — Описаніе этого сочиненія у Мацѣевского нѣсколько отлично отъ того, какое читаемъ въ Опис. Библ. Графа Толст. (Т. II стр. 80).

(28) Потилчѣ, мѣстечко въ Любачевскомъ Староствѣ, Белзскомъ воеводствѣ.

Изъ этихъ указаній видимъ уже всю важность послѣдняго сочиненія Мацѣвскаго, не только для библиографинъ, но и для исторіи Русской литературы. Здѣсь приведены польскія сочиненія, написанныя Русинами, и то еще въ такую эпоху, когда дѣло шло о защитѣ православія противъ ухищреній іезуитовъ и ересей, волновавшихъ въ то время западную Европу. Сочиненіе это доведено до 1650 года.

Мацѣвскій преимущественно посвящается юридическимъ наукамъ, и первые его труды относятся именно къ этой отрасли знанія. *Historya Prawodawstw Słowiańskich, Tomów 4. w, Warszawie i Lipsku 1832—1835*, доставила автору Европейскую извѣстность. Въ ней тоже находимъ много любопытнаго для исторіи Русскаго законодательства, и весьма полезно было бы видѣть это сочиненіе на Русскомъ языкѣ. Покойный Д. Валуевъ дѣйствительно намѣренъ былъ издать Русскій переводъ этой исторіи, которой два первые тома переведены И. С. Савиничемъ, некогда учителемъ Московской губернской Гимназій, нынѣ старшимъ учителемъ Варшавской губернской Гимназій. Переводъ этотъ отправленъ къ Валуеву, который передъ смертью своею успѣлъ напечатать одинъ только листъ. Какая участь постигла бумаги покойнаго Валуева, и что случилось съ переводомъ сочиненія Мацѣвскаго, ни мнѣ, ни г. Савиничу неизвѣстно.

Нынѣ г. Мацѣвскій по многимъ предметамъ перемѣнилъ свое мнѣніе, и слѣдовательно, переводъ долженъ быть доканчиваемъ здѣсь на мѣстѣ и свѣряемъ съ подлинникомъ, подъ надзоромъ самого г. Мацѣвскаго, который готовъ, какъ кажется, дѣлать даже необходимыя объясненія и дополненія.

Часть сочиненія, о которомъ я упоминалъ въ началѣ моего письма (*Pamiętniki*), переведена на Русскій языкъ Орестомъ Евецкимъ, и вышла въ 1840 г. въ Варшавѣ, подъ заглавіемъ: *Исторія первобытной христіанской церкви у Славянъ*, in 8° стр. 337. Переводъ сдѣланъ отлично. Другой отрывокъ изъ того же сочиненія напечаталъ П. П. Дубровскимъ, если не ошибаюсь, въ Сборникѣ, издававшемся Историческимъ Обществомъ въ Москвѣ.

Доставляя извѣстіе о трудахъ Мацѣвскаго, я вовсе не былъ намѣренъ разбирать всѣ сочиненія, изданныя имъ въ продолженіе его литературной дѣятельности. Не могу однакожь совершенно прейти ихъ молчаніемъ, потому что они имѣютъ предметомъ не только Польшу, но и Русь, въ ихъ внутреннемъ развитіи, въ ихъ жизни домашней, семейной.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ)

**НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СТАТЬѢ: «ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО
ТЕАТРАЛА».**

Въ октябрьской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ напечатана очень интересная статья подъ названіемъ: «Воспоминанія стараго театрала». Въ ней находятся между прочимъ, хотя не прямо высказанныя опроверженія моея статьи: «Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ», напечатанной въ Москвитинѣ. Еслибъ въ «Воспоминаніяхъ стараго театрала» выражалось только несогласіе съ моими мнѣніями и негодованіе за мой ошибочный взглядъ, то я не сказалъ бы ни одного слова, хотя бы могъ много сказать въ подтвержденіе моихъ мнѣній. Доказывать, что такой-то актеръ былъ лучше или хуже такого-то актера, тогда какъ прошло уже нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ ихъ смерти — дѣло весьма затруднительное, не говоря уже о томъ, что это дѣло чисто вкуса и личныхъ понятій о театральномъ искусствѣ; а главное — такіе споры бесполезны и скучны для читателя. Скажу только, что опровергая мои заключенія о достоинствѣ игры Шушерина и Плавильщикова, стараясь доказать, что Дмитревскій не могъ никого образовать (чего я и не говорилъ), господи́нь сочинитель своими собственными выводами какъ нельзя лучше доказываетъ, разумѣется, съ нѣкоторыми оттѣнками, что мои мнѣнія справедливы: еслибъ кто-нибудь рѣшился прочесть обѣ наши статьи послѣдовательно одну за другою, то я смѣю надѣяться, что онъ согласился бы со мною. Но въ «Воспоминаніяхъ стараго театрала» находится указаніе моихъ ошибокъ въ годахъ, и я смѣшу поблагодарить его за эти указанія. Я предполагаю, что онъ вѣренъ, потому что господи́нь сочинитель, какъ самъ пишетъ, 46 лѣтъ ведетъ ежедневныя записки. Я не стану извиняться тѣмъ, что писалъ на память, писалъ о слышанномъ мною отъ другихъ; я долженъ былъ прежде справиться, а потомъ печатать. Я сдѣлаю это теперь и, печатая собраніе моихъ воспоминаній, конечно, исправлю мои ошибки.

Съ искреннимъ удовольствіемъ прочелъ я въ «Воспоминаніяхъ стараго театрала» все, что касается до князя А. А. Шаховскаго. Я сердечно обрадовался, что наконецъ нашелся человекъ, который по своему близкому и многолѣтнему знакомству съ княземъ Шаховскимъ и съ его управленіемъ въ Петербургѣ тогдашнюю репертуарную часть, имѣлъ право обличить клевету, которая такъ долго лежала на памяти нашего даровитаго писателя, принесшаго такъ много пользы сценическому искусству въ Россіи. Я самъ нѣ-

сколько разъ хотѣлъ написать объ этомъ. Но я былъ коротко знакомъ съ княземъ Шаховскимъ только въ то время, когда онъ, оставивъ Петербургъ, переѣхалъ въ Москву и прожилъ въ ней нѣсколько лѣтъ сряду: въ эти года я видѣлся съ нимъ почти каждый день. Не смотря на прежнія мои предубѣжденія, я вполнѣ убѣдился, что князь Шаховской не способенъ былъ къ такимъ недостойнымъ поступкамъ, въ какихъ его обвиняли; но личное мнѣніе не доказательство. Я написалъ тогда статью о заслугахъ князя Шаховскаго, оказанныхъ драматической литературѣ и сценическому искусству, и напечаталъ ее въ Московскомъ Вѣстникѣ, который издавался тогда М. П. Погодинымъ; но въ которомъ это было году и какъ называлась моя статья — рѣшительно не помню. Помню только, что князь Шаховской былъ ею не совсѣмъ доволенъ и сказалъ кому-то, что ожидалъ отъ моей дружбы болѣе горячаго заступленія. Это послѣднее слово доказываетъ, чего желалъ князь Шаховской, и до чего касаться я считалъ себя не въ правѣ. Очень будетъ жаль, если господинъ сочинитель «Воспоминаній стараго театрала», не напишетъ о князѣ Шаховскомъ всего того, что ему было такъ хорошо извѣстно. Личность князя Шаховскаго, его живость, веселость, забавное и безобидное остроуміе, его дѣтское притязаніе на хитрость, его незабвенныя репетиціи, на которыхъ онъ предавался вполнѣ своей горячей любви къ театру, сопровождаемыя безчисленными, самыми комическими анекдотами — представляютъ богатое и благородное поле для біографа.

Въ заключеніе скажу: неужели нельзя, опровергая чьи-нибудь мнѣнія, обойтись безъ такихъ выраженій и такого тона, какой слышится, напримѣръ, на стр. 117 «Воспоминаній стараго театрала?»

С. АКСАКОВЪ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Говорящій телеграфъ. — Греческіе разбойники. — Парижскіе корреспонденты. — Биржа. — Воры. — Дороговизна квартиръ и съѣстныхъ припасовъ. — Храбрость съ голоду и холоду. — Характеръ Французовъ въ XVI столѣтіи. — Какъ сочинялъ Моцартъ. — Бюстъ Петра Великаго въ Брюсселѣ. — Смерть кардинала Ман.

Въ 1848-мъ году молодой ученый Французъ, оторванный отъ мирныхъ занятій своихъ, поступилъ въ африканскую армію рядовымъ; но страстно любя науки, и будучи одаренъ высокими умственными способностями, онъ не вдался въ отчаяніе. «Конечно, я разлученъ съ моими преподавателями, говорилъ онъ, однакожь книги у меня есть; онъ будутъ моими наставниками, подругами, утѣшительницами».

Имя этого молодаго чловѣка Шарль Бурсель. Онъ сынъ оставшаго офицера, служилъ въ 43-мъ линейномъ полку, стоялъ гарнизономъ въ Алжирѣ, и съ 1849 года принялся, для собственнаго развлеченія, преподавать своимъ товарищамъ, такимъ же рядовымъ, математику, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе алжирскаго генераль-губернатора и пріобрѣлъ его благосклонность. При этомъ случаѣ рядовой не былъ ни кѣмъ рекомендованъ генералу; онъ самъ себя отрекомендовалъ, и начальникъ сдѣлался его покровителемъ. Вотъ простой фактъ, который служить лучшею похвалою и генералу и солдату.

Отслуживъ определенное время, Шарль Бурсель возвратился въ Парижъ, и доставилъ въ журналъ *Illustration* статейку подъ заглавіемъ: «Передача условныхъ звуковъ посредствомъ электричества». Нельзя не пожелать, чтобы эта попытка передавать по телеграфу условные звуки, то-есть самую рѣчь человѣческую, удалась вполнѣ. Электричество надѣлало уже много чудесъ, почему же не ожидать отъ него и этого чуда, не смотря на французскую академію, которая обыкновенно изъ вѣжливости называетъ *утопіей* все, что еще не было испробовано? Это испытано и Фультономъ, и многими другими; слѣдовательно подобныя отзывы академіи никакъ не должны обезкураживать талантливыхъ людей.

Вотъ статейка Шарля Бурсэля:

«Извѣстно, что электрическая телеграфія основана на слѣдующихъ началахъ»:

«Электрическій токъ проходитъ по металлической проволоцкѣ, обвитой вокругъ куска простаго желѣза, и обращаетъ этотъ кусокъ въ магнитъ».

«Какъ скоро прекращается электрическій токъ, желѣзо теряетъ свойство магнита».

«Слѣдственно этотъ магнитъ, называемый *электро-магнитомъ*, можетъ попеременно то притягивать, то отталкивать подвижную пластинку, которая своимъ движеніемъ туда-и-сюда, производитъ условные знаки, употребительные въ телеграфіи».

«Иногда этимъ движеніемъ пользуются для того, чтобы производить точки или черточки прямо на сверткѣ бумаги, который развивается посредствомъ часоваго механизма. Въ такомъ случаѣ телеграфъ уже самъ, безъ пособія писца, начертываетъ условные знаки, изъ совокупленія которыхъ образуется фраза. Это такъ называемый *американскій телеграфъ*, изобрѣтенный г-мъ Морсомъ».

«Иногда, вмѣсто того, чтобы придавать пластинкѣ качаніе взадъ и впередъ, ей придаютъ круговращательное движеніе. Это телеграфы съ кадранами, употребительные на желѣзныхъ дорогахъ, и казенные, которые, съ помощію двухъ проволокъ и двухъ указательныхъ стрѣлокъ, воспроизводятъ всѣ сигналы воздушныхъ телеграфовъ, употреблявшихся прежде».

«Вообразимъ теперь, что устроены кругъ, горизонтально расположенный, на которомъ помѣщены всѣ нужныя буквы, цифры, знаки препинанія, и проч. Понятно, что съ помощію описаннаго магнита, можно издали приводить въ движеніе желаемую букву, или знакъ, и слѣдственно оттискивать ихъ на подложенномъ для того листѣ. Это телеграфъ печатающій».

«Сдѣлано и еще болѣе. Посредствомъ того же магнита и механизма, конечно довольно многосложнаго, начали воспроизводить письменные знаки, въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ пишущаго. Съ помощію этого механизма, находясь въ Парижѣ и рисуя обыкновеннымъ образомъ чей-нибудь профиль, вы можете въ то же самое время рисовать его и во Франкфуртѣ на Майнѣ».

«Опыты, двѣданные въ такомъ родѣ рисованія, вполне удались; снаряды, изобрѣтенные для этого, были выставлены на лондонской всемірной выставкѣ. Въ нихъ есть только нѣкоторые мелочные недостатки, но и они вѣроятно, будутъ устранены».

«Кажется, больше не остается уже ничего сдѣлать въ этой области линковинъ. Однакожь, попытаемся, можетъ быть придумаемъ и еще что-нибудь. Мнѣ пришло въ голову, не удастся ли, на примѣръ, самые звуки рѣчи передавать посредствомъ электрическаго телеграфа, то-есть, нельзя ли изъ Парижа разговаривать съ кѣмъ-нибудь въ Вѣнѣ? Думаю, что это возможно, вотъ какимъ образомъ:

«Звуки, какъ известно, образуются отъ сотрясеній, переносимыхъ въ слуховой каналъ, тою средою, въ которой сотрясенія эти происходятъ».

«Но сила такихъ сотрясеній, по мѣрѣ отдаленія, быстро ослабѣваетъ, такъ что она не простирается далѣе известныхъ, очень ограниченныхъ предѣловъ, даже съ помощію руперовъ, говорныхъ трубъ, и проч. Но представьте себѣ, что вы говорите возлѣ такой подвижной пластинки, которая имѣетъ столько гибкости и упругости, что способна приходить въ сотрясеніе отъ всѣхъ измѣненій голоса; вообразите, что пластинка эта находится въ сообщеніи съ гальвано-электрическимъ столбомъ, на другомъ концѣ котораго придѣлана другая подобная пластинка, вѣрно и мгновенно повторяющая сотрясеніе первой».

«Конечно, сила звуковъ, происходящихъ при точкѣ отправленія, гдѣ пластинка сотрясается отъ звуковъ голоса, издаваемого говорящимъ человѣкомъ, будетъ переменчивая, но она будетъ постоянно одиноковая на противоположной оконечности столба, гдѣ сотрясенія производятся уже электричествомъ; доказано, что звуки отъ того не измѣнятся».

«Изъ этого очевидно, что звуки будутъ воспроизводиться съ одинаковою звонкостью».

«При теперешнемъ состояніи акустики, какъ науки, нельзя еще изъ одной теоріи вывести вѣрнаго заключенія будутъ ли съ такою же точностью, какъ отдельные звуки, передаваться и самые слоги, произносимые человѣкомъ, потому что еще не достаточно изслѣдовано, какъ образуются эти слоги. Замѣчено, правда, что одни изъ нихъ произносятся съ помощію зубовъ, другіе съ помощію движеньей, сообщаемыхъ губамъ, и т. д.; но вотъ и все».

«Однакожь, какъ бы то ни было, а надобно припомнить, что и слоги воспроизводятся съ точностью одними только сотрясеніями среды, въ которой произносятся; воспроизведите вѣрно сотрясеніе, и вы воспроизведете съ такою же точностью и слоги».

«Во всякомъ случаѣ, при теперешнемъ состояніи науки, никакъ нельзя доказать неоспоримо, чтобы передача звуковъ посредствомъ

★

электричества была совершенно невозможна. Напротивъ, всѣ вѣроятности на сторонѣ того, что это удобоисполнимо».

«Когда въ первый разъ заговорили о приложеніи электромагнетизма къ телеграфіи, то человекъ, занимающій важное мѣсто въ ученomъ мѣрѣ, назвалъ эту мысль хотя прекрасною, однакожь принадлежащею къ утопическимъ мечтамъ. Но не смотря на этотъ приговоръ, по видимому рѣшительный, теперь уже существуетъ прямое сообщеніе Вѣны съ Лондономъ посредствомъ простой проволоки. — Это невозможно, говорили знатоки, однакожь это существуетъ».

«Не подвержено сомнѣнію, что передача звуковъ человѣческой рѣчи посредствомъ электричества будетъ современемъ принаровнена къ практикѣ въ безчисленномъ множествѣ очень важныхъ случаевъ».

«Для этой передачи даже не будетъ нужно никакихъ особенныхъ снарядовъ: довольно электро-гальваническаго столба, двухъ сотрясательныхъ пластинокъ и металлической проволоки».

«Во многихъ случаяхъ, — напримѣръ въ большихъ ремесленныхъ заведеніяхъ, — можно будетъ съ помощью такого снаряда передавать на далекое разстояніе приказы и распоряженія, что неудобно дѣлать посредствомъ теперешнихъ телеграфовъ, передающихъ извѣстія по буквамъ».

«Наконецъ, что бы ни было, но неподвержено никакому сомнѣнію, что рано или поздно звуки человѣческой рѣчи будутъ передаваться посредствомъ электричества. — Я началъ производить опыты, при которыхъ, разумется, нужно терпѣніе и время; но по началу уже предвижу благоприятный результатъ».

— Въ «Библиотекѣ Железныхъ Дорогъ» подъ названіемъ *Современной Греціи*, помѣщена статья, содержащая въ себѣ много анекдотовъ и любопытныхъ свѣдѣній, которые авторъ, г. Абоутъ, воспитанникъ Аѣинской школы, собралъ въ продолженіе своего долговременнаго пребыванія въ Греціи. Приводимъ отрывокъ изъ этой статьи.

«Въ Греціи, говоритъ авторъ, разбойники не составляютъ, какъ въ другихъ странахъ, особаго, совершенно отчужденнаго отъ общества класса людей. Каждая шайка имѣетъ своего начальника, или директора, своего импресарио въ томъ или другомъ городѣ, часто даже въ самой столицѣ».

«Простые разбойники часто возвращаются въ общество мирныхъ гражданъ. Не рѣдко и крестьяне идутъ на нѣсколько недѣль

въ разбойники, если знаютъ, что есть случай хорошо поживиться. Закончивъ дѣло, они опять возвращаются къ своей пашиѣ. Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы такъ много людей, какъ въ Греціи, пускались въ разбой по случаю».

«Знакомый мнѣ Французъ, проживавшій въ Аѳинахъ, рассказывалъ, что однажды слуга его робко вошелъ къ нему въ комнату, повертывая въ рукахъ шапку».

— Что тебѣ надобно?

— Я хотѣлъ бы попроситься у васъ, эфенди, да не смѣю.

— Куда? говори смѣло.

— Эфенди, мнѣ хочется недѣльки на три, на четыре въ горы.

— Въ горы! за чѣмъ же?

— Порагуляться.... Не въ обиду вашей милости, эфенди, здѣсь я захирѣлъ. Въ Аѳинахъ васъ такое множество людей образованныхъ, что я боюсь опозлиться съ вами.... Не гнѣвайтесь, я не думаю васъ оскорблять.

«Французъ, убѣжденный этими основательными доводами, отпустилъ своего слугу на мѣсяць въ горы. По прошествіи срока онъ возвратился и не укралъ ни булавки изъ дому».

«Два знакомые мнѣ путешественника, отправлявшіеся въ северную Грецію, наполненную разбойниками, думали было вытребовать охранный листъ у начальниковъ шайки; но подумавъ хорошенько, они отказались отъ своего намѣренія: «Ну, если эти господа, подумали они, изъ доброжелательства къ своимъ подчиненнымъ, предувѣдомятъ ихъ подъ рукою о нашемъ путешествіи, и подарятъ имъ нашъ багажъ! Ужъ лучше положиться на авось, чѣмъ на честность Грека!» И они отправились въ путь, не взявъ охраннаго листа».

«Но чуть было имъ не довелось раскаяться въ этомъ поступкѣ. Однажды, взбираясь на крутую гору, они смотрѣли съ наслажденіемъ на прекрасный, открывшійся передъ ними ландшафтъ, какъ вдругъ увидѣли трехъ паликаровъ съ ружьями. Они шли съ трехъ разныхъ сторонъ, и путешественникамъ осталась возможность уйти только въ четвертую, то-есть назадъ, и потому они пустились во всю прыть опять внизъ. Напрасно паликары кричали имъ: «Постойте, постойте!» Они даже и не оглянулись назадъ».

«У меня былъ знакомецъ Французъ; его обобрали на возвратномъ пути изъ педальней поѣздки. Впрочемъ, разбойники не все у него отняли, они оставили ему его ударное ружье, потому что сами знаютъ употребленіе только ружей обыкновенныхъ. Деньги они

отняли у него всё. Но онъ говорилъ очень хорошо по-гречески и объяснилъ начальнику шайки, что ему нельзя возвратиться въ городъ безъ копѣйки. По этой причинѣ ему оставили пять франковъ. Это случилось въ шести только миляхъ отъ Аѳинъ».

«Извѣстно также, что самыя Аѳины едва не сдѣлались добычею разбойниковъ. На островъ Эвбея, образовалась шайка чуть не съ армію; она шла уже на столицу, и, вѣроятно, овладѣла бы ею, если бы предводителю не оторвало руки первымъ ядромъ, пушеннымъ противъ него. Онъ упалъ, а шайка его разбѣжалась. Если бы ядро хоть мало-мальски хватило въ сторону, жители Аѳинъ были бы ограблены, какъ одиночный путешественникъ въ дремучемъ лѣсу».

«Послѣ этой попытки, самая отважная разбойничья проѣлка состояла въ томъ, что разбойники захватили, на Коринѣскомъ перешейкѣ, тюки и депеши австрійскаго Лойда. Суда этой компаніи, для сокращенія пути, пристають къ перешейку съ западной стороны, при городкѣ Лутраки; здѣсь съ нихъ выгружаютъ депеши и товары, и отправляютъ на возахъ къ восточному берегу перешейка, гдѣ снова нагружаютъ на суда, ожидающія въ Каламаки. Однажды возы эти были остановлены и ограблены; виновники такого прекраснаго дѣла не стали хвастаться имъ, а полиція не стала ихъ разыскивать».

«Одинъ почтенный нѣмецкій туристъ испыталъ на себѣ, что путешественники не должны обременять себя драгоценностями. Онъ былъ величайшій охотникъ до дорогихъ вещей и разбѣжалъ по Востоку весь изукрашенный, — можетъ быть для внушенія большаго къ себѣ довѣрія трактирщикамъ, можетъ быть не желая разстаться съ вещами, съ которыми у него были сопряжены какія-нибудь дорогія воспоминанія. Однажды съ нимъ встрѣтился разбойникъ, вооруженный съ ногъ до головы, устави́лъ противъ него пару пистолетовъ, и потребовалъ кошелекъ».

«Блестательный путешественникъ, чтобы добраться до кармана, гдѣ лежалъ кошелекъ, разстегнулъ пальто и неосторожно открылъ золотую цѣпочку».

«Подай сюда и часы!» сказалъ разбойникъ».

«Нѣмецъ, чтобы ловчѣе было ему снять цѣпочку, снялъ перчатку. — Отдай и перстни свои! прибавилъ грабитель. — Снимая цѣпочку, путешественникъ открылъ бриліантовыя пуговицы на рубашкѣ. — Подай-ка и пуговицы! вскричалъ разбойникъ. Снять пуговицы, Нѣмецъ открылъ медальонъ, висѣвшій у него на шеѣ. — А! подай и

это, заревѣлъ ненасытный грабитель. — Это было всего тягостнѣе для бѣднаго Нѣмца; если бы не было на него уставлено двухъ пистолетовъ, онъ оказалъ бы отчаянное сопротивление. Въ медальонѣ были волосы Фанни Эльслеръ. Онъ дорожилъ ими больше всѣхъ своихъ вещей, тѣмъ болѣе, что и заплатилъ за нихъ огромную цѣну».

«Одна довольно легкомысленная путешественница, по имени Д..., любила срисовывать ландшафты и жила у герцогини Піаченцкой; ее обобралъ во ста шагахъ отъ Аѳинъ, на горѣ Ликабетъ, молодой Грекъ, красивый, хорошо одѣтый, который снялъ съ нея золотую цѣпочку. Она рассказывала всѣмъ, что занималась рисованьемъ, когда этотъ хорошенькій мошенникъ обобралъ ее».

— Да за чѣмъ же вы подпустили его такъ близко? спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ рассказѣ. — Дамогла ли я угадать, отвѣчала она съ своимъ обычнымъ легкомыслиемъ, что онъ хочетъ покуситься на мою цѣпочку?»

«Негритянка, слышавшая колдуньей и умершая въ Смирнѣ, сообщила, что въ такомъ-то мѣстѣ паша Мистры зарылъ свои сокровища. Греческое правительство послало на это мѣсто комиссію подъ начальствомъ одного изъ министровъ. Эту комиссію сопровождали пятьсотъ человекъ солдатъ. Начали копать. По близости, на морѣ, стояло на якорѣ военное судно, готовое увезти находку. Раскопки обошлись очень дорого, время было такое, когда свирѣпствуютъ лихорадки. Проработавъ мѣсяца два, нашли оловянный подсвѣчникъ. «Ну! вскричали члены комиссіи, теперь мы попали на слѣдъ!» и принялись трудиться съ удвоеннымъ усердіемъ. Еще мѣсяца спустя, министръ отправился обратно въ Аѳины, совершенно убѣжденный, что негритянка ошиблась. Товарищи его грустно потащились на корабль, ожидавшій ихъ не съ пустыми руками; отрядъ, которому нечего было охранять, слѣдовалъ въ почтительномъ отдаленіи. Разбойники, слышавшіе о кладѣ, съ самаго начала разсудили такъ: «Пусть ихъ ищутъ, мы ихъ послѣ обыщемъ!» Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, досадуя на неудачу комиссіи, они вапали на ея членовъ и отняли у нихъ всѣ бывшія съ ними вещи и деньги.

«Герцогиню Піаченцкую захватилъ было Бибики, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ аттическихъ разбойниковъ. Онъ сдѣлался разбойникомъ не по злости, а потому что былъ несчастливъ женою, которая обманула его, и онъ мстилъ за эту обиду всему роду человѣческому. Это былъ, впрочемъ, человекъ рѣшительный; онъ безстрашно занимался своимъ ремесломъ у самыхъ воровъ аѳинскихъ».

«Мнѣ давно хотѣлось услышать изъ устъ самой герцогини, о томъ, какъ случилось съ нею это ужасное происшествіе. Но герцогиня не любитъ рассказывать о продѣлкахъ, какія съ нею разыгрывали мошенники. Какой-то банкиръ, въ котораго она ввѣрилась, обанкрутился умышленно, и лишилъ ее трехъ сотъ тысячъ драхмъ (около 60 тысячъ рублей серебромъ); она не жаловалась на это никому. Какіе-то негодяи сожгли у нея домъ; она обвиняетъ въ этомъ несчастіи только непрочность матеріаловъ, изъ которыхъ домъ былъ выстроень. Нѣкоторые другіе изломали для забавы своей мостъ, который она построила черезъ рѣку Иллисусъ, — ихъ она не обвиняетъ ни въ чемъ. Каждый разъ, какъ я заводилъ съ нею рѣчь о Бибики, она начинала говорить о чемъ-нибудь другомъ».

«Однажды мы были съ нею наединѣ; казалось, ей не объ чемъ уже было говорить; я спросилъ у нея съ робостью:

— Правда ли, ваша свѣтлость, что на Пентеликской дорогѣ васъ задержалъ...

— Мнѣ хочется, перервала она, рассказать вамъ о прекрасной шуткѣ, о которой я слышала отъ Жоржа Кювье. Это небольшой разговоръ, написанный въ 1814-мъ году въ Римѣ, на пьедесталѣ статуи Пасквины... Мнѣ понравился расказъ, и я хохотала отъ души.

— Ваша свѣтлость, сказалъ я, умете превосходно рассказывать; расскажите же мнѣ, что съ вами случилось...

— О, поспѣшила она прибавить, нынче ужъ нѣтъ хорошихъ расказчиковъ. Въ мое время отъ расказовъ всѣ были безъ ума, и каждый, кто умѣлъ искусно рассказывать, былъ повсюду любезнымъ гостемъ. Нынѣшніе романисты — плохіе, жалкіе, расказчики, — они умбютъ только философствовать. Поэты вашего времени только стонуть да декламируютъ. Кто изъ нихъ умѣетъ такъ изящно рассказывать какъ Демиль?

«Я подумалъ про себя: если заспорю, такъ я пропадѣ, и потому низкимъ образомъ согласился, что Демиль лучшій повѣствователь въ мірѣ. — Я очень рада, сказала герцогиня, что вы одного со мною мнѣнія. Ламартинь и Гюго написали ли хоть что-нибудь подобное вотъ, напримеръ, этимъ стихамъ»:

«Я повѣсилъ голову и выслушалъ цѣлую нескончаемую тираду изъ поэмы «Сады». Это, если не ошибаюсь, было то мѣсто гдѣ дикарь узнаетъ въ парижскомъ ботаническомъ саду дерево, привезенное съ его родины. Когда герцогини кончила, я опять началъ»:

— Ах! ваша свѣтлость, какая у васъ превосходная память. Быть не можетъ, чтобы вы не изволили помнить всѣхъ подробностей происшествія...

— Я ничего не забыла, и многому научилась. Я помню все что происходило въ Аѳинахъ со времени моего прибытія въ Грецію. Я знаю... Но послушайте, мнѣ кажется, я ужъ слишкомъ много знаю, не худо бы и забыть кое-что. Напримѣръ....

«Наконецъ, подумалъ я, она расскажетъ мнѣ свою исторію; но и тутъ ошибся.

— Вврители вы, продолжала она, что въ здѣшней странѣ хоронятъ иногда живыхъ?

— Ужъ не разбойники ли это дѣлаютъ?

— Нѣтъ, могильщики. Въ Аѳинахъ былъ одинъ бѣднякъ, который часто впадалъ въ продолжительные обмороки. Однажды обморокъ его продолжался долге обыкновеннаго; его сочли мертвымъ, и похоронили. На другой день могильщикъ, работавшій поблизости, услышалъ въ могилѣ шумъ, и не сказалъ объ этомъ никому. Но дня черезъ два, встрѣясь со вдовою похороненнаго, сказалъ ей: Видно мужу твоему не нравится на томъ свѣтѣ; онъ такъ буянить, что того и гляди всѣхъ покойниковъ переполошитъ. Вдова тотчасъ понесла денегъ въ церковь, чтобы священникъ молился объ упокоеніи души ея мужа, и дорогою рассказывала всѣмъ, что мужъ ея не можетъ успокоиться. Кому-то пришло въ голову разрыть могилу, и покойника нашли уже въ самомъ дѣлѣ умершимъ, но въ ужасныхъ корчахъ.

— Не ужели! вскричалъ я; да это ужасно! и самыя страшныя исторіи о разбойникахъ....

«Герцогиня перервала мои слова. — Не думайте, чтобы я позволила этимъ людямъ похоронить себя. Нѣтъ, нѣтъ! я ужъ приняла свои мѣры, и если они похоронятъ меня живую, что очень вероятно, то буду имѣть возможность спастись. Я прикажу въ духовномъ завѣщаніи, чтобы меня положили на хорошую постелю, а постелю эту поставили въ пространномъ недушномъ склепѣ, съ двумя дверьми. Возлѣ меня положить букетъ съ пахучими цвѣтами, ихъ запахъ поможетъ мнѣ очнуться; сверхъ того я велю поставить передъ собою бутылку Бордосскаго вина, чтобы при случаѣ подкрѣпиться имъ. А чтобы не пришли убить меня въ могилѣ, послѣ моей смерти, я назначаю 15,000 франковъ годоваго дохода въ пользу какого-нибудь очень сильнаго пастуха, съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ

въ комнатахъ, расположенныхъ надъ склепомъ, и охранялъ мое спокойствіе.

— Неужели же, ваша свѣтлость изволите думать, что разбойники...? «Кто-то взошелъ; это была Джанта (*).

— Вы пришли кстати, сказала я ей. Герцогиня хочетъ рассказать, какъ она была остановлена разбойникомъ Бибики.

— А! сказала Джанта, объ этомъ несчастномъ, который сдѣлался разбойникомъ отъ того, что жена обманула его! Однакошъ ваша свѣтлость, что-то разговаривали нынче.

— Объ этомъ не стоитъ рассказывать, торопливо отвѣчала герцогиня.

— Какъ не стоитъ! Объ чемъ же еще лучше рассказывать? Вы были однѣ въ каретѣ, то-есть однѣ съ греческимъ офицеромъ, который дрожалъ какъ листъ, и пряталъ свою саблю за спину. Бибики, обрадовавшись, что ему удалось захватить такую знатную и богатую особу, не зналъ сколько ему просить у васъ денегъ: то просилъ 20,000 дублоновъ, то 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Узнавши, что ему не известна цѣнность денегъ, о которыхъ онъ говорилъ, ваша свѣтлость вздумали спросить сколько выкупу потребуетъ онъ съ васъ греческими деньгами, и онъ отвѣчалъ 200,000 драхмъ (40,000 руб. сер.).

— Да, прибавила герцогиня, которая ужъ не могла отдѣлаться отъ оглашенія своей исторіи, бѣдный человекъ говорилъ съ такою грустію: «Дайте намъ эти 200,000 драхмъ; мы употребимъ ихъ на доброе дѣло; уведемъ въ Турцію, не станемъ бѣдѣ разбойничать. купимъ землю и будемъ ежедневно благословлять ваше имя». Если бы вы видѣли какъ почтительно онъ говорилъ со мною, стоя у дверецъ кареты, то подумали бы, что онъ просить милостыню.

— Порядочное подаяньице!... И вы согласились?..

— Да, но я торговалась, и наконецъ подписала билетъ въ 15000 драхмъ (3000 рублей сер.), за которыми спутникъ мой отправился въ Аѳины, а я между тѣмъ осталась въ залогъ. Къ несчастію архитекторъ мой, вѣхавшій навстрѣчу мнѣ, увидѣлъ издали, что со мною происходитъ, бросился въ Калаандри и привелъ всю деревню ко мнѣ на помощь. Когда несчастный Бибики увидѣлъ себя въ необходимости бѣжать безъ денегъ, то откланялся мнѣ съ такимъ жалкимъ видомъ, что у меня слезы навернулись на глазахъ.

(*) Молодая Англичанка, о приключеніяхъ которой г. Абоутъ подробно рассказываетъ въ своей статьѣ.

Я дала ему десять франковъ, и онъ принялъ ихъ съ благодарностью. Въ этихъ людяхъ есть много добраго.

— Конечно, прибавили Джанта, но имъ приходятъ иногда въ голову довольно странныя идеи. Вы сами не знаете ли какой-нибудь исторіи о разбойникахъ? прибавила она.

— Никакой. Во Франціи, какъ вамъ извѣстно, эта отрасль промышленности не процвѣтаетъ. Со мною случилось въ Греціи только одно происшествіе, и я расскажу вамъ объ немъ. Въ послѣднюю мою поездку въ Морею, я былъ съ нѣкоторыми товарищами въ горахъ, вдали отъ всякаго пособія, въ такомъ ущельи, которое, кажется, еще уже Фермопильскаго. Вдругъ мы увидѣли толпу подозрительныхъ людей, которые скакали къ намъ во весь опоръ. Начальникъ шайки сидѣлъ на хорошей лошади, и отличался такимъ костюмомъ, который пригодился бы для любой оперы. Лице у него было свирѣпое, впрочемъ не чуждое нѣкотораго величія. Но спутники его всѣ были пребезобразныя. Мы не были вооружены, однакожь приготовились обороняться; не знаю отважный ли видъ нашъ удержалъ нападающихъ, или имъ показалось, что мы бедны и не стѣдимъ того, чтобы насъ ограбить, или наконецъ они имѣли въ виду другую добычу, только они проскакали мимо, и скоро исчезли въ облакахъ пыли.

«Четверть часа спустя мы встрѣтились съ крестьяниномъ. — Что это за люди? спросилъ я; должно быть разбойники?»

«Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: это подпрефектъ, разъѣзжающій по своему округу».

То, что здѣсь говорится о современной Греціи довольно оригинально, хотя мы и незнаемъ до какой степени справедливо; но не меньше оригинально и то, что пишетъ одинъ изъ парижскихъ корреспондентовъ газеты *Indep. Belge* о современной Франціи. Вотъ его слова:

«Я васъ удивлю, можетъ быть, если буду рассказывать о происшествіяхъ, совершающихся въ настоящее время на парижской биржѣ».

Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ не проходитъ ни одного дня, чтобы многочисленная толпа, крупныхъ и мелкихъ спекуляторовъ, банкировъ, знатныхъ и не знатныхъ владѣльцевъ, коммерческихъ агентовъ, барышниковъ, однимъ словомъ толпа людей прозорливыхъ и опытныхъ, собирающихся подъ длинную колоннадою этого храма торговли, не была жертвою самаго наглаго воровства. Обшариваютъ карманы сюртуковъ, карманы жилетовъ, карманы панталонъ, даже вырываютъ изъ рукъ билеты и цѣлые портфели, если только вы чуть-чуть опло-

шааете. Этого мало: въ тѣснотѣ съ вѣсь срывають часы, цѣпочки, перстни. Въ прошлый четвергъ у одного известнаго спекулятора вырвали изъ кармана двадцать банковыхъ билетовъ, каждый по тысячи франковъ. Не правда ли что это ужъ черезъ чуръ выгодныя спекуляціи для воровъ?»

И такъ парижскіе слухи о мнимомъ взятіи Севастополя и происшедшее отъ того повышение фондовъ, — о чемъ уже мы говорили въ послѣднемъ нашемъ фельетонѣ, — послужили къ обогащенію.... воровъ. Это то же результатъ довольно забавный и, вѣроятно, вовсе неожиданный спекуляторами той столицы, которая считаетъ себя законодательницей европейской образованности.

Говорятъ, что самъ префектъ полиціи сталъ въ тупикъ отъ такого безпримѣрно наглаго воровства, осуществившаго типы воровъ, выводимыхъ на сцену Диккенсомъ.

«Передѣлки Парижа идутъ медленно, — прибавляетъ тотъ же корреспондентъ, — и работники едва-едва добываютъ насущный хлѣбъ. Только небольшія требованія на обои, да заказы на мебель чернаго дерева оживляютъ немного общій застоій во всѣхъ отрясахъ промышленности. Но хуже всего то, что цѣны на жизненные припасы нисколько не уменьшаются, и цѣны на квартиры такъ высоки, что становятся вовсе недоступными для бѣднаго класса. А между тѣмъ дешевизны на то и другое нельзя и ожидать въ скоромъ времени: въ первомъ случаѣ по поводу войны, во-второмъ по поводу сломки огромнаго количества зданій. Нѣкоторые обширныя магазины и большія зданія были пощажены до сихъ поръ отъ всеобщаго разрушенія, но въ послѣднее время назначили и ихъ подвергнуть той же участи. Молодые люди наши цѣлыми толпами спѣшать отправляться въ армію, и эту жажду крови и славы очень легко объяснить въ такое время, когда имъ нечего ѣсть и негдѣ жить».

Послѣ этого мы позволимъ себѣ сдѣлать вопросъ: долго ли можетъ Франція выдержать подобное положеніе, и для кого обременительнѣе война — для нея или для Россіи?..

А между тѣмъ тѣ же Французы кричатъ о настоящей войнѣ, хвѣстають ей, сулятъ сами себѣ отъ нея золотыя горы. Другой парижскій корреспондентъ той же самой газеты, изъ которой заимствовали мы вышеприведенныя выписки, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе по поводу Крымскихъ событій:

«Русскіе не атаковали нашей арміи при переходѣ ея къ Балаклавѣ, и не сильно препятствуютъ намъ въ производствѣ осадныхъ

работу. Это вполне убедило нашихъ солдатъ въ ихъ превосходствѣ передъ непріятелемъ».

Странная логика! солдаты убедились въ своемъ превосходствѣ передъ непріятелемъ потому только, что на нихъ *еще* не нападали! И эта логика тѣмъ еще страннѣе, что тотъ же самый корреспондентъ, подписывающійся всегда буквою Y, въ началѣ своего письма разсуждаетъ такимъ образомъ:

«Медленность нашихъ дѣйствій доказываетъ, что главнокомандующіе ничего не хотятъ предпринимать наудачу, что они предпочитаютъ путь болѣе долгій, но вѣрный, и берегутъ драгоценную кровь солдатъ».

Да отчего же господинъ Y не подумалъ, что и русскій главнокомандующій точно такъ же дорожить кровью своихъ солдатъ, и что эта же самая причина, а не сознаніе превосходства непріятельской арміи, останавливала и его отъ нападенія на Англо-французскую армію при переходѣ ея къ Балаклавѣ. Это заключеніе было бы и гораздо справедливѣе и гораздо простѣе. Но таковъ ужъ характеръ Французовъ, взявшихъ на однихъ словахъ Севастополь, пожаловавшихъ маршала Сентъ-Арно герцогомъ Севастопольскимъ и проч. и проч. и таковъ онъ, кажется, былъ и всегда. Вотъ что сказалъ о нихъ одинъ итальянскій писатель еще въ XVI столѣтіи:

«Благодаря своей наглости, они умѣютъ изъ плохой основы сдѣлать отличную ткань».

«Они до того заняты выгодами или невыгодами настоящаго, что скоро забываютъ прежнія благодѣянія или обиды, и мало думаютъ объ успѣхахъ или неудачахъ въ будущемъ».

«Они болѣе суетливы, нежели благоразумны. Имъ нѣтъ большой нужды до того, что бы объ нихъ ни говорили, ни писали. Они болѣе корыстолюбивы, чѣмъ кровожадны. Добры только на словахъ, а не на дѣлѣ».

«Если ищешь отъ нихъ какой-нибудь услуги, они прежде всего разсуждаютъ не о томъ, въ состояніи ли они сдѣлать эту услугу, а о томъ, выгодно ли будетъ для нихъ это дѣло».

«Первая сдѣлка съ ними всегда вѣрнѣйшая».

«Если они не могутъ сдѣлать добра, то надаютъ кучу обещаній; когда же въ состояніи услужить, то дѣлаютъ добро неохотно, или и вовсе не дѣлаютъ».

«Смирные въ несчастіи, при счастьѣ они высоко поднимаютъ, голову».

«Во многихъ случаяхъ они мало заботятся о своей чести».

— Въ одномъ изъ N нашего журнала мы привели отрывки изъ неизданной переписки Гофмана; теперь приводимъ письмо Моцарта, любопытное особенно потому, что Моцартъ самъ говорить въ немъ о томъ, что происходило въ душѣ его, когда онъ сочинялъ (*). Оно адресовано къ какому-то барону, который прислалъ ему нѣсколько бутылокъ мадеры. Подарокъ этотъ, по всей вѣроятности, побудилъ къ большей откровенности великаго музыканта, любившаго, какъ извѣстно, хорошее вино.

«Добрый и любезный баронъ, я много разъ и радостно цѣловалъ ваше письмо. Только вы ужъ черезъ чуръ хвалите меня; этого не слѣдовало бы. Я могу слышать похвалы себѣ тамъ, гдѣ къ нимъ привыкъ, но не охотникъ читать ихъ. Вы любите меня, безцѣнный баронъ; но ни я, ни сочиненія мои не заслуживаемъ этого. Что мнѣ сказать о вашемъ подаркѣ? Онъ для меня тоже, что звездочка въ темную ночь, что цвѣтокъ зимою. Богу извѣстно, сколько я мучусь для добыванія куска хлѣба.... Вамъ сказали, что я лѣнтяй.... Прошу васъ, дайте тому, кто вамъ сказалъ это, пару хорошихъ пощечинъ; баронъ легко можетъ позволить себѣ такую вольность».

«Вотъ уже три недѣли, какъ я сочиняю симфонію, и съ завтрашней почтою напишу къ Гофмейстеру и предложу ему эту пѣсню, если у него есть деньги. Боже мой! будь я знатный баринъ, то сказалъ бы: «Моцартъ, сочиняй для меня, сочиняй что ты можешь, что ты хочешь. Я не дамъ тебѣ ни копейки до тѣхъ поръ, пока ты не кончишь какую-нибудь пѣсню, но по мѣрѣ ихъ окончанія, я буду покупать у тебя каждую, для того, чтобы ты не былъ вынужденъ бѣгать и отыскивать куда бы сбыть свои произведенія!» Ахъ! какую тоску нагоняетъ иногда на меня такое стѣсненное положеніе; какъ я становлюсь нелюдимъ, золь! Призываюсь, тогда я замѣчаю въ себѣ много такого, чему бы не слѣдовало происходить въ душѣ моей. Вотъ, настоящая правда, добрый и благородный другъ; и такъ не вѣрьте тому, что вамъ наговариваютъ злые и глупые люди».

«Но отошлемъ все это въ Casa del Diavolo. Теперь перейду къ самому щекотливому мѣсту вашего письма, къ мѣсту, на которое мнѣ очень не хотѣлось отвѣчать. Вы спрашиваете—какимъ образомъ я пишу и составляю большія, исполненныя силы сочиненія мои. Право, объ этомъ могу вамъ сказать только то, что и самъ ничего

(*) Письмо это безъ числа, и мы передаемъ только любопытнѣйшія мѣста его.

не знаю какимъ образомъ это происходитъ. Когда мнѣ хорошо, когда я въ веселомъ расположеніи духа, — или ночью, если мнѣ не спится, идеи льются у меня рѣкою, и притомъ всегда прекрасныя. Откуда и какъ онѣ приходятъ, — не знаю. Я затверживаю тѣ, которыя нравятся мнѣ, пою ихъ въ полголоса: такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ сказывали. Если я ихъ упомяну съ точностью, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ приходили ко мнѣ сами собою, то и записываю ихъ въ такой же послѣдовательности. Каждая пьеса (motseau) становится на мѣсто, которое должна занимать, смотря по контра-пункту и звуку разныхъ инструментовъ, и т. д. Тогда, если я не разстроена, душею моею овладѣваетъ восторгъ; идеи умножаются, возрастаютъ, я развиваю ихъ, и онѣ становятся ежеминутно яснѣе и опредѣленнѣе. Когда все уладится у меня въ головѣ, то какъ бы ни была длинна пьеса, я обнимаю ее въ умѣ однимъ взглядомъ, какъ прекрасную картину, или красиваго человѣка, и тогда слышу въ воображеніи моемъ — не то что каждую часть, слышащую одну за другою, какъ это бываетъ въ исполненіи, но все вмѣстѣ, въ цѣльной совокупности. Вотъ тогда-то пиръ для меня. Изобрѣтеніе и расположеніе проходятъ мимо меня какъ прекрасный сонъ; но совокупность созданій, — вотъ что лучше всего. Сочиненія мои, такимъ образомъ создавшіяся, я не скоро забываю, и это можетъ быть лучшая изъ способностей, какими надѣлилъ меня Господь Богъ. Такимъ образомъ, когда надобно писать, я черпаю матеріалы въ хранилищѣ ума моего и быстро излагаю ихъ на бумагу. Все уже готово, и я рѣдко поправляю. Послѣ того, когда я и пишу, мнѣ уже ничто не помѣха; о чемъ бы ни разговаривали возлѣ меня, ничто мнѣ не препятствуетъ писать; я могу даже и самъ разговаривать съ Маргеритой, Варварой о курахъ и гусяхъ и т. д. Теперь, какимъ образомъ творенія мои выходятъ въ такомъ видѣ, что на нихъ виднѣтъ отпечатокъ Моцарта, а не кого-нибудь другаго? Объ этомъ можно сказать почти тоже, что объ моемъ длинномъ горбатымъ носѣ; онъ Моцартовъ носъ, а не чей-либо другой. Впрочемъ, я не гоняюсь за особенностями; очень натурально, что люди, имѣющіе особенную физиономію, не сходствуютъ съ другими, ни въ моральномъ, ни въ физическомъ отношеніи. Я знаю только, что не самъ я составилъ себѣ какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю мою сторону».

«Но оставимъ все это, любезный другъ, оставимъ навсегда; не думайте, чтобы у меня были какія-нибудь другія причины; я, по крайней мѣрѣ, ихъ не знаю. Вы человекъ ученый, не можете себѣ представить какъ мнѣ тягостно было говорить объ этомъ предметѣ; никому другому я не сталъ бы отвѣчать».

— Г. Демидовъ, — пишутъ изъ Брюсселя, — въ память своего пребыванія въ этомъ городѣ подарилъ ему бронзовый бюстъ Петра Великаго. Согласно съ желаніемъ г. Демидова мѣстное начальство опредѣлило поставить бюстъ въ томъ мѣстѣ парка, въ которомъ, какъ извѣстно, останавливался Петръ Великі . Это уже третій памятникъ, подаренный знаменитыми иностранцами городу Брюсселю, изъ признательности за его гостепріимство. Первый: Саблонскій фонтанъ, воздвигнутый лордомъ Брюсомъ, графомъ — Альсбюри; второй: бюстъ Карла V-го; недавно подаренный княземъ Меттернихомъ.

— Ученый свѣтъ понесъ недавно важную утрату: кардиналъ Май, знаменитый своими драгоценными открытіями палимпсестовъ (*), умеръ 9-го минувшаго сентября въ Альбано. Онъ родился въ Бергамѣ, въ 1782-мъ году; въ кардиналы былъ произведенъ 12-го февраля 1838-го года, и недавно еще замѣнилъ кардинала Ламбрускини въ должности Ватиканскаго бібліотекаря.

(*) Многія греческія рукописи писались на таблицахъ, съ которыхъ написанное можно стирать. Эти таблицы назывались *палимпсесты*.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ОТЧЕТСТВЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ ЗА ПОСЛѢДНІЯ ДВА НЕДЕЛИ.

Забайкальское Казачье войско. — Пожертванія С-Петербургской городской Думы и московскихъ ремесленниковъ. — Извѣстія изъ Гельсингфорса и его ученая и литературная дѣятельность. — Актъ въ Житомирскомъ Равнинскомъ училищѣ. — Юрьевское Общество Сельскаго Хозяйства. — Награда отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ помѣщику К. З. Буницкому. — Улучшеніе русскія телѣги. — Железная руда въ нивѣи графа А. С. Уварова. — Два транспорта золота, провезеннаго черезъ Нижній-Новгородъ. — Гдѣ былъ домъ Марѣи Посадницы. — Выставка С-Петербургской Академіи Художествъ. — Вновь появлявшаяся комета.

Одинъ очевидецъ инспекторскаго смотра, произведеннаго г-мъ Наказнымъ атаманомъ Забайкальскаго Казачьяго войска въ станицѣ Олочинской, сообщаетъ объ этомъ войскѣ (состоящемъ изъ двѣнадцати пѣшихъ батальоновъ), въ ред. Р. Инвалида слѣдующія любопытныя свѣдѣнія:

«Въ продолженіе смотра, — пишетъ онъ между прочимъ, — какъ при ружейныхъ приемахъ, такъ и при разныхъ маршахъ, одинъ изъ офицеровъ, служившій въ гвардіи, и нынѣ командиръ войска, только не казачьяго, сказалъ: Еслибъ Самъ Государь изволилъ дѣлать смотръ этимъ казакамъ, право расхвалилъ бы ихъ. То, что теперь дѣлаютъ они и чему обучены, пріобрѣтается не мѣсяцами, а годами». Вотъ сужденіе знатока военной службы!

«Китайцы не выдержали смотра и маневровъ нашихъ батальоновъ. Пока происходилъ смотръ, они въ тихомолку собрались, снялись съ лагерей и ушли, половина отряда внизъ по Аргунѣ въ берестяной лодкѣ, а другая, кажется, большая половина ихъ отправилась сухимъ путемъ обратно во-свои». »

«Судя по тому, что трегій только годъ со времени сформирования (1852 г.) казаки стоятъ въ лагеряхъ, и въ каждомъ году учились не болѣе мѣсяца, со всемъ безпристрастіемъ должно сказать, что успѣхи ихъ въ военномъ образованіи превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Теперь смѣло можемъ говорить, что наша страна и ро-

дина защищена *живыми стѣнами*, гораздо благонадежнѣйшими мертвыхъ каменныхъ твердынь. У насъ есть свое родное войско, съ готовыми патронами, на первый разъ по сороку тысячъ на каждый баталіонъ. Наши казаки умѣютъ и маршировать, и заряжать ружья, и стрѣлять, а въ случаѣ надобности не струсятъ идти и принять враговъ по-русски, въ штыки!... Правда немного пужно было времени упражнять нашихъ казаковъ въ воинской отвагѣ и стрѣльбѣ, потому что почти вся первая бригада четырехъ баталіоновъ (въ особенности второй и третій баталіоны) суть потомки выходцевъ изъ уступленнаго въ 1689 году Китайцамъ Албазина, сформированы изъ природныхъ звѣролововъ и *бѣлковичковъ* (*), которымъ не страшны самыя медвѣди, а ружье да рогатина имъ издѣтства товарищи и пріятели. Промысла этого они и досель не покидаютъ: кромѣ лѣтней охоты за дичиной, съ позволенія начальства, каждую осень, послѣ уборки сѣна и хлѣба, ходятъ въ лѣса звѣрывать и бѣлковать. Есть изъ нихъ, по части стрѣльбы въ цель, своего рода артисты, которые даромъ пороха не истратятъ и пули не пошлютъ, а, увидѣвъ бѣлку на деревѣ въ лѣсу, стараются цѣлить и попадаютъ пулей въ мордочку или въ голову, чтобъ не испортить шкурки. Въ доказательство справедливости моихъ словъ, ссылаюсь на тысячи шкурокъ Аргунской бѣлки, промѣниваемой и продаваемой на ярмаркахъ. По ихъ мнѣнію, плохой тотъ стрѣлокъ и еще новичекъ на *бѣлковь*, который пулей портитъ шкурку. Этого мало. Есть даже бѣлковички (хотя ихъ немного) такіе, которые до такой степени обладаютъ вѣрностью глазомѣра и до того приспособились къ своему товарищу и кормильцу-ружьё, что удивительно соразмѣряютъ зарядъ съ дистанціей выстрѣла, стрѣляютъ бѣлку на такомъ разстояніи, что пуля не пролетаетъ насквозь, а остается въ бѣлкѣ. Это дѣлаютъ для экономіи, чтобъ и бѣлку застрѣлить, и пулю вынуть для другаго заряда. Вотъ живые опыты и примѣры искусства и удалства нашихъ казаковъ, весьма кстати пригодившіеся имъ въ этомъ званіи и состояніи.

— С.-Петербургская городская Общая Дума пожертвовала въ пользу войскъ русскаго флота двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ. При взносѣ этой суммы, по составленной Думою раскладкѣ, нѣкоторые изъ домовладельцевъ всѣхъ сословій и купцовъ внесли свыше опредѣленнаго съ нихъ размѣра, до сорока пяти тысячъ рублей серебромъ; мѣщане же и ремесленники, не имѣющіе

(*) *Бѣлковички* — мѣстное сибирское слово, значить ловець или стрѣлецъ бѣлки, а отсюда происходитъ глаголъ *бѣлковать*, т.-е. ходить въ лѣса за ловомъ бѣлки; *бѣлковье* -- мѣсто для промысла бѣлки.

домовъ. и потому не участвованіе въ первоначальномъ пожертвованіи Общей Думы, собрали добровольно по подпискѣ до одиннадцати тысячъ рублей серебромъ.

Съ своей стороны московскіе ремесленники, сочувствуя прибрежнымъ жителямъ Финляндіи, потерпѣвшимъ въ настоящую войну разореніе ихъ жилищъ, представили Московскому Военному Генералъ-Губернатору, чрезъ ремесленнаго голову, тысячу двести рублей серебромъ, на вспоможеніе тѣмъ жителямъ Финляндіи, которые наиболѣе пострадали отъ вторженія непріятеля.

— Между тѣмъ спокойствіе въ Финляндіи начинаетъ уже водворяться. Изъ Гельсингфорса пишутъ, что тамъ съ каждымъ днемъ становится тише. Многія семейства, выхавшія весною изъ города, намѣрены остаться внутри страны и на зиму. Цѣны на жизненные припасы значительно потому понизились, особенно съ тѣхъ поръ, какъ подвозъ водою происходитъ безпрепятственно. Состояніе общественнаго здоровья вообще въ самомъ удовлетворительномъ положеніи.

2-го октября происходило въ тамошнемъ университетѣ внесеніе студентовъ въ университетскіе списки, и недавно вышелъ въ свѣтъ, послѣдній за прошлый годъ, нумеръ ежемѣсячнаго журнала Финляндіи: «*Litteraturblad för allmän medborgerlig bildning*» (VII годъ, 1853, Гельсингфорсъ 1854). Если журналъ этотъ, говорятъ въ *Magasin f. d. Litteratur d. Auslandes*», не способствуетъ прямо къ тому, чтобы удовлетворить любознательности читающей публики, которой все вниманіе обращено на Сѣверъ, то онъ приобрѣлъ уже извѣстность, вполне удовлетворяя своей программѣ, а настоящій издатель его г. Свенъ Элмгренъ, въ тѣсно очерченныхъ цѣляхъ предѣлахъ журнала, умѣетъ оправдать желанія своихъ читателей не только въ Финляндіи, но и за границею. Г. Элмгренъ секретарь Финскаго Общества Словесности въ Гельсингфорсѣ, а это лучший источникъ для иностранца къ познанію какъ настоящихъ стремленій, такъ и достигнутыхъ уже цѣлей этого полного силы и дѣятельности учрежденія, составляющаго гордость Финляндіи. При этомъ однако прежде всего нужно предупредить читателя, сказавъ, что здѣсь политика встрѣчается лишь мимоходомъ, и политическія отношенія не входятъ въ разсмотрѣніе. Финляндія въ настоящемъ своемъ положеніи чувствуетъ себя совершенно счастливою. Исторія научила Финновъ, какъ часто во время шведскаго господства отечество ихъ обуревали войны и другія бѣдствія. Они видятъ теперь какъ упроченъ порядокъ ихъ управленія, и желаютъ только, чтобы настоящее благоденствіе сохранилось навсегда. Они стремятся теперь къ развитію

*

своихъ внутреннихъ силъ, и это стремленіе руководить и Финскимъ Обществомъ Словесности въ Гельсингфорсѣ, существующимъ съ 1831 года.

— 7-го сего сентября, въ Житомирскомъ Раввинскомъ училищѣ былъ торжественный актъ и первый выпускъ учениковъ этого заведенія. На этомъ актѣ дѣятели на поприщѣ образованія еврейскаго юношества старались раскрыть благія результаты воспитанія, даваемого въ Раввинскомъ училищѣ, главныя основанія котораго суть: еврейская религіозность, общечеловѣческія знанія, приспособленныя къ характеру, быту и потребностямъ этого народа, и ясное сознаніе великой чести — быть полезными и достойными согражданами Россіи.

Число воспитанниковъ этого заведенія, вступившаго въ третій періодъ своего развитія, значительно приращается. Въ настоящемъ году обучались въ немъ 275 человекъ и въ числѣ ихъ 27 казенно-коштныхъ. Окончившіе полный курсъ, получили аттестаты съ правомъ на званіе учителей казенно-еврейскихъ училищъ 2-го разряда.

— Отъ учебныхъ заведеній, число которыхъ постоянно умножается, съ цѣлью сдѣлать доступнымъ образованіе людямъ, не только различныхъ сословій, но и различныхъ религій, перейдемъ къ учрежденіямъ и предметамъ, относящимся къ сельскому хозяйству, къ развитію котораго то же принимаются возможныя мѣры.

11-го сентября открыто въ Юрьевѣ, вновь учрежденное тамъ Общество Сельскаго Хозяйства.

Помѣщикъ Екатеринославской губерніи, надворный совѣтникъ К. З. Буницкій, за приведеніе въ образцовое состояніе своего имѣнія и за составленіе поучительныхъ статей по Сельскому Хозяйству, награжденъ отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ золотою медалью, на основаніи ст. 119 Пост. о Сельскомъ Хозяйствѣ (по IV продолж. Св. Зак. Т. XII).

— Простыя русскія телѣги составляютъ необходимую принадлежность сельскаго хозяйства и имѣютъ свои неоспоримыя удобства. Самарскіе колонисты улучшили этотъ экипажъ и сдѣлали его еще болѣе удобнымъ. Ходъ телѣги ихъ такой же, какъ и у русской, то-есть, колеса прилажены къ осямъ такъ же, но вмѣсто кузова или кресель, обыкновенно обшиваемыхъ лубкомъ, они придумали развалистый, широкій сдѣланный изъ досокъ, въ верхокъ толщиной, ящикъ, только длиннѣе обыкновенной русской телѣги. Ящикъ этотъ дѣлается плотникомъ изъ строганыхъ досокъ, которыя плотно пригоняются между собою въ пазы, и утверждается на обѣихъ осяхъ. Выходитъ телѣга просторная, опрятная и легкая. А главныя удобства ея: во время ѣзды ничего не потеряешь, что ни положи въ нее. Въ ней

даже всыпанное очищенное зерно можно возить безъ малѣйшей растраты. Остановившись въ дорогѣ кормить лошадей, колонисты, отодвинувъ клажу къ одному концу, въ другомъ кладеть сѣно и овесъ, и даже повѣть лошадей въ этомъ же ящикѣ. Сообщаемъ это къ свѣдѣнію всемъ нашимъ сельскимъ хозяевамъ. Русскіе крестьяне, живущіе въ сосѣдствѣ съ колонистами, начали уже и у себя заводить такіа телеги: это сильнѣе всего говорить въ пользу улучшенія.

— Кромѣ Уральскаго хребта, изобилующаго почти всевозможными рудниками, есть много у насъ и другихъ рудниковъ еще не слишкомъ известныхъ; такъ, на примѣръ, въ Муромскомъ уѣздѣ желѣзная руда находится въ Карачаровскомъ имѣніи графа А. С. Уварова, близъ села Панфилова. Рудникъ этотъ не имѣетъ опредѣленнаго направленія, и руда въ немъ находится гнѣздами, неправильно расположенными. Первоначально руда отыскана была въ трехъ мѣстахъ, заключающихъ въ себѣ пространство въ 16-ть квадратныхъ верстъ. Руда добывается обыкновенно помощію дудокъ и подземныхъ подходовъ, которые послѣ совершеннаго вынута видимой руды, покидаются. Добывается руды ежегодно до 250-ти тысячъ пудовъ, для чего употребляется до 230-ти человекъ. Эта руда назначается для выплавления штыковаго чугуна, который отпускается для торговли.

— Говоря о рудникахъ нельзя не сказать и о двухъ транспортахъ золота, провезенныхъ 22 сентября, черезъ Нижній-Новгородъ, съ Алтайскихъ заводовъ въ С.-Петербургъ. Въ первомъ заключалось золота 206 пудовъ 40 золотн., во второмъ 206 пуд. 45 зол. 12 долей.

— Въ новгородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатана статья, въ которой приводится нѣсколько историческихъ данныхъ для точнѣйшаго опредѣленія мѣста: гдѣ былъ домъ Марѣи Посадницы. Вотъ эти розысканія:

«О мѣстѣ нахождения дома Марѣи Борецкой, жены Новгородскаго посадника Исаака, столь известной по исторіи во время покоренія Новгорода Иоанномъ III, существуютъ различныя мнѣнія. Одни показываютъ на остатокъ какого-то древняго зданія на торговой сторонѣ, близъ того дома, гдѣ было прежде Дворянское Собраніе. Зданіе или остатки его дѣйствительно древніе, устроенные со сводами; сохранился здѣсь даже остатокъ глубокаго подземнаго ледника или погреба, этой неперемѣнной принадлежности всѣхъ старинныхъ боярскихъ и вообще богатыхъ домовъ. Теперь въ остаткѣ зданія, приписываемаго Марѣи Борецкой, съ давняго времени существуетъ кузница: поселился какой-то вулканъ, замѣчаетъ г. Велтманъ въ своей брошюрѣ о *Господинѣ Новгородѣ*. Вотъ одно изъ мнѣній, съ которыми согласна бѣльшая часть. Другіе, напротивъ

того. полагають, что домъ Борецкой былъ совсѣмъ не тутъ, а гдѣ городской или такъ называемый Лѣтній садъ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ существуетъ бесѣдка, устроенная на возвышаніи, или, лучше сказать, на одномъ изъ остатковъ древнихъ валовъ, около крѣпостныхъ бастіоновъ. Отсюда открывается роскошный видъ на большую часть города; отсюда Посадница любовалась Великимъ Новгородомъ, говоритъ авторъ «Путешествія по святымъ мѣстамъ русскимъ» при описаніи имъ достопримѣчательностей Новгорода. И такъ мнѣнія разны: но гдѣ же именно находился домъ Борецкой, — это одно изъ замѣчательнѣйшихъ и великолѣпныхъ зданій древняго Великаго Новгорода, бывшее предметомъ удивленія современниковъ, прозавшихъ его *Чуднымъ домомъ Марвы Посадницы*? Для объясненія этого вопроса обратимся лучше къ свидѣтельству лѣтописей. Новгородская IV лѣтопись говоритъ: въ лѣто 6985 (т.-е. 1477 г.) той осени, Сентября 21, бысть пожаръ. отъ Рожважи улицы по горѣ и до Борковъ улицы, Побережье все и до Великой улицы, и *Марвы посадницы чудный дворъ*. (См. Полн. соб. Русс. лѣт., т. IV, стр. 130). По нарядной описи Новгорода, составленной въ 1623 году, по указу Государя Царя Михаила Ѳеодоровича, дяками: Александромъ Чоголовымъ и Добрынею Семеновымъ, значится, что Рожважа и Боркова улицы находились на Софійской сторонѣ, въ Неревскомъ концѣ. Рожважа проходила отъ берега рѣки Волхова мимо Николовскаго монастыря, называемаго Рожважскимъ, который находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь военный госпиталь. Отъ этого мѣста или бывшаго монастыря пролегала, по той же нарядной описи, еще небольшая улица Малая Рожважа или Рожважка; Боркова улица проходила отъ берега Волхова, прямо къ церкви Тихвинскія Божія Матери (Ист. разг. о древн. Новг., сочин. Митроп. Евгенія, стр. 74). Малая Рожважа едва-ли не соединялась съ Борковой. Словомъ, эти три улицы были на пространствѣ, занимаемомъ теперь военнымъ госпиталемъ, церковью Тихвинскія Божія Матери, дворцемъ и тою улицею которая идетъ отъ дворца мимо городского сада и до рѣки Волхова, на Софійской сторонѣ, начиная отъ землянаго вала, что близъ Свѣтодухова монастыря и до самой крѣпости или дѣтинца. Во II-й Новгородской лѣтописи сказано: «въ лѣто 7055 (т.-е. въ 1514 году), горѣло на Софійской сторонѣ, за рѣкою въ Кожевникахъ отъ Дослана улицы, все Побережье» (Пол. соб. Рус. лѣт., т. III, стр. 15). Дослана улица, по нарядной описи 1623 года, была тамъ, гдѣ теперь еще существуетъ мѣсто бывшей церкви Св. Великомученика Димитрія (Ист. разг. о древ. Новг. стр. 74). Церковь эта носила названіе — что въ Кожевникахъ; она сломана только въ 1817 году».

«И такъ вотъ тѣ мѣста, гдѣ находился чудный домъ Марѣи Борецкой, онъ былъ на Рожважѣ, Борковѣ, Малой Рожважи, или даже на Побережьи, съ которыми вмѣстѣ сгорѣлъ въ пожаръ 1477 года. На этихъ улицахъ надобно отыскивать этотъ чудный домъ, гдѣ, дивясь богатству гостепріимной хозяйки, сходились для совѣщаній и пировъ старѣйшины новгородскіе, гдѣ былъ принятъ и чествуемъ игумень Зосима, когда Борецкая подарила его Соловецкимъ островомъ».

«Между тѣмъ въ IV Новгородской летописи, гдѣ говорится о пожарѣ 1477 года, сказано, что Побережье выгорѣло все до Великой улицы, тогда какъ Великая или Варяжская улица была на противоположномъ берегу рѣки Волхова, на Торговой сторонѣ, близъ моста, и что эта улица начиналась отъ Варяжскаго или Нѣмецкаго двора, бывшаго тамъ, гдѣ теперь Штабъ гренадерскаго корпуса, — значить, обѣ стороны: Побережья Софійской стороны и Великая улица отдѣлялись одна отъ другой Волховскимъ мостомъ, а за мостомъ, около крѣпости существовала слободка, называемая Островкомъ, которая соединялась съ Побережьемъ. — значить не только Побережье, но 1477 года горѣлъ островокъ или слободка близъ крѣпости, а отъ нея и Волховской мостъ, откуда пламя легко могло перейти на Торговую сторону на Великую улицу, тѣмъ болѣе, что вышѣшняя Торговая площадь, вплоть до моста, была до времени Царя Іоанна Васильевича, застроена, и только въ 1570 году, по повелѣнію его, сломано все это строеніе и сдѣлано площадью (Полн. собр. Русск. лѣт., т. III, стр. 163). Подобный примѣръ пожару 1477 года находимъ въ летописяхъ подъ 6807 (1299), годомъ, и въ III Новгородской летописи говорится: «бысть пожаръ въ Великомъ Новѣградѣ: загорѣлся на посадѣ, на Торговой сторонѣ, на Знаменской, на Варяжской Великой улицы, въ Великую Субботу, въ полунощи; и вержеса огонь изъ Нѣмецкаго двора въ Неревскій конецъ, на Софійскую сторону, и загорѣся на Холопей улицѣ, а Неревлянъ на оной странѣ, а мостъ великій огонь занялъ». (Пол. соб. Рус. лѣт., т. III, стр. 222). На этотъ разъ, пламя чрезъ все Побережье достигало до Холопей улицы, сходящейся съ Борковой (Ист. разг. о древ. Новг., стр. 74), но въ пожаръ 1477 года огонь только доходилъ, а не сдвѣмалъ, какъ видно вреда Великой улицѣ; все это доказываетъ, что домъ Борецкой существовалъ не на Торговой сторонѣ, а на Софійской, въ Неревскомъ концѣ и на одной изъ тѣхъ улицъ, какъ сказано въ IV Новгородской летописи».

«Замѣчательно, что чудный домъ Посадницы Марѣи Борецкой сгорѣлъ за годъ до покоренія Новгорода В. К. Іоанномъ Василье-

вичемъ III... Любопытно бы было знать возобновился ли чудный домъ Марѳы Борецкой послѣ пожара 1477 года?»

— Въ ожиданіи отъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ полной и подробной статьи о недавно открывшейся выставкѣ С.-Петербургской Академіи Художествъ, скажемъ пока, что выставка эта открылась 11 октября. Въ десяти залахъ выставлено всего 258 предметовъ. Славные подвиги нашихъ храбрыхъ войскъ доставили художникамъ семь новыхъ сюжетовъ для картинъ: выставлены два эпизода изъ Башь-Кадыкъ-Дарскаго дѣла, подвигъ фрегата «Флорис», эпизодъ изъ сраженія при Ольтеницѣ, изъ Бородинской битвы, изъ Венгерской кампаніи 1849 года, и подвигъ подъ г. Краснымъ въ 1812 году. Последняя картина писана г. Микешпинымъ, получившимъ первую серебряную медаль.

За работы учениковъ 1-ю золотую медаль получилъ одинъ, г. Сорокинъ; 2-ю же золотую медаль получили трое: гг. Пльшановъ, Васильевъ и Флавицкій. На пять темъ первой золотой медали явилось шесть соискателей; на четыре темы второй золотой медали восемь.

— А. Н. Драшусовъ сообщаетъ, что 9-го сентября помощникъ Виленской обсерваторіи С. Гусевъ, открылъ новую комету въ созвздіи Большой Медвѣдцы, къ сѣверозападу отъ звезды α , близъ звезды 5-й величины, внесенной въ каталогъ British Association подъ N 3,531-мъ. Комета представляется, въ трубѣ, въ видѣ довольно свѣтлаго тумана, имѣющаго въ діаметрѣ около четырехъ минутъ, и движеніе ея направлено къ юговостоку. Комета эта, — какъ прибавляетъ потомъ г. Драшусовъ, была открыта прежде и наблюдаема въ Берлинѣ 31-го августа (12-го сентября н. с.). По эфемеридъ Брунса, вычисленной въ предположеніи параболическаго движенія, она должна пройти чрезъ перигелій 15-го (27-го) октября. Это четвертая комета, открываемая въ настоящемъ 1854 году.

МОСКВИТЯНИНЪ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

на 1855 годъ,

въ 24 книгахъ,

издаваемый М. Погодинымъ.

Москвитянинъ выходитъ ежемѣсячно двумя книгами отъ 15 до 20 листовъ. Четыре книги составляютъ часть, а 6 частей годовое изданіе, болѣе 400 печатныхъ листовъ, или около 6000 страницъ убористой печати, съ 12 парижскими картинками модъ. Цѣна въ Москвѣ и Петербургѣ 15 руб. серебр., а съ пересылкою 16 р. 50 к. сер.

Политическія происшествія отвлекаютъ нынѣ общее вниманіе отъ литературы. Другіе вопросы возбуждаютъ участіе общества. Но эти вопросы, разумется въ отношеніи историческомъ и ученомъ, согласномъ съ программой журнала, занимали всегда главное мѣсто въ Москвитянинѣ: состояніе христіанъ въ Турціи, отношеніе ихъ къ различнымъ странамъ Европы, ихъ историческая судьба, исторія, литература, состояніе Запада и отношеніе его къ Востоку, — вотъ о чемъ старался преимущественно Москвитянинъ распространять вѣрныя свѣдѣнія! Еслибъ собрать изъ всѣхъ мѣтъ его мысли, предположенія, намеки, въ отношеніи къ этимъ предметамъ, то вышло бъ сочиненіе, близко соответствующее настоящему времени. Въ слѣдующемъ году Москвитянинъ

особенно постарается доставить читателямъ какъ можно болѣе статей этого рода. Значительное количество ихъ заготовлено. Въ собственныхъ портфеляхъ редактора есть много любопытнаго въ этомъ отношеніи, если только онъ будетъ имѣть возможность обработать весь матеріалъ.

Кромѣ этихъ случайныхъ статей, Москвитянинъ, по прежнему, будетъ заботиться о занимательномъ и полезномъ чтеніи, о сообщеніи лучшихъ произведеній литературы отечественной и иностранной, о безпристрастной, и по возможности, полной критикѣ, о доставленіи новостей по части наукъ, искусствъ, промышленности, гражданственности, равно какъ и объ изслѣдованіяхъ по предметамъ наукъ.

Читатели видѣли въ нынѣшнемъ году труды гг. Аксакова (С. Т.), Алмазова, Пр. Баршева, Берга, Пр. Березина, Бибикова, Бгльева, Вельтмана, Кн. Вяземскаго, Гильбердинга, Григорьева, Дмитріева (М. А.), Дюбука, Желъзнова, Заблоцкаго, Пр. Зернина, Кн. Кострова, Купріянова, Пр. Ливровскаго, Пр. Лешкова, Лихонина, Любецкаго, Максимовича (М. А.) Миллера, Мина, Ознобишина, Пр. Ордынскаго, Плаксина, Погодина, Поплонскаго, Потъхина, Раича, Рамазанова, Гр. Ростопчиной, Савельева (П. С.), Де-Санглена, Стаховича, Сумарокова, Терещенка, Пр. Шевырева и проч.

Редакція надѣется на ихъ участіе въ слѣдующемъ году.

Между тѣмъ мы напомнимъ нынѣ, по обычаю, на нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ статей:

По отдѣленію **РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ**: С. Т. Аксакова: Семейная хроника; Воспоминаніе о Шушеринѣ и современныхъ ему театральныхъ знаменитостяхъ: Дмитревскомъ, Шумскомъ, Яковлевѣ, Семеновѣ и проч. М. А. Дмитріева: Воспоминанія о Русскихъ литераторахъ — Третьяковскомъ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Богдановичѣ, Петровѣ, Костровѣ, Майковѣ, Херасковѣ, Державинѣ, Капнистѣ, Карамзинѣ, Шишковѣ, Кн. Шаховскомъ, Дмитріевѣ, Мерзляковѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, Ггедичѣ, Милоновѣ, Грамотинѣ и проч.

А. А. Петъхова: Братъ и Сестра, драма. Людской судъ — не Божій судъ, драма. — *Бибикова*: Послѣдній Патито. Уличныя зрѣлища въ Италіи, — *Сумарокова*: Выборъ сердца, повѣсть. — *Стаховича*: Наѣздники, комедія. — Пер. *Лихонина*: Макбетъ, траг. Шекспира. Записки Студента и проч.

Стихотворенія *Князя Вяземскаго*, *Шевырева*, *Гр Распощиной*, *Берга*, *Раича*, *Миллера*, *Стаховича*, и проч.

По отдѣлу **ИНОСТРАННОЙ СЛОВЕСНОСТИ**: Крестница, романъ *Жоржъ Занда*. Сцены изъ жизни художника, *Мюргера*. Зеркало тетки Маргариты, *Валтеръ-Скотта*. Мушка, повѣсть *Альф. Мюссе*. Антонина, рассказъ *Пави*. Охота на дикихъ козъ, *Сувестра*. Россини, его жизнь и сочиненія, Черты изъ жизни Паганини, Греза. Просперъ Мериме (*Григорьева*). Людовикъ XVII, Консульство и Имперія, и проч.

Въ отдѣленіи **НАУКЪ**: Царь Алексѣй Михайловичъ, Пр. *Зернина*. Христіане въ Сиріи и Месопотаміи, Пр. *Берзина*, Изслѣдованія о Балтійскихъ Славянахъ, *А. Ф. Гильбердинга*. Европейская Турція. Торговый флотъ Англіи. Ионическіе острова. Саллустій и его время. Дантъ и его время, *Д. Е. Мина*. Письма *Либиха* о химіи. Письма *Шлейдена* о ботаникѣ, и проч.

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ: Инструкція *Волынскаго* объ управленіи деревнями. Мнѣніе его объ Астрахани. Рескрипты *И. Екатерины*. Письма *Потемкина*. О *Чулковой слободѣ* въ Туль, и о родѣ *Демидовыхъ*, и проч.

Изъ матеріаловъ для **ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ**: Смѣсь *Карамзина* изъ Вѣд. 1795 г., *Овидій* въ Русской литературѣ, Извѣстія о *Ломоносовѣ*, *Богдановичѣ*, *Пушкинѣ* и проч.

РЕЦЕНЗИИ принадлежали: Гг. Пр. *Берзину*, *Бѣляеву*, *Григорьеву* (А. А.), *Дмитріеву*, Пр. *Лешкову*, *Савельеву*, *Сумарокову*, *Студитскому* и проч.

Въ **СМѢСИ** укажемъ на сл. оригинальныя статьи: *Аксакова* (С. Т.), Охота съ ястребомъ за перепелами. Пр. *Баршев*: *Монбальи*. *Берга*: Митр. *Неофитъ*. *Воролицова*: Звѣриная охота,

Окаемово. *Дюбюка*: Провзжія музыкальнѣя знаменитостѣ. *Геннади*: О портретахъ Пушкина. Пр. *Зеленецкаго*: Пребываніе Пушкина въ Одессѣ. *Жельзнова*: Картины Аханнаго рыболовства, Башкирцы, Уральская Старина. Кн. *Кострова*: Кизильскіе Татары. *Максимовича*: Родина Гоголя. *Поплонскаго*: О трудахъ Линде. *Плаксина*: О выставкѣ Академіи Художествъ. *Погодина*: Освященіе церкви на Преображенскомъ кладбищѣ. Мысли по прочтеніи Соловецкаго донесенія. *Римазанова*: О выставкѣ Художественнаго класса. *Стасовича*: Изба, Русскія сцены и проч.

Подписка на Москвитянинъ принимается, по прежнему, въ Москвѣ; въ книжной лавкѣ Москвитянина, при его Конторѣ, въ Газетной переулкѣ. противъ гостиницы *Шевалье*, въ домѣ г-на Римскаго-Корсакова; въ книжныхъ лавкахъ Базунова, Хрусталева, Улитина и проч.

Въ Петербургѣ: у Смирдина, Верховскаго Ратькова, Печаткина, Исаковыхъ, Крашенинникова, Юнгмейстера и проч.

Въ Кіевѣ: у Должикова.

Въ Одессѣ: у Бѣлаго.

Иногородные благоволятъ относиться прямо въ контору Москвитянина, а не въ Газетную экспедицію Московскаго Почтамта. Въ такомъ только случаѣ Контора принимаетъ на себя ответственность въ доставленіи экземпляровъ, прося о подпискѣ *заблаговременной* для удобнѣйшихъ распоряженій.

ПИТЕРЪ СИМПЛЬ.

РОМАНЪ

Капитана Марриэта.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

БЕЛИКАЯ ВЫГОДА БЫТЬ ДУРАКОМЪ СЕМЕЙСТВА. — МОЯ УЧАСТЬ РѢШЕНА И Я ПОСЛАНЪ КЪ БИРЖЕВОМУ АГЕНТУ, КАКЪ ЧАСТЬ МОРСКАГО КАПИТАЛА ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. — КЪ НЕСЧАСТІЮ ДЛЯ МЕНЯ, МИСТЕРЪ ГЭНДИКОКЪ МЕДВѢДЬ, И Я ОБЪЕДАЮ У НЕГО ПЛОХО.

Если въ жизни моей вы не найдете романтическихъ приключеній и смѣлыхъ подвиговъ, то, къ счастью, не найдете въ ней и тяжкихъ преступленій; если я не возвышусь во мнѣніи читателя дѣлами рыцарской любезности и горячей приверженности къ пользамъ отечества, то, по крайней мѣрѣ, могу похвалиться ревностью и постоянствомъ въ исполненіи своего призванія. Разнообразны дары, которыми надѣляетъ насъ небо, и кто доволенъ тѣмъ, что идетъ, а не бѣжитъ назначеннымъ ему путемъ жизни, тотъ, хотя и не такъ скоро достигаетъ цѣли, но имѣетъ ту выгоду, что, достигнувши ея, не задыхается отъ усталости. Я не говорю, чтобы въ жизни моей не было событій; но во всемъ, что со мной случалось, я былъ лицомъ болѣе страдательнымъ, нежели дѣйствующимъ, и заранее скажу, что не искалъ интересныхъ приключеній, о которыхъ буду рассказывать.

Анализируя свои наклонности, я прихожу къ той мысли, что если бы мнѣ позволили самому избрать себѣ ремесло, я, по вѣснѣмъ вѣроятностямъ, вступилъ бы въ ученики къ какому-нибудь портному. Я всегда завидовалъ комфортной сіестѣ, которою они наслаждаются на верстахъ. Это возвышенное положеніе давало имъ возможность удобно обозрѣвать праздношатавшихся и дѣловыхъ прохожихъ, безпрестанно шмыгавшихъ подъ ихъ окнами, выходившими на главную улицу областного городка, вблизи котораго я провелъ первыя четырнадцать лѣтъ своего существованія.

Но если я не имѣлъ въ этомъ отношеніи никакой гордости, то мой отецъ, членъ англиканской церкви и младшій сынъ знатной дворянской фамиліи, привыкшій, слѣдственно, жить на большую ногу, былъ гордъ въ высшей степени. У насъ съ незапамятныхъ временъ существовалъ языческій обычай приносить въ жертву благосостоянію и морскому превосходству родины глупѣйшаго въ семействѣ. Четырнадцать лѣтъ отъ роду я былъ выбранъ въ жертвы. Когда было сдѣлано объ этомъ предложеніе въ присутствіи цѣлой толпы тетушекъ и кузинъ, приглашенныхъ принять участіе въ нашемъ праздникѣ, данномъ по случаю новаго года, ни одинъ голосъ не протестовалъ. Выборъ мой былъ встрѣченъ единодушнымъ возгласомъ. Такое всеобщее подтвержденіе моихъ правъ на принадлежащій мнѣ эпитетъ, подтверждавшееся поглаживаніемъ по головѣ рукою батюшки, льстило мнѣ. Я гордился этимъ, но увя такъ же бессознательно, какъ теленокъ съ позлащенными рогами, забавляющійся цвѣтами гирлянды, которая ясно говоритъ всѣмъ, кромѣ его самого, о готовящейся ему участи! Я уже ощущалъ, или воображалъ, что ощущаю въ себѣ нѣкоторую степень воинскаго жара, и передо мною носился призракъ моего будущаго величія, въ перспективѣ котораго рисовались карета четверней и серебряные сервизы. Но это видѣніе исчезло, прежде нежели я успѣлъ разглядѣть его, вслѣдствіе положительной физической боли, причиненной мнѣ старшимъ братомъ Томомъ. Получивъ приказаніе отъ отца снятъ со свѣчи, онъ воспользовался моею разсѣянностью и всунулъ мнѣ въ лѣвое ухо клочекъ горячей свѣтильни.

Но такъ-какъ моя исторія не коротка, то я не стану слишкомъ останавливаться на ея началѣ. Объявлю только читателю, что мой отецъ, жившій въ сѣверной Англій, не заблагоразсудилъ по-

слать меня въ нашъ областной городъ, а спустя четыре ночи послѣ рѣшенія, о которомъ я упомянулъ, отправилъ меня въ Лондонъ, во внѣшнемъ отдѣленіи почтовой кареты, снабдивъ на дорогу только одеждой зеленого цвѣта и полдюжиной рубашекъ. Для избѣжанія всякаго недоразумѣнія, въ книгѣ дилижанса къ моему имени было приписано: «доставить къ мистеру Гэндикокъ, въ Сень-Клементскую улицу, № 14; за провозъ заплачено».

Мое разставанье съ семействомъ было истинно трогательно. Мать горько плакала, ибо, подобно всѣмъ матерямъ, она любила самаго глупаго изъ своихъ сыновей болѣе всѣхъ прочихъ; сестра плакала, потому что плакала мать, а Томъ горлачилъ громче всѣхъ, потому что былъ наказанъ въ это время отцемъ за разбитое окно, четвертое на той недѣлѣ. Въ продолженіе всего этого, отецъ съ нетерпѣніемъ гулялъ взадъ и впередъ по комнатѣ; мы задерживали его обѣдъ, а онъ любилъ это единственное, чувственное наслажденіе, дозволенное его сану.

Наконецъ я отправился. Я плакалъ до тѣхъ поръ, пока глаза мои не покраснѣли и не распухли до того, что вѣки едва сдѣлались замѣтными. Слезы и грязь расписали мои щеки подобно изразцамъ печи. Еще до окончанія всей этой сцены, безпрестанно утирая слезы и сморкая носъ, я промочилъ платокъ до послѣдней нитки. Братъ мой, Томъ, съ нѣжностію, дѣлавшею честь его сердцу, предложилъ мнѣ свой собственный и сказалъ, бросивъ на меня взоръ, въ которомъ просвѣчивалось братское чувство: «На, тебѣ мой платокъ, Питеръ, онъ сухъ, какъ кость».

Но батюшка не хотѣлъ дожидаться, пока второй платокъ подвергнется участи перваго. Онъ повелъ меня черезъ залу, гдѣ, пожавши руки всѣмъ мужчинамъ и поцѣловавши всѣхъ дѣвушекъ, уставившихся въ рядъ и закрывшихъ глаза фартуками, я разстался съ родительской кровлей.

Кондукторъ проводилъ меня до станціи, съ которой мы должны были отправиться. Втиснувъ меня въ середину между двумя толстыми старухами и уложивши мой маленькій узелокъ, онъ поклонился, и чрезъ нѣсколько минутъ мы уже катились по дорогѣ въ Лондонъ.

Я былъ слишкомъ огорченъ, чтобы въ продолженіе путешествія обращать на что-либо вниманіе. Приѣхавъ въ Лондонъ, мы остано-

★

вились въ гостиницѣ подѣ вывѣскою Синяго Кабана, въ улицѣ, названія которой не помню. Я никогда не видалъ и не слышалъ о подобномъ звѣрѣ, дѣйствительно страшномъ: пасть его была открыта и изъ нея торчали необыкновенно широкіе клыки. Меня удивляли въ немъ всего болѣе клыки и копыта изъ чистаго золота. Кто знаетъ, думалъ я, можетъ быть, въ какой-нибудь изъ отдаленныхъ странъ, которыя мнѣ суждено посѣтить, я встрѣчу и застрѣлю это страшное чудовище? Съ какой посѣтностью я отрѣжу тогда этѣ драгоценныя части и съ какою радостію, по возвращеніи, положу ихъ къ ногамъ моей матушки, какъ приношеніе сыновней любви! При этомъ мысль о шатерѣ снова вызвала слезы на мои глаза.

Кондукторъ бросилъ кнутъ трактирному конюху, а возжи на спины лошадей, и слѣзъ съ козелъ.

— Ну, молодой джентльменъ, скажешь онъ, здѣсь мы остановимся.

Потомъ, опустивши ступеньки кареты и помогши мнѣ выйти, онъ прибавилъ, обращаясь къ дворнику:

— Билъ, доставь этого молодого джентльмена и его чемоданъ по этому адресу. Не забудьте кондуктора, сэръ.

Я отвѣчалъ, что, конечно, не забуду его, если ему того хочется, и пошелъ прочь вмѣстѣ съ дворникомъ.

— Ха, онъ дуракъ, — это вѣрно! вскричалъ кондукторъ, лишь только я отошелъ.

Я благополучно прибылъ въ Санъ-Климентекую улицу и въ домъ мистера Гэндикокъ. Впустившая меня горничная, наградивъ дворника за причиненное ему безпокойство шиалингомъ, указала мнѣ на лѣстницу, ведущую въ гостиную, въ которой я нашелъ мистрисъ Гэндикокъ.

Мистрисъ Гэндикокъ была низенькая, худощавая женщина, то и дѣло кричавшая съ верхней ступеньки лѣстницы на слугъ, находившихся внизу. Въ продолженіе всего времени, которое я провелъ у нея въ домѣ, я ни разу не видалъ, чтобы она читала книгу, или занималась шитьемъ. У ней былъ огромный, сѣрый конугай, раздиравшій уши своимъ неприятнымъ крикомъ, но я до сихъ поръ не могу сказать, чей голосъ былъ болѣе пронзителенъ — птицы или хозяйки. Впрочемъ, она была очень учтива и ласкова со мной,

хотя и надобно было десять раз на день разспросами о томъ, когда я получалъ послѣднее извѣстiе о моемъ дѣдѣ, лордѣ Привилдджѣ. Я замѣтилъ, что она дѣлала подобные вопросы каждому, кто попадался случайно въ ея домъ. Я еще не просидѣлъ съ нею и десяти минутъ, а узналъ уже, что она «уважаетъ моряковъ, потому что они защитники и охранители короля и родины,» что «министръ Гэндикокъ возвратится домой въ четыре часа, и тогда мы сядемъ за столъ». Сообщивъ мнѣ эти извѣстiя, она вскочила со стула и, стоя на верху лѣстницы, закричала нухарнѣ:

— Джемима, а Джемима! приготожь намъ треску вареную, а не жареную.

— Нельзя м'амъ, отвѣчала Джемима, она уже вся изжарена и обсыпана хлѣбомъ отъ головы до хвоста.

— Ну, хорошо, Джемима, возразила лэди, оставь все такъ, какъ было. Не суйте пальца въ клетку поугая, мой милый: онъ сердитъ съ чужими. Министръ Гэндикокъ придетъ домой въ четыре часа и тогда мы сядемъ обѣдать. Любите вы треску?

Такъ-какъ я съ нетерпѣнiемъ ожидалъ мистера Гэндикока и обѣда, то не безъ удовольствiя услышалъ бой часовъ, возвѣстившихъ, что ожидаемое время настало. Министрисъ Гэндикокъ вскочила снова.

— Джемима, Джемима! закричала она, нагнувшись надъ перилами: четыре часа!

— Слышу, м'амъ! отозвалась кухарка и вынула сковороду, шипѣнiе и запахъ которой, проникнувъ въ гостиную, заставили меня почувствовать голодь еще сильнѣе.

— Та, та, та! Вотъ твой баринъ, Джемима! закричала лэди.

— Слышу, м'амъ! возразила снова кухарка.

— Сбѣгите внизъ, мой милый, и внушите мистера Гэндикока, сказала его жена. Онъ удивится, увидя васъ.

Я сдѣлалъ по желанiю министрисъ Гэндиконъ и отворилъ дверь, выходившую на улицу.

— Это что за чертенокъ! закричалъ грубымъ голодомъ министръ Гэндикокъ, мужчина въ шесть футовъ ростомъ, въ синихъ миткаловыхъ панталонахъ, гессенскихъ сапогахъ, въ черномъ сюртукѣ и въ такомъ же жилетѣ.

Признаюсь, я смутился, но отвѣчалъ, что я министръ Смитль.

— Спрашиваю васъ, мистеръ Симпль, что сказалъ бы вашъ дѣдушка, еслибъ онъ увидѣлъ васъ въ сію минуту? У меня довольно слугъ, чтобъ отворять двери; мѣсто молодого джентльмена въ гостиной.

— Что вы такъ сердитесь, мистеръ Гэндикокъ? сказала ему сверху жена. Это я просила его отворить дверь, чтобъ удивить васъ.

— Да, возразилъ онъ, вы удивили меня своей глупостью.

Пока мистеръ Гэндикокъ обтиралъ сапоги объ рогу, я поднялся наверхъ тѣмъ болѣе оскорбленный, что, по словамъ батюшки, мистеръ Гэндикокъ былъ нашъ биржевой агентъ и долженъ былъ доставить мнѣ все удобства. Дѣйствительно, отецъ просилъ его объ этомъ въ письмѣ, которое показывалъ мнѣ передъ отъѣздомъ.

Когда я воротился въ гостиную, мистрисъ Гэндикокъ шепнула мнѣ: не огорчайтесь этимъ, мой милый; все это происходитъ отъ какой-нибудь непріятности, случившейся съ мистеромъ Гэндикоккомъ на биржѣ. Онъ все такой же медвѣдь, какъ прежде.

Я былъ того же мнѣнія, но не отвѣчалъ, потому что мистеръ Гэндикокъ, вошедъ по лѣстницѣ, очутился въ два шага возлѣ каминна, оборотился къ нему спиной и, поднявъ фалды сюртука, началъ свистать.

— Готовы ли вы обѣдать, мой милый? спросила леди почти съ трепетомъ.

— Да, если обѣдъ готовъ, грубо отвѣчалъ ей мужъ. Мнѣ кажется, мы всегда обѣдаемъ въ четыре часа.

— Джемима, Джемима, подавай на столъ! Слышишь ли ты, Джемима?

— Слышу м'амъ, возразила кухарка, дайте только положить масла.

Мистрисъ Гэндикокъ сѣла на мѣсто съ словами:

— Ну, мистеръ Симпль, какъ поживаетъ вашъ дѣдушка, лордъ Привиледжъ?

— Слава Богу, мистрисъ! отвѣчалъ я въ пятнадцатый разъ.

Обѣдъ нарушилъ тишину, воцарившуюся послѣ этого замѣчанія. Мистеръ Гэндикокъ опустил фалды и сталъ спускаться по лѣстницѣ, предоставляя намъ на выборъ слѣдовать за нимъ, или нѣтъ.

— Скажите, пожалуйста, мистрисъ, спросилъ я, лишь только онъ отошелъ на столько, что не могъ насъ слышать, — что такое сдѣлалось съ мистеромъ Гэндикокъ, что онъ такъ сердито обращается съ вами?

— Когда мужъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, жена непременно терпитъ отъ того; это, мой милый, одна изъ неприятностей брака. Мистеръ Гэндикокъ, должно быть, потерпѣлъ какую-нибудь потерю на биржѣ; въ такихъ случаяхъ онъ всегда бываетъ не въ духѣ. Когда ему удастся предпріятіе, онъ веселъ, какъ кузничикъ.

— Сойдете ли вы обѣдать? закричалъ мистеръ Гэндикокъ снизу.

— Сейчасъ, мой милый! возразила лэди. Я думала, ты умываешь руки.

Мы сошли въ столовую и нашли, что мистеръ Гэндикокъ успѣлъ уничтожить два куска трески и оставилъ на блюдѣ для жены и меня только одну.

— Не угодно ли вамъ, мой милый, кусочекъ трески? спросила меня лэди.

— Не стоитъ дѣлать этого, замѣтилъ съ увѣренностію старый джентльменъ и, ухвативъ рыбу съ помощію ножа и вилки, положилъ себѣ на тарелку.

— Я очень рада, что эта рыба нравится вамъ, съ кротостію замѣтила жена. Мы подадимъ вамъ, мой милый, кусокъ хорошей жареной телятины, прибавила она, обращаясь ко мнѣ.

Телятина появилась и, къ нашему счастью, мистеръ Гэндикокъ истребилъ ее не всю. Однако же онъ отдѣлилъ себѣ львиную часть и срезалъ все поджаренное мѣсто; потомъ, отодвинувъ отъ себя блюдо, предоставилъ намъ распорядиться съ остальнымъ, какъ намъ угодно. Я не успѣлъ съѣсть двухъ кусковъ, какъ онъ попросилъ меня сходить наверхъ и принести изъ буфета горшокъ портеру. Я подумалъ, что если мнѣ неприлично отворять двери, то, конечно, неприлично тоже служить за столомъ; но, впрочемъ, повиновался, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

Послѣ обѣда мистеръ Гэндикокъ сошелъ въ погребецъ за бутылкой вина.

— Что это съ нимъ нынче сдѣлалось? воскликнула мистрисъ Гэндикокъ; онъ какъ будто бы потерялъ цѣлый монетный дворъ.

Пойдите лучше навърхъ и остави́те его одного; можетъ быть, выпивъ портвейну, онъ сдѣлается лучше.

Я былъ радъ этому предложенію и, чувствуя усталость, отправился спать безъ чаю, потому что мистрисъ Гэндикокъ не осмѣливалась поставить самоваръ до прихода своего мужа.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обмундировка на скорую руку. — Къ счастью, въ этотъ день мистеръ Гэндикокъ не медвѣдь, и я весело отправляюсь въ дорогу. — Я ѣду въ Портсмуть. — За каретой встрѣчаюсь съ матросомъ. — Онъ пьянъ; но это же единственный маскарадъ (*), которымъ я обманываюсь.

На слѣдующее утро мистеръ Гэндикокъ, казалось, былъ въ лучшемъ расположеніи духа. Онъ послалъ за продавцемъ суконъ, который шилъ платье на волонтеровъ и прочихъ «въ самое короткое время» и заказалъ ему все нужное для моей обмундировки, съ условіемъ, чтобъ было готово къ завтрашнему дню, а иначе все будетъ оставлено у него. При этомъ онъ прибавилъ, что мнѣ уже нанято мѣсто въ diligencѣ, отправляющемся въ Портсмуть.

— Но, сэръ, замѣтилъ этотъ человѣкъ, я боюсь не успѣть въ такое короткое время.

— На вашей вывѣскѣ стоитъ, что вы готовите платье «въ самое короткое время», возразилъ мистеръ Гэндикокъ, съ увѣренностію и важностію человѣка, который опровергаетъ противника его собственными доказательствами.

Это заставило замолчать портнаго; онъ обѣщавъ сдѣлать все по желанію, и ушелъ, снявъ съ меня мѣрку. Почти тотчасъ же отправился и мистеръ Гэндикокъ.

Въ разспросахъ о здоровьи моего дѣдушки и о томъ, что сдѣлалось съ попугаемъ, въ удивленіи со стороны мистрисъ Гэндикокъ, какъ много денегъ утратилъ ея мужъ, въ безпрестанномъ выска-

(*) Здесь у автора непереводимый каламбуры she is disguised with liquor — онъ пьянъ, въ буквальномъ переводѣ значитъ «онъ замаскированъ водкой».

киваніи на лѣстницу и въ разговорѣ съ кухаркой прошелъ весь день до четырехъ часовъ. Тогда попрежнему раздались пронзительные голоса мистрисъ Гэндикокъ, кухарки и понугая; мистеръ Гэндикокъ постучался въ дверь и былъ впущенъ, но не шюю. Онъ въ три прыжка взбѣжалъ по лѣстницѣ и, входя въ гостиную, закричалъ:

— Ну, Нанси, моя милая, какъ ты поживаешь?

Потомъ, подошедши къ ней, прибавилъ:

— Поцѣлуй меня, старуха. Я голоденъ, какъ охотникъ. Мистеръ Симплъ, какъ вы поживаете? Надвюсь, вы пріятно провели утро. Мнѣ надо умыть руки и смѣнить сапоги, моя милая; я не хочу сѣсть за столъ въ такомъ видѣ. Ну, Полли, какъ твое здорье?

— Я рада, что вы чувствуете аппетитъ, мой милый, возразила его жена, встѣмъ корпусомъ выражавшая улыбку; я приготовила вамъ прекрасный обѣдъ. Джемма, накрывай проворнѣе на столъ: мистеръ Гэндикокъ голоденъ.

— Сейчасъ, м'амъ, отвѣчала кухарка, и мистрисъ Гэндикокъ послѣдовала за мужемъ въ спальню, находившуюся въ томъ же этажѣ, чтобъ помочь ему переодѣться.

— Клянусь Юпитеромъ, Нанси! я славно свустилъ быковъ, сказалъ мистеръ Гэндикокъ, когда мы сѣли за столъ.

— О, какъ я этому рада! возразила, улыбаясь, жена.

Что до меня, я вѣрилъ, что она рада, но какъ, этого я не могъ сказать.

— Мистеръ простякъ (*), сказалъ онъ, вы позволите предложить вамъ кусочекъ рыбы?

— Да, сэръ, если вы сами не хотите скушать всю, отвѣчала я учтиво.

Мистрисъ Гэндикокъ нахмурила брови и покачала головой, между-тѣмъ какъ мужъ преспокойно услуживалъ мнѣ.

(*) Simple по-англійски — простякъ. Мистеръ Гэндикокъ пользуется этимъ значеніемъ фамиліи Пятра Симпли и придаетъ ей тономъ и выраженіемъ лица смыслъ эпитета, что выражено у автора измѣненіемъ большой буквы S на маленькую.

— Вотъ вамъ кусокъ рыбы, голубчикъ мой, отвѣчалъ онъ.

Въ этотъ день мы оба получили свои доли, и я никогда не видалъ человѣка учтивѣе мистера Гэндикокъ. Онъ шутилъ съ женой, два или три раза предлагалъ мнѣ вина, говорилъ о моемъ дѣдушкѣ, однимъ словомъ, мы прекрасно провели съ нимъ вечеръ.

На слѣдующій день мнѣ принесли платье, но мистеръ Гэндикокъ, все еще сохранявшій веселое расположеніе духа, сказалъ, что не позволитъ мнѣ ѣхать ночью, что я долженъ почевать у него и отправиться въ путь не раньше слѣдующаго утра. Въ шесть часовъ я дѣйствительно отправился и еще до восьми подѣхалъ къ гостинницѣ подъ вывѣскою Слона и Башни, въ которой мы остановились на четверть часа.

Я смотрѣлъ на вывѣску, представлявшую это животное съ башней на спинѣ; мнѣ казалось, что эта башня одинаковой величины и тяжести съ той, которую я видѣлъ въ городѣ Альнуикѣ, и я старался вообразить себѣ чудовищные размѣры слона, какъ замѣтилъ столпившійся на углу народъ. Я спросилъ джентльмена, сидѣвшаго около меня въ полосатомъ плащѣ, какое чудо привлекаетъ столько народа.

— Пьяный матросъ и больше ничего, отвѣчалъ онъ.

Желая лучше разсмотрѣть его, я приподнялся съ своего мѣста, находившагося въ заднемъ отдѣленіи кареты.

Зрѣлище это было для меня совершенно ново и возбуждало мое любопытство. Но къ удивленію моему, матросъ, шатаясь, отдѣлился отъ толпы и поклялся, что поѣдетъ въ Портсмутъ. Онъ вскарабкался по колесамъ кареты и усѣлся возлѣ меня. Должно быть, я слишкомъ пристально глядѣлъ на него, потому что, обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Что ты зѣваешь на меня, молокососъ? Ты намѣренъ, кажется, ловить мухъ на моемъ лицѣ? Или ты никогда не видалъ пьянаго?

Я возразилъ, что еще не былъ на морѣ, но отправляюсь туда (*).

(*) Пьяный — по-англійски *half seas over*. Питеръ Симплъ понялъ изъ этого выраженія только одно слово *seas*—море; вотъ почему онъ даетъ такой неумѣстный отвѣтъ.

— Ну, так ты настоящій молодой медвѣдь, которому предстоит вытерпѣть много горя. Вотъ что, сердечный! Ты будешь получать на борту жалованье обезьянъ — болѣе пинковъ, нежели полупенсовъ. Эй, слышишь ты, носильщикъ оловянныхъ горшковъ, подай намъ еще пинту эля.

Трактирный слуга, прислуживавшій въ это время находившимся въ каретѣ, вынесъ элю, половину котораго матросъ вышилъ, а другую прыснулъ ему въ лице.

— А это, вотъ, твоя доля, сказалъ онъ. Ну, что слѣдуетъ?

— Слуга, разсерженный, но слишкомъ боявшійся матроса, чтобъ возражать, потребовалъ четыре пенса. Матросъ вынулъ горсть банковыхъ билетовъ, пережѣшанныхъ съ золотой, серебряной и мѣдной монетой, и уже готовился заплатить за пиво, какъ нетерпѣливый кучеръ ударилъ по лошадамъ.

— Сообщение прервано! закричалъ матросъ, опуская деньги въ карманъ своихъ брюкъ. Вотъ такъ-то и вы будете поступать, мой милый, послѣ двухъ крейсировокъ.

Въ продолженіе всего этого, сидѣвшій возлѣ меня джентльменъ въ шотландскомъ плащѣ курилъ сигару и не говорилъ ни слова.

Я завязалъ съ нимъ разговоръ касательно моего ремесла и спросилъ, правда ли, что оно съ трудомъ изучается.

— Съ трудомъ изучается! закричалъ матросъ, перебивая насъ, ну, нѣтъ. Нашему брату трудно учиться надъ мачтой, а вы, кажется, мичманъ; такимъ молодцамъ немногому учиться! Они подадутъ свой еженедѣльный отчетъ, и все остальное время, положивъ руки въ карманъ, расхаживаютъ себѣ взадъ да впередъ. Вамъ надобно учиться ѣсть пирожки, пить грогъ и называть кота нищимъ — вотъ все, что умѣеть въ наше время мичманъ. Не правда ли, сэръ? сказалъ онъ, обращаясь къ джентльмену въ шотландскомъ плащѣ. Я спрашиваю васъ, потому что вижу по покрою вашей фокмачты, что вы морякъ. Прошу извинить, сэръ, прибавилъ онъ, приложивъ палецъ къ шапкѣ, не примите этого въ обиду.

— Я боюсь, что ты почти отгадалъ, мой милый, возразилъ джентльменъ.

Пьяный парень вступилъ съ нимъ въ разговоръ и объявилъ, что онъ получилъ отставку съ корабля «Смѣлаго» въ Портсмутѣ

и отправился въ Лондонъ промуть деньги съ товарищами. Вчера только замѣтилъ онъ, что одинъ портемутскій жидъ продалъ ему за пятнадцать шиллинговъ золотую печатку, оказавшуюся потомъ мѣдною. Вслѣдствіе этого онъ отправляется назадъ въ Портсмуть, чтобы посадить жиду пару сняжковъ подъ глаза за его подлость. Сдѣлавши это, онъ возвратится къ своимъ товарищамъ, обѣщавшимся вплоть до возвращенія его пить за успѣхъ предпріятія въ гостиницѣ подъ вывѣскою «Шѣтуха и Бутылки».

Джентльменъ въ шотландскомъ плащѣ похвалилъ его намѣреніе и прибавилъ, что хотя путешествіе въ Портсмуть и оттуда будетъ стоить вдвое противъ цѣнности золотой печатки, но что все-таки это стоитъ жидовскаго глаза. Онъ думалъ, я не пойму его.

Всякій разъ, какъ останавливалась карета, морякъ требовалъ злю и всякій разъ обливалъ остаткомъ, котораго не могъ допить, лице человѣка, модававшего ему. Онъ дѣлалъ это именно въ ту минуту, когда кучеръ трогался съ мѣста, причемъ кидалъ къ ногамъ слуги оловянный горшокъ, приказывая поднять его. Съ каждой станціей онъ дѣлался пьянѣе, такъ что на послѣдней передъ Портсмутомъ, вынувъ деньги, онъ не нашелъ между ними ни одной серебряной монеты и долженъ былъ просить слугу размѣнять банкнотный билетъ. Слуга смялъ билетъ и положилъ въ карманъ, потомъ принесъ сдачи на одинъ фунтъ стерлинговъ. Но джентльменъ въ шотландскомъ плащѣ замѣтилъ, что банкнотный билетъ, данный матросомъ, былъ пяти-фунтовой; онъ изобличилъ въ этомъ слугу и предложилъ самъ размѣнять деньги. Морякъ взялъ назадъ билетъ изъ рукъ слуги, который, краснѣя, просилъ извинить ему эту ошибку.

— Прощу извинить, повторялъ онъ, это, право, по ошибкѣ.

— Прощу извинить, тоже возразилъ морякъ, кинувъ въ него оловянный горшокъ съ такой силой, что онъ сплюснулся объ его голову, и несчастный упалъ безъ чувствъ на дорогу.

Кучеръ ударилъ по лошадамъ, и я до сихъ поръ остаюсь въ неизвѣстности, остался ли въ живыхъ этотъ человѣкъ, или нѣтъ.

Когда карета поскакала, морякъ посмотрѣлъ съ минуту или двѣ на джентльмена въ шотландскомъ плащѣ.

— Когда я въ первый разъ увидѣлъ васъ, сказалъ онъ, я подумалъ, что вы какой-нибудь переодѣтый офицеръ; но теперь, какъ я вижу, что у васъ такіе зоркіе глаза на деньги, я прихожу къ мысли, что вы какой-нибудь бѣднякъ Шотландецъ, можетъ быть, младшій лейтенантъ какого-нибудь купеческаго корабля. Вотъ вамъ полкроны за вашу услугу; я далъ бы вамъ болѣе, еслибы былъ увѣренъ, что вы истратите.

Джентльменъ улыбнулся и взялъ полукрону, которую, какъ я послѣ замѣтилъ, онъ отдалъ сѣдому нищему, попавшемуся намъ у подошвы потсдоунскаго холма. Я спросилъ его, скоро ли мы приѣдемъ въ Портсмутъ; онъ отвѣчалъ, что мы переѣзжаемъ въ это время чрезъ его пограничную линію, но я не видалъ никакихъ линій, и стыдился показать свое невѣжество. Въ свою очередь, онъ спросилъ меня, на какой корабль хочу я поступить. Я не могъ припомнить его названія и отвѣчалъ, что оно написано на крышкѣ моего сундука, который везется вслѣдъ за мною на вагонѣ.

— Какъ мнѣ помнится, прибавилъ я, это французское названіе.

— Вы не имѣете рекомендательнаго письма къ капитану? спросилъ онъ.

— Имѣю, возразилъ я, и вынулъ бумажникъ, въ которомъ находилось письмо. Капитану Сэваджу, его королевскаго величества, корабль Діомедъ, продолжалъ я, читая адресъ.

Къ моему удивленію онъ хладнокровно приступилъ къ распечатанію письма; но едва я замѣтилъ это, какъ тотчасъ же вырвалъ его, сказавъ, что этотъ поступокъ не честенъ и что, по моему мнѣнію, онъ не достоинъ имени джентльмена.

— Какъ вамъ угодно, милый, возразилъ онъ. Но помните, вы сказали, что я не джентльменъ.

Онъ завернулся въ свой плащъ и не говорилъ болѣе ни слова. Что касается до меня, то я очень доволенъ былъ тѣмъ, что своимъ рѣшительнымъ поведеніемъ принудилъ его къ молчанію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Я сплыву отъ страха въ гостинницу подъ вывѣскою Голубыхъ Столбовъ. — Меня окружаютъ зловные духи и вскорѣ потомъ мною овладѣвають винные пары. — Прихожу засвидѣтельствовать мое почтеніе капитану и нахожу, что уже имѣлъ удовольствіе видѣться съ нимъ. — Едва избегаюсь отъ одной бѣды, впадаю въ другую.

—

Когда мы пріѣхали, я попросилъ кучера показать мнѣ лучшую гостинницу. Онъ отвѣчалъ, что «лучше всѣхъ гостинница Голубыхъ Столбовъ, въ которой мичманы оставляютъ свои чемоданы, заказываютъ чаю и жаркаго и забываютъ иногда платить за завтракъ». Говоря это, онъ улыбался и я подумалъ, что онъ шутитъ; но онъ указалъ мнѣ пальцемъ на два огромные голубые столба у дверей, находившихся не далеко отъ конюшни, и сказалъ, что всѣ мичманы останавливаются въ этой гостинницѣ. — Въ заключеніе онъ просилъ меня не забыть кучера.

На этотъ разъ я понялъ, что мнѣ нужно дать ему шиллингъ; исполнивши это, я отправился въ гостинницу. Кофейня была наполнена мичманами, и такъ-какъ я опасался за свой чемоданъ, то спросилъ одного изъ нихъ, извѣстно ли ему, когда пріѣдетъ вагонъ?

— Не ожидаете ли вы вашей матушки? возразилъ онъ.

— О нѣтъ! я ожидаю своего форменнаго платья; въ этой зеленой одеждѣ я хожу только покуда.

— Скажите, пожалуйста, на какой корабль вы намѣрены поступить?

— Диомедъ, — капитанъ Томасъ Киркуаль Сэваджъ.

— Диомедъ! — Робинсонъ, не тотъ ли это фрегатъ, на которомъ мичманы получили каждый по четыре дюжины палокъ за то, что не подали своихъ еженедѣльныхъ отчетовъ къ субботѣ?

— Тотъ самый, возразилъ другой. Да что! Капитанъ прошлаго дня задалъ пять дюжинъ палокъ одному юнгѣ за то, что тотъ стоялъ на часахъ въ красной дежурной лентѣ.

— Это величайшій варваръ въ службѣ, продолжалъ третій; во время послѣдней своей крейсировки онъ пересѣкъ всѣхъ часовыхъ

штирборта, потому что корабль дѣлалъ только девять узловъ на булвнѣ.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ я, какъ я несчастенъ, что долженъ поступить къ нему.

— Я сердечно жалѣю васъ; онъ забьетъ васъ до смерти. У него теперь только три мичмана на кораблѣ, всѣ прочіе бѣжали. Неправда ли, Робинсонъ?

— Нѣтъ, теперь у него только двое; несчастный Матьюсъ умеръ отъ усталости. Онъ работалъ ежедневно, каждую ночь въ продолженіе шести недѣль стоялъ на часахъ, и въ одно утро былъ найденъ мертвымъ на своемъ сундукѣ.

— Помялуй Богъ! вскричалъ я. Однакожь, говорятъ, на берегу онъ очень ласковъ съ своими мичманами.

— Да, возразилъ Робинсонъ, онъ вездѣ распространяетъ этотъ слухъ. Замѣйте, когда онъ въ первый разъ позоветъ васъ къ себѣ и вы станете рапортовать, что пріѣхали служить на его кораблѣ, онъ скажетъ, что очень радъ видѣть васъ и что надѣется, ваша семья въ добромъ здоровьѣ; потомъ посовѣтуетъ идти на бортъ и учиться службѣ. Послѣ этого будьте на сторожѣ. Помните, что я говорю и смотрите, если это не правда. Садитесь—ка лучше съ нами, да выпейте стаканъ грогу; это придастъ бодрости вашему духу.

Эти мичманы наговорили мнѣ столько о моемъ капитанѣ и о страшныхъ жестокостяхъ, которыя онъ позволялъ себѣ, что я подумалъ, не лучше ли воротиться домой. Когда я спросилъ ихъ мнѣнія объ этомъ, они сказали, что если я это сдѣлаю, то буду схваченъ и повѣшенъ, какъ дезертиръ, и что лучшей планъ—просить капитана принять нѣсколько галлоновъ рему, потому что онъ очень любитъ грогъ и, можетъ быть, я буду въ милости у него, пока не выйдетъ весь ромъ.

Я съ сожалѣніемъ долженъ признаться, что мичманы наполнили меня въ этотъ вечеръ.

Не помню, какъ они положили меня въ постель, но на слѣдующее утро я проснулся съ страшной головою болью и съ весьма темнымъ сознаніемъ того, что происходило вчера. Мнѣ было очень совѣстно, что я такъ скоро забылъ наставленія своихъ родителей, и я давалъ про себя обѣтъ никогда не дѣлать такихъ глупостей,

когда вошелъ мичманъ, поступившій такъ ласково со мною въ прошедшую ночь.

— Ну, мистеръ Зеленая Пачка, закричалъ онъ, намекая, какъ я полагаю, на цвѣтъ моей одежды, вставайте и завтракайте. Васъ дожидается внизу кокетный командиръ (*), присланный капитаномъ. Клянусь чортомъ, вы порядочно накутили вчера.

— Вчера! возразилъ я съ удивленіемъ. Откуда капитанъ могъ узнать, что я былъ пьянъ?

— Вы въ театрѣ дьявольски старались обратить на это его вниманіе.

— Въ театрѣ! Развѣ я былъ въ театрѣ?

— Конечно были. Вы хотѣли непременно идти, хотя страшно были пьяны, — и дѣлали тамъ все, отъ чего мы старались отговорить васъ. Вашъ капитанъ былъ тамъ съ дочерью адмирала. Вы называли его тираномъ и ткнули въ него пальцемъ. Какъ вы не помните этого? Вы сказали ему, что вы плюете на него.

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой! Чтò мнѣ дѣлать? чтò мнѣ дѣлать? вскрикнулъ я. Матушка моя предостерегала меня отъ пьянства и дурнаго общества.

— Дурное общество! ахъ, ты щенокъ! чтò ты хочешь сказать этимъ?

— Я не говорю именно про васъ.

— Надѣюсь. И такъ я, какъ другъ, совѣтую вамъ отправиться, какъ можно скорѣе, въ гостиницу Джорджа и повидаться съ вашимъ капитаномъ, потому что чѣмъ долѣе вы станете думать, тѣмъ хуже. Во всякомъ случаѣ, еще неизвѣстно, приметъ ли онъ васъ, или нѣтъ. Вы счастливы, что еще не записаны въ корабельную книгу. Ну же, поторапливайтесь; кокетный командиръ ушелъ уже.

— Не записанъ въ корабельную книгу! возразилъ я печально. Теперь я припоминаю, капитанъ писалъ моему отцу, что онъ уже записалъ меня.

— Клянусь честью, мнѣ жаль васъ, право жаль, возразилъ мичманъ и вышелъ изъ комнаты съ такимъ печальнымъ видомъ, какъ будто бы несчастіе касалось его самого. Я всталъ съ тяжелой головой и еще болѣе тяжелымъ сердцемъ, одѣлся и попросилъ

(*) Кокетъ — маленькое судно, сопровождающее обыкновенно большой корабль; должность командира его занимаетъ сержантъ.

показать мнѣ дорогу въ гостиницу Джорджа. Я взялъ съ собою рекомендательное письмо, хотя и боялся, что оно принесетъ мнѣ мало пользы. Пришедши туда, я спросилъ дрожащимъ голосомъ, не здѣсь ли остановился мистеръ Томасъ Киркуаль Сэваджъ, капитанъ его королевскаго величества корабля Диомеда. Слуга отвѣчалъ, что онъ завтракаетъ съ капитаномъ Куртней, но что онъ доложить обо мнѣ. Я сказалъ свое имя; черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился и просилъ меня взойти на верхъ. О! какъ билось мое сердце! Я никогда не чувствовалъ такого страха и думалъ, что упаду на лѣстницѣ. Два раза рѣшался я войти въ комнату и каждый разъ ноги подкашивались подо мной; наконецъ я отеръ потъ съ лица и, сдѣлавши надъ собой отчаянное усиліе, вошелъ.

— Мистеръ Симпль, я очень радъ видѣть васъ, сказалъ кто-то. Боясь взглянуть на него, я держалъ голову внизъ; но голосъ былъ такъ ласковъ, что я собралъ всю свою смѣлость и, поднявши голову, увидѣлъ въ мундирѣ съ эполетами и съ саблей на боку того самаго пассажира въ шотландскомъ плащѣ, который хотѣлъ распечатать мое письмо и которому я сказалъ въ глаза, что онъ не джентльменъ.

Мнѣ казалось, что я вотъ такъ и умру здѣсь, подобно тому мичману, котораго нашли мертвымъ на сундукѣ. Я уже готовъ былъ упасть на колѣни и просить прощенія, какъ капитанъ, замѣтивъ мое смущеніе, разразился смѣхомъ и сказалъ:

— Такъ вы узнали меня, мистеръ Симпль? Успокойтесь, вы исполнили свою обязанность, не позволивъ мнѣ распечатать письма, такъ-какъ вы предполагали, что я не тотъ, кому оно адресовано. Въ этомъ предположеніи вы также имѣли право сказать, что я не джентльменъ; я прощаю вамъ. Теперь не угодно ли вамъ сѣсть и позавтракать?

— Капитанъ Куртней, прибавилъ онъ, обращаясь къ другому капитану, сидѣвшему за столомъ, — это одинъ изъ моихъ мичмановъ, недавно вступившій въ службу. Мы были вчера пассажирами въ одной и той же каретѣ.

Потомъ онъ рассказалъ ему все случившееся, чему оба они чистосердечно смѣялись.

Я немного ободрился, но меня все еще беспокоило происшествіе въ театрѣ, и я думалъ, что онъ, можетъ быть, не узналъ меня. Другой капитанъ вскорѣ освободилъ меня и отъ этого страха.

— Были вы прошедшей ночью въ театрѣ, Сэваджъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. я обѣдалъ у адмирала. Невозможно разстаться съ этими дѣвочками; онъ такъ забавны.

— А я скорѣе думаю, что васъ любовь приковываетъ къ этому дому.

— Вообще нѣтъ, честное слово! Это могло бы случиться, еслибъ я имѣлъ время опредѣлить, которую я больше люблю. Въ настоящее время моя жена — корабль, и это единственная жена, которую я буду имѣть, пока не сяду на мель.

— Хорошо, подумалъ я, если онъ не былъ въ театрѣ, то значитъ, я обидѣлъ не его. Теперь мнѣ остается только дать ему рому и сдѣлать такимъ образомъ своимъ другомъ.

— Скажите, мистеръ Симплъ, какъ поживаютъ вашъ батюшка и ваша матушка? спросилъ капитанъ.

— Слава Богу, покорно васъ благодарю, сэръ; они просятъ кланяться вамъ.

— Очень благодаренъ имъ. Теперь, я думаю, чѣмъ скорѣе вы поступите на бортъ и начнете приучаться къ службѣ, тѣмъ лучше. (Совершенно то, что говорилъ мнѣ мичманъ — тѣ же самыя слова, думалъ я, такъ стало-быть все это правда! и я снова почувствовалъ дрожь).

— Я хочу дать вамъ небольшой совѣтъ, продолжалъ капитанъ: во-первыхъ, повинуйтесь вашему начальству беспрекословно; мое, а не ваше дѣло судить, справедливо ли приказаніе или нѣтъ; во-вторыхъ, никогда не бранитесь и не пейте крѣпкихъ напитковъ. Первое безнравственно и не достойно джентльмена, второе — низкая привычка, которая современемъ очень усиливается. Я самъ никогда не прикасался къ вину и надѣюсь, что мои молодые джентльмены будутъ также отъ него воздерживаться. Теперь ступайте и, какъ только привезутъ вамъ форменное платье, извольте явиться на бортъ. Покуда, такъ-какъ во время нашего путешествія я имѣлъ случай заглянуть въ вашъ характеръ, позвольте посовѣтовать вамъ

не быть слишком откровеннымъ съ людьми, которыхъ вы видите въ первый разъ, иначе вы легко можете совершить нескромность. Прощайте.

Я вышелъ изъ комнаты съ низкимъ поклономъ, радуясь, что такъ легко превозмогъ то, что казалось мнѣ хаосомъ затрудненій; но голова моя все ещё занята была тѣмъ, что мнѣ наговорили мичманы, и что такъ несообразно было съ словами и поступками капитана.

Пришедши въ гостиницу Голубыхъ Столбовъ, я засталъ мичмановъ попрежнему въ кофейной и рассказалъ имъ обо всемъ случившемся. Когда я кончилъ, они разразились смѣхомъ и сказали, что пошутили со мной.

— Хорошо, сказалъ я, обращаясь къ тому изъ нихъ, который приходилъ будить меня утромъ; вы можете называть это шуткой, но я называю это ложью.

— Скажите, мистеръ Зеленая Пачка, это вы мнѣ говорите?

— Точно такъ, возразилъ я.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, какъ джентльменъ, я требую удовлетворенія. Чортъ возьми! Лучше смерть, нежели безчестье.

— Я не откажусь удовлетворить васъ, возразилъ я, хотя и не желаю дуэли. Батюшка совѣтовалъ мнѣ избѣгать ея, потому что этимъ мы оскорбляемъ нашего Творца; но такъ-какъ онъ зналъ, что я долженъ поддерживать достоинство офицера, то позволилъ мнѣ поступать по желанію въ тѣхъ случаяхъ, когда я подвергнусь этой несчастной необходимости.

— Мы послѣ успѣемъ наслушаться проповѣдей вашего батюшки, возразилъ мичманъ (я успѣлъ уже сказать, что мой отецъ принадлежалъ къ духовенству), теперь главный вопросъ—хотите ли вы драться, или нѣтъ?

— Нельзя ли дѣло уладить иначе? прервалъ другой. Не захочетъ ли мистеръ Зеленая Пачка отказаться отъ своего слова?

— Мое имя Симплъ, сэръ, а не Зеленая Пачка, возразилъ я; такъ-какъ онъ сказалъ ложь, то я не хочу отказаться отъ своего слова.

— Ну, такъ дуэль должна состояться, сказалъ мичманъ. Робинсонъ, вы обяжете меня, если согласитесь быть моимъ секундантомъ.

★

— Это неприятная обязанность, возразил тотъ, вы такъ искусно стрѣляете; но такъ—какъ вы просите, то я не могу отказать. Мистеръ Симпль, кажется, не имѣетъ здѣсь друга?

— Нѣтъ, имѣетъ, возразилъ другой мичманъ. Онъ горячій паренъ, и я хочу быть его секундантомъ.

Рѣшили, что мы на слѣдующее утро будемъ стрѣляться. Я разсудилъ, что, какъ офицеру и джентльмену, мнѣ неприлично отказать; но это было мнѣ очень не по сердцу. Не прошло и трехъ дней, какъ я предоставленъ самому себѣ, и я успѣлъ уже напиться пьянымъ и навязать себѣ на шею дуэль. Я удалился въ свою комнату и написалъ матушкѣ длинное письмо, въ которое завернулъ локонъ своихъ волосъ. Слезы полились у меня изъ глазъ при мысли, какъ она будетъ горевать, если меня убьютъ; я попросилъ Библию у трактирнаго слуги и читалъ ее весь остальной день.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Утромъ передъ завтракомъ я учусь выдерживать огонь и такимъ образомъ доказываю свою храбрость.—Послѣ завтрака я доказываю свою любезность.—Мое доказательство встрѣчаетъ опроверженіе.—Женщина въ высшей степени безчестная! Одно изъ приведенныхъ обстоятельствъ лишаетъ меня свободы, другое—денегъ.

Проснувшись на слѣдующее утро, я почувствовалъ въ груди какую-то тягость, въ которой не могъ отдать себѣ отчета; но вставъ съ постели и собравъ разсѣянные мысли, я вспомнилъ, что черезъ часъ или два долженъ рѣшиться вопросъ, существовать ли мнѣ или нѣтъ. Я усердно помолился Богу и внутренно рѣшился не принимать на свою совѣсть крови ближняго, а выстрѣлить въ воздухъ. Принявъ это намѣреніе, я уже не чувствовалъ прежняго безпокойства. Не успѣлъ я одѣться, какъ въ комнату вошелъ мичманъ, вызвавшійся быть моимъ секундантомъ, и объявилъ, что дуэль назначена въ саду, позади гостинницы, и что мой противникъ отличный стрѣлокъ, такъ что я непременно буду подстрѣленъ, если не застрѣленъ.

— А какая разница между быть подстрѣленнымъ и застрѣленнымъ? спросилъ я. Я не только въ жизнь свою не былъ на дуэли, но даже ни разу не стрѣлялъ изъ пистолета.

Онъ объяснилъ мнѣ, что подстрѣлить, значитъ попасть въ руку или ногу, а застрѣлить — убить наповаль, попавши въ грудь.

— Но, продолжалъ онъ, неужели вы никогда не были на дуэли?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, мнѣ еще едва пятнадцать лѣтъ.

— Едва пятнадцать! А я думалъ, вамъ по крайней мѣрѣ, восемнадцать.

Я дѣйствительно былъ слишкомъ высокъ и силенъ для своего возраста, и всѣ считали меня старше, чѣмъ какъ я былъ на самомъ дѣлѣ.

Я одѣлся и послѣдовалъ за мичманомъ въ садъ, гдѣ собрались уже мичманы и нѣсколько трактирныхъ слугъ. Всѣ они казались очень веселыми, какъ будто считали жизнь подобнаго себѣ за ничто. Секунданты, послѣ краткаго совѣщанія, отмѣрили двѣнадцать шаговъ, и каждый изъ насъ занялъ свой постъ. Кажется, я былъ блѣденъ, потому что мой секундантъ, подошедъ, шепнулъ мнѣ, чтобъ я не боялся. Я отвѣчалъ, что ничего не боюсь, но что считаю эту минуту слишкомъ торжественною. Секундантъ противника выступилъ впередъ и спросилъ: не хочу ли я извиниться, но я отказался, какъ и прежде. Намъ подали по пистолету, и секундантъ показалъ мнѣ, какъ должно спускать курокъ. Рѣшили, что мы по первой командѣ выстрѣлимъ оба въ одно время. Я былъ увѣренъ, что меня ранять, если не убьютъ, и закрывъ глаза, выстрѣлилъ въ воздухъ. Я чувствовалъ, какъ закружилась у меня голова; мнѣ показалось, что я раненъ; но, къ счастью, ничего не бывало. Пистолеты были заряжены снова, и мы вторично выстрѣлили. Тутъ вмѣшались секунданты и заставили насъ пожать другъ другу руки. Я съ удовольствіемъ согласился на это; мнѣ казалось, жизнь моя спасена однимъ чудомъ. Мы воротились въ кофейную и сѣли завтракать. Мичманы сказали мнѣ, что они служатъ на одномъ кораблѣ со мною и что имъ очень пріятно видѣть, что я въ состояніи выдержать огонь, потому что капитанъ ихъ страшный человекъ для тѣхъ, которые обращаются въ бѣгство передъ непріятельской батареей.

На слѣдующій день мой чемоданъ прїѣхалъ съ вагономъ; я снялъ свое зеленое платье и надѣлъ форменное. У меня не было загнутой на бокъ фуражки и кинжала, какіе носили тогда военные, потому что мистеръ Гэндикокъ упустилъ изъ виду эту статью и рѣшилъ, что я достану себѣ все это въ Портсмутѣ. Справившись о цѣнѣ этихъ вещей, я нашелъ, что онѣ стоили гораздо больше того, что у меня было въ карманѣ. Я изорвалъ письмо, написанное матушкѣ передъ дуэлью, и написалъ другое, въ которомъ просилъ прислать денегъ для покупки кинжала и загнутой фуражки. Потомъ я вышелъ въ своемъ мундирѣ, которымъ, признаюсь, довольно—таки гордился. Теперь я былъ уже офицеръ въ службѣ короля, конечно не большой по чину, но все—таки офицеръ и джентльменъ; я рѣшился поддержать достоинство этого званія, хотя меня и считали глупѣйшимъ въ семействѣ.

Пришедши къ мѣсту, называемому Селн—Портъ, я встрѣтилъ молодую леди, прекрасно одѣтую, которая, посмотрѣвъ на меня очень пристально, спросила:

— Какъ вы довольны своимъ бѣльемъ, мичманъ?

Я былъ пораженъ этимъ вопросомъ и еще болѣе участіемъ, которое она, казалось, принимала въ моихъ дѣлахъ.

— Очень, отвѣчалъ я: у меня четыре уиндзорскія рубашки и два желтыхъ воротника, которые надобно вымыть.

Она улыбнулась отвѣту и попросила меня къ себѣ обѣдать. Меня удивило это учтивое предложеніе, которое я, по скромности, приписывалъ болѣе мундиру, нежели личному моему достоинству. Не чувствуя желанія отказаться, я отвѣчалъ, что соглашаюсь съ удовольствіемъ. Я счелъ приличнымъ предложить ей руку, которую она приняла, и мы отправились по Гей—стритской улицѣ къ ея дому.

Проходя мимо дома адмирала, я замѣтилъ моего капитана, щедраго съ адмиральскими дочерьми. Я весьма радъ былъ случаю показать ему, что знакомъ съ дамами не хуже его собственныхъ, и проходя передъ его глазами съ молодою леди, находившеюся подъ моимъ покровительствомъ, снялъ фуражку и отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Къ моему удивленію, онъ не только не отвѣчалъ на него, но даже посмотрѣлъ на меня весьма строго. Я заключилъ, что онъ гордецъ и внутренно пожелалъ, чтобы дочери адмирала

подумали, что онъ не знаетъ въ лицо своихъ мячмановъ. Не успѣлъ я еще оправиться отъ замѣшательства, въ которое привело меня это происшествіе, какъ капитанъ, проводившій своихъ дамъ въ домъ адмирала, послалъ за мной слугу съ приказаніемъ, чтобъ я немедленно явился къ нему въ гостиницу Джорджа, находившуюся напротивъ.

Я извинился передъ молодою леди и обѣщался возвратиться тотчасъ же, если она согласна подождать меня. Она отвѣчала, что если меня зоветъ капитанъ, то значить, я буду имѣть съ нимъ какую-нибудь неприятную исторію, вслѣдствіе которой онъ отошлетъ меня на бортъ. Пожелавъ мнѣ успѣха, она оставила меня и отправилась домой одна.

Я столько же понималъ все это, какъ причину, почему капитанъ посмотрѣлъ на меня такъ грозно, когда мы съ нимъ повстрѣчались. Но все объяснилось, лишь только я вошелъ въ его гостиную.

— Я очень сожалѣю, мистеръ Симплъ, сказалъ онъ, что въ такомъ молодомъ человѣкѣ, какъ вы, такъ рано проявляются всѣ признаки безнравственности. Еще болѣе грустно мнѣ видѣть, что вы не имѣете той деликатности, которой не лишены даже самые закоснѣлые развратники, деликатности, заставляющей скрывать свою безнравственность, а не унижать себя и не оскорблять своего капитана, безстыдно признаваясь въ своемъ развратѣ, можно сказать, хвастаясь порокомъ, и выставляя его на показъ среди бѣла дня и на самой многолюдной улицѣ города.

— Ахъ, Боже мой! что же я сдѣлалъ такое, сэръ? вскричалъ я съ удивленіемъ.

Капитанъ обратилъ на меня свои пронизательные глаза, пламенный взоръ которыхъ, казалось, хотѣлъ пронзить меня насквозь и пригвоздить къ стѣнѣ.

— Не хотите ли вы сказать, сэръ, что не знаете особы, съ которой давеча шли?

— Нѣтъ, сэръ, возразилъ я; мнѣ извѣстно только то, что она ласковая и добрая дѣвушка.

И я рассказалъ ему, какъ она заговорила со мной, и что потомъ было между нами.

— Возможно ли, мистеръ Симплъ, чтобъ вы были такимъ дуракомъ?

Я возразилъ, что дѣйствительно считаюсь величайшимъ дуракомъ въ нашемъ семействѣ.

— Я теперь самъ такъ думаю, сказалъ онъ сухо.

Потомъ онъ объяснилъ мнѣ, кто была особа, съ которой я былъ въ компаніи, и сказалъ, что всякое сообщество съ нею послужитъ къ моему вреду и гибели.

Это весьма опечалило меня; я стыдился своей глупой ошибкой и сожалѣлъ, что упалъ во мнѣніи капитана. На вопросъ его, что я дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Портсмутъ, я признался, что былъ пьянъ, пересказалъ все, что мнѣ наговорили мичманы, и сказалъ, что имѣлъ сегодня утромъ дуэль.

Онъ со вниманіемъ выслушалъ мою исторію, и мнѣ казалось, что улыбка выступала на его лицѣ, хотя онъ и кусалъ губы, чтобы скрыть ее.

— Мистеръ Симплъ, сказалъ онъ, когда я кончилъ, я не могу позволить вамъ оставаться на берегу, пока вы не приобретете болѣе свѣтской опытности. Я прикажу своему кокетному командиру не упускать васъ изъ виду, пока вы не будете въ безопасности на борту фрегата. Когда вы побудете со мною нѣсколько мѣсяцевъ въ морѣ, вы въ состояніи будете рѣшить, таковъ ли я, какимъ описали меня молодые джентльмены съ единственнымъ намѣреніемъ, какъ я думаю, посмѣяться надъ вашей неопытностью.

Я радъ былъ, когда все это кончилось. Я видѣлъ, что капитанъ повѣрилъ моему разсказу и расположенъ поступать со мной кротко, хотя и считаетъ меня дуракомъ. Кокетный командиръ, ожидавшій его приказаній, проводилъ меня въ гостинницу Голубыхъ Столбовъ. Я уложилъ свое платье, заплатилъ трактирщику, и дворникъ повезъ мой сундукъ въ Сэли-Портъ, гдѣ ожидалъ насъ ботъ.

— Скорѣй, ребята, проворнѣй! Капитанъ приказалъ доставить этого молодого джентльмена прямо на бортъ. Пьянство и волокитство за Долли Момісъ лишили его свободы.

— Я желалъ бы, чтобъ вы были почтительнѣе въ своихъ замѣчаніяхъ, мистеръ кокетный командиръ, сказалъ я съ неудовольствіемъ.

— Мистеръ кокетный командиръ! Благодарю васъ, сэръ, за рукоятку, которую вы предълагаете къ моему имени. Ну, ребята, работайте сильнѣ веслами!

— Эй, Билъ Фрименъ, закричала одна молодая женщина съ берегу, что это у васъ за хорошенькій молодой джентльменъ! Онъ настоящій Нельсонъ! Послушайте, прекрасный молодой офицеръ, одолжите мнѣ шиллингъ?

Мнѣ такъ понравилось, что эта женщина назвала меня молодымъ Нельсономъ, что я тотчасъ же исполнилъ ея просьбу.

— У меня нѣтъ шиллинга, сказалъ я, но вотъ полукрона; размѣняйте ее и принесите мнѣ назадъ восемнадцать пенсовъ!

— Благодарю, вы прекрасный молодой человекъ! сказала она, взявши полукрону. Я возвращусь сію минуту, мой милый.

Люди, находившіеся въ ботѣ, усмѣхнулись, а кокетный командиръ приказалъ отчаливать.

— Нѣтъ, замѣтилъ я; вы должны подождать моихъ восемнадцать пенсовъ.

— Я подозреваю, что намъ дьявольски долго придется ждать въ такомъ случаѣ. Мнѣ знакома эта дѣвка, у ней преплохая память.

— Она не можетъ быть такъ безчестна и неблагодарна. Кокетный командиръ, я приказываю вамъ ждать — я офицеръ.

— Знаю, что вотъ уже почти шесть часовъ, какъ вы офицеръ. Хорошо! но только я пойду къ капитану и доложу ему, что у васъ уже другая дѣвка на буксирѣ, и что вы не хотите ѣхать на корабль.

— Ахъ, нѣтъ, мистеръ кокетный командиръ, прошу васъ не дѣлайте этого. Отчаливайте, если вамъ угодно, и не думайте о моихъ восемнадцати пенсахъ.

Ботъ отчалилъ отъ берега и направился къ кораблю, стоявшему въ Спитгидѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я вступаю на палубу и представляюсь старшему лейтенанту, который решаетъ, что я очень смышленъ. — Спускаюсь внизъ къ Мистрисъ Троттеръ. — Супружеское счастье въ кубрикѣ. — Мистеръ Троттеръ вводитъ меня туда въ качествѣ своего нахлѣбника. — Мое удивленіе при видѣ, что всѣ узнаютъ во мнѣ сына моего отца.

Когда мы прибыли на бортъ, кокетный командиръ подалъ записку отъ капитана старшему лейтенанту, случившемуся въ это время на палубѣ. Онъ прочелъ записку, строго посмотрѣлъ на меня, и я слышалъ, какъ онъ сказалъ второму лейтенанту:

— Служба теперь ни къ чорту не годится. Пока еще она не была слишкомъ вульгарною, мы хотя и не отличались образованіемъ, а все-таки могли надѣяться на то, что дѣлали для насъ доступнымъ природныя способности; теперь же, когда высшее общество стало посылать своихъ сыновей вмѣсто провизіи на корабли, у насъ собирается вся дурная трава ихъ семействъ. Какъ будто всякій матеріалъ, какъ бы онъ ни былъ плохъ, годится на выдѣлку капитана военного корабля, у котораго на плечахъ больше ответственности, отъ котораго положеніе его требуетъ больше разсудительности, чѣмъ отъ кого бы то ни было. Вотъ еще одинъ дуракъ, пожертвованный своимъ семействомъ благу отечества, — вотъ еще медвѣжонокъ, которому я долженъ дать форму. Ну, да я еще не встрѣчалъ такого, изъ котораго не могъ бы сдѣлать чего-либо. Гдѣ мистеръ Симплъ?

— Я мистеръ Симплъ, сэръ! отвѣчалъ я, весьма запуганный тѣмъ, что мнѣ удалось подслушать.

— Ну, мистеръ Симплъ, возразилъ старшій лейтенантъ, — замѣчайте, обращайтесь особое вниманіе на то, что я вамъ скажу. Капитанъ говоритъ въ своемъ письмѣ, что вы оказались до крайности глупымъ. Ну, сэръ, меня этимъ не надуете. Вы нѣчто въ родѣ обезьянъ, которыя не хотятъ говорить изъ страха, чтобъ ихъ не заставили работать. Я внимательно смотрѣлъ вамъ въ лицо и замѣтилъ, что вы очень смышлены; если вы не намѣрены доказать

миѣ это въ самое короткое время, то лучше вамъ броситься за бортъ. Вотъ чтѣ! Вы поняли меня? Я знаю, что вы смысленный малый, и если говорю это, такъ ужь не надѣйтесь разуверить меня; это ни къ чему не поведетъ.

Эта рѣчь запугала меня, но въ то же время миѣ пріятно было слышать, что онъ считаетъ меня смысленнымъ, и я рѣшился всѣми силами стараться удержать за собой эту неожиданную репутацію.

— Квартирмистръ, сказалъ старшій лейтенантъ, прикажите мистеру Троттеру выйти на палубу.

Мистеръ Троттеръ появился въ сопровожденіи квартирмистра извиняясь, что такъ замарался, перетаскивая бочки изъ трюма. Это былъ коротенькій толстякъ лѣтъ тридцати, съ носомъ, на которомъ возвышалась красная бородавка, съ грязными зубами и огромными черными усами.

— Мистеръ Троттеръ, сказалъ старшій лейтенантъ, вотъ молодой джентльменъ, поступившій на нашъ корабль. Отведите ему мѣсто и прикажите повѣсить его койку. Присматривайте за нимъ немножко.

— Миѣ право некогда за всякимъ присматривать, сэръ, возразилъ мистеръ Троттеръ; но я постараюсь сдѣлать, чтѣ могу. Пойдемте, молодой человѣкъ.

Я сошелъ вслѣдъ за нимъ по лѣстницѣ, потомъ по другой, наконецъ, къ моему удивленію, онъ попросилъ меня сойти по третьей, и тутъ только объявилъ, что я нахожусь въ кубрикѣ.

— Ну, молодой человѣкъ, сказалъ мистеръ Троттеръ, садясь на огромный сундукъ, вы можете дѣлать, чтѣ вамъ угодно. Мичманы обѣдаютъ наверху; если вы хотите присоединиться къ нимъ, вы можете. Но я по дружбѣ скажу вамъ: они вамъ будутъ надоѣдать цѣлый день и вы раскаетесь, что познакомились съ ними: кто послабѣе, тотъ долженъ держаться отъ нихъ подальше; но, можетъ быть, вы не того мнѣнія? Мы теперь въ гавани, и я обѣдаю здѣсь, потому что мистрисъ Троттеръ на бортѣ. Она прекрасная женщина, могу васъ увѣрить; вы ее увидите сію минуту — она только что вышла въ кухню присмотрѣть за котелкомъ картофеля. Если вамъ угодно, я попрошу ее позволить вамъ обѣдать съ нами. Вы будете такимъ образомъ подалше отъ мичмановъ; этотъ дурной народъ

научить васъ всему, что только безнравственно и скверно. Кроме того вы будете имѣть выгоду находиться въ хорошемъ обществѣ мистрисъ Троттеръ была принята въ лучшихъ домахъ Англіи. Я предлагаю вамъ это изъ желанія сдѣлать удовольствіе старшему лейтенанту, который, кажется, принимаетъ въ васъ участіе, иначе я бы не очень-то охотно сдѣлалъ васъ свидѣтелемъ моего семейнаго счастья.

Я отвѣчалъ, что очень благодаренъ за вниманіе, и если это не стѣснить мистрисъ Троттеръ, то за счастье почту принять его предложеніе. И въ самомъ дѣлѣ, я нечтялъ себя счастливымъ, что встрѣтилъ такого друга.

Не успѣлъ я сказать это, какъ замѣтилъ наверху лѣстницы пару ногъ въ черныхъ бумажныхъ чулкахъ. Оказалось, что они принадлежали мистрисъ Троттеръ, которая сошла съ лѣстницы, держа сѣточку, полную дымящагося картофеля.

— Клянусь честью, мистрисъ Троттеръ, вы, должно быть, очень увѣрены въ красотѣ вашихъ ногъ, иначе вы не рисковали бы не понравиться ими мистеру Симплю, молодому человѣку, котораго я васъ прошу принять въ наше общество, и который, съ вашего дозволенія, будетъ обѣдать съ нами.

— Милый Троттеръ, какъ жестоко было съ вашей стороны не предупредить меня! Я думала, что никого нѣтъ внизу. Мнѣ, право, такъ совѣстно, продолжала леди, улыбаясь и закрывая лицо не занятой рукою.

— Теперь ужъ этому не поможешь, моя милая, да и не изъ чего совѣстится. Надѣюсь, вы будете добрыми друзьями съ мистеромъ Симпломъ. Кажется, я говорилъ уже, что онъ желаетъ обѣдать съ нами.

— Я увѣрена, что мнѣ пріятно будетъ въ его обществѣ. Послѣ общества, къ которому я была приучена сначала, мистеръ Симплъ, мнѣ странно видѣть себя здѣсь; но любовь способна на всякія жертвованія, и прежде, чѣмъ разстаться съ моимъ милымъ Троттеромъ, который былъ несчастливъ въ денежномъ отношеніи...

— Ни слова объ этомъ, моя милая! Семейное счастье замѣняетъ все, освѣщаетъ даже этотъ мрачный кубрикъ.

— И однакожь, продолжала мистрисъ Троттеръ, когда я подумаю о томъ времени, какъ мы жили въ Лондонѣ и держали собственный экипажъ! Были ли вы когда въ Лондонѣ, мистеръ Симплъ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Такъ вы, вѣроятно, знаете или слышали о Смиттахъ?

Я отвѣчалъ, что единственные особы, съ которыми я познакомился тамъ, мистеръ и мистрисъ Гэндикокъ.

— Ахъ, еслибъ я знала, что вы будете въ Лондонѣ, я съ удовольствіемъ дала бы вамъ рекомендательное письмо къ Смиттамъ. Это знатнѣйшая изъ тамошнихъ семействъ.

— Но, милая моя, прервалъ мистеръ Троттеръ, не время ли позаботиться объ обѣдѣ?

— Сію минуту! У насъ будетъ сегодня жаркое. Прошу извинить, мистеръ Симплъ.

И мистрисъ Троттеръ отправилась на верхъ, попросивъ меня предварительно, съ довольно вѣтреной шуткой насчетъ своихъ ногъ, отвернуться назадъ.

Такъ какъ читатель, вѣроятно, желаетъ знать, какова была ея наружность, то я приму на себя трудъ описанія. Лицо ея было недурно и, въ извѣстный періодъ жизни, я полагаю, оно было весьма пріятно; но въ эпоху моего знакомства съ нею, въ немъ ясно видны были слѣды разрушительнаго времени и трудовъ. Короче, ее можно было назвать поблекшей красавицей, пышной въ одеждѣ, но не совѣтъ—то въ своей особѣ.

— Очаровательная женщина мистрисъ Троттеръ! Неправда ли, мистеръ Симплъ? сказалъ супругъ, съ которымъ я, конечно, согласился. Теперь мистеръ Симплъ, продолжалъ онъ, намъ остается постановить между собой кой-какія условія, о которыхъ намъ удобнѣе поговорить, пока нѣтъ мистрисъ Троттеръ: она пришла бы въ смущеніе, услышавъ, что мы говоримъ о такихъ вещахъ. Разумѣется, родъ жизни, который мы позволяемъ себѣ вести, очень расточителенъ. Мистрисъ Троттеръ не можетъ обойтись безъ своего чаю и нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ удобствъ; въ тоже время я не хочу, чтобъ и вы дѣлали лишніа издержки — скорѣе соглашусь самъ остаться безъ денегъ. И такъ, я предлагаю вамъ, пока вы будете обѣдать съ нами, платить по одной гинеѣ въ недѣлю —

только, что же касается до задатка, то я не возьму съ васъ болѣе двухъ гинеи. Есть у васъ деньги?

— Да, возразилъ я, у меня осталось три гинеи съ половиной.

— Ну, такъ дайте мнѣ три гинеи, а остальные полгинеи вы можете оставить себѣ на карманныя деньги. Напишите скорѣе нашимъ друзьямъ, чтобъ они снабдили васъ на дальнѣйшее время.

Я вручилъ ему деньги, которые онъ положилъ въ свой карманъ.

— Вашъ сундукъ, продолжалъ онъ, вы прикажете принести сюда. Я увѣренъ, что мистрисъ Троттеръ, если я попрошу ее, не только будетъ держать его въ порядкѣ, но даже озаботится починкою вашего платья. Она очаровательная женщина — мистрисъ Троттеръ, и очень любитъ молодыхъ джентльменовъ. Сколько вамъ лѣтъ?

Я отвѣчалъ, что мнѣ пятнадцать лѣтъ.

— Не болѣе того! Ну, это меня радуетъ: мистрисъ Троттеръ какъ-то щекотлива насчетъ общества молодыхъ людей извѣстнаго возраста. Я совѣтую вамъ ни подъ какимъ видомъ не связываться съ прочими мичманами. Они сердиты на меня за то, что я не позволяю мистрисъ Троттеръ обѣдать съ ними: это страшные сплетники.

— Это правда! возразилъ я. Но тутъ мы были прерваны приходомъ мистрисъ Троттеръ, съ вертеломъ въ рукахъ, на которомъ было наткано до дюжины тоненькихъ кусочковъ говядины и свинины. Разложивъ все это на блюдѣ, она принялась накрывать на столъ.

— Мистеру Симплю всего только пятнадцать лѣтъ, моя милая, замѣтилъ мистеръ Троттеръ.

— Ахъ, душка! возразила мистрисъ Троттеръ. А какъ онъ высокъ! Онъ совершенно такъ же высокъ для своего возраста, какъ молодой лордъ Футртоунъ, котораго вы, бывало, сажали въ свою карету. Вы знаете лорда Футртоуна; мистеръ Симплю?

— Нѣтъ, м'амъ, возразилъ я. Но желая показать, что состою въ родствѣ съ знатью, я прибавилъ: могу сказать, однакожь, что мой дѣдушка, лордъ Привилэджъ, навѣрное, знаетъ его.

— Боже мой! неужели лорд Привиледжъ вашъ дѣдушка? То-то мнѣ такъ и казалось, будто я гдѣ-то видѣла подобное лицо. Помните вы лорда Привиледжа, мой милый Троттеръ, котораго мы видѣли у лэди Скампсъ,—еще такой старикъ? Съ вашей стороны очень неблагоугодно не помнить его: онъ подарилъ вамъ однажды прекрасный кабаній окорокъ,

— Помню ли Привиледжа? — Чортъ возьми! О да! старый джентльменъ такой, не правда ли? вскрикнулъ мистеръ Троттеръ, обращаясь ко мнѣ.

— Точно такъ, сэръ, возразилъ я, очень довольный тѣмъ, что нахожусь среди людей, знакомыхъ съ моимъ семействомъ.

— Ну, мистеръ Симпль, сказала мистрисъ Троттеръ, такъ какъ мы имѣемъ удовольствіе знать вашего родственника, то теперь я беру васъ подъ собственный надзоръ и буду такъ любить, что мистеръ Троттеръ заревнуетъ, прибавила она, усмѣхаясь. Сегодня у насъ жалкій обѣдъ. Маркитантка обманула мои надежды. Я просила принести овечью ножку, а она говоритъ, что ихъ нѣтъ на рынкѣ. Правда, имъ теперь еще не настало время, но Троттеръ очень деликатенъ въ пищѣ; пора, садѣмте за столъ.

Я чувствовалъ себя нездоровымъ и не могъ ничего ѣсть. Обѣдъ нашъ состоялъ изъ кусковъ говядины и свинины, картофеля и варенаго пуддинга, поданнаго на оловянномъ блюдѣ. Мистеръ Троттеръ отправился наверхъ раздавать водку корабельному экипажу и воротился съ бутылкой рому.

— Принесли вы порцію мистера Симпля, мой милый? спросила мистрисъ Троттеръ.

— Да, его не забыли; вѣдь онъ прибылъ на бортъ прежде одиннадцати часовъ. Пьете вы водку, мистеръ Симпль?

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчалъ я, вспомнивъ приказаніе капитана.

— Принимая въ васъ живое участіе, сказалъ мистеръ Троттеръ, я долженъ серьезно посоветовать вамъ воздерживаться отъ водки. Эта дурная привычка, однажды принятая, не легко покидается. Я принужденъ пить, чтобъ не задохнуться, работая въ трюмѣ. Тѣмъ не менѣе я имѣю къ ней врожденное отвращеніе; но шампанское и кларетъ вышли у меня на дняхъ, и я вынужденъ покориться обстоятельствамъ.

— Бѣдный Троттеръ! проговорила леди.

— Ну, возражилъ онъ, жалею тотъ человѣкъ, который никогда не веселится.

Онъ налилъ полстакана рому и дополнилъ остальное водой.

— Хотите отвѣдать, моя милая?

— Вы знаете, Троттеръ, я никогда не прикасаюсь къ рому, исключая, когда вода такъ дурна, что теряешь вкусъ въ ней. Какова вода сегодня?

— По обыкновенію, моя милая, такова, что невозможно пить.

Послѣ долгихъ просьбъ мистрисъ Троттеръ согласилась наконецъ хлебнуть немного изъ его стакана. Миѣ показалось, что для непривыкшей къ вину она ужъ слишкомъ хорошо пьетъ.

Я чувствовалъ себя до того нездоровымъ, что принужденъ былъ выйти на палубу. Здѣсь съ мной встрѣтился мичманъ, котораго я еще не видалъ до того времени. Онъ серьезно взглянулъ миѣ въ лицо и спросилъ, какъ мое имя.

— Симпль? вскричалъ онъ, вы не сынъ ли старика Симпля?

— Точно такъ, сэръ, отвѣчалъ я, удивленный, что такъ многіе знакомы съ моимъ семействомъ.

— Я такъ и думалъ, вы на него похожи. Ну, какъ поживаетъ вашъ батюшка?

— Очень хорошо, покорно васъ благодарю, сэръ.

— Когда вы будете писать ему, кланяйтесь отъ меня и скажите, что я просилъ напомнить обо миѣ.

Сказавъ это, онъ пошелъ прочь; но какъ онъ забылъ сказать миѣ свое имя, то я и не могъ исполнить его желанія.

Я легъ въ постель весьма усталый. Мистеръ Троттеръ повѣсилъ мою койку въ кубрикѣ, отдѣляющаго отъ конурки, въ которой онъ спалъ съ своей женой, только ширмами, обтянутыми каніфасомъ. Миѣ показалось это очень неприличнымъ, но миѣ сказали, что такъовъ общій обычай на борту корабля, хотя это и оскорбляетъ деликатность мистрисъ Троттеръ. Я былъ очень нездоровъ; мистрисъ Троттеръ обходилась со мной крайне заботливо: на прощаньи она поцѣловала меня, и вскорѣ послѣ того я крѣпко заснулъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

САМЫЯ ОБЫКНОВЕННЫЯ СЛОВА СБИВАЮТЪ МЕНЯ СЪ ТОЛКУ. — Мистрисъ Троттеръ заботится о моемъ гардеробѣ. — Супружескій дувътъ, кончающійся соn strerito.

На разсвѣтѣ слѣдующаго утра, я былъ разбуженъ шумомъ, похожимъ на громъ, раздававшимся надъ моей головой. Я узналъ, что это происходило отъ чищенія и мытья палубы. Мнѣ было гораздо лучше и я не чувствовалъ прежняго головокруженія. Мистеръ Троттеръ, вставшій еще въ четыре часа утра, сошелъ внизъ и приказалъ одному изъ матросовъ принести мнѣ воды. Я умылся на своемъ сундукѣ, и вышелъ на палубу, которую въ то время вытирали. Стоя на часахъ у дверей каюты, я увидѣлъ одного изъ мицмановъ, съ которыми находился вмѣстѣ въ гостинницѣ Голубыхъ Столбовъ.

— Ну, мистеръ Смиль, старый Троттеръ и эта пачка, жена его, завладѣли вами? правда ли это? спросилъ онъ.

Я возразилъ, что не знаю, что онъ хочетъ сказать словомъ пачка; по моему, мистрисъ Троттеръ очаровательная женщина.

Онъ прыснулъ громкимъ смѣхомъ.

— Хорошо, сказалъ онъ, я васъ предостерегу. Будьте осторожны, или они разорятъ васъ совершенно. Что, мистрисъ Троттеръ показывала вамъ свои ноги?

— Да, возразилъ я, и очень хорошенькія.

— А! такъ она все еще при своихъ старыхъ проказахъ. Вамъ бы лучше обѣдать съ нами. Вы не первый простачекъ, котораго они обманули. Смотрите, продолжалъ онъ: уходя, подалъше прятче ключъ отъ вашего сундука — вотъ все, что я могу сказать вамъ.

Но какъ мистеръ Троттеръ предупредилъ меня, что мицманы будутъ бранить его, то я не обратилъ никакого вниманія на эти слова.

Разставшись съ нимъ, я отправился на палубу. Всѣ моряки были заняты дѣломъ; старшій лейтенантъ закричалъ канониру:

— Если вы готовы, мистеръ Диспартъ, такъ мы привинтимъ зады къ пушкамъ. Ну, ребята, продолжалъ онъ, подвиньте ихъ впередъ.

Такъ какъ я никогда не слыхалъ, чтобъ пушки имѣли панталоны (*), то мнѣ очень любопытно было посмотреть, что такое будетъ, и я подошелъ какъ можно ближе къ старшему лейтенанту.

— Подайте-ка мнѣ, молодой человѣкъ, этотъ хвостъ обезьяны.

Я ничего не видалъ подобнаго хвосту обезьяны, но такъ испугался, что схватилъ первый предметъ, попавшійся мнѣ на глаза, а именно коротенькій желѣзный шестъ. Случилось, что это была именно та вещь, въ которой нуждался старшій лейтенантъ.

Когда я подавалъ его, онъ взглянулъ на меня и сказалъ:

— Такъ вы знаете уже, что такое хвостъ обезьяны? Не смѣйте же послѣ этого никогда прикидываться глупымъ.

— Я очень радъ, подумалъ я, но если это хвостъ обезьяны, то онъ ужъ слишкомъ тугъ

Я рѣшился какъ можно скорѣе заучить названія всѣхъ предметовъ, чтобъ приготовиться къ исполненію своей обязанности. Съ этимъ намѣреніемъ я сталъ внимательно прислушиваться ко всему, что говорили; но меня тутъ же озадачили и я отчаялся въ возможности что-либо запомнить.

— Какимъ образомъ сдѣлать это, сэръ? спросилъ боцмана одинъ изъ моряковъ.

— Ха, позвольте, сэръ, возвѣстятъ вамъ самымъ деликатнѣйшимъ манеромъ въ свѣтъ, что это дѣлается съ помощію дейбл-уоля, и — чортъ васъ возьми, неужели вы до сихъ поръ не знаете этого? Капитанъ фокмачты, продолжалъ онъ, становитесь на перты и подымите ундеръ-перты еще на три вершка.

— Слушаю, сэръ.

Я смотрѣлъ во всѣ стороны, но не могъ примѣтить лошадей (**).

— Мистеръ Чуксъ, спросилъ старшій лейтенантъ боцмана, нѣтъ ли у насъ внизу какихъ-нибудь незанятыхъ блоковъ?

(*) То breech — значить привинчивать зады къ огнестрѣльнымъ орудіямъ. Этотъ терминъ Симплъ смѣшиваетъ съ словомъ breeches — панталоны.

(**) Ногзе — лошадь, на языкѣ моряковъ означаетъ перты, — канаты, на которые становятся матросы.

— Сейчас посмотрю, сэр. У насъ есть одинъ камельблокъ, другой мы раскололи пополамъ намедни; да кажется, есть еще у насъ пара монкей въ запасномъ магазинѣ. — Ты, Смитъ, продѣнь брасы въ коуты и вынь шипсганкъ, прежде чѣмъ сойдешь внизъ.

Тутъ онь сталъ совѣтоваться съ старшимъ лейтенантомъ не придѣлать ли къ такой-то вещи, въ видѣ украшенія металлическій шаръ или просто турецкую голову; объявилъ, что гусинная шейка будетъ тотчасъ сдѣлана оружейникомъ, какъ скоро привезутъ наковальню. Короче, всѣ эти юнферсы и ванты, фишгаки и фишгакъ-блоки, лафеты и лафетные винты, рулевая рукоятка и легванты до того сбили меня съ столку, что я готовъ былъ оставить палубу въ совершенномъ отчаяніи (*).

— Да еще, мистеръ Чуксъ, не забудьте сегодня послѣ обѣда покрасить бакены.

— Пустить кровь мальчикамъ (**); подумалъ я. Что это значитъ? Во всякомъ случаѣ, кажется, исполнить эту операцію всего приличнѣе хирургу.

Это послѣднее непонятное замѣчаніе заставило меня покинуть палубу, и я воротился въ кубрикъ, гдѣ нашелъ мистрисъ Троттеръ.

— Ахъ, милый мой! сказала она, какъ я рада, что вы пришли. Я хочу привести въ порядокъ ваше платье. Есть у васъ списокъ ему? гдѣ вашъ ключъ?

Я отвѣчалъ, что списка не имѣю и подалъ ключъ, хотя и не забылъ предостереженія мичмана. Я полагалъ, что нѣтъ никакой бѣды въ томъ, если она станетъ разсматривать платье въ моемъ присутствіи.

Она отверла сундукъ и начала, вынимая поочередно каждую вещь, толковать о ея пользѣ или негодности.

— Вотъ, говорила она, эти шерстяные чулки очень пригодны въ холодную погоду; а эти темные котоповые башмаки будутъ вос-

(*) Всѣ эти названія, поражаютъ Питера Симпла не столько своей новостію, сколько двусмысленіемъ, котораго невозможно передать по-русски. Такъ *лафетъ* по-англійски *dolphin*, что значитъ дельфинъ; рулевая рукоятка — *whip* — кнутъ; *легвантъ* — *pudding* — пуддингъ и т. д.

(**) Bleed the buoys — окрасить бакены (якорные поплавки). Смпль принимаетъ слово *buoys* за слово *boys*, что и выходитъ *пустить кровь мальчикамъ*.

хитительно прохладны въ лѣтнее время. Что же касается до этихъ тонкихъ бумажныхъ чулковъ, они никуда не годятся — развѣ стирать грязь съ палубъ, когда они моются; они даже нисколько неудобны. Удивляюсь, какъ у нихъ достало столько глупости прислать вамъ такую вещь; этого никто не носитъ на борту. Это годится только женщинамъ — думаю, какъ они пойдутъ ко мнѣ, чудо!

Она повернула стулъ ко мнѣ задомъ и начала надѣвать чулокъ, улыбаясь во все время операци; потомъ снова повернулась ко мнѣ, показывая какъ хорошо онъ сидитъ на ея ногѣ.

— Хорошо, что Троттеръ въ трюмѣ, мистеръ Симплъ, а то бы онъ заревновалъ. Знаете вы, чтó стоятъ эти чулки? Они вамъ бесполезны и очень годятся мнѣ; я поговорю съ Троттеромъ: мы купимъ ихъ у васъ.

Я отвѣчалъ, что и думать не хочу продавать ихъ, что такъ какъ они бесполезны мнѣ и годятся ей, то прошу ее принять отъ меня въ подарокъ двѣнадцать паръ. Сначала она положительно отказалась, но какъ я настаивалъ, то наконецъ согласилась. Я чувствовалъ себя счастливымъ, дѣлая ей этотъ подарокъ, потому что она была очень ласкова со мной, и я считалъ ее очаровательной женщиной.

Обѣдъ нашъ состоялъ изъ бѣштекса и луку, запаху котораго я терпѣть не могъ. Мистеръ Троттеръ возвратился разсерженный выговоромъ, полученнымъ отъ старшаго лейтенанта. Онъ клялся, что оставить службу, что служить только для капитана, который говаривалъ о немъ, что скорѣй согласится разстаться съ правой рукой, чѣмъ съ нимъ, и что, получивъ отставку, потребуетъ удовлетворенія отъ старшаго лейтенанта. Мистрисъ Троттеръ дѣлала все, чтó могла, чтобъ успокоить мужа, напоминала ему, что онъ находится подъ покровительствомъ такого-то лорда и такого-то сэра Томаса, которые потребуютъ ему удовлетворенія — все напрасно. Старшій лейтенантъ выразился о немъ, что онъ не стоитъ платы, которую получаетъ, и только кровь одна, говорилъ мистеръ Троттеръ, можетъ смыть эту обиду. Онъ пилъ грогъ стаканъ за стаканомъ, и послѣ cadaго становился сердитѣе. Мистрисъ Троттеръ пила также и, какъ я замѣтилъ, гораздо болѣе, чѣмъ нужно. Но она шепнула мнѣ, что дѣлаетъ это для того,

чтобъ нечего было пить Троттеру, иначе онъ непременно будетъ пьянъ. Это показалось мнѣ очень великодушнымъ съ ея стороны. Впрочемъ, они сидѣли такъ долго, что я отправился спать, и оставилъ Троттера все еще пьющимъ и пылающимъ мщеніемъ противъ старшаго лейтенанта.

Не проспалъ я и двухъ-трехъ часовъ, какъ былъ разбуженъ страшнымъ шумомъ и споромъ. Оказалось, что мистеръ Троттеръ пьянъ и бьетъ свою жену. Въ негодованіи, что смѣютъ оскорблять такую очаровательную женщину, я поспѣшно вскочилъ съ койки въ намѣреніи защитить ее; но темнота была страшная. Они, однакожъ, не прекращали драки.

Я приказалъ матросу, стоявшему на часахъ у дверей пороховой камеры, принести фонарь, и былъ очень удивленъ его отвѣтомъ, что я лучше сдѣлаю, если пойду спать и оставляю ихъ драться въ волю.

Вскорѣ потомъ мистрисъ Троттеръ, еще не раздѣвавшаяся, вышла изъ-за ширмъ. Я замѣтилъ, что она едва стоитъ на ногахъ; шатаясь подошла она къ моему сундуку, сѣла и начала громко рыдать. Поспѣшно одѣвшись, я сошелъ утѣшать ее, но она не въ состояніи была говорить внятно. Я тщетно старался утѣшить ее: не отвѣчая, она нетвердыми шагами приблизилась къ моей койкѣ, и послѣ долгихъ попытокъ успѣла наконецъ влѣзть на нее. Не могу сказать, чтобъ это мнѣ понравилось; но что было дѣлать? Я окончательно одѣлся и вышелъ на кварталъ-декъ.

Мичманъ, бывшій въ это время въ караулѣ, былъ тотъ самый, который предупреждалъ меня противъ Троттеровъ; онъ обращался со мной очень дружески.

— Ну, Симпль, спросилъ онъ, что такое привело васъ на кварталъ-декъ?

Я рассказалъ ему, какъ дурно обращается мистеръ Троттеръ съ своей женой, и что она заняла мою койку.

— Проклятая, пьяная, старая вѣдьма! вскричалъ онъ. Пойдите, я пойду стащу ее за косу.

Я просилъ не дѣлать этого, говоря, что она дама.

— Дама! возразилъ онъ, много такихъ дамъ!

И онъ рассказалъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была на содержаніи у одного богатаго человѣка, который держалъ

для нее экипажъ; что наскучивши ею, онъ далъ Троттеру 200 фунтовъ стерлинговъ съ условіемъ жениться на ней, и что теперь оба они ничего не дѣлаютъ, какъ только пьютъ и дерутся.

— Надѣюсь, прибавилъ онъ, она еще не успѣла выманить у васъ чего-нибудь изъ платья.

Я отвѣчалъ, что подарилъ ей двѣнадцать паръ чулокъ и заплатилъ мистеръ Троттеру три гинеи за столъ.

— Это надобно принять къ свѣдѣнію, возразилъ онъ; угрожъ я поговорю объ этомъ съ старшимъ лейтенантомъ. Покуда надобно возвратить вамъ койку. Квартирмистръ, покарауль немного.

Онъ отправился внизъ, а я последовалъ за нимъ, чтобъ посмотреть, чтó онъ станетъ дѣлать.

Подошедъ къ моей койкѣ, онъ опустилъ одинъ конецъ ея, такъ что мистрисъ Троттеръ очутилась головой на полу въ весьма неудобной позиціи. Къ удивленію моему, она разразилась страшными ругательствами и не хотѣла оставить койки. Мичманъ принялся бить и трепать ее, какъ вдругъ мистеръ Троттеръ, разбуженный шумомъ, бросился изъ-за ширмъ.

— Негодай! чтó дѣлаешь ты съ моей женой? закричалъ онъ, колотя его изо всѣхъ силъ, не смотря на то, что съ пьяна едва могъ держаться на ногахъ.

Считая мичмана способнымъ постоять за себя, я не хотѣлъ вмѣшиваться и остался наверху зрителемъ. Возлѣ меня надъ люкомъ дека стоялъ часовой съ фонаремъ, освѣщая мичмана и созерцаая бой. Мистеръ Троттеръ въ минуту былъ сбитъ съ ногъ; но мистрисъ Троттеръ, выскочивъ изъ койки, въ свою очередь схватила мичмана за волосы и начала его бить. Видя это часовой счелъ за нужное вступиться. Онъ позвалъ фехтмейстера, а самъ спустился внизъ на помощь мичману, которому приходилось плохо въ борьбѣ съ двоими. Но мистрисъ Троттеръ вырвала у него фонарь и разбила въ дребезги; мы остались въ темнотѣ, и я не могъ видѣть, чтó происходило далѣе, хотя бой все еще продолжался. Таково было положеніе дѣлъ, когда фехтмейстеръ пришелъ съ огнемъ. Мичманъ и часовой отправились наверхъ, а мистеръ и мистрисъ Троттеръ продолжали драться. Но на это никто уже не обращалъ вниманія; всѣ говорили, какъ сказалъ прежде того часовой: «пусть ихъ дерутся въволю».

Подравшись нѣсколько времени, они воротились за ширмы, а я, слѣдуя совѣту мичмана, отправился въ свою койку, которую Фехтмейстеръ снова повѣсилъ для меня. Я слышалъ, какъ мистеръ и мистрисъ Троттеръ въ одно время бранились и цѣловались.

— Жестокій, жестокий мистеръ Троттеръ! говорила она, всхлипывая.

— Но, душа моя, возражалъ онъ, я такъ ревнивъ!

— Раздави чортъ твою ревность! отвѣчала она; завтра къ утру вмѣсто киселя у меня будутъ два прекрасные синяка подъ глазами.

Цѣлованье и перебранка продолжались еще около часа и наконецъ они заснули.

На слѣдующее утро, еще до завтрака, мичманъ донесъ старшему лейтенанту о поведеніи мистера Троттера и его жены. Послали за мной, и я принужденъ былъ подтвердить справедливость донесенія мичмана. Онъ послалъ за мистеромъ Троттеромъ, который отвѣчалъ, что нездоровъ и не можетъ выйти на палубу. Въ отвѣтъ на это старшій лейтенантъ приказалъ сержанту привести его немедленно. Мистеръ Троттеръ явился съ подвязаннымъ глазомъ и съ лицомъ изцарапаннымъ до крайности.

— Не просилъ ли я васъ, сэръ, сказалъ старшій лейтенантъ, ввести этого молодого человѣка въ отдѣленіе мичмановъ? вмѣсто этого вы ввели его къ вашей негодной женѣ и выманили у него часть имущества. Я приказываю вамъ тотчасъ же возвратить три гинеи, которыя вы получили съ него за столъ, а также и вашей женѣ отдать назадъ чулки, у него выпрошенные.

Но здѣсь я вмѣшался и объяснилъ старшему лейтенанту, что чулки были добровольнымъ подаркомъ съ моей стороны, и что, хотя я въ этомъ случаѣ и поступилъ весьма глупо, но думаю, что не могу по чести требовать ихъ назадъ.

— Ну, вы, можетъ быть, и правы, молодой человѣкъ, возразилъ старшій лейтенантъ, и если вы того хотите, то я не стану настаивать на этомъ пунктѣ моего приказанія. Я требую, сэръ, чтобъ ваша жена оставила корабль немедленно, и надѣюсь, что когда донесу о вашемъ поступкѣ капитану, то онъ поступитъ съ вами такимъ же образомъ. А покуда считайте себя подъ арестомъ за пьянство.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

СОВЕРШЕННОЕ ОБНАРУЖЕНІЕ ВЕЛИКАГО СКАНДАЛА. Я ДОКАЗЫВАЮ КАПИТАНУ, ЧТО СЧИТАЮ ЕГО ДЖЕНТЪЛМЕНОМЪ, ХОТЯ ПРЕЖДЕ И ГОВОРИЛЪ ПРОТИВНОЕ; ВЪ ТО ЖЕ ВРЕМЯ ДОКАЗЫВАЮ МИЧМАНАМЪ, ЧТО И Я ТО ЖЕ ДЖЕНТЪЛМЕНЪ. МИЧМАНЫ, ВЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СВОЕЙ ВЛАГОДАРНОСТИ, ИСКУШАЮТЪ МЕНЯ, ПОТОМУ ЧТО ИСКУШЕНІЯМИ СОВЕРШЕНСТВУЕТСЯ ЧЕЛОВѢКЪ.

—

Капитанъ прибылъ на бортъ около одиннадцати часовъ утра, и когда старшій лейтенантъ донесъ ему о томъ, что случилось, онъ тотчасъ же отдалъ приказъ объ отставкѣ мистера Троттера. Вслѣдъ за тѣмъ онъ приказалъ всѣмъ мичманамъ собраться на квартиру-декъ.

— Джентльмены, сказалъ онъ имъ съ строгимъ видомъ, я чувствую себя много обязаннымъ нѣкоторымъ изъ васъ за мнѣніе, которое вамъ угодно было внушить о моемъ характерѣ мистеру Симплю. Я требую, чтобы вы отвѣчали мнѣ на немногіе вопросы, которые я намѣренъ предложить вамъ въ его присутствіи. Съѣлъ ли я когда-нибудь часовыхъ штирборта за то, что корабль дѣлалъ не болѣе девяти узловъ на булинѣ?

— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ! отвѣчали они съ перепуганнымъ видомъ.

— Задавалъ ли я какому-нибудь мичману четыре дюжины папокъ, за то, что онъ не подалъ своего еженедѣльнаго отчета, или пять дюжинъ другому, за то, что онъ на дежурствѣ былъ въ красной лентѣ?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчали они.

— Умиралъ ли какой-нибудь мичманъ отъ усталости на своемъ сундукѣ?

Тотъ же отрицательный отвѣтъ.

— Ну, джентльмены, теперь, сдѣлайте одолженіе, отвѣчайте, кто изъ васъ счелъ за нужное утверждать эту ложь въ публичной кофейнѣ, а также кто изъ васъ принудилъ этого молодого человѣка рисковать жизнію въ дуэли?

Всеобщее молчаніе.

— Отвѣтите ли вы мнѣ, джентльмены?

— Относительно дуэли, сэръ, возразилъ мичманъ, сражавшійся со мной, я слышалъ, что пистолеты были заряжены однимъ порохомъ; это была шутка.

— Хорошо, сэръ, положимъ, что дуэль была затѣяна въ шутку; я надѣюсь и вѣрю, что ваше увѣреніе справедливо; но репутація вашего капитана — то же шутка, позвольте спросить? Я желаю знать, кто изъ васъ осмѣлился распустить такую оскорбительную клевету? (Мертвое молчаніе послѣдовало за этимъ вопросомъ). Хорошо, джентльмены, вы не хотите признаться, такъ я воспользуюсь властью. Мистеръ Симпль, будьте такъ добры, укажите мнѣ особу, или особъ, которые рассказали вамъ все это.

Я подумалъ, что исполнить это требованіе было бы дурно съ моей стороны, и такъ какъ они очень ласково обращались со мной послѣ дуэли, то я и рѣшился не говорить.

— Съ вашего позволенія, сэръ, отвѣчалъ я, мнѣ кажется, я повѣрилъ вамъ все это за тайну.

— За тайну, сэръ! возразилъ капитанъ. Гдѣ слыхано, чтобъ существовали тайны между капитаномъ и мичманомъ?

— Сэръ, возразилъ я, не между капитаномъ и мичманомъ, а между двумя джентльменами.

Старшій лейтенантъ, стоявшій около капитана, закрылъ лицо рукою, чтобъ скрыть улыбку.

— Онъ можетъ быть и дуракъ, сэръ, шепнулъ онъ капитану, но могу васъ увѣрить, что онъ дуракъ очень смѣлый.

Капитанъ закусилъ губу, и обращаясь къ мичманамъ сказалъ:

— Джентльмены! вы должны благодарить мистера Симпля за то, что я оставляю всякое дальнѣйшее изслѣдованіе по этому предмету; я вѣрю, что вы не серьезно клеветали на меня; но помните: что говорится въ шутку, то другіе часто повторяютъ серьезно. Надѣюсь, что поведеніе мистера Симпля будетъ имѣть на васъ свое дѣйствіе и вы перестанете искушать его; онъ избавилъ васъ отъ весьма строгаго наказанія.

Сошедши внизъ, мичманы пожали мнѣ руку, говоря, что я добрый товарищъ и не ябедникъ. Что же касается до совѣта капитана, чтобъ они, какъ онъ выразился, не искушали меня, это было забыто, потому что они тутъ же начали снова, и не переставали, пока не увидѣли, что меня нельзя ужъ болѣе обмануть.

Я не пробылъ и десяти минутъ въ отдѣленіи мичмановъ, какъ они уже начали свои замѣчанія на мой счетъ. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что я, кажется, очень силенъ и, вѣроятно, могу выдержать весьма долгій сонъ.

— Скажу, не хвастаясь, возранилъ я, что способенъ на это, если потребуешь того польза службы. Это размѣнило ихъ, и я подумалъ, что отвѣчалъ умно.

— Вотъ Томкинсъ, возранилъ мичманъ, покажетъ вамъ какъ исполнять эту часть вашей обязанности. Онъ наследовалъ ее отъ отца, служившаго морскимъ офицеромъ. Онъ въ состояніи храпеть четырнадцать часовъ сряду, ни разу не повернувшись на другой бокъ, да и днемъ не откажется довершить сонъ на сундукъ.

Томкинсъ защищался, утверждая, что одни проворно обдѣлываютъ свои дѣла, а другіе очень медленно, что онъ изъ числа непроворныхъ, и, что въ сущности, долгій сонъ освѣжаетъ его не болѣе, чѣмъ другаго короткій, потому что онъ спитъ медленнѣе другихъ.

Это остроумное доказательство было, тѣмъ не менѣе, опровергнуто замѣчаніемъ, что онъ съѣдалъ свой пуддингъ скорѣе всѣхъ прочихъ.

Почталіонъ, прибывшій въ это время на бортъ съ письмами, просунулъ голову въ отдѣленіе мичмановъ. У меня духъ занялся отъ желанія получить письмо, но я обманулся въ своей надеждѣ. Нѣкоторые изъ мичмановъ получили письма, другіе нѣтъ. Тѣ, которые не получили, называли своихъ родителей непослушными и объявляли, что готовы сбыть ихъ за шиллингъ; тѣ, которые получили, продавали свои письма другимъ, обыкновенно за полціны. Мнѣ казалась странною такая продажа, но между ними это было дѣломъ обыкновеннымъ. Одно письмо, преисполненное добрыхъ совѣтовъ, было продано три раза; обстоятельство, принудившее меня возымѣть лучшее мнѣніе о нравственности моихъ товарищей. Самыми дешевыми письмами были письма отъ сестеръ. Мнѣ предлагали такое письмо за одинъ пенни, но я отказался, такъ какъ самъ имѣлъ много сестеръ. Едва я произнесъ это замѣчаніе, какъ тотчасъ же былъ осажденъ разспросами объ ихъ именахъ и возрастѣ, хорошенькія ли онѣ, или нѣтъ, и т. д. Я удовлетворилъ ихъ любопытству; поднялся споръ кому онѣ должны принадлежать. Одинъ хотѣлъ Людію, другой брата Марію; но самый жаркій споръ за-

вязался за Елену, о которой я сказалъ, что она лучше всѣхъ. Наконецъ они согласились продать ее съ публичнаго торгу, и она досталась одному подшкиперу, по имени о'Бриэнъ, который предложилъ за нее семнадцать шиллинговъ и бутылку рома. Они просили засвидѣтельствовать любовь ихъ моимъ сестрамъ, и потомъ объявить имъ ихъ отвѣтъ. Такая просьба показалась мнѣ очень страшною; но цѣна, предложенная за Елену, должна была бы льстить мнѣ, потому что впоследствии я не рѣдко былъ свидетелемъ, какъ очень хорошенькія сестрицы были продаваемы за стаканъ грогу.

Въ разговорѣ я упомянулъ о причинѣ, почему съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ письма: мнѣ не доставало денегъ на покушку кинжала и загнутой на бокъ фуражки. На это мичманы отвѣчали, что мнѣ не къ чему тратить собственные деньги, такъ какъ, по уставу службы, провіантмейстеръ обязанъ снабжать ими офицеровъ, которые того потребуютъ. Зная, гдѣ находилась комната провіантмейстера, такъ я какъ видѣлъ ее, — когда былъ еще въ кубрикѣ съ Троттерами, я тотчасъ же отправился туда.

— Господинъ провіантмейстеръ, сказалъ я, прикажите мнѣ сію минуту выдать загнутую на бокъ фуражку и кинжалъ.

— Слушаю, сэръ, возразилъ онъ, и написалъ приказъ на клочкѣ бумаги, который подалъ мнѣ. Вотъ приказъ, сэръ; но загнутыя на бокъ фуражки хранятся въ сундукѣ на гротъ-стѣнѣ; что же касается до кинжала, то вы должны отнести къ мяснику; они хранятся у него.

Я отправился наверхъ съ приказомъ, рѣшившись сначала вытребовать кинжалъ. Съ этою цѣлью я сталъ отыскивать мясника и нашелъ его въ овчарнѣ, гдѣ онъ сидѣлъ въ кругу овецъ, занятый починкою своихъ брюкъ.

Въ отвѣтъ на мое требованіе, онъ сказалъ, что у него нѣтъ ключа отъ запаснаго магазина, потому что онъ находится въ вѣдѣніи одного изъ матросовъ.

На вопросъ, какъ его зовутъ, онъ отвѣчалъ: «матросъ Чиксъ» (*).

Я ходилъ назадъ и впередъ по кораблю, отыскивалъ матроса Чикса, но никакъ не могъ найдти его. Одни говорили, что онъ на фокъ-мачтѣ, приставленъ караулить вѣтеръ, чтобъ онъ не измѣнился;

(*). Эта знаменитая личность — прототипъ мистера Пособи (шикто) между сухопутными солдатами. *Примѣч. автора.*

другіе, что онъ на галлерей присматриваетъ за тѣмъ, чтобы мичманы не обмакивали своихъ сухарей въ капитанскую кострюлю. Наконецъ я спросилъ объ немъ у женщинъ, стоявшихъ на большой палубѣ между пушками, и одна изъ нихъ отвѣчала, что искать его между ними дѣло лишнее, такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ мужей, а Чиксъ — *вдовой мужъ* (*).

Не могши найти этого матроса, я рѣшился похлопотать покуда о загнутой на бокъ фуражкѣ, и потомъ уже добыть себѣ книжалъ. Мнѣ не очень-то нравилась перспектива влѣзанья по снастямъ: я боялся головокруженія, зная, что если упаду за бортъ, то не сумѣю плавать. Но одинъ изъ мичмановъ вызвался провожать меня, увѣряя, что если я упаду за бортъ, то мнѣ нечего опасаться утонуть, потому что если у меня закружится голова, то она непременно поплыветъ. Это заставило меня рѣшиться. Я долѣзъ почти до самой гротъ-стенги, но не безъ того, чтобъ иногда не оборваться съ какого-нибудь тонкаго каната и не ободрать кожи на колѣняхъ. Здѣсь я дошелъ до того мѣста, гдѣ протягиваются съ мачтъ толстые канаты, такъ что приходится лѣзть съ опрокинутой назадъ головой. Мичманъ сказалъ мнѣ, что эти канаты называются кошачьими баграми, потому что лазить по нимъ такъ трудно, что даже кошки протестуютъ, когда имъ приказываютъ это. Я не рѣшился, и онъ предложилъ мнѣ пролѣзть черезъ отверстіе лѣнтаевъ, по словамъ его, нарочно устроенное для подобныхъ мнѣ. Такъ какъ это казалось гораздо легче, то я согласился и взобрался наконецъ на гротъ-стенгу, запыхавшись и счастливый окончаніемъ путешествія.

Здѣсь находился капитанъ гротъ-стенги съ двумя другими моряками. Мичманъ представилъ меня со всей церемоніей.

— Мистеръ Дженкинсъ — мистеръ Симпль, мичманъ. Мистеръ Симпль — мистеръ Дженкинсъ, капитанъ гротъ-стенги. Мистеръ Дженкинсъ, мистеръ Симпль пришелъ къ вамъ съ приказомъ о выдачѣ ему загнутой на бокъ фуражки.

Капитанъ гротъ-стенги отвѣчалъ, что очень жалѣетъ, что у него нѣтъ ихъ въ запасномъ магазинѣ, такъ какъ онъ выдалъ ка-

(*) Вдовьими мужьями называются въ Англіи мнимые моряки, записанные въ корабельныя книги и получающіе жалованье и слѣдующую каждому матросу часть приза, идущіе въ пользу Гринвичскаго госпиталя. *Пр. автора.*

питанской обезьянѣ послѣднюю. Это было очень досадно. За тѣмъ капитанъ гротъ-стенги спросилъ, есть ли у меня слѣдъ.

Я возразилъ, что нѣтъ, потому что подымаясь вверхъ, раза два или три терялъ его. — Онъ засмѣялся и отвѣчалъ, что прежде нежели сойду внизъ, я необходимо долженъ снова потерять его, и потому онъ проситъ выдать его скорѣе.

— *Выдать* ему мой слѣдъ! вскричалъ я, сбитый съ толку и обращаясь къ мичману: что хочетъ онъ этимъ сказать?

— Онъ хочетъ сказать, что вы должны выдать ему монетку въ семь шиллинговъ.

Это столько же было понятно, какъ и то, что я уже слышалъ; я выпучилъ глаза. Мистеръ Дженкинсъ приказалъ бывшимъ при немъ людямъ принести подюжныя каблочныхъ сезеней и сдѣлать изъ меня орла съ *распростертыми крыльями*, если я не исполню его требованія. Я никогда не догадался бы, чего онъ хочетъ, еслибъ мичманъ, смѣявшійся до упаду, наконецъ не объяснилъ мнѣ, что, по существующему обычаю, всякій въ первый разъ взошедшій на верхъ, долженъ дать что-нибудь на водку этимъ людямъ, и что если я не сдѣлаю этого, они привяжутъ меня къ снастямъ.

Не имѣя денегъ въ карманѣ, я обѣщалъ заплатить тотчасъ же, какъ сойду внизъ; но мистеръ Дженкинсъ не хотѣлъ вѣрить мнѣ. Я разсердился и спросилъ, неужели онъ сомнѣвается въ моемъ честномъ словѣ?

— Нѣтъ, возразилъ онъ, но я хочу имѣть семь шиллинговъ, прежде нежели вы сойдете внизъ.

— Какъ, сэръ! вскричалъ я. Знаете ли съ кѣмъ вы говорите? Я офицеръ и джентльменъ. Знаете ли вы кто мой дѣдушка?

— Знаю очень хорошо, возразилъ онъ.

— Такъ кто же онъ, сэръ? спросилъ я разсерженный.

— Кто онъ! Ха! онъ — *Богъ знаетъ кто*.

— Не правда, возразилъ я, его не такъ зовутъ, онъ лордъ Привиледжъ. Я однакожь былъ очень удивленъ тѣмъ, что онъ знаетъ что мой дѣдушка — лордъ (*). Такъ неужели вы думаете, продолжалъ я, что я соглашусь запятнать честь своего рода изъ-за жалкихъ семи шиллинговъ?

(*) Lord — значитъ тоже: Богъ, Господь.

Это замѣчаніе и ходатайство мичмана, взявшаго меня на поруки, смягчили мистера Джеккинса, и онъ позволилъ мнѣ спуститься внизъ. Я отправился къ своему сундуку и заплатилъ семь шиллинговъ провожавшему меня караульному на марсъ-стенгѣ. Потомъ я отправился на большую палубу, съ намѣреніемъ поучиться своему ремеслу. Я предлагалъ кучу вопросовъ касательно пушекъ мичманамъ, которые, окруживъ меня, удовлетворяли моему любопытству. Одинъ говорилъ, что онѣ называются *зубами* фрегата, потому что забиваютъ рты Французамъ. Другой увѣрялъ, что онъ такъ часто бывалъ въ дѣлѣ, что его прозвали *огнедомъ*. Я спросилъ, какимъ образомъ онъ оставался въ живыхъ, будучи убитъ. Онъ отвѣчалъ, что держится правила: какъ только ядро ударитъ въ бокъ корабля, тотчасъ же просовывать голову въ отверстіе, которое оно сдѣлаетъ, потому что, по разчисленію профессора Инсмара, разность между ядрами простирается до 32,647 и нѣсколькихъ десятыхъ, такъ что другое ядро никакъ ужъ не войдетъ въ это отверстіе. Это была новость, которая мнѣ никогда и въ голову не пришла бы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Мои товарищи показываютъ мнѣ, какъ глупо впадать въ долги. — Възливое исполненіе обязанности. — Я знакомясь съ некоторыми джентльменами, членами департамента домохозяевъ. — Эпизодъ о Шольто М'Фовъ.

Теперь, какъ я прожилъ на борту около мѣсяца, я нахожу, что жизнь моя вовсе не противна. Меня уже не мучитъ запахъ смолы и дегтя, и я могу влѣзть въ койку, не сваливаясь съ нея въ противоположную сторону. Мои товарищи добраго характера, хотя и очень насмѣшливы; но, сказать правду, они не высокаго понятія о чести. Какъ кажется, они считаютъ всякаго рода обманъ пріятнѣйшей шуткой, и думаютъ, что такъ какъ они смѣются въ то время, когда обманываютъ васъ, то ужъ потому самому это не обманъ. Что до меня, я не могу смотрѣть иначе на обманъ, какъ

на обманъ, и, по моему, человекъ, который васъ обманываетъ, ни на волосъ не честнѣе отъ того, что на придачу еще смѣется надъ вами. Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ я прибылъ на бортъ, я спросилъ у такъ называемой маркитантки нѣсколько пирожковъ; я намѣренъ былъ заплатить за нихъ, но маркитантка не могла дать мнѣ сдачи и была такъ учтива, что рѣшилась повѣрить мнѣ. Она вынула маленькую книжку и объявила, что намѣрена вести со мной счетъ, по которому я заплачу, когда мнѣ вздумается. Противъ этого мнѣ нечего было возражать, и я посылая къ ней за разными разностями, пока не рассудилъ, что счетъ мой, вѣроятно, уже возвысился до 11 или 12 шиллинговъ. Помня обѣщаніе, данное отцу, не дѣлать долговъ, я рѣшился расплатиться. Я спросилъ счетъ, и каково было мое удивленіе, когда я нашелъ, что за мной записано 2 фунта, 14 шиллинговъ, 6 пенсовъ. Я объявилъ, что это дѣло невозможное и попросилъ позволенія заглянуть въ счетъ, гдѣ нашелъ, что на меня ежедневно записывались по три, по четыре дюжины пирожковъ, заказанныхъ молодыми джентльменами «съ занесеніемъ въ книгу насчетъ мистера Симпля». Я былъ раздосадованъ не только тѣмъ, что принужденъ былъ заплатить такую сумму, но и недостаткомъ чувства чести въ моихъ товарищахъ. Когда я пожаловался на это въ отдѣленіи, они стали смѣяться надо мной. Наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Питеръ, скажи правду — запрещалъ тебѣ отецъ дѣлать долги?

— Конечно, возразилъ я.

— Я такъ и зналъ, возразилъ онъ, все отцы поступаютъ такъ, разставаясь съ сыновьями; это дѣло обыкновенное. Теперь слушай, Питеръ: ты не можешь быть въ претензіи на то, что твои товарищи ѣли пироги на твой счетъ. Ты поступилъ противъ приказаній отца, тогда какъ не прошло еще и мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ родительскій домъ; — товарищи за долгъ почли заказывать себѣ пироги на твой счетъ, съ цѣлю дать тебѣ урокъ, который не преминетъ принести тебѣ пользу въ жизни. Надѣюсь, это будетъ имѣть на тебя свое дѣйствіе. Ступай къ маркитанткѣ, заплати по счету, и никогда не заводи другаго.

— Ужь, конечно, этого не повторится со мной, отвѣчалъ я.

Будучи не въ состояніи открыть, кто заказывалъ пирожки на мой счетъ, и не желая, чтобы маркитантка лишилась своихъ денегъ, я отправился навѣрхъ и заплатилъ ей долгъ, съ намѣреніемъ впредь никогда и ни съ кѣмъ не заводить счетовъ.

Но это въ конецъ опустошило мой карманъ и я написалъ отцу письмо, въ которомъ повѣдалъ ему это происшествіе и происходящее отъ него состояніе моихъ финансовъ. Отецъ писалъ въ своемъ отвѣтѣ, что каковы бы ни были побужденія, на основаніи которыхъ дѣйствовали мои товарищи, но они поступили со мною дружески, и что такъ какъ я лишился денегъ по собственной безпечности, то отнюдь не долженъ ожидать, чтобъ онъ прислалъ мнѣ еще. Но матушка, прибавившая *post scriptum* къ его письму, вложила въ него банковый билетъ въ пять фунтовъ стерлинговъ, и я думаю, что сдѣлала это съ дозволенія отца, хотя онъ и принималъ видъ, будто очень сердитъ на то, что я забылъ его наставленія. Это вспомошествованіе оказалось очень кстати и снова поправило мои дѣла. Что за удовольствіе получить письмо отъ дальняго друга и въ особенноти, когда это письмо съ деньгами!

За нѣсколько дней передъ тѣмъ мистеръ Фальконъ, старшій лейтенантъ приказалъ мнѣ прицѣпить саблю и идти въ командировку; я возразилъ, что не имѣю ни кинжала, ни загнутой на бокъ фуражки, хотя и требовалъ себѣ этихъ вещей. Узнавъ по этому случаю мое приключеніе, онъ много смѣялся и отправилъ меня въ сопровожденіи шкипера на берегъ за покупкой этихъ вещей, а между тѣмъ послалъ счетъ моему отцу, который заплатилъ деньги и отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ благодарилъ его за трудъ. Въ это утро старшій лейтенантъ сказалъ мнѣ:

— Ну, мистеръ Смиль, сегодня мы посбавимъ глянца съ вашихъ загнутой на бокъ фуражки и кинжала. Вы отправитесь на ботъ съ мистеромъ О'Бріеномъ и позаботитесь, чтобъ никто изъ матросовъ не ушелъ и не напился пьянъ.

Я былъ откомандированъ въ первый разъ еще и очень гордился качествомъ офицера, и былъ уже на шкафутъ за четверть часа до того времени, когда свистокъ подалъ знакъ матросамъ къ отправленію. Мы были отправлены въ адмиралтейство за корабельной аммуниціей. Прибывши туда, я былъ пораженъ удивленіемъ

при видѣ такого страшнаго количества строеваго дѣса, запасныхъ магазиновъ и огромныхъ якорей, лежавшихъ на верфи. Здѣсь было такъ шумно, каждый казался до того занятымъ, что я не зналъ куда дѣться.

У самаго того мѣста, гдѣ присталъ боть, вытаскивали огромный фрегатъ изъ такъ называемой пристани. Я такъ заинтересовался этимъ зрѣлищемъ, что къ сожалѣнію своему долженъ признаться, совершенно забылъ объ экипажѣ нашего бота и о приказаніи данномъ мнѣ, присматривать за нимъ. Болѣе всего удивляло меня то, что работавшіе здѣсь люди, хотя и были повидимому моряки, но выраженія ихъ очень отличались отъ тѣхъ, которыя я привыкъ слышать на борту нашего фрегата. Въмѣсто ругательствъ и проклятій, всякій велъ себя вѣжливо.

— Пожалуйста, мистеръ Джонсъ, патяните кормовую перлинь штирборта.

— Мистеръ Джонкинсъ, ослабьте бакбортную перлинь, сдѣлайте одолженіе.

— На бокъ, джентльмены; накрените корабль на бокъ.

— Поклонъ отъ меня мистеру Томпкинсу, и попросите его прислать счетную книгу.

— На бокъ, джентльмены, накрените корабль на бокъ, сдѣлайте одолженіе.

— Гей вы, тамъ въ ботѣ, причаливайте къ мистеру Симмонсу и просите его оказать мнѣ услугу пристопорить боть, чтобъ онъ не колыхался. Что вамъ угодно, мистеръ Джонсонъ?

Одинъ изъ мичмановъ выбросилъ изъ порта раскаленный лоть и попалъ имъ въ глазъ нашему офицеру.

— Донесите объ этомъ комиссіонеру, мистеръ Виджинсъ; и сверните буксирный канатъ, пожалуйста. Кланяйтесь мистеру Симкинсу и скажите, чтобъ онъ собралъ канатъ тамъ на плотинѣ. Накренили корабль, джентльмены, сдѣлайте одолженіе.

Я спросилъ одного изъ зрителей, что это за народъ; онъ отвѣчалъ, что это адмиралтейскіе плотники. Я не могъ удержаться отъ мысли, что сказать «сдѣлайте одолженіе» такъ же легко, какъ сказать «чортъ васъ побори» и однакожь первое гораздо пріятнѣе звучитъ для слуха.

Пока я смотрѣлъ, какъ вытаскивали фрегатъ, двое людей, принадлежавшихъ къ боту, ускользнули, и воротясь, я никакъ не могъ найти ихъ. Это очень испугало меня, потому что я чувствовалъ, что не исполнилъ своей обязанности и притомъ въ первый же разъ, какъ мнѣ ввѣрили должность. Я не зналъ, что дѣлать; бѣгалъ назадъ и впередъ по адмиралтейству, спрашивалъ каждаго встрѣчнаго, не видали ли моихъ людей, такъ, что наконецъ запыхался отъ усталости. Нѣкоторые отвѣчали, что они видѣли много людей, но не знаютъ навѣрное, мои ли они. Другіе смѣялись и называли меня молокососомъ. Наконецъ я встрѣтилъ какого-то мичмана, который сказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ двухъ людей, соответствующихъ моему описанію, наверху кареты, отправлявшейся въ Лондонъ, и что я долженъ торопиться, если хочу нагнать ихъ; но онъ отказался отвѣчать мнѣ на дальнѣйшіе разспросы. Я продолжалъ бѣгать по адмиралтейству, пока не встрѣтилъ наконецъ двадцать или тридцать человекъ въ сѣрыхъ курткахъ и панталонахъ, къ которымъ обратился съ вопросами; они отвѣчали, что видѣли двухъ моряковъ, спрятавшихся за строевымъ лѣсомъ. Они окружили меня, изъявляя ревностное желаніе помочь мнѣ; но ихъ тутъ же заставили тянуть канатъ. Я замѣтилъ, что всѣ они носили номера на курткахъ и свѣтлыя желѣзныя цѣпи на ногахъ. Не смотря на свою торопливость, я не могъ удержаться, чтобъ не спросить для чего они носятъ эти цѣпи. Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что это награда, данная имъ за хорошее поведение.

Я шелъ въ отчаяніи; вдругъ, къ великой радости своей, при поворотѣ за уголъ наткнулся на своихъ людей, которые, приложивъ палецъ къ фуражкѣ, объявили, что искали меня. Я не повѣрилъ ихъ словамъ; но внѣ себя отъ радости, что нашелъ ихъ наконецъ, я и не думалъ выговаривать имъ, а отправился къ боту, который ждалъ насъ уже нѣсколько времени. О'Бріэнъ, подшкиперъ, назвалъ меня молодымъ ротозѣемъ, слово, котораго до того времени я не слыхивалъ. По возвращеніи на бортъ, старшій лейтенантъ спросилъ О'Бріэна, почему онъ такъ опоздалъ. Онъ отвѣчалъ, что двое изъ нашихъ людей ушли съ бота, но что я нашелъ ихъ. Старшій лейтенантъ остался очень доволенъ мною и замѣтилъ, какъ онъ и прежде говорилъ, что я не дуракъ. Я отправился внизъ, радуясь своему счастью и съ чувствомъ благодарности къ

О'Бріану за то, что онъ не сказалъ всей правды. Отцѣпивъ книжку и снявши загнутую на бокъ фуражку, я полѣзъ было за платкомъ, но не нашелъ его въ карманѣ; по всеѣмъ вѣроятностямъ его украли люди въ сѣрыхъ курткахъ, которые, какъ я узналъ изъ разговора съ своими товарищами, были просто преступники, приговоренные къ тяжкимъ работамъ за воровство и отрѣзываніе кармановъ.

Для черезъ два или три послѣ того мы получили новаго товарища, по имени М'Фой. Я былъ на квартирѣ-декѣ, когда онъ прибылъ на бортъ и представилъ капитану письмо, освѣдомясь сначала, не онъ ли «капитанъ Sauvage». Это былъ цвѣтущій молодой человѣкъ, почти шести футовъ росту, съ рыжими волосами, но очень красивый собой. — Такъ какъ служебная карьера его была очень коротка, то я расскажу за-разъ все, что узналъ объ немъ впоследствии. Капитанъ согласился принять его въ службу, чтобы одолжить сослуживца, жившаго въ отставку въ Шотландскихъ Гейфландахъ. Первое свѣдѣніе о скоромъ прибытіи мистера М'Фоя капитанъ получилъ изъ письма, написаннаго къ нему дядею молодого человѣка. Это письмо показалось ему до того забавнымъ, что онъ передалъ его старшему лейтенанту. Вотъ его содержаніе:

Гласговъ. Апрѣля 25.

«Сэръ,

«Вашъ много-уважаемый и взаимный другъ, капитанъ М'Альпинъ, сообщилъ мнѣ въ письмѣ отъ 14-го числа сего мѣсяца «ваши благосклонныя намѣренія касательно моего племянника Шольто «М'Фой (за что позвольте принести вамъ мою искреннюю благодар-
«ность), и я спѣшу извѣстить васъ, что онъ находится теперь на
«пути къ вашему кораблю Діомеду и съ Божьей помощью прибу-
«детъ черезъ двадцать шесть часовъ по полученіи моего письма. Тѣ,
«которые знакомы нѣсколько со службой короля, дали мнѣ понять,
«что офицерское обзаведеніе требуетъ нѣкоторыхъ расходовъ, а потому
«я заблагодарасудилъ успокоить васъ на этотъ счетъ и предлагаю
«при семь половицу англійскаго банковаго билета въ 10 фунтовъ
«стерлинговъ за № 3742; другая половина будетъ должнымъ по-
*
*

«рядкомъ прислана въ видѣ векселя, который мнѣ обѣщали доставить завтра. Прошу васъ сдѣлать ему все необходимыя покупки и составить, если нужно, счетъ его харчамъ и прочимъ расходамъ, которые вы сочтете разумными и извинительными. Необходимо также извѣстить васъ, что Шольто, въ минуту своего отъѣзда изъ Глазгова, имѣлъ 10 шиллинговъ въ карманѣ. Не сомнѣваюсь, что вы потребуете отъ него полного отчета въ ихъ употребленіи, такъ какъ это слишкомъ большая сумма, чтобъ быть оставленною въ распоряженіи мальчика 14 лѣтъ. Я упоминаю о возрастѣ Шольто, потому что онъ такъ высокъ, что вы могли бы обмануться вѣдностью и положиться на его благородствіе въ дѣлѣ этой важности. Если ему понадобится когда-либо вспомошествованіе сверхъ жалованья, которое, какъ я слышалъ, очень порядочно въ службѣ нашего короля, то прошу васъ обратить вниманіе на то, что всякій вексель вашей руки, не превышающій 5 фунтовъ англійскихъ стерлинговъ будетъ въ теченіе десяти дней, какъ слѣдуетъ выплаченъ, фирмою Монтайтса, М'Киллота и К^о въ Глазговѣ. Сэръ, со всею благодарностію за вашу доброту и благосклонность пребываю вашъ покорнѣйшій

Вальтеръ Монтайтсъ».

Письмо это, доставленное на бортъ самимъ М'Фоемъ, доказывало его тожество. Пока капитанъ читалъ его, М'Фой оглядывалъ все окружающее съ видомъ свирѣпаго кабана. Капитанъ поздравилъ его съ пріѣздомъ, предложилъ ему одинъ или два вопроса, представилъ старшему лейтенанту и отправился на берегъ. Старшій лейтенантъ пригласилъ меня обѣдать въ пороховой камерѣ; я заключилъ изъ этого, что онъ все еще доволенъ мной за то, что я нашелъ нашихъ людей. Когда капитанъ отправился на берегъ, онъ пригласилъ также М'Фоя, и между ними завязался слѣдующій разговоръ.

— Ну, мистеръ М'Фой, вы совершили дальнее путешествіе; я думаю, оно первое въ вашей жизни?

— Правда, сэръ, возразилъ М'Фой; и, къ несчастію, мнѣ страшно надоѣдали впродолженіе путешествія. Чтобъ обращать вниманіе на все, что вамъ шепчутъ, для этого нужно быть набитымъ деньгами. Шесть пенсовъ здѣсь, шесть пенсовъ тамъ, повсюду шесть пенсовъ! Подобное лихоимство мнѣ во снѣ не снилось.

— Какъ вы прїѣхали изъ Глазгова?

— Въ ботѣ на колесахъ, или на пароходѣ, какъ его называютъ тамъ, въ Лондонѣ, гдѣ съ меня взяли шесть пенсовъ за то, что перенесли на берегъ мои пожитки — маленькій чемоданчикъ, небольшое, какъ вотъ эта шапка. Я съ удовольствіемъ перенесъ бы самъ, да они не дали.

— Гдѣ вы остановились въ Лондонѣ?

— Я остановился въ улицѣ Чейчестеръ-Рентъ въ домѣ магазинщиковъ Сторма и Майдагара, и съ меня содрали еще шесть пенсовъ за то, что показали дорогу. Здѣсь я пробылъ полчаса въ конторѣ, пока меня не привели въ какое-то мѣсто, называемое Буль и Моутъ, и не посадили въ карету, заплативъ за проѣздъ. Тѣмъ не менѣе въ продолженіе всей дороги мнѣ только и жужжали въ уши, что деньги, да деньги. Сначала сторожъ и кучеръ, потомъ другой сторожъ и другой кучеръ; я слышать ничего не хотѣлъ — такъ они начали ворчать и оскорблять меня.

— Когда же вы прибыли сюда?

— Прошедшей ночью. Я только переночевалъ и позавтракалъ въ гостинницѣ Двухъ Голубыхъ Столбовъ, и что жъ? съ меня потребовали за это не менѣе, какъ три шиллинга и шесть пенсовъ, клянусь вамъ. Мало того, пришла какая-то подлая горничная и мерзавецъ слуга, просить не забыть ихъ; но я отвѣчалъ имъ, какъ отвѣчалъ сторожу и кучеру, что у меня нѣтъ для нихъ денегъ.

— Сколько жъ вамъ осталось отъ десяти шиллинговъ?

— Гмъ! сэръ лейтенантъ, вы какъ это знаете? А да! это благодаря моему дядѣ Монтайтсу въ Глазговѣ. Ну такъ, клянусь вамъ, у меня осталось не болѣе трехъ шиллинговъ и одного пенса. Но здѣсь такой запахъ, что я едва выношу его, выйду-ка на чистый воздухъ.

Всеобщій смѣхъ раздался по уходѣ М'Фоя изъ пороховой камеры. Побывши нѣсколько времени на палубѣ, онъ сошелъ внизъ въ отдѣленіе мичмановъ; но тутъ онъ велъ себя очень не любезно, заводилъ споръ на каждомъ шагу и ссорился со всѣми. Это не долго продолжалось: онъ не хотѣлъ слушать никакихъ приказаній. Не третій день своей службы онъ оставилъ корабль безъ позволенія старшаго лейтенанта. Въ слѣдующій день, когда онъ возвратился на бортъ, старшій лейтенантъ посадилъ его подъ арестъ и

поставил на часы у дверей каюты. Послѣ обѣда мнѣ случилось быть подъ шканцами: я увидѣлъ тамъ М'Фоя: онъ точилъ на лафетномъ колесѣ длинный складной ножъ. Подошедъ къ нему, и спросилъ: на что онъ это дѣлаетъ. Глаза его сверкнули огнемъ и онъ отвѣчалъ, что намѣренъ отмстить за оскорбленіе, нанесенное крови М'Фоя. Взоръ его доказывалъ, что онъ говоритъ серьезно.

— Но что же вы хотите дѣлать? спросилъ я.

— Я хочу, возразилъ онъ, проводя остріемъ по рукѣ и щупая оконечность своего оружія: отмстить за свою честь и непремѣнно наказать человѣка, осмѣлившася поставить меня сюда. Съ оскорбленною честью нельзя жить.

Это меня перепугало. Я счелъ своей обязанностію донести о его злодѣйскихъ намѣреніяхъ, изъ страха, чтобъ не случилось чего хуже. Съ этою цѣлію я отправился на палубу и открылъ старшему лейтенанту замыслы М'Фоя, подвергающіе жизнь его опасности. Мистеръ Фальконъ улыбнулся и вскорѣ потомъ сошелъ на большую палубу. Глаза М'Фоя засверкали и онъ отправился прямо къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ старшій лейтенантъ; но часовой, предупрежденный мною, остановилъ его, подставивъ штыкъ. Старшій лейтенантъ обернулся, и увидѣвъ, что происходило, приказалъ часовому посмотреть, есть ли у М'Фоя ножъ. М'Фой держалъ въ рукѣ за спинною, совсѣмъ готовый открытый ножъ. Его обезоружили и мистеръ Фальконъ, убѣдясь, что онъ замышляетъ недоброе, донесъ о поведеніи его капитану, когда тотъ возвратился на бортъ. Капитанъ послалъ за М'Фоемъ, который выказалъ при этомъ все свое упрямство. Упрекаемый въ своемъ злобомъ намѣреніи, онъ не хотѣлъ ни оправдываться, ни обѣщать, что не станетъ впредь покушаться на подобный поступокъ. Его тотчасъ же отослали на берегъ и онъ отправился къ своимъ друзьямъ въ Гейланды.

Мы болѣе уже никогда не видали его, но я слышалъ, что онъ получилъ должность въ арміи, и, три мѣсяца спустя по вступленіи въ полкъ, убитъ на дуэли, отищая за какое-то мнимое оскорбленіе, нанесенное крови М'Фоевъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мы отправляемся на Постдоунскую ярмарку. — Что может произойти, если потревожить даму за ужиномъ. — Природная любовь пеликана, извѣданная мною на опытѣ. — Внезапное воспламенение, въ Ранеллагскомъ саду. — Пирожное вмѣсто проповѣди. — Многие приглашены на пиръ.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ М^рФой оставилъ нашъ корабль, мы получили отъ старшаго лейтенанта позволеніе отправиться на Постдоунскую ярмарку; но онъ позволялъ только старшимъ ночевать на берегу. Мы ожидали столько удовольствія отъ этой прогулки, что нѣкоторые изъ насъ поднялись очень рано и отправились въ ботѣ, посланномъ за свѣжей говядиной. Это было очень не разсудительно съ нашей стороны. Мы не нашли ни одного экипажа, въ которомъ могли бы ѣхать на ярмарку, да и что за ярмарка въ такую раннюю пору. Лавки были заперты и самую гостиницу Голубыхъ Столбовъ, которую мы назначили сборнымъ мѣстомъ, насилу отперли для насъ. Мы расположились въ кофейнѣ, но насъ выгнала оттуда служанка, пришедшая мести полъ, и мы принуждены были идти шататься въ окрестностяхъ гостиницы, пока она не кончила и не затопила печи. Тогда только мы могли заказать завтракъ, но не лучше ли было бы спокойно позавтракать на бортѣ и потомъ уже отправиться на берегъ, въ особенности когда намъ нужно было беречь деньги. За исключеніемъ поздняго прихода, самая непріятная вещь въ свѣтѣ приходъ слишкомъ ранній. Какъ бы то ни было, мы позавтракали, заплатили по счету, вышли изъ гостиницы и отправились вдоль по Джорджстритской улицѣ, гдѣ нашли множество всякаго рода экипажей, готовыхъ отвезти насъ на ярмарку. Мы сѣли въ такъ называемый дилли.

Я спросилъ кучера, почему экипажъ такъ называется.

— Потому, что нанять его стоитъ одинъ только шиллингъ, отвѣчалъ кучеръ.

О'Бріанъ, присоединившійся къ намъ послѣ завтрака на бортѣ корабля, замѣтилъ, что этотъ отвѣтъ напоминаетъ ему другой по-

добный же, слышанный имъ въ Лондонѣ отъ одного изъ прислужниковъ фіакра.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ онъ, отъ чего васъ называютъ лодочниками?

— Лодочниками сэръ!? возразилъ этотъ человекъ, — да потому, что мы отворяемъ дверцы фіакра.

Наконецъ, вытерпѣвъ достаточное количество ударовъ кнутомъ, пропасть проклятій и насмѣшекъ, дряхлая кляча, спина которой изгибалась сводомъ отъ тяжести насѣвшихъ въ карету, привезла насъ къ подошвѣ Постдоунскаго холма, гдѣ мы вылѣзли и направились пѣшкомъ къ ярмаркѣ. Она точно представляла чудное зрѣлище. Широкое голубое небо и раскрашенные флаги, развѣвавшіеся по всѣмъ направленіямъ, зеленая травка, бѣлыя палатки и лавочки, солнце блиставшее такъ ярко, и блестящіе позлащенные пряники, разнообразіе хламу и звуковъ, множество народу и разныхъ сластей, маленькіе мальчики, такіе веселые, и лавочники, такіе учтивые, музыка у лавочекъ и крики и ссоры въ окружающей ихъ толпѣ — все это заставляло мое сердце почти прыгать отъ удовольствія. Здѣсь былъ Ричардсонъ съ паяцомъ и арлекиномъ, съ хорошенькими женщинами въ платьяхъ, унизанныхъ съ низу до верху золотыми блестками: онѣ танцевали экосезы и вальсы съ такимъ веселымъ видомъ! Здѣсь были Флинтъ и Джинжель съ молодцами, которые кувыркались и выдѣлывали разныя штуки, напримѣръ тѣли огонь и вытаскивали ленты изо рта. Потомъ здѣсь же былъ королевскій циркъ: лошади, уставленные въ рядъ, а на нихъ, скакали стоя, кавалеры и дамы, развѣвавшіе флаги, между тѣмъ какъ трубачи играли на трубахъ. И огромнѣйшій въ свѣтѣ великанъ, и мистеръ Паанъ, мельчайшій карликъ въ свѣтѣ, и карлица еще меньше, и миссъ Биффинъ, дѣлавшая все безъ помощи рукъ и ногъ. Здѣсь былъ также ученый поросенокъ, и герфордширскій быкъ, и тысяча другихъ зрѣлищъ, которыхъ я теперь не помню. Мы ходили около часа или двухъ, разсматривая внѣшность всѣхъ балагановъ; наконецъ рѣшились посмотреть и внутренность. Сначала мы пошли къ Ричардсону, гдѣ увидѣли кровавую трагедію съ громомъ и привидѣніями, а потомъ пантомиму, состоящую изъ разныхъ штукъ и кувыркашій. Потомъ мы видѣли два или три другія представленія — не помню, что именно, но вообще, говоря, внѣшность балагановъ.

была лучше внутренности. Почувствовавъ голодъ, мы рѣшились зайти въ лавку и спросить чего-нибудь поѣсть. Столы были уставлены кругомъ, а въ центрѣ находилась огромная платформа для танцевъ. Здѣсь были готовыя дамы для партнеровъ, и музыка играла такъ весело, что я почувствовалъ страшную охоту танцовать, но мы уговорились идти въ звѣринецъ мистера Полито смотрѣть какъ кормятъ звѣрей, и такъ какъ теперь было уже почти восемь часовъ, то заплативъ по счету, мы вышли вонъ. Звѣринецъ представлялъ очень любопытное зрѣлище, и изъ всего, бывшаго на ярмаркѣ, наиболѣе стоилъ обозрѣнія; я никогда и не думалъ, чтобъ существовали такія странныя животныя. Они были заключены въ желѣзныхъ клѣткахъ; огромная люстра о двадцати свѣчахъ висѣла въ центрѣ звѣринца и освѣщала ихъ; содержатель переходилъ отъ одного къ другому и каждого тревожилъ своимъ длиннымъ шестомъ. Въ то же время онъ рассказывалъ ихъ исторіи, которыя очень любопытны. Я помню кое-что. Здѣсь былъ тапиръ, огромная свинья съ длиннымъ носомъ, множество гинопотамовъ, о которыхъ содержатель говорилъ, что эти амфибии не могутъ жить на землѣ и умираютъ въ водѣ (тѣмъ не менѣе, казалось, онѣ очень могли жить въ клѣткѣ). Далѣе здѣсь была кунгуру съ дѣтенышами, ползавшими въ ея животѣ — весьма удивительное животное! Содержатель говорилъ, что она рождаетъ двухъ дѣтенышей разомъ и беретъ назадъ въ желудокъ, гдѣ они и остаются до извѣстнаго возраста. Потомъ здѣсь былъ пеликанъ пустыни (я въ вѣкъ не забуду его), съ огромнымъ мѣшкомъ на горлѣ, который содержатель надѣвалъ ему на голову вмѣсто ночнаго колпака; эта птица кормитъ своихъ птенцовъ собственной кровью, когда нѣтъ рыбы. Здѣсь же была смѣющаяся гіэна, которая въ лѣсу издаетъ звукъ, подобный голосу человѣка въ отчаяніи, и пожираетъ тѣхъ, кто приходитъ къ ней на помощь — печальный символъ развращенности человѣческой природы, какъ замѣтилъ содержатель. Здѣсь находилось прекрасное животное, бенгальскій тигръ, трехъ лѣтъ отъ роду, который вырастаетъ ежегодно на десять вершковъ и никогда не достигаетъ своего полнаго роста. Тотъ, котораго мы видѣли, имѣлъ, по словамъ содержателя, шестнадцать футовъ отъ пасти до хвоста и семнадцать отъ хвоста до пасти, но здѣсь должно быть вкрасась какая-нибудь ошибка. Здѣсь былъ молодой слонъ, три льва и про-

пасть других животныхъ, которыхъ я теперь позабылъ, а потому и приступаю къ описанію приключившейся здѣсь очень трагической сцены.

Содержатель растревожилъ всѣхъ звѣрей и началъ ихъ кормить. Огромный левъ крахтѣлъ и ворчалъ надъ бычачьей костью, шелкая ея какъ орѣхами, какъ вдругъ, по чьей-то неосторожности, одинъ конецъ шеста, поддерживавшаго люстру, опустился, задѣлъ дверь кѣтки, въ которой ужинала львица, и растворилъ ее настежь. Все это случилось въ одну секунду: люстра полетѣла, дверь растворилась, и львица вынырнула вонъ. Какъ теперь вижу фигуру львицы, распростертую въ воздухѣ, и вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалось темно, какъ въ ведрѣ дегтя. Что за перемена! не прошло и минуты съ тѣхъ поръ, какъ мы разсматривали животныхъ съ наслажденіемъ и любопытствомъ — и вдругъ видѣть себя въ темнотѣ, страхъ и отчаяніе. Поднялся такой крикъ, визгъ, шискъ, драка, толкотня, такой ужасъ, что никто не зналъ куда дѣться и какъ найти дорогу вонъ. Народъ толпился то въ одной сторонѣ комнаты, то въ другой, смотря потому, куда гналъ его страхъ. Я тотчасъ же былъ прижатъ спиною къ рѣшеткѣ одной изъ кѣтокъ и почувствовалъ лапы ухватившаго меня какого-то звѣря. Сдѣлавъ отчаянное усиліе, я успѣлъ взобраться наверхъ кѣтки, не безъ того, однакожь, чтобъ не лишиться задней части брюкъ, которую не хотѣла выпустить смѣющаяся гѣна. Взобравшись туда, я едва зналъ гдѣ нахожусь, но помнилъ, что наверху были по большей части птицы. Какъ бы то ни было, почувствовавъ себя на ногахъ, я обратился спиной къ кѣточной рѣшеткѣ, изъ опасенія, чтобъ мнѣ не разорвали передней части брюкъ, какъ разорвали заднюю; но не пробылъ тутъ и минуты, какъ почувствовалъ нападеніе кого-то, колотившаго меня клювомъ, какъ дятель, и такъ какъ гѣна разорвала мнѣ платье, то ничто уже не защищало меня отъ этого звѣрка. Обернуться къ нему передомъ было бы еще хуже, а потому, терпѣливо перенося удары, я постарался мало-по-малу переменить позицію и очутился противъ другой кѣтки, но уже не около пеликана. Этотъ послѣдній былъ то самое животное, которое выпустило изъ меня столько крови, что ея достаточно было бы для прокормленія ея птенцовъ въ продолженіе цѣлой недѣли. Я раздумывалъ какая еще опасность ожидаетъ меня, какъ

вдругъ къ великой радости своей, замѣтилъ, что нахожусь у открытой двери, изъ которой выбѣжала львица. Я вползъ въ нее и затворилъ за собою, считая себя очень счастливымъ. Здѣсь я спокойно просидѣлъ въ уголку во все продолженіе шума и смятенія. Спустя нѣсколько минутъ, вошли такъ называемые бифитеры (*), исполнявшіе концертъ на улицѣ, съ факелами и заряженными мушкетами. Страшное зрѣлище представилось имъ: двадцать или тридцать человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей лежало на полу, и я подумалъ сначала, что львица убила ихъ, но они попадали отъ страха, или были смяты толпой. Не было ни одного серьёзно раненаго. Что касается до львицы, ее никакъ не могли найти, и лишь только разнесся по ярмаркѣ слухъ, что она ушла, всеобщій ужасъ и бѣгство повторились тамъ, какъ и въ звѣринцѣ. Но скоро оказалось, что львица была такъ же испугана, какъ и мы, и спряталась за вагонъ. Впрочемъ, ее не вдругъ успѣли найти. О'Бріэнъ, малый очень смѣлый, предводительствовавшій бифитерами, первый замѣтилъ ея блестящіе глаза. Они взяли двѣ или три сѣти съ телѣги, на которой привезены были на ярмарку телята, и накинули на львицу. Запутавъ ее хорошенько въ сѣтяхъ, втащили за хвостъ въ звѣринецъ. Все это время я спокойно оставался въ клѣткѣ, но увидѣвъ, что ея законная владѣтельница возвращается, и я рассудилъ, что время выйдти, и съ этой цѣлю позвалъ своихъ товарищей, помогавшихъ вмѣстѣ съ О'Бріэномъ, бифитерамъ. Они не замѣтили меня сначала, и очень смѣялись, увидѣвъ, гдѣ я нахожусь. Одинъ изъ мичмановъ спустилъ задвижку двери, чтобъ я не могъ выйдти, и началъ дразнить меня длиннымъ шестомъ. Наконецъ мнѣ удалось отпереть дверь, и вышелъ, и новый смѣхъ раздался, когда замѣтили, что задняя сторона моихъ брюкъ разорвана. Для меня это было не совѣсмъ—то смѣшно, хоть я и поздравлялъ себя съ счастливымъ избавленіемъ; да и сами товарищи мои были того же мнѣнія, когда я рассказалъ имъ свое приключеніе. Пеликанъ, разумѣется, былъ самой непріятной статьёй моего разсказа. О'Бріэнъ далъ мнѣ черный шелковый платокъ; которымъ я подвязалъ куртку, опустилъ сзади концы, такъ чтобы несчастіе мое не привлекало на себя вниманія.

(*) Beefeaters — едятъ говядину; такъ называютъ въ Англіи королевскую гвардію.

Мы вышли изъ зѣриница; но я чувствовалъ такую боль, что едва могъ переступить.

Мы отправились въ такъ называемый Рапеллагскій садъ смотрѣть фейерверкъ, начало котораго было назначено въ десять часовъ. Было ровно десять, когда мы заплатили за входъ; мы нетерпѣливо ожидали около четверти часа, но ничто не показывало, чтобы фейерверкъ скоро начался. Дѣло въ томъ, что человѣкъ, которому принадлежалъ садъ, ждалъ, чтобы собралось больше народу, хотя мѣста и безъ того уже всѣ были заняты. Старшій лейтенантъ приказалъ богу дожидаться насъ только до двѣнадцати часовъ и потомъ возвратиться на бортъ; такъ-какъ мы были въ семи миляхъ отъ Портсмута, то намъ нельзя было терять много времени. Мы подождали еще четверть часа, и потомъ рѣшили, что такъ-какъ въ афишѣ значится, что фейерверкъ начнется ровно въ десять часовъ, то мы имѣемъ полное право начать его сами. О'Бриэнъ вышелъ и потомъ воротился съ дюжиной тросточекъ, цѣною въ пенни, которыя онъ раздвоилъ на концахъ. Фейерверкъ былъ совсѣмъ готовъ на столбахъ и подмосткахъ; мы рѣшились зажечь его весь вдругъ и потомъ замѣшаться въ толпѣ. Старшіе закурили сигары и, воткнувши ихъ въ раздвоенные концы тросточекъ, продолжали раскуривать, пока они хорошенько не разгорѣлись. Тогда они роздали каждому изъ насъ по тросточкѣ; по данному знаку мы приложили ихъ къ фитилямъ и лишь только пламя принялось, мы кинули тросточки и ринулись въ толпу. Въ полминуты весь фейерверкъ взлетѣлъ на воздухъ въ прекрасномъ безпорядкѣ: здѣсь серебряныя и золотыя звѣзды, синіе огни и колеса, тамъ взрывы и бомбы, греческіе огни и римскія свѣчи, китайскія деревья, ракеты и иллюминированные девизы; все это въ одно время вспыхивало, взлетало, трескалось, лопало. Всѣ единодушно согласились, что этимъ много выиграло ожидаемое зрѣлище. Человѣкъ, которому принадлежалъ садъ, выскочилъ изъ лавки, гдѣ преспокойно пилъ пиво, тогда какъ публика съ нетерпѣніемъ ждала его, и поклялся отмстить виновнымъ. Въ самомъ дѣлѣ на слѣдующее утро онъ предложилъ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ въ награду тому, кто отыщетъ нанесшихъ ему эту обиду. Но по моему, съ нимъ поступлено по заслугамъ. Въ своемъ положеніи онъ былъ слуга публики, а велъ себя какъ господинъ ея. Мы всѣ очень ловко спаслись; взяли

другой дидли, прїѣхали въ Портсмуть и прибыли къ боту во-время. На слѣдующее утро я такъ одеревенѣлъ и чувствовалъ такую боль, что принужденъ былъ идти къ доктору, который внесъ меня въ списокъ больныхъ, гдѣ я и оставался цѣлую недѣлю, прежде нежели могъ возвратиться къ своей должности. Но довольно о Постдоунской ярмаркѣ.

Было воскресенье, когда я снова принялся за свою должность; а такъ-какъ воскресенье день свободный, то мы и отправились съ мистеромъ Фалькономъ, старшимъ лейтенантомъ, на берегъ, въ церковь. Мы очень любили ходить въ церковь, но я долженъ признаться къ сожалѣнію моему, не вслѣдствіе какихъ-нибудь религиозныхъ чувствъ, а по слѣдующей причинѣ. Старшій лейтенантъ обыкновенно садился внизу въ закрытой ложѣ, а мы помещались наверху въ галлерей, гдѣ ни онъ насъ, ни мы его видѣть не могли. Мы вели себя очень тихо и, можно сказать, благочестиво въ продолженіе службы. Но пасторъ, читавшій проповѣдь, былъ такъ скученъ, имѣлъ такой противный голосъ, что мы всѣ уходили, лишь только онъ всходилъ на кафедру, и переносили засѣданіе въ кондитерскую напротивъ, гдѣ были пирожное и торты, запивая вишневкой — что нравилось намъ гораздо больше проповѣди. Такъ или иначе, только старшій лейтенантъ узналъ о нашихъ продѣлкахъ: вѣроятно, какой-нибудь морской офицеръ увѣдомилъ его объ этомъ и въ это воскресенье онъ сыгралъ съ нами превосходную штуку. Мы были по обыкновенію въ кондитерской и лишь только замѣтили, что народъ выходитъ изъ церкви, тотчасъ же спрятавъ торты и конфекты въ шапки и надѣвъ ихъ бережно на головы, посѣщили занять позицію у церковныхъ дверей, какъ будто бы сейчасъ вышли изъ церкви и ожидаемъ его. Но вмѣсто того, чтобъ выйти изъ церкви, онъ подошелъ къ намъ съ улицы и приказалъ слѣдовать за собой къ боту. Дѣло въ томъ, что онъ былъ въ задней комнатѣ кондитерской, гдѣ сквозь зеленныя занавѣски наблюдалъ за каждымъ нашимъ движеніемъ. Мы ничего не подозрѣвали и думали, что онъ вышелъ изъ церкви немного раньше обыкновеннаго. По возвращеніи на корабль, онъ привелъ насъ на палубу.

— Отправляйтесь на корму, молодые джентльмены, сказалъ онъ намъ.

— Во фронтъ! скомандовалъ онъ, и потомъ продолжалъ: Ну, мистеръ Диксонъ; какой сегодня былъ текстъ проповѣди?

Такъ—какъ онъ часто дѣлалъ этотъ вопросъ, то мы всегда оставляли въ церкви до прочтенія текста одного изъ нашихъ, который потомъ приходилъ въ кондитерскую и мы отмѣчали текстъ въ нашихъ библіяхъ, чтобъ быть готовыми къ отвѣту.

Диксонъ тотчасъ же вынулъ свою библію, въ которой загнута была страница, и прочелъ текстъ.

— О, это тотъ самый! возразилъ мистеръ Фальконъ. У васъ замѣчательно хороши уши, мистеръ Диксонъ; вы слышали пастора изъ кондитерской. Ну, джентльмены, снимите шапки, сдѣлайте одолженіе.

Мы бережно спустили шапки, наполненныя сладкими пирожками.

— Право, джентльмены, продолжалъ онъ, ощупывая мѣшечки съ пирожнымъ и конфетами; я къ величайшему моему удовольствію замѣчаю, что вы были въ церкви не даромъ. Немногіе выходятъ изъ нея съ такими прекрасными вещами на сокровищницѣ памяти. Фехтмейстеръ, вышлите на корму корабельныхъ юнгъ.

Юнги прибѣжали, сломя голову, по лѣстницѣ, и старшій лейтенантъ попросилъ ихъ сѣсть на лафеты каронадъ. Когда они усѣлись, онъ приказалъ намъ обходить ихъ съ шапками и просить каждаго принять по тورتу; что мы и вынуждены были исполнить, поднося шапки то къ тому, то къ другому, пока всѣ онѣ не опустѣли. Что больше всего меня раздосадовало, это гримасничанье юнгъ въ то время, какъ мы, подобно лакеямъ, услуживали имъ, и смѣхъ всего экипажа, собравшагося на шкафутахъ.

Когда пирожное было съѣдено, старшій лейтенантъ сказалъ намъ:

— Ну, джентльмены, теперь вы можете идти; будетъ съ васъ этого урока на нынѣшній день.

Удалившись въ наше отдѣленіе, мы и сами не могли удержаться отъ смѣха. Мистеръ Фальконъ всегда такъ смѣшно наказывалъ, а главные наказанія его всегда соответствовали роду вины. Онъ имѣлъ наготовѣ лекарство противъ всякаго дѣла, которое не одобрялъ, и корабельный экипажъ прозвалъ его «лечебникомъ». Я долженъ замѣтить, что со времени этого происшествія, нѣкоторые

изъ моихъ товарищей сдѣлались необыкновенно строги съ юнгами и не упустили случая бить ихъ ногой или щелкать по головамъ, прибавляя: «вотъ тебѣ еще тортъ, щенокъ». Я думаю, еслибъ юнги могли тогда предвидѣть, что ихъ ожидало впоследствии, они отказались бы отъ пирожковъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

МАТРОССКІЙ НАБОРЪ: ЖЕНЩИНА ОТБИВАЕТЪ НАСЪ. — ФРЕГТОВАНИЕ ВЕРТЕЛОМЪ. — МЕНЯ ЩИПЛЮТЪ, КАКЪ КУРИЦУ. ДЖИНЪ НА ДВАДЦАТЬ ПЕРСОНЪ. — Я ВЗЯТЬ ВЪ ПЛѢНЪ; БѢГСТВО И ПРИБЫТІЕ НА КОРАБЛЬ.

Теперь я долженъ разсказать, что случилось со мной за нѣсколько дней до отплытія корабля. Это послужитъ доказательствомъ, что кто вступилъ въ службу его королевскаго величества, тому не нужно быть среди вѣтровъ и волнъ, или среди пушекъ непріятельскихъ, чтобы встрѣтиться съ опасностью; напротивъ, впоследствии я былъ въ сраженіяхъ и безъ запинки объявляю, что никогда не чувствовалъ такого страха, какой испыталъ при случаѣ, о которомъ сейчасъ разскажу.

Мы были готовы къ отплытію, и адмиралтейство съ нетерпѣніемъ ждало нашего отправленія въ море. Капитанъ просилъ и получилъ позволеніе отъ портоваго адмирала откомандировать партію на берегъ для вербованія матросовъ. Второй, третій лейтенанты, и старшіе изъ мичмановъ были каждую ночь посылаемы на берегъ съ нѣсколькими надежнѣйшими людьми, и обыкновенно привозили утромъ на бортъ до полдюжины человекъ, захваченныхъ въ разныхъ шинкахъ, или магазинахъ грогу, какъ называютъ матросы шинки. Нѣкоторые изъ нихъ оставялись на кораблѣ, но большая часть, какъ негодная къ службѣ, отпускалась на берегъ. По существующему обычаю, всякій вступающій или завербованный въ службу посылается въ кубрикъ къ хирургу, гдѣ его раздѣвають съ ногъ до головы и осматриваютъ здоровъ ли онъ и годенъ ли къ службѣ его королевскаго величества, если нѣтъ, то его отсылаютъ назадъ. Сколько я могъ судить по разсказамъ, наборъ ка-

заяся мнѣ очень серьёзнымъ дѣломъ, потому что матросы, употребившіеся на это, были часто отбиваемы съ урономъ. Въ самомъ дѣлѣ матросы наши сражаются противъ покушеній на ихъ свободу вербовщиковъ такъ же отчаянно, какъ впоследствии, когда вступать на бортъ, за честь родины. Я страшно желалъ участвовать въ подобной партіи до отплытія корабля, и попросилъ О'Бріена взять меня съ собою; онъ былъ очень ласковъ со мной и никому, кромѣ себя самого, не позволялъ бить меня. Просьбу мою онъ исполнилъ въ слѣдующую же ночь.

Я взялъ съ собой кинжалъ, столько же въ знакъ своего офицерскаго чина, какъ и для защиты. Около сумерекъ мы поплыли къ землѣ и пристали къ Госпортскому берегу; люди наши, въ пиджакахъ, то-есть, въ короткихъ кафтанахъ изъ такъ называемаго флюшинга, были вооружены ножами. Мы не хотѣли заглядывать въ городскіе шинки, такъ какъ было еще очень рано, а углубились миль на три въ предмѣстье и пришли къ одному дому, дверь котораго была заперта. Мы выломали ее въ одну минуту и послѣшнѣ вошли въ корридоръ, гдѣ нашли хозяйку, приготовившую защищать входъ. Корридоръ былъ длиненъ и узокъ, а хозяйка женщина такая высокая и толстая, что особа ея почти наполняла его; въ рукѣ у ней былъ длинный вертелъ, направленный противъ насъ и мѣшавшій намъ двинуться впередъ. Офицерамъ, стоявшимъ впереди, не очень-то нравилось напасть на женщину; что же касается до нея — она размахивала вертеломъ такъ рѣшительно, что не отступилъ ни одинъ, нѣкоторые изъ нихъ какъ-разъ попали въ жаркое. Матросы, стоя на улицѣ, смѣялись и предоставляли офицерамъ справляться, какъ умѣютъ.

— Что они ушли, Джемсъ? закричала наконецъ хозяйка своему мужу.

— Да, отвѣчалъ тотъ; слава Богу, ушли.

— Хорошо, возразила она; теперь я тотчасъ же заставляю уйти и этихъ.

И съ этими словами она съ такой силой ринулась впередъ, что еслибъ мы не отскочили назадъ, попадавъ другъ на друга, она, навѣрно, пронзила бы насквозь втораго лейтенанта, командовавшаго партіей. Корридоръ очистился въ одну минуту, и лишь только мы, очутились на улицѣ, она тотчасъ же заперла дверь на задвижку.

Такимъ образомъ трое офицеровъ и пятнадцать вооруженныхъ матросовъ были отбиты жирной старухой, а моряки, пившіе въ этомъ домѣ, спаслись въ другое мѣсто, но иначе и быть не могло. Мы должны были убить или ранить эту женщину, въ противномъ случаѣ она пронзила бъ насъ насквозь; она дѣйствовала такъ рѣшительно! Еслибъ мужъ ея встрѣтился намъ въ корридорѣ, мы сладили бъ съ нимъ мигомъ; но что вы станете дѣлать съ женщиной, которая сражается, какъ дьяволъ и, однакожъ, претендуетъ на всѣ права и преимущества нѣжнаго пола? Одураченные, мы отправились своимъ путемъ, а О'Бріанъ общалъ, что въ первый разъ, какъ ему придется имѣть дѣло съ этимъ домою, онъ постарается обойти старую вѣдму и схватить ея милость съ тылу.

Мы постучались потомъ въ нѣсколько другихъ домовъ, и захватили двухъ или трехъ человѣкъ; но большая часть спаслась въ окна или заднимъ ходомъ, въ то время, какъ мы входили переднимъ. Въ числѣ здѣшнихъ шинковъ былъ одинъ, составляющій любимѣйшее сборное мѣсто матросовъ, принадлежавшихъ къ купеческимъ кораблямъ; здѣсь они имѣли обыкновеніе укрываться, когда доходилъ до нихъ слухъ о наборѣ. Наши офицеры знали это, и очень равнодушно смотрѣли, какъ спасались матросы, будучи увѣрены, что они отправятся въ это мѣсто и, понадѣясь на свое число, захотятъ противиться намъ. Такъ-какъ пробило десять часовъ, то начальники наши рѣшили, что время отправиться туда. Мы подвигались впередъ безъ шума, но они разставили сторожей, и лишь только мы завернули за-уголъ улицы, какъ ужъ сдѣлана была тревога. Я боялся, что они разбѣгутся и мы лишимся ихъ; но, наоборотъ, въ эту ночь они приняли грозный видъ и рѣшились «дать сраженіе». Матросы оставались въ дому; только авангардъ состоявшій изъ ихъ женъ, въ числѣ около тридцати, встрѣтилъ насъ градомъ камней и грязи. Нѣкоторые изъ нашихъ матросовъ были ранены, но казалось, не обращали ни малѣйшаго вниманія на женщинъ. Они бросались впередъ, но женщины напали на нихъ съ кулаками и ногтями. Тѣмъ не менѣе матросы только смѣялись и отталкивали ихъ, приговаривая:

— Успокойся, Поль.— Перестань дурачиться, Молли.

— Отойди прочь, Сокей; мы пришла не для того, чтобы отнять у васъ вашихъ милыхъ мужей — и проч.

Но между тѣмъ лица многихъ изъ нихъ обагрились кровью, сочившеюся изъ царапинъ, надѣланныхъ женщинами. Мы сляглись пробиться такимъ образомъ; но въ это самое время со мной случилась бѣда, отъ которой я едва спасся. Одна изъ женщинъ, схвативъ меня за руку, потащила къ себѣ; не случись тутъ одного изъ квартирмейстеровъ, я былъ бы отдѣленъ отъ своей партіи; но въ ту самую минуту, какъ меня потащили, онъ удержалъ меня, схвативъ за ногу.

— Ступай сюда, Пегъ, закричала женщина одной изъ своихъ подругъ. Помоги мнѣ завладѣть этимъ маленькимъ мичманомъ: мнѣ нуженъ младенецъ дососать молоко кормилицы.

Двѣ другія женщины поспѣшили къ ней на помощь и ухватили меня за другую руку. Онѣ вырвали бы меня у квартирмейстера, есlibъ тотъ съ своей стороны также не позвалъ на помощь, вслѣдствіе чего двое матросовъ схватили меня за другую ногу. Тутъ-то поднялся шумъ вокругъ моей особы; меня рвали и таскали во всѣ стороны: то женщины выигрывали на мнѣ вершокъ или два, то снова возвращался я въ руки матросовъ. Одну минуту я считалъ себя погибшимъ, въ слѣдующую я былъ уже среди своихъ.

— Тащи, тащи назадъ! кричали другъ другу женщины, съ громкимъ хохотомъ.

Что до меня, увѣрю васъ, мнѣ было не досмѣха; мнѣ казалось, что меня вытянули на цѣлый вершокъ, и я чувствовалъ сильную боль въ колѣняхъ и плечахъ. Наконецъ женщины расхохотались до того, что не могли держать меня, и я былъ втащенъ въ средину нашихъ матросовъ, гдѣ и постарался остаться. Нѣсколько времени продолжалась еще толкотня и драка, наконецъ толпа ввалила меня въ домъ. Матросы купеческихъ каравелъ вооружились кистенями и прочимъ оружіемъ, и заняли позицію на столахъ. Ихъ было почти двое противъ одного; они отчаянно сопротивлялись; бой былъ страшенъ. Наши матросы принуждены были

прибѣгнуть къ ножамъ. Вопли и проклятья, толкотня и драка, тасканье другъ друга за воротъ и фехтованье, — все это отняли у меня на нѣсколько минутъ всякое сознаніе; къ тому же поднялась пыль, которая не только ослѣпляла, даже душила меня. Я начиналъ уже задыхаться, когда матросы наши одержали верхъ; замѣтивъ это, хозяйка и бывшія въ домѣ женщины затушили свѣчи, такъ что я не зналъ, гдѣ нахожусь. Однакожь матросы наши успѣли схватить каждый по противнику и вытащить на улицу, гдѣ ихъ перевязали.

Теперь я снова впалъ въ затруднительное положеніе. Сбитый съ ногъ, измученный, я едва могъ подняться на ноги и, не зная направленія, въ которомъ находился выходъ, пошелъ ощупью вдоль стѣны и достигъ какой-то двери. Въ это время комната уже опустѣла, потому что женщины ушли изъ дому въ слѣдъ за матросами. Я отперъ дверь и очутился въ маленькой боковой гостиной, гдѣ былъ разложенъ огонь, но не было свѣчъ. Замѣтивъ свою ошибку, я хотѣлъ-было воротиться, какъ вдругъ кто-то езади толкнулъ меня, и ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Признаюсь, оставшись одинъ, я почувствовалъ сильную робость при мысли, что на меня обрушится мщеніе этихъ женщинъ.

Я считалъ смерть свою неизбежною и ожидалъ, что, подобно Ореею, о которомъ гдѣ-то читалъ, буду разорванъ на части этими вакханками. Однакожь, я не забылъ, что я офицеръ въ службѣ его королевскаго величества и что долгъ мой, въ случаѣ надобности, жертвовать жизнію за короля и отечество. Я думалъ также о моей матушкѣ, но какъ мысль о ней печалила меня, то я постарался забыть ее и припомнить все, что читалъ о твердости и храбрости разныхъ воиновъ, въ минуту, когда смерть глядѣла имъ въ глаза. Я поглядѣлъ въ замочную скважину и увидѣлъ, что свѣчи были зажжены снова и въ комнатѣ находились однѣ женщины, болтавшія все вдругъ и не думавшія обо мнѣ. Черезъ минуту или двѣ съ улицы вошла въ комнату какая-то женщина, съ черными волосами, распадавшимися по плечамъ, и съ шляпкой въ рукѣ.

— Ха, вскричала она, они схватили моего мужа; но пусть волки заѣдятъ меня, если я не упрягала тамъ въ гостиной мичмана: онъ заступитъ его мѣсто.

*

Я чуть было не умеръ при видѣ этой женщины, въ особенности замѣтивъ, что она вмѣстѣ съ другими подходитъ отворить дверь. Когда дверь отворилась, я выхватилъ кинжалъ, рѣшившись умерить, какъ слѣдуетъ офицеру, и лишь только онъ вошелъ, отступилъ, молча размахивая кинжаломъ.

— Хорошо! вскричала женщина, взявшая меня въ плѣтъ, я люблю видѣть бурю въ лужѣ. Посмотрите—ка на маленькаго грызуна сухариковъ, онъ прикидывается, будто хочетъ драться. Поди сюда, мой милый, ты принадлежишь мнѣ.

— Никогда! вскричалъ я съ негодованіемъ. Держитесь подале, или вамъ плохо будетъ (и я направилъ противъ нихъ кинжалъ); я офицеръ и джентльменъ.

— Солъ, закричала ненавистная женщина, принеси щетку и ведро помойной воды; я какъ разъ вышибу изъ его рукъ этотъ кинжалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразила другая, очень хорошенькая молодая женщина; оставьте его мнѣ, не бейте его! Онъ, право, очень миленькій человекъ. Какъ васъ зовутъ, мой милый?

— Мое имя Питеръ Симпль, возразилъ я, — я королевскій офицеръ: такъ подумайте о томъ, что хотите дѣлать.

— Не бойтесь, Питеръ, васъ никто не тронетъ; но вы не должны обнажать кинжала противъ дамъ: это неприлично офицеру и джентльмену. Вложите его въ ножны и будете умный мальчикъ.

— Я исполню вашу просьбу, возразилъ я, если вы общаете отпустить меня безъ обиды.

— Общаюсь — честное слово, Питеръ! Клянусь честью! — Ну, довольно съ васъ этого?

— Да, отвѣчалъ я, если каждая изъ васъ общаетъ тоже.

— Клянемся честью! закричали всѣ.

Я этимъ удовольствовался, и, вложивъ въ ножны кинжалъ, готовился оставить комнату.

— Стой, Питеръ! вскричала молодая женщина, принявшая мою сторону. Ты долженъ поцѣловать меня, прежде чѣмъ уйдешь.

— И меня — и насъ всѣхъ, закричали прочія женщины.

Я разсердился и хотѣлъ было снова обнажить кинжалъ, но онѣ сжали меня и не допустили до этого.

— Вспомните, вы клялись честью! закричалъ я молодой женщиной, стараясь вырваться.

— Честью, Питеръ! чѣмъ меньше мы станемъ говорить о моей чести, тѣмъ лучше.

— Но вы обѣщались отпустить меня, сказалъ я, обращаясь къ прочимъ.

— Мы и отпустимъ васъ; но только вспомните, Питеръ, что вы офицеръ и джентльменъ — вы, конечно, не будете такъ скупы, чтобъ уйти, не угостивъ насъ.

— Сколько у васъ денегъ въ карманѣ?

И не дожидаясь отвѣта, одна изъ женщинъ полезла въ мой карманъ, вынула оттуда кошелекъ и открыла его.

— Эге! Питеръ, вы богаты, какъ жидъ, вскричала она, считавъ тридцать шиллинговъ на столѣ. Чтѣ вы даете намъ?

— Все, что угодно, отвѣчалъ я, только отпустите меня.

— Хорошо, такъ мы потребуемъ галлонъ джину. Соля, позови мистрисъ Фланаганъ. Мистрисъ Фланаганъ, подайте намъ галлонъ джину и чистые стаканы.

Мистрисъ Фланаганъ получила большую часть моихъ денегъ, и въ минуту воротилась со джиномъ и стаканами.

— Ну, Питеръ, мой голубчикъ, теперь за столъ и давай пить.

— О нѣтъ, возразилъ я, возьмите деньги, пейте джину, но только сдѣлайте одолженіе не мѣшайте мнѣ идти.

Но объ этомъ онѣ и слушать не хотѣли. Я принужденъ былъ сѣсть съ ними; джину было налить и меня заставили выпить стаканъ, отъ котораго я чуть не задохся. Однакожь это имѣло на меня хорошее дѣйствіе: это придало мнѣ такой храбрости, что я въ минуту почувствовалъ себя въ состояніи поборотъ ихъ всѣхъ. Дверь комнаты находилась на одной сторонѣ съ каминомъ, и я замѣтилъ между дровами кочергу, раскалившуюся до-красна. Я принялся жаловаться на холодъ, хотя и чувствовалъ себя въ горячкѣ; онѣ позволили мнѣ встать, чтобъ погрѣть руки. Прибли-

жившись къ камину, я схватилъ раскаленную кочергу и, размахивая ею надъ головой, бросился къ двери.

Онѣ вскочили, чтобъ удержать меня, но я ткнулъ переднюю кочергой, и она съ воплемъ полетѣла назадъ — кажется, я обжегъ ей носъ. Воспользовавшись этой минутой, я выбѣжалъ на улицу, размахивая кочергой, между тѣмъ какъ женщины слѣдовали за мной съ крикомъ и бранью. Я не переставалъ бѣжать и размахивать кочергой, пока наконецъ духъ занялся у меня отъ усталости, а кочерга совершенно охолодѣла. Оглянувшись назадъ, я замѣтилъ, что нахожусь одинъ. Я остановился на углу улицы, не зная гдѣ нахожусь и что мнѣ дѣлать. Я чувствовалъ себя несчастнымъ и раздумывалъ о планѣ дѣйствій, какъ вдругъ изъ-за угла, гдѣ я находился, вышелъ одинъ изъ нашихъ квартирмейстровъ, случайно забытый на берегу. Я узналъ въ немъ одного изъ нашихъ людей, по пиджаку и соломенной шляпѣ, и очень радъ былъ видѣть его. Я рассказалъ ему все, что случилось; онъ отвѣчалъ, что идти въ одинъ домъ, гдѣ его знаютъ и куда насъ впускать. Прибывши туда, мы были приняты хозяевами очень вѣжливо, и хозяйка по требованію квартирмейстера, подала намъ пива, которое показалось мнѣ очень не дурно. Выпивъ кувшинъ, мы заснули въ креслахъ. Въ семь часовъ квартирмейстеръ разбудилъ меня; мы взяли лодку и отправились на корабль.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О'Бриэнъ беретъ меня подъ свое покровительство. — Выдача жалованья корабельному экипажу, расплата съ маркитантами, жидами и съ эманципаторомъ, но не безъ нѣкоторой церемоніи. — Мы отправляемся въ море. — Лечение доктора О'Бриэна отъ морской болѣзни. — Одна пилюля доктора болѣе, нежели цѣлая доза.

По прибытіи я представился старшему лейтенанту, рассказалъ ему свои приключенія и показалъ кочергу, принесенную мною на бортъ. Онъ выслушалъ меня терпѣливо и сказалъ:

— Хорошо, мистеръ Симплъ, въ вашей семьѣ вы, можете быть, и дуракъ, но я на этотъ счетъ советѣмъ другаго мнѣнія, а потому постарайтесь никогда не быть глупымъ со мной. Эта ко-черга доказываетъ противное, и если у васъ хватаетъ ума въ вашу пользу, то я требую, чтобъ его хватало и на пользу службы.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ послалъ за О'Бріэномъ и далъ ему выговоръ за то, что онъ позволилъ мнѣ участвовать въ наборѣ, опираясь въ особенности на то, что я ни въ чемъ не могъ быть полезенъ предпріятію, а между тѣмъ со мной могло бъ случиться какое-нибудь серьёзное несчастіе. Это замѣчаніе было дѣйствительно очень справедливо. Я сошелъ на большую палубу, гдѣ встрѣтился съ О'Бріэномъ.

— Питеръ, сказалъ онъ, меня выбрали за то, что я бралъ тебя съ собою; послѣ этого я въ правѣ побить тебя за то, что ты просилъ меня о томъ.

Я хотѣлъ было сказать что-нибудь въ опроверженіе этого умозаключенія, но онъ прервалъ всѣ доказательства, вытолкавъ меня въ люкъ. Таковъ былъ конецъ моей ревностной попытки приобрести матросовъ въ службу его королевскаго величества.

Наконецъ фрегатъ былъ вполне экипированъ, и такъ-какъ мы получили нѣсколько отрядовъ матросовъ съ другихъ кораблей, то намъ велѣно было до отплытія въ море выдать экипажу жалованье. Береговые обыватели всегда пронюхаютъ, когда раздается жалованье на кораблѣ, и мы еще рано утромъ были окружены лодками, нагруженными жидями и тому подобнымъ людомъ. Одни просили пропуска для продажи своихъ товаровъ, другіе для полученія долга за то, что было забрано матросами въ кредитъ. Но старшій лейтенантъ запретилъ впускать ихъ, пока не выдано будетъ жалованье экипажу. Однакожъ они такъ надоѣдали намъ, что онъ принужденъ былъ поставить цѣпь часовыхъ съ ружьями, заряженными порохомъ, чтобъ удерживать въ почтительномъ разстояніи боты, подходящіе слишкомъ близко къ кораблю. Я стоялъ на шкафутѣ, надзирая за ботами, какъ вдругъ какой-то человекъ отвратительной наружности закричалъ мнѣ съ лодки:

— Прошу васъ, сэръ, позвольте мнѣ пробраться съ бакборта; я вамъ подарю прекрасную вещьцу.

Говоря это, онъ вынулъ золотую печатку и протягивалъ мнѣ. Меня очень оскорбило предположеніе этого человѣка, что меня можно подкупить къ нарушенію моихъ обязанностей, и я приказалъ часовому прогнать его дальше всѣхъ. Около одиннадцати часовъ прибылъ адмиралтейскій ботъ съ писцами казначейства, и кассиръ съ своимъ денежнымъ сундукомъ былъ введенъ въ переднюю каюту, гдѣ его ожидалъ уже капитанъ за конторкою. Матросы были поочередно призываемы, и такъ-какъ сумма, которую слѣдовало выдать имъ, была уже заранѣе отчислена, то всѣ они были удовлетворены очень скоро.

Сосчитавъ деньги въ присутствіи офицеровъ и капитана, они принимали ихъ въ свои шляпы. У дверей каютъ стоялъ высокій человѣкъ, весь въ черномъ, съ зачесанными вверхъ волосами, впущенный на бортъ по особому приказу отъ портового адмирала. Онъ не давалъ проходу ни одному матросу, выходившему изъ каюты съ деньгами въ шляпѣ, предлагая каждому подписку на эманципацию негровъ Вестъ-Индіи. Но матросы не давали ничего.

Въ это время вышелъ провіантмейстеръ. Онъ былъ, что называется, законникъ, то-есть получилъ немножко болѣе воспитанія, нежели матросы вообще.

— Надѣюсь, сэръ, вы дадите что-нибудь, сказалъ ему черный человѣкъ.

— Я? Никакъ нѣтъ, мой сердечный; каждый фартингъ моего жалованья принадлежитъ мнѣ.

— Это пустая шутка, сэръ.

— Какой вы должны быть низкій негодяй, если требуете отъ человѣка того, что ему не принадлежитъ. Ужь я вамъ сказалъ, что эти деньги принадлежатъ моей особѣ? Есть старинная пословица: будь справедливъ болѣе, нежели щедръ. А по моему мнѣнію, вы провѣдуете методическое состраданіе ни къ чему, и если кто будетъ такъ глупъ, что дастъ вамъ денегъ, вы удержите ихъ въ свою пользу.

Увидѣвъ, что онъ ничего не получитъ у дверей, онъ сошелъ на нижнюю палубу, что было очень неблагоприятно съ его стороны, потому что такъ-какъ жалованье было уже роздано экипажу,

то боты получили позволеніе причалить къ кораблю; они столько навезли тайкомъ водки, что матросы, по бѣльшей части, были пьяны. Одни изъ нихъ смѣялись, другіе сердились и оскорбляли методиста.

Наконецъ одинъ пьяный матросъ втокнулъ бѣдняка въ ка-бельтовы порты. Вылѣзши оттуда, онъ поспѣшилъ покинуть фрегатъ.

Корабль представлялъ въ это время картину безпорядка и суматохи. Тутъ были жиды, старавшіеся продать платье или получить деньги за проданное когда-то прежде; маркитанты и маркитантки, показывавшіе свои щеты и просившіе, умолявшіе заплатить; береговые обыватели, предъявлявшіе тысячи ничтожныхъ долговъ, и матросскія жены, слѣдовавшія по ихъ стопамъ и оспоривавшія каждый представляемый счетъ, называя его лихоимствомъ и грабительствомъ. Отвсюду слышались крики, угрозы, смѣхъ, вопли женщинъ, которыя должны были покинуть корабль до захожденія солнца. Здѣсь жиды сбивали съ ногъ, и весь его коробъ съ платьемъ летѣлъ стремглавъ въ трюмъ; тамъ матросъ, бѣгавшій взадъ и впередъ, отыскивая жиду, который обманулъ его; вездѣ пьяные, вездѣ споръ и драка. Въ самомъ дѣлѣ, матросамъ очень трудно было расплатиться съ долгами. Они имѣли трехъ претендентовъ на свои деньги: жидовъ за платье, маркитантовъ за пищу, которую доставляли имъ въ гавани, и женъ, требовавшихъ средствъ пропитанія на время ихъ отлучки; денегъ же, которыя они получали, хватило бы, вообще говоря, не болѣе какъ на удовлетвореніе одного изъ этихъ требованій. Само собой разумѣется, жены получали бѣльшую часть, прочимъ уплачивалась бездѣлица, а остальное обѣщалось по возвращеніи съ крейсировки. Съ перваго взгляда, вамъ покажется, что такимъ образомъ двѣ части кредиторовъ были обижены; но въ сущности они были болѣе нежели удовлетворены, потому что требованія ихъ были до того ни съ чѣмъ не сообразны, что еслибъ уплатить только третью часть ихъ, и тогда бъ они остались въ большомъ барышѣ. Около пяти часовъ отданъ былъ приказъ очистить корабль. Морской сержантъ во главѣ отряда матросовъ, уладилъ всѣ спорные пункты; онъ разлучилъ жидовъ съ ихъ противниками и выпроводилъ съ борта всѣхъ, кто не принадлежалъ къ кораблю.

Свистокъ подалъ знакъ опустить койки, цыныхъ уложивъ, и корабль наконецъ успокоился. Никто не былъ наказанъ за пьянство, такъ-какъ на борту военнаго корабля день раздачи жалованья считается оправдывающимъ всякое дурное поведеніе; но съ этого дня матросы открываютъ новую страницу жизни. Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ гавани и дѣлается нѣкоторое послабленіе въ дисциплинѣ, и матросовъ рѣдко наказываютъ, но съ той минуты, какъ якорь занимаетъ свое мѣсто на носу корабля, настаетъ строжайшая дисциплина, и пьянство не можетъ уже надѣяться на помилованіе.

На слѣдующій день все было готово къ отплытію; отпускъ не давался никому, даже офицерамъ. Припасы всякаго рода доставлены на бортъ, большіе боты подняты и привязаны. Въ слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, адмиральскій корабль, стоявшій въ гавани, подалъ намъ знакъ, къ поднятію якоря. Мы получили приказаніе крейсировать въ Бискайскомъ заливѣ. Капитанъ прибылъ на бортъ, якорь подняли, и корабль поплылъ мимо Нидля при тихомъ сѣверовосточномъ вѣтрѣ. Я наслаждался зрѣлищемъ, которое представлялъ островъ Вейтъ, съ удивленіемъ обозрѣвалъ Алужскій заливъ, съ тайнымъ трепетомъ нидльскія скалы, и наконецъ почувствовалъ себя до того нездоровымъ, что принужденъ былъ сойти внизъ. Что было въ слѣдующіе шесть дней, я не могу сказать. Я ожидалъ смерти каждую минуту, и провелъ все то время, лежа въ койкѣ или на сундукѣ, не въ состояніи будучи ни ѣсть, ни пить, ни стоять на ногахъ. На седьмое утро ко мнѣ вошелъ О'Бріэнъ и объявилъ, что мнѣ нуженъ моціонъ, иначе я никогда не выздоровѣю. Онъ увѣрялъ, что любитъ меня, беретъ подъ свое покровительство и, въ доказательство, сдѣлалъ для меня то, чего не потрудился бы сдѣлать ни для одного изъ нашихъ мичмановъ, а именно хорошенько поколотить меня, такъ-какъ это самое дѣйствительное лекарство противъ морской болѣзни. Къ словамъ онъ присоединилъ дѣйствіе и началъ колотить меня безъ пощады въ бока, такъ что казалося, душа моя готова была оставить тѣло; потомъ, взявъ конецъ веревки, сталъ меня стегать, пока я не исполнилъ приказаніе его идти на палубу. До прихода его, я и не воображалъ, что въ состояніи сдѣлать это; но какъ бы то ни было,

я постарался ползкомъ взобраться по лѣтницѣ на большую палубу, и утѣвшись тамъ на пороховомъ ящикѣ, началъ горько плакать. Чего бъ я не далъ, чтобъ быть опять дома! Винавать ли я, что глупѣе всѣхъ въ своемъ семействѣ — и однакожь, какъ жестоко наказанъ за это! Но мало по малу я успокоился, почувствовалъ себя гораздо лучше, и эту ночь спалъ очень хорошо. На слѣдующее утро О'Бріанъ снова вошелъ ко мнѣ.

— Эта морская болѣзнь, Питеръ, сказала онъ, не что иное, какъ гадкая медленная лихорадка; мы прогонимъ ее!

И онъ началъ повтореніе вчерашняго лекарства, пока изъ меня не вышло что-то въ родѣ студня. Не знаю, опасеніе ли быть снова избитымъ, или что другое прогнало мою морскую болѣзнь; вѣрно только то, что послѣ вторичныхъ побоевъ О'Бріана, я уже выздоровѣлъ и, проснувшись на слѣдующее утро, почувствовалъ сильный голодь. Я поспѣшилъ одѣться до прихода О'Бріана, и увидѣлся съ нимъ только за завтракомъ.

— Позволь мнѣ пощупать твой пульсъ, Питеръ, сказалъ онъ.

— О нѣтъ! возразилъ я; я уже выздоровѣлъ.

— Ужь выздоровѣлъ! можешь ты ѣсть сухари и соленое масло?

— Могу.

— А кусочекъ жареной свинины?

— Да.

— Ну, такъ благодари меня, Питеръ. Теперь ты избавленъ отъ моего лекарства до вторичной болѣзни.

— Надѣюсь, что этого не будетъ, возразилъ я; лекарство твое не очень-то пріятно.

— Не очень-то пріятно! Какой же ты простякъ, Слипль! гдѣ ты слышалъ, чтобъ лекарство было пріятно, если оно не проищено самимъ тобой? Желтая горячка давно бы ужъ свела тебя въ Елисейскія! Живи и учись, дитя мое, и благодари Небо, что ты нашелъ человѣка, который на столько любитъ тебя, что не отказывается въ побояхъ, когда они необходимы для твоего здоровья.

Я отвѣчалъ, что очень благодаренъ ему, но надѣюсь не нуждаться больше въ такихъ доказательствахъ любви.

— Ты хочешь сказать, Питеръ, въ такихъ *поразительныхъ* доказательствахъ; но позволяю тебѣ сказать, что эти доказательства чистосердечны. Пока ты былъ боленъ, я съѣдалъ твою порцію свинины и выпивалъ твой грогъ, котораго не скоро найдешь въ Бискайскомъ заливѣ; теперь же, какъ я вылечилъ тебя, ты будешь упрятывать это въ твой собственный пищевой коробъ. Слѣдовательно, я отъ твоего выздоровленія ничего не выигралъ. Надѣюсь, ты теперь убѣдишься, что въ жизнь свою не получалъ еще такихъ безкорыстныхъ побоевъ. Но какъ бы-то ни было, поздравляю съ выздоровленіемъ и не станемъ говорить объ этомъ.

Я замолчалъ и весело принялся за завтракъ. Съ того же дня я снова принялся за свою обязанность. Меня назначили въ одну вахту съ О'Бриэномъ, который просилъ о томъ старшаго лейтенанта, обѣщаясь взять меня подъ свой надзоръ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Новыя теоріи мистера Медля, замѣчательныя по своей безконечности. — Оригинальное обыкновение мистера Чукса. — О'Бриэнъ начинаеть свою исторію. — Были же великаны въ былия времена! —

Я приношу шкиперу ночную подзорную трубку.

О капитанѣ и старшемъ лейтенантѣ было уже такъ много говорено, что читатель въ состояніи получить понятіе о ихъ характерѣ. Теперь я упомяну еще о двухъ странныхъ лицахъ, моихъ товарищахъ по службѣ, именно о плотникѣ и боцманѣ. Плотникъ, по имени Мѣдль, отзывался на прозвище философа Чипса, не потому, чтобъ онъ слѣдовалъ какой-нибудь особенной школѣ, а потому, что составилъ собственную теорію, въ которой его никакъ нельзя было разувѣрить. Она состояла въ томъ, что событія вселенной круговращаются такъ, что въ извѣстный періодъ времени, что было прежде, случается снова. Я никакъ не могъ добиться отъ него объясненія, на какихъ данныхъ онъ основываетъ свои вычисленія.

Онъ говаривалъ, что я слишкомъ молодъ, чтобъ понимать это, но дѣло въ томъ, что чрезъ 27,672 года все, что происходитъ теперь, повторится снова въ присутствіи тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя при этомъ находятся въ настоящее время. Капитану Саваджу онъ рѣдко сообщалъ свою теорію, но старшему лейтенанту очень часто.

— Такъ было прежде, сэръ, увѣрю васъ, хотъ теперь это и кажется вамъ неисправностію; но 27,672 года тому назадъ вы были старшимъ лейтенантомъ этого корабля, а я плотникомъ, хотъ мы того и не помнимъ; черезъ 27,672 года мы будемъ снова, какъ теперь стоять около борта и разговаривать о починкахъ.

— Не сомнѣваюсь мистеръ Мѣдль, возражалъ старшій лейтенантъ. Скажу даже, что все это совершенно справедливо; но тѣмъ не менѣе починки должны быть окончены ночью и чрезъ 27,672 года вы получите такое же положительное приказаніе по этому предмету, такъ ужъ лучше дѣлайте, чтò вамъ говорятъ.

Благодаря этой теоріи, онъ былъ очень равнодушенъ къ опасностямъ и ко всему на свѣтѣ. Все это ничего не значило, все это ужъ не въ первый разъ. Это было въ періодахъ прошедшихъ, это повторится и въ будущихъ: судьба всегда останется судьбой.

Но особа боцмана была еще занимательнѣе. Онъ считался самымъ годнымъ (т.-е. самымъ дѣятельнымъ и строгимъ) боцманомъ въ королевской службѣ. Его прозвали «джентльменомъ Чуксомъ», послѣднее было его имя. Казалось, онъ получилъ какое-то полуобразование: въ разговорѣ его первыя фразы были замѣчательно изысканы, и вдругъ вырывалось жесткое слово; но въ послѣдствіи я сообщу читателю еще больше подробностей о немъ. Наружность его была очень пріятна: могучія формы, пронизательные глаза и волосы, завивавшіеся въ кольца. Голову онъ держалъ всегда прямо, поступъ имѣлъ гордую. Онъ говорилъ, «что офицеръ долженъ смотрѣть офицеромъ и вести себя сообразно своему званію». Онъ былъ очень чистоплотенъ, носилъ кольца на большихъ пальцахъ и огромныя манжеты на груди, торчавшія напоподобіе плавательныхъ перьевъ окуна; воротнички рубанки были всегда подняты вверхъ до самыхъ скулъ. Онъ никогда не появлялся на палубу безъ «убѣдителя», какъ онъ называлъ нѣчто въ родѣ каната, сплетеннаго

изъ трехъ тростинокъ. Убѣдитель этотъ никогда не оставался въ бездѣйствіи. Онъ старался быть какъ нельзя вѣжливѣе, даже въ сношеніяхъ съ простыми матросами, и замѣчанія его всегда начинались очень деликатно, но чѣмъ далѣе онъ говорилъ, тѣмъ менѣе изысканною становилась его фразеологія. О'Бріенъ выразился однажды, что рѣчь его очень похожа на поэтическое изображеніе грѣха: прекрасны верхніе члены, но отвратительны нижніе. Для примѣра, вотъ что сказалъ бы онъ матросу на форкастлѣ:

— Позвольте вамъ замѣтить самымъ деликатнымъ образомъ въ свѣтъ: вы пролили деготь на палубу, мой милый — на палубу, сэръ, которую, простите мнѣ это замѣчаніе, я долженъ попросить васъ вымыть къ завтрашнему утру. Понимаете ли вы меня, сэръ, вы замарали форкастль его королевскаго величества: я долженъ исполнить мою обязанность, сэръ, когда вы нерадѣете о своей; такъ вотъ тебѣ — вотъ тебѣ — вотъ тебѣ — (бьетъ матроса тростью), проклятое отродье корабельнаго повара. Сдѣлай это еще разъ — чортъ возьми! и я вырѣжу тебѣ печень.

Помню, одинъ корабельный юнга, проходя мимо боцмана съ ведромъ помойной воды на головѣ, которую онъ шелъ вылить, забылъ приложить палецъ къ фуражкѣ.

— Стой, мой дружокъ, сказалъ ему боцманъ, вытягивая свои манжеты и поправляя съ обѣихъ сторонъ воротнички рубашки. Извѣстны ли вамъ мой чинъ и положеніе въ обществѣ?

— Да, сэръ, возразилъ юнга, дрожа и поглядывая на тростинокъ.

— А! вамъ извѣстно это! продолжалъ мистеръ Чуксъ. Еслибъ это не было вамъ извѣстно, я счелъ бы необходимою хорошенько наказать васъ, чтобъ избавить отъ подобнаго невѣдѣнія впредь, но какъ вы знаете — ту, такъ чортъ васъ возьми, вамъ нѣтъ извиненія; вотъ вамъ — вотъ вамъ — ревунъ, голодный недоносокъ. Прому навинуть, мистеръ Симпль, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ (я былъ съ нимъ въ это время), между тѣмъ какъ юнга съ воплемъ продолжалъ свой путь; право, служба дѣлаетъ насъ строгими. Тяжко жертвовать здоровьемъ, ночнымъ покоемъ, всѣми удобствами, но еще тяжелѣе для меня то, что по отвѣтственности моего положенія, я принужденъ часто жертвовать своимъ благородствомъ.

Шкиперъ былъ начальникомъ вахты, къ которой я былъ причисленъ; это былъ другой морякъ, воспитанный на купеческомъ кораблѣ, наружности не совсѣмъ—то джентльменской, очень добраго характера и очень любившій грогъ. Онъ безпрестанно ссорился съ боцманомъ и увѣрялъ, что служба много потеряла съ тѣхъ поръ, какъ патентованные офицеры стали носить бѣлыя рубашки и манжеты. Но боцманъ не обращалъ на него вниманія; онъ зналъ свою обязанность, исполнялъ ее и, былъ бы доволенъ капитанъ, говорилъ онъ, а тамъ пусть дуется на меня хоть весь корабельный экипажъ. «Что касается до шкипера, говорилъ онъ, это хорошій человекъ, но кто получилъ воспитаніе на угольномъ кораблѣ, отъ того нельзя ожидать хорошей полпровки.»

— Да и въ самомъ дѣлѣ, прибавлялъ онъ, подымая вверхъ воротнички рубашки, невозможно сдѣлать шелховаго кошелька изъ свиного уха.

Шкиперъ былъ очень благосклоненъ ко мнѣ и обыкновенно посылалъ меня въ койку до окончанія караула. Въ ожиданіи этого времени, я обыкновенно гулялъ на палубѣ съ О'Бріэномъ, который въ глазахъ моихъ былъ очень занимательнымъ собесѣдникомъ и училъ меня всему, что имѣло отношеніе къ моему званію.

Однажды ночью, находясь вмѣстѣ съ нимъ въ вахтѣ, я сказалъ, что мнѣ очень пріятно было бы узнать исторію его жизни.

— Я разскажу тебѣ, душа моя, все, что помню, хотя и не сомнѣваюсь, что лучше забыть. Теперь пять минутъ втораго; я пойду заминуть лагъ и сдѣлать отмѣтку въ лагбукѣ, а потомъ сплету тебѣ сказку, которая удержитъ обоихъ насъ отъ сна.

О'Бріэнъ донесъ шкиперу о количествѣ узловъ, которое проплывалъ корабль, сдѣлалъ отмѣтку въ лагбукѣ и потомъ воротился.

— Ну, сынъ мой, я пойду къ тому якорю, что лежитъ на талыхъ марстенгъ-гарделахъ, ты можешь подѣхать подъ мой вѣтръ и я начну разсказъ.

— Сначала и прежде всего, ты долженъ знать, что я происхожу отъ великаго О'Бріэна Борру, который былъ такимъ же

славнымъ въ свое время, какъ до него великій Фингалъ. Ты слышалъ, конечно, о Фингалѣ?

— Не могу этимъ похвалиться, возразилъ я.

— Не слышалъ о Фингалѣ? злодѣй! откуда ты? Ну хорошо, чтобъ дать тебѣ нѣкоторое понятіе о Фингалѣ, я расскажу сначала, какъ онъ подсмѣялся надъ шотландскимъ великаномъ, а потомъ ужь стану продолжать свою исторію. Фингалъ, ты долженъ знать, былъ самъ великанъ, и притомъ не изъ глупыхъ; всякій, кто осмѣлился противиться ему, могъ быть также увѣренъ въ томъ, что получить таску, какъ увѣренъ я, что буду въ кораблѣ сегодня ночью. Но въ Шотландіи жилъ великанъ, такой большой, что походилъ на гротъ-мачту, болѣе или менѣе, какъ говорятъ люди, когда не советамъ увѣрены въ себя и желаютъ избѣгнуть лжи, не требуемой обстоятельствами. Ну, такъ этотъ шотландскій великанъ услышалъ о Фингалѣ, что онъ бьетъ всѣхъ и каждаго.

— Кто такое этотъ Фингалъ? Клянусь Язусомъ, сказалъ онъ по-шотландски, я посмотрю, что это за человекъ.

Онъ отправился по Ирландскому проливу и вступилъ на берегъ въ полумилѣ отъ Бельфаста. Не знаю, случилось ли ему при переходѣ уходить съ головой въ воду, но думаю, что и онъ не могъ пройти пролива, не промочивъ ногъ. Когда Фингалъ услышалъ, что болванъ этотъ идетъ къ нему, онъ дьявольски струсилъ, потому что ему сказали, что Шотландецъ больше его пятью футами: великаны, ты знаешь, мѣрятъ футами, а объ вершкахъ и не заботятся — не то, что мы, бѣдные. Принялся Фингалъ сторожить Шотландца, и въ одно прекрасное утро, онъ тутъ, какъ тутъ — сходить съ холма прямо къ дому Фингала. Если Фингалъ боялся его прежде, то теперь, вѣрно, испугался еще больше, потому что Шотландецъ былъ точь въ точь монументъ, воздвигнутый въ память какого-нибудь открытія. Фингалъ бросился къ дому и позвалъ свою жену Шаю.

— Жена, закричалъ онъ, сюда скорѣе! вонъ идетъ съ холма этотъ болванъ Шотландецъ. Покрой меня простыней, и если онъ спроситъ, кто въ постели, скажи ребенокъ.

Фингалъ легъ въ постель, а жена едва успѣла прикрыть его,

какъ вошелъ Шотландецъ, и хотя онъ нагнулся, входя, но все-таки чуть-чуть не раскрылъ головы о притолку.

— Гдѣ эта бестія, Фингалъ? спросилъ онъ, почесывая лобъ, покажи мнѣ, я хочу поколотить его.

— Тсъ! тсъ! закричала Шаіа, вы разбудите ребенка, а ваши угрозы поколотить его, будутъ стоить вамъ жизни, когда онъ воротится.

— Такъ это ребенокъ? вскричалъ Шотландецъ, оглядывая огромный остовъ, укутанный въ простыни.

— Разумѣется, ребенокъ, возразила Шаіа, да еще ребенокъ-то Фингала, — такъ не будите его, не то Фингалъ какъ разъ свернетъ вамъ шею.

— Клянусь! возразилъ великанъ; мнѣ пора убраться отсюда: если это ребенокъ, то самому дѣтинѣ-то я гожусь развѣ на одинъ глотокъ. Желая вамъ добраго утра.

Шотландскій великанъ бросился изъ дому и не пилъ, не ѣлъ, пока не достигъ собственныхъ холмовъ; въ добавокъ чуть не утонулъ въ проливѣ, не могли въ попыхахъ найти мѣста, по которому прошелъ въ первый разъ. А Фингалъ, выльзши изъ-подъ простынь, отъ души посмѣялся своей хитрости. Вотъ и конецъ исторіи Фингала; а теперь я снова начну собственную.

Я уже сказалъ, что происхожу отъ великаго О'Бріана. Надѣюсь, что такъ-какъ событія міра круговращаются, то потомки моихъ дѣтей будутъ славными, хотя до сихъ поръ еще ничто не оправдываетъ этой надежды; но всякій родъ въ своей нисходящей линіи представляетъ попеременно эпохи могущества и упадка, точь въ точь, какъ жизнь отдѣльнаго человѣка: колесо фортуны вертится нарочно для тѣхъ, кто, какъ я теперь, находится на нижней спицѣ. Чтобъ немного сократить исторію, я спущусь къ моему прадѣду, который съ своими 10,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, велъ жизнь настоящаго джентльмена, какимъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Наконецъ онъ умеръ, и восемь тысячъ изъ десяти были похоронены вмѣстѣ съ нимъ. Мой дѣдъ, по истеченіи порядочнаго времени, послѣдовалъ за своимъ отцемъ и оставилъ моему отцу

на поддержаніе чести своей фамиліи не болѣе сотни десятинъ болотистой земли. Я самый младшій изъ десяти дѣтей его, и чортъ меня возьми, если имѣю, или надѣюсь имѣть что-нибудь, кромѣ жалованья. Толкуютъ иные о *нисходящихъ* линіяхъ дворянскихъ родовъ, но болѣе *нисходящаго* рода, чѣмъ мой, не было и не будетъ, потому что я вотъ пробавляюсь теперь двадцатью пятью фунтами стерлинговъ въ годъ и половиннымъ пайкомъ въ день, тогда какъ мой великій предокъ дѣлалъ, что хотѣлъ, съ цѣлой Ирландіей и со всѣмъ живущимъ въ ней. Но это все ничего, и упоминается только въ доказательство, что теперь я не стою галеасы. Патеръ М'Гратъ, жившій у моего отца, научилъ меня, какъ онъ говаривалъ, элементамъ всѣхъ наукъ: съ меня довольно было этихъ элементовъ, но впоследствии я испыталъ ихъ гораздо больше.

— Теренцій, сказалъ мнѣ однажды отецъ, что намѣренъ ты дѣлать?

— Идти обѣдать, возразилъ я, чувствуя порядочный голодъ.

— На нынѣшній день, пусть такъ, возразилъ мой отецъ; но на будущее время, мой милый, ты долженъ чѣмъ-нибудь заняться, чтобъ самому добывать себѣ обѣдъ; у меня нѣтъ хлѣба для всѣхъ васъ. Хочешь на море?

— Пойду, посмотрю, отвѣчалъ я, потому что мы жили не болѣе, какъ въ шестнадцать ирландскихъ миляхъ отъ берега.

Пообѣдавъ, что продолжалось не долго, благодаря не очень-то большому количеству блюдъ, я отправился въ гавань посмотреть, нѣтъ ли тамъ какого-нибудь корабля, и нашелъ огромный трех-палубный фрегатъ съ адмиральскимъ флагомъ на носу.

— Сдѣлайте одолженіе, скажите, что это за корабль? спросилъ я у матроса, стоявшаго на плотинѣ.

— Королева Шарлотта, отвѣчалъ онъ, сто-двадцати-двухъ пушечный фрегатъ.

Видя какъ огроменъ онъ въ сравненіи съ смаксами и гульками, его окружавшими, я, очень естественно, спросилъ сколько ему лѣтъ; мнѣ отвѣчали, что не болѣе трехъ.

— Только три года! подумалъ я; это будетъ славный корабль

со временем; если онъ станетъ расти все такъ же, какъ до сихъ поръ, то сравняется наконецъ съ вершиной Бенкрова (название горы въ нашихъ странахъ).

Ты видишь, Питеръ, я былъ глупенецъ въ то время, точь въ точь, какъ ты теперь; но мало по малу, когда ты вытерпишь столько же колотушекъ, сколько вытерпѣлъ я, ты будешь, безъ сомнѣннiя, такимъ же смѣшленнымъ. Я возвратился къ отцу и рассказалъ ему все, что видѣлъ; онъ отвѣчалъ, что если я хочу, то могу быть мичманомъ на борту этого корабля, съ девятьюстами чело-вѣкъ подъ моею командой. Онъ забылъ упомянуть о томъ, сколько будетъ командировъ надо мной, но это впоследствии я самъ уви-дѣлъ. Я согласился. Отецъ мой, котораго собственный интересъ тре-бовалъ похлопотать обо мнѣ, приказалъ запречь лошадку, и отпра-вился къ лорду-лейтенанту. Лордъ-лейтенантъ поговорилъ съ ад-мираломъ, квартировавшимъ въ то время въ городскомъ дворцѣ, и я былъ принятъ на фрегатъ въ качествѣ мичмана. Отецъ обмун-дировалъ меня довольно хорошо; ему удалось увѣрить купцовъ, что сче-ты ихъ будутъ непремѣнно уплачены изъ денегъ, которыя я получу при первомъ приѣзѣ, и такимъ образомъ, съ помощію обѣ-щаній и лести, снискалъ себѣ кредитъ на все, въ чемъ нуждался.

Я отправился съ огромнымъ сундукомъ, далеко однакожь не такъ полнымъ, какъ бы онъ былъ, еслибъ мать моя не выгребла половины всего, что въ немъ находилось, въ пользу моихъ про-чихъ братьевъ и сестеръ.

— Я надѣюсь скоро воротиться, батюшка, сказалъ я, про-щаясь.

— Надѣешься! нѣтъ, сынъ мой, отвѣчалъ онъ; не снабженъ ли ты всѣмъ? и чего тебѣ нужно еще?

Исправивъ еще кой-какія формальности, я прибылъ благо-получно на бортъ и разлучился съ своимъ сундукомъ, который свесли внизъ, между тѣмъ какъ я остался на палубѣ. Я осматри-валъ, вытаращивъ съ удивленіемъ глаза, все, что находилось вокругъ меня, какъ вдругъ объявили о прибытіи капитана, и всѣ офицеры вышли встрѣчать его. Мнѣ хотѣлось быть спокойнымъ зрите-лемъ этой церемоніи и, чтобъ лучше видѣть, я взобрался на одну

*

изъ пушекъ. Свистокъ боцмана раздался при входѣ капитана, матросы сдѣлали на караулъ, офицеры сняли фуражки. Потомъ выпустили вахту и всѣ начали прогуливаться попрежнему на палубѣ; но мнѣ понравилось сидѣть верхомъ на пушкѣ, и я оставался все на томъ же мѣстѣ.

— Что это значитъ, ты, молодой негодяй? спросилъ капитанъ, увидѣвъ меня.

— Это ничего не значитъ, отвѣчалъ я; но что значитъ, что вы называете негодяемъ О'Бріэна?

— Кто это такой? спросилъ онъ старшаго лейтенанта.

— Мистеръ О'Бріэнь, поступившій на корабль съ часъ тому назадъ.

— Неужели вы только и умѣете, что сидѣть на пушкѣ? спросилъ капитанъ.

— Могу дѣлать и другое, отвѣчалъ я, если есть что лучше этого.

— Онъ, кромѣ этого, ни на что еще неспособенъ, сэръ, замѣтилъ старшій лейтенантъ.

— Ну, такъ его надобно поучить, возразилъ капитанъ. Мистеръ О'Бріэнь, такъ какъ вы застѣли на этой пушкѣ для своего удовольствія, то посидите тутъ еще два часа для моего. Понимаете вы меня, сэръ? Оставайтесь верхомъ на этой пушкѣ еще два часа.

— Понимаю, сэръ, отвѣчалъ я, но боюсь, она не поѣдетъ безъ шпоръ, хотя и очень горяча.

Капитанъ пошелъ дальше и, пришедъ въ свою каюту, не могъ удержаться отъ смѣха; офицеры смѣялись также, да и я вмѣстѣ съ ними, потому что не видѣлъ большой бѣды въ томъ, чтобъ просидѣть на пушкѣ часъ или два больше, чѣмъ сколько я просидѣлъ бы и самъ. Но я скоро замѣтилъ, что меня, какъ молодого медвѣдя, бѣды ожидали еще впередъ. Первый мѣсяцъ прошелъ въ постоянныхъ дракахъ и ссорахъ съ товарищами. Они называли меня ободраннѣмъ Ирландцемъ, и дѣйствительно на мнѣ ободрана была вся кожа отъ побоевъ, которые я терпѣлъ отъ тѣхъ, кто былъ больше и сильнѣе меня. Но нѣтъ ничего вѣчнаго: замѣтивъ, что я люблю

постоять за себя, они оставили въ покоѣ и меня, и мое ирландское нарѣчіе. Мы отправились къ мѣсту стоянки тулонскаго флота.

— Какого флота? спросилъ я.

— Тулонскаго, названнаго такъ, думаю я, потому, что онъ стоитъ всегда очень долго въ гавани (*)—чтобъ его рѣзарвало.

Потомъ мы отправились къ мысу Зизи, гдѣ пробыли не помню сколько мѣсяцевъ, и чортъ возьми—если мы видѣли тамъ что-нибудь, кромѣ верхушекъ мачтъ. Но я забылъ разсказать тебѣ какимъ образомъ попалъ я въ другую бѣду передъ самымъ выходомъ изъ гавани. Я былъ въ караулѣ, когда свистокъ подалъ знакъ къ обѣду, и, зная, что мои товарищи имѣютъ ловкую привычку забывать своихъ отсутствующихъ друзей, я позволилъ себѣ сойти внизъ. Въ это время прибылъ на бортъ капитанъ; не нашедъ на баку корабля ни юнги съ канатомъ, чтобъ поднять его, ни офицеровъ, чтобы встрѣтить, онъ взомелъ на палубу, пламенѣя гнѣвомъ за такое оскорбленіе его достоинства, и спросилъ, кто изъ мичмановъ дежурнымъ въ караулѣ.

— Мистеръ О'Бріэнъ, былъ отвѣтъ.

— Чортъ возьми, отвѣчалъ я, мой караулъ долженъ былъ продолжаться только до обѣда.

— Кто же смѣнилъ васъ, сэръ? спросилъ старшій лейтенантъ

— Чортъ возьми, никто, сэръ, отвѣчалъ я; всѣ они трудились надъ свининой и говядиной.

— Такъ-какъ же вы покинули палубу, не бывъ смѣнены?

— Да потому, сэръ, что моему желудку плохо пришлось бы, еслибъ я остался.

Капитанъ, стоявшій возлѣ, вмѣшался тутъ въ разговоръ.

— Видите вы, сказалъ онъ мнѣ, эти перекладнишки?

— Вы говорите, капитанъ, про тѣ маленькіе кусочки дерева, что на марсахъ?

— Точно такъ, сэръ. Ступайте туда и оставайтесь тамъ, покуда я васъ не позову. Васъ надобно поучить, молодой человекъ, иначе вамъ не будетъ предостоять большой перспективы въ службѣ.

(*) Очень долго, по-английски too-long.

— А по моему мнѣнію, сэръ, если я влѣзу туда, то мнѣ представится отличная перспектива, возразилъ я; но впрочемъ, пусть будетъ все по вашему.

И я отправился наверхъ наслаждаться чистымъ воздухомъ, что довольно часто повторялось впоследствии, да повторится и съ тобой, Питеръ.

Наконецъ я совершенно ознакомился съ нравами и обычаями моряковъ. Въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ, которые мы провели у мыса Зизи, я успѣлъ прослыть прекраснымъ молодымъ мичманомъ, и мои товарищи (то-есть всѣ, которыхъ я могъ бить, а такихъ было много) питали ко мнѣ большое уваженіе.

Въ первый разъ вступилъ я на берегъ въ Миноркѣ. Я былъ въ большой чести на этомъ островѣ, жилъ нараспашку, не платилъ ни за что, и былъ веселъ, какъ кузнечикъ. Каждый день катался я верхомъ и галопировалъ вдоль и поперекъ по всему острову. Случилось однакожъ, что я пропустилъ срокъ отпуска. Весело проводя время на берегу, я совершенно забылъ, что отпущенъ всего на двадцать четыре часа, и не скоро бы вспомнилъ о томъ, еслибъ отрядъ морскихъ солдатъ подъ предводительствомъ сержанта, не схватилъ меня однажды за воротъ и не стащилъ съ моего коня. Меня представили на борту и посадили подъ арестъ за дурное поведеніе. Но скажу тебѣ, Питеръ, я не знаю ничего пріятнѣе, какъ попасть подъ арестъ. Ничего не дѣлаешь, только ѣшь, пьешь и забавляешься; все дѣло состоитъ въ томъ, что тебѣ запрещаютъ выходить на кварталъ-декъ, мѣсто, котораго и безъ того избѣгаетъ всякій мичманъ. Было ли тутъ желаніе наказать меня построже, или обо мнѣ забыли,—не знаю; но только я просмѣлъ около двухъ мѣсяцевъ, прежде нежели меня позвали въ каюту. Капитанъ, страшно нахмурившись, объявилъ, что наказаніе это, какъ онъ надѣется, послужитъ мнѣ на будущее время урокомъ, и что теперь я могу воротиться къ своей обязанности.

— Съ вашего позволенія, сэръ, отвѣчалъ я, я не думаю, чтобъ былъ достаточно наказанъ.

— Очень радъ видѣть въ васъ такое раскаяніе; но я прощаю вамъ; постарайтесь не доводить меня до того, чтобъ я вторично посадилъ васъ подъ арестъ.

Не могли убѣдить его, я принужденъ былъ воротиться къ своей обязанности.

— Парусъ со стороны штирборта! закричалъ сторожевой.

— Хорошо! отозвался шкиперъ. Мистеръ О'Бріэнъ! гдѣ мистеръ О'Бріэнъ?

— Вы меня зовете, сэръ? отвѣчалъ О'Бріэнъ, и потомъ ужъ подошелъ къ шкиперу, потому что такъ засидѣлся на таллахъ марстенгъ-гардели, что совсѣмъ увязъ въ нихъ и не вдругъ могъ высвободиться.

— Да, сэръ, посмотрите, что это за корабль?

— Слушаю, сэръ, отвѣчалъ О'Бріэнъ.

— А вы, мистеръ Симплъ, продолжалъ шкиперъ, сойдите внизъ и принесите мнѣ ночную подзорную трубку.

— Слушаю, сэръ, отвѣчалъ я.

Я не имѣлъ понятія о ночной подзорной трубкѣ, но такъ-какъ я замѣтилъ, что около этого времени слуга обыкновенно приносилъ шкиперу стаканъ грогу (*), то вообразилъ, что знаю, чего ему надобно.

— Но смотрите, не разбейте, мистеръ Симплъ, прибавилъ онъ.

— О, такъ отгадалъ, подумалъ я: ему нуженъ стаканъ.

Я сошелъ внизъ, позвалъ смотрителя пороховой камеры и попросилъ его дать мнѣ стаканъ грогу для мистера Добалля. Смотритель полусонный и въ одной сорочкѣ всталъ съ постели, составилъ грогъ, подалъ мнѣ, и я осторожно понесъ его на квартеръ-декъ. Въ мое отсутствіе шкиперъ успѣлъ уже вызвать капитана. По приказанію послѣдняго, О'Бріэнъ вызвалъ старшаго лейтенанта, и когда я вошелъ, оба они были уже на палубѣ. Входя по лѣстницѣ, я слышалъ, какъ шкиперъ говорилъ:

— Я послалъ молодого Симпля за ночной подзорной трубкой, но онъ такъ долго нейдетъ, что я полагаю, онъ какъ-нибудь ошибся: вѣдь это почти дуракъ.

(*) Ночная подзорная трубка — night-glass; последнее слово: glass означаетъ также *стаканъ*.

— Я не согласенъ съ вами, возразилъ мистеръ Фальконъ, старшій лейтенантъ, въ ту самую минуту, какъ я вступилъ на палубу.

— Онъ не дуракъ! можетъ быть, возразилъ шкиперъ; да вотъ и онъ. Что вы тамъ такъ долго дѣлали, мистеръ Смиль? Гдѣ моя подзорная трубка?

— Вотъ, сэръ, отвѣчалъ я, подавая ему стаканъ грогу; я приказалъ сдѣлать покрѣпче.

Капитанъ и старшій лейтенантъ прыснули со смѣху; мистеръ Добалль былъ извѣстенъ за страшнаго охотника грогу. Первый изъ нихъ, чтобъ скрыть свою веселость, удалился на корму; но послѣдній остался. Мистеръ Добалль пришелъ въ ярость.

— Не говорилъ ли я, что парень этотъ глушь? сказалъ онъ, обращаясь къ старшему лейтенанту.

— По крайней мѣрѣ, это не доказывается настоящимъ случаемъ, возразилъ мистеръ Фальконъ, онъ мѣтко попалъ въ цѣль.

Сказавъ это, старшій лейтенантъ присоединился къ капитану, и оба они, смѣясь, ушли съ палубы.

— Поставьте это на кабестанъ, сэръ, сказалъ мнѣ мистеръ Добалль сердитымъ голосомъ. Вы заплатите за это.

Я очень удивился, но все-таки не догадывался дурно ли, хорошо ли поступилъ. Во всякомъ случаѣ, думалъ я, я сдѣлалъ это съ добрымъ намѣреніемъ. Поставивъ стаканъ на кабестанъ, я отошелъ въ сторону и принялся гулять по палубѣ. Лишь только капитанъ и старшій лейтенантъ сошли внизъ, О'Бріанъ пришелъ подъ корму.

— Что это за корабль, тамъ вдали? спросилъ я.

— Это десяти-пушечный бригъ, какъ я полагаю.

Я рассказалъ ему о случившемся и объявилъ, что шкиперъ сердится на меня. Онъ чистосердечно смѣялся этому, и успокоилъ меня, приказавъ оставаться въ подвѣтренной сторонѣ шпигата и наблюдать за шкиперомъ.

— Стаканъ грогу для него такая приманка, что онъ будетъ лавировать вокругъ него, пока не выпьетъ. Когда ты увидишь, что онъ подносить его къ губамъ, подходи смѣло и проси извиненія, если чѣмъ обидѣлъ его; онъ проститъ тебя.

Я счелъ это добрымъ совѣтомъ и сталъ ожидать подъ оплотомъ подвѣтренной стороны. Я замѣтилъ, что шкиперъ вертится вокругъ кабестана и всякій разъ описываетъ круги все меньше и меньше; наконецъ онъ остановился и посмотрѣлъ на грогъ. Постоявъ съ полминуты, онъ схватилъ стаканъ и выпилъ половину. Грогъ былъ такъ крѣпокъ, что онъ остановился перевести духъ. Я счелъ это благопріятной минутой и подошелъ къ нему; онъ снова поднесъ стаканъ къ губамъ, и прежде, чѣмъ успѣлъ замѣтить меня, я сказалъ:

— Надѣюсь, сэръ, вы простите меня; я не видывалъ ночной поздорной трубки и, замѣтивъ, что вы много ходили, подумалъ, вы устали и желаете чего-нибудь выпить для прохладенія.

— Хорошо, мистеръ Симпль, сказалъ онъ, допивъ стаканъ съ глубокимъ вздохомъ, выражавшимъ удовольствіе; такъ-какъ вы сдѣлали это съ добрымъ намѣреніемъ, то я прощаю вамъ на этотъ разъ; но помните, что если въ другой разъ вы принесете мнѣ стаканъ грогу, то чтобъ это не было въ присутствіи капитана и старшаго лейтенанта.

Я обѣщаль и ушелъ очень довольный примиреніемъ съ нимъ и еще болѣе отзывомъ старшаго лейтенанта, который утверждалъ, что настоящій поступокъ не доказываетъ глупости съ моей стороны.

Наконецъ нашъ караулъ кончился, и около двухъ часовъ я былъ смѣненъ слѣдующимъ по дежурству мичманомъ. Очень неприятно не быть смѣненнымъ во-время; но еслибъ я сказалъ хотя слово, то, навѣрно, былъ бы побитъ на слѣдующій день подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Съ другой стороны мичманъ, котораго я смѣнилъ, былъ также гораздо сильнѣе меня, и еслибъ я не поднялся еще до часу, онъ непременно бы стащилъ меня съ постели и поколотилъ; и такъ, благодаря имъ обоимъ, я гораздо больше дежурилъ, чѣмъ сколько слѣдовало; исключенія случались только въ то время, когда шкиперъ посылалъ меня въ постель до истеченія моего караула.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

СТАРШІЙ ЛЕЙТЕНАНТЪ ПРОПИСЫВАЕТЪ ЛЕКАРСТВО ОДНОМУ ИЗЪ СВОИХЪ ПАЦИЕНТОВЪ. — О'БРИЭНЪ ОКОНЧИВАЕТЪ ИСТОРИЮ СВОЕЙ ЖИЗНИ, ВЪ КОТОРОЙ ПОСЛОВИЦА «ЧѢМЪ ДАЛЬШЕ, ТѢМЪ ВЕСЕЛѢЕ» ПЕЧАЛЬНЫМЪ ОБРАЗОМЪ ОПРОВЕРГАЕТСЯ. — ПОМѢЩЕНІЕ НА БОРТѢ НОВОЙ ПАРЫ САПОГЪ ПРИНУЖДАЕТЪ ИХЪ ВЛАДѢТЕЛЯ ПОКИНУТЬ КОРАБЛЬ. — ВОЗВРАЩАЯСЯ ДОМОЙ СЪ ВАЛА, О'БРИЭНЪ ВСТРѢЧАЕТЪ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

На слѣдующее утро, пришедши около семи часовъ на палубу для надзора за штопаньемъ коекъ, я былъ свидѣтелемъ, какъ мистеръ Фальконъ, старшій лейтенантъ, прописалъ одному изъ юнгъ лекарство противъ привычки курить, къ которой лейтенантъ питалъ отвращеніе. Онъ избѣгалъ всякихъ сношеній съ тѣми, кто курилъ, или жевалъ табакъ, но мальчикамъ, то-есть ребятамъ двѣнадцати лѣтъ или около того, запрещалъ предаваться этой привычкѣ.

Старшій лейтенантъ почувствовалъ запахъ табаку отъ юнга, проходившаго мимо его на палубѣ.

— Какъ, Кейль, ты курилъ? спросилъ онъ. Я думаю, тебѣ известно, что я не позволяю такимъ мальчикамъ, какъ ты, курить табакъ.

— Съ вашего позволенія, сэръ, отвѣчалъ юнга, у меня завелись черви во рту, а говорятъ, куреніе — лекарство противъ этой болѣзни.

— Лекарство противъ этой болѣзни! возразилъ старшій лейтенантъ. Да, очень хорошее лекарство для червей, но дурное для тебя. Они, мой милый, разжирѣютъ отъ табаку, такъ что выростутъ съ ужей. Черви любятъ теплоту; но холодъ — холодъ убьетъ ихъ. Давай, я тебя вылечу. Квартермистръ, сюда! Водите этого мальчика взадъ и впередъ на открытомъ шкафутѣ и всякій разъ, какъ вы будете подходить къ носу мимо шкотъ-блока, ставьте его лицомъ противъ вѣтра, бейте сильнѣе по затылку, чтобъ онъ открылъ ротъ и пусть вѣтеръ дуетъ ему въ горло, пока вы не

сочтете до десяти; потомъ ведите его къ кормѣ, и когда воротитесь къ носу, повторяйте снова тоже самое. Холодъ умерщвляетъ червей, а не табакъ, — удивляюсь, какъ ты не умеръ до сихъ поръ.

Квартермистръ, любившій, подобно всѣмъ матросамъ, шутки этого рода, схватилъ мальчика, и подведя къ носу, отвѣсилъ ему ударъ по затылку, который заставлялъ бы открыть ротъ каждаго, хоть для того, чтобъ закричать отъ боли. Вѣтеръ былъ очень свѣжъ и дулъ ему въ ротъ съ такой силой, что почти слышенъ былъ свистъ. Онъ ходилъ такимъ образомъ около двухъ часовъ взадъ и впередъ, прохладяя свою внутренность, пока наконецъ старшій лейтенантъ, пославъ за нимъ, не объявилъ, что онъ найдется, что черви теперь все передохли.

— Если же нѣтъ, прибавилъ онъ, то тебѣ не для чего самому лечиться; приходи ко мнѣ за лекарствомъ.

Юнга былъ одного мнѣнія съ старшимъ лейтенантомъ, и съ этихъ поръ никогда не жаловался на червей.

Нѣсколько ночей спустя, когда намъ съ О'Бріэномъ снова пришлось быть въ средней вахтѣ, онъ продолжалъ свою исторію.

— На чемъ бишь я остановился?

— На томъ, какъ тебя выпустили изъ—подъ ареста.

— Такъ, такъ! Я неохотно возвратился къ своей обязанности; но не въ состояніи будучи помочь этому горю, я принялся гулять взадъ и впередъ по палубѣ, запустивъ руки въ карманъ и мечтая о старой Ирландіи и моемъ предкѣ О'Бріэнтъ Борру. Я продолжалъ такимъ образомъ вести себя настоящимъ джентльменомъ и не попадался ни въ одной шалости, пока флотъ не остановился въ гавани города Корка, находящагося въ нѣсколькихъ миляхъ отъ моего родительскаго дома. Ты легко можешь представить себѣ, что не успѣлъ якорь коснуться дна, какъ я уже явился къ старшему лейтенанту съ просьбою отпустить меня на берегъ. Случилось, что старшій лейтенантъ, получившій въ это время выговоръ отъ капитана за то, что не исполнилъ своей обязанности по его желанію, былъ въ дурномъ расположеніи духа. Онъ грубо отвѣчалъ мнѣ, что не отпустить меня.

— Ну нѣтъ, чортъ возьми, подумалъ я про себя: этому не бывать.

Я отправился къ капитану и, приложивъ палецъ къ фуражкѣ, напомнилъ ему, что у меня есть мать и отецъ, да порядочная толпа братьевъ и сестеръ, которые умираютъ отъ нетерпѣнія видѣть меня.

— А потому, продолжалъ я, надѣюсь, что вы дадите мнѣ отпускъ.

— Спроситесь старшаго лейтенанта, отвѣчалъ онъ, отворачиваясь.

— Я спрашивался, сэръ, отвѣчалъ я; но онъ говоритъ, что пусть чортъ его поберетъ, если нога моя ступитъ на берегъ.

— Такъ значитъ, вы дурно вели себя, сказалъ капитанъ.

— Нисколько, капитанъ Вилнисъ, отвѣчалъ я; это старшій лейтенантъ дурно велъ себя.

— Какъ такъ, сэръ? вскрикнулъ онъ разсерженнымъ голосомъ.

— Какъ, сэръ, не дурно ли онъ велъ себя, не исполняя своей обязанности такъ, какъ вамъ этого хотѣлось? Не поступили ли вы съ нимъ по его заслугамъ? Не отъ того ли онъ теперь горюетъ, и не есть ли это причина, что онъ не пускаетъ меня на берегъ? Вы видите, сэръ, я говорю правду, и дурно ведетъ себя старшій лейтенантъ, а не я. Надѣюсь, вы отпустите меня на берегъ и окажете снисхожденіе моей сыновней любви.

— Имѣете вы какую-нибудь причину быть недовольнымъ мистеромъ О'Бріэномъ? спросилъ капитанъ старшаго лейтенанта, сошедши внизъ.

— Ту же, какъ и всѣми прочими мичманами; но мнѣ кажется, у насъ нѣтъ обыкновенія давать отпускъ офицерамъ, пока не собраны паруса и не стянуты брасы.

— Правда! возразилъ капитанъ. Ну такъ, мистеръ О'Бріэпъ, вы подождите пока не начнется караулъ, и тогда, если вы попросите старшаго лейтенанта, я не сомнѣваюсь, что онъ позволитъ вамъ повидаться съ родными.

— Очень благодаренъ, сэръ, отвѣчалъ я, и съ нетерпѣніемъ сталъ ждать, чтобъ скорѣй покончили съ реями и парусами, потому что сердце мое готово было выпрыгнуть, и я чувствовалъ,

что если прожду слишкомъ долго, оно прежде меня улетитъ на берегъ.

Я воображалъ, что поступилъ очень умно въ этомъ случаѣ, но я въ жизнь свою не былъ такимъ дуракомъ, какъ въ ту минуту; мнѣ не было никакой надобности такъ торопиться на берегъ, а старшій лейтенантъ никогда не могъ простить мнѣ этой аппелляціи къ капитану, — но объ этомъ ты узнаешь, мало по малу и въ свое время. Наконецъ я получилъ ворчливое позволеніе идти на берегъ и полетѣлъ, какъ ракета. Въ отчаянной торопливости нанялъ я телѣжку довести меня до отцовскаго дома.

— То есть это къ О'Бріэну, что въ Баллигинчѣ? спросилъ меня извощикъ.

— Къ тому самому, возразилъ я. Какъ поживаетъ онъ и все благородное семейство О'Бріэновъ?

— Очень хорошо, исключая мальчика Тома, которому проломили голову прошедшей ночью на ярмаркѣ. Теперь онъ лежитъ въ постели, не чувствуя побужденія ни къ пищѣ, ни къ питью; но доктора подають надежду, что онъ выздоровѣетъ. Извѣстно, у О'Бріэновъ твердыя головы.

— Что хочешь ты сказать этимъ, невѣжа? вскричалъ я. Но несчастный Томъ! какимъ образомъ это случилось? Въ дракѣ, что-ли?

— Не въ дракѣ, а такъ, изъ-за угла; ужь три слѣдствія было.

— Но ты ѣдешь не по той дорогѣ, негодяй, вскричалъ я, замѣтя, что онъ свернулъ налѣво.

— У меня, сударь, есть свои причины на это, возразилъ онъ, я всегда сворачиваю съ большой дороги подъ Костлемъ: въ этихъ мѣстахъ я лишился друга и это наводитъ на меня грусть.

— Какъ такъ?

— Все случаемъ, сударь; здѣсь повѣсили моего бѣднаго брата Патрика за то, что онъ плохо зналъ ариметику.

— Такъ ему слѣдовало идти въ школу, сказалъ я.

— То-то и есть, что онъ воспитывался въ дурной школѣ, отвѣчалъ онъ со вздохомъ. Онъ былъ скотокрадомъ, ваша милость, и въ одинъ прекрасный день у него нашлась лишняя корова, — все отъ того, что не умѣлъ считать, ваша милость, — побори чортъ его школьнаго учителя!

— Все это можетъ быть и правда, сказала я, миръ душѣ его; но я все-таки не вижу, для чего ты завозишь меня на двѣ мили отъ большой дороги, тогда какъ я тороплюсь.

— Вы торопитесь домой? А я такъ думаю, что они не очень-то торопятъ васъ видѣть.

— Кто сказалъ тебѣ, бестія, что мое имя О'Бріэнъ? И какъ ты смѣешь говорить, что друзья мои не рады видѣть меня?

— Съ вашего позволенія, сударь, это мое мнѣніе — не будемъ говорить объ этомъ. Я знаю только вотъ что: патеръ М'Гратъ говорилъ мнѣ на исповѣди намедни, чтобъ я заплатилъ ему, а не то, чтобъ надѣлать долговъ, да и убѣжать, какъ Теренцій О'Бріэнъ, который не хочетъ платить ни за рубашки, ни за чулки, ни за башмаки, ни за что въ свѣтѣ,—и который доживетъ до того, что его повѣсятъ.

— Не будь счастья этому патеру М'Грату! вскричалъ я.

Между тѣмъ мы прибыли къ воротамъ дома моего отца. Расплатившись съ негодеемъ-извозникомъ, я вбѣжалъ въ домъ. Здѣсь нашелъ я моего отца, мать, всѣхъ сестеръ и братьевъ, исключая Тома, который лежалъ въ постели и умеръ на слѣдующій день, да въ добавокъ еще патера М'Грата. Мать, увидѣвъ меня, бросилась ко мнѣ навстрѣчу, обняла и, поплакавъ на моей груди, отерла слезы и сѣла на свое мѣсто; но кромѣ ея никто не спросилъ о моемъ здоровьѣ, не открылъ даже рта.

— Тутъ что-нибудь да не такъ, подумалъ я, но молчалъ.

Наконецъ всѣ они грозно заговорили. Началъ отецъ.

— Не стыдно-ли тебѣ, Теренцій О'Бріэнъ, сказалъ онъ.

— Не стыдно-ли тебѣ Теренцій О'Бріэнъ? вскричалъ патеръ М'Гратъ.

— Не стыдно ли тебѣ? закричали хорошъ всѣ мои братья и сестры, между тѣмъ какъ мать, закрывъ лицо фартукомъ, молчала.

— Чортъ возьми! вскричалъ я, за себя мнѣ не стыдно, а стыдно за васъ, что вы принимаете меня такимъ образомъ. Что значитъ это?

— У меня отняли обѣихъ коровъ въ уплату за твой мундиръ, негодяй, закричалъ отецъ.

— У насъ отняли сѣно въ уплату за твои чулки и башмаки, закричалъ патерь МГратъ.

— У насъ отняли свинью въ уплату за твою шляпу, закричала старшая сестра.

— У меня отняли куръ въ уплату за твой кинжалъ, закричала другая.

— У насъ отняли всю лучшую мебель въ уплату за твои бѣлыя сорочки и черныя галстуки, закричалъ мой братъ Мурдокъ.

— И съ тѣхъ поръ намъ приходится умирать съ голоду, закричали всѣ вмѣстѣ.

— Боже мой! произнесла, вздыхая мать.

— Очень жаль, отвѣчалъ я, но чѣмъ же я виноватъ. Не вы ли послали меня на море, батюшка?

— Да, негодяй; но не обѣщаль ли ты, или не обѣщаль-ли я вмѣсто тебя — что все одно и то же — заплатить за все изъ денегъ, которыя ты получишь при первомъ призѣ, а гдѣ онѣ? Отвѣчай, Теренцій О'Брiанъ!

— Гдѣ онѣ, батюшка? Я скажу вамъ: онѣ тамъ, гдѣ булуція святки, — придутъ, но не пришли еще.

— Поговорите съ нимъ, патерь МГратъ, сказалъ мой отецъ.

— Не все ли это ложь, что ты говоришь, Теренцій О'Брiанъ? сказалъ патерь МГратъ. Подай-ка сюда деньги.

— Это не ложь, патерь МГратъ: исключая этихъ двухъ или трехъ шиллинговъ, которые вы можете раздѣлить между собой.

И сказавъ это, я бросилъ ихъ на полъ.

Я понял, что послѣ этого мнѣ не для чего было оставаться въ домѣ отца.

— Добраго утра вамъ всѣмъ, и желаю найти въ васъ болѣе деликатности въ слѣдующій разъ, какъ увидимся, закричалъ я, и тотчасъ же отправился на корабль.

Я грустно возвращался назадъ, раздумывая о томъ, что случилось.

— Мнѣ не для чего было, думалъ я, торопиться такъ въ отпускъ и оскорблять старшаго лейтенанта.

Съ другой стороны я сильно раскаявался въ томъ, что наговорилъ патеру. По возвращеніи на бортъ, я былъ встрѣченъ очень сурово старшимъ лейтенантомъ. Я надѣялся, онъ забудетъ со временемъ свое неудовольствіе на меня, но онъ не забывалъ никогда и поступалъ со мной такъ дурно, что я принужденъ былъ покинуть корабль, лишь только мы прибыли въ Коузандскій заливъ. Капитанъ не удерживалъ меня, потому что я рассказалъ ему все дѣло, и онъ видѣлъ, что я правъ. Онъ отрекомендовалъ меня капитану какого-то дряннаго фрегатишки.

— Что ты хочешь сказать этимъ словомъ фрегатишка? спросилъ я.

— Я хочу сказать, что это былъ одинъ изъ двадцати-восьми пушечныхъ кораблей, которые въ сравненіи съ настоящими фрегатами тоже, что кляча въ сравненіи съ породистымъ конемъ. Ну, вотъ, корабль едва вошелъ въ адмиралтейство для нагрузки балласта, какъ ужъ явился нашъ капитанъ маленькій, жиденькій, исхудалый, но человекъ съ вѣсомъ, потому что онъ привезъ съ собою пару огромныхъ вѣсовъ, и принялся взвѣшивать все, что приносилось на бортъ. Я забылъ его настоящее имя, но матросы называли его капитаномъ Пудомъ. У него была огромная книга, въ которую онъ записывалъ тяжесть балласта, пороха, воды, провіанта, угольевъ, стоячихъ и запасныхъ снастей, канатовъ, и прочее. Кромѣ того, онъ свѣсилъ всѣхъ матросовъ, мичмановъ съ ихъ сундуками, офицеровъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, наконецъ, онъ свѣсилъ даже себя самого, что не очень

много прибавило къ общей тяжести. Я не понимаю, что это значило, но онъ безпрестанно толковалъ о центрѣ тяжести, о перемѣщеніи жидкости, и Богъ знаетъ о чемъ еще. Думаю, онъ хотѣлъ открыть долготу чего-нибудь, но я былъ на его кораблѣ слишкомъ короткое время, чтобъ удостовѣриться въ своемъ предположеніи. Въ одинъ прекрасный день я привезъ на бортъ пару новыхъ сапогъ и забылъ сказать ему, чтобъ онъ положилъ ихъ въ вѣсовыя чаши, качавшіяся надъ шкафутомъ. Изъ опасенія ли, чтобъ они не потопили корабля, или съ чего другаго, только капитанъ приказалъ мнѣ оставить корабль немедленно, и вотъ я снова оставленъ, подобно боту, на произволъ вѣтровъ. Забравъ свои пожитки, я отправился на берегъ, надѣлъ царочно новые сапоги и, въ наказаніе имъ, принялся шлепать по всей грязи и слякоти, какую только встрѣчалъ, таскаться взадъ и впередъ между Плимутомъ и верфью, пока не истаскалъ ихъ въ какія-нибудь двѣ недѣли.

Однажды, стоя на верфи, я разсматривалъ двухъ-палубный корабль, стоявшій въ бассейнѣ и готовившійся въ первый разъ выступить въ дѣло. Мнѣ вздумалось спросить, кто назначенъ капитаномъ его; мнѣ отвѣчали капитанъ О'Коннеръ.

— А, такъ это мой соотечественникъ, подумалъ я, попытаю у него счастья. Я отправился въ гостиницу Гудса, въ которой онъ нанималъ квартиру, и просилъ позволенія поговорить съ нимъ. Я былъ допущенъ и объявилъ съ низкимъ поклономъ, что желаю вступить волонтеромъ на его корабль и что зовутъ меня О'Бріэнъ. Къ счастью, у него были вакантныя мѣста. Мое ирландское нарѣчіе понравилось ему и онъ спросилъ на какомъ кораблѣ служилъ я прежде. Я удовлетворилъ его любопытству и въ то же время рассказалъ причину, почему я оставилъ мой послѣдній корабль: причина состояла въ томъ, что меня выгнали. Вслѣдствіе этого я принужденъ былъ рассказать ему исторію сапогъ; онъ навелъ справки, нашелъ, что все справедливо, и помѣстилъ меня на ваканцію подшкипера. Мы были откомандированы въ южную Америку и въ одномъ изъ портовъ ея надолго были задержаны пассатными вѣтрами. Мнѣ очень нравился нашъ капитанъ и всѣ офицеры, но лучше всего было то, что намъ удалось сдѣлать нѣсколько призовъ. Однакожъ, я никогда не имѣлъ счастья оставаться слишкомъ долго

на одномъ и томъ же кораблѣ, и все это, конечно, не по моей винѣ, въ особенности же въ этотъ разъ. Все шло, какъ нельзя лучше, когда однажды капитанъ повезъ насъ на берегъ, на балъ въ дружеской странѣ. Мы провели очень весело ночь; но судьбѣ было угодно, чтобъ въ это утро за мною была очередь идти въ караулъ и надзирать за мытъемъ палубъ. Такъ какъ я никогда не пренебрегалъ своей обязанностью, то и отправился на бортъ корабля въ три часа по полуночи, лишь только начала занимать заря.

Идя вдоль песчаного морскаго берега, я мечталъ о хорошенькой дѣвочкѣ, съ которою танцевалъ, и прошелъ уже половину пути до корабля, какъ вдругъ трое негодныхъ испанскихъ солдатъ напали на меня изъ-за утеса съ бранью и штыками. Со мной былъ только кинжалъ, но я не изъ такихъ, чтобъ позволить даромъ посадить себя на штыкъ; я отбивался, пока могъ, и уже покончилъ съ однимъ изъ нихъ, но наконецъ покопчили и они со мной. Штыкъ прокололъ меня насквозь и все смѣшалось въ моей памяти. Кажется — потому что въ этомъ случаѣ я могу говорить, основываясь только на догадкахъ и вѣроятностяхъ — убивши меня, они раздѣли меня до нага, зарыли въ песокъ и унесли съ собой тѣло своего товарища. Такимъ образомъ я умеръ и былъ уже похороненъ.

— Но, О'Бріанъ, прервалъ я...

— Тсъ! молчи, ты не слыхалъ еще конца. Я былъ уже похороненъ около часу, но не слишкомъ глубоко: кажется они торопились. Въ это время по берегу шелъ рыбакъ съ своей дочерью къ боту, и дочь, дай Богъ ей здоровья! сдѣлала мнѣ удовольствіе — наступила на мой носъ. Видно, что она никогда прежде не наступала на носъ Ирландца, потому что это удивило ее, она нагнулась посмотрѣть что такое, и не замѣчая ничего, пощупала сперва ногой, потомъ отгребла песокъ и взорамъ ея представилась моя прекрасная физиономія. Я былъ тепелъ еще и дышалъ, потому что песокъ остановилъ кровь и помѣшалъ ея совершенному истеченію. Рыбакъ вытаскилъ меня, поднялъ на плеча и понесъ въ домъ, въ которомъ капитанъ и офицеры наши все еще танцевали. Когда меня внесли, дамы подняли страшный крикъ, не потому, что я былъ убитъ, это

дѣло обыкновенное въ тѣхъ странахъ, а потому что я былъ голъ, что казалось мнѣ гораздо важнѣе. Я былъ уложенъ въ постель, боть отправленъ на корабль за нашимъ докторомъ и черезъ нѣсколько часовъ я могъ уже говорить и рассказать какимъ образомъ все это случилось. Спустя дня два или три, корабль долженъ былъ продолжать свой путь, между тѣмъ какъ я еще не могъ подняться съ постели, а потому капитанъ принужденъ былъ подписать мою отставку и покинуть меня на рукахъ одного французскаго семейства. Я пробылъ у него цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, прежде нежели нашелъ случай воротиться домой. Въ это время я успѣлъ выучиться французскому языку и въ добавокъ еще испанскому. Воротясь въ Англію, я нашелъ, что призы наши были проданы и готовились уже раздать деньги; я представилъ свои свидѣтельства и получилъ на долю 167 фунтовъ стерлинговъ.

— Ну, подумалъ я, пришло наконецъ!

Я въ жизнь мою не имѣлъ такъ много денегъ, но въ скоромъ времени надѣюсь снова имѣть столько же. Пришедши домой, я рассыпалъ ихъ по столу и, смотря на нихъ, подумалъ:

— Ну, Теренцій О'Бріэнъ, возьмешь ты себѣ эти деньги, или отошлешь домой?

Вспомнивъ о патерѣ М'Гратѣ, я готовъ былъ снова загрести ихъ въ карманъ. Но тутъ мнѣ пришли на мысль мать, коровы, свиньи, мебель, все пропавшее, братья, сестры, лишенные куска хлѣба, и я далъ обѣтъ послать все до послѣдняго фартинга.

— Послѣ этого, подумалъ я, патеръ М'Гратъ ужь не будетъ сердиться на меня. Итакъ, оставивъ себѣ одно жалованье, то есть около 30 фунтовъ стерлинговъ, я отослалъ все остальное и никогда не чувствовалъ себя счастливѣе, какъ въ ту минуту, когда освободился отъ этихъ денегъ и увидѣлъ ихъ въ безопасности въ почтамтѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ я написалъ маленькое письмоцо отцу слѣдующаго содержанія.

« Многоуважаемый батюшка,

« Со времени послѣдняго нашего пріятнаго свиданія,

★

« я успѣлъ умереть и быть похороненнымъ; но теперь, благодаря
 « Бога, я снова живъ и здоровъ. Но главное, я получилъ
 « пригоршню призовыхъ денегъ, первыхъ съ тѣхъ поръ, какъ
 « нахожусь въ службѣ его королевскаго величества. Посы-
 « лаю ихъ всѣ до послѣдняго фартинга вамъ, чтобъ вы могли
 « выкупить вашихъ старыхъ коровъ, свинью и всѣ прочія статьи
 « отнятаго у васъ имущества на уплату моей амундиціи; не гово-
 « рите же мнѣ впередъ не стыдно ли мнѣ? Вѣрно, вы не будете
 « оскорблять такого послушнаго сына, какъ я, который, вступивъ
 « въ морскую службу по вашему приказанію, съ тѣхъ поръ ни разу
 « не имѣлъ порядочной картофелины во рту. Я истинный О'Бріанъ,
 « скажите это моей матери; не думаю сдѣлаться протестантомъ, а
 « напротивъ намѣренъ пребывать въ вѣрѣ моей родины. Я не
 « приѣду повидаться съ вами изъ страха, чтобъ не возобновить въ
 « памяти вашей бывшаго неприятнаго нашего свиданія, а потому
 « не думайте покуда о вашемъ любезномъ сынѣ

«Теренціѣ О'Бріанъ».

Недѣлю три спустя, я получилъ отъ отца письмо, въ кото-
 ромъ онъ говорилъ, что считаетъ меня истиннымъ О'Бріаномъ
 и что кто осмѣлится сказать противное, тому онъ переломаетъ
 ребра; что они получили деньги и благодарятъ меня; что въ
 домѣ его готовъ лучшій стулъ для засѣданія среди ихъ; что
 патеръ М'Гратъ шлетъ мнѣ свое благословеніе и отпущеніе грѣ-
 ховъ, какіе я только сдѣлалъ, или сдѣлаю въ теченіе буду-
 щихъ десяти лѣтъ; что мать заплакала отъ радости, услышавъ
 о моемъ сыновнемъ поступкѣ и что всѣ братья мои и сестры, за
 исключеніемъ умершаго Тома, желаютъ мнѣ счастья и еще болѣе
 призовыхъ денегъ для отсылки домой. Все это было очень забавно,
 но я о томъ только и думалъ, чтобы поступить на новый корабль.
 Съ этою цѣлью я явился къ портовому адмиралу и рассказалъ ему
 какимъ образомъ случилось, что я покинулъ свой корабль. Онъ
 отвѣчалъ, что умереть и быть похороненнымъ достаточныя причины
 для оставленія корабля и что онъ опредѣлитъ меня на другой, теперь,
 какъ я снова ожилъ. Меня помѣстили на сторожевой корабль, въ

которомъ я пробылъ около десяти дней, послѣ чего былъ откомандированъ на этотъ фрегатъ. Вотъ и конецъ моей исторіи, а вотъ, кстати, и восемь часовъ. Поди, Питеръ, позови Робинсона и скажи, что я такъ отколочу его, что онъ ужь не заснетъ въ другой разъ и не станетъ заставлятъ меня, какъ намедни, переминаться здѣсь съ ноги на ногу, въ противность правиламъ и уставамъ службы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ЕЩЕ ПАЦИЕНТЫ СТАРШАГО ЛЕЙТЕНАНТА. — МИСТЕРЪ ЧУКСЪ, БОЦМАНЪ, ПОВѢРЯЕТЪ МНѢ ТАЙНУ СВОЕГО БЛАГОРОДНАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

Прежде, чѣмъ примусь продолжать разсказъ, я хочу объяснить читателю, что исторія эта написана не въ позднѣйшую эпоху моей жизни, не тогда, какъ я приобрѣлъ уже нѣкоторое знаніе свѣта. Когда я впервые отправлялся въ море, матушка просила меня вести журналъ моимъ приключеніямъ и мыслямъ, которыя они впускаютъ мнѣ. Я строго исполнялъ это обѣщаніе, и когда сталъ самъ себѣ господиномъ, журналъ снова воротился въ мое владѣніе. Въ изложеніи, слѣдовательно, первой половины моихъ приключеній, каждое событіе представлено въ духѣ того впечатлѣнія, которое оно произвело на меня. Впослѣдствіи мнѣніе мое касательно многихъ вещей измѣнилось; нѣкоторые пассажи исторіи заставляли меня смѣяться надъ собственной глупостью и наивностью; но все-таки я счелъ за лучшее не трогать идей юнаго періода жизни и не замѣщать ихъ тѣми, которыя внушила мнѣ впослѣдствіи дорого приобретенная опытность. Нельзя требовать отъ мальчика пятнадцати лѣтъ, воспитаннаго въ стѣнахъ провинціального города, чтобъ онъ смотрѣлъ на вещи и судилъ объ нихъ такъ, какъ молодой человѣкъ, видѣвшій и испытавшій много въ жизни. И такъ, читатель не долженъ забывать, что въ моемъ журналѣ я собрался съ понятіями

и чувствами, руководившими мною въ каждую изъ различныхъ эпохъ моего существованія, о которыхъ я буду разсказывать.

Мы крейсировали уже около шести недѣль, и ремесло мое казалось мнѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ какъ я думалъ сначала. Мое желаніе услужить вмѣнялось мнѣ за самую услугу и хотя я время отъ времени дѣлалъ промахи, но капитанъ и старшій лейтенантъ, казалось, считали меня ревностнымъ, по силѣ способностей, исполнителемъ моихъ обязанностей и только улыбались, глядя на мои ошибки. Я не замедлилъ замѣтить также, что, какъ ни дурно было мнѣніе моего семейства о моихъ способностяхъ, но здѣсь ими далеко не такъ пренебрегали. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливалась во мнѣ довѣренность къ самому себѣ и я сталъ надѣяться, что вниманіемъ и прилежаніемъ замѣню недостатокъ природныхъ дарованій. Въ жизни моряка дѣйствительно есть что-то расширяющее умственные способности. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, живя дома, я поручалъ другимъ мыслить за себя и дѣйствовалъ, такъ сказать, на помочахъ чужихъ внушеній; на бортѣ я дѣйствовалъ по силѣ своихъ способностей, мыслилъ самъ за себя. Мнѣ становилось веселѣе съ моими товарищами: тѣ, которые поступали со мной грубо, перестали наконецъ, потому что я былъ нечувствителенъ къ ихъ дурному обращенію; кто былъ ласковъ, тотъ сдѣлался еще ласковѣе. Время проходило быстро, потому что я всегда чѣмъ-нибудь занимался, и въ моихъ глазахъ каждый день былъ только предшественникомъ послѣдующаго.

Старшій лейтенантъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, какихъ я знавалъ; тѣмъ не менѣе онъ никогда не упускалъ изъ виду [служебной дисциплины и не позволялъ себѣ ни малѣйшей вольности ни съ высшими, ни съ низшими. Юморъ его проявлялся въ особенности въ различныхъ родахъ наказаній, которые онъ придумывалъ, и какъ ни строги казались они виновнымъ, но образъ исполненія ихъ былъ всегда неистощимымъ источникомъ забавы для всего остальнаго экипажа. Я неоднократно имѣлъ случай замѣчать, что хотя никто не любилъ быть самъ наказаннымъ, однако весь экипажъ приходилъ въ восторгъ, когда назначалось какое-нибудь наказаніе. Старшій лейтенантъ былъ очень щепетиленъ на счетъ чистоты своихъ палубъ; онѣ были всегда бѣлы, какъ снѣгъ, и ничто такъ не сердило его, какъ если ихъ пачкали. Вотъ по-

чему онъ имѣлъ такое отвращеніе къ табачникамъ. Во всѣхъ углахъ палубъ были разставлены плевательницы для матросовъ, чтобъ они не пачкали пола табачнымъ сокомъ. Иногда какой-нибудь матросъ въ поспѣшности забывалъ воспользоваться этими плевательницами, но такъ какъ артель, около которой находили пятно, не получала своей порціи грогу, если не открывала виноватаго, то матросы не только смотрѣли за тѣмъ, чтобъ не плевали, но даже доносили о виновномъ. Наказаніе же за этотъ проступокъ было вотъ какого рода. Виновному связывали руки назадъ и прикрѣпляли на груди посредствомъ ремней, проходившихъ черезъ плеча, широкую мелкую плевательницу. Всѣ плевательницы уносились съ палубы и онъ принужденъ былъ расхаживать тутъ, готовый къ услугамъ каждаго, кто пожелаетъ опорожнить ротъ отъ табачнаго соку. Остальнымъ матросамъ такъ нравилась эта выдумка, что они плевали вдвое противъ обыкновеннаго, изъ одного удовольствія заставить наказаннаго бѣгать съ своей плевательницей. Мистеръ Чуксъ, боцманъ, называлъ это «ходячей плевательницей старшаго лейтенанта».

— Право, замѣтилъ онъ однажды, мистеръ Фальконъ разыгрываетъ такого *эпикурейца* на своихъ палубахъ, что я боюсь даже оставлять якорь на форкастлѣ.

Однажды утромъ, находясь въ караулѣ, я былъ свидѣтелемъ забавной штуки. Мы были заняты штопаньемъ коекъ на квартердекѣ. Въ это время вошелъ юнга съ койкой на плечахъ, и когда онъ проходилъ мимо старшаго лейтенанта, послѣдній замѣтилъ у него за щекой свертокъ табаку.

— Что это у тебя, мой милый — десны болятъ, что ли? щека твоя страшно распухла.

— Нѣтъ, сэръ, возразилъ юнга, я ничего не чувствую.

— Ну, такъ можетъ быть, у тебя зубъ болитъ. Открой ротъ, я посмотрю. Юнга очень неохотно открылъ ротъ и глазамъ старшаго лейтенанта представился огромный свертокъ табачнаго листа.

— Ага! вижу, вижу, вскричалъ старшій лейтенантъ; тебѣ надобно растянуть ротъ и почистить зубы. Жаль, что у насъ нѣтъ зубнаго лекаря на бортѣ; но дѣлать нечего, я самъ произведу операцію. Позовите оружейника съ клещами.

Оружейникъ явился, юнгу заставили открыть ротъ и свертокъ табаку былъ вытасченъ этимъ жесткимъ инструментомъ.

— Хорошо! сказалъ старшій лейтенантъ. Я увѣренъ, что тебѣ лучше теперь; иначе ты навсегда лишился бы аппетита. Капитанъ рангоута, достаньте-ка теперь доскутокъ стараго канифаса и песку, да почистите ему хорошенько зубы.

Капитанъ рангоута выступилъ впередъ, положилъ голову юнги между колѣнъ и принялся тереть ему зубы пескомъ и канифасомъ, что продолжалось минуты съ двѣ.

— Хорошо! сказалъ старшій лейтенантъ. Теперь у тебя хорошенькій, чистенькій ротикъ, и ты снова можешь наслаждаться завтракомъ, а до сихъ поръ тебѣ невозможно было ѣсть съ такимъ грязнымъ ртомъ. Когда онъ загрязнится, снова приходи ко мнѣ: я готовъ служить тебѣ зубнымъ лекаремъ.

Однажды я находился на форкастлѣ вмѣстѣ съ боцманомъ, мистеромъ Чуксомъ, который былъ очень расположенъ ко мнѣ. Онъ училъ меня завязывать на канатѣ разные узлы и банты, употребляемые въ нашей службѣ; я былъ страшно непонятливъ, но онъ терпѣливо повторялъ свои указанія, пока наконецъ я не выучился. Между прочимъ онъ научилъ меня завязывать такъ называемый «рыбачій бантъ,» который онъ называлъ царемъ всѣхъ узловъ.

— Мистеръ Симпль, сказалъ онъ, въ этомъ узлѣ заключается глубокая мораль. Замѣьте, если вы потянете концы въ правую сторону, и при томъ вмѣстѣ, то чѣмъ больше вы тянете, тѣмъ крѣпче онъ затягивается и тѣмъ труднѣе становится развязать его. Но смотрите—потяните концы каждый отдѣльно—какая разница!—внѣтъ онъ ослабляется и какъ легко развязать его. Это указываетъ на необходимость дѣйствовать въ свѣтѣ за одно, мистеръ Симпль, если мы хотимъ имѣть въ немъ успѣхъ; а эта философія, стоитъ всѣхъ двадцати шести тысячъ слишкомъ лѣтъ моего друга плотника, которые ни къ чему ни ведутъ его, какъ только къ мечтательности, мѣшающей ему исполнять свою обязанность.

— Справедливо, мистеръ Чуксъ, вы философъ, почище его.

— Я лучше воспитанъ, мистеръ Симпль, и надѣюсь, болѣе похожъ на джентльмена. По моему, всякій джентльменъ въ нѣкоторой степени философъ, потому что онъ часто бываетъ принуж-

день, для поддержанія своего достоинства, противостоятъ такимъ обстоятельствамъ, которыя разнуздали бы всѣ страсти въ другомъ. Я считаю хладнокровіе отличительною чертою джентльмена. Въ службѣ, мистеръ Симпль, иной принужденъ казаться сердитымъ, не оправдывая самъ этой страсти. Я могу сказать, что никогда не лишаюсь хладнокровія, даже когда даю волю своему тростнику.

— Для чего же вы, мистеръ Чуксъ, такъ пугаетесь, когда говорите съ матросами? Ужь, конечно, это не по-джентльменовски?

— Конечно, нѣтъ, сэръ. Но я замѣчу въ свою защиту, что на борту военнаго корабля мы вовсе не свободны въ своихъ дѣйствіяхъ. Необходимость, мой милый мистеръ Симпль, не вѣдаетъ закона. Вы должны были замѣтить, какъ деликатно я всегда начинаю, когда нахожу, что—нибудь не такъ. Я дѣлаю это въ доказательство своего благородства, но ревность къ службѣ заставляетъ меня измѣнять рѣчь, чтобъ доказать наконецъ, что я говорю серьезно. Ничто не доставило бы мнѣ большаго удовольствія, какъ возможность исполнять свою обязанность джентльменовски; но это невозможно.

— Я право, не понимаю, по чему такъ?

— Въ такомъ случаѣ объясните мнѣ, мистеръ Симпль, почему ругаются капитанъ и старшій лейтенантъ?

— На этотъ вопросъ я не могу отвѣчать, но мнѣ кажется, они дѣлаютъ это въ рѣдкихъ случаяхъ.

— Совершенно такъ; но, сэръ, ихъ рѣдкіе случаи составляютъ мою ежедневную и сжечасную обязанность. Въ постоянной работѣ корабля, я отвѣчаю за все, что дѣлается дурно. Жизнь боцмана вся состоитъ изъ этихъ рѣдкихъ случаевъ, и вотъ почему я ругаюсь.

— Я все-таки не могу допустить, чтобъ это было необходимо, и нѣтъ сомнѣнія, что это грѣшно.

— Извините, сэръ; это положительно необходимо, и вовсе не грѣшно. Кабинетный языкъ не годится на борту корабля, а человѣкъ во всякомъ случаѣ долженъ употреблять тѣ выраженія, которыя наиболѣе способны произвести жалаемое дѣйствіе на его слушателей. Вслѣдствіе ли долговременной привычки къ службѣ или равнодушія моряка ко всему, что обыкновенно, какъ въ событіяхъ, такъ и въ языкѣ (я не умѣю яснѣе высказать своей мысли, мис-

теръ Симплъ, но знаю, что говорю), причиною ли тому постоянная раздражительность, но только, чтобъ побудить матроса къ дѣятельности, потребно болѣе *stimulus*, такъ говорятъ ученые. По крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что на простыхъ матросовъ несколько не дѣйствуетъ обыкновенная рѣчь. У насъ говорятъ: сдѣлай то-то, чортъ тебя возьми! и приказаніе исполняется тотчасъ же. Приказаніе *дѣлай* имѣетъ совершенно вѣсь пушечнаго ядра, которому недостаетъ еще силы стремленія, а слова *чортъ тебя возьми* — порохъ, заставляющій его летѣть къ исполненію своей обязанности. Понимаете вы меня, мистеръ Симплъ?!

— Понимаю очень хорошо, мистеръ Чуксъ, и безъ лести не могу не замѣтить, что вы очень отличаетесь отъ остальныхъ патентованныхъ офицеровъ. Гдѣ вы воспитывались?

— Мистеръ Симплъ, я боцманъ въ чистой рубашкѣ и вдобавокъ вполне знающій свою обязанность; это я самъ говорю и никто не осмѣлится противорѣчить мнѣ. Хотя я и не могу похвастать, чтобъ былъ когда-либо знатнѣе, чѣмъ теперъ; но осмѣлюсь сказать, однакожь, что былъ нѣкогда въ лучшемъ обществѣ, въ обществѣ лордовъ и леди. Я разъ какъ-то обѣдалъ съ вашимъ дѣдушкой.

— Вы счастливѣе меня, возразилъ я; дѣдушка обо мнѣ никогда не спрашивалъ, и врядъ ли знаетъ о моемъ существованіи.

— Что я говорю, то правда. До вчерашняго разговора съ О'Бріэномъ, я не зналъ, что лордъ Привеледжъ вашъ дѣдушка; но я очень хорошо помню его, хотя и былъ въ это время еще очень молодъ. Если вы дадите мнѣ слово джентльмена, мистеръ Симплъ (а я знаю, вы настоящій джентльментъ), что не станете пересказывать того, что я вамъ открою, то посвящу васъ въ тайны моей жизни.

— Мистеръ Чуксъ, клянусь честью джентльмена, что не открою вашей тайны, пока вы не умрете и не будете похоронены, а если хотите, то и тогда даже.

— Когда я умру и буду похороненъ, дѣлайте что вамъ угодно: тогда это можетъ послужить въ пользу другимъ, хотя и коротка исторія моей жизни.

Мистеръ Чуксъ сѣлъ на грудѣ мачтовыхъ деревь, наваленныхъ на палубѣ; я занялъ мѣсто возлѣ него, и онъ началъ слѣдующимъ образомъ:

— Отецъ мой былъ боцманъ, какъ и я морякъ старой школы, грубъ какъ медвѣдь и любилъ выпить. Мать моя была моя мать и болѣе я ничего не скажу о ней. Отецъ заболѣлъ въ гавани какъ и слѣдовало послѣ жизни, проведенной въ ностоянномъ пьянствѣ, и вскорѣ умеръ. Между тѣмъ я воспитывался, по милости портового адмирала, въ приходской школѣ. Миѣ было тринадцать лѣтъ, когда умеръ отецъ, и мать, не зная, что со мной дѣлать, хотѣла было помѣстить меня ученикомъ на купеческій корабль; но отъ этого я отказался, и послѣ шестимѣсячнаго спора, разрѣшилъ вопросъ, поступивъ волонтеромъ на фрегатъ «Нардисъ». Полагаю, Мистеръ Симпль, во миѣ врождены были джентльменовскія наклонности, потому что еще ребенкомъ я не могъ сносить мысли о службѣ на купеческомъ кораблѣ. Послуживъ нѣсколько времени на бортѣ, я поступилъ въ прислужники къ провіантмейстеру, у котораго до того отличался проворствомъ и ловкостью, что старшій лейтенантъ взялъ меня къ себѣ. Въ два мѣсяца я сдѣлался такой важной особой, что изъ-за меня стояла вверхъ дномъ вся пороховая камера (*), потому что провіантмейстеръ былъ очень недоволенъ поступкомъ старшаго лейтенанта и многіе изъ офицеровъ держали его сторону. Рассказывали другъ другу шопотомъ, будто я сынъ старшаго лейтенанта и что это всѣмъ извѣстно. Не знаю насколько тутъ было правды, но между нами было нѣкоторое сходство, и мать моя, очень хорошенькая женщина, много лѣтъ тому назадъ исправляла должность маркитантки на его кораблѣ. Я не въ состояніи уяснить этого пункта, а признаюсь, хотя многіе и побраняютъ меня за это, но я не въ силахъ преодолѣть своихъ природныхъ наклонностей, — миѣ пріятнѣе быть побочнымъ сыномъ джентльмена, нежели законнымъ боцмана и его жены. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ никакой возможности, чтобъ въ вашихъ жилахъ текла благородная кровь, тогда какъ въ первомъ вы могли гордиться этимъ. Не прошло еще и двухъ недѣль со времени моего поступленія на службу къ старшему лейтенанту, прибылъ къ намъ одинъ молодой лордъ (не смѣю назвать его имени), вступившій въ морскую службу по

(*) Пороховая камера служить вмѣсто кладовой для прочихъ припасовъ.

совѣту друзей, или по собственному выбору, не знаю навѣрное; но мнѣ сказывали, что ему внушилъ это дядя съ матерней стороны, желавшій его смерти. Въ то время молодой лордъ, лѣтъ двадцати пяти, былъ еще рѣдкостью въ службѣ; у насъ саютовали его, когда онъ пріѣзжалъ на бортъ. Слѣдствіемъ этого было, что молодому лорду потребовался особый слуга, тогда какъ прочіе мичманы имѣли одного на всѣхъ. Капитанъ искалъ лучшаго мальчика на корабль, и провіантмейстеръ, къ которому онъ адресовался, рекомендовалъ меня. Къ великой досадѣ старшаго лейтенанта (въ то время старшіе лейтенанты не имѣли такихъ претензій, какъ теперь; это не относится, конечно, къ мистеру Фалькону, который настоящій джентльменъ), я былъ тотчасъ же прикомандированъ къ его сіятельству. Я велъ очень спокойную комфортабельную жизнь; дѣла имѣлъ мало, даже вовсе никакого. Если меня требовали, когда всѣ руки были заняты на корабль, я чистилъ сапоги или платье его сіятельства, и ужь никто не смѣлъ сказать слова, когда упоминалось имя его сіятельства. Мы отправились въ Средиземное море (этого хотѣлось маменькѣ его сіятельства) и пробыли тамъ около года, какъ вдругъ его сіятельство, накушавшись слишкомъ винограду, получилъ спазмы. Послѣ трехнедельной болѣзни, онъ просилъ, чтобъ его отправили въ Мальту на транспортномъ корабль, отправлявшемся за быками въ Гибралтаръ, или скорѣе къ Варварійскимъ берегамъ. Съ каждымъ днемъ ему становилось хуже и наконецъ онъ написалъ завѣщаніе, по которому оставлялъ мнѣ всѣ свои вещи, находившіяся на бортѣ; конечно, я заслуживалъ этого своей всегдашней готовностію ухаживать за нимъ. Недалеко отъ Мальты мы встрѣтили шебеку, плывшую изъ Чивитта-Веккіа, и такъ какъ вѣтеръ дулъ противный, а суда этого рода лучше плаваютъ по такому вѣтру, чѣмъ транспортные корабли, то капитанъ, не желавшій терять времени, посоветовалъ намъ пересѣсть на шебеку. Мой господинъ, въ это время совсѣмъ уже умиравшій, согласился и мы перемѣстились. На слѣдующій день онъ умеръ. Порывъ противнаго вѣтра удерживалъ насъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней вдалекѣ отъ порта, и тѣло его сіятельства, начавшее уже гнить и устрашавшее собою суевѣріе католическихъ моряковъ, было брошено за бортъ. Никто изъ этого народа не зналъ по-англійски, я не зналъ по-мальтійски: они понятія не имѣли о томъ, кто

ны таковы и мнѣ довольно было времени на размышленіе. Я часто мечталъ, какъ прекрасно быть лордомъ и часто сожалѣлъ, что не родился имъ. Вѣтеръ дулъ постоянно противный, какъ вдругъ однажды показался купеческій корабль, плывшій изъ Чивитта-Веккіа въ Гибралтаръ. Я попросилъ капитана шебеки подать сигналъ, или лучше, подалъ его самъ, и корабль, оказавшійся англійскимъ, приблизился къ намъ.

Я спустилъ боть, чтобъ отправиться къ нему навстрѣчу, но въ эту минуту мнѣ пришла въ голову мысль, что, можетъ быть, они откажутся взять меня; но лорда ужь никакъ. Я надѣлъ мичманскій мундиръ его сіятельства, теперь принадлежавшій мнѣ, присталъ къ боку купеческаго корабля и объявилъ, что оставилъ свой корабль по болѣзни, а теперь, по дорогѣ домой, желаю заѣхать въ Гибралтаръ. Мой титулъ и немедленная уплата денегъ, потребованныхъ за провозъ, послужили мнѣ достаточной рекомендаціей. Имущество мое было тотчасъ же перевезено съ шебеки. Никто изъ экипажа ея не говорилъ по-англійски, и потому само собою разумѣется, что если они и подозрѣвали меня въ обманѣ, то изобличить все-таки не могли. Въ этомъ мѣстѣ моей исторіи, которую открываю вамъ за тайну, мистеръ Симпль, я долженъ признаться въ легкомъ проступкѣ, иначе мнѣ нельзя было бы доказать, что я не солгалъ, утверждая, будто бы объѣдалъ съ вашимъ дѣдушкой. Но искушеніе было слишкомъ сильно и я не могъ устоять противъ него. Представьте себѣ мое положеніе, мистеръ Симпль! Служивъ до сихъ поръ корабельнымъ юнгой, я вездѣ встрѣчалъ только подзатыльники, да удары ногой, ругательства да посылки къ чорту — и вдругъ со мной обходятся съ такимъ уваженіемъ, съ такой вѣжливостью, тысячу разъ на день величаютъ милордомъ! Въ теченіе проѣзда къ Гибралтару, я имѣлъ довольно времени составить планъ. Едва ли нужно говорить, что карманъ милорда былъ очень въ хорошемъ состояніи, а главное его родственники аккуратно снабжали меня новыми суммами. Сверхъ того у меня были его часы, брилліанты и пропасть другихъ вещей, кромѣ кошелька съ долларами. Все это принадлежало мнѣ по праву; я присвоилъ себѣ только имя, въ которомъ онъ, бѣдняжка, ужь не нуждался. Но стоитъ ли защищать несправедливое дѣло — это было безчестно, вотъ и все! Теперь замѣчайте, мистеръ Симпль,

какъ одинъ проступокъ влечетъ за собой другой. Первоначальнѣйшій моимъ намѣреніемъ было воспользоваться именовъ лорда для того только, чтобъ доставить себѣ проѣздъ въ Гибралтаръ. Я находился еще въ нерѣшительности насчетъ того, что стану дѣлать потомъ. Но такъ—какъ мнѣ поручены были бумаги и письма для передачи его матери и опекунамъ, то я думаю, мнѣ слѣдовало бы сложить съ себя достоинство лорда и мишманскую одежду, и просить комиссіонера адмиралтейства объ отправленіи меня въ Англію. Судьба рѣшила иначе: хозяинъ корабля, высадясь на берегъ для представленія рапорта и приисканія себѣ пассажировъ, сталъ всюду разносить молву, что въ числѣ его пассажировъ находится молодой лордъ А...., отправляющійся въ Англію для поправленія своего здоровья. Не прошло и полчаса, какъ явились боты отъ комиссіонера и губернатора, которые просили меня удостоить ихъ посѣщеніемъ и принять постель въ ихъ домѣ на время пребыванія въ Гибралтарѣ. Что дѣлать? Сначала я было испугался; но признаться въ обманѣ, казалось мнѣ еще страшнѣе: я былъ увѣренъ, что хозяинъ транспорта выбросилъ бы меня за бортъ, еслибъ узналъ, что тотъ, съ кѣмъ онъ былъ такъ унижительно вѣжливъ, не болѣе, какъ корабельный юнга.— И такъ, краснѣя частію отъ скромности, а частію отъ сознанія своей вины, я принялъ приглашеніе губернатора и послалъ учтивый словесный отказъ комиссіонеру, подъ предлогомъ, что будто бы на бортѣ нѣтъ ни бумаги, ни перьевъ. Я такъ часто сопутствовалъ моему послѣднему господину въ его визитахъ, что научился держаться въ обществѣ и усвоилъ себѣ его поступъ и манеры;— въ самомъ дѣлѣ у меня была врожденная склонность къ благородству. Я умѣлъ читать и писать, можетъ быть не такъ хорошо, какъ бы слѣдовало, если принять въ соображеніе мое воспитаніе; но порядочно таки для лорда и гораздо лучше моего послѣдняго господина. Я могъ очень хорошо подписывать подъ его руку, но одна мысль, что обстоятельства могутъ меня принудить къ этому, приводила меня въ трепетъ. Какъ бы—то ни было, жребій былъ брошенъ. Должно замѣтить, что между нами было одно сходство — оба мы имѣли легкіе, вьющіеся волосы и голубые глаза; во всемъ прочемъ мы нисколько не походили другъ на друга. Но я далеко былъ красивѣе его, и такъ—какъ мы проплавали около двухъ лѣтъ въ Средиземномъ морѣ,

то я нисколько не опасался, чтобъ до прибытія въ Англію, кто-нибудь могъ усумниться въ моемъ тожествѣ.

И такъ, тщательно одѣвшись, надѣвъ цѣпочку и кольца, надушивъ платокъ, я отправился въ сопровожденіи адъютанта къ губернатору, который разспрашивалъ меня о моей матушкѣ, зяди... о дядѣ, моихъ опекунахъ и о тысячахъ другихъ предметовъ. Сначала я очень конфузился, что было приписано моей застѣнчивости, и, конечно, это была застѣнчивость, но совсѣмъ другаго рода; но подъ конецъ дня я такъ свыкъся съ титуломъ милорда, которымъ меня величали, и съ своимъ положеніемъ, что почувствовалъ себя совершенно въ своей тарелкѣ и принялся подмѣчать выраженія и манеры собесѣдниковъ, съ цѣлію научиться, какъ вести себя въ хорошемъ обществѣ. Я пробылъ въ Гибралтарѣ около двухъ недѣль и потомъ отправился на транспортномъ кораблѣ въ Плимуть. Для офицера это было немножко вольно. На пути въ Англію я снова рѣшился сложить съ себя чужіе титулы и платье лишь только избавлюсь отъ наблюдателей, но меня опять предупредили. Портовой адмиралъ послалъ просить меня обѣдать. Я не осмѣлился отказать и снова долженъ былъ вынести величанія милордомъ, уаживанія и угожденія всѣхъ и каждаго. Купцы добивались чести имѣть мое сіятельство въ числѣ своихъ покупателей, столъ мой постоянно былъ заваленъ визитными карточками и, признаться, мнѣ такъ нравилось это положеніе, я такъ свыкъся съ нимъ, что мнѣ становилась несносною мысль, что рано или поздно я принужденъ буду отказать отъ всего этого. Тѣмъ не менѣе я твердо рѣшился сдѣлать это, лишь только уѣду изъ Плимута. Мой счетъ въ гостинницѣ возросъ до такой суммы, что я не въ состояніи былъ расплатиться, но хозяинъ отвѣчалъ, что это ничего не значитъ, что, конечно, его сіятельство не могъ запасться наличными деньгами, находясь въ чужихъ странахъ, и даже предложилъ мнѣ денегъ взаймы; что касается до этого, у меня хватило честности отказать. Я разослалъ карточки, какъ водится, съ литтерами П. П. С. и отправился въ дилижансѣ въ Лондонъ, гдѣ твердо рѣшился сбросить съ себя титулы и ѣхать въ Шотландію къ матери лорда съ печальнымъ извѣстіемъ о его смерти, потому что, какъ вы видите, мистеръ Симпль, никто не зналъ еще, что онъ умеръ. Капитанъ транспорта перевелъ его на шебеку еще живымъ, а по-

томъ, какъ думали всѣ, принялъ его на свой бортъ корабля, плывшій въ Гибралтаръ. Вскорѣ послѣ того капитанъ фрегата получилъ изъ Гибралтара увѣдомленіе о выздоровленіи и возвращеніи лорда въ Англію. Не пробылъ я въ каретѣ и пяти минутъ, какъ вошелъ въ нее одинъ джентльменъ, съ которымъ я встрѣчался у портового адмирала; кромѣ того меня очень хорошо знали кучеръ и всѣ прочіе, бывшіе тутъ. Прибывъ въ Лондонъ все еще въ своемъ мичманскомъ мундирѣ, я остановился въ гостинницѣ, которую мнѣ рекомендовали и которая, какъ оказалось послѣ, была лучшею въ городѣ; мой титулъ послѣдовалъ за мной. Здѣсь я вознамѣрился снять мундиръ и одѣться въ простое платье — шутку пора уже было кончить. Я легъ спать и на слѣдующее утро, одѣвшись въ сюртукъ изъ юфти, спросилъ у слуги, какой здѣсь самый удобный экипажъ для отправленія въ Шотландію.

— Почтовая карета четверней, милордъ. Къ которому часу прикажете заложить?

— О! возразилъ я, я не надѣюсь отправиться сегодня утромъ.

Въ это время вошелъ хозяинъ гостинницы, держа въ рукахъ газету «Morning Post» и съ низкимъ поклономъ показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ вмѣстѣ съ прочими знаменитостями, помѣщалось объявленіе о моемъ прибытіи и помѣщеніи въ его гостинницѣ. Это раздосадовало меня и, постигнувъ трудность отдѣлаться отъ своего титула, я почувствовалъ особенное желаніе сдѣлаться снова Уиллэмомъ Чуксомъ, какимъ былъ прежде. Въ полдень, въ комнату, гдѣ я находился, вошли три или четыре джентльмена, которые, прочитавъ въ этой проклятой «Morning Post» о моемъ приѣздѣ, пришли засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе, и прежде, чѣмъ кончился этотъ день, я получилъ цѣлую дюжину приглашеній. Я увидѣлъ, что мнѣ загражденъ возвратный путь, и опять, какъ въ Гибралтарѣ и Портсмутѣ, предался напроизволь потока. Цѣлыя три недѣли провелъ я въ разъѣздахъ съ визитами — и если это нравилось мнѣ въ Портсмутѣ, во сколько разъ пріятнѣе это было въ Лондонѣ! Тѣмъ не менѣе я чувствовалъ себя несчастливимъ, мистеръ Симпль, потому что каждую минуту страшился обнаруженія обмана. Но, право, какъ пріятно быть лордомъ.

Наконецъ комедія кончилась. Какіе-то молодые люди завлекли меня въ игорный домъ, намѣреваясь обобрать; на первую ночь, однакожь, позволили мнѣ выиграть, кажется, около трехъ сотъ фунтовъ. Я былъ очень доволенъ своимъ успѣхомъ и общалъ на слѣдующій вечеръ сойдтись съ ними снова. Но въ то время, какъ я сидѣлъ за завтракомъ и, положивъ ногу на ногу, читалъ «Morning Post», ко мнѣ вошелъ мой дядя, опекунъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ черты своего племянника, чтобъ обмануться, а то обстоятельство, что я не узналъ его, окончательно убѣдило его въ обманѣ. Вы позволите мнѣ не описывать послѣдовавшей за тѣмъ сцены — гнѣва дяди, недоумѣнія всѣхъ постояльцевъ и служителей гостинницы, вмѣшательства полиціи и моего отправленія въ наемной каретѣ въ Боустритъ. Тутъ мнѣ сдѣланъ былъ допросъ, и я во всемъ признался. Дядя былъ такъ радъ смерти своего племянника, что нисколько не разсердился на меня, и такъ какъ я присвоилъ себѣ одно пустое имя и никого не обманулъ, исключая содержателя гостинницы въ Портсмутѣ, то и былъ изъ Товра отправленъ на бортъ тендера (*) для помѣщенія на одинъ изъ военныхъ кораблей. Что касается до моихъ трехъ сотъ фунтовъ, платья и прочаго, я ужъ больше и не слыхалъ о нихъ; вѣроятно, ими завладѣлъ содержатель гостинницы и такимъ образомъ прекрасно заплатилъ себѣ мой долгъ. Когда я былъ посланъ на бортъ тендера, у меня было два кольца на рукѣ и часы въ жилетномъ карманѣ. Я постарался тщательно упрятать эти вещи, и такимъ образомъ имѣлъ нѣсколько готовыхъ фунтовъ стерлинговъ въ кошелькѣ. Насъ послали въ Плимутъ, гдѣ я былъ помѣщенъ на фрегатѣ. Побывъ на немъ нѣсколько времени, я обратилъ часы и кольца въ наличныя деньги и обзавелся хорошимъ платьемъ, потому что терпѣть не могъ грязно одѣваться. Меня приставили къ бизань-мачтѣ, гдѣ никто и не подозрѣвалъ, что я нѣкогда былъ лордомъ.

— Вы нашли, я полагаю, нѣкоторую разницу между прежнимъ и теперешнимъ вашимъ положеніемъ?

— Конечно, мистеръ Симпль; но въ этомъ положеніи я чувствовалъ себя счастливѣе. Я не могъ, правда, забыть всѣхъ этихъ

(*) Тендеромъ называется корабль, на которомъ собираютъ рекрутовъ, для размѣщенія ихъ по военнымъ кораблямъ.

леди, этихъ обѣдовъ, оперъ, развлеченій Лондона, въ особенности же вздыхалъ по уваженіи, которое оказывали моему титулу. Но съ другой стороны полицейскіе служители и Боустритъ приходили мнѣ также на мысль, и я вздрагивалъ при этомъ воспоминаніи. Впрочемъ, все это имѣло на меня хорошее вліяніе; я рѣшился, если можно, быть офицеромъ, принялся изучать службу, и добился наконецъ до квартирмейстера, а потомъ и до боцмана; — теперь я знаю свою обязанность, мистеръ Симпль.

ГЛАВА ПЯТПАДЦАТАЯ.

Я откомандированъ въ дѣло и попадаюсь въ плѣнъ къ старой дамѣ, которая не въ состояніи будучи получить мою руку, довольствуется вмѣсто того однимъ пальцемъ. — О'Бриэнъ освобождаетъ меня. —
Береговой вѣтеръ, отъ котораго мы едва не погибали.

Спустя два или три дня послѣ этого разговора съ мистеромъ Чуксомъ, капитанъ направилъ корабль къ берегу, и находясь въ пяти миляхъ отъ него, мы замѣтили въ недалекомъ разстояніи отъ земли два корабля. Мы распустили все паруса и отрѣзали ихъ отъ песчанаго мыса, за которымъ они старались укрыться. Видя невозможность исполнить свое намѣреніе, они устремились къ берегу подъ защиту незначительной баттарей изъ двухъ пушекъ, открывшей по насъ пальбу. Свистъ первыхъ ядеръ, прорѣзавшихъ наши снасти, показался мнѣ до крайности ужаснымъ, но офицеры и матросы встрѣтили ихъ съ улыбкой, а потому, конечно, я тоже постарался улыбнуться, хотя въ дѣйствительности не находилъ тутъ ничего смѣшнаго. Капитанъ скомандовалъ штирбортъ, — вахтѣ собраться на шканцахъ, отвязать боты и приготовить ихъ къ спуску въ море; потомъ мы бросили якорь въ разстояніи одной мили отъ баттарей и завязали съ ней перестрѣлку. Между тѣмъ остальной

экипажъ спустилъ четыре бота, которые тотчасъ же наполнились вооруженными людьми и отправились для взятія баттарей. Мнѣ очень хотѣлось участвовать въ дѣлѣ, и О'Бріэнъ, получившій команду надъ первымъ кутеромъ, взялъ меня съ собою съ условіемъ, чтобъ я спрятался отъ капитана за шканцемъ, и оставался тамъ, пока боты не отчалиятъ отъ корабля. Я сдѣлалъ по его желанію и небылъ никѣмъ замѣченъ. Мы поплыли наискось къ баттарей, не болѣе какъ черезъ десять минутъ боты ударились о песчаный берегъ, и мы бросились вонъ. Французы выпалили изъ пушки, лишь только мы приблизились къ берегу, и потомъ бросились бѣжать, такъ что баттарей досталась намъ безъ боя. Этому послѣднему обстоятельству я былъ очень радъ, потому что, по своему возрасту и силамъ, не считалъ себя способнымъ устоять въ рукопашной борьбѣ съ взрослымъ человѣкомъ. Около самой баттарей находилось нѣсколько рыбацкихъ хижинъ и, между тѣмъ какъ двое изъ нашихъ ботовъ отправились на бортъ непріятельскихъ кораблей, чтобъ посмотреть можно ли ихъ взять съ собою, а другіе заколачивали пушки и ломали лафеты, я отправился съ О'Бріэномъ осматривать хижины. Онѣ были, какъ должно предполагать, только что покинуты своими хозяевами; но мы нашли въ нихъ пропасть рыбы, пойманной, казалось, этимъ утромъ.

— Чортъ! вскричалъ О'Бріэнъ, указывая на огромную самку ската (*), вотъ настоящій духъ моей бабушки; мы возьмемъ ее, хоть за одно сходство съ моей родней. Питеръ, всунь ей палецъ въ жабы и притащи къ боту.

Я попробовалъ всунуть палецъ въ ея жабы, но не успѣвъ въ этомъ и полагая, что она уже издохла, запустилъ его ей въ ротъ. Но я жестоко ошибся, потому что животное было еще живо, тотчасъ же сомкнуло пасть, прокусило мнѣ палецъ до кости и стиснуло зубы такъ сильно, что я никакъ не могъ его выдернуть; да и боль была такъ жестока, что я не рѣшился бы тащить его усиленно. Такимъ образомъ я попалъ въ плѣнъ къ рыбѣ. Къ счастью, я закричалъ такъ громко, что былъ услышанъ О'Бріэномъ, находившимся въ это время при ботахъ и поспѣшившимъ ко мнѣ на помощь, съ двумя огромными тресками въ рукахъ. Сначала онъ не могъ удержаться отъ смѣха, но на-

(*) Названіе одной морской рыбы.

конецъ помощію ножа заставилъ рыбу раскрыть пасть, и я могъ освободить свой жестоко изуродованный палецъ. Снявъ шарфъ, я привязалъ его къ хвосту ската и потащилъ къ боту, который уже отчаливалъ. Прочіе боты нашли, что непріятельскіе корабли нельзя взять съ собой иначе, какъ выбросивши балластъ, а потому, по приказанію капитана, ихъ зажгли, и прежде нежели мы потеряли ихъ изъ виду, они уже сгорѣли до самаго трюма. Мой палецъ болѣлъ дѣля три недѣли, и во все это время офицеры не переставали смѣяться надо мной, говоря, что я едва не попался въ плѣнь къ «старой дѣвѣ».

Мы продолжали крейсировать вдоль береговъ, пока не вошли въ Аркасонскій заливъ, гдѣ овладѣли двумя или тремя кораблями, и сверхъ того загнали множество судовъ на берегъ. Здѣсь съ нами случилось приключеніе, которое показываетъ, какъ полезно для военнаго корабля, чтобы капитанъ его былъ хорошею морякъ и держалъ свой экипажъ въ дисциплинѣ и строгомъ повиновеніи. Я слышалъ, какъ, по минованіи опасности, офицеры единодушно утверждали, что корабль и экипажъ обязаны своимъ спасеніемъ единственно присутствію духа капитана Сэваджа. Мы загнали непріятельскіе конвойные корабли къ самому концу залива, и прижали ихъ къ берегу, куда въ это время съ такою силою приваливали волны, что они непременно должны были разбиться въ дребезги, прежде нежели успѣли бы выйти въ полную воду; сдѣлавъ это мы начали оттягивать назадъ. Вѣтеръ дулъ въ ту пору довольно свѣжій и такъ-какъ намъ приходилось плыть противъ него, то мы принуждены были удвоить рифы на марсъ-стенгахъ. Погода между тѣмъ становилась грозною: черезъ часъ все небо покрылось черной тучей, которая спустилась такъ низко, что почти касалась верхушекъ мачтъ. Страшныя волны, поднявшіяся вдругъ, какъ бы по мановенію волшебника, напирала на насъ, подвергая корабль вліянію грознаго береговаго вѣтра. По наступленіи ночи налетѣлъ сильный шквалъ, и корабль почти исчезъ подъ множествомъ парусовъ, которые онъ принужденъ былъ распустить. Еслибъ мы находились въ открытомъ морѣ, то употребили бы въ дѣло одни лееры, но теперь мы рѣшились, во что бы то ни стало, плыть на всѣхъ парусахъ, въ надеждѣ пролетѣть мимо берега, коснувшись его только слегка. Мы находились между двумя грядями волнъ, когда

море вдругъ поднялось, заливъ водою весь корабль отъ форкастля до нактоуха. И въ слѣдъ за тѣмъ оно опустилось въ глубину съ такой стремительностью, что, казалось, корабль разлетится надвое отъ силы этого удара. Двойные зады были привинчены къ пушкамъ; сверхъ того ихъ прикрѣпили къ домкрату и прибили крюки къ вертлюгамъ, потому что во время качки мы такъ сильно опрокидывались на бокъ, что пушки удерживались совершенно одними задами и домкратомъ. Сорвисъ одна изъ нихъ съ этихъ поддержекъ, она непременно перелетѣла бы чрезъ подвѣтренный бокъ корабля и потонула въ волнахъ. Капитанъ, старшій лейтенантъ и большая часть офицеровъ оставались на палубѣ въ продолженіе всей ночи. Въ самомъ дѣлѣ гулъ вѣтра, проливной дождь, волны, затоплявшія палубы, работа насосовъ, трескъ и грохотъ мачтовыхъ деревьевъ, все это заставляло меня думать, что мы погибли неизбежно, и я около двѣнадцати разъ принимался молиться, потому что спать было невозможно. Я часто желалъ изъ любопытства видѣть дѣйствіе порывистаго вѣтра, но никакъ не представлялъ себѣ сценъ подобнаго рода и не думалъ, чтобъ они могли быть хотя въ половину такъ страшны. Всего опаснѣе было то, что мы находились подъ вліяніемъ береговаго вѣтра, и совѣщанія капитана съ офицерами, нетерпѣніе, съ которымъ они ожидали утра, все это доказывало, что намъ предстоятъ еще другія опасности, кромѣ бури. Наконецъ наступило утро и сторожевой на шкафутѣ закричалъ:

— Земля съ подвѣтренной стороны!

Я видѣлъ какъ шкиперъ съ досадою ударилъ кулакомъ по кончнымъ периламъ и, молча, съ печальнымъ видомъ отошелъ въ сторону.

— Ступайте навверхъ, мистеръ Вильсонъ, сказалъ капитанъ второму лейтенанту; посмотрите, какъ далеко простирается земля и видѣны ли мысъ.

Второй лейтенантъ взглянулъ на снасти и оттуда указалъ пальцемъ на два мыса, находившіеся съ боку корабля.

— Видите вы внутри два возвышенія?

— Вижу, сэръ, возразилъ второй лейтенантъ.

— Ну, такъ и есть, сказалъ капитанъ, обращаясь къ шкиперу. Если мы обогнемъ ихъ, то будемъ имѣть болѣе пространства.

Спустить всё паруса и пусть корабль пробивается сквозь волны! Слышите, квартирмейстер?

— Слышу, сэр.

— Так и не болте. Поверните бухту на одну или на две снапы, если бѣгъ корабля слишкомъ быстръ; но смотрите не упустите всей.

Въ эту минуту сцена была величественна. Когда корабль опускался на дно моря, глазамъ нашимъ представлялась пучина возмущившейся воды, но когда онъ вскидывался на вершины огромныхъ волнъ, мы видѣли подъ собой низкій песчаный берегъ, покрытый пѣной и валунами.

— Корабль хорошо ведетъ себя, замѣтилъ капитанъ, подходя къ нактоуху и смотря на компасъ. Если вѣтеръ не отобьетъ насъ, мы обогнемъ землю.

Онъ едва успѣлъ сдѣлать это замѣчаніе, какъ паруса затряслись и съ громомъ полетѣли въ море.

— Румпель вверхъ! Что тамъ у васъ, квартирмейстер?

— Вѣтеръ опередилъ насъ, сэръ, замѣтилъ хладнокровно квартирмейстеръ.

Капитанъ и шкиперъ оставались у нактоуха, наблюдая за компасомъ, и когда снова были распущены всё паруса, компасная стрѣлка передвинулась на два градуса, и мысъ очутился почти на сторонѣ подвѣтреннаго кятчета.

— Нужно поворотить корабль, мистеръ Фальконъ. Поворачивай корабль, всё! живо, живо!

— Стрѣлка опять на прежнему мѣстѣ, закричалъ шкиперъ, стоявшій у компаса.

— Стой на минуту. Что показываетъ компасъ?

— С. С. В., какъ прежде, сэръ, когда не переходила еще стрѣлка.

— Смирно! скомандовалъ капитанъ. Фальконъ, если она передвинется снова, намъ не будетъ мѣста для поворота корабля; и теперь ужъ его такъ мало, что я принужденъ рисковать. Какой канатъ спущенъ прошедшей ночью — второй якорь?

— Точно такъ, сэръ.

— Сбѣгите внизъ и прикажите привязать и приштопорить его на тридцатой брассѣ. Да сдѣлайте это хорошенько — жизнь наша зависить отъ этого.

Корабль нѣкоторое время продолжалъ держаться хорошо. Мы были уже въ полумили отъ мыса и надѣялись обогнуть его, какъ вдругъ промокшіе, тяжелые паруса снова затрещали въ воздухѣ и корабль опять уклонился отъ своего пути на два компасныхъ градуса. Холодъ пробѣжалъ по жиламъ офицеровъ и матросовъ, потому что носъ корабля поверотился прямо къ береговому буруну.

— Оттягивайте изо всѣхъ силъ, квартирмейстръ, закричалъ капитанъ. Всѣ на корму! Ребята, теперь не время по пустому трагитить слова; я поворочу корабль на якорѣ, потому что поверотить иначе намъ нѣтъ простора. Единственная надежда на спасеніе — хладнокровіе: смотрите мнѣ въ глаза и съ точностью исполняйте мои приказанія. На мѣста, и прыготовляйтесь поворачивать корабль. Мистеръ Вильсонъ, ступайте внизъ съ плотникомъ и его помощниками; вы перерубите канатъ по первому моему знаку. Молчать тамъ на носу и кормѣ! Квартирмейстръ, распустить всѣ лееры. Смотрите, отрубите румпель по командѣ.

Съ минуту капитанъ не давалъ никакихъ приказаній. Корабль приблизился на четверть мили къ береговымъ рифамъ; волны крутились и вздымались вокругъ корабля, увлекая его къ берегу, который представлялъ непрерывную поверхность пѣны, начинавшуюся въ разстояніи полканата отъ насъ. Огромные валы взлетали и падали, издавая звукъ, подобный грому, капитанъ, молча, махнулъ рукою квартирмейстру, стоявшему у бухты, и румпель былъ отсѣченъ. Корабль медленно повернулся къ вѣтру, переваливаясь то къ кормѣ, то къ носу, по мѣрѣ того, какъ собирали паруса.

— Брось якорь! скомандовалъ капитанъ, лишь только корабль перемѣнилъ путь. Мы втянемъ всѣ реи за-разъ, мистеръ Фальконъ.

Никто не разѣвалъ рта; матросы, молча, отошли къ фок-мачтѣ, у которой не было народу. Многіе изъ нихъ знали, чего не зналъ я, что если носъ корабля не перемѣнитъ направленія, въ полминуты мы очутимся на берегу, среди буруна. Когда капитанъ

приказалъ втянуть всё реи за-разъ, мнѣ показалось, вся фигура мистера Фалькова выразила сомнѣніе и несогласіе, и я слышалъ впоследствии, что онъ дѣйствительно не соглашался съ капитаномъ; но онъ былъ слишкомъ опытный офицеръ, чтобъ не понять, что въ этомъ случаѣ всякій споръ и замѣчанія неумѣстны. Впрочемъ, успѣхъ оправдалъ капитана. Корабль поворотился наконецъ къ вѣтру и капитанъ подалъ сигналъ. Реи слетѣли съ такимъ оглушительнымъ трескомъ, что мнѣ показалось, будто падаютъ мачты. Въ ту же минуту вѣтеръ надулъ паруса, и корабль, до сихъ поръ сохранявшій обыкновенную степень погруженія, быстро опустился въ воду до самыхъ пущечныхъ портовъ. Капитанъ съ кончныхъ перилъ, на которыхъ стоялъ, придерживаясь за снасти, командовалъ румпель на средину корабля. Потомъ онъ заботливо взглянулъ на паруса и на канатъ, проходившій черезъ кятчетъ и удерживавшій корабль отъ приближенія къ берегу.

— Отсѣките канатъ, закричалъ онъ наконецъ.

Послышалось нѣсколько ударовъ топора, канатъ вылетѣлъ изъ клюзы, вспыхнувъ отъ сильнаго тренія, и исчезъ въ огромной волнѣ, ударившей въ гальсъ-кляшпъ корабля и затопившей его съ носа до кормы. Но въ это время мы плыли уже на другомъ шкотѣ, корабль воротился на прежній путь и разстояніе между нами и землей значительно увеличилось.

— Ребята, сказалъ капитанъ корабельному экипажу, вы хорошо вели себя; благодарю васъ. Но скажу откровенно: намъ предстоятъ еще большія трудности: нужно обогнуть мысъ на этомъ шкотѣ. Мистеръ Фальконъ, свяжите якорныя лапы и разставьте карауль. Что показываетъ компасъ?

— Ю. Ю. В., сэръ.

— Хорошо, пусть корабль пробивается сквозь волны.

И, сдѣлавъ знакъ шкиперу слѣдовать за собой, капитанъ отправился въ каюту. Такъ-какъ опасность настоящей минуты миновалась, то я ушелъ въ отдѣленіе посмотреть нельзя ли чѣмъ позавтракать. Здѣсь нашелъ я О'Бріэна и двухъ или трехъ другихъ мячмановъ.

— Клянусь Всевышнимъ! Это было дѣло, какого я не видывалъ еще до сихъ поръ, вскричалъ О'Бріэнъ. Малѣйшее замедленіе

или ошибка въ маневрѣ — и въ ту минуту морскія рыбы уже возились бы надъ нашими изуродованными трупами. Питеръ, ты не любишь морскихъ рыбъ, не правда ли? Мы должны благодарить Небо и капитана, увѣрю васъ, ребята. Гдѣ карта, Робинсонъ? Подай мнѣ линейку и циркуль, Питеръ — вонъ тамъ въ углу ящичка. Вотъ гдѣ мы теперь; дьявольски близко къ этому адскому мысу. Кто знаетъ, что показываетъ компасъ?

— Я знаю, О'Бріанъ; я слышалъ, квартирмейстеръ сказалъ капитану, что стрѣлка стоитъ на Ю. Ю. В.

— Посмотримъ, продолжалъ О'Бріанъ. Разность $2\frac{1}{4}$ путемъ противъ вѣтра; но это, боюсь, ужъ слишкомъ большая доза. Впрочемъ положимъ, что корабль пройдетъ $2\frac{1}{2}$ компаснаго разстоянія; во всякомъ случаѣ вѣдь Діомедъ посоветится пройти болѣе. Сюда циркуль, теперь мы увидимъ.

И О'Бріанъ наложилъ линейку между циркулемъ и точкою, означавшей на картѣ положеніе корабля.

— Чортъ возьми! Здѣсь ровно столько пространства, сколько нужно, чтобъ обогнуть мысъ на теперешнемъ шкотѣ; на это вѣдь и намекалъ капитанъ, говоря, что намъ предстоитъ еще много трудностей. Я готовъ поклясться на библіи, что мы минуемъ все, если устоитъ вѣтеръ.

— Посмотрите, какъ велико разстояніе? спросилъ Робинсонъ.

О'Бріанъ смѣрился, и разстояніе оказалось въ тринадцать миль.

— Только тринадцать миль! Мы хорошо сдѣлаемъ, если обогнемъ мысъ; заливъ глубокъ по ту сторону. Для разнообразія этотъ мысъ представляетъ порядочныя скалы, вы видите. Но хорошо, ребята! чтобы тамъ ни было, а у меня есть маленькое утѣшенье для васъ. Вы не долго останетесь въ недоумѣніи, потому что въ часъ по полудни мы поздравимъ другъ друга съ счастливымъ избавленіемъ, или ужъ не въ состояніи будемъ и молить объ немъ. Ну, долой карту: я не люблю имѣть передъ глазами грустной перспективы. Провіантмейстеръ, подайте намъ чего-нибудь въ утѣшеніе.

Хлѣбъ, сыръ и остатки вчерашней вареной свинины были разложены на столѣ, съ бутылкой рому, добытой во время «свя-

звания якорныхъ лапъ, но мы были слишкомъ спокойны для того, чтобъ много вѣсть, и одинъ за другимъ отправились на палубу посмотрѣть какова погода и благопріятнѣ ли становится вѣтеръ.

На палубѣ старшіе офицеры разговаривали съ капитаномъ, выразившимъ тѣ же самыя опасенія, какъ и О'Бріенъ въ мичманскомъ отдѣленіи. Матросы, знавшіе, что ихъ ожидаетъ, потому что вѣсти этого рода быстро распространяются на корабль, составили съ своей стороны также кружки; лица ихъ были печальны, но въ тоже время довѣрчивы. Они знали, что могутъ положиться на своего капитана, на сколько можно полагаться на искусство и мужество человѣческое; моряки же не привыкли отчаяваться, даже въ послѣднюю минуту. Что касается до меня, я чувствовалъ удивленіе къ капитану послѣ всего, что видѣлъ утромъ, такъ, что хотя мнѣ и приходило на мысль, что по всѣмъ вѣроятностямъ я погибну черезъ нѣсколько часовъ, но я не могъ не сознавать во сколько важнѣе для отечества утрата такого человѣка, какъ капитанъ. Я не говорю, чтобъ это служило мнѣ утѣшеніемъ; наоборотъ, это заставляло меня еще съ болѣею грустію ожидать опасностей, угрожавшихъ намъ.

Около полудня мы были уже въ виду скалистаго мыса, находившагося со стороны подвѣтреннаго кятчета, и если его низкій, песчаный берегъ казался намъ страшнымъ издали, то во сколько страшнѣе показался онъ намъ въ такомъ близкомъ разстояніи. Черныя массы скалъ были покрыты пѣною, которая ежеминутно вскидывалась выше верхушекъ нашихъ маленькихъ мачтъ. Нѣсколько минутъ капитанъ смотрѣлъ на нихъ молча, какъ бы соображая что-то.

— Мистеръ Фальконъ, сказалъ онъ наконецъ, нужно распустить гротъ.

— Корабль не въ состояніи будетъ выдержать его, сэръ.

— Онъ долженъ выдержать, отвѣчалъ капитанъ. Пошлите побольше народу на корму къ главному шкоту; да приставьте людей понадежнѣе къ гитовамъ.

Распустили гротъ; ужасно было дѣйствіе, произведенное имъ на корабль; онъ опустился до того, что даже виндзейли погрузились въ море и при всякомъ новомъ привалѣ волнъ подвѣтренная

сторона кварталъ—дека и шкафуты затоплялись водой. Въ эту минуту онъ напоминалъ собой горячаго, неукротимаго коня: онъ не плылъ, какъ прежде, а летѣлъ сквозь привалы, разсѣкая волны, которыя непрерывнымъ потокомъ заливали форкастль и нижнія палубы. Четверо матросовъ было приставлено къ бухтѣ, экипажъ принужденъ былъ уцѣпиться за снасти, чтобъ не быть унесеннымъ водою, канаты разбросались въ безпорядкѣ на подвѣтренномъ боку корабля; ядра выкатились изъ кранцевъ, и всѣ глаза устремились наверхъ, ожидая каждую минуту паденія мачтъ въ море. Тяжелая волна ударила объ бокъ корабля и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ не могъ оправиться отъ этого потрясенія: дрогнувъ, закачался и остановился какъ бы въ ужасѣ. Старшій лейтенантъ взглянулъ на капитана съ такимъ видомъ, какъ будто-бы хотѣлъ сказать:

— Попытка не удастся.

— Это наша послѣдняя надежда, отвѣчалъ капитанъ на его нѣмое замѣчаніе.

Ясно было, что корабль быстрѣ пробивался сквозь волны и держался лучшаго вѣтра; но въ ту самую минуту, какъ мы подходили къ мысу, буря усилилась.

— Если что сломается теперь, мы погибли, сэръ, замѣтилъ старшій лейтенантъ.

— Я знаю, возразилъ капитанъ спокойнымъ голосомъ; но какъ я уже сказалъ, и вы сами должны видѣть теперь, это послѣдняя наша надежда. Если въ расположеніи и укрѣпленіи снастей допущена какъ-нибудь безпечность или нерадѣніе, то все это окажется теперь; опасность эта, если мы избѣгнемъ ея, будетъ напоминать намъ, какой отвѣтственности подвергаетъ насъ нерадѣніе къ должности. Безпечное и неблагоразумное поведеніе офицера въ гавани бываетъ причиною гибели цѣлаго экипажа. Я отдаю вамъ справедливость, Фальконъ, выражая убѣжденіе мое въ томъ, что мачты этого корабля укрѣплены такъ, какъ только можетъ укрѣпить ихъ человекъ опытный и внимательный.

Старшій лейтенантъ поблагодарилъ капитана за такое доброе мнѣніе и выразилъ надежду, что это не послѣдшій комплиментъ, который ему придется услышать.

— Я надѣюсь также; но черезъ нѣсколько минутъ дѣло окажется.

Корабль находился въ это время въ разстояніи двухъ канатовъ отъ скалистаго мыса. Я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ матросовъ ло-мали руки, но большая часть, молча, снимали куртки и башмаки, чтобъ облегчить себѣ послѣднее средство къ спасенію въ случаѣ, если корабль разобьется.

— Онъ ударится, но все-таки пройдетъ, Фальконъ, замѣтилъ капитанъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ распустили гротъ, я цѣлыя полчаса находился близъ капитана, прицѣпившись къ сосѣднему анкерштоку, и такимъ образомъ могъ слышать разговоръ.

— Пойдемте на корму, мы подержимъ съ вами румпель. Намъ нужно побольше рукъ въ этомъ мѣстѣ и, къ счастью, теперь только въ этомъ мѣстѣ.

Капитанъ и старшій лейтенантъ отправились на корму и ухватились за переднія спицы бухты, между тѣмъ, какъ О'Бріэнъ по знаку капитана, взялся сзади нихъ за третью, а старшій квартирмейстеръ за четвертую. Ревъ волнъ, направившихъ на скалы, и завываніе вѣтра были страшны, но зрѣлище ужасомъ своимъ далеко превосходило шумъ. На нѣсколько минутъ я закрылъ глаза, но страхъ заставилъ меня открыть ихъ снова. Сколько я могъ судить, мы были менѣе, чѣмъ въ двадцати футахъ отъ скалъ, когда корабль проходилъ мимо ихъ. Мы находились посреди пѣны, кипѣвшей вокругъ корабля; и когда онъ подошелъ ближе къ берегу и погрузился въ волну, я подумалъ, что райна ударится о скалу. Въ это время порывъ вѣтра ударилъ въ корабль и погнувъ его на книсъ приостановилъ его стремленіе. Столпившіяся волны оглушали насъ своимъ ревомъ. Черезъ нѣсколько времени корабль потянулся, страшная волна поднялась надъ нимъ, ударила о скалу и пѣна, отлетѣвъ назадъ, затопила палубы. Огромная скала находилась въ десяти футахъ отъ нашей кормы, когда другой порывъ вѣтра перекачнулъ насъ на книсъ; марсъ-стенга и гротъ лошнули, и сорванные вѣтромъ, упали на связку канатовъ; корабль выпрямился, потрясая носомъ и кормою.

Я оглянулся и увидѣлъ скалы на подвѣтренной сторонѣ шканцевъ: мы были спасены. Мнѣ показалось, что корабль снова выпрямившійся и спокойно колыхавшійся надъ волнами, представлялъ не дурное подобіе облегченія, которое мы сами почувствовали въ эту минуту: подобно ему, мы затрепетали, обрадованные внезапной реакціей, и ощущали внутри себя отвѣлъ напряженнаго опасенія, стѣснявшаго намъ грудь.

Капитанъ оставилъ румпель и отошелъ взглянуть на мысъ, находившійся на сторонѣ открытыхъ шканцевъ. Потомъ онъ приказалъ мистеру Фалькону привязать новые паруса и отправился въ каюту. Я убѣжденъ, что онъ пошелъ благодарить Бога за наше спасеніе; съ своей стороны я усердно исполнилъ ту же обязанность и не только теперь, но и вечеромъ, ложась въ койку. Теперь мы были спасены, говоря только сравнительно; но спустя нѣсколько часовъ мы увидѣли себя въ полной безопасности. И странное дѣло, лишь только мы обогнули мысъ, буря утихла и къ утру мы уже сбавили одинъ ряфъ съ марсъ-стенги. Мнѣ приходилось быть въ утреннемъ караулѣ, и замѣтя мистера Чукса на форкастлѣ, я подошелъ къ нему съ вопросомъ, какого онъ мнѣнія о вчерашнемъ происшествіи.

— Какого мнѣнія, сэръ? возразилъ онъ; я всегда дурнаго мнѣнія о стихіяхъ, когда онѣ заглушаютъ мой свистокъ: по мнѣ, это глупая шутка. Терпѣть не могу, чтобъ корабельному экипажу предоставлялась полная свобода дѣйствій, да и что можетъ онъ сдѣлать, когда не слышитъ свистка боцмана? Впрочемъ, мы должны еще благодарить Бога и молить Его, чтобъ Онъ сдѣлалъ изъ насъ лучшихъ христіанъ, чѣмъ каковы мы! Что же касается до этого плотника, онъ сумасшедшій: въ ту самую минуту, какъ мы огибали мысъ, онъ шепнулъ мнѣ, что за 27,600 лѣтъ было совершенно тоже самое. Я думаю на смертномъ одрѣ (а онъ недалеко былъ вчера отъ очень жесткаго) онъ станетъ рассказывать намъ, какъ точно такимъ же образомъ онъ умиралъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. А этотъ пушкарь такой же дуракъ. Повѣрите ли, мистеръ Симпль, онъ кричалъ, бѣгая по палубѣ: «о мои бѣдныя пушки! что будетъ съ ними, если они сорвутся?» Онъ, казалось, считалъ неважнымъ дѣломъ гибель корабля и экипажа, только бы его пушки въ безопасности пристали къ берегу. «Мистеръ Диспертъ, ска-

заль я наконецъ, позвольте вамъ замѣтить самымъ деликатнымъ образомъ въ свѣтѣ, вы просто старый дуракъ.» Вы понимаете, мистеръ Смиль, обязанность офицера заботиться объ общемъ и обращать вниманіе на частность отъ уваженія къ безопасности дѣлаго. Я смотрю за якорями и канатами, какъ за снастями, и не отдаю никакого преимущества одному передъ другимъ, потому что безопасность корабля зависитъ отъ хорошаго устройства дѣлаго. Это все равно, что еслибъ я сталъ плакать, когда мы вчера утромъ принуждены были пожертвовать якоремъ и канатомъ, чтобъ помѣшать кораблю наткнуться на берегъ.

— Правда ваша, мистеръ Чуксъ, отвѣчалъ я.

— Личныя наклонности, продолжалъ онъ, должны всегда приноситься въ жертву общественному благу. Какъ вамъ извѣстно, вода затопила нижнія палубы и подмыла наши каюты и сундуки; но я тогда и не думалъ о моихъ рубашкахъ, а потомъ нахожу ихъ плавающими между передними снастями, безъ малѣйшей частички крахмалу на воротничкахъ и манишкахъ. Теперь мнѣ нельзя будетъ показаться въ приличномъ видѣ въ продолженіе дѣлой крейсировки.

Въ это самое время проходившій мимо насъ бочаръ слегка задѣлъ его локтемъ.

— Виноватъ, сэръ, сказалъ онъ, корабль такъ сильно качается.

— Корабль качается! возразилъ бодманъ, приведенный въ дурное расположеніе духа воспоминаніемъ о своемъ испорченномъ гардеробѣ. Спрашиваю васъ, мистеръ бочаръ, ужели небо надѣлало васъ двумя ногами съ суставами у колѣнъ только для того, чтобъ вы могли противоудѣйствовать одному горизонтальному паденію корпуса? Или вы думаете онъ созданы только, чтобъ вамъ возиться вокругъ бочки? Послушайте, сэръ, вы не принимаете ли меня за столбъ, что вздумали чесать объ меня свою свиную шкуру? Позвольте мнѣ замѣтить, мистеръ бочаръ, и только внушить вамъ, что когда вы проходите мимо офицера, ваша обязанность держаться въ почтительномъ разстояніи, а не пачкать его платья вашей грязной курткой. Понимаете ли вы меня, сэръ? или вотъ эта вещь должна напомнить вамъ, какъ вести себя впредь? Тростникъ поднялся и

съ градомъ ударовъ опустился на плечи бочара, такъ что тотъ принужденъ былъ обратиться въ бѣгство. Вотъ тебѣ, подлый до-скострогатель, буравносецъ, квинтэссенція бочечной дыры! Извините, мистеръ Симпль, что я прервалъ нашъ разговоръ, но мы должны покоряться требованіямъ нашей обязанности.

— Правда ваша, мистеръ Чуксъ. Но вотъ ужь семь часовъ и мнѣ нужно сходить за шкиперомъ; прощайте!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Вѣсти изъ дому. — Утомительное гулянье въ Гибралтарѣ. — Еще кой какія подробности изъ жизни мистера Чукса. — Стычка съ неприятелемъ. — Военный судъ и неизгладимое впечатлѣніе.

Спустя нѣсколько дней, насъ догналъ кутерь, шедшій изъ Плимута, и передалъ намъ приказаніе плыть въ Гибралтаръ, гдѣ мы должны были узнать о своемъ назначеніи. Всѣ мы были очень рады этому, потому что уже наскучили крейсировкой въ Бискайскомъ заливѣ и, зная, что придется стоять въ Средиземномъ морѣ, надѣялись имѣть, вмѣсто бурь и дурной погоды, тихій вѣтерокъ и ясное небо. Между прочимъ кутерь привезъ намъ письма и газеты. Я никогда не былъ такъ счастливъ, какъ въ ту минуту, когда мнѣ вручили письмо. И въ самомъ дѣлѣ, необходимо быть далеко отъ родныхъ и друзей, чтобъ имѣть понятіе объ удовольствіи получить письмо. Чтобъ ничто не помѣшало мнѣ насладиться этимъ удовольствіемъ, я удалился внизъ, въ самое уединенное мѣсто, гдѣ хранятся румшелевые снаряды. Еще не распечатывая письма, я плакалъ съ радости, но мнѣ пришлось еще больше плакать съ печали, когда я прочелъ въ немъ, что старшій братъ мой, Томъ, умеръ отъ тифа. Бѣдный Томъ! Вспоминая всѣ штуки, какія онъ сыгрывалъ со мной, вспоминая его обыкновеніе занимать у меня деньги и никогда не платить, привычку бить меня и заставлять повиноваться себѣ, какъ старшему брату—я проливалъ по немъ потоки слезъ: потому

мнѣ пришло на мысль, какъ несчастна теперь матушка, и это снова вызвало слезы на мои глаза.

— Что съ тобой, ты, молокососъ? спросилъ О'Бриэнъ, увидѣвъ меня. Кто еще поколотилъ тебя?

— Никто, отвѣчалъ я; но мой старшій братъ Томъ умеръ, и теперь у меня нѣтъ другаго брата.

— Хорошо, Питеръ. Я увѣренъ, братъ твой былъ добрымъ тебѣ братомъ; но я открою тебѣ секретъ. Когда ты доживешь до бороды, ты увидишь, что не стѣитъ дѣлать столько шуму изъ-за старшаго брата. Но ты все еще добрый, невинный ребенокъ и я не хочу тебя бить за это. Пойдемъ, Питеръ, утри глаза и не думай о братѣ; послѣ ужина мы выпьемъ за его здоровье, пожелаемъ ему многія лѣта и забудемъ объ немъ.

Нѣсколько дней я былъ печаленъ; но плаваніе вдоль португальскихъ и испанскихъ береговъ было такъ восхитительно, погода была такая теплая, море такое гладкое, что, боюсь, я забылъ о смерти брата раньше, чѣмъ какъ бы слѣдовало. Впрочемъ, какъ могло это быть иначе? Мнѣ было весело, новость зрѣлища не допускала мрачныхъ думъ; къ тому же другіе были такъ довольны и счастливы, что мнѣ невозможно было не послѣдовать ихъ примѣру. Спустя двѣ недѣли, мы бросили якорь въ гавани Гибралтара, и корабль былъ разснащенъ для починки. Намъ было такъ много дѣла, что я не осмѣливался проситься на берегъ. Въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Фальконъ отказалъ уже въ этомъ многимъ изъ моихъ товарищей, и я счелъ за лучшее вовсе не стараться объ отпускѣ, хотя и сильно желалъ видѣть мѣсто, пользовавшееся во мнѣнн всѣхъ такою славою. Однажды вечеромъ, между тѣмъ какъ матросы ужинали, я стоялъ на скафутѣ и смотрѣлъ вдаль, по направленію къ берегу.

— О чемъ вы думаете, мистеръ Симпсъ? спросилъ подошедшій ко мнѣ мистеръ Фальконъ.

Я отвѣчалъ, приложивъ палецъ къ фуражкѣ, что удивляюсь, какимъ образомъ прорѣзали галлерей въ такой твердой скалѣ и прибавилъ, что это, должно быть, очень любопытное зданіе.

— Это значитъ, вамъ очень любопытно видѣть его. Хорошо, такъ какъ вы были исправны въ исполненіи вашей обязанности и не просились на берегъ, то завтра утромъ я отпущу васъ до пер-

ваго пушечнаго выстрѣла. Офицеры были приглашены обѣдать въ казармы, и всѣ, кто только могъ отпроситься, намѣревались отпра- виться туда, а потому я очень радъ былъ этому позволенію, такъ- какъ мнѣ тоже можно было присоединиться къ ихъ обществу. Самъ старшій лейтенантъ отказался, подѣ предлогомъ, что ему много дѣла на борту; но бѣольшая часть офицеровъ пороховой ка- меры и нѣкоторые изъ мичмановъ получили отпущекъ.

Мы гуляли по городу и укрѣпленіямъ, пока не пришло время обѣдать, и потомъ отправились въ казармы. Обѣдъ былъ недуренъ, и мы провели время очень весело; но когда подали десертъ, я пе- замѣтно ускользнулъ изъ комнаты съ однимъ молодымъ прапорщи- комъ, который повелъ меня по галлереймъ, объясняя все, чтѣ я желалъ знать.

Корабль пробылъ въ гибралтарской гавани около трехъ недѣль, и въ это время мы успѣли починить снасти на носу и кормѣ, зашто- патъ койки и вычистить трюмъ, даже разрисовать наружную сторону корабля. Онъ никогда не былъ такъ красивъ, какъ въ ту минуту, когда въ исполненіе приказанія, полученнаго нами, мы вышли изъ порта, чтобъ соединиться съ адмираломъ. Мы вышли изъ пролива при попутномъ вѣтрѣ, и на закатѣ солнца находилсъ уже въ шест- надцати миляхъ отъ гибралтарскаго утеса, ясно видѣвшагося намъ въ видѣ голубаго облака и сохранявшаго совершенную правильность очертанія. Я упоминаю объ этомъ потому, что читатель, можетъ быть, не повѣритъ, чтобъ можно было видѣть землю на такомъ разстояніи. Мы держали путь къ капъ-де-Гатту, и на слѣдующій день были уже у самаго берега. Мнѣ очень нравились испанскіе берега. Гора возвышается надъ горою, холмъ надъ холмомъ, и все это почти до самыхъ вершинъ покрыто виноградниками. Мы могли бы пристать къ берегу въ какомъ угодно мѣстѣ, потому что были тогда въ мирѣ съ Испанцами, но капитанъ торопился соединиться съ адмираломъ. Вѣтеръ дулъ постоянно тихій, и въ два-три дня мы находились уже въ виду Валенці, недавно усми- ренной. Я стоялъ на шкафутѣ, обозрѣвая съ помощію телескопа дома и сады, окружавшіе городъ, когда ко мнѣ подошелъ мистеръ Чуксъ.

— Мистеръ Симплъ, одолжите мнѣ на минуту трубку; я желаю

посмотрѣть существуетъ ли еще строеніе, которое, по нѣкоторымъ причинамъ, осталось у меня въ памяти.

— Развѣ вы были на этомъ берегу?

— Да, мистеръ Симпль, я чуть было не разбился объ него, но успѣлъ, однакожъ, рѣтироваться безъ большого поврежденія.

— Вы хотите сказать, что претерпѣли здѣсь крушеніе?

— То-есть не корабль мой, мистеръ Симпль, а спокойствіе моего духа. Но это случилось уже много лѣтъ тому назадъ, когда я служилъ еще на корветѣ старшимъ помощникомъ боцмана. (Въ продолженіе этого разговора онъ не переставалъ смотрѣть въ телескопъ). Да, вотъ оно, продолжалъ онъ — нашелъ наконецъ. Посмотрите, мистеръ Симпль, видите вы маленькую церковь со шпцомъ изъ свѣтлой черепицы, который блеститъ будто иглока?

— Вижу.

— Ну, теперь видите, прямо надъ церковью, немножко вправо, длинный бѣлый домъ съ четырьмя узкими окнами — вотъ у той лимонной рощи?

— Вижу, вижу! но что жъ такое этотъ домъ, мистеръ Чуксъ?

— Съ нимъ соединено одно происшествіе, отвѣчалъ онъ, испускающая вадохъ, который по крайней мѣрѣ на шесть вершковъ поднималъ и потомъ опустилъ манишку его рубашки.

— Что это за тайна, мистеръ Чуксъ?

— Я вамъ открою ее, мистеръ Симпль. Въ одну изъ обитательницъ этого дома я былъ влюбленъ въ первый и послѣдній разъ въ моей жизни.

— Въ самомъ дѣлѣ! Желательно было бы мнѣ выслушать эту исторію.

— Хорошо, мистеръ Симпль; но я попрошу васъ никому не рассказывать ея, потому что наши молодые джентльмены любятъ насмѣхаться, а насмѣшки ихъ могутъ повредить моему авторитету надъ матросами. Этому прошло уже около шестнадцати лѣтъ; — мы находились тогда, какъ и теперь, въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Испанцами. Мнѣ было немножко болѣе тридцати лѣтъ, и я только что получилъ патентъ на боцмана. Въ то время я считался уже очень красивымъ молодымъ мужчиной, хотя впоследствии похорошѣлъ еще больше.

— Это правда, мистеръ Чуксъ; вы замѣчательно красивый мужчина.

— Благодарю, мистеръ Симпль; но дѣйствительно человека ничто съ лѣтами такъ не портитъ, какъ ромъ. Я одѣвался изящно, корчилъ боцмана всякій разъ, какъ мнѣ случалось быть на берегу, и, можетъ быть, въ то время не совсѣмъ еще потерялъ полировку, приобретенную въ хорошемъ обществѣ. Однажды вечеромъ, гуляя на плаццѣ, я увидѣлъ передъ собой женщину, показавшуюся мнѣ наилучше выстроеннымъ корабликомъ изъ всѣхъ, какіе я когда-либо видалъ. Я поплылъ по ея слѣдамъ и началъ ее разсматривать: никогда не встрѣчалъ я такой чистой поступи, такихъ красивыхъ снастей, такого убранства подъ люками. Она плыла такъ мило и каждую минуту слегка прискакивала, какъ корабль съ марсъ-стенгами на эзельгофтѣ, который не въ состояніи сохранить ровнаго плаванія. Черезъ нѣсколько времени она повернула за уголъ и устремилась прямо, какъ стрѣла, нисколько не уклоняясь въ подвѣтренную сторону. Я на всѣхъ парусахъ атаковалъ ее съ боку и, подошедши къ шканцамъ, началъ ее разсматривать. Никогда носъ корабля не вздымалъ такихъ округленныхъ валуновъ; все на ней было такъ убрано, ни одинъ канатъ не торчалъ черезъ бортъ.

Чортъ возьми, думалъ я про себя, она совершенство. Я опередилъ ее, дрейфуя на якорѣ, заглянулъ подъ вуаль, и увидѣлъ два черныхъ глаза, блестящихъ, какъ ожерелье, и большихъ, какъ слявы. Этого было довольно съ меня и, не желая пугать ее, я отступилъ назадъ. Вскорѣ потомъ она измѣнила направленіе и повернула къ тому бѣлому дому. Но въ ту минуту, какъ она подходила къ нему и между тѣмъ какъ я все еще лавировалъ у ея шканцевъ, появилась процессія духовная. Мой маленькій фрегатъ изъ уваженія опустилъ свои марсъ-стенги, какъ дѣлали, и до сихъ поръ дѣлаютъ всѣ чужестранные народы, когда встрѣчаютъ флагъ старой Англіи...

— Что это значитъ? спросилъ я.

— Это значитъ, что она разостлала бѣлый платокъ, который во всю дорогу развѣвался у ней въ рукѣ, и стала на колѣни. Чтобъ сохранить свою позицію, я принужденъ былъ сдѣлать тоже самое; сверхъ того я надѣялся сдѣлать ей этимъ удовольствіе. Лишь только она встала, я также поднялся на ноги и тутъ только замѣтилъ, что въ поспѣшности выбралъ не слишкомъ чи-

★

стое мѣсто; бѣлые панталоны мои были въ отвратительномъ состояніи.

Молодая леди обернулась, увидѣла мое несчастье и со смѣхомъ порхнула въ бѣлый домъ. Оставленный въ дуракахъ, я стоялъ, не зная, что дѣлать, и попеременно смотрѣлъ то на дверь дома, то на свои панталоны. Наконецъ мнѣ пришло на мысль, что это можетъ послужить мнѣ средствомъ познакомиться съ ней. Я подошелъ къ двери и постучалъ. Ко мнѣ вышелъ ея отецъ, старый джентльменъ въ широкомъ плащѣ; я показавъ ему на свои панталоны и попросилъ по-испански подать воды, чтобъ замыть ихъ. Между тѣмъ дочь тоже сошла внизъ и рассказала отцу, какъ все это случилось. Старый джентльменъ не мало удивился, видя въ англійскомъ офицерѣ такого добраго христіанина, и, казалось, это очень понравилось ему. Онъ очень учтиво попросилъ меня войти въ домъ и послалъ старую служанку за водой. Замѣтя, что онъ куритъ папиросу, и имѣя къ счастью, въ карманѣ около дюжины настоящихъ гаванскихъ сигаръ (я не могу курить ничего другаго, мистеръ Сямплъ, держась того мнѣнія, что это неприлично джентльмену), я попросилъ его принять ихъ въ подарокъ.

При видѣ ихъ глаза его заблестали, но онъ отказывался взять больше одной.

Однакожь я настаивалъ, чтобъ онъ принялъ всю пачку, увѣряя, что у меня много ихъ на бортѣ. Онъ принялъ наконецъ, оставивъ мнѣ одну, которую я тутъ же закурилъ. Меня усадили, и старая служанка подала намъ кислватаго вина, которое я называлъ очень хорошимъ, хотя отъ него со мной чуть-чуть не съблалось дурно. Хозяинъ освѣдомился добрый ли я христіанинъ; я отвѣчалъ утвердительно, хотя и понималъ, что подъ словомъ христіанинъ онъ разумѣетъ католика, потому что насъ, мистеръ Сямплъ, они называютъ еретиками.

Дочь вошла къ намъ безъ вуаля, и я нашелъ ее красавицей. Однакожь, послѣ перваго привѣтствія, я принужденъ былъ не смотрѣть на нее и не оказывать ей ни малѣйшаго вниманія, боясь возбудить подозрѣніе въ старомъ джентльменѣ. Онъ разспрашивалъ меня кто я таковъ, какой пмѣю чинъ, и не капитанъ ли? Я отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Такъ вы tenente? У нихъ это значить лейтенантъ?

Я опять отвѣчалъ отрицательно, но съ такимъ видомъ презрѣнія, какъ будто былъ нѣчто лучше.

— Кто же вы такой?

Я не зналъ какъ по-испански боцманъ и, правду сказать, стыдился своей должности. Мнѣ было извѣстно, что въ Испаніи есть чиновникъ, называющійся *corregidor*, что по-англійски значитъ *corregidor*, или человекъ, который наказываетъ. Мнѣ показалась эта должность соответствующею моею, и я отвѣчалъ, что я *corregidor*. Надобно вамъ знать, мистеръ Симпль, что *corregidor* въ Испаніи лице очень значительное, пользующееся большимъ уваженіемъ, а потому они подумали, что я тоже самое, и были этому очень рады. Потомъ молодая леди обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, изъ хорошей ли я фамиліи и джентльменъ ли.

— Я думаю, — былъ мой отвѣтъ.

Черезъ полчаса, докуривъ сигару, я всталъ, поблагодарилъ стараго джентльмена за его вѣжливость, попросилъ позволенія принести ему въ подарокъ еще нѣсколько сигаръ и распрощался.

— Гдѣ мистеръ Чуксъ? позовите боцмана сюда! закричалъ старшій лейтенантъ.

— Здѣсь я! отвѣчалъ мистеръ Чуксъ, и поспѣшилъ на корму, оставивъ меня и перервавъ свой разсказъ.

— Начальникъ марсовыхъ доноситъ мнѣ, что поперечный бакштагъ совсѣмъ истерся. Подите, посмотрите! сказалъ старшій лейтенантъ.

— Слушаю, сэръ! отвѣчалъ боцманъ и тотчасъ же полъзъ на снасти.

— А вы, мистеръ Симпль, прикажите вымыть квартердекъ.

— Слушаю, сэръ! сказалъ я. Такимъ образомъ нашъ разговоръ былъ прерванъ. Въ эту ночь погода переменилась, и въ продолженіе слѣдующихъ шести или семи дней постояннаго дождя и противныхъ вѣтровъ я не имѣлъ времени дослушать исторію мистера Чукаса. Мы соединились съ тулонскимъ флотомъ, и капитанъ отправился на бортъ адмиральскаго корабля засвидѣтельствовать свое почтеніе адмиралу. По возвращеніи его, мы узнали отъ старшаго лейтенанта, что намъ придется оставаться при флотѣ до прихода другаго фрегата, имѣющаго явиться черезъ двѣ недѣли, и тогда адмиралъ обѣщалъ назначить насъ снова въ крейсировку.

Дня два спустя послѣ того, какъ мы соединились съ флотомъ, мы были прикомандированы къ береговой эскадрѣ, состоявшей изъ двухъ линейныхъ кораблей и четырехъ фрегатовъ. Французскій флотъ имѣлъ обыкновеніе выходить изъ гавани и маневрировать подъ защитою своихъ батарей; если же иногда и отходилъ немного далѣе отъ берега, то въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда могъ рассчитывать на попутный вѣтеръ при возвращеніи въ портъ. Мы держались берега около недѣли, ежедневно пересчитывая въ гавани французскій флотъ, чтобы видѣть всѣ ли корабли на лицо, и донося о томъ адмиралу съ помощію сигналовъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, французскіе корабли распустили марсъ-стенги, мѣтѣе нежели въ часъ снялись съ якоря и выступили изъ гавани. Мы всегда были готовы къ сраженію и часто во время рекогносцировки завязывали перестрѣлку съ непріателемъ. Береговая эскадра не могла, конечно, бороться одна съ цѣлымъ французскимъ флотомъ, и потому командовавшій нами капитанъ линейнаго корабля, въ надеждѣ завлечь его далѣе отъ берега и какъ бы избѣгая битвы, отступилъ по направленію къ нашему флоту, находившемуся въ двѣнадцати миляхъ отъ насъ въ открытомъ морѣ. Но завлечь непріателя было не легко, такъ-какъ онъ зналъ, что малѣйшая перемиѣна вѣтра можетъ принудить его вступить въ сраженіе, котораго онъ избѣгалъ и котораго мы такъ сильно добивались. Я говорю мы, по отношенію къ Англичанамъ, а не къ самому себѣ, потому что, сказать правду, я не очень-то желалъ этого. Не то чтобы я трусилъ, но я чувствовалъ какое-то непріятное ощущеніе при свистѣ пушечныхъ ядеръ, къ которому не успѣлъ еще привыкнуть.

Какъ бы то ни было, четыре французскихъ фрегата направились въ нашу сторону и въ четырехъ миляхъ отъ берега соединились съ другими тремя или четырьмя линейными кораблями, высланными къ нимъ для подкрѣпленія. Нашъ капитанъ и капитанъ другаго фрегата выкинули сигналы для испрошенія позволенія напасть на непріателя, и тотчасъ же получили его. Мы немедленно распустили всѣ паруса, собрали экипажъ на шкафутахъ, приготовили пушки, открыли пороховые ящики.

Французскіе линейные корабли, замѣтивъ, что только двое изъ нашихъ фрегатовъ были высланы противъ ихъ четырехъ, устремились на насъ, соблюдая такое же разстояніе между собою

и своими фрегатами, какое было между нами и нашими линейными кораблями и фрегатами. Между тѣмъ нашъ главный флотъ на всѣхъ парусахъ приближался къ берегу; съ своей стороны французскій флотъ также постепенно подходилъ ближе къ своимъ кораблямъ, откомандированнымъ противъ насъ.

Вся эта сцена напоминала турниры, о которыхъ я читалъ; это былъ настоящій вызовъ въ ристалище, съ тою только разницею, что непріятелей было двое противъ одного, — чистое признаніе съ ихъ стороны въ нашемъ превосходствѣ. Черезъ часъ мы были уже такъ близко другъ къ другу, что французскіе фрегаты распустили всѣ паруса и начали огонь. Мы удерживались отъ пальбы, пока не подошли къ нимъ на четверть мили; тогда выстрѣлили въ ближайшій непріятельскій фрегатъ залпомъ со всего лага и обмѣнялись съ нимъ выстрѣлами съ противоположныхъ шкотовъ. Корабль Зигорсъ (*), слѣдовавшій за нами, также выстрѣлялъ лагомъ. Такимъ образомъ мы мѣнялись лагами со всѣми четырьмя непріятельскими кораблями, имѣя явный перевѣсъ на своей сторонѣ, потому что они не успѣвали заряжать такъ скоро, какъ мы. Наши оба фрегата были готовы встрѣтить французскіе фрегаты, когда они проходили мимо насъ, тогда какъ они не могли приготовить лага противъ Зигорса, слѣдовавшаго по нашимъ пятамъ. Такимъ образомъ они получали каждый по два лага; на долю Диомеда досталось четыре, а Зигорсу ни одного. Наши снасти были бѣльшею частію разорваны, шесть или семь человекъ ранено, но не убито ни одного. Французскіе фрегаты пострадали еще болѣе, и адмиралъ ихъ, замѣтя, что они были почти отрѣзаны отъ своихъ, подалъ сигналъ къ отступленію.

Между тѣмъ мы поворотили оба корабля и приблизились къ шкафуту самаго задняго фрегата. Замѣтя это, линейные корабли устремились на помощь своимъ фрегатамъ; съ своей стороны наша береговая эскадра то же поспѣшила къ намъ на помощь и остановилась въ недалекѣ отъ насъ. Вѣтеръ былъ въ это время, что называется на морѣ, *солдатскій*, то-есть дулъ такъ, что корабли не могли держаться ни одного пути, — ни войти въ гавань, ни выйти изъ нея. Тѣмъ не менше французскіе фрегаты, сообразно съ полученнымъ приказаніемъ, направлялись къ своему

(*) Въ буквальномъ исреводѣ «Морской Ковчъ».

флоту, стоявшему у берега, между тѣмъ какъ линейные корабли, для подкрѣпленія, выходили къ нимъ навстрѣчу. Но капитанъ нашъ не хотѣлъ допустить ихъ до этого, и хотя мы и безъ того съ каждою минутою подходили ближе къ французскимъ линейнымъ кораблямъ, но онъ ринулся въ середину фрегатовъ и завязалъ съ ними жаркую перестрѣлку лагами. Одинъ изъ нихъ лишился марсовой мачты и перекачнулся на корму; мы уже надѣялись отрѣзать его, но остальные, чтобъ отстоять его, убавили парусовъ.

Это продолжалось около двадцати минутъ, пока наконецъ разстояніе между нами и французскими линейными кораблями сократилось до одной только мили. Тутъ уже собственный нашъ командиръ, изъ опасенія, чтобъ насъ не ослепили, подалъ сигналъ къ отступленію.

Но Зигорсъ, замѣтившій сигналъ, не хотѣлъ повторить его; нашъ капитанъ тоже рѣшился не замѣчать ничего и приказалъ сигнальному не смотрѣть въ ту сторону. Битва продолжалась. Двое французскихъ фрегатовъ были совершенно расщеплены ядрами, и погибли. Тутъ только что начали пальбу линейные корабли, и мы почувствовали, что время убираться. Разрядивъ въ нихъ еще разъ свои лаги, мы повернули къ нашей эскадрѣ, находившейся въ четырехъ миляхъ съ подвѣтренной стороны и готовившейся въ случаѣ надобности летѣть къ намъ на помощь. При поворотѣ наша грот-марсовая мачта, сильно подбита ядрами, упала на сторону, и Французы, замѣтя это, на всѣхъ парусахъ устремились къ намъ въ надеждѣ завладѣть нами. Но Зигорсъ не покинулъ насъ; мы повернули къ вѣтру и бросились къ нимъ навстрѣчу.

Въ разстояніи двухъ канатовъ отъ нихъ мы остановились, чтобъ дать время догнать насъ собственнымъ нашимъ кораблямъ.

Въ эту минуту одинъ изъ линейныхъ кораблей, не уступавшій въ быстротѣ фрегатамъ, приблизился и выстрѣлилъ по насъ лагомъ. Ядра прожужжали мимо нашихъ ушей, и я ожидалъ, что мы непремѣнно будемъ взяты, однако вышло наоборотъ; хотя мы и лишились нѣсколькихъ матросовъ, но я слышалъ, какъ капитанъ сказалъ старшему лейтенанту:

— Ну, теперь если они будутъ медлить еще, то попадутъ въ наши руки, такъ неизбѣжно, какъ судьба.

Въ эту самую минуту наши линейные корабли начали пальбу, и роли пережѣнились.

Французы поворотили къ вѣтру и съ поспѣшностію обратились въ бѣгство, преслѣдуемые береговой эскадрой, за исключеніемъ нашего корабля, слишкомъ поврежденнаго, чтобъ преслѣдовать. Одинъ изъ ихъ фрегатовъ буксировалъ къ себѣ другой, лишившійся своей марсовой мачты, и эскадрѣ нашей ничего не стоило завладѣть имъ.

Для вспоможенія кораблямъ, участвовавшимъ въ битвѣ, съ одной стороны въ трехъ миляхъ стоялъ англійскій флотъ, съ другой французскій, такъ что мы думали, что завяжется генеральное сраженіе; однако обманулись въ своихъ надеждахъ. Фрегатъ, буксировавшій другой корабль, видя, что онъ не въ состояніи спастись самъ, отвязалъ его и бросилъ напроизволь судьбы, которой угодно было, чтобъ онъ спустилъ свой флагъ передъ командиромъ береговой эскадры. Преслѣдованіе продолжалось, пока всѣ французскіе корабли не укрылись подъ защитою своихъ батарей. Тогда и нашъ флотъ возвратился къ своему посту, таща за собой призъ, оказавшійся фрегатомъ Нарцисомъ, капитанъ Лепельтонъ.

Нашъ капитанъ высоко возвысился во мнѣніи начальства своимъ прекраснымъ поведеніемъ въ этой схваткѣ. У насъ было трое убитыхъ, въ томъ числѣ мичманъ, Робинсонъ, и десятеро раненыхъ; нѣкоторые изъ нихъ довольно опасно. Кажется, битва эта излечила меня отъ боязни пушечныхъ ядеръ, потому что въ теченіе немногихъ дней, которые мы провели еще вмѣстѣ съ флотомъ, насъ часто обстрѣливали во время рекогносцировки, но я уже не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Фрегатъ явился именно къ тому времени, какъ его ожидали, и мы получили позволеніе отдѣлиться отъ эскадры.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

МНѢНІЕ МИСТЕРА ЧУКСА КАСАТЕЛЬНО СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ. — ОНЪ ОКОНЧИВАЕТЪ СВОЙ ИСПАНСКІЙ РАЗСКАЗЪ. — УСПѢХИ ПРОСВѢЩЕНІЯ МЕЖДУ ПАТЕНТОВАННЫМИ ОФИЦЕРАМИ.

Мы всѣ были очень рады, когда намъ подали этотъ сигналъ, потому что надѣялись добыть кучу призовыхъ денегъ съ такимъ предпріимчивымъ капитаномъ. Мы отправились къ тому пункту французскихъ береговъ, гдѣ они соединяются съ испанскими, съ тѣмъ, чтобъ, сообразно съ приказомъ, даннымъ нашему капитану, захватывать конвои, посылаемые для снабженія французской арміи оружіемъ и провіантомъ.

За день до того времени, какъ мы отдѣлились отъ флота, мистеръ Чуксъ досказалъ мнѣ свою исторію.

— На чемъ остановился я, мистеръ Симпль? спросилъ онъ, располагаясь вмѣстѣ со мной на длинной восемнадцати-фунтовой пушкѣ.

— На томъ, какъ вы вышли изъ дому, назвавъ себя коррегидоромъ.

— Точно такъ. Ну, мистеръ Симпль, я не показывался туда въ продолженіе двухъ или трехъ дней. Я не считалъ за нужное придти слишкомъ скоро, въ особенности же имѣя случай почти каждый день видѣться съ молодой леди на плацѣ. Она не разговаривала со мной, но за то, какъ говорятъ, «строила глазки», а иногда даже улыбалась. Однажды я такъ заглядѣлся на нее, что зацѣпилъ за собственную шпагу и чуть не клянулъ носомъ, что заставило ее разразиться смѣхомъ.

— За шпагу, мистеръ Чуксъ? Я думалъ, боцманы не носятъ шпагъ.

— Мистеръ Симпль, боцманъ офицеръ и имѣетъ такое же право на шпагу, какъ и капитанъ. Но дѣло не въ томъ, а возвратился къ разсказу. На четвертый день я пришелъ съ полнымъ платкомъ сигаръ для отца; но онъ находился на сіестѣ, какъ они выражаются. Старая служанка сначала не хотѣла меня впустить, но я сунулъ долларъ въ ея костлявую руку, и это перемѣнило ея

расположеніе ко мнѣ. Она высунула свою старую голову, посмотрѣла во все стороны, нѣтъ ли кого на улицѣ, кто бѣ могъ видѣть насъ, потомъ выпустила меня и заперла дверь.

Я вошелъ въ комнату и увидѣлъ себя одного съ Серафиною.

— Серафина? — Какое прекрасное имя!

— Ни одно имя не можетъ быть слишкомъ прекрасно для хорошенькой дѣвушки или добраго фрегата, мистеръ Симпль; съ своей стороны я очень люблю эти женскія имена. Ваши Бессъ, Поль, Сю очень хороши для названія какихъ-нибудь мысовъ или развалившихся замковъ, но по моему мнѣнію, они унижаютъ дѣвушку. Замѣтили вы, мистеръ Симпль, все наши канонирные брики — родъ кораблей, изобрѣтатель которыхъ, навѣрное, попадетъ въ адъ на вѣчное мученье — носить пошлыя имена, каковы: Щипунъ, Драчунъ, Боецъ, Барсукъ, что все еще очень хорошо для нихъ; тогда какъ названія бойкихъ фрегативъ длинны, какъ булинь гротъ-марсовой мачты и жестки такъ, что въ состояніи свернуть вамъ челюсть. Вотъ, напримѣръ Мельпомена, Терпсихора, Аретуза, Вакханка, — все это цвѣтуція имена, длинныя какъ вымпелъ, спускаемый вдоль мачты во время тиши.

— Очень хорошо, возразилъ я; но на счетъ фамилій вы того же мнѣнія?

— Конечно, мистеръ Симпль. Во времена посѣщенія мною хорошихъ обществъ, я рѣдко встрѣчалъ такія фамиліи, какъ Потсъ или Белль, Смитъ или Ходжъ; только и слышно было, что мистеръ Фортескю, или мистеръ Фитцгеральдъ, или мистеръ Фитцгербертъ, — фамиліи, рѣдко имѣвшія менѣе трехъ слоговъ.

— Стало быть, мистеръ Чуксъ, вамъ не нравится ваше собственное имя?

— Вы отгадали, мистеръ Симпль; но, впрочемъ, оно довольно еще хорошо для боцмана, прибавилъ Чуксъ со вздохомъ. Я, конечно, дурно поступалъ, обманывая людей; но за это я былъ жестоко наказанъ, — это сдѣлало меня недовольнымъ своей участью и несчастнымъ навсегда. Дорого заплатилъ я за свое минутное величіе, потому что нѣтъ несчастіе челоуѣка, принявшаго идеи, несообразныя съ его положеніемъ въ обществѣ. Но время плыть далѣе. Я пробылъ цѣлыя три часа съ Серафиною, прежде чѣмъ

воротился ея отецъ, и въ продолженіе этого времени ни минуты не постоялъ спокойно на якорѣ.

Она была ласкова, то смѣялась, то вздыхала, и сказала наконецъ, что постарается полюбить меня и спросила, согласенъ ли я жениться на ней и жить въ Испаніи. Я отвѣчалъ утвердительно. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ казалось въ ту минуту, что я въ состояніи рѣшиться на это, хотя и самъ удивлялся такой настроенности, потому что не могъ довольствоваться, подобно ея отцу, одними папиросами и кусочкомъ арбуза въ день. Какъ бы то ни было, но подь конецъ разговора это было уже дѣло рѣшенное. Когда воротился отецъ, старая служанка сказала ему, что я только что пришелъ и что дочь его въ своей комнатѣ; послѣднее было справедливо, потому что, заслышавъ шаги своего отца, она бросилась туда опрометью.

Раскланявшись съ старымъ джентльменомъ, я подалъ ему сигары. Сначала онъ принялъ меня серьезно, но видъ сигаръ привелъ его въ веселое расположеніе духа. Черезъ нѣсколько минутъ вошла донна Серафина (въ Испаніи леди называются доннами) и церемонно поздоровалась со мной, какъ-будто до той минуты и не видала меня. Такъ-какъ было уже поздно, то я не долго оставался у нихъ; но выпивъ стаканъ кислаго вина, предложеннаго мнѣ старымъ джентльменомъ, отправился, напутствуемый просьбами его приходить снова.

Что до молодой леди, она не обращала на меня ни малѣйшаго вниманія до самаго моего ухода.

— Мнѣ кажется, мистеръ Чуксъ, эта молодая дѣвушка была страшная обманщица.

— Ваша правда, мистеръ Симплъ; но человекъ влюбленный не можетъ замѣтить этого, и я скажу вамъ почему. Если ему удалось покорить сердце дѣвушки, онъ столько же влюбленъ въ самого себя, какъ и въ нее, до того гордъ онъ своей побѣдой. Такъ было и со мной. Еслибъ при мнѣ были глаза, я не могъ бы не замѣтить, что та, которая могла обманывать своего стараго отца изъ-за перваго встрѣчнаго иностранца, обманетъ, конечно, и его со временемъ. Но если любовь ослѣпляетъ человека, то тщеславіе, мистеръ Симплъ, ослѣпляетъ его еще больше. Однимъ словомъ, я поступилъ, какъ осель.

— Нисколько, мистеръ Чуксъ, вы имѣли достаточныя причины, которыя извиняють васъ.

— Хорошо, мистеръ Симплъ. Ну, такъ я навѣстилъ ее еще разъ, и еще разъ, пока не влюбился до сумасшествія. Отецъ, казалось, замѣчалъ все, но былъ не прочь отъ нашего брака. Онъ попросилъ священника поговорить со мной; я увѣрилъ его, что я добрый католикъ и признался, что люблю молодую леди и намѣренъ на ней жениться. Отецъ не противился этому и только взялъ съ меня обѣщаніе жить въ Испаніи, потому что не хотѣлъ разстаться съ единственной своей дочерью. Въ этомъ случаѣ я опять оказываюсь виновнымъ въ обманѣ; во-первыхъ, я далъ обѣщаніе, котораго не намѣренъ былъ исполнить, во-вторыхъ, я выдалъ себя за католика. Лучшая политика — честность, мистеръ Симплъ; рано или поздно вы убѣдитесь въ этомъ.

— Мнѣ говорилъ тоже самое батюшка, и я всегда вѣрилъ ему, отвѣчалъ я.

— Хорошо, сэръ; но я со стыдомъ долженъ признаться, что поступилъ и еще хуже. Но теперь приближается развязка исторіи. Серафина сказала мнѣ однажды, что отправляется въ оперу съ своими родственниками и спросила: буду ли я тамъ?

Она прибавила, что тамъ будетъ капитанъ нашего фрегата со всѣми офицерами и что очень желала бы видѣть и меня. Вы видите, мистеръ Симплъ, хотя отецъ Серафины былъ такъ бѣденъ, что въ его домѣ мышь издохла бы съ голоду, но тѣмъ не менѣе онъ принадлежалъ къ хорошей фамиліи и состоялъ въ родствѣ съ богатыми людьми. Онъ назывался дономъ и носилъ четырнадцать или пятнадцать именъ, которыхъ я не помню теперь. Я отказался идти съ ней, потому что служба не позволяла боцману сидѣть въ одной ложѣ съ капитаномъ и старшимъ лейтенантомъ.

Въ извиненіе я сказалъ, что обѣщалъ остаться на кораблѣ, чтобъ присматривать за экипажемъ въ отсутствіе капитана, присвоивая себѣ такимъ образомъ важность, которой не имѣлъ, и все это какъ-будто бы нарочно для того, чтобъ быть чувствительнѣе униженнымъ впоследствии.

Мнѣ было очень неловко, когда она отправилась въ оперу: я боялся, чтобъ капитанъ, увидя ее, не почувствовалъ къ ней расположенія. Я ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ, пока наконецъ

грудь моя до того исполнилась любви и ревности, что я рѣшился идти въ партеръ взглянуть, что она дѣлаетъ. Я тотчасъ же замѣтилъ ее въ одной изъ ложъ, вмѣстѣ съ другими какими-то дамами; съ ними были капитанъ и старшій лейтенантъ. Капитанъ, очень хорошо объяснявшійся по-испански, наклонясь къ ней, съ улыбкою рассказывалъ что-то; она смѣялась, слушая его. Я рѣшился тотчасъ же уйти изъ опасенія, чтобъ она не увидѣла меня и не обнаружила лжи, которую я наговорилъ ей; но они разговаривали такъ дружески, что мною овладѣла ревность, и я никакъ не могъ покинуть театра. Наконецъ она замѣтила меня и позвала рукой; я сердито взглянулъ на нее и выбѣжалъ изъ театра, ругаясь какъ безумный. Кажется, она указала на меня капитану и спросила кто я такой; онъ объяснилъ ей мое настоящее значеніе на кораблѣ и выразился обо мнѣ не очень выгодно. Она освѣдомилась, правда ли что я принадлежу къ благородной фамилии, на это капитанъ и старшій лейтенантъ оба лопнули со смѣху и отвѣчали, что я изъ простыхъ матросовъ, хорошимъ поведеніемъ добился до высшаго чина, что не совсѣмъ-то можно меня назвать и офицеромъ, но что джентльменъ я всего менѣе. Короче, мистеръ Симпль, я былъ уничтоженъ, но я стоилъ того. Рѣшившись испить чашу до дна, я дождался у подъѣзда театра окончанія оперы и видѣлъ, какъ она вышла въ сопровожденіи капитана и старшаго лейтенанта, такъ что мнѣ нельзя было поговорить съ ней. Я отправился въ одну розаду (те-есть шинюкъ), гдѣ выпилъ семь бутылокъ розолію, чтобъ сколько-нибудь успокоиться; оттуда воротился на корабль, и второй лейтенантъ, исправлявшій въ это время должность главнаго командира, посадилъ меня подъ арестъ за пьянство. Я просидѣлъ подъ арестомъ цѣлую недѣлю, и вы можете представить себѣ, мистеръ Симпль, что я чувствовалъ во все это время. Наконецъ я получилъ позволеніе идти на берегъ, и отправился въ тотъ домъ узнать рѣшеніе своей участи. Старая служанка отворила дверь, назвала меня воромъ, и съ этимъ словомъ захлопнула ее мнѣ подъ носомъ. Когда я уходилъ, донна Серафяна высунулась въ окно и, махая рукою, съ презрительнымъ взглядомъ закричала:

— Ступайте! Богъ съ вами, мистеръ джентльменъ!

Я воротился на корабль въ такой злости, что еслибъ только могъ уговорить канонира дать мнѣ патронъ, то непременно прострѣ-

лялъ бы себѣ голову. Что было всего хуже, такъ это насмѣшки корабельнаго экипажа, потому что капитанъ и старшій лейтенантъ сдѣлали исторію мою публичною.

— Я не могу не сожалѣть о васъ, мистеръ Чуксъ, сказалъ я, хотя вашъ обманъ и заслуживалъ этого наказанія.

— Слышали вы потомъ что-нибудь о молодой леди?

— Да. Спустя годъ, я воротился сюда на другомъ кораблѣ. За одну не совсѣмъ пріятную исторію, случившуюся изъ-за нее, ее заключили въ монастырь и принудили постричься въ монахини. О, мистеръ Симпль, еслибъ вы знали, какъ я любилъ эту дѣвушку. Съ тѣхъ поръ я, кромѣ вѣжливости, ничего не оказывалъ другимъ женщинамъ, и надѣюсь умереть холостякомъ. Вы не можете себѣ представить, какъ все перевернулось внутри меня, когда я третьяго дня взглянулъ на этотъ домъ. Я едва прикасался къ говядинѣ и свининѣ съ тѣхъ поръ; но за то, сверхъ приходившейся на мою долю порціи рому, задолжалъ еще за двѣ квартиры. Но пусть это останется между нами, мистеръ Симпль; надѣюсь, вы на столько джентльменъ, что не перескажете этого: я терпѣть не могу насмѣшекъ молодыхъ мичмановъ.

Я обѣщалъ молчать, и сдержалъ свое слово; но обстоятельства, которыя читатель узнаетъ впоследствии, освободили меня отъ исполненія этого условія.

Теперь никто не можетъ насмѣхаться надъ нимъ.

Мы пріѣхали къ мѣсту нашей стоянки у береговъ Перпиньяна.

Едва мы приблизились къ землѣ, какъ сильный шкваль погналъ насъ назадъ; но всѣ бури такъ сходны между собой, что я не стану описывать вамъ этого шквала. Упоминаю объ немъ только, чтобъ передать одинъ разговоръ, очень меня позабавившій.

Я находился около капитана, когда онъ послалъ за мистеромъ Мѣдлемъ, плотникомъ, только что осмотрѣвшимъ сорвавшійся грот-марса-рей.

— Ну что, мистеръ Мѣдль? спросилъ капитанъ.

— Совсѣмъ оторвался, сэръ; но я надѣюсь, мы съумѣемъ *митигировать* его.

— Въ состояніи вы укрѣпить его на время, мистеръ Мѣдль? перебилъ капитанъ съ досадою.

— Мы въ полчаса *смитигируемъ* его, сэръ.

— Желательно мнѣ, мистеръ Мѣдль, чтобъ въ разговорѣ со мной вы выражались общепонятнымъ языкомъ. Я думаю, слово съмитигировать вы хотите сказать, что вы можете укрѣпить грот-марса-рей. Такъ ли?

— Да, сэръ, это дѣйствительно моя мысль. Я не намѣренъ былъ сердить васъ, капитанъ Сэваджъ, и никакъ не предполагалъ, чтобъ вамъ не понравилось мое выраженіе.

— Хорошо, мистеръ Мѣдль, я въ первый разъ дѣлаю вамъ подобное замѣчаніе, постарайтесь, чтобъ это было въ послѣдній.

— Въ первый разъ! возразилъ плотникъ, не могшій забыть своей философіи. Прошу извинить, капитанъ Сэваджъ; вы бранили меня за это и на этомъ самомъ кварталъ декъ 27,672 года тому назадъ и....

— Если это было, мистеръ Мѣдль, перебилъ капитанъ сердито, то будьте увѣрены, что въ тоже самое время я приказалъ вамъ лѣзть на снасти и исполнять вашу обязанность, вмѣсто того, чтобъ болтать чепуху на кварталъ декъ; и хотя, какъ вы говорите, ни вы, ни я не помнимъ объ этомъ, но, такъ-какъ вы не послѣдовали тотчасъ же моему приказанію, я посадилъ васъ подъ арестъ и принудилъ оставить корабль по прибытіи въ гавань. Понимаете вы меня, сэръ?

— Мое мнѣніе, сэръ, возразилъ плотникъ, почтительно приложивъ палецъ къ фуражкѣ и полѣзая на снасти, — ничего этого не было, потому что я тотчасъ же отправился наверхъ, какъ дѣлаю теперь и, продолжалъ неизлечимый мистеръ Мѣдль уже на снастяхъ — какъ сдѣлаю спустя еще 27,672 года.

— Этотъ человѣкъ несправимъ въ своей нелѣпости, замѣтилъ капитанъ старшему лейтенанту. Только бѣ ему имѣть слушателя своихъ смѣшныхъ теорій, а тамъ хоть веѣ мачты лети въ море.

— Онъ не дурной плотникъ, сэръ, отвѣчалъ старшій лейтенантъ.

— Знаю, возразилъ капитанъ; но всему есть свое время.

Въ эту самую минуту боцманъ сходилъ со снастей.

— Ну, мистеръ Чуксъ, чтѣ думаете вы о реѣ? Нужно ли ее перемѣнить? спросилъ капитанъ.

— Я думаю, капитанъ Сэваджъ, что въ настоящее время состояніе ее эфемерно и нисколько неустойчиво; но съ помощію не-

большаго человѣческаго искусства, четырехъ веревокъ въ три вершка и полдюжины гвоздей въ десять пенсовъ, она будетъ стоять пока не наступитъ для нея время оторваться снова.

— Я не понимаю васъ, мистеръ Чуксъ, и не знаю времени, въ которое должна оторваться рея.

— Это относится не къ нашему времени, сэръ, отвѣчалъ боцманъ, а къ 27,672 годамъ мистера Мѣдла, когда...

— Ступайте, сэръ, займитесь вашей обязанностью, закричалъ раздраженнымъ голосомъ капитанъ. Кажется, наши офицеры съ ума сошли, продолжалъ онъ потомъ, обращаясь къ старшему лейтенанту. Гдѣ слыхано, чтобъ боцманъ употреблялъ такія выраженія, какъ «эемерный и нисколько неустойчивый»? Его пребываніе на кораблѣ будетъ эемерно и неустойчиво, если онъ не исправится.

— Это очень странный характеръ, сэръ, возразилъ старшій лейтенантъ; но я, не колеблясь, скажу, что это лучший боцманъ въ службѣ его королевскаго величества.

— Согласенъ, возразилъ капитанъ, но — да, впрочемъ, у каждаго свои недостатки. Мистеръ Симплъ, что вы дѣлаете?

— Я прислушиваюсь къ вашему разговору, отвѣчалъ я, приложивъ палецъ къ шляпѣ.

— Удивляюсь вашей наивности, сэръ, возразилъ онъ; но постарайтесь оставить эту привычку. Ступайте отсюда, сэръ, и займитесь дѣломъ.

Перешедъ на другую сторону палубы, я оглянулся и увидѣлъ, что капитанъ и старшій лейтенантъ оба смѣялись.

ГЛАВА ВОСЬМНАДЦАТАЯ.

Я участвую въ дѣлѣ, получаю рану и попадаю въ плѣнь вмѣстѣ съ О'Бриэномъ. — Коса находитъ на камень между О'Бриэнами. — Мы получаемъ покойныя квартиры. — Первое свиданіе съ Целестой.

Теперь я долженъ разсказать одно приключеніе, имѣвшее, не смотря на мою тогдашнюю молодость, серьезное вліяніе на всю остальную мою жизнь. Какъ мало мы знаемъ утромъ, что принесетъ съ собою вечеръ! Мы возвратились къ нашему посту и нѣсколько дней

стояли у береговъ, какъ однажды утромъ, находясь не болѣе, какъ въ четырехъ миляхъ отъ города Сетта, замѣтили огромный конвой кораблей, огибавшій мысъ. Нашъ флотъ погнался за нимъ на всѣхъ шарусахъ и принудили его бросить якорь у самаго берега, подъ защитою батареи, которой мы не замѣчали, пока она не открыла по насъ огонь. Ядра ударились въ фрегатъ два или три раза, потому что море было тихо, а батарея находилась съ нимъ почти въ уровень. Капитанъ поворотилъ корабль и держался внѣ батарейнаго огня, пока не спущены были боты, чтобъ плыть на берегъ для взятія батарей. О'Бріэнъ находился въ ботѣ кутера, которымъ командовалъ, и опять позволилъ мнѣ ѣхать съ собой.

— Ну, Штеръ, посмотримъ, какого рода рыбу ты привезешь сегодня на бортъ, сказалъ онъ, когда мы отчалили; быть можетъ, на этотъ разъ ты не такъ-то легко отдѣлаешься.

Матросы, находившіеся въ ботѣ, усмѣхнулись, и я отвѣчалъ, что мнѣ нужно быть раненымъ опаснѣе прежняго, чтобъ снова попасться въ плѣнъ. Мы устремились къ берегу среди огня непріятельскихъ канонирныхъ шлюпокъ, оберегавшихъ конвой, причежь лишились трехъ матросовъ, и нацали на батарею, которою овладѣли безъ сопротивленія, потому что французскіе артиллеристы бѣжали, завидя насъ. Капитанъ положительно приказалъ намъ не оставаться при батарее ни минуты, и взявши ее, идти на abordажъ канонирскихъ шлюпокъ. При батарее же онъ велѣлъ оставить одинъ только маленькій ботикъ съ оружейникомъ, чтобъ заколотить пушки, потому что ему извѣстно было, что вдоль берега разставлены войска, которыя могутъ отбить насъ. Старшій лейтенантъ, командовавшій всею экспедиціею, приказалъ О'Бріэну остаться съ первымъ кутеромъ и отчаливать, лишь только оружейникъ заколотитъ пушки. О'Бріэнъ и я остались вмѣстѣ съ оружейникомъ у батареи; матросовъ же мы услали въ ботъ, приказавъ имъ быть на готовѣ отчаливать по первому знаку. Мы заколотили уже всѣ пушки, кромѣ одной, какъ вдругъ раздался залпъ мушкетовъ, убившій на повалъ оружейника и ранившій меня въ ногу, повыше колѣна. Я упалъ къ ногамъ О'Бріэна.

— Всемогущій Боже! вскричалъ онъ; вотъ они, а одна пушка еще не заколочена. Онъ подскочилъ къ оружейнику, вырвалъ у него изъ рукъ молотокъ, вытащилъ гвоздь изъ мѣшка и въ нѣсколько

минуть заколотилъ пушку. Въ это время я слышалъ уже топотъ приближавшихся французскихъ солдатъ. О'Бріэнъ, откинувъ въ сторону молотокъ, поднялъ меня на плеча.

— Пойдемъ, Питеръ, сынъ мой, закричалъ онъ, и съ этими словами во всю мочь пустился бѣжать къ боту.

Но было уже слишкомъ поздно. На полдорогѣ отъ бота двое французскихъ солдатъ схватили его заворотъ и оттащили назадъ къ батарее. Тѣмъ временемъ подошли французскія войска и завязали жаркую перестрѣлку. Нашъ кутерь спасся и соединился съ прочими ботами, овладѣвшими безъ большаго сопротивленія канонирскими шлюпками и конвоемъ. Кятчеты нашихъ большихъ ботовъ были снабжены каронадами, мѣтко отвѣчавшими на огонь непріятеля и принудившими его укрыться въ батарею, откуда онъ въ безопасности наблюдалъ за нашими, пока они не овладѣли всѣми кораблями. Тѣ изъ нихъ, для которыхъ у нашихъ не достало матросовъ, были сожжены. Въ это-то самое время былъ схваченъ въ батарею О'Бріэнъ со мною на спинѣ; увидѣвъ себя въ плѣну, онъ бережно сложилъ меня на землю.

— Питеръ, сынъ мой, сказалъ онъ, пока ты находился подъ моимъ покровительствомъ, я готовъ былъ вынести тебя сквозь огонь и воду, но теперь, когда ты на отвѣтственности этихъ французскихъ нищихъ, пусть они сами несутъ тебя. Всякому своя ноша, Питеръ; этого требуетъ справедливость. И такъ, если они считаютъ тебя стоящимъ труда тащить, то пусть тяжесть твоя падетъ на нихъ.

— А если они не сочтутъ меня достойнымъ этого, О'Бріэнъ, ужели ты покинешь меня?

— Покинуть тебя, Питеръ? Нѣтъ, если это будетъ зависть отъ меня; но они не оставятъ тебя, не бойся. Плѣнные такая рѣдкость для нихъ, что они не оставили бы и капитанской обезьяны, еслибы она попалась къ нимъ.

Лишь только боты наши отошли на такое разстояніе, что были уже внѣ мункетныхъ выстрѣловъ, офицеръ, командовавшій французскимъ отрядомъ, принялся осматривать пушки батареи, въ надеждѣ направить ихъ противъ ботовъ, и съ досадою замѣтилъ, что онѣ всѣ до одной были заколочены.

★

— Будь онъ зорокъ, какъ сорока, ему не пайдти свободнаго отвертія, сказалъ О'Бріэнь, слѣдя взорами за офицеромъ.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что О'Бріэнь выказалъ много присутствія духа, заколотивъ послѣднюю пушку, потому что, еслибъ непріятель имѣлъ хотя одну, изъ которой бы онъ могъ обстрѣливать наши боты, занявшіеся буксированіемъ призовъ, онъ надѣлалъ бы имъ много вреда и побилъ бы у насъ пропасть народу. Этимъ поступкомъ и попыткою спасти мою особу, онъ принесъ въ жертву самого себя.

Когда огонь прекратился, командовавшій офицеръ подошелъ къ О'Бріэну и, смотря ему въ лице, произнесъ:

— Офицеръ?

Въ отвѣтъ на это, О'Бріэнь кивнулъ головою. Потомъ, указывая на меня, онъ снова повторилъ:

— Офицеръ?

О'Бріэнь кивнулъ головой еще разъ, что произвело смѣхъ во всемъ французскомъ отрядѣ.

Какъ я узналъ отъ него впоследствии, имъ казалось страннымъ видѣть офицера въ такомъ, по ихъ выраженію, *enfant*, то есть ребенкѣ по нашему. Я совершенно ослабѣлъ, окоченѣлъ и не могъ держаться на ногахъ. Командовавшій офицеръ оставилъ небольшой отрядъ солдатъ въ батарей и приготовился съ остальными возвратиться въ Сеттъ. О'Бріэнь шелъ пѣшкомъ, меня же шестеро солдатъ несли на трехъ мушкетахъ — экипажъ не очень то уютный во всякое время, а въ моемъ положеніи мучительный до крайности. Тѣмъ не менѣе, я долженъ признаться, они обходились со мной очень ласково и подложили подъ мою раненную ногу широкій плащъ, или что-то въ этомъ родѣ. Я былъ въ агоніи и нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ. Наконецъ мнѣ принесли воды. О, какую вкусною она показалась мнѣ! Впоследствии, бывая въ компаніи людей съ гастрономическимъ вкусомъ и видя съ какимъ наслажденіемъ они пощелкивали губами, выпивъ стаканъ кларета, я часто думалъ, что еслибъ они были ранены и попробовали простой воды, тогда только поняли бы что такое вкусный напитокъ. Черезъ полтора часа, показавшіеся мнѣ пятью днями, мы прибыли въ городъ Сеттъ. Офицеръ, командовавшій отрядомъ, и во время переноски меня изъ батарей часто взглядывавшій на меня, приго-

варивая: «*trauve enfant*,» принявъ меня въ свой собственный домъ. Меня уложили въ постель, гдѣ я снова лишился чувствъ. Пришедъ въ себя, я нашелъ, что меня уже раздѣли, и хирургъ перевязалъ мою ногу. Около постели стоялъ О'Бріэнъ и, кажется, звалъ людей, принявъ меня за мертваго. Я взглянулъ ему въ лице.

— Питеръ, сказалъ онъ, какъ ты испугалъ меня! Чортъ меня побери, если я въ другой разъ возьму на свою отвѣтственность кого бы то ни было изъ молодыхъ мичмановъ! Для чего ты прикинулся мертвымъ?

— Мнѣ теперь лучше, О'Бріэнъ, отвѣчалъ я; какъ много я тебѣ обязанъ! Ты попался въ плѣнъ, спасая меня.

— Я попался въ плѣнъ такъ или иначе, но исполняя свою обязанность. Еслибъ этотъ дуракъ оружейникъ не держалъ такъ крѣпко молотка, который ему былъ вовсе не нуженъ, такъ-какъ онъ уже умеръ, то я былъ бы теперь свободенъ и ты также. Ну, да это ничего не значить! Сколько я замѣчаю, Питеръ, жизнь человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ постоянно попадаться въ бѣду и выпутываться изъ нея. Съ Божіею помощью, я надѣюсь, освободиться, такъ успокойся, мой милый, и выздоравливай поскорѣе. Человѣкъ можетъ убѣжать, съ двумя ногами, но я еще не слыхивалъ, чтобъ кто-нибудь выскочилъ изъ французской тюрьмы съ одной.

Я пожалъ протянутую мнѣ руку О'Бріэна и поглядѣлъ вокругъ себя; хирургъ стоялъ по одну сторону моей постели, по другую офицеръ, командовавшій французскимъ отрядомъ. Въ головахъ моихъ находилась маленькая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, державшая въ рукѣ стаканъ, изъ котораго вливали что-то мнѣ въ горло. Я взглянулъ на нее; на ея лицѣ, замѣчательно красномъ, выражалось такое состраданіе, что она показалась мнѣ ангеломъ, и я повернулся на сколько могъ въ ея сторону, чтобъ видѣть только ее одну. Она подала мнѣ стаканъ, котораго я не принялъ бы отъ всякаго другаго, и я выпилъ немного. Другое лицо вошло въ это время въ комнату, и между ими завязался разговоръ на французскомъ языкѣ.

— Желалъ бы я знать, что они намѣрены дѣлать съ нами, сказалъ я О'Бріэну.

— Тсъ! молчи! отвѣчалъ онъ и, наклонясь ко мнѣ, продолжалъ шепотомъ: я понимаю все, что они говорятъ; помнишь, я рассказывалъ тебѣ, что выучился ихъ языку, когда меня убили и похоронили въ песокъ въ Южной Америкѣ?

Немного спустя, офицеръ и всѣ прочіе ушли, оставивъ въ комнатѣ одну только дѣвочку и О'Бріэна.

— Это посланный отъ губернатора, сказалъ мнѣ О'Бріэнь, лишь только они оставили комнату; онъ требуетъ, чтобъ плѣнные были представлены въ крѣпостную тюрьму для осмотра. Офицеръ же (настоящій джентльменъ, сколько я могу судить о немъ) говоритъ, что ты ребенокъ, въ добавокъ раненный и что безчестно помѣшать тебѣ умереть спокойно; изъ всего этого я заключаю, что намъ придется разстаться въ скоромъ времени.

— Надѣюсь нѣтъ, О'Бріэнь, отвѣчалъ я. Если ты отправился въ тюрьму, то и я отправлюсь съ тобой, потому что не хочу оставлять тебя, моего лучшаго друга, одного съ чужестранцами. Хотя здѣсь я окруженъ удобствами, которыхъ не найду въ тюрьмѣ, но безъ тебя я сдѣлаюсь вдвое несчастнѣе.

— Питеръ, сынъ мой, я радъ видѣть, что твое сердце на своемъ мѣстѣ, въ чемъ я всегда былъ увѣренъ, иначе не взялъ бы тебя подъ свое покровительство. Мы вмѣстѣ пойдемъ въ тюрьму, душа моя. Я надѣюсь, что мы не разстанемся потому, что слышалъ, офицеръ (истинный джентльменъ, стоющій быть природнымъ Ирландцемъ) говорилъ, что онъ попроситъ у губернатора позволенія оставить меня на честное слово при тебѣ до твоего выздоровленія.

Маленькая дѣвочка подала мнѣ лимонаду, котораго я хлебнулъ нѣсколько глотковъ, и снова лишился чувствъ. О'Бріэнь пересталъ говорить; я спустилъ голову на подушку и заснулъ спокойнымъ сномъ. Черезъ часъ я былъ разбуженъ приходомъ офицера въ сопровожденіи хирурга. Офицеръ заговорилъ по-французски съ О'Бріэномъ, который снова принялся покачивать головой.

— Что жъ ты не отвѣчаешь, О'Бріэнь, если понимаешь его? спросилъ я.

— Питеръ, помни, что я не понимаю ни одного слова на ихъ языкѣ, потому что, благодаря этому обстоятельству, мы будемъ знать все, что они станутъ говорить при насъ, да и они не станутъ звѣшживать своихъ словъ.

— Но благородно ли это, О'Бріэнъ?

— Ты спрашиваешь, благородно ли это? Неужели не благородно было бы съ моей стороны, еслибъ, имѣя въ карманѣ банковый билетъ въ пять фунтовъ стерлинговъ, я не сталъ его показывать всякому встрѣчному и поперечному?

— О, конечно, нѣтъ!

— И не находимся ли мы, какъ говорятъ законники, въ состояніи необходимой обороны?

— Хорошо, отвѣчалъ я, если ужъ ты этого хочешь, то, конечно, я ничего не скажу имъ; но мнѣ казалось намъ дурно обманывать ихъ, въ особенности, когда они такъ добры къ намъ.

Впродолженіе этого разговора офицеръ время отъ времени нашептывалъ что-то хирургу, бросая на насъ взгляды, какъ мнѣ казалось, довольно сердитые. Двое другихъ вошли въ эту минуту въ комнату; одинъ изъ нихъ, обратясь къ О'Бріэну, сказалъ на очень дурномъ англійскомъ языкѣ, что онъ переводчикъ и проситъ отвѣчать на нѣкоторые вопросы. Онъ освѣдомился о названіи нашего корабля, числѣ пушекъ, спросилъ, долго ли мы крейсеровали, какова сила нашего флота, и предложилъ пропастъ другихъ вопросовъ, касательно того же предмета. Все это излагалъ по-французски человекъ, вошедшій вмѣстѣ съ нимъ; отвѣты переводились и записывались въ книгу. О'Бріэнъ отвѣчалъ на иные вопросы правильно, на другіе вовсе не отвѣчалъ, подъ предлогомъ невѣдѣнія, на нѣкоторые же чисто лгалъ.

Но я не порицалъ его за это, потому что долгъ запрещалъ ему открывать истину непріятелю. Наконецъ они спросили о моемъ имени и чинѣ, что и было имъ объявлено О'Бріэномъ.

— Дворянинъ онъ?

— Да, отвѣчалъ О'Бріэнъ.

— Не говори этого, О'Бріэнъ, возразилъ я.

— Ты ничего не смыслишь, Питеръ, ты внукъ лорда

— Знаю, но хотя и происхожу отъ дворянина, а все-таки самъ не дворянинъ, и потому, прошу тебя, не лги.

— Чортъ возьми! Питеръ, я уже сказалъ и не хочу отрекаться отъ своихъ словъ; притомъ же меня спрашиваетъ Французъ, а во Франціи ты былъ бы дворяниномъ. Во всякомъ случаѣ это намъ не повредить.

— Я слишком дурно себя чувствую, чтоб спорить съ тобой; скажу только, что мнѣ очень жаль, что ты солгалъ.

Потомъ они стали освѣдомляться о самомъ О'Бріэнь, спрашивая, какъ его зовутъ, какую должность онъ занимаетъ въ службѣ, и дворянинъ ли онъ.

— Меня зовутъ О'Бріэномъ, отвѣчалъ онъ, и спрашиваю, что бы значила буква О' передъ моимъ именемъ, еслибъ я не былъ дворяниномъ? Но, какъ бы то ни было, вы можете прибавить, мистеръ—переводчикъ, что мы сложимъ съ себя наши титулы, потому что они ни къ чему намъ не служатъ.

При этихъ словахъ французскій офицеръ разразился громкимъ смѣхомъ, что очень удивило насъ.

Переводчикъ видимо затруднялся объясненіемъ словъ О'Бріэна и, какъ я узналъ впоследствии, перевелъ ихъ довольно двусмысленно.

Послѣ этого всѣ вышли изъ комнаты, за исключеніемъ офицера, заговорившаго, къ величайшему нашему удивленію, на чистомъ англійскомъ языкѣ.

— Джентльмены, сказалъ онъ, я получилъ отъ губернатора позволеніе держать васъ у себя, пока не выздоровѣетъ мистеръ Симпль. Мистеръ О'Бріэнь, мнѣ необходимо взять съ васъ честное слово, что вы не будете пытаться убѣжать. Даете вы его?

О'Бріэнь былъ крайне удивленъ

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ, такъ выговорите по—англійски, полковникъ? Съ вашей стороны не хорошо было не признаваться въ этомъ, потому что мы повѣряли другъ другу наши маленькіе секреты.

— Конечно, мистеръ О'Бріэнь, возразилъ офицеръ съ улыбкою, это съ моей стороны было также необходимо, какъ съ вашей сказать, что вы понимаете по—французски.

— А, чортъ возьми! вскричалъ О'Бріэнь, какъ прекрасно вы опутали меня собственными моими сѣтями! Вы, вѣроятно, Ирландецъ?

— Да, по происхожденію я Ирландецъ, отвѣчалъ офицеръ; зовутъ меня, какъ и васъ, О'Бріэнемъ. Я воспитывался въ этой странѣ, потому что мнѣ запретили служить моей собственной и исповѣдывать религію предковъ. Теперь я Французъ, ничего не сохранившій отъ своего первоначальнаго отечества, кромѣ языка,

которому меня научила мать и горячей привязанности къ Англичанамъ, ощущаемой мною всякій разъ, какъ мнѣ приходится встрѣчаться съ ними. Но возвратимся къ дѣлу, мистеръ О'Бріэнъ: согласны вы дать мнѣ честное слово?

— Слово Ирландца и руку въ добавокъ, отвѣчалъ О'Бріэнъ, пожимая руку полковника. И вы можете быть твердо въ немъ увѣрены, потому что я ни за что не уйду, оставивъ здѣсь маленькаго Питера; что же касается до того, чтобъ нести его на плечахъ это ужъ мнѣ надоѣло.

— Довольно, возразилъ полковникъ. Мистеръ О'Бріэнъ, я постараюсь доставить вамъ все удобства, какія только могу, и когда вы устанете ухаживать за вашимъ другомъ, мѣсто ваше займетъ моя маленькая дочка. Вы найдете въ ней нѣчто въ родѣ маленькой кормилицы, мистеръ Симплъ. Такая ласковость полковника растрогала меня до слезъ; онъ пожалъ мнѣ руку и, сказавъ О'Бріэну, что обѣдъ дожидается ихъ, позвалъ свою дочь, маленькую дѣвочку, которая ухаживала за мной, и приказалъ ей оставаться въ комнатѣ.

— Целеста, сказалъ онъ, ты понимаешь немножко по-английски, на столько, по крайней мѣрѣ, чтобъ понять чего ему надобно. Приходи сюда съ своей работой; можешь заниматься, пока онъ будетъ спать.

Целеста вышла и, воротившись съ своимъ шитьемъ, сѣла въ головкахъ моей постели. Полковникъ и О'Бріэнъ вышли. Целеста занялась шитьемъ и такъ-какъ глаза ея были опущены на работу, то я могъ смотрѣть на нее, не будучи замѣченъ. Какъ я уже сказалъ, она была очень хорошенькая миленькая дѣвочка; волосы у ней были свѣтло-каштановые, глаза большіе, брови такъ правильно выведены, какъ бы съ помощію циркуля, носъ и ротъ также прекрасны. Но не столько черты лица, сколько вообще выраженіе ея фигуры дышало красотой, кротостію, скромностію и умомъ. Улыбаясь, что дѣлала всякій разъ, какъ заговаривала, она выказывала рядъ зубовъ, подобныхъ маленькимъ перламъ.

Не успѣлъ я насмотрѣться на нее, какъ, оторвавъ глаза отъ работы и замѣтивъ, что я смотрю на нее, она спросила:

— Вамъ нужно чего-нибудь? вы хотите пить? я, право, говорю такъ мало по-английски.

— Мнѣ ничего ненужно, благодарю васъ, отвѣчалъ я; я хочу спать.

— Ну, такъ закройте глаза, возразила она, улыбаясь, и подошедъ къ окну, задернула занавѣски. Но я не могъ спать; воспоминаніе о случившемся, о томъ, какъ въ нѣсколько часовъ я успѣлъ получить рану и попасть въ плѣнъ; мысль о горести моего отца и матери, вмѣстѣ съ перспективой заключенія въ тюрьму тотчасъ же по выздоровленіи, все это проходило одно за другимъ въ моей головѣ, и вмѣстѣ съ болью, которую я чувствовалъ отъ раны, прогоняло отъ меня всякій покой. Маленькая дѣвочка нѣсколько разъ отводила занавѣсъ моей постели, чтобы посмотрѣть, сплю ли я и не желаю ли чего, и тихо опускала его снова. Вечеромъ явился хирургъ; онъ пощупалъ мнѣ пульсъ, прописалъ холодныя примочки для ноги, значительно распухшей и причинявшей мнѣ страшную боль, и объявилъ полковнику О'Бріэну, что хотя у меня еще порядочная лихорадка, но я поправляюсь, на сколько можно ожидать этого при моемъ положеніи. Не стану, однакожь останавливаться на описаніи моихъ жестокихъ страданій, продолжавшихся цѣлыя двѣ недѣли, послѣ того, какъ вынули мнѣ пулю; умолчу даже о заботливости, съ какою ухаживали за мною О'Бріэнъ, полковникъ и маленькая Целеста, не смотря на мою злость и раздражительность, происходившія отъ боли и лихорадки. Сердце мое было исполнено благодарности къ нимъ и въ особенности къ Целестѣ, рѣдко оставлявшей мою комнату болѣе чѣмъ на полчаса, а когда я сталъ постепенно выздоравливать, всячески старавшейся занимать меня.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Мы переходимъ на неприятныя квартиры. — Птицы съ одинакими перьями не всегда водятся другъ съ другомъ. — О'Бріэнъ *срываетъ* кутернаго шпчмана и знакомится съ французской сталью. —

То и другое дурно. — Отправленіе во внутрь страны.

По мѣрѣ выздоровленія, я начиналъ ухаживать за моей маленькой кормилицей и, разумѣется, въ самомъ непродолжительномъ времени сталъ съ нею на короткую ногу. Главнымъ нашимъ занятіемъ было учить другъ друга языкамъ, она меня фран-

цузскому, я ее английскому. Целеста, имѣвшая предо мною то преимущество, что знала уже прежде нѣсколько по-английски, и сверхъ того, одаренная большою способностію понимать, говорила уже довольно бѣгло, когда я не умѣлъ еще связать и трехъ словъ по-французски. Какъ бы то ни было, но какъ это было главнымъ нашимъ занятіемъ и оба мы горѣли желаніемъ сообщать другъ другу наши мысли, то и я довольно скоро выучился по-французски. Недѣль черезъ пять я могъ уже вставать съ постели и гулять по комнатѣ, а черезъ два мѣсяца былъ совсѣмъ здоровъ; но полковникъ не хотѣлъ объявлять о томъ губернатору. Я не покидалъ софы въ продолженіе дня, въ сумерки же тайкомъ выходилъ изъ дому и прогуливался рука объ руку съ Целестой. Никогда я не былъ такъ счастливъ, какъ въ послѣднія двѣ недѣли, проведенныя въ домѣ полковника; только мысль о скоромъ заключеніи въ тюрьмѣ наводила тѣнь на это счастье. Я уже не безпокоился о своихъ родителяхъ, потому что О'Бріэнъ писалъ имъ, что я здоровъ; да сверхъ того, вскорѣ послѣ нашего плѣна, фрегатъ вошелъ въ гавань и выслалъ шлюпку съ парламантерскимъ флагомъ, съ цѣлію освѣдомиться живы ли мы и не находимся ли въ числѣ плѣнныхъ, такъ что, я увѣренъ, капитанъ Сэваджъ, также увѣдомилъ отца и мать моихъ о моемъ здоровьѣ, хотя это и было уже исполнено О'Бріэномъ. Въ то же время капитанъ Сэваджъ выслалъ намъ платье и двѣ тысячи долларовъ на наши потребности. Тѣмъ не менѣе мысль разстаться съ Целестой, къ которой я чувствовалъ такую благодарность и любовь, была для меня очень горестна. Когда я заговаривалъ съ ней объ этомъ, она плакала до того, что я не могъ не послѣдовать ея примѣру, хотя и старался поцѣлуями отереть ей слезы. Въ концѣ третьяго мѣсяца хирургъ не могъ долѣе скрывать моего выздоровленія, и намъ было приказано чрезъ два дня выступить въ Тулонъ, гдѣ мы должны были соединиться съ другой партией плѣнныхъ, отправлявшейся во внутрь страны. Я умолчу о нашемъ прощаньи; читатель легко можетъ себя представить какъ оно было горестно. Я общался писать Целестѣ; съ свѣей стороны она общалась отвѣчать мнѣ, если это ей позволятъ. Пожавъ руку полковника О'Бріэна и поблагодаривъ его за ласку, мы вступили, къ величайшему его сожалѣнію, подъ надзоръ двухъ французскихъ кирассировъ, ожидавшихъ насъ у дверей. Такъ-какъ мы

согласились оставаться на честномъ словѣ до прибытія въ Тулонъ, то солдаты не слишкомъ строго наблюдали за нами, и мы отправились въ путь верхомъ, О'Бріэнъ и я впереди, а французскіе кирасиры въ аррьергардѣ.

Мы спокойно подвигались впередъ, то на лошадяхъ, то пѣшкомъ. Погода стояла прекрасная, мы были веселы, и почти забыли, что находились въ плѣну. Кирасиры, занятые разговоромъ, слѣдовали за нами въ разстояніи двадцати сажень. Вечеромъ, на второй день, мы прибыли въ Тулонъ и тотчасъ же были сданы подъ надзоръ офицера, съ зловѣщимъ выраженіемъ въ лицѣ, который, послѣ непродолжительнаго разговора съ кирасирами, объявилъ тономъ увѣренности, что честному слову нашему конецъ, и поручилъ капралу отвезти насъ въ тюрьму, находившуюся близъ арсенала. Мы подарили кирасирамъ каждому по четыре доллара и отправлялись къ мѣсту нашего заключенія. Я замѣтилъ О'Бріэну, что теперь мы должны сказать прости всемъ удовольствіямъ.

— Это правда, Питеръ, отвѣчалъ онъ, но есть драгоценный камень, называемый надеждою, которую иной находитъ на днѣ своего сундука, когда онъ уже совсѣмъ нусть, а потому мы не должны терять ее изъ виду, но стараться снастись, если можно; впрочемъ, чѣмъ меньше мы будемъ говорить объ этомъ, тѣмъ лучше.

Въ нѣсколько минутъ мы были уже на мѣстѣ. Дверь открылась, мы и наши узелки (мы захватили съ собою немного, такъ какъ полковникъ обѣщалъ прислать наше остальное имущество, лишь только мы письменно извѣстимъ его о нашемъ мѣстопробываніи), были грубо втолкнуты въ нее. Холодъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу, когда дверь снова затворилась и щелкнули тяжелыя задвижки.

Хотя въ тюрьмѣ и не совсѣмъ было темно, но загнанные туда такъ внезапно и привыкшіе къ яркому блеску солнца, мы сначала не могли ничего видѣть; когда же способность зрѣнія воротилась, то увидѣли себя въ кругу англійскихъ матросовъ, числомъ около тридцати. Большая часть изъ нихъ сидѣла на полу, или на сундукахъ и узелкахъ съ платьемъ, которое имъ удалось спасти; они бесѣдовали другъ съ другомъ, или играли въ карты и кости.

Наше появленіе, казалось, нисколько не возбуждало ихъ вниманія; поднявъ глаза и удовлетворивъ минутное любопытство, они

снова продолжали заниматься каждый своимъ дѣломъ. Я часто удивлялся чувству эгоизма, преобладавшаго въ нихъ. Надѣясь встрѣтить во всѣхъ живое участіе и состраданіе, я былъ оскорбленъ съ перваго раза этой холодностью, но въ послѣдствіи, она уже не поражала меня. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ провели цѣлые мѣсяцы въ тюрьмѣ, между тѣмъ какъ самое короткое заключеніе въ состояніи породить это равнодушіе къ несчастіямъ ближняго, столько удивлявшее меня.

Въ самомъ дѣлѣ, когда мы входили, одинъ изъ игравшихъ въ карты, взглянувъ на насъ, весело вскричалъ:

— Ура, ребята! чѣмъ больше насъ, тѣмъ веселѣе.

Казалось, обстоятельство, что тутъ были и другіе, такіе же несчастные, какъ онъ, доставляло ему живое удовольствіе. Мы простояли около десяти минутъ, озирая группы заключенныхъ.

— Пора и намъ бросить якорь, замѣтилъ наконецъ О'Бріэнъ: дуриной грунтъ лучше бездонья.

Мы засѣли въ уголкѣ па нашихъ узлахъ, и оставались тамъ въ продолженіе цѣлаго часа, молча созерцая представлявшееся намъ зрѣлище. Я не могъ говорить, удрученный сознаніемъ своихъ бѣдствій.

Я думалъ объ отцѣ и матери, оставленныхъ въ Англіи, о моемъ капитанѣ и товарищахъ, такъ весело плававшихъ теперь на фрегатѣ, о ласковомъ полковникѣ О'Бріэнѣ, о моей милой маленькой Целестѣ, и слезы заструились по моему лицу, между тѣмъ какъ эти сцены прошедшаго счастья, въ быстрой послѣдовательности, смѣнялись въ моемъ воображеніи.

О'Бріэнъ также молчалъ и только разъ проговорилъ:

— Это плохое дѣло, Питеръ.

Мы пробыли въ тюрьмѣ уже около двухъ часовъ, когда подошелъ къ намъ дѣтина въ грязной, оборванной курткѣ, съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ.

— Я вижу по вашимъ мундирамъ, сказалъ онъ, что вы также какъ и я, офицеры.

О'Бріэнъ посмотрѣлъ на него съ минуту, и потомъ отвѣчалъ:

— Клянусь душой и честью, ваша проникательность побѣдила мою, потому что въ васъ я этого не вижу; но я готовъ вѣрить

вамъ на-словъ. Позвольте спросить, какой корабль имѣлъ несчастье потерять человѣка съ такимъ вѣсомъ въ службѣ короля?

— Я служилъ на кутерѣ Скепперѣ, отвѣчалъ молодой паренъ, и попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ призомъ, который капитанъ поручилъ мнѣ доставить въ Гибралтаръ. Но они не хотятъ вѣрить, что я офицеръ; я требовалъ себѣ офицерскаго помѣщенія и пайка, — мнѣ отказали.

— Хорошо, возразилъ О'Бріэнъ, но объ насъ знаютъ, что мы офицеры, для чего же насъ заперли здѣсь, вмѣстѣ съ простыми матросами?

— Я полагаю, васъ помѣстили здѣсь на время, отвѣчалъ мичманъ кутера, но для чего, это мнѣ неизвѣстно.

Намъ это было точно также неизвѣстно и только впоследствии узнали мы, какъ видно будетъ изъ нашего разсказа, что офицеръ, принявшій насъ отъ кирассировъ, иѣкогда поссорился съ полковникомъ О'Бріэномъ. Узнавъ отъ кирассировъ, что мы были въ большомъ почетѣ у полковника О'Бріэна, онъ рѣшился всеми средствами мучить насъ; въ рапортѣ о нашемъ прибытіи нарочно пропустилъ слово «офицеры,» и помѣстилъ насъ вмѣстѣ съ простыми матросами.

— Мнѣ жутко приходится безъ офицерскаго пайка, продолжалъ мичманъ; они кормятъ меня однимъ чернымъ хлѣбомъ и даютъ только по три су на день. Еслибъ на мнѣ былъ мой новый мундиръ, у меня не стали бы оспаривать офицерскаго достоинства, но негодяи, отнявшіе у меня призь, украли также все мои наряды, и мнѣ ничего не осталось, кромѣ этой старой куртки.

— Ну, отвѣчалъ О'Бріэнъ, въ другой разъ вы будете болѣе цѣнить опрятную одежду. Вы, мичманы кутеровъ и канонирныхъ бригавъ, вы одѣваетесь такъ грязно, что фрегатные офицеры едва признаютъ васъ за офицеровъ и тѣмъ менѣе за джентльменовъ. Ваша паружность такъ гадка и отвратительна, что когда мы встречаемся съ вами на верфи, то стараемся обойти васъ, какъ можно дальше; какъ же вы можете ожидать, чтобъ иностранцы повѣрили вамъ, что вы офицеры или джентльмены? По совѣсти, я вполне оправдываю Французовъ, потому что даже вамъ, Англичанамъ, не представляется, кромѣ собственныхъ вашихъ словъ, никакихъ доказательствъ того, чтобъ вы были офицерами.

— Какъ больно, отвѣчалъ молодецъ, подвергаться такимъ нападкамъ отъ своего собрата офицера; побудьте здѣсь немножко, и мундиръ вашъ будетъ такъ же грязенъ, какъ мой.

— Правда, мой милый, возразилъ О'Бріэнъ; но мнѣ останется утѣшительная мысль, что хоть я и не джентльменомъ выду изъ тюрьмы, но, по крайней мѣрѣ, вошелъ въ нее джентльменомъ. Покойной ночи, пріятнаго сна!

Слова О'Бріэна отзывались досадою; однакожъ, самъ онъ былъ всегда также замѣчательно чисто и хорошо одѣтъ, какъ замѣчательно хорошо сложенъ и красивъ собой.

Къ счастью, намъ не долго пришлось оставаться въ этой отвратительной ямѣ. Послѣ бѣдственной ночи, которую мы продремали, сидя на уздахъ и опершись спинами на сырую стѣну, мы были разбужены наразсвѣтъ шумомъ поднимаемыхъ дверныхъ задвижекъ. Вслѣдъ за тѣмъ намъ отданъ былъ приказъ выдти на тюремный дворъ. Отрядъ солдатъ съ заряженными ружьями выгналъ насъ въ беспорядкѣ, какъ стадо овецъ, на дворъ, гдѣ насъ разставили попарно. Конвоемъ нашимъ командовалъ тотъ же самый офицеръ, который приказалъ насъ отвести въ тюрьму. О'Бріэнъ вышелъ изъ рядовъ и, обращаясь къ солдатамъ, объявилъ, что мы офицеры, и что съ нами не имѣютъ права поступать какъ съ простыми матросами. Французскій офицеръ отвѣчалъ, что онъ знаетъ это лучше нашего и что мы носимъ не принадлежащія намъ мундиры. Это раздражило до крайности О'Бріэна; онъ назвалъ офицера лжецомъ и требовалъ удовлетворенія, утверждая, что его соотечественникъ, полковникъ О'Бріэнъ, находившійся въ городѣ Сеттѣ, принялъ его, два мѣсяца тому назадъ, на честное слово, въ собственный свой домъ, что достаточно доказываетъ его офицерскій чинъ.

— Это привело офицера въ такую ярость, что онъ бросился на О'Бріэна, втолкувъ его въ ряды и, выхвативъ пистолеть, грозилъ прострѣлить ему голову.

— Я глубоко запрячу въ карманъ эту обиду, произнесъ О'Бріэнъ, возвратясь въ ряды и бросая грозный взглядъ на офицера, и выну ее на свѣтъ впоследствии, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ.

Мы выступили въ путь, идя попарно, съ двумя барабанщиками впереди и съ толпою народа сзади, сбѣжавшагося поглазѣть на

наши сборы. Бой барабановъ раздался, и мы скоро вышли изъ города. Офицеръ, командовавшій нашимъ конвоемъ, ѣхалъ верхомъ на маленькой лошади, галопируя взадъ и впередъ по нашимъ рядамъ, съ обнаженной шпагой, горячася, ругаясь и раздавая удары плашмя плѣнникамъ, выступавшимъ изъ своихъ рядовъ. У городскихъ воротъ къ намъ присоединился другой отрядъ плѣнныхъ; офицеръ скомандовалъ остановиться и объявилъ, съ помощію переводчика, что всякая попытка съ нашей стороны къ бѣгству подвергнетъ виновнаго немедленному разстрѣлянiю. Выслушавъ это объявленіе мы отправились далѣе.

Ничего замѣчательнаго не произошло въ теченіе перваго дня нашего путешествія, исключая развѣ любопытнаго разговора между О'Бріэномъ и однимъ изъ французскихъ солдатъ, съ которымъ они спорили о сравнительной храбрости обонхъ народовъ.

Въ яслѣ прочихъ доказательствъ О'Бріэнь привелъ Французу то, что соотечественники его не могутъ устоять противъ англійскихъ штыковъ. На это Французъ отвѣчалъ, что Французы такъ же храбры, какъ и Англичане, и если не могутъ устоять противъ штыковъ, то не по недостатку храбрости, а потому, что слишкомъ щекотливы. Въ этотъ день, на стоянкѣ, мы пообѣдали однимъ чернымъ хлѣбомъ, который запивали кислымъ виномъ. О'Бріэнь упросилъ одного солдата купить намъ чего-нибудь поделкатнѣе, но, узнавъ о томъ, офицеръ разсердился и уславъ солдата въ аррьергардъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

О'Бріэнь выходитъ на дуэль съ французскимъ офицеромъ и доказываетъ, что все искусство фехтовать состоитъ въ неузнаніи. —

Помѣщеніе на новыхъ, очень безопасныхъ квартирахъ.

Ночью мы прибыли въ какой-то маленькій городокъ, названія котораго не помню. Насъ заперли въ одно старое зданіе, гдѣ мы очень плохо провели ночь: намъ не дали даже соломы, на которой бы мы могли уснуть. Потолокъ мѣстами обвалился, и мѣсяцъ довольно ярко освѣщалъ насъ. Это еще составляло нѣкоторое удобство, потому что быть запертымъ въ темнотѣ, въ

сообществѣ семидесяти пяти человѣкъ, положеніе очень непріятное. Мы нигдѣ не находили мѣста лечь, потому что полъ, какъ бываетъ вообще во всѣхъ развалившихся зданіяхъ во Франціи, былъ заваленъ разными нечистотами. О'Бріэнь былъ задумчивъ и едва отвѣчалъ на вопросы, которые я предлагалъ ему; ясно было, что онъ думалъ объ оскорбленіи, нанесенномъ ему французскимъ офицеромъ. На разсвѣтѣ дверь была отперта французскими солдатами, и насъ вывели на одну изъ площадей города, гдѣ мы встрѣтили квартировавшія тутъ войска, которыя вышли подъ начальствомъ своихъ офицеровъ, принять насъ изъ рукъ отряда, провожавшаго насъ изъ Тулона. Мы были этому очень рады, такъ какъ знали, что поступая подъ надзоръ другаго отряда, освобождаемся отъ грубаго офицера, имѣвшаго до сихъ поръ команду надъ плѣнными. Но мы еще иначе освободились отъ него. Между офицерами, проходившими по нашимъ рядамъ, осматривая насъ, я замѣтилъ одного капитана, съ которымъ очень коротко познакомился въ городѣ Сеттѣ, у полковника О'Бріэна. Я тотчасъ же назвалъ его по имени; онъ оглянулся, увидѣлъ О'Бріэна и меня, подошелъ къ намъ и пожалъ намъ руки, изъявивъ свое удивленіе, что находитъ насъ въ такомъ состояніи. О'Бріэнь рассказалъ ему, какъ съ нами обращались, что привело въ негодование его и всѣхъ окружавшихъ насъ офицеровъ. Маіоръ, командовавшій гарнизономъ города, обратился къ офицеру, провожавшему насъ изъ Тулона (онъ состоялъ въ чинѣ поручика), и потребовалъ у него отчета, почему онъ обращался съ нами такимъ безчестнымъ образомъ. Онъ началъ запыряться въ томъ, что обхожденіе его съ нами было дурно, прибавляя, будто по полученнымъ имъ извѣстіямъ, считалъ насъ присвоившими офицерскіе мундиры, на которые мы не имѣли ни малѣйшаго права. Въ отвѣтъ на это, О'Бріэнь назвалъ его лжецомъ и объявилъ, что онъ нанесъ ему ударъ саблей, чего бы не осмѣлился сдѣлать, еслибъ онъ не былъ плѣнный. Онъ прибавилъ, что ничего болѣе не требуетъ, кромѣ удовлетворенія за нанесенную обиду. Маіоръ и офицеры отошли въ сторону для совѣщанія, и черезъ нѣсколько минутъ рѣшили, что поручикъ обязанъ дать требуемое удовлетвореніе. Поручикъ отвѣчалъ, что онъ готовъ, но тѣмъ не менѣе, замѣтно было, что готовность его не слишкомъ-то охотлива. Плѣнные были поручены надзору солдатъ, подъ командою младшаго офицера, между

тѣмъ какъ прочіе, въ сопровожденіи О'Бріэна, меня и поручика, от-
правились неподалеку за городъ. Дорогою я спросилъ О'Бріэна,
какимъ оружіемъ онъ намѣренъ драться.

— Я согласенъ, отвѣчалъ онъ, драться на коротенькихъ
шпагахъ.

— Да развѣ ты умѣешь фехтовать? спросилъ я.

— Нисколько, Питеръ; но это то и послужить въ мою
пользу.

— Какъ такъ? возразилъ я.

— Вотъ какъ, Питеръ. Если одинъ изъ противниковъ хорошо
фехтуетъ, а другой плохо, то первый несомнѣнно убьетъ послѣд-
няго; но если одинъ изъ нихъ вовсе ничего не смыслитъ въ фех-
тованьи, въ такомъ случаѣ, Питеръ, дѣло совершенно переверты-
вается, потому что хорошиій фехтовальщикъ въ такое же при-
ходитъ смущеніе отъ твоего невѣжества, какъ ты отъ его
искусства, и между вами является больше равновѣсія. Я забилъ
себѣ въ голову, Питеръ, что убью этого молодца, и не будь я
О'Бріэнь, если не сдѣлаю этого.

— Надѣюсь, но, пожалуйста, не будь такъ увѣренъ.

— Чувство-то увѣренности и ручается за успѣхъ. Клянусь
кровью О'Бріэновъ! Не ударилъ ли онъ меня шпагой, меня, какъ
какого-нибудь паяццо въ пантомимѣ.

Между тѣмъ мы пришли къ назначенному мѣсту. Француз-
скій поручикъ снялъ съ себя все, кромѣ рубашки и панталонъ;
О'Бріэнь послѣдовалъ его примѣру, скинувъ даже сапоги и ставъ
на траву въ однихъ носкахъ.

Шпаги были смѣняны и поданы противникамъ, которые, вы-
мѣривъ разстояніе, тотчасъ же принялись за дѣло. Признаюсь,
страхъ захватывалъ мое дыханіе, мысль о потерѣ О'Бріэна пора-
жала меня горестью и ужасомъ. Тогда только почувствовалъ я всю
цѣну его дружбы, я готовъ былъ стать на его мѣсто и лучше,
умереть чѣмъ видѣть его раненымъ.

Сначала О'Бріэнь, въ подражаніе поручикѣ, принялъ пра-
вильную оборонительную позицію, но не на долго. Неожиданнымъ
прыжкомъ ринулся онъ на своего противника, и нанося ему съ
удивительной быстротой удары остриемъ шпаги, привелъ его въ
необходимость только парировать, въ ожиданіи удобнаго случая для

наступательнаго дѣйствія. Наконецъ О'Бріэнъ, не могшій долѣе удерживаться, поднялъ лѣвую руку, схватилъ шпагу поручика почти около эфеса, направилъ ее себѣ подъ руку и, бросившись впередъ, промзиль его насквозь. Все это произошло менѣе, чѣмъ въ одну минуту; поручикъ умеръ, спустя полчаса.

Французскіе офицеры, съ самаго начала замѣтившіе неискusstво О'Бріэна въ фехтованьѣ, были очень удивлены результатомъ дуэли. О'Бріэнъ, сорвавъ колокъ травы, отеръ имъ шпагу, подалъ ее офицеру, которому она принадлежала, и, поблагодаривъ маіора съ прочими офицерами за ихъ безпристрастіе, отправился на площадь, гдѣ снова вступилъ въ ряды плѣнныхъ.

Вскорѣ потомъ къ намъ вышелъ и маіоръ и спросилъ, не хотимъ ли мы быть отпущены на честное слово, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, мы опять можемъ путешествовать безъ всякихъ непріятностей. Мы согласились и благодарили его за эту учтивость и снисходительность; но я не могъ не замѣтить, что Французы были нѣсколько огорчены успѣхомъ О'Бріэна, хотя деликатность и не позволяла имъ обнаружить этого чувства. Когда мы вышли изъ города, О'Бріэнъ сказалъ мнѣ, что, еслибъ не благородное обхожденіе съ нами офицеровъ, онъ ни за что не согласился бы быть отпущеннымъ на честное слово, потому что убѣжденъ въ возможности нашего побѣга.

Я почти забылъ сказать, что, когда мы воротились съ дуэли, кутерный мичманъ вызвалъ О'Бріэна и просилъ его засвидѣтельствовать коменданту, что онъ также офицеръ. Но О'Бріэнъ отвѣчалъ, что на это нѣтъ никакихъ доказательствъ, кромѣ его словъ.

— Если вы офицеръ, сказалъ онъ, вы должны доказать это сами; тѣмъ болѣе, что все въ вашей наружности рѣшительно опровергаетъ такое предположеніе.

— Какъ больно, возразилъ мичманъ, лишиться чина изъ того только, что куртка моя немного запачкана дегтемъ.

— Другъ мой, отвѣчалъ О'Бріэнъ, не потому, что ваша куртка вышачкана дегтемъ, а потому что, какъ говорятъ Французы, вашъ *tout ensemble* слишкомъ неграціозенъ для офицера. Посмотрите на ваше лицо въ первой лужѣ, и вы увидите, оно загрязнитъ воду, въ которой отразится; посмотрите на ваши плечи, подыавшіяся выше ушей, на спину, похожую на канатный узелъ, ваши панталоны, сѣръ....

вы ужь слишкомъ далеко засунули въ нихъ ноги и выставляете напоказъ изношенные чулки. Короче, посмотрите на всего себя и скажите, если вы и дѣйствительно офицеръ, то не долженъ ли я, изъ одного уваженія къ нашей службѣ, противорѣчить этому. Это противъ моей совѣсти, другъ мой. Впрочемъ, вамъ легко будетъ доказать вашъ чинъ, когда мы прибудемъ въ депо; подождите, пока капитаны сдѣлають то, чего бъ не сдѣлалъ я, то—есть увѣрять Французовъ, что вы офицеръ.

— Но приятно ли мнѣ, возразилъ мичманъ, питаться однимъ чернымъ хлѣбомъ, и деликатно ли съ вашей стороны такъ обходиться со мной?

— Очень деликатно. Въ общей тюрьмѣ вамъ будетъ очень хорошо, а потому постарайтесь утѣшиться и молчите, или я побожусь, что вы Испанецъ.

Мнѣ казалось, что О'Бріэнъ слишкомъ жестоко обходился съ несчастнымъ землякомъ, и я протестовалъ противъ этого наединѣ съ нимъ.

— Питеръ, отвѣчалъ онъ, это кутерный мичманъ; онъ нѣчто въ родѣ офицера, но ни по рожденію, ни по воспитанію, нисколько не джентльменъ, и обязанъ ли я ручаться за перваго встрѣчнаго плута? Клянусь, я покраснѣлъ бы среди самыхъ пустынныхъ болотъ Ирландіи и передъ глазами одной какой—нибудь старой вороны, еслибъ мнѣ пришлось быть въ его обществѣ.

Теперь мы опять были отпущены на честное слово, и командиры отрядовъ, провожавшихъ плѣнныхъ изъ одного города въ другой, принимали насъ со всевозможною учтивостью и вниманіемъ. Въ нѣсколько дней мы прибыли въ Монпелье, гдѣ остановились на нѣкоторое время, въ ожиданіи приказаній отъ губернатора, касательно депо плѣнныхъ, въ которое насъ должно было препроводить. Въ этомъ прекрасномъ городѣ, мы пользовались неограниченною довѣренностью къ нашему слову: за нами даже не слѣдилъ жандармъ. Мы жили въ гостинницѣ, гуляли гдѣ хотѣли, и каждый вечеръ проводилъ въ театрѣ. Въ бытность нашу здѣсь, мы написали письмо въ городъ Сеттъ полковнику О'Бріэну, въ которомъ благодарили за его радушіе и рассказали наши приключенія со дня разлуки съ нимъ. Я написалъ также Целестѣ, и вложилъ это письмо, не запечатанное въ письмо полковника О'Бріэна. Я рассказывалъ ей

исторію О'Бріэновой дуэли и все, что, по моему мнѣнію, могло интересовать ее; описывалъ, какъ грустно мнѣ было расставаться съ нею, увѣрялъ, что никогда ее не забуду, и выражалъ надежду сойтись съ нею когда-нибудь въ Англіи, такъ-какъ она Французенка только въ половину. Еще въ Монпелье мы имѣли удовольствіе получить отвѣты. Письма полковника были очень ласковы, въ особенности адресованное ко мнѣ: онъ называлъ меня своимъ милымъ сыномъ, изъявлялъ надежду, что я скоро увижусь съ своими друзьями и сдѣлаюсь впоследствии украшеніемъ своей родины. Въ письмѣ къ О'Бріэну онъ просилъ его не подвергать меня безнадежнымъ опасностямъ, помнить, что лѣта и силы наши неодинаковы и что я не въ состояніи устоять противъ бѣдствій, съ которыми можетъ совладать онъ. Я не сомнѣвался, что эти предостереженія относились къ намѣренію О'Бріэна бѣжать изъ тюрьмы, которое онъ не скрылъ отъ полковника. Отвѣтъ Целесты былъ написанъ по-англійски; но ей, вѣроятно, помогалъ отецъ, иначе онъ не удался бы такъ хорошо. Онъ совершенно походилъ на самое Целесту, былъ такъ же ласковъ и милъ. Она тоже желала мнѣ скорѣго возвращенія къ друзьямъ, которые, говорила она, вѣроятно, такъ меня любятъ, что ей уже никакъ нельзя питать надежды снова увидѣться со мной — обстоятельство, въ которомъ ее утѣшаетъ одна увѣренность, что среди нихъ я буду счастливъ. Я забылъ сказать, что полковникъ О'Бріэнъ между прочимъ писалъ въ своемъ письмѣ, что онъ ожидаетъ съ часу на часъ приказанія покинуть городъ Сеттъ и принять начальство надъ какимъ-нибудь военнымъ постомъ внутри страны, или присоединиться къ арміи, но къ какой, это ему неизвѣстно. Теперь, говорилъ онъ далѣе, онъ уже укладывается и боится, что наша переписка должна будетъ прекратиться, такъ-какъ онъ не можетъ еще назначить мѣста, въ которое мы могли бы адресовать свои письма. Я не могъ не видѣть въ этомъ деликатнаго намека на то, что при взаимныхъ нашихъ обстоятельствахъ намъ не слѣдуетъ переписываться; но въ тоже время, зная, что онъ никогда не рѣшится прибѣгнуть къ обману, я былъ увѣренъ, что онъ дѣйствительно готовится оставить Сеттъ.

Здѣсь я долженъ сообщить читателю одно обстоятельство, о которомъ забылъ сказать въ своемъ мѣстѣ. Именно, когда капитанъ Сэваджъ прислалъ намъ съ парламентарскимъ ботомъ платье

и деньги, то я заблагоразсудил воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ увѣдомить фрегатъ о прекрасномъ поведеніи О'Бріэна. Я зналъ, что самъ онъ никогда не станетъ говорить объ этомъ, а потому, будучи не въ состояніи, по причинѣ болѣзни, писать самъ, я послалъ за полковникомъ О'Бріэномъ и попросилъ его съ моихъ словъ письменно изложить все дѣло. Я упомянулъ о томъ, какъ О'Бріэнь заколотилъ послѣднюю пушку, и добавилъ, что это обстоятельство, вмѣстѣ съ попыткою спасти меня, было причиною его плѣна. Когда полковникъ кончилъ письмо, я попросилъ его послать за майоромъ, который съ своими солдатами первый вошелъ въ крѣпость, и перевести ему это на французскій языкъ. Полковникъ исполнилъ это въ моемъ присутствіи; съ своей стороны майоръ также засвидѣтельствовалъ справедливость этого.

— Согласенъ онъ удостовѣрить это своею подписью, полковникъ? Этимъ онъ окажетъ большую услугу О'Бріэну.

Майоръ тотчасъ же согласился. Полковникъ О'Бріэнь заключилъ мое письмо краткою припискою отъ себя, въ которой свидѣтельствовалъ свое мочтеніе капитану Сэваджу и увѣрялъ, что съ его прекрасными молодыми офицерами будутъ обходиться со всею вниманіемъ и снисходительностію, какія только могутъ быть дозволены правилами войны. О'Бріэнь ничего не зналъ объ этомъ письмѣ, потому что полковникъ, по моей просьбѣ, не говорилъ ему о немъ ни слова.

Спустя десять дней, мы получили приказъ выступить въ походъ. Матросы, въ томъ числѣ и несчастный другъ нашъ, шичманъ кутера Снеппера, отправлены въ Вердюнь; О'Бріэнь, я и восемь капитановъ купеческихъ кораблей, присоединившихся къ намъ въ Монпелье, были посланы въ Живе, укрѣпленный городъ Арденнскаго департамента. Въ то же время отъ правительства вышелъ приказъ поступать какъ можно строже съ плѣнными и не пускать ихъ на честное слово; причиною тому была, какъ мы узнали, дошедшая до свѣдѣнія правительства смерть французскаго офицера на дуэли съ О'Бріэномъ, чѣмъ оно было очень недовольно. Дѣйствительно, я сомнѣваюсь, чтобъ это было дозволено у насъ; но понятія о чести французскихъ офицеровъ почти романически-рыцарскія; въ самомъ дѣлѣ, какъ непріятелей, я всегда считалъ ихъ достойными соперниками Англичанъ. Въ этомъ качествѣ они гораздо уважительнѣе и снискиваютъ больше расположенія съ нашей стороны, чѣмъ

когда мы встрѣчаемся съ ними друзьями и знакомимся съ другими сторонами ихъ характера, вредящими ихъ репутаціи.

Не стану останавливаться на описаніи трехнедѣльнаго марша, въ продолженіе котораго мы попеременно испытывали то хорошее, то дурное обращеніе, смотря по расположенію тѣхъ, подъ надзоромъ кого мы находились; замѣчу только, что дворяне по происхожденію, всѣ до одного, обходились съ нами учтиво, тогда какъ люди, возвысившіеся изъ ничтожества во времена революціи, поступали съ нами грубо, иногда даже жестоко. Когда мы пришли наконецъ въ Живе, въ назначенную для насъ тюрьму, прошло уже четыре мѣсяца со времени нашего плѣна.

— Питеръ, сказалъ О'Бріэнъ, бросивъ торопливый взглядъ на укрѣпленія и на рѣку, раздѣляющую городъ, я не вижу причины, почему бы намъ не объѣхать на Рождествѣ въ Англій; я успѣлъ орлинымъ взглядомъ обозрѣть внѣшность, и теперь остается только знать, гдѣ насъ посадятъ.

Признаться, взглянувъ на плотины и высокія укрѣпленія, я подумалъ совершенно другое; точно также и жандармъ, шедшій около насъ, замѣтивъ пытливый взоръ О'Бріэна, спокойно произнесъ:

— Vous le croyez possible?

— Все возможно для храбраго, французская армія доказала это, отвѣчалъ О'Бріэнъ.

— Вы правы, возразилъ жандармъ, польщенный похвалою своей націи. Желаю вамъ успѣха, вы заслуживаете его; но.., и онъ покачалъ головой.

— Только бы мнѣ достать планъ крѣпости, продолжалъ О'Бріэнъ; я съ удовольствіемъ далъ бы за него пять наполеондоровъ.

И онъ взглянулъ на жандарма.

— Я не вижу причины, отвѣчалъ жандармъ, почему офицеру, хотя бы и плѣнному, не заняться фортификаціей. Черезъ два часа вы будете въ тюрьмѣ; теперь я припоминаю: на картѣ города крѣпость изображена довольно аккуратно, такъ что можно получить объ ней понятіе. Но мы ужъ слишкомъ разговорились.

И сказавъ это, онъ удалился въ аррьергардъ.

Черезъ четверть часа мы были уже на плацпарадѣ, гдѣ, по обыкновенію, насъ встрѣтилъ отрядъ солдатъ, съ барабанщиками впе-

реди. До представленія губернатору, насъ съ торжествомъ провели по всему городу. Это дѣлалось по распоряженію правительства во всѣхъ городахъ, черезъ которые мы проходили. Когда мы остановились передъ домомъ губернатора, жандармъ, разговаривавшій съ нами на площади, мигнулъ О'Бріэну, давая тѣмъ знать, что все готово. О'Бріэнь вынулъ пять наполеондоровъ, завернулъ ихъ въ бумажку и держалъ въ рукѣ. Черезъ минуту жандармъ приблизился къ нему.

— *Votre mouchoir, monsieur*, сказалъ онъ, подавая О'Бріэну старый шелковый платокъ.

— *Merci*, отвѣчалъ О'Бріэнь, пряча въ карманъ платокъ, въ которомъ завернута была карта; *voici à boire, mon ami*. И онъ всунулъ бумажку съ пятью наполеондорами въ руку жандарма, который тотчасъ же отошелъ прочь.

Все это было сдѣлано очень кстати, потому что послѣ мы узнали, что въ спискѣ плѣнныхъ, противъ имени О'Бріэна и моего, была сдѣлана приписка, чтобъ не выпускать насъ изъ крѣпости, не только на честное слово, но даже подъ карауломъ. Притомъ мы и такъ никогда бы не получили этого позволенія, потому что комендантъ крѣпости былъ близкій родственникъ поручика, убитаго на дуэли, и мстилъ намъ за него. Простоявъ цѣлый часъ передъ губернаторскимъ домомъ, гдѣ насъ, по обыкновенію, перекликали, выставляя такимъ образомъ напоказъ народу, мы были наконецъ отпущены, и черезъ нѣсколько минутъ заперты въ одну изъ важнѣйшихъ крѣпостей Франціи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О'Бріэнь получаетъ патентъ на лейтенанта, и мы поднимаемъ въ отставку изъ Живе.

Если я сомнѣвался въ осуществимости побѣга, обзрѣвая внѣшность крѣпости, то счелъ его совершенно невозможнымъ, увидя ея внутренность, и мнѣніе это высказалъ О'Бріэну. Насъ привели на дворъ, окруженный высокимъ валомъ; зданія, назначенныя для плѣнныхъ, были выстроены потолками въ уровень съ дворомъ,

и съ каждой стороны площадки стоялъ часовой, надзиравшій за нами сверху. Они очень походили на землянки, какія строятся для медвѣдей, только были вдвое просторнѣе.

— Тсъ, Питеръ! отвѣчалъ мнѣ О'Бріанъ, нашему побѣгу будетъ именно способствовать благонадежность этого мѣста. Однако перестанемъ говорить объ этомъ; здѣсь есть шпіоны, которые понимаютъ по-англійски.

Мы были помѣщены шестеро въ одну комнату; имущество наше было сначала пересмотрѣно и тогда уже возвращено намъ.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, Питеръ, замѣтилъ О'Бріанъ; они не нашли того!..

— Чего? спросилъ я.

— Небольшаго выбора статей, которыя со временемъ намъ очень пригодятся.

Тутъ онъ показалъ мнѣ, чего я никогда не замѣчалъ прежде, потаенное дно въ своемъ сундукѣ, обклеенное, какъ все прочее, и очень искусно скрытое.

— Что здѣсь такое, О'Бріанъ? спросилъ я.

— Не твое дѣло. Я заказалъ это въ Монпелье; ты увидишь въ свое время. Товарищи наши по помѣщенію вошли въ эту минуту, и, пробывъ здѣсь съ четверть часа, ушли по первому звону колокола, возвѣщавшаго обѣдъ.

— Ну, Питеръ, сказалъ О'Бріанъ, теперъ мнѣ пора освободиться отъ груза. Запри дверь.

Онъ раздѣлся и, снявъ рубашку и кальсоны, показалъ мнѣ шелковую веревку, обвязанную вокругъ его тѣла. Она была толщиною въ полвершка и съ узлами чрезъ каждые два фута, въ длину имѣла около шестнадцати футовъ.

— Питеръ, сказалъ онъ, между тѣмъ, какъ я развязывалъ веревку: я ношу ее съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ Монпелье, и ты не можешь представить себѣ страданій, которыя я вытерпѣлъ; но мы должны быть въ Англии, это рѣшено.

Отмотавъ веревку, я взглялъ на О'Бріана и увидѣлъ, что онъ дѣйствительно долженъ былъ чувствовать страшную боль. Во многихъ мѣстахъ кожа была содрана отъ постоянного тренія, и едва онъ успѣлъ одѣться, какъ лишился чувствъ. Я испугался, однакожь не забылъ упрятать веревку въ сундукъ и запереть его на

ключъ, прежде чѣмъ позвать на помощь. Онъ тотчасъ же пришелъ въ себя, и на вопросъ, что съ нимъ сдѣлалось, отвѣчалъ, что съ дѣтства подверженъ обморокамъ. При этомъ онъ серьезно взглянулъ на меня; я показалъ ему ключъ, и онъ успокоился. Въ теченіе нѣсколькихъ дней О'Бріэнъ чувствовалъ себя нездоровымъ и не выходилъ изъ комнаты. Въ это время онъ часто рассматривалъ карту, данную ему жандармомъ.

— Питеръ, спросилъ онъ однажды, умѣешь ты плавать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я; но не безпокойся объ этомъ.

— Нельзя не безпокоиться, Питеръ, потому что, посмотри, намъ придется переправляться черезъ рѣку Мёзу, а лодку не всегда можно найти. Ты видишь, крѣпость омывается съ одной стороны рѣкою; такъ-какъ это самая крѣпкая сторона, то она меньше охраняется, а потому мы убѣжимъ отсюда. — я вижу ясно, нашъ путь до втораго вала у рѣки; но когда мы бросимся въ рѣку, я принужденъ буду поддерживать тебя надъ водою.

— Неужели ты намѣренъ бѣжать, О'Бріэнъ? Я не вижу какъ мы доберемся до этого вала, гдѣ должны встрѣтиться лицомъ къ лицу съ четырьмя часовыми.

— Это не твоя забота, Питеръ; дѣлай свое дѣло, и прежде всего скажи, согласенъ ты попытаться со мной счастья?

— Да, отвѣчалъ я, конечно; если ты на столько довѣряешь мнѣ, что согласенъ принять меня къ себѣ въ товарищи.

— Сказать правду, Питеръ, я ни за что не рѣшился бы бѣжать безъ тебя. Насъ поймаютъ вмѣстѣ, или, если Богу будетъ угодно, мы убѣжимъ вмѣстѣ. Но это будетъ не въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ: нашими главными помощниками будутъ темная ночь и дурная погода.

Тюрьма наша, по всѣмъ извѣстіямъ, очень отличалась отъ тюрьмы вердюнской и прочихъ. Насъ не выпускали на честное слово, съ городскими обывателями мы имѣли очень мало сношеній. Нѣкоторымъ дозволялось ходить въ крѣпость и снабжать насъ различными вещами, но корзины ихъ осматривали, изъ опасенія, чтобъ въ нихъ не было чего-нибудь, могущаго способствовать плѣннымъ къ побѣгу. Безъ предосторожности, принятой О'Бріэномъ, всякая попытка была бы теперь бесполезною. Между тѣмъ всякій разъ, какъ О'Бріэнъ выходилъ изъ комнаты, онъ приносилъ съ

собой разныя вещи, всего же чаще мотки сученныхъ нитокъ, такъ—какъ главною забавою плѣнныхъ было спусканіе змѣя. Доставка нитокъ, однако же, была запрещена съ тѣхъ поръ, какъ нитка змѣя, случайно или намѣренно со стороны владѣльца его, зацѣпилась за курокъ мушкета и вырвала его изъ рукъ часоваго; послѣ этого спусканіе змѣевъ было прекращено по приказанію коменданта. Къ счастью, О'Бріэнъ, мало по малу, перекупилъ всѣ нитки, принадлежавшія прочимъ плѣннымъ, и такъ—какъ насъ было около трехъ сотъ человѣкъ, то мы успѣли тайкомъ сплести изъ нихъ крѣпкія веревки или нѣчто въ родѣ четверугольныхъ матовъ, извѣстныхъ только морякамъ,

— Ну, Питеръ, сказалъ однажды О'Бріэнъ, теперь мнѣ нуженъ только зонтикъ для тебя.

— Зонтикъ?

— Да, чтобъ ты не захлебнулся, вотъ и все.

— Отъ дождя я, кажется, не захлебнусь.

— Конечно, но купи себѣ новый зонтикъ, какъ можно скорѣе.

Я исполнилъ по его желанію. Онъ расплавилъ воску съ деревяннымъ масломъ, и, сложивъ вмѣстѣ нѣсколько пластовъ этого препарата, тщательно упряталъ ихъ подъ перину своей постели. Я спросилъ его, не хочетъ ли онъ повѣрить своего плана прочимъ плѣннымъ; онъ отвѣчалъ отрицательно, говоря, что между ними столько нестоющихъ никакого довѣрія, что онъ не намѣренъ довѣрять никому. Мы пробыли въ Живе уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ къ одному лейтенанту, заключенному вмѣстѣ съ нами, пришло письмо. Лейтенантъ, отыскавъ О'Бріэна, спросилъ, какъ его зовутъ.

— Теренціемъ, отвѣчалъ О'Бріэнъ.

— Такъ могу поздравить васъ съ повышеніемъ, отвѣчалъ лейтенантъ; вотъ ваше имя въ спискѣ пожалованныхъ чинами.

— Это должна быть ошибка, позвольте взглянуть. Теренцій О'Бріэнъ такъ точно! Но вотъ вопросъ, не похитилъ ли кто—нибудь моего имени и повышенія въ тоже время? Чортъ возьми, что это значить? Я не хочу вѣрить этому! Мнѣ тутъ столько же выгоды, какъ собацѣ, которая воруетъ кошачій кормъ.

— Право, О'Бріэнъ, замѣтилъ я, я не вижу, почему тебѣ не быть повышеннымъ; ты заслужилъ этого своимъ поведеніемъ, когда попалъ въ плѣнъ.

— А скажи, пожалуйста, простакъ, ты Питеръ, что я сдѣлалъ при этомъ случаетъ? Только ввѣлъ тебя на спину, какъ матросы свои кайки, когда свистокъ свываетъ ихъ внизъ. При томъ, если отложить въ сторону всѣ прочія недоразумѣнія, все-таки кто же могъ знать, что произошло на батарее, исключая тебя, меня и оружейника, повалившагося мертвымъ? Объясни мнѣ это, Питеръ, если можешь.

— Мнѣ кажется, я въ состояніи объяснить это, сказалъ я, когда лейтенантъ оставилъ насъ.

Тутъ я рассказалъ ему, что письменно извѣстия обо всемъ капитана Сэваджа и попросилъ засвидѣтельствовать мое донесеніе маіора, взявшаго насъ въ плѣнъ.

— Ну, Питеръ, сказалъ О'Бріанъ, послѣ минутнаго молчанія; это басня о лвъ и мышенкѣ. Если, благодаря тебѣ, я повышентъ, то значить, мышенокъ оказался хитрѣ льва; но вмѣсто того, чтобъ радоваться этому, я теперь буду несчастливъ, пока, такъ или иначе, не удостовѣрюсь въ истинѣ, и вотъ другая причина, почему мнѣ нужно, какъ можно скорѣе, отправиться въ Англію.

Нѣсколько дней спустя, О'Бріанъ почувствовалъ себя очень нездоровымъ, но, къ счастью, мы получили въ это время письма, которыя разсѣяли насъ немного. Одно было отъ моего отца; онъ просилъ меня брать у его банкира сколько мнѣ угодно денегъ, говоря, что все семейство его готово ограничить свои расходы во всемъ, лишь бы только доставить мнѣ всѣ удобства, возможныя въ моемъ несчастномъ положеніи. Эта нѣжность растрогала меня до слезъ, и болѣе чѣмъ когда-либо, я почувствовалъ желаніе съ благодарностью броситься въ его объятія. Онъ писалъ также, что дядя мой Вильямъ умеръ, и теперь между мной и титуломъ только дѣдъ, который, впрочемъ, все еще въ добромъ здоровьѣ и съ недавняго времени сдѣлался къ нему очень ласковъ. Матушка была очень опечалена моимъ плѣномъ и просила меня писать какъ можно чаще. Письмо О'Бріану было отъ капитана Сэваджа: фрегатъ былъ посланъ въ Англію съ депешами; о поведеніи О'Бріана было донесено адмиралтейству и его произвели въ лейтенанты. О'Бріанъ подошелъ ко мнѣ, и съ лицомъ, сіяющимъ радостью, подавъ мнѣ свое письмо. Въ свою очередь я подавъ ему свое и онъ прочелъ его сначала до конца.

— Питеръ, сынъ мой, я тебѣ много обязанъ. Раненый и въ горячкѣ, ты заботился обо мнѣ, тогда какъ тебѣ довольно было заботь о себѣ самомъ; но я никогда не благодарю на словахъ. Я вижу, твой дядя Вильямъ умеръ. Сколько у тебя дядей еще?

— Еще только дядя Джонъ, который женатъ и имѣетъ двухъ дочерей.

— Благослови его Богъ, и дай ему всегда придерживаться женской линіи въ дѣторожденіи! Питеръ, сынъ мой, ты не умрешь, не будешь лордомъ.

— Пустяки, О'Бріэнъ; мнѣ нѣтъ никакихъ надеждъ. Не внушай мнѣ такихъ глупыхъ идей.

— Какія надежды имѣлъ я быть лейтенантомъ, и не лейтенантъ ли я? Питеръ, ты помогъ мнѣ сдѣлаться лейтенантомъ, я сдѣлаю изъ тебя мужчину, что еще лучше. Я вижу, Питеръ, при всей своей наивности, ты не совсемъ простъ, и можешь, не смотря на свою привычку прибѣгать къ совѣтамъ, дѣйствовать самъ собою, въ случаѣ надобности. Это, Питеръ, талантъ, которому не слѣдуетъ пропадать въ здѣшней проклятой ямѣ, и потому приготовься разстаться съ ней на дняхъ, если только позволить вѣтеръ и погода, то—есть, не тихій вѣтеръ и не хорошая погода, а чѣмъ дурнѣе, тѣмъ лучше. Будешь ты готовъ ко всякому часу какой бы то ни было ночи, въ которую мнѣ вздумается позвать тебя?

— Да, О'Бріэнъ; я готовъ сдѣлать все, что могу.

— Никто не можетъ сдѣлать болѣе этого. Но, Питеръ, такъ какъ я теперь лейтенантъ, то, сдѣлай одолженіе, приложи разочекъ руку къ шляпѣ, когда будешь говорить со мной; мнѣ хочется этой чести, чтобъ видѣть, какое она будетъ имѣть дѣйствіе.

— Лейтенантъ О'Бріэнъ, сказалъ я, приложивъ палецъ къ шляпѣ, ожидаю дальнѣйшихъ приказаній.

— Хорошо, сэръ, отвѣчалъ онъ, приказываю вамъ никогда впредь не прикладывать пальца къ шляпѣ, исключая когда мы будемъ служить вмѣстѣ на кораблѣ, — тогда это другое дѣло.

Черезъ недѣлю, О'Бріэнъ пришелъ ко мнѣ, и сказалъ:

— Новый мѣсяцъ начался дурной погодой; если она устоитъ, готовься къ отправленію. Я уложилъ все необходимое въ котомку; это, пожалуй, можетъ случиться сегодня ночью. Ложись спать

теперь, и постарайся, если можешь, выспаться за цѣлую недѣлю, потому что тебѣ немного придется спать, если мы убожимъ.

Это было въ восемь часовъ. Я легъ, и около двѣнадцати былъ разбуженъ О'Бріэномъ, который приказалъ мнѣ поспѣшно одѣться и сойти къ нему на дворъ; я исполнилъ это благополучно. Ночь была темна, какъ деготь (дѣло происходило въ ноябрѣ), дождь лилъ, какъ изъ ведра, сильный вѣтеръ вылъ на дворѣ и, крутясь вихремъ, хлесталъ дождемъ во все стороны; я насылу нашелъ О'Бріэна, который уже ревностно принялся за работу. Такъ какъ мнѣ извѣстны были его планы, то я объясню ихъ теперь. Въ Монпелье онъ добылъ себѣ шесть большихъ желѣзныхъ брусевъ, длиною около восемнадцати вершковъ, съ винтами на одномъ концѣ, а на другомъ съ дощечками, которыя привинчивались посредствомъ рукоятокъ. Изъ предосторожности, онъ запаса лшнними рукоятками, однакожъ каждая приходилась ко всемъ брусьямъ. Одинъ изъ этихъ брусевъ О'Бріэнь всунулъ въ расщелину стѣны и, сядя верхомъ на дощечкѣ, прикрѣпилъ другой на три фута выше перваго. Сдѣлавши это, онъ всталъ ногами на дощечку нижняго бруса, влѣзъ на второй, доходившій ему почти до ляжекъ, и всунулъ третій, прикрѣпляя каждый вершковъ на шесть въ сторону отъ нижняго, а не одинъ надъ другимъ. Всунувши все шесть брусевъ, онъ очутился почти на срединѣ стѣны и привязалъ веревку, которую втащилъ на шею, къ верхнему бусу; потомъ спустился внизъ и вынулъ все нижнія брусья. Поднявшись потомъ по веревкѣ, онъ всталъ на пятый брусъ, влѣзъ на самый верхній и снова началъ ту же работу. Такимъ образомъ въ полтора часа онъ достигъ вершины стѣны, гдѣ прикрѣпилъ послѣдній брусъ и, привязавъ къ нему веревку, спустился опять на землю.

— Ну, Питеръ, сказалъ онъ, намъ нечего теперь бояться быть замѣченными часовыми; еслибъ они имѣли кошачьи глаза, и тогда имъ не увидѣть насъ, пока мы не будемъ на стѣнѣ; но тутъ мы очутимся на скатѣ и должны будемъ до вала ползти на животѣ. Я ползу впередъ съ вещами; дай мнѣ твою сумку — тебѣ будетъ легче. Помни, если со мной что случится, бѣги скорѣй въ постель; если же я подыму и опущу веревку раза три или четыре, то ползай, какъ можно скорѣе.

Съ этими словами О'Бріэнъ наматалъ на себя веревку, взвалилъ на плеча два мѣшка, желѣзные крючья, всѣ прочіе инструменты и зонтикъ.

— Питеръ, если веревка сдержитъ меня со всѣмъ этимъ грузомъ, то ясно, что она сдержитъ такого ребенка, какъ ты, а потому не бойся ничего. Прошептавъ это, онъ полѣзъ на верхъ, въ три минуты очутился на стѣнѣ и дернулъ веревку. Я тотчасъ же послѣдовалъ за нимъ, что было очень легко, благодаря узламъ, навязаннымъ черезъ каждые два фута и служившимъ опорой для моихъ ногъ. Въ такое же короткое время, какъ и онъ, я очутился на стѣнѣ; онъ схватилъ меня за воротъ и, зажавъ ротъ мокрой рукой, положилъ около себя, между тѣмъ какъ самъ принялся втаскивать веревку. Мы ползли по скату стѣны, пока не достигли вала. Вѣтеръ страшно завывалъ, дождь стучалъ такъ сильно, что часовые не слыхали насъ. О'Бріэнъ не скоро отыскалъ мѣсто, находившееся прямо надъ подъемнымъ мостомъ перваго рва; наконецъ это ему удалось однакожь: онъ прикрѣпилъ желѣзный шестъ и спустилъ внизъ веревку.

— Теперь, Питеръ, я опять спущусь первый, и когда потрясу веревку, спускайся и ты, — значить, все благополучно.

О'Бріэнъ спустился и черезъ нѣсколько минутъ потрясъ веревку: я послѣдовалъ за нимъ и упалъ въ его объятія у входа подъемнаго моста, который былъ однакожь поднятъ. Сопутствующимъ мною, онъ пошелъ вдоль цѣпи. Мы переправились черезъ ровъ и по ту сторону встрѣтили запертыя ворота; это раздосадовало насъ.

О'Бріэнъ вынулъ отвертку и попробовалъ сломать замкъ, но тщетно: мы уже считали себя погибшими.

— Нужно подкопать ворота, О'Бріэнъ: вырыть мостовую и пролѣзть.

— Питеръ, ты догадливый малый; я объ этомъ не подумалъ. Мы горячо принялись за дѣло и работали, пока не вырыли, съ помощію крючковаго шеста и маленькихъ клещей, которыми запасся О'Бріэнъ, довольно широкаго отверстія. Такимъ образомъ, черезъ часъ или болѣе, мы успѣли подлѣзть подъ ворота. Они вели къ нижнему валу, но чтобъ достигнуть его, нужно было пройти крытымъ корридормомъ. Мы бережно подвигались впередъ, какъ вдругъ послышался шумъ; остановившись, мы нашли, что то было храпѣніе спящаго

часоваго. Такой встрѣчи мы не ожидали и очень испугались; миновать его было невозможно, потому что онъ лежалъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ намъ нужно было воткнуть шестъ, чтобъ спуститься по нижнему валу въ рѣку. О'Бріанъ задумался на минуту.

— Питеръ, сказалъ онъ, теперь докажи, что ты мужчина. Онъ крѣпко спитъ: надо отнять у него средства произвестъ тревогу. Я зажму ему ротъ, а ты, въ ту же минуту, открой полку его мушкета, чтобъ онъ не могъ выстрѣлить.

— Хорошо, О'Бріанъ, не бойся за меня.

Мы осторожно подползли къ солдату. О'Бріанъ подалъ мнѣ знакъ положить палецъ на полку, и въ ту минуту, какъ онъ зажалъ ему ротъ, я открылъ ее. Парень забарахтался и схватился за мушкетъ, но уже не могъ выстрѣлить; въ одну минуту онъ былъ связанъ О'Бріаномъ и мною. Мы оставили его здѣсь и отправились къ валу. О'Бріанъ, прицѣпивъ шестъ, спустился внизъ; я послѣдовалъ за нимъ и нашелъ его въ рѣкѣ, висающимъ на канатѣ. Мы распустили зонтикъ и положили его вѣрхомъ на воду; препаратъ, которымъ онъ былъ покрытъ, поддерживалъ его надъ водою, и мнѣ стояло только, какъ предварительно объяснилъ мнѣ О'Бріанъ, держаться распростертыми во всю длину руками за двѣ палочки, прикрѣпленныя подъ водою къ оконечности зонтика. Для этой же цѣли О'Бріанъ приготовилъ буксиръ, который привязалъ ко мнѣ и, захвативъ его въ зубы, оттащилъ меня почти на сто сажень отъ крѣпости, гдѣ мы пристали наконецъ къ берегу. О'Бріанъ утомился до того, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оставался безъ движенія; я также окоченѣлъ отъ холода.

— Питеръ, сказалъ онъ, до сихъ поръ намъ удавалось; теперь нужно уйти подальше отсюда, потому что до зори всего два часа. О'Бріанъ вынулъ бутылку водки, и мы оба выпили, по крайпей мѣрѣ, по полустакану; но и цѣлая бутылка не произвела бы на насъ никакого дѣйствія въ тогдашнемъ нашемъ положеніи. Мы пошли теперь вдоль берега и встрѣтили маленькую лодочку, къ которой былъ причаленъ ботъ. О'Бріанъ подплылъ къ нему, отрѣзалъ его отъ лодки и, во влѣзая въ него, прибилъ къ берегу. Къ счастью, весла были тутъ же. Мы сѣли въ ботъ, отчалили и до разсвѣта плыли внизъ по рѣкѣ.

— Все это хорошо, Питеръ; но теперь пора пристать къ берегу. Вотъ Арденскій лѣсъ.'

Мы причалили, положили въ боть весла, толкнули его на середину рѣки, чтобъ заставить думать, что его оторвало отъ берега, и поспѣшно углубились въ чашу. Дождь все еще продолжался; я дрожалъ, зубы мои стучали отъ холода, но дѣлать было нечего. Мы выпили еще по глотку водки и, измученные физической усталостью и напряженностью душевныхъ силъ, повалились, какъ снопы, на постель, которую составили себѣ изъ листьевъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Важныя послѣдствія закона тяготѣнія. — О'Бриэнъ записывается въ жандармы и стережетъ меня. — Мы узпаны и принуждены бѣжать. —

Удовольствія зимняго бивуака.

Я проснулся около полудня и нашелъ, что О'Бриэнъ зарылъ меня въ листья на цѣлый футъ глубины, съ цѣлью защитить отъ холода. Мнѣ было тепло и спокойно; платье мое высохло.

— Какъ ты добръ, О'Бриэнъ! сказалъ я.

— Нисколько, Питеръ; тебѣ предстоитъ много трудностей, и я долженъ позаботиться о тебѣ: ты еще почка, тогда какъ я уже вполне распутившаяся роза.

Онъ поднесъ ко рту бутылку съ водкой и потомъ передалъ мнѣ.

— Ну, Питеръ, теперь пора далѣе; они, будь увѣренъ, обрышутъ всю страну, отыскивая насъ. Но это огромный лѣсъ и только бы намъ добраться до его середины, тогда имъ также легко будетъ найти насъ, какъ булавку въ копьѣ сѣна.

— Кажется, сказалъ я, объ этомъ лѣсѣ упоминается въ одной изъ Шекспировыхъ комедій.

— Можетъ быть, Питеръ, возразилъ О'Бриэнъ; но мы теперь не въ комедіи, и то, о чемъ такъ пріятно читать, въ дѣйствитель-

ности не шутка. Я замѣчалъ, сочинителя никогда не принимаютъ въ соображеніе погоду.

— Извини, О'Бріэнъ: въ Королѣ Лирѣ погода страшная.

— Можетъ быть.

— Однако пора въ походъ.

Мы отправились; около трехъ часовъ пробивались сквозь чащу, совѣтуясь время отъ времени съ карманнымъ компасомъ, которымъ запасся О'Бріэнъ. Наконецъ снова стемнѣло, и О'Бріэнъ предложилъ остановиться.

Мы приготовили постель изъ листьевъ и уснули гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ прошедшую ночь. Хлѣбъ нашъ вымокъ, но такъ-какъ мы не имѣли воды, то это было очень кстати; его оставалось на цѣлую недѣлю. Еще разъ мы легли, и уснули крѣпкимъ сномъ. Около пяти часовъ утра я былъ разбуженъ О'Бріэномъ, который тотчасъ же слегка зажалъ мнѣ ротъ рукою. Я принялъ сидячее положеніе и замѣтилъ невдалекѣ отъ насъ огромный огонь.

— Французы за нами, Питеръ, сказалъ онъ; я былъ на рекогносцировкѣ и нашель, что это жандармы. Боюсь идти далѣе, — мы можемъ наткнуться на другихъ еще. Я уже думалъ, что намъ дѣлать, и мнѣ кажется, лучше всего влѣзть на деревья и спря- таться въ вѣтвяхъ.

Въ это время мы находились среди паростника, въ центрѣ котораго стоялъ огромный дубъ, обвитый плющомъ.

— Я того же мнѣнія. Ну, что же? влѣзть теперь или подо- ждать немного?

— Конечно, теперь, пока они заняты своимъ обѣдомъ. Влѣзай, Питеръ; я помогу тебѣ.

О'Бріэнъ помогъ мнѣ влѣзть на дерево, а самъ остался зарыть въ листья наши сумки, послѣ чего послѣдовалъ за мною. Онъ приказалъ мнѣ занять довольно удобную позицію на нижнемъ сучкѣ; для себя же выбралъ огромный сукъ, со всѣхъ сторонъ прикрытый плющомъ.

Въ этомъ положеніи мы оставались около часа, пока не раз- свѣло. На разсвѣтѣ капралъ сдѣлалъ смотръ жандармамъ, которые вслѣдъ за тѣмъ разсѣялись во всѣ стороны обыскивать лѣсъ. Мы обрадовались, замѣтивъ это, потому что надѣялись, что скоро намъ можно будетъ отправиться снова въ путь; но, къ несчастію, одинъ изъ жандармовъ остался на мѣстѣ.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ, всюду заглядывая, и наконецъ подошелъ прямо подъ дерево, на которомъ мы укрывались.

Онъ внимательно началъ разсматривать все находившееся вокругъ и остановился у листьевъ, служившихъ намъ постелью; раскапывая ихъ штыкомъ, онъ добрался наконецъ до нашихъ сумокъ.

— *Pardi!* вскричалъ онъ; гдѣ гнѣздо да яйца, тамъ недалеко и птицы. Съ этими словами онъ принялся бродить вокругъ дерева, смотря наверхъ во все стороны; но мы такъ хорошо спрятались, что онъ не вдругъ могъ найти насъ. Наконецъ онъ увидѣлъ меня и приказалъ мнѣ сойти въ низъ. Не получая никакого сигнала отъ О'Бріэна, я не обратилъ на него вниманія. Отошедъ немного далѣе, онъ остановился подъ тѣмъ самымъ сукомъ, на которомъ сидѣлъ О'Бріэнь. Съ этого пункта онъ могъ удобнѣе цѣлить въ меня и, поднявъ мушкетъ, закричалъ:

— *Descendez, ou je tire!*

Не зная, что дѣлать, я оставался неподвижнымъ. Однакожъ я закрылъ глаза и почти тотчасъ же мушкетъ выстрѣлялъ; не знаю, не со страха ли я потерялъ равновѣсіе и упалъ. Паденіе ошеломило меня, и я вообразилъ себя раненымъ, но каково было мое удивленіе, когда, вмѣсто жандарма, ко мнѣ подошелъ О'Бріэнь съ вопросомъ, не раненъ ли я? Я отвѣчалъ, что нѣтъ, поднялся на ноги и увидѣлъ жандарма, безъ чувствъ распростертаго на землѣ и тяжело переводившаго дыханіе. О'Бріэнь, замѣтивъ, что жандармъ цѣлится въ меня мушкетомъ, прыгнулъ съ своего сука прямо ему на голову; это было причиною выстрѣла. Что касается до жандарма, то тяжесть О'Бріэнова тѣла, упавшаго съ такой вышины, убила его, и онъ умеръ, прежде чѣмъ мы оставили его.

— Ну, Питеръ, сказалъ мнѣ О'Бріэнь, это счастливѣйшее обстоятельство въ свѣтѣ; оно проведетъ насъ чрезъ всю Францію; но не къ чему терять времени.

Съ этими словами онъ раздѣлъ жандарма, все еще тяжело дышавшаго, притащилъ его къ нашей лиственной постели, зарылъ въ листья, скинулъ свое платье, которое, связавъ въ узелъ, далъ мнѣ нести, и одѣлся въ мундиръ убитаго. Я не могъ не улыбнуться, смотря на это превращеніе, и спросилъ его, что онъ намѣренъ дѣлать.

— Извѣстно что: я жандармъ конвоирующий бѣжавшаго плѣннаго.

*

Онъ связалъ мнѣ руки, поднялъ на плечо мушкетъ, и мы от-правились. Теперь мы успѣшили выдти изъ лѣсу; какъ увѣрялъ О'Бріэнъ, намъ нечего было опасаться въ продолженіе дѣльных десяти дней. Такъ и вышло. Одно только обстоятельство могло привести насъ въ затруднительное положеніе: мы шли не туда, куда слѣдовало. Но для этого мы путешествовали по большой части ночью, не подвергались такимъ образомъ никакимъ распросамъ, за исключеніемъ шинковъ, въ которыхъ намъ приходилось останавливаться; но въ нихъ никто не зналъ, куда мы шли. Вездѣ, гдѣ мы останавливались по ночамъ, молодость моя возбуждала состраданіе, въ особенности въ женщинахъ; однажды мнѣ предложили помощь къ бѣгству. Я согласился, но въ то же время извѣстилъ о ихъ намѣреніи О'Бріэна. Онъ подстерегъ насъ; я одѣлся, подошелъ къ открытому окну, но въ эту минуту онъ ворвался въ комнату, схватилъ меня и объявилъ, что донесетъ правительству о ихъ поступкѣ. Страхъ и отчаяніе доходятъ до крайности. Чтобъ избѣгнуть штрафа и тюремнаго заключенія, они предлагаютъ О'Бріэну двадцать, тридцать, сорокъ наполеондоровъ, только бы онъ согласился замѣть дѣло. О'Бріэнъ отвѣчалъ, что ни за какія деньги не согласится поступить противъ долга; что, лишь только передастъ меня подъ надзоръ жандармовъ ближайшаго поста, обязанность его кончится и онъ принужденъ будетъ возвратиться въ Флюшингъ, гдѣ стоитъ его полкъ.

— У меня сестра тамъ, возразила хозяйка; она содержитъ шинокъ. Вамъ нужна будетъ хорошая квартира и пріятельскій стаканъ вина; не доносите на насъ, и я напишу письмо къ ней; если оно не принесетъ вамъ пользы, вы можете воротиться и обвинить насъ.

О'Бріэнъ согласился; письмо было написано и прочтено ему. Въ немъ просили сестру именемъ любви, которую она питаетъ къ пишущей, сдѣлать все, что можно, для подателя этого письма, потому что онъ могъ погубить все ея семейство и не сдѣлалъ этого.

О'Бріэнъ спряталъ письмо въ карманъ, наполнилъ свою фляжку водкой и вышелъ изъ шинка, таща меня за собою на веревкѣ. На прощанье, О'Бріэнъ и я обмѣнялись поцѣлуями съ женщинами, съ тою только разницею, какъ замѣтилъ О'Бріэнъ, когда мы вышли, что онъ раздѣловалъ всѣхъ женщинъ, а всѣ женщины раздѣловали меня. Такимъ образомъ мы прошли Шарлероа, Люванъ

и находились уже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мехельна, какъ случилось съ нами приключеніе, много помѣшавшее намъ. Уклоняясь въ сторону отъ Мехельна, потому что въ этомъ городѣ есть крѣпость, мы шли по узкой тропинкѣ, по обѣимъ сторонамъ которой находились широкіе рвы, наполненные водою, — какъ вдругъ при поворотѣ встрѣтились съ жандармомъ, который нѣкогда снабдилъ О'Бріэна картою города Живе.

— Здорово, товарищъ, сказалъ онъ О'Бріэну, важно взглянувъ на него; это кто у васъ?

— Молодой Англичанинъ, бѣжавшій изъ тюрьмы, и котораго я поймалъ.

— Изъ какой тюрьмы?

— Онъ не говоритъ, но я подозреваю, изъ Живе.

— Ихъ двое убѣжало изъ Живе, отвѣчалъ онъ; какъ они убѣжали, никто представить себѣ не можетъ, — но, продолжалъ онъ, снова взглянувъ на О'Бріэна, *avec les braves il n'y a rien d'impossible.*

— Правда, отвѣчалъ О'Бріэнъ; я поймалъ одного, другой не можетъ быть далеко. Вамъ недурно было бы поискать его.

— Мнѣ пріятно было бы найти его, возразилъ жандармъ; вамъ извѣстно, поимка плѣннаго ведетъ къ вѣрному повышенію: васъ сдѣлаютъ капраломъ.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ О'Бріэнъ; *adieu, mon ami.*

— Нѣтъ, я только что съ прогулки и возвращаюсь въ Мехельнъ, куда, вѣроятно, идете и вы.

— Намъ не дойти туда до ночи, сказалъ О'Бріэнъ; мой плѣнникъ слишкомъ усталъ.

— Хорошо, мы пройдемъ на сколько силъ хватить; я стану помогать вамъ. Можетъ быть, мы найдемъ и того, который, какъ я слышалъ, добылъ себѣ какимъ-то образомъ планъ крѣпости.

Ясно было, что мы узнаны. Онъ рассказалъ намъ далѣе, что въ лѣсу найдено было тѣло жандарма, безъ сомнѣнія, убитаго плѣнными и раздѣтаго ими до нага.

— Удивляюсь, продолжалъ онъ, неужели одинъ изъ нихъ рѣшился одѣться въ его платье и выдавать себя за жандарма?

— Питеръ, сказалъ мнѣ О'Бріэнъ, не убить ли намъ этого молодца?

— Я думаю, вѣтъ. Притворись, что вѣришь ему, и тогда мы можемъ улизнуть.

Это было сказано въ то время, какъ жандармъ остановился на минуту позади насъ.

— Попытаюсь; но сначала необходимо усыпить его бдительность.

Когда жандармъ снова подошелъ къ намъ, О'Бріэнъ замѣтилъ, что англійскіе плѣнные ужасно щедры, что какъ ему извѣстно, они не рѣдко платяты по сту наполеондоровъ за доставленіе имъ средствъ къ побѣгу, а, по его мнѣнію, никакой капральскій чинъ не сравнится съ суммою, которая во Франціи можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ и независимымъ на всю жизнь.

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ жандармъ. Дайте мнѣ только взглянуть на такую сумму и я ручаюсь вывести изъ Франціи какого угодно плѣнника.

— Такъ мы понимаемъ другъ друга, возразилъ О'Бріэнъ. Этотъ малый даетъ двѣсти наполеондоровъ; половина принадлежитъ вамъ, если вы согласны помочь мнѣ.

— Подумаю, отвѣчалъ жандармъ, и заговорилъ о постороннихъ предметахъ, пока мы не достигли наконецъ маленькаго городка Эршотъ, гдѣ и остановились въ шинкѣ. Удовлетворивъ обычному любопытству хозяевъ, мы остались одни, и О'Бріэнъ сказалъ жандарму, что ожидаетъ отвѣта сегодня ночью, или завтра утромъ.

— Завтра утромъ, отвѣчалъ жандармъ.

Оставивъ меня подъ его присмотромъ, О'Бріэнъ позвалъ служанку и приказалъ ей показать себѣ комнату. Она показала ему двѣ или три, но онъ отказался отъ нихъ подъ предлогомъ, что онѣ не совсѣмъ—то надежны для меня. Это заставило улыбнуться служанку.

— Чего можете вы опасаться отъ такого раувге enfant, сказала она.

— Однако жъ этотъ раувге enfant убѣжалъ изъ Живе, отвѣчалъ О'Бріэнъ. Эти Англичане дьяволы отъ рожденія.

Последняя комната, показанная О'Бріэну, понравилась ему, и такъ—какъ служанка не смѣла противорѣчить жандарму, то онъ и выбралъ ее. Сошедъ внизъ, онъ приказалъ мнѣ идти спать, и мы отправились наверхъ. Онъ заперъ дверь на задвижки и, оттащивъ

меня къ огромной печкѣ, началъ разговоръ шопотомъ, изъ опасенія, чтобъ насъ не подслушали.

— Этому человеку нельзя довѣрять, сказалъ онъ; намъ нужно наострить лыжи. Я съумѣю выйти изъ шинка, потомъ мы воротимся нѣсколько назадъ, а тамъ ужь снова перемѣнимъ направленіе.

— Но пустить ли онъ насъ?

— Конечно, нѣтъ, если это будетъ зависѣть отъ него; но я сейчасъ развѣдаю его замыслы. О'Бріэнъ завѣсилъ платкомъ замочную скважину и, снявши съ себя жандармское платье, одѣлся въ свое собственное; потомъ набилъ жандармскій мундиръ простынями и подушкой и положилъ эту чучелу на постель въ видѣ человека, спящаго въ одеждѣ. Въ самомъ дѣлѣ сходство было обманчиво. Онъ поставилъ мушкетъ около чучела; потомъ сдѣлалъ тоже самое съ моей постелью, положивъ на нее чучелу моего роста и напяливъ на подушку мою шляпу.

— Теперь, Питеръ, мы увидимъ стережетъ ли онъ насъ. Онъ не ляжетъ, пока не подумаетъ, что мы уснули.

Свѣча не переставала горѣть въ нашей комнатѣ.

Черезъ часъ мы услышали шорохъ и шаги на лѣстницѣ. Согласно заранѣе составленному плану, мы тотчасъ же подлѣзли подъ кровать. Кто-то попробовалъ поднять задвижку двери; нашедъ ее, сверхъ ожиданія, незапертую, вошелъ въ комнату и взглянулъ на обѣ постели. Это былъ нашъ жандармъ.

— Ну, О'Бріэнъ, сказалъ я, когда онъ вышелъ, не бѣжать ли намъ теперь?

— Я уже думалъ объ этомъ, Питеръ, и мнѣ пришло на мысль, что мы можемъ сдѣлать это лучше. Онъ, вѣроятно, придетъ снова черезъ часъ или два; теперь только одиннадцать. Я сыграю съ нимъ штуку. Съ этими словами О'Бріэнъ взялъ одну изъ простынь, привязалъ ее къ окну, которое оставилъ раствореннымъ, потомъ испортилъ чучелъ такъ, чтобъ жандармъ могъ замѣтить свою ошибку.

Мы опять подлѣзли подъ кровать и, какъ предсказалъ О'Бріэнъ, черезъ часъ жандармъ воротился. Наша лампада почти догорала, но съ нимъ была своя свѣчка; онъ взглянулъ на постели и замѣтилъ обманъ.

— *Sacredieu!* вскричалъ онъ, подошедъ къ растворенному окну; *ils m'ont échappé et je ne suis plus caporal. Fichtre! à la chasse!*

Онъ бросился вонъ изъ комнаты и чрезъ минуту мы услышали, какъ отворилась дверь на улицу и захлопнулась за нимъ.

— Вотъ это хорошо, Питеръ, сказалъ О'Бріанъ, смѣясь; теперь мы, не спѣша, уйдемъ.

О'Бріанъ снова одѣлся жандармомъ. Почти черезъ часъ мы сошли внизъ, пожелали хозяйкѣ всякаго благополучія, вышли изъ шинка и отправились по той самой дорогѣ, по которой пришли.

— Ну, Питеръ, сказалъ О'Бріанъ, положеніе наше теперь довольно затруднительно. Это платье ни къ чему больше не послужить, и однакожъ, оно внушаетъ всѣмъ такое уваженіе, что я не разстанусь съ нимъ до послѣдней минуты.

Мы шли до разсвѣта, и потомъ спрятались въ одномъ мѣстѣ, заваленномъ дровами.

Ночью мы опять направились къ арденскому лѣсу, потому что, по мнѣнію О'Бріана, лучшее, что мы могли придумать, было возвращаться назадъ, пока не подумаютъ, что мы успѣли уже спастись изъ Франціи. Однако намъ не удалось достигнуть лѣса, потому что на слѣдующій день пошелъ сильный снѣгъ, продолжавшійся безостановочно въ теченіе четырехъ дней; въ эти дни мы много выстрадали. Въ деньгахъ у насъ еще не было недостатка: я взялъ па имя моего отца шестьдесятъ ливровъ, что доставило мнѣ, вслѣдствіе невыгоднаго размѣна, къ которому я былъ принужденъ обстоятельствами, пятнадцать наполеондоровъ. Время отъ времени О'Бріанъ тайкомъ заходилъ въ какой-нибудь шинокъ и покупалъ съѣстныхъ припасовъ; но какъ мы не смѣли показываться по прежнему вмѣстѣ, то спать должны были подъ открытымъ воздухомъ на землѣ, покрытой болѣе нежели на три фута снѣгомъ.

На пятый день, находясь уже въ разстояніи шестидневнаго пути отъ арденскаго лѣса, мы скрылись въ маленькой рощицѣ, въ четверти мили отъ большой дороги.

Я остался тутъ, между тѣмъ какъ О'Бріанъ, въ одеждѣ жандарма, отправился за съѣстными припасами. По обыкновенію, я занялся въ его отсутствіе отыскиваніемъ лучшаго убѣжища, но каковъ былъ мой ужасъ, когда я неожиданно увидѣлъ двухъ человѣкъ, мужчину и женщину мертвыхъ на снѣгу и очевидно погибшихъ отъ суровости температуры! О'Бріанъ возвратился почти

тотчасъ же, и я разсказалъ ему о своемъ открытіи; ему захотѣлось взглянуть на тѣла.

Они были одѣты страннымъ образомъ, множество лентъ испещряло ихъ платье; возлѣ нихъ лежала пара высокихъ ходулей.

О'Бріэнъ задумчиво глядѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ.

— Питеръ, сказалъ онъ наконецъ, лучшей находки мы не могли бы сдѣлать. Питеръ мы можемъ пройти всю Францію, не марая ногъ этой проклятой землею.

— Чтò хочешь ты сказать? спросилъ я.

— Те, отвѣчалъ онъ, что это тѣ самые люди, которые встрѣтились намъ близъ Монпелье; они приходятъ изъ Ландовъ гулять на ходуляхъ для забавы другихъ и для прокормленія себя, — въ собственномъ же отечествѣ они постоянно принуждены ходить такимъ образомъ. Мнѣ кажется, Питеръ, платье этого человѣка будетъ въ пору мнѣ, а этой дѣвушки (несчастное созданіе! какъ хороша она въ объятіяхъ холодной смерти!) придется тебѣ. Намъ нужно только поучиться немного, и тогда мы можемъ отправиться далѣе.

Съ этими словами О'Бріэнъ, не безъ нѣкотораго затрудненія, снялъ съ мертваго мужчины куртку и брюки, и, похоронилъ его въ снѣгу.

Несчастливая дѣвушка, съ соблюденіемъ всевозможнаго приличія, была также лишена платья и верхней юбки, и потомъ похоронена. Взявши платье и ходули, мы удалились въ другую часть лѣса, гдѣ нашли довольно укрытое мѣстечко, и принялись за обѣдъ. Не имѣя намѣренія путешествовать въ эту ночь, мы разгребли снѣгъ, приготовили постели и устроились въ нихъ спокойно, на сколько это было возможно при недостаткѣ въ огнѣ и страшно дурной погодѣ.

— Питеръ, сказалъ О'Бріэнъ, мнѣ грустно. Вотъ водка, пей какъ можно больше.

И онъ подалъ мнѣ фляжку, которая никогда не оставалась у насъ пустою.

— Пей больше, Питеръ.

— Не могу, О'Бріэнъ, я опьянѣю.

— Ничего, пей; посмотри, эти несчастные лишены жизни, потому что заснули въ снѣгу. Питеръ, продолжалъ О'Бріэнъ, внезапно вскочивъ на ноги, ты не будешь ночевать здѣсь — пойдемъ.

Тщетно я протестовалъ. Было уже темно; онъ повелъ меня

къ деревнѣ, неподалеку отъ которой мы наткнулись на что-то въ родѣ сарая.

— Питеръ, вотъ наше убѣжище; ложись и спи, а я караулю. Ни слова, я этого требую — ложись!

Я исполнилъ его желаніе, и чрезъ нѣсколько минутъ спать уже крѣпкимъ сномъ, потому что холодъ и усталость истощили мои силы. Мы бродили нѣсколько ночей сряду, а покой, которому предавались днемъ, былъ нисколько не удовлетворителенъ. О, какъ тосковалъ я о теплой постелѣ съ четырьмя или пятью одеялами! На разсвѣтѣ О'Бріанъ разбудилъ меня; онъ цѣлую ночь простоялъ на часахъ, и глаза у него были мутны.

— О'Бріанъ, ты нездоровъ! вскричалъ я.

— Нисколько; но я осушилъ флажку водки, а это не шутка. Впрочемъ, этому дѣлу можно помочь.

Мы снова отправились въ лѣсъ. Погода измѣнилась: морозъ уменьшился, земля покрылась туманомъ, накрапывалъ мелкій дождь.

Но оттепель оказалась хуже мороза, и мы чувствовали холодъ еще сильнѣе. О'Бріанъ опять сталъ требовать, чтобъ я легъ спать въ сараѣ, однако на этотъ разъ я положительно отказался въ такомъ случаѣ, если онъ самъ ляжетъ. Я представлялъ ему, что теперь намъ не предстоитъ никакой опасности, — менѣе по крайней мѣрѣ, чѣмъ въ лѣсу. Видя меня непреклоннымъ, онъ наконецъ согласился, и мы, ни кѣмъ незамѣченные, снова вошли въ сарай. Мы легли, но я долгое время не спалъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, чтобъ заснулъ О'Бріанъ. Онъ то входилъ, то выходилъ изъ сарая; я притворился спящимъ, дождь полился въ это время ливнемъ, и онъ легъ. Чрезъ минуту ослепленный усталостью, онъ крѣпко заснулъ и захрапѣлъ такъ громко, что я сталъ опасаться, чтобъ кто-нибудь не услышалъ его. Я всталъ и принялся караулить; время отъ времени я ложился подремать немного, потомъ вставалъ и снова подходилъ къ двери.

Печатать дозволяется. Москва. Ноября 13-го дня, 1834 г.

Ценсоръ В. Флеровъ.

Въ типографіяхъ: Л. Степановой и В. Готье.

